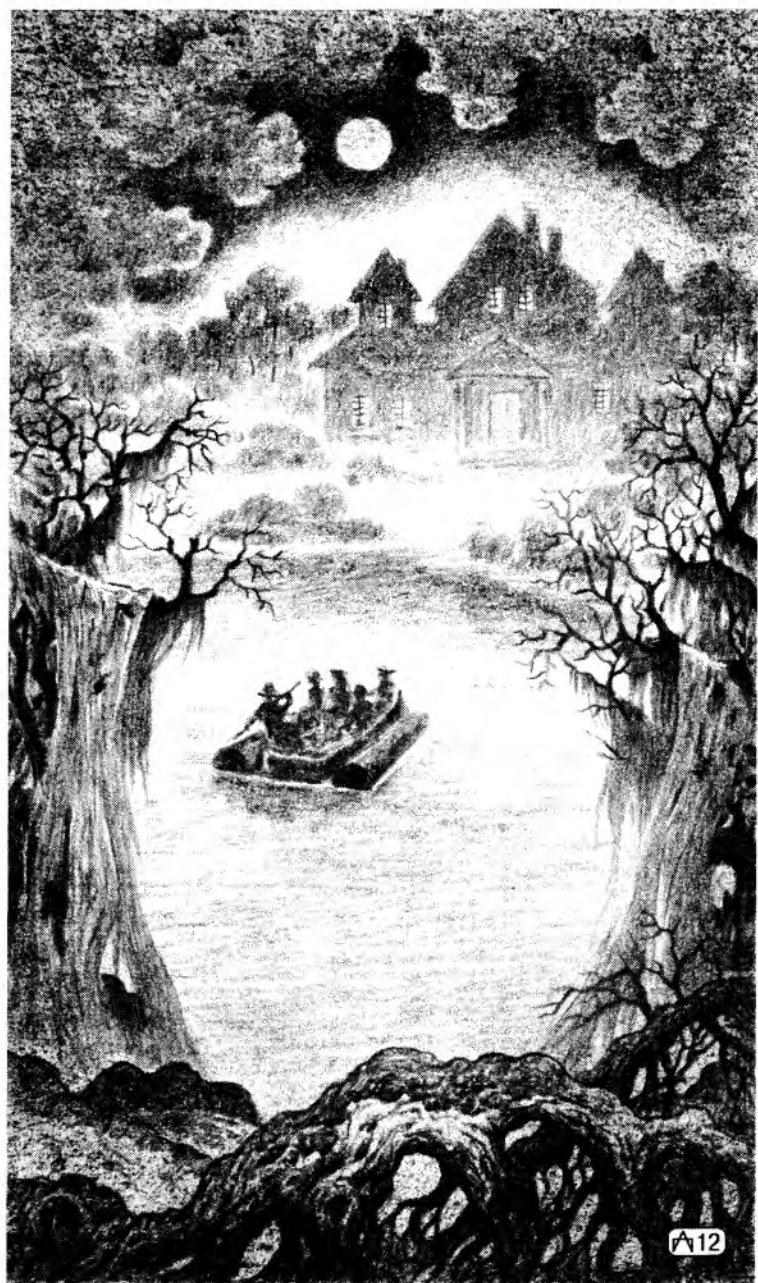

ЧАК ПАЛАНИК • ДЭЛ ХОВИСОН
РЭЙ БРЭДБЕРИ • ДЖОН КОННОЛЛИ
ДЖОН ХАРРИСОН • КЛАЙВ БАРКЕР
САЙМОН КЛАРК • ДЖЕФФ ГЕЛБ

ВКУС УЖАСА

КОЛЛЕКЦИЯ
СТРАХА

КНИГА-БЕССОННИЦА!

**ЧАК ПАЛАНИК • ДЭЛ ХОВИСОН
РЭЙ БРЭДБЕРИ • ДЖОН КОННОЛЛИ
ДЖОН ХАРРИСОН • КЛАЙВ БАРКЕР
САЙМОН КЛАРК • ДЖЕФФ ГЕЛБ
• и др. •**

**ВКУС
УЖАСА**

КОЛЛЕКЦИЯ СТРАХА

Под общей редакцией Д. Ховисона и Д. Гелба

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков Белгород

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США
В56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения авторов и их литературных агентов,
JABberwocky Literary Agency, Inc. (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Dark Delicacies: Introduction © Jeff Gelb, 2005; Foreword, Backward, Upside Downward © Richard Matheson, 2005;
The Reincarnate © Ray Bradbury, 2005; Black Mill Cove © Lisa Morton, 2005; Kaddish © Whitley Strieber, 2005;
The Seer © Robert Steven Rhine, 2005; The Fall © D. Lynn Smith, 2005; Part of the Game © F. Paul Wilson, 2005;
The Bandit of Sanity © Roberta Lannes, 2005; My Thing Friday © Brian Lumley, 2005;
Out Twelve-Steppin', Summer of A.A. © Nancy Holder, 2005; Bloody Mary Morning © John Farris, 2005;
A Gentleman of the Old School © Chelsea Quinn Yarbro, 2005; The Announcement © Ramsey Campbell, 2005;
The Outermost Borough © Gahan Wilson, 2005; Dark Delicacies of the Dead © Rick Pickman, 2005;
DePompa © William F. Nolan, 2005; The Pyre and Others © David J. Schow, 2005; All My Bloody Things © Steve Niles, 2005;
The Diving Girl © Richard Laymon, 2005; Haecckel's Tale © Clive Barker, 2005; Before You Leave © Del Howison, 2005.

Dark Delicacies 2. Fear: Uneasy Foreword to the Second Anthology © Del Howison, 2007;
The Act of Creation © Ray Harryhausen, 2007; Sunrise on Running Water © Barbara Hambly, 2007;
Dog © Joe R. Lansdale, 2007; The Accompanist © John Harrison, 2007; Where There's a Will © Robert Masello, 2007;
Stacy and her Idiot © Peter Atkins, 2007; Amusement © Tananarive Due, 2007; Great Wall: A Story from the Zombie War
© Max Brooks, 2007; Words, Words, Words © Gary Brandner, 2007; Between Eight and Nine O'Clock © Ray Garton, 2007;
First Born © Penny Dreadful Ltd, 2007; A Host of Shadows © Harry Shannon, 2007; What the Devil Won't Take
© L.A. Banks, 2007; The Y Incision © Steve Niles, 2007; The Unlikely Redemption of Jared Pierce © Joey O'Bryan, 2007;
Queen of the Groupies © Greg Kihn, 2007; Season Premiere © James Sallis, 2007; I Am Coming to Live in Your Mouth
© Glen Hirshberg, 2007; The Ammonite Violin (Murder Ballad No. 4) © Caitlin R. Kiernan, 2007;
Dark Delicacies Last Word - A Modest Proposal © Jeff Gelb, 2007.

Dark Delicacies 3. Haunted: Introduction © Jeff Gelb, 2009; Foreword © Steven Weber, 2009; Children of the Vortex
© Simon Clark, 2009; Mist on the Bayou © Heather Graham, 2009; In the Mix © Eric Red, 2009; How to Edit
© Richard Christian Matheson, 2009; Resurrection Man © Axelle Carolyn, 2009; A Haunting © John Connolly, 2009;
Church Services © Kevin J. Anderson, 2009; Starlets & Spaceboys © Joseph V. Hartlaub, 2009; A Nasty Way to Go
© Ardath Mayhar, 2009; The Flinch © Michael Boatman, 2009; Tyler's Third Act © Mick Garris, 2009; Though Thy Lips
Are Pale © Maria Alexander, 2009; The Slow Haunting © John R. Little, 2009; Food of the Gods © Simon R. Green, 2009;
Do Sunflowers Have a Fragrance? © Del James, 2009; The Wandering Unholy © Victor Salva, 2009;
Man with a Canvas Bag © Gary A. Braunbeck, 2009; Fetch © Chuck Palahniuk, 2009; The Architecture © David Morrell, 2009;
And So with Cries © Clive Barker, 2009; One Last Bother © Del Howison, 2009

This edition is published by arrangement
with Victoria Sanders and Associates, LLC

Перевод с английского:
«Dark Delicacies» edited by Del Howison and Geff Gelb, Ace, USA, 2007

Переводчик *Татьяна Иванова*

Дизайнер обложки *Виталия Котляр*

Художник *Андрей Печенежский*

© Негіміо Ltd, издание на русском
языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», перевод и художествен-
ное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-3861-2 (Украина) (доп. тираж)
ISBN 978-5-9910-2063-3 (Россия) (доп. тираж)

© ООО «Книжный клуб «Клуб се-
мейного досуга»», г. Белгород, 2012

КНИГА 1

Посвящается моей жене Сью, партнеру и, что куда более важно, другу, и трем моим семьям — той, к которой я принадлежу по крови, той, которую я выбрал в браке, и той, которую я обрел в дружбе.

Без вас этого никогда не случилось бы.

Дэл Ховисон

Моим жене и сыну, которые всегда помогают мне становиться сильнее и сильнее.

Джефф Гелб

Ричард Мэтьюсон

ПРЕДИСЛОВИЕ, РЕТРОСПЕКТИВА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Когда Дэл впервые пригласил меня подписывать книги в своем магазине «Темные деликатесы», я подумал: «О'кей, еще одна сессия с автографами, еще один магазин».

Насчет первого я оказался прав — приятная встреча с читателями, удовольствие оттого, что им нравится моя работа, — ну и, честно говоря, дополнительный доход в виде процентов с продаж тоже порадовал.

Но относительно «еще одного магазина» я оказался в корне неправ. «Темные деликатесы» никак нельзя называть обычным магазином. Это уникальное место, подобного которому я не видел нигде и никогда, настоящая сокровищница книг и сувениров, полный стол деликатесов для истинного ценителя темных и жутких историй.

Плюс сотни связанных с хоррором товаров, которые создают в стенах этого магазина волшебную, загадочную, вызывающую и невероятно привлекательную атмосферу, — здесь есть плакаты, фотографии, объекты нуар-арт, разнообразные подарки, и все это имеет тонкий привкус истинной тьмы.

Не стоит забывать и о сотнях томов на полках, от новейших изданий до художественной и документальной классики жанра.

Одним словом, это изумительное и уютное место, куда можно зайти и расслабиться, почитать, получить удовольствие. Боже, там даже в туалете на стенах висят загадочные рисунки!

Сессии с раздачей автографов в магазине Дэла всегда были для меня праздником. Как он оповещает всех, что я (или другие писатели, актеры, режиссеры) буду сидеть там с ручкой или маркером в руке, я понятия не имею. Зато я знаю, как сложно создать магазин, посвященный одному-единственному жанру, и сделать его настолько классным. Дэл и его жена Сью (настоящая Золушка в данном смысле) уже десять лет справляются с этой нелегкой задачей.

В последние два года проблемы со спиной лишили меня возможности приезжать в «Темные деликатесы». Дэл великодушно привозит мне книги на подпись, иногда сам доставляет меня из дома в магазин и обратно и делает все, чтобы я получил от этих сессий удовольствие.

Весь свой опыт и всю любовь к жанру Дэл вложил в составление этой антологии. Покупайте ее, наслаждайтесь, берегите, перечитывайте.

Так же, как я.

ДЖЕФФ ГЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

Я немало времени провел с детьми: сначала со своим сыном, а совсем недавно с двумя племянниками. И всякий раз я замечал, что дети любят пугаться. Но, испугавшись, они почти сразу же начинают смеяться! Похоже, инстинктивный страх заложен в геноме всех людей, как и тяга к безопасности, — тот же механизм, который заставляет нас хохотать после пережитого испуга.

Вопрос очевиден: так что же тянет нас к хорошим страшилкам? Жизнь и без них полна ужаса, особенно теперь, после 11 сентября. Я уже почти двадцать лет составляю антологии хоррора и, признаться, считал, что после известных событий в нашем искаженном мире больше не останется места придуманным ужасам. Но писатели как никогда охотно соглашались на мое предложение поучаствовать в создании антологий. Сборник «Горячая кровь», который мы составляли с моим старым другом Майклом Гарретом, до сих пор покупают преданные поклонники (большое им спасибо за это). А успех фильмов нашего жанра, от «Кольца» до «Проклятия», от «Рассвета живых мертвецов» до «Белого шума» со всеми промежуточными позициями, доказал, что люди все равно жаждут испуга. Жаждут, поскольку они могут выйти в ясный день из темного кинотеатра и убедиться, что мир не стал хуже с того момента, когда они вошли в зал.

Мне кажется, в этом и заключается секрет популярности жутких историй: они позволяют нам пережить определенный опыт, испытать своеобразный ментальный оргазм, избавиться от некоторого напряжения и стресса, которому каждый день подвергает нас жизнь. Хороший ужастик — на страницах книг, в кинотеатре или на экране телевизора — позволяет нам отпустить на волю худшие наши кошмары, проследить за ними в режиме реального времени и выйти из переживаний целыми и невредимыми. Хорошие парни в истории могут победить, а могут и проиграть, но читатель и зритель побеждает всегда, завершая историю,

получив удовольствие, а затем ныряя обратно в мир, радуясь тому, что не пострадал и избежался от грызущей изнутри тревоги.

Как соиздатель серии «Горячая кровь», я не раз подписывал книги для Дэла Ховисона, который вместе со своей умницей женой Сью управляет единственным в Америке книжным магазином, полностью посвященным хоррору. Вполне возможно, что этот магазин — единственный не только в Штатах, но и в мире. Однако я знаю наверняка: это одно из самых классных мест на планете для любого поклонника жанра во всем многообразии его видов — от фильмов до книг, комиксов и игрушек, а также всего, что находится между ними. Во время одной из встреч с раздачей автографов Дэл сказал мне, что хочет издать антологию работ самых разных авторов, которых успел полюбить за годы управления магазином. Как по мне, имело смысл попробовать. Ну кто бы отказался написать историю для отличных ребят, которые многие годы продавали книги и антологии фанатам? И почему бы не дать антологии имя, которое определяет сам жанр и отражает интересы поклонников и клиентов? Звучит ведь отлично!

Я попробовал свои силы, составляя серию «Горячая кровь» с Майклом Гарретом. Но возможность расправить крылья своего таланта и взяться за составление антологии «самых лучших кошмарных рассказов, какие только можно вообразить» мне более чем понравилась. И наши авторы не подкачали. Мы с Дэлом до сих пор являемся отчаянными поклонниками жанра, и я помню, как посмотрел на список авторов и смог сказать ему только: «Вау!» Тут и сам великий мастер Рэй Брэдбери, и Ричард Мэтьюсон, и Клайв Баркер, и отшельник Ричард Лэймон — и все остальные, не уступающие им качеством. В итоге, как мне кажется, получилась лучшая антология за последние двадцать пять лет (включая и те, что составлял я сам!). Известные авторы, которых мы попросили написать для нас рассказы в жанре современного хоррора, сформировали поистине звездный состав.

Мы с Дэлом решили обязательно «приправить» «Вкус ужаса» новыми именами, рассказами тех начинающих авторов, которые часто приходят к Дэлу в поисках вдохновения и затем проводят долгие месяцы за огранкой своих темных бриллиантов. Я уверен в том, что многие из этих ребят вскоре станут такими

же легендами, как те, с кем соседствуют на страницах нашей антологии.

И все эти имена на обложке не могут не вызвать вопроса: «Кто же тогда будет в следующем сборнике?» А мы в ответ хитро улыбнемся и скажем: «Возвращайтесь через год или два, сами все увидите!» У нас с Дэлом масса друзей на этом поле, и мы стучим в двери многих талантливых авторов.

Время этой антологии пришло. Сборник «Вкус ужаса» представляет вам хоррор нового поколения для эпохи, в которой мы с вами живем. И в отличие от нашего безумного мира, «Вкус ужаса» дает возможность как следует испугаться, а затем отложить книгу и почувствовать себя лучше!

Мы уверены в том, что сборник вам понравится, и приглашаем поделиться своими впечатлениями. Надеемся, что вы станете следить за новостями в следующих изданиях, потому что эта книга определенно не последняя — мы готовимся к долгому путешествию. До тех пор пока дети любят пугаться, подростки ищут страшные фильмы, а старики вроде нас с Дэлом получают истинное удовольствие от печатного слова, в мире будет место для наших книг.

Так почему бы не доставить себе удовольствие и не прочитать совершенно новую антологию от лучших на сегодняшний день авторов, которые приглашают вас в свои кошмары?

Добро пожаловать на борт и готовьтесь к приятному путешествию. Мы обещаем, что будет страшно, и обещаем также, что вы обязательно улыбнетесь, когда закроете книгу. Скажите честно, может ли похвастаться таким эффектом реальная жизнь?

Рэй Брэдбери

РЕИНКАРНАЦИЯ

Со временем преодолеваешь страх. Ничего не поделаешь, нужно лишь соблюдать осторожность, выходя по ночам. Солнце невыносимо, и летние ночи не приносят облегчения. Нужно ждать, когда похолодает. Первые шесть месяцев ты в хорошей форме. На седьмой из тебя начинает сочиться вода, растворяя ткани. На восьмом месяце постепенно отказывает тело. К десятому ты уже будешь лежать, без слез выплакивая свою скорбь, и сознавать, что больше никогда не сможешь пошевелиться.

Но до этого момента тебе предстоит завершить еще много дел. Множество приятных и неприятных воспоминаний будут всплывать в мозгу, прежде чем он начнет разлагаться.

Все это для тебя ново. Ты возрождаешься. И место твоего рождения оббито шелком, пахнет цветами и выстиранным бельем. Ты рождаешься в тишине, которую нарушает лишь биение сердец миллиарда земляных насекомых. Место твоего рождения — дерево, металл и атлас, и нет вокруг ничего, только глухой карман в земной толще, заполненный воздухом. Отныне тебе доступен лишь один способ ожить. Чтобы пробудиться, чтобы заставить себя двигаться, тебе необходима злость. Желание, потребность, жажда. От них ты вздрагиваешь и, поднимаясь, бьешься головой в дерево над атласной обивкой. Жизнь зовет тебя. Ты растешь вместе с ней. Ты скребешь потолок когтями, дюйм за дюймом утрамбовывая вырытую землю, и однажды ночью твой выход готов, ты вырываешься из крошечной тьмы наружу и видишь звезды.

И вот ты стоишь, позволяя эмоциям жечь себя. Делаешь первый шаг, словно ребенок, который учится ходить, теряешь равновесие, ищешь, за что ухватиться, — и натыкаешься на мраморное надгробие. На нем под твоими пальцами запечатлена краткая история твоей жизни: «Родился — умер».

Ты деревянной походкой покидаешь страну памятников, в одиночестве бродишь по бледным тротуарам вечерних улиц.

Ты чувствуешь, что у тебя осталось какое-то незавершенное дело. Словно где-то растет невиданный цветок, который тебе необходимо увидеть, словно какое-то озеро ждет, когда ты в нем искупаешься, а вино — когда ты его выпьешь. И ты идешь куда-то, чтобы завершить незаконченное.

Улицы странно изменились. Ты идешь по городу, которого раньше не видел, по сну, раскинувшемуся у края озера. Походка становится увереннее и легче. Возвращается память.

Ты знаешь каждую лужайку этой улицы, каждую трещину в бетоне, сквозь которую в жару проступает гудрон. Где весной привязывали у поилки разгоряченных коней — так давно, что они стали туманным, зыбким воспоминанием. Этот перекресток, где висит фонарь, похожий на яркого паука, плетущего в темноте паутину света... Ты спасаешься от его сетей в тени сикомора. Штакетник гудит под твоими пальцами. Здесь ты бегал ребенком и, смеясь, проводил по нему палкой, извлекая звуки, похожие на пулеметную очередь.

В этих домах живут люди и воспоминания. Лимонный аромат обитавшей здесь миссис Хэнлоун, леди с морщинистыми иссохшими руками, которая однажды сухо отчитала тебя за то, что ты потоптал ее петунии. Сейчас она окончательно высохла и сморщилась, как старинная бумага на огне.

Тишину улицы нарушает лишь звук чьих-то шагов. Ты сворачиваешь за угол и внезапно сталкиваешься с незнакомцем.

Вы оба отшатываетесь, несколько мгновений изучаете друг друга и узнаете кое-что интересное.

Глубоко посаженные глаза незнакомца пылают. Он высок, он худ, он одет в темный костюм. Его скулы белые как мел. Он улыбается.

— Ты новенький, — говорит он.

И тут ты понимаешь, *что* он такое. Он такой же ходячий «иной», как и ты.

— Куда это ты так торопишься? — спрашивает он.

— У меня нет времени, — говоришь ты. — Я очень спешу *кое-куда*. Уйди с дороги.

Он крепко берет тебя за локоть.

— Ты знаешь, кто я? — Он наклоняется ближе. — Ты что, не понимаешь, что мы с тобой одинаковые? Мы как братья.

— Я... у меня нет времени.

— Да, — соглашается он, — как и у меня.

Ты идешь дальше, но он увязывается за тобой.

— Я знаю, куда ты идешь.

— Да?

— Да, — говорит он. — Тебя манит какое-нибудь место из детства. Река. Дом. Воспоминание. Возможно, женщина. Кровать старой подружки. О, я знаю, мне известно все о таких, как мы. Я знаю.

Он качает головой, проходя сквозь переплетения света и теней.

— Правда?

— Мы всегда идем к тому, что потеряли. Странно, ведь сколько написано книг о призраках и ходячих мертвецах, но авторы этой ценной литературы так ни разу и не приблизились к настоящей причине того, почему мы встаем и идем. Но мы всегда идем к чему-нибудь: к воспоминанию, к другу, к женщине, к дому, к выпивке — ко всему, что связано с жизнью и ЖИВЫМИ! — Он сжимает кулак, словно пытаясь удержать слова. — Живыми! ПО-НАСТОЯЩЕМУ живыми!

Ты молча ускоряешь шаг, но его шепот преследует тебя:

— Ты должен присоединиться ко мне позже, друг. Мы собираемся сегодняшней ночью, завтрашней — каждой ночью, пока не одержим наконец победу!

— Кто это «мы»?

— Мертвые. Мы объединяемся против... — он на миг умолкает, — нетерпимости.

— Нетерпимости?

— Мы, недавно усопшие и погребенные, — меньшинство, подверженное гонениям. Они принимают против нас законы!

Ты останавливаешься.

— Меньшинство?

— Да. — Он хватается за руку. — Желанны ли мы? Нет! Нас боятся! Нас, как овец, гонят в пропасть, кричат при виде нас

от ужаса, побивают камнями, как евреев. Я говорю: это неправильно! Несправедливо!

Он в ярости поднимает руки и резко опускает их.

— Справедливо? Разве это справедливо? Справедливо, что мы разлагаемся в наших могилах, пока остальной мир поет, смеется и танцует? Разве это справедливо, что они влюбляются, когда мы лежим неподвижно, что они касаются друг друга, в то время как наши руки каменеют? Нет! Покончить с ними, говорю я, с ними нужно покончить! Почему мы должны умирать? Почему мы, а не другие?

— Возможно...

— Они бросают землю нам в лицо и придавливают нас резными надгробьями, суют цветы в старую консервную банку, которую прикапывают на могиле. Раз в год! Порой и того реже! О, как же я ненавижу живых! Глупцы. Проклятые глупцы! Они танцуют ночи напролет и любят друг друга, в то время как мы покинуты всеми. Разве это правильно?

— Я никогда не задумывался.

— Ну так мы все исправим! — восклицает он.

— Как?

— Сегодня ночью тысячи наших соберутся на Элизиан Грув. Я поведу их. Мы будем убивать! Они слишком долго пренебрегали нами. Если мы не можем жить, тогда и они не будут! Ты придешь, друг? Я говорил со многими. Присоединяйся к нам. Сегодня ночью могилы разверзнутся и заблудшие хлынут из них, чтобы потопить неверующих. Ты придешь?

— Да. Возможно. Но сейчас мне пора. Я должен найти место, которое зовет меня. Я присоединюсь к тебе.

— Хорошо, — говорит он. Ты уходишь, оставляя его в тени. — Хорошо, хорошо, хорошо!

* * *

Теперь — вверх по холму, быстрее. Благодарение Богу, ночь выдалась прохладная.

И захватывает дух. Там, сияя в ночи, стоит величественный в своей простоте дом, в котором твоя бабушка кормила своих постояльцев. Там ты сидел ребенком на крыльце, глядя, как в небо

взмывают огненные ракеты, как брызгают искрами колеса фейерверков, и там тебе заложило уши от выстрела медной пушки, фитиль которой поджег самокруткой твой дядя Брайан.

И теперь, дрожа от воспоминаний, ты понимаешь, зачем поднялся из мертвых. Чтобы увидеть такую ночь. Здесь и сейчас, когда роса выпала на траву и по мокрой лужайке так трудно шагать, тебе открывается сладость настоящего, в котором нет завтра, нет вчера, есть лишь сегодняшняя ночь!

А какие субботние обеды устраивали в этом высоком доме!

А здесь, здесь, ты помнишь? Здесь живет Ким. Этот желтый свет за домом падает из окна ее комнаты.

Ты распахиваешь калитку и ускоряешь шаг.

Подходишь к ее окну и чувствуешь, как твое дыхание ложится на холодное стекло. Затем дымка тает и проступают очертания ее комнаты. На небольшой мягкой кровати разбросаны вещи, вишневый паркет натерт воском до блеска, и коврики на нем похожи на спящих лохматых псов.

Она входит в комнату. У нее усталый вид, но она садится и начинает расчесывать волосы.

Затаив дыхание, ты прикладываешь ухо к холодному стеклу, и до тебя, словно из морских глубин, доносится ее пение — еле слышно, как будто слова затихают, прежде чем их произнесли.

Ты негромко стучишь в окно.

Она продолжает осторожно расчесывать волосы.

Ты снова нетерпеливо стучишь.

На этот раз она откладывает гребень, встает и подходит к окну. Поначалу она ничего не видит — ты стоишь в тени. Затем она приглядывается получше. И видит смутную фигуру за гранью светлого пятна.

— Ким! — не выдержишь ты. — Ким, это я!

Ты приближаешься к свету. Ее лицо бледнеет. Она не вскрикивает, только широко распахивает глаза и приоткрывает рот, словно рядом с ней вдруг ударил жуткий разряд молнии. Она немного отодвигается.

— Ким! — кричишь ты. — Ким!

Она произносит твое имя, но ты его не слышишь. Ей хочется убежать, но вместо этого она поднимает оконную раму и, всхли-

пывая, отступает, пока ты забираешься в комнату и выходишь на свет.

Ты закрываешь окно, встаешь, покачиваясь, рядом и обнаруживаешь, что она уже в дальнем конце комнаты и не решается повернуться к тебе лицом.

Ты пытаешься придумать, что ей сказать, но не можешь, а затем слышишь ее плач.

Наконец она обретает способность говорить.

— Шесть месяцев, — говорит она. — Тебя не было долгих шесть месяцев. Я плакала, когда тебя не стало. Я никогда в жизни столько не плакала. Но сейчас ты не можешь здесь находиться.

— Я же здесь!

— Но почему? Я не понимаю, — говорит она. — Зачем ты пришел?

— Я потерялся. Там было очень темно, и мне снился сон; не знаю как, но снился. И там, в этом сне, я видел тебя. Я не знал как, но я должен был отыскать путь обратно.

— Тебе нельзя остаться.

— Только до рассвета. Я все еще люблю тебя.

— Не говори так. Ты больше не должен так говорить. Мое место здесь, а твое теперь там, и прямо сейчас я ужасно напугана. Мы любили одни и те же вещи, и мы многое делали вместе, но это было давно. Я все еще люблю то, чем мы занимались, над чем шутили и смеялись, но...

— Я до сих пор думаю об этом. Ким, мои прежние мысли возвращаются снова и снова. Пожалуйста, попробуй понять.

— Тебе же не нужна жалость?

— Жалость? — Ты отворачиваешься. — Нет, жалости я не хочу. Ким, послушай меня. Я приходил бы к тебе каждую ночь, мы бы разговаривали, совсем как раньше. Как год назад. Может, если мы будем разговаривать, ты поймешь меня и позволишь гулять с тобой вместе или хотя бы стать немного ближе.

— Не получится, — говорит она. — Мы не можем стать ближе.

— Ким, один час каждый вечер, или полчаса, в любое выбранное тобой время. Пять минут. Только увидеть тебя. Вот и все, и все.

Ты пытаешься взять ее за руки. Она вырывается.

Затем крепко зажмуривается и просто говорит: «Мне страшно».

— Почему?

— Меня учили бояться.

— И дело в этом?

— Да, я думаю, да.

— Но я хочу поговорить с тобой...

— Разговоры не помогут.

Постепенно ее дрожь проходит, она успокаивается. Садится на край кровати, и голос ее кажется слишком старым для таких юных губ.

— Возможно... — пауза, — может быть, я позволю тебе видеться со мной несколько минут каждой ночью. И может, мне удастся привыкнуть и я перестану бояться.

— Все будет так, как ты скажешь. Тогда завтра ночью? Ты не испугаешься?

— Я постараюсь не бояться. — Ей трудно дышать. — Я не испугаюсь. Я встречу тебя во дворе у дома через несколько минут. Дай мне прийти в себя, и мы сможем пожелать друг другу спокойной ночи. Выбирайся через окно и жди.

— Ким, запомни одно. Я люблю тебя.

И вот ты оказываешься во дворе, и она закрывает окно.

Стоя в темноте, ты плачешь от чего-то, что сильнее горя.

Затем идешь прочь от дома.

На другой стороне улицы стоит одинокий прохожий, и ты вспоминаешь, что это он говорил с тобой чуть раньше сегодняшней ночью. Он заблудший, как и ты, он бродит в одиночестве по едва знакомому миру. Он движется вдоль улицы, словно пытаясь что-то отыскать.

И вдруг рядом с тобой оказывается Ким.

— Все в порядке, — говорит она. — Мне уже лучше. Кажется, я больше не боюсь.

Она ведет тебя в кафе-мороженое, и ты садишься у стойки и заказываешь мороженое.

Ты сидишь, смотришь вниз на порцию «Сандей» и думаешь, как чудесно все складывается.

Затем берешь ложечку и кладешь немного мороженого в рот. Ждешь и чувствуешь, как темнеет в глазах. Отодвигаешься.

— Что-то не так? — спрашивает продавец газированной воды из-за стойки.

— Все в порядке.

— У мороженого странный вкус?

— Нет, все хорошо.

— Но вы не едите, — говорит он.

— Нет.

Ты отодвигаешь мороженое и чувствуешь, как твое тело заполняет ужасное одиночество.

— Я не хочу есть.

Ты сидишь очень прямо, глядя в никуда. Как ты скажешь ей, что больше не можешь глотать, не можешь есть? Как объяснить, что твое тело остановилось, в нем не идут процессы и ты не можешь больше ощущать вкус пищи?

Ты отодвигаешь стул и встаешь, ждешь, пока Ким заплатит за порции, а затем широко распахиваешь двери и выходишь в ночь.

— Ким...

— Все в порядке, — говорит она.

Вы идете вниз по улице к парку. Спустя долгое время ты снова чувствуешь ее руку на своей. Но ощущение такое слабое, словно его почти нет. Твердая поверхность тротуара начинает плыть у тебя под ногами. Ты двигаешься, словно во сне.

— Разве это не чудесно? — говорит Ким. — Запах. Сирень.

Ты втягиваешь ноздрями воздух, но ничего не чувствуешь. Пугаешься и пробуешь еще раз. Никакой сирени.

В темноте мимо вас проходят двое. Они улыбаются Ким. Удаляясь, один из них замечает: «Чувствуешь запах? Подгнило что-то в Датском королевстве».

— Что? Я не понял...

— Нет! — вскрикивает Ким.

И неожиданно она вырывается и бежит.

Ты ловишь ее за руку. Вы молча боретесь. Она бьет тебя. Ты почти не чувствуешь ударов ее кулаков.

— Ким! — кричишь ты. — Не надо. Не надо бояться.

— Отпусти! — кричит она. — Отпусти меня.

— Я не могу.

И снова это «не могу». Она слабеет и, тихо всхлипывая, безвольно утыкается тебе в грудь. От твоего прикосновения Ким вздрагивает.

Ты обнимаешь ее, весь дрожа.

— Ким, не бросай меня. У меня отличные планы. Мы будем путешествовать. Куда угодно, просто путешествовать. Послушай меня. Мы будем есть лучшие деликатесы, ходить в лучшие рестораны, пить лучшее вино.

Ким перебивает тебя. Ты видишь, как движутся ее губы. Наклоняешь голову.

— Что?

Она повторяет.

— Говори громче, — просишь ты. — Я не слышу.

Она говорит, ее губы движутся, но ты не слышишь абсолютно ничего. А затем, словно из-за стены, до тебя доносится голос:

— Это бесполезно. Видишь?

Ты ее отпускаешь.

— Я хотел видеть свет, цветы, деревья — что угодно. Я хотел снова к тебе прикасаться. Но, господи, как только я попробовал мороженое, я понял, что этого не вернуть. И теперь я чувствую себя так, словно не могу пошевелиться. Я почти не слышу твоего голоса, Ким. Ночью дует ветер, но я его практически не чувствую.

— Слушай, — говорит она. — Это не поможет. Чтобы получить что-то, недостаточно просто этого хотеть. Если ты не сможешь разговаривать, и слышать, и ощущать, и даже пробовать на вкус, что тогда остается делать тебе? И мне?

— Я все еще вижу тебя и помню, какой ты была.

— Этого недостаточно, нужно нечто большее.

— Это несправедливо. Господи, я хочу жить!

— Ты будешь жить, я обещаю. Но не так. Тебя не было полгода, и я скоро собираюсь в больницу.

Ты останавливаешься. И холодеешь. Держа ее за руку, смотришь в лицо.

— Что?!

— Да. В больницу. *Наш* ребенок. Видишь, тебе не нужно было возвращаться, ты и так всегда со мной. Ты всегда будешь жить. А теперь уходи обратно. Поверь мне, все получится. Пусть

у меня останутся воспоминания о временах лучших, чем эта ужасная ночь с тобой. Возвращайся туда, откуда пришел.

В этот момент ты даже не можешь плакать, твои глаза совсем сухие. Ты крепко держишь ее за руки, и вдруг неожиданно она медленно опускается на землю.

Ты слышишь ее шепот:

— Больница. Да, мне нужно в больницу. Скорее.

Ты несешь ее вниз по улице. Твой левый глаз видит словно сквозь туман, и ты понимаешь, что скоро ослепнешь. Это все так несправедливо.

— Поторопись, — шепчет она. — Быстрее.

Ты, спотыкаясь, переходишь на бег.

Мимо проезжает машина, и ты кричишь. Она останавливается, и мгновение спустя вы с Ким летите сквозь ночь с незнакомцем под беззвучный рев двигателя.

И во время этой дикой поездки ты слышишь, как она повторяет, что верит в будущее и что ты должен уйти.

Вы наконец на месте, но к этому времени ты почти совсем ослеп. Ким поспешно увозит санитар, не дав вам попрощаться.

Беспомощный, ты стоишь возле больницы, затем поворачиваешься и пытаешься уйти. Мир расплывается перед глазами.

Затем ты идешь в полумраке, пытаешься разглядеть людей, пытаешься почувствовать запах сирени, который по-прежнему здесь.

Ты вдруг понимаешь, что движешься по оврагу, минуя парк. Есть другие, что собираются здесь, блуждающие в ночи. Помнишь, что сказал тот мужчина? Все заблудшие, все одинокие собираются сегодня, чтобы выступить против тех, кто их не принимает, чтобы уничтожить их.

Тропа в овраге вырывается из-под ног. Ты падаешь, встаешь и снова падаешь.

Незнакомец, ночной бродяга, стоит перед тобой. Ты подходишь к безмолвному ручью. Смотришь по сторонам, и в темноте вокруг тебя больше никого нет.

Станный вожак со злостью выкрикивает:

— Они не пришли! Ни один из тех блуждающих в ночи не пришел, ни один! Только ты. Будь они прокляты, эти трусы, проклятые трусы!

— Хорошо. — Твое дыхание, или его подобие, замедляется. — Я рад, что они тебя не послушали. Должна быть причина. Возможно... возможно, с ними произошло нечто такое, чего нам с тобой не понять.

Вожак качает головой.

— У меня были планы. Но я одинок. Даже если все одинокие восстанут, они окажутся недостаточно сильны. Хватит одного удара, чтобы сбить их с ног. Но мы устаем. Я устал...

Ты оставляешь его позади. Его шепот затихает. Ты чувствуешь биение собственного пульса. Выходишь из оврага и оказываешься на кладбище.

Твое имя на надгробии. Сырая земля ждет тебя. Ты проскальзываешь в узкий тоннель, в обитель из атласа и дерева. Тебя больше ничто не радует и не тревожит. Ты лежишь в невесомости в теплой темноте. Ты можешь выпрямить ноги. Расслабиться.

Тебя наполняет приятное ощущение тепла и защищенности, словно шепчущий прибор унес, смысл всю дрянь.

Ты тихо дышишь, ты сыт и спокоен. Тебя любят. Ты в безопасности. Место, которое тебе снится, движется, шевелится.

Ты дремлешь. Твое тело меняется, оно становится маленьким, компактным и невесомым. Медленно. Сонно. Тихо. Тихо.

Кого ты пытаешься вспомнить? Из морских глубин всплывает имя. Ты пытаешься ухватиться за него, но его уносят волны. Это кто-то прекрасный. Кто-то. Время, место. Хочется спать. Темнота, тепло. Беззвучная суша. Смутный прилив. Тишина.

Темная река несет тебя все быстрее и быстрее.

Вырываешься на открытое пространство. Ты висишь среди желтого света.

Мир кажется огромным, как снежная гора. Солнце сияет невыносимо ярко, и великанская красная рука держит тебя за ногу, пока другая шлепает пониже спины, заставляя кричать.

Рядом лежит женщина. Ее лицо покрыто бисером испарины, и песнь жизни вместе с невероятным чудом врывается в эту комнату и в этот мир. Ты кричишь, вися вверх ногами, затем тебя переворачивают, ласкают и кормят.

И этот голод стирает у тебя из памяти умение говорить, и ты забываешь все остальное. Сверху до тебя доносится ее шепот:

— Малыш мой любимый, я назову тебя в его честь. В его честь...

Эти слова ничего для тебя не значат. Когда-то ты боялся чего-то ужасного и темного, но теперь все забылось, смылось этим теплом кормления. У тебя во рту возникает имя, ты пытаешься его произнести, не зная, что оно значит, только желая радостно его выкрикнуть. Слово исчезает, бледнеет, в голове остается лишь след, призрак счастливого смеха.

— *Ким! Ким! О Ким!*

ЛИЗА МОРТОН

БУХТА БЛЭК МИЛЛ

Было еще темно, и Джиму пришлось пробираться сквозь коварные заросли чертополоха и паутину, отыскивая дорогу в узком луче карманного фонарика. Он споткнулся, попав ботинком в заросшую травой ямку, а затем нашел тропинку, которая тянулась вдоль побережья. Хотя сезон только начался и сегодняшним утром ожидался самый большой отлив за весь год, Джим осознал, что он здесь совсем один, и подумал: «Возможно, Марен была права и это не лучшая идея».

Он оставил жену в теплом спальном отсеке трейлера, но знал, что она только притворяется спящей. Прошлым вечером они поссорились, и теперь Марен объявила ему свой знаменитый бойкот. На той неделе она прочитала газетную статью о двух ныряльщиках, которые подверглись нападению акулы во время сбора моллюсков. Одному из них акула оторвала руку, и он умер в лодке от потери крови прежде, чем им удалось добраться до берега.

— Здесь написано, что это произошло в двадцати минутах езды от Форт Росс, к западу от Сан-Франциско, — сказала ему Марен. — Джим, это то место, куда *мы* едем.

— Дорогая, ты ведь знаешь, что я не ныряю, — терпеливо напомнил он ей.

— Но ты надеваешь водолазный костюм.

— Ты же бывала со мной, Марен. Мы ждали большого отлива и ходили у берега. Я никогда еще не бывал на такой глубине, где плавают акулы.

— Джим, но ты всегда уходишь один. Это небезопасно.

Тем не менее Марен уже решила, что не хочет его отпускать, и спор закончился очень плохо. Она согласилась на трехчасовую поездку из Сан-Хосе по серпантину, но Джиму было известно, что она не сможет пройти две мили к бухте в предрассветном холоде, и он не просил ее об этом. Оставалось только надеяться, что, когда он вернется в лагерь с грузом редких видов моллюсков

и после того, как она их почистит (ведь это была ее обязанность), аппетитный аромат жарящегося на сливочном масле деликатеса заставит ее забыть о споре.

Такое уже случалось. И не раз.

Когда они поженились, Джим ясно дал ей понять, что он охотник. Конечно, у него были работа, семья, друзья и другие интересы — но свою жизнь он посвятил этому древнейшему и священному виду спорта. Ничто не давало ему такого ощущения единения, такой чистоты, как возможность поставить на стол мясо, добытое собственными руками. Обычно охота была тяжелым делом, иногда даже изнурительным, но это только позволяло ему получить больше удовлетворения от победы в финале. На самом деле, только выслеживая добычу, Джим по-настоящему чувствовал себя живым.

Марен терпела его охотничьи вылазки, но сама так ни разу и не взяла в руки ружье, удочку или сеть. По мнению Джима, в этом заключалась разница между мужчинами и женщинами. Мужчины по природе своей охотники, женщины — собирательницы. Тем не менее для него всегда оставалось загадкой, чего же хотела она. Может быть, ребенка?.. Но, когда он предложил его завести, она сказала, что пока не готова. Он тогда не понял, к чему же она готова. И спустя пять лет семейной жизни ему так и не удалось этого понять.

Шагая по узкой тропинке, петляющей среди сорняков, он постарался не думать о Марен и об их разваливающемся браке. Откуда-то слева до него доносился звук прибоя, и этот тихий шелест, не похожий на грохот волн во время прилива, успокоил его. Тропинка свернула влево, но Джим заметил серые стволы поваленных деревьев, служившие ему указателем. Он сошел с тропинки и снова начал пробираться сквозь крапиву и умирающую траву. По опыту Джим знал, что до утеса осталось около двух минут ходьбы, и замедлил шаг, освещая путь фонариком, пока не заметил край обрыва.

До бухты Блэк Милл было сложно добраться, и это стало еще одним поводом для спора с Марен. После трехчасовой поездки по внушающему страх горному серпантину Первого шоссе от лагеря до бухты оставалось еще сорок минут ходу. С трех сторон

ее окружали отвесные скалы, а с четвертой — море. Спуститься вниз, не карабкаясь по скалам, можно было только по узкому оврагу, почти скрытому кустами. Джиму нравилось охотиться в одиночестве, но что, если он получит травму и не сможет самостоятельно оттуда выбраться? Он, конечно, попытался объяснить ей, что труднодоступность бухты как раз делала ее идеальной для охоты. За три года с тех пор, как он ее нашел, Джим встретил там только одного охотника, и тот нырял с аквалангом. Он знал, что всегда сможет найти в этой крохотной бухте множество неуловимых абалонов¹.

Пока Джим добирался до вершины нависающего над морем утеса, мысли о Марен вылетели у него из головы, и он сосредоточился на предстоящей ему задаче. Сначала нужно было осторожно пройти по краю обрыва до куста, который, как ему было известно, обозначал начало оврага. Джим аккуратно обогнул куст и спустился на находящийся в трех футах под ним камень. Теперь он был в овраге и знал, что при необходимости может отыскать путь вниз на ощупь. Он спрятал фонарик в карман на поясе и начал спуск. Овраг был завален камнями, которые образовывали подобие крутых естественных ступеней, и Джим спустился без помех. Как только он выбрался из оврага, ему в нос ударил едкий запах соли и водорослей, вынесенных на берег волнами. Шум прибоя, усиленный эхом от близких утесов, казался оглушительным. Джим снова достал фонарик. В его свете он увидел в нескольких футах от себя мелкие озерца, оставленные отливом; темную воду обрамляли обросшие камни и блестящие скользкие водоросли. Джим, чувствуя, как внутри него поднимается азарт предстоящей охоты, быстро поставил рюкзак на плоский камень, доходивший ему до бедра, снял туристические ботинки, проверил мешочек для добычи и крюк и наконец выключил фонарик. Когда он начал пробираться через скользкие камни и кучи водорослей к цели, небо только-только начало сереть. Он чувствовал, как от его ступней разбегаются крошечные морские создания, и один раз с резким

¹ Абалон (галиотис, морское ушко) — мелкий одностворчатый моллюск с перламутровой раковиной. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

хлопком наступил на запутавшуюся в водорослях бутылку. Глаза уже начало щипать от морской соли, поэтому он надел маску без трубки. Он отошел, по своим расчетам, приблизительно на сорок футов от берега и различил справа от себя темные очертания большого озера. Затем окунулся в воду по пояс и начал ощупывать лежащие на дне камни. Его защищенные перчатками пальцы задели несколько колючих морских ежей и анемон, а через несколько минут поиски увенчались успехом — Джим нащупал крупную раковину. Моллюск находился в нескольких футах под водой, и, чтобы достать его крюком, следовало либо задержать дыхание, либо воспользоваться дыхательной трубкой. Он выбрал первое, сделал глубокий вдох, крепче обхватил крюк и нырнул. Джим расколол раковину, пытаясь просунуть под нее крюк, но в конце концов ему это удалось, и он надавил, используя крюк как рычаг. Абалон держался крепко, и его положение было выгодным, так что поддался он только тогда, когда легкие Джима уже начали гореть от недостатка воздуха. Моллюск упал в подставленную ладонь, и Джим поспешно вынул голову из воды.

Абалон оказался средних размеров, но он не пролезал в сортировочное кольцо, поэтому его можно было оставить. С чувством удовлетворения Джим положил моллюска в мешочек и продолжил охоту.

В первом озерце больше не оказалось ничего ценного, поэтому он перешел к следующему. От океана его отделяла только узкая полоса камней и водорослей, оно было большое и многообещающее. Джим вошел в воду и начал шарить под камнями, держась одной рукой за выступающую из воды небольшую скалу. Когда большой, как тарелка, краб выскользнул у него из-под пальцев, Джим даже не вздрогнул.

Под первым камнем ничего не было, и он перешел к следующему. Внизу оказалось подобие длинного пологого выступа, уходявшего под воду, и, попытавшись добраться до его обратной стороны, Джим очутился в воде по шею. Он ощупывал камень, двигаясь слева направо, и вдруг натолкнулся на что-то длинное и толстое, с какими-то покрытыми лохмотьями отростками.

Вообще-то на ощупь это было похоже на костлявую человеческую руку.

Он отдернул ладонь, как от укуса, пытаясь перевести дыхание. Джим мог поклясться, что нащупал кости запястья и пальцы, на которых еще оставались обрывки плоти.

Это было странно. Оторванная рука в озерце, оставшемся после отлива? Это, скорее всего, странные водоросли или утонувшая ветка, которую принесло последним приливом. Или же это могла быть жертва *акулы*...

Он огляделся по сторонам, на миг поддался панике и пожалел, что не подождал до рассвета. Так нет же, ему хотелось поохотиться, пока отлив еще не закончился, пока вода не устремилась обратно к берегу. Ему необходимо было прийти сюда до рассвета, в темноте. Одному.

В полумраке он мог различить собственные пальцы, лишь поднеся их к лицу. Джим снял маску и сильно зажмурился, пока не выступили слезы, вымывшие соль из глаз, а затем заставил себя снова ощупать камень.

Он снова нашел эту штуку, крепко за нее ухватился и потянул. Приложив усилия, ему удалось высвободить ее и вытащить из воды.

Вне всяких сомнений, это была человеческая рука.

Джим непроизвольно вскрикнул и выронил ее. От руки остались практически голые кости, к которым местами все еще крепились остатки кожи и сухожилий. Пальцы, кажется, сохранились все, а сама рука заканчивалась в районе локтя.

Он, пытаясь, с колотящимся сердцем и слезами на глазах в панике выбрался из озера и перелез через камни. Джим пятился бы и дальше, но поскользнулся на куче водорослей и упал. Боль от удара о камень и в разодранных об острые ракушки руках привела его в чувство. Джим смог остановиться, чтобы осмыслить произошедшее.

Какого черта... как... как она сюда попала?!

Это же, наверное, работа той акулы, о которой говорила Марен! Он посмотрел по сторонам и понял, что сидит между оставшимся от отлива озером и океаном, глядя на тихо плещущиеся волны, плохо различимые в темноте. В прибое то тут то там виднелись водоросли и принесенные морем куски дерева. Иногда они выступали из воды, словно чья-нибудь голова. Или плавник.

Джим на четвереньках снова вполз в озеро. Всплеск воды, вызванный его собственным телом, неожиданно напугал его, и он снова пережил приступ паники, осознав, что рука по-прежнему находится в этом озере, — разве это не она только что задела его ногу? Он вскрикнул, бросился к ближайшему выступающему из воды камню, вылез из озера, затем развернулся к берегу и пополз.

Джим преодолел несколько футов, прежде чем успокоился и вернул способность мыслить. Затем он остановился, чтобы перевести дух («Черт, я же сейчас потеряю сознание!») и все обдумать.

Что ж, хорошо. Очевидно, ему следует вернуться к трейлеру, разбудить Марен и отправиться в управление кемпинга. Они проверяли свои сотовые, но в кемпинге не было покрытия. Затем он предположил, что ему придется сюда вернуться и показать полиции, где именно он нашел руку. Конечно, к тому времени снова поднимется прилив, и они, скорее всего, пошлют своих собственных ныряльщиков.

Джим надеялся, что у тех есть защита от акул.

У него был план; он знал, что нужно делать. Затем он понял, что забрался в дальнюю левую часть бухты и самый короткий путь к берегу пролегает через несколько больших озер.

Несколько больших озер, в которых, возможно, есть еще куски человеческого тела.

Джим сразу понял, что не сможет этого сделать. А если в ближайшем озере окажется кое-что похуже руки — например голова, полуразложившаяся голова с ужасной ухмылкой?..

Он снова заставил себя собраться с мыслями. В смутном свете он с трудом различал тропинку, ведущую к тому месту, где он бросил рюкзак. И фонарик. Он приказал себе двигаться медленно и осторожно, но его трясло, и это мешало сохранять равновесие.

Он поскользнулся и съехал одной ногой в озеро. Хотя она погрузилась всего лишь по щиколотку, Джим отдернул ногу, словно прикоснулся ею к расплавленному металлу. Он всматривался в воду, затем перевел взгляд на окружающие его камни. Любая длинная выбеленная деревяшка могла оказаться костью, а расколотые ракушки — ногтями или зубами...

Он попытался унять дрожь, но не смог. Тогда Джим дотянулся до большой ветки, принесенной океаном (слишком большой, чтобы оказаться частью человеческого тела!), которую можно было использовать в качестве посоха. С помощью этого приспособления он проверял коварные кучи водорослей и камней, прежде чем поставить туда ногу, и таким образом наконец добрался до оврага.

Джим отбросил самодельный посох и позволил себе упасть на плоский камень. Какое-то время он просто лежал, испытывая облегчение, ощущая себя живым и в безопасности. Через несколько минут он перестал дрожать. Озера морской воды с их ужасными секретами, которые он обнаружил, были далеко. Осталось только подняться вверх по оврагу, и ему уже ничто не будет угрожать.

Джим сел, поспешно приоткрыл рюкзак, чтобы достать полотенце и вытереть разьедаемые солью глаза. Мимоходом удивился, заметив на белом полотенце темный след. Порез на ладони сильно кровоточил. Он обернул руку полотенцем, затем надел туристические ботинки, продел руки в лямки рюкзака и начал взбираться наверх.

Сейчас уже рассвело достаточно, чтобы Джим, карабкающийся по камням, мог различить вершину утеса. Он время от времени останавливался, чтобы определить направление, а затем ступал на следующий камень. Джим уже почти добрался до вершины, когда что-то впереди заслонило ему свет. Он посмотрел вверх...
...и увидел тень стоящего там человека.

Он уже собирался позвать его, радуясь присутствию другого (*живого!*) человека, но затем заметил нечто такое, отчего крик застрял в гортани.

Мужчина наверху что-то нес, что-то большое и черное, и Джим подумал, что это, скорее всего, большой пластиковый мешок для мусора, такой же, как те, которыми Карен пользовалась дома. Но только этот мешок был полон, набит чем-то под завязку.

«Какого черта, этот парень что, выбрасывает здесь свой гребанный мусор?» — подумал Джим.

Мужчина поднял мешок, и Джим увидел, что тот определенно очень тяжелый.

А потом до него дошло.

О боже, мать твою! Что за дерьмо?!

В мешке был расчлененный труп.

И этот мужчина спускался вместе с ним в овраг.

Джим не знал, заметил ли тот его. Он думал, что пока нет. Джим поднимался тихо, его скрывала тень оврага, и он был одет в черный гидрокостюм. Но даже если его до сих пор не увидели, это непременно случится, если он останется в узком овраге...

...потому что мужчина спускался и теперь был всего в пяти футах от Джима.

Джим инстинктивно попятился. В овраге было негде спрятаться, но, возможно, добравшись до бухты, он отыщет большой камень или озеро...

По крайней мере, он хотя бы сможет взять ту толстую ветку, которую бросил вниз, — ее можно использовать в качестве посоха... или дубинки.

Мужчина над ним двигался медленно, стараясь не порвать переполненный мешок, и это давало Джиму небольшое преимущество, несмотря на то что он двигался задом наперед. Он добрался до большого плоского камня, на котором отдыхал несколько минут назад, присел за ним и ощупал возле себя землю, пока его пальцы не сомкнулись на толстой ветке, что придало ему уверенности. Затем он прижался к каменистому склону утеса и начал отодвигаться влево.

Тихий звук осыпающейся гальки заставил его замереть с коло-тящимся в горле сердцем, пока он не понял, что этот звук издал другой мужчина, который споткнулся и выбил несколько камешков из стены оврага. Джим слышал, как он вполголоса выругался, а затем увидел, как тот появляется из оврага, ступает на большой плоский камень и кладет свой мешок, чтобы передохнуть.

Джим, чувствуя, как стучит кровь в ушах, присел на корточки, хотя рядом не было камня, за которым можно было бы спрятаться. Он видел мужчину, потому что его силуэт выделялся на фоне неба и потому что он теперь достал из кармана маленький фонарик. Если он направит его в сторону Джима...

Но он этого не сделал. Он направил луч на лежащие перед ним озерца, поднял мешок и сошел с камня, поглощенный своей задачей.

Джим знал, что у него теперь есть два варианта на выбор. Классическая дилемма — драться или бежать. Он может попробовать вырубить мужчину своей веткой, но если тот его услышит и если он вооружен, то Джим труп. Или же он может попытаться подняться по оврагу, прежде чем его заметят. Ему было известно, что очень скоро светлеющее небо обозначит его местонахождение не хуже рамп. Нужно было выбирать не медля.

Джим склонился к последнему варианту, но решил подождать, пока мужчина не уйдет от оврага как можно дальше. Джим был молод и, скорее всего, убежал бы от мужчины, даже если бы тот его обнаружил, но опять же... если тот вооружен... Это был единственный разумный выбор. Джим осторожно снял громоздкий рюкзак, чтобы двигаться быстрее. И начал выжидать, стоя на коленях под утесом и не сводя глаз с мужчины с мешком, направляющегося к первому большому озеру. Добравшись туда, тот опустил мешок, залез в него и что-то вытащил...

О господи, это же нога, это же гребаная нога!

...и аккуратно уложил на дно озера. Затем принялся искать что-то позади себя, и Джим догадался, что он ищет камень, которым можно придавить ногу, чтобы она не всплыла. Когда начнется прилив, нога останется на прежнем месте, а морская живность, принесенная водой, быстро уничтожит улику, оставив от нее лишь несколько костей, которые в этой закрытой бухте, скорее всего, так и не будут найдены...

Джим резко вскочил и бросился бежать к оврагу.

Он бежал плохо и неуклюже. Джиму это знал — так же, как и то, что он находится на волосок от смерти. Тем не менее у него был шанс: неуклюжесть не помеха, если он будет действовать тихо.

Он поскользнулся и врезался в камень, а забытый абалон, умирающий в его мешке для добычи, громко стукнулся о скалу. Слишком громко.

Пока Джим в отчаянии поднимался на ноги, на него упал луч фонарика.

На миг Джим просто застыл, и единственная мысль, пришедшая ему в голову («Олень, застигнутый светом фар!») была совсем нелепой. Затем он понял, что мужчина повернулся к нему и неуклюже бежит через озерца и лужи, доставая что-то из кар-

мана. Луч фонарика на миг выхватил из полумрака — не ствол пистолета, а лезвие ножа.

Ну конечно же, у него с собой нож. Пистолетом людей на куски не разрежешь.

Джим бросился бежать, но понял, что никак не успеет добраться до оврага вовремя. Поэтому он остановился и обеими руками сжал свою дубинку...

...и приближающийся к нему мужчина тоже замер.

Джим удивился, но это длилось лишь миг. Мужчина, видимо, оценил противника и снова бросился вперед. В глаза ударил луч фонаря, неожиданно ослепив Джима. Он чуть было не начал закрываться руками от света, но вместо этого вслепую взмахнул дубинкой.

И почувствовал, как она ударила по чему-то твердому. Мужчина застонал от боли, и Джим услышал, как он свалился вниз. Но затем до него донеслось ругательство («Черт!»), и стало ясно, что тот не потерял сознания и миг спустя снова набросится на него с ножом.

Джим попятился в сторону озер, оставленных отливом, так как мужчина упал между ним и входом в овраг. И снова занес свою дубинку.

Мужчина выключил фонарик и отбросил его в сторону. Рассветло уже достаточно, чтобы Джим мог рассмотреть его лицо. Он был старше Джима, но не намного, и на нем были темный свитер и кроссовки. Но самой запоминающейся чертой, конечно, оставался нож в руке.

Неожиданно он прыгнул вперед, и Джим отступил в сторону. Нож вспорол воздух там, где только что находилось тело Джима. Джим попытался ударить противника дубинкой, но промазал и потерял равновесие. Он выровнялся как раз во время следующей атаки и попытался увернуться, но недостаточно быстро. Нож ударил его в плечо.

Боль была ужасной, но не парализующей, и Джим размахнулся, метя противнику по ногам. От удара мужчину отбросило в сторону. Он упал в кучу камней и застонал. Джим поднялся на ноги, стиснув зубы от боли в раненом плече, и, пятясь, начал отступать. Затем что-то попало ему под ноги, и он упал...

...на пластиковый мешок для мусора.

Мешок от удара разорвался, и Джим оказался посреди зловонного месива из внутренностей и отрезанных конечностей. Он закричал, дергаясь и разбрасывая содержимое мешка в стороны, пытаясь выбраться, и наконец упал в воду, теперь уже радуясь этому. Джим вылез из озерца и увидел, что мужчина встает. Он не был в этом уверен, но ему показалось, что на голове у того виднеется что-то темное. Возможно, кровь.

Джим начал искать свою дубинку и с ужасом осознал, что где-то ее выронил и теперь в его распоряжении есть только бесполезная легкая полуметровая палка, принесенная водой. Он отбросил ее и начал отчаянно искать то, что можно использовать в качестве оружия — другую ветку, камень, хотя бы острый обломок раковины...

И тут мужчина на него набросился.

Джим вцепился в занесенную над ним руку с ножом, и они оба упали. Джим сильно ударился спиной о камень размером с грейпфрут. Их локти, оказавшись в куче водорослей, заскользили, и нож, выбивая искры, черкнул по каменному дну. Джим нашел в себе силы, чтобы отшвырнуть мужчину, и его рука натолкнулась на что-то тяжелое, висевшее у него на поясе, на оружие, о котором он забыл: крюк для сбора моллюсков. Когда его противник снова поднялся на ноги, Джим его уже ждал. Как только тот бросился на Джима, он опустил крюк ему на голову. Раздалось невообразимо приятное «хрясь!» — и мужчина упал.

На это раз он не застонал и не пошевелился. Джим знал, что ему удалось по меньшей мере вырубить противника, а возможно, и убить.

И он не собирался это выяснять.

Он бросился к оврагу, спотыкаясь и поскользываясь, но не обращая на это внимания. Добравшись до него, Джим забыл о своем рюкзаке, о раненых плече и руке. Он стремительно поднялся вверх и, еще не отдавая себе отчета в случившемся, но понимая, что он выпутался, бросился со всех ног по тропинке к трейлеру.

Джим остановился и обернулся, желая убедиться, что мужчина его не преследует. Его легкие горели, и, увидев, что пого-

ни нет, он согнулся, пытаясь отдышаться. И неожиданно для себя рассмеялся. Он необычно чистого чувства облегчения и победы. На это раз он сам оказался добычей, и ему удалось сбежать. Он встретился со смертью и выжил, чтобы рассказать об этом Марен.

Марен... подождите-ка, он ей такое расскажет... Он развернулся и снова побежал к трейлеру. Все еще улыбаясь.

«Может, я стану героем. Может, за его голову назначена награда. Марен ведь понравится, если ее подруги увидят мое фото в газете...»

Дальше он бежал уже без всяких мыслей сквозь кусты, не обращая на этот раз внимания на кусачую крапиву и цепляющиеся за ноги корни. В утреннем свете он увидел место кемпинга и стоявший там одинокий трейлер.

— Марен! — позвал Джим, хотя и знал, что он все еще слишком далеко и она его не услышит.

— Марен! — повторил он, подбегая к дверце водителя, рядом с которой находилась дверь, ведущая в трейлер.

А затем он пошатнулся и замер.

Дверь трейлера была открыта настежь. Она слегка поскрипывала, покачиваясь от утреннего бриза. И там была кровь. Много крови, огромные кляксы на двери, на подножке и на дорожке. Широкая кровавая полоса тянулась прочь от трейлера на расстояние в несколько футов, а затем исчезала. Дальше к кустам вели только кровавые следы, оставленные парой мужских кроссовок.

Джим не смог заставить себя заглянуть внутрь. В этом не было никакого смысла, потому что ему было известно: Марен там нет. По крайней мере большей ее части. Он знал, где она и что с ней случилось.

Стоя в утренней прохладе и осознав всю глубину своей потери, Джим закричал.

Уитли СТИБЕР

КАДИШ¹

Утреннее небо было тускло-оранжевым, в воздухе остро пахло нефтью с застроенных берегов Хьюстонского судоходного канала. Летним утром, когда тянуло бризом с Мексиканского залива, учуять запах канала можно было и далеко на севере. А то и в Арканзасе. Запах процветания.

На заднем дворе своего дома Хэл с Библией в руках готовился к подступающему дню так, как это уже стало для него традицией. Он позволил книге раскрыться в руках на произвольной странице. Рука Господня управляла этим шансом, как он всегда знал. Но сегодня — о, сегодня увиденное поистине его потрясло.

— Благодарю тебя, Господи, — пробормотал он, — за заботу о недостойном рабе Твоем.

Закончив читать, он закрыл книгу с большой печатью штата Техас на обложке и зашел на кухню. Мэдди только начала накрывать к завтраку, и в кухне царили ароматы бекона и кофе. Утреннее солнце золотило окна, пробиваясь сквозь желтые занавески, которые они вешали вместе, когда покупали дом. Кондиционер выстудил воздух, и весь дом был наполнен тихой утренней бодростью. Наверху шипел душ и слышался топот ног — это дети собирались к назначенному времени.

— Иаков говорил со мной, — сказал он, — когда я открыл Божью книгу. Слушай, Мэдди. «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка»².

¹ Кадиш — еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению.

² Послание Иакова, 1:2—4.

— Муж мой, это истинное благословение.

Взгляд на кухонные часы подсказал, что у них осталось несколько секунд, которые они проведут наедине. Он подошел к жене и обнял ее. Поцеловал в лоб.

— Нас благословили, жена, — сказал он. А затем ей пришлось высвободиться из его объятий, взять колокольчик с кухонной стойки и позвонить.

Знакомый звук разнесся по дому, и дети по очереди спустились в кухню. Старший шел первым. Четырнадцатилетний Пол был безупречно одет и причесан, как и полагалось школьному новичку. Остальные дети, много младше Пола, были одеты в стандартную униформу бесплатной техасской государственной средней школы: Рут и Мэри — в синие джемпера и белые оксфордские туфли, Марк — в хаки; его пилотка со значком младшего курсанта армии Креста была тщательно сложена и заткнута за ремень.

У Хэла были причины гордиться своей семьей. Его дети хотели быть именно теми, кем были. Они не были похожи на детей либералов и еретиков, которые надевали форму только для того, чтобы выманить деньги на государственное обучение, а потом шли домой и слушали глупую ложь об эволюции по Дарвину от родителей, ненавидящих Христа.

По всем этим еретикам плакал Отдел Рассела. По всем.

Он занял свое место во главе стола. Дети остановились за стульями. Хэл произнес молитву и сел. Мальчики тоже сели, а девочки начали помогать матери подавать на стол.

Когда все тарелки были наполнены, они тоже смогли занять свои места. Бекон с яичницей, штрудель с клубникой. Кофе для него и для Мэдди, молоко для детей.

— Мэдди, — сказал он, — девочки, благодарю за завтрак и усердие, восславим Господа!

— Слава Ему, отец! — ответила Рут.

— Спасибо, — пробормотали Пол и Марк. — Славься, Господь!

После завтрака Хэл спросил:

— Никто не хочет о чем-нибудь поинтересоваться или что-нибудь сказать?

Дети сидели тихо, опустив головы. Мэри захихикала. Мэдди покачала головой, кратко и резко.

— Нет, я же знаю, о чем вы все хотите у меня спросить. Давай, милая, — сказал он Мэри. — Я разрешаю.

— Папа, ты сегодня правда будешь говорить с вице-президентом Дюком?

— Да, Мэри, у нас назначен телефонный разговор в двадцать минут одиннадцатого.

Вся семья не сводила с него глаз. Широко распахнутых, ждущих. И он не смог скрыть удовольствия. Какая христианская преданность отцу!

— А что ты скажешь? — спросил Марк.

— Мы не допрашиваем нашего отца, — предупредила Мэдди.

— Нет, милая, конечно нет. Ваша мать совершенно права. И я не могу сказать вам, о чем пойдет разговор, поскольку я буду отвечать на его вопросы. И если он, милостью Божьей, сочтет нужным подбодрить меня, я поблагодарю его за это.

— Дэвид Кинг говорит, что ты в опасности.

Слово повисло в воздухе. Пусть это и правда, но странно было сознавать, что в такой прекрасный день ему может грозить опасность.

— Все в руках Божьих, — сказал он старшему сыну. Он слышал страх в голосе Пола. — Но штат защищает Отдел Рассела, и я не думаю, что проблемы получат какое-то развитие.

— Он сказал, что Швеция собирается начать дело против тебя в Международном криминальном суде. Что такое Международный криминальный суд?

— Нелегальная организация в далекой стране, которая не имеет с нами ничего общего. — Он не добавил, что это означает отмену запланированного на лето отпуска и поездки по церквям Испании. Он не стал это говорить, потому что сегодня ему предстояло исполнить долг, который поставит его вне закона в большинстве стран мира. — Еще вопросы и комментарии?

— Муж мой, завтрак окончен.

Дети встали.

— Ну что ж, тогда, поскольку все вы знаете, что Господь решил сегодня испытать меня, помолитесь ли вы со мной?

Он тоже встал и склонил голову, закрыл глаза, прося у Бога поддержки и благословения для своих дневных забот: исполнения законодательной власти и управления штатом Техас.

— Господи, — молилась Рут, — яви сегодня папе свою волю.

— Благослови вас Господь, — сказал он. — Рути, спасибо тебе за помощь.

Дети выстроились в ряд, и каждый поцеловал его на прощание. У дверей кухни Мэдди обняла его, успокаивая.

— Господь с тобой, — произнесла она.

— И с тобой, — ответил Хэл. Посмотрел на Марка и подмигнул.

Марк улыбнулся.

— Иисусе, защити футбольную команду средней школы Лютера, — сказал Хэл, — и даруй завершающему мяч, когда это нужно для счета.

— Спасибо, отец. Слава Иисусу.

— Пап, — сказал Пол, — тренер говорит, что нам не нужно молиться за победу. Он говорит, что Иисус дарует ее согласно Своей воле.

— Тренер прав, — ответил Хэл. — Но здесь, дома, среди своих, почему бы не дать Иисусу маленькую подсказку?

— Пап, а почему «завершающему»? — спросил Марк.

— А ты разве не завершающий?

— Я замыкающий.

— Ах! Ну тогда, Господи, я перефразирую свою молитву. Даруй, Господи, мяч замыкающему, когда это нужно для счета.

Он поправил галстук перед зеркалом в холле и надел парадный пиджак. Стоял жаркий февральский день, поэтому старое пальто можно было оставить дома. Хотя шляпу он все же надел. Он помнил те старые времена, когда мужчины позволяли себе ходить на работу в открытых футболках, забыв о галстуках, не только о шляпах.

Хэл сел за руль своего «бьюика» и направил его к хайвею. Сыновья в последнее время намекали, что семья могла бы продать старую машину и присмотреть себе новый «родмастер», но Хэл не считал купленный в 2003 году автомобиль старым. Хотя пробег в 118 000 миль, пожалуй, следовало признать вполне почтенным,

и раз уж компании пришлось заставить представительство торговать с христианами, можно хотя бы взглянуть на новые модели.

Проезжая мимо универмага «Уолл-Март», он увидел новый плакат: «Теперь сертифицировано для Все-Христиан, слава Иисусу!» И не смог не выкрикнуть: «Слава Ему!» — настолько приятно оказалось это видеть.

«Акт о претворении религии в жизнь», принятый в 2010 году, повлиял на Америку благотворно, и те, кто за него боролись, теперь могли по праву гордиться своими достижениями. Компаниям пришлось пережить сложные времена, переходя на христианскую этику и запрещая все вольности либералов и еретиков.

Он послал машину на запруженную транспортом полосу и включил утреннюю проповедь на радиоканале национальных новостей. Преподобный Гейтс Хьюджес из Атланты призывал «сжечь всех еретиков». Хэл слушал его вполуха. Он знал, кто вдохновил эту проповедь: он сам. А то, что он сделает сегодня, заставит говорить о нем всю нацию. Конечно, большинство голосов будут славить и благодарить его, но либералы и еретики в Штатах все еще остались. Они больше не рисковали выступать в открытую, однако достаточно было заглянуть в Интернет, на какой-нибудь иностранный сервер, и тут же вскрывалась волна их недовольства.

Он многое сегодня увидит. Обычно журналистам запрещалось обсуждать представителей власти, не говоря уж о том, чтобы брать у них интервью. Но как же не смягчить правила для дружественной американской прессы? Однако врагам из-за рубежа не достанется ничего. Хватит уже репортерам из Мексики, Англии и других еретических стран давить на их христианскую власть. Им запрещено здесь появляться, и поделом. Хэл с удовольствием заполучил бы такого еретика в распоряжение своего отдела, чтобы показать ему, *как* обходятся с *настоящими* заключенными. Чтобы этот рыхлый невежда понял, для чего на самом деле служит наказание.

Он вздохнул. Прессу нельзя было не допустить по приказу Верховного Суда штата. Если казнь проводилась публично, законодательный орган предписывал ему отвечать на вопросы. С репортерами из США проблем не предвиделось. Все оставшиеся в стране СМИ — от радио и телевидения до газет и Интернета —

были объединены и управлялись властями. Господи, благослови Америку за то, что его не было в Вашингтоне в День Забвения!

Он отдал свое сильное сердце, свои добродетель и милосердие, свой выдающийся ум на службу действующему президенту и ни разу за одиннадцать минувших лет не отступил от благожелательной строгости и принципов христианства. И в глубине души Хэл знал, что даже тридцатисекундный звонок от президента значил бы для него куда больше шести минут разговора с вице-президентом Дюком. Вице-президент, конечно, был хорошим человеком, но именно президент стал истинным спасителем нации.

— Боже, прости мне мой эгоизм, — вслух проговорил Хэл. Ему следовало быть благодарным за честь, оказанную вице-президентом. — Благодарю Тебя и славлю имя Твое.

Он подумал о Международном криминальном суде. Вообще-то ему уже выдвинули официальное обвинение на прошлой неделе, как и почти тысяче других федеральных и местных представителей власти. Их всех обвиняли в преступлениях против человечества. Преступлениях против мирской распущенности скорей уж. И конечно, он не стал рассказывать об этом своей семье. Все хранилось в тайне. Чтобы узнать эту новость, нужно было обладать доступом в Интернет и на зарубежные сайты. Его обвинительный протокол был мерзок: 7 110 обвинений в убийстве, по одному на каждого заключенного, которого казнил Отдел Рассела согласно законам с обратной силой.

ЕС отправил командос в Миссисипи и добрался до Уэйда Кола, главы Федеральной программы новых городов, занятой переселением негров. Уэйд Кол теперь в тюрьме, в Норвегии или где-то еще. Все беды от этих проклятых иностранцев! Хэл считал их тупыми животными, мерзостью перед Богом. Лягушатники, черномазые, италяшки, русские, поляки, ирландцы, британцы, канадцы, обычные и лягушачьи... кого ни назови. Их репортеришки прибудут сегодня, и все будут вопить, задавая свои крысиные вопросы.

— Храни меня, Боже, — сказал он. — И позволь представить штат Техас приятным тебе образом.

Машин на шоссе № 55 было на удивление много. Его «бьюик» зажали со всех сторон, Хэл задыхался, потому что кондиционер был сломан и фреон подтекал. Снова спасибо ЕС.

Он переключил радио на спутниковый канал новостей.

— Более тысячи зарегистрированных еретиков в Нью-Йорке лишены доступа в Интернет за незаконные посещения зарубежных веб-сайтов, — сердечно вещал Гарет Харрингтон. Хэл бы и сам с удовольствием послужил родине в отряде карателей. Не все дураки еще поняли, что такое быть еретиком в Божьей стране.

И вот наконец сводка о состоянии на дорогах:

— Из-за полицейской операции движение на шоссе № 55 замедлилось почти до полной остановки...

Вслух он сказал:

— Телефон. Офис.

Миг спустя машина сообщила:

— Офис ответил.

— Дженни, — сказал он, — это я. Да, слава Ему. Я в пробке из-за ареста на пятьдесят пятом. Опоздаю минут на пятнадцать. Нет, не нужно ничего менять, и на связи я буду постоянно. Если что-то необходимо переслать прямо в машину, делай. И пусть Элейн начинает экскурсию, я догоню их, если успею. Да, кстати, я хотел бы встретиться с этим инженером-проектировщиком, Уильямсом — так ведь его зовут? Да, с ним. Мне нужны полноразмерные трехфутовые камеры в новом крыле. Я припоминаю то исследование об изоляции, там говорилось, что достаточно двадцати восьми дюймов в ширину. Так что мы сможем заметно увеличить плотность. Вот и скажи ему, что я требую переделать генеральный план. До того как документы увидят на собрании губернаторов. Да, и пусть поблагодарит меня за то, что я оставил его на работе, во благо Иисуса.

Машины начали потихоньку продвигаться, и Хэл скомандовал отбой. В Отделе Рассела за шесть лет его работы количество заключенных, каждый год отправляемых в тюрьмы, выросло от 18 000 до 41 000. Новое крыло позволит увеличить эту цифру до 62 000, к тому же дополнительные корпуса в округе Сэма Хьюстона станут неплохим подспорьем. К сожалению, в этом округе каждый проклятый фермер являлся зарегистрированным христианином уже более пяти лет, что подтверждалось приходскими записями, и за землю приходилось платить.

Он проехал мимо места ареста. Загнали мексиканца. Ну естественно, кого же еще? Полиция уже прикрепила к парню ярлык «застрелен при попытке к бегству», а тот бился на земле, пока перепачканная кровью женщина рядом пыталась дозвониться по телефону и одновременно взвалить его себе на плечи. Она не была душой. И знала, что раненый задохнется при попытке перенести его подобным образом.

Закон требовал содержать подозреваемых под стражей. До тех пор пока врач не констатирует, что раненого при задержании можно подвергать законным процедурам, его нельзя забирать в тюрьму. А окружные «скорые» и не торопились. К чему Техасу тратить деньги налогоплательщиков на то, чтобы держать чужака за решеткой? У мексиканского любителя гонять по трассе не было ни американского гражданства, ни прав. Классический случай. И наверняка в его машине полно выпивки.

Выбравшись из затора, Хэл увеличил скорость до семидесяти миль в час. В дальнейшем все шло без происшествий. Вскоре он уже поворачивал на Путь Свободы, дорогу к своему отделу. Вдоль обочин выстроились иностранцы, каждый держал плакат с протестом и раскрытый паспорт. Эти предатели были американцами, сбежавшими в Европу и затем вернувшимися с новым гражданством и дипломатической неприкосновенностью ЕС. Хэл знал, что вскоре президент подпишет закон о принятии «Акта о ренационализации». И как только закон, пока что тайный, будет принят, весь этот придорожный мусор окажется в тюрьме за предательство. Проезжая мимо людей с искаженными ненавистью лицами, Хэл думал о том, что через пару месяцев они будут смотреть на него совсем иначе, ожидая в камере своей казни.

Притормозив у ворот, он трижды посигналил, давая понять, что прибыл управляющий. Охранники отсалютовали ему, пропуская. Заключенные в оранжевых робах оборачивались, смотрели, склоняли бритые головы.

Отдел Рассела был маленькой организацией на балансе штата, в которой числилось до миллиона заключенных. Новый корпус тюрьмы Сендлера Хантсвилля был крупнейшим из заведений такого типа. В нем отбывала более или менее легкое наказание 81 000 заключенных. От десяти до двадцати лет за нарушение

правил пользования Интернетом, в зависимости от степени тяжести проступка. Сюда помещали высокомерных ублюдочных либералов, посмеявших обойти федеральные фильтры и добраться до зарубежных веб-сайтов, или просто неудачников, решивших скачать на свои компьютеры порно. Обитатели этой тюрьмы весьма отличались от подопечных Хэла. Здешним разрешалось пользоваться телефонами, а также правом на адвоката, если у них были деньги на такую роскошь. В тюрьме имелось даже больничное отделение.

Заключенных Отдела Рассела можно было разделить на два типа: восемьдесят процентов с пожизненным сроком и двадцать процентов смертников. После введения нового правила об ограничении срока апелляций двенадцатью неделями Отдел Рассела набрал наконец нужную скорость. Те дни, когда заключенный мог умереть от старости, ожидая исполнения приговора, подошли к концу. Теперь вся эта дрянь со своими дерьмовыми адвокатами, не раз хлеставшими Америку по лицу, незамедлительно получала хороший урок.

Если совет присяжных решил, что ты должен умереть, так тому и быть. Тесты ДНК и прочее мракобесие не имели никакого значения по сравнению с мнением давших присягу американских христиан. И, к счастью, Верховный Суд наконец согласился с этим. Господь сказал: «И ворожеи не оставляй в живых», а это касалось всех, всего этого проклятого «научного сообщества», как они себя называли, всех их идей, открытий и прочего мусора. ДНК — это происки Сатаны, и все они — еретики, атеисты, марксисты и прочая мерзость — ничем от сатанистов не отличаются. Слово Божие ясно, святая Библия — единственный закон... или скоро им станет, как только президент, Конгресс и правительства штатов закончат работу во славу Его.

Хэл нырнул в благословенную прохладу здания администрации и двинулся по длинному коридору в сторону своего кабинета. Кондиционеры, купленные на деньги налогоплательщиков, были установлены только в административных зонах, чтобы сэкономить на содержании заключенных. Единственным исключением являлся тюремный госпиталь, и лишь тогда, когда внутренняя температура превышала 33° С. В Отделе Рассела

был только изолятор для получивших производственные травмы, и на него исключение не распространялось.

— Доброе утро, милая, — сказал он Дженни, входя.

Помедлил немного, улыбаясь ей, и послал свою шляпу в полет по пологой траектории. Шляпа взметнулась по дуге и послушно повисла на вешалке.

— Слава Иисусу, — откликнулась она.

Хэл рассмеялся. Он знал, что каждый месяц сотрудники устраивают тотализатор, подсчитывая его попадания и промахи, и знал, что Дженни поставила на «попадания и промахи будут соотноситься как два к одному», ставки на что принимались в соотношении восемнадцать к одному.

Разумное решение. Никто не понимал, что он идеально контролирует свои броски. И Хэл с трудом сдерживался, чтобы не признаться в этом Дженни. Он был отличным игроком в теннис и гольф, как старый добрый президент Буш, с которым три года назад ему посчастливилось играть в «Хьюстон кантри клуб». Хэла вместе с пятью начальниками тюрем пригласил тогда сенатор Делэй.

Дженни вошла с дневным расписанием и начала зачитывать пункты:

— У вас шесть минут на разговор с вице-президентом, затем десять минут на брифинг с прессой, затем казнь, ленч с преподаемым Эпплом...

— Это когда появилось?

— Он только что позвонил. Ваша жена сказала ему, что вы свободны.

Что вдруг могло понадобиться Клею Эпплу, чтобы назначать ленч в середине недели?

— Я совершенно точно не свободен, особенно сразу после казни.

— Затем в два часа в тюрьме Сэма Хьюстона комиссия по планировке, в пятнадцать часов встреча по поводу отчетности, к тому времени как раз вернется представитель Красного Креста.

— Вычеркни это.

— Я... но... вы уверены? Он уже прибыл в тюрьму.

— Он здесь? Сейчас? Где?

— Мы не должны были его сопровождать.

— Я не собираюсь разговаривать с представителем Красного Креста. То, что происходит в этой тюрьме, их не касается. Не важно, *что* он найдет.

— Но сэр, администрация губернатора хочет... чтобы вы встретились с ним.

Губернатор знал, что он ведет дела Отдела согласно правилам. Так с какой стати присылать сюда защищенного законом негодяя с такой возмутительной миссией?

— Администрация губернатора, — пробормотал он. — Что ж, ладно.

Внезапно на него навалилась усталость. Дженни вышла, и он попросил закрыть дверь. Откинулся на спинку стула. Минувшей ночью, довольно поздно, он возился со старым телескопом на заднем дворе. В прошлые годы небо было усыпано звездами от горизонта до горизонта. Вчера он не увидел ни одной. Ни единой звезды в густом мраке. Прогноз погоды обещал ясное небо при 20° С. О смоге они ведь не докладывают, так? Но и температура воздуха отнюдь не равнялась 20° С. В четыре минуты пополудни 20 февраля его термометр застыл на отметке 28° С. Очевидно, что официальные записи подправляют, а прогноз погоды просто повторяет то, что велено.

Нельзя же позволять защитникам окружающей среды поднимать вонь в иностранной прессе по поводу «рекордной жары». «Загрязнение означает рабочие места, — говорил президент, — а работа для американцев — это дело Бога». Следовательно, хоть он этого и не добавил, загрязнение окружающей среды являлось святым делом.

Зазвонил телефон. Он посмотрел на аппарат. Дженни, приоткрыв дверь, яростно жестикулировала.

Сердце Хэла затрепетало, как мотылек. Он схватил трубку и тут же услышал голос вице-президента с четким, но теплым акцентом, истинной музыкой Юга.

— Доброе утро, смотритель, — сказал он.

— Мистер вице-президент, это честь для меня и для всех сотрудников Отдела Рассела.

— Настоящая честь — говорить с человеком, который будет вести первую с 1936 года публичную казнь в этом округе. Вы хоть знали об этом, смотритель Майклз?

Вице-президент славился своими глубокими и точными познаниями в истории. Хэлу был известен данный факт, но он решил промолчать. Не стоит простому тюремщику портить шутки вице-президента Соединенных Штатов.

— Тогда это было в Кентукки. На казнь продавались билеты. А штат Техас собирается брать плату за освещение казни?

— Да, сэр, для того чтобы занять место непосредственно в аудитории, требуется взнос примерно в тысячу долларов. От канала «Фокс» штат получит одиннадцать миллионов долларов. Это за присутствие прессы.

Вице-президент захихикал.

— «Лондон таймс» заявляет о пятидесяти миллионах.

— Сэр, у меня нет доступа к иностранной прессе, но я считаю, что, если губернатор озвучил сумму в одиннадцать миллионов, значит, так оно и есть.

Последовала пауза.

— Возможно, и так, — сказал вице-президент. — Возможно. Повторяю, примите мои поздравления и поддержку, я лично могу вас заверить, что запрос ЕС на вашу экстрадицию удовлетворен не будет.

Он ждал гудков, но вице-президент не торопился вешать трубку.

— Сэр?

— Ах, смотритель... У нас тут небольшой... тотализатор. Знаете, как это бывает в конторах?

— Да, сэр.

— И я только что подумал, что вам неплохо бы знать: президент поставил на семнадцать минут. Как вы считаете, это... э-э-э... хорошая ставка?

Неудивительно, что Белый дом настоял на присутствии медиков. Человек обычно задыхается в течение четырнадцати минут, а у этого заключенного больное сердце.

— Учитывая возраст и состояние здоровья приговоренного, семнадцать минут вполне достойная ставка.

— Поскольку это было бы... ну, вы понимаете... если президент выиграет...

— Да, сэр.

Он понимал, что случится, если смерть наступит позже, чем через семнадцать минут. СМИ предупредили, что все займет четверть часа, чтобы они смогли рассчитать подходящее время для рекламы. Все, что свыше, будет лишь приправой к основному действию.

Услышав его ответ, вице-президент повесил трубку. Хэл смотрел на телефон. Он был в абсолютном шоке, и не из-за ставок, которые делали в Белом доме. Казни собирали сенсационные ставки в Лас-Вегасе, Атлантик-сити, где угодно.

Нет, не тотализатор его беспокоил, его волновало то, как повернулся разговор с вице-президентом, переход от официоза к новой теме. До тех пор все казалось ему отдаленным, едва ли не вымышленным. Президент провозгласил, что Соединенные Штаты никогда не выдадут христианина на суд секулярных стран. Объединенные Арабские Эмираты и группа лизоблюдов ЕС все так же угрожали прекратить поставки нефти, если их требования не будут удовлетворены.

«Администрации придется поддаться», — подумал Хэл.

— Господи, помоги нам, — пробормотал он, — Славься имя Твое.

В этот миг вбежала Дженни, обхватила его лицо ладонями и сжала:

— Ты великолепный, просто чудесный мужчина! Давай позвоним Мэдди, проиграем это ей!

— Проиграем? Ты что, записала разговор?

— Еще бы не записала! И вы сохраните его для своих правнуков, мистер, иначе обе ваши жены надерут вашу милую задницу!

Она захихикала. Дженни была старше Мэдди на десять лет, но до сих пор сохранила способность ребячиться.

Хэл видел, как растут его с Дженни дети, но положение обязывало его жить с младшей женой Мэдди и молодой семьей. Дженни решила остаться в их старом доме в Глейдуотере, там было тише. Но все равно каждые выходные они проводили вместе, а «тетя Дженни» с истинной материнской любовью относилась к его младшим детям.

На выходных, когда клан собирался вместе — обе его жены и девятеро детей в компании собак, кошек, песчанок и рыбок, — они с Дженни и Мэдди проводили супружескую ночь, разделенные лишь брачными простынями с обметанными дырами для совокупления.

Когда он был мальчиком, многоженство в США запретили, однако Конгресс Реконструкции разрешил такие браки снова, но только согласно законному определению. Определение предполагало как минимум десять лет документированной принадлежности к Церкви, участие в благотворительной деятельности, уплату десятины согласно стандартам, безупречное личное дело при отсутствии арестов, активное проповедование христианской веры и, конечно, владение личной собственностью. Иными словами, за исключением десяти лет «стажа», требования ничем не отличались от тех, которым должен соответствовать прихожанин, чтобы получить право голоса.

Хэл отвечал всем необходимым стандартам и был провозглашен одним из праведных прихожан старым пастором Уильямсом, упокой Господь его душу, в день, когда «Акт о сепарации праведных» стал законом на их земле.

А почему бы и нет? У Авраама было две жены, у Иакова четыре, и Господь говорил о святости брачных уз, а не о количестве жен. По скромному мнению Хэла, христианизация брака в США лишь увеличила количество счастливых людей.

Дженни обернулась, чтобы выйти из кабинета, и тогда он заметил застывшего в дверях Генри Клера. Хэл встал.

— Генри, — он пересек кабинет, — добро пожаловать. — Он стиснул ладонь Генри обеими руками. — Проходи, садись, не стой на пороге.

Но Генри попятился. Его лицо, обычно такое добродушное, теперь блесело от испарины. Запавшие глаза смотрели мрачно.

— Хэл. — Он протянул объемный документ.

Хэл опустил глаза. На синей обложке выделялся большой красный крест, а в самом документе, прошитом спиралью, было не менее двухсот страниц. Под крестом шли черные печатные буквы: «Доклад для Международного Общества Красного Креста о состоянии Тюрьмы Рассела № 1, Хеллман, штат Техас».

— Насколько я понимаю, проверку мы не прошли.

Генри ничего не ответил.

Хэл взял у него документ.

— Мне стоит это читать, приятель?

— Я побывал в Дисциплинарном центре. — Голос Генри звучал глухо и без выражения.

Что тоже было удивительно, хотя причина его оправдывала. Генри и его команда Красного Креста давно были раздражающим фактором. Хэл считал, что чем скорее правительство порвет отношения с Международным Красным Крестом, тем лучше.

— Естественно, это же часть тюрьмы, — сказал Хэл.

Генри имел право посетить Дисциплинарный центр благодаря соглашениям, подписанным до разрушения Вашингтона, соглашениям, которых придерживались несколько лет после взрыва бомбы, когда страна была беспомощна и погрязла в хаосе.

— Хэл, я видел организованную систему пыток.

— Ты видел систему, которая позволяет нам эффективно насаждать дисциплину среди неподдающихся заключенных.

— Я видел человеческий палец, Хэл, и я не смог определить, кому он принадлежал ранее. Человеческий палец в мусорном ведре, обернутый в пластик. Этому не может быть достойного объяснения.

— Несчастный случай.

Хэл прекрасно знал, что произошло. Он сам писал программу действий. Контроль над таким количеством заключенных при минимуме охраны требовал мощного потока информации. Отрезанные пальцы данному потоку способствовали.

— Хэл, если ты посмотришь на страницу сто двадцать один, то узнаешь, что нам удалось эксгумировать тело человека, умершего на территории твоего дисциплинарного заведения.

А вот это уже было похоже на то, что мир вокруг него рухнул и разбился на тысячи осколков, как игрушки с упавшей рождественской елки.

— Это невозможно.

— Семья дала нам разрешение на эксгумацию.

— Какая семья? — За свой поступок они просто обязаны понести уголовную ответственность. Должен быть такой закон.

— Они теперь в Канаде, Хэл, тебе до них не дотянуться. Можешь почитать отчет о вскрытии. Я действительно был бы рад, если бы ты смог мне объяснить, какой несчастный случай заставил его проглотить все те иголки.

— Наверняка попытка самоубийства.

Генри достал из портфеля еще один предмет. На сей раз черный футляр с DVD-дисками.

— Вот это заснято в одной из твоих комнат для допроса. Человека по имени Уильям Джордж Самуэльс заставляют глотать иглы, и не только иглы. Твое разрешение на подобные действия с твоей подписью подколото к рапорту допроса. — Он помолчал. — А теперь мне нужна твоя подпись на копии акта о получении от меня этого доклада. Согласно параграфу 141.2 протокола о передаче документа.

— Я отказываюсь подписать.

— Так и отмечу. Ты собираешься отдыхать со своими женами после казни?

— Нет, я не планировал...

— Для тебя ведь это отличный день, Хэл, наверняка ты захочешь отпраздновать.

— Это человеческая смерть.

— Повод радоваться, учитывая, что он абортировал сто шестнадцать зародышей.

— Убил сто шестнадцать человеческих младенцев.

Взгляд Генри посуровел.

— Эти абортывы были произведены легально, до запрета на подобную деятельность в США.

— Этот человек убивал детей, а закон штата принят как имеющий обратную силу и действует вплоть до первого аборта в стране после дела Роу против Уэйда. Генри, послушай, я всего лишь исполняю свой долг. Я неплохой человек. — И он ведь не был плохим, он был хорошим и праведным, христианином до самой глубины своего милосердного сердца. — Это ведь благословение виновных — то, что они получают кару в этой жизни и избавлены от нее в жизни грядущей.

Генри, не сказав ни слова, отвернулся и вышел.

Дженни по интеркому передала:

— Скауты в зале для совещаний, милый...

Хэл не мог сдвинуться с места. Грудь сдавило. Он глубоко вздохнул раз, другой, пытаясь успокоиться.

— Иисусе, — прошептал он. — Помоги мне. Помоги мне с этим, Боже.

Доклад Красного Креста теоретически должен быть конфиденциальным, но так не случится. Скользкие европейские правительства уж расстараятся, чтобы данные разошлись как можно шире.

Он обошел стол и налил себе стакан ледяной воды из серебряного кувшина, который подарил ему первенец. Рой, любимый Рой, погибший от отравления радиацией. Знал ли Генри, на что это похоже? Каково это — видеть, как кожа сползает с черепа твоего сыночка, которому только-только исполнилось двадцать два, слышать, как он умоляет Бога о смерти? Знал ли Генри, каково это — пытаться успокоить его мать, Дженни, державшую Роя за руку, пока тот умирал?

Мальчик прошел пешком весь путь от своей квартиры конгрессмена в Александрии, штат Вирджиния, до Атланты. В те жуткие дни, когда дым от Вашингтона носило над страной и ад воцарился от Ричмонда до Бостона, Господи, разрывая Соединенные Штаты. Разрывая величайшую страну мира после взрыва той бомбы, собранной в Иране, наверняка из русских деталей, привезенной на индонезийском нефтегрузе, черном корабле, по Потомаку, о Господи!

А теперь эта чертова пресса будет трепать его имя, сделает его Мясником из Рассела, вот увидите! Эти «Монд», «Лондон таймс», «Франкфуртер альгемайне цайтунг»; он знал их все, лживые газетенки еретических стран — стран, скрывавших до этого дня тех самых ненавистников Америки, которые превратили Вашингтон в радиоактивный дым и воспоминания. Тех, что убили Роя, его мальчика со смеющимися глазами и кудрявыми волосами. Как плакала Дженни в парикмахерской в тот первый день, когда по телефону прозвучал его голос: «Привет, папа! Знаешь, что сегодня произошло?»

О Америка, твои мертвые сыновья и дочери сбились с пути, с пути свободы, а нам пришлось отступить от него — всего на

несколько лет, как сказал президент, благослови Господь его за силу и человечность, — чтобы восстановиться, сделать эту нацию христиан паломниками, ищущими света, какими они были вначале, и затем, очистив душу и помыслы, эти христиане будут свободны перед Богом и людьми, снова свободны.

Он встал, допил остатки воды, велел сердцу либо прекратить болеть, либо прекратить биться и отправился на встречу со скаутами.

За большим столом, где обычно восседали бизнесмены, которые и вращали колесики огромной фабрики Отдела Рассела, сегодня собралась труппа техасских скаутов-рейнджеров в черных костюмах с золотистыми сумками через плечо. Все свежие, с иголочки одетые, глаза сияют мальчишеским запалом, щеки покрыты румянцем. Эти христианские дети просто прекрасны, и у каждого из них на воротнике сияют крест и звезда.

— Что ж, мальчики, надеюсь, вы готовы к сегодняшней программе.

Поднялся их капитан.

— Сэр, мы будем в первом ряду.

— Перед всеми камерами? Отлично. Не вертитесь, мальчики, ваши лица попадут во все иностранные выпуски новостей.

— Да, сэр, полковник Уоттс сказал нам. Сэр, почему иностранная пресса допущена в нашу страну?

— Я думаю, мальчики, вы и сами можете ответить на этот вопрос. Что случится, если мы их выгоним?

— Мы только быстрее сделаем Америку христианской.

— Это правда. Но и они вышвырнут наших репортеров из своих стран. Так что мы больше не сможем узнавать новости мира еретиков. А если это случится, они могут незаметно подстроить то, что нам совсем не понравится.

Он продолжал обмениваться шутками с парнями, пока позволяло время. Пять минут. Казнь была назначена на полдень, и он хотел, чтобы все прошло по графику. Поэтому отправил скаутов в аудиторию к Фреду Уоттсу, а затем велел Джени связаться с камерой исполнения приговора и предупредить, что он уже идет.

— Заключение готовят, — сказала она. — Пришлось дать ему зофтан — он там все заблевал.

— Предсказуемо.

Этот человек, один из трех десятков приговоренных абортмахеров в его отделе, дожил до пятидесяти трех и был настоящим трусом. Не христианином, так что последнее наставление пришлось давать ему силой.

Человек, убивший сто шестнадцать малышей, теперь, благодаря воплям прессы, за рубежом рисовался едва ли не святым мучеником. Прессу США уведомили, что писать нужно только о правомочности решения с отсылками к Библии, ведь казнь должна соответствовать ужасу преступления.

Неужели они считают, что скотину, убившую столько младенцев, что хватило бы на целый роддом, нужно тихо усыпить, как любимую старую собаку? Это неправильно, и всем, кто даст себе труд задуматься хоть на секунду, правомерность их решения станет очевидна.

Он был искренне уязвлен тем, что не сможет показать детям церкви Испании, не рискуя оказаться в тюрьме. За что, во имя Господа, такая несправедливость?

Хэл знал, что должен провести пресс-конференцию, но опаздывал и не мог позволить себе остановку. Репортеры США уже получили распечатки с вопросами и ответами, пусть пользуются. А иностранцы пусть подавятся своим докладом Красного Креста.

Комната для приведения в действие смертного приговора была переполнена. Он прошел по дороге смертников, мимо притихших камер. В этом коридоре запрещались разговоры, и те, кто сидел в камерах, тоже не издавали ни звука. Все выучили правила, хотя некоторым это трудно давалось без помощи охранника.

Во времена постройки тюрьмы каждая камера была рассчитана на одного заключенного. Сейчас в камерах находилось по шесть человек, а ведь в этот коридор попадали только те, кто уже был обречен на смерть, провалив все апелляции. Те, кому вынесли приговор, но до сих пор не рассмотрели апелляцию, содержались в общих бараках. Хэл считал это бомбой замедленного действия, о чем не уставал повторять губернатору.

Он завернул за угол и вошел в комнату подготовки, где добрый старый Сол Голдберг, помилуй его Иисус, сидел в своих оранжевых штанах, кашлял и давился, слушая преподобного Холдена Стенли, читавшего ему Книгу Иова.

— Кляп — это что-то новое.

— Он читал незаконные молитвы, — сказала доктор Карен Анджер. — Еврейские.

— Отлично выглядишь, Карен, — заметил Хэл. Она действительно отлично выглядела с новой стрижкой и макияжем.

— Это все телевизионщики, — смущенно пролепетала Карен. — Сказали, что у нас будет мировая аудитория под два миллиарда, Хэл, можешь себе представить?

Он попытался хихикнуть. Преподобный закончил чтение и закрыл книгу.

— Слышишь, Сол? Карен говорит, что у тебя неслабая популярность.

Сол молча смотрел на него.

Хэл вместе с Карен проследовал по коридору на сцену. В центре стояло стальное кресло с кожаными ремнями. Свет горел, камеры были включены. Хэл помахал рукой, и снова стало темно. Рано еще для шоу.

— Сэр, что насчет пресс-конференции?

— Смотрител? Ми иметь задать фопросы!

— Для начала выучите английский. Карен, кажется, все в порядке. Действительно в порядке. — Он понизил голос. — Дюк поделился со мной маленьким секретом. Президент сделал ставку на семнадцать минут.

Она едва заметно улыбнулась.

— Тогда и тебе стоит поставить на семнадцать минут, Хэл.

— Ты так хорошо контролируешь это? Смерть наступит ровно на семнадцатой минуте?

— Не сомневайся, приятель.

Приговоренному делали клизму.

— А этого хватит? Мы же не хотим, чтобы он все там уделал.

Карен кивнула на черную пробку, лежащую на серебряном подносе.

— Это оставит кресло сухим, что бы ни выдала перистальтика.

— Три минуты, сэр, — сказал охранник.

Хэл подмигнул скаутам, которые возились и смеялись, как и положено мальчишкам. Он надеялся, что, когда начнется казнь, ребята проникнутся важностью момента.

И стал наблюдать, как охранники готовят Сола к креслу. Кляп вынули. Во время исполнения приговора ему будет позволено говорить. Триста миллиграмм павуллона быстро лишат его такой способности, но приговоренный этого не знает. Наверняка он приготовил какую-то речь против великой страны. Нет, мистер, зря старались.

Гриммер быстро припудрил лицо Хэла и мазнул помадой по его губам.

— Вот так, — сказал он. — Пара движений, и вы уже выглядите на двадцать лет моложе.

Карен обратилась к Солу.

— Не могли бы вы подойти ко мне, Сол? Вы можете ходить?

Тот сгорбился на скамье, снова натянув свои штаны. И выдал длинную отрывку, типичную реакцию перепуганного человека.

— Простите, — сказал он.

— Нет-нет, это же естественно. Давайте, попытайтесь подняться.

Сол встал на ноги и тут же снова сел.

— Мне кажется, пробка выпадет.

— Нет, все будет хорошо.

— Билли, Джордж, — скомандовал Хэл. — Прошу, проводите приговоренного.

Два мощных охранника подняли Сола на помост. Лампы зажглись, яркие и слепящие, как само солнце.

— Как же вдруг стало тихо, — сказала Карен, глядя, как Сола привязывают ремнями.

— Ты в порядке?

— Давайте за работу, шеф. — Она надела хирургическую маску, которая должна была обеспечить ей анонимность.

И они поднялись на сцену. Хэлу казалось, что он вошел в собор, пульсирующий молчаливой жизнью. Он взошел на помост.

— Доброе утро, леди и джентльмены, — начал он.

И внезапно сзади раздалось громкое:

— *Йитгадаь взйиткадаш шмэй раба!*

Это Сол заголосил какую-то еврейскую молитву. Дома и в синагоге — пожалуйста, но на территории собственности штата это было немыслимо!

— Леди и джентльмены, — повторил он, повышая голос. — Сегодня мы приводим в исполнение приговор заключенному Солломону Самуилу Голдбергу...

— Да установит он царскую власть свою при жизни вашей, в дни ваши! — крикнул кто-то из аудитории.

— Прошу соблюдать порядок! — сказал Хэл.

— И при жизни всего дома Израиля, — громко произнес Сол.

— Все готово, — сказала Карен. — Препарат пошел.

— Я привожу в исполнение казнь...

— *Осэ шалом бим... ромав...*

Голос становился все тише и тише, пока губы не начали шевелиться беззвучно. Но теперь, казалось, половина аудитории подхватила непонятные слова древней молитвы, и они звенели в комнате так, что тряслись стропила.

— Да будет великое имя его благословенно вечно, во веки веков!

И ведь это не иностранцы, это такие же американцы, и все они совершают преступление, за которое будут наказаны!

— Это преступление! — закричал Хэл. — Это не христианская молитва! Карен, запускай яд!

— Уже. Вы хотите, чтобы я пустила его быстрее?

— Нет, черт побери! В этом отделе все будет по закону!

И вот, согласно закону, они казнили через удушение человека, отнявшего сто шестнадцать жизней. Препарат медленно перекрывал ему дыхание и голос, который поднялся до вопля, произнося Кадиш, теперь упал до шепота. Губы посинели, приговоренный наконец забыл молитву, все забыл, скотина, наверняка даже свое имя, но свое шоу перед смертью он устроить все же успел.

Оскалив зубы, он дергался в кресле, белая пена лезла изо рта, пот покрывал кожу, а когда началась предсмертная эрекция, Карен набросила на его бедра предусмотрительно захваченное оливковое тюремное полотенце.

Еще несколько минут — и голова его упала на грудь, а вздохи и хрипы наконец прекратились.

— Сэр, — сказала Карен, — заключенный мертв.

— Благодарю, доктор. Казнь завершена.

Закрылись занавески, и он взглянул на часы. Семнадцать минут ровно, а он забыл сделать ставку в проклятом тюремном тотализаторе! Одному Богу известно, сколько поймееет на этом деле президент в своем Белом доме.

Будь у Хэла хоть капля решимости, он позвонил бы и попросил старика поделиться выигрышем. Это было бы как минимум честно.

Через двадцать минут должна была начаться другая казнь. Не публичная — кому интересен черномазый, пойманный на угоне машин? Его быстро прикончат в подвале, и никто не опоздает на ленч.

Но, спускаясь с подиума, Хэл чувствовал себя плохо. В груди опять болело, глубоко внутри, у сердца. Если дальше так пойдет, он может заработать инфаркт. Боже, инфаркт, а ему ведь всего пятьдесят четыре!

Дженни ждала его, и он был рад ее видеть.

— Пойдем, красавчик, — сказала она. — Тебе, похоже, не помешает побыть с мамочкой.

И это была правда, так что он послушно поплелся за ней обратно в кабинет.

— Вот. — Дженни протянула ему документ. Свидетельство о смерти Альберта А. Тейлора-младшего.

— Мне нужно туда спуститься.

— Подписывай.

— Но он же еще не мертв.

— Скоро будет. Давай подписывай, тебе нужно полежать.

— Я не могу. Это не...

— Закон штата требует от тебя подписать эту форму. Он не требует твоего присутствия на казни. Присутствия требуют только чинуши, а ты и так оказываешь им большую услугу.

Она сунула ручку ему в пальцы. Он подписал.

— Я думал, что его проступок касается только угона. Разве этого достаточно для смертной казни?

— Третий проступок, и уже не важно, какой тяжести преступление. Он попался в третий раз, и это конец.

— Интересно, на чем его поймали в два прошлых раза.

Она протянула таблетку валиума и воду.

— Какая разница? Хватит того, что этого гада убрали с улиц, и, начиная с сегодняшнего дня, его содержание не будет стоить нам ни цента. Выпей.

— У меня по плану еще... Ленч, да?

— Я отменила на сегодня все.

— Ты просто ангел.

— Нет еще, муж мой. Но я работаю в этом направлении.

Он проглотил таблетку и лег на диван, а Дженни гладила его по лбу, пока он не заснул.

Хэлу снилось, что он шагает с Иисусом по Вудландс Молл, и он чувствовал, что Господь его любит, он держал Господа за руку — но тут увидел, что за ними наблюдает маленькая девочка, а Иисус почему-то обнажен.

— Господи, — сказал он во сне, — тебе нельзя так ходить, это смертный приговор, если она кому-то расскажет.

Хэл тут же проснулся. Было очень тихо, только слышалось тихое шипение кондиционера. Тусклый солнечный свет лился из окна на пол. Он сел, потом дошел до стола и налил себе воды.

— Дженни?

Все уже ушли, Хэл тоже заторопился по коридору, прихватив портфель.

Воздух снаружи тут же схватил за горло, мешая дышать. Небо было желтым, солнце казалось оранжевым и уже спускалось за северную башню, заливая небосклон кровавыми лучами.

По дороге домой он слушал новости. Национальный выпуск сообщал, что казнь прошла без инцидентов, приговоренный получил по заслугам, как и положено за преступления такой тяжести, и все закончилось хорошо. Ни слова об идиотском происшествии. Он напомнил себе, что нужно просмотреть запись с камер наблюдения. Все, кто читал Кадиш, будут наказаны, иностранцы депортированы, а американцы взяты под стражу с соответствующим статусом.

Домой он добрался поздно, уже стемнело. Из кухни пахло тушеным мясом, в подвале репетировали девочки.

— Благословенны узы, связавшие...

Мэдди подошла и поцеловала его.

— Ты видела?

Она кивнула.

— А дети?

— Были в школе. Но они видели. Все видели.

Доносившиеся звуки музыки и пения его дочерей мягко нарастали.

— ...наши сердца христианской любовью, объединится наш разум, да будет царствие наше похоже на Твое...

— И что они думают? — По правде говоря, он был разочарован отсутствием праздничной атмосферы. Ведь все-таки этот день был достижением главы семьи.

— Мальчики во дворе с телескопом.

Он вышел, мельком взглянув в мрачное беззвездное небо.

— Что ищете, ребята?

— Папа, — сказал младший, — ты говорил, что, когда был маленьким, смотрел отсюда на звезды. А куда они делись, папа?

Хэла словно окутало тяжелым покрывалом, упавшим с неба, покрывалом ядовитого воздуха и воплей умирающих. Он как будто снова услышал шепот молитвы Сола, тихий, почти призрачный.

— Звезд больше нет, — сказал он.

— А почему, папа?

Он ушел, решив поужинать тушеным мясом. Мэдди наблюдала, как он сам накладывает еду себе в тарелку.

— Почему ты плачешь? — спросила она.

— Я не плачу.

— Плачешь, Хэл. — Она коснулась его щеки кончиками пальцев, вытирая прохладные слезы.

— Я не плачу, — повторил он. — Я просто немного устал сегодня. Не знаю почему.

Ему хотелось уткнуться лицом в ее плечо, выплакаться, спрятаться в ее нежных объятиях.

— ...и воцарятся всеобщая дружба и любовь... — слышались голоса девочек.

И стихли. Песня закончилась.

— Ну что ж, — сказала жена. — Доедай. Через десять минут начнется «Место преступления», ты же не хочешь пропустить начало серии?

РОБЕРТ СТИВЕН РАЙН

ПРОРОК

Дэниел натянул черные нейлоновые носки и сунул ноги в начищенные ботинки, помогая себе выцветшим рожком для обуви. Он собирался на рождественскую вечеринку к Макаби — выслушивать нытье по поводу надоевшей работы и избалованных детей. Жизнь людей так чертовски предсказуема. И дело не в том, что Дэниел был каким-то особенным. Он был совершенно обычным. Часовщик, родившийся в Питтсвилле, штат Нью-Хемпшир, у которого так и не исполнились детские мечты: он не стал ни обозревателем «Нэшнл джиогрэфик», ни палеонтологом. Он давно отказался от этих планов, как только понял, что никогда не сможет их осуществить. Дэниел научился осознавать жизненные ограничения. Если бы еще другие научились тому же...

Он завязал галстук, не глядя в зеркало. После чего аккуратно завел наручные часы, двигая стерженек вперед и затем — очень осторожно — назад. Швейцарские «Bulova» 1927 года, с черным циферблатом, золотой окантовкой и шестнадцатью камнями в корпусе, выполненном в стиле «Cigvex». Часы принадлежали его деду, а Дэниелу достались по завещанию от отца. Причем достались в жутком состоянии, но он с любовью подошел к делу, и с тех пор часы служили ему безупречно. Он проделал такую работу, что соседка, впечатлившись, попросила починить и ее часы, и не успел Дэниел моргнуть, как заказы посыпались со всех сторон и он застрял в своем часовом магазине, не отрывая глаз от сложных механизмов.

Он поднес к уху прямоугольник хрусталя и прислушался, как стрелка отмеряет секунды его жизни. Сейчас ему сорок девять. Отец и дед дожили до пятидесяти трех. Что оставляло в итоге 1 825 дней, 43 800 минут и 2 628 000 секунд... тик-так... тик-так...

Жена Дэниела Минди не раз приказывала ему прекратить подсчеты, чтобы не напроорочить себе злую судьбу. Дэниел только улыбался.

Он расчесал редеющие волосы, все так же стоя спиной к зеркалу, и уставился на пряди, оставшиеся между зубцами гребешка. Заметил свое отражение в зеркальце на трюмо.

— Милый, мы опоздаем. Почему ты так долго?

Минди, его поблекшая, но когда-то чудом доставшаяся ему супругу, вошла в ванную, глядя на винтажные «Lady Elgin» из розового золота, охватившие браслетом ее костлявое запястье. Под каблуками туфель «Прада» захрустели осколки. С понимающим вздохом она уставилась вниз, на свое раздробленное отражение. Раньше это было красивое зеркальце в черепаховой оправе.

— Черт возьми, Дэниел! Оно принадлежало моей матери!

Она схватила совок и веник и принялась убирать осколки, бормоча себе под нос:

— Ты просто не успокоишься, пока не перебежишь все зеркала в дома, да? То, что нужно, еще семь лет неудач!

«Вообще-то три», — поправил про себя Дэниел.

Они ехали на «бьюике лесабре» по совершенно пустой дороге. Асфальт подернулся коркой льда, и Дэниел вел машину крайне осторожно. «Может, вечеринка успеет закончиться прежде, чем мы туда доберемся», — втайне желал он.

— Ползешь как черепаха! — заворчала Минди. — Ты что, хочешь пропустить вечеринку?

Дэниел впечатал остроносый ботинок в педаль газа, разгоняясь до пятидесяти... шестидесяти пяти... семидесяти. Минди было наплевать на возможную аварию. По правде говоря, она предпочла бы разбиться, только бы не ездить на восьмилетнем «бьюике». Но ремонт часов в Питтсвилле не приносил прежних денег, а Минди тратила на шопинг все больше.

Она тоже получила от жизни не то, что хотела, включая и мужа. До свадьбы с Дэниелом Минди встречалась с богатым ортопедом, была даже обручена с ним, пока ортопед не сбегал вслед за парой более стройных ножек. Жизнь вынуждала идти на компромиссы. Между выщипанными бровями Минди пролегали морщинки, вызванные этими компромиссами. До того как она решила колоть ботокс.

«Бьюик» взвизгнул тормозами и остановился перед фасадом дома Макаби с четырьмя колоннами, в старом добром колони-

альном стиле. Скромная обитель сияла гирляндами не хуже сверхновой. Но за этим ярким фасадом скрывался темный секрет. Диди Макаби хотела детей, но имеющиеся проблемы — такие как недостаток яйцеклеток и дохлые сперматозоиды мужа — этому препятствовали. Они могли бы, конечно, пойти на усыновление, но скрыть это от ребенка в Питтсвилле, где слухи распространяются не хуже газовой атаки, было нереально.

Жена же Дэниела, Минди, наоборот, оказалась плодовитой, как крольчиха. Но Дэниел поклялся положить этому конец, что привело к двум абортам.

Дэниел покосился на увешанную украшениями дверь Макаби и ощутил приближение мигрени.

— Выпрямись, ты опять сутулишься, — приказала Минди, ударив его по спине, а другой рукой нажимая кнопку звонка. Динь-дон!

Дверь открылась в тот миг, когда она принялась стряхивать перхоть с лацканов Дэниела.

— Минди и Дэниел! Какой сюрприз! — отрепетированно пропела Диди, делая вид, что ужасно им рада. — Не думала, что вы приедете.

— Нам же прислали приглашение, — вновь ссутулился Дэниел. — Чего же ты ждала?

— Ну что ж... — Диди перекосило, как жертву инсульта. — Судя по тону, вам не помешает яичный коктейль.

Дэниел споткнулся о порог.

— Взбитые яйца с ромом... теплая цистерна праздничной слизи.

Гостиная была украшена мишурой и лучилась вымученным весельем. Около трех десятков гостей бильярдными шарами рассыпались вокруг фальшивого рождественского полена.

И все усталились на вошедших Дэниела и Минди — они приехали последними. Дэниел заметил жирного прыщавого подростка, сына Фландерсов, жадно поглощающего сосиски в тесте; Барта и Фрэнка, семидесятилетних грубиянов, которые все дни проводили на лужайках, ругая свои катаракты; Холли Вивер, нахальную крашеную рыжуху с каменными имплантатами в груди, главу родительского комитета; Честера Сосновски, старого парикмахера, который каждый вторник подстригал Дэниелу бороду;

Филлис и Марка Бернсайдов в хрустящей новенькой форме нью-хемпширской полиции, вешающих на рождественскую елку игрушечную патрульную машину.

Дэниел опустил голову и отправился напрямик к бару. У Макаби был отличный бар из стали и стекла, где лучшие марки водки соседствовали с джином, виски и пластиковыми бутылками диетической колы. Дэниел потянулся к виски.

— Ты же обещал! — взвизгнула Минди.

Он схватил бутылку, мельком взглянув на свое отражение за полкой, и прошипел сквозь зубы:

— Я долго не выдержу среди *этих людей*, если не выпью хоть чего-нибудь.

Минди вздохнула, как тракторная шина, налетевшая на гвоздь.

Дэниел наполнил стакан и глотнул для успокоения нервов. В пищеводе потеплело, но стоило Дэниелу опустить глаза, и он заметил, что его отражению в янтарной жидкости не хватает нижней челюсти.

— Дэниел!

Этот голос был радостным, как у человека, внезапно обнаружившего пропавший носок. А сам голос принадлежал Флоренс Липкин, директору начальной школы Питтсвилля. Сморщенная старушка со стеклянным глазом недавно принесла Дэниелу великолепные часы XIX века, «Hamilton» из розового золота на 18 камнях с бриллиантовыми цифрами, заводом на восемь дней и спиралью из синей стали. Дэниел любовался восстановленными часами на ее запястье, прижимавшем к груди Принца Вэлиента, дрожащего ши-тцу.

Флоренс потеряла глаз из-за несчастного случая во время игры в шаффлборд¹ примерно шесть месяцев назад, но до сих пор носила во влажной глазнице дымчатый мрамор. Весь город считал ее дешевой и верил, что Флоренс крадет питьевую воду в пластиковых бутылках из школьного кафетерия. И только Дэниелу было известно, что восемь месяцев назад, после смерти мужа, она

¹ Шаффлборд — состязательная игра на размеченном корте с использованием киев и шайб. Задача игроков заключается в том, чтобы уда-
ром кия отправить шайбу в зачетную зону.

унаследовала добрый миллион. И Дэниел знал это задолго до нее самой. Но не говорил никому, даже жене. Он просто прикидывал возможности, которые подобная сумма открыла бы ему самому. Он наконец уехал бы из Питтсвилля, посмотрел мир. Если бы только старушка сделала его своим наследником...

— Как поживает мой любимый часовщик? — проворковала ему Флоренс, но так она приветствовала всех. «Как поживает мой любимый почтальон?», «Как мой любимый мясник?», «Как дела у моего любимого окулиста?». Дэниел размышлял, сколько времени Флоренс осталось до «любимого гробовщика».

— Неплохо. — С вымученной улыбкой он разглядывал бар.

Несколько минут они переминались в тишине, только звякал иногда лед в его бокале.

И вдруг Дэниел получил такой удар по спине, что непроизвольно клацнул зубами.

— Дэниел, парниша... хе-хе... — раздался голос, который мог принадлежать лепрекону, сидящему на стероидах.

Дэниел осторожно покосился через плечо и увидел мускулистого страховщика Майка Джонсона — полтора метра плохих манер.

— Я тебе уже рассказывал, Дэнни, про наш новый тройной полис на все случаи жизни? Страховая выплата утраивается каждые девять лет!

— Да, рассказывал, — сухо отозвался Дэниел.

Майк (он же Мик, но так его называли только друзья) забросил вторую удочку:

— Так что ж мы его с тобой до сих пор не подписали?

— Потому что он мне не нужен.

Бывший звездный защитник школьной футбольной команды Питтсвилля, слишком низкорослый для того, чтобы продолжить карьеру в колледже, нагло ухмыльнулся.

— Ты что, экстрасенс?

— Ну...

Минди ввинтилась между ними.

— Милый, ты посмотри, кого я только что нашла! — Минди вертела задом, словно нейлон колгот вдруг начал кусаться.

Дэниел понятия не имел, кто такой этот блондинистый красавчик под тридцать, хотя Минди явно ждала от него восхищенного

узнавания. Адонис попытался ей помочь, расплывшись в улыбке и подняв брови, как на рекламном плакате.

— Э-э... — Дэниел пожал плечами. — А я вас знаю?

— Это же Джек Конрой! — пропищала Минди.

Джек понимающе кивнул Дэниелу, как кивают порой недо-развитым детям, которые искренне старались.

— Со мной такое постоянно. Все думают, что я их старый школьный друг или что мы знакомы по работе.

Дэниел все так же непонимающе смотрел на человека, которого никогда раньше не видел, понятия не имел, где мог видеть, да и в принципе плевать хотел на такие знакомства.

Минди в отчаянии пропищала:

— Он доктор Рэнди Маршалл... из «Конца наших жизней»!

Джек подмигнул и вцепился в малокровную ладонь Дэниела своей мясистой лапкой.

— Да ладно, Дэнни, при встрече со знаменитостью люди еще не так реагируют.

— А разве я не должен вас знать, чтобы понять, что вы «знаменитость»? — вслух удивился Дэниел.

Джек запрокинул голову и сверкнул зубами в деланом хохоте.

Минди двинула Дэниела локтем под ребра, слегка переставившись.

— И что вы делаете в Питтсвилле, Джек? — Дэниел прислонился к бару. — Знаменитости к нам обычно не заглядывают.

— Заехал на каникулы. Мой приятель Лэнс здесь родился, вот я и подумал, что забавно будет посмотреть на то, как живут деревенские ребята. Я вот, к примеру, городской, родился на Манхэттене. Бывали там, Дэнни?

— Нет. И никогда не буду.

— Да почему же нет? — прочавкал Джек, набивая рот фальшивыми крабами и вытаскивая хрящик, застрявший в передних зубах. — Это же всего в нескольких часах отсюда.

— Я просто... никогда туда не отправлюсь.

— Откуда вы знаете? — Джек фыркнул. — То есть... ну вот все предвзято относится к Нью-Йорку, пока не побывают

там. А стоит им приехать, и они уже поют... Нью-уу-Йорк! Нью-у-у-у...

Несколько гостей даже отвлеклись от блинчиков с тунцом, когда хорошо поставленный в Джуллиардской музыкальной школе голос взвыл: «Йоооорк!»

— Эй, у меня есть эта песня на диске! — воскликнул Стюарт Макаби, «любимый гинеколог» Флоренс, подбежал к музыкальному центру, поставил «Рок-рождество Уэйна Ньютона» и выбрал Синатру.

Джек подпевал, заглушая «Ol' Blue Eyes».

— Перестаньте петь блюуууз... Мне повезлоооо, я хочу попробовать... Нью-Йорррк, Ньюуу-Йорррк...

Флоренс пробормотала:

— Но это же не те слова...

— Какая разница? Он прекрасен! — восторженно пропищала Минди.

Джек шагнул влево, под свет лампы.

— Посмотри на меня-а-а... Нью-Йоооорк... НьюууУУУуу...

Дэниел глотнул еще виски, глядя на Минди, замороженную красавчиком.

— ЙОООООРРРРК!

Финальный вопль сорвал овацию.

Минди обнимала Джека так, словно он только что обезвредил ядерную бомбу. Дэниел не мог не заметить, как тот похлопывает ее по заду.

— Итак, Дэнни, чем вы вообще занимаетесь? — спросил запыхавшийся Джек.

— Я часовщик.

Минди уставилась на свои устаревшие часики.

— Такой бизнес еще существует? — подавился смешком Джек.

— По всей видимости, да. — Дэниел сохранял непроницаемое выражение лица.

— И сколько денег он приносит? — Красавчик таращился на Минди, как на бекон.

— Не так чтобы много. А актерская игра?

— Шутите? За прошлый год я получил больше шести тысяч. «Отвал», как говорят в Голливуде. Сколько часов нужно починить за такой кусок?

Дэниел мрачно отхлебнул виски, чтобы не отвечать: «Все часы Северного полушария».

Минди, новообращенный рекламный агент красавчика, тут же вмешалась:

— Ты слышал? Джек снимается в полнометражном фильме!

Джек благородно поправил ее:

— Минди, вообще-то мы еще не начали съемки, но половина бюджета уже есть.

— Да неужели? — спросил Дэниел. — А как же «мыло»?

— В жизни больше не соглашусь сниматься в сериале, — фыркнул Джек. — Я разорвал контракт, чтобы заняться фильмом. А потом, после пары картин, стану режиссером.

Минди глазела на него, как щенок с открытки.

Дэниел гонял лед в стакане, по кругу и снова по кругу, все быстрее, погружаясь в какой-то странный транс, а когда лед остыл... он увидел свое отражение.

И не только.

Джек сиял улыбкой для Холли, покрасневшая рыжуха мялась в углу, а Дэниел вполголоса выругался.

— Не совсем...

— Простите, вы что-то сказали? — Джек двинул бровями.

— Не совсем, — тихо повторил Дэниел.

— О чем это вы? — Джек явно начинал злиться.

— А вы уверены, что хотите знать? — Впервые за вечер Дэниел встретился с ним взглядом.

Минди грозно тарасилась на него с выражением «не смей», что только подхлестнуло Дэниела.

— Ладно, — тихо сказал он. — Несмотря на то что вы бросили сериал ради фильма, через две недели канадцы обрежут финансирование. Ваш агент Марти дождется, когда вас не будет дома, чтобы оставить сообщение на автоответчике. А вы в этот самый момент будете расплачиваться наличными за тот зеленый «ягуар», на который все поглядываете в окно. Но поскольку вы не услышите сообщение агента, вы не будете знать, что тратите

последнее. Агент же сообщит, что в сценарии сериала вашего персонажа уже заменили. Ему прописали передозировку морфина, который он украл в Центральном госпитале. Дальше следите за иронией ситуации. Продюсеры так разозлились на то, что вы бросили роль, что написали, как ваш обдолбанный персонаж срыгается с утеса по пути к своей слепой любовнице. Его лицо обгорает до полной неузнаваемости, что предсказуемо, но печально. И спасти его может только пересадка кожи. Так что в тот день, когда вы попытаетесь попасть в здание Си-би-эс, охрана заявит, что ваш пропуск недействителен. «Да пошли вы!» — скажете вы и развернете автомобиль. «Кому они сдались!» — фыркнете вы и убедите себя, что вам чертовски повезло. А вашу роль, роль доктора Рэнди Маршалла, отдадут Мэтту Старлингу, который принесет сериалу дневной эфир и премию «Эмми». Несколько месяцев вы будете сидеть и ждать роли с десятками молодых и симпатичных, пока вас не затошнит. Несколько раз вас пригласят на пробы, но ваша игра будет слишком скованной и «мыльной», как будут потом шептаться агенты у вас за спиной. И вот, после года унижительных прослушиваний, вам и вовсе перестанут звонить. Марти бросит вас и подпишет контракт с Мэттом Старлингом. Вы приползете на коленях к продюсеру «мыльной оперы», над которой смеялись, и будете умолять взять вас обратно. «А что, если у моего персонажа есть брат?» — попытаетесь вы предложить, когда на ваш звонок соизволят ответить. Но продюсер скажет, что Мэтт Старлинг заработал им высокий рейтинг и получает больше писем от поклонниц. С момента вашего ухода рейтинг сериала поднялся на два пункта. Еще четыре года ваша ослепительная улыбка будет постепенно желтеть, грива светлых волос поредет и покажется плешь. Прекрасные женщины, которые раньше не давали вам прохода, перестанут вас замечать, и вы станете завсегдатаем баров среднего пошиба. И наконец попробуете наркотики — метамфетамины, если быть точным. А что самое смешное, Джеки, когда у вас закончатся деньги, вы станете продавать их близким друзьям. Вас пригласят на несколько третьесортных вечеринок, но только как дилера, и ближе этого вы больше никогда не подберетесь к кино. Вы никогда не признавали своей бисексуальности, но наркотики освободят вас от ком-

плексов, и вы решитесь наконец завести любовника — им станет ваш старый приятель Лэнс, еще один наркоман, с которым вы будете пользоваться одной иглой.

Дэниел сделал паузу.

— Мне продолжать?

У Джека отвисла челюсть, глаза Минди блеснули от слез.

Дэниел, спотыкаясь, ушел в ванную и плеснул себе в лицо холодной водой. Вытерся одним из вышитых розовых полотенец — повешенных только для красоты.

Подняв глаза, он увидел будущее в зеркале ванной.

Жуткие вещи: Джек Конрой вдыхает амилнитрат во время анального секса с Минди, Флоренс вынимает свой стеклянный глаз, сует его в рот, чтобы почистить слюной, и давится им насмерть; Филлис Бернсайд в полицейской форме отвечает на звонок из круглосуточного магазина только для того, чтобы получить пулю в голову от грабителя — прыщавого сына Фландерсов, Джейсона; рыжая Холли Вивер счастливо проводит медовый месяц на Багамах с Марком Бернсайдом и не знает, что протекающий имплантат в груди медленно убивает ее...

Дэниел попытался отвести слезящиеся глаза от ужасов в зеркале, сердце колотилось в груди, мигрень пыталась просверлить его голову насквозь, но он не мог не смотреть. А изображения все мелькали: Барт хватается за грудь на своем газоне и падает под веселые струи поливалок; Мэтт Старлинг, обладатель «Оскара», поднимает статуэтку и благодарит Джека Конроя за то, что тот отдал ему роль, с которой и началась его звездная карьера (на заднем плане, комедийного элемента ради, появляется потертая кружка с фотографией Джека); Диди Макаби стоит в ванной и смотрит на кровь в унитазе, как на мертворожденного ребенка, слезы блестят на ее щеках; Минди в офисе доктора Макаби в шоке смотрит на результат своего теста на ВИЧ; а затем Дэниел видит себя, сидящего в «бьюике», смыкающего губы на дуле девятимиллиметрового «глока», и... Бах! Бах! Кровь заливает изображение Иисуса, у Дэниела отсутствует челюсть...

Звон разбитого стекла.

Дэниел вышел из ванной, с разбитых кулаков капала кровь, из динамиков лилось «Белое Рождество» Бинга Кросби.

Диди Макаби заметила капли крови на ковре и взвыла:
— Только не на новый берберский!

Дэниел откинулся на кушетке, рассматривая книжную полку. «Неврология», «Патологии», «Тревожные расстройства», «Уравновешенность», «Маниакально-депрессивные расстройства», «Депрессия», «Пагубные привычки», «Биполярное расстройство», «Зависимость», «Дисфункции» — названия почти составляли связное предложение. И ни одной книги о суициде.

Он слышал, как тикают его часы. *Кто услышит, как они останвятся?*

— Итак, Дэниел, у нас снова проблемы с зеркалами?

Шейла Мерримен откатилась назад в своем эргономичном кресле, кроваво-красный лак ногтей блеснул у подбородка, когда она оперлась на сцепленные ладони и покачала головой, словно взвешивая ее на весах рассудочности.

— А когда это у *вас* начались проблемы с зеркалами? — Дэниел фыркнул от предсказуемости ее вопроса.

Шейла не поддавалась на провокацию.

— Вы считаете, что *у меня* проблемы с зеркалами?

Он ненавидел привычку терапевтов каждую фразу превращать в ответный вопрос. Подобное могло свести с ума и совершенно нормального человека. За две сотни долларов в час нечего было и надеяться на прямой ответ.

И все же Дэниел продолжал танго уверток, на этот раз выбирая вопрос, на который нельзя было ответить вопросом.

— Мы действительно таковы, какими видим себя в зеркале, или наше отражение — это только то, что мы хотим видеть?

Шейла помолчала. Загрузка системы...

— А как вы думаете?

Дэниел вздохнул.

— Зеркало — это просто кусок стекла с напыленной амальгамой. Наше отражение — это лишь то, что видят глаза и интерпретирует наш мозг.

— То есть, будь мы слепы, у нас не было бы отражения?

— А как вы думаете? — парировал Дэниел.

Шах и мат. Так ему вначале показалось.

— Вы хотите поговорить о том, что произошло на вечеринке? — Шейла вернула подачу.

— Нет, я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос.

— Хорошо. Вы пытались сказать, что, если зеркало находится в лесу и некому в него заглянуть, отражение не появится?

— Об этом я *спрашивал вас*. — Дэниел понял, что она опять умудрилась перекрутить ответ в форму вопроса.

— Но мы ведь никогда этого не узнаем, не так ли, Дэниел?

— Узнаем. Потому что я видел лес... в зеркале.

Шейла озадаченно на него воззрилась.

Дэниел решил продолжить философский рестлинг.

— Я вижу все не так, как вы. В отражениях я вижу будущее. Так что, если я вижу в зеркале себя с дулом пистолета во рту, как мне определить, настоящее это или будущее?

— Вас посещали суицидальные мысли, Дэниел?

Снова вопрос.

Дэниел прекрасно знал, что умрет, потому что то же произошло с его отцом и дедом: оба в возрасте пятидесяти трех лет вставили дуло револьвера в рот и вышибли себе мозги, не в силах больше справляться со своими «способностями».

Боль от того, что время и способ собственной смерти были известны, сводила с ума, особенно когда видения появлялись даже в начищенных носках ботинок.

— *Вы контролируете свою судьбу, Дэниел, а не зеркало.*

— Вы не понимаете. То, что я вижу в зеркале, и *есть* судьба. — Дэниел начал злиться. — И я никогда не ошибаюсь.

Шейла методично кивала, но на лице ее застыли недоверие и обеспокоенность.

— Но если вы видели в зеркале, как совершаете самоубийство, как вы можете сидеть сейчас передо мной и говорить об этом? Разве это не доказательство того, что вы не можете предсказать будущее?

Дэниел знал, что она сомневается, все они сомневались, пока он не говорил им, что ждет в будущем их самих. Большинство терапевтов плохо воспринимали новости. Они либо отказывались от пациента, либо увольнялись, либо сами сходили с ума. Сложно жить, точно зная, что ждет тебя впереди. Браки, дети,

разводы, несчастные случаи, финансовые затруднения, болезни, смерть. И как бы ты ни пытался сменить курс, ничто не поможет. Если Дэниел сказал, что жена тебе изменит, все попытки ее остановить только подтолкнут ее в объятия любовника. А если Дэниел говорил, что ты умрешь в катастрофе, хоть всю жизнь избегай самолетов, погибнешь в автомобильной аварии.

И все равно все они задавали один и тот же вопрос.

— А вы можете сказать, Дэниел, что произойдет со мной?

Дэниел ехал домой из кабинета психиатра.

Шейла плохо восприняла новости. Но он знал, что она подождет девять дней, а затем брошенные Дэниелом зерна укоренятся в ее сознании и лишат сна. После чего она наконец запишется на прием к врачу, заверив себя, что это просто «рутинная проверка». Что она не поддалась навязчивым фантазиям клиента, страдающего от клинического нарциссизма вкупе с паранойей. Она даже посмеется вместе со своим гинекологом, Стюартом Макаби, испустив вздох облегчения, когда не обнаружится никаких отклонений.

Но семь месяцев спустя анализ крови докажет, что пророчество Дэниела было верным. У Шейлы найдут рак яичников.

Дэниелу от этого лучше не становилось.

Истина не всегда отпускает тебя на свободу. Иногда она приковывает ко дну.

Дэниел не станет отвечать на истерические звонки Шейлы и сообщения на автоответчике, а она будет отчаянно пытаться узнать, переживет ли химиотерапию, каковы ее шансы и сколько ей осталось.

Дэниел знал, что лучше не отвечать на эти вопросы.

Прошло три года.

Минди давно сбежала с Джеком Конроем. Флоренс умерла и оставила все деньги своей диабетической собачке. Джейсон Фландерс снова сел в тюрьму (на этот раз за вскрытие машины), Холли Вивер записалась на ТВ-шоу «Измени себя» и выиграла новые имплантаты для груди, Мик Джонсон умер от опухоли мозга за неделю до того, как закончил выплаты на свой тройной полис.

«Бьюик лесабр» стоял на краю обзорной скалы Питтсвилля. Вода озера Виннипесаюки мерцала под скалой. Приветливо. Отличный весенний день.

Дэниелу было наплевать на вид.

После развода Минди оставила ему «бьюик» и больше ничего, если не считать пыльных часов в жалком магазине. Он любовно завел швейцарские «Bułova», поднес к уху и прислушался к отсчету секунд своего пятьдесят второго дня рождения.

Затем открыл отделение для перчаток и вынул девятимиллиметровый «глок», который утром приобрел в местном магазине спортивных товаров. Марк Бернсайд, продавец, уверял, что это модель, побывавшая в деле. «Глок» верно служил Бернсайд в годы его службы в полиции. И никогда не стрелял при задержании, но одного взгляда на хромированное дуло хватило Дэниелу, чтобы увидеть: однажды этот пистолет станет орудием убийства.

— Как дела у Холли? — спросил он тогда у бывшего копа, взвешивая пистолет на ладони.

— О, ты же знаешь. — Марк избегал его взгляда.

Слухи о сверхъестественных способностях Дэниела разошлись по всему Питтсвиллю, и он стал изгоем. Люди считали, что Дэниел становится причиной неудач, а не их провидцем.

Если бы он только мог связаться со своим психиатром, с Шейлой... Но она, четко по плану, умерла восемь месяцев назад от рака яичников.

И вот он открыл отделение для перчаток.

Достал заряженный «глок». Железо обдало холодом его дрожащую руку. Дэниел посмотрел на костяшки пальцев, сбитые о множество зеркал за много лет.

Он не мог больше жить, не мог еще целый год терпеть грызущее изнутри знание того, когда и как умрет.

Он сунул дуло в рот и уставился на крест, свисающий с зеркала заднего вида, глубоко дыша через нос.

По зеркальной поверхности озера скользил рыбацкий ялик. Дэниел узнал Фрэнка, который тралил рыбу. Место Барта на соседней скамье теперь занимало радио.

Дэниел внезапно начал всхлипывать, слюна стекла по дулу. Он вынул пистолет изо рта и сунул его в карман пальто. Нет, хватит с него видений. Он возьмет судьбу в свои руки.

Дэниел завел мотор, заставил «бьюик» забуксовать, а затем вывернул руль, посылая машину с обрыва... и взглянул на себя в зеркало заднего вида.

Но «бьюик» затормозил падение, ткнувшись в сосну на скалистом обрыве внизу. Грохот и последующий всплеск привлекли внимание Фрэнка, заставив спрыгнуть с ялика и поплыть к тонущей машине. С третьей попытки Фрэнк смог вытащить Дэниела и доплыть с ним до поросшего деревьями берега, где вытряс воду из легких Дэниела и сделал ему непрямой массаж сердца.

Однако мозг оказался непоправимо поврежден.

Дэниел провел в состоянии овоща одиннадцать месяцев, а затем Минди наконец выбрала время его навестить.

Она осторожно опустила свое истощенное тело в кресло у окна, солнечные лучи безжалостно высветили язвы саркомы Капоши на шее и возле рта. В руке Минди держала синий шарик с надписью «Счастливого 53-летия». Пальцы разжались, и гелиевый шар вылетел в окно. Минди провожала его взглядом, все выше и выше, пока шарик не превратился в точку и не исчез в облаках.

А потом спокойно раскрыла сумочку и достала «глок» Дэниела. Холодный и тяжелый.

Она вложила его Дэниелу в ладонь, загнула безвольные пальцы на рукоятки и поднесла дуло к его подбородку.

— Пока смерть не разлучит нас.

Минди нажала курок, и мозги Дэниела расплескались по стене.

Вскоре она добавила к ним свои.

Как и предвидел в зеркале Дэниел.

Д. Линн Смит

ПАДЕНИЕ

Они сотворили подражательный дух... подобный духу нисшедшему, так, чтобы загрязнить им души.

Апокриф Иоанна

Райан боится темноты. Его пугает гром, ворчащий снаружи, словно желудок голодного зверя. Он боится молнии, которая на миг выхватывает очертания вещей, прячущихся в темноте. Во время одной из вспышек он видит темный зев ведущей на кухню арки. ВСПЫШКА. Он видит дверцу холодильника с магнитом в виде ангела, расправившего крылья над снимком с ним, мамой, папой и близнецами, словно защищая их. ВСПЫШКА. Он видит отца, который, опустив голову, сидит за кухонным столом и словно спит.

Затем возвращается темнота, и Райан видит только отблески, колеблющиеся у него перед глазами.

— Папа?

— Возвращайся в кровать, Райан, — говорит отец.

— А когда вернется мама?

— Скоро.

Грохочет гром.

— Мне страшно, — говорит Райан.

— Мне тоже.

Но Райан знает, что это неправда. Его папа пожарник. Он спасает людям жизни, рискуя своей собственной. Комнату освещает молния. Его отец не двигается. Райан уходит.

В передней темно, но из дверного проема в дальнем ее конце льется слабый свет. Он проходит мимо комнаты близнецов.

Дверь закрыта, и ему не видно, что там, внутри. Иногда он жалеет, что не может закрыть эту дверь у себя в голове, чтобы не видеть то, что там когда-то случилось.

Он проходит через переднюю и ступает в мягкий свет, льющийся из его аквариума. К стеклу, чтобы поздороваться, подплывают пять дискусов. Мама не хотела, чтобы он заводил именно дискусов. Парень из зоомагазина сказал, что они не подходят для детей. Они пугливые. Им не нравятся вибрации, какие могут создавать носящиеся вокруг дети. Но Райан убедил маму, что в свои двенадцать лет он уже не ребенок.

Это красно-бирюзовые дискусы. У них красно-коричневые полосы, а тельце по краям голубое. У каждого есть имя. Салли, Джек, Алиса, Сэм и Билл.

Джек немного мельче остальных, но ведет себя так, словно он самая крупная рыба в аквариуме. Он всегда ест первым и никому не позволяет себя обижать. Райану это нравится. Поэтому Джек его любимец.

Близнецы всегда хотели прийти посмотреть на рыбок. Но они стали бы стучать по стеклу, и поэтому Райан не пускал их. Теперь он жалеет, что так мало с ними играл.

Райан незаметно для себя задремал, и оглушительный раскат грома заставил его вздрогнуть и проснуться. Из кухни слышались голоса, поэтому он прокрался через переднюю и тихо встал у холодильника.

ВСПЫШКА. Отец стоит, повернувшись лицом к его матери. Она красивая. У нее белая и гладкая кожа. Темные короткие волосы немного растрепаны. На ней подаренная Райаном футболка со словами «Лучшая в мире мамочка».

ТЕМНОТА.

— Джесс, — говорит мама Райана. — Давай не будем ссориться. Я люблю тебя.

Райан слышит, как отец что-то бормочет, но гром заглушает слова. **ВСПЫШКА.** Мать обнимает отца, и на миг Райану кажется, что все уладится. Может, его мама опять стала хорошей и они снова будут жить как семья.

ТЕМНОТА. Райан слышит приглушенный выстрел. Ночь разрезает вопль, и в унисон ему гремит гром. **ВСПЫШКА.** Буква

«а» в слове «лучшая» на футболке распускается кровавым цветком. Мама оскаливается, становятся видны ее клыки. ТЕМНОТА. Райан закрывает уши, чтобы не слышать ужасных воплей, заполнивших кухню. ВСПЫШКА. Папа поднимает пистолет и целится маме в лоб. ТЕМНОТА. Грохот и вспышка выстрела куда хуже грома и молнии. От запаха сгоревшего пороха у него щиплет в носу.

ВСПЫШКА. Отец берет мачете и заносит его над головой.

— Я тоже тебя люблю, — говорит он.

Затем опускает мачете. ТЕМНОТА. Райан знает, что мамы больше нет.

Визг, который должен бы прекратиться, когда голова мамы отделилась от тела, продолжается. Райан вдруг понимает, что он исходит из его собственного горла. ВСПЫШКА. Отец роняет мачете и поворачивается к нему. На его лице отражение горя, терзающего Райана изнутри. ТЕМНОТА. Райан подбегает к папе и обнимает его. Он плачет. Но это не имеет значения, потому что отец тоже плачет.

* * *

Южную Флориду пересекает паутина дорог, у разработчиков которых не хватило денег на строительство жилых районов. Там, где должны быть спальни, теперь растут пальмы. Уличные знаки, которые часто служат тренировочными мишенями, сложно прочесть из-за многочисленных дыр. Проржавевшие холодильники и грязные матрасы служат единственным украшением лужаек. Это покинутые и безлюдные места.

Если проследовать по одной из этих дорог обратно к одному из районов, вы найдете старый трейлер, установленный на шлакоблоках. Судя по виду, он заброшен уже многие годы. Но, изучив его поближе, вы заметите свежие следы шин, отпечатавшиеся в мягкой грязи, и примятую траву там, где проехал джип.

К этому трейлеру по заросшей травой дороге мчится на подпрыгивающем на выбоинах велосипеде Райан. Горячий воздух кажется густым и тяжелым. Его рубашка липнет к телу. По лбу катится разъедающий глаза пот.

Его велосипед минует три белых креста. Перед одним из них прямоугольник свежескопанной земли.

Рядом с джипом отца Райан тормозит. Затем бросает велосипед и бежит к трейлеру.

На полпути его останавливает глубокое горловое рычание. Райан оглядывается по сторонам. Под трейлером движется чья-то тень. Затем раздается шипение и снова рык, от которого желудок Райана сворачивается в холодный тугой узел.

Под трейлером нашел себе укрытие от солнца двенадцатифутовый аллигатор. Когда Райану было шесть лет, соседка взяла его с собой посмотреть на аллигатора, жившего в озере за ее домом. Она хотела скормить ему куриную грудку. Вместо этого он откусил ей руку.

Райан собирается с духом и медленно идет к ступеням трейлера, не сводя с аллигатора настороженного взгляда. Издав предупреждающий рык, хищник снова погружается в дрему.

Внутри трейлера в позе летящего орла стоит человек. Его руки скованы тянущимися к потолку цепями, ноги тоже скованы и широко расставлены.

Перед мужчиной на табурете сидит отец Райана.

— Я же велел тебе после школы сразу ехать домой, — говорит он.

Когда человек поворачивает к нему голову, у Райана пересыхает во рту. Нет, не человек. Существо, только *похожее* на человека. Но у него слишком плоский нос, а глаза черные и круглые, словно стеклянные шарики.

При виде Райана рот существа растягивается в широкой ухмылке. У него только четыре заостренных зуба. По два снизу и сверху. Его десны поблескивают розовым.

— Мальчик мой. — Его голос мало отличается от шипения аллигатора.

Райан забывает, что существу нельзя смотреть в глаза, и его затягивает в водоворот бессвязных воспоминаний. Запах смерти и трясины в комнате близнецов. Глухой стук падающего на пол тела. Язык, слизывающий кровь с бледных губ. Едкий запах мочи. Плач маленькой девочки.

Обжигающая пощечина возвращает Райана к реальности. На глазах у него слезы.

Существо смеется, наполняя комнату запахом гнилого болота.

Отец Райана хватается за плечи и отталкивает.

— Иди домой, — говорит он.

По лицу Райана начинают катиться слезы.

— Я не помог им. Он убивал их, а я просто стоял там.

Отец встряхивает его.

— Ты ничем не мог им помочь. Эта тварь заморочила тебя. Вот почему нельзя смотреть им в глаза.

Райан глядит в глаза отцу, желая поверить ему, желая, чтобы его заморочили и он смог забыть.

— Я хочу его убить, — говорит он. — Я должен его убить.

У отца жесткий взгляд. Райан надеется, что тот не видит, насколько он напуган.

— Еда не может убивать, — шипит существо. — Она только умирает.

Отец Райана делает глубокий вдох.

— Уже поздно, — говорит он. — Приходи завтра. Я покажу тебе все, что знаю.

— Разве ты не едешь домой?

— Я не могу оставить его одного. Ты справишься?

На миг Райан чувствует страх, но он также горд тем, что папа позволяет ему остаться одному дома.

— Да, — отвечает он. — Я сделаю сэндвичи с ореховым маслом и желе.

— Принеси мне один завтра, ладно? И чтоб побольше желе.

* * *

Когда Райан возвращается на следующий день, отец поглощен экспериментами над существом.

— Эта тварь не похожа на то, чем стала твоя мама, — говорит он.

— Она была дерьмом, — шипит существо.

Отец Райана берет электрическую погонялку для скота и прикладывает ее к голой груди существа, как раз посередине. Его крик похож на вопль соседской кошки, которую на глазах у Рай-

ана сбила машина. Чесси уже умерла, но ее тело продолжало извиваться и подскакивать на два фута в воздух, издавая этот смертный вопль.

Отец Райана прижимает погонялку к коже существа, не обращая внимания на крик.

— Эта тварь никогда не была человеком. Повредить ей может только электричество, это единственная ее слабость, которую мне пока удалось найти. Посмотри на грудь.

Райэн смотрит, как вокруг наконечника погонялки для скота кожа существа чернеет.

— Электричество его обжигает. — Отец убирает погонялку, и крик затихает до шипения. — Он быстро исцеляется.

Почерневшая кожа отслаивается, и под ней появляется здоровая розовая.

— У него странные руки, — говорит Райан.

— Потому что это не совсем руки. Подойди-ка, взгляни.

Отца переполняет восторг открытия. Райан уже давно его таким не видел. С тех самых пор, как папа нашел в Национальном парке Заайон настоящий наконечник от индейской стрелы.

— Локти сгибаются совсем не так, как у нас. Они могут сгибаться назад и в стороны.

Он подходит к существу и хватает за руку, выворачивая ее назад. Тварь обращает к нему искаженное страхом и злобой лицо и шипит. Желтая слюна вылетает у него изо рта и стекает по подбородку.

Райан отступает, но отец кладет ладонь ему на плечо.

— Сейчас он не может причинить тебе вред, — говорит он.

Он оттягивает перепонку, которая крепится по всей длине руки существа и спускается до ступней.

— Это крыло, Райан. Как у летучей мыши. Вот как ему удалось так быстро сбежать из комнаты близнецов. Он выпрыгнул в окно и улетел.

— Ваш молодой человек — отличная пища, — шипит существо. — Такая беспомощная, такая сочная. Вот почему я вернулся за матерью.

Райан чувствует, как в сердце ему вонзается шип. «Он заморочил меня, — напоминает он себе. — Это была не моя вина».

— Пап, можно мне ударить его током? — просит он.

Его отец смотрит на существо, и его глаза мертвеют. Он вручает электрическую погонялку Райану. Райан прикладывает ее к маленькому розовому соску на груди существа. Тварь кричит, как сотни умирающих кошек. Райан испытывает удовлетворение.

* * *

Отец Райана уже неделю каждую ночь остается с существом. Соскучившийся Райан навещает его. Он разогревает в микроволновке замороженные макароны с сыром или делает сэндвичи с ореховым маслом. Он приносит их отцу, но тот почти ничего не ест. Он не принимает ванну. Не меняет одежду на чистую, которую приносит Райан.

Он него плохо пахнет. Лицо потемнело от щетины, и каждый раз, когда папа обнимает Райана, она больно колет его в щеку.

Но существо никак не умирает. Отец душил его, пытался заколоть ножом, застрелить. Но оно снова и снова исцеляется и смеется, и его гнилое дыхание перебивает даже запах немытого тела отца.

Райан знает, как его убить. Он это сделает завтра. Тогда папа сможет вернуться домой.

Дома Райан идет в свою комнату, и дискусы подплывают к стеклу, приветствуя его. Он берет немного рыбьего корма и сыплет его в аквариум. Ровно столько, чтобы рыбки успели его съесть за пять минут и остатки не загрязняли бы воду. Джек носится вокруг, хватая самые крупные хлопья. Он жадный. Райану становится интересно, достаточно ли остается пищи остальным. Может, Джек съедает и их долю.

Райан стучит по стеклу. Все пять рыбок бросаются прочь, словно их отшвырнуло невидимой битой. Затем снова подплывают к еде. Джек первым. Райан снова стучит. Рыбки бросаются прочь.

Существо назвало близнецов «едой». «Хорошая еда», — сказало оно.

Райан бьет по стеклу.

Прежде чем выпить их кровь, существо их обнюхало.

Тук.

Оно уткнулось лицом им в шею и втянуло в себя их детский запах.

Тук.

Затем оно укусило их, и Райан видел, как жизнь медленно уходит из их глаз. Он не смотрел твари в глаза. Он не был зачарован. Он боялся. И от страха обмочил штаны.

Стекло аквариума разбивается, оставляя на ладони Райана глубокий порез, из которого льется кровь. Дискусы вместе с водой падают на пол. Они подпрыгивают, словно мертвая кошка, беззвучно открывая рты, выпучивая глаза. Райан стоит и смотрит, как его кровь смешивается с водой вокруг их бьющихся в агонии тел. Джек умирает последним.

* * *

Райан идет в церковь. Он говорит им, что отец заболел. Они предлагают принести причастие к ним домой, но Райан объясняет, что отец ничего не станет есть. Даже причастие.

Райана спрашивают о поврежденной руке. Они хотят посмотреть под марлей, которой он ее обернул. Сквозь нее начала просачиваться кровь. Он ходил к врачу? Ему нужно сделать прививку от столбняка. Они отвезут его в больницу, если его отец не может.

«Нет, — говорит он. — Ничего страшного». Он просто поцарапался, возясь с велосипедом.

Райан принимает причастие. Он смотрит, как священник благословляет причастие, затем, когда наступает его очередь, выходит вперед и становится на колени.

В стене над алтарем есть окно с витражом, на котором изображен Иисус, распятый на кресте и истекающий кровью. Над его головой завис ангел с выражением скорби на лице. Райан не понимает, почему ангел не пытается спасти Сына Божьего.

Священник макает облатку, тело Христово, в вино, кровь Христову, и кладет промокшую облатку в рот Райану. Кровь очистит его от грехов и позволит войти в царство Божье. Его мама тоже принимала причастие. Близнецы были еще слишком малы.

Райан выходит из церкви и на велосипеде возвращается к трейлеру. Аллигатор по-прежнему там. Он шипит и рычит на Райана, но тот даже не обращает на это внимания.

Внутри трейлера существо умирает от голода. Его волосы вылезают клочьями. Под нездорово-желтой кожей отчетливо проступают кости. Запястья и щиколотки покраснели и опухли. Оно тяжело дышит и хнычет.

Отец Райана, опустившись на колени, изучает когти на ногах существа. Он зажимает один коготь клещами. Тянет. Коготь отрывается, на его месте остается кровоточащая дыра, существо скулит.

Когда входит Райан, отец поднимает глаза. Он выглядит не намного лучше твари.

— Он режет стекло, — говорит он. — Смотри.

Отец отводит Райана к окну, на котором уже есть несколько царапин. С помощью когтя прорезает последнюю сторону квадрата. Затем слегка стучит по стеклу, и стеклянный квадратик выпадает в сорняки наружу.

— Совсем как алмаз, — говорит он.

Отец замечает рюкзак Райана с торчащей из него рукоятью.

— Что это? — спрашивает он.

Райан вытаскивает мачете. Отец смотрит сначала на него, затем на Райана.

— Я собираюсь отрубить ему голову, — говорит Райан. — Я собираюсь его убить.

Глядя отцу в глаза, он чувствует сомнение. Там что-то похожее на панику.

— Разве ты не хочешь его убить? — спрашивает он.

— Он еще не расплатился.

— Я хочу, чтобы ты вернулся домой.

Его отец замечает повязку. Он берет Райана за руку.

— Что случилось?

Райан пожимает плечами. Отец начинает разматывать окровавленную марлю. Существо дергается.

— Плохо выглядит. — Порез все еще сочится кровью. Кожа вокруг него покраснела и воспалилась. — Тебе необходимо наложить швы.

Ладонь болит, но Райану наплевать.

Существо поднимает голову. Райан смотрит ему в глаза. Ничего. Никаких воспоминаний. Никто не пытается его заморочить.

Райан презрительно фыркает. Но существо не смотрит на него. Оно не сводит глаз с его руки. И начинает поскуливать.

Отец Райана оборачивается. Он берет окровавленную повязку и машет ею перед тварью. Скулеж становится громче. С подбородка существа капает желтая слюна.

— Так ты этого хочешь? Крови моего сына? Моей крови?

Он подносит повязку ближе, так, чтобы тварь только не могла до нее дотянуться. Она пытается схватить ее ртом.

— Ты ее не получишь, — произносит отец.

Существо скручивает такая сильная судорога, что трейлер дергается. Райана и его отца отбрасывает к стене.

Вслед за новой судорогой раздается скрежет металлической крыши. Одна из скоб отрывается. Рука существа безвольно падает, словно свинцовая.

Отец Райана бросается к погонялке для скота, но трейлер встряхивается, словно гигантская металлическая собака, и погонялка куда-то улетает. Отрывается вторая скоба. Существо падает лицом на пол.

Райан видит, что его тело начинает изменяться, под кожей с ужасным хрустом и щелчками движутся кости. Существо опрокидывается на спину и выгибается дугой. Оно открывает рот, и из него наружу вырывается тьма, словно туча мошки.

Прямо перед ними существо преображается. Его кожа становится прозрачной. Из спины вырастают крылья, покрытые белоснежными перьями. Лицо становится таким прекрасным, что Райану невыносимо на него смотреть.

Скрежет трейлера прекращается. В тишине слышно только тяжелое дыхание ангела, он с трудом поднимается сначала на колени, затем встает на ноги.

Отец Райана стоит на коленях между ним и ангелом. Закрыв лицо ладонями, он молится созданию, что находится перед ним.

Ангел тоже опускается перед отцом на колени и отводит его руки в стороны.

— Не преклоняй передо мной колени, ибо я источник мук твоих, — говорит ангел, и голос его подобен звону церковных колоколов.

Отец Райана смотрит ангелу в глаза.

— Я мучил тебя, — хрипло произносит он.

Райан понимает, что его отец плачет, и его захлестывает стыд.

— Ты освободил меня, — говорит ангел. — Наша ревность к людям ослепила нас. Отведав крови человеческой, мы забыли себя. Человеческая кровь связывала нас со злом, которым мы стали. Отказав мне в этой крови, ты позволил мне родиться заново.

Райан вспоминает, как стоял в комнате близнецов и смотрел, как они умирали.

— Мы можем положить этому конец, ты и я, — говорит этот мелодичный голос. — Мы можем отыскать братьев моих и помочь им вернуться к их природе.

Райан вспоминает кровь на футболке матери. Он помнит ее клыки. Помнит, как эта тварь назвала ее дерьмом.

— Род людской избавится от нас, и мы, возможно, вновь обретем рай, — поет ангел.

— Да, — говорит отец Райана.

И это единственное слово ранит Райана хуже мясницкого ножа. Он берет в руки мачете.

— Да, — повторяет его отец, — давай покончим с этим.

— Давай покончим с этим, — повторяет Райан.

Его отец и ангел смотрят на него, словно они забыли о его присутствии. И в тот момент, когда он заносит мачете, Райан видит по их глазам, что они все поняли.

— Нет! — кричит отец.

Но клинок неумолимо опускается, и голова ангела падает на пол трейлера с глухим приятным звуком. Тело падает не сразу. И когда это происходит, все белые перья покрываются красной кровью. Кровью того же цвета, что и у близнецов, и у его мамы.

Отец Райана вскакивает и отталкивает сына.

— Что ты наделал?! — орет он. Его руки сжаты в кулаки, лицо налилось багрянцем, вены на шее пульсируют. — Ты убил ангела.

— Он не был ангелом! — вопит Райан, чувствуя поднимающуюся в нем волну гнева. — Он был чудовищем, убившим близнецов и обратившим маму в эту тварь!

— Он был ангелом!

— Он заморочил тебе голову, — говорит Райан.

— Ты же видел его. Он изменился. Он хотел нам помочь.

— Кровь Христова дана нам, а не им. Он не получит прощения. Он не сможет попасть в рай.

Отец Райана набрасывается на него. Райан не размышляет. Он действует. И только когда глаза отца широко открываются от удивления, он понимает, что защитил себя с помощью мачете.

— Райан...

— Ты собирался его отпустить.

— Райан, я люблю тебя...

— Он их убил, а ты собирался его отпустить.

Райан вытаскивает мачете из живота отца. Оттуда широким потоком льется кровь.

— Я намереваюсь отыскать их всех и заставить их заплатить. — Он поднимает мачете. — Я больше не боюсь.

Райан опускает мачете, и еще одна голова ударяется о пол с глухим звуком, ласкающим слух.

Ф. Пол Уилсон

Часть игры

— Вы получить внимание самый прославленный человек, — сказал Цзян Цзы Фу.

Китаец был одет в застегнутый спереди на ониковые пуговицы длинный черный халат с воротником-стойкой. Волосы он заплел в косу, которая выползала из-под традиционной черной шапочки. Глаза у китайца были черные и блестящие, как пуговицы, и, как это принято у его народа, совершенно ничего не выражали.

Сержант полиции Хэнк Соренсон улыбнулся.

— Полагаю, Мандарин слышал о том маленьком представлении, которое я вчера устроил в игорном заведении Вонга.

Лицо Цзяна осталось невозмутимым.

— Моя не говорить, что это он.

— В этом не было необходимости. Скажи ему, что я хочу с ним встретиться.

Цзян моргнул. Попался! Прямой разговор всегда приводит этих китаез в замешательство.

Хэнк оставил свой чай остывать на стоящем между ними маленьком столике. Пару раз он притворялся, что отпивает из чашки, но на самом деле не проглотил и капли. Он сомневался, что здесь найдется человек, способный пойти против него, но кто знает, что на уме у этого Мандарина.

Он попробовал взять этого китаезу на мушку. И последовал ночной звонок от кого-то, назвавшегося Цзяном Цзы Фу, «представителем» — эти азиаты вечно его смешили — важной особы в Чайнатауне. Ему не нужно было уточнять, какой особы. Хэнку это было известно. Китаец сказал, что им нужно встретиться, чтобы обсудить важные вопросы, затрагивающие их общие интересы. «Нефритовая луна». 10 часов утра.

Хэнк знал это место — рядом с китайским храмом на Плам-стрит — и приехал заранее. Первым делом он проверил улочку

позади заведения. Все чисто. Зайдя внутрь, он выбрал столик в углу возле задней двери и сел спиной к стене.

«Нефритовой луне» было далеко до первоклассного заведения, впрочем, как и всем китайским ресторанам: грязный пол, залапанные стаканы, облупившаяся полировка на дверях и панелях, потрепанные бумажные светильники, свисающие с голых балок.

Вовсе не в таком месте он ожидал встретиться с наместником таинственного, могущественного и неуловимого Мандарина.

Мандарин не заведовал мутными делишками в Чайнатауне. Он устроился куда лучше: снимал с них сливки. Он никогда не пачкал свои руки ничем, кроме денег, которые в них вкладывали. Наркотики, проституция, азартные игры... Мандарин везде имел свой кусок.

Как ему это удавалось, являлось еще большей тайной, чем его личность. Хэнку приходилось сталкиваться с местными — суровые типы, все как на подбор. Не из тех, что согласятся отстегивать часть своего заработка без боя. Но они отстегивали.

Конечно, может, раньше здесь и была заварушка, которую им не удалось выиграть. Но даже если она действительно имела место, то вдали от посторонних глаз, потому что он ни слова об этом не слышал.

Хэнк контролировал китайский квартал для департамента полиции Сан-Франциско с 1935 года. И до сих пор ему не удалось найти никого, кто лично встречал бы Мандарина. И они не просто *говорили*, что никогда не видели его, они не врали. Если за три проведенных здесь года Хэнк чему и научился, так это никогда не задавать китайцам прямых вопросов. С ними нельзя вести себя как с обычными людьми. С ними всегда нужно заходить издалека. Они были лживыми, хитрыми, всегда ловчили, увивались от вопроса и старались уйти от ответа.

Он стал чутя их ложь за милую, но, задавая вопросы о Мандарине, никогда не чувствовал и тени обмана. Даже применив пару раз силу, он так ничего не добился. Они не знали, кто он такой, где он и как выглядит.

Хэнку потребовалось время, чтобы прийти к поразительному выводу. Они *не желали* знать. И это его насторожило. Китайцы

были ужасными сплетниками. Постоянно кудахтали обо всем на своем птичьем языке, распространяя слухи и сплетни не хуже старых склочниц. Если они избегали о ком-то разговаривать, значит, они его боялись.

Даже эти мелкие людишки были напуганы. И это кое-что говорило о влиятельности Мандарина.

Хэнку пришлось признать, что он впечатлен, но он вовсе не боялся. Он не был китайцем.

Цзян прибыл точно в десять и, прежде чем сесть, поклонился.

— Даже если я знать такой человек, — сказал китаец, — уверен, он не встречается с вами. Он послать эмиссара, как мой хозяин послать меня.

Хэнк улыбнулся. Эти китайцы...

— О'кей, если собираешься играть по этим правилам, то скажи своему хозяину, что я хочу кусок его пирога.

Цзян нахмурился.

— Пирога?

— Его капуста. Его зеленых. Отката, что он снимает со всех местных опиумных притонов, борделей и азартных игр.

— А, это. — Цзян покачал головой. — Мой хозяин понимать, что все это — часть повседневный бизнес. Но такой, как он, не пачкать свои руки. Он предложить вам связаться с многочисленный заведения, который вам интересны, и договариваться с ними самостоятельно.

Хэнк наклонился к нему и сделал страшное лицо.

— Слушай, ты, желтолицый болван, у меня нет времени ошиваться здесь, отслеживая каждую мелкую сделку. Я знаю, что твой босс имеет свой кусок с них всех, и поэтому хочу получить свой кусок с *него*! Тебе ясно?

— Боюсь, это не есть возможно.

— Нет ничего невозможного! — Хэнк отодвинулся. — Но я разумный человек. Мне не нужно все. Мне не нужно даже половину. Я согласен ровно на половину того, что он получает с игорного бизнеса.

Цзян улыбнулся:

— Это шутка?

— Я серьезно. Чертовски серьезно. Он может оставить себе весь навар от наркоты и притонов с девками. Но я хочу половину прибыли Мандарина от азартных игр.

Хэнку было хорошо известно, где в Чайнатауне ворочаются деньги. Торговля опиумом здесь процветала, но вот азартные игры... эти китаезы ставили на все и вся. Конечно, у них были свои игорные заведения — для фан-тана, маджонга, пай гоу, сик бо, кено и прочего — но на этом они не останавливались. Огромной популярностью пользовалась лотерея. Он видел, как днем и ночью по всему кварталу, на каждом углу организаторы собирали у местных бумажки. Напиши на такой три числа, сдай ее вместе с деньгами и молись, чтобы завтра последние три числа индекса Доу-Джонса совпали с твоими.

Черт, они ставили практически на все, даже на погоду.

И не считали нужным это скрывать. На дверях игорных заведений висели таблички с часами работы, а у некоторых даже стояли зазывалы, привлекая людей внутрь. Азартные игры были у них в крови, и поэтому в игорном бизнесе всегда вращались деньги, так что Хэнк хотел бы иметь в нем свою долю.

Нет, он *будет* иметь.

Цзян покачал головой и начал подниматься.

— Очень жаль, детектив Соренсон, но...

Хэнк вскочил со стула и схватил Цзяна за грудки.

— Слушай, ты, узкоглазый! Это не оговаривается! Так или иначе, я собираюсь вступить в вашу игру. Дошло? Seriously вступить. Или же здесь не будет никакой игры. Или же я буду приводить сюда наряд за нарядом, мы схватим за шиворот каждого узкоглазого лотерейщика и закроем все вшивые игорные притоны в районе. Маджонг, сик бо, или как вы их там называете, останутся в прошлом. И что тогда получит твой босс? Сколько выйдет, если взять сто процентов от нуля?

Он рывком подтянул к себе Цзяна, ударил его по лицу тыльной стороной ладони и оттолкнул к стене.

— Передай ему, пусть поумнеет, или же он не получит ничего!

Хэнк хотел продолжить, однако при виде смертельной ярости в глазах Цзяна слова застряли у него в горле.

— Собака! — прошипел китаец сквозь стиснутые зубы. — Ты опозорить этот человек перед все эти люди!

Хэнк оглянулся на неожиданно притихший ресторан. Посетители и разносчики стояли, словно окаменев, и глядели на него с открытыми ртами. Но Хэнка Соренсона не запугаешь кучкой китайцев.

Он ткнул Цзяна пальцем.

— Кем ты себя вообразил, назвав меня...

Цзян взмахнул рукой.

— Я служить тому, кто брезговать вытереть о тебя сандалии. Ты опозорить этот человек, а значит, опозорить его. Горе тебе, детектив Соренсон.

Он внезапно вскрикнул и ударил ребром ладони по столу, затем развернулся и ушел.

Цзян был уже на полпути к двери, когда столик развалился на куски.

Потрясенный Хэнк уставился на кучку деревяшек.

— Какого черта...

Не стоит обращать на это внимания. Он собрался с духом и посмотрел по сторонам. Ему хотелось убраться отсюда, но не было желания проходить мимо всех этих зевак. Они могли заметить, что его бьет дрожь.

Этот стол... если Цзян смог проделать такое с деревом, что же он мог сделать с человеческой шеей?

Отогнав эту неприятную мысль, он вышел через заднюю дверь. Оказавшись снаружи, Хэнк глубоко вдохнул затхлую вонь улочки. Утреннее солнце еще не успело подняться достаточно высоко, чтобы разогнать здесь тени.

Во всяком случае, он доставил свое послание. И тот факт, что Цзян ударил не его, а столик, только укрепил его уверенность в том, что насчет возможного отпора можно не волноваться. Ни один китаец не посмеет поднять руку на представителя полицейского отделения Сан-Франциско. Они знали, что в таком случае ждет их квартал.

Шагая к улице, он вздохнул. По крайней мере, в этом ресторане его мысли были заняты чем-то еще, кроме Луанны. Но теперь она вернулась. Ее лицо, ее фигура, голос... о, этот голос.

Луанна, Луанна, Луанна...

* * *

— Мне стоило убить этого пса за неуважение к вам, почтеннейший, — сказал Цзян, опустившись на колени перед Мандарином и прижавшись лбом к каменному полу.

Вместо привычного для себя кантонского Цзян говорил на мандаринском — на диалекте, который предпочитал Мандарин.

— Нет, — произнес хозяин тихим шипящим голосом. — Ты хорошо поступил, не причинив ему вреда. Мы должны найти иной способ с ним справиться. Садись, Цзян.

— Благодарю вас, о великий.

Цзян поднял голову, но остался стоять на коленях, отжавшись лишь украдкой взглянуть на своего хозяина. Он много раз видел того, кто был известен в Чайнатауне как Мандарин — настоящее его имя оставалось тайной даже для Цзяна, — но это не умаляло его величия.

Высокий широкоплечий мужчина стоял, спрятав руки в широкие рукава своего вышитого изумрудного халата; традиционная черная шапочка покрывала тонкие волосы, обрамляющие высокий лоб. Цзяна, как всегда, поразили светло-зеленые глаза, которые словно светились.

Ему было неизвестно, является ли его хозяин настоящим Мандарином или же его называют так из-за диалекта, на котором он предпочитал говорить. Он знал, что хозяин владеет многими языками. Он слышал, как он говорил на английском, французском, немецком и даже обращался к работавшим на него индусам на примитивном диалекте хинди.

Несмотря на огромные деньги, проходящие через его руки, хозяин вел скромную жизнь. Цзян по крупицам собрал информацию о том, что он принадлежал к более крупной организации и, возможно, даже возглавлял ее. Он подозревал, что львиная доля денег возвращается обратно на его родину и используется для закупки оружия, чтобы противостоять вторжению японских псов, опустошивших Нанкин.

— Так значит, этот жалкий отпрыск червя требует половину прибыли от игорного бизнеса? Желает — как он там выразился — войти в игру?

— Да, великолепнейший.

Хозяин прикрыл глаза.

— Войти в игру... войти в игру... Что ж, мы, несомненно, можем исполнить его желание.

Несколько мгновений, проведенных в молчании, Цзян чувствовал себя сбитым с толку. Хозяин... уступает требованиям этого таракана? Невероятно! И все же его слова...

Бросив взгляд вверх, он увидел, что глаза хозяина снова открылись, а на тонких губах играет еле заметная улыбка.

— Да, именно. Мы сделаем так, чтобы он стал частью игры.

Цзяну уже случалось видеть эту улыбку. И он знал, что обычно за ней следовало. Цзяну оставалось только порадоваться, что он не детектив Соренсон.

* * *

Хэнк взял свой двубортный смокинг и придирчиво его изучил, особое внимание уделяя широким атласным лацканам. Пятен нет. Отлично. Можно еще несколько раз его надеть, прежде чем отправить в чистку.

Как всегда, он поразился тому, насколько неуместно смотрелся смокинг в его ободранной двухкомнатной квартирке. Но иначе и не могло быть. Он отдал за него месячную квартплату.

Все для Луанны.

Эта крошка обходилась ему в целое состояние. Проблема заключалась в том, что у него не было состояния. Однако игровой бизнес Чайнатауна это исправит.

Он покачал головой. В свое время, когда он был еще неопытным вымогателем, Хэнку и в голову не пришло бы проверить такое дело. И если бы не Луанна, он не решился бы на это и сейчас.

Но женщина меняет все. Женщина может вывернуть тебя наизнанку и поставить с ног на голову.

И Луанна была как раз из таких.

Он вспомнил, как впервые увидел ее в клубе «Серендипити». Это походило на удар под дых. Не просто красotka; увидев ее, можно было потерять голову. А затем она подошла к микрофону и... Этот ангельский голос!

Хэнк услышал, как она поет «I've Got You Under My Skin» — и пропал. Раньше он сотни раз слышал эту песню по радио в исполнении Дорис Лессинг, но Луанна... Ему тогда показалось, что она поет только для него.

Хэнк остался до конца выступления. Когда она ушла со сцены, он последовал за ней — вида полицейского значка было достаточно, чтобы тип, охраняющий выход за кулисы, его пропустил, — и пригласил на свидание. Коп не был простым поклонником, поэтому она согласилась.

Хэнк из кожи вон лез, чтобы произвести на Луанну впечатление, и на данный момент они раз шесть вместе выходили в город. Но Луанна не позволила ему зайти дальше. Он знал, что был не единственный, с кем она встречается (пару раз видел ее с богатыми бездельниками), но Хэнк не любил делиться. Однако для того, чтобы получить ее в свое личное распоряжение, требовались деньги. Много денег.

И он собирался их раздобыть. Получить надежный источник дохода.

Хэнк зевнул. Строя из себя кутилу по ночам и копа днем, он совсем не высыпался.

Он упал на кровать, перекатился на спину и закрыл глаза. Луанна будет выступать только через пару часов, так что будет не лишним вздремнуть. Он уже начинал засыпать, когда неожиданно ощутил в левом плече острую боль, словно его ткнули шилом для колки льда.

Вскочив с кровати, Хэнк почувствовал, как что-то извивается у него под рубашкой. Он сунул руку и наткнулся на маленькие лапки — множество маленьких лапок. Борясь с приступом тошноты, Хэнк поймал эту штуку и потянул. Она вырывалась и извивалась у него в руке, но держалась крепко. Тогда он стиснул зубы и дернул.

Тварь отцепилась, и его плечо немедленно взорвалось невообразимой болью, вынудившей Хэнка повалиться на колени. Он выронил извивающуюся тварь и схватился за горящее огнем плечо, куда словно приложили раскаленный уголек. Сквозь слезы он смутно разглядел алую многоножку как минимум восьми дюймов длиной, которая поспешно удалялась.

— Какого черта?..

Хэнк протянул руку в поисках чего-нибудь — чего угодно, — чем можно было бы ее прибить. Схватил туфлю и с силой опустил ее на насекомое. Каблук пришелся на заднюю половину многоножки и с хрустом ее раздавил. Передняя половина дернулась, начала бешено метаться, затем оторвалась и проскочила под дверь в коридор, прежде чем Хэнк успел еще раз замахнуться.

Что за черт! Боль в плече была невыносимой.

Он убрал руку и увидел на ней кровь. Немного, но этого было достаточно. Хэнк с трудом поднялся и пошел в крошечную ванную комнату. Яркая лампочка над старым пятнистым зеркалом высветила капельки пота у него на лбу.

Его трясло. Что это была за штука? Он никогда не видел ничего подобного. И каким же, черт возьми, образом она попала к нему в комнату, в его *кровать*?

Он развернулся и осмотрел свое плечо в зеркале. Размер укуса его удивил — всего лишь пара проколов и пятнышко выступившей крови.

Боль была такая, что он рассчитывал увидеть нечто похожее на рану от тридцать восьмого калибра.

Жжение стало утихать. Слава Богу. Он промокнул ранку туалетной бумагой. Повезло. Кровотечение уже прекратилось.

Хэнк вернулся в комнату и рассмотрел раздавленные останки насекомого. Черт! Судя по ее виду, такая штука могла водиться в каких-нибудь джунглях. На Амазонке, например.

Каким ветром ее занесло в Сан-Франциско?

Скорее всего, приползла с какого-нибудь корабля.

Хэнка передернуло, когда он заметил, что задние лапки еще подрагивают.

Он ногой отшвырнул ее в угол.

* * *

— Детектив, вам ваш обычный столик? — спросил Морис с заученной улыбкой.

Хэнк кивнул и последовал за метрдотелем «Серендипити» к столику на двоих, который располагался на платформе, как раз возле сцены.

— Спасибо, Морис.

Пожимая метрдотелю руку, Хэнк передал ему пятерку, хотя с трудом мог себе это позволить. Затем заказал виски с водой и занялся подсчетами. Это был последний вечер, на который у него хватало денег, до тех пор пока Мандарин не начнет делиться с ним прибылью.

Он покачал головой. Все, что для этого необходимо, — деньги. Не нужно быть умным и даже привлекательным; единственное, что потребуется, — это большая куча бумажек, и все сразу же захотят с тобой познакомиться. Ты мгновенно станешь мистером Популярность.

Потягивая напиток и ожидая выхода Луанны, Хэнк опять почувствовал жжение в плече. Черт. Только не снова. Укус болел только первые полчаса, а затем плечо стало как новенькое. Но сейчас боль возвращалась и усиливалась.

Хэнк ощутил, как от места укуса распространяется жар, охватывает все тело, жжет кожу. Его бросило в пот. И неожиданно силы покинули его. Руки и ноги стали словно резиновые. Бокал выскользнул из пальцев, залив виски плиссированный перед рубашки.

Хэнк попытался встать, но ноги его не держали, а зал начал плыть и раскачиваться. Он почувствовал, что падает, и увидел надвигающийся на него затейливый узор ковра.

А затем все исчезло.

* * *

Хэнк открыл глаза и увидел женщину в белом. Он посмотрел вниз. Снова белое. Простыни. Он лежал в кровати.

— Где?..

На вид ей можно было дать около пятидесяти. Она ободряюще улыбнулась.

— Вы в больнице Святого Луки, и с вами все будет в порядке. Я сообщу доктору, что вы проснулись.

Она поспешно вышла из палаты, Хэнк проводил ее взглядом. У него кружилась голова. Последнее, что он запомнил...

Этот укус многоножки... Яд. Наверняка.

Боль притупилась, и теперь плечо просто ныло, но он по-прежнему был слаб как котенок.

В дверь вошел лысоватый мужчина с седеющими усами и приблизился к кровати. На нем был белый халат с полудюжиной ручек в нагрудном кармане, а под рукой — планшет.

— Детектив Соренсон, — сказал он, протягивая ладонь для рукопожатия, — я доктор Кренстон, а у вас на плече довольно серьезный нарыв.

— Нарыв?

— Да. Очаг с инфекцией под кожей. Вам не следовало так все запускать. Инфекция может попасть в кровь, и тогда вы очень серьезно заболаете. Как давно это у вас?

Хэнк стянул больничный халат с плеча и изумленно уставился на красную шишку размером с мяч для гольфа.

— Когда я сегодня вечером надевал рубашку, его здесь не было.

Доктор Кренстон хмыкнул.

— Конечно же был. Подобные нарывы просто не могут достигать таких размеров всего за пару часов.

Сквозь слабость Хэнк ощутил вспышку злости.

— А этот смог. Примерно в семь часов меня укусило гигантское насекомое.

Кренстон разгладил усы.

— Правда? И что это было за насекомое?

— Не знаю. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

— Ну, как бы там ни было, мы все равно вскрыем его, дезинфицируем, и вы скоро будете в полном порядке.

Хэнк на это надеялся.

Обнаженный до пояса Хэнк лежал на животе, пока медсестра протирала его плечо антисептиком.

— Когда я надрежу кожу, вы почувствуете кратковременное жжение, но как только мы выпустим весь скопившийся там гной, вам сразу полегчает.

Хэнк взглянул на Кренстона и увидел в его руке скальпель. Отвернулся.

— Делайте.

Кренстон оказался прав наполовину: Хэнк действительно почувствовал жжение, но легче ему не стало.

Он услышал, как Кренстон пробормотал: «Да это прямо-таки экспонат для “Невероятной коллекции мистера Рипли”...» Хэнку это совсем не понравилось.

— Что-то не так?

— Очень странно. Там нет гноя, только серозная жидкость.

— Что за серозная жидкость?

— Прозрачная янтарная жидкость — такая выделяется из лопнувшего волдыря от ожога. Странно, очень странно. — Кренстон прокашлялся. — Полагаю, мы оставим вас на ночь.

— Но я не могу...

— Вы должны. Вы слишком слабы, чтобы отправлять вас домой. И я хочу взглянуть на это насекомое. Как оно выглядело?

— Пошлите кого-нибудь ко мне на квартиру, и вы отыщете там его заднюю половину.

— Думаю, так я и сделаю.

* * *

За два дня, проведенных в больничной палате, Хэнку не стало лучше. Ему было необходимо выйти, чтобы скрепить сделку с Мандарином. Но как? Хэнк мог подниматься с постели и ходить — вернее, с трудом передвигаться шаркающей походкой, — но он по-прежнему был слишком слаб. Он стремительно худел, фунты уходили со скоростью осыпающихся с дерева листьев.

Нарыв, или что там это было, из шишки превратился в большую открытую язву, из которой постоянно сочилась жидкость.

Когда в палату бодрым шагом вошел Кренстон, Хэнк сидел на краю кровати, глядя в окно на покрытый туманом город.

— Итак, мы определили, что за многоножка вас укусила.

Это была первая хорошая новость с момента укуса.

— Да, и какая именно?

— Энтомологи из Калифорнийского университета в Беркли дали ей название длиннее вашей руки. Но это единственное, чем они смогли нам помочь. Они сказали, что она очень, очень редко встречается и ученые пока видели только несколько особей. Не могу себе представить, каким образом она попала из тропических лесов Борнео к вам в кровать.

— Борнео, — произнес Хэнк.

Не было человека, который не слышал бы о «дикарях с Борнео», но... Черт, где вообще находится это Борнео?

— Это остров в Южно-Китайском море.

— Вы сказали, в Южно-*Китайском* море?

Кренстон кивнул.

— Да. А что? Это важно?

Хэнк не ответил. Он не мог. Теперь ему все стало ясно.

— Господи... в китайском...

Мандарин прислал свой ответ на требование Хэнка.

— Есть еще кое-что, о чем вам следует знать.

Тон Кренстона заставил Хэнка резко поднять голову. Доктор явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он смотрел в окно.

— Вы хотите сказать, что мне станет хуже?

Кренстон кивнул, и Хэнк ощутил, как внутри у него все заделено.

— Хорошо, рассказывайте.

Кренстон сделал вдох.

— Многоножка, вероятно, могла впрыснуть вам яд, но главная проблема заключается не в этом. — Он замолчал.

Хэнк не был уверен, что хочет услышать продолжение.

— В чем же тогда она заключается?

— Вы помните, как мы чистили вам рану?

— Такое забудешь...

— Мы изучили образцы под микроскопом и нашли нечто... похожее на яйца.

Внутренности Хэнка едва не завязались узлом.

— Яйца?!

— Да.

— Вы их все оттуда убрали?

— Мы не знаем. Они совсем крохотные. Но мы проведем повторную чистку, на этот раз более глубокую. Однако вам следует знать...

— Знать что?

Кренстон не отрываясь смотрел в окно.

— Они вылупляются.

* * *

На следующий день, чтобы справиться о делах в Чайнатауне, к нему зашел один из новичков в полиции, детектив первого класса по фамилии Бренниган. Он вел дело о пропаже белой девушки, которую видели там в последний раз. И спросил о Мандарине. Хэнк посоветовал ему держаться от него подальше и даже продемонстрировал большую мокнушую язву на плече.

Неожиданно у него начался приступ кашля, который все не унимался до тех пор, пока Хэнк не выплюнул большой комок ярко-красной слизи. Кровь его напугала, но при виде копошащихся в клейкой массе крошечных созданий у Хэнка началась истерика.

— О господи! — закричал он Бреннигану. — Позови доктора! Медсестру! Скорее!

Твари вылупились, и они сейчас у него в легких! Как они попали к нему в легкие?

От ледящего ужаса Хэнку хотелось заплакать. Он сдерживал всхлипывания, пока Бренниган не вышел из палаты. Но не был уверен, что ему это удалось.

* * *

Хэнк рассматривал незнакомца, глядящего на него из зеркала в ванной.

— Это не единственный из известных нам случаев, — сказал тогда Кренстон. — К примеру, личинки круглых червей, нематод, попадают в кровеносную систему и проходят через легкие. Но мы никогда не сталкивались с этим видом паразитов.

Хэнк видел впалые щеки, лихорадочно блестящие глаза, потную, нездорового цвета кожу, бледную, как раковина в ванной, — и знал, что смотрит на мертвеца.

Почему он не захотел играть честно — хоть отчасти — и не попробовал понемногу брать откуп с крупнейших игорных заведений? Зачем попытался сразу сорвать большой куш?

Он каждый день выкашливал детенышей многоножки. Эта тварь, должно быть, отложила тысячи, а возможно, десятки тысяч

яиц в его плече. Ее дети сейчас сидели у него в легких, высасывали его кровь, заживо пожирали его изнутри.

И никто не мог ни черта с этим поделать.

Он заплакал. В последнее время с ним это случалось довольно часто. Не мог держать себя в руках. Хэнк чувствовал себя чертовски беспомощным.

Зазвонил телефон. Скорее всего, это Ханраан. Начальник полиции зашел к нему однажды и больше не возвращался. Хэнк не винил его за это. Видимо, тот просто не мог смотреть на практически опустошенную оболочку, в которую он превратился.

Хэнк с трудом подошел к кровати и взял трубку.

— Слушаю.

— А, детектив Соренсон, — произнес голос, который он немедленно узнал. — Я так рад, что вы еще нас не покинуть.

С губ Хэнка рвалось проклятие, но он его проглотил. С него хватило и одного насекомого в кровати.

— Не вашими стараниями.

— Ах так! Очень прискорбный поворот событий, но просто неизбежный, учитывая обстоятельства.

— Ты позвонил, чтобы поиздеваться надо мной?

— О нет. Я позвонить, чтобы предложить вам исполнение вашего желания.

Хэнк замер. В его изможденном теле загорелся огонек надежды. Он боялся спросить.

— Вы можете меня вылечить?

— Приходите сегодня в три часа в «Нефритовую луну», и ваше желание исполнится.

В трубке раздались гудки.

* * *

Такси остановилось напротив «Нефритовой луны». Хэнку понадобились все его силы, чтобы встать с заднего сидения.

Медсестры подняли крик, доктор Кренстон разбушевался, но они не могли удержать его, раз он принял твердое решение. Увидев, насколько все серьезно, сестры отыскивали для него трость, чтобы Хэнку было легче идти.

Сейчас он оперся на эту трость и огляделся по сторонам. Тротуар перед рестораном был забит китайцами, и все они на него пялились. Не просто смотрели — шептались и указывали пальцами.

Хэнк не мог их винить. В помятом, слишком свободном для него смокинге он, должно быть, представлял собой то еще зрелище. Когда-то смокинг сидел на нем как влитой, теперь же висел, словно на пугале. Но у Хэнка не было выбора. Это была единственная одежда в шкафчике его палаты.

Он ступил на тротуар и остановился там, покачиваясь. На миг Хэнк испугался, что упадет. Но его спасла трость.

Щебет китайцев становился все громче, он заметил, что толпа растет. Сюда подходило все больше китайцев, они стекались отовсюду и скоро перекрыли улицу. И все пялились на него, показывали пальцами, шептались.

Цзян, видимо, пустил слух, чтобы они пришли посмотреть, какая судьба ждет каждого, кто пойдет против Мандарина.

«Черт с вами, — подумал Хэнк, шаркающей походкой приближаясь к двери ресторана, — наслаждайтесь зрелищем, желтые ублюдки».

Толпа расступилась перед ним и с интересом наблюдала, как он пытается открыть дверь. Никто не подошел, чтобы помочь. Затем кто-то распахнул дверь изнутри и показал на дальнюю часть зала.

Хэнк увидел, что Цзян сидит за тем же столиком, где они впервые встретились. Но на этот раз Цзян сидел спиной к стене. Когда Хэнк добрался до столика, он не поклонился и даже не встал.

— Садитесь, детектив Соренсон, — сказал он, указывая на второй стул.

Он совсем не изменился с прошлой встречи: тот же черный халат, та же шапочка, та же косичка и то же ничего не выражающее лицо.

Хэнк же, с другой стороны...

— Я постою.

— Ах, вы плохо выглядите. Должен сказать, если вы падать, этот человек не поможет вам подняться.

Хэнк знал, что никогда не сможет самостоятельно подняться, если упадет. И что тогда? Все китайцы пройдут мимо него колонами, чтобы еще раз взглянуть?

Он опустился на стул и в этот момент заметил нечто, похожее на черную коробку для сигар, стоявшее перед Цзяном.

— Что это? Еще одно насекомое?

Цзян пододвинул коробку к Хэнку.

— Нет, напротив. Это бороться с ваш паразит.

Хэнк закрыл глаза, подавляя всхлип. Лекарство... ему действительно предлагают лекарство? Но он знал, что здесь должен быть подвох.

— Что я должен сделать за это?

— Принимать три раза в день.

— И все? Никаких подвохов?

Цзян покачал головой.

— Никаких, как вы говорите, подвохов.

Он открыл коробку, в которой оказались десятки красных бумажных цилиндров размером с сигарету.

— Вы просто рвать один три раза в день и вдыхать порошок внутри.

Как бы Хэнку ни хотелось ему поверить, его разум все еще отказывался признать, что с ним могут играть честно.

— И все? Три раза в день — и я вылечусь?

— Я не обещаю исцеление. Я говорю, это бороться с ваш паразит.

— А в чем разница? И что это такое?

— Яйца крошечного паразита.

— Паразита?! — Хэнк оттолкнул коробку. — Ни за что в жизни!

— Вы правы. Не в моей жизни — в *вашей* жизни.

— Я не понимаю.

— Во Вселенная есть закон, детектив Соренсон: все должно есть. Что-то умирать, чтобы что-то мочь жить. Эти яйца паразита тоже. Люди не интересовать их. Они расти только в личинках, что жить в ваших легких. Они пожирать их изнутри и оставлять свои яйца.

— Чтобы убить паразита, нужен другой паразит? Это бред!

— Не бред. Это поэзия.

— Откуда я знаю, что мне не станет от них хуже?

Цзян улыбнулся, впервые изменив выражение лица.

— Хуже? Насколько хуже может быть, детектив Соренсон?

— Я не понимаю этого. Вы почти меня убили, а затем предлагаете меня вылечить. В чем дело? Вашему Мандарину нужен ручной коп? Я угадал?

— Я не знаю никакой Мандарин. И снова, я не обещаю вам вылечиться, я даю вам *шанс*.

Надежда Хэнк пошатнулась, но устояла.

— Хотите сказать, это может не сработать?

— Все зависит от расстановки сил, детектив. Вырасти ли личинки так, что паразит не убьет их все вовремя? Хватать ли детектив Соренсон сил, чтобы выжить? Здесь и начинаться забава.

— Забава? Вы называете это забавой?

— Забава не для вас и не для меня. Забава для все остальных, потому что мой хозяин решил исполнить ваше желание.

— Желание? Какое желание?

— Войти в игру — это ваши слова. Помните?

Хэнк помнил, но...

— Я не понимаю.

— Весь Чайнатаун делать на вас ставки.

— На меня?

— Да. Равный ставка на то, умирать вы или жить. А те, кто думать, что вы скоро отправляться к предки, будут играть лотерея — угадывать когда. — Еще одна улыбка. — Вы получить ваше желание, детектив Соренсон. Теперь вы часть игры. Вы теперь *стать* игра.

Хэнку хотелось закричать, вскочить со стула и стереть ухмылку с мерзкого желтого лица Цзяна. Но он мог только мечтать об этом. Все, что он мог, — это всхлипнуть и расплакаться, доставая из коробки один из бумажных цилиндров.

РОБЕРТА ЛЭННЕС

ЗАХВАТЧИК РАЗУМА

Дэниел Фредерикс уселся в шикарное кресло фирмы «Данглия» за своим письменным столом из стекла и хрома и закинул ногу на ногу. Он смахнул пылинку с шерстяных брюк от «Хьюго Босс» и улыбнулся своим итальянским туфлям ручной работы. Он наслаждался ощущением благополучия, сидя в своем лучшем костюме, после разминки в спортзале, душа и завтрака в клубе здоровья «Феникс». При виде собственного отражения в хромированной рамке фотографии своего маленького сына Дэниел подумал, что не мешало бы снова воспользоваться автозагаром.

Над дверью загорелась лампочка, сообщая о прибытии следующей клиентки. Она, как обычно, приехала на 20 минут раньше. Он достал из стоящего за столом шкафчика ее файл с написанными от руки наблюдениями и положил его перед собой.

Джанет Сэмюэльсон. Возраст — 34 года. Замужем, мать двоих детей. Муж биржевой маклер. Жалобы: общая подавленность на основе безотчетной тревожности.

Визит 1—09.10.02. Тревожность, основанная на сомнениях в своей состоятельности как жены и матери. Депрессия из-за послеродовых изменений внешности. Грудное вскармливание двух сыновей — семи месяцев и полутора лет.

Визит 2—16.10.02. Обсуждение брака. Одиночество и навязчивая тревога о детях, в связке. Все ее подруги замужем, с детьми той же возрастной категории. Отец и мать живут неподалеку, мать стремится вмешиваться и критиковать.

Свекровь живет на другом конце США, но ежедневно звонит и оказывает поддержку, которую пациентка принимает с большей готовностью. Сука мать настаивает на том, что ее дочь не должна кормить детей грудью, уни-

жает дочь. Пациентке озвучено предложение не обращать внимания на мать и посоветовать той нажраться дерьма и сдохнуть.

Записи Дэниела менялись от сеанса к сеансу, а иногда и во время сеанса, и это его беспокоило. Изменялся не только стиль, но и почерк. Первые несколько месяцев он посещал врачей, подозревая нечто невралгическое. Все-таки после десяти лет психотерапевтической практики он хорошо разбирался в собственном предмете. Врачи делали анализы, сканировали его и брали пробы, безуспешно стараясь объяснить сдвиги в ментальном и физическом состоянии Дэниела. Он стал замечать, что, играя в теннис, порой пропускает подачи или же отбивает мяч в соперников или зрителей, а затем снова резко приходит в форму. Его жена начала время от времени делать ему комплименты, касающиеся его сексуальной активности, что было совсем на нее не похоже. Дэниел был посредственным любовником, он не стремился привнести в их отношения что-либо новое и мало заботился об удовольствии жены. Еще больше его расстраивал тот факт, что, когда жена говорила об испытанном ею наслаждении, он, в свою очередь, вообще не помнил, как занимался сексом. Только что они вдвоем лежали в кровати — и вдруг он сразу приходил в себя в душе.

Он боялся, что во время одного из таких провалов может выйти из себя и причинить вред сыну, которого просто обожал. Рори исполнилось девять месяцев, и он был вылитый Дэниел в его возрасте. Дэниел скорее убил бы себя, чем навредил этому ангелочку. До сих пор ему удалось заметить только один случай собственного странного поведения. Тогда он очнулся в ванне вместе с Рори, они оба были раздеты и смеялись за игрой, о которой у него остались весьма смутные воспоминания. У обоих была эрекция, но в этом он как раз не видел ничего необычного. Они же оба парни? И Дэниел часто купал Рори, давая жене возможность отдохнуть.

У него случались дни, когда его не заботили ни слова, слетающие с языка, ни собственный внешний вид: он слишком уставал держать темного Дэниела под контролем. Он с этим боролся.

Дэниел не сомневался, что имеет место навязчивая реакция, результат подавленной неудовлетворенности собственным перфекционизмом и строгим образом жизни, что вылилось в раздвоение личности. Он наблюдал за борьбой двух Дэниелов внутри себя. Один из них выбирал отутюженную рубашку, сшитую на заказ, а другой надевал поверх нее потрепанную куртку. Один мыл голову и оставлял волосы высыхать без укладки, а другой отчаянно пытался все исправить при помощи лака и расчески.

Жена хоть и молчала, но явно подозревала что-то. Дэниелу достаточно было ее взглядов. Порой она смотрела так, словно видела перед собой другого человека и явно с изумлением задавалась вопросом, что произошло и куда подевался привычный Дэниел. Но он не стал бы действовать, даже если бы она озвучила свои подозрения. Он был человеком, который привык держать себя в руках. Который нуждался в помощи, но не мог позволить себе слабость.

Фрэнсин де Сантос была лучшим психоаналитиком в Калифорнии. И тем не менее, пытаясь объяснить его непредсказуемые изменения поведения, она предположила неслыханное: у Дэниела развилась латентная форма шизофрении. Или же, что еще хуже, это неожиданный приступ МРЛ, множественного расстройства личности, что уже не просто необычно, но и беспрецедентно. Медикаменты не только не влияли на колебания личности Дэниела, они не снимали тревожности, вызванной этими изменениями. Разговоры с психоаналитиком ни капли не помогали. Они лишь напоминали Дэниелу о его проблеме.

Он открыл дверь кабинета. В приемной как раз хватало пространства для пары кресел и столика, на котором он держал журналы о путешествиях, вино и закуска. Одно из кресел занимала Джанет со своим грудным младенцем, прикрывавшая грудь светлым покрывалом.

— Джанет, входите, — улыбнулся Дэниел, стараясь смотреть ей в лицо.

Джанет была темноволосой, ее круглое лицо осунулось из-за постоянных переживаний. А огромные глаза, казалось, никогда не просыхали.

— Доктор Фредерикс, надеюсь, вы не будете возражать, но мне не разрешили оставить Кевина в яслях. Он простудился.

У малыша, поглощенного сосанием груди, был забит нос, и он тяжело дышал.

— Нисколько.

Он подождал, пока она подхватит слинг и младенца и неуклюже войдет в кабинет. Джанет уселась на кушетку и снова приступила к выполнению материнского долга.

— Давайте начнем с того, на чем мы закончили на прошлой неделе. Вы говорили, что Тед чувствует себя обиженным из-за того, что вы слишком много времени уделяете детям. Какие его слова или поступки натолкнули вас на эту мысль?

Пока Джанет говорила, край покрывала сполз с ребенка, открыв круглую грудь с темно-коричневым кружком вокруг соска, к которому крепко присосался младенец. Взгляд Дэниела невольно соскользнул с лица Джанет на ее грудь. Он почувствовал надвигающееся сексуальное возбуждение и закинул ногу на ногу. Затем положил планшет на колени, надеясь, что не покраснел. Из-за шума крови в ушах ее голос доносился до него словно издали. Рука Дэниела соскользнула с планшета, чтобы погладить головку члена.

Он пришел в себя лишь в момент оргазма, на Джанет Сэмюэльсон. Его рука находилась у нее в трусиках и ласкала клитор. Он неистово сосал ее грудь и одновременно терся пахом о ее ногу. Отодвинутый в сторону младенец вопил, удивленный неожиданной сменой графика кормления и напуганный грубым обращением. Джанет не кричала. Она лежала, прикрыв глаза, и тихо стонала от удовольствия.

Дэниел словно вдруг оказался в одной из своих фантазий, которыми пару раз развлекался во время сеансов с Джанет. Это потрясло его сильнее ледяного душа. Он сполз с клиентки на пол и, стараясь не потерять достоинства, принял вертикальное положение. Оправил испачканные спермой брюки. На руке остался запах Джанет. Дэниел вытащил из кармана жилета носовой платок и принялся торопливо вытираться.

Заметив перемену в его поведении, Джанет сжалась от стыда. Она дотянулась до ребенка и подтащила его к себе за ножку.

Затем привела в порядок одежду и лифчик. Джанет старалась не смотреть на Дэниела, что его вполне устраивало. Он такое и представить себе не мог. Ему даже в голову не приходило, что во время провалов в памяти и раздвоения личности он был способен навредить клиенту.

Наконец Джанет взяла вопящего младенца на руки. Дэниел вернулся в кресло, отгородившись от нее столом, взял в руки планшет и начал записывать какую-то бессмыслицу, хватаясь за привычные действия как за соломинку. Детский плач утих. Дэниел украдкой взглянул на Джанет. Она снова приложила маленького Кевина к груди и, закрыв глаза, ласкала себя. Дэниел знал, что не должен на нее смотреть, но ничего не мог с собой поделать. Опустошенный, он практически не испытал возбуждения и молча дождался ее оргазма. Джанет кончила тихо, так что Кевин ничего не заметил.

Дэниел посмотрел на часы. Время сеанса закончилось.

— Вы придете ко мне в это же время на следующей неделе? — спросил Дэниел, не поднимая глаз от планшета.

Она взяла свою сумочку, ребенка и направилась к двери. Ее голос был тихим и почти сексуальным.

— Это было бы неплохо.

— Я внесу вас в расписание.

Он ждал, пока она уйдет, ждал стука закрывающейся двери. Но время шло, и Дэниелу пришлось поднять глаза, нервно поправляя волосы над ухом. Она смотрела на него, явно надеясь увидеть реакцию на случившееся. Он слишком хорошо ее знал.

— До свидания, Джанет. Увидимся на следующей неделе.

Это сработало. Она ушла.

Дэниел закрыл глаза. Он выдохнул, и вместе с воздухом у него вырвался всхлип, а на глаза навернулись слезы. Какого черта, что с ним творится?

* * *

С тех пор он начал записывать все провалы во времени, все случаи своего странного поведения — по крайней мере те, что он замечал, — когда приходил в себя во время них. Он сделал фо-

токопии тех заметок, где менялись почерк и стиль записей, а также его отношение к клиентам. Этот быстро разрастающийся файл он назвал «Файлом Здравого Рассудка». Он завел его, чтобы убедиться в том, что находится в здравом уме. В конце концов, Дэниел считал, что сумасшедший не стал бы вести записи и вообще не имел бы понятия о том, что он псих. Фрэнсин де Сантос была с ним согласна.

— Это имеет смысл даже с чисто юридической стороны. Вы осознаете, что эти изменения поведения происходят во время так называемых провалов памяти, и не имеете намерения навредить кому-либо или совершить нечто противозаконное.

— В смысле, чтобы прикрыть свою задницу? Фрэнсин, мне так не кажется. Если кто-то вломится в мой кабинет и отыщет этот файл, мне придется предстать перед комиссией штата и пройти проверку профессиональной пригодности, а это означает в лучшем случае потерю разрешения на практику, в худшем — тюремный срок. А то, что происходит с моими клиентами... это хуже всего. Наедине с собой, на улице, в клубе, дома... я могу принести извинения. Но не на работе. Я...

— Мы с вами подумаем над этим и все просчитаем. Вы прошли все известные мне неврологические проверки, мы рассмотрели возможность эндокринного расстройства и прочее. Но это психологическое. Возможно, обычный стресс. У вас чрезмерная нагрузка, Дэниел. Вам необходимо сократить количество пациентов.

Дэниел смотрел сквозь жалюзи в окно, на деревья за домами на Беверли-Хиллз. В его жизни все шло только так, как он это планировал. Квалифицированный специалист наверняка способен контролировать собственную жизнь. Что же он пропустил?

— Я так и сделаю... но позже. Не сейчас. Я потерял клиентку и, как ни странно, вовсе не из-за странностей моего поведения. Она выехала из штата. Я не буду брать клиента на ее часы. У меня в списке есть ожидающие...

— Ваше эго тесно завязано на ваш успех.

— Да, и это естественно. Работа приносит мне полное удовлетворение, дает мне чувство собственной значимости.

— Давайте поиграем в «А что, если?..» Вы просыпаетесь однажды утром и понимаете, что больше не можете работать психологом. Чем вы станете заниматься? В качестве работы и для удовольствия?

Дэниел похолодел, пульс ускорился. В глазах потемнело. А затем он исчез. И снова вернулся, очутившись за рулем своего «мерседеса», в промокнутой от пота рубашке. Он ехал вверх по холму, направляясь к собственному дому. От него пахло сексом. Дэниел схватил сотовый и позвонил Фрэнсин. Попал на голосовую почту и взволнованно попросил ее перезвонить ему как можно скорее. Добравшись домой, Дэниел въехал в гараж и остался сидеть в машине, дожидаясь звонка.

Он проснулся от сильного стука в окно. Стучала его жена, Рейла. Дэниел запаниковал и, что-то бормоча, принялся искать сотовый. Она распахнула дверцу.

— Дэнни, уже половина двенадцатого! Я собиралась звонить в полицию!

В полицию. Нет, только не в полицию.

— Я уснул. — Его рубашка высохла, вся измявшись, зато теперь от нее пахло только страхом. Холодным потом.

— Пойдем в дом. Прими душ и ложись спать. Только тихо, милый. Не разбуди Рори. Мне еле удалось его уложить.

Дэниел вылез из машины. Думая о Рори, о своей прекрасной любящей жене, он понял: то, что случилось, не сможет остаться только между ним и Фрэнсин. Рейла обняла его, прижавшись всем своим хрупким стройным телом. Он зарылся ладонями в ее волосы, наклонился и вдохнул теплый цветочный запах ее шампуня. И тут в кармане жилета зажужжал телефон.

Рейла вошла в дом.

Звонок от доктора Фредерикса.

— Это ваша служба связи, доктор. У нас на линии одна из ваших клиенток, миссис Сэмюэльсон. Она хочет с вами поговорить.

Дэниел удивился, насколько одинаково звучали голоса всех работающих там женщин.

— Я как раз занят другим безотлагательным делом. Пошли-те ей голосовое сообщение и скажите, что я перезвоню, как только с ним покончу.

— А если она... настаивает?

— Они все настаивают. Они высасывают тебя досуха, затем рвут на клочки и гадят на то, что осталось. Велите ей пойти на хрен. Я занят.

Дэниел отключился.

— Пора заняться собственной жизнью, — проворчал он, хлопывая дверцу «мерседеса».

Дэниел проснулся в четыре часа утра. Ноги Рейлы переплелись с его собственными. Он осторожно высвободился и пошел помочиться. Ему только что приснился странный жуткий сон. Он уже десять лет не вспоминал о Джастине Куке. Джастин был одним из его первых немногочисленных клиентов, девятнадцатилетний социопат, которому удавалось почти год морочить Дэниелу голову, прежде чем тот его раскусил. Джастин рассказывал, как над ним измывались родители, и выглядело это так, словно своим дьявольским поведением парень старался дать выход собственной обиде и злости. Однако Дэниел навел справки, и выяснилось, что Джастин Кук вырос в чрезвычайно благополучной семье и у него есть младшие брат и сестра, до смерти им запуганные.

Во сне Джастин сидел в старом кабинете Дэниела, в комнате над автомастерской, где становилось тихо лишь по ночам. Он был психологом, а Дэниел лежал на грязной твидовой кушетке. В реальной жизни Джастин был очень умным и часто пытался разыгрывать из себя психолога. В полумраке сна он спросил Дэниела о том, нравится ли ему сумасшедший секс.

— Сумасшедший секс?

— Ты же из тех парней, что предпочитают вскочить на телку, сделать свое дело и свалить. Но сейчас все иначе. Возможно, тебе нравятся эти безумные штучки. Вставить жене в задницу. Пальцами довести кормящую мать до оргазма, одновременно высосав ее досуха. Засунуть все свои двадцать пять сантиметров в рот этой шлюшки, твоей риэлторши, чтоб она подавилась. Позволить этому педик у Леону вылизать тебе задницу, пока он себе отстрачивает. Ну, ты понял, о чем я.

Дэниел во сне почувствовал, что возбуждается. Он вспомнил о том, что его заводило. Да, это действительно ему нравилось. Он кивнул Джастину.

— Ну так расслабься, чувак.

— Да, расслабиться. — К удовольствию Джастина, Дэниел начал онанировать.

— Давай, Дэн. Эй, а тебе понравился мой подход к твоим психам? Как насчет того, что я написал об этом типе, который чересчур зациклен на собственной сестре? Я же прав, что он видит сексуальный подтекст в ее хорошем к нему отношении? Так, стоп, теперь я здесь доктор. Я всегда прав!

Дэниел неожиданно оказался перед своим старым столом. Джастин улыбался слишком широко для человека, его рот фактически был растянут до ушей, открывая зубы. Макушка Джастина была разбита. Вдребезги. По лбу и щекам сползали сгустки крови и осколки костей. Лицо было бледным как мел.

— Джастин, ты умер? — Нет ответа. — Ты убил себя?

Джастин кивнул, и его мозги свалились ему на колени.

Желудок Дэниела сжался.

— Почему? Я что-то сделал не так?

Теперь они стояли в парке. Или на кладбище? Много зелени, деревья, скамейки. Джастин опустился на колени у надгробия. Надпись была нечеткой, но он провел по буквам пальцами.

— Они действительно любили меня. Смотри, сколько хорошего они обо мне написали.

Джастин обернулся и посмотрел на Дэниела через плечо. Он казался очень юным, словно ему не было девятнадцати. Словно не было тех лет, когда он убивал животных, оскорблял старших, крал деньги и калечил соседских детей. Он казался невинным, ему можно было дать лет восемь-девять, и при этом он ничуть не изменился со времени их последней встречи.

— Да. Они пытались полюбить тебя, чтобы ты выздоровел, но не смогли.

— Это была твоя работа, Дэниел.

— Теперь ты здесь доктор. Не я.

— Предполагалось, что ты меня вылечишь. А ты все испортил.

— Нет. Это ты доктор.

Джастин открыл верхний ящик его старого стола с имитировавшей дуб обшивкой. Дэниел из сна ощутил ностальгию по первым годам практики. Два-три пациента в день. Время на то, чтобы внимательно перечитать их записи, провести исследования, ответить в случае необходимости на звонки. Тогда он был холост и встречался с двумя женщинами. Одна жила в Лос-Анджелесе, а другая — в Далласе, где жили и его родители. Он посещал уроки кулинарии и дизайна внутренних помещений, вступил в клуб здорового образа жизни, чтобы не потерять форму после колледжа. Жизнь была прекрасной. Джастин взял со стола папку с его записями и помахал ею перед Дэниелом, словно фокусник колодой карт.

— Выбери страницу. Любую. — Джастин подбросил папку вверх, и бумажные листы птицами разлетелись во все стороны. Они трепыхались в воздухе, садились на стол, опускались на пол. — Вот твоя ложь.

— Какая ложь? — Дэниел испугался.

Он вспомнил, каким опасным может быть Джастин — не для него, но для всех остальных, тех, кто за стенами его кабинета. Он писал чистую правду. Всегда.

— Где здесь написано, что ты меня любил? — Он ждал ответа. — Ты и правда меня любил. Ты показал мне, как меня любишь.

Дэниел из сна оторопел. Неужели он когда-то повел себя с Джастином неподобающим образом? Он не был геем; с чего подобное пришло ему в голову?

— Я тебя и пальцем не тронул.

Внезапно Джастин оказался совсем рядом. Во сне Дэниел ощутил запах юноши. Он был диким и чистым, сладким и приторным, затем стал гниlostным и мерзким. Дэниел попятился.

— Я так хотел этого. Все, чего мне хотелось, — это чтобы ты меня любил.

— Тебе нравились девушки. Я помню, как ты говорил мне...

— Ложь! Все ложь. Я думал, ты окажешься классным специалистом и сможешь различить правду. Несмотря на все мои поступки, несмотря на мои слова. Ждал, что ты увидишь мою боль, поймешь, что мне нужно.

Дэниел был потрясен.

— Я не знал! Я никогда на это не пошел бы. Я дал клятву. Прости.

Он действительно сожалел. А затем Джастин принялся осыпать его поцелуями, обнял его, прижался всем телом. Дэниелу совсем этого не хотелось, но он все равно почувствовал возбуждение и желание помочиться. Джастин высвободил его пенис из брюк, и желание помочиться превратилось в настойчивую необходимость.

В этот момент он проснулся. Дэниел обнаружил, что стоит перед унитазом с пустым мочевым пузырем, держит свой обмякший пенис и удивляется, почему ему приснился такой правдоподобный сон. Почему ему снится клиент, который прервал лечение и исчез из его жизни так давно?

Когда он спустился позавтракать в свою сверкающую, отделанную полированным алюминием и тиком столовую, Рейла устроила ему молчаливый бойкот.

— В чем дело? Я что-то сказал не то, пока спал? Или ты сердись, потому что я вчера поздно вернулся домой?

Она покачала головой. Рори сидел на высоком детском стульчике и сражался с протертыми персиками.

Зазвонил телефон. Дэниел взял трубку. Служба связи. Четыре звонка. Один от Фрэнсин. Ее сообщение отличалось краткостью. «Не звоните мне; не приходите в мой офис; я больше не хочу вас видеть». Почему все вокруг подняли такой шум? Что он сделал? Неужели смены личности стали происходить так часто, что он перестал их замечать?

Он похолодевшими руками схватил чашку кофе. Она казалась такой реальной. Она и была реальной. И он тоже был реальным, как и весь этот ад. Ему было необходимо поделиться этим с Рейлой, даже если это заставит ее почувствовать себя обманутой. Он знал, что так и будет.

— Рей, мне нужно кое-что тебе сказать. Надеюсь, что ты сможешь мне с этим справиться. Мне страшно.

Это ее задело. Она повернулась к нему лицом.

— О'кей, — осторожно начала она. — Говори.

И он рассказал. Все, что только мог вспомнить без помощи своего файла с записями, — обо всех странностях, провалах

в памяти, страстном сексе, который так нравился ей и о котором не помнил он сам. О неподобающем поведении с клиентами Дэниел упомянул, но не стал вдаваться в сексуальные подробности. А еще он рассказал ей свой сон.

— И ты считаешь, что между этим сном и тем, что происходит с тобой, есть связь?

Рейла хмурилась. Болезнь Дэниела и его провалы в памяти беспокоили ее, и теперь она изо всех сил старалась придумать, как ему помочь.

— Я не знаю. — Он заплакал. Тихо, как в детстве, когда никто этого не видел. — Знаю только, что меня это пугает. И я причиняю боль людям. Тем, кому я поклялся служить и помогать.

Рейла продолжила кормить Рори.

— Если уж Фрэнсин вышла из игры, полагаю, тебе нужно найти кого-нибудь другого, кто сможет тебе помочь.

— Хороший совет. Я так и сделаю. Я... Мы не можем так жить.

Рейла посмотрела на него, как родитель на неразумного ребенка. Дэниел допил кофе, с трудом прожевал ржаной тост и поцеловал на прощание жену и ребенка.

По пятницам его первым клиентом был Саймон Харкорт, драматический и телевизионный актер. Дэниел взял его файл и пролистал последнюю запись.

Визит 28—06.10.02. Сегодня Саймон рассказывал о своей горе, вызванном потерей его пса Уэйна породы шелти. Уэйн прожил 17 лет. Горе — это естественная реакция. Лишь во второй раз упомянул своего брата-близнеца. Отношения с братом и его оскорбительное поведение во многом повлияли на чувство собственного достоинства клиента. Брат часто сравнивает его с женщинами и плохо себя ведет, унижая Саймона.

С соседями по квартире у Саймона тоже проблемы. Они неряшливы и невнимательны к другим. Саймон страдает оттого, что на экране играет сурового копа, а в личных отношениях такая размазня.

Мне его совершенно не жаль. Он упивается своими страданиями и заслуживает все то дерьмо, которое получает.

Какого черта с ним не так? У него есть все, но он зациклен на том, чего никогда не сможет добиться. На том, кем никогда не сможет стать. Жалкий неудачник.

Дэниел покачал головой. Сегодня голос того, «другого» Дэниела казался ему странно знакомым. У кого еще была эта манера разговора? Кто еще мог быть таким безжалостным?

Загорелась лампочка, сообщая о приходе Саймона. Дэниел закрыл папку и встал. Джастин. Вот почему ему приснился тот сон. «Другой» Дэниел был копией Джастина!

Одно осознание этого придало ему сил. Дэниел потянулся, выдохнул. Прошептал: «Джастин, убирайся к черту из моей головы». Затем подошел к двери, чтобы выпустить Саймона.

Остаток дня Дэниел оставался самим собой. Его записи отличались последовательностью. Он был точен и лаконичен с клиентами. Затем позвонил Рейле, чтобы сообщить, что их беседа ему помогла. Но это ее явно не успокоило. В перерыве между клиентами, которым было назначено на 17:00 и 19:45, он просмотрел свои старые файлы в поисках записей о Джастине. И увлекся, читая некоторые. Дэниелу нравились собственное непредвзятое простодушие и увлеченность того времени. Файл Джастина обнаружился в последнем ящике его первого года практики.

Визит 1 — Джастин Кук; возраст — 18 лет. Направлен Калифорнийским департаментом по делам несовершеннолетних преступников. Имеет приводы за многочисленные случаи хулиганства. Родители обратились ко мне по направлению Марка Мура.

Джастин высок, хорошо сложен. Его лицо с возрастом обещает стать привлекательным, но пока сохраняет детскую округлость. Джастин постоянно хмурится. На вопросы отвечает саркастически, односложно либо молчит. Спросил его о том, на кого он злится, в ответ он рассмеялся: «На кого я только не злюсь! На всех, с кем когда-либо имел дело. На родителей, семью, учителей, других детей. Все обращаются со мной так, словно я псих». Я спросил, действительно ли он «псих». Он снова рассмеялся. Кажется, ему

нравится думать, что он меня «достает» или что у него есть секрет, который я хочу узнать и которым он не собирается делиться. Я повторил вопрос. «Нет, меня просто все достали». Я отметил, что это всеобщая проблема. Он спросил, что достало меня, и я перевел разговор на него — как он считает, что меня достало? Он был предельно точен! Ссылался на контроль, власть, неадекватность. Я улыбнулся и объяснил ему: когда пациент рассказывает о том, что у меня не в порядке, он отражает свои собственные проблемы. Кажется, ему хотелось сказать, что мои стандартные приемы с ним не работают. Следующие десять минут он играл в молчанку. Наверное, на моем лице отразилась скука, потому что затем он накричал на меня с требованием уделить ему внимание. Я попросил его рассказать о своем детстве. Он начал описывать сцены ужасного насилия, одну за другой. К этим рассказам я отнесся скептически. На мой взгляд, они слишком наиграны. На вопрос, собирается ли он снова со мной повидаться, он посмотрел на меня, и я на миг увидел в нем ребенка, понявшего, что он кому-то не безразличен; затем это чувство исчезло. Он ответил: «У меня нет другого выбора, если я хочу отделаться от департамента по делам несовершеннолетних».

Дэниел вспомнил. К нему вернулось все. Злость с вкраплениями страха, ложь, приправленная правдой. Ему так и не удалось добиться контакта с Джастином, и он посчитал парня социопатом. В конце предписанного судом периода визитов родители Джастина попросили продолжить сеансы с их сыном. К удивлению Дэниела, Джастин согласился.

Он перечитал все, что успел, до прихода следующего клиента, и вернулся к ним после. Искал намеки, не осознавая до конца, что именно хочет найти. Был ли Джастин гомосексуалом? Свидетельствовало ли его вызывающее поведение о страхе быть непонятым? Для этого он воздвиг вокруг себя такую стену враждебности? Если да, то как мог Дэниел этого не заметить? Он отыскал номер телефона родителей Джастина и позвонил. Час был поздний. Оставалось лишь надеяться, что они еще не спят.

Неверный номер. Они переехали. Джастин перестал к нему ходить почти двадцать лет назад. Дэниел позвонил своему другу Гилу, работавшему в полиции Лос-Анджелеса, и попросил разыскать Эсперансу и Фрэнка Куков. В любом случае ждать придется до утра.

Стекланный стол был завален записями о Джастине. Дэниелу было сложно их читать. Выходки пациента, его жестокое обращение с животными и детьми наводили ужас. Дэниел пролистал их до записи о последней встрече.

Визит 221 — 14.05. Джастин выглядит апатичным, скучающим. Я видел его таким всего несколько раз. В таком состоянии он более податлив. Самое время для вопросов. Я спросил его об инциденте в супермаркете, когда он уронил младенца. Джастин выхватил ребенка у женщины, отчитавшей его за разговор с продавцом, отвлекающий от работы. Затем подбежал к поручням, ограждающим площадку второго этажа над пролетом, и занес над ними ребенка. Он кричал на женщину, требуя извинений. Она же от потрясения могла только рыдать. Охранники супермаркета попытались вмешаться, и тогда Джастин уронил малыша. Тот приземлился на кучу мульчи в большом цветочном контейнере и отделался лишь синяками и царапинами.

Джастин пожал плечами.

— Если бы люди знали, что могут потерять что-то ценное из-за того, что ведут себя как кретины, они делали бы в два раза меньше глупостей. Я лишь дал ей понять, что ее отношение ко мне может стоить ей жизни ребенка.

Я спросил, было ли ему известно, что малыш упадет на мягкое. Он улыбнулся. Мой черед отгадывать. Я сказал: «Я знаю, ты все просчитал». Он всего лишь хотел преподать людям и животным урок, привлечь их внимание. Мое предположение ему понравилось. И тогда я забросил наживку. Спросил, почему он никогда не причиняет боль себе, только окружающим. Вопрос был неприятен, клиент начал ерзать! Я наконец-то нащупал слабое место. И спросил его, что он чувствует. Он не знал. Возможно, он мог

почувствовать хоть что-то, лишь причиняя боль другим. Он был закрыт. Я похвалил его за проницательность. Затем он спросил меня, что он должен с собой сделать. Должен ли он наказать себя за всю боль, которую причинил другим? Я заметил, что все наши поступки так или иначе возвращаются к нам. Он заплатил за свои выходки тремя с половиной годами колонии для несовершеннолетних. Не закончил среднюю школу, пропустил выпускной бал. Возможно, когда-нибудь кто-нибудь поступит с ним так же, как он поступал с остальными. И тут он изменился, стал злым, раздражительным.

— Никто больше ничего мне не сделает. Я этого не допущу.

Я спросил, как он может быть уверен в своей безопасности. Сказал, что никто не защищен от случайностей жизни, от других людей. Он отвел взгляд в сторону и побледнел; похоже, эта ужасная мысль впервые пришла ему в голову. Чувство ответственности? На этом наш сеанс закончился. Я с нетерпением жду следующего.

На следующей неделе Джастин не пришел, и Дэниел позвонил ему домой. Родители сообщили, что Джастин убежал из дому; в случае его возвращения они проследят, чтобы мальчик снова обратился за помощью. Но звонка так и не последовало. А Дэниел не стал настаивать. Дела у него шли все лучше, и он как раз собирался сменить свой приемный кабинет на другой, поудобнее.

Когда он вернулся домой, Рейла уже спала. Он забрался в кровать рядом с ней и поцеловал в обнаженное плечо. Она завозилась. Дэниел прошептал: «Я тебя люблю». И улыбнулся, надеясь, что она не проснется. Она перевернулась на другой бок и вздохнула, продолжая крепко спать. Он же лег на спину и принялся изучать потолок.

Дэниелу снова приснился сон. Такой же живой и яркий, как вчерашний. Во сне он стоял в грязной пляжной уборной. Сквозь вонь дерьма и мочи пробивались запахи соленого воздуха и мокрого песка. На нем были пляжные шорты и плавки, на загорелых плечах — полотенце. Настоящий Дэниел ни за что не надел

бы плавки и не выставил бы на общее обозрение свои худые ноги. Во сне эта мысль вызвала только ухмылку.

— Эй, док!

Дэниел обернулся на голос. На сидении унитаза стоял Джастин с петлей на шее. Он был обнажен, покрыт песком и грязью, словно специально вывалился в них, выйдя из воды. Песчинки на ресницах сверкали в ярком свете ламп.

— Что ты с собой делаешь, Джастин? — мягко спросил Дэниел из сна.

— Я получаю гарантию того, что никто не причинит мне вреда. Теперь я уверен.

— Я могу тебя научить обращаться с людьми так, чтобы никому не навредить и защитить себя. Позволь мне это сделать. — Затем пришел запоздалый вопрос: — Почему именно здесь?

Ноги Джастина соскользнули с мокрого сиденья, и он повис. Глаза вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дэниел бесстрастно наблюдал, отметив, что Джастин обмочился, обгадился и перед смертью наступила эрекция.

Он развернулся, чтобы уйти. И тут Джастин заговорил:

— Эй, док! Ты жалкий ублюдок. Ты все профукал. Я любил тебя. И хотел, чтобы ты меня тоже любил. Ты нуждался в ком-то, кто полюбит тебя, не меньше, чем я нуждался в любви к тебе, но ты ничего не заметил, — хрипло произнес он.

Дэниел оглянулся. Джастин облизал бледные губы почерневшим языком. Дэниел вздрогнул, неожиданно захлебнувшись чувством вины и ужаса.

— Так вот почему ты меня преследуешь? — Он не знал, как еще это назвать.

— Преследую? Не-ет. Считаю меня постоянным клиентом, док. Как говорится, я рассчитываю на долгосрочные отношения.

— Я не понимаю, Джастин. До меня не доходит. — Дэниела охватила беспомощность, он упал в грязь на колени, по щекам потекли слезы. — Помоги мне понять.

Джастин подергал петлю, та ослабла, и он спрыгнул на плиточный пол. И принялся гладить Дэниела по голове, шепча ему в волосы что-то успокаивающее.

— Поднимайся, док, и обними меня.

Дэниел встал и позволил Джастину себя обнять. Он продолжал плакать. Ему было так жаль! Жаль Джастина, жаль себя. Если он ошибся в таком явном диагнозе, где еще он мог ошибиться, где и в ком?

— Бедный Дэниел... Бедняга Дэниел. — Джастин прижался к нему голым телом. — Понимаешь, это было все, чего я хотел. Ты никогда не спрашивал, каким еще могло быть насилие, которому меня подвергали родители, кроме физического и сексуального. Ты и не думал, док, что они ни разу и пальцем ко мне не притронулись. Никогда не смотрели в мою сторону. Возможно, мама и касалась меня, чтобы сменить подгузник, когда я был младенцем, но я этого не помню. Когда я разбивал коленку, мамочка выкладывала мне антисептик и бинты на стол. «Ты разберешься», — говорила она. Когда я простужался, то сам должен был ставить себе градусник и проверять температуру. Я сам готовил с тех пор, как себя помню. Я никогда не чувствовал, что меня любят, что обо мне заботятся.

— Они казались такими хорошими людьми, — попытался встать на защиту его родителей Дэниел.

— Хорошие люди тоже могут быть невнимательными и безразличными. Тебе это известно. — Джастин заставил Дэниела смотреть на себя, обхватив его лицо ладонями. — Ты точно такой же. Ты когда-нибудь брал на руки собственного сына? Держал жену за руку во время прогулки... Вообще, гулял с ней?

Дэниел покачал головой. Головой, в которой он жил. Разве он когда-нибудь прикасался к женщине просто из нежности, без сексуального подтекста? Нет.

— Ты проснешься и, скорее всего, позабудешь этот сон. Но сейчас я здесь. Перестань со мной бороться. Люби меня. Позволь мне существовать.

Его трясла Рейла.

— Дэниел, проснись!

Он вздрогнул и сел.

— Что?

— Ты плакал и кричал: «Нет!» Тебе приснился кошмар?

Он вытер лицо. Оно было мокрым.

— Наверное. Господи... Да что со мной творится?!

Гил прислал на голосовую почту сообщение с новым телефонным номером родителей Джастина. До прихода первого клиента Дэниел уселся в свое шикарное кресло, взял ручку фирмы «Кросс», положил на стол бумаги и сделал глубокий вдох. Затем набрал номер. С незнакомым кодом.

Трубку подняла женщина, говорившая с легким акцентом, таким же, как у Эсперансы Кук.

— Это Дэниел Фредерикс. В 1983 году меня назначили психологом Джастина. Вы меня помните? — У него бешено стучало сердце. Дэниел не знал, что собирается сказать. — Это произошло, когда Джастина...

— ...направил к вам Калифорнийский отдел по делам несовершеннолетних. Я очень хорошо это помню, доктор Фредерикс.

Она расстроилась? Разозлилась? По голосу он ничего не мог определить.

— Я просматривал старые файлы, и файл Джастина оказался самым большим. Я начал его читать и вспомнил, что однажды он просто прекратил свои визиты. Это меня заинтересовало. Хотелось бы знать, как у него сейчас дела.

— Сейчас? — По ее голосу Дэниел понял, что она изо всех сил пытается понять, чего от нее хотят. — Он покинул нас почти двадцать лет назад.

— Покинул? Съехал из дома? Или его посадили в тюрьму?

— Он нас покинул. Умер. Повесился. А перед смертью оставил вам письмо. Я отослала вам копию.

Неожиданно из горла Дэниела вырвался истерический смешок. Совершенно ему несвойственный. Он попытался продолжить разговор.

— Я никогда... Я даже не предполагал... Я понятия не имел...

И тут его голос стал чужим:

— Мамочка, я здесь! Я наконец-то получил, что хотел, от дочки. Черт возьми, я в нем! О да!

— Что это за глупые шутки? Как вы смеете звонить мне и говорить такое?! Забудьте этот номер!

Она повесила трубку.

Дэниел почувствовал, как от пальцев ног поднимается волна жара, заливая пах, живот. Теперь Джастин был не только в голове, он поселился на клеточном уровне. Украл тело и разум Дэниела.

— Что я такого сделал, чем я это заслужил? — испуганно проскулил он.

В его голосе звучал голос Джастина — так ясно, словно это были его собственные мысли. Сон становился явью.

— Ты просто не любил меня. Не был со мной рядом. Не прикасался ко мне.

— Я от тебя избавлюсь. У меня есть собственная жизнь. — Дэниел встал и со злостью схватился за голову, словно надеясь вытащить из нее Джастина за волосы.

— Привыкай ко мне, док. Я здесь с хорошими намерениями. Мы будем развлекаться. Как тогда, с этой твоей докторшей. Только теперь я позволю тебе сполна всем насладиться, пока я буду у руля. Эй, я же знаю, что ты злился, потому что никак не мог залезть мне в душу. Зато теперь я тебя пущу, ты узнаешь обо мне все — так же, как я знаю все о тебе! Таков мой подарок.

Дэниел закрыл глаза. Ему всегда было интересно узнать о детстве Джастина, о его подростковом возрасте. Сознание затопил поток лет, образов, мыслей. Зачарованный Дэниел даже не сопротивлялся. Он был потрясен, удивлен, впечатлен. Джастин оказался невероятно глубокой личностью.

— Эй, эй, чувак, притормози, — вмешался Джастин. — Успеешь еще наиграться.

Дэниел улыбнулся.

— Да, успею.

Джастин был загадкой, которая оказалась ему не по зубам, тайной, которую не удалось постичь, и клиентом, которому не удалось помочь. Теперь все это было Дэниелу по силам. Вполне возможно, однажды он сможет дать Джастину необходимое. Полюбить его.

В кармане зазвонил сотовый, возвращая его в реальность. Дэниел проверил номер. Звонила Рейла.

— Привет, Рей. В чем дело, детка? — Джастин был с ним.

— Детка? — Он слышал плач Рори и мужские голоса. — Слушай, Дэнни, здесь два детектива. Они хотят поговорить с тобой о некоторых жалобах. И... О Фрэнсин.

В его голове раздался громкий голос Джастина:

— Мы пустимся в бега, Дэн. Да, именно это и сделаем. Я не собираюсь провести остаток твоей жизни в камере в роли чьей-то шлюшки.

— Фрэнсин? Она подала жалобу?

— Нет, Дэнни, она покончила с собой. Они говорили что-то о ее предсмертной записке...

— Я еду домой.

— Поторопись, Дэнни. Они меня пугают.

— Конечно, детка. Я уже еду.

Дэниел захлопнул телефон и засунул его в карман брюк. Джастин поинтересовался, полный ли у машины бак. Дэниел понял, что, куда бы они ни отправились, им придется заправиться по пути. Джастин рассмеялся. Дэниел улыбнулся.

— Мне только нужно забрать один из моих файлов...

Дэниел пошел за «Файлом Здравого Рассудка», который лежал в закрытом на ключ ящике. Джастин ждал внутри, мурлыкая, как хорошо отлаженный автомобиль, готовый ко всему, что бы ни случилось.

БРАЙАН ЛАМЛИ

Мой Пятница

Аудиожурнал Грега Гриффитса, третьего механика на корабле «Альберт Эйнштейн», собственности Большой Марсианской орбитальной станции

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Скорее всего, 24 февраля 2198 года по Земному Стандарту, но я не уверен. Корабельный хронометр вышел из строя (как и все остальное, не считая меня), и я не знаю, сколько пробыл без сознания. Судя по щетине на лице, чувству голода, шишке на затылке и толстой корке засохшей крови, прошло два-три дня. Сейчас здесь вроде бы утро, и я назову этот день Первым...

Что я помню?..

Мы прошли через край старой туманности — газового облака, которое казалось абсолютно мертвым, но, как выяснилось, часть энергии оно сохранило. Странной энергии, которую не смогли засечь наши приборы. Затем корабль начал барахлить и окончательно остановился, пройдя от четырех до пяти световых лет. Когда мы вывалились из подпространства в нормальный космос, я надел скафандр и вышел наружу, проверить топливные инжекторы. Все оказалось забито этим газом, больше похожим на жидкость, и пылью, липкой, как клей. Эту дрянь не удалось переработать в топливо, она прикипела к дюзам и застыла, как камень... Чертовски странно, но это я уже говорил. Научный офицер корабля Скот Джентри сказал, что субстанция вполне может оказаться «протопланетарным шлаком» — какого бы черта это ни значило! — и что мы в полной заднице. А мы внизу, в машинном отделении, чесали затылки и пытались отыскать способ прочистить дюзы от этого дерьма.

Затем взорвались сверхсветовые двигатели, и стало ясно, что эта пыль везде. Антигравы были на последнем издыхании, но все же продолжали работать, пусть и с перебоями. Просто чудо, что

мы оказались совсем рядом с планетой, на которой были вода и атмосфера: по словам Джентри, такой шанс выпадает один раз на пару триллионов. Еще нам было известно, что мы сбились с курса — на несколько световых лет, — потому что протодерьмо также попало и в астронавигатор.

Относительно планеты: на ней были континенты и океаны, но с поверхности не шли радиосигналы, нигде не было признаков городов или разумных форм жизни. Хотя если где и могла зародиться жизнь, то именно здесь. Вселенная уже давно была очень пустынным и одиноким местом. Что касается меня, то *сейчас* она кажется мне еще более пустынной, чем раньше.

Во время приземления антигравы, отвечающие за мягкую посадку, отказали. Шесть тысяч тонн металла преспокойненько рухнули с высоты приблизительно в сотню футов. И мы вместе с ними. Чуть бы выше, и я, скорее всего, уже не сделал бы эту запись. Когда эта неизвестная до сих пор планета притянула нас к себе, я висел на стропях в гравитационном тоннеле и пытался выжечь из дюз шлак. Амортизаторы строп сработали, и это спасло мне жизнь.

Что касается остальных членов экипажа, то всем моим пятнадцати товарищам повезло куда меньше...

...или больше. Это зависит от того, чем встретит меня это место. На данный момент мне нужно перевязать голову, поесть, вооружиться, а затем вынести все трупы из корабля. В противном случае ни фига это место не станет обитаемым...

ДЕНЬ ВТОРОЙ (УТРО)

Вчерашний день был очень странным... Кстати, мне кажется, что дни здесь всего на час или два длиннее Земного Стандарта. Полагаю, я не ошибся, предположив, что очнулся рано утром, потому что день оказался чертовски длинным и странным. Но опять же, учитывая то, чем я занимался, по-другому и быть не могло.

Я начал выносить тела из корабля.

Задача была не из легких. И не только по очевидным причинам. По очевидным причинам я много плакал. Но учитывая, что старик «Альберт Э.» сейчас лежал, зарывшись в почву под углом в 30 гра-

дусов, а его когда-то круглый корпус раскололся по швам, согнулся, сплюснулся и истекал всевозможными разъедающими составами, смазочными материалами и прочим... Нет, задача была не из легких. Даже не знаю, почему я это делал, ясно же было, что я не смогу жить в «Альберте Э.». Корабль стал западней!

Возможно, мне стоило оставить тела там, где они были, запечатать их как можно надежнее прямо на месте смерти и превратить этот корабль со всеми моими мертвыми товарищами в подобие огромного металлического мемориала. Ржавейте с миром...

Но сейчас уже слишком поздно, и мне все равно нужно было забрать оттуда множество вещей. Лекарства и такое прочее, корабельные продуктовые пайки, большой надувной жилой модуль с автоматической накачкой из магазина «Все для выживания в экстремальных условиях», инструменты и так далее. Я стану настоящим Робинзоном Крузо или, может, Беном Ганом, брошенным на необитаемом острове. Да, малыш Джим? Йо-хо-хо! Хоть пираты здесь и не водятся.

Спасибо Господу за чувство юмора. Всего пару дней назад на борту «Альберта Э.» мне удавалось шутить и всех смешить — они говорили, что если лопнут от смеха, то их смерть будет на моей совести! Что ж, парни, я здесь ни при чем. Это все чертово огромное облако дурацкой пыли и газа. И ему удалось отколоть с нами ту еще шутку...

ПОЗЖЕ

До заката я успел извлечь больше половины тел, и я собираюсь достать остальных завтра. Но сегодняшняя ночь станет последней из проведенных на корабле. Сейчас пребывание на борту «Альберта Э.» превратилось в кошмар. Завтра я починю принесенный с корабля жилой модуль, запущу генератор, заряджу аккумуляторы и установлю защитный периметр, как написано в книжке. И кем бы ни были эти существа, которые бродили неподалеку в темноте, возможно, это те же ребята, что наблюдали за мной из леса, пока я работал. Пусть катятся к черту! У меня есть пистолет, на который можно положиться. Впрочем, не думаю, что мне придется часто им пользоваться. Какими бы любопытными они ни

были, испытал один раз на себе действие электрического периметра, они вряд ли вернуться за добавкой.

Что касается сегодняшней ночи, остается только надеяться, что их не слишком интересует мертвечина...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ (ПОЛДЕНЬ)

Сегодня я чувствую себя заметно лучше: я успокоился, и мне уже не так плохо. То есть, конечно, мне плохо, но не настолько. Я хочу сказать, черт, я ведь выжил! И глядя на старика «Альберта Э.», я не могу понять, как же мне это удалось. А воздух на планетке отличный, им на самом деле можно упиваться. Он свежий, сладкий... нефiltroванный? Но может, все дело в воздухе на корабле: и так вечно затхлый, он уже начинает пованивать.

Я запустил генератор, установил модуль, электрический периметр и прочее. Теперь я собираюсь перенести туда все корабельные пайки, которые смогу отыскать, и, возможно, в процессе наткнусь на оставшиеся два тела, которые мне пока не удалось найти. Один из них, Дэниел Гайслер, — мой хороший товарищ. Придется нелегко, однако я жив, и это единственное, что сейчас имеет значение. Где жизнь, там надежда, и все дерьмо в таком духе...

Я кое-что узнал о местных, которых слышал прошлой ночью. Спал я в самодельном гамаке, который подвесил в воздушном шлюзе. Оставил заслонку шлюза чуть приоткрытой, чтобы впустить свежий воздух. Где-то посреди ночи я услышал, как в темноте кто-то движется. Спустя час или два все стихло; видимо, им тоже нужно спать. Возможно ли, что во всей Вселенной ночь и сон взаимосвязаны? Это имело бы смысл... мне так кажется.

Но как лучше всего их описать? Джим, парнишка, я же не из так называемых экзобиологов, я всего лишь рядовой механик; но я попробую. Судя по тому, что мне пока удалось увидеть, здесь есть три подкласса одного и того же вида. Видите, что я имел в виду, когда говорил, что я не экзобиолог? Они явно принадлежат к разным видам и в то же время до странности похожи. Они... Ну, они очень необычные, вот и все...

Однако продолжим.

Есть летающие: с размахом крыльев около восьми футов. У них округлые тела, тощие ноги и довольно глупый вид. Они похожи на огромных бледно-розовых малиновок без клюва. Обитают на верхних ветвях деревьев и едят какие-то плоды, напоминающие желтые ягоды размером с кулак. Парадоксально, но, несмотря на их размеры, они кажутся довольно хлипкими. У них нет перьев, и похожи они скорее на летучих мышей или на белок, только не на птиц. Прыгают и парят, почти не летают. А когда проносятся надо мной, закрывая солнце, тонкие крылья просвечивают насквозь. Но они здесь не единственные летающие существа. Есть и другие, примерно того же размера и сложения, более похожие на птиц. Этот другой вид держится высоко в небе, они кружат надо мной, как грифы. Из-за этого я и косился на них, учитывая мое занятие. Я хочу сказать, я же выносил из корабля своих мертвых товарищей, а, насколько мне известно, грифы и стервятники питаются падалью. По крайней мере, на Земле...

Помимо летучих здесь водятся и наземные жители. Они двуногие, человекообразные и, возможно, даже млекопитающие, какой-то их местный эквивалент, хотя до сих пор никаких отличительных особенностей, определяющих половую принадлежность, я у них не заметил. Но готов поклясться, что именно этих человекообразных — разумных этого мира? — я слышал ночью. Их я решил оставить на потом — как самую интересную разновидность. Мы вернемся к ним через минуту.

Последний вид наземных животных — кабаны. Буду называть их так, пока не подыщу название получше. В длину могут достигать четырех-пяти футов, цвет бледно-розовый, как у летунов и двуногих. Они шуршат в подлеске на опушке леса, жрут семена больших желтых ягод размером с шар для гольфа. Тоже есть разные виды, судя по всему. Чуть дальше в лесу водятся существа, куда более похожие на мохнатых черных кабанов. Эти пыхтят и держатся в тени.

Ну, вот и все. Но «розовые», как я начал называть представителей всех трех разновидностей — четвероногих, двуногих и крылатых, — все словно сделаны из одного теста. Несмотря на различия в строении тел, все они имеют общее смутное сходство. С одной стороны, этот их мерзкий одинаковый цвет, с другой — общая хлипкость или... я даже не знаю... Студенистость? Желеобразность?

Очень захватывающе... *для экзобиолога*. Но я им не являюсь, и для меня они остаются просто тварями, которых надо остерегаться, пока не выясню, что они собой представляют. На самом деле я не чувствую никакой угрозы ни от одного из этих существ. Пока, по крайней мере.

Еще кое-что о человекообразных.

Когда я открыл заслонку воздушного шлюза, то увидел компанию, состоящую из 13—14 особей, которые уселись вокруг останков моих товарищей. Я разместил бывших друзей небольшими группами, в соответствии с основными тремя подразделениями на корабле, но все они лежали рядом, с ногами, вытянутыми в сторону общего центра. В результате получилось нечто вроде трехлистного клевера, где каждый лист состоял из четырех-пяти тел.

Инопланетяне... Да, я знаю, что это клише, но кто же они такие, если не инопланетяне? Для меня, во всяком случае. На самом деле в этом мире единственный инопланетянин — это я, но плевать. *Местные* сидели там, уложив головы мертвых к себе на колени. И я подумал: какого черта, они что, проторчали так всю ночь?! Меня это искренне потрясло.

Что же они делали? Пытались выяснить, съедобны ли эти мертвые существа? Или просто старались понять, что представляют собой упавшие с небес, странно знакомые создания, подобных которым они никогда раньше не видели? Различия в строении гениталий единственной на «Альберте Э.» женщины и мужской части команды вызвали у них почти детский интерес, но ненадолго. И хорошо, ведь разочаровавшейся в жизни, стриженной ежиком и работающей экзобиологом лесбиянке Эмме Шнайдер это вряд ли понравилось бы.

Так или иначе, они были там, эти ребята, сидели, как кучка плакальщиков над моими старыми друзьями...

Когда я сбросил вниз лопату и спустил веревочную лестницу, они все же встали, отошли и с расстояния наблюдали, как я слез вниз и начал рыть могилы в глинистом грунте. Для такого количества могил, пусть и мелких, необходимо было правильно рассчитать свои силы. Делать перерывы, разбить работу на легко выполнимые этапы: немного покопать, затем отправиться на поиски нужных предметов в корабле, снова покопать, установить жилой модуль, еще

раз попытаться отыскать двух пропавших товарищей, установить генератор — и так далее. Так и продвигалась моя работа...

Но я до сих пор толком не описал этих человекообразных.

Что же, Джим, малыш, сейчас я делаю эту запись, сидя под на-весом моего жилого модуля. И сейчас, произнося эти слова, я наблюдаю, как инопланетяне занимаются своим странным делом. Или не настолько странным: возможно, они не так уж нам чужды, как кажется. Как мне казалось. Потому что им, оказывается, знакомо понятие смерти и почитание мертвых, даже моих мертвых, — вот на что это больше всего похоже. Чем же еще это может быть? Я хочу сказать, какое еще этому можно дать объяснение?

Они принесли с собой откуда-то инструменты — «музыкальные» инструменты, если их так можно назвать, — полагаю, откуда, где они живут. И если то, что я сейчас слышу, то, что они поют под аккомпанемент барабанов, погремушек и бамбуковых флейт, не какая-то разновидность погребальной песни, то я даже и не знаю, как еще это назвать. Единственное, что заставляет их держаться на почтительном расстоянии от моих мертвых товарищей, — это я.

Я смотрю на них в бинокль. У этого вида самку невозможно отличить от самца; черт, я даже не знаю, *есть* ли у них вообще пол! Амебообразные? Вряд ли. Они не *настолько* желеподобные! Но человекообразные? Да. Ударение на «образные». Они имеют по паре всего, что имеем мы, кроме яичек, *если только* у них есть самцы и если их яйца не располагаются внутри тела. И то же самое касается груди, если только... в общем, как я уже предположил раньше.

У них водянистые глаза; не откровенно рыбы, но очень бледные, прозрачные, скучного серого цвета. Глаза очень большие и вместе с носом образуют на лице треугольник. Что касается носов, то они представляют собой просто пару черных дырочек в нужном месте. У них тонкогубые рты, тупые белые зубы выглядят абсолютно нормальными. Уши у них как уши, блестящие черные волосы спадают на тощие плечи. Самая привлекательная их черта (возможно, даже единственная привлекательная) — это их волосы. Их рост приблизительно пять футов и пять дюймов, тела стройные, грушеобразные, расширяются книзу. На руках

и ногах — по три пальца. Но если ноги у них кажутся довольно сильными, а походка — летящая, скользящая, я бы даже сказал, грациозная, то руки слишком тонкие и практически бескостные.

Вот так они выглядят, и я полагаю, что это доминирующий вид на планете. Они, несомненно, стоят выше всей остальной фауны. Кстати об остальной...

Сегодня я видел нескольких розовых кабанов, занимающихся своим делом в подлеске на опушке. Могу сказать, что они абсолютно безвредны и я нисколько из-за них не беспокоюсь. Тем не менее из глубины леса до меня несколько раз доносилось пыхтение, ворчание и хрюканье их близких родственников. Крупные мохнатые черные туши шныряли туда-сюда, но держались на безопасном расстоянии. Вот и отлично! То же самое касается и летающих «розовых», живущих на верхушках деревьев: я видел, как они за мной наблюдали, но это не слишком меня волнует. А вот их родственники — если они им родственники, конечно, — похожи на настоящих стервятников и выглядят довольно зловеще. Но их я тоже не особо опасаясь, так как до сих пор ни разу не видел, чтобы хоть один из них спустился на землю.

Пока достаточно. Я отдохнул, поел, сварил и выпил котелок кофе и теперь возвращаюсь на «Альберт Э.», чтобы продолжить поиски бедняги Дэниела...

ПОЗЖЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ, РАННИЙ ВЕЧЕР)

Это действительно невероятно! В это так трудно поверить, что я до сих пор сомневаюсь, хотя видел все собственными глазами! Это началось, пока я был на корабле.

Я отыскал Скотта Джентри в его лаборатории, раздавленного в лепешку под кучей незакрепленного оборудования. Пока я доставал его из-под завала, мне слышалось какое-то движение внутри корабля. Я сказал себе, что это всего лишь шум сдвигающихся под собственным весом обломков. Тем не менее, когда шум повторился, волосы у меня встали дыбом. Какого черта? Возможно ли, что спустя эти три дня или даже больше я могу оказаться не единственным выжившим после крушения на «Альберте Эйнштейне»? Я ведь недосчитался только одного человека — моего

товарища Дэниела Гайслера! В каком он может быть состоянии? Черт, да он наверняка при смерти!

Я так отчаянно бросился на поиски, что мог бы добрый десяток раз сломать себе шею, поскальзываясь на наклонных, часто выгнутых и изломанных под странными углами платформах, накричавшись до хрипа и постоянно останавливаясь, чтобы прислушаться, нет ли ответа. И наконец я услышал какие-то звуки, доносившиеся со стороны воздушного шлюза, которым я пользовался.

Там было четверо человекообразных «розовых». Они, должно быть, поднялись вслед за мной по лестнице, которую я так и оставил болтаться, и... Они отыскиали моего друга Дэниела. Но он не был жив: нельзя выжить с такой вмятиной в голове и спиной, согнутой в обратную сторону. И эти четверо ребят стояли у заслонки шлюза, укладывая Дэниела в смастеренный мною гамак, явно собираясь спустить его на землю.

Да неужели? И что же они собирались делать с ним потом? Я пошел на них, яростно сверкая глазами. Они продолжали стоять там, с беспомощно свисающими тощими ручками, глядя на меня с отсутствующим выражением на бледно-розовых лицах.

— Ну ладно, странные ублюдки! — заорал я, наступая на них и размахивая пистолетом. — Я не знаю, что вы затеяли, но...

Однако один из них показал своим костлявым пальцем на свои глаза, затем на мои, потом на заслонку шлюза и наконец на землю. Он словно говорил: «Сам посмотри». Они отступили, и я подошел к выходу и выглянул наружу. И там... даже сейчас мне трудно в это поверить. Или нетрудно. Я хочу сказать, может, они и инопланетяне — черт, они и есть инопланетяне! — но это не значит, что им чужды эмоции, ритуалы, церемонии, похожие на наши. Как оплакивание мертвых, погребальные песни, а теперь еще и это.

Но что же «это» — да, Джим, парнишка? *Это неглубокие могилы, которые рыли остальные «розовые»*, вот что это такое! Вся компания с помощью моей лопаты, совков из половинок какой-то местной тыквы и даже просто голыми трехпалыми руками выкопала в мягкой глинистой почве такой аккуратный ряд могил, о котором можно было только мечтать!

Что я мог сказать или сделать после этого? Конечно, ничего такого, что они смогли бы понять. Поэтому, оставив четырех

«розовых» заниматься своим делом, я отправился за телом Джентри. Когда я возвратился, гамак висел на прежнем месте, а четыре добровольных помощника ушли. Они спустились вниз и теперь вместе с остальными членами племени из всех сил копали.

Мне хотелось найти способ выразить им свою признательность, по крайней мере этой четверке, но я не знал, как это сделать. Эти существа казались мне абсолютно одинаковыми, и я не мог с уверенностью отличить их от остальных. Ну да ладно...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ (ПОЛДЕНЬ)

Я хорошо спал прошлой ночью; полагаю, я просто вымотался. Но у меня стало легче на душе, когда я позволил этим человекообразным закончить погребение мертвых... за исключением Скотта и Дэниела. Они не станут их хоронить, пока не просидят с ними всю ночь, уложив их головы себе на колени. Это такой ритуал — разновидность ночного бдения, — который они проводят со своими мертвыми. И очевидно, с моими тоже. Я не стал бы такое проделывать. Спустя четыре или пять дней после смерти Скотт и Дэниел не слишком хорошо выглядели. И не слишком хорошо пахли. Возможно, человекообразные «розовые» поступают так, чтобы уберечь покойников от кабанов и стервятников, или же у них есть какие-то другие причины, о которых я не слишком задумываюсь.

Этим утром меня разбудили визги, грохот и звуки флейт, которыми «розовые» ознакомили похороны последних двух тел. Подавив зевоту, я увидел — как раз за границей моего жилища, за электрическим периметром — одного из «розовых», который сидел и наблюдал за мной. Ранее я говорил, что у них не бывает выражений лица, но этот наклонял голову набок, то в одну сторону, то в другую, и выглядел чертовски заинтересованным. Я хочу сказать, что его интересовал я. Он, она или оно продолжало за мной наблюдать, пока я кипятил воду, брился, варил и пил кофе и ел аналогичный земному завтрак из корабельного рациона.

Я бросил «розовому» печенье, которое тот обнюхал и осторожно попробовал. Затем он встал, подошел, шатаясь, к краю поляны, оперся на дерево, и его вырвало. Тем не менее он был или очень доверчивым, или же чрезвычайно упертым, потому что, как

только ему стало лучше, снова уселся на том же самом месте и продолжал наблюдать за мной как ни в чем не бывало, лишь немного побледнел. А когда я отправился исследовать окрестности, то — будь я проклят! — он, она или оно увязалось за мной, держась на почтительном расстоянии.

И вот почему мне хотелось совершить обход местности: задолго до того, как мы выяснили, что наша Галактика представляет собой очень пустынное место, в справочнике по выживанию давали следующий совет. Если ты застрял в неизвестном тебе мире и хочешь выяснить, есть ли здесь высокоразвитые цивилизации, просто прогуляйся вдоль побережья. Потому что, если они там есть, ты обязательно натолкнешься на произведенный ими мусор, вынесенный на берег. Не правда ли, исчерпывающий показатель цивилизованности? С тех пор как я выкарабкался из-под обломков «Альберта Э.», откуда-то неподалеку до меня все время доносился характерный шум. Где бы вы ни находились, шум прибоя ни с чем нельзя спутать.

Я шел через лес по тропе, протоптанной человекообразными, пока не наткнулся на пресный ручей. Затем тропа потянулась вдоль ручья и спустя где-то четверть мили... передо мной возник прекрасный океан, синий под лазурным небом, бирюзовый возле белого песчаного пляжа. Тихий, как пруд, и пахнущий солью и водорослями. Для полного счастья не хватало только криков чаек. И не только их. Мусора тоже не было. Как и кораблей на горизонте, поднимающегося откуда-нибудь дыма и отпечатков на песке, кроме моих собственных. Впрочем, у меня был, была или было Пятница, почтительно бредущее следом.

Сидя на камне и глядя в пустоту, я сказал ему или ей:

— А ты знаешь, что расхаживать вот так голышом неприлично? То есть, было бы неприлично, имей ты грудь, или член, или еще что-нибудь!

Он не ответил, только смотрел на меня своими огромными прозрачными глазами, склонив свою небольшую розовую голову набок, выражая — или так мне хотелось думать — определенное желание хотя бы попытаться понять сказанное... наверное. И поэтому я, поддавшись минутному побуждению, снял рубашку и надел ее на Пятницу, который просто стоял и не сопротивлялся. «Розовый»

был небольшого роста, просторная рубашка с легкостью прикрыла бы его срам — если бы там было что прикрывать! Но в любом случае Пятница в ней стал выглядеть немного привычнее.

Мы прошагали около полумили вдоль пляжа, затем развернулись и пошли обратно. Но, не добравшись немного до ручья и лесной тропы, я понял, что есть и четвертая разновидность «розовых». И, словно для завершенности общей картины — двуногих, четвероногих лесных копателей и парящих летунов, обитающих на верхушках деревьев, — эти оказались пловцами. И, само собой, обитали в море.

Эти двое дельфинообразных «розовых» тащили за собой из глубины на мель третье животное — могу поклясться, местный вариант настоящего дельфина. «Настоящий» дельфин чувствовал себя неважно, точнее, находился на последнем издыхании. Что-то большое и, должно быть, очень скверное откусило от него довольно приличный кусок. В почти перекушенном пополам округлом теле дельфина зияла огромная рана, из которой вывалились и тянулись за ним в воде внутренности. Видимо, здесь водились акулы. Ну, или какие-то их родственники, или же похожие на них твари. Эта мысль сразу отбила у меня давнее желание искупаться. Ко мне снова подкралась реальность, оказавшаяся не слишком радужной.

Я подошел ближе, и странно разволнованный Пятница последовал за мной.

Морских «розовых», по-видимому, несколько не беспокоило наше присутствие, они были заняты выталкиванием «настоящего» дельфина из воды и не обращали на нас никакого внимания, так что я смог подобраться поближе и хорошенько их рассмотреть. Сначала опишу рыбоподобного дельфина.

Пока я его рассматривал, несчастное создание испустило дух. Ему лишь хватило сил, чтобы высунуть из воды бутылкообразный нос и приглушенно вскрикнуть. Затем животное опрокинулось набок. Это было млекопитающее, самка с синевато-серой спиной и белым брюхом, а вернее, тем, что от него осталось. Если бы я увидел ее в океанариуме в своем родном мире, то подумал бы следующее: дельфин; скорее всего, редкий вид.

Что же касается морских «розовых», то, увидев в океанариуме *их*, я бы подумал: какая-то фигня! Выше талии они мало чем

отличались от двуногих «розовых», вплоть до того, что у них тоже были тонкие «резиновые» ручки. Верхняя часть тела казалась более обтекаемой, чем у наземной разновидности, но, кажется, это было единственное отличие. Хотя погодите, еще у них были дыхательные отверстия в задней части шеи. Но ниже талии они выглядели как дельфины, даже розовый цвет переходил в серый. И, глядя на их поведение, я не назвал бы их глупыми.

Тем временем Пятница достал бамбуковую флейту из мешочка, подвешенного на обмотанной вокруг его (пусть пока будет «его») талии веревке, и начал наигрывать какой-то до боли писклявый мотивчик. И не успел я опомниться, как к нам присоединились еще поддюжины человекообразных, пришедших с тропы. Держась от меня на расстоянии и почти не обращая на меня внимания, они торопливо подбежали к воде и очень осторожно перетащили мертвого дельфина с пляжа в тень, на опушку леса. Пока один из них сидел, уложив голову мертвого животного себе на колени, остальные приступили к выкапыванию могилы. Поразительно!

Но ведь у нас, на Земле, люди тоже питают особую симпатию к дельфинам, подумал я. Конечно. Когда мы с Пятницей возвращались лесной тропой обратно к «Альберту Э.», до нас донеслось заунывное пение, треск погремущек и бой барабанов. «Розовые» на берегу уже начали свою погребальную вечеринку. Более того, вернувшись на место крушения корабля, я увидел, что они даже украсили могилы моих товарищей, уложив на них небольшие камешки с нарисованными на них различными закорючками.

Черт, эти ребята действительно испытывают почтение к мертвым!

ПОЗЖЕ

Сегодня днем я вернулся на корабль, в поисках чего-нибудь, что помогло бы мне добавить немного уюта в здешнюю жизнь. Я искал что-нибудь знакомое... черт... что-нибудь из родного мира. Я забрал небольшую стопку мужских журналов с полуобнаженными девушками — они принадлежали Дэниелу, и я бог знает сколько световых лет мечтал их заполучить, — альбом с фотографиями некоторых из моих бывших и разные подобные мелочи.

Пятница поднялся вслед за мной и тоже занялся исследованием корабля...

ПОЗЖЕ

Сейчас вечер и идет дождь. Несмотря на то что вода в ручье кажется довольно чистой, я пользуюсь дождевой водой, которую собираю с помощью тента. Кажется, Пятница сильно ко мне привязался. Он ходит за мной как собачка. Так что я отключил защитный периметр и впустил его в свое жилище, чтобы он не мок под дождем. Он сидит в углу и ничего не делает. Я не стал предлагать ему пищу: как мы убедились, еда с корабля ему не подходит.

Что касается еды, то я только сейчас понял, что большая часть продовольствия, которое я взял с «Альберта Э.», была повреждена во время крушения. Я сохранил, что мог, но по меньшей мере три четверти продуктов испортились. Я сожгу их завтра.

Это значит, что через некоторое время, в не столь отдаленном будущем, мне придется перейти на местную пищу. Возможно, стоит понаблюдать за «розовыми», чтобы выяснить, чем они питаются. Или не стоит. Если Пятница не может есть мою еду, вряд ли я смогу есть то же, что и он.

Это очень меня беспокоит...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ (ПОЗДНЕЕ УТРО)

Проснувшись сегодня утром, я застал Пятницу за разглядыванием эротических журналов Дэна. Мой альбом со старыми фотографиями тоже лежал открытый. По-видимому, любопытство Пятницы не знает границ! Увы, он также, кажется, совершенно не уважает право частной собственности. Порядком на него разозлившись, даже не знаю почему (наверное, у меня было плохое настроение), я отключил периметр и вытолкал его прочь. В последний раз я видел его направляющимся в сторону «Альберта Э.» с самым расстроенным выражением лица из всех, какие я только замечал у «розовых».

И совсем о другом.

Я узнал, что человекообразные охотятся с копьями. Я видел, как они группой бесшумно крались в чашу леса. Пересекая поля-

ну, я наткнулся на другую группу: примерно шестеро «розовых» пристально следили за мной. Кажется, их внимание привлек мой интерес к найденным мною могилам. Эти холмики в лесу — определенно могилы, судя по уложенным на них камням с метками. Однако метки есть не на всех могилах, только на совсем свежих, которые легко отличить по недавно вскопанной земле. Не знаю, есть ли в этом какой-то смысл.

Однако эта вторая группа охотников продолжала наблюдать за мной, переводя взгляды то на меня, то друг на друга, то на свои копья, словно сомневаясь, нужно ли им — или хватит ли им смелости — атаковать меня! Возможно, им не понравилось, что я разглядываю их могилы, не проявляя достаточного почтения, или еще что-то в этом роде, не знаю, не могу точно сказать. Но «розовые» охотники особенно всполошились, когда я начал изучать самые свежие могилы. А когда я опустил на колени, чтобы рассмотреть толстый кактус или суккулент, выросший на одной из отмеченных могил, — мясистую, противного вида зеленую штуку с розоватым утолщением на конце, немного похожую на огромный шишковатый побег спаржи, — их тревога переросла в явную враждебность.

Однако, что бы там ни назревало, оно было предотвращено возвращением первой группы охотников, которая выбежала из леса, увлеченная преследованием мохнатого черного кабана, который в свою очередь гнался за маленьким розовым. Большой черный был в ярости, из чего я заключил, что у них гон. Однако, как бы там ни было, охотников интересовал только черный кабан. Вероятно, они использовали маленького «розового» как приманку. Прав я или ошибаюсь, но, по крайней мере, теперь я знаю, что они охотятся на кабанов, и могу предположить, что они их едят. Это наверняка один из их основных продуктов питания.

В суматохе, последовавшей за появлением большого и сексуально озабоченного кабана, гнавшегося за убегающим со всех ног маленьким «розовым», я попытался вернуться обратно в свое жилище. Плохая идея. В бока и спину черного кабана одно за другим воткнулись три или четыре тонких длинных копья, он потерял интерес к маленькому розовому поросенку и совершенно взбесился! Визжа и пытаясь растерзать все, что встречалось на пути, кабан, в которого теперь метали копья обе группы «розовых»

охотников, развернулся, увидел меня и бросился, хрипя и брызгая пеной, мне навстречу!

Конечно, я его застрелил. Моя пуля остановила его, взорвавшись в черепе и разбросав в стороны кровь и мозги. Кабан умер мгновенно, дернулся пару раз и замер... После этого наступила полная тишина. Даже охотники так и застыли на месте в своих позах, и вся поляна стала похожа на какой-то инопланетный натюрморт!

Они все стояли, не смея пошевелиться, пока я не разрушил чары, перезарядив оружие и на деревянных ногах с высоко поднятой головой отправившись назад к своему модулю.

Пятница уже был там и сидел в своем углу на ящике со старой одеждой, которую я нашел на «Альберте Э.». Должно быть, он решил, что окажет мне услугу, разбросав все вещи. Все же я был рад, что он по-прежнему остался моим другом. Скорее всего, единственным другом в этих краях.

Укрывшись под навесом, я наблюдал за охотниками: мне было интересно, что они сделают с кабаном. Очнувшись, несколько охотников подняли мертвого клыкача и, окруженные другими «розовыми», пронесли его вокруг поляны, совершая странное, неестественно молчаливое праздничное шествие. По крайней мере, я предположил, что это шествие. Но затем они исчезли из виду и для меня все закончилось: я больше не видел кабана. Однако могу представить себе, что сегодня ночью на поляне состоится веселое пиршество.

ПОЗЖЕ

Ближе к вечеру я снова отправился на вылазку. Нигде не было признаков подготовки к пиршеству, ни костров, ничего. Поразмыслив, я понял, что ни разу не видел здесь костра. Может, они не пользуются огнем? Не могу сказать, что являюсь ценителем сырой кабанины!

Тем не менее охотников тоже нигде не было видно, а те несколько «розовых», которые встретились мне на пути, выглядели такими же доброжелательными и безвредными, как и раньше. Они практически не обращали на меня внимания. Но скоро

мне все равно пришлось заканчивать свою ночную экскурсию, так как снова пошел дождь.

Пятница уже спит (я так думаю) на куче старой одежды в своем углу. Неплохая идея.

Так что спокойной ночи, парнишка Джим...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ (ПОЗДНЕЕ УТРО)

Я не выспался, и поэтому у меня плохое настроение. Вчера среди ночи «розовые» снова устроили свое представление с завываниями, барабанами и погремушками, и Пятница тоже участвовал. Я проснулся (очень быстро) и обнаружил, что он ушел, а мой защитный периметр отключен. Маленький розовый мерзавец! Я поднялся и включил его обратно, затем снова лег спать. Необходимо найти способ объяснить ему, что так делать нельзя. Или он поймет, или же мне просто придется запретить ему приходить сюда.

У всей пищи отвратительный вкус, даже у кофе. Должно быть, дело в воде: она слишком чистая, слишком сладкая! Мои бедные старые вкусовые рецепторы гораздо больше привыкли к переработанной H_2O на борту «Альберта Э.». Может, стоит посетить его в последний раз и слить то, что осталось в системе? И еще нужно поискать дистанционный пульт управления для моего защитного периметра; в комплекте с модулем его не оказалось.

Надо сказать, что в инструкции к модулю упоминаются многие вещи, которых здесь на самом деле нет. Непростительная недостача! Один тупой продавец на Большой Марсианской заслуживает, чтобы его задницу выкинули из шлюза в открытый космос!

И насчет вчерашнего ночного ритуального дебоша.

В невысокой растительности на краю поляны появилась новая могила. Полагаю, это кабан. Съев его — или хотя бы те части, которые им по вкусу, — «розовые», должно быть, похоронили все, что осталось. Их ритуалы распространяются даже на добычу. Это, конечно, догадка, но, как и в случае с дельфином, я не вижу здесь ничего странного. Кажется, я читал где-то, что многие примитивные земные племена относились подобным образом ко всем созданиям Матери Природы: они ценили, почитали и уважали животных, от которых зависели как от источника пищи и одежды.

ПОЗЖЕ

Мне удалось собрать дистанционный пульт из электронных деталей, взятых на «Альберте Э.». Теперь я могу активировать защитный периметр, когда нахожусь снаружи. Нет, человекообразные не пытались ко мне залезть — ну, кроме Пятницы, — но меня греет мысль, что мои личные вещи теперь в безопасности и что у меня появилось хотя бы подобие уединения...

Сегодня я ходил на рыбалку с удочкой, которую смастерил из бамбукового шеста и лески. Пятница составил мне компанию и показал личинок в песке, которых я использовал в качестве наживки. Я вытащил восьмидюймового краба, обратившего Пятницу в бегство. У него было невероятное количество ног и скверное с виду жало, поэтому я выбросил его обратно в море. Вся рыба, которую удалось поймать, слишком мелкая и напоминает угрей, однако довольно вкусная в жареном виде. Она стала приятным дополнением к корабельному рациону. Я предложил одну из рыбин Пятнице, он не стал отказываться и съел ее. Видимо, эта мелкая рыба тоже является одним из продуктов питания «розовых».

ПОЗЖЕ (ВЕЧЕР)

Я поспал, проснулся днем, чувствуя себя значительно лучше, и отправился на прогулку с Пятницей. Мы выбрали лесную тропу, по которой я раньше никогда не ходил. Пятница был спокоен, так что я предположил, что она безопасна. Когда мы проходили мимо группы «розовых», собирающих какие-то корнеплоды, я остановился и показал пальцем на кучку этих фиолетовых, похожих на морковь овощей и вопросительно поднял бровь. Пятница, должно быть, понял меня, так как показал на свой рот и сделал вид, что жует. Подойдя к ним, он даже съел три такие морковки. Так что, полагаю, эти клубни тоже входят в рацион «розовых».

Затем мы отправились домой, так как начало темнеть. Я сказал «домой»? Видимо, я становлюсь здесь своим!

Возле жилища, когда мы уже собирались в него войти, я стал свидетелем чего-то новенького. Точнее, не совсем нового, но раньше все происходило иначе. Я пошел за дистанционным пуль-

том, чтобы отключить защитный периметр, и увидел, что Пятница смотрит в небо над поляной. И он был не один такой. Я неожиданно заметил, что в тени обрамляющих поляну кустов затаились все остальные человекообразные. Некоторые из них раздобыли копья, и все они не сводили глаз с неба.

Мы с Пятницей вошли в жилой модуль и наблюдали за происходящим из-под навеса. Сначала я не увидел ничего интересного. Но затем заметил небольшую фигуру, бесцельно мечущуюся в воздухе, на уровне самых высоких верхушек деревьев. Это был молодой летающий «розовый» (мне он сразу напомнил птенца, и если бы у него были перья, то он бы им и являлся). Тем не менее юный летун вел себя так, словно не знал, куда деваться, и выглядел крайне озадаченным и потерявшимся.

Затем, значительно выше, я увидел кое-что еще. С темнеющего фиолетового неба по широкой спирали спускалась темная точка, быстро увеличиваясь в размерах. Ястреб-гриф-стервятник все сильнее складывал крылья — на это раз настоящие, — ускоряя падение, и в последний момент камнем обрушился на добычу... и сам стал добычей!

За миг до того, как он успел нанести смертельный удар юному летуну, из укрытий на деревьях выскочила большая стая взрослых летунов, набросилась на стервятника и ударила его со всех сторон. Вопя от боли и хлопая сломанным крылом, птица свалилась на поляну. Но еще до того, как она коснулась земли, ее шею пронзила стрела, и крики утихли. А вверху устроившие засаду летуны уже разлетались по своим насестам.

Если бы я не видел все собственными глазами, то никогда не поверил бы, что взрослые летуны могут так чертовски быстро двигаться и так решительно действовать. Кроме того, я провел параллель между этим происшествием и тем, что случилось раньше, с черным кабаном. Оба эти случая были примерами намеренного заманивания в ловушку. И раздавшиеся в очередной раз посреди ночи ритуальные завывания, треск, бой барабанов и звуки флейт меня несколько не удивили...

Еще один источник пищи? Возможно. И еще одна свежая могила утром? Я бы поставил на это последнюю рубашку, если бы уже не отдал ее Пятнице...

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ (ПОЛДЕНЬ)

Я становлюсь ленивым. Чем меньше мне нужно делать, тем больше мне нравится бездельничать! Последние два дня я занимался тем, что ловил рыбу на пляже, спал и обзаводился загаром, ради которого мои товарищи, не задумываясь, пошли бы на убийство. Невероятно, до чего бледными мы становимся в космосе, стараясь держаться подальше от солнечного и звездного света и гамма-излучения. Но здесь солнце дружелюбное, и я защищен атмосферой. Должно быть, у Пятницы кожа куда чувствительнее моей: он соорудил себе укрытие из колючих пальмовых листьев и большую часть времени сидел в тени.

Кроме того, в последнее время он не слишком хорошо выглядит, весь дрожит и постоянно потеет. Так как мои человеческие дела и занятия для него непривычны, думаю, что Пятница проводит слишком много времени в моей компании и это начинает на нем сказываться. Однако я не могу просто прогнать его, так как, кажется, привык к его лицу. (Фу!)

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ (ПОЗДНЕЕ УТРО)

Я порезал и поджарил себе на завтрак несколько фиолетовых морковок, которые принес мне Пятница. Сначала я осторожно попробовал небольшой кусочек. Совсем неплохо, он на вкус как нечто среднее между острым перцем и зеленым луком, но, подобно индийскому карри, вызывает жар и обильное потение. Наверное, Пятница ими злоупотребляет, потому что с каждым днем становится все более потным! Но я часто встречал человекообразных в таком же состоянии: у них блестит кожа, а с пальцев, заканчивающихся длинными ногтями, падают капли пота, особенно когда они сидят, прижимая к себе мертвых, перед погребением.

И кстати, о мертвых.

Около часа назад группа охотников отправилась в лес. Спустя немного времени четверо из них вернулись, неся с собой пятого. Он был серьезно ранен — со вспоротым животом (пола-

гаю, что здесь не обошлось без черного кабана) — и умер прямо здесь, на поляне. Его товарищи сразу забрали его тело и унесли с собой. За ними также последовали плакальщики и «музыканты». Так что у «розовых» определенно есть специальное место захоронения только для представителей их вида, которое находится где-то в лесу...

ПОЗЖЕ (БЛИЖЕ К ПОЛУДНЮ)

От овощей, принесенных Пятницей, у меня началось сильное расстройство желудка. Может, мне и не стоило их есть, но я хотел показать, как ценю его щедрость. Тем более что рано или поздно мне все равно придется перейти на местную пищу, поэтому есть смысл дополнять быстро уменьшающийся запас принесенных с корабля продуктов всем, что я смогу добыть, — или тем, что Пятница сможет добыть для меня.

ПОЗЖЕ (ДЕНЬ)

В полдень, после того как Пятница куда-то ушел, я воспользовался возможностью и прокрался в лес, по той самой тропе, по которой ушла похоронная процессия человекообразных. Это было уже после того, как они вернулись, ведь мне не хотелось, чтобы они решили, будто я за ними шпионю, чем я на самом деле и занимался. Пройдя около мили, я наткнулся на их поселение и открыл нечто странное и удивительное!

Я уже говорил, что эти розовые существа, по-видимому, развивались параллельно с другими видами животных, такими как пернатые птицы, дикие лесные клыкачи и даже дельфины, и очень похожи на них внешне. Теперь я вижу, что все гораздо сложнее, хотя и не могу собрать целостную картину. Однако обширная расчищенная площадка у подножия скал, по-видимому, являлась детским садом «розовых», который охраняли несколько взрослых, и они присматривали не только за играющими там человекообразными детенышами. Нет, среди них также бегали крошечные розовые свинки. А на нижних уступах скал и в зарослях карабкающихся на скалы плетущихся растений сидели

стайки маленьких розовых летунов. Более того, в пресном бассейне, куда впадал небольшой водопад, я, по-моему, даже заметил юного розового дельфина, учащегося «стоять» на хвосте! Это место было детской площадкой «розовых» — всех их разновидностей, а не только человекообразных! Спрятавшись под деревом, я вдруг осознал, что мое присутствие здесь будет расценено как нежелательное.

Спеша возвратиться на поляну, я увидел впереди направляющихся в мою сторону охотников и поскорее спрятался под сенью леса. Охотники прошли мимо, но здесь, под деревьями, я обнаружил еще одно кладбище «розовых» — кладбище человекообразных! На всех могилах росли странные, похожие на спаржу растения, некоторые выпустили до четырех побегов, каждый толщиной с мое предплечье и длиной от восемнадцати дюймов до двух футов, с утолщениями на концах, достигающих размера сжатого кулака. Но некоторые из них уже поникли и лежали на земле, а шишкообразные верхушки на них были открыты и пусты. У меня снова появилось чувство, что я вторгаюсь туда, куда не должен.

Как я определил, что это именно кладбище двуногих? Потому что каждая могила была помечена стилизованным изображением человекоподобного существа, нарисованным на тонкой коре. А одна из могил — холмик без странных растений — была совсем свежей, и земля еще не успела высохнуть!

Мне следовало сразу уйти, однако случилось странное. Один из самых толстых побегов «спаржи» на более старой могиле задрожал, листья или лепестки, прикрывавшие утолщение, начали отгибаться наружу, и из-под них стала сочиться клейкая жидкость. И этим дело не ограничилось, там между ними что-то извивалось — что-то розовое!

Это стало последней каплей. Я бросился оттуда прочь.

Удача мне не изменила. Я возвратился на поляну к своему жилищу, не встретив по дороге ни одного «розового». Меня ждал Пятница с большой охапкой фиолетовой моркови. Однако на этот раз я от нее отказался. Я только сейчас понял, что меня немного подташнивает и у меня кружится голова с самого завтрака.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ (МНЕ ТАК КАЖЕТСЯ... ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ?)

Господи, мне совсем плохо. И то, что произошло сегодня утром, совсем не улучшило моего самочувствия.

Мне приснилось, что я был с женщиной и дело у нас как раз шло к тому самому. Я ее лапал: одна рука на попе, вторая — на груди, в то время как самая важная часть моего организма пыталась отыскать себе вход. Но будь я проклят, у меня ничего не получалось! И даже для такого парня, как я, проводившего почти все время в космосе, это было чертовски странно. Я хочу сказать, что там попросту ничего не было! Но я все равно потянулся ее поцеловать, она выдохнула, и я отшатнулся, почувствовав странный сладковатый запах ее дыхания, — и заодно проснулся.

Я резко пришел в себя и увидел перед собой эти огромные прозрачные чужие глаза, которые глядели в мои! Со мной под одеялом был Пятница, и мы оба чертовски вспотели!

Какого долбаного черта?! Он (может, мне все это время стоило называть Пятницу «она»?) обхватил мое лицо своими мокрыми трехпалыми руками и весь дрожал от какой-то извращенной страсти. Я дернулся, спихнул его с кровати и успел вскочить на ноги, прежде чем он поднялся с земляного пола. Но затем Пятница встал передо мной, одетый в лифчик, трусики с рюшами и кружевной пеньюар, которые могли принадлежать только Эмме Шнайдер. И так оно и было, потому что рот Пятницы был густо обмазан ужасной малиновой помадой, которой пользовалась бывший экзобиолог «Альберта Э.»!

Господи Иисусе!

А затем он, она, оно убралось прочь из моего жилища, за защитный периметр и прочь из того, что осталось от моей жизни в этом гребаном месте. А я швырнул ему вслед февральский выпуск «Горячих милашек» за 2196 год, который оно оставило лежать открытым на моем складном карточном столике! Однако, даже вымывшись с головы до ног, я по-прежнему чувствую себя так, словно извальялся в собачьем дерьме. Уже полдень, но это чувство никак не проходит...

ПОЗЖЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ)

Я спустился до того места, где ручей впадает в океан, чтобы поплавать в образовавшемся там озерце. Все еще чувствую себя неважно — меня тошнит фиолетовым и я извергаю дерьмо не хуже вулкана, — но я, по крайней мере, снова ощущаю себя чистым. Когда я был в воде, мне однажды показалось, что я заметил Пятницу неподалеку от того места, где оставил штаны, носки и обувь. Но когда я вышел на берег и просох, его там не оказалось. Вернувшись в модуль и попробовав включить периметр, я не смог отыскать дистанционный пульт управления... Могу поклясться, что он был в кармане моих штанов. И это еще не все. Провода заграждения оказались вырваны из коробки распределителя генератора. Возможно, Пятница сделал это вчера случайно, когда я выкинул его из кровати, однако он также мог вернуться и учинить саботаж. Когда мне станет лучше, я все почию и попробую собрать новый пульт.

Но это все тогда, когда мне станет лучше. Прямо сейчас я чувствую себя совсем паршиво, поэтому собираюсь прилечь... Отдых и выздоровление — вот что мне нужно, малыш Джим.

ПОЗЖЕ (РАННИЙ ВЕЧЕР)

Ходил к старику «Альберту Э.». Я собирался подняться на корабль по лестнице и поискать инструменты, электродетали и прочее. Фиг там, я слишком ослаб. Одолею четыре ступеньки и был вынужден спуститься, чтобы не упасть.

Там, под искалеченным корпусом корабля, мне пришло в голову, что не мешало бы провести погибших товарищей, чего я уже довольно давно не делал. И что бы вы думали, эти склизкие побеги уже расправлялись, прорастая на их могилах. Пошатываясь, словно пьяный, я направился к ним, чтобы сломать, растоптать, уничтожить... убить? Но меня удержала кучка двуногих, которые практически донесли меня до моего жилища.

Кажется, я видел Пятницу, который стоял там и наблюдал за происходящим — мелкий розовый извращенец! Но это мог быть любой из них. И все же могу поклясться, это был именно он.

Сейчас у меня есть подозрения, что он меня отравил. И если я прав, намеренно ли он это сделал?

У меня жар... Я потею, и у меня кружится голова... Постоянно тошнит, но блевать мне уже нечем. Черт! Это конец?

Не знаю, какой сегодня день, но, по-моему, сейчас утро.

Они вынесли меня на поляну, и, кажется, это Пятница держит мою голову у себя на коленях. Он не против того, чтобы я надиктовывал аудиожурнал. Он так часто видел, как я это делаю, что, наверное, считает это чем-то вроде ритуала. Да это и есть ритуал. У нас всех есть свои ритуалы, малыш Джим.

Я больше не потею. На самом деле я чувствую себя пересохшим, даже каким-то ломким. Но мои мысли ясны как никогда, и я наконец все понял. Или хотя бы часть. Это то, что мы называем эволюцией. Если бы я был экзобиологом, как Эмма Шнайдер, то сделал бы выводы раньше, но, увы, я всего лишь рядовой механик.

Да, эволюция. Мы, люди, стали доминирующим видом на Земле благодаря эволюции. Мы ходили по грязи, по почве у нас под ногами, но желали большего. А как же ветра, носящиеся над землей, и бескрайние воды, окружающие сушу? Поэтому мы построили машины: корабли, чтобы плавать; самолеты, чтобы летать. Наконец, мы даже изобрели космические корабли, чтобы путешествовать на них в космосе. Можно сказать, что мы добились господства на планете с помощью техники: эта старая теория о том, что отстоящий большой палец на руке сделал обезьяну человеком.

Что ж, «розовые» тоже становятся доминирующим видом в своем мире, как мы на Земле. Но только в их случае — биологически. Им не нужны машины, они покоряют небеса, океаны и леса без помощи технических приспособлений, перерабатывая и изменяя ДНК разнообразных видов, которые живут на этой планете, а затем вселяясь в их тела. На земле мы извели конкурирующих с нами хищников, уничтожая их. Розовые поступают точно так же, но только они сами ими становятся! Это объясняет, почему стервятники остаются высоко в небе, а черные кабаны в основном держатся в глубине леса. Потому что, эволюционируя

рядом с «розовыми», они поняли, что от них следует держаться подальше. Как следовало и мне...

Должно быть, я потерял сознание, но сейчас снова пришел в себя. Скорее всего, в последний раз, малыш Джим.

Пятница по-прежнему держит мою голову и потеет, но как-то иначе. Теперь я уверен в том, что у «розовых» нет разделения по половому признаку. Я больше не чувствую своего тела, конечно-стей... Я могу говорить только шепотом и повернуть голову на пару сантиметров, но это все. Впрочем, зрение у меня по-прежнему работает, и, когда Пятница сделал паузу в своем занятии (черт, я снова начал говорить о нем в мужском роде!), я вижу, что настало его время. Какое время? Видите ли, он больше не потеет, он мечет икру!

Я вижу эти серебристые капли с крошечными головастиками внутри, которые одна за одной вытекают из-под его ногтей на средних пальцах, с его яйцекладов. А теперь он глубоко вгоняет свои пальцы мне в шею. Я практически ничего не чувствую, и это несказанно меня радует, малыш Джим.

Кто знает, может, я и мои старые товарищи с «Альберта Э.» — или, вернее сказать, наши розовые потомки — когда-нибудь снова вернутся в космос. Потому что они куда больше будут похожи на людей, чем эти человекообразные.

И я думаю, что теперь нам пришло время навсегда попрощаться. Йо-хо-хо! Определенно пора, потому что пришли музыканты...

Нэнси Холдер

ВНЕ ДВЕНАДЦАТИ ШАГОВ, или ЛЕТО С «АНОНИМНЫМИ АЛКОГОЛИКАМИ»

Бывали уже случаи, когда в хрониках «Котов-Каннибалов» наступало затмение, и Дуайт, у которого было множество причин тайно ненавидеть Анджело — более крутого, красивого, богатого, — оказывался на грани. Он был готов сожрать Анджело, освободившись от гомосексуальной зависимости, от кровного брата, став цельной личностью.

Увы.

Когда они только прибыли в Лос-Анджелес, молодые и полные надежд глэм-рокеры, Дуайт и представить себе не мог тех славы и успеха, которые вскоре свалились на обоих. Дома, машины, девки. Каждая запись становилась платиновой, затем дважды платиновой. Фильмы, в которых они снимались, били все рекорды.

Мироздание щедро одаряло их с Анджело, и конца-края этому кредиту не предвиделось. Дуайт знал, что они команда, знал, что он вносит свою долю в общий успех. Не знал только какую. Поэтому позволил Анджело жить.

По крайней мере, так он себе это объяснял. Но были дни, долгие дни и гораздо более долгие ночи, когда он понимал, что любит Анджело и не представляет себе жизни без него. Нет, они не были геями. Они никогда не делали ничего *такого*, но Анджело скормил Дуайту мизинец своей ноги, когда Дуайт был в депрессии и вообще перестал есть. В те старые добрые дни, когда метросексуализм еще не расцвел буйным цветом, мужчины могли быть близкими без всяких глупостей, которые любят придумывать люди.

А теперь у них на счету сумасшедшие деньги, их окружает сумасшедшая слава, и таким же сумасшедшим кажется давление

общества на жизнь обычных каннибалов. Поедание людей — ладно, только женщин: вот такие они мизогины, женское мясо кажется им вкуснее мужского; возможно, все дело в эстрогене или содержании жира, — становилось трудным делом, когда репортеры принимались рыться в их мусоре.

Потому что в мусоре могли оказаться челюсти или коленные чашечки, а то и кое-что другое. Они всегда были осторожны, но уборка оказывалась делом нелегким. Каннибализм — это вам не кокаин и не потрахушки, господа. Не получится просто смыть остатки в туалет.

— Мы должны остановиться, — заявил однажды Анджело после вкусного ужина из пары неотслеживаемых поклонниц.

Дуайта это застало врасплох. У Анджело были странные представления об уместности, ночь ведь выдалась просто великолепная. Девчонки были никем — самые безопасные жертвы — и на наркотик в выпивке среагировали сразу. Этих поклонниц никто не хватится, и никто не будет ими интересоваться, поэтому у парней было достаточно времени, чтобы вымыть их, высушить и особым образом попрощаться с телами. Чистое сладкое мясо — что может быть лучше? Дуайт плакал от удовольствия; будучи артистом, он обладал особой чувствительностью. Он не осмелился бы сам записаться к врачу, но дама-психотерапевт, которую он часто встречал на вечеринках, однажды сказала, что талантливые люди защищаются искусством от сильных внутренних переживаний. Дуайту понравилась фраза. Он тоже был человеком искусства, чувствительным и ранимым.

И, доев свою девушку, он искренне плакал от стыда.

Слезы высохли, когда Анджело сел рядом с ним, скрестив ноги на водяном матрасе. Анджело только что принял душ и надел пушистый белый халат. И хотя обоим было за пятьдесят, Анджело оставался эффектным красавчиком. Скульптурная челюсть, высокие скулы — пластические хирурги приложили, конечно, руку к их сохранности, но изначально такими чертами наградила его природа. Дуайта Джонса природа наградила чуть меньше. Он был одет в кимоно, давным-давно подаренное ему поклонницей. Огненно-рыжие волосы ему теперь приходилось красить. Голубые глаза поблекли. И животик начал расти, появились

мужские жирные сиськи. Доктор Кохен предупреждала его: для того чтобы липосакция и ботокс оказывали должный эффект, нужно хорошо спать и выполнять упражнения. Дуайт знал, что к ней стоит прислушаться. Она же обрабатывала им обрубки и имплантировала недостающие мизинцы на ногах.

Анджело продолжил:

— Нам нужна помощь, серьезная помощь, иначе мы не остановимся.

Он сурово смотрел на Дуайта, у которого отвисла челюсть и слезы капали с кончика носа.

— Ты же знаешь, что я прав, Дуайт. Это стало нашим пунктиком. Превратилось в зависимость.

Дуайт почти не слышал его за шумом крови в ушах. Он ничего не слышал. Слух возвращался к нему очень медленно.

— ...стоит попробовать, — продолжал Анджело. — Мы не раз говорили о том, чтобы бросить, но так ни разу и не зашли дальше слов.

Да, они говорили о том, чтобы бросить. Они *говорили*. Обычно эти разговоры велись, когда они в очередной раз оказывались в шаге от разоблачения. Но как только опасность отступала, разговоры забывались.

— Стоит хотя бы попытаться, — настаивал Анджело. — Это все, о чем я прошу. — Он протянул Дуайту руку. — Если я не брошу, я умру.

Дуайт вздохнул, понимая, что уже проиграл. Он всегда давал Анджело все, чего тот хотел.

Такова была жизнь.

— Алкоголизм — это просто метафора, — напомнил Дуайту Анджело, когда они вошли в Объединенную методистскую церковь на Франклина.

Оба тщательно выбрали одежду; Анджело — черный свитер и черные кожаные штаны, Дуайт тоже был в черном свитере и коже. В основном они такое и носили, только по жаре меняя свитера на черные футболки. Стандартный гардероб рок-звезд.

Было раннее утро, а в Голливуде не особенно процветала ночная жизнь, так что группы здесь много не зарабатывали, если

только они не были звездами масштаба «Котов-Каннибалов». Эти выступали на вечеринках в частных клубах. Сонные перечные деревья бросали тени на витражные окна, выполненные в технике Тиффани, как в Ойстер-Бей во «Встретимся в Нью-Йорке». Дуайт никогда не видел таких окон в жизни — педерастические окошки, честно говоря, — но знал парня, который делал их дубликаты для съемок «Грозы», их первого фильма, и очень этим гордился.

Огромная красная лента — акция против СПИДа — обвиняла колокольню, убеждая Анджело и Дуайта, что, хоть они и пришли на церковную землю, здесь собираются вполне либеральные люди. Дуайту нравился монастырский вид: причудливый внутренний дворик в окружении живой изгороди, фонтан, сияющий под чистым небом, как жидкий никель. Эту церковь снимали во многих фильмах, в том числе и в «Сестричка, действуй — 2». Только слепой проглядел бы в сердце Голливуда такую чудную площадку для съемок.

У Дуайта снова от нервов пропал голос. И ладони взмокли. Он дрожал, покрывшись мурашками. Не хватало только наткнуться на поклонников. Анонимность полетит к черту, все узнают, что «Коты-Каннибалы» ходят на встречи «Анонимных алкоголиков». Он фыркнул, топоча подошвами по лестнице в подвал. Шаги только чувствовались, звука он опять не слышал.

Его злила эта глухота. И злила необходимость спускаться. В Лос-Анджелесе почти не было подвалов из-за частых землетрясений. Они с Анджело пережили землетрясение в 1994 году, не в подвале, конечно, а в студии звукозаписи «Кэпитол рекордз», но это был ужас. Как в фильме-катастрофе, только хуже десятка фильмов. Их знакомая девчонка видела, как плита пролетела по комнате и приземлилась вверх ногами. А потом рухнул дымоход. Девчонка переехала во Флориду.

Везет же некоторым.

А они вот стояли и таращились в подвал, причем Дуайт ни черта не слышал. Стояли рядом в проеме двойных дверей, которые открывались в большую комнату, залитую серым светом из окон под потолком. Дуайт мельком подумал, что, будь он кинематографистом, его наверняка заинтересовал бы такой световой эффект.

На рядах металлических стульев, обращенных к сцене, сидели какие-то люди. А вот выступавший представлял собой ту еще штучку: лысый, с серьгой в одном ухе, очень темными бровями и ресницами, с невероятно синими глазами. Настолько синими, что он казался какой-то экзотической птицей. «Контактные линзы», — подумал Дуайт, никогда не видевший в природе такого оттенка синего. А еще на нем была черная футболка, и они его *прервали*.

Он вытаращился на «Котов-Каннибалов» и явно забыл, о чем вещал.

Ну и ладно, Дуайт его все равно не слышал.

Запахи кофе и крем-сыра — запахи миллионов гримерок — окутали Дуайта, и он огляделся в поисках пищи. На трех раскладных столиках стояли подносы с едой. Бублики и разрезанные апельсины. Кофейники, которые он в последний раз видел в церквях родного Среднего Запада. Он не был голоден, но от кофеина не отказался бы.

Парень на подиуме помахал им пальцами. И выглядел при этом так, словно вот-вот кончит. Пятьдесят или больше голов развернулись в их направлении, и Дуайт узнал как минимум восьмерых участников первой встречи «Анонимных алкоголиков» — нет, гораздо больше: четыре известных актера, три режиссера, два продюсера, три рок-звезды, которые почти догнали «Котов» по популярности, а это уже кое о чем говорило.

Опознанные криво улыбались, словно говоря: «Вот черт! Ребята, вы что, тоже?»

Анджело пробормотал:

— Представление начинается, Дуайт!

Синхронно вздохнув, они деревянным шагом проследовали к своим стульям мимо звезд и звездных продюсеров. Сливки Голливуда, элита общества, этакая мраморная говядина, заполированная пивом.

Вот только без пива. По крайней мере, теперь.

— Здорово оказаться в подвале, — буркнул Дуайт в сторону Анджело. Слишком уж нервничал. — В городе не так уж много подвалов. Землетрясения.

— Тихо, — шикнул на него Анджело. — Он читает.

Дуайт сосредоточился, пытаясь расслышать. Слова показались ему странными. «Мы признаем, что мы бессильны перед алкоголем, что наши жизни стали неуправляемыми...»

— Это метафора, — напомнил Анджело.

Парень с синими глазами оказался Бобом В. Фамилий тут не называли. И теперь Боб В. стал попечителем Анджело.

Дуайт не мог не замечать, что он виснет на Анджело, потому что тот ему дико нравится, а вовсе не потому, что десять лет трезвой жизни требуют от него «оказать помощь другим». Он клеился, как придорожная проститутка, а Анджело взял и купился. Скрестил пальцы в карманах и внимательно слушал, взял рекомендованную литературу, согласился звонить каждый день.

— Как минимум раз в день, — приказал ему Боб В.

И два раза.

И три. Причем говорили они не о том, как Анджело должен справляться со своим метафорическим алкоголизмом. Они говорили о Джимми Хендриксе, с которым люди сравнивали Анджело, об Эдди Ван Халене, обо всех новых рокерах. Когда Боб В. упомянул, что ему нравится Оттмар Либерт, Анджело сказал: «Ух ты, мне тоже!»

Что было полнейшей фигней.

И вот однажды мрачной темной ночью два «кота» сидели на бетонных перилах своей виллы в стиле испанского Возрождения, прислонившись каждый к своей колонне. Сад под ними шелестел пальмовыми ветками и мерцал фонариками арт-деко, свет которых отражался в плавательном бассейне и ванной. Дуайт хотел забраться в джакузи, но Анджело его отговорил. Слишком холодно.

Попечителем Дуайта оказался второсортный актер по имени Лу С. Ему было около сорока. Длинный нос, тонкие губы, седина. После того как Лу С. облажался с очередной пьянкой, его роли свелись к тренингам для корпораций.

— Не важно, — заверял его Лу. — Я сейчас намного счастливее, чем прежде.

«Значит, ты идиот», — подумал в ответ Дуайт. Но Дуайт пообещал Анджело, что честно попытается следовать этим дурац-

ким путем. Поэтому встретился с Лу и получил от него Великую Книгу — инструкцию по эксплуатации себя как анонимного алкоголика — и пообещал «работать над своими шагами».

Впервые приехав в странную маленькую квартирку Лу на Вудленд Хиллс, Дуайт услышал от Лу:

— Знаешь, что такое «Полные анонимы»? Попробуй сходить к ним. А по средам, вечером, проводятся собрания «Созависимых анонимов». Их программа двенадцати шагов разработана специально для людей с проблемами психологической зависимости.

Дуайт был в ярости. Созависимость? Этот безымянный неудачник хоть знает, какую тему посмел затронуть?

Но пока Дуайт злился, Анджело расцветал. Он работал над своими шагами.

Попробовал бы поработать *с этим*.

Сейчас, спустя месяц с начала программы, Анджело откупорил бутылку «Джека Дэниелса» и развернул очередную брошюру.

— Итак, мы признали, что бессильны перед нашим *каннибализмом* и что наши жизни стали неуправляемыми. Все болезни заканчиваются на «изм». Так сказал мне Боб. — Он быстро пролистал брошюру дальше. — Давай я сейчас расскажу тебе о своей пагубной привычке. — Анджело улыбнулся Дуайту.

Дуайт начал было вздыхать, но Лу говорил, что тяжелые вздохи — первый признак зависимого человека.

Лу еще сказал, что он, Дуайт, будет сопротивляться ему, но это естественно. Потому что часть его хочет остаться зависимой и вцепится ногтями и зубами — Лу сам не знал, как пошутил! — в возможность контролировать его действия.

— Но это убьет тебя, Дуайт, — говорил Лу. — Неуправляемая, неизлеченная зависимость уничтожит тебя.

Анджело нетерпеливо прочистил горло.

— Ладно, Анджело, расскажи мне, как мы бессильны перед нашим каннибализмом, — послушно сказал Дуайт, обнимая колени.

Анджело вошел в роль, глубоко вздохнув. Вот ему можно было вздыхать когда угодно, его попечитель плевать на это хотел.

— Если мы не остановимся, нас поймают. Если нас поймают, нам наверняка сделают смертельную инъекцию. Я это знаю, но все равно не хочу останавливаться. Это и делает меня беспомощным перед пагубной привычкой. — Анджело был явно напуган.

Дуайт поджал губы и кивнул.

— Да, — сказал он с интонацией терапевта. — Я понимаю. Анджело нахмурился.

— Что?

Дуайт занервничал. Разве не это он должен был сказать?

— Если ты не хочешь останавливаться, какого черта мы ходим на эти встречи и занимаемся этой фигней? Если *ты* не хочешь останавливаться, зачем *ты* ходишь на встречи и...

— У меня на этот счет две мысли, — сказал Анджело и коснулся своего плеча. — Ангел, — он кивнул в сторону Дуайта, — и злобный близнец.

— Брат по крови, — напомнил Дуайт, чувствуя, как пылает лицо.

— Да.

Кровными братьями они стали в школе, обменявшись невероятной вкусной кровью. Анджело тогда нечаянно отрезал кончик мизинца, а Дуайт сунул отрезанный кусочек в рот. Боже, мясо оказалось психоделически вкусным (так они тогда выражались). Любой, кто говорил, что человечина по вкусу похожа на курятину, ни черта не понимал. Стоило раз попробовать человеческую плоть, и курятина казалась забегаловкой в Вегасе по сравнению с оперным театром.

Они даже составили список женщин, которых хотели съесть по приезду в Лос-Анджелес. Некоторые имена выпадали из списка с позором, затем снова возвращались в сиянии славы, а некоторые даже пели дуэтом с «Котами-Каннибалами»:

- 1) Тина Тернер;
- 2) Мадонна;
- 3) Синди Лопер;
- 4) Джанет Джексон;
- 5) Энни Леннокс.

Но, естественно, исчезновение любой из них было бы замечено, так что пришлось перебиваться теми, о ком никто не будет

сожалеть, — и то не обошлось без ошибок. Анджело съел девушку Дуайта, Эллис, и Дуайт до сих пор ему этого не простил. И ждал, когда Анджело начнет искать способ это исправить, — на девятом шаге программы, где речь шла о налаживании отношений с людьми.

— Ладно, давай сформулируем это для наших попечителей. — Анджело закурил косяк и налил себе еще виски, передавая бутылку Дуайту. — Мы знаменитые рокеры, нам нужно перестать столько пить. Мы становимся старше, и алкоголь может повлиять на наш талант.

— Не забудь печенку. — Дуайт отхлебнул из своего стакана. — Добавь про нее. Такое количество протеина вредно для организма.

— Этого полно у Эткинса.

— Надо было его съесть, — захихикал Дуайт.

— Он мертв, придурок, — улыбнулся Анджело.

— Нас это редко останавливало.

— А еще он парень.

— Ага, он парень, — согласился Дуайт.

Ему стало лучше. Он снова чувствовал, как налаживается связь между ними. Приговорив треть бутылки, Дуайт обменял виски на косяк. «Коты» могли себе позволить лучшую марихуану на планете. И нагрузились они порядком, воздух начал свиваться кольцами, в лунном свете серебрились волосы Анджело.

Анджело допил виски и перевернул бутылку вверх дном.

— Дуайт, принесешь еще?

И Дуайт соскользнул с перил, открыл стеклянную дверь в огромную кухню и нетвердой походкой пошел в обход стола.

Примерно на полпути к бару он сообразил, что у Анджело вообще-то тоже две ноги, так почему же он, Дуайт, всегда за всем ходит?

Знакомый ком в животе напомнил, что стоит отвлечься. Тогда, дома, Анджело был богаче, круче, и это не его отец забил его мать до смерти. Но с тех пор прошли годы, и Дуайт многого добился в жизни. Случались, конечно, проколы, да и деньги в их дуэт вкладывал Анджело. На его деньги были куплены изумительные гитары, костюмы, он оплачивал уроки, он заводил

связи. Дуайт вложил в партнерство только немного таланта и уйму надежд, но в Голливуде тем же мог похвастаться любой приезжий парнишка.

Но именно Дуайт заслужил ту жизнь, которую они вели сейчас.

Я ни в чем ему не уступаю.

И на полпути до бара он развернулся и сказал:

— Анджело, я думаю, тебе стоит *самому* принести бутылку.

Анджело, может, и собирался ответить, но не смог, потому что в этот момент зазвонил его мобильный.

Анджело выудил трубку из кармана черных штанов, нажал кнопку и сказал:

— Алло? — совершенно трезвым голосом. Он умел справляться с выпивкой и наркотиками лучше любой другой рок-звезды. — О! Боб...

От улыбки Анджело Дуайта обдало холодом.

— Дерьмо, — пробормотал он.

— Насчет двенадцатого шага? — радостно спросил Анджело. — А что? Ах... Ладно. Я здесь с Дуайтом, можно и ему приехать? Круто. Мы будем.

Анджело жестами показал, что ему нужны бумага и ручка. Дуайт стащил с холодильника магнитную доску для записей, которую они купили для Марии дель Кармен, горничной, которая уже написала на доске: «"HAY QUE COMPAR", купить». Им всегда требовалась уйма пакетов для мусора и бумажных полотенец. И губки, и моющее средство «Формула 409».

А она никогда не спрашивала зачем.

Дуайт протянул доску Анджело, и тот нацарапал какой-то адрес и указания, как проехать, а затем буркнул в трубку:

— Да, хорошо. Понял. Ладно. Через полчаса.

А потом отключил телефон и сказал уже Дуайту:

— Нужно встретиться с каким-то парнем в его доме. Он напился и говорит, что покончит с собой.

— Значит, точно ничего не сделает, — веско ответил Дуайт. Им, рок-звездам, часто приходилось иметь дело с людьми, заявлявшими о самоубийстве. — Если бы действительно собирался, он об этом не говорил бы.

— Алкоголики отличаются от обычных людей, — напомнил Анджело.

— Нужно протрезветь. Почистить зубы, прополоскать рот как следует. Иначе он учует виски.

— И принять душ, — ответил Анджело. — Боб очень подозрительный. И наблюдательный. С ним нужно быть очень осторожным.

Дуайт в очередной раз удивился, зачем Анджело выбрал этого подозрительного и наблюдательного себе в попечители. А потом напомнил себе, что «Анонимные алкоголики» должны были помочь им избавиться от вредной привычки. Метафорически.

Они хотели добраться до места назначения незамеченными, поэтому взяли маленький «бимер», чтобы не привлекать внимания. В гараже стояли экзотические модели вроде «лотуса» и множество мотоциклов, но «бимер» был в Лос-Анджелесе совершенно неприметен.

Анджело вел. Он всегда вел во всем. Свернул на Пятый северный мимо Гретти и затем к Шерман Окс по направлению к Барбанку. Недавно в этом районе они сняли несколько клипов. И там же находился отпадный магазин ужасов, которым заведовали классная тетка и седоволосый парень, похожий на фолк-певца Арло Гатри. У них была самая большая коллекция книг о каннибализме из всех, какие Дуайту доводилось видеть. Он еще подумал тогда, что даже название магазина — «Темные деликатесы» — идеально подходит теме.

«Возможно, в Лос-Анджелесе больше каннибалов, чем нам казалось. И может, если у нас получится с кем-то из них связаться, нас научат новым уловкам и трюкам, чтобы лучше скрывать свою деятельность. И нам не придется бросать...»

Вот тогда эта мысль — о том, что он больше никогда не попробует человечины, — впервые полностью дошла до Дуайта, и он покрылся холодным потом. Желудок завязался узлом, руки задрожали. На миг все заслонило безумное желание выскочить из машины и бежать.

— Нам сворачивать на сто тридцать четвертую? — пробормотал Анджело, сверяясь с записями.

Начал накрапывать дождь. Дуайт был в шоке. Анджело включил дворники и продолжил бормотать себе под нос указания.

Но Дуайт его не слышал. Не слышал шороха дворников. Не слышал дождя.

«Я не смогу этого сделать, — понял он. — Я не перестану есть людей».

Он задрожал от пьяного возбуждения, покосился на Анджело, испугавшись так, словно кровный брат вдруг научился читать мысли.

«Если придется лгать ему, я буду лгать, — подумал он. — Но бросить я не смогу».

Решение придало ему сил, которых хватило на шесть миль дороги, что при скорости шестьдесят миль в час равнялось бы примерно минутам десяти. Но Анджело вел под девяносто.

И пришло отрезвление, ледяное и жуткое. Он сидел, почти не дыша, и наблюдал, как проносятся за окном билборды и подсвеченные фасады домов. Горло перехватило так, что он даже сглотнуть не мог.

«Твой алкоголизм сделает все, чтобы выжить. — Так говорил ему Неудачник Лу. — Он заставит тебя лгать, красть, обманывать и будет убеждать тебя в том, что ты не алкоголик. Что ты себя контролируешь. А потом он убьет тебя».

Дуайт помотал головой, словно действительно общался с Лу. «Мне плевать на то, что я пристрастился к сырому человеческому мясу. Я собираюсь есть его несмотря ни на что».

— Чувак, тебя накрыло? — спросил Анджело, возвращая его к реальности.

— Шею разминаю, — ответил Дуайт. Через шесть недель им предстоял концерт на Голливудском стадионе.

Анджело рассеяно кивнул. Он снова сверялся с дорожными пометками. Резкий поворот налево, к Голливуд Вэй, и он что-то пробормотал. Первая часть звучала как *шпротопрлы*. Вторая была более внятной:

— Он сказал, что нужно ехать по указателям к аэропорту.

Дуайта тошнило. Он, словно управляя персонажем видеоигры, развернул голову к окну и прищурился. Дождь лупил так,

что дорожных знаков не было видно. В животе бурчало. Он медленно, глубоко вздохнул.

— Ладно, нам нужна магнолия, — продолжал Анджело.

Дуайту захотелось развернуться к нему и закричать: «Заткнись к чертовой матери! Заткнись сейчас же!»

Но это не относилось к списку предложенных «Анонимными алкоголиками» инструкций. Нужно было держать себя в руках. Он стал смотреть на дождь.

Еще одна вспышка света рассекла небо, дождь усилился, Анджело снова забормотал. Машина остановилась, и Анджело выдал почти разборчивое:

— Нужно было захватить гребанные зонтики.

Вот только в Лос-Анджелесе никто никогда не помнил о зонтах. Для Дуайта же было важно хотя бы то, что он разобрал слова. Жуткий разлад в психике понемногу отступал.

Мы вместе это делаем. Все в порядке.

Я умру, если перестану есть людей.

Анджело вышел со своей стороны, Дуайт — со своей. Капли дождя били по коже, как мелкая холодная галька. Дуайт мельком пожалел черные кожаные куртки и штаны, но вспомнил, что они с Анджело богаты и могут купить новые.

Он остановился подождать Анджело, а тот указал дальше по улице и воскликнул:

— Вот они!

Они? Раздраженный Дуайт потопал за ним по тротуару. Он не видел того, что видел Анджело, и теперь его беспокоила потеря зрения, оставившая только серый дождь и черно-серые волосы Анджело, причем тела Дуайт не видел, от чего создавалось жуткое впечатление плывущей впереди отрезанной головы. Он хотел протянуть руку, коснуться плеча Анджело и убедиться, что тот целиком здесь, но это было бы как-то по-пидорски.

Анджело объяснял:

— Понимаешь, на двенадцатом шаге ты отправляешься помогать другим алкоголикам. Это суть двенадцатого шага — помочь другим.

Дуайт осмыслил сказанное. И хотел ответить: «Но мы же только на первом шаге», вот только звуки разбежались от него ртутными шариками. Осталось лишь думать, почему они не обсудили это в машине.

— Привет, Боб! — крикнул Анджело, уходя в дождь.

Дуайт побежал за ним, потом притормозил. Бегать вот так за Анджело — значит полностью отдаться своей зависимости.

Хотя удрать от дождя можно.

Он помчался вперед, к пятну желтого света; в пятне оказалось крыльцо. В этом районе множество людей — рабочие сцены, осветители, звуковики — жили в маленьких домах, больше похожих на бунгало. Никаких дорогих особняков в тени водонапорной башни «Уорнер бразерс» и в горах за парковкой.

Дуайт услышал голос Анджело и двинулся на свет. Пробежал по дорожке, поднялся на деревянное крыльцо. Дверь была открыта; Анджело исчез в доме, и Дуайт последовал за ним.

Его встретили тепло, свет и плачущий мужчина на сливового цвета диване. Средних лет; возможно, испанец или выходец со Среднего Востока — здесь, в Лос-Анджелесе, они загорали до одинакового оттенка. Воздух был пропитан парами алкоголя: виски или скоч. Или текила. Дуайт уже и в обонянии не был уверен.

Боб В. сидел на зеленом деревянном стуле напротив пьяного. Держал в ладонях чашку кофе. И, увидев Дуайта, сказал:

— Привет. Рад, что ты смог выбраться.

— Привет.

Слово задрожало во рту Дуайта, тело которого словно окаменело. Настоящий Дуайт стоял где-то в глубине своего тела и наблюдал, как Анджело обнимает обалденную красотку, решившую поплакать у него на плече. На ней были линялые джинсы и бирюзовый свитер. А еще у нее были огромные черные глаза и просто нереальные сиськи, явно искусственные.

«Актриса», — подумал Дуайт, жалея, что не чувствует ее запаха. Женщины отлично пахли, совсем как индейка на День благодарения в те дни, когда индейки его еще интересовали.

— Я просто не могу остановиться, — простонал парень на диване. — Я все время хочу выпить. Клянусь, сейчас даже хуже, чем тогда, когда я только присоединился к программе!

Боб протянул ему кофе, которого парень просто не заметил. Дуайт хотел кофе. Ему было чертовски неприятно от того, как морщатся яйца в промокшей коже штанов.

— Это твое упрямство, — сказал Боб. — Оно учиняет бунт. И сделает что угодно, чтобы ты не смог бросить. Оно *хочет*, чтобы ты пил, Эларио.

Эларио. Значит, все же испанец. Анджело обнимал красотку, которая потянулась к Эларио и сказала:

— Папа, черт тебя подери! Ты только что потерял очередную работу...

Эларио перешел на испанский, явно пытаясь объяснить, что одна только мысль о том, чтобы бросить пить, заставляет его оглохнуть от ужаса. Анджело поглаживал кудряшки красотки и массировал ее плечи через свитер. Она была очень стройной, очень подтянутой. Жилистой.

— Вспомни, о чем мы говорили, — продолжал Боб. — Ты взорвал за собой мосты. Все взлетело на воздух. Твое прошлое в руинах. Повсюду разбросаны части тел. Ты хочешь починить этот мост, но не можешь. Нельзя его починить, Эларио. Нужно строить новый мост.

Части тел.

Анджело гладил кончиками пальцев левую грудь девушки, которая снова прильнула к нему, беззвучно плача. Анджело посмотрел на Дуайта долгим взглядом, затем развернулся и вывел красотку из комнаты.

Оставив Дуайта с Бобом и Эларио.

Эларио стenal, как свидетель Иеговы. Боб молча наблюдал за ним, все так же сжимая чашку с кофе. Дуайт пытался понять, потерял ли Боб дар речи или просто не знает, что сказать в такой ситуации.

Они замерли живой картиной: Дуайт стоял в мокрых штанах и смотрел на Боба. Который смотрел на Эларио. Оглянувшись, он заметил куртку Анджело, брошенную на деревянный стул. Неудивительно, что он ее снял. Анджело любил комфорт. Дуайт пожалел, что сам до этого не додумался. И решил последовать его примеру.

Но именно в этот момент Боб сказал:

— На плите стоит кастрюля с супом. Ты не мог бы его разогреть?

Сказал лично ему, Дуайту. Боб не оглядывался, не спрашивал, куда пошел Анджело. Или дочь Эларио.

И Дуайт вдруг подумал, что все это подстроено. И дело вовсе не в помощи и не в двенадцатом шаге. Боб В. позвонил Анджело потому, что подготовил ему вкусную штучку.

Подожди-ка. Он же должен был помочь ему перестать пить.

Пить, ага. Но не есть людей...

— Дуайт? — напомнил о себе Боб.

— Сейчас. Да. Суп.

Он вышел на кухню. На плите стояла пустая чистая кастрюля, а рядом, на розовой столешнице, банка консервированного супа с лапшой и открывалка. Куриный суп с лапшой Дуайт очень даже любил.

Возможно, это знак.

Знак чего?

Плита оказалась газовой. Он включил горелку и поднял кастрюлю. Открыл кран, чтобы немного стекла вода. Шум водяной струи наполнил уши. Белый шум.

И тут он посмотрел налево, на холодильник.

Бутылки. Большая часть наполовину или на треть пусты. Текила. Скотч. Джин. Все мерцало и отражало свет, словно выхваченное широкоугольной линзой.

А рядом с банкой супа лежал рулон бумажных полотенец.

Он подумал о том, что Боб позволил Анджело выйти из комнаты с кем-то съедобным.

Подумал о взорванных мостах и частях тела.

О том, что Боб хорош собой и при этом полный засранец.

Отец многому научил Дуайта. Как ругаться. Как бить. Как пить.

Человек человеку волк, сынок.

Нет, папа. В этом ты не прав.

Он снял бутылки, слил часть их содержимого.

— Как там суп? — поинтересовался из другой комнаты Боб.

— В полном порядке! — крикнул в ответ Дуайт.

И начал заталкивать в бутылки бумажные полотенца. И нашел, из чего сделать затычки, — куски пластиковых тарелок и прочая дрянь отлично подошли. Все получилось. Он давно уже этим не занимался, но некоторые вещи просто не забываются. Езда на велосипеде. Коктейли Молотова.

Он как раз готовился поджечь их, когда на кухне нарисовался Боб, перекинув куртку Анджело через плечо на манер плаща Элвиса.

— Тут все в порядке? — спросил Боб и уставился на выстроенные в ряд бутылки. — Что ты делаешь?

— Да, Боб В., все в порядке, — ответил Дуайт.

И с разворота, как бейсбольной битой, врезал ему кастрюлей по лицу.

Мужчина отлетел к стене, захлебываясь кровью, завопил и закашлялся, пытаясь шагнуть к Дуайту.

Дуайт схватил бутылку текилы, поджег бумажные полотенца, заткнутые в горлышко, и швырнул коктейлем в Боба. Загорелась и задымилась черная футболка. Боб завопил, так что Дуайту пришлось снова врезать ему кастрюлей по лицу. И еще раз, просто на удачу, а затем Дуайт уронил бутылку на пол. А остальные прижал к груди, один за другим поджег бумажные фитили и быстро выбежал из кухни.

Эларио вскочил, что-то вопя по-испански, и двинулся в сторону кухни. Дуайт перехватил его и сбил с ног. Наступил на голову и начал бросать бутылки в стены. Они взрывались. Огонь был повсюду.

Дуайт рванулся из комнаты в ту сторону, куда Анджело увел девчонку, и закричал:

— Анджело! Остановись!

Анджело выбежал из комнаты в конце коридора. Голый и возбужденный, он уставился на клубы дыма за спиной Дуайта и выпалил:

— Что происходит?

Девчонка вынырнула у него из-под руки и закричала:

— Папа!

Она протиснулась мимо Анджело, схватила его за запястье, бросила и побежала к Дуайту, отталкивая его с дороги. Он ничего

не пытался сделать, чтобы не пустить ее в охваченную огнем комнату.

— Какого черта ты натворил? — заревел Анджело.

Сзади раздался рев пламени, а затем жуткие вопли боли. Женские.

Анджело схватил Дуайта за руку, и они побежали к двери на задний двор. Там Анджело сбил его с ног и бросился сверху, закрывая своим телом.

И дом взорвался. В буквальном смысле взлетел на воздух. Деревянные панели, провода, мебель, черепица, ванна — все взлетело в огненном всплеске, вертась и грохоча. И обломки рухнули на землю, как небольшие бомбы.

— Пошли! — крикнул Анджело, вздернул Дуайта на ноги и потащил к «бимеру», который чудом уцелел у обочины.

Они забрались в салон и двинулись с места раньше, чем обеспокоенные соседи начали высовывать носы из своих домов.

— Какого черта, что произошло?

Дуайт повесил голову.

— Я спас тебе жизнь.

Анджело его, похоже, не услышал.

— В этом доме не иначе как наркоту бодяжили. — Он махнул рукой назад. — Дай мне одеяло ради бога.

На заднем сиденье они обычно держали одеяло, которым при случае накрывали жертву. Ну, если ту затащили в машину с улицы, например.

Дуайт накинул на Анджело покрывало, и тот повторил:

— Что случилось?

Дуайт вздохнул. Тяжело.

— Не знаю. Боб отправился разогревать суп, а потом выскочил из кухни и начал швыряться в меня горящими бутылками. А они взрывались. Он с ума сошел! — Дуайт закрыл лицо руками, думая о том, что у Лу С. не было и половины его актерского таланта. Лу было жаль. — Я думал, что он меня там убьет. Пришлось с ним драться, я сбил его с ног, но к тому времени все уже было в огне.

— И ты пришел спасти меня. Черт, Дуайт! — кипел Анджело. — Я уверен, что стоит нам заказать расследование, и выяс-

нится, что Боб точил на нас нехилый зуб. Может, мы съели его знакомого. Или он думал, что мы должны ему отчисления за какую-то песню, которую он написал, а она вышла похожей на нашу.

Или он просто хотел стать твоим новым лучшим другом.

— На фиг, — сказал Анджело, махнув рукой. И засмеялся так, как может смеяться только человек, чудом избежавший смерти. — К черту метафоры. Нам было дано откровение, чувак! Если жизнь по-любому будет опасной, надо брать от нее максимум удовольствия.

И он улыбнулся своему брату по крови, своему другу и приятелю-каннибалу.

— Дуайт, давай найдем себе молоденькую вкусную телочку. А если нас поймают, то убивать будут вполне гуманно, я узнавал.

Дуайт ничего не ответил. Он вернулся в то же оцепенение полной тишины.

Но думал он при этом: «Придется-таки таскать свою задницу на сборы “Созависимых анонимов”. Надо что-то делать с моей зависимостью».

Джон ФАРРИС

УТРО «КРОВАВОЙ МЭРИ»

— Итак, ты четыре дня была в Сент-Барте, — сказал Джордж Уайтейкер своей жене Лизе. — А Лил появился там чисто случайно.

— Да, — ответила Лиза.

— Чисто случайно.

— Да.

Лимузин, неподвижно застывший в пробке в час пик, потрянуло от грома. Лиза вздрогнула. Она боялась гроз. И боялась оставаться с Джорджем в замкнутом пространстве, когда он начинал говорить с ней таким тоном. Пошел дождь.

Джордж издевательски протянул, намеренно усилив тexasский акцент:

— И что это за имечко такое долбанутое — *Ли-ил*? Тебе не странно?

— Нет.

Лиза уткнулась в свой блэкберри, отодвинувшись от Джорджа настолько, насколько позволял салон лимузина. Сам Джордж облюбовал угол у бара. Без двадцати девять утра, его любимое время для «Кровавой Мэри».

— Не знаю, — добавила она.

Прошло пять секунд. Она не поднимала глаз. Знала, какое выражение увидит на его узком красивом надменном лице.

— Это шотландское имя. Лил шотландец по линии матери.

— И отлично оснащен по той же линии, да, Лиза?

Она вздохнула достаточно громко, чтобы Джордж ее услышал. Еще очко в его пользу. Она представила себе его улыбку. И очень пожалела, что лимузин не движется.

— Я... не собираюсь это начинать, Джордж. У меня... ты знаешь, что в десять у меня презентация. Я вложила в ее подготовку много сил, и...

— Моя маленькая карьеристка...

— Просто...

— Которой я так горжусь.

— Заткнись. Я *не унаследовала* компанию, Джордж, я работала...

Снова грянул гром, и она вздрогнула. И почти улыбнулась, когда лимузин продвинулся вперед на пару метров. Потом снова застыл. В бампер лимузина едва не уперся автобус.

— Чуть не выпрыгнула из кожи?

— Я ненавижу...

— Так же быстро, как выпрыгиваешь из одежды при появлении Лила?

Вот теперь она заставила себя посмотреть на Джорджа. Хотела, чтобы он увидел ненависть на ее лице.

Джордж нацепил одну из тех игривых усмешек, которые так и сочились ядом гремучей змеи. Выражение ее лица Джорджа не впечатлило.

— Лил, Лил, крокодил. С таким девчоночьим именем ему не обойтись без тарана в штанах, иначе бы он, как истинная зануда, сам себя с трудом терпел бы. Сколько ему понадобилось времени, чтобы уложить тебя на спинку в этом солнечном Сент-Барте?

— О господи...

Лиза положила телефон в свой атташе-кейс, щелкнула застежкой и потянулась к зонтику.

— Я всегда делился с *тобой*, Лиза. Я рассказывал тебе о своих интрижках. А ты, пока меня полировали на слушании РИКО... ты разве не развлекалась с этим красавчиком в постели? Это ты нарушила одно из наших правил. Утро можно встречать только с теми, с кем состоишь в браке.

— О господи...

— Эй, что ты делаешь?

— *Иду пешком!* И на этот раз я не шучу!

— Хочешь сказать, что *уходишь* от меня пешком? Так, что ли?

— Да, придурок.

— Да перестань, Лиза. Просто скажи, что ты не проснулась утром с этим Лилом под пение туканов на пальмах, или где там эти тулканы орут. И я оставлю эту тему. — В его голосе появились знакомые скулящие нотки. — У меня была сложная неделя, Лиза.

Генри говорит, что я могу отправиться в тюрьму лет на десять. Черт возьми, почему со мной *никто* не играет честно?

Он потянулся в ее сторону и первым схватился за ручку двери, не давая Лизе ее открыть. Прижал ее локтем к сиденью. Лиза поморщилась.

— Погоди-ка минутку. Я для тебя кое-что приготовил.

Джордж подтянул к себе собственный кейс фирмы «Гермес», уложил на колени и щелкнул золотыми защелками, а Лиза в это время пыталась отдышаться после тычка локтем в солнечное сплетение. Она смотрела на Джорджа, приоткрыв рот, но без страха. Она просто невероятно устала от него и от его подозрений.

— Скотина, — сказала Лиза.

Джордж сосредоточенно кивнул, словно заключив с ней сделку. Задумчиво прикусил нижнюю губу. Вытащил из атташе-кейса «Хеклер и Кох» 32 калибра и выстрелил ей в лоб.

Голова Лизы запрокинулась на кожаную спинку сидения. Глаза моментально застыли, остекленели, как у рыбы на льду. Потом голова упала вперед. А тело осталось сидеть, зажатое в углу салона.

У Джорджа все слегка плыло перед глазами. Он несколько раз моргнул, но в левом глазу так и осталось дымное облако. Пришлось снять тонированные желтым очки в стальной оправе. На линзах оказались капли крови. А под рукой не было ничего, чем можно было бы их вытереть. Пришлось надеть очки с надоедливими каплями обратно.

Лимузин снова двинулся и снова остановился. Джордж наклонился вперед, все еще сжимая пистолет, и постучал прикладом по непрозрачной перегородке, отделяющей его от водителя. Стекло с шорохом опустилось, шофер оглянулся. Джордж держал пистолет ниже уровня спинки.

— Да, сэр, мистер Джордж? Простите, но светофоры сегодня с ума сошли.

— Да не переживай, Делано. — У Джорджа пересохло во рту, но голос с каждой секундой твердел, как тело жены. — Ты уж извини, парень, ты же знаешь: когда я нервничаю, я сам себя пинаю.

Шофер удивленно пожал плечами. Со своего места он не мог рассмотреть Лизу.

- Что вы имеете в виду, мистер Джордж?
- Забыл тебя спросить: как там твои жена и дети?
- В полном порядке они у меня, — моргнул Делано. — Мистер Джордж? Простите, но на ваших очках что-то...
- Расплескал «Кровавую Мэри». Это моя утренняя привычка.
- Ах, да. Понял.
- А может, это соус табаско, Делано. Я хотел спросить, нет ли у тебя салфетки?
- Есть, конечно.

Когда Делано отвернулся за упаковкой салфеток, Джордж поднял пистолет и выстрелил шоферу в висок над правым ухом. Нога Делано дернулась с педали тормоза, лимузин рванулся вперед на пару метров и врезался в зад грузовичка дорожной службы. И остановился.

Джордж поднялся с пола. Взгляд в окно, за которым морось перешла в сильный ливень, подсказал, что до офиса осталось примерно два квартала.

Джордж снова открыл кейс, положил пистолет рядом с коробочкой от «Ван Клиффа и Арпелса», в которой лежал рубиновый браслет, заказанный для Лизы. Взглянул на жену. Она смотрела прямо на него. Дырочка на лбу слегка кровоточила. Но в остальном Лиза выглядела как обычно. Не такая уж и большая дырочка.

Кровь с левой линзы капнула на коробочку от «Ван Клиффа». «А ведь утро могло начаться совсем иначе», — подумал он. Плати или играй. Лиза играла и получила плату за игру.

— Пусть я придурок, — сказал он труп своей жены, который казался смазанным из-за кровавого пятна на линзе, — зато ты, дура, мертва.

Джордж открыл дверцу и выбрался под ледяной зимний дождь, левой рукой сжимая свой кейс. Другой рукой он поднял воротник пальто. И зашагал к офису через полосу препятствий в виде потенциально смертельных укулов зонтом. Клаксоны, клаксоны, клаксоны. Терпение его собратьев-горожан явно подошло к концу. Джордж чувствовал холод дождя на лице и в то же время — спокойствие, почти развязность. Но проклятое пятно на очках продолжало его бесить. Джордж снял очки. И практически ослеп, радуясь тому, что здесь ему знаком каждый угол.

На углу он постоял, дрожа и вытирая тыльной стороной ладони мокрые глаза и слипшиеся ресницы. Кто-то ударил его в плечо, чуть не сбив с ног.

Остаток пути до здания, в котором компания Джорджа арендовала три верхних этажа, он проделал, низко опустив голову и ссутулившись. Едва различая окружающее.

А оказавшись в огромном мраморном атриуме с сотнями работников и посетителей, Джордж попытался найти путь к лифтам. Сами люди казались ему размытыми тенями. Снаружи ударила молния, загрохотал гром. Свет в атриуме на секунду потускнел.

Джордж промок до нитки. Зря он не прихватил зонтик Лизы. Это была единственная ценная вещь в том лимузине.

Десять минут, заверял себя Джордж, не больше десяти минут ему потребуется провести в личном кабинете. Не больше. Этого времени хватит, чтобы достать из сейфа шесть миллионов в ценных бумагах и немало наличных и сделать один телефонный звонок. Его личный самолет к тому времени будет заправлен и готов к двухчасовому перелету в Панаму. Оттуда Джордж доберется до своего отлично оснащенного убежища, которое перешло к нему благодаря опыту и мудрости отца.

Джордж, будь всегда в курсе того, когда перед тобой захлопнутся выходы.

Учитывая количество машин в пробке, копы заинтересуются лимузином не раньше, чем через полчаса. А к тому времени, как им захочется серьезно поговорить с Джорджем Уайтейкером, он уже будет высоко над Мексиканским заливом, потягивать очередную «Кровавую Мэри».

Оле, придурки.

Экспресс-лифты. И пять человек возле них. Джордж присоединился. Лиц различить не удавалось. Там была мать с девочкой лет примерно восьми. Чернокожая женщина с мощной кормой держала сумку, которая больше подошла бы выючному мулу. Юная парочка в школьных пиджаках явно не могла прекратить лапать друг друга. Джордж потянулся к очкам, которые спрятал в карман. В кармане оказалось что-то липкое, словно кто-то налил туда кленового сиропа. Джордж моргнул и попытался нащупать дужку очков, направляясь вслед за всеми в только что приехавший лифт.

Дверь закрылась. Черная мадам понюхала воздух и огляделась, словно учуяв рядом нечто противное или грязное. Мать с девчонкой подошли к панели с кнопками, девчонка сказала:

— Ваши этажи, пожалуйста.

— Сорок четвертый, — громко заявил Джордж.

Девочка по ошибке нажала сорок седьмой.

— Мать твою, я же *сказал*: сорок четвертый! — рявкнул он, всех удивив своим тоном.

Школьница и ее ненасытный приятель vytарашились на Джорджа, которому удалось наконец вытащить очки из липкого кармана.

Реакция других пассажиров варьировалась от шока до ужаса, все инстинктивно отпрянули.

— Мама! — истерически взывала мелкая девчонка. — У него руки в крови!

Из баула чернокожей показалась плоская морда собачонки. Животное громко залаяло.

Джордж посмотрел на свою руку, на промокший карман пальто, на очки, которые он сжимал. Капля крови, которая еще в лимузине досталась ему от Лизы, была на месте. Пятно размером с четвертак теперь само истекало кровью, каждые три секунды на нем набухала капля и срывалась вниз. При этом само пятно ничуть не уменьшалось.

— О господи! — ахнула школьница. — Вы поранились!

— Ничего подобного! — снова рявкнул Джордж, пряча очки за спину. — Это не моя кровь! Я хочу сказать, я в порядке! Это вообще не кровь!

— Нет, это кровь, — сказала негритянка, наглаживая трясущегося песика одной рукой. — Я семнадцать лет проработала на «скорой помощи», я везде узнаю этот запах! Мистер, вы поранились и не помните, как это случилось. Лучше вам сейчас выйти из лифта и... Прекрати лаять, Маркиза! — Она обернулась к женщине с дочкой. — Нажмите, пожалуйста, вызов «скорой помощи», опыт подсказывает мне, что случай требует вмешательства врачей.

— Не смейте ничего трогать! — зарычал Джордж. — Мне нужно в мой кабинет. Я... Я опаздываю на важную встречу! Не трогайте меня, мать вашу, занимайтесь своими делами!

Но не успел он договорить, как лифт вздрогнул и остановился. Погас свет. Пассажиры заахали и завизжали. Собачка взбесилась.

— Это ерунда! — заверил их Джордж. — Электричество пропало. Снаружи ведь гроза. Нечего верещать. — Он почувствовал, что с очков, которые он все так же держал за спиной, капает кровь. — Мы не упадем. Мы в полной безопасности.

— Ага, нам всем стоит успокоиться, — посоветовал школьник.

— Джонни, я так испугалась! — заныла его подружка.

Девчонка, которая играла в лифтера, тоже заплакала.

— Тихо, тихо, Шарлотта! — Мать попыталась ее унять, но сама сорвалась на истерику.

— Я тоже чувствую запах крови, — простонала школьница. — Меня сейчас стошнит.

— Успокойтесь все, — сказал Джордж. — У меня с собой зажигалка.

Он чиркнул колесиком. Огонек высветил морду собачонки, которая извивалась, пытаясь выбраться из сумки. Выпученные глаза в свете огонька сияли, как у демона.

— Мадам, вам нужно что-то сделать со своей собачкой. Она меня бесит. Терпеть не могу животных. Они все меня бесят.

Женщина вытаращилась на него. Собачка истерично залаяла.

— Джонни, — он повернулся к школьнику, — будь любезен, поддержи мою зажигалку.

Паренек протянул к нему свободную руку — второй он прижимал к себе девушку — и взял у Джорджа зажигалку.

Джордж нацепил сочащиеся кровью очки, положил кейс на пол и щелкнул замками.

— Вы никогда не замечали, — спокойно продолжил он, — как одна мелочь тянет за собой другую и как одна ерунда может испортить отлично начавшийся день? Конечно, расстраиваться не стоит, даже если жизнь повернулась к вам задом. Так, например, если вы спешите, может остановиться лифт, но стоит ли из-за этого злиться и расстраиваться? Есть вещи, контролировать которые мы не можем. Но дикость поведения, которую демонстрирует эта мелкая собачка, действует на нервы. — Джордж

вытащил пистолет. — И *это* относится к вещам, которые я могу контролировать.

— О господи!

— У него пистолет!

— Эй, мужик!

Джордж выпрямился, сжимая пистолет чистой рукой. Капли крови, срывавшиеся с запачканных очков, превратились в тонкий ручеек, сбегавший вниз на пальто.

— Мы все умрем!

Крики ужаса. Джордж покачал головой и сделал успокаивающий жест.

— Глупости. Я не хочу никому навредить. Я просто собираюсь пристрелить это лающее недоразумение...

Чернокожая женщина с искаженным от ярости лицом выдернула собачонку из сумки и прижала к груди, одновременно шагая вперед и пиная Джорджа в пах. При этом свободной рукой она залепила ему пощечину. Кровь с очков забрызгала ее и собачку. Джордж попытался устоять на скользком от крови полу лифта, и в этот момент собака вывернулась из хозяйской хватки и бросилась Джорджу в лицо, вцепившись ему в щеку мелкими зубами.

Джордж оттолкнул от себя женщину и дернул за хвост собачонку, повисшую на его щеке. Весила тварь немного, но хватка у нее была бульдожья. Собачка и не думала отпускать. Джордж понял, что если продолжит дергать ее за хвост, то, скорее всего, останется без половины щеки. Поэтому он прижал ствол к собачьему животу и выстрелил. Псина дернулась несколько раз и обмякла — так и не разжав челюстей и не отпустив его щеку.

Свет в лифте несколько раз моргнул и снова загорелся. Кабина двинулась вверх. Джордж, все так же сжимая пистолет и задыхаясь от вони собачьих внутренностей, смотрел на пассажиров, прижавшихся к стенам.

Десять минут в личном кабинете. Больше и не нужно. Выходы закрывались, но он еще мог проскользнуть.

С очков все так же текла кровь. Щеку жгло адской болью. Возможно, на закате собака его отпустит, челюсти разомкнутся, как у дохлой черепахи. Джордж очень устал. Но ему нужно было успокоиться. Без этого он не сможет стратегически мыслить.

Десять минут. Самолет заправлен и ждет. Панама. Рай. И никаких забот.

Лифт прибыл на сорок четвертый этаж. Наконец-то.

— Мадам, — сказал он рыдающей хозяйке собаки, птясь из лифта на ковер приемной. — Я был бы рад вернуть вам собаку для подобающего погребения, но, Богом клянусь, не знаю, как это сделать. — Он помахал пистолетом. — Теперь вы можете заняться своими делами, я займусь своими, и, честное слово, этот инцидент не стоит вашего крика.

Дверь лифта закрылась. Джордж обернулся. За стойкой приемной сидела Хизер. Собранная, высокая и манерная. Обычно. Этим утром она выглядела как человек, только что влетевший в телефонный столб на новом «феррари».

— Мистер Уайтейкер!

— Это случилось не по моей вине, Хизер, — сообщил он ей. — Маленький монстр сам на меня напал. Пришлось защищаться.

— Вы... мне... может быть, вызвать помощь...

Джордж остановился на жемчужно-сером ковре, заливая его кровью, и медленно оглядел портреты своих предшественников, управлявших часто разорявшейся семейной компанией. Его отец. Его прадедюшка Таб, который сделал карьеру, но забыл о правилах уплаты налогов. Его старший брат Бейли, который так и не понял, что дырявый стрит в бизнесе так же недопустим, как и в покере.

Было на стенах и место для его портрета, но Джорджу никогда не хватало времени на позирование.

— Я буду у себя в кабинете, — сказал Джордж. — Сегодня жуткие пробки, поэтому вызови мне на верхнюю площадку вертолет. Я вылечу сразу же, как только закончу с делами. И еще одно, Хизер. Не отвечай никому, кто будет интересоваться моим местонахождением.

— Да... сэр.

Он зашагал по коридору. На щеке Джорджа все так же висела мертвая собачка, капли с очков превратились в полноценный поток, а ведь пятнышко крови на линзе было не больше зрачка в голубом глазу Лизы. Джордж добрался до личного

лифта и поднялся в свое убежище, занимавшее половину этажа и обставленное с королевской роскошью. Здесь он был один. Так ведь? Ему послышался добродушный голос отца: «Никого из нас никогда не застанут со спущенными штанами. Так ведь, мой мальчик?»

— Легко тебе говорить, — пробормотал Джордж, поправляя дохлую собачку, как непривычный свежий пирсинг.

«Только Уайтейкеры решают, как и когда. — Дядя Таб вернулся любимую присказку. — Надеюсь, ты не упустишь свой последний выход».

— Я уже обо всем позаботился, — возразил Джордж.

Но он и сам чувствовал, что время уходит. Несколько раз вздохнув, он медленно миновал несколько прохладных пустых комнат, в итоге оказавшись у бронированного хранилища. Вид стальной двери немного поднял ему настроение. До сих пор день был отвратительным, но вскоре все наладится.

Окровавленными пальцами он набрал код на двери и повернул колесо засова. Толстая стальная дверь поддалась, и Джордж вошел в хранилище.

Внутри было мрачно и душно. Старые кирпичные стены, потеки раствора, выпирающие между рядами. Арочный потолок над головой. Пыльный пол. Джордж снял очки. Они все еще были покрыты кровью, но надоедливое пятно исчезло. Собака так и свисала с его щеки, но стоило коснуться мохнатого трупa, и тот отвалился. Джордж потерял место укуса. Ни боли. Ни раны.

Снизу до него донесли голоса. При звуках одного из них Джордж улыбнулся.

Нас никогда не застанут со спущенными штанами.

Никто не может опередить Уайтейкеров.

Высокий тенор брата Бейли воскликнул: «Черт возьми, вот она, та восьмерка, которой мне так не хватало!»

Джордж прошел по короткому проходу, спустился на несколько пролетов вниз и увидел их — собравшихся при свечах в древнем семейном склепе Уайтейкеров. Таб костлявыми ладонями тасовал картонные карты, папа смотрел на него и, кажется, подмигивал стеклянным глазом из глазницы высохшего черепа, скалясь в улыбке.

— Вот он!

— Что тебя так задержало? — прогремел дядя Таб.

— Не знаю, — сказал Джордж. — Просто мелкие неприятности.

Он оглянулся, мрачно улыбаясь семейному склепу. Здесь явно не хватало женской руки, но с этим можно было смириться.

Дядя Таб передал потертую колоду Бейли, который посмотрел на брата и снова начал сдавать.

— Ты в игре?

— Куда ж я денусь, — ответил Джордж.

Следователь закончил осматривать лимузин и передал дело своим коллегам из группы расследования для осмотра тела и использованного оружия. И прошел полквартиры до патрульной машины, стоящей рядом с автомобилями пожарной службы и парамедиков. Дождь почти прекратился, но улицы все еще были мокрыми. Патрульные медленно, но верно разбирались с пробкой. Один из полицейских коснулся фуражки и открыл заднюю дверь патрульной машины. Детектив снял шляпу, стряхнул с нее воду и забрался в салон.

— Миссис Уайтейкер? Я лейтенант Петерсон.

Лиза Уайтейкер подняла на него полные горя глаза. Она нервно сцепила пальцы на коленях. На нижней губе, которую она прикусила, почти не осталось помады. Открыв рот, чтобы заговорить, она смогла лишь покачать головой и отвернуться.

— Я знаю, что вам сейчас нелегко, миссис Уайтейкер.

— Мягко говоря, — сухо сказала она.

— Я постараюсь быть предельно кратким.

— Спасибо.

— Ваш шофер, мистер Стокс, сказал, что ничего не видел и не слышал. А что можете рассказать вы, миссис?

— Он... он застрелился. Это было... все произошло так быстро. И так ужасно. Он протянул мне... это. — Лиза показала Петерсону браслет, который сжимала в руках. — Это платина. С рубинами.

— День рождения? Годовщина?

— Нет. — Слова давались ей с трудом. — Никакого особого повода. Просто Джордж любил делать подарки. — Лиза судорожно вздохнула. — Когда я... подняла глаза, чтобы поблагодарить... он уже приставил дуло к виску. Джордж... улыбался. Я не могу подобрать слов, чтобы... — Она опустила голову, сжимая браслет. — А потом он сделал это. У меня была лишь секунда или две, чтобы среагировать. Все произошло так быстро. Я... я не могу поверить в то, что он мог так поступить.

— Насколько я понял, отец вашего мужа покончил с собой из-за неприятностей в бизнесе.

Лиза снова посмотрела на него и заморгала, словно пытаясь избавиться от паутины на ресницах. А потом протерла глаза.

— Это словно... семейное проклятие. Они привыкают получать большие суммы денег, а потом... деньги словно утекают сквозь пальцы. Отец Джорджа, его брат, его дядя... все они решились покончить с собой, лишь бы... ну, вы понимаете. Не идти в тюрьму. Не унижаться. Они предпочитали оставлять унижение тем... кто их любил. — Лиза явно хотела расплакаться, но слез больше не осталось. — Я знаю, что у Джорджа были проблемы. Что шло федеральное расследование. Но чтобы поступить так у меня на глазах... Это просто *чудовищно*.

— Я не могу не задать вам один вопрос. В каких отношениях вы были с мужем, миссис Уайтейкер?

— О... у нас были разногласия, как и у любой семейной пары. Но ничего такого, с чем нельзя было бы справиться. — Лиза внезапно подалась вперед и сжала запястье Петерсона. — Лейтенант! Я никогда не смогу забыть то, что увидела! Никогда!

— Мне жаль, миссис Уайтейкер.

— Я заметила нечто... в глазах Джорджа, за миг до того, как он спустил курок. Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Возможно ли... что у тех, кто этого заслуживает, перед глазами возникает что-то другое? Видение рая или... ада?

Снаружи в окно постучали, Петерсон повернулся и опустил стекло.

— Шофер миссис Уайтейкер прибыл с другой машиной, чтобы отвезти ее домой.

— Мне можно идти? — нервно спросила Лиза.

— Да. Нам нужно будет, чтобы вы подписали протокол, когда немного придете в себя. Скажите, ваш муж умел обращаться с оружием?

— Это же Техас, лейтенант Петерсон. Тут ведь все умеют обращаться с оружием, не так ли? Я считала, что это прерогатива здешних мужчин.

— И он всегда носил с собой пистолет?

— Да. У нас дома есть тир. Он практиковался три или четыре раза в неделю. Даже сегодня перед завтраком.

— А вы? Вы умеете пользоваться пистолетом?

Лиза, выбираясь из машины, неловко обернулась.

— Нет. Мне он просто не нравится.

— Благодарю, миссис Уайтейкер. Мои соболезнования.

Лиза сидела на переднем сиденье прокатного «линкольна».

— Слава Богу, все закончилось, — сказала она, когда город остался позади.

— Да, мадам. Восславим за это Господа.

— Рано или поздно он все равно это сделал бы. Это у них семейное. Мы просто помогли Джорджу принять свою судьбу без затруднений. Без обвинений. И появления в наручниках в шестичасовом выпуске новостей.

— Я знаю, что мы сделали благое дело, миссис Уайтейкер.

— И видит Бог, мне меньше всего хотелось, чтобы *позже* ФБР добралось до наших счетов и собственности. У меня не выдержали бы нервы. Избавься от моих перчаток, как я велела тебе, Делано.

— Да, мадам. Я не подведу.

— И не сорвись в Мо Бэй, или где ты там решил поселиться. Не трать деньги слишком явно.

— Я не вчера родился, миссис Уайтейкер. И у меня впереди еще много лет, чтобы потратить деньги. — Делано широко улыбнулся. — Как всегда говорил мистер Джордж, жизнь — довольно непредсказуемая штука.

Челси Куинн Ярбро

ДЖЕНТЛЬМЕН СТАРОЙ ШКОЛЫ

— Но граф ведь наверняка хочет поговорить с прессой? Он был так щедр, и я подумала: он, конечно же, захочет, чтобы люди об этом узнали. — Журналистка, удивительно привлекательная женщина лет двадцати пяти, очень стильная и полная амбиций, явно чуяла запах сенсации. И переминалась у двери уединенного особняка в дорогом районе Ванкувера. В одной руке она держала диктофон, в другой — небольшую цифровую камеру. — А сейчас у нас проблема с убийством, так ведь? И аудитория моей газеты хочет об этом знать.

Домоправитель — худой мужчина средних лет с песочного цвета волосами и блеклыми голубыми глазами, примерно того же роста, что и журналистка, где-то метр восемьдесят, — сохранял невозмутимо вежливый тон:

— Простите, но мой наниматель уже заявлял о том, что не любит внимания публики, несмотря на благие намерения. — Он кивнул девушке. — Я уверен, что в госпитале многие с радостью поделятся с вами нужной информацией. Что же до убийства, вам лучше обратиться в полицию, там знают больше.

— Все говорят с ними, но до сих пор не услышали ничего нового, — пожаловалась она. — Все пытаются взглянуть на убийство с иной точки зрения, стартом для этого стал Центр. И это привело меня к графу. Информацию о нем можно было добыть только в секретариате Центра донорства, и это стоило мне ленча с секретарем, причем весьма дорогого ленча! — Она нахмурилась. — Мне сказали, что граф навещал Ванкуверский центр исследований и лечения заболеваний крови дважды: сразу после постройки и перед самым открытием. Мисс Саундерс сказала, что пожертвования графа покрыли более семидесяти процентов стоимости здания и оборудования и что он ежегодно выделяет гранты на текущие исследования. Это огромное количество денег. И мне хотелось бы уточнить у графа сумму, если он не

против. Или обсудить тело, найденное на крыше Центра два дня назад.

— Мой наниматель не станет говорить ни на одну из названных тем. Он не намерен раскрывать свои мотивы, и расследование убийств не в его компетенции. Подобные вещи он оставляет полицейскому управлению. — Домопровитель шагнул назад, готовясь закрыть дверь.

— Значит, он с ними говорил? — напирала журналистка.

— Полицейский эксперт по имени Фиск попросил графа сделать некоторые анализы, и это было выполнено. — Он начал закрывать дверь.

— Фиск? Новый техник?

— Так он представился. Я не знаю, новичок он или ветеран. А теперь простите... — Щель уже была шириной всего три дюйма.

— Я вернусь сегодня или завтра, и я могу привести с собой коллег: не только у меня есть вопросы. — Последнее было блефом: она получила шанс на эксклюзивное интервью и не собиралась им делиться или соревноваться с другими.

— Вы получите тот же ответ на все вопросы, мисс... Баррадис? Если вам нужна полезная информация, обратитесь в полицию, мисс Баррадис. — Вежливости он не утратил, но совершенно четко дал понять, что не передумает.

— Барендис, — поправила журналистка. — Соланж Барендис.

— Барендис, — повторил домоправитель и плотно закрыл дверь, задвинув для верности засов.

А затем зашагал по большому холлу к залу, соединявшему приемную с западным крылом, выходявшим на террасу, которую пристроили примерно пятьдесят лет назад. Недавно ее увеличили, чтобы из дома стал полностью доступен великолепный вид на склон холма, сейчас окрашенный приближающимся закатом.

Дом был построен в 1924 году в стиле «искусство и ремесла», большая часть комнат была обшита кедровым деревом, многие окна сверху украшены витражными панелями. Благодаря идеальному сочетанию стилей дом при взгляде снаружи казался не-большим, несмотря на три этажа, тринадцать комнат и велико-

лепные пропорции. Настил и терраса за широкой двойной французской дверью казались продолжением приемной, любимой комнаты Роджера. Он подождал, пока чудесные викторианские часы не пробьют пять, и поднялся наверх, на второй этаж южного крыла, где в большой комнате, раньше служившей бильярдной, была оборудована библиотека. У двери он постучал и подождал ответа.

— Входи, Роджер.

Роджер открыл дверь и остановился на пороге, глядя на своего нанимателя, одетого в черные шерстяные брюки и черный кашемировый свитер. Хозяин стоял на роликовой лестнице у верхних полок.

— Журналистка вернулась, — Роджер говорил на французском диалекте, которого уже несколько веков никто не слышал.

— Мисс Барендис? — спросил граф. — Я не удивлен. Странно лишь то, что она не привела с собой других репортеров, учитывая все обстоятельства.

— Она угрожала этим. Сказала, что собирается расспрашивать о Центре, но это...

Граф вздохнул.

— Но на уме у нее совсем иная тема.

— Вы имеете в виду тело, которое они нашли? — Роджер знал, каким будет ответ.

— Это, а также то, что журналисты хотят обнародовать информацию, которую считают скрытой.

— К примеру, суммы, которые вы пожертвовали Центру, что даст им легальный повод расспросить вас о найденной жертве убийства, — с отвращением сказал Роджер. — Она спрашивала не только о теле, но и о деньгах.

— Сомневаюсь, что ее интересуют деньги, из них нельзя раздуть скандал. Убийство интригует куда больше, к тому же его считают частью серии, — сухо продолжил граф. — Даже канадцы восхищаются человеческими хищниками.

— А эта девушка решила подлить масла в огонь.

— Тем больше у нее причин искать топливо в другом месте — деньги редко становятся причиной серийных убийств, тем более таких грязных, как в исполнении этого человека. Он стремится

оставить после себя максимум грязи. Убийство пугает и восхищает, щедрые же жертвования щекочут лишь алчность, а ее недостаточно для того, чтоб удержать интерес аудитории.

— Что бы ни интересовало публику, эта журналистка настойчива, как бульдозер. — Роджер подошел к выключателю и щелкнул им, разгоняя сгустившиеся тени мягким светом точечных светильников. — Она сказала, что придет и завтра.

— Не сомневаюсь. — Граф начал спускаться по лестнице. — Но до тех пор, пока она приходит днем, ее визиты будут не ко времени. Мы встречались и с худшим. — С этими словами он шагнул на пол.

— Но она может расширить свои требования. — Роджер присел на скамью розового дерева у рабочего стола, поднял небольшую фигурку из слоновой кости — бог Ганеша верхом на мыши — и переставил подальше от края. — Я посоветовал ей поговорить с полицией.

— Если полиция отправит ее подальше от меня, я буду рад. — Граф сел на нижнюю ступеньку лестницы. — Знаешь, когда мы только сюда приехали — в тридцать восьмом? — сразу после Калифорнии, когда началась война... я и не представлял, насколько удобным и приятным окажется это место. Кто мог бы подумать, что Тихоокеанское экономическое сотрудничество так расцветет, особенно тогда, перед войной? Наше вложение оказалось удачнее, чем дом в Виннипеге.

Он подался вперед и зажег напольный фонарь с изображением замерзшего тюльпана. Сумрак окончательно рассеялся, узорчатые панели засветились изнутри, придавая комнате уют и элегантность.

— И зимы здесь мягче, чем в Виннипеге, — заметил Роджер.

— Тут ты прав.

Роджер любовно погладил кожаный переплет книги, изданной в Амстердаме примерно пятьсот лет назад.

— Вы рассчитываете здесь задержаться?

— Возможно, на год или два, пока Центр не начнет работать в полную силу. А дальше все будет зависеть от ситуации в мире. Я не тороплюсь на родину, учитывая нынешнее ее состояние. Правительство уже растащило половину денег, которые я оста-

вил университету в надежде на развитие культурных проектов. Теперь я добавлю пункт о целевом назначении средств: я просто не дам им возможности пожить во второй раз. — Он переместился в кресло-кровать и удовлетворенно вздохнул. — Изумительное изобретение.

— Так и есть, — согласился Роджер, понимая, что не стоит дальше расспрашивать графа о планах. — И в нем легко спрятать вашу родную землю.

— Еще одно преимущество, — сказал граф и закрыл глаза.

— Пятое тело! — воскликнула Соланж, глядя на монитор компьютера примерно через двенадцать дней после безрезультатного визита к графу. — На этот раз возле университета. — Она оттолкнулась от стола и встала, чтобы выглянуть из своей кабинки. — Эй, Бакстер! Ты это видел?

Редактор «Ночного города» подошел к ней. Его шелковый галстук был развязан, стильная стрижка растрепалась.

— Что видел?

Она ткнула пальцем в монитор.

— Еще одну нашли с перерезанным горлом, в луже крови, те же повреждения. Рыжеволосая, коротко стриженная, выше среднего роста, пухленькая, возрастом от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Прямо-таки его идеал. — Она топнула ногой. — А Хаддерсон ничего не делает. Криминальный обозреватель, тьфу!

— О чем ты? Я добавил его колонку с дневным отчетом полиции. Они удвоили патрули, расследованию этих убийств назначен высший приоритет. Эксперты готовят новый рапорт по месту преступления.

— А Фиск говорит, что эксперты не могут прийти к четким выводам, несмотря на море крови; об этом гремят и дневные новости, и Интернет. Ты видел рапорт о невозможности анализа ДНК. Кровь животных смешана с человеческой, плюс химические добавки. Никакой анализ не позволит им точно идентифицировать убийцу и не выдержит проверки.

— Но пять женщин с перерезанным горлом, множеством колотых ран в верхней части тела и разорванной маткой! Публика

не станет долго такое терпеть, а арест, не говоря уж о суде, еще даже не намечается! — Бакстер вздохнул. — Мак-Кенна освещает эту историю днем. Если хочешь взять ночную смену, я тебя останавливать не стану. С Сангом я договорюсь. — Луи Санг работал по ночам и терпеть не мог, когда кто-то покушался на его поле деятельности.

Соланж с трудом сдержала радость.

— Санг может отказать.

— Только не мне.

— Тогда ладно. Но договаривайся сам. — Соланж, сияя, подхватила новый диктофон, камеру, сумочку, потянулась за плащом. — Я в деле, босс. — Она заблокировала свой компьютер. — Позвоню до часу, статью пришлю до шести.

— Звучит неплохо. — Бакстер отошел с дороги, и Соланж выскочила из «Корпорации СМИ Ванкувера» к своему автомобилю на парковке.

В полицейском участке Соланж миновала и пресс-службу, и регистратуру, где дежурили по ночам репортеры в ожидании возвращения патрульных. Она отправилась прямо в помещение для инструктажа, к столу Нила Конроя, который начал качать головой, как только ее заметил.

— Барендис, выметайся отсюда, — страстно выпалил он. — Ты же знаешь, что я не могу с тобой говорить. — Он был слегка сутулым, слегка потрепанным: его возраст приближался к сорока годам, и эти годы давали о себе знать.

— Еще как можешь, здесь или у себя дома, дядюшка. Ты же знаешь, что тетя Мелани меня не выгонит. И если мне не расскажешь ты, расскажет она. И не нужно уверять, что ты не делишься с ней результатами расследования, еще как делишься. — Соланж устроилась на старом стуле, который отполировали сотни посетителей и жертв преступлений. — Убийства. Что происходит? И почему ДНК недостаточно? Его же можно выделить из крови.

— У тебя слишком длинный нос, Барендис, это не доведет тебя до добра.

— Нужно же девушке зарабатывать себе на жизнь. — Хмурый прием ничуть ее не беспокоил.

— Ладно, но хоть раз в жизни прояви здравый смысл и держись подальше от этого дела. Ради своей же безопасности. Мелани со мной согласится, если ты ее спросишь. — Конрой был серьезен. — Этот убийца охотится только на женщин, только в возрастной группе от двадцати пяти до тридцати, перерезает горло, режет тела, а затем поливает место преступления коровой кровью. Основное ты уже знаешь.

— Режет — ножом? — спросила Соланж, вытаскивая блокнот и ручку. О том, что в кармане плаща *уже* работает диктофон, она говорить не собиралась.

— Прекрати, Барендис, — устало сказал Конрой. — Терпеть не могу твоих подначек.

Она покачала головой.

— Значит, не ножом, но горло перерезано? У всех пяти жертв?

— Что тут скажешь? Парень любит кровь, и чем ее больше, тем ему лучше. — Конрой явно был в отчаянии. — И не смей об этом писать.

Соланж пожала плечами, ее глаза сияли.

— Ничего не могу обещать, но я искренне постараюсь не доставлять тебе проблем.

— Меня беспокоит то, что *ты* можешь нажить проблемы. Я не шучу, Соланж. И не пытайся влезть в это дело, ты вполне можешь стать следующей жертвой.

— Не ножом, но режущим предметом, наверняка, — продолжала Соланж, никак не реагируя на предупреждения. — Кинжал — да, я *знаю* разницу между ножом и кинжалом — кортик или трехгранник... нет.

Конрой протяжно вздохнул.

— Если ты дашь мне слово не трепать Мелани нервы, я расскажу тебе, что думают о ранах наши медики, но не добавляй это в статью, иначе помешаешь расследованию.

Соланж села, как примерная школьница, и уставилась на Конроя честными глазами.

— Обещаю.

— Это какой-то изогнутый меч — сабля, скимитар, катана или что-то типа этого. А может, средневековый молот с длинным крюком на навершии, пока сложно определить это точно. Слишком много повреждений. — Они понизил голос и побледнел.

— Это действительно так... — Она успела остановиться и не ляпнуть первое, что пришло в голову.

— Жутко, — закончил Конрой.

— Боже, мерзость какая. Жаль, что нельзя об этом писать.

— Только попробуй, и у тебя заберут удостоверение журналиста до тех пор, пока мы не поймаем этого парня.

— Ты же знаешь, что не получится. Тетя Мелани тебе не позволит. — Она нахально улынулась.

— Может, ты и права. — Конрой откинулся на спинку стула. — Но это ничего не меняет. Пусть Фиск и медэксперты делают свою работу, а ты попридержи пока язык. Если не будешь играть по правилам, обломаешь нам все расследование и из-за тебя могут погибнуть люди.

— А именно — *женщины*, — поправила Соланж, ерзая на неудобном стуле. — Я пока что помолчу, но пообещай, что я первой узнаю все новости по делу.

— Обещаю. Ты же знаешь, что я сразу же тебе позвоню.

— Ага. Иначе тетя Мелани...

— ...сделай одолжение, не продолжай.

Ресторан оказался фешенебельным, с приглушенным золотым освещением вместо привычных ламп дневного света, с тяжелыми портьерами и драпри, серебряными приборами, крахмальными скатертями, китайским фарфором и австрийским хрусталем. Соланж, в своем втором лучшем коктейльном платье — дизайнерская работа, косой разрез, кобальтово-синий цвет, и рукава «летучая мышь» ей очень нравились, — изо всех сил пыталась не показать, насколько ее впечатлило шестистраничное меню. Оторвавшись от изучения блюд, она подняла взгляд на пригласившего ее и спросила:

— Почему вы передумали, граф?

— Насчет интервью? — Собеседник вел себя крайне современно и утонченно.

На нем был шелковый черный костюм, явно сшитый на заказ, белоснежная шелковая рубашка, винного цвета узорчатый галстук с заколкой, которая подходила к запонкам: белое золото со вставками почти черных сапфиров.

— Да. — Соланж покосилась на приближающегося официанта. — Что вы с этого получите?

— Удовольствие находится в вашем обществе, но пусть это не мешает вам наслаждаться здешними блюдами. — Он ждал от нее новых вопросов, а когда понял, что их не последует, продолжил: — У меня, к сожалению, аллергия на большинство продуктов, поэтому я воздержусь от заказа. Пусть это вас не смущает. Я привык составлять компанию за обедом. — Он махнул официанту, приглашая принять у нее заказ. — Я хотел бы взглянуть на карту вин, если таковая здесь имеется.

Соланж сверкнула глазами.

— Значит, вы *пьете*... — начала она.

— Вино для вас. Я не пью вина.

Она рассмеялась.

— Вы же знаете, кто обычно так говорит?

Он иронично улыбнулся.

— Вампиры.

Соланж, с трудом сдерживая смех, обернулась к официанту:

— Для начала я хотела бы крем-суп из лесных грибов, затем жареные гребешки на блюде, утку с вишней, бергамотом и луком, затем салат из цикория, а насчет десерта я решу после того, как закончу с основными блюдами.

— Хорошо, мадам, — ответил официант. — Граф, карту вин я принесу через минуту.

— Благодарю, Франко.

— Так вас здесь знают? — Соланж снова сгорала от любопытства.

— Я вкладывал деньги в этот ресторан и отель напротив. — Он принял карту вин у официанта, который принес корзину со свежим хлебом и масленку.

— Вы полны сюрпризов, граф. — Соланж решала, какую статью можно будет состряпать из истории его капиталовложений.

— Разве? — Он просмотрел карту и остановил выбор на «Котэ Саваж». — Вино не слишком сочетается с гребешками, но подчеркнет вкус супа и утки.

— Для человека, который не пьет вина, у вас удивительный вкус.

— Надеюсь, мисс Барендис.

Соланж с изумлением поняла, что краснеет под взглядом его темных глаз, и попыталась справиться с румянцем:

— Я... хочу поблагодарить вас за такое необычное вино. — Прозвучало глупо даже на ее вкус, и она сделала еще одну попытку: — Мне очень приятно, что вы решили со мной поговорить.

— Вы крайне настойчивая юная леди, мисс Барендис. Я решил, что, раз уж мы с вами пришли к диалогу, почему бы беседа не проходить в приятной обстановке?

— Жаль, что не все мои собеседники отличаются такой сознательностью, — лукаво улыбнулась Соланж. Разломив булочку, она уложила половинки на блюде для хлеба. — Великолепно пахнет, вам не кажется?

— Да, конечно, — отстраненно ответил граф.

Соланж начала мазать булочку маслом.

— Вас не смущает то, что я буду есть во время разговора об убийстве?

— Нет, ведь не мой аппетит может быть испорчен. Насколько я понимаю, сегодня вы на задании.

— Да. — Соланж словно только что вспомнила об этом. — Это задание, причем довольно важное.

— Именно поэтому я и согласился на встречу.

— И я благодарна за то, насколько цивилизованно вы ее обставили, учитывая, что это общественное место и моя репутация не пострадает. Хотя слухи вряд ли могут повредить журналисту.

— Возможно, я излишне осторожен, — сказал он. — Но не только вам может грозить опасность из-за двусмысленного положения.

Соланж мудро и с облегчением улыбнулась.

— Вы намекаете на то, что не хотите слухов о влиянии и предвзятости с любой стороны и вас не волнуют сплетни о возможных отношениях?

Прежде чем граф успел ответить, официант принес суп и пообещал вернуться с вином. На некоторое время разговор был забыт ради изумительно вкусного ужина.

Одолев половину порции утки, Соланж вспомнила, ради чего состоялась их встреча. И начала задавать вопросы о телах и их возможной связи с Центром исследований крови.

— Некоторые так называемые эксперты утверждают, что убийца может быть близок к расследованию, что крайне нервнует полицию. Муж моей тети — коп, и он говорит, что чувствует себя подозреваемым.

— Вы считаете его слова достойными доверия? — спросил граф. — Не все полицейские одинаково профессиональны.

— Конрой просто образец нравственности, — сказала Соланж и тут же решила, что вино, наверное, ударило ей в голову.

Она редко использовала слово «нравственность», особенно в описании Нила Конроя, поэтому попыталась исправить положение:

— Он ответственный, честный, предан своему делу, и на него можно положиться.

— Похвальные качества для любого мужчины, — подтвердил граф.

— Да. Он говорил мне, что у него есть сомнения насчет расследования, в том числе и насчет мнения одного из экспертов. И его беспокоит то, что пресса может начать задавать такие же вопросы. Он хочет, чтобы расследование ни у кого не вызывало сомнений. — Соланж наслаждалась ужином, отчасти потому, что это позволяло ей провести с графом больше времени.

— Вы помните, кто именно из экспертов утверждал то, что так обеспокоило супруга вашей тети? О том, что убийца близок к расследованию? — Граф оставался невозмутимым. И наблюдал за выражением ее лица. — У супруга вашей тети есть свое мнение насчет сложившейся ситуации?

Соланж задумалась над ответом.

— Нет, не по поводу расследования. Эксперт же не коп. Я считаю, что речь идет о Фиске, он недавно часто общался с прессой.

— Без сомнения. — Граф слегка нахмурился.

Соланж сделала стойку.

— Что вы имеете в виду?

Ей не нравилось тревожное ощущение, что разговор ведет граф, а не она. Соланж тут же подготовила несколько реплик, чтобы перехватить инициативу.

Граф пожал плечами.

— В отличие от Фиска я не эксперт, но мне кажется странным, что человек, ответственный за качество и сохранение улики этого дела, слишком многое ставит под сомнение. Он должен оставаться непредвзятым, но из того, что я о нем читал, можно заключить, что Фиск шагнул далеко за пределы непредвзятости.

Соланж удивилась и задумалась.

— Он ведь только выполняет свое дело, его функция — сбор улики. А улики — это только улики, у них не может быть своего мнения, они либо есть, либо их нет.

— Возможно, однако мнение у Фиска есть. И он оспаривает свою же работу на каждом шагу. Мне кажется, что, если состоится арест, Фиск будет выступать на стороне защиты.

Соланж глотнула вина, чтобы дать себе время обдумать его слова, потом заметила:

— Если рассматривать все с вашей точки зрения, все обретает смысл.

— Возможно, что-то в его прошлом могло стать причиной такого поведения? Возможно, суд или следствие, во время которого его улики...

— Вполне может быть! — воскликнула Соланж. — Раньше он работал в Мус Джо¹, по крайней мере по его словам. Я свяжусь с полицейскими города.

Граф поднял ладонь.

— Я могу понять нежелание работать на обвинение, особенно если улики неубедительны, но этот Фиск слишком...

— Я поняла. Спасибо вам за это наблюдение. Я все проверю. — Она допила вино и с трудом подавила желание тут же позвонить Бакстеру. Вместо этого Соланж мысленно сверилась со

¹ Город в канадской провинции Саскачеван.

своим списком вопросов. — Как вы считаете, убийства могут быть связаны с желанием скомпрометировать Центр исследований крови?

— Вполне возможно, — ответил граф. — Но как только дело будет раскрыто, а виновный понесет наказание, Центр быстро докажет свою полезность.

— Не слишком ли вы оптимистичны? — Она отрезала еще кусочек утки. — Все очень вкусно. Жаль, что вы не можете попробовать.

— Мило с вашей стороны, — ответил граф. — Нет, не думаю, что мой оптимизм необоснован. Но время покажет, такие дела проверяются только временем.

— Вы считаете, что дело затянется?

— Для меня некоторые вещи приобретают смысл только в перспективе, — сказал он, и Соланж вернулась к ужину.

Комната взорвалась аплодисментами, когда Соланж, через двадцать шесть дней после ужина с графом, переступила порог. Девушка отправилась к своей кабинке, но трижды останавливалась и с гордой улыбкой принимала поздравления.

— Спасибо, спасибо. Мне очень приятно.

Бакстер, договорив по телефону, подошел к ней.

— Не скромничай, Барендис. Конрой говорит, что ты была стержнем их расследования.

— Я не скромничаю. Я знаю, сколько им понадобилось сил и везения, чтобы поймать этого парня.

— Но ты натолкнула их на след, и ты вела эту историю, — сказал Санг от двери офиса. — Ты вполне могла просто шипеть на них со стороны из-за того, что они медленно работают, но ты стала интересоваться Фиском, ты обратила их внимание на то, что он ничего не делает. И поймала на лжи о том, что человеческую ДНК невозможно отделить от коровьей для составления правильного профайла. Молодец.

— Спасибо. Мне это показалось хорошей отправной точкой.

— Ты думала, что это Фиск? — поинтересовался Хилл, который занимался строительными темами.

— Я не знала, кто это, — сказала Соланж, очень довольная таким вниманием. — Мне просто казалось странным, что Фиск сомневается в каждой улике, которую сам же и нашел. Эксперт должен быть скептиком, но Фиск от скептицизма перешел к субъективизму и начал подбрасывать ложные версии.

— И ты помогла раскрыть его дело, попутно дав нам уйму статей, — похвалил Бакстер. — Так, все возвращаемся к работе. Иначе не успеем к выпуску сегодняшнего номера.

Праздничное настроение тут же пропало, ночная смена вернулась к своим делам.

— Тебе уже готовят премию, Соланж, — сказал Бакстер, прислоняясь к стенке ее кабинки.

— Спасибо.

— И чем ты собираешься сейчас заниматься?

— У меня есть наводка на дело о контрабанде. Не наркотики, но очень ценный антиквариат. — Соланж странно помедлила с ответом, что насторожило Бакстера.

— А как насчет этого отшельника графа? Того, что столько денег вложил в Центр исследований крови?

Улыбка Соланж была такой ленивой и чувственной, что Бакстер искренне удивился. Он никогда не видел, чтобы девушка так улыбалась.

— Он джентльмен старой школы. Особой статьи из этого не сделать, разве что всех удивит, что такие еще существуют.

Бакстер вцепился в последнюю фразу.

— Ты заметила что-то, о чем мне стоит узнать?

Она покачала головой.

— Это просто мои мечты.

— *Какие именно* мечты?

— Не ваше дело, босс.

Бакстер захихикал.

— Ладно, мечтай, если это не мешает твоей работе.

Она покосилась на его профиль.

— На дело о контрабанде меня навели именно слова графа.

— Он делится с тобой информацией? — удивился Бакстер.

— Нет, и не так, как наши неназываемые источники. Просто несколько недель назад он упомянул о проблемах со своей ком-

панией по доставке. И я решила посмотреть, только ли у него с этим проблемы.

— И выяснилось, что нет. — Бакстер хлопнул ладонью по стене. — Ладно, держи меня в курсе дела.

— Не сомневайтесь, босс, — ответила Соланж и начала работать над новой статьей, предвкушая ужин с графом, до которого оставалось не более трех часов.

Тихо улыбаясь, она пообещала себе, что сегодня ее посетят очень приятные сны.

Рэмси Кэмпбелл

ОБЪЯВЛЕНИЕ

— Это не я!

Добежав до угла отеля, я закричал как можно громче, но так-си уже добралось до перекрестка. И исчезло за углом раньше, чем я смог перевести дыхание. Три девчонки решили, что я, старая развалина, достоин их внимания. Я решил ответить комическим пожиманием плеч, но к тому времени они уже смотрели на двенадцать экранов телевизоров на витрине, на которых молча дергалась какая-то рок-группа. А я поплелся к вестибюлю, чтобы спросить, куда мне идти, и тут перед отелем появился лимузин.

Ага, значит, такси все же могло сюда подъехать, несмотря на запрещающий знак! Почему же таксист решил сделать для меня исключение? Сумму он не назвал мне, а выплюнул, словно я вообще не стоил поездки и времени, не говоря уж о такси. Я оскалился на лимузин, к которому от двери уже мчалась девушка в серой униформе. Она открыла дверцу, и на улицу выбрался мешок жира в ржавого цвета футболке и джинсах.

— Мистер Ригг не нуждается в вас сегодня, завтра вы отвезете его на сессию с раздачей автографов, — сказала она шоферу.

Его имя подтянуло меня ближе, как на веревке.

— Простите, вы Билл Ригг? Вы остановились в этом отеле?

Мятая футболка ответила на мой первый вопрос: на ней был принт обложки «Расшифрованный Коран», его последнего нашумевшего бестселлера. Рябое лицо поморщилось, губы сжались в ниточку, пока он смотрел вслед уезжающему лимузину, а мне наперехват бросилась девчонка в униформе.

— Мистер Ригг сегодня не дает интервью, — отрезала она. — Завтра он будет читать отрывок из своей книги и раздавать автографы в магазине «Текст».

— Это я знаю. — На случай, если меня приняли за поклонника, я уточнил: — Я сам писатель. И тоже буду на книжной ярмарке.

Ригг смог изобразить подобие заинтересованности. Получилось, правда, не очень.

— Мы с вами знакомы?

— Джозеф Николас Бреди. — Ни тени узнавания, и я решил назвать свою книгу: — «Абсолютно истинные и непререкаемые факты о Вселенной».

Ригг почесал бритый затылок.

— Как вы до такого додумались?

«В названии заключается половина дела», — объяснял я аудитории, расположившейся на складных стульях в серой комнате без окон. Моя книга — сборник сатирических новелл, которые якобы основаны на тайной истории, и все имена авторов использованных источников, указанные в сносках, были производными моего имени: Гарольд Фелан, Джоди Лейн, Себ Холланд, Салли Джойнер, Леонард Парр, Нил Бул, Дженни Чарльз, Эллен Спенсер, Сефира Харди, Джесс Ломан, Филлис Адлер, Джоан Бредли, Нед Слоан... Какая-то дамочка обвинила меня в цинизме. В ее руках я заметил потрепанный томик писанины Ригга на тысячу страниц, и спросил, верит ли она, что все элементы исламского искусства являются тайным кодом, призванным поработить мир. А потом я потерял терпение, потому что мне мешал читать чей-то голос. Поначалу я думал, что это кто-то из шести моих слушателей, но потом понял, что голос доносится из-за стены. И это был Ригг. Но не успел я спросить, где он выступает, как девушка сказала:

— Может, пойдем? Уже слишком поздно, и толпы поклонников здесь явно не предвидится.

Она обращалась не ко мне, и я не стал говорить, что не потерплю такого отношения. Я просто засел в баре, пока они не разошлись. И уже собирался уйти, когда на меня уставились порсячьи глазки Ригга.

— Разве вы остановились не в «Гранде»? Вы явно не рассчитывали меня здесь увидеть.

Я не лгу в своих книгах и не стал лгать ему, но это стоило мне усилий.

— Я поселился в мотеле.

— Нас привезли сюда по ошибке, — рассмеялась девушка и тут же сочувственно на меня воззрилась. — Мы скоро рассчитаемся. Издатель покрывает все расходы.

Мой издатель такого не предлагал, и экземпляров книги мне тоже не выделили.

— Вы уж следите за рекламой, — сказал я ей, больше рассчитывая на то, что покажу свой профессионализм. Плевать мне было на то, какие встречи они пропустят. — Не думаю, что парни, затеявшие выставку, хорошо разбираются в том, как привлечь внимание.

Девушка сделала вид, что размышляет над моими словами, а вот Риггу было плевать.

— Хороший автор сам себе реклама. Завтра разойдется остаток моего тиража.

Он явно выделялся. А мне, в отличие от него, приходилось подбирать слова, отчего голова гудела. Пока я размышлял, как сострить насчет того, что я не продаюсь, Ригг отвернулся.

— Пойду посмотрю на себя по ТВ, — заявил он и зашагал к автоматическим дверям с таким видом, будто снесет их, если они не откроются вовремя.

Девушка заморгала, глядя на меня.

— С вами все будет в порядке?

— Я не знаю, как добраться до своего мотеля.

— Он недалеко. Давайте я вызову вам такси.

— Просто объясните дорогу. Постараюсь не нарваться на толпу.

Она положила телефон обратно в сумочку и провела меня до угла с телевизорами, где указала, как идти дальше.

— Несколько кварталов по прямой, и вы окажетесь на месте. Физические упражнения очень полезны перед сном.

На миг мне показалось, что это намек, но она смотрела на меня только для того, чтобы убедиться, что я понял, куда идти. Дойдя до конца витрины с телевизорами, я обернулся. Ее там уже не было. Наверное, отправилась греть постель Риггу. Я покосился на очередное выступление рок-группы, и оно тут же сменилось его изображением. Слов было не разобрать, да я и не хотел. Про

себя я подумал, что Ригг наверняка возбуждается, глядя на свои кривляния перед аудиторией.

Я шагал по пустым улицам, и чем дальше я шел, тем более жалкими и бледными становились витрины. Десять минут спустя их начали закрывать ставнями. В конце квартала я заметил светящийся знак моего мотеля. Рядом с ним стояли несколько машин, торговавших фруктами с лотков, чуть дальше находился секс-шоп «Страстные парочки», на витрине которого гирлянды складывались в изображение пениса. Еще дальше — магазин с выпивкой, дверь которого кто-то так и не разбил до конца. А совсем рядом с местом моего ночлега располагался магазин подержанной одежды под названием «Превед экономным». От такого издевательства над словами я заскрипел зубами. За одной из витрин кто-то оставил работать телевизор, потому что мне послышался приглушенный голос Ригга. Я прижался ухом к проржавевшим жалюзи, плюнул, убедившись, что это он, и сердито зашагал к мотелю.

На вывеске не хватало букв. То, что трещало и светилось, с трудом читалось как «Псатель Рест». Стеклопанная дверь давно утратила любой намек на прозрачность. Я толкнул ее, и дверь сбила и без того комковатый коричневый ковер в крошечном холле. За конторкой никого не было, под ячейками для бумаг свернулся потрепанный пылесос. В одной из ячеек я заметил пожелтевшую от времени или тусклого света ламп записку. На плакате, косо прилепленном возле исцарапанной двери пассажирского лифа, кто-то криво написал «НиРаБоТаЕт». «Так вот каков ваш слоган», — заметил бы я, если б кто-то мог меня услышать. Пришлось просто пройти по пыльному и комковатому ковру к своей комнате.

Мотель был двухэтажным, но пока я добрался до второго, с меня уже ручьями тек пот. Впечатление от ландшафтов, которые повесили на стены, видимо, для того, чтобы разнообразить монотонность коридоров, смазалось из-за того, что центральное отопление работало на полную катушку в эту августовскую жару. Открыв дверь — выкрашенную в розовый, с алым номером «8», крепившимся одним болтом, — я оказался в комнате со стенами цвета старых костей. Если бы не жара, я подумал бы, что очутился на складе. Потрепанные пластиковые занавески на растянутой проволоке были закрыты. Я подошел и раздвинул их, но крошечное

двойное окошко открыть не удалось, рама разбухла от влаги. Я зарычал на него, да и на комнату в целом, особенно на мебель, которую, кажется, второпях сгребли на свалке и сдвинули в один угол. И зарычал громче, заметив телевизор, свисавший на кронштейне напротив кровати. Не удержавшись, я включил его, чтобы поискать Ригга.

Телевизор ожил с таким шумом, что я в отчаянии принялся искать, как его заткнуть. После нескольких попыток я все же нашел клавишу, которая убрала звук. По телевизору шел фильм, сценаристы которого не утруждали себя ни связными фразами, ни грамматикой. Следующий канал транслировал рок, который я с удовольствием заглушил, а вот по третьему каналу показывали беседу Ригга с литературным критиком, который наверняка должен был его прищучить. Надеюсь, что так и вышло. Потому что включить звук снова мне так и не удалось.

Я изо всех сил представлял себе, что лицо Ригга краснеет от стыда, а не от жары, но самодовольство с его рожки так и не сошло. Чуть не искалечив свои пальцы о пульт, я выключил телевизор и сбросил одежду на застиранное покрывало, решив отправиться в кабинку, служившую здесь душем и туалетом.

У занавески в ванной не хватало половины крючков. Вода из забитой душевой насадки била во все стороны, но регулировке не поддавалась, она была либо ледяной, либо слишком горячей. Я съежился в узкой ванной, пытаюсь справиться с душем, и услышал приглушенный голос. Пришлось уверять себя, что он обсуждает не мое тело. Выбравшись из ванной, я схватил единственное потертое полотенце с сушилки над растрескавшейся раковиной. Когда остаток воды стек в канализацию, я понял, что голос доносится из соседней комнаты. Слов разобрать не удавалось, но Ригга я узнал.

Пытаясь вытереться мерзким полотенцем, я вышел в комнату. Встал на колени на кровать и прижался ухом к стене, потом втиснулся между шкафом и трясущимся столиком, послушал там. Наверное, усталость сыграла свою роль: я никак не мог понять, кто из говорящих Ригг, мне даже казалось, что оба. Стоя между кроватью и столиком, ящик которого все никак не закрывался, я дважды прокричал:

— Вы не могли бы выключить телевизор?

Поначалу мне никто не ответил. Я закричал громче и заслужил сонные протесты и стук в обе стены, а вот речитатив Ригга продолжился как ни в чем не бывало. Я схватил телефон, который притаился за занавеской, нажал «0», чтобы вызвать дежурного и заглушить наконец Ригга. Телефон молчал, так что создалось впечатление, будто его голос доносится из трубки.

Я бросил ее на рычаг и натянул мягкую одежду. Сунув ключ с неудобным брелком в карман брюк, я помчался по коридору, и бормотание Ригга затихло, словно в печали. Но меня не обманешь. Стоило сунуть голову в комнату, и я снова услышал его голос. Захлопнув дверь, я побежал по коридору к лестнице без окон.

— Эй! — крикнул я в сторону приемной стойки. — Тут есть кто-нибудь?

И собирался повторить громче, но вдруг понял, что голос Ригга на самом деле доносится с улицы. Слова все так же были смазаны, но тембр и источник понятны: я увидел, откуда он вещает. Из фургона с громкоговорителем. Но что он вещал? Ригг наверняка решил оповестить всех о своем присутствии, а может, и организаторы вдохновили его на это. Но почему этот фургон застрял у моего мотеля? И как долго это будет продолжаться? Мне нужно поспать. Протянув дверь по ковру, я выскочил наружу.

Фургон был дальше, чем мне казалось, вот почему я не мог разобрать его слов. Он стоял за бетонной эстакадой в сотне метров от улицы, по которой я сюда пришел. Я напряг слух, но фургон зарычал мотором, заглушая слова. Проходя мимо стойки, я вздрогнул, словно меня схватили за плечи: Ригг четко произнес мое имя.

Но что он мог сказать обо мне в записанной речи? Или он все-таки сам находится в этом фургоне, вещает, вместо того чтобы смотреть телевизор? И что у него на уме? Впрочем, это не важно. Я не смогу заснуть, зная, что этот фургон катается по улицам и портит мою и без того не слишком безупречную репутацию. Возможно, мое имя мне почудилось, но я должен был в этом убедиться. Я вышел из отеля и побежал в сторону эстакады.

Она была шириной в четыре ряда и опиралась на массивные бетонные колонны. Все они были покрыты буквами, которые складывались в подобие слов, перекрещивались, становились инициа-

лами и путались с рисунками, достойными пещерных людей. За колоннами фонарей было меньше, освещение давали витрины круглосуточных магазинов. В конце первого квартала я заметил огни фургона, поворачивающего налево под невнятный голос Ригга.

Выбежав из-под эстакады, я заметил, что улицы вовсе не пусты. В тених между теми фонарями, которые еще не были разбиты, стояли женщины, которые что-то говорили мне. Я не собирался прислушиваться: ясно было, что они предлагают, и отвечать им я не намеревался. Но потом чуть не упал, когда одна из расчетливых мадам, одетая лишь в несколько кожаных ремешков, преградила мне путь.

— Чего ищешь, красавчик?

— Их. — Пытаясь отдышаться, я махнул рукой. — Мне нужны они.

Женщина выпятила грудь, ремешки затрещали.

— Только их? — Она наверняка приняла мои слова за намек на свое тело.

— Нет. Не их. — Я, задыхаясь, попытался ее обойти. — Его.

— Если ты ищешь «его», то тебе в другой конец улицы.

Ее подружки захихикали, обсуждая мои сексуальные предпочтения.

— Я не это имел в виду, — запротестовал я. — Разве вы не слышите?

— Тебя мы слышим отлично. И слышим, как жутко ты хочешь.

У меня не было времени на разговоры со шлюхами, тем более что ее слова чем-то напомнили мне заявления Ригга, равно как и шепотки на улице за спиной.

— Что ты сказала?

— Ты аккуратней со словами, милый. Прояви немного уважения, и мы ответим тебе тем же.

— Это вы должны проявить ко мне уважение, и некоторым тоже не помешало бы. — Я не должен был позволять себя провоцировать, тем более что так я мог упустить фургон. Фургон, из которого донеслось: «От него кто угодно заснет, он ведь жалкий зануда».

Но не мог же Ригг сказать именно это? Я поморщился и побежал дальше.

Фургон оторвался метров на сто и двигался чуть быстрее меня. Но теперь я, по крайней мере, мог его видеть. Я бежал мимо бе-

зымянных одинаковых домов, которые едва различал в свете уцелевших фонарей. Наверное, здесь были магазины, хотя вывески рассмотреть мне не удавалось. Огни фургона мерцали сигналом тревоги, и я представлял себе, как они горят, словно бумага. Как загораятся от них стопки его книг. Я не знал, стоит ли мне бежать за фургоном и как я собираюсь его остановить, тем более что звук моих шагов не позволял мне различить ни слова. Мелькнула даже мысль броситься под колеса, чтобы его арестовали.

Но я лишь вопил:

— Что ты сказал?!

— Что?

Сначала мне показалось, что это просто эхо. А затем объект, который я принял за пакет с мусором, оставленный под дверью, поднял голову и агрессивно ткнул в меня пальцем.

— Не обращайтесь на меня внимания. Что вы сейчас слышали?

— Тебя, пень глухой. Что ты орешь по ночам? Ты не имеешь права будить людей! Ты никто!

— Да, я никто. — Я смог отвлечься и даже рассмотрел мятое лицо бродяги, поэтому до меня не сразу дошли слова, которые я не хотел слышать. «Плывать на Бреди и его тупую книжонку».

Разве можно получить разрешение на трансляцию подобных заявлений? Водитель, что ли, пьян, обкурился или то и другое сразу? Бродяга попытался подняться, но рухнул под звон бутылок. Я потратил на него слишком много времени, а когда отвернулся, фургона нигде не было видно.

Зато прекрасно слышно. Я не мог поверить, что Ригг такое говорит.

— Видите его? Видите этого толстого ублюдка?

Я рванул в конец улицы и увидел, как фургон заворачивает за угол, на улицы, где хорошо освещенные мостовые соседствовали со спящими домами. Он наверняка разбудит множество людей. Я надеялся лишь на то, что им, как и мне, будет хотеться тишины. Но я бежал мимо домов и видел, что большинство окон разбиты. Если я не ошибался на бегу, то многие дома почернели от пожаров. По крайней мере, если дома пусты, никто не услышит, какими словами положит меня Ригг. Задышавшись, я добежал до поворота и схватился за гидрант. Фургона я больше не видел и не слышал.

— Избавился, слава богу, — выдохнул я.

Мне нужно было перевести дыхание, но помешал ответ:

— Это ты?

Шепот доносился из круглых дыр в оконном стекле темного дома. Кончено же, следовало сказать «нет», но не успел я вдохнуть, как голос прошептал:

— Не стоит шуметь. Мы не хотим, чтобы тебя слышали.

— Не только вы не хотите, — кашлянул я.

Еще один голос зашептал:

— Это он?

Последовали шаги и удары, кто-то что-то бормотал, пытаясь добраться до окна. Я отшатнулся, когда в нижней дыре окна появился глаз и часть помятого лица. Глаз был мутным, как валявшиеся под ногами использованные шприцы.

— Нет, — решил владелец глаза после некоторого размышления. — Это не он.

Я вдруг странно обрадовался этим словам, но голос Ригга вернулся именно в этот момент. Он теперь звучал издали, был более смазанным, поэтому я не уверен, что он произнес именно «игло-Бреди». Он издевался, давал советы или просто комментировал, что видит? Я так отвлекся, что не смог определить, что и кому сейчас говорю.

— Вас это тоже должно беспокоить, — обратился я к силуэту за окном. — Как и меня.

— Ты беспокоишь, приятель.

Ответ был полон угрозы. Я заметил блеск иглы, которой мне могли угрожать. Еще одна причина не задерживаться, но я надеялся, что обитатели комнаты не решат, будто это их я испугался, когда побежал вслед за фургоном. Я не трус. Я преследовал своего мучителя.

Дорога на следующей улице оказалась в два раза шире. Двухэтажные дома были разделены небольшими садиками. Возможно, именно эти проемы позволили мне различить голос Ригга с такого расстояния.

— Дайте его высочеству по башке. И наслаждайтесь гулом.

Ну почему никто, кроме меня, не протестует? В этих домах по несколько квартир, он же окружен людьми.

— Я тебе по башке врежу, дай только догнать! — закричал я, все силы вкладывая в бег.

Стоило мне разогнаться, как на втором этаже одного из домов распахнулось окно.

— Прекратите шуметь! — заревел мужчина. — Люди хотят спать!

— Я пытаюсь прекратить шум, — крикнул я в ответ. — Почему вы мне не помогаете?

— Если ты не заткнешься, я точно спущусь и помогу!

Он, наверное, не проснулся, потому что смысла в его словах не было.

— Вызовите полицию, — попросил я. — В такое позднее время шуметь запрещено!

Я хотел подождать, пока он не признает, что слышит Ригга, и не вызовет полицию, но меня взбесили комментарии из фургона.

— Бреди выдохся. Он конченный человек. Я слышал, как он читает. Меня это усыпило. Меня, я проснуться не мог!

Я выбежал на середину дороги и погнался за фургоном, размахивая руками. Мне хотелось сорвать с фургона репродуктор. Я рычал, потому что слов не осталось.

— Забавно, он говорит, что умеет писать. Он лжец. Пустышка. Он может только царапать непонятные значки на бумаге и выдавать жуткую чушь.

Слова Ригга начали превращаться в какой-то код.

— Пафосный, масляный, скользкий во всем, — диктовал он под протесты, которые неслись из окон домов.

Как ни странно, все эти протесты были адресованы не ему, а мне. Наверное, потому, что я был ближе, чем фургон, вот меня и решили сделать козлом отпущения. Я совсем выдохся, когда на полпути от меня до фургона возник прохожий.

Это была леди, выгуливавшая собачку в парке за домами. Я замедлил бег, чтобы не напугать ее. И перестал размахивать руками и кричать вслед фургону.

— Вы же слышите это, правда? — спросил я достаточно громко, чтобы мои слова наверняка донеслись до потревоженных обитателей квартир.

Свет уличного фонаря упал на ее бледное курносое лицо, густо намазанный помадой рот растянулся в улыбке.

— Вы тоже слышите? Ох, как хорошо.

Я не разделял ее восторга.

— Вы слышите, что говорят?

— Ну конечно, — сказала она с жеманной улыбкой. — А вы?

Она приближалась, придерживая свое длинное черное платье, и я заметил, что на поводке у нее вовсе не собака, а бесформенный мешок.

— Кажется, да. — Я попытался сосредоточиться.

— Скажите мне, что вы слышите, и я отвечу, правы ли вы.

Я сжал кулаки и заставил себя повторить последние слова Ригга.

— Он один. Бедный старый Бреди, печальный холостяк, никто его не хочет. Ни жены, ни детей. Один на один с мозгами.

— Ах, как грустно, — сказала женщина, подтягивая к себе мешок, который царапал асфальт какой-то коричневой, как мне показалось, веткой, торчащей из застёжки. — Это про вас?

— Думаю, да. Но он обо мне ничего не знает. Хотите, скажу, о чем его последняя книга? Он выпустил книгу тестов! «Насколько вы современны?» Оппортунист проклятый, разве нет?

Она явно пыталась меня не злить.

— Вам бы найти тех, кто всегда готов вас выслушать, — посоветовала она. — Просто найдите, и они всегда будут рядом с вами. Со мной мои дедушка и бабушка.

Я собирался спросить, как это связано с моими словами, но тут заметил, что ворота, из которых она вышла, ведут вовсе не в парк. За ними было кладбище. Вполне возможно, из мешка торчали ветки или цветы, которые она убирала, но проверять мне как-то не хотелось. Я почти с радостью услышал звуки вдаль: крики и звон разбитого стекла. Возможно, фургон разозлил толпу.

— Простите меня, — сказал я женщине, пятясь от нее как можно дальше.

Я дошел до угла кладбища и снова услышал звон стекла. Не скрою, мне хотелось, чтобы это оказалось окно фургона. Но это, наверное, была бутылка, потому что Ригг не замолк. Наоборот, в его голосе звучали радость и уверенность, слова стали четкими:

— Трахните Бреди, девчонки, — говорил он. — Уж поставьте. Исполосуйте ногтями старого пердуна.

Ему ответил не усиленный динамиками голос, который я почти не различил:

— Продолжайте, босс.

— Он рядом. За вами. Скользящий Джо Бреди. Настоящий принц. Нет, он козел. Лупите его, парни. Проломите ему голову.

Я замер, не в силах пошевелиться, и понял, почему голос стал громче. Фургон развернулся и теперь приближался ко мне. Его окружали голоса, которые были неразличимы, но их настрой был предельно ясен. Он вел за собой толпу.

Я развернулся в поисках подмоги. Ни следа женщины, хотя от нее все равно не было бы никакой пользы. Все окна закрыты. Я мог бы покричать в надежде, что кто-то вызовет полицию, вот только за кладбищем виднелся ярко освещенный и явно деловой квартал. Там мои шансы на помощь казались выше.

Когда жилые дома сменились административными зданиями, я не заметил, слишком увлекся бегом. Но тут были офисы и банки, эмблемы процветания, запертые, как сейфы. Я ощутил себя изгнанником, которого все игнорируют, а монолог Ригга преследовал меня и набирал обороты.

— Выколите ему глаза. Отрежьте нос. Оторвите уши. Проткните скальп. Раздавите яйца. Невелика потеря. Надеюсь, умрет.

Меняхватило всего на несколько шагов, а затем на дороге раздались рев и крики. Его последователи все никак не переходили к словам. Моя тень упала на асфальт, как жертва убийства, а когда я оглянулся, то понял, что они высветили меня прожектором.

— Я порвал его бумаги, — говорил Ригг. — Я разнесу ему голову. Он будет кричать. Он желе. Он никто. Я хочу, чтобы он страдал.

Он повторялся. Ему не хватало слов. Я довел его до того, что он растерял весь свой словарный запас, — но стиль и смысл его фраз стали мне наконец понятны. Он так не выражался, я же слышал, как он говорит. Ригг украл мою технику. Его послания были построены на использовании букв моего имени.

Без меня у него нет стиля. Он ничто, и я собрался ему об этом прокричать. Свет ослепил меня, однако я все еще слышал его

банду. Возможно, я пока не готов к схватке. Слева показался странно знакомый проход. Может, мне пока вернуться в мотель? Даже он сейчас казался уютным. И, едва подумав об этом, я нырнул на боковую аллею и побежал к свету в ее конце.

— Стой, Бреди! — кричал мне вслед Ригг, а потом я услышал, как мое рваное дыхание отражается эхом от стен.

Стены сжимались, я задевал их плечами на бегу. Я почти ничего не видел в полутьме после яркого света прожектора. Но как только я вынырнул оттуда, глаза привыкли к темноте и я понял, где нахожусь. Напротив было здание, в котором я проводил встречу, а слева стоял фургон с ретранслятором.

Я не медлил. Кто-то оставил бутылку на мостовой. Мне жутко хотелось выпить, но времени не было. Обернувшись, я заметил, что, несмотря на яркое освещение, улица странно пуста. А потом я вытащил мотельный ключ с тяжелым брелком. Если другие могли разбить стекло, то и мне это удастся. По крайней мере, в фургоне можно спрятаться. Я с первого удара вынес стекло со стороны водителя и расчистил раму от осколков. А потом открыл замок и забрался внутрь.

Теперь Ригга и его благодарной аудитории не было слышно. Благословенная тишина. И на улицах тихо, как и положено ночью. Ригга словно и не существовало. А раз уж я сюда забрался, то смогу и завести фургон. Сумею ли я скрыться? «Ни за что», — насмешливо сказал бы он, приняв надменную позу. Я не мог спустить ему это с рук, не мог сбежать. Раз уж он предложил мне словесную дуэль, я просто обязан его переиграть. Я буду говорить больше, я смогу выражаться лучше, нужно только понять, как работает громкоговоритель. Мне удалось найти нужную кнопку, и улица наполнилась звуками моего сбитого дыхания. Что выбрать, сарказм или лесть? Стоит мне ошибиться, и главный калибр выпалит вхолостую. Соберись, Бреди. Выбери и не медли. Я буду отвечать тихо.

И все же был неприятный момент, когда я растерял все слова.

Но я понял, с чего нужно начать.

Я подтянул к себе микрофон и сказал:

— Это не я.

Гэхэн Уилсон

ЧЕРТОВЫ КУЛИЧКИ

Движением, успевшим за это утро превратиться в нечто вроде нервного тика, Барстоу снова прижался лицом к грязному стеклу широкого центрального окна своей студии и тревожно вгляделся вдаль, вдоль людной городской улицы, ведущей на запад в направлении Манхэттена.

Сначала он с привычным разочарованием расслабился, но затем неожиданно распрямился, а его цепкие маленькие, глубоко посаженные глазки загорелись восторгом, когда он заметил сверкающее черное пятно, которое плавно, как акула, двигалось в разномасштабном потоке транспорта.

Барстоу победно сжал кулаки, увидев, как пятно направляется к старинному зданию, на чердаке которого располагалась его студия, и с ликованием наблюдал, как по мере приближения оно приобретает очертания длинного лимузина, почти неуместного в своем величии среди разрисованных фургончиков доставки и немых поддержанных автомобилей, покрытых шрамами многочисленных царапин и вмятин.

Машина, без сомнения, принадлежит Максу Ретчу, его старому знакомому и по совместительству владельцу одной из самых престижных галерей Нью-Йорка. Он приехал, как и обещал!

Барстоу отвернулся от окна и в последний раз обвел горящим взглядом картины, которые всю неделю отбирал для показа Ретчу. И с удовольствием отметил, что в сером свете студии грубые мазки масляной краски приобрели на холсте зловещий блеск, а портреты и городские пейзажи таятся по углам, как воры, создавая то самое впечатление опасности и угрозы, которого он так искренне старался добиться.

Внезапный наплыв сомнений заставил художника резко развернуться и броситься к окну: как раз вовремя, чтоб увидеть, как рослый шофер открывает пассажиру дверцу и тут же словно усыхает

на фоне появившегося высокого и дородного Ретча. Торговец предметами искусства шагнул на тротуар, а следом с проворством ручной крысы выскочила Эрнестин, его неизменная помощница.

Барстоу нервно оглядел улицу и приглушенно выругался, заметив миссис Фенджи с сыночком Морисом, которые, ритмично переваливаясь на ходу, взяли точный курс на приближающихся посетителей. Он видел нетерпеливо выпученные глаза миссис Фенджи, которая семенила изо всех сил, насколько позволяла ее жабья походка.

Старой сумасшедшей отчаянно хотелось прицепиться к экзотическим чужакам и посплетничать, а Барстоу слишком хорошо знал, насколько это недопустимо.

Он сжал кулаки и затаил дыхание, сердце заныло от предчувствий, и Барстоу страстно взмолился, желая лишь одного: чтобы торговец и его помощница не обернулись, чтобы они не заметили приближавшуюся парочку.

Когда Ретч и Эрнестин уверенно проследовали от лимузина к крыльцу его дома, не столкнувшись с Фенджи и даже не удостоив их взглядом, Барстоу накрыла волна огромного облегчения.

Раздался дверной звонок. Барстоу бросился к домофону, открыл подъезд и прокричал инструкции для гостей: как отыскать грузовой лифт, которым им нужно воспользоваться, а затем поспешил к двери студии, чтобы распахнуть ее настежь.

На лестничной площадке пятого этажа он сначала стоял, потирая руки и прислушиваясь к завываниям и грохоту поднимающегося лифта, а затем подошел ближе, чтобы успеть открыть скрипучую дверь в момент прибытия кабинки.

Ретч, сопровождаемый Эрнестин, величественно шагнул наружу, глядя на Барстоу большими синими глазами.

— Да, да, — произнес он звучным басом. — Дорогой мой, ты не соврал, когда сказал, что переехал из Манхэттена к черту на кулички!

— Чтобы добраться сюда, мы потратили столько же времени, сколько занимает эта жуткая поездка в Хэмпстонс! — резко заметила Эрнестин из-за его спины.

— Я и сам сначала был не в восторге от того, что живу так далеко, — извиняющимся тоном признался Барстоу. — Но потом

я привык к этому месту, и оно даже стало для меня источником вдохновения!

— Чрезвычайно интересно, — пробормотал Ретч, не сводя с Барстоу любопытного взгляда, затем повернулся к своей помощнице. — Правда же, Эрнестин, мы не можем винить беднягу Барстоу в том, что он живет так далеко. Арендная плана в Манхэттене вынуждает всех художников — кроме невероятно успешных — ютиться в странных уголках вроде этого.

Он приветливо взглянул на художника и по-хозяйски положил огромные ладони в перчатках на узкие плечи Барстоу.

— Но давайте перейдем к делу. Предчувствие говорит мне, что увиденное здесь оправдывает неудобства пути.

Он наклонился еще ближе, почти коснувшись Барстоу широким розовым лицом. В глазах дельца застыло выражение лукавой симпатии.

— Я прав, Кевин? — прошептал он. — Я и впрямь чую прорыв? Могу ли я надеяться, что тот потенциал, который я всегда чувствовал в тебе, наконец-то расцвел?

От дыхания Ретча кожа на лице Барстоу покрылась испариной, и Барстоу выдавил улыбку, которой перепуганный ребенок мог бы встретить живого и страшного Санта-Клауса, вдруг выбравшегося из семейного камина.

— Думаю, да! — прошептал он в ответ. — Нет, я уверен!

Ретч несколько минут внимательно всматривался в него, а затем отпустил и театральным жестом указал на открытую дверь студии.

— Так води же нас!

Не трата более времени на разговоры, все трое немедленно занялись делом. Барстоу осторожно и ненавязчиво водил Ретча и Эрнестин от картины к картине, стараясь не слишком семенить и при этом держаться чуть впереди, а дородный Ретч вдумчиво и элегантно переходил от одной работы к другой.

Изученные Ретчем картины Барстоу уносил к задней стене, а затем осторожно выдвигал вперед те работы, которые еще хотел показать.

На лице и руках у него выступила незаметная, как он надеялся, но вполне отчетливая испарина. Прислоняя очередную картину к ножке мольберта и поправляя их расположение в серии

связанных одной темой работ, он не раз чувствовал, как по рукам пробегает непроизвольная дрожь. Все силы уходили на то, чтобы дышать ровно и бесшумно.

Насколько положительно Ретч воспринял его новые работы, Барстоу так и не понял, но с каждой минутой его уверенность росла. И пусть с начала медленного обхода студии дилер не проронил ни слова, Барстоу почувствовал, как крепнет надежда, заметив явные признаки интереса к своим картинам.

Хорошим знаком было уже то, что время от времени Ретч замирал на несколько минут перед той или иной картиной. А когда дилер снял перчатки и затолкал их в карман своего каракулевого пальто, чтобы осторожно потрогать толстыми, но чувствительными пальцами ямочку под пухлой нижней губой, Барстоу ощутил, как внутри нарастает пульсирующая волна триумфа. Долгие годы опыта говорили ему, что этот жест у Ретча означает признак величайшего одобрения.

Спустя час, который показался Барстоу чуть ли не веком, Ретч остановился перед главной из всех работ. На большой картине гигантская обнаженная женщина смотрела в хорошо узнаваемое окно студии на голубей, облепивших подоконник.

Он очень долго стоял не шевелясь и глядя на картину без всякого выражения, затем его губы изогнулись в довольной усмешке, которая становилась все шире и шире, пока наконец Ретч не повернулся к Барстоу, демонстрируя полный набор устрашающих зубов, и не разразился восторженными аплодисментами.

— Браво, Кевин, браво! — воскликнул он, разводя руки в стороны, словно шпрыхсталмейстер крупного цирка, и радостно окидывая взглядом окружающие его картины.

Эрнестин, которая до сих пор тихо следовала за начальником, впервые подала знак того, что проект увенчается успехом, вынув из сумочки записную книжку и приготовившись стенографировать все, что будет сказано с этого момента и может иметь историческую или юридическую ценность.

— Спасибо, Макс, — сказал Барстоу. — Огромное вам спасибо!

— Нет-нет, Кевин, это *тебе* спасибо! — произнес Ретч, утонченным движением широкой ладони обводя комнату. — Ты не

только заработаешь себе и моей галерее огромные деньги, ты обеспечишь себе вечную славу и известность.

Кровь прилила к голове, и Барстоу на миг испугался, что может в буквальном смысле потерять сознание от радости. Ретч всегда поддерживал его, иногда даже поощрял, но такого восхищения и признания он в жизни ни от кого не видел.

Он, словно в тумане, наблюдал, как Ретч чуть ли не танцует от одной картины к другой, нежно похлопывая и поглаживая края натянутых холстов и даже порой останавливаясь, чтобы вдохнуть аромат краски.

— Друг мой, это работа, для которой ты был создан, — произнес он. — Все, что ты делал раньше, было лишь обещанием того, что последует, — всего лишь намеком!

Он остановился у картины, изображающей гротескного горбатого торговца газетами с пустыми глазами. Торговец выглядел из узкого темного провала дешевого киоска, заставленного газетами, заголовки которых пестрели сообщениями о войне и чуме, скандальными журналами с яркими фотографиями искалеченных уродов и рыдающих знаменитостей. Ретч одобрительно улыбнулся, глядя на узкие щелочки глаз на страшном, изъеденном оспой лице гротескного персонажа, больше всего походившего на крокодила.

— Ты очень убедительно изобразил внутреннее сходство этого мерзкого типа с рептилией. Достоверность ощущения поражает, — тихо шептал он, поглаживая шляпки шпилек, крепящих холст к раме.

Затем Ретч отошел на шаг и продолжил изучать картину.

— Забудь о Бэконе, мой дорогой. Забудь даже о Гойе.

— Даже о Гойе? — У Барстоу перехватило горло, он сглотнул и подошел к забрызганному краской табурету, опасаясь, что не удержится на ногах. — Вы сказали, даже о Гойе?

Ретч улыбнулся, и впервые за все годы долгого знакомства с Барстоу его широкая зубастая улыбка светилась почти материнской нежностью.

— Даже о Гойе, — прошептал Ретч, нежно похлопывая художника по бледному лбу, стирая испарину. — Ах, все эти образы родились в этой маленькой черепушке! О, это таинство таланта созидания!

Он шагнул к очередному зловещему полотну, на котором витрина соседней мясной лавки была до отказа забита влажно блестящими фрагментами расчлененных животных, художественно разложенных для продажи. Ретч театрально прищурился и ловко скопировал речь музейного гида.

— Здесь вы видите, как художник тактично намекает и при этом ухитряется не показать открыто, что разнообразие мяса на витрине может оказаться намного ужаснее ассортимента обычного магазина. Вот, например, этот круглый стейк с крупной овальной косточкой. От чего от отрезан? От задней ножки ягненка или же от бледного и нежного бедра соседской школьницы? Как вам это? Как?

Он издал зловещий театральный смешок и перешел к картине с ночной сценой: одинокий тусклый фонарь освещает перепуганную сгорбленную старуху в черном траурном платье, которая идет по покрытому трещинами тротуару и тревожно всматривается в непроглядную тьму старой городской улицы.

— Я восхищаюсь тем, как ты передал зрителю уверенность, что там, на поблескивающем асфальте узкой улочки, есть... *не-что*... и что оно приближается к женщине с противоположного тротуара! — прошептал Ретч с неподдельным благоговением. — Когда картина сообщает что-то зрителю вот таким образом, это, мой дорогой мальчик, настоящее волшебство! Чары! Не сомневайся, критикам никогда не надоест писать рецензии, соревнуясь друг с другом в попытках объяснить идею этой картины!

Затем он указал на полотно, где под ярким солнцем полицейский широко открывал рот, опустившись на колени в толпе зрителей над человеком, которого он, несомненно, только что застрелил. Все персонажи с ужасом глядели на существо, которое выползло из окровавленной дыры на груди мертвеца и злобно тарашило на полицейского тусклые глазки.

— Но настоящее чудо этих новых работ заключается в их невероятной убедительности! — Ретч нежно, почти любовно поглаживал блестящую морду твари, ползущей из трупа. — Хотя это на меня и не похоже, но я действительно могу предположить, что подобное создание существует на самом деле, что оно даже до сих пор обитает в каком-нибудь уголке тюремного госпиталя!

Он повернулся к Барстоу, взгляделся в него и похлопал художника по тому самому месту, где у трупа на картине была изображена отвратительная рана.

— Тебе, Кевин, как-то удалось развить в себе способность рождать образы одновременно совершенно фантастические и абсолютно реалистичные, — серьезно сказал торговец. — За всю свою карьеру я ни разу не сталкивался с настолько гротескным и жутким фантастическим видением мира, да еще и выраженным столь убедительным образом. Я одновременно напуган и восхищен.

Он сделал паузу, чтобы еще раз с неприкрытой любовью изучить отвратительное существо на картине, и тихо, почти неслышно прошептал:

— Мы станем невероятно богатыми.

Затем едва ли не с благоговением повернулся к самой большой картине, расположенной в центре комнаты: той, на которой была изображена бледная слоноподобная женщина, обнаженная, смотрящая на улицу из окна студии. Мертвенно-бледная спина огромного создания, лениво наблюдающего за стайкой голубей, была обращена к зрителю. Странного вида голуби топтались на подоконнике и виднеющейся на заднем плане пожарной лестнице.

— Это, как, я уверен, ты знаешь и без меня, главная работа экспозиции, — очень серьезно произнес Ретч, а затем с интересом взглянул на художника. — У этой картины есть имя?

Барстоу кивнул.

— Я зову ее Луизой, — сказал он.

Ретч глубокомысленно кивнул.

— Да, словно имя модели, с которой ты писал картину, — одобрительно заметил он. — И от этого впечатление, что ты изобразил реально существующее чудовище, только усиливается.

Эрнестин же, напротив, утратила присущую ей деловую беспристрастность и смотрела на полотно с неприкрытым отвращением.

— Господи! — прошептала она. — Вы только взгляните на ее руки! Посмотрите на ее *когти*!

Ретч с огромным удовлетворением заметил очевидный страх в глазах помощницы.

— Видите? — шумно обрадовался он. — Ваше чудовище серьезно взволновало даже мою невозмутимую Эрнестин.

Барстоу во второй раз услышал из его уст это определение, и по его лицу неожиданно пробежала судорога.

— Я не считаю ее чудовищем, — сказал он.

Ретч посмотрел на шуплого художника с некоторым удивлением, которое затем сменилось пониманием.

— Ну конечно, не считаешь, — согласился он и вычурным мягким жестом обвел все окружающие их картины. — Так же как ты не считаешь чудовищами и всех остальных созданий на других полотнах. Как и на работах Гойи, они изображены с благожелательностью, я бы даже сказал, с любовью. В этом секрет их очарования.

Затем, после глубокомысленной паузы, Ретч снова повернулся к картинам и принялся ходить вокруг них, тихо диктуя указания и свои наблюдения частично пришедшей в себя Эрнестин. Барстоу стоял рядом и наблюдал за ними до тех пор, пока не заметил сбоку какое-то движение. Глаза Барстоу расширились от ужаса при виде большой стаи голубей, расположившейся на наружном подоконнике и старинной кованой пожарной лестнице.

Он тихо и осторожно подошел к окну, но, хотя несколько птиц при виде его неуклюже упорхнули, большая часть стаи не обращала на него никакого внимания.

Эта стая казалась слегка более пестрой, чем привычные голуби Манхэттена. Дело было не только в их необычном и красочном оперении — от игривых завитушек и звезд, похожих на работы Матисса, до размытых переходов цвета в стиле Моне и четких геометрических узоров из черных, серых и грязно-белых элементов, сильно напоминающих абстракции Мондриана, — их тела тоже сильно отличались друг от друга.

Например, голубь, клюющий подоконник совсем рядом с левой рукой Барстоу, был размером с кошку, а на спине его отчетливо просматривался горб. Другой, рядом с первым, был настолько узким и тонким, что его тело казалось змееподобным продолжением шеи. А рядом сидел пульсирующий пернатый пузырь с крыльями и странно перекошенным клювом.

Барстоу тайком оглянулся, дабы убедиться, что Ретч и Эрнестин поглощены описаниями и подсчетами. Затем снова вы-

глянул на улицу и пришел в ужас, заметив, что один из голубей слез с подоконника и начал неуклюже, но уверенно шагать вверх по грязному оконному стеклу, присасываясь к нему толстыми, словно резиновыми лапками. Другой, поочередно сжимая и вытягивая тело странными, болезненными и неприятными толчками, полз вверх по нижней стороне поручня пожарной лестницы и больше всего напоминал червя с яркими блестящими глазами.

Барстоу снова исподтишка взглянул на гостей, убедился, что они не заметили ничего необычного, и сделал несколько быстрых и резких движений, которые, к его облегчению, испугали голубей. Стая неуклюже снялась с подоконника и пожарной лестницы и скрылись из виду.

Наконец, после обсуждений и планирования, которые, казалось, тянулись целую вечность, Ретч и Эрнестин вместе с вызванным наверх шофером спустились в скрипящем лифте, унося с собой очень приличную подборку полотен и оставив Барстоу наедине с его триумфом и колоссальной усталостью.

Он подошел к табурету, стоявшему рядом с мольбертом, и с глубоким вздохом опустил на него. Ему понадобится некоторое время, чтобы набраться сил и пошевелиться.

До Барстоу донесся тихий звук открывшейся позади него двери, и он улыбнулся, слыша раздающийся все ближе и ближе скрип половых досок студии, проседающих под весом Луизы. Когда она наклонилась над ним, Барстоу с благодарностью вдохнул острый и слегка отдающий плесенью запах ее тела.

Он почувствовал тяжесть гигантских грудей, опустившихся ему на плечи, и вздрогнул от удовольствия, когда она начала неразборчиво ворковать и гладить его по голове с нежностью, кажущейся невероятной для ее устрашающих огромных когтей.

— Ему понравились картины, — пробормотал Барстоу, расслабленно откидываясь спиной на ее обширный живот. — Он готов купить все работы, которые я нарисую. Мы разбогатеем, Луиза, ты и я. И миллионы будут восхищаться твоим портретом. Миллионы. Они увидят, насколько ты прекрасна.

Она снова заворковала, затем осторожно втянула когти и принялась массировать его узкие плечи, чтобы снять напряжение.

Рик Пикман

ТЕМНЫЕ ДЕЛИКАТЕСЫ МЕРТВЫХ

Их притягивает место. Они не знают почему, просто помнят, что хотят там оказаться.

*Питер из кинофильма «Рассвет мертвецов»,
реж. Дж. Ромеро*

Когда ад переполнится, мертвые выйдут из могил.

*Из песни «Электрический Франкенштейн»
панк-рок-группы
«Рассвет электрического Франкенштейна»*

Скверно, но факт: самая масштабная в истории «Темных деликатесов» раздача автографов превратилась в какой-то апокалиптический парад ужаса и хаоса.

Хотя начиналось все очень даже хорошо.

Это мероприятие устроили в честь выпуска кинокомпанией «Нью лайн синема» первого фильма из серии «“Темные деликатесы” представляют». Совладелец магазина Дэл Ховинсон снялся в роли ведущего с черным чувством юмора в стиле «Бак из склепа». В честь выхода фильма Дэл и его жена Сью, приложив немало усилий, собрали в своем магазине сорок девять авторов, двадцать четыре художника, четырех редакторов, шесть режиссеров, десять актеров и еще троих типов, о чем вклада в общий проект ничего не было известно, но которые тем не менее ставили автографы на всем, что им подносили. Когда все гости расселись по местам, Сью и Дэл с досадой осознали, что в магазине практически не осталось места для посетителей. Сью поставила у дверей одного из своих сыновей, Скотта, чтобы тот выпускал покупателей по одному и по одному же выпускал. Вто-

рой сын, Джейсон, стоял вместе с ней за прилавком, отвечая по телефону на вопросы. Сотни почитателей ужасов, прижимая к себе книги, плакаты и DVD-диски, выстроились снаружи магазина в очередь длиной в четыре квартала и с растущим нетерпением ждали, когда придет их черед. Две принадлежащих Дэлу и Сью черных собаки, полукровки Мортиша и Гомес, опасливо взирали на эту неразбериху из-за проволоочной сетки, натянутой за передним прилавком.

Конечно, большинство фанов пришли сюда только из-за нескольких приглашенных. Сью и Дэлу удалось привлечь для этого события парочку знаменитостей. Здесь присутствовал Клайд Вуфер, потрясающе красивый британский писатель, который двадцать лет назад добился ошеломляющего успеха на поприще ужасов, благодаря своей... потрясающей красоте. Его карьере даже не смог повредить тот факт, что он в придачу был умным, обаятельным и писал истории, в которых на каждом шагу упоминался секс в самых извращенных формах. Здесь также был Ричард Гров, актер, прошедший классическую школу бездарного трэша и проснувшийся знаменитым после съемок в первой научно-фантастической телеадаптации Шекспира «Мехбет». Сейчас он играл в «Темные деликатесы» представляют: Распродажа криков». Еще здесь присутствовал легендарный Рэй Бюмон, который в свои 112 лет все еще радостно улыбался из своего кресла легионам поклонников и рассказывал им о своем детстве в Иллинойсе. Плохо было то, что он пребывал в уверенности, будто *прямо сейчас* находится в детстве и в Иллинойсе.

Первый признак того, что Дело Пошло Не Так, появился ровно в 3:30 пополудни. В конце сентября день выдался ясным и безоблачным, солнце по прежнему стояло высоко в небе, прожаривая Южную Калифорнию до 85 градусов по Фаренгейту. Скотт ожидал, пока очередная посетительница закончит свои дела, чтобы впустить следующего, когда снаружи до него донесся вопль.

— Что там? — спросила измученная Сью, которая стояла за прилавком, пытаясь спровадить девушку готической наружности, с черными волосами, накрашенными черным лаком ногтями, черной подводкой для глаз и невероятным количеством папочкиной наличности.

Скотт высунул голову наружу и попытался заглянуть за угол магазина.

— Не знаю. Наверное, до кого-то дошло, что ему нужно сначала купить книжку Клайда, чтобы получить его автограф.

Посетительница наконец-то ушла, и Скотт впустил следующего, мужчину с небольшой ручной тележкой, полной коробок с книгами.

Дэл, болтавший с известным британским редактором Стивом Смитом, отвлекся и нахмурился, заметив посетителя — уродливого типа средних лет, с неухоженными волосами и скользкими манерами. Он извинился и подошел к мужчине, который как раз принялся разгружать коробки.

— Барри Крейвен, если я не ошибаюсь?

Тот повернулся к нему и, гадко улыбаясь, с готовностью протянул руку.

— Приветик, Дэл, как оно?

Дэл не стал пожимать ему руку.

— Барри, ты хочешь что-нибудь купить?

Барри опустил руку и резко окрысился.

— Да ладно, Дел, ты же знаешь, я постоянно беру у вас книжки...

Из-за прилавка раздался вопль.

— Вон! — приказала Сью.

Автор, перед которым Барри вывалил первую кипу книг, специализирующийся на оборотнях посредственный писатель по имени Керри Браттнер, занервничал.

— Дэл, я купил книгу Стивена Кинга, когда он в прошлый раз раздавал здесь автографы...

— Барри, мы никогда не приглашали к нам Стивена Кинга.

— Вон! — Второй вопль Сью был еще пронзительнее предыдущего.

Дэл повернулся и махнул Скотту. Баррихватило одного взгляда на приближающегося здоровяка, чтобы выхватить свои книги прямо из-под ручки Браттнера и начать торопливо собираться.

— О'кей, о'кей. Меня уже нет.

Он ушел, больше не создавая проблем. Скотт взглянул на следующего в очереди и заметил очередную тележку с коробками.

— Мне его впустить?

Дэл посмотрел на парня.

— Да, это поклонник, а не торгош. Он и вправду что-нибудь купит.

Скотт сделал шаг назад и махнул рукой, приглашая войти.

И только сорок минут спустя начался настоящий вброс дерьма на вентилятор. Последний посетитель собрался уходить, и Скотт неожиданно понял, что за ним никого нет.

— Эй, Дэл, думаю, у нас все.

Дэл, который как раз общался с известнейшим жанровым режиссером Гильермо дель Психо, извинился и подошел к Скотту.

— Но пять минут назад здесь стояло сотен пять народу...

— Я знаю, но... сам посмотри.

Скотт указал на короткий коридорчик, который служил входом в магазин. Там никого не было. Дэл нахмурился и пошел к входной двери. Открыл ее, высунул голову и посмотрел по сторонам.

Улица была пустой, насколько хватало взгляда. Светофор мигал. Ни шума толпы, ни гула транспорта, ни рева самолетов. На ближайшем перекрестке лежал перевернутый автомобиль. В квартале от магазина на автостоянке горел небольшой костер. Ветер принес газету и прижал ее к стене здания возле Дэла. Заголовок гласил: «ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ».

«Ха!» — фыркнул про себя Дэл.

Он вернулся в магазин, задержавшись возле Скотта.

— Уже все? — спросил Скотт.

— Не-а, — заверил его Дэл. — Ты же знаешь, посетители приходят волнами. В любую минуту может начаться новый наплыв.

Дэл зашел за прилавок и наклонился к Сью.

— Кинокомпания собиралась сегодня устраивать какую-либо рекламную акцию?

— Мне об этом ничего не известно. А что?

В этот момент рядом раздался крик:

— Эй, у нас кончилось пиво!

Дэл и Сью переглянулись, Сью вздохнула и закатила глаза. Они оба знали, что голос принадлежит Ли Эдвардсу, правящему королю экстремальной литературы, которая получила свое название за то, что в большинстве своем была экстремально

отвратительной. Дэл вышел из-за прилавка и стал проталкиваться мимо скользящих авторов и рисующих каракули художников в направлении пластикового бочонка на 55 галлонов, который он наполнил пивом менее получаса назад. Добравшись до цели, он увидел, что там действительно осталось только на два пальца жидкости и несколько полурастаявших кубиков льда.

— Что случилось? Я же его только что наполнил!

Эдвардс громко отрыгнул и откинулся на стуле, поставив его на две ножки.

— И что? Наполни его снова.

Дэл немигающим взглядом уставился на Эдвардса.

— Пива больше нет. Поверить не могу, что ты все выпил!

Ножки стула Эдвардса со стуком опустились на пол.

— Поверить не могу, что вы не купили еще гребаного пива!

Дэл как раз собирался ответить, когда из передней части магазина до них донесся вопль Сюю:

— Мы не собираемся покупать еще пива!

Эдвардс неожиданно вскочил на ноги.

— К черту! Я сам его куплю.

Он принялся прокладывать себе дорогу к выходу, вызвав волну косых взглядов и шепота. Эдвардс даже ухитрился оттоптать пальцы Клайду Вуферу.

— Прости, чувак, — пробормотал он и продолжил свой путь.

— Все в порядке, — дружелюбно ответил Вуфер. Затем, когда низкорослый, засаленный и плохо пахнущий Эдвардс вышел, он добавил: — Мелкий надутый урод. Рад, что он ушел.

— Клайд, он вернется, — ответил Дэл, который, ясное дело, подслушивал.

— Да, — произнес Клайд со сногшибательно прекрасной улыбкой. — Такие, как он, всегда возвращаются.

Полдюжина авторов женского пола, собравшихся вокруг Клайда, с готовностью захихикали, хотя всем им было известно, что он безнадежно голубой. Затем автор вампирских романов слева от Клайда мечтательно подумала: «На месте своей графини Сондры я обязательно укусила бы Клайда», а автор вампирских романов, стоявший от него справа, явно задумался, не стоит ли заставить своего персонажа, графа Сент-Френсиса, сделать то же. «Если

в первой главе дать горячую сцену гейского секса, я, пожалуй, смогу продать еще десять тысяч экземпляров».

В этот момент Дейн Кетчусон, мастер жанра, который к своим тридцати с лишним годам внушал страх не столько читателям, сколько своим партнерам по ужину, встал и заявил:

— Я иду перекурить. Никто не хочет присоединиться?

Ему составил компанию только пожилой и всеми уважаемый Клей Джон Джорджсон. Он всегда так делал. И никто не знал почему.

Пять минут спустя, когда Дэл болтал с актрисой легкого порно Глори Оскви, передняя дверь с грохотом распахнулась. Дэл развернулся на месте и увидел входящего в магазин Дейна, который шатался и держался за левую руку. На его твидовом пиджаке виднелась кровь.

— Этот сукин сын только что попытался меня укусить!

К Дейну подбежали Дэл и Скотт.

— Кто это сделал, Дейн? — спросил Дэл.

— Этот... Этот тупой мальчишка, который отвратительно пишет...

— Ли Эдвардс? — спросил Скотт.

— Точно! Он снаружи и ведет себя, как... я не знаю...

— Как пьяный? — предположил Дэл.

Как раз в этот момент дверь снова распахнулась и внутрь, спотыкаясь, вошел Ли Эдвардс, который выглядел даже хуже обычного. Его кожа стала на несколько тонов бледнее, нижняя часть лица была в крови, а глаза невозможным образом одновременно были мутными и при этом ярко горели. Он, шатаясь, пошел вперед, издавая странные низкие горловые звуки.

— Ты купил пива? — спросил кто-то, стоявший позади Дэла.

Дэл заметил, что на одном из пальцев Ли болтается упаковка на шесть банок, двух из которых уже не доставало.

А затем Ли набросился на Дейна. Упаковка пива упала на пол. Руки со скрюченными, как когти, пальцами сомкнулись на пиджаке Дейна, а широко открытый рот начал подбираться к крови на его рукаве.

— Видите? Он снова за свое! — заорал Дейн.

Скотт встал рядом и предостерегающе уперся ладонью в тощую грудь Ли.

— Слышь, братан, ты че?

Ли неожиданно обернулся и щелкнул на Скотта зубами.

Скотт отпрыгнул, широко открыв глаза от удивления.

— Ма-а-м! Мне кажется, что он зомби!

— Не говори глупостей, — ответила Сью. — Может, тебе и не нравится его творчество, но все равно нельзя его так называть...

— Да нет, мам, я серьезно! — Скотт пятился прочь от наступающего Эдвардса, который теперь не сводил красно-серых глаз с его шеи. — Я хочу сказать, что он на самом деле зомби. В смысле — ходячий мертвец-каннибал!

— Ну все, парень, — выступил вперед Дэл. — Убирайся отсюда.

Он схватил Эдвардса за руку и развернул его спиной к парадной двери. Затем поднатужился и изо всех сил приложил Эдвардса ботинком в грудь. Эдвардс вылетел на улицу, распахнув спиной дверь, и его тело приземлилось на тротуар со звучным шмяком. Когда он снова попытался подняться на ноги, Дэл подскочил к двери и сунул в скважину ключ. Эдвардс врезался в дверь через миг после того, как ее заперли.

— Да и книги твои тоже полный отстой! — прокричал Дэл в лицо нежити, прижавшейся к стеклу.

И только тогда его осенило.

— А как же Клей? Он до сих пор снаружи!

Словно отвечая на его вопрос, за спиной Ли Эдвардса возник шатающийся мутноглазый Клей.

— Вот дерьмо, — тихо выругался Дэл. Ему всегда нравился этот старый хиппи. — Клей тоже труп.

— Да нет! — горячо произнес Дейн — Он просто обкурился!

Как раз в этот момент Клей наконец заметил ломящегося в запертую дверь зомби, и его глаза полезли на лоб от ужаса. Не медля ни секунды, он развернулся и бегом припустил вниз по улице.

— Удачи, Клей! — крикнул ему вслед Дейн.

В это момент собаки, Мортиша и Гомес, принялись рычать, не спуская глаз с Дейна.

— В чем дело, девочки? — спросил Джейсон, пытаясь их успокоить.

— Я скажу тебе, в чем дело! — ответил Скотт. — Его укусили, и теперь он станет таким же, как Ли!

— Это нелепо, — не согласился Дейн, трогая кровоточащую рану на руке и морщась. — Я никогда не смогу так отвратительно писать.

Джек Скатт, один из знаменитых основоположников сплэт-терпанка и соиздатель нескольких известных антологий рассказов о зомби, вышел вперед.

— Он прав, Дэл. Дейна обратили.

— Господи, Скатт! Сначала ты не захотел публиковать мои рассказы в своих сборниках, а теперь еще и это! — пожаловался Дейн.

Дэл, не обращая на него внимания, обратился к Скатту.

— И что же нам делать?

— Мне жаль, но мы должны вытолкать его, — он кивнул, указывая на Дейна, — на улицу, а затем забаррикадировать дверь и витрину.

Словно в подтверждение его словам, от витрины донеслось громкое «Бам!».

— Эй, осторожнее там! Мы не можем себе позволить замену такого дорогого стекла! — крикнула Сью тому, что было снаружи.

В этот момент в обсуждение вмешался еще один человек. Это был Джо Сомлюмкунц, действующий президент ТОХ (Творческой организации хоррора).

— Извини, Дэл, но я не могу тебе позволить вот так выбросить Дейна к этим зомби. Он бывший президент и почетный член ТОХ.

К Джо подошел автор, исполняющий обязанности секретаря ТОХ, имени которого Дэл не вспомнил бы даже под страхом смерти, и прошептал ему что-то на ухо.

— Ну что ж, он больше не почетный член, — поправился Джо.

От фасада магазина снова донеслось громкое «Бамс!». Дэл выглянул наружу и чуть, простите, в буквальном смысле слова не обгадился.

На тротуаре перед магазином толпились десятки, а может, и сотни этих тварей. Некоторые из них раньше явно стояли в очереди поклонников и до сих пор сжимали в мертвых пальцах книги. Некоторые пускали слюни. А некоторые выглядели так, словно умерли довольно давно.

— Поклонники вернулись! — воскликнула посредственная авторша мистических романов.

Дэл уже начал действовать.

— Джейсон, возьми ящик с инструментами из подсобки и начинай разламывать столы. Возможно, нам удастся забить ими окно.

— Есть! — прокричал Джейсон, устремляясь к подсобке.

Затем Дэл вернулся к Дейну, от которого уже начинало поводить.

— Мне правда жаль, Дейн, но ты должен уйти.

Дэл пошел к парадной двери, за ним увязался Джо.

— Дэл, ТОХ на твоей стороне!

— Не понял. Мох? — переспросил Дэл.

— Я сказал ТОХ! — раздраженно пояснил Джо.

— ПОХ на моей стороне? — снова переспросил Дэл, у которого возникло смутное ощущение, что они повторяют комедийный диалог Эбботта и Костелло.

— Верно! — ответил Джо.

Дэл кивнул Джо, а затем Скотту, который как раз сгребал в охапку протестующего Дейна.

— Брось, Дэл, я принес кучу денег этому магазину!..

— Говорю же, Дейн, в этом нет ничего личного. — С этими словами Дэл повернул ключ в замке и открыл парадную дверь.

В нее хлынули зомби.

Джо начал лупить их экземпляром огромного тома «Кладбищенских плясок» в тисненном переплете. А Скотт в это время отодвигал толпу зомби Дейном как бульдозером. Зомби вцепились в Дейна, и Дэл, воспользовавшись моментом, начал закрывать дверь. Через секунду к нему присоединились Скотт и Скотт, и вместе им наконец удалось захлопнуть ее и снова запереть.

Дэл еще не успел отдышаться, когда появился Джейсон, тащивший тяжелую столешницу, за которым с молотком и гвоздями следовала Лиза Мортон, сценарист короткометражек и по

совместительству личный системный администратор «Темных деликатесов»

— Мама с Клайдом занимаются витриной. Мы запечатаем дверь.

— Хорошо, — выдохнул Дэл, отступая в сторону.

За стенами магазина мычали и хрипели зомби. Впрочем, многие из них вели себя так и при жизни.

Затем среди этого хаоса раздался пожилой женский голос (крайне оскорбленный):

— Я требую сообщить мне, что здесь происходит!

Дэл со вздохом повернулся к Джин Т. Лебринер, на счету которой была одна редакторская и пара авторских работ и чья известность на самом деле объяснялась лишь беззастенчивой наглостью.

— Что такое, Джин?

— Этот молодой человек унес мой стол! И сейчас мне не на чем подписывать книги! Это возмутительно! — негодуяще воскликнула Джин.

— Что ж, Джин, нам он понадобился, чтобы заколотить вход и обезопасить себя от вторжения зомби, — объяснил Дэл.

Джин попыталась заглянуть Дэлу за плечо, туда, где Джейсон держал столешницу, а Лиза как раз начала вбивать первый гвоздь.

— Это неслыханно! — воскликнула Джин.

— Хочешь посмотреть? — Дэл указал на дверь. — Эй, Лиза, пусти ее поглядеть.

Лиза перестала забивать гвоздь и улыбнулась.

— Конечно.

Она кивнула Джейсону, который послушно отодвинул тяжелую столешницу в сторону, так, чтобы можно было приоткрыть дверь. Джин шагнула вперед и наклонилась, чтобы выглянуть наружу.

— Я не совсем...

Неожиданно Дэл одной рукой отпер дверь, а другой сильно толкнул Джин в спину.

— Давай, Джин, рассмотри все поближе.

Через миг она исчезла, а Лиза заперла за ней дверь. Дэл вернулся к тем, кто находился в магазине.

— У кого-нибудь есть возражения?

Последовало недолгое молчание, затем взорвавшееся громкими аплодисментами.

— Только не вздумайте и дальше продолжать скармливать им президентов ТОХ, — сказал Джо, выждав, пока стихнут овации.

— Без проблем, — заявил Дэл, отряхивая ладони.

— Эй, они ею брезгуют! — воскликнула стоящая у двери Лиза, прежде чем Джейсон вернул столешницу на прежнее место.

Когда окно и дверь оказались забиты, Дэл обратился к оставшимся девянosta двум присутствующим.

— У кого-нибудь есть какие-либо соображения?

— Нам известно, насколько это успело распространиться? — спросил кто-то.

Сью находилась в переднем кабинете, за компьютером. Она встала и покачала головой.

— У нас все еще есть электричество, но нет Интернета. Лиза, ты сможешь это исправить?

Лиза подошла к компьютеру и быстро произвела несколько операций.

— Мне жаль, Сью, но я не смогу решить проблему, пока рядом беснуются зомби.

— А сколько у нас продовольствия? — спросил другой голос.

Дэл и Сью обменялись быстрыми обеспокоенными взглядами.

— Немного, — наконец признался Дэл. — Крекеры, печенье. Еще эти конфеты-монстры, из которых сочится гной, когда их кусаешь.

— Больше нет, — мрачно заметил Скатт. — Дейн все съел.

Глаза Сью расширились от гнева.

— Эй, за них нужно было платить!

Неожиданно Гарри Палмер, коренастый писатель, чей роман об оборотнях неожиданно оказался одним из лучших открытий прошлого года в жанре ужасов, нервно заинтересовался, который сейчас час.

Дэл взглянул на часы.

— Около семи. Солнце, должно быть, уже садится. А что такое, Гарри?

— Ну... — начал Гарри, избегая смотреть ему в глаза и явно испытывая неловкость. — Через несколько минут у меня... нет,

у *всех* нас появится очень большая проблема. Понимаете, вам известно обо мне далеко не все, и сегодня полнолуние, и я... Ну, я...

— Гарри, — прервал его Дэл, — ты что, пытаешься сказать нам, что ты на самом деле оборотень?

Гарри просто кивнул.

— Великолепно! — саркастически заметил Дэл.

— Да нет, подождите же, это *действительно* великолепно!

Все взгляды обратились к Питу Акинсу, крепко сложенному британскому сценаристу, который добился широкого внимания благодаря своей сообразительности и инновационному применению колючей проволоки.

— На самом деле это *идеально*!

— И что теперь, Пит? — спросил Дэл.

— Гарри у нас оборотень, верно? Свирепая чудовищная машина разрушения! Как только он обернется, мы вытолкнем его к зомби, и он порвет их в клочки!

Дэл поразмыслил, и эта идея привела его в восторг. «В конце концов, — подумал он, — у кого самый богатый опыт по части разрывания в клочки, как не у сценариста?»

— Гарри, а что ты об этом думаешь?

Гарри кивнул и ухмыльнулся. Его зубы уже начали немного заостряться.

— Звучит неплохо. На самом деле я бы не прочь поразвлечься.

— Отлично, — сказал Дэл и обратился к остальным: — Среди нас еще есть какие-нибудь монстры, о которых нам следует знать?

После долгого молчания в воздух поднялась дрожащая рука. Толпа раздвинулась, явив взглядам легендарного Уимси Скремпбелла, британского автора, известного очень странными работами.

— Я... ну, я вампир, — признался он дрожащим голосом.

— Но Уимси! — воскликнул Стив Смит. — Ты же всегда гуляешь днем!

— И ты ни разу не написал ни слова о вампирах! — возразил Тайлор Карн, автор вампирских романов, который ранее предавался фантазиям о Клайде.

— Ну, типа, не хотел ниче обнародовать, понимаете? — пробормотал Уимси с грубоватыми интонациями простого работяги.

Неожиданно молодой писатель, только что продавший первый рассказ в антологию «Невероятно гадкая эротика», растолкав остальных, пробился к смущенному Уимси и упал перед ним на колени.

— Мистер Скремпбелл, я и так обожаю ваши работы, но это... Вы должны укусить меня. Пожалуйста, пожалуйста, укусите меня! У меня трудности с написанием вампирского романа, над которым я сейчас работаю, и я знаю, что вы могли бы помочь...

Уимси взглянул на него со смешанным выражением ужаса и искушения.

— Сначала мне придется выйти наружу и сразиться с зомби. Может быть, когда я вернусь...

Молодой человек расплакался от благодарности.

— Спасибо вам, спасибо... Это столько для меня значило бы. Дэл оценивающе оглядел остальных.

— Еще кто-нибудь есть?

Вверх рванулась еще одна рука. Она принадлежала Демарсу Дунису, язычнику, писавшему документальные книги о всяких ведьмовских штучках.

— Сегодня как раз осеннее равноденствие. Я мог бы превратить псов во всемогущих адских гончих.

Сью немедленно обняла своих собачек, приготовившись встать на их защиту.

— Нет, вы этого не сделаете!

Дэл покачал головой.

— Спасибо за предложение, Демарс, но, полагаю, это не лучшая идея. Еще кто-нибудь?

Поднялась последняя рука. Она принадлежала Уайти Страйперу, чьи бестселлеры о похищении людей инопланетянами часто по ошибке причисляли к беллетристике.

— У меня есть анальный зонд, который также может служить передатчиком. Я могу послать сигнал инопланетянам, чтобы они прислали сюда корабль-матку и открыли огонь по зомби.

Последовавшая за этим предложением тишина была очень красноречивой.

Придя в себя через несколько секунд, ошеломленный Дэл отмахнулся от Уайти.

— Спасибо, Уайти, но я полагаю, что мы, земляне, как-нибудь справимся самостоятельно.

В этот момент позади него раздалось рычание животного. Дэл развернулся и увидел, что Гарри начал оборачиваться. Его лицо заросло волосами еще гуще обычного и вытягивалось, превращаясь в морду. Одежда трещала по швам.

— Скорее, мы должны дотащить его до двери.

— Нет, стойте! — воскликнул Уимси и вышел вперед.

Он тоже трансформировался, обретая ауру таинственности и сексуального магнетизма. И неожиданно показался привлекательным даже Клайду.

— Давайте я его отведу, — предложил Уимси. — Он не сможет мне навредить.

Дэл молча отступил. Уимси схватил трансформирующегося Гарри и потащил его к парадной двери. Джейсон с Лизой уже вынули гвозди из столешницы. Дэл подбежал к ним, увернувшись по пути от щелкнувшего на него зубами Гарри, и встал у выхода.

— Рано, — заключил Уимси, и Дэл заметил, что Гарри действительно еще не закончил оборачиваться. Его руки втягивались в тело, превращаясь в передние лапы, спина выгибалась. — Рано... Давайте!

Дэл резко распахнул дверь, и Уимси вместе с оборотнем шагнул на улицу в толпу зомби.

— Удачи! — крикнул им вслед Дэл, прежде чем захлопнуть дверь.

Почти сразу снаружи донеслись звуки разрываемой плоти и рычание. Дэл подошел к двери и приблизил к ней ухо, насколько ему хватило храбрости. Звуки доносились очень долго. Они не стихли, а скорее переместились дальше от магазина. Видимо, вампир с оборотнем истребили всех зомби поблизости и продолжали увеличивать радиус зачистки.

— Пит, полагаю, мы должны угостить тебя за это обедом, — улыбнулся сценаристу Дэл.

Остаток ночи прошел без происшествий. Зомби снаружи больше не шумели. Конечно, у них один раз забился туалет, а еще несколько авторов принялись требовать, чтобы Сью в будущем

заказывала больше экземпляров их книг, но в целом все вели себя на удивление хладнокровно и сдержанно.

Приблизительно в семь утра следующего дня Дэл проснулся в своем кресле, его трясла Сью.

— В чем дело? Я храпел?

— Снаружи уже рассвело. Полагаю, нам следует взглянуть, как там обстоят дела, — сказала Сью.

Дэл задумался, затем протер глаза, прогоняя остатки сна, потянулся и встал.

— Окей. Кажется, там все тихо. — Он подошел к двери и надолго прислушался, но так ничего и не услышал. Затем Дэл чуть отодвинул столешницу и выглянул наружу. Потом снова посмотрел на встревоженную Сью — Я пошел.

Он открыл дверь и осторожно шагнул за порог. Затем сделал еще пару шагов, и до остальных донесся его возглас:

— Срань господня! Мне нужно пива.

— Что там?! — воскликнула Сью.

— Тут долбаная мясорубка! Нам потребуется вечность, чтобы все убрать.

К нему присоединилась Сью и еще несколько человек. Везде были разбросаны части тел зомби — руки в водосточных канавах, ноги на капотах автомобилей, даже на вытянутых руках искусственного Франкенштейна, привлекавшего покупателей в магазин, лежал чей-то торс. Дэл осторожно пробирался вперед, переступая через куски мяса, и чуть не споткнулся о голого Гарри, мирно спавшего возле остатков зелени, ранее обрамлявшей фасад. Дэл опустился возле него на колени и осторожно потряс Гарри за плечо.

— Гарри... эй, ты живой?

Гарри открыл глаза, отрыгнул и уснул снова.

Дэл улыбнулся и отошел.

— Да, он в порядке Интересно, что стало с Уимси?

Дэл подпрыгнул на метр, когда позади него раздался голос Уимси.

— Я тут, Дэл!

— Господи, Уимси, *никогда* больше так не делай!

Уимси покраснел.

— Извини. По крайней мере мы очистили от них бóльшую часть этого района.

Дэл кивнул. Позади него на тротуар выходили из магазина остальные. Кто-то указал на здание, стоявшее сразу за «Темными деликатесами».

— Эй, вы только посмотрите!

Дел обернулся и увидел, что на фасаде кровью написано: «ДЕЙН КЕТЧУСОН».

— Полагаю, он не смог удержаться от того, чтобы оставить свой последний автограф, — заметил кто-то.

— Так что, Дэл? — спросила своего мужа Сью. — Что мы теперь будем делать?

— Я не знаю, — признался Дэл. Он на миг задумался, затем посмотрел на остальных выживших и заметил: — Эй, возможно, мы единственные оставшиеся в живых люди на планете, вот и отлично! Я хочу сказать, наконец-то настал час писателей ужасов!

В ответ раздались аплодисменты и радостные возгласы. Множество мужских взглядов обратились на Глори Оскви, актрису легкого порно.

— Вперед, — произнес Дэл, обращаясь к толпе. — Не знаю, как вы, а я просто умираю от голода. Давайте проверим, получится ли у нас устроить большую распродажу в «Смарте» и «Файнале».

Так они и сделали.

Уильям Ф. Нолан

Де Помпа

Год 1960-й.

Его звали Теренс Родригес Антонио Де Помпа, и он приближался к смерти.

На нем были обычные спортивные слаксы винного цвета и белая рубашка поло. Замшевые краги и черная кожаная кепка. А еще вязаный шелковый шарф, привезенный из Индии, который развевался за ним, как белый флаг.

Он ехал на головокружительной высоте по горному серпантину над заливом Калифорния, воды которого уходили за горизонт и золотом мерцали под солнцем.

Ехал в открытой кабине «мерседес бенц 300 SLR». Восьмицилиндровый двигатель выдавал почти триста лошадиных сил. При 7000 оборотов в минуту автомобиль мог делать 170 миль в час. Легендарный британский «стирлинг мосс», почти идентичная модель, выиграл в 1955 году Милле Миглия, итальянскую гонку в тысячу миль.

Терри приобрел этот автомобиль прямо на фабрике в Штутгарте, лично летал за ним в Штутгарт на персональном самолете. Все, от кожаного сидения до замка зажигания, было специально подогнано с учетом особенностей его фигуры (в жизни он был куда выше, чем на экране). «Бенц» был раскрашен в цвета американского флага: белый, с красным капотом, с полосой синего металла. В конце 1950 года он на этой машине выиграл приз Нассау, обогнав три «феррари» с лучшими американскими гонщиками — Филом Хиллом, Дэном Гарни и Кэрролл Шелби. Лучший друг Терри погиб во время гонок, причиной стала взорвавшаяся шина, но потери были минимальны. Лучшие друзья появлялись и менялись у него с небывалой частотой.

После гонки толстый банкир из Чикаго предложил Де Помпе миллион наличными за автомобиль. Терри вежливо отказал-

ся. На следующие выходные во время ролевой вечеринки в таверне «Черная борода» ему предложили участвовать в гонках от производителя «феррари», от чего он отказался тоже. Репортер «Нассау блейд» спросил, почему Терри решил рискнуть своей жизнью в гонках. Почему не посвятил себя съемкам.

Терри улыбнулся в камеру (улыбкой, которая воспламеняла сердца миллионов молодых женщин) и ответил: «Видите ли, я не знаю, кто я: актер, который любит гонки, или гонщик, которому нравится сниматься». Этими словами он часто объяснял свое пристрастие к спорту.

Были у него и другие страсти: коррида в Испании, бобслей в Швейцарии, сафари в Африке, альпинизм в Колорадо — и повсюду его ждали красивые женщины. (Однажды он попытался закрутить роман с женщиной в гей-баре Детройта, но потерпел фиаско.)

Маргарет, бывшая жена Терри, была нью-йоркской топ-моделью, когда они познакомились на коктейльной вечеринке в честь Говарда Хьюджа (который так и не появился). Она была великолепна и до сих пор сохраняла отличную фигуру. После развода ей достался особняк на Ривьере, любимый белый «кадиллак» Терри, сделанный по личному заказу, богато обставленная квартира в Бель Эйр, три миллиона в бриллиантах и дом на пять спален на Пятой авеню. На суде Терри назвал ее «алчной сукой», а она его «эгоистичным ублюдком».

Они отлично знали друг друга.

Де Помпа отдал Маргарет почти все, чего требовали ее адвокаты. За каждый фильм ему платили полмиллиона, так что потеря была небольшой. Пусть сучка радуется. Зато он избавился от нее (и своры ее адвокатов). По крайней мере, она оказалась бесплодна, так что ни один ребенок не пострадал.

Для Терри Де Помпы управлять «бенцем» было чистым счастьем. Он наслаждался тем, как обтекаемая пуля на колесах пролетает мимо за милей. Ему нравилась дикая сила металлического зверя, которым он владел, повелевал (что никогда не получалось с Маргарет).

Терри улыбнулся навстречу разогретому воздуху и выжал газ, чувствуя отклик мотора. Контроль. Сила и контроль.

Он коснулся шрама на левой щеке, напоминания о драке с Маргарет в спальне в Бель Эйр на прошлое Рождество. Сучка пустила в ход свои острые когти.

Уже почти стемнело, встречный грузовик мазнул фарами по глазам Терри, напомнив о прожекторах у театра «Грауман-Чай-низ» в Голливуде, после премьеры «Мира боли». Там он оставил отпечатки ладоней и ног на квадрате влажного бетона, а к его телу в это время прижималась чувственная рыжая девчонка из Вегаса.

Он включил дальний свет и уставился на белую полосу дороги. Остался прогон примерно в милю, затем его ждал резкий поворот над обрывом. Терри знал этот путь, он не раз здесь гонял.

Он снова нажал на газ, и «бенц» ответил. Взревел. Рванулся вперед. Все быстрее и быстрее. 100 миль в час... 120... 130... 140... 150...

Прямой отрезок закончился. Вот он, поворот.

Терри улыбнулся.

И не стал тормозить.

Двадцатипятилетний Дэнни Холмс, одетый в потрепанную пижаму, сидел в своей маленькой квартирке в Нью-Йорке и смотрел телевизор, пристроившись на поблекшем розовом покрывале. Темные глаза не отрывались от экрана. Подавшись вперед, он отрегулировал звук. Раздался голос диктора новостей Морли Первиса, чистый и звонкий:

— ...погиб в двадцать четыре года, его останки сплывались с обломками любимой немецкой гоночной машины. Трагически оборвалась жизнь экранного идола, золотого мальчика Голливуда, который...

Дэнни переключил канал.

— ...причина аварии окутана тайной. На дороге не осталось тормозного следа, а значит, Де Помпа не тормозил перед крутым поворотом. Возможно, сердечный приступ? Семейный врач Марк Калман заявил, что в медицинской карте Де Помпы не было намеков на похожие заболевания. Однако аутопсия невозможна, поскольку тело актера...

Третий канал.

Маргарет Де Помпа, тридцатипятилетняя красавица, давала интервью в своем доме в Нью-Йорке. Стройная, с выбеленными волосами и кошачьими чертами лица, она то и дело подносила к глазам кружевной платок. Однако голос был уверенным.

— ...но наши глупые ссоры ничего не значили. Мы, как любая пара, не всегда друг с другом соглашались... но мы обожали друг друга. Если бы Терри выжил, мы наверняка поженились бы снова. Он был (всхлипы)... для меня всем миром.

Журналист, телеведущий Лен Лоусон, склонился к ней.

— Вы верите, что ваш бывший муж мог *сознательно* съехать с обрыва?

Ответ был быстрым и страстным:

— Никогда! Терри слишком любил жизнь. — И снова последовали всхлипы.

Лоусон повернулся к камере.

— Жизнь, которую он так любил и от которой стремился взять все, началась в бедности. Теренс Родригес Антонио Де Помпа...

На экране возникла маленькая мексиканская деревушка. Камера двинулась вдоль пыльной улицы, затем сквозь дверь дома и к потрепанной жизнью старой женщине. Она сидела, опустив голову, и раскачивалась в плетеном кресле.

Голос Лоусона продолжал рассказ.

— Маленький Терри Де Помпа вырос здесь, в бедной мексиканской деревушке. Отец мальчика, каменщик ирландско-итальянского происхождения, оставил семью, когда Терри исполнилось три. Его мать Мария горюет по знаменитому сыну.

Голос репортера был мягким и утешающим:

— Каким он был, миссис Де Помпа? Расскажите нам о Терри.

— Он... не любил играть... с другими детьми. Много раз убегал... упрямый, как ослик... мой Терри. Он никогда не был здесь счастлив. Сбежал в Мехикали работать...

Теперь на экране возник сам Де Помпа, который смотрел в камеру во время последнего интервью.

— В возрасте четырнадцати лет я стал помощником гробовщика в Мехикали, а все свободное время проводил в местном кинотеатре, мечтая о том, что однажды и сам появлюсь на экране. Два года спустя, когда мне исполнилось шестнадцать, я собирал лимоны в Чула Висте, на границе с США. Жена владельца лично заинтересовалась мной. — Чарующая улыбка в камеру. — Сказала, что оплатит мне актерские курсы Дейва Кори в Нью-Йорке. И это стало началом всего.

Появились изображения Де Помпы в классе, на сцене, со сжатыми кулаками, с сияющими глазами.

Затем последовал рассказ Дейва Кори.

— Он был естественен, — говорил тот. — Терри превращал свою внутреннюю боль в оружие. Его игра поражала, как удар молнии. Он шокировал. Я знал, что он станет великим. Знал с первого момента, едва увидев его на пороге класса.

Голос Лоусона представил зрителям Сидни Шибинсона из «Юниверсал Пикчерз».

— У меня природное чутье на таланты, — говорил Шибинсон. — Когда я заметил Де Помпу в классе Кори, я понял, что смотрю на нового Марлона Брандо. На той же неделе мы подписали контракт с «Юниверсал» на три фильма. «Глубже вонзи кинжал», «Парни в черной коже» и «Неутомимый бунтарь». Бинго! Он сразу завоевал славу и заработал тонны денег.

Диктор продолжил:

— Деньги и немедленная слава открыли множество дверей перед молодым Терри, позволили ему наслаждаться жизнью во всей ее полноте и разнообразии.

На экране сменялись фото: Терри на необъезженном жеребце, Терри делает «веронику» перед быком... на спортивном мотоцикле прыгает через ров... взбирается на отвесный склон... фехтует с противником в маске... стреляет из охотничьей засады... поднимается в Скалистых Горах... отбивает в стенку теннисный мяч... на серфинге спускается с гребня волны... прыгает с парашютом с личного самолета... поднимает клетчатый флаг выигранной гонки... И всегда на заднем плане присутствует красивая девушка.

Лоусон снова заговорил:

— Никто со времен Джеймса Дина не умел так зажечь сердца миллионов юных зрителей...

Нервная девочка-подросток стояла перед кинотеатром с афишей Терри, сжимала плакат с фотографией Терри, и Терри же улыбался с рисунка на ее футболке.

Ее голос звенел:

— Мы с подружкой четырнадцать раз смотрели «Неутомимого бунтаря». Терри был... — Ей явно не хватало слов, по щекам катились слезы. — Был для нас как религия. Он был для нас всем! Ну почему он умер? Почему?!

Лоусон снова возник перед камерой.

— Трагическая смерть Терри Де Помпы оставила множество вопросов. Но одно известно наверняка: его яркий образ продолжит гореть в сердцах тех, кто...

Дэнни выключил телевизор. И начал ходить по комнате, сжав кулаки. Его лицо покраснело.

— Черт! — воскликнул он. — Черт, черт, черт!

Девушка попятилась от стола, ее глаза расширились от страха. Она все пятилась, а Дэнни надвигался на нее.

— Дэнни, я...

— Заткнись, сучка! Разве я не велел тебе закрыть свой болтливый рот?

— Но ты солгал! Ты не сдержал слова.

Дэнни влепил ей пощечину. Глаза девушки заблестели от слез.

— Дешевка! — зарычал он. — Это был последний раз, когда ты...

— Стоп! Стоп! — Дейв Кори поднялся на сцену, качая головой.

Другие юноши и девушки, все начинающие актеры, сидели на складных стульях, поставленных полукругом у сцены.

— Ну, что опять не так? — спросил Дэнни.

— Ты снова играешь его, — заявил Кори. — То, как ты двигаешься, как поворачиваешь голову... даже то, как ты ударил Сюзан. Это все он. Я вижу Де Помпу.

Повисла напряженная тишина.

— Истинным актерским искусством не овладеть, используя чужие эмоции. Каждый актер должен найти свой собственный путь. Выразить самого себя. А имитация не может стать творением.

Дэнни уставился на него.

— Вы считаете, что у меня не получается?

— Этого я не говорил. У тебя немалый талант, но ты сам его блокируешь. Ты хочешь жить в тени Де Помпы. Проблема в том, что ты не сможешь...

Дэнни злобно перебил:

— Проблема в том, что я тут слушаю полнейшую чепуху. Мне не нужны ваши оценки, и Терри они не были нужны. Да, я не ответственю вашей задумке. Ну и идите с ней к черту, Кори!

Он вышел из комнаты и хлопнул тяжелой звуконепроницаемой дверью.

Дом Маргарет Де Помпы звенел голосами и хрусталем, кубики льда ударялись о стенки бокалов с виски под тихие звуки джаза на трубе.

— Некоторые считают, что орлеанский джаз устарел, — говорила Маргарет мэру Нью-Йорка. — Но мне он кажется изумительным.

Низенький плотный человечек кивнул.

— Это часть национальной культуры, а она никогда не устаревает.

Подошел слуга и замер в отдалении, не решаясь прервать их разговор. Маргарет повернулась к нему.

— Что, Дженсон?

— Молодой джентльмен желает вас видеть. Он ждет в фойе.

— И по какому поводу этот джентльмен жаждет встречи?

— Он не сказал.

— Имя?

— Дэннис Холмс.

Она нахмурилась.

— Никогда о нем не слышала.

— Он кажется весьма... настойчивым.

Маргарет повернулась к гостю.

— Отпустите меня на минутку, мистер Мейер?

— Конечно, дорогая, — Он посмотрел на бар. — Налью себе бокал вашего великолепного шабли. Оно улучшает пищеварение.

Маргарет проследовала за Дженсоном в фойе.

— Я видел вас по телевизору, — сказал Дэнни, — в передаче о Терри... Я просто не мог не встретиться с вами. — Он помедлил, нервный и немного неуверенный. — Я знаю, что невежливо являться вот так, без приглашения... но Терри очень много для меня значил.

— Вы его знали? — спросила Маргарет.

— Не лично. Мы никогда не встречались. Но я видел все его фильмы, я прочитал о нем все... от той статьи в «Ньюсуик» до интервью в «Лайф»... Я однажды видел его на гонках и в аэропорту Палм Спрингс. Он был для меня... примером для подражания, если вы понимаете, о чем я.

— О да, понимаю. Терри на многих так влиял. — Она внимательно рассматривала гостя. — Ваша стрижка... и прическа совсем как у него. А эта красная куртка...

— Совсем как та, в которой он играл «Неутомимого бунтаря», — закончил Дэнни. — Я купил ее в магазине новинок в Голливуде.

— Вы выше Терри, — сказала она. — Но у вас его глаза. Дэнни улынулся.

— Спасибо.

— И его улыбка.

Он смутился:

— Ну... думаю, мне пора идти. Рад был познакомиться, миссис Де Помпа.

Маргарет взяла его за руку теплыми пальцами.

— Не стоит так спешить. — Голос был мягким.

После секса они тихо лежали в постели Маргарет, прижавшись друг к другу. Женщина забросила ногу Дэнни на бедро.

— Расскажи мне о нем, — сказал Холмс. — Я хочу знать, каким он был на самом деле. Он был... хорошим любовником?

— Поначалу он был потрясающим. В постели он был как пантера. Но это длилось недолго. Для Терри все должно быть новым

и свежим. Даже секс. Он быстро уставал от женщин, и я не исключение. А когда ему становилось скучно, он заменял секс жестокостью и болью. Вот почему я решила с ним расстаться.

— Но разве ты его не любила? По телевизору... Мне показалось, что его смерть сломала тебя.

Она улыбнулась.

— Я тоже неплохая актриса, правда? Мне пришлось дать публике то, чего от меня ждали. Но любила ли я Терри? Конечно. Вначале... Его глаза и улыбка были просто неотразимы. — Она медленно провела пальцем по скуле Денни. — Ты удивительно похож на него... каким он был вначале, четыре года назад.

— Но почему... Я должен знать. Почему он...

— Убил себя? Это было неизбежно. Терри во всем искал страсти, накала, всегда ходил по краю. Когда он снимался в «Побеге из ада», фильме о бобслеисте в Швейцарии, он сломал обе лодыжки, врезавшись в дерево. В Мадриде бык поднял его на рога, едва не задев сонную артерию. Терри никогда не пользовался дублерами. Все трюки он выполнял только сам, сводя с ума продюсеров. Во время мотокросса в Индию¹ он сломал левое плечо. А через два месяца разбился на самолете в горах Бернардино. Самолет сгорел, но Терри удалось вовремя выбраться.

— Хочешь сказать, что он искал смерти?

— Еще как. И без сомнения. Он устал испытывать судьбу, ничто уже не доставляло ему удовольствия, и Терри решил попробовать поймать последний катарсис. Смерть. Он *не мог* ее не попробовать, не посмаковать, не насладиться. Вот и попробовал.

Она провела пальцами по голой спине Дэнни.

— Хочешь увидеть, где он погиб?

— В Мексике, у залива?

— Да. Над Сан-Фелипе, его любимым убежищем. Над крысиной норой, которую принимают за рыбацкий поселок. Никто никогда туда не ездит. А Терри всегда сбегал туда из Лос-Анджелеса, когда ему надоедал стресс. — Ее глаза сияли. —

¹ Город в американском штате Калифорния

Я могу отвезти тебя... на белом «кадиллаке» Терри. Он сейчас в гараже на Беверли-Хиллз. Хочешь?

— О да! — ахнул Дэнни. — Господи, да!

Полет из Нью-Йорка в Лос-Анджелес был спокойным. Погода стояла идеальная. В Беверли-Хиллз их уже ждал белый «кадиллак», готовый отправиться в Мексику. Дэнни был на взводе. Для него все это было воплощением мечты, он с трудом сдерживал нервное возбуждение.

Утром Маргарет нарядилась в белый брючный костюм и широкополую белую соломенную шляпу («Я не загораю, я сгораю»).

Она села за руль и по шоссе № 99 «кадиллак» направился к Калексико. Обменявшись парой шуток с пограничниками в форме, она повезла Дэнни в «единственный более-менее приличный ресторан в Мехикали».

Ему не понравился шумный приграничный городок с выкрашенными в красный цвет фасадами, деревянными витринами и пыльными вывесками.

— Зачем мы здесь остановились? — спросил он. — Поесть можно было и по дороге, в машине.

— Я думала, ты захочешь поговорить со стариком Монтойей. В его магазине гробов.

Дэнни просиял.

— В котором Терри работал, когда ему было четырнадцать?

— Ага. Если старый дурак еще жив, сможешь расспросить его о Терри.

— Обалдеть!

Они заказали морского окуня на гриле и тушеную пятнистую фасоль, которую подали с большой корзиной тортилий и двумя бутылками мексиканского пива.

Следующий пункт плана: встреча с гробовщиком Карлосом Монтойей.

Магазин старика был выкрашен в погребальный черный цвет и уставлен продукцией хозяина.

Над дверью висела вывеска: «ГРОБЫ НА ЗАКАЗ».

Монтойя встретил их внутри. Он оказался беззубым стариком с выдубленной солнцем кожей, неопрятной щетиной и в очках с новенькой оправой. Одет он был в потертое пончо.

— Вам требуются услуги Карлоса Монтойи? Собрались похоронить любимого?

— Мы пришли спросить о мальчике, который когда-то здесь работал, — сказал Дэнни.

— А! — Старик рассмеялся кашляющим смехом. — Хотите услышать об Антонио. Многие приходят о нем проговорить. У меня на это такса. Вы платите, я говорю.

Маргарет протянула ему деньги, и старик провел их мимо гробов самого разного размера в заднюю часть магазина. Многие гробы были не закончены. Сырые доски, пахнущие свежими опилками, стояли у стен.

В темном кабинете Монтойя указал им на пару табуреток и уселся за стол, заваленный зубилами и молотками.

— Мир знал его как Терри. — Эту речь он наверняка повторял уже не раз. — Но для меня он был Антонио. Он пришел ко мне мальчишкой, ему было четырнадцать, и он страстно хотел научиться делать гробы.

Монтойя открыл ящик стола, вынул фото и протянул его Дэнни. На снимке Терри Де Помпа лежал в гробу, чинно сложив руки на груди и закрыв глаза.

Монтойя продолжил:

— Я дал ему приют, достойную плату и поделился своими знаниями. Антонио быстро учился. Я многое ему передал.

Маргарет оборвала речитатив:

— Ага, ты его научил. Врать, ругаться и красть. Он рассказывал мне про тебя — о том, как ты обманываешь клиентов, как гадишь и путаешься с женщинами. — Она указала на гроб. — Ты сам скоро окажешься в гробу, и кто тогда придет на твои похороны? Не спрашивал себя об этом, старый пердун?

И она поволокла Дэнни прочь.

В машине он молчал. Его явно трясло от пережитого.

— Ну, а чего ты ждал? — спросила Маргарет.

— Я думал... что он... что все было иначе.

— Иначе? Он испорченный старый дурак. Терри его презирал.

Тишина. Затем Дэнни спросил:

— Сколько нужно времени, чтобы добраться до Сан-Фелипе?

— Четыре или пять часов, — ответила она. — Он на краю залива, там заканчивается шоссе. До темноты, думаю, доберемся.

И она снова села за руль, затем медленно пробиралась по улицам, забитым тележками и фургонами с фруктами и овощами, велосипедами, древними такси, вонючими автобусами. На окраине Мехикали стало легче, «кадиллак» вырулил на прямое шоссе до залива.

За чертой города их встретила зеленая арка кладбища Санта-Елена и неровные ряды розовых и синих надгробий. Солнце медленно катилось к закату, и мексиканский ландшафт завораживал. Вздыхались коричневые холмы, похожие на вскинутые кулаки, между ними встречались высохшие озера и сухие плато. Бесконечные песчаные дюны и колючие кактусы обрамляли шоссе с двух сторон. На обочине валялась дохлая кошка.

Внезапно раздался резкий хлопок, похожий на выстрел. Автомобиль повело, Маргарет вцепилась в руль, восстановила контроль и вырулила на гравий обочины.

— Шина лопнула, — сказала она.

— Я думал, что шины проверили перед отъездом.

— Ага, все было в порядке. Наверное, что-то поймали на дороге.

Они вышли, и двери автоматически закрылись за ними. Из заднего колеса торчал длинный блестящий осколок бутылки. Маргарет повернулась, чтобы забрать ключи и открыть багажник, и выругалась.

— Что?

— Все двери закрыты, а ключи я оставила в замке зажигания. — Она вздохнула. — Ладно, ерунда. У меня запасной комплект под крылом.

Она присела, доставая запасные ключи, открыла дверь водителя, достала первые, а вторые вернула на место.

— На случай если опять захлопнемся.

А потом вытащила из багажника домкрат и запаску.

— Ты умеешь менять колеса?

Дэнни пожал плечами.

— Понятия не имею. Ни разу не пробовал.

— Ладно, сама справлюсь. Ерунда.

Она поставила домкрат, сняла пробитое колесо, заменила его на запаску и посмотрела на часы.

— Впритык, но, думаю, мы успеем до темноты.

Поспешно забросив на заднее сидение домкрат и пробитое колесо, она улыбнулась и села за руль.

— Погнали.

Шло время, солнце опускалось все ниже. Все ближе становился зазубренный контур гор, ландшафт стал поистине лунным — чуждым, неживым, враждебным.

«Кадиллак» поднимался по серпантину на Сан-Фелипе.

— Впереди еще миля по прямой, — сказала она Дэнни. — А дальше обрыв, с которого он взлетел в небо.

Дэнни нервно напрягся в кресле, его одновременно притягивало и пугало место, где умер Терри.

Они вышли на финишную прямую. Дэнни замер и напряженно ждал.

— Вот здесь это и случилось. — Маргарет остановила машину в паре футов от поворота. — Отсюда он выскочил за край.

Она встали рядом у обрыва, глядя вниз.

— Долго падать, — выдавил Дэнни, вздрогнув от нарисованной воображением картины.

— А внизу множество острых скал. Когда он упал, бензобак взорвался и машина сгорела.

— Но он ведь был уже мертв от удара?

— Этого нам не узнать.

Они вернулись в «кадиллак» и направились в Сан-Фелипе.

Белый автомобиль стал серым от пыли, когда они добрались наконец до маленькой рыбацкой деревушки. По краям главной улицы (не мощеной) ютились грубые хижины и блестели краской пять магазинных витрин. Сама деревня была практически

пуста. Немногочисленные местные сидели под тенистыми навесами и таращились на чужаков.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Десяток маленьких лодок плескались в позолоченном океане, выбирая сети с вечерним уловом.

— Темнеет, — заметил Дэнни. — Здесь есть мотель?

— Один. Только один. Но нам наверняка найдут номер. А сначала мне нужно выпить.

Они оставили закрытый автомобиль и зашли в деревенскую кантину в конце улицы. Это было двухэтажное старое здание. Рядом торчал проржавевший щит с рекламой «Кока-колы».

Внутри из пыльных динамиков, заросших паутиной под потолком, лилась гитарная музыка. Трое молодых рыбаков резались в карты за угловым столом. Воздух был влажным и жарким, пахло пивом и острым мексиканским соусом.

Владелец, краснолицый коротышка в грязном переднике, принял заказ. Две «Карта бланка» и тарелка соленых крендельков под разговор.

— Не понимаю, зачем Терри вообще приезжал в такое дурацкое место, как Сан-Фелипе. — Дэнни глотнул пива, кислого, но холодного. — Тут же ничего нет.

— Этого он и хотел — место, где ничего нет. Терри приезжал сюда, когда уставал от света рамп.

— Адское местечко.

— Я в туалет, — заявила Маргарет. — Подержи мне стул.

Когда она поравнялась со столиком, за которым сидели три молодых мексиканца, один из них схватил ее за ногу. Маргарет остановилась, тихо сказала что-то по-испански. Рыбак рассмеялся и отпустил.

Пять минут спустя она вернулась к Дэнни.

— Это что такое было?

Она улыбнулась:

— Дружеский привет.

— Его рука касалась твоей ноги.

— Ага, и это было забавно. У него нежные руки.

— Тебе понравилось?

— Я была не против.

Дэнни уставился на нее.

Она улыбалась. Кошачьей улыбкой.

Матрас в мотеле оказался тонким и комковатым. Дэнни во сне попытался устроиться удобнее, и ему в спину тут же впиалась пружина. Он открыл глаза и попытался нащупать Маргарет. Ее не было. В постели он был один. Часы показали три часа ночи. Он отправился проверить туалет.

Пусто. Где она? Куда она могла отправиться в это время в таком месте, как Сан-Фелипе?

Дэнни натянул штаны и свитер поверх пижамы и вышел на улицу. Протопал босиком по белому мелкому песку. Волны залива тихо накатывались на берег; где-то, совсем как ребенок, кричала чайка.

И вдруг он услышал грубые мужские голоса. Смех. Смех *Маргарет*. Из ближайшей хижины, окно которой светилось желтым в темноте.

Дэнни подошел и взглянул внутрь сквозь стекло. Боже! Маргарет была в постели с тремя рыбаками из кантины. Голая. Все они были голые.

Заметив Дэнни на пороге, она подняла взгляд и оскалилась.

— Уходи! Убирайся отсюда!

Три мексиканца заулыбались. У одного был золотой зуб.

Дэнни шагнул к кровати:

— Боже, какая же ты дрянь.

Она злобно скривилась. В глазах сверкала ярость.

— Я велела тебе убираться!

Дэнни смотрел, как побитый пес.

— Почему ты так поступаешь со мной?

— С тобой? — рявкнула Маргарет. — Смех один. Ты еще не понял? Ты ходишь, как он, носишь его одежду, даже трахаться пытаешься, как он. Но это все фигня. Ты не настоящий. Ты не существуешь. Ты лишь отражение в разбитом зеркале.

Ее слова ранили, как ножи. Дэнни попятился, развернулся и выскочил из хижины.

Спотыкаясь, побрел по пляжу, почти ослепнув от слез. Отупев, потеряв чувство направления, он слепо побежал к центру

деревни. Повсюду было тихо, как в могиле, темно, как в чернильнице, даже луна скрылась за тучами.

Он остановился и проморгался только у пыльного фасада, украшенного разбитыми, давно перегоревшими лампами, когда-то бывшими вывеской «СИНЕМА ДЖИМИНЕЗ».

Дэнни прислушался. Из древнего кинотеатра доносилось эхо. Кто-то или что-то до сих пор жило в заброшенном зале.

Оторвав от двери прогнившую доску, он забрался внутрь, решив проверить источник звука. Главный зал был полон поломанных стульев, мусора и осколков цемента.

Но экран жил.

Дэнни ахнул, увидев лицо Де Помпы. Глаза актера сияли, он смотрел прямо на Дэнни. А потом его рот распахнулся и Де Помпа захохотал. Жутким, безумным смехом.

Зажав ладонями уши, Дэнни зажмурился от ужаса. А когда снова открыл глаза, треснувший и пыльный экран был мертвым.

Из кинотеатра Дэнни мчался так, словно его преследовали демоны. Ноги вынесли его по главной улице на кладбище лодок, которые гнили на берегу, как трупы китов. Шпангоуты и кили белели под луной, потеряв прежний цвет под воздействием солнца и ветра.

Дэнни бессильно привалился спиной к боку лодки «Ундина». Внутри было мерзко и пусто, на месте мотора в корпусе осталась ржавая дыра. Мотор провалился и со стороны казался гробом.

Дэнни поморгал и посмотрел в дыру. И понял, что внутри *действительно* стоит гроб. В котором лежит четырнадцатилетний Терри Де Помпа, закрыв глаза и сложив руки на груди. В той самой позе, которую он видел на фото в магазине Монтойи.

И вдруг... все изменилось. Тело актера медленно пошло рябью и превратилось в труп взрослого Де Помпы, у которого не было половины лица, а сломанные кости торчали в разные стороны из разбитого тела.

Застыв от шока, Дэнни не мог отвести глаза — но ужас не заканчивался. Труп снова изменился, и на этот раз сам Дэнни лежал в черном гробу, а тело его было так же изломано.

— О господи! — завопил он, отскакивая от лодки и бегом, спотыкаясь, направился в сторону хижины с тремя мексиканцами.

Влетел внутрь, схватил Маргарет за руку и вытащил ее наружу, голую и вопящую. Проволок по песку до «кадиллака».

— Теперь я знаю, чего ты хочешь, — всхлипнул он. — Знаю, зачем ты притащила меня сюда. Что ж, ты получишь, что хотела. Я сыграю в твою чертову игру до конца.

Он вытащил запасные ключи, рывком распахнул пассажирскую дверь и забросил Маргарет внутрь. Завел мотор, и «кадиллак» с ревом вырвался из деревни, в туче пыли и гравия сворачивая на горный серпантин.

— С ума сошел! — кричала Маргарет. — Останови машину! Выпусти меня!

— Нет уж, на этот раз я главный.

«Кадиллак» быстро набирал скорость, свет фар полосовал ночную тьму, выхватывая убегающую вперед дорогу. Маргарет не рискнула бы выскочить из машины на такой скорости.

Дэнни бросал машину из поворота в поворот, пока не добрался до прямого отрезка пути перед последним рывком. Он вдавил педаль газа в пол, и машина рванулась вперед. 70... 80... 90... 100...

— Ты этого хотела, ты это и получишь! — прокричал Дэнни.

— Чего хотела? Чего?

— Ты хотела умереть! Ты хотела разделить смерть с Терри, самой испытать весь этот восторг и ужас, закончить свое пустое бессмысленное существование. Вот почему ты меня сюда притащила. Вот *зачем*!

До обрыва осталось меньше половины пути, «кадиллак» летел к цели как пуля.

Маргарет извернулась и подхватила с заднего сидения домкрат, а затем врезала им Дэнни по голове. Он стек по сидению, нога соскользнула с педали газа. Маргарет изо всех сил жала на тормоз, пытаясь одновременно выкрутить руль.

Машина замедлялась. Скорость упала до 80... 70... 60... все медленней и медленней. Но поворот над обрывом все приближался. Маргарет распахнула дверцу и кубарем вылетела из машины.

Гравий впивался в голую кожу, сила падения чуть не выбила из нее сознание, но она выжила и даже смогла подняться на ноги. Десятки порезов кровоточили.

Но Маргарет интересовал только «кадиллак», все еще движущийся в сторону обрыва... перелетающий и срывающийся вниз, чтобы расцвести взрывом.

Она медленно подошла к пробойне ограды и посмотрела вниз. Огонь разогнал темноту, завитки дыма поднимались к ней, словно внизу работала дымовая машина.

«Мне не хватило смелости, — сказала она себе. — Я хотела умереть, умереть так же, как Терри, получить то, что получил он, — полный катарсис, — но мне не хватило смелости. А теперь я упустила свой шанс. Придется с этим жить...» Она посмотрела вниз, на горящие обломки... И закончила: «...до конца своих дней».

Дэвид Дж. Шоу

«Пир» и другие

Легенда, слух, миф говорили о том, что книга может влиять на сны. Читатель может пережить жуткое приключение, получить извращенное сексуальное удовольствие, прокатиться на ужасе смерти. Книга может даже отпустить на свободу.

С этого и начал Франклин — с примитивной силы слухов, оставляющих много места для догадок, и вскоре эта тема стала его хобби. Дело было вот в чем: стоило положить эту книгу под подушку (согласно слухам), и во сне (если удавалось заснуть) человек переносился в один из рассказов, содержащихся в книге. Некоторые рассказы были странными и рваными, таким же был и сон. Скрытая уловка заключалась в том, что рассказ, в который погружалось спящее сознание, нельзя было заранее выбрать и имелись шансы попасть не на ложе страсти, а в мутный кошмар или того хуже — в сумасшедший дом по пробуждении. Книга была своеобразной русской рулеткой, а с течением лет и сбором доказательств она стала для Франклина идеей фикс. Чем больше людей *слышало* о книге, о ее истории — важной истории, не менее важной, чем содержание, — тем проще было бы отнести ее в разряд современных городских легенд... Но никто из знакомых Франклина не слышал о ней, и уникальность сведений превратила его в фанатика.

Франклин Брайант преподавал в небольшом колледже — зарабатывал себе на жизнь, пытаясь вдолбить в головы первокурсников основы английского языка. Единственным способом вырваться из этого чистилища была диссертация, над которой он работал. Защита диссертации могла дать ему шанс сделать себе имя как ученому. Заработать баллы. Новый семестр маячил впереди, до него оставалось семь недель, и Франклин не знал, сможет ли вынести очередной курс ясноглазых и пустоголовых малявок. Из года в год одно и то же: цветущие тела с пустыми головами, его хищный азарт в попытках чему-то их научить. Учеба здесь была деятельностью скорей социальной, а не интеллектуальной, но

Франклин давно решил не заострять внимания на буквах. Попытки обучить студентов колледжа понимать тонкое искусство литературы XX века были сродни попыткам обучить грамматике гончую собаку. Его 106 пустых голов по списку тренировались запоминать (но не учить), проходить тексты (но не экстраполировать) и проводить скучные часы за проверкой текстов (не думая). Франклин честно сомневался в своей способности вытерпеть еще один семестр. Первокурсники так и не стерли пыль с краев кафедры. Некоторые слои, казалось, пережили не одно десятилетие и скопились здесь задолго до того, как он подписал контракт. И останутся здесь, когда он уволится, а то и после его смерти.

Книга называлась «“Пир” и другие», автором ее был Дж. Артур Олдридж. Подзаголовок гласил: «Истории о беспокойстве», и это была единственная публикация автора. Рассказы, вошедшие в книгу, были доступны и по отдельности. Некоторые даже висели в открытом доступе в Интернете. Другие рассеялись по «классическим» антологиям и анналам. Но они не публиковались сборниками, только как разрозненные части целого. Франклин много раз перечитывал их, он собрал целую полку работ Олдриджа — ранние рассказы звучали последним вздохом эпохи. Повествования о Второй мировой потеснились с рынка, уступив место «мужским журналам». Франклин рылся в остатках биографии, как падальщик, тут и там натываясь на ее обрывки. Обрывки удалось найти в виде кратких сводок в энциклопедии и копии последнего известного издания от «Роял Рэнсом Пресс» (Лондон, 1981 год). Франклин нашел ее во время рейда по букинистическим магазинам, которые сами находились на грани исчезновения, — скорость прогресса потрясала, и Франклина не оставляло чувство постоянной утраты. И он понятия не имел, как с этим справиться. Ни одно из исследований не приблизило его к разгадке тайны «Пира» и мрачной славы этой книги, зато выяснилось, что темную легенду поддерживает и британец, последним издававший сборник. Он раньше работал в издательстве «Роял Рэнсом Пресс» и был большим любителем нагнать тумана. Звали его Джон Сири-тис, и он писал введение к репринту 1981 года, где содержались биографические сведения о Дж. Артуре Олдридже и аргументы в пользу того, почему стоит читать давно вышедшего в тираж

автора. С конца 1950-х по 1960-е, утверждал Сиритис, работы Олдриджа повлияли на творчество многих авторов, известных нам сегодня (фамилии он затруднялся перечислить), хотя сам Олдридж так и не добился признания. Однажды он был женат. Некоторое время жил в Новом Орлеане. Фотографию найти не удалось, поскольку в те времена фото автора на обложке было скорее роскошью, чем необходимостью для успешных продаж, и, что еще хуже, Олдридж не был публичной персоной, в газетах его фото тоже не появлялись. И точно так же он не писал ничего, что могло бы пролить свет на его личность; его бумаги, заметки, письма были редкими, краткими и загадочными. Он говорил с людьми посредством своего творчества и писал лишь короткие рассказы — таких было всего тридцать, и все они вошли в «“Пир” и другие», крещендо его творчества. Умер он в 1965 году, в возрасте тридцати двух... или в 1963 году, в возрасте тридцати... или, возможно, в 1967 году, в возрасте тридцати четырех лет. Его карьера писателя оборвалась в 1961 году. В тот год он бесплатно передал рукопись «Пира» небольшому издательству в Чикаго.

«Блэк Рододендрон Пресс» специализировалось на издании «странного и страшного». Типографский набор был как раз странным, но обычно без ошибок. Шрифт, которым там пользовались, современному читателю показался бы примитивным и архаичным; скорее всего, у издательства был самый дешевый набор из доступных на то время. Первое издание «Пира» было переплетено в толстый картон с зеленой тканью, формат тоже был странным — примерно 5¼ на 7½ дюйма, такой обычно использовался для карманных молитвенников. Страницы были грубыми и кривыми, Сиритис отмечал, что книга «сопротивляется перелистыванию» и «произвольно раскрывается на неожиданных страницах». Рудиментарная суперобложка с пометкой о продаже со скидкой и иллюстрации были черно-белыми. На обложке изобразили кладбище с фигурами в капюшонах на фоне погребального костра, причем небрежно и криво, словно рукой подростка, который считался Лавкрафта. По словам Сиритиса, обложка была настолько нескладной, что «гуляла» — падала на пол, если книгу открывали, топорщилась, когда книгу ставили на полку, и мялась, даже если ее сверху обтягивали прозрачной обложкой.

Но главной особенностью книги следовало признать ее способность вторгаться в сны неосторожных или отчаянных читателей. Издание «Блэк Рододендрон Пресс» 1961 года. Тираж 500 экземпляров, 20 из которых были отданы автору в качестве компенсации за рукопись (и, скорее всего, уничтожены «близким другом» после смерти Олдриджа и согласно его завещанию). Менее 200 копий продано. В 1962 году издательство разорилось (по крайней мере, так утверждал Джон Сиритис) и как минимум 150 экземпляров исчезли в том подвальный складе, куда их отправили... почти полвека тому назад. Джон Сиритис стал владельцем одного из первых экземпляров, заполучив его после долгих и трудных поисков в 1995 году. Некоторые особенности текстуры, отличавшие оригинал от репринта, подсказали ему, что теперь нужно искать новое, улучшенное издание.

При всех разочарованиях, которыми Интернет встречал охотников за Олдриджем, ненавистная, но полезная электронная почта позволила Франклину спросить у Джона Сиритиса о том, что его действительно интересовало: «Вы опробовали книгу на практике?»

«Не я, сэр, — ответил Джон. — Боюсь, мне не хватит смелости на подобное».

Сиритис, бывший библиотекарь, поддерживал интерес искателя, публикуя в сети библиографию Олдриджа — последовательно, хотя и без ссылок на биографию; после контакта с ним Франклин начал считать, что заполучил костяк своей будущей диссертации. Это поддерживало его весь первый год преподавания в колледже — его маленькая ниша в великой пещере литературы, задание, державшее его на плаву. Это и его женщина. Каждый семестр из нескольких сотен студентов обязательно находилась пара-тройка небезнадежных. И если небезнадежными оказывались девушки, Франклин поощрял их, поскольку даже исследователю порой хочется секса. Чуть ли не единственный плюс его карьерной лестницы в сфере преподавания. Ему даже не приходилось бросать девушек, они сами прекращали звонить, переходя в другие классы и на новые курсы. Секс с ним был всего лишь частью их обучения.

Серенити — ее действительно так звали — повысила ставки в конце прошлого семестра. Приехавшая из Бразилии, она обла-

дала ненасытным любопытством и так сексуально смущалась, что он просто не мог устоять. Большие карие глаза и грива темных волос заворожили его. Она носила милые круглые очки. Обладала формами греческой статуи и задницей, за которую нельзя было не ухватиться. Записывала в блокноты на спирали глупые песенки и отвратительную девчоночью поэзию. Она была живой, резкой, здоровой нотой в его жизни, пока не отправилась домой в Сан-Паулу. Обычно Франклин легко забывал свои интрижки, но почему-то Серенити не удавалось списать со счетов, она застряла в памяти, словно трагически погибла, а не засыпала его неприятными вопросами о преданной любви и не уехала, холодно пожав ему руку на прощание. Франклин хранил ее фотографию, которую сделал, когда обнаженная Серенити спала в его постели. Возможно, однажды она вдохновит его на написание книги.

В отсутствие Серенити никто не отнимал его свободные часы, и Франклин полностью посвятил себя поискам информации об Олдридже. Его связь с Сиритисом много не дала. Свихнувшиеся поклонники жанра, каким был и его информатор, становились совсем ручными, стоило признать величие их преданности и погладить гениальность их любимого автора. Сиритис был щедр и обязателен (он всегда отвечал на письма в течение суток, один только Зевс знает, чем он зарабатывал на жизнь, бросив библиотечное дело, если вообще зарабатывал). Сиритис последовательно снабжал Франклина не только деталями о первом издании «Пира», но и фотокопиями страниц книги.

Но фотокопии не сработали, сверхъестественное отказывалось проявиться через подделку.

Зато теперь Франклин сам (как и предупреждал Сиритис) понимал, что три рассказа «Пира» отличались — и были заметно длиннее — тех версий, что вошли в издание 1981 года.

В «Жертве» женщина страдала от неизвестной болезни и разговаривала с обручальным кольцом, оставшимся от погибшего возлюбленного, а кольцо, как ей казалось, отвечало странными нерифмованными стихами «голосом, каким мог бы говорить цветок из сказки». Можно было смеяться над стилем, но десять человек погибло жуткой смертью, пока не настал час этой женщины покинуть мир живых.

Олдридж попробовал и общую жвачку авторов того времени, написав «Выстрел Чехова» — рассказ в виде длинного внутреннего монолога самого депрессивного протагониста на планете. Когда выстрел наконец раздался (две пули перорально, как положено), персонаж понял, что уничтожение мозга не прервало деятельности сознания.

«Сирены Весткотта» в оригинальном издании были почти на треть длиннее. В рассказе описывалась химическая динамика сексуального влечения, но основной темой являлась проблема неверного выбора, основанного на физической привлекательности. Главный герой Херман Бэнкс, неухоженный люмпен, убеждал себя, что ищет настоящую любовь, а не только секс, но истинное удовольствие получал, когда ему удавалось затащить в постель женщин, которых прежде отталкивала его непрезентабельная внешность. Как только женщины сдавались и полностью покорялись ему в постели, они переставали его интересовать. После некоторые жертвы решились сравнить свои впечатления о «самом сильном сексуальном переживании» в их жизни... но для этого им пришлось втянуть в попытку разоблачения соблазнителя первую красавицу города. Сиритис писал в своей рецензии: «Если секс сравнить с адом, рассказ проведет нас по всем его кругам к вечному проклятию».

Все три рассказа получили уйму протестующих писем от читателей, заявлявших, что изначально они печатались в «Эсквайре» и «Плейбое». Первый рассказ представлял собой бессовестное руководство по убийству любимых. Второй точно так же можно было рассматривать как инструкцию к самоубийству. Третий рассказ, изначально напоминавший сексуальную фантазию, на самом деле оказался истинной жутью. Все тексты были полны непонятных намеков. Франклин и сам ощутил, что с каждым прочитанным рассказом вздрагивает, а каждый абзац вызывает у него озноб.

Он листал копии страниц, которые Сиритис отсканировал по развороту на лист и переплел пружиной по левому краю. Перечитывал «Тени в клетке». «Промыть, прополоскать, повторить» — рассказ, довольно известный благодаря тому, что был взят компанией Альфреда Хичкока за основу сценария для одного из популярных в то время сериалов, который, однако, так и не был

снят. Олдридж добился публикаций в журнале, посвященном Хич-коку: вышли три рассказа — «Сорвавшийся человек», «Ученик гробовщика» и «Ящик номер 262». Последний вызвал поток писем от возмущенных читателей, и поток этот еще долго не утихал.

Неопубликованный рассказ, вошедший только в сборник «Пир», назывался «Доктор Шекель и мистер Лай» — первая искренняя попытка Олдриджа написать юмористическое произведение, но то, что творила упомянутая в названии парочка со своими жертвами, вызывало любые чувства, кроме желания засмеяться. Они то попросту работали кулаками, то хладнокровно убивали и расчленяли тела. Рассказ опередил появление фильмов-слэшеров почти на два десятилетия, но Франклин считал, что лучше всего автору удался кумулятивный эффект. Дело было не в том, с какими пышными прилагательными и какой хирургической точностью он описывал элементы бойни, стараясь придать им даже некий лоск. Дело было в профессионализме, но не писательском: автор брался за тему, которая в литературе считалась табу, и описывал ее крайне профессионально — не как писатель, а как тот, кто знает отвратительно много о доминировании и подчинении. Во всем.

Его «Идея красоты» и «Необходимое зло» тоже подверглись крайне жесткой цензуре. Олдридж, уже узнав вкус славы благодаря журналам, вдохновил целую армию последователей, плагиаторов и пересмешиков, которые, впрочем, не написали ничего более талантливого, чем обычные порнорассказы. Каждый брался за «проблемы» и делал «предположения». И было совершенно ясно, почему в начале шестидесятых ни один издатель не брался за работы Олдриджа. Секс являлся неприкасаемой темой, последователи низвели ее до полной профанации, а мир того времени тяготел к теме насилия, после одной войны и надвигающейся — «холодной» — другой.

«Тебе стоило написать роман, — думал Франклин. — Тогда в наше время тебя признали бы Уильямом Бэрроузом хоррора».

Олдридж преступил границы, и микроскопический журнал «Одержимость», довольно нерегулярно выпускавшийся группой «почитателей всего Темного» в Милуоки, пел ему хвалу за это. Большая часть колонки, отведенной литературе в пятом номере,

была посвящена восхвалению Олдриджа и попыткам вызвать его, чтобы вручить самодельную «Премию Хьюго» от почитателей. И сотрудники журнала, и его читатели знали Олдриджа по предыдущим работам. Но, несмотря на все призывы, Олдридж так и не ответил им, а два номера спустя журнал прекратил свое существование.

«Этим и заняты авторы, — думал Франклин. — Расширением границ. Они знают все о том, как подчинить аудиторию».

А затем шел сам рассказ «Пир и победа: погребальный костер». Тоже из первого сборника. По словам Сиритиса, существовали две версии, присланные в «Блэк Рододендрон», и, как ни забавно и странно, вторая так и не увидела повторного издания.

В одном из писем Сиритис говорил:

Об Олдридже нам известно немного, и не нужно быть гением, чтобы понять: он любил играть в анонимность и пускать читателей по ложному следу. Возможно, он поступал так, чтобы запутать позднейших биографов, была в нем подобная чертовщинка. Как вы уже заметили по разным статьям энциклопедий, даже даты его рождения и смерти помечены знаками вопроса. Неясна и запись о его браке с Мари Топаз Северин в ноябре 1953 года, а с середины 1955 года о ней больше не говорится ни слова, хотя я не нашел ничего, что указало бы на разрыв, развод или ее смерть. Вам стоит также знать, что вскоре после его погребения на Первом городском кладбище Сент-Луиса могила подверглась нападению вандалов, а затем была смыта весенним наводнением, которые нередки в тех местах. Я лично проверил это десять лет назад, во время первой моей поездки в Штаты: участок его могилы отмечен на плане кладбища, но самой могилы я не нашел. Однако не думаю, что он «залег на дно» или сфабриковал свою смерть. Я говорил с несколькими людьми, присутствовавшими на похоронах, в том числе со Стоуни Бьючампом, который сжег личную библиотеку Олдриджа и его документы согласно его завещанию (еще одна потеря!). Жена Стоуни Лилия хорошо помнила две вещи: то, что Олдридж очень

любил свою жену, Мари Топаз, и то, что он пребывал в депрессии из-за своей «несостоятельности».

«Возможно, он убил ее», — написал в ответ Франклин.

«Не думаю, — ответил Сиритис. — Он слишком ее любил».

Вот еще одна «неизвестная» деталь об Олдридже. Подобного рода информацию не включают в справочники. И все же любовь Олдриджа была очевидна, стоило лишь перечитать его работы. Олдридж *очень хорошо* разбирался в женщинах. Обычно писатели-отшельники творили эротику, основываясь исключительно на своих неудовлетворенных желаниях, и сводили повествование к тупой похоти. Новички же заливали текст сахарным сиропом, пригодным разве что для подростковой мастурбации. Олдридж же писал как фанатик своего дела, пытающийся разобраться во всем, что ему удавалось узнать о чуждом, едва ли не инопланетном виде. В их форме, их теле, их внутреннем строении, предпочтениях. Его восхищало само проникновение мужчины в женщину. При всех различиях между мужчинами и женщинами они идеально подходили друг другу. Его восхищало подобие и бесчисленное количество комбинаций гендерных особенностей. Внешность могла лгать (при определенном умении один пол можно было превратить почти в идеальное подобие другого). Правда скрывалась внутри: анатомия и эмоции не лгали. Олдридж искал ту частоту, на которой понимание между полами смогло бы стать более полным.

Возможно, в каком-то из литературных агентств, думал Франклин, один лишь *тон* его книг так впечатлил рецензента, что тот не смог избавиться от кошмаров и породил легенду о том, что книга вторгается в сны.

Франклин жаждал обсудить свои теории с Сиритисом, который не отвечал уже дольше недели. А когда ответил, письмо было совсем коротким и состояло из извинений в связи с тем, что Сиритис «немного приболел».

«Пир и победа: погребальный костер» был самой главной попыткой Олдриджа описать, красной нитью прошить в сюжет утверждение о том, что некоторые люди стремятся убить своих любимых *именно потому*, что любят их. Речь шла не о сум-

сшедших мстителях, не о маньяках с романтическими фантазиями. И даже не о мокрых снах и терзаниях неудовлетворенной плоти. Олдридж писал о рационально мыслящих существах, о судьбе, которую они творят для себя сами, словно генерируя магию, не осознавая того; писал так, словно сама любовь была злобным божеством, которому лучше не попадаться на глаза. Стихийное жертвоприношение пожирало не только влюбленных, но и всех, кто когда-либо коснулся истории их любви.

Возможно, Олдридж этим рассказом признавал «Пир» — книгу — своим реквиемом. Франклин предполагал, что весь сборник составлен как лестница, ведущая к финальному рассказу, к всепоглощающей смерти.

Поначалу автор писал о жизни — о достижениях, трагедиях, победах, увеселениях, сожалениях, удовольствиях. И весы склонялись в сторону успеха. А затем — ритуальные приготовления к концу страданий.

Но каких высот он достиг по пути!..

Франклин внезапно понял, как зародилась легенда об этой книге. Сам сборник был литературным вариантом «Мрачного воскресенья» — венгерской песни, написанной в 1933 году и повлекшей серию самоубийств, порожденных якобы ее исключительной депрессивностью, особенно среди поклонников джаза, которые слышали версию Билли Холидей. Миф заключался в том, что композитор Резсо Сересс написал песню для бывшей девушки, с которой надеялся «быть счастлив в смерти». Девушка покончила с собой, оставив записку со словами «мрачное воскресенье», и Сересс покончил с собой, прыгнув с высокого здания в Будапеште в 1968 году — от отчаяния, что не может создать ничего более популярного, чем эта песня.

Франклин знал, что обычно люди повторяют слухи, но никогда не могут назвать тех, кто эти слухи породил. Дж. Артур Олдридж стал таким же неизвестным, затерялся в истории, обреченный на забвение в тот момент, когда университетские библиотеки сменили карточные каталоги на компьютерные базы данных. Одна неправильно введенная буква — и найти сведения становилось невозможно; одна ошибка в перекрестной ссылке — и карьера навсегда потеряна в глубинах сервера, не говоря уж о том, что

файл могут десятилетиями не находить и не исправлять. Франклину нравилась аналогия с рукой. Он любил говорить: нарисуйте человеческую руку. Звучит легко. (Вручите кому-нибудь карандаш и попросите его нарисовать руку, которая будет выглядеть как рука. И никакого обмана — только детки в садике обводят собственную ладонь, приложив к бумаге.) Все считают, что могут это сделать, но на самом деле задание оказывается более чем сложным.

То же касается всех, кто вручную переносит в систему данные каталожных карточек за мизерную плату. Они пытаются старательно перепечатать все до последней буквы. И это задание тоже кажется легким, вот только ошибок при этом не избежать. А если вы Дж. Артур Олдридж, ваше существование как автора будет уничтожено. Всем системам необходимо время, чтобы войти в нормальный ритм. Нет быстрого пути к познанию. Вот почему человечеству до сих пор нужны такие люди, как Франклин Брайант и Джон Сиритис.

Франклин работал над заметками и с нетерпением ждал ответа от Сиритиса, проверяя почту по три-четыре раза в день. Июль сменился августом, и только тогда пришел ответ:

Прошу прощения за то, что включил вас в рассылку, но я посчитал своей обязанностью сообщить вам, что Джон Сиритис скончался в 19:30 по Гринвичу во вторник, 10 августа, в больнице «Фримли Парк» в Сюррее. Ему было 57 лет. Многие из вас знали, что у Джона эпилепсия. В конце июля он заразился гриппом, который перешел в лихорадку со рвотой. После МРТ, анализа крови и спинномозговой пункции был поставлен диагноз: острый вирусный энцефалит. Невролог тут же прописал антисудорожные средства и ацикловир. К сожалению, начальный диагноз — грипп — был поставлен неверно, и поражения оказались фатальными. При энцефалите происходит воспаление головного мозга, которое в сложных случаях не оставляет надежды на полное восстановление организма, страдают двигательные функции, поведение и сознание. И хотя 5 августа лихорадка ослабла, Джон страдал от судорожных припадков и внезапных обмороков. Он впал в кому 6 августа и не пришел

в сознание до самой смерти. Внецерковная погребальная служба будет проведена 15 августа в Кемберли. Джон настоял на кремации.

Меня зовут Кеннет Нуффилд, я был партнером Джона последние двадцать лет. Я рассылаю это письмо всему списку контактов в его электронной почте, в надежде донести печальную новость до его друзей в Америке, тех, кто не сможет присутствовать на похоронах. Я получил от Джона список организаций (приведенный ниже), которым он очень хотел помочь пожертвованиями.

Я полагаюсь на ваше сочувствие и любовь в этот тяжелый миг и отвечу на любые ваши вопросы, предоставлю любую информацию, если вы свяжетесь со мной по адресу...

Сиритис был мертв. Его мозг сгорел.

А до начала нового семестра осталось всего несколько дней.

Франклин отправил Кеннету Нуффилду несколько осторожных сообщений. Ему было совершенно ясно, что Сиритис и Нуффилд очень любили друг друга. Франклин пытался представить, что должен сейчас переживать Нуффилд. Все вдохновение, которое вызывали раньше исследования, испарилось, потому что найти факты не представлялось возможным. Стало сложно концентрироваться, Франклин легко отвлекался. Он снова перечитал рассказы — все работы Олдриджа, — но между строк не нашлось ничего нового. Ему требовалось нечто такое, что помогло бы преодолеть пропасть, возникшую после смерти Сиритиса, и за неделю до начала занятий Франклин получил это «нечто».

Небольшую посылку от Кеннета Нуффилда, с марками и штампами Соединенного Королевства. Внутри нашлась записка от Нуффилда, где в частности говорилось: «Ваш интерес к автору стал источником многих радостей Джона. Он говорил, что Вы дорожите им, и я уверен, Джон хотел бы, чтобы это принадлежало вам». Во внутреннем пакете, запечатанном пленкой и клейкой лентой, лежал экземпляр «“Пира” и других», принадлежавший Сиритису. В точности такой, как Джон его описывал: грубые страницы, скользящая обложка и прочее.

Дрожащими (от радости, конечно, и от нетерпения) руками Франклин держал то, с чем можно было поставить настоящий эксперимент. Ему хотелось попробовать то, на что в свое время так и не решился Сиритис, вот только попробовать по-своему, немного под другим углом. Что, если открыть книгу на определенном рассказе и только потом положить ее под подушку? Можно ли управлять снами, которые навевает книга, погружаться в ужас (или экстаз) по собственному выбору? Или вся мистическая аура сборника была дутой?

«Так живут истинные писатели, — думал Франклин, — пытаются изнутри и ищут выход для своих желаний».

Он хотел выяснить, что знал о женщинах Херман Бэнкс, как он покорял их. Вымышленный персонаж являлся проекцией самого Олдриджа, а в тексте содержалось больше, чем мог понять непосвященный читатель. В «Пире» скрывалось множество тайн. Узнав то, что прячет доставшаяся с таким трудом книга, Франклин сможет не только завершить академические исследования, он изменит и улучшит саму свою жизнь.

Узнать любовь, которая, как и тайна, всегда бродила по самой кромке восприятия, но не давалась в руки.

Когда Франклина обнаружили, то, что от него осталось, напоминало сувенирную фигурку из мыльного камня, слегка подкопченную по краям. Фигурка лежала в позе эмбриона: Франклин спал во время пожара. Ни утечки газа, ни опрокинувшейся свечи, ни сигареты, ни намек на самоубийство обнаружено не было. На его лице застыло выражение полного спокойствия и умиротворения, точнее — запеклось, как обожженная глина. Кровать прогорела, пружины наполовину расплавились, балки в стенах не вынесли невероятного жара, но на теле Франклина не нашли ни гари, ни пыли, ни ожогов. Температура при пожаре была такова, что во всем доме не уцелело ни одной книги.

Стив Найлз

И ВСЯ ЭТА КРОВАВАЯ ДРЯНЬ

(История детектива Кэла Мак-Дональда)

Когда я очнулся, Эль Борода де Психо уже пытался отпилить ржавым скальпелем кусок моего бедра. Штанину он разрезал, и сочная мясистая часть была в полном его распоряжении.

Скальпель уже прижался к моей плоти, но тут он остановился, увидев, что я открыл глаза.

Все, чувак, ты покойник.

Вот ведь тупые каннибалы.

Все началось несколько дней назад, когда мне позвонил парень, который говорил с парнем, который знал ту леди, которая упоминала, что семья ее брата пропала на пустынном участке калифорнийского хайвея.

Я все это выслушивал, потому что парень — первый в цепочке — попался придурочному вампиру, а я спас его задницу, пристрелив тварь до того, как она разорвала его на части. Вот он и позвонил отблагодарить.

— До сих пор не могу поверить в случившееся. — У него был тонкий визгливый голос, который вызывал желание стукнуть его молотком.

— Ну так поверь и успокойся! — рявкнул я, пытаюсь от него отвязаться.

Ну не нравится мне идея такой дружбы. Я тебя спас. Скажи спасибо и вали на фиг. Все, точка.

— Мистер Мак-Дональд, я просто не знаю, как вас отблагодарить.

— Рад был помочь.

И все, я заткнулся. Если он собирается продолжать тему, пусть ноет в пространство. Мне есть чем заняться. У меня пачка болеутоляющих ждет не дождется вдумчивого поедания.

— Но есть кое-что еще...

Твою мать. Начинается.

— У меня есть друг, который встречается с одной леди, и вот она говорила, что ее семья так и не приехала домой, отправившись из Вегаса в Лос-Анджелес.

Я уперся лбом в столешницу.

— Позвони в полицию. Это пропажа людей. А я занимаюсь только странными делами.

— Но она так об этом рассказывала, что... Это очень и очень странное дело.

Как же я хотел от него избавиться!

— Как зовут леди, номер ее телефона?

— Я... сейчас посмотрю.

Его визг гулял по остаткам моих нервов, как ржавая бензопила.

— Келли Хьюджс. Она живет в Глендейле.

Он дал мне номер и снова поблагодарил. Я пожелал ему всего хорошего и повесил трубку. Вот же хрен.

На девяносто процентов моя деятельность зависит от чутья. Вот почему я взялся за дело визгливого поросенка. У людей тоже есть чутье на странное и сверхъестественное. Они подсознательно понимают то, чему изо всех сил сопротивляется сознание.

Меня всегда спрашивают, почему только я могу видеть чудищ и монстров в темных уголках мира, и я всегда отвечаю, что это из-за чутья. А еще из-за того, что меня не раз и не два гоняли по всему городу уроды и монстры, так что мне хватило примеров, чтобы понять: есть дрянь, которой наплевать на все законы логики. Вот взять и наплевать.

Я подъехал к дому Келли в Глендейле. Жила она в такой же испанской аптечке, как и я, вот только ее домик был опрятным и чистым, оградкой служил белый штакетник, а под окнами висели контейнеры с цветами. Меня от этого затошнило.

Женщина оказалась приятной. Сказала, что ничего не слышала о своем брате Андре, его жене Дебре и об их сыне, восьмилетнем Дуге, после того как несколько дней назад они сказали, что скоро приедут. Ехали они на серебристом фургоне

«вольво 2004». На звонки не отвечали. Она пыталась обращаться в полицию, но там были больше увлечены поеданием пончиков, и леди призналась мне, что готовится к худшему.

Вроде бы обычное дело, но мое вышеупомянутое чутье сигнализировало о том, что оно как раз серьезное. Семьи не исчезают вот так, на шоссе посреди ночи. Я выпросил у нее нужную информацию, взял описания внешности и номера телефонов. Ну, как положено. И понял, что могу начать с отслеживания банковских карт и звонков, чтобы определить, где именно пропала семья.

В полиции работают тормоза. Последний раз Андре Хьюджс пользовался кредиткой на дальней заправке на хайвее № 15, между Лос-Анжелесом и Вегасом. Что меня заинтересовало, так это сумма. Он запросил 40 баксов, но так и не снял. Либо что-то случилось и их обманули, либо продавец решил, что деньги им не нужны. Так или иначе, а я чуял проблемы.

В ту же ночь я прогнал «нову» по всему пути. Партнера братья не стал, у него была назначена встреча с какими-то гулями, недавно приехавшими из Европы в Лос-Анджелес. В последнее время наблюдался неслабый наплыв дружелюбной нежити. Следовало бы это прояснить, но, честно говоря, мне было плевать, пока они никого не съели.

Путь оказался длинным и скучным. На дороге почти не было других машин. Середина недели и поздно, не самое горячее время для езды в Вегас. Я проглотил пару амфетаминок, кодеин, чтоб не дергаться, и заполировал все это виски и самокруткой.

От такого коктейля в голове зазвенело; ночь в пустыне, холмы вдали и широкая пустая трасса заиграли яркими цветами, и меня пару раз трянуло по делу, особенно когда я увидел старую заправку с древними насосами и забегаловку, больше похожую на декорацию к «Гроздьям гнева».

За ней, почти скрытый проржавевшим пикапом, стоял серебристый вагончик «вольво». Я смог рассмотреть калифорнийские номера и багаж, все еще прикрученный к крыше.

Следовать своему чутью. Соединять точки... Похоже, то, что я делаю, недоступно большинству копов. Они тратят уйму

времени на поиски следов, и в это время люди умирают. Позорище.

Я остановился у фронтона. На вывеске корявыми красно-белыми буквами было написано: «Копченое мясо и барбекю Джунора». Чуть ниже висела табличка «Работает кондиционер».

Я вошел и сразу учуял запах крови с примесью соуса для барбекю. Стойка продавца была грязной, ржавой и мерзкой. Несколько столов, таких же грязных, соседствовали с ржавыми стульями. И тишина, как в могиле. Я оглянулся и заметил за разделочным столом вход на кухню.

Подошел. Вынул пистолет. Кроме запаха крови и жужжания мух, я ничего не чуял.

А когда вошел, обнаружил две вещи. Женщина и мальчик — из семейства Хьюджс, видимо, — сидели, привязанные к газовой трубе. То, что осталось от их отца, Андре Хьюджса, было прикручено к столу. С него сняли одежду и кожу, от грудины до ног, из ягодиц и бедер вырезали большие куски мяса.

Но хуже всего было то, что он все еще жил. К носу Андре крепились пластиковые трубки, воздух нагнетался в легкие, которые я мог видеть под ободранными ребрами. В руке торчала капельница, явно с обезболивающим.

Это я увидел. А стоило мне сделать несколько шагов в комнату, как я почувствовал жуткий взрыв боли в затылке. Знакомое ощущение. Меня ударили чем-то вроде гаечного ключа. Что, естественно, швырнуло меня вперед. Я выронил пистолет и смог лишь немного повернуть голову, чтобы заметить огромного мужчину с длинными светлыми волосами, усатого, в яркой гавайке. В руке он сжимал разводной ключ.

Я еще успел подумать: «Боже, меня убьет дебил-переросток», а потом ключ снова опустился и ударил меня над бровью. Я рухнул на пол и погрузился во тьму.

Что и возвращает нас к началу истории.

Не знаю, сколько я провалялся без сознания, зато, когда пришел в себя, понял, что мои брюки распороты, а дебил в гавайке собирается сделать надрез у меня на бедре. Остановило его только то, что я открыл глаза.

Руки были связаны у меня за спиной. Он приковал меня к трубе примерно в метре от мамы Хьюджс и ее сына. Папаша отключился на залитом кровью столе.

— Ну и какого черта ты делаешь? — хрюкнул я.

Эль Борода уставился на меня. Белки глаз у него были желтыми, зубы гнилыми, с черными ободками у самой десны.

— Ты недолго валялся, — сказал он почти спокойно.

Резать он не спешил, но скальпель все так же упирался мне в ногу. Стоит мне пошевелиться, и рана обеспечена. Я решил не рисковать.

— Ну... и как давно ты ешь людей?

Его, похоже, остановил мой вопрос. Видимо, никто никогда его ни о чем не спрашивал.

Поэтому он слегка отодвинул скальпель. Меня накрыло волной облегчения и тошноты. Перебрал я в машине. И перед глазами все плыло.

— Всю жизнь, — тихо сказал он. Язык у него заплетался. — Мой Па научил меня готовить.

Теперь, заговорив, людоед выглядел как пятилетний debil, который не знает, что ему делать. Он грустно на меня посмотрел, потом, похоже, очухался и заглянул мне в глаза.

— Я от этого становлюсь сильнее. Я ем людей и ем их души. Так говорил Па. Он съел Ма, а потом сказал, что теперь ее душа останется в нем насовсем.

— Да ну?

Людоед в цветастой гавайке смущенно кивнул. Я покосился на его пленников. Мать не шевелилась. Наверное, вырубилась, увидев, что с ее мужа живьем сняли кожу. Паренок был в сознании. Его глаза были широко распахнуты, но смотрел он не на умирающего отца, а на убийцу. Мальчишка смотрел на него, заминал и явно планировал месть, которую вряд ли мог осуществить.

— Почему бы тебе не отпустить семью? — предложил я. — Можешь меня съесть. Моего мяса тебе хватит на месяц.

Идея ему не понравилась. Он яростно замотал головой и сжал скальпель крепче.

— Нет, нет, нет, нет, нет.

Я кивнул.

— Уверен?

— Я сказал: нет!

Ясно. Требовался новый подход. Этот придурок явно заколебался. Осталось правильно разыграть карты. Мне нужно было заставить его говорить.

— Ладно, прости, — тихо сказал я. — Я просто никогда не встречал парня, который торгует сэндвичами с человечинкой.

Бородач присел на корточки. Его голова переходила сразу в плечи, шеи у идиота я не заметил. Выглядел он как арбуз с руками и ногами, обряженный в кричащую рубашку с рисунком из ананасов. Он сел на пол, скрестив ноги, и я заметил, что его сандалии и носки покрыты засохшей кровью, волосами и грязью.

Он хотел поговорить. А я отчаянно жалел, что у меня в голове коктейль. Мало мне сотрясения мозга, которое этот поганец устроил, так еще и таблетки с виски явно плохо сочетались. Чувствовал я себя преотвратно.

— Я не торгую человеческим мясом.

Разговаривал он спокойно. Светлые волосы, густые и выющиеся, были сбиты в колтуны и тоже покрыты кровью и грязью. Кожа на лице была загорелой, а борода и усы выцветшими. Руки напоминали варежки, из которых торчали пальцы-сардельки. Я старался не думать о том, что эти руки могли делать.

— Что значит «не торгуешь»? — спросил я, чтобы потянуть время.

Борода покачал головой.

— Человеческое мясо только для личных нужд, — гордо сказал он. — Посетителям на барбекю идет свинина и говядина.

— А почему? Человечина слишком изысканна для покупателей? Им ведь тоже может понравиться, знаешь ли.

— Па говорил, что человечина только для нас, для тех, кто знает истину.

Последнюю фразу он произнес неуверенно. Словно попугай, когда-то заучивший слова.

У меня кружилась голова. Я с трудом заставлял себя оставаться в сознании. И понятия не имел, о чем говорить с людоедом.

Больше всего мне хотелось взять молоток и разнести ему череп. Чтобы хоть немного отплатить за кровавые шишки на моей голове.

Пытаясь его заболтать, я работал над замком наручников при помощи маленькой проволоки, но мне мало что удавалось. За спиной убийцы миссис Хьюджс начала приходить в себя. У нее затрепетали веки. А вот мальчишка смотрел все так же, прямо и без выражения. У него был шок. Если ему не помочь, психика может не выдержать.

Убийца уселся на пол и, несмотря на бойню, которую он устроил в этой комнате, казался теперь всего лишь ребенком-переростком. Он даже похлопывал себя скальпелем по ноге, как малыш шлепает совочком в песочнице.

— Что с тобой, Психо? — спросил я. — Подавился мясом их папочки?

— Со мной никто никогда раньше не разговаривал, — честно сказал он. — Они всегда только кричали.

— Ну, это, наверное, потому, что ты их убивал.

— Ага, наверное.

Я кивнул в сторону папы Хьюджса на столе.

— Ты с ним уже закончил?

Эль Борода оглянулся через плечо на освежеванного человека, потом снова на меня.

— Ты мне помешал. И теперь он испортился. Надо было начать с леди или ребенка. Ребенки вкусные, если их не закармливали сахаром все детство. Но даже если закармливали, они все равно вкуснее взрослых.

Убийца обернулся через правое плечо, в сторону женщины и мальчика. Дебра Хьюджс уже полностью пришла в себя и осознала происходящее. Теперь она смотрела на окровавленное, изувеченное тело мужа и быстро и глубоко дышала. По щекам катились слезы, и, даже несмотря на кляп, ей удавалось производить много шума. Слишком много шума. Убийца продолжал на них смотреть. Нужно было отвлечь его, пока он не начал отрезать куски и от них.

Я оглядел комнату. Перед глазами все плыло, десны онемели. Я был в плохой форме. О чем я только думал, мешая таблетки

с выпивкой? То есть я всегда так делал, но с ударами по голове коктейль никак не хотел сочетаться. Вообще никак.

Я уставился на оплывшего убийцу в рубашке с ананасами, прикидывая свои шансы. Он посмотрел на меня, потом на женщину с сыном, потом снова на меня. Не знаю, числился ли я вообще в его меню, но идея уже забрезжила. Плохая идея, но все же лучше, чем никакой.

— Эй, Психо, а имя у тебя есть?

Он тупо посмотрел на меня.

— Снаружи. Читать не умеете, мистер?

— Умею.

— Мое имя на вывеске. Мой Па его там написал, когда передавал мне дело.

Я попытался вспомнить вывеску. Получалось плохо, но потом все же дошло.

— Джуниор?

Убийца расплылся в широкой усмешке, и я увидел, как выглядывает его рот изнутри. Пещера с черными зубами, белым языком и гнилым мясом. На языке виднелись черные точки, на внутренней стороне губ — какие-то старые язвы.

— Ага, так меня зовут. — Он почесал щеку и добавил: — Меня, моего Па и дедушку, всех звали Джуниорами.

— Да неужели! А дедуля тоже ел людей?

Джуниор ухмыльнулся:

— Ага.

Он вдруг поднялся и вышел из комнаты. А я вдруг остался наедине с семейством Хьюджс.

И посмотрел на Дебру.

— Вы в порядке? Не ранены?

Ее тут же сорвало в истерику.

— О... боже!

Она закричала.

Я покачал головой.

Женщина замолчала.

Я посмотрел на мальчика. И заметил, что он связан веревкой.

— Тебе удалось ослабить веревку, сынок?

Он тяжело сглотнул.

— Нет.

— Не торопись, но работай. Она поддастся.

Женщину начало трясти. Она была явно на грани срыва.

— Успокойтесь. Ведите себя тихо, лягте на пол, — хрипло прошептал я. — Вы и мальчик. Закройте глаза и пригните головы.

— Мой... мой муж...

— Леди, мы видим его легкие, но они пока движутся. Нужно надеяться на лучшее.

Я услышал тяжелые шаги Бороды. В последний раз посмотрел на Хьюджсов и кивнул. Они нервно кивнули в ответ.

Джуниор, похожий на бродячего кроманьонца, влетел в дверь и остановился, задумчиво разглядывая свою мясницкую. Я закашлялся, чтобы привлечь его внимание.

Он уставился на меня и громко и протяжно пернул. Звук был похож на тот, с которым попкорн сыплется из промокшего мешка. Пустые глаза оставались пустыми, но уголок рта у него подергивался, как собачья нога у приметного столбика. Наверное, это должно было означать улыбку.

— Что ты там делал? — спросил я.

Он хрюкнул и подошел ко мне.

— Забыл закрыть дверь.

— Боишься, что посетители явятся, когда ты будешь кого-то жевать?

Он наклонился и ударил меня по губам. А потом просто сидел и наблюдал, ожидая, когда я очухаюсь после очередного удара. Когда мне удалось изобразить взглядом вопрос «Какого хрена?», он продолжил:

— Я никого не боюсь. Кто приходит сюда без приглашения, тот покойник. Вот так просто. Па всегда говорил, что никто ничего не узнает, если некому будет рассказывать.

Я приподнял брови. На большее меня не хватило. Я догадывался, что так будет, и знал, что пришло время претворять в жизнь мой единственный план.

— Плохо, — пробормотал я. Не соображая, что именно я имею в виду.

Людоед довольно рассмеялся.

— Для тебя плохо, тупой козел!

Я решил не заострять.

Он смеялся, а я возился с замком наручников на запястьях. Слабость и оцепенение мешали, зато обезболивающее врубилось на полную, и я воспользовался этим, чтобы рвануть руки. Сил хватило бы на то, чтобы сломать запястья. Я рухнул на пол. Труба двинулась. Или это комната зашаталась перед глазами. Так или иначе, что-то поддалось.

Его смех перешел в хриплый кашель, и он снова начал коситься то на меня, то на женщину. Больше всего меня волновали звуки, которые издавал его живот. Громкое урчание. Если бы меня спросили, я сказал бы, что в животе у людоеда урчит от голода. Не тот звук, который хочется услышать.

А потом он облизал губы, поймав нитку слюны желтым языком.

Он был голоден.

Я сделал свой ход.

— Похоже, тебе нужно мясо, Джуниор.

Он посмотрел на меня так, словно я прекрасно его понял.

— Мне нужна сила. Мне нужна еще одна душа.

Я поерзал.

— Так почему бы не съесть *меня*?

У Бороды отвисла челюсть.

— Что?

— Я тут самый сильный. И душа у меня наверняка крутая, — объяснил я. — Съешь меня.

Джуниор взял скальпель со стола. А я даже не заметил, когда он его туда клал.

— А ты, похоже, и вправду в этом разбираешься.

— Типа того.

Людоед вернулся к созерцанию моей ноги. Натянул и разрезал ткань штанов, чтобы добраться до бедра. Убрал ошметки, чтобы не мешали.

А потом прижал скальпель к мясистой части бедра под суставом и сделал надрез примерно в четверть дюйма *внутри* моей ноги. Я закрыл глаза и стиснул зубы. И завопил, точнее, взвыл, когда почувствовал боль. Обжигающую. Даже сквозь наркотическую завесу проняло до самой печени.

Но этот разрез был всего лишь подготовкой. Он отложил скальпель и вытер рану мокрой тряпкой, уже пропитанной чьей-то кровью. И потянулся за чем-то похожим на домашний резак для сыра. За длинной проволокой, натянутой между деревянными зубцами.

«Боже, — подумал я, — это сработает лучше».

Людоед взял резак за ручки и натянул проволочную струну. Я напрягся, дернув руки из наручников, и по запястьям потекла кровь. Просто я знал, к чему движется дело, и не мог сдержаться.

Чтобы не ударить урода в лицо, понадобилась вся моя сила воли. Я не мог рисковать. Я все еще был в наручниках. Ударить его я мог, но тогда последним смеялся бы уродец. Нужно было сидеть и терпеть.

Он погрузил проволоку в разрез на моей ноге и вонзил ее в мою плоть в натянутом состоянии. Я сжался. Он убедился, что проволока как следует вошла в рану. Больно было так, что меня начала бить дрожь.

— А теперь не шевелись, — сказал он.

И дернул!

Проволока быстро и чисто вошла в мою плоть, как разогретый нож входит в масло. Вошла примерно на дюйм. Худшей боли я в жизни не испытывал, но мне удалось не дернуться.

Я зажмурился и стиснул зубы, пытаюсь удержать крик. А когда открыл глаза, увидел, что именно я чувствовал. Я увидел убийцу, который изо всех сил тянул ручки на себя. И почти закончил работу. Ему остался последний рывок.

После которого кусок моего филе отделился от ноги.

— Вот! — воскликнул Джуниор, словно добившись чего-то важного.

Я отвернулся. По щекам катились слезы. Боль была невыносимой.

Джуниор отбросил окровавленный инструмент и аккуратно поднял полоску мяса. Она покачивалась в его руках. Веса в ней было порядочно. Все мои силы ушли на то, чтобы не сплевать. Меня тошнило, голова кружилась, перед глазами плыло.

В руках убийцы болтался кусок моей плоти, примерно пятнадцать на семь сантиметров. На моей ноге истекала кровью соответствующая рана.

Думать почти не получалось. Я поднял голову и попытался заговорить, но понял, что не могу разжать сцепленные зубы.

Потом получилось.

— И что теперь, Джуниор?

— Приготовлю и скушаю стейк, — ответил он, глядя на мясо в руках.

— Приготовишь? — выплюнул я. — Ты что, девчонка?

Это его расстроило. Он чуть не уронил кровавый кусок на грязный пол и обиженно вздернул подбородок.

— А что такое?

— Да то, что все знают: если человечину готовить, она теряет всю полезность, — с трудом выговорил я.

Больше всего мне хотелось завопить. Завопить, срывая горло, и проломить ему череп. Я представил, как бью его трубой по голове, как душу, смыкая руки на его шее, пока он не сдохнет. Ощущение его шеи под пальцами было почти реальным.

Людоед смотрел на мое мясо, мою кожу. Смотрел так, словно его всерьез взволновали мои слова.

— Правда? — спросил он.

— Насколько я знаю.

Джуниор схватил тарелку с полки и положил на нее окровавленное мясо, приглядываясь к нему. За его спиной находилась газовая плита, на которую он косился, если не смотрел на меня или на Хьюджсов, которые притворялись опоссумами, несмотря на мои вопли.

А я висел на тонкой ниточке сознания между передозом и болью в ране. И начинал сомневаться в действенности моего плана. Мне показалось, что сумасшедший ублюдок не поддастся.

Джуниор потыкал пальцем мой волосатый и кровавый стейк.

— Ты уверен? Па говорил, что еду всегда нужно готовить.

Я кивнул, пытаюсь скрыть боль.

— От температуры из мяса уходит душа.

— Правда?

— Правда. — Я понятия не имел, что несу.

Джуниор секунду поразмыслил, потом поставил тарелку и пошел к ящикам. Откуда, к моему огромному облегчению, выудил вилку и нож. Пришло время узнать, повернулись ли дела к лучшему или я опять облажался.

Я не хотел смотреть, но просто не мог отвести взгляд от куска моего же мяса. Людоед проколол вилкой краешек и начал работать ножом, отделяя небольшой и относительно безволосый кусочек, чтобы попробовать. Мясо трепыхалось на вилке, которую он отправил себе в пасть.

Жевал людоед примерно минуту, перекачивая мясо из стороны в сторону, а потом с громким звуком проглотил. Клянусь, я почти чувствовал, как моя плоть сползает вниз по его глотке.

Он обвел комнату мечтательным взглядом, как гурман, прислушивающийся к себе, и начал отрезать следующий кусочек.

— Ну и как я? — Мне было больно и тошно, но сарказм все-таки удался.

— Мясо вкусное. — Он причмокнул. — Жуется.

Меня тошнило. Я опустил глаза на овальную рану на бедре, из которой хлестала кровь. Ногу жгло, как огнем.

Джуниору я, похоже, действительно понравился, потому что он начал нарезать остаток филе равномерными полосами, которые мог легко прожевать. Я наблюдал, как он ест такую полоску, тщательно перемалывает зубами, жмурится и тянется за следующей. Каждую он тщательно пережевывал вместе с кожей и волосами. И глотал с абсолютно непроницаемым лицом.

Я посмотрел на мальчишку Хьюджса. Его голова была опущена, но я видел, как он двигает руками. «Хороший мальчик, — подумал я. — Разбирается с веревками».

Джуниор проглотил последний кусочек и вылизал тарелку. Я наблюдал за ним, выискивая нужные мне признаки. Казалось, он вел себя так же, как раньше... Но нет. Я видел, как бегают его глаза, как он недовольно трет лицо.

Джуниор улыбнулся и повернулся ко мне. Вот тут-то я и убедился, что мой идиотский план сработал. У меня-то была годами нарабатанная толерантность к болеутоляющим, наркоте и виски, а вот Джуниору гремучая смесь оказалась в новинку.

Он поплыл.

Его торкнуло от моего мяса.

Я оказался токсичным.

Джуниор, спотыкаясь, поплелся вперед, потирая лицо и хихикая. Выглядел он как полный придурок. На расстояние удара он еще не подошел, но главного я добился.

— Ну и как впечатления, Джуниор? — спросил я. — Готов к новой порции?

Борода опять рассмеялся и уставился на меня как на лучшего друга. Я попытался сделать вид, что мне это льстит, но удержаться себя в сознании было не легче, чем устроить родео на свинье, и все силы уходили на это. Я мог вырубиться в любую секунду. Нужно было спешить.

— Давай, большой парень. Тебе же наверняка мало того кусочка!

Джуниор рассмеялся и поднял вилку и нож. Его шатало из стороны в сторону, глаза стали влажными и с трудом открывались, и с каждой секундой его все больше забирало. Он чуть не выколол себе глаз при новой попытке потереть лицо.

Я лежал и ждал, когда он ко мне подойдет. И, дождавшись, раскрыл глаза пошире и прицельно ударил его по яйцам здоровой ногой. Так сильно, что почти услышал звук чего-то лопнувшего.

Он согнулся пополам, уронив нож и вилку. Нож попал прямо на мою несчастную ногу.

Больно. Чертовски.

Джуниор рухнул на пол передо мной, сжался в комок. Его тошнило пеной. Я посмотрел на мальчишку Хьюджса. И он, и его мать приподнялись. Мальчишка уже освободил одну руку и теперь развязывал вторую. Я подмигнул ему.

— Можете снова закрыть глаза, — сказал я им, занося ногу над головой Джуниора.

— Не надо!

Я замер.

Парнишка Хьюджс уже освободился. И лихорадочно выпутывался из последней веревки. Я опустил ногу на пол.

И смотрел, как он подходит к телу отца, лежащему на столе. Голова парнишки едва возвышалась над столешницей. И я не

могу описать боль, которая затопила его глаза, когда он понял, что отец больше не дышит. Обнаженные легкие не шевелились.

И я никогда раньше не видел, чтобы горе с такой скоростью сменялось ненавистью. А ведь я видел немало таких перемен. Мальчик посмотрел на убийцу, валявшегося на полу, затем на выставку его инструментов. Выбрал себе небольшую помесь молотка с топором, нечто (теоретически) хирургическое, и подошел к Джуниору, который ни черта не осознавал, кроме боли в отбитых яйцах. Через несколько минут голова Джуниора будет расколота.

— Эй, парень, — пробормотал я.

Мальчишка поднял на меня глаза. Белые от ненависти.

— Чего?

— Ты уверен, что хочешь это сделать? Потому что если нет, то я сам могу с ним покончить.

Мальчишка с размаху опустил тупую сторону инструмента на череп Джуниора с такой силой, что обутые в сандалии корявые ноги людоеда взлетели в воздух.

— Уверен, — сказал он.

Ну, думаю, что я не смог бы его остановить — даже если бы захотел. Он бил и бил, вкладывая в это всю ярость и боль.

Понадобилось около десятка ударов, таких же сильных, чтобы людоед перестал дергаться.

Его голова превратилась в месиво из волос и осколков костей. Мальчишка Хьюджс уронил молоток на пол. Он закончил. Он отомстил.

Когда мальчик посмотрел на меня, я заметил, что его глаза спокойны. Он увидел наручники и без вопросов начал обыскивать карманы Джуниора. Нашел ключи и подошел ко мне. Снял с меня наручники.

Я не стал — точнее, просто не смог подняться сразу. Я просто сидел и ждал, когда к рукам вернется чувствительность, глядя, как мальчик развязывает свою мать.

Вот и все. Дело было закрыто.

Я проторчал в той забегаловке достаточно, чтобы убедиться, что с остатками семейства Хьюджсов все в порядке. Я накрыл

тело убитого покрывалом и провел Хьюджсов через зал, чтобы им не пришлось смотреть на трупы.

По пути обчистил кассу. Наскреб сорок шесть долларов и двадцать семь центов. Чуть больше затрат на бензин.

Я не стал дожидаться копов. Какой смысл? Псих был мертв. Из всех вопросов только один остался без ответа: каким таким хреном на главном шоссе могла столько лет орудовать династия психопатов и почему этого никто не заметил, не проверил?

Копы, как я уже говорил, тормоза. Они не видят того, что у них под самым носом, потому что не хотят верить в то, насколько все может быть плохо.

Мы живем в жутком, темном, страшном мире. Можете себе представить, что случится, если копы поверят в монстров? Знаете, а они ведь верят. Порой самые страшные монстры — это люди.

Ричард Лэймон

Ныряльщица

Я никогда не узнал бы о ее существовании, если бы прошлой ночью не маялся бессонницей, понимая, что нужно закончить рассказ. И вот около полуночи я в темноте прошел от дома к своему новенькому гаражу, открыл боковую дверь, включил свет и поднялся по лестнице в кабинет.

Офис, несмотря на его приличные размеры, был практически герметичен. Стоило закрыть или открыть дверь, и слабый сквозняк тревожил занавески на окне в двадцати футах от двери. Эта герметичность обеспечивала мне еще и шумоизоляцию.

Именно поэтому, открыв дверь кабинета, я сразу же понял: что-то не так. Воздух не был неподвижным, а тишина абсолютной. По-видимому, я забыл закрыть окно.

Последние несколько недель днем я держал все окна кабинета открытыми настежь, чтобы впустить легкий летний ветерок. А в конце каждого рабочего дня закрывал и запирал их. В Лос-Анджелесе, даже в Вест-Сайде, трудно перестараться с тем, что касается предосторожностей.

Но людям свойственно порой ошибаться, отвлекаться и упустить из виду детали. Видимо, я закрыл все окна, за исключением одного.

Стоя у самой двери, я точно знал, какое из окон открыто. От дальней стены до меня доносился шелест листьев на ветру, гул автомобилей и грузовиков на соседних улицах, отдаленный рокот вертолета — звуки внешнего мира лились в комнату, как вода, отыскавшая единственную пробойну в непроницаемом стальном корпусе корабля. Днем я только порадовался бы им и открыл остальные окна. Но не сейчас, ночью. Мне хотелось надежно отгородиться от внешнего мира, скрыться в уюте и безопасности.

Окно следовало закрыть.

Не включая свет в кабинете, я направился к окну. Горизонтальные жалюзи были опущены не до конца, сквозь щели в них

просачивался лунный свет, оставляя на ковре слабо различные серые полосы, путеводные нити для меня.

Створка окна открывалась, сдвигаясь вбок. Лучше было бы установить вертикальные жалюзи, тогда я мог бы просто протянуть руку меж пластин и закрыть окно. А вот горизонтальные жалюзи сначала требовалось поднять.

Стоя у окна, я протянул руку и попытался нащупать поднимающий жалюзи шнурок. Я его не видел, но прекрасно знал, где он находится. Пока я ощупывал темноту...

Ба-бах!

Звук раздался за открытым окном. Он казался знакомым, но мне не удавалось определить его источник.

Затем до меня донесся громкий всплеск.

Мои пальцы задели болтающийся шнурок. Я схватил его и потянул, поднимая жалюзи. Передо мной раскинулся привычный пейзаж ночного Лос-Анджелеса — дома, рекламные щиты, деревья, огни и лежащие в отдалении холмы.

Но был еще и небольшой островок света, который я никогда раньше не замечал, — справа, за домом моего соседа.

Окно на втором этаже было расположено выше забора незнакомого мне двора. Зато угол обзора оставлял желать лучшего. И большую часть поля зрения закрывали деревья. В результате я видел лишь кусочек дома и совсем не мог разглядеть плавательный бассейн.

Но он там точно был. Я не только слышал всплеск, но и видел вышку для прыжков в воду.

Сама вышка, сверкающие хромированные поручни и верхние ступени лестницы были прекрасно освещены. Их красиво обрамляли густые ветви тех самых деревьев, которые закрывали мне обзор.

Я почти не удивился, обнаружив неподалеку бассейн. Это же Лос-Анджелес. Здесь они не редкость, хотя и не так распространены, как, например, в районах побогаче, таких как Бель Эйр, или же в немилосердно жарких районах вроде Вэли.

Но я о нем не знал.

Бассейн ведь находился не рядом с моим домом, а рядом с соседним, за лужайкой, гаражом и оградой, его скрывали много-

численные кусты и деревья плюс еще один забор. Сам я жил в одноэтажном доме. Я мог годами не догадываться о существовании бассейна. И так и не обнаружил бы его, если бы не решил подняться на второй этаж своего нового гаража среди ночи, чтобы поработать, если бы не забыл закрыть единственное окно, из которого было видно вышку, и если бы мое внимание не привлекли звуки, которые издавал нырявший с вышки человек.

Я и раньше смотрел из этого окна.

Впрочем, не часто. И никогда я не смотрел в него так поздно ночью. А когда все же смотрел, ни разу не замечал вышки для прыжков, обрамленной деревьями.

«Но она же прямо здесь, передо мной, — подумал я. — Как я мог ее пропустить?»

Сколько до нее отсюда? Футов тридцать, сорок?

В поле зрения появились две ладони, они потянулись вверх и схватились за поручни лестницы. Затем показались обнаженные руки, за которыми последовала голова с мокрыми волосами соломенного цвета.

Девушка. Молодая женщина.

У нее были короткие спутанные волосы. Они едва достигали затылка. Плечи были открыты. Спина тоже, за исключением завязок лифчика белого купальника.

Она была стройной, с легким загаром и вся искрилась от покрывавших ее капель.

Руки девушки были подняты, она стояла ко мне боком, и я видел ее правую грудь в тонкой чашечке бикини, видел, как та поднималась и опускалась в такт шагам по лестнице.

На обнаженном правом бедре виднелись только завязки трусиков бикини. Правая блестящая ягодица отличалась великолепной формой. Ноги были длинными и стройными.

Добравшись до конца лестницы, она схватилась за изогнутые поручни и пошла вперед по покачивающейся вверх-вниз доске трамплина. У края доски девушка остановилась.

Ожидая, пока доска перестанет раскачиваться, она сделала глубокий вдох. Затем отвела руку назад и одернула трусики купальника. Поправила верх бикини. Опустила руки, прижав их к бокам, застыла и выгнулась всем телом, глубоко вдохнула,

выдохнула и прыгнула вперед. Она приземлилась на самый край доски обеими ногами.

Ба-бах!

Подброшенная доской девушка, казалось, взлетела в небо, достигла наивысшей точки прыжка, начала медленно скользить вниз... и скрылась за листьями и ветками, обрамлявшими всю картину

Спустя несколько мгновений раздался громкий всплеск. Хотя я и не мог ее видеть собственными глазами, воображение нарисовало мне, как она глубоко вонзается в воду большого, хорошо освещенного бассейна. Затем у самого дна выгибается и, беззвучно работая ногами, всплывает на поверхность.

Я прислушался, пытаюсь уловить плеск воды, когда она будет плыть к краю бассейна, но гул пролетающего самолета не оставил мне шансов.

«Ничего, — подумал я. — Скоро она снова поднимется наверх».

Я уставился на вышку.

В любой момент в самой нижней, видимой мне части лестницы могли появиться ладони девушки и она сама поднялась бы наверх, где я увидел бы ее целиком.

Шли секунды. Минуты.

Возможно, прежде чем снова подняться на вышку, она решила немного поплавать. Или отдохнуть у бассейна.

«Еще несколько минут, — подумал я, — и она вернется на лестницу».

Я ждал гораздо дольше.

Неужели я выглянул из окна моего кабинета как раз вовремя, чтобы стать свидетелем ее последнего прыжка за эту ночь?

Я решил прекратить наблюдение и попробовать заняться делом, ради которого и пришел в кабинет. Рассказ следовало закончить. Впрочем, будучи не в состоянии думать о чем-либо, кроме ныряльщицы, я вряд ли смогу на нем сосредоточиться.

К тому же я знал, что свет лучше не зажигать. Как бы тщательно я ни закрыл жалюзи, он все рано будет пробиваться между планками и по краям. И если девушка снова поднимется на вышку и заметит свет, она сразу поймет, что ее прекрасно видно из окна.

И это может все испортить.

Еще некоторое время я наблюдал за вышкой. Затем наконец сдался. Оставив окно открытым, я медленно и тихо опустил жалюзи, затем вернулся в дом и лег спать.

На следующее утро у себя в кабинете я слегка приоткрыл жалюзи и посмотрел между пластинками на вышку. На ней никого не было. И звуков тоже не доносилось.

Я смотрел туда несколько минут, затем открыл все остальные окна, сел за стол и попытался взяться за работу. Некоторое время мне не удавалось сосредоточиться. Я продолжал глядеть в сторону окна, рисуя в своем воображении девушку, и часто подходил к окну убедиться, что я ее не упустил. Каждый раз передо мной в обрамлении веток представляла одинокая вышка.

«Скорее всего, она не ныряет днем», — сказал я себе.

Хотя мой кабинет был построен совсем недавно, я работал в нем каждый день уже больше месяца... и часто с открытыми окнами. Если бы кто-либо пользовался бассейном, я услышал бы всплески, голоса, хоть какие-то звуки задолго до прошлой ночи.

«Должно быть, днем она работает», — подумал я.

Не было никакой причины считать, что она может появиться в мое рабочее время. С этой мыслью я выбросил ее из головы и приступил к работе. Мне, как и раньше, удавалось сосредоточить внимание на деле. По крайней мере, на короткие промежутки времени.

Я то и дело вскакивал, подходил к окну и выглядывал наружу.

Никаких признаков девушки. Конечно же.

Несмотря на перерывы, мне удалось закончить рассказ, прежде чем пришло время возвращаться в дом, чтобы пообедать. После обеда дело пошло куда хуже. Я сражался со своим романом, но не мог сосредоточиться на нем дольше нескольких минут, потому что мысли мои то и дело возвращались к девушке.

Я продолжал подходить к окну и смотреть на вышку.

И прекрасно понимал, что веду себя очень странно.

Вернувшись в дом, я смешал себе коктейль и разогрел в микроволновке готовую лазанью. Я поел, посмотрел новости по

телевизору. Затем попытался почитать детектив, но мои мысли продолжали витать далеко от книги.

Я сходил в душ.

Затем попробовал придумать, чем бы заняться, чтобы убить время. Еще даже не стемнело.

Возможно, сегодня она появится раньше.

Что, если она уже там и я ее пропущу?

Повесив на шею бинокль, я заторопился в гараж. Я вошел, запер за собой дверь и торопливо поднялся в свой кабинет.

Подойдя к окну, я посмотрел между пластинами жалюзи на вершину вышки в обрамлении веток. Какое-то время я наблюдал за ней. Никого. От бассейна до меня не доносилось ни звука. Затем вернулся к своему столу, устроился на вертящемся офисном кресле и принялся ждать.

Я решил разобрать электронную почту, но это было мне неинтересно. Мне вообще не хотелось ничего делать. Так что я просто сидел там, думая о девушке и не спуская глаз с окна на противоположной стене кабинета. Постепенно темнело. Я радовался приходу ночи, как никогда в своей жизни.

Опасаясь, что могу пропустить первый прыжок девушки, я не стал дожидаться каких-либо звуков. Я пересек темный кабинет, подошел к окну, поднял жалюзи и выглянул наружу.

Там, где прошлой ночью горел такой яркий свет, сегодня была лишь темнота. Я даже не смог разглядеть трамплин вышки.

«Еще рано, — сказал я себе. — Жди. Просто жди. Она появится».

И я ждал. И ждал. Минуты еле ползли.

Несмотря на то что было еще довольно рано, я начал сомневаться, придет ли она вообще. Возможно, этой ночью у нее есть другие планы. Все-таки сегодня была пятница. У такой привлекательной молодой женщины, скорее всего, есть парень, любовник. Быть может, она ушла на свидание к нему.

Или же, что еще хуже, прошлая ночь могла быть чистой случайностью — единственным за все лето разом, когда девушка решила понырять.

И если уж на то пошло, она вообще могла быть гостьей в этом доме. Возможно, она живет в другом городе или даже в другом

штате. Прошлой ночью, когда девушка решила воспользоваться бассейном, она осталась у родственника или у старой подруги — *только на одну ночь*.

«Нет, — подумал я. — Этого не может быть. Я *должен* снова ее увидеть. Хотя бы еще один раз. Пожалуйста, пожалуйста».

Она *должна* прийти, подумалось мне. Прошлой ночью, мне почти не удалось ее рассмотреть. Лишь мельком, когда она готовилась к последнему прыжку. Это просто нечестно, что судьба позволила мне увидеть эту девушку лишь на короткий миг и может навсегда отнять ее у меня.

Совсем нечестно, но с каких это пор жизнь играет по-честному?

Никогда не рассчитывай на честность. Рассчитывай только на иронию.

Бог ведет себя как зловредный джокер куда чаще, чем хотелось бы.

«Я никогда ее не увижу», — подумал я.

И затем фонари у бассейна загорелись.

Да! Да! Да!

Я поднял жалюзи. Затем оперся локтями о подоконник и приложил к глазам бинокль. Поворачивая пальцем маленькое колесико, я навел резкость на сверкающие хромированные поручни на самой вершине вышки. Они резко приблизились.

Когда в поле моего зрения возникла девушка, ее было видно так четко, словно я находился от нее в паре метров.

У меня перехватило дыхание. Я задрожал.

Она еще не входила в воду. Когда девушка поднялась по лестнице и встала, выпрямившись, на площадке трамплина, ее короткие русые волосы взъерошил ветерок. Кожа ее была смуглой и гладкой. На ней, по-видимому, было то же самое бикини, что и в прошлую ночь. Сухое, оно не прилегало к телу и казалось просторным.

Она подошла к краю трамплина и задержалась.

Я видел ее так ясно, словно стоял рядом с ней на вышке.

«А теперь, пожалуйста, повернись. Покажи мне свое лицо. Дай мне рассмотреть тебя спереди с головы до ног».

Она не повернулась.

Девушка подпрыгнула, опустилась на трамплин и, оттолкнувшись от него, полетела вперед. *Ба-бах!* Она исчезла, ее скрыли ветки. Спустя несколько секунд раздался всплеск.

Я ждал.

«Пусть все не закончится так быстро, как прошлой ночью, — думал я. — Пусть этот прыжок окажется первым из многих. Пожалуйста».

Почему ее так долго нет?

Возможно, она делает перерывы между прыжками. Нырять с трамплина, затем некоторое время плавает в бассейне и, возможно, отдыхает в шезлонге, прежде чем снова подняться на вышку.

«Терпение, — сказал я себе. — Чтобы выбраться из бассейна и дойти до лестницы, нужно время...»

Она поднялась на вышку. Теперь она была мокрой. Волосы прилегли к голове. Кожа искрилась. Бикини липло к телу. Сквозь бинокль мне было видно, как вода каплями стекает с мочки ее правого уха, струится по спине, правому боку и икрам ног.

Она подошла к краю трамплина остановилась и развернулась.
Да!

Чаше, чем в половине случаев, женщин, которые восхитительно выглядят сзади, спереди лучше не рассматривать. Их лица не соответствуют ожиданиям. Их лица все портят.

Но не на этот раз.

Далеко не на этот раз. Лицо моей ныряльщицы было из тех, которые всегда надеешься увидеть, когда некто столь прекрасный сзади оборачивается, но которые почти никогда не встречаются в реальной жизни.

Нет, не так. Оно было куда лучше, чем я надеялся.

Когда я его увидел, мое сердце забилося чаще. У меня перехватило дыхание. Я почувствовал комок в горле.

Пока девушка делала глубокий вдох, готовясь к прыжку, я рассматривал в бинокль ее длинную изящную шею, гладкое декольте и груди, лежащие в небольших тонких чашечках ее купальника. Соски были твердыми, их темные кружки просвечивали через белую ткань.

Ее живот был гладким и плоским.

Еще ниже находился крошечный белый треугольник трусиков бикини, удерживаемый в нужном месте шнурами, завязанными на бедрах.

Я застонал.

Снова переводя взгляд выше, я задался вопросом, почему она продолжает стоять на месте. Может, она нервничает перед прыжком спиной вперед? Собирается с духом?

«Не торопись, — мысленно сказал я ей. — Стой там, сколько потребуется. Хоть всю ночь».

Мой взгляд на несколько секунд задержался на ее груди, затем стал подниматься выше. Я наслаждался гладкостью ее кожи, изгибом ключиц, ямочкой у основания шеи, изящной шеей, мягко очерченным подбородком, формой губ и носа и ее потрясающими голубыми глазами...

Голубыми глазами, глядящими на меня.

Мое сердце заколотилось. Нет! Она просто случайно посмотрела в эту сторону! Она *не видит меня!* Это невозможно. Я стоял за окном в совершенно темной комнате, и она просто не могла...

Она улыбнулась, подняла руку и помахала в мою сторону.

Мне?

— О господи! — прошептал я и торопливо спрятал бинокль под подоконник.

«Несколько поздноватое, — подумал я. — Она уже увидела, что я подглядываю за ней, как извращенец».

Однако не похоже на то, что она разозлилась. Совсем не похоже.

Она чуть ли не обрадовалась, заметив меня.

«Этого не может быть», — подумал я.

Она повернула кисть тыльной стороной ко мне и сделала приглашающий жест.

Мне?

Я оглянулся через плечо, как идиот, желая убедиться, что ее приглашение не было адресовано кому-нибудь, стоящему у меня за спиной в моем кабинете. Когда я снова посмотрел на девушку, она выразительно проговаривала какие-то слова. Даже без бинокля я смог прочитать по ее губам: «Приходите ко мне».

«Она шутит», — подумал я.

Я ошеломленно смотрел на нее, совершенно сбитый с толку...

Скала и русалка.

Они не поют мне.

Но эта поет.

Невозможно.

Слегка нахмурившись, но с таким выражением, словно ее это все забавляло, девушка выкрикнула:

«Эй, вы, в окне! Идите сюда! Вода замечательная!»

«О господи», — снова прошептал я.

Я пошел напрямик: спустился по лестнице, вышел из гаража, затем направился прямо к ограде в задней части дворика. Я перелез через нее и пошел направо через узкую полосу, заросшую кустарниками и деревьями. Идти было непросто. И немного страшно: кто знает, что могло шнырять в этом темном странном месте, расположенном между участками.

Но я слышал, как девушка нырнула.

Ба-бах!

Плюх!

Она по-прежнему была там, и прыгала с вышки, ожидая меня.

Мне не верилось, что я иду к ней. Или что она меня пригласила. Так просто не бывает. Не со мной.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Говорят, если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, то обычно оно ей и не является.

Однако это не был сон. (Я почти в этом уверен.) Она застала меня, когда я подглядывал за ней в бинокль, и пригласила к себе.

Это бессмысленно!

«О нет, в этом есть смысл, — подумал я, с трудом пробираясь к последней ограде. — Еще какой!»

Она хочет меня проучить. Отомстить мне.

Возможно, с ней рядом кто-то есть — крутой парень, готовый выбить из меня все дерьмо, как только я покажусь ему на глаза.

«Должно быть, что-то в этом роде, — подумал я. — Что-то зловещее. Иначе в этом нет никакого смысла».

Если только ей не одиноко.

Да ни за что на свете.

Я остановился у красной деревянной ограды. Через щели в досках мне был виден свет бассейна.

Ба-бах!

Плюх!

Я был так близко, что слышал, как выброшенная в воздух вода падает обратно в бассейн. Достаточно близко, чтобы слышать, как девушка плывет. Чтобы ощутить запах хлорированной воды бассейна.

Столбики и поперечины ограды находились с этой стороны. Поэтому перебраться через нее будет легче легкого.

«Не делай этого, — подумал я. — Она, должно быть, приготовила неприятный сюрприз, ожидающий тебя по ту сторону забора. Просто вернись домой и забудь все это».

Да, конечно.

«Ну тогда хотя бы оглядись по сторонам, прежде чем лезть на рожон».

Именно так я и сделаю.

Однако ограда, на которую я забрался, оказалась слишком шаткой, чтобы сидеть на ней и осматриваться. Я неловко свалился с нее, прежде чем успел заметить хотя бы девушку. Мои кроссовки ударились в бетон, я споткнулся, сделал несколько шагов вперед, чтобы удержаться на ногах, и сумел остановиться только перед самым бассейном.

Затем я выпрямился и огляделся по сторонам.

Бассейн был ярко освещенным, чистым и синим. По нему бежала мелкая рябь. Девушки в нем не было. Впрочем, никого другого я тоже не заметил. На бетонном бортике там и тут виднелись мокрые пятна — вероятно, здесь девушка выбиралась из бассейна после прыжков. С другой стороны бассейна располагался небольшой мощеный дворик с включенным освещением. Внутри дома в стиле ранчо, но построенного в основном из стекла, было темно.

— Я рада, что вы пришли.

Я резко повернулся на голос и обнаружил девушку выше и немного справа от себя. Она шла к краю трамплина.

— Спасибо, что пригласили меня, — сказал я. Мое сердце колотилось.

Возле самого края она задержалась.

— Вам нравится смотреть, как я ныряю? — спросила она.

На самом деле со своего места я мало что смог разглядеть.

— Так вам будет удобнее.

— Да, намного. Спасибо вам.

— Спасибо *вам* за то, что пришли.

Я улыбнулся и пожал плечами, удивленный ее дружелюбием.

— Вы не против, если я это сниму? — спросила она, потянувшись обеими руками к завязкам купальника на спине.

Я чуть не подавился.

— Как... как хотите.

Ее руки за спиной были заняты несколько секунд. Затем они поднялись к шее. Раскрутив лифчик бикини за одну из завязок, она запустила его в сторону бассейна. Он долетел до отмели возле самого края, с тихим всплеском упал в воду и медленно пошел на дно.

Крошечные трусики бикини упали гораздо ближе.

«Этого не может быть, — подумал я. — Все это мне снится. Как иначе?»

Но это была просто одна из тех фраз, которые мы говорим себе, когда с нами происходит что-то слишком прекрасное или слишком ужасное, чтобы в это поверить. Иногда мы действительно просыпаемся и обнаруживаем, что все это всего лишь сон. Тем не менее я знал, что не сплю. Или, по крайней мере, я был абсолютно в этом уверен, насколько может быть уверенным человек, находящийся в полном сознании и осознающий реальность происходящего.

— Готовы? — спросила девушка.

Я не отрывал от нее глаз. Обнаженная девушка стояла, вытянувшись по струнке и опустив руки по швам, наверху, на самом краю трамплина. Подсвеченные подводными огнями тени от ряби на воде, казалось, ползали по ее телу.

— Всегда готов. — Мой голос прозвучал довольно хрипло.

Она прыгнула вперед и обеими ногами опустилась точно на доску трамплина. Доска ушла вниз под ней, и она согнула коле-

ни. Когда доска ее подбросила, девушка вытянула вверх руки и снова прыгнула.

Она прыгала снова и снова, с каждым разом все выше, словно гимнастка на батуте. Ее волосы разлетались в стороны, груди ходили вверх и вниз. Наконец она подскочила так высоко, что оказалась вне досягаемости фонарей. Там, наверху, она — чарующий бледный силуэт на фоне летнего неба — наклонилась вперед, раскинула руки и, словно какая-то неизвестная и прекрасная птица, скользнула вниз. Затем она неожиданно прижала колени к груди и полетела в бассейн, кувыркаясь так быстро, что я просто не смог сосчитать ее кульбиты, но в последний момент успела распрямиться. Она простерла руки над головой, выгнула спину, ее плотно прижатые друг к другу ноги были направлены в небо, ягодичы блестели. Она вошла в бассейн почти без всплеска.

Глубоко под водой девушка прогнулась, минув дно, и скользнула в мелкую часть бассейна. Там она встала и, вытирая воду с лица, заговорила со мной.

— Нормально получилось? — спросила она.

— Нормально?! Это было... великолепно!

— Спасибо.

— Я никогда раньше не видел ничего подобного. Вы прекрасны. Она улыбнулась.

— Это так мило с вашей стороны. Вы не хотели бы присоединиться ко мне и поплавать?

— О, я не знаю.

— Конечно же, вам этого хочется.

— Но у меня нет купального костюма.

— А у меня разве есть?

Две детали ее бикини почти сливались с бледно-голубой плиткой на дне бассейна.

— Что ж, — сказал я. — У вас он есть.

— Но он не на мне.

— Я заметил.

Она тихо засмеялась.

— Нет причин меня стесняться.

Я пожал плечами.

— Но вы стесняетесь, я угадала?

— Да, немного.

Затем она пошла через воду, доходившую ей до пояса, прямо в моем направлении и вылезла из бассейна. С ее тела ручьями стекала вода. Шлепая босыми ногами по мокрому бетону, девушка подошла совсем близко ко мне.

— Я вам помогу, — сказала она.

— Я не...

— Вы — да.

Ее пальцы принялись расстегивать пуговицы моей рубашки. Я стоял неподвижно, ошеломленный, смущенный, возбужденный и совершенно сбитый с толку.

Этого не может быть. Не со мной.

Сняв рубашку, она занялась моим поясом. Я поймал ее запястья и покачал головой.

— Вы и *правда* стеснительный.

— Дело просто...

— В этом?

Она опустила руку и прижала ее к бугорку, выпирающему спереди на моих брюках.

— На ощупь все прекрасно, — сказала она, — почему вы хотите его скрыть?

— Я не знаю.

— Позвольте мне.

— Хорошо.

Она сняла с меня оставшуюся одежду, и мы занялись любовью на бетонном покрытии рядом с бассейном. Я был сверху, у меня болели колени и я покрывал ее всю поцелуями, начав с глаз, надолго задержавшись у ее открытого жадного рта, затем спустился к восхитительно мягкой, но тугой груди с твердыми сосками и следовал все ниже и ниже, к влажной расщелине между ее широко расставленными бедрами. Я целовал ее там и ласкал языком, она извивалась и стонала, а затем я повторил свой путь с поцелуями в обратном направлении и вошел в нее.

После того как все закончилось, я некоторое время сидел на краю бассейна и смотрел, как она ныряет. Она была великолепна, взмывала ввысь, вертелась штопором, сгибалась пополам,

касясь руками пальцев ног, кувыркалась, грациозно выгибалась и как нож входила в воду.

Но какими бы чудесными ни были ее прыжки, я испытывал не меньшее удовольствие, наблюдая, как она, мокрая и гладкая, выбирается из бассейна, идет от него к вышке, оставляя влажный след на гладком темном бетоне, и взбирается по высокой лестнице на трамплин.

После особенно выдающегося прыжка, во время которого она слетела с небес, ни на миг не отводя от меня взгляда, девушка, не выныривая на поверхность, скользнула ко мне под водой. Я сидел, опустив ноги в бассейн. Не всплывая, чтобы глотнуть воздуха, она раздвинула мои колени. Затем втиснулась между ними и взяла меня в рот.

Когда мы закончили, она выбралась из бассейна и села рядом. Мы держались за руки.

— Не хочешь попробовать прыгнуть? — спросила она.

— Это ужасно высоко, — сказал я.

— Вот почему это так захватывающе.

— Все равно, я лучше буду смотреть на тебя. Я никогда не видел человека, который умел бы так нырять. Ты участвовала в соревнованиях?

Она покачала головой.

— Я делаю это только для себя. И для тебя.

— Я это ценю.

— Я знаю.

Она, улыбаясь, повернулась ко мне и поцеловала меня в губы. Я почувствовал, как ее сосок трется о мою руку, и нежно обхватил ладонью ее вторую грудь. Затем она отстранилась и спросила:

— Ты еще вернешься сюда после сегодняшней ночи?

— Ты шутишь?

Она улыбнулась и снова меня поцеловала.

— Я твой, когда ты этого пожелаешь, — сказал я. — Когда?

— Всегда, — прошептала она. — Сейчас.

Я подвинул ее, и мы занялись любовью на бетоне возле бассейна. На этот раз она была сверху. Оседлав меня, она словно втянула в себя мою твердую плоть. Она была тесной и влажной.

Склонившись надо мной, она скользила вверх и вниз, извиваясь и постанывая. Ее груди колыхались у меня перед лицом. Я ласкал их, сжимал пальцами соски, и она наклонилась, чтобы я мог взять их в рот.

Потом она лежала на мне. Мы оба запыхались, вспотели и выбились из сил. Я помню, как обхватил руками ее мокрую спину и крепко прижал девушку к себе. Помню, как она игриво куснула меня за подбородок.

Я уснул, так и не выйдя из нее.

Я проснулся, лежа на спине на бетоне у бассейна. Девушки на мне больше не было. Я сел и искал ее взглядом.

Освещение бассейна и двора уже выключили. В доме было темно.

По-видимому, девушка ушла.

Я взглянул на вышку. Ее освещал только тусклый свет дальних уличных фонарей, однако этого хватило бы, чтобы увидеть девушку, если бы она была там.

Но ее там не было.

Я открыл рот, чтобы позвать ее. И понял, что так и не спросил, как ее зовут.

Я повернулся к дому и крикнул: «Эй, ты там?»

Никакого ответа.

«Ладно, — подумал я, — увижусь с ней завтра».

Я оделся, перелез через ограду и вернулся домой тем самым путем, каким пришел сюда ранее ночью.

Сегодня я не мог дожждаться момента, когда снова ее увижу.

Не мог дожждаться, когда стемнеет.

Днем я ходил в цветочный магазин и купил яркий красивый букет в вазе, декорированной ракушками. Вернувшись домой, я принял душ, побрился и оделся как парень, идущий на первое свидание с любовью всей его жизни... И возможно, так оно и было.

Я планировал подарить ей цветы, а затем повести в хороший ресторан.

Если она дома.

Пожалуйста, пусть она будет дома.

С вазой в руках я вышел на улицу через парадную дверь, добрался до тротуара и направился к углу. Хотя я редко обращал внимание на здания, стоящие по другую сторону моего квартала, но все же прекрасно представлял себе местонахождение дома нырлящицы: он был четвертым от угла.

По пути туда я с каждым шагом нервничал все сильнее.

Я подошел к четвертому дому и остановился потрясенный, с замершим сердцем.

«ПРОДАЕТСЯ».

Нem!

Я же встретился с ней только прошлой ночью! Она не может вот так взять и переехать. Это нечестно!

Чувствуя слабость, я пересек лужайку, подошел к окну эркера и заглянул внутрь. Ковер. Стены. Никакой мебели. Нет даже драпировок на стеклянных стенах задней части дома.

Отсюда я прекрасно мог разглядеть бассейн.

И в изумлении открыл рот.

— Что?

Я бросил вазу и побежал. Калитка сбоку от дома была заперта. Я перелез через нее, прыгнул на ту сторону, споткнулся и упал, поднялся и снова бросился бежать.

А затем остановился, глядя на то, что мне открылось.

Мне очень хотелось верить, что я ошибся домом. Но вышка была здесь. Как и бассейн. Все это находилось здесь.

Бетонное покрытие вокруг бассейна напоминало старую заброшенную улицу, из бесчисленных трещин росли сорняки. Мощеный дворик был покрыт мусором: листьями и ветками, старыми газетами и обертками и еще сотней различных отходов, по всей вероятности, принесенных сюда ветром.

Хромированная лестница вышки, еще вчера такая сверкающая, была тусклой и в пятнах ржавчины. Трамплин согнулся посередине и перекосялся, словно был сломан и мог упасть в любой момент.

Что касается бассейна, то в него можно было спуститься и пройти по дну, не замочив ног, почти до самого глубокого места под сломанным трамплином, где еще оставалось немного зеленой воды, в которой плавали сор и водоросли.

Я пошел к мелкому краю бассейна и спустился вниз по ржавой лестнице. Под ногами у меня хрустели листья и другой мусор. Я осторожно спустился по наклонному дну и дважды остановился, чтобы подобрать детали крошечного купальника.

Я их расправил.

Они были слегка влажными, белыми и слабо пахли хлорированной водой.

Я забрал их домой.

Остаток дня я провел, записывая эти строки, рассказывая свою историю о ныряльщице.

Я почти закончил.

Уже стемнело. Через пару минут я выключу компьютер и свет в кабинете, подниму жалюзи на окне в задней стене и буду ждать.

Понимаю ли я, что происходит?

Нет.

Совершенно не понимаю.

Но одно я знаю наверняка.

Если сегодня ночью у бассейна зажжется свет и она поднимется на вышку, я пойду к ней.

Чем бы она ни была.

КЛАЙВ БАРКЕР

История Хэкеля

Парракер умер на прошлой неделе, после долгой болезни. Он никогда мне не нравился, но известие о его смерти все же огорчило меня. Теперь я стал последним членом нашей маленькой группы, не с кем больше поговорить о старых добрых временах. Не то чтобы я о них много говорил, особенно с ним. После Гамбурга наши пути разошлись. Он стал физиком и жил в основном в Париже. Я же остался в Германии, работал с Германом Гельмгольцем, в основном в области математики, хотя иногда отдавал дань и другим дисциплинам. Не думаю, что после смерти меня будут помнить. Герман был осенен величием, я — никогда. Но мне нравилось жить в тени его теорий. Герман обладал точным и ясным сознанием. Суевериям и сантиментам не было места в его мире. Я многому у него научился.

И все же, когда я вспоминаю двадцатые годы (я на два года младше нашего века, как ни странно это звучит), триумф интеллекта отступает и на ум приходят не аналитические способности Германа и не его отстраненный подход.

По правде говоря, воспоминания мало касаются науки, но не отпускают меня, и вот я решился сесть и записать их, чтобы выбросить наконец из головы.

В 1822 году я был — вместе с Парракером и восемью другими молодыми людьми — членом неформального клуба аспирантов Гамбурга. Все мы стремились стать настоящими учеными, мы были полны амбиций, как и на свой счет, так и по поводу будущей нашей научной карьеры. Каждое воскресенье мы собирались в кафетерии на Репербане, в задней комнате, которую снимали специально для таких встреч, и обсуждали темы, которые казались нам важными, и чувствовали, что подобный обмен мнениями и размышлениями расширяет нашу картину мира. Мы были помпезны, вне всякого сомнения, и крайне уверены в себе, но наше рвение отличалось искренностью. Это

было прекрасное время. Каждую неделю кто-то приходил на встречу с новыми идеями.

Был летний вечер — в тот год лето выдалось невероятно жарким и не холодило даже к ночи, — и Эрнст Хэкель рассказал нам историю, которую я поведаю и вам. Я отлично помню все обстоятельства. По крайней мере, уверен, что помню. Память порой не так точна, как нам того хотелось бы. Не суть важно. То, что я помню, *может* быть истиной. И не осталось никого, кто мог бы ее опровергнуть. Случилось же следующее: к концу вечера, когда все мы выпили столько пива, что хватило бы для маневра немецкого флота, интеллектуальные споры сменились чем-то иным (по правде говоря, к полуночи мы опускались до слухов и сплетен), Эйзентрот, позже ставший отличным хирургом, вскользь упомянул человека по имени Монтескино. Это имя было нам знакомо, хотя лично никто из нас упомянутого не встречал. Он появился в городе месяц назад и поднял большую шумиху в обществе, объявив себя некромантом. Он мог говорить с мертвыми и даже поднимать их из могил. С подобными заявлениями он часто давал свои сеансы в домах богачей. И просил у местных дам небольшую плату за свои услуги.

Упоминание имени Монтескино вызвало множество разнообразных мнений, причем отнюдь не лестных. Его называли лгуном и бесчестным шарлатаном. И сходились на том, что его нужно выслать обратно во Францию — из которой он и прибыл, — но не раньше, чем с него спустят шкуру за обман.

Единственным голосом, который не выступил против, был голос Эрнста Хэкеля, одного из самых разумных среди нас. Он сидел у открытого окна — в надежде, наверное, на освежающий бриз в этой жаркой ночи, — положив подбородок на руки.

— А что ты думаешь об этом, Эрнст? — спросил я его.

— Вы не хотите этого знать.

— Хотим. Еще как хотим.

Хэкель обернулся к нам.

— Что ж, хорошо. Я расскажу вам.

В пламени свечей его лицо казалось больным, и я еще, помню, подумал — отстраненно подумал, — что никогда раньше не

видел в его глазах такого выражения. Глаза его затуманились. Выглядел он неважно.

— Вот что я вам скажу, — выдохнул он. — Когда судачишь о некромантах, стоит быть осторожнее.

— Осторожнее? — переспросил Парракер, который любил препираться и лучшие времена, а уж после пива его невозможно было переговорить. — С какой стати нам быть *осторожными* с французийской, который охотится за нашими женщинами? Боже, да он же ничем не лучше обычного карманника.

— Почему же?

— Потому что он говорит, что может поднимать мертвых! — воскликнул Парракер, для пущего эффекта стукнув кулаком по столу.

— Откуда мы знаем, что он этого не может?

— О, Хэкель, — сказал я. — Ты же не веришь...

— Я верю в то, что видел собственными глазами, Теодор, — сказал мне Хэкель. — И я видел... один раз в жизни... то, что считают доказательством реальности умений Монтескино.

Комната взорвалась смехом и криками протеста. Хэкель не шелохнулся. И только когда шум утих, он сказал:

— Вы хотите услышать мою историю?

— *Конечно*, хотим, — заверил Юлиус Линнеман, который всегда подтрунивал над Хэкем, беззлобно, как мы тогда считали.

— Тогда слушайте, — сказал Хэкель. — То, что я собираюсь вам поведать, правда от начала и до конца. Но к тому времени, как я доберусь до конца этой истории, вы вполне можете решить, что мне не место в этой комнате, поскольку я немного сумасшедший. Или не немного.

Его тихий голос и загнанное выражение глаз заставили замолчать всех, даже говорливого Парракера. Все мы сели, сгрудившись у камина, и слушали. Хэкель, оглядев нас, начал свой рассказ. И я постараюсь изложить все, что тогда запомнил.

— Десять лет назад я жил в Виттенберге, изучал философию у Вильгельма Хаусера. Он был метафизиком, даже подвижником. Его не интересовал мир физический, Хаусер был далек от реальности. Он заставлял своих студентов жить с тем же аскетизмом. Для нас это оказалось сложно. Мы были молоды и полны желаний.

Но в Виттенберге под его внимательным взором я действительно пытался вести благочестивую жизнь.

Весной второго года занятий у Хаусера я получил письмо, сообщавшее о том, что мой отец — живший в Лунбурге, — серьезно болен, и мне пришлось оставить обучение и вернуться домой. Я был студентом. Все мои деньги уходили на книги и хлеб. Я не мог позволить себе нанять карету. Пришлось идти пешком. Дорога заняла бы несколько дней, но я был счастлив тем, что могу посвятить их медитации. По крайней мере, первая часть пути прошло довольно гладко. А затем откуда ни возьмись пришла ужасная гроза. Я промок до нитки, и, несмотря на попытки отвлечься от бременного, мне было грустно и неудобно. Метафизические изыскания отступили на второй план.

На четвертый или пятый вечер я, шмыгая носом и ругаясь, сделал себе лежанку из веток у невысокой каменной стены и развел костер в надежде подсушиться перед сном. Старик появился, когда я пытался набрать себе мха для подушки. Он показался мне мрачным и унылым и говорил с напыщенностью пророка:

— Было бы неразумно спать здесь сегодня.

Я был не в настроении спорить. И без того хватало неудобств. Поэтому я резко ответил ему, что не сдвинулся с места, что это свободная дорога и я имею право спать, где хочу.

— Конечно, имеете, — ответил мне старик. — Я не посягаю на ваши права. Я лишь сказал, что это было бы неразумно.

Я слегка устыдился своей резкости.

— Простите, — сказал я ему, — я замерз, устал и голоден. И не хотел вас оскорбить.

Старик ответил, что не обижен, и представился. Его звали Уолтер Вольфрам.

Я назвал ему свое имя и описал, в какой ситуации очутился. Он выслушал меня и предложил заночевать в своем доме, стоявшем неподалеку от дороги. Там я мог согреться у камина и поесть картофельного супа. И я, конечно же, не отказался. Поднявшись, я спросил лишь, почему он считает ночевку в этом месте неразумной.

Он ответил печальным взглядом. Отчаянным даже, хотя я и не мог понять, чем вызвана подобная реакция. Затем он сказал:

— Вы молоды и наверняка не боитесь сложностей мира. Но прошу, поверьте мне: есть ночи, когда нельзя оставаться вблизи от мест, где отдыхают мертвые.

— Мертвые? — воскликнул я, оглядываясь.

Днем я настолько устал, что даже не заметил того, что простиралось по другую сторону каменной стены. Теперь же, когда разошлись тучи и выглянула луна, я увидел за стеной множество могил, как древних, так и новых. Обычно подобное зрелище не впечатлило бы меня. Хаусер учил нас спокойно относиться к смерти. «Она не должна, — говорил он, — волновать нас больше, чем рассвет, поскольку так же неизбежна и так же естественна». Подобный совет подходил для теплого дня в аудитории Виттенберга. Но здесь — среди неизвестности, со стариком, который бормотал о суевериях, — я засомневался в мудрости его совета.

Так или иначе, Вольфрам привел меня к себе, в небольшой домик примерно в полумиле от некрополя. Там меня ждал обещанный камин. И суп. Но помимо обещанного, к великому моему удивлению и радости, там оказалась жена старика Элиза.

Ей было не больше двадцати двух, и я искренне мог бы назвать ее самой прекрасной из виденных мною женщин. В Виттенберге было немало красавиц, но ни разу на улицах города я не встречал подобное совершенство. Каштановые волосы ниспадали до ее осиной талии. Пухлые губы, крутые бедра, тяжелая грудь... А какие глаза! Я буквально утонул в них, когда наши взгляды встретились.

Мне приходилось прилагать все усилия, чтобы не выказать своего восхищения, что было сложно. Мне хотелось пасть на колени и вознести ей хвалу.

Если Уолтер и заметил, то не подал виду. Вскоре я понял, что он нервничает по какой-то иной причине. Он все время поглядывал на часы, стоявшие на каминной полке, затем на дверь.

Признаться, я был рад этому, поскольку мог поговорить с Элизой. Она же, вначале замкнутая, с каждым часом становилась все оживленней. Элиза подливала мне вино, я пил, и ближе к полуночи меня сморил сон — прямо там, среди тарелок.

На этом кто-то из нас, внимавших Хэкелю, заметил, что хотел бы выслушать не историю о несчастной любви. Скорей всего, это был Парракер — он вечно был не в настроении для романтики.

На что Хэкель ответил: его история никоим образом не имеет отношения к любви. Простой ответ позволил ему достичь двух целей: заставить перебившего замолчать и подготовить слушателей к продолжению.

Шум в кафе стих практически полностью, и звуки доносились только с улицы. Гамбург готовился к ночи. Но нас удерживали рассказ и выражение глаз Эрнста Хэкеля.

— Проснулся я чуть позже, — продолжил он, — но так устал и столько выпил, что мне с трудом удалось приоткрыть глаза. Дверь была открыта, и на пороге стоял мужчина в темном плаще с капюшоном. Он говорил с Уолтером. Затем — я не разглядел этого четко — незнакомец принял из рук старика деньги. И ушел. Я только мельком заметил его лицо в отблесках пламени камина. И подумал тогда, что не хотел бы иметь дело с человеком, у которого такое лицо. Даже встречаться не хотел бы. Узкие глаза утопали в рябой плоти... Я был рад, что он ушел. Уолтер закрыл дверь, а я снова опустил голову и закрыл глаза. Не знаю почему, но мне не хотелось показывать, что я проснулся. Предчувствие подсказывало мне, что в доме происходит нечто, с чем лучше не связываться.

Я лежал там, закрыв глаза, и вдруг услышал детский плач. Уолтер обратился к Элизе, велел ей успокоить младенца. Я не расслышал ее ответа. Точнее, услышал, но не понял. Ее голос, мягкий и тихий в беседах со мной, теперь звучал странно. Сквозь полуприкрытые веки я видел, что она подошла к окну и смотрела наружу, прижав ладони к стеклам.

Уолтер снова велел ей отправляться к ребенку. И вновь она резко и грубо ответила ему. Но на этот раз она повернулась, и я заметил разительную перемену. Ее поведение круто изменилось. Я бы сказал, что она находилась на грани срыва. Румянец заливал ее щеки, глаза были дикими, губы раздвинуты в оскале.

И то, что ранее мне казалось признаками ее красоты и жизненной силы, теперь выглядело симптомами поглотившей ее болезни. Слишком ярким был румянец, как при лихорадке, а оживленность, к тому времени усилившаяся, пугала своей болезненностью.

Руки она зажала между бедрами и двигала ими самым бесстыдным образом. Если вы бывали в сумасшедшем доме, то там и только там вы могли заметить подобное поведение.

— Терпение, — сказал ей Уолтер. — Я уже обо всем позаботился. Пока же иди и успокой ребенка.

Элиза наконец подчинилась и вышла в соседнюю комнату. Я и не подозревал, что в доме есть дитя, пока не услышал плач, и мне показалось странным, что Элиза не упомянула о ребенке. Я лежал и притворялся спящим, пытаюсь придумать, как дальше поступить. Стоит ли признаваться гостеприимным хозяевам в том, что я не сплю? Я решил этого не делать. Пока они думают, что я их не слышу, они не станут обращать на меня внимания. По крайней мере я надеялся на это.

Детский плач прекратился. Присутствие Элизы успокоило дитя.

— И убедись, что он накормлен, — услышал я слова Уолтера. — Я не хочу, чтоб он проснулся и заплакал, пока тебя не будет.

Из этих слов я заключил, что Элиза кормит ребенка грудью, чем и объяснялась роскошь ее форм. Ее тугие груди были налиты молоком. И, должен сказать, особенно в свете того, как она выглядела, стоя у окна, я немного завидовал ребенку, который мог сосать ее прекрасные груди.

И все же мысли мои вернулись к происходящему, которое я никак не мог понять. Кем был мужчина у двери? Любовником Элизы? Если так, почему Уолтер *платил* ему? Возможно ли, что старик нанял другого, чтоб удовлетворить молодую жену, поскольку сам не мог ничего сделать в постели? Тогда движения Элизы у окна могли бы объясняться предвкушением любовной игры.

Она наконец вышла из детской и очень осторожно прикрыла за собой дверь. Затем шепотом, из которого я уловил лишь отдельные фразы, она заговорила с мужем. И это вновь вызвало у меня вопросы. Они ведь могли планировать мое убийство. Моя шея в тот миг показалась мне жутко уязвимой...

Но волновался я зря. Спустя мгновение шепот прекратился и Элиза вышла из дома. Уолтер же сел у камина. Я слышал, как он наливает себе вино и шумно пьет, затем наливает снова. Он явно пытался залить тоску и делал это весьма старательно. Он пил и что-то бормотал себе под нос. Бормотание это становилось все более жалким и постепенно перешло во всхлипы.

Я больше не мог этого слушать. Я поднял голову со стола и повернулся к нему.

— Герр Вольфрам, — сказал я, — что здесь происходит?

Слезы заливали его лицо и стекали в бороду.

— О, друг мой! — Уолтер помотал головой. — Я не могу вам это объяснить. Сегодня ночь невыносимой скорби.

— Вы предпочли бы, чтобы я оставил вас наедине со слезами?

— *Нет.* Нет, я не хочу, чтобы вы сейчас выходили.

Конечно, я желал бы знать почему. Он определенно пытался что-то от меня скрыть.

Тогда я поднялся и подошел к нему.

— Тот человек, который приходил...

Уолтер скривился при этих словах.

— Кто он?

— Его зовут доктор Скал. Он англичанин, мой знакомый.

Я ждал дальнейших объяснений. Но когда их не последовало, решил нажать на него:

— И друг вашей жены.

— Нет, — сказал Уолтер. — Это не то, что вы думаете.

Он налил себе вина и снова выпил.

— Вы считаете их любовниками. Это не так. Элиза ничуть не интересуется компанией доктора Скала, поверьте. Равно как и посетителями этого дома.

Последняя реплика, насколько я понял, относилась ко мне, и я начал было оправдываться, но Уолтер перебил:

— Не беспокойтесь. Меня ничуть не задело то, что вы бросали взгляды на мою жену. Разве вы могли удержаться? Она очень красива, и я удивился бы, если б вы *не пытались* ее соблазнить. Хотя бы в мыслях. Но позвольте сказать вам, друг мой: вы не смогли бы ее удовлетворить. Как не смог и я. Когда я женился на ней, я был уже слишком стар, чтобы стать ей мужем в истинном смысле.

— Но у вас ребенок.

— Это не мой сын.

— Так вы растите ребенка, зная, что он не ваш?

— Да.

— А где его отец?

— Боюсь, он мертв.

— Ах!

В моем сознании начала вырисовываться трагическая история. Элиза была беременна, отец ребенка мертв, а Уолтер пришел ей на помощь, спас от позора. Так я себе это представлял, но в подобный рассказ не вписывался доктор Скал, чья фигура в плаще меня немало беспокоила.

— Я знаю, что это не мое дело...

— Вам лучше в это не вмешиваться, — ответил Уолтер.

— Но у меня есть один вопрос.

— Какой же?

— Чем занимается доктор Скал?

— Ах! — Уолтер поставил стакан и вперил взор в огонь. К тому времени в камине остались лишь тлеющие уголья. — Доктор Скал, насколько мне известно, некромант. Он занимается наукой, которую я не в силах понять.

Уолтер подался ближе к огню, словно даже разговор о таинственном человеке вызывал у него озноб. Признаюсь, я ощутил то же. Я очень мало знал о некромантах — лишь то, что они имеют дело с мертвецами.

Я вспомнил о кладбище и о словах Уолтера: «Неразумно спать здесь сегодня».

Внезапно я понял. И поднялся на ноги, чувствуя, как пульсирует в висках кровь.

— Я знаю, что происходит, — заявил я. — Вы заплатили Скалу за то, что Элиза поговорит с мертвым! С отцом своего ребенка!

Уолтер продолжал смотреть в камин. Я подошел к нему.

— Я прав, не так ли? И теперь Скал провернет какой-то жалкий трюк, убедив Элизу в том, что она действительно общается с покойным!

— Это *не* трюк, — сказал Уолтер. И впервые за весь наш мрачный разговор поднял на меня глаза. — То, что делает Скал, реально. Вот почему вам стоит оставаться в доме, пока он не закончит. Вам ничего не...

Он осекся и замер, потому что вдалеке раздался голос Элизы. То были не слова, а вскрик, а затем еще один, и еще, и я знал, откуда они доносятся. Элиза пришла на кладбище со Скалом. И в тишине ночи ее голос был слышен издалека.

— Послушайте ее, — сказал я.

— Лучше не надо.

Я не обратил на него внимания и направился к двери, ведомый мрачной решимостью. Я ни на секунду не поверил в то, что Уолтер рассказал о некроманте. Той ночью я всерьез засомневался в некоторых учениях Хаусера, но все же не в той его части, которая касалась жизни и смерти. Душа, учил он нас, бессмертна. Но как только она покидает вместилище крови и плоти, тело превращается в самое обычное мясо. Мужчина или женщина, чья душа отлетела, умирают. И не существует способа призвать душу обратно в тело. Следовательно — хотя так далеко Хаусер не заходил в своих объяснениях, — все, кто объявлял, что умеет возвращать мертвых, просто лжецы.

Короче говоря, доктор Скал был фокусником — я искренне в это верил. А бедная Элиза поддалась на его ложь. И бог знает, что он потребовал от нее, что вызвало такие стоны и крики! Мое воображение — распаленное бесстыдными чарами этой женщиной и тем, что я принял ее за сумасшедшую, — теперь рисовало ее в виде беспомощной жертвы Скала. Я знал по тем историям, что слышал в Гамбурге, каким может быть поведение шарлатанов по отношению к впечатлительным женщинам. Я слышал, что некоторые некроманты требовали от всех приходить на сеансы в костюме Адама и Евы, якобы для полной чистоты! Другие настолько впечатляли нежные сердца своей мрачной таинственностью, что женщины поддавались им и становились жертвами мрачного очарования. Я представил себе то, что происходило с Элизой. Ее крики и стоны становились все громче, и с каждым новым звуком моя уверенность росла.

Но я не мог больше слышать и выносить эти звуки, я вышел в ночь, к ней.

Герр Вольфрам бросился за мной и схватил за руку.

— Вернитесь в дом! Бога ради, не ходите за ней, *вернитесь в дом!*

Элиза уже кричала. Я не мог вернуться. Страхнув руку Вольфрама, я зашагал в сторону кладбища. Поначалу я думал, что Уолтер отстанет, но обернувшись, я увидел, что в дом он возвращался только за мушкетом. Сперва мне показалось, что он начнет угрожать мне оружием, но вместо угрозы он сказал:

— Возьмите! — И протянул мушкет мне.

— Я не собираюсь никого убивать! Я лишь хочу вырвать Элизу из лап этого англичанина! — Я чувствовал себя вполне героически.

— Она не пойдет, поверьте. Прошу, возьмите мушкет! Вы хороший человек. Я не хочу, чтобы вы пострадали.

Я отмахнулся и зашагал дальше. Уолтер запыхался, сказывался его возраст, но он прилагал все усилия, чтобы держаться наравне со мной. Он даже пытался говорить — в перерывах между попытками отдышаться, — но разобрать его слова на ходу было сложно.

— Она больна... С ней это всю жизнь... Что я знал? Я любил ее... хотел, чтобы она была счастлива...

— Не похоже на то, что сейчас она счастлива, — заметил я.

— Это не то, что вы думаете... Это то, но это не то... Боже, прошу вас, давайте вернемся в дом!

— Я же сказал, нет! Я не позволю ее изнасиловать!

— Вы не понимаете. Мы не сможем ее удовлетворить. Ни один из нас не сможет.

— И ты нанял Скала, чтобы обслуживать ее. Боже!

Я развернулся и толкнул его в грудь, а затем продолжил путь. Остатки сомнений в том, что может происходить на кладбище, развеялись. Все разговоры о некромантии были лишь прикрытием для извращенной правды. Бедная Элиза! Обреченная на жизнь с импотентом, она не знала другого способа получить удовольствие: ее сдавали в аренду англичанину. Боже мой, англичанину! Как будто англичане умеют заниматься любовью!

Я бежал, представляя себе на ходу, что буду делать, когда достигну кладбища. Я собирался перепрыгнуть через стену, кричать на Скала, отгонять его от жертвы. А потом избить его. А после, доказав, какой я герой, я подхватываю юную женщину на руки и покажу ей, как может ублажить женщину истинный немец.

У меня голова шла кругом от идей, но ровно до того момента, как вдали показался некрополь...

Хэкель вдруг замолчал. Не ради драматического эффекта. Он просто мысленно готовился к финалу этой истории. Уверен, никто в той комнате не сомневался в том, что концовка не будет

приятной. С самого начала от рассказа веяло каким-то ужасом. Никто не говорил ни слова, я отлично помню. Мы сидели, завороченные историей и предвкушением, и ждали, когда он снова начнет говорить. Мы были как дети.

Минуту или две спустя, после долгого взгляда в окно, в ночное небо (мне показалось, что Хэкель не видел в небе никакой красоты), он перестал испытывать наше терпение.

— Луна была полная и белая. В лунном свете я видел все четко. На кладбище не было древних благородных склепов, какие можно увидеть на кладбище Ошлдорфа, только каменные надгробия и деревянные кресты. В середине кладбища была подготовлена церемония. В траве горели свечи, расставленные, как мне показалось, в виде круга. Их огоньки горели ровно, ночь была спокойной. Диаметр круга был примерно футов десять. Наверное, так некроманты готовят свои ритуалы. Теперь же, однако, ритуал был закончен, и некромант сидел на надгробии, в некотором отдалении от круга, курил длинную турецкую трубку и наблюдал.

Объектом его наблюдений была, конечно, Элиза. Когда я впервые увидел ее, каюсь, я представлял ее без одежды. Теперь мои мечты стали явью. В золотом мерцании свечей и серебристом свете луны она предстала перед моими глазами во всем своем великолепии.

Но, Господи! То, что она делала, превратило ее красоту в нечто неимоверно отвратительное. Ее вскрики и стоны, в которых я считал виновным доктора Скала, на самом деле вызвали прикосновения мертвеца. Мертвые поднялись из могил, чтобы ублажать ее! Она присела на корточки, а между ее ног виднелась голова, торчащая из земли. Судя по состоянию, мертвец был похоронен недавно, у него был язык, и этот язык мелькал между ее бедер!

Одного этого хватило бы. Но это было не все. Тот же гротескный гений, что придал видимость жизни мертвецу меж ее бедер, оживил и другие части мертвых тел, выползавшие из могил. Костистые части удерживались вместе остатками мышц. Притащилась на локтях грудная клетка, ползли кисти скелета с остатками тягучей гнилой плоти, голова на позвоночнике. Жуткий бестиарий. И все они тянулись к ней, касались ее или ждали своей очереди.

А она была ничуть не против такого внимания. Наоборот. Скатившись с трупа, который удовлетворял ее снизу, она легла на спину, приглашая десятки ошметков дотронуться до нее. Она извивалась, как шлюха или сумасшедшая, звала их, и они пришли, словно пытаясь выпить из нее силу жизни и страсти, вновь стать целыми.

Уолтер к тому времени догнал меня.

— Я же предупреждал, — сказал он.

— Ты знал, что здесь происходит?

— Конечно, знал. Боюсь, это единственный способ, которым она может получить удовольствие.

— Кто она?

— Женщина.

— Ни одна нормальная женщина не выдержит *этого*, — сказал я. — Боже. Боже!

Зрелище становилось все более отвратительным с каждой секундой. Элиза стояла на коленях в могильной грязи, а новый труп — избавившись от остатков одежды, в которой его похоронили, — совокуплялся с ней с явным удовольствием, судя по тому, как он запрокидывал сгнившую голову. Что до Элизы, она сжимала свои груди, чтоб струйки молока брызгали на части трупов, ползавшие рядом. Ее любовники были в экстазе. Они трещали, щелкали, скреблись и купались в молоке.

Я взял у Уолтера мушкет.

— Не причиняйте ей вреда! — взмолился он. — Она не виновата.

Я проигнорировал его и вернулся назад, по пути зовя некроманта:

— Скал! *Скал!*

Он оторвался от медитации или чем он там был занят, увидел в моей руке мушкет и тут же начал вопить о своей невинности. Его немецкий был плох, но общий смысл я уловил. Он говорил, что просто делал то, за что ему заплатили. Он не виноват.

Я перебрался через стену и зашагал по могилам, приказывая ему встать. Он повиновался, подняв руки над головой, явно испуганный. Он думал, что я пристрелю его на месте. Но я не собирался этого делать. Я просто хотел прекратить это сумасшествие.

— Что бы ты тут ни начал, *отмени* это! — приказал я.

Он замотал головой, дико выпучив глаза. Я решил, что он меня не понял, и повторил.

Он снова помотал головой. Весь его напускной пафос исчез. Теперь он казался мелким воришкой, застигнутым на месте преступления. Я стоял перед ним, направив мушкет ему в живот. «Если ты не прекратишь это немедленно, я выстрелю», — сказал я.

Я бы так и сделал, но тут через стену перебрался герр Вольфрам и поплелся к жене, выкрикивая ее имя:

— Элиза... пожалуйста, Элиза... пойдем домой.

Ничего более печального и абсурдного я никогда раньше не слышал. *Пойдем домой...*

Конечно же, она его не послушала. Или *не слышала*, учитывая ее горячку и то, что с ней делали.

Зато слышали ее *любовники*. Один из трупов, поднятый целым, ждал своей очереди. Он зашагал к Уолтеру, размахивая руками и пытаясь его отогнать. Забавно было это видеть. Труп пытался отпугнуть старика. Но Уолтер не ушел. Он продолжал звать Элизу, слезы струились по его лицу. Он звал ее, звал...

Я крикнул, чтобы он отошел. Он не послушался. Наверное, хотел подойти достаточно близко, чтобы схватить ее за руку. Но труп все еще размахивал конечностями, прогоняя Уолтера, а когда понял, что старик не уйдет, мертвец просто сбил его с ног. Я видел, как Уолтер падает и как пытается встать. Но мертвые — части мертвых тел — были повсюду в траве. И как только он упал, они набросились на него.

Я велел англичанину идти со мной и направился к Уолтеру, чтобы помочь. В мушкете была только одна пуля, и я не рискнул стрелять с большого расстояния из боязни промахнуться. К тому же я просто не знал, во что стрелять. Чем ближе я подходил к кругу, в котором извивалась Элиза, отдаваясь ласкам мертвых, тем больше давала о себе знать безбожная работа Скала. Не знаю, что за заклятье он применил, но ритуал, похоже, поднял все, что было упокоено на кладбище. Земля шевелилась от ворочающихся в ней кусков рук, пальцев, голов с истлевшими волосами, чего-то червеобразного, что я не мог сразу опознать.

Уолтер проиграл схватку раньше, чем я смог подойти. Ужасы, за воскрешение которых он заплатил, эти неблагоприятные

твари — они разорвали его на сотню частей. Один его глаз давили, в груди проделали рваную дыру.

И они все еще работали над ним. Я отбил несколько конечностей мушкетом, но их было слишком много, и я знал, что со временем они наверняка переключатся на меня. А потому я развернулся к Скалу, чтобы снова приказать ему упокоить эту нечисть, но Скал уже бежал между могилами к выходу. Внезапно меня охватила ярость, и я выстрелил ему вслед. Он упал и взвыл. Англичанин был серьезно ранен, охвачен болью, но я не хотел ему помогать. Он в ответе за все это. Вольфрам мертв, Элиза все еще в объятиях мертвых поклонников, и все по вине Скала. Я ничуть ему не сочувствовал.

— Что сделать, чтобы они остановились? — спросил я. — *Какие слова сказать?*

Он стучал зубами. Так сильно, что я не мог разобрать его ответ. Лишь через некоторое время я понял.

— Когда... солнце... встанет...

— Ты не можешь остановить их иначе?

— Нет, — сказал он. — Другого... пути... нет.

И умер. Можете представить себе мое отчаяние! Я ничего не мог поделать. Не мог подобраться к Элизе, не разделив судьбу Уолтера. А она сама со мной не пошла бы. До рассвета оставался час, не меньше. У меня был лишь один выход, которым я и воспользовался: я залез на стену и принялся ждать. Звуки были ужасными. Порой даже хуже, чем зрелище. Она к тому времени выдохлась, но продолжала свое занятие. Иногда пела, иногда плакала, порой стонала. Поймите меня правильно: не так, как стонет в ужасе женщина, которая понимает, что попала в лапы смерти. То были стоны наслаждения, стоны женщины в экстазе.

Звуки прекратились за несколько минут до рассвета. И только когда наступила полная тишина, я рискнул вновь посмотреть за стену. Элиза пропала. Ее любовники лежали на земле, опустошенные настолько, насколько могут быть опустошены мертвые. Облака на востоке светлели. Наверное, восставшая плоть боится солнца, поскольку, как только начали исчезать звезды, мертвецы тоже попытались скрыться. Они зарывались обратно, накрывали себя могильной землей, в которой были похоронены...

Голос Хэкеля упал до шепота в последние несколько минут, а теперь и вовсе стих. Мы сидели, не глядя друг на друга, погрузившись в собственные мысли. Если кто-то из нас и думал, что голосом Хэкеля пытался придать своей истории излишний колорит, достаточно было бледности его кожи и слез на его глазах, чтобы убедить нас — хотя бы в то время — в искренности рассказа.

Первым заговорил Парракер.

— Значит, ты убил человека. Я впечатлен.

Хэкель посмотрел на него.

— Я еще не закончил рассказ.

— Господи, — пробормотал я. — Что же еще можно добавить?

— Если вы помните, я оставил свои книги и подарки, захваченные из Виттенберга для отца, в доме герра Вольфрама. Пришлось вернуться. Я был в каком-то трансе от ужаса, мозг сопротивлялся тому, что видел.

Дойдя до дома, я услышал пение. Милый тихий голос. Я подошел к двери. Вещи мои лежали на столе, там же, где я их оставил. Комната была пуста. Молясь о том, чтобы меня не заметили, я вошел. Пение прекратилось, когда я начал собирать книги по философии и подарки для отца.

Я отступил к двери, но не успел перешагнуть порог. Вошла Элиза с ребенком на руках. Теперь она выглядела намного хуже, учитывая события ночи. Ее лицо, руки, полные груди, к которым прижимался младенец, были расцарапаны. Но, несмотря на раны, в глазах ее светилось счастье. Она казалась полностью довольной жизнью.

Я было подумал, что у нее не осталось воспоминаний о произошедшем. Возможно, некромант погрузил ее в некое подобие транса, думал я, от которого она теперь очнулась.

Я начал объяснять:

— Уолтер...

— Да, я знаю, — сказала она и улыбнулась мне улыбкой теплой, как майское утро. — Он мертв. Но он всегда был добр ко мне. Старики становятся лучшими мужьями. Если, конечно, не хочешь детей.

Я, должно быть, выразительно взглянул на ее младенца, поскольку Элиза добавила:

— Это не его ребенок.

Она отняла младенца от груди и развернула ко мне. И я увидел... Это было идеальное сочетание жизни и смерти. Лицо младенца было розовым, ручки и ножки — пухлыми от материнского молока. Но глазницы его зияли провалами, рот был широким, зубастым, и вовсе не детские зубы он скалил в могильном оскале.

Мертвецы, похоже, дарили ей не только удовольствие.

Я уронил книги, уронил отцовский подарок. Попятился, спотыкаясь, на солнечный двор и побежал. Господи, как я бежал! Я был испуган до глубины души. Я бежал, пока не достиг дороги. И хотя у меня не было ни малейшего желания снова проходить мимо кладбища, выбора не было, другого пути я не знал, а заблудиться не хотел. Я хотел домой. Я хотел добраться до церкви, алтаря, чистоты, молитв.

Дорога была пустынной во всех смыслах, люди редко ходили по ней, а если и ходили, то решили оставить тело некроманта на месте. Вороны и лисы трудились над его лицом, руками и ногами. Я пробрался мимо, не потревожив их.

Хэкель снова замолчал. На этот раз он громко и глубоко вздохнул.

— Вот почему, джентльмены, я советую вам быть осторожнее с суждениями о Монтескино.

Он встал и подошел к двери. У всех у нас, конечно же, были вопросы, но в тот раз никто не стал говорить. Мы отпустили его. Что касается меня, я был даже рад его уходу. С меня хватило ужасов этой ночи.

Думайте, что хотите. Я до нынешнего дня не знаю, верю ли я его истории или нет (хотя не вижу ни малейших причин, по которым Хэкель мог бы *придумать* такое). Он знал, что после той ночи все будут относиться к нему иначе, держаться на расстоянии вытянутой руки. Дело в том, что история его преследовала меня, наверное, потому, что я так и не решил, верю я ей или нет. Иногда мне казалось, что частично эта история все же изменила мою жизнь. Ей я обязан своей увлеченностью эмпирикой — и моей преданностью методологии Гельмгольца, — но, возможно, это и не было итогом тех часов, что я провел в компании Хэкеля.

И не думаю, что только я один был впечатлен и зачарован услышанным. Хотя с течением лет я все реже и реже встречался с членами нашей группы, любая встреча раньше или позже заканчивалась тем, что мы вспоминали Хэкеля и непроизвольно понижали голос. Мы не могли даже признаться, что помним его рассказ, слишком тревожила нас тема.

Несколько членов нашей группы тщательно старались прояснить историю, доказать, что она придумана. Помнится, Эйзентрот заявлял, что повторил путь Хэкеля из Виттенберга в Луненбург и не видел по дороге никакого кладбища. Что же до самого Хэкеля, все нападки он встречал с полнейшим равнодушием. Мы ведь спросили его, что он думает о некромантах, он ответил. Больше ему нечего было добавить.

И он был в некоторой мере прав. Он давным-давно рассказал нам жаркой летней ночью историю, а мне все еще снилось то, кем я мог стать.

Но сейчас, сидя у окна, я знаю, что мне уже никогда не собраться с силами, не шагнуть в ночь. Скоро я присоединюсь к Парракеру и остальным в земле, и меня до ужаса пугает мысль о прекрасной обнаженной незнакомке, которая стонет в экстазе в объятиях смерти. Я много лет бежал от истории Хэкеля, я прятал голову в песок здравого смысла и логики. Но в конце концов я понял, что мне не скрыться. Не спрятаться от жуткого подозрения, догадки о том, кто и что движет этим миром.

Дэл Ховисон

И НАПОСЛЕДОК...

Писателей нашего любимого жанра можно условно отнести к двум школам. Первая считает, что театр ужаса предназначен для молодежи, которая любит чувственные истории в сумеречной зоне неведомого им ранее опыта. Рано или поздно такие читатели перерастут свое увлечение. Поэтому хоррор первой школы рассчитан лишь на подростков. Вторая же школа стоит на том, что легенды и мифы о сверхъестественном основаны на фольклоре, на разговорах у костра и, в последнее время все чаще, на городских легендах, а сами в итоге несут нам необходимый урок. Но в этом уроке нет упора на четкую мораль, рассказы о мистике и ужасах не имеют ничего общего с «истинной литературой».

В литературе ужасы всегда были блюзом. Однако, как и блюз в музыке, в литературе мы можем проследить наш жанр до самых его корней. Это неизбежно. Смотрите: и «Беовульф», и «Илиада», и «Одиссея», даже «Сон в летнюю ночь» Шекспира рассказывают нам о бесах и монстрах, о сверхъестественных событиях и психологическом ужасе. Хоррор присутствует и в солнечном затмении, и в любой религии. Сейчас мы можем видеть его в политике и ежедневных новостях. Ужас всегда был и всегда будет рядом. Бывали случаи, когда люди отдавали дань текущей морали и заявляли, что хоррор как жанр не существует. Они пытались дать ему иное имя, прикрыть маской то, что является общеизвестной истиной. Это не темное фэнтези. Это не триллер. Это даже не альтернативное состояние сознания. Хоррор присутствует в каждом жанре, а критики заявляют, что его не существует как такового. Ну что я могу сказать, это чистая ложь. Конечно, есть мистика, есть хоррор-вестерны, есть хоррор-триллеры, есть ужасы с уклоном в сверхъестественное. Все, кто писал для этой нашей книги, знают, что такое хоррор. Он может скрываться под разными масками, но вечеринка одна и та же.

И я могу лишь искренне надеяться, что те же маски появятся на следующей вечеринке.

Но хоррор — это хоррор. И если добавить к нему мистику, жанр не изменится, как не перестанет быть жанром и мистика. Посмотрите фильм и прочитайте книгу. Если вам попался жанр ужаса, вы его узнаете, как бы вас ни пытались переубедить. Вы будете испуганы. Вам станет не по себе. В вашем мозгу шевельнется холодный червь, от холода станет тяжелым желудок. У ужаса есть свой цвет, запах и вкус. Вы его знаете. Вы только что его ощутили. От него вы улыбаетесь и вздрагиваете одновременно. Вы, как Джефф Гелб и я сам, любите его и принимаете. Вот почему мы собрались вместе. Ужас для нас вроде американских горок, на которые хочется возвращаться снова и снова. Вам нужен этот всплеск адреналина.

И вы все еще читаете эту книгу. Отлично.

А можете отложить ее и просто уснуть.

Если получится.

КНИГА 2

Посвящается Сью, с любовью и признательностью. Скотту и Джейсону, которые меня создали, а также Джошуа, Хранителю Врат

Дэл Ховисон

Тем, кто все еще любит хорошие кошмары на старой доброй печатной странице — нашим читателям!

Джефф Гелб

Дэл Ховисон

НЕЛЕГКОЕ ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ во вторую круговерть «Вкуса ужаса». Вы снова собираетесь приоткрыть скрипучую дверь в обитель страха, в ваше сознание. Вам стало неудобно? Нет? Скоро станет. Пододвиньте кресло. Подложите подушку под спину. Надеюсь, из нее не торчит ничего острого и колющего? Свет лампы направлен идеально, он золотит ваше плечо и падает на книгу на коленях. Подождите-ка! Занавески отодвинуты? Мы же не хотим, чтобы кто-то подглядывал за нами во время чтения?

А это что, капает кран? Можно пойти в кухню и закрыть его, но там так темно, а мне только что показалось, будто кто-то дергает дверную ручку, проверяя, надежно ли мы заперлись. Надеюсь, что мы здесь одни. И последний вопрос, прежде чем мы начнем. У вас есть домашнее животное? Нет? А мне показалось, я слышу, как наверху кто-то ходит. Хотя, возможно, это лишь разыгралось мое воображение.

Вы же знаете, как это бывает. Несмотря на холодный ветер за окном, вас бросает в пот. Наверное, перегрелся отопительный котел. И стук из подвала, скорее всего, издает его заслонка. Возможно, придется спуститься вниз и устранить поломку? Кажется, у вас легкое головокружение и перед глазами все немного расплывается. Хочется прочистить горло, хотя бы для того, чтобы услышать живой звук. Но во рту жутко пересохло. Стакан воды будет кстати. Ах да, но в кухне все еще темно, и вода продолжает медленно капать из крана. Устойчивый ритм: кап, кап, кап. И вдруг тишина. Как хорошо. Теперь слышен лишь звук вашего дыхания.

Что-то движется в углу комнаты. Вы чувствуете это, почти видите. Но стоит вам обернуться... Нет, кажется, нет. Там ничего нет. Я ошибся. Только ветер шумит снаружи. Слышно, как он шуршит и стучит ветвями. Шорох листьев похож на звук шагов, не так ли? Можно встать, включить свет и выглянуть за дверь.

Ах да, лампочка перегорела на прошлой неделе и у вас не дошли руки ее поменять. Но там ведь наверняка ничего нет. И стон за углом — всего лишь проделки ветра. Старые дома часто так скрипят. Это проседает деревянный фундамент. В такую погоду никто не бродит снаружи. Только безумец отправится во тьму... не так ли?

В такую ночь приятно сидеть дома, уютно устроившись с хорошей книгой. И вот она. Она у вас в руках. Протрите очки, чтобы ненароком не увидеть того, чего в комнате нет. Стоит ли надевать очки для чтения, чтобы перед глазами расплывалась часть комнаты? Вот и очертания подушек на диване становятся странными. Они похожи на испуганных пушистых зверьков. Да, сознание умеет подбросить нам безумную аналогию, верно? Укутайте ноги пледом. Так уютней и безопасней.

А это что? Как мотылек пробрался в дом? И разве не забавно, что тень его то растет, то уменьшается, прыгая по стенам и потолку? Вы слышите, как он бьется о лампу над вашей головой. Мотылек скоро погибнет и упадет, и снова станет тихо. А может, вы решитесь пройти в кухню за мухобойкой? Ах да, я вспомнил насчет кухни...

Что ж, начинайте читать. Вы сразу забудете о таких мелочах. Хотя... проклятый кран. Он снова начал капать. Так что идти в кухню вам все-таки придется, рано или поздно. Ну ладно. Пора закончить тихий шепот об ужасах. Это была лишь легкая разминка, попытка ускорить ваш пульс. Но он и без того учащен.

Рэй Хэррихаусен

ПРЕДИСЛОВИЕ: АКТ ТВОРЕНИЯ

Я удивился, когда меня попросили написать предисловие ко второй части антологии ужастиков. Я не раз ходил на грани ужасов, я делал фильмы по мотивам фэнтези, создавал гигантских существ, но ни разу не работал с этим жанром напрямую. Я разрабатывал дизайн многих странных существ, но хоррор не вызывал у меня того энтузиазма, с которым к нему относятся соиздатели Дэл Ховисон и Джефф Гелб.

Ужас — их стезя и призвание, и они мастера своего дела. Первая же попытка, сделанная в 2005 году, принесла им премию Брэма Стокера от Ассоциации авторов хоррора и звание лучшей антологии года.

Их послушной список внушает уважение. Джефф составил почти двадцать антологий хоррора, а Дэл (как и его жена Сью) в Бербанке, штат Калифорния, владеет книжным магазином «Темные деликатесы», полностью посвященным хоррору. К тому же оба пишут в жанре хоррор.

Но нашим общим знаменателем является акт творения. У аниматоров и писателей много общего — страсть, воображение, бесчисленные часы, которые мы проводим в одиночестве в маленьких темных комнатах. Наше искусство порождается воображением и воплощается озарениями на основании наблюдений.

К тому же аниматоры и писатели обязательно владеют самыми неожиданными навыками. К примеру, прежде чем анимировать скелет в «Седьмом путешествии Синдбада», я научился фехтовать в голливудской школе, поскольку, чтобы правильно спроектировать модель, хотел знать, как движется меч. Писатель, который намеревается вдохнуть жизнь в свое произведение, должен потратить немало времени на исследование областей, с которыми он не знаком.

Как я уже писал в своей книге «Искусство от Рэя Хэррихаусена», я всегда стараюсь наделить своих героев собственными

чертами. Для этого приходится наблюдать, как мой будущий персонаж, человек или животное, ведет себя в жизни, а затем приводить наблюдение в действие. Писатель же в ответе не только за действия, но и за мысли своих героев, поэтому любой профессиональный писатель проделявает вдвое больше работы.

Я часто прохожу несколько промежуточных стадий, прежде чем получаю окончательный вариант; составитель антологий делает то же самое. Он распределяет слои своей книги от рассказа к рассказу и получает черновой набросок. Он тасует избранные рассказы, пока не получит задуманную структуру книги. Затем, на стадии, когда продукт становится анимацией в готовом фильме, составитель проводит нас по лестнице историй от начала до конца.

В общем и целом процесс нашего творчества приводит к одному итогу: рассказать вам историю и развлечь вас. Обычно мои работы сначала вызывают удивление и восхищение, но могут как напугать, так и рассмешить. Джефф и Дэл хотят вас сначала напугать, а потом заставить задуматься. Чтобы достичь такого эффекта, они наняли для своей антологии лучших из лучших.

Я горжусь тем, что меня попросили написать предисловие ко второй части этой книги. Возможно, когда-нибудь я буду рисовать монстров для экранизации этой антологии. Кто знает? Все в руках Божьих. Я надеюсь, что два «темных» соиздателя продолжат свой квест и снова представят на ваш суд кошмары и ужасы, которые они так хорошо знают и любят. Ну а пока — до новых встреч. И сладких снов!

БАРБАРА ХЭМБЛИ

РАССВЕТ НАД БЕГУЩЕЙ ВОДОЙ

Предполагалось, что этот проклятый корабль непотопляем.

Иначе, как вы думаете, ступил бы я на палубу этого ржавого корыта?

На борт я взшел в Шербурге, и тому было несколько причин. Главной из них был тот факт, что «Титаник» прибывал в порт из Саутгемптона на закате, и погрузка велась в темноте. Меня не прельщала мысль о том, чтобы отправить свой гроб багажом, учитывая сопутствующий риск в виде дотошных таможенников, идиотов-грузчиков и нудных уговоров живых сообщников, которые вполне могут полениться проверить, не поставлен ли чей-то гроб (или сундук, большинство из нас предпочитает для путешествий большие двойные сундуки) крышкой вниз под несколькими тысячами фунтов хлама какого-нибудь престарелого американского имбецила. В половине случаев нам все равно приходится убивать сообщников. И чаще всего это просто приятно.

— Ты уверен, что хочешь это сделать, Непье? — осведомился Саймон, который прибыл к докам в закрытом автомобиле, чтобы проводить меня.

Будучи на полтора века старше меня — одним из самых старых немертвых в Европе, — он мог двигаться в сумерках, просыпался немного раньше и, при необходимости, оставался в сознании несколько часов после рассвета, хоть и, разумеется, при наличии защиты от разрушительного солнца.

— Ты не сможешь охотиться на борту. «Уайт стар лайн» очень внимательно следит за пассажирами, даже третьего класса. Все не так, как в старые добрые времена.

— Саймон, ты слишком долго был вампиром, — пошутил я, накрыв рукой его обтянутое перчаткой запястье. — И начал превращаться в старого ворчливого параноика. Как сейчас называют таких людей, старыми перечницами, кажется?

О списках пассажиров я знал все. Я тщательно их изучил.

Прошлой ночью, незадолго до рассвета, мы охотились. Я убил дважды. Я знал, что это будет долгая поездка. Семь или восемь дней от Шербурга до Нью-Йорка. Немалый период времени на борту для такого опасного создания, как я.

Я надеялся, что не принадлежу к числу тех вампиров, которые сходят с ума после четырех или пяти дней без убийства — тех, кто настолько привык наслаждаться смертью помимо простого питания, что охотится даже в условиях, которые наверняка привлекут внимание властей: к примеру в ограниченном кругу известных людей. Но, признаться, я не знал этого наверняка. Без ежедневных убийств мы начинали утрачивать способность обманывать и подчинять себе разум живых, а допустить этого я не мог.

Впервые за сто сорок лет я собирался отправиться так далеко от Лондона. Впервые с 1722 года, с тех пор как я стал вампиром, я решился пересечь океан.

Немертвые крайне уязвимы во время путешествий. Деньги всегда обеспечивали некоторую защиту в виде подкупа, английских замков, слуг и социального давления. (Вы не задумывались, почему в дешевых приключенческих романах Главный Злодей с длинным именем всегда сказочно богат? Прибыль от процентных облигаций, накопленных за пару сотен лет, буквально поражает.) Но, как мне предстояло вскоре выяснить, бывают и несчастные случаи. И чем длиннее путешествие, тем больше шансов, что все пойдет катастрофически не так.

— За океаном новый мир, Саймон, — мрачно сказал я. — Признай, Европа не может оставаться в прежнем положении. Грядет война. Кайзер вышвыривает политиков за дверь в надежде, что ему бросят вызов. Ты видел их новое оружие: воздушные корабли, зажигательные бомбы, пушки, которые могут уничтожить город, находясь в нескольких милях от него. Мудр тот, кто сумеет вовремя уйти от опасности.

Девяносто пять часов спустя я проклинал себя за эти слова, но кто же знал?

Саймон улыбнулся, хотя улыбался он редко.

— Возможно, ты прав, мой друг. Да будет так. Я верю в твой успех первопроходца и надеюсь, что ты черкнешь мне пару слов. Иди же, если не с Богом, то с благословением равнодушной судь-

бы, мой злобный лорд... — Он взглянул на имя в моих бумагах. — Лорд Сэндридж.

Саймон надел темные очки и провел меня до барьера, добавив мощь своего разума к влиянию моего, так что багаж был пронесен без проверки. Я поднялся по трапу и обернулся у поручней. Саймон махал мне рукой — тонкая маленькая фигурка на фоне сумерек. Возможно, мой единственный друг среди мертвых.

Мы, видите ли, не самая приятная компания даже для себе подобных.

Затем я отправился вниз, к трюму для багажа пассажиров первого класса, и убедился, что мой гроб-сундук поставлен в пределах досягаемости и не вызвал ни у кого подозрений. Саймон, скорее всего, вернулся домой, позавтракав по пути каким-нибудь доверчивым иммигрантом.

Утром мы причалили в Квинстауне, у побережья Ирландии, это была последняя погрузка перед выходом в океан. После восхода солнца оставаться в сознании чертовски сложно, но я был полон решимости пойти на этот шаг. И не пожалел. Вскоре после того, как я заперся в сундуке — до Квинстауна оставалось еще несколько часов пути, — я услышал крадущиеся шаги и учуял запах мужского пота.

Кто-то наверняка заметил, с каким ревностным вниманием я относился к транспортировке своего сундука, и это привело к одному из глупейших выводов, которыми часто грешат живые. Алчные негодяи! У моего виска зазвенели отмычки. Меня одолевало головокружение и приступы паники — хотя я знал, что этот трюм надежно защищен от солнца, — но я собрался с силами для действия.

Убирайся отсюда, идиот! Живущие не знают, насколько плоть вампира покорна суточному ритму. Я чувствовал себя отупевшим, как от опиума, который при жизни пробовал в «Клубе адского пламени». *Этот корабль смердит американскими миллионерами, а ты пытаешься ограбить сундук обычного лорда Тьмы?*

Открылась внешняя крышка, затем внутренняя. И надо мной нависло круглое небритое лицо с огромными карими глазами, распахнутыми от ужаса.

Я выдавил из себя то, что, надеюсь, прозвучало как устрашающий рев, вырвал отмычки из рук молодого идиота и упал обратно в гроб, захлопывая за собой крышку и поворачивая внутреннюю задвижку. Снаружи всхлипнули, охнули, тяжелые башмаки загрохотали по настилу, а затем по металлической лестнице.

Насколько я понял, грабитель сошел в Квинстауне и пропустил последующие события. А жаль. Этой свинье не помешало бы искупаться.

Однако вовсе не страх ограбления заставил меня приложить все усилия к тому, чтобы оставаться в сознании во время погрузки в Квинстауне. Я напрягал свои сверхъестественные силы, чтобы ощутить каждый звук, каждый голос, каждый шаг на корабле. Я должен был знать, кто поднимется со мной на борт.

Потому что я не был до конца честен с Саймоном, когда перечислял причины, заставившие меня оставить Англию, и не уточнил, почему садился на корабль именно в Шербурге. Никто не любит признаваться в глупейших ошибках.

Что вынуждает меня рассказать о мисс Александре Пакстон.

Я не знал, под каким именем она окажется на борту «Титаника». Ей, видите ли, стало известно, что я слежу за списками пассажиров и изменяю свои планы, как только заподозрю ее присутствие на борту.

Очередным трюизмом из инфантильных человеческих историй можно назвать то, что Злобный Лорд С-Длинным-Именем или порочная Графиня Бланковски выбирают своих жертв из представителей высшего общества, изредка снисходя до среднего класса. Это откровенная глупость, поскольку такие люди всегда взаимосвязаны и следят за жизнью друг друга в маленьких странах, таких как Англия. (Вот еще один повод уехать в Америку.)

Вампиры кормятся в основном бедняками. Мы убиваем людей, исчезновения которых никто не заметит. К сожалению, такие люди, как правило, грязны, отвратительно пахнут, часто находятся на грани истощения, пропитаны алкоголем и совершенно не интересны как собеседники. А мы *действительно* наслаждаемся игрой в кошки-мышки, неторопливым долгим выслеживанием, смакуя его днями, а то и неделями.

Именно так я познакомился, начал ухаживать, флиртовал, водил в оперу и в итоге убил мисс Синтию Ингл за несколько дней до ее свадьбы с Лайонелом Пакстоном.

Лайонел и его сестра казались мне необычайно скучными, когда мисс Ингл рассказывала мне о них во время наших тайных свиданий, приправленных шампанским и опасностью. Я не позволял своей милой жертве излишних мелодрам и недооценил проницательности ее поклонника. Так или иначе, после ряда событий, слишком запутанных и сложных, чтобы сейчас их перечислять, я вынужден был убить и Лайонела.

И Александра начала охотиться на меня.

Она взошла на борт в Квинстауне в самую последнюю минуту. Излишняя предосторожность с ее стороны, ведь, как я уже говорил, солнце стояло высоко и я не смог бы подняться на палубу, даже если бы меня не одолел дневной сон. Но я узнал о ее присутствии, находясь в трансе вампирского сна: ощутил аромат сандала и ванили — так пахла ее любимая пудра, услышал стук острых каблучков по доскам настила.

И сердце мое оборвалось.

Я не мог убить мисс Пакстон на борту «Титаника», не учинив грандиозного шума. После чего меня наверняка заперли бы в каюте, а поскольку каюты здесь оснащены иллюминаторами, у доброго капитана Смита впервые появилась бы интересная тема для записи в корабельном журнале.

Целью мисс Пакстон, в отличие от меня, не было выживание. Я знал и помнил по последней встрече, что на ее запястьях и шее будут серебряные цепочки, способные расплавить мою плоть при соприкосновении. К тому же у нее наверняка с собой револьвер с серебряными пулями, и мисс Пакстон без промедления им воспользуется.

Я также знал, что она поразительно меткий стрелок.

Я не смогу объяснить вам, как именно мертвые узнают, что наступил безопасный час для выхода из убежищ. Среди нас есть те, в ком даже сумерки полярной ночи вызывают панику и жжение в дневные часы; есть те, кто может вспыхнуть и сгореть, когда утренние звезды еще видны на горизонте. Наше чутье подобных

материй невероятно сильно, а те, кому его не хватает, как правило, недолго остаются вампирами.

Я покинул свой гроб-сундук, как только ощутил, что настала безопасная пора — примерно половина шестого вечера, — поднялся по нескольким лестницам мимо площадки для игры в сквош, прошел вдоль кают матросов и пассажиров третьего класса, затем по служебному коридору, который здесь именовали «большой шотландской дорогой», сквозь толпу пассажиров, потом по запасным лестницам и вскоре оказался у своей каюты первого класса на палубе В. Рекламные оды «Титанику» особо подчеркивали тот факт, что пассажиры первого класса могут не беспокоиться о таких вещах, как наличие на корабле простых смертных — еще одна причина, по которой я выбрал это судно. Остроглазые стюарды тщательно следили, чтобы тех, кто пожелал отгородиться от простого люда, никто не беспокоил. Но, как и большинство живущих (и слава Богу), судили они в основном по внешнему виду.

Я был занят светской беседой с юной очаровательной супругой престарелого американского миллионера, когда дверь внизу распахнулась и на палубу проскользнула мисс Пакстон.

Платье наверняка обошлось ей в половину наследства, оставшегося от почившего брата. Она была одета в синий бархат с кремовыми кружевами на лифе. Небольшой плюмаж из кремовых перьев, удерживаемых синим драгоценным камнем, служил украшением ее буро-мышинных волос. Мисс Пакстон была довольно высокой, из тех, кого американцы называют «здоровыми, дюжими», отличалась длинной челюстью, узким носом и пронзительным, жутким взглядом серо-голубых глаз. В левой руке она держала синюю бархатную сумочку, правую обернула кружевной шалью, скрывая кисть и то, что в ней могло быть. Я сбежал, как заяц, прежде чем она меня заметила.

— Эта юная особа, — сказал я главному стюарду, вложив в его ладонь сотню американских долларов, — самозванка и наглая притворщица. Она преследует меня уже несколько месяцев. Не знаю, под каким предлогом она попытается подобраться ко мне на этот раз. И не желаю этого знать. Я лишь хочу, чтобы до конца нашего плаванья эту мисс держали подальше от меня, от моей каюты и от комнат, в которых я могу оказаться. Это ясно?

— Да, сэр. Не беспокойтесь, лорд Сэндридж.

Стоило мне войти в столовую, как я тут же подвергся шумной атаке — на меня прыгнул пекинес одной из американских матрон. Я всегда считал, что этих мерзких маленьких хищников нужно держать взаперти.

Естественно, вопрос о мисс Пакстон не решался простейшими мерами. Она догадалась, что я буду путешествовать первым классом, и вложила немыслимое количество средств в перво-классный гардероб, поэтому я не мог быть уверен, что не столкнусь с ней во время променада на палубе А. И не мог оставаться в своей каюте ночью, когда не спал. Мисс Пакстон наверняка будет искать меня там. Из шепотков в каютах стюардов и горничных (поверьте, две закрытые двери и болтовня американских выскочек — не помеха для вампирского слуха) я выяснил, что она вербует сторонников, рассказывая сказки о лишении наследства и попытке изнасилования.

Мисс Пакстон с железным упорством преследовала меня, пока не закончилась первая ночь. Мне пришлось переодеться в неброскую пару брюк и твидовый пиджак, чтобы спрятаться на палубе третьего класса в толпе ирландцев.

Незадолго до рассвета я вернулся в сундук, заменявший мне гроб, но сон не принес облегчения.

Весь этот и последующий день я слышал шаги мисс Пакстон, чуял запах ее крови и пудры. Во тьме моего сна она пробиралась в грузовой трюм.

Она пробралась в мои сны.

Она и море.

Как любезно указал в своем «Дракуле» мистер Стокер, мы можем пересекать текущую воду лишь во время прилива и отлива. Он не солгал. Я до сих пор помню, как мой Мастер стоял у начала лондонского моста и приказывал мне его перейти. То, что я тогда испытал, нельзя выразить словом «ужас». Я чувствовал тошноту, парализующую слабость, словно сама смерть ядовитым туманом поднялась с реки и отравила мое тело. Мастер, мерзавец, высмеял меня тогда, и чтобы перебраться через мост, мы наняли кэб. Позже мы обитали в лондонской подземке. Он учил меня фокусировать сознание, несмотря на панику и дезориентацию,

но я, как и все вампиры, бешено ненавидел утрату способности затуманивать разум живых.

Именно это больше всего беспокоило меня во время апрельского путешествия. Я мог льстить, очаровывать, подкупать это вкусно пахнущее, теплокровное, светящееся алым лакомство, но не мог напрямую внушать доверие и не имел власти над происходящим.

Я не мог заставить людей влюбиться в меня и забыть об опасности.

Не мог погрузить их в транс и заманить в угол палубы, не мог остановиться у двери каюты и проникнуть в их сны.

Я был ограничен во всех своих замыслах и средствах. И даже более того, поскольку серебро могло оставить ожог на моей коже, а солнечный свет превратил бы меня в кричащий факел.

А если эта паршивка — почти одного со мной роста, весьма сильная для женщины — сможет каким-либо образом столкнуть меня за борт, я буду парализован водой. И камнем уйду на дно, как предупреждал меня Саймон, поскольку превращение в вампира меняет человеческую плоть. Мы обретаем идеальное тело: одни мускулы и никакого жира.

А именно жир позволяет человеку плавать. (Саймон дока в таких вещах. Он провел научное исследование нашего состояния и с тех пор к месту и не к месту бравировал своими познаниями.) Солнечный свет не проникает в глубины океана, поэтому я не умру, я буду «всего лишь» придавлен немыслимой толщей воды и скован ее холодом. Двигаться я смогу лишь на протяжении нескольких минут, когда луна вызовет прилив. А затем магия воды снова усилится, и течения поволокут меня согласно своей воле.

При этом я буду в сознании, заверил меня Саймон. (Черт побери, откуда *он* об этом знал?) Я смогу мыслить в месте, которое более всего похоже на Дантов ад.

А если мисс Пакстон ранит меня серебряной пулей, пусть даже и не в сердце, самым подходящим местом для моего несопротивляющегося тела будет, естественно, жиж за бортом.

Примерно такие сны вились вокруг меня под стук ее каблучков по палубе.

В ночь на 14 апреля путешествие было отвратительным до 23:39.

В тот воскресный вечер я нанес краткий визит в столовую. Этого было достаточно для того, чтобы стюарды и чрезмерно любопытные пассажиры не решили наведаться в мою каюту днем, интересуясь состоянием моего здоровья. Я рассказал им, что слишком измучен морской болезнью и у меня совершенно пропал аппетит. Большинство старых вампиров не выносят запаха человеческой еды. Я же наслаждался им, к тому же мне нравилось наблюдать за спектаклем, который устраивали соседи по столу. Они поглощали невероятное количество вареного лосося под нежным соусом, жареных утят, голубей, кресс-салата и винегрета с аспарагусом, фуа-гра, эклеров... И не стоит забывать о галлонах коньяка и различных вин. Такие привкусы остаются в крови на несколько часов...

Моей привычкой на «Титанике» стало постоянное передвижение по палубам первого класса. С того памятного четверга мисс Пакстон не появлялась на палубах А и В, но дважды — у Пальмового сада, за курительной комнатой первого класса, и в коридоре возле своей каюты — я учуял аромат ее пудры. Эта женщина все еще искала путь на палубу для избранных.

И могла поджидать меня с пистолетом в руке за любым из углов.

Поэтому я старался держаться в носовой части корабля — с конца палубы В открывался отличный вид и было недалеко до курительной комнаты. Оттуда я и заметил темную громаду почти прозрачного льда, дрейфующую наперерез кораблю.

Пребывание в открытом море не повлияло на мою способность видеть в темноте, равно как и на способность чутя запах пудры мисс Пакстон. Айсберг был в нескольких километрах от корабля, практически невидимый человеческому глазу. Океан под безлунным небом был спокоен, даже пенные барашки не расходились от основания глыбы.

Прошлой ночью, во время своих скитаний по кораблю, я услышал чей-то разговор. Речь шла о предупреждении, полученном с идущего на восток американского парохода, а ближе к обеду температура воздуха заметно упала.

О том, что «Титаник» может затонуть, я беспокоился не более остальных пассажиров. Корпус корабля был разделен на водонепроницаемые отсеки, которые закрывались простым нажатием кнопки. Куда больше меня волновала вероятность того, что один из пассажиров (к примеру ваш покорный слуга) будет обездвижен (к примеру серебряной пулей, выпущенной в спину) и сброшен за борт, а этого никто не заметит. Возможно, расследование со временем докажет виновность мстительной мисс Пакстон, вот только *мне* от этого легче не станет.

Я спустился на палубу С и ниже, к лестницам в грузовые отсеки, откуда «шотландская дорога» вывела бы меня к парадной лестнице. Оттуда можно было подняться на шлюпочную палубу, в конце которой находился мостик.

Там, распахнув дверь, ведущую на лестницу для слуг, она меня и перехватила.

И тихо сказала:

— Я поймала тебя, злодей!

— Шельма, — так же тихо ответил я.

Мисс Пакстон подняла руку, и я увидел пистолет. Неподдалеку находились жилые отсеки, и звук выстрела наверняка привлеч бы внимание. Проблема была в том, что с тридцати футов мисс Пакстон не промахнется. Пуля, даже не попав в сердце, может причинить огромный ущерб моей плоти и обездвижить меня, что станет приятным сюрпризом для корабельного врача. Будь мы на суше, я бы схватил эту женщину прежде, чем она выстрелит.

Но здесь я не доверял своим рефлексам. Поэтому развернулся и прыгнул в поперечный коридор, который, как я надеялся, вел к служебному входу и второй лестнице наверх. Каблучки мисс Пакстон стучали у меня за спиной, она почти не отставала от меня. Я нырнул в залитый белым светом тоннель и на миг поддался искушению спрятаться в тень под ближайшей лестницей и схватить преследовательницу, когда она пробежит мимо — так поздно ночью я с легкостью мог бы сбросить *ее* бесчувственное (или мертвое: я не ел уже несколько дней и был голоден как волк) тело за борт.

Но у мисс Пакстон был пистолет. А по опыту я знал, что она будет громко кричать. Я повернул на ближайшую лестницу, ве-

душую вниз, и очутился на палубе F в лабиринте площадок для игры в сквош и кают второго и третьего класса. Я все еще слышал ее шаги, но теперь они, похоже, удалялись. Просто поразительно, как металлические коридоры отражали и искажали звук! Добавьте к этому рев моторов, и вы поймете, почему даже мой сверхъестественный слух меня подвел. Главная лестница проходила через обеденный зал, самое удобное место для перехвата. Но была и другая, поменьше, за турецкими банями, которой я и воспользовался. Сокрушительный удар заставил корабль задрожать и сбил меня с ног, сбросив обратно к основанию лестницы.

Помнится, я ни секунды не сомневался в том, что мы столкнулись с этим чертовым айсбергом.

Только люди могли так долго его не замечать. Он же возвышался над кораблем, блестящий, хотя и темный. Это был практически чистый лед, полупрозрачный, без снежных наносов. Я понимал (благодаря все тому же Саймону, который, когда я наконец доберусь до Лондона, без промедления выпалит: «Я же тебе говорил!»), что, когда верхняя часть айсберга тает, баланс меняется и айсберг переворачивается подводной стороной вверх. Темная же сторона не так заметна, она не отражает свет, да и ночь была безлунной. И все же...

Я вцепился в поручни и прислушался. Лампы по-прежнему ярко светили, и после первого удара корабль больше не дрожал. Но стоило мне потянуться чувствами вовне — вперед и вниз, на палубы подо мной, — как я услышал приглушенные мужские голоса, грохот лихорадочной деятельности и рев воды, бьющей в отсеки со скоростью пожарного гидранта.

И я подумал: *«Проклятье, если затопит отсек с багажом первого класса, мне конец!»* Мне стыдно вспоминать, в каких выражениях ко мне пришла эта мысль, но в тот момент я мог думать только о своем светонепроницаемом двойном сундуке и о двух симпатичных иллюминаторах в моей каюте. Я понятия не имел, как проходит процедура эвакуации пассажиров и багажа в «Уайт стар лайн» и когда к нам доберется другой корабль, чтобы забрать пострадавших. Не было никаких гарантий, что это произойдет после захода солнца.

С другой стороны, подумал я, благодаря всем этим беспорядкам мне легче будет избавиться от мисс Пакстон, пока она не подумала о том же и не опередила меня.

Но вначале сундук.

Багаж первого класса располагался на палубе G, в носовой части корабля. Проходы были достаточно широкими, чтобы можно было вынести сундук на палубу С. Я зашагал по все еще пустынному коридору — члены команды спали, когда только могли, ленивые мерзавцы! — и вдруг услышал, как останавливаются двигатели.

Тишина, воцарившаяся на корабле впервые после отхода из Квинстауна, показалась мне громче любого грохота.

И я был не единственным, кого эта тишина обеспокоила больше, чем столкновение с тысячами тонн льда. Начали распахиваться двери, мужчины и женщины — в основном молодые и растрепанные со сна — выглядывали в коридор.

— Что случилось?

— Почему мы остановились?

— Мы столкнулись с айсбергом, — сказал я. И достал из кармана смокинга пачку банкнот. — Мне требуется помощь: нужно вынести мой сундук из грузового отсека. Там лежат бумаги, которыми я не могу рисковать.

Конечно же, я мог бы вынести сундук в одиночку, но лишь предварительно помахав рукой надежде на то, что меня не заметят, не засыпят вопросами и не подвергнут надзору до конца путешествия.

— Простите, лорд Сэндридж. — За моей спиной возник офицер Боксхолл, застегнутый на все пуговицы и крайне взволнованный. — Нам понадобятся люди, для того чтобы эвакуировать почту, на случай если вода доберется до ловердека. Возвращайтесь в свою каюту, я отправлю к вам человека, как только появятся свободные руки. На данный момент повреждения незначительны, но через полчаса мы выясним все детали.

Я мог бы сказать ему, что вода грохочет уже в нескольких отсеках под нами, но рассудил, что он и так об этом вскоре узнает. Одна из горничных присматривалась ко мне с особым вниманием. Это была толстощекая рыжеволосая уроженка Йоркшира,

которую я не раз видел в компании мисс Пакстон. Она поспешно зашагала прочь, лавируя между быстро растущими группами obsługi. Итак, возможность подождать в каюте только что исчезла.

И все же, подумал я, до полуночи осталось всего десять минут. Если грузовой отсек будет заполнен матросами, спасающими тюки с почтой, я смогу затуманить их разум и сам унести свой сундук.

Или убить мисс Пакстон.

Задолго до рассвета, размышляя на ходу, я буду знать, стоит ли мне перебраться на другой корабль или лучше спрятаться в светонепроницаемом надежном уголке «Титаника», пока будут идти ремонтные работы. При минимуме везения я смогу очаровать парочку ремонтников.

Мисс Пакстон наверняка была на палубе В, направлялась к моей каюте. На палубе С какие-то шведы и американцы из третьего класса все еще смеялись и играли осколками льда. Прогулочная зона палубы В была практически пуста, самые смелые пассажиры кутались в пальто и толстые свитера. Молодой человек в вечернем костюме показал мне осколок льда и бросил его в свой стакан.

— Я видел, как эта штука проходит мимо. Потрясающе!

— Как думаете, корабль не сильно поврежден? — спросила пожилая леди, висящая на руке еще более дряхлого супруга.

— Господи, ну конечно же нет! Сам Господь Бог не смог бы потопить этот корабль.

Саймон перекрестился бы, хоть он и вампир.

Да и я, если бы мне снова довелось оказаться в подобной ситуации — упаси меня, Боже! — тоже перекрестился бы.

К тому времени я понял — мертвые чувствительны к подобным материям, — что палуба под ногами уже ненадежна. При том количестве воды, которое пролилось в пробоину, меня это не удивило. Я поднялся к станции Маркони на шлюпочной палубе — к отсеку, где телеграфисты бешено стучали молоточками.

— Мы отправили сообщение «Калифорнии», но отклика нет, — ответил на мой вопрос один из них. — Этот паршивец, наверное, все выключил и отправился спать. Он мне все уши

простучал, пока я возился с сообщениями для пассажиров. «Карпатия» примерно в шестидесяти милях к югу от нас. Ей понадобится часа четыре или пять.

Четыре часа означали, что корабль прибудет в темноте, размышляя я, возвращаясь к своей каюте, чтобы найти там преследовательницу. Но через пять часов рассвет.

А значит, коль скоро мисс Пакстон будет устранена, мне придется так или иначе возиться с сундуком. Я должен спрятаться в нем раньше, чем взойдет это проклятое солнце. Никогда, поклялся я, никогда больше не стану путешествовать без крайней необходимости! Одно чертово осложнение за другим.

Запах мисс Пакстон я различил еще в коридоре. Он был сильным и свежим, но ее самой нигде не было видно. В других каютах слышался гул голосов — женщина жаловалась на то, что придется выйти на палубу, а там холодно. Забавные опасения, но ни паники, ни беспокойства в голосах не было. Я сделал еще несколько шагов, прислушиваясь и принимаясь.

Мисс Пакстон была в моей каюте.

Ну конечно. Ее наверняка впустила горничная.

И все оказалось проще, чем я думал.

Полночь воцарилась в небесах, и я закрыл глаза. Я потянулся к ее сознанию во тьму каюты. И начал оплетать нежной вуалью сна, слой за слоем.

Мягко, мягко... Я уже проделывал с ней подобный фокус, еще в Лондоне, поэтому действовать нужно было осторожнее, чем обычно. Мисс Пакстон знала, на что похоже такое влияние, и начала бы сопротивляться, ощутив его снова. И все же она устала от бесконечных поисков. Я почувствовал, как мисс Пакстон задремала. И зашептал ей голосом реки Шер, на берегу которой она в детстве играла со своим братцем-идиотом, голосом ветра в ветвях прибрежных ив.

«Спи... спи... ты дома и в безопасности. Родители присматривают за тобой, и не может случиться ничего плохого...»

У меня было всего десять минут, когда вечер сменялся ночью, а расположение Земли и звезд (как объяснял мне Саймон) становилось оптимальным и помогало преодолеть жуткое воздей-

ствие течений. Сохранять неподвижность, сосредоточившись на юной женщине в каюте, было сущим мучением. Я чувствовал, как отпущенные мне мгновения утекают сквозь пальцы, и считал, сколько шагов понадобится, чтобы пройти по коридору, открыть дверь и погрузить клыки в ее шею...

Образ, который лучше не допускать в сознание, пока я нашептываю ей: *«Спи, отдыхай, тебе будет удобнее, если ты снимешь эти тяжелые серебряные цепи. Все хорошо, ты в безопасности... А они тебе так мешают...»*

Я ощутил, как мисс Пакстон теребит пуговицы воротника (и почему женщины так любят носить вещи, которые застегиваются сзади?). Увидел ее внутренним взором: сидящую в кожаном кресле, бессильно откинувшую голову на подушку растрепавшихся волос. Непослушные пальцы трогают горло...

«Спи...»

Замок ожерелья был большим, тяжелым и надежным. Вот шельма. Наверняка специально выбрала такой именно потому, что расстегнуть его в полусне или трансе было непросто. Проклятье, сколько минут или сколько секунд осталось?..

Мягче, тише, Лайонел просит у тебя цепочки. Ты должна снять их и отдать ему...

Я услышал шепот ее сердца: *«Лайонел!»* — и ощутил, как по ее щекам текут слезы. Во сне мисс Пакстон увидела брата, такого же толстого и глупого, каким он был при жизни. Брат держал ее за руку. *«Мне нужно серебро на свадьбу, старушка. Шафер не может явиться без серебряных украшений. Новые правила».*

Она выпустила револьвер и принялась за застежку обеими руками. Замочек поддался, серебряные звенья потекли вниз, упали ей на грудь. Остались считанные секунды, но их достаточно...

Я стремительно двинулся по коридору, и тут это жалкое, отвратительное создание, эта волосатая ошибка природы — пекинес американской матроны — выскочил из ближайшей каюты и вцепился мне в лодыжку. Зубы этой твари не повредили бы и сухой корки, не говоря уже о вампире, который преследует беззащитную жертву, но даже вампир споткнется, если под ноги ему влетит пять килограммов мохнатой дряни.

Я успел сгруппироваться, как кошка, но сверхчеловеческая скорость сыграла против меня. Поганец вскочил на лапы и разразился бешеным лаем. Его хозяйка появилась в дверях в тот самый миг, когда я занес ногу, чтобы разmozжить череп этому выкидышу.

— Как вы смеете, сэр! Иди к мамочке, Солнышко¹!

Секундой позже мисс Пакстон с расстегнутым воротом, растрепанными волосами и с пистолетом в руке возникла в дверях моей каюты, целясь в меня с расстояния шести футов...

Полночь закончилась.

Я сбежал. Миссис Харпер (так ее, кажется, звали), подхватившая на руки свою адскую гончую, загородила собой коридор и стала помехой на линии огня, что подарило мне жизненно важные секунды. Я скатился по лестнице и нырнул в ближайший коридор. Мисс Пакстон летела за мной, как фурия.

Коридоры постепенно заполнялись людьми. Мои соседи по первому классу щеголяли самыми разными видами пижам, свитеров, плащей, купальных халатов и спасательных жилетов. Все дружно жаловались на то, что им придется выйти на холодную палубу, и столь же дружно мешали мисс Пакстон прицелиться, а мне оторваться от погони. Я толкался, уклонялся, прятался за людьми. Наконец я спустился в коридор палубы В, который вел к грузовым отсекам. Лампы все еще горели, но если они погаснут — я надеялся на это, учитывая прибывающую воду, — мисс Пакстон окажется в моей власти.

К тому времени как я добрался до «шотландской дороги», пол уже ощутимо кренился. Коридоры были заполнены членами команды. У спуска спиральной лестницы, ведущей к палубам Е и F, я резко затормозил и вздрогнул от тошнотворного шока. Подо мной была яма с зеленой водой, жутковато подсвеченная оставшимися внизу лампами.

И уровень воды был *высоким*.

Позади меня рывкнул пистолет, и я развернулся. Коридор был все еще заполнен членами команды, но между мной и аварий-

¹ Пекинес Солнышко (Сан Ет Сен) принадлежал жене медиамагната Генри Слипера Харпера. Спасся с «Титаника» вместе с хозяевами на одной из первых шлюпок. (Примеч. пер.)

ным трапом, на котором появилась мисс Пакстон, не было никого, и никто не пытался ее остановить. Да и не думаю, что этой сумасшедшей помешали бы чьи-либо попытки. Возможно, ее сказки о моем вероломстве разошлись среди команды, а возможно, они лучше нас представляли, что происходит под нашими ногами. Но факт оставался фактом: мисс Пакстон стояла с пистолетом в руке. Ее выстрел был точным, и я знал, что первый же взгляд на рану подтвердит: рана смертельна. Но япил кровь тысяч крестьян, фабричных рабочих, проституток и уличных мальчишек на протяжении ста сорока лет вовсе не для того, чтобы меня убила разъяренная баба из третьего класса.

Я принял единственно возможное решение.

Когда мисс Пакстон выстрелила, я упал у поручней, перекашлялся и рухнул вниз, в нефритово-зеленый колодец морского ада.

Вода оказалась ледяной, как я того и ожидал.

Сознание раскололось, разум онемел. Я закричал, и мои легкие заполнились водой — чертовски здорово, что я много лет назад отказался от необходимости дышать. Я помнил, как смотрел на мисс Александру Пакстон сквозь толщу зеленой воды. Она смотрела на меня, все еще сжимая пистолет.

Я был в сознании. Я чувствовал, что способность двигаться вытекает из меня, как кровь из разорванной артерии. До тех пор пока мисс Пакстон там, я не должен шевелиться. Мне следовало убедить ее в том, что я мертв. А она все стояла и смотрела — злорадствовала, жалкая корова! — целую вечность.

И вот наконец плюнула в меня и отвернулась.

На то, чтобы добраться до двери к палубе F, мне понадобилось несколько минут медленного и неуклюжего барахтанья. Пальцы закалились, как биты для крикета, и я не знаю, сколько времени ушло на попытки открыть дверь. Мозг тоже казался крикетной битой, его едва хватало на то, чтобы сориентироваться — где, черт ее дери, лестница, ведущая наверх, к палубе E? — в этом кипящем водовороте ужаса, шока, невероятной слабости и кошмарной паники.

Я пребывал в слепой уверенности, что этот чертов корабль утонет, несмотря на водонепроницаемые отсеки.

До меня доносились неимоверно далекие голоса.

Голоса, говорившие: «Мы тонем с дифферентом на нос».

Голоса, упрашивавшие: «Мэри, ты должна сесть в шлюпку, я догоню тебя позже!»

Голоса, кричавшие: «А ну назад! Сначала женщины и дети!»

Гораздо ближе ко мне гремели шаги и слышался испуганный лепет на шведском, гаэльском, арабском, японском: пассажиры третьего класса пытались разобраться в переплетении коридоров и выбраться наверх. Члены команды кричали им сдать назад, оставаться в каютах, пока их не позовут к шлюпкам. Но я бывал в море, Господи спаси, я ходил на кораблях, когда был еще жив, и слишком хорошо знал, сколько человек поместится в шлюпки такого размера, как те, что на «Титанике».

Мне нужно было добраться до шлюпочной палубы раньше, чем они выпустят иностранных свиней и позволят кому-то занять место, которое я оплатил вместе с билетом первого класса. И раньше, чем свиньи поймут, что места в шлюпках им не хватит, и вырвут своими грязными лапами власть из рук корабельной команды.

Борьба была воистину адской: я вспоминал описание пятого круга Дантового ада, где грешники пребывают в вечной неподвижности на вязком дне под водами Стикса. У них осталось лишь одно утешение: воды Стикса теплее, чем Атлантический океан в апреле. Вода нулевой температуры воздействовала на вампиров почти так же, как на живых, с той только разницей, что страдания длились дольше, а живым нужно было еще и дышать. Помимо парализующего холода была еще сокрушительная дезориентация, проклятие океанской воды — живой воды. Временами я просто застывал, сражаясь за способность пошевелить рукой или оттолкнуться ногой от металла сжимающихся стен, и это было похоже на попытку остаться в сознании на крайней степени истощения. Я приходил в себя, с трудом продвигался на фут или два, а затем паралич накатывал снова, и справиться с ним было труднее.

Периоды оцепенения становились все дольше, секунд лихорадочной деятельности было все меньше. Я чувствовал, как стены, корпус, палуба все наклоняются, вес воды в трюме увеличивается вдвое, вчетверо, впятеро, и беспомощно замирал, в полной мере сознавая ужасающую *глубину* океана под килем.

Не знаю, как я не сошел с ума. Не от страха, что умру, когда корабль переломится пополам и начнет опускаться на дно, а от осознания полной уверенности: *я не выберусь, и никогда не смогу этого сделать.*

Никогда.

По неизвестной мне причине я был полностью в курсе того, что происходит на палубе, в то время как продолжал спазматические, агонизирующие, беспомощные попытки выбраться к лестнице и выжить. Даже громкая музыка оркестра не скрывала кошмарной ясности каждого разговора, каждого шага, треска веревок, которые звенели от напряжения, опуская на воду спасательные шлюпки. Офицеры продолжали свое «сначала женщины и дети», а женщины и дети, кретины безмозглые, искали любой повод остаться на корабле, потому что там было теплее. Лишь немногие мужчины спокойно покинули корабль на первых шлюпках, поскольку женщин, желающих занять свободные места, было совсем немного. Позже я узнал, что в первой шлюпке было всего двенадцать человек. Жалкая миссис Харпер села в шлюпку не только с мужем, но и со своим чертовым пекинесом на руках.

Однако стены вокруг меня продолжали крениться с пугающей скоростью, и первоклассные идиоты (я использую этот термин осознанно) поняли, что с кораблем что-то не так. К тому времени, как я наконец выбрался, жалкий и мокрый, по лестнице до палубы D и поплелся по никем не охраняемой служебной лестнице выше, нос корабля уже ушел под воду, а на борту осталось не более пяти шлюпок.

Не хочу вдаваться в детальное описание того, как вели себя почти две тысячи мужчин и женщин в попытке добраться до ста шестидесяти посадочных мест, единственного способа вырваться из лап смерти. Кто угодно, прожив почти две сотни лет в большом городе вроде Лондона, наверняка не раз видел толпу. Пассажиры «Титаника» вели себя не так уж несдержанно. Да, членам команды пришлось создать живой заслон у шлюпок и угрожать пистолетами любому, кто попытается прорваться, не являясь при этом женщиной или ребенком. Да, мужчины бросились к другим шлюпкам (я был слишком далеко и не успевал к ним, будь они все прокляты!).

Поразительно, но свет все еще горел, а оркестр продолжал играть, внося в происходящее странный диссонанс, но все же, как я понял, именно это заставляло остальных сохранять человеческий облик. Одному Богу известно, как все это происходило бы в темноте, где единственным звуком был бы стон перегруженной арматуры корабля, готового разорваться пополам. Я уже давно отказался от мысли вернуться за сундуком или убить Александру Пакстон. Гораздо позже я узнал, что она, убедившись в том, что «убила» меня, отправилась прямо на шлюпочную палубу и села в одну из первых шлюпок. Она вернулась в Англию и, к сожалению, благополучно дожила до старости.

Сука.

Что же касается меня, то все мои мысли были сосредоточены на том, как добраться до шлюпки. Я надеялся, что спасительный корабль появится прежде, чем ночь сдаст свои позиции. Ведь на борту «Титаника» находились самые богатые люди мира! Наверняка другие корабли на всех парах несутся им на помощь.

Разве нет?

Помимо обычных спасательных шлюпок на «Титанике» было четыре складные парусиновые лодки. Две из них уже были собраны, одна отправилась в море, когда закончились деревянные шлюпки. Еще две бесполезно лежали на крыше офицерских жилых помещений. Они были так тщательно опутаны веревками, что быстро снять их не представлялось возможным, однако вокруг уже сгрудились мужчины, пытающиеся сделать это, прежде чем корабль уйдет под воду. А он, Боже нам помоги, уже собирался это сделать.

Я знал это. Слышал благодаря обостренным чувствам немертвого натужный треск корпуса под тоннами воды. Остов «Титаника» не выдерживал веса — невероятных тонн — кормы, к тому времени полностью поднявшейся над поверхностью неподвижного, гладкого, как стекло, океана. Генераторы задыхались, свет приобрел красноватый оттенок. Я протолкался сквозь толпу до одной из лодок, но меня опередил маленький джентльмен, помогавший распутывать веревки. Он обратился к офицеру со словами: «Я поплыву на ней». Когда офицер — который уже немало времени отгонял от шлюпок пассажиров мужского пола — хотел протестовать, джентльмен добавил:

— Меня зовут Брюс Исмей, я президент «Уайт стар лайн». — И сел в лодку.

Они начали спуск за миг до того, как я добрался до поручней. *Ты можешь быть президентом чего угодно, но раз уж нашлось место для тебя, найдется и для меня...*

Но я застыл. Я мог бы отбросить любого из офицеров, пытавшихся мне помешать, да и прыгнуть на такое расстояние было бы для меня раз плюнуть. Меньше метра отделяло борт спускающейся лодки от поручней. С моими мускулами и силой вампира я мог бы прыгнуть, даже будь она в пять раз дальше.

Меньше метра пространства... и темная океанская вода не так уж далеко внизу.

Но даже если бы высшая сила пообещала вернуть мне бессмертную душу, и то я не осмелился бы прыгнуть.

К тому времени как я добрался до второй лодки, эта уже уплыла. Некоторые пассажиры сигали в воду, считая, что шлюпки достаточно близко, чтобы их подобрать — до воды было не так уж далеко, если прыгать с носа. Я бросился к оставшейся лодке и присоединился к тем, кто пытался распутать две оставшиеся складные лодки (тот, кто придумал конструкцию этих штук, добавлен к длинному списку людей, которым я искренне желаю гореть в аду) и подтащить их к борту. Если лодка переворачивалась (а одна из оставшихся это сделала), вес и неуклюжесть конструкции мешали вернуть ее в нормальное положение. Я чувствовал, что уклон палубы становится все больше и что под черной толщей воды нос корабля тянет вперед и вниз.

В 2:15 был затоплен капитанский мостик. Волна темной воды захлестнула крыши офицерских помещений и перекатилась через правый борт. Я забрался в лодку, отвоевав это место у армии конкурентов. Оглянувшись, я заметил корму «Титаника» — люди облепили ее, как муравьи, сама же корма поднималась над океаном все выше. Это было довольно жуткое зрелище. Отовсюду раздавались крики, и если до этого момента я сомневался, что вампир может молиться, и молиться искренне, теперь мои сомнения развеялись. Я выкрикивал имя Господне, бросаясь в утлую лодочку вместе с другими, и мы налегли на весла, ахнув, когда огромный корабль с чудовищным звуком треснул пополам.

Корма отломилась, поднятая ею волна погнала нашу лодку вперед. Я видел, как светят под водой огни носовой части. Корма на миг поднялась вертикально в небо, исходя паром из всех отверстий под отчаянные вопли тех, кому не повезло вовремя покинуть борт. Затем корма качнулась, словно палец, грозящий холодным звездам...

...и затонула.

С моим сундуком на борту.

И никакого спасательного судна поблизости.

Было двадцать минут третьего. В апреле на севере Атлантики рассвет начинается около пяти, но первые лучи появятся на час раньше.

О Боже, только это и вертелось у меня в голове. *О Боже*.

Мужчины — в основном члены команды — начали молиться, а я растерял все слова. О чем я мог попросить? О том, чтобы с неба упал светонепроницаемый и непотопляемый гроб и я еще несколько веков мог убивать и питаться кровью мертвых? Не думаю, что при всем моем отчаянии такая мольба дошла бы до Бога.

Я просто ждал.

Лодку так и не успели разложить по всем правилам. Складные борта начали пропускать воду, и мы осторожно вычерпывали ее, чтобы не нарушить баланс и не отправиться вместе с лодкой в ледяную бездну. По крайней мере эта задача отвлекла моих попутчиков от мысли о том, чтобы вернуться и подобрать пловцов, чьи голоса звенели над водой, как стрекот цикад летней ночью. Шестнадцать сотен человек оказались в ту ночь в ледяной воде — мне сказали, что другие лодки, даже полупустые, старались держаться подальше из опасения, что утопающие их перевернут. Какая-то американка попыталась уговорить остальных леди вернуться и спасти людей, но ее резко оборвали — довольно грубо как для милосердного слабого пола.

Крики доносились около двадцати минут. Живым не выдержать долго в холодной воде.

И мы могли только ждать, охваченные страхом куда более мучительным, чем тот, что испытали на «Титанике». Лодка медленно заполнялась водой и оседала прямо под нашими ногами.

В моем же случае рос страх того, что вскоре солнце возникнет над горизонтом и моя плоть будет охвачена неугасимым пламенем.

Тот факт, что я ненадолго согрею попутчиков и отвлеку их от мыслей о гибели, меня почему-то не утешал.

Если лодка утонет до того, как взойдет солнце, думал я, разумнее всего направиться к обломкам «Титаника». Краткие периоды воли, порожденные сменой приливов, не позволят мне бороться с силой морских течений. Единственный шанс на спасение — укрыться среди обломков.

В моей голове зазвучал голос Саймона. Он рассказывал о том, что ныряльщики уже учатся обыскивать корабли, затонувшие на мелководье. Они ищут сокровища Испанского Мэйна и Средиземноморья. *«Со временем они наверняка доберутся и до Атлантики, по крайней мере до тех галеонов, которые затонули с драгоценным грузом посреди океана. Можешь быть уверен, стоит науке изобрести нечто полезное, и искатели сокровищ тут же опробуют новинку ради наживы».*

Мои попутчиками были самые богатые люди мира. И мало кто из них успел перед посадкой в шлюпку набить карманы драгоценностями. Искатели сокровищ появятся здесь, как только наука даст им такую возможность.

Но даже эти размышления не мешали мне повторять самую краткую из человеческих молитв: *«Нет, Господи, пожалуйста!..»*

Как будто Он станет меня слушать.

В 3:30 на юго-востоке мелькнула белая вспышка, и до нас донесся отдаленный грохот пушки.

Поднялся легкий бриз, океанская гладь подернулась легкой рябью, а холод сделался невыносимым. Узенький, как обрезок ногтя, месяц висел над восточным горизонтом. Мои попутчики начали падать за борт, почти поравнявшийся с линией воды. Они падали тихо, безвольно, потеряв остатки сил. Океанская вода начала замерзать. Я заметил неподалеку тусклые ледяные глыбы — миниатюрные айсберги размером от автомобиля до одноэтажного дома. При свете звезд они казались призраками. К западу и югу вода была чище, и я мог различить очертания других

спасательных шлюпок. Иногда до меня доносились голоса других пассажиров, обрывки звуков изредка тревожили ночь.

Небо стало серым, когда мы заметили медленно приближающуюся к нам спасательную шлюпку. Не знаю, как далеко нас отнесло течением, я погрузился в летаргию от ужаса, глядя, как постепенно светлеет небо на горизонте. А может, это было воздействие воды, которая поднялась до уровня наших коленей. В живых остались только десять мужчин и женщина из третьего класса. Я с трудом повернул голову и стал следить за мучительно медленным приближением спасательной шлюпки.

Все замедлило свой ход, как в клейком, неотвратимом кошмаре, словно само время замерзло на пронзительном ветру. Где-то вдалеке — в миле или двух, посреди ледяного крошева — темнел силуэт небольшого корабля. Все спасательные шлюпки сползались к нему, словно замерзшие насекомые, стремящиеся к блюду с вареньем — их варианту рая на земле.

И я понимал, что даже если шлюпка успеет к нам — к тому моменту казалось, что мы утонем перед самым ее носом, — надежды на то, что она успеет вернуться на корабль до рассвета, у меня не было.

«Не заставляй меня делать это, Господи! Не заставляй...»

И словно Господня насмешка, рванулись из серого тумана солнечные лучи, раскрашивая айсберги и воду, делая ее похожей на сапфир редкой чистоты и насыщенности. И в тот же миг мою заледеневшую плоть обдало изнутри невыносимым жаром, кожа зачесалась, готовясь вспыхнуть и расцвести пламенем.

Если я спрячусь в бойлере среди обломков, в закутке между главной лестницей и Пальмовым двориком, мне останется лишь дожидаться охотников за сокровищами.

Холод и тьма только *казались* вечностью.

Но не будет ли надежда в таких обстоятельствах мучительнее отчаяния?

Я закрыл глаза и перевалился через борт.

Мне предстояло это выяснить.

Джо Р. Лэнсдэйл

ПЕС

Джим Аарон думал о том, что переднее колесо его велосипеда не держит воздух. Ничего серьезного, но долгая прогулка может привести к проблемам. Прошлым утром после прогулки он заметил, что шина слегка спустила, но сегодня, после ссоры с женой из-за какого-то дурацкого пустяка, об этом забыл. Просто рад был возможности убраться из дома. А если бы он решил накачать колесо, пришлось бы возвращаться в дом, идти в чулан за насосом, чего он точно делать не собирался.

Дойдя до конца дорожки, Джим оседлал велосипед и оглянулся на кирпичное здание, окруженное аккуратно подстриженным кустарником. Он чувствовал нечто, чего не мог определить. Злость. Разочарование. Но не совсем, и эта странность грызла его изнутри, словно попавшая в западню крыса.

Джим знал, что теоретически должен быть счастлив. Шесть месяцев назад он стал миллионером, не прилагая к этому ни малейших усилий. Он просто вел колонку в газете и любил свою работу. А потом на принадлежавшем ему участке обнаружили нефть и газ. Богом забытый клочок глухомани, заросший кустами и деревьями, рай для змей и клещей. Но тетушка Джима незадолго до смерти отправила туда геологов. К тому времени как те добрались до сути, тетушка уже отошла в мир иной, оставив Джиму землю и найденные в ней богатства. За месяц этот чертов участок приносил больше денег, чем Джим зарабатывал за год, ведя юмористический раздел в местной газете. Несколько газет готовы были оплачивать его колонки, и материал был почти готов, но теперь в этом не было необходимости. Он и так купался в деньгах.

Проблема заключалась в том, что теперь они с женой постоянно ссорились. Из-за денег, конечно же. Как их истратить, что купить. Их нынешний дом был вполне хорош, им было удобно, они наняли садовника, но почему-то это не исправило положения.

Раньше они жили неплохо, пусть небогато, но неплохо, и были счастливы, так почему же теперь, когда денег полно, счастье куда-то исчезло? Даже секс, которым раньше они наслаждались в полную силу, теперь буквально сошел на нет. В последнее время Джим чувствовал себя кастрированным, и его жена явно это понимала, потому что вела себя с ним как со стерилизованным котом.

Джим скучал по своей колонке, жалея, что уволился. Следовало бы остаться, подумал он. Или вернуться, а то и попытаться написать смешную книгу. Однако сейчас, оседлав велосипед, он понимал, что это всего лишь мечты.

Но как бы то ни было, Джим решил, что не собирается возвращаться в дом за насосом, да и в принципе возвращаться туда в ближайшее время. Нужно дать Гейл остыть. Да и самому успокоиться. К тому же занятия спортом ему полезны, как для настроения, так и для здоровья. Он не будет отъезжать далеко, чтобы не перегружать колесо, потом вернется и попробует помириться с Гейл. Проблема заключалась в том, что причина их ссоры уже вылетела у него из головы.

Джим вырулил на дорогу. Это была маленькая улочка, где в такое раннее время словно и не существовало движения. Дорога оживлялась только к концу дня, когда жители района возвращались с работы. К тому же в конце улицы Джим недавно обнаружил небольшую тропинку, уходящую в лес. По ней можно будет проехать, вообще не беспокоясь о машинах. Он не будет ездить далеко, на тот случай если колесо действительно пробито, а не просто не держит воздух из-за старости и изношенности. Можно позволить себе небольшую прогулку для души, разогнать кровь и очистить мозг от домашней паутины.

Джим почти не крутил педали, и велосипед катился по инерции. Был отличный денек, в чистом небе виднелась всего одна темная туча. Выглядела она так, словно кто-то скопировал бумажку и зашвырнул ее в синюю коробку с большими пушистыми комьями ваты. Джим запрокинул голову, подставляя лицо теплым солнечным лучам.

Проезжая мимо дома Лэнгстонов, он услышал собачий лай. Лаял их пудель, Каддлз. Белый нестриженный Каддлз был похож

на клубок спутанных ниток. Некоторое время этот клубок гнался за велосипедом и лаял, но вскоре погоня ему надоела, и песик вернулся домой.

До конца улицы Джим добрался минут за двадцать. За это время он покрылся здоровым потом. Джим ничуть не запыхался, зато бо́льшая часть злости улетучилась. Он подумал о Гейл и решил, что стоит как-то облегчить ей жизнь. У них за плечами шесть лет брака, и за полгода все не могло безнадежно испортиться, к тому же сейчас у них есть все для счастья. Джим понял, что снова сбивается на мысли о сегодняшнем утре, а ему этого совсем не хотелось. Ему хотелось жить мгновением, ощущать на лице ветер, чувствовать, как работают мышцы, как подпрыгивает на неровностях велосипед.

Лес в конце дороги был густым, и дорожка из белого песка не успела нагреться настолько, чтобы превратиться в пыль. Еще пару месяцев, и солнце Восточного Техаса накалит песок до такой степени, что он будет стекать между пальцами, как вода. Однако весной дожди шли довольно часто, так что песок под колесами был плотным.

Джим вырулил на узкую песчаную полосу и остановился, чтобы взглянуть на часы. Он хотел засечь время, которое понадобится ему, чтобы доехать до конца тропинки. По его предположениям, на это уйдет минут двадцать-двадцать пять.

Стоило выехать на дорожку, и сразу становилось понятно, что на ней полно выбоин, справа тянется промоина и река, а слева в густом подлеске есть тропинки для велосипедистов и любителей бега. Таким, по крайней мере, был изначальный план. Эта местность считалась общественной собственностью, и председатель поселка, Гэд Стивенс, велел расчистить в лесу дорожки, чтобы дети могли по ним кататься. Их не то чтобы расчистили, скорее просто наметили, а потом надолго забыли. Сейчас кусты по краям нужно было подрезать, а по тропинкам следовало пройти граблями — слишком много там было камней и красной глины, удерживавшей дождевую воду. Джим слышал, как Гэд обсуждал это со знакомым на заправке, где сам Джим остановился подкачать колесо. Они говорили, а он слушал. Разговор был не из приятных, но Гэд не из тех, кто привык понижать

голос, а Джим за годы работы в газете научился быть наблюдательным, пусть и на свой лад. Любая мелочь могла стать материалом для его колонки.

Джим взглянул на часы. С начала нового часа прошло тридцать секунд. Возможно, подумал Джим, стоит доехать до большого холма и сразу обратно. Тогда, если шина спустит, велосипед не придется тащить далеко. Джим перенес вес тела на педали. Кажется, с шиной все не так уж плохо. Она почти не проседает. Может, у него просто разыгралось воображение?

Размышляя об этом, Джим оглянулся через плечо и удивился. Сначала ему показалось, что по улице бежит теленок, но присмотревшись, он понял, что это очень большая черная с подпалинами собака. Раньше Джим этого пса не видел. Он был размером с датского дога, но гораздо массивнее. Пес двигался мощными прыжками, держа что-то в пасти. Что-то вроде рваной тряпки. Очень грязной рваной тряпки. Пес заметил Джима и остановился, склонил голову набок, вперился взглядом.

Господи, подумал Джим, ну и огромная же скотина, что же это за порода... Он не мог понять. Возможно, помесь дога с сенбернаром или... с немецкой овчаркой? Животное было похоже на этих собак, но казалось совершенно иным. Настоящим мустангом.

Джим взглянул на часы. Секундная стрелка уже описала полный круг.

Да черт с ним, подумал Джим, посылая велосипед на дорожку и набирая скорость, но не выкладываясь по полной. А затем услышал звук, который поначалу принял за хлопок спустившейся шины. Но нет, звук доносился сзади.

Джим оглянулся и увидел источник звука. За ним бежал пес с растрепанным комом в зубах. Пес догонял его, лапы впечатывались в дорожку с глухим звуком. Джим налег на педали, время от времени оглядываясь и удивляясь тому, как близко успел подобраться пес. Так близко, что Джим сумел разглядеть то, что животное держало в пасти, и непроизвольно охнул.

Это была не тряпка, это был Каддлз. То есть Каддлза давно уже не было. Голова пуделя болталась, язык свисал на сторону, тельце было покрыто кровью и грязью. Проклятое чудовище

убило Каддлза, беспомощного и безобидного, как диванная подушка!

Снова оглянувшись, Джим заметил, что пес выплюнул пуделька и весь отдался бегу. Джим нажал на педали и увеличил разрыв между ними, но непроизвольно задумался о том, долго ли сможет выдержать подобный темп. Если он вырвется далеко вперед и погоня будет долгой, он обставит пса, но на короткой дистанции собака вполне может его догнать. Пес двигался длинными мощными прыжками, неуклюжими и странными для собаки, так бегут разве что взбешенные слоны, и при этом каждый удар лап выбивал облако пыли из того, что Джиму казалось довольно жестким грунтом.

Джим начал задыхаться и быстро оценил свое состояние: гипервентиляция и все признаки испуга. Дорога пошла под уклон, как он и надеялся. Тяжелое дыхание пса было слишком близко. На склоне скорость увеличилась, и с холма Джим скатился так быстро, что ни одна собака не смогла бы его догнать. Склон был длинным, и велосипед подрагивал, разгоняясь все быстрее. Обычно Джим прекращал крутить педали, катясь по инерции, но сейчас, когда эта тварь была у него за спиной, он гнал вперед, зная, что за склоном начнется подъем.

И разогнался так, что в конце склона чуть не вылетел из седла. Руль повело в сторону, велосипед начал падать, и Джим чудом успел выставить ногу, чтобы вернуть себе вертикальное положение. Он вырулил туда, где дорожка начинала огибать деревья, повторяя поворот ручья, и увидел пса, который набрал на склоне такую скорость, что рухнул и кувырком полетел в заросли шиповника по левую сторону от дороги. Пес катился так быстро, что тут же скрылся из виду. Звуки падения завершились глухим ударом тела о твердую преграду.

Джим не знал, радоваться или нет. Ведь он был не уверен, что пес гнался именно за ним. Да, здоровенная тварь убила Каддлза, но это были собачьи дела. Пуделек, наверное, выскочил, чтобы облаять чужака на дороге, а пес среагировал инстинктивно, он мог даже не сообразить, что этот громкий клубок — тоже собака. Да и за велосипедом пес погнался скорее по собачьей привычке, это могла быть всего лишь игра в погоню.

И все же на всякий случай Джим подался вперед и снова стал накручивать педали.

Он оглянулся: пса не было, но сбрасывать скорость почему-то не хотелось.

Длинный черный полоз тек через дорогу. Не ядовитая, но все же змея. Джим попытался его обогнать, но не успел. Змею затянуло между спицами, велосипед повело и завалило набок, Джим едва смог вовремя выдернуть ногу.

Поднявшись, он отметил два обстоятельства: спортивные штаны порвались на коленях, а полоз извивался между спицами, пытаясь освободиться. Если он схватит змею, та точно укусит его, пусть и без яда.

Джим подобрал на обочине раздвоенную ветку, которой можно было прижать голову змеи, чтобы выпутать ее хвост из колеса, но от одной мысли о том, чтобы прикоснуться к чешуйчатому гаду, его тело покрывалось мурашками.

Однако делать было нечего, и после нескольких неудачных попыток Джиму удалось поймать «вилкой» голову полоза и вогнать концы палки в землю. Змея разевала рот и обвивалась кольцами вокруг спиц, а когда Джим с содроганием ухватил ее и попытался выпутать длинное тело из колеса, мускулистый хвост захлопал по его руке, заставив вздрогнуть от отвращения.

Возясь со змеей, Джим вдруг почувствовал себя неудобно. И дело было не только в том, что ползучие гады всегда пугали его до чертиков, — подняв голову, он снова заметил большого пса. Тот бежал по тропинке, и, увидев Джима, остановился, и уставился на него. Пес был далеко, но что-то в его позе, в его взгляде заставило Джима вцепиться в змею. Полоз конвульсивно сжался на спицах. Пес снова затрусил по дорожке. Джим бросил палку и вцепился в змею обеими руками.

Собака низко опустила голову и побежала быстрее, как лев, готовящийся прыгнуть на антилопу. Джим изо всех сил дернул, вырвал змею из колеса и зашвырнул ее в кусты, затем поднял велосипед, оседлал его и рванул с места.

Когда он оглянулся, стало ясно, что пес его догоняет. Скоро закончится тропинка, минут через десять, если двигаться в том

же темпе. А что за ней, кроме леса? Конец дорожки станет концом поездки, и он достанется чертовой собаке.

Джим размышлял, сможет ли отогнать пса? Да и стоит ли переживать? *«Может, — подумал он, — я раздул проблему из ничего? Я часто так делаю. Вот как сегодня утром. Эта ссора с Гейл... Глупо получилось. А из-за чего? Черт, да какая разница?»*

Мысли проносились в мозгу со скоростью пуль, не задевая его и не задерживаясь. Джим продолжал крутить педали. И тут он вспомнил о маленьких тропинках. Они вели вниз, к озеру. Гэд, что он тогда говорил? Что-то насчет того, чтобы отправить рабочих с бензопилами и трактором... И о том, что не все тропинки расчищены. Это Джим помнил. Да, Гэд стоял у колонки, заправлял машину и говорил с водителем грузовика о том, что еще не все тропинки к озеру расчищены.

Что, если он, Джим, свернет и попадет на заросшую тропинку?

Сможет ли собака взять след, если он хорошо ее обгонит? Ну да. Сможет, конечно. Он же смотрел «Планету животных» о собаках и об их невероятном обонянии, а теперь он сам, потный, усталый и перепуганный, пахнет, как горячий обед на колесах.

Джим увидел, что приближается к повороту на одну из глиняных тропинок. Он помедлил всего секунду и свернул.

Велосипед запрыгал по неровностям. Внутренности Джима подскочили к горлу. Кто-то перепахал эту тропку мотоциклетными шинами, видимо, после дождя. Теперь же колеи засохли, добавляя велосипеду проблем.

Вдобавок дорожка резко обрывалась у сплошной стены из деревьев и кустарников. Джим в панике сжал тормоза и оглянулся. Тропинка была пуста. Возможно, ему удастся вернуться и поискать другой путь. Но что, если собака доберется до начала тропинки одновременно с ним и он влетит прямо ей в пасть? Джим посмотрел направо, затем налево. Слева лес стоял сплошной стеной, как и впереди, а вот справа виднелся небольшой просвет между деревьями. Кустарник там был редким, понизу стелились колючки, валялся сушняк, но если он постарается, то проташит велосипед. За ежевикой, метрах в десяти, виднелась еще одна тропинка. Вот она-то и может вести прямо к озеру.

Джим поднял велосипед и начал раздвигать колесом колючие заросли. Краем глаза он заметил движение. Собака. Проклятая собака в конце проклятой тропы скользила к нему не быстро, но уверенно, словно наслаждаясь слезжой.

Джим толкнул велосипед вперед. Колючая плеть ежевики сорвалась и вцепилась в его носки, загоня шипы в плоть, другая плеть вывернулась из-под рамы и хлестнула его в пах.

Выругавшись, Джим двинулся быстрее, налегая на велосипед всем телом. Ежевика окутала его колючей волной, впиваясь в кожу и разрывая одежду. Это было как заслон из колючей проволоки.

Пес уже бежал. Джим видел его и знал, что он скоро прыгнет. Развернувшись, Джим выставил велосипед как щит и попятился, спиной проталкиваясь сквозь последний заслон из веток. Шипы рвали кожу, но он продолжал толкать. Темная тень взвилась в воздух и бросилась на него.

Пес ударился о раму, как ракета, челюсти сомкнулись на перекладине с такой силой, что Джим чуть не выпустил велосипед из рук. Он вцепился в раму, толкая велосипед на пса, но это было похоже на попытку оттеснить носорога. Пес отпустил железку и сунул голову в проем рамы. Зубы клацнули, хватая футболку на животе Джима, и в мгновение ока сорвали с него ткань. «Будь футболка чуть тоньше, меня бы уже выпотрошили», — подумал Джим.

Пес снова бросился вперед, на этот раз вцепившись в раму под седлом, и опять чуть не вырвал велосипед из рук Джима. Желтые глаза животного были совсем рядом. Так близко, что Джим видел в них темные точки, которые скользили в радужной оболочке, словно стая голодных пираний. Морда была огромной и морщинистой. Мышцы перекачивались под шкурой, будто поршни неизвестного механизма, а шерсть собаки была покрыта грязью, словно этот монстр выбрался на свет из-под слоя земли. И это явно была не обычная собака. Было в этой твари нечто странное, не поддающееся определению. Даже ее запах не походил на привычный Джиму запах псины. Это было нечто иное, нежели вонь от разложения и экскрементов.

Огромные зубы сжимались на раме, которую Джим с трудом пытался удержать.

— Отпусти ты, черт!

Черт не отпустил.

«Я покойник, — подумал Джим. — Сейчас я умру, и эта тварь меня сожрет».

Он попятился, не обращая внимания на колючки, рвущие теперь уже его голый торс. Джим споткнулся, когда почувствовал под ногой долгожданную глиняную дорожку.

Пес отпустил раму и прыгнул. Джим поднял велосипед и толкнул его. Сила столкновения отбросила животное назад. Плети ежевики сомкнулись вокруг собаки, запутывая ее тело. Пес потерял равновесие и упал, тут же скрывшись в зарослях.

Джим вскочил в седло и изо всех сил налег на педали. Оглянувшись, он заметил, что пес уже выпутался из ветвей, выскочил на дорожку и мчится за ним.

Дорожка вела к озеру, озерная гладь подмигивала Джиму, словно большой влажный глаз. Справа виднелся двухэтажный коттедж на высоких сваях. На лужайке перед домом сидела женщина с чашкой чая. Заметив Джима, она поднялась и приложила руку козырьком к глазам.

Джим изо всех сил жал на педали. Он часто воображал себя настоящим велосипедистом, гонщиком, а теперь у него появилась цель. Его жизнь. Кровь гремела в ушах, рана в паху горела, все царапины и порезы, покрывавшие его тело, давали о себе знать. Кровь стекала по рукам на резину руля.

Он домчался до коттеджа, отшвырнул велосипед и побежал к лестнице. Джим успел рассмотреть женщину: средних лет, в обычных обстоятельствах он назвал бы ее симпатичной. Сейчас она уронила чашку и прижала руки к груди, глядя на него широко открытыми глазами. Джим знал, что она видит: полуголого, покрытого потом и кровью незнакомца, который пыхтит, как перегревшийся бойлер.

Джим обернулся к дорожке и ткнул пальцем. Пес мчался за ним прыжками, которые с натяжкой сошли бы за галоп, и уже почти добрался до коттеджа.

Глубоко вдохнув, Джим выпалил:

— Он гонится за мной. Ради бога, впустите меня в дом!

Женщина взглянула на собаку, кивнула и рывком распахнула дверь. Внутри они оказались одновременно. Джим услышал, как щелкнул за ними замок.

— Джим, — представился он, похлопав себя по груди. Словно в данных обстоятельствах это было уместно. Женщина не ответила. Она подошла к окну и отодвинула занавеску. Пес как раз поднялся по лестнице на крыльцо и исчез из вида. Затем дверь сотряс сильнейший удар. И еще один. И еще.

— Господи! — ахнула женщина. — Он, наверное, бешеный.

— Не думаю, — ответил Джим.

— Он пытается выбить дверь. Какая собака додумалась бы до такого?

— Эта.

— Боже милостивый! От него пахнет смертью, я чувствую это даже отсюда.

Удары становились все чаще и громче, пес всерьез взялся за дверь. И вдруг удары стихли.

— Может, он сдался? — Женщина вздрогнула, словно через ее тело прошел электрический ток.

Джим и хозяйка коттеджа склонились к окну. Женщина отдернула занавеску. Собачья морда тут же влетела в стекло и гавкнула, заставив ее отскочить. Джим помог своей спасительнице подняться.

— Наверх, — сказал он.

Подталкивая женщину вперед, Джим зашагал к лестнице. За их спинами в окне возился пес, расширяя отверстие. Стекло звенело, осыпая осколками пол.

Наверху, на последнем пролете лестницы, женщина указала на открытую дверь. Шагнув внутрь, они заперли ее на замок.

И оказались в маленькой спальне с одним окном над кроватью. Пахло свежими простынями. Джим схватился за комод и подтащил его к двери.

А потом прижался ухом к филенке и прислушался. Пес был уже рядом. Джим слышал его тяжелое дыхание и рык.

— Это ваша собака? — спросила женщина.

Джим попытался сложить губы в улыбку.

— Нет, леди. Это не моя собака. Уверяю вас.

Удар в дверь.

Джим и женщина испуганно отпрыгнули. Снова удар, такой сильный, что комод проехал по полу несколько дюймов.

— Что это за тварь? — спросила женщина.

И тут раздался треск. Джим склонился, чтобы видеть проем между дверью и комодом. Пес подгрызал дверь снизу. Он каким-то образом смог вывернуть морду, чтобы подцепить дерево, и теперь от двери летели щепки.

Джим толкнул комод обратно и ударил в дверь.

— Да что я тебе, уроду, сделал?!

Дерево затрещало, и теперь он видел собачью морду и то, как равномерными рывками челюстей пес расширяет дыру. Джим прижал комод плотнее.

— Вон из моего дома!

Сначала Джим подумал, что женщина кричит это псу, от страха. И только потом осознал, что слова обращены к нему.

— Что?

— Убирайтесь! Я ему не нужна. Ему нужны вы. Это ваша собака.

— Уверяю вас, это не мой пес.

— Ему нужны вы. Именно вы. Убирайтесь от меня подальше. Это не мои проблемы!

С этими словами она подошла к шкафу, шагнула внутрь и закрыла за собой дверцу. Джим замер. А ведь она права. Инстинкт подсказывал ему то же самое: псу нужен именно он. Эта тварь похожа на ракету с системой самонаведения, а Джим — ее цель.

Пес настолько расширил дыру, что комод отъехал в сторону и из-за него показалась оскаленная морда. Джим смотрел на пса, пес смотрел на него. Глаза животного казались огромными и твердыми, словно состояли из камня, а не из жидкости. Пасть хватала воздух, хлопья пены слетали с нее и оседали на ковре, густые, как взбитые сливки.

Джим прыгнул вперед, припечатывая голову пса комодом, услышал визг и ощутил слабое удовлетворение.

Он развернулся, вскочил на кровать, подобрался к окну, двумя ударами выбил стекло и выбрался наружу, на лестницу. Острый осколок, застрявший в раме, располосовал ему ладонь. Сзади раздался треск двери — пес наконец прорвался в комнату. И обернулся к шкафу, в котором пряталась женщина.

— Сюда иди, ублюдок! — заорал Джим. — Тебе же нужен я? Вот и догоняй!

Пес как будто понял его. И вскочил на кровать, не сводя глаз с Джима.

Джим побежал по лестнице, которая огибала дом и спускалась туда, где валялся у двери брошенный велосипед. Забравшись в седло, он оглянулся и увидел пса на верхней площадке лестницы. Тот просунул морду между прутьями перил и тарашился вниз. Потом подобрался и зарычал так, что львы поперхнулись бы от зависти. И помчался вниз по ступеням.

Джим оттолкнулся ногой и пригнулся к раме. Тут некуда ехать, разве что в озеро. Озеро. Нужно добраться туда. Он налег на педали. Сердце сжалось в груди. Джим не просто слышал собственный пульс в ушах, он буквально ощущал движение сердечной мышцы. Словно тамтам.

Он рискнул обернуться. Пес почти догнал его, сильное тело животного распластывалось при каждом прыжке. Собака перебирала лапами с частотой лошади, галопом несущейся к финишу. А вот велосипед тормозил. Джим сначала не понял, в чем дело. Он крутил педали все быстрее, но...

Шина. Вот в чем беда, в переднем колесе. Оно не держало воздух. И пока еще не спустило совсем, но времени осталось мало. Джим оглянулся. Пес догонял. Его башка была выше велосипеда, пасть была распахнута, зубы оскалены. Не глотка, а прямая дорога в ад.

Джим устался прямо перед собой, сосредоточился на дорожке, накручивая педали еще быстрее. Ноги болели так, словно вот-вот отвалятся. Боль прошивала их от лодыжек до паха. Джим испугался судороги, но смог расслабить сведенные мышцы. А потом велосипед забуксовал.

Обернувшись, Джим увидел, что пес вцепился в заднее колесо. Велосипед повело, и Джим уже подумал, что все потеряно,

и тут шина вырвалась из собачьих зубов. Свобода! Однако из проколотого зубами колеса вышел воздух. Джим почувствовал, как оседает велосипед. Он остался почти без колес, а в паре дюймов за ним была собачья пасть с острейшими зубами.

Озеро было все ближе, виднелся конец дорожки. Джим оглянулся по сторонам в поисках кого-то или чего-то, что могло бы ему помочь.

Пусто.

Впереди, похожий на серый язык, в озеро уходил пирс.

Джим вырулил туда, подскочил на выбоине и с громким стуком приземлился на доски пирса, пытаясь выровнять велосипед. Доски грохотали под ним, как кости в стаканчике.

Джим не оборачивался, он просто не мог этого сделать. Зато он мог бы поклясться, что чувствует потной спиной горячее собачье дыхание. Джим слышал, как пес хрипит, как огромные лапы стучат по доскам все ближе и ближе.

Пирс заканчивался. *Вот оно. Момент истины.*

Джим не остановился, велосипед буквально взлетел с края, и на миг возникло ощущение полета. Воздух был чистым и прохладным, небо и вода сливались в единую синюю гладь. Джим глубоко вдохнул и начал падать. Велосипед выскользнул, первым уйдя под воду. Джим ударился коленями о руль, затем погружение замедлилось, и он смог посмотреть вверх.

Гигантская тень заслонила голубизну неба и солнечный свет. Пес прыгнул. И с громким плеском, от которого заволновалось озеро, ушел под воду. Джим в ужасе уставился на него и вдруг ощутил, как ноги коснулись дна.

Здесь неглубоко, подумал он, но если я смогу задержать дыхание, пес уйдет.

Он продолжал смотреть вверх. Чудовищная псина барахталась на поверхности. Джим повернулся к пирсу, под которым царил непроглядная тьма. И сказал себе: *«Я поплыву туда и смогу подняться по опоре вверх, чтобы глотнуть воздуха и снова нырнуть. Пес меня не увидит. И рано или поздно этому ублюдку придется сдаться».*

Джим посмотрел вверх.

Пес уверенно плыл к нему.

Джим дернулся, но... нога застряла. Что-то его держало, и он не сразу понял, что это велосипед. Нога запуталась в спицах. Он умудрился наступить прямо на колесо. Джим присел, вцепился в лодыжку обеими руками и потянул изо всех сил.

В ноге что-то щелкнуло, лопнуло, боль горячей проволокой взвилась до паха и выше и обожгла так, что Джим испугался, что сейчас выпустит остатки воздуха, завопив и наглотавшись воды.

Но он вырвался. И поплыл у самого дна, чувствуя горячую пульсацию боли. А затем его голову рвануло назад.

Нырнувший пес догнал его и вцепился зубами в длинные волосы. Еще рывок, и пряди остались в чудовищной пасти, а Джим снова оказался на свободе.

Поверхность. Нужно подняться. Воздуха почти не осталось.

Джим вынырнул, но как только его голова очутилась над поверхностью, завопил. Пес вцепился в его ногу прямо под коленом и теперь тянул вниз. Боль была сокрушительной. Джим чувствовал, как смещаются кости. И едва успел вдохнуть, как его снова поволокло вниз.

«Как? — подумал он. — Как эта псина может одновременно дышать и кусаться? Ну как? Как вообще такое возможно?»

Боль немного стихла, и Джим заметил темную тень, плывущую мимо него к поверхности.

«Ну наконец-то, — подумал Джим. — Демонам тоже нужно дышать».

Он нырнул и поплыл к темнеющему в воде пирсу. Шевелить ногами было больно, но альтернатива была хуже боли. Доплыть до пирса Джим не успел, что-то опять схватило его за ногу, срывая кроссовку. Он развернулся и посмотрел назад.

Снова пес. Джим различал его очертания, видел белую кроссовку, вырывающуюся из пасти животного и опускающуюся на дно.

А в следующий миг ступня взорвалась болью: пес схватил не только обувь.

Собака рванулась к его лицу, как дельфин.

«Хватит, — подумал Джим. — Хватит».

И когда пес приблизился, вцепился в глотку животного двумя руками. Но зверь продолжал двигаться, выворачивая голову, как акула, готовая перекатиться и схватить добычу. Мощные челюсти сомкнулись на лице Джима. Кости сместились под давлением собачьих зубов, скула начала проламываться внутрь. Джим замолотил по псу кулаками.

Челюсти сжались сильнее.

Джиму удалось нащупать собачий глаз и вогнать в него палец изо всех оставшихся сил. Пес задергался, пытаясь стряхнуть человека, но Джим не отпускал, загоня большой палец все глубже в глазницу. Голову жгло, легкие готовы были разорваться, но он не разжимал хватки.

Пес отпустил его первым и затрепыхался, пытаясь подняться на поверхность.

Джим поднялся вместе с ним, вынырнул на поверхность, глотнул воздуха и сжал руки на шее пса. А зубами вцепился в мохнатое ухо, заполнившее рот дрянью, которой он и представить себе не мог. А затем в горло потекла кровь. Джим вгрызся сильнее и дернул головой, отрывая кусок уха. Пес коротко гавкнул и попытался вырваться, но Джим обхватил его ногами, сжал руками изо всех сил, поерзал, стараясь добраться до собачьего горла.

Пес бился и извивался в воде, клацал челюстями, опускаясь вместе с Джимом на дно.

Они одновременно коснулись песка, и Джим разжал руки, пытаясь подняться вверх, глотнуть воздуха, но что-то схватило его за штанину и дернуло вниз. Поначалу он подумал о собаке, но это просто водоросли обернулись вокруг его лодыжки.

Пес развернулся к нему. Джим попытался ударить животное, но вода гасила удар. Он увернулся, обхватил пса за шею и прижался щекой к горлу твари под челюстью. Пес был силен, но разжать хватку ему не удалось. Псина рванулась вверх. Джим держался. Водоросли, обвивавшие его ногу, слетели от собачьего рывка.

Они оказались под солнцем. Джим вцепился зубами в собачью глотку, мотая головой из стороны в сторону. Из его горла донеслось рычание. Пес тоже рычал, снова и снова перекаtywаясь

в воде, но Джим сжимал руки и зубы, чувствуя во рту горячую кровь.

А потом движения прекратились, пес конвульсивно вздрогнул и застыл. Джим отпустил его горло и попытался взобраться сверху, как на плот, нанося животному удары по ребрам.

Пес начал погружаться в воду.

Джим замолотил руками и ногами и опустил лицо, глядя вниз.

Огромная собака медленно тонула спиной вниз. Джиму показалось, что он заметил желтый свет в уцелевшем глазу, но это, скорее всего, была иллюзия, потому что в следующий миг силуэт животного коснулся утонувшего велосипеда, перевернулся и медленно поплыл прочь, повинаясь подводному течению.

Джим с трудом доплыл до пирса, но взобраться на него не смог — опоры были слишком высокими. Отдохнув у столба, он добрался до берега, вылез на мокрый песок и обнаружил, что не может идти. Лодыжка была сломана. Кости стопы тоже. Правое колено не сгибалось, лицо горело, а челюсть скрипела и стреляла болью при каждом движении. Джим пополз по песку до пирса, добрался до края и посмотрел в воду.

Пес не появился.

Джим улыбнулся, скрипнув сломанной челюстью. В зубах застряли ошметки темной собачатины.

«Джим Победитель», — подумал он.

И испустил дикий, первобытный, леденящий душу вопль, который эхом разнесся над озером и всколыхнул ветви деревьев.

Джон Харрисон

АККОМПАНИАТОР

Никогда не думал, что стану об этом рассказывать. Я же убедил себя, что никто мне не поверит. В лучшем случае мою историю посчитают выдумкой, в худшем — галлюцинацией. Но настоящей причиной моего молчания было, скорее всего, то, что я хотел сохранить случившееся как свою личную, драгоценную, нетронутую чужими тайну. Минуло почти семьдесят лет, и не было ни дня, когда бы я не возвращался мысленно в тот декабрьский вечер.

Теперь же, когда Либерти ушла, а мои дни сочтены, мне нет резона хранить эту тайну. К тому же я слишком стар, чтобы меня волновало чужое мнение. Мне едва хватает сил удерживать в пальцах этот проклятый карандаш.

Когда я с ним познакомился, мне было восемнадцать. Я как раз нанялся в питсбургское отделение страховой компании «Тихая жизнь» учеником счетовода. То были чудные деньки для молодежи вроде меня. Страна процветала, жизнь кипела благодаря новым возможностям, удача сама шла в руки. Но и опасностей было немало, больше, чем мы тогда подозревали. Все стремились в будущее. Семена экономического хаоса и социальных потрясений уже пустили корни в плодородную почву амбиций и самоуверенности. Вскоре нам суждено будет пожать славный урожай с этих полей.

Первым чувством, которое он у меня вызвал, было любопытство, и это еще мягко сказано. Наш управляющий, Зак Смит, сказал мне:

— Мэттью Пердю тебе понравится. С цифрами он ладит, как никто. Возможно, это лучший наш счетовод. Но при этом он немного, как бы это сказать, рассеян. Однако учитель из него превосходный, не сомневайся.

И я ожидал увидеть милого пожилого джентльмена в очках с толстыми стеклами и слабым голосом. Но представили меня мужчине лет тридцати, с глазами ясными, как алмазы, и взглядом, пробирающим до костей; с гривой непослушных волос, которые, как я позже заметил, странно шевелились, когда он говорил.

— Скорее всего, он у нас ненадолго, — с искренним сожалением предупредил меня Смит. — Боюсь, его... э-э-э... привычки не отвечают нашим стандартам.

— Привычки? — спросил я, опасаясь... нет, надеясь услышать какую-нибудь скандальную деталь. В восемнадцать я с ума сходил от всего необычного и запретного.

— У него ненормированный рабочий день...

«*Aga!*» — радостно подумал я.

— И я нанял его только потому, что он *действительно* профи и, честно говоря, он мне нравится. Но стоит позволить работникам такой индивидуализм, и управлять конторой станет невозможно. Это плохо сказывается на трудовой дисциплине.

К концу его речи я был окончательно заинтригован, и первый же взгляд на мистера Пердью ничуть не убавил моего любопытства. Он сидел за высоким столом, методично постукивал по стопке учетных книг и казался композитором, полностью ушедшим в сочинение сложной мелодии. Он даже не слышал наших шагов. Просто смотрел в окно, постукивал карандашом, слегка покачивался из стороны в сторону и тихонько мурлыкал. Помню, тогда это показалось мне больше похожим на заклинание. Мы остановились, глядя на него, и я заметил, что Смит восхищенно улыбнулся.

И прочистил горло.

Пердью развернулся, и, клянусь, когда он нас увидел, волосы у него встали дыбом.

— Это Джастин Реддинг, мистер Пердью, тот молодой человек, о котором я говорил.

Пердью мягко улыбнулся и подошел ко мне.

— Да, конечно, — сказал, точнее, почти пропел он.

— Мэттью известно о твоём образовании, Джастин, и он знает, что тебе нужно делать. Так что слушай его внимательно и многому научишься. Многое узнаешь.

Мне показалось, что он имел в виду не только счетоводство

Мэттью, как и предсказывал Смит, оказался умелым и терпеливым учителем. Время, казалось, летело на крыльях, особенно когда он разбавлял наставления смешными замечаниями обо всем на свете. Эти шутки часто были приправлены тем, что мне в ту пору казалось вполне привлекательным здоровым цинизмом. Обладая превосходным образованием, Мэттью мог вдумчиво комментировать самые разные темы, и только его привычка время от времени отключаться на середине предложения и полностью уходить в себя иногда меня раздражала.

Вскоре я узнал, что истинной его страстью были музыка и кино. В те времена кинофильмы назывались «движущимися картинками» и считались низкопробным развлечением. Так что его интерес к ним лишь усилил мое восхищение этим человеком. И когда однажды вечером Мэттью пригласил меня на ужин, я согласился не раздумывая.

Он был владельцем небольшой квартиры в том же районе, где я снимал комнату, и жилище его оказалось уютным и обустроенным. Оно совсем не подходило на логово холостяка-эскаписта, каким я считал Мэттью Пердью.

— Познакомься с моей женой, Либерти, — сказал он, проводив меня в кухню.

Она стояла у стола в центре комнаты и готовила ужин. Когда я увидел ее, мое сердце пропустило удар, я чуть не потерял сознание. Во рту пересохло, в ушах зазвучала чудесная музыка.

— Я пригласил друга на ужин, — сказал Мэттью. — Джастин Реддинг, новый сотрудник нашей фирмы.

Приветствие далось мне с трудом, но я справился. Ее улыбка могла бы расплавить даже металл. Чудесные густые волосы, собранные на затылке, создавали ощущение уюта. Голос был тихим, как шепот, но при этом совершенно не робким. Я никогда в жизни не видел такой прекрасной женщины.

Мэттью, наверное, заметил мое невинное восхищение его женой, но продолжил, как ни в чем не бывало, легкую беседу о том о сем. Либерти была молчалива и лишь изредка добавляла пару реплик к его монологу. Я заключил, что они отлично ладили. И просто сидел, восхищаясь... ими обоими.

— Вы считаете себя решительным человеком? — спросил меня Мэттью за чашкой кофе.

— Мне нравится так думать, — охотно ответил я.

— Отлично. Тогда отправляемся в даунтаун¹.

— В даунтаун?

Но он уже поднялся и вышел из комнаты. Затем через пару минут вернулся со стопкой нотной бумаги и жестом пригласил меня следовать за ним. На полпути я заглянул в кухню, чтобы поблагодарить и попрощаться.

Либерти улыбнулась мне. Я никогда не забуду этой улыбки. Всю жизнь, до самой смерти она улыбалась мне так.

Мы с Мэттью сели на троллейбус и сошли на Смитфилд-стрит. По пути он объяснил мне, что по ночам работает в другом месте и любит эту вторую работу всей душой, вот только платят там слишком мало. В нашей конторе он через третьих лиц вышел на некоего мистера Дж. П. Харриса, владельца нескольких заведений развлекательного толка, одним из которых был магазин на первом этаже (Мэттью называл его «Никелодеон»), где за небольшую плату показывали «движущиеся картинки». Когда мистер Харрис понял, что Мэттью — талантливый пианист, он попросил моего друга исполнять звуковое сопровождение к показам. Мэттью, естественно, тут же ухватился за это предложение.

Я уже слышал о подобном «кино», но ни разу не был на показе. Мои родители были пуританами. Не поймите превратно,

¹ Даунтаун — слово, используемое в Северной Америке для обозначения центральной части города.

несколько раз я с друзьями пробирался в бурлеск¹ на углу Форбс-авеню, а в то время на бурлеск стоило посмотреть. Но я понятия не имел, что ждет меня на этот раз.

«Никелодеон» мистера Харриса оказался вовсе не прокуренным грязноватым логовом, как я того ожидал. И совсем не походил на бурлеск. Это местечко обладало стилем и очарованием, и позже я узнал, что так и было задумано владельцем. Он ожидал расцвета киноиндустрии и хотел привлечь к новому жанру достойных зрителей.

Мы вошли, Мэттью отыскал для меня местечко в зале и тут же исчез. Пару секунд спустя я заметил его за пианино. Несколько посетителей терпеливо ждали начала представления. Все они показались мне знатоками данного вида развлечений.

Прошло несколько минут, и свет в зале погас. Где-то позади я услышал движение, затем механические звуки проектора. И вдруг мерцающий луч света пронесся над головой и расцвел на белой стене волшебным потоком движущихся фотографий. Пьеса называлась «Тэсс из Страны бурь». Главную роль исполняла энергичная девушка по фамилии Пикфорд. Я мало что помню о фильме (как позже выяснилось, пленка была бракованной), но головокружительное восприятие нового искусства навсегда изменило мою картину мира. Я сразу стал пылким поклонником «движущихся картинок».

Сам Мэттью во время показа был для меня лишь силуэтом, раскачивающимся в ритме музыки и сюжета. Его игра и изображения на стене слились для меня в единое целое. Его движения, казалось, идеально совпадали с эмоциями на экране. Когда в фильме кипели страсти, он тоже был страстным, когда же наступал перерыв, Мэттью расслаблялся. Мне было немного стыдно говорить ему об этом, ведь я считал, что не оправдал его надежд, поскольку Мэттью приглашал меня как слушателя. Но он лишь обрадовался моей «рецензии».

Он остался на второй сеанс, и я вернулся домой в одиночестве. Представление взбудоражило меня, лишило сна в ту ночь.

¹ Бурлеск — здесь: разновидность развлекательного театрального представления.

Мне хотелось продолжить наш с Мэттью разговор. Я мечтал посмотреть новые фильмы с его музыкой.

И снова увидеться с Либерти.

А на следующее утро Мэттью опоздал на службу.

В тот год лето выдалось теплым, и Мэттью с Либерти часто приглашали меня на выходные за город, на пикник. Мы вместе посещали концерты и выставки в новом музее Карнеги. Я полюбил их компанию и до сих пор дорожу воспоминаниями о тех днях как о самом счастливом времени в моей жизни. Меня все так же поражали познания Мэттью, а Либерти с каждым днем казалась мне все прекраснее. Я заметил в ней некую чертовщинку. Она была остра на язычок, но в ее шутках никогда не было жестокости или желания унижить.

В то лето я все чаще бывал в кино. Поначалу в компании Мэттью, а со временем начал ходить один, пробираясь на место до начала его выступления и стараясь, чтобы он этого не заметил. Я пристрастился к новому жанру искусства и вскоре обладал немалыми познаниями в этой области. Я начал разбираться в качестве кинокартин. Знал наперечет названия компаний, которые создавали их в Нью-Джерси. И стал поклонником некоторых актеров, в особенности мисс Пикфорд.

Но вскоре я понял, какую огромную роль играл Мэттью во время этих показов. Однажды вечером он приболел и не смог играть. В тот раз показывали картину, которую я видел уже дважды (да, я был завсегдатаем повторов). История понравилась мне и без музыки Мэттью, но заметно меньше, чем раньше. К тому же я отметил, что фильм был немного другим.

После этого я стал возвращаться в «Никелодеон» собранным и отрезвленным. Я стал внимательно наблюдать. Я изучал, можно сказать, каждую историю по три раза. Некоторые отличия были невелики и заключались лишь в моем эмоциональном отклике на ту или иную сцену. К примеру, в прошлый раз меня взбесило поведение одного из актеров по отношению к его жене. А в этот раз я почему-то ему сочувствовал. Другие же расхождения были разительными. Я помнил, что добрая часть сюжета прошлой ночью развивалась совершенно иначе. По дороге

домой я злился на себя за то, что позволил себе так ошибиться. Я привык думать о себе как о ревностном поклоннике жанра. Но какой же поклонник забывает за день просмотренную накануне картину? Я долгое время ломал голову над подобной забывчивостью.

А Мэттью лишь загадочно улыбнулся, когда я рассказал ему об этом.

Я часто бывал в их квартире, наблюдая за тем, как Мэттью разучивает новые пьесы для пианино, а Либерти готовит обед. Его репертуар потрясал воображение, он все играл по памяти. Он исполнял произведения композиторов, о которых я никогда не слышал: Сати¹, Веберна² и какого-то слишком уж сложного господина по имени Шенберг³, который гораздо больше музыки любил математику.

— Я постоянно практикуюсь в гаммах и интервалах. Либерти порой даже уходит в это время погулять. — Мэттью мягко улыбнулся. — Говорит, что странно себя чувствует во время этих упражнений. Но постоянные повторы так приучают мои пальцы к клавиатуре, что я могу на нее даже не смотреть... и не думать о ней. Меня интересует не последовательность аккордов, а звук и его текстура.

Я понятия не имел, о чем он говорит. Но однажды во время рутинных упражнений Мэттью сыграл нечто такое, от чего мое тело покрылось мурашками.

— Что это?! — воскликнул я.

— Это тритон. — Мэттью рассмеялся. — Увеличенная кварта. Она и должна раздражать. *Diabolus in musica*.

— Дьявол... что?

¹ Сати, Эрик Альфред Лесли (1866—1925) — французский композитор и пианист, один из реформаторов европейской музыки первой четверти XX ст.

² Веберн, Антон (1883—1945) — австрийский композитор и педагог. Представитель так называемой «новой венской школы».

³ Шенберг, Арнольд (1874—1951) — австрийский композитор, теоретик и педагог, представитель музыкального экспрессионизма. Основоположник атональной музыки.

— «Дьявол в музыке». — Он таинственно понизил голос. — Запретный интервал, пришедший из Средних веков... когда музыка была собственностью монахов и Церкви.

Мэттью снова заиграл, а я опять вздрогнул. Просто не мог удержаться.

— Не слишком приятно, да? Но у тритона свое назначение, как ты и заметил. Мне нравится. — Он захихикал.

Помимо гамм Мэттью часами практиковался в импровизациях, которые называл «спонтанными композициями». Это было потрясающе. Он говорил, что своей музыкой хочет изменить душу аудитории, произвести метаморфозу, во время которой люди перенесутся в иное место и время. Его теории отдавали жутковатым для меня спиритизмом, но я терпеливо слушал его попытки передать свое виденье идеального сочетания музыки и кино. Мэттью был уверен, что рано или поздно два этих мира сольются, оказав мистический эффект на зрителей.

Я намекал, конечно, что у его надежд явно библейские источники.

Его ответ всегда был кратким:

— Вдохновение художника всегда сродни божественному.

Я настолько вписался в быт Мэттью и Либерти, что начал чувствовать себя членом их семьи. Если бы я только знал тогда, чем все это закончится, наверняка постарался бы держаться от них подальше.

Хотя... возможно, и нет.

Однажды вечером, оставшись с Либерти наедине, поскольку Мэттью отправился в театр, я расспросил ее о теориях мужа, и она ответила, что он одержим ими со дня их знакомства. А для примера рассказала мне об их медовом месяце. Мэттью повез ее во Францию, и, конечно же, она была в восторге. Но позже оказалось, что для поездки у него была еще одна причина: Мэттью хотел познакомиться с изобретателем Жоржем Мельесом¹,

¹ Мельес, Жорж (1861—1938) — французский предприниматель, режиссер, один из основоположников мирового кинематографа

у которого в Париже была своя киностудия. Мэттью видел фильм Мельеса «Путешествие на Луну», и с тех пор мысль о кино его не отпускала. А Либерти была совсем не против экскурсий, пусть даже те были не совсем романтическими, но именно тогда она поняла, что вечно будет делить любовь мужа с иной силой.

А еще во время их медового месяца произошло событие, которое показалось мне чудесным. Мэттью сумел достать билеты на премьеру балета композитора Стравинского. Либерти сказала, что балет назывался «Весна священная». Со стороны Мэттью это был прекрасный ход, и молодая пара готовилась к выходу с величайшим энтузиазмом. Либерти, в отличие от мужа, почти не разбиралась в музыке, но Мэттью объяснил ей, что гений Стравинского очарует любого, а шанс попасть на подобную премьеру выпадает лишь раз в жизни.

Ее глаза светились во время рассказа о том, как они одевались, как Мэттью нанял кэб, чтобы добраться от отеля до концертного зала, как весь вечер осыпал ее цветами, которые без конца покупал у разносчиц, и в целом вел себя как обезумевший влюбленный. А затем был концерт...

Поклонники и противники орали друг на друга из разных лож, Мэттью даже вскочил на ноги, защищая музыку, и получил удар от стоящего перед ним мужчины. И все же они остались до конца представления, а Мэттью кричал «Браво!» не менее пяти минут. (Либерти сказала мне, что его волосы встали дыбом.) Несколько часов по окончании его продолжало трясти от возбуждения. Он никогда еще не слышал музыки, обладающей такой визуальной мощью, сказал Мэттью жене. Это был эволюционный прорыв. Новый путь. Самого балета Мэттью почти не запомнил.

Тот случай и посещение студии Мельеса окончательно убедили Либерти в том, что она вышла замуж за артиста. Она искренне любила его тогда. И любила до сих пор. Но я уловил грусть в ее голосе и внезапно ощутил ту самую близость и одновременно отдаленность, которую она чувствовала рядом с Мэттью Пердью.

— Я люблю его, — прошептала Либерти, глядя в сторону. — Но это не та любовь... не... не любовь жены.

Я с трудом расслышал последние слова, но мне было ясно, что она имела в виду.

Однажды я опоздал в кинозал и явился туда промокший и продрогший. В конторе случился аврал, и мистер Смит изрядно беспокоился из-за раннего ухода Мэттью. Я придумал какое-то оправдание для друга, а затем, злясь, вынужден был доделывать свое задание и то, что Мэттью оставил невыполненным. Его служба в нашей конторе явно подходила к концу. К тому времени как мне удалось добраться до «Никелодеона», первый сеанс уже начался.

Я в спешке купил билет и побежал к залу в надежде, что пропустил совсем немного, и тут игра Мэттью приковала меня к месту. Ощущение пространства и моего в нем места вдруг исчезли. Время испарилось. Мое сознание затопил поток образов. Движущихся картинок. Я словно очутился во сне наяву. И в моей голове *шел фильм*.

— Вы разве не собираетесь входить? — проник в мои грезы голос администратора.

— Ах да, конечно. — Сколько я там простоял? Что я делал?

— Мне жаль, что он не придерживается сюжета, знаете ли, — продолжил похожий на мопса человечек. Мэттью когда-то знакомил нас, но администратор редко появлялся из крошечного кабинета за лобби¹. — Это... безумие, которое он играет, полностью меня дезориентирует. Приходится даже закрывать дверь, иначе я не могу сосредоточиться.

— У вас есть жалобы? — спросил я.

— Нет. — Администратор стушевался. — Но Мэттью делает так все чаще. И рано или поздно это отпугнет наших клиентов. Придется с ним поговорить.

Я прошел в зал и досмотрел картину до конца. И только тогда понял, что ничего не пропустил. Я знал сюжет полностью.

После я удивил администратора тем, что ухватил его за рукав и попросил выслушать мой синопсис первой части фильма, той,

¹ Лобби — здесь: вестибюль.

что я пропустил. Он согласился и подтвердил, что мои «воспоминания» верны.

По пути домой я рассказал об этом Мэттью. Но он ответил мне все той же загадочной улыбкой.

— Да. У меня получается. Это работает, — сказал он и больше ничего не добавил.

К ноябрю Мэттью почти все свободное время проводил в «Никелдеоне» мистера Харриса. Час за часом он просиживал в мрачной каморке под кинозалом, ожидая следующего сеанса и просматривая пленки, принесенные киномехаником, с которым у Мэттью завязалось нечто вроде дружбы (основанной, я уверен, на том, что старик любил виски, а Мэттью был способен поставлять ему предмет этой любви).

Каморка была темной, как застенок. Вонь, граффити на стенах, режущий свет одинокой голой лампочки под потолком казались мне декорациями преступного логова. Я никогда не понимал, почему Мэттью не проводил перерывы в лобби или даже на улице.

— Тут тихо, — отвечал он на все мои вопросы, игнорируя шипение труб и жуткое клацанье котла отопления, от которого я не переставал вздрагивать. Но Мэттью продолжал возвращаться туда и застывал, словно медитировал в окружении кинопленок и листов с нотами, разбросанных по полу.

Либерти казалась отрешенной. Она всегда терпеливо сносила странности мужа, но теперь Мэттью все силы отдал достижению смутной, лишь ему видимой цели и отдалялся от Либерти все дальше и дальше.

Я проводил с ними много времени, но с каждым по отдельности, а не с обоими сразу, как летом. Мое присутствие, казалось, разгоняло тоску Либерти, но сам я оказывался на скользком и опасном поле эмоций.

— Разве не здорово было бы, если бы мы смогли слышать, как они говорят? — спросил я у Мэттью, когда он в очередной раз просматривал пленку под «Никелдеоном». — Это было бы... — Я запнулся.

— Это был бы театр, — прошипел он. — Хочешь услышать разговоры, отправляйся в театр. А это иной вид искусства, искусство международного языка... как музыка. Ей не требуется диалога.

Последнее слово он произнес с явным презрением.

— Почти как сон, — бездумно прошептал я.

— Да. Именно. Коллективный сон, — сказал Мэттью, и его глаза снова сверкнули.

Он продолжил работу, затем замер и опустил голову.

— А ведь они это сделают, знаешь ли.

— Что? — Я сбился с темы.

— Они заставят картинки говорить. Рано или поздно. Чтобы угодить таким людям, как...

— Я?

Мэттью поднял глаза. Он попытался скрыть осуждение за улыбкой, но у него получилась лишь гримаса.

— И это уничтожит саму суть кино.

В ту ночь я смотрел фильм, который полностью забыл, кроме названия. Видите ли, Мэттью отрезал остаток пленки. Но я все прекрасно понял.

Еще несколько недель Мэттью провел на своем месте в кинотеатре. Все, кроме работы аккомпаниатора, казалось ему досадной помехой. Я прикрывал его отсутствие в конторе. Мэттью похудел, глаза утратили пронзительность. Теперь они были словно повернуты внутрь.

Но на День благодарения прежний Мэттью ненадолго вернулся к нам. Либерти приготовила чудесный ужин, а отстраненная замкнутость ее мужа сменилась прежним остроумным оживлением.

Мы с Либерти надеялись, что он взял отгул в «Никелодеоне», но наши надежды не оправдались. Новый фильм уже был анонсирован, и Мэттью не мог дожидаться премьеры. Пришлось с грустью следить, как он уходит от нас в снежную ночь.

Мы же с Либерти остались у камина, потягивали бренди и почти час молчали. Мне было крайне неудобно. Мое сердце, мой разум, мои нервы посылали мне противоречивые сигналы.

Я хотел заговорить, но не мог решиться. Тишина хранила меня от срыва. Но Либерти лишила меня этой защиты.

— Мне так одиноко, Джастин.

И сердце мое сорвалось. Я любил ее. Давно уже любил, но смирился с ее недоступностью. А вот с ее печалью смириться не мог.

Язык меня предал. Я хотел заверить Либерти, что все будет хорошо, избавить ее от страха, утешить. Но каждый раз, когда я пытался сказать хоть слово, язык отказывался мне повиноваться.

И вдруг Либерти меня обняла. Не знаю, как это случилось. Мы не говорили ни слова. Я лишь погладил ее по лицу, и этот жест был задуман как совершенно невинный, но она с такой легкостью, с такой жадностью прильнула к моей ладони, что мы оба просто растаяли.

В объятиях чужой жены, жены *моего лучшего друга*, я испытывал ужас и восхищение одновременно. Я слышал, как бьется ее сердце. Я был испуган ее страстью. Как до этого дошло? Мы занялись любовью.

— Господи, — прошептал я, зарывшись лицом в ее чудесные волосы. — Что же мы делаем?

— Отправляемся в ад, — выдохнула Либерти.

Но в глубине ее глаз я видел отнюдь не преисподнюю.

А после мы долго лежали в объятиях друг друга. Слушали треск пламени... Либерти прижалась ко мне, глядя по лицу.

— Теперь все хорошо, — сказала она.

Я ушел тогда, все еще не опомнившись. Как я мог так поступить? Как она могла?

И прежде чем я осознал, что делаю, я уже стоял на пороге «Никеллодеона» мистера Дж. П. Харриса на Смитфилд-стрит. Почему я решил прийти сюда? Неужели меня привел дьявол, который с извращенным удовольствием желал, чтобы я повидал преданного мной друга? Или меня влекла некая внешняя сила... притягивал мой проницательный наставник, который хотел взглянуть мне в глаза и молча сказать: «Ну?» Что, если он знал о том, что произойдет после его ухода? Мог ли он каким-то образом желать случившегося?

И что это было за безумие? Возможно, они оба демоны... и оба впились в мой разум с разных сторон, чтобы посмотреть, выдержу ли я?

В мой разум и в мое сердце.

Именно тогда я увидел Вильямса, управляющего, медленно бредущего по улице передо мной.

— Что случилось, мистер Вильямс? — спросил я, догоняя его. — Вы кажетесь расстроенным.

— И вы бы расстроились, если бы в такую ночь вас оторвали от семейного ужина.

— Что случилось?

— Это-то я и хочу выяснить. Какой-то мальчишка постучался с экстренным сообщением от Беллоуза. Сказал, что мне немедленно нужно быть в кинотеатре.

В «Никелодеоне» все было как обычно. Кроме Беллоуза, старого киномеханика, который метался по вестибюлю, словно нетерпеливый отец под дверью роженицы. Он был бледен. И неуверенно застыл при нашем приближении, чем разозлил Вильямса еще сильнее. Управляющий пронесся мимо незадачливого киномеханика в свой кабинет.

Вестибюль был затоплен музыкой Мэттью. Сквозь приоткрытую дверь кабинета я видел, как управляющий возится с книгами и бумагами.

Мэттью играл как одержимый. Я никогда не слышал такой бессистемной, неузнаваемой музыки. Она пронизывала и рвала, верхние регистры — все одновременно — сменялись воющими нижними. В традиционном смысле слова музыка была бессмысленной, но все равно потрясала.

Я словно оказался в ином измерении. Все вокруг меня приобрело крайнюю ясность и замедлило ход. Вильямс вышел из кабинета с приходной карточкой в руках, но и он, и Беллоуз, и девочка-кассир выглядели совершенно сбитыми с толку. Музыка поглотила остальные звуки. Я слышал только ее. Стены задрожали и вдруг растаяли. По глазам ударило буйство красок.

Я осознал, что больше не стою в вестибюле. Я был на поле боя. Со всех сторон меня окружали мертвые и умирающие, в воздухе расплзался ядовитый зеленый газ. Люди задыхались в нем, лошади исполняли медленный танец смерти. Взрывы сотрясали землю. Но почему-то я оставался спокойным и не испытывал страха. Яркий белый свет возник над горизонтом и стал приближаться ко мне. Я попытался шагнуть навстречу, но ноги мои не двигались. И тут все начало изменяться. На миг мне показалось, что я вижу прекрасную женщину. Затем — нечто неописуемое, чарующее, волшебное. И вдруг снова свет. Все происходило одновременно. Израненная безжизненная земля утонула в потоке света. Звучали тихие, спокойные, ласковые голоса, но слов я понять не мог. Меня затопил невероятный, божественный покой. В нем была музыка... нет, не музыка... какой-то неопределимый звук. Он шел отовсюду, он был всем.

И вскоре достиг неописуемого крещендо... и стих. Я ахнул и понял, что пытаюсь отдышаться, как после долгого пребывания под водой. Я оглянулся. Остальные, судя по всему, испытали то же самое. Вильямс вспотел.

И тогда мы услышали их. Аплодисменты. Ревущий, нарастающий девятый вал.

Дверь кинозала распахнулась, публика высыпала наружу. Кто-то плакал, кто-то неистово смеялся. Некоторые недоверчиво качали головами. Но не было, не было НИ ОДНОГО равнодушного.

— Ну и зачем я здесь, Беллоуз? — спросил мистер Вильямс, помахивая карточкой. — У нас аншлаг. И они определенно... наслаждались просмотром. — Последние слова он произнес, оглядываясь с некоторой долей смущения. — Так какова же сверхважная причина, по которой вы выдернули меня из дому и заставили притащиться сюда?! — заорал он на дрожащего старого киномеханика.

Я же наблюдал за проходящими мимо восхищенными зрителями. И слышал слова «потрясающе», «никогда ничего подобного не видел», «экстраординарно». Фильм наверняка оказался шедевром.

— Но, видите ли, дело в том... — Беллоуз запнулся. — В том-то и дело.

Мы с мистером Вильямсом обменялись подозрительными взглядами.

— Не было никакого фильма, — выдохнул старик.

У Вильямса отвисла челюсть.

— Не было фильма, — продолжил Беллоуз, всхлипывая. — Не привезли. Я не знал, что делать. Мы продали билеты, я отправил мальчишку на станцию за пленкой. А когда он вернулся с пустыми руками, я послал его к вам. Но потом... — Киномеханик мотнул головой в сторону зала, — *он* начал играть. И они не ушли. Слышите меня, они не могли уйти. Я наблюдал в окошко. Аккомпаниатор играл как сумасшедший. У него волосы встали дыбом. Господи Иисусе, я никогда ничего подобного не видел! А они смеялись и плакали. Кричали и умолкали. Его игра, мистер Вильямс... Вы слышали. Но фильма не было. Не привезли его. Не было никакого фильма!

По дороге домой мы с Мэттью молчали. Я не мог придумать ни одного подходящего слова и не смел поднять на него глаза. Но он казался спокойным, умиротворенным, словно все было в порядке, как всегда.

У остановки он взял меня за руки и повернулся ко мне в первый раз после выхода из кинотеатра. Я испугался. Его глаза стали совершенно белыми... Взгляд был мягким и добрым, но от одного вида этих глаз мне хотелось кричать.

— Не бойся, Джастин, — сказал Мэттью, и тон его голоса успокоил меня. — Это прекрасно. Поверь мне. Это прекрасно. Я теперь все вижу.

— Что с тобой случилось? — По моим щекам потекли слезы.

— Я достиг успеха.

Больше он ничего не сказал.

Мы вышли из троллейбуса, и я проводил Мэттью до квартиры. У двери он снова повернулся ко мне.

Он улыбнулся и коснулся моей щеки ладонью. Мне показалось, что его глаза светятся.

— Я люблю вас обоих.

Больше он ничего не сказал...

Медленно поднявшись по ступенькам, он достал ключи и отпер дверь.

Я больше никогда не видел Мэттью Пердью.

Несколько лет спустя мы получили от него письмо. Первое письмо после его отъезда в Калифорнию. Мы с Либерти поженились вскоре после того, как он уехал, двое наших сыновей и дочь родились в назначенный срок.

В своем письме Мэттью был сдержан, хотя немного беспокоился о своей карьере аккомпаниатора. Как он и боялся, все киностудии стремились выпускать звуковые фильмы, и спрос на аккомпаниаторов, которые смогут подчеркнуть игру актеров, сходил на нет. Выбор работы, особенно в сфере кино, для слепого Мэттью был крайне ограничен.

Но в то время он продолжал работать. По настоянию множества кинозвезд, которые отказывались появляться перед камерой, если Мэттью Пердью не было на съемках. И все же, разочаровавшись в большинстве знаменитостей, Мэттью решился подписать контракт с актером по имени Лон Чейни¹.

— Когда он играет, — сказал Чейни боссам кинокомпаний, — я вижу весь фильм одновременно.

После этого новости о Мэттью доходили до нас лишь эпизодически. В основном в виде открыток, приглашавших на тот или иной фильм. После 1927 года настало затишье. Он исчез.

А мы с Либерти перестали ходить в кино.

В тот год вышел фильм под названием «Певец джаза»².

¹ Чейни, Лон (1883—1930) — выдающийся американский актер немого кино, прославившийся способностью до неузнаваемости изменять свою внешность.

² «Певец джаза» — музыкальный кинофильм, возвестивший об окончании эпохи немого кино. (Примеч. пер.)

РОБЕРТ МАСЕЛЛО

ГДЕ ЕСТЬ ВОЛЯ...

Майкл узнал о случившемся из записки. Один из его соседей нацарапал на стикере: «4 часа. Звонила твоя мать — твой отец умер. Едь домой». Стикер был прилеплен к двери в его комнату.

Майкл снимал то, что раньше было столовой, и каждый дюйм своей комнаты забил сценариями фильмов, руководствами по написанию сценариев, журналами, посвященными искусству написания сценариев (Майкл чувствовал, что писать он научился, но до шедевров его работам пока далеко). Тут же стоял компьютер, за которым он создавал свои работы, и копировальная машина, на которой он их размножал. Последняя была единственным предметом роскоши, который Майкл себе позволил. Впрочем, подсчитав, сколько денег потребовалось бы на услуги копировальных центров и количество агентов, продюсеров и студий, которым нужно разослать будущие копии, он посчитал покупку фотокопира разумной инвестицией в будущее.

А теперь ему придется тратить деньги на авиабилет. Майкл отложил несколько сотен на следующий семинар Роберта Макки, и как бы ему ни хотелось оставить сбережения в неприкосновенности, выхода у него не было. Стоит попросить мать или, что еще хуже, старшего брата купить ему билет, и они сразу поймут, что его рассказы об успехах в Голливуде далеки от правды. Что сделало бы и без того мрачную ситуацию вовсе отвратительной.

Дверь в его комнату с треском распахнулась — не стоило ожидать надежности от двери в столовую, — и в проеме нарисовалась голова Кевина.

— Нашел мою записку?

— Да.

— Ну, это... мужик, мне правда жаль.

— Спасибо. — Майкл надеялся, что Кевин сразу же уйдет, но голова продолжала маячить в проеме.

— Так ты, это... возвращаешься в Чикаго?

— Судя по всему.

— А то у меня друганы решили наведаться в город, — продолжал Кевин. — Ты ж не против, чтобы они у тебя пока пожили?

Майкл знал, что, даже если он откажется, Кевин сделает по-своему.

— О'кей, при условии, что они не будут трогать мой комп и копировальный аппарат.

— Клево! — Кевин хлопнул ладонью по двери и убрался.

На следующее утро Майкл сел на самолет в аэропорту Бербанк. К счастью, соседнее место осталось незанятым, и он смог просто смотреть в иллюминатор и размышлять о том, что ждет его впереди. Будущее было безрадостным. Его старший брат, Ричард, станет помывать окружающими, мать будет безутешной и потерянной. Разговаривая с ней по телефону, Майкл не мог избавиться от ощущения, что она где-то невероятно далеко от него. Он размышлял над тем, как организовать похороны и сколько времени это займет. Он вырос в Чикаго, и все же этот город всегда его пугал.

Как и отец.

Старик был крупной фигурой во всех смыслах этого слова: огромный, громогласный, с большими ладонями и привычкой всех, даже заклятых врагов, встречать радостным «Как дела, приятель?» Он хлопал людей по плечам, пожимал им руку обеими лапищами и улыбался так, словно никак не мог насмотреться на собеседника. Но Майкл знал цену этой показухи — отец просто окучивал их, заключал нужные сделки, после чего ему становилось искренне наплевать, жив его клиент или нет. Его сердце было твердым, как импортный камень — мрамор, гранит, известняк, сланец, — которым он торговал, и таким же непробиваемым; Рэндольф Джей Маунтджой всегда получал то, что хотел.

Их дом он тоже построил по своему вкусу. Майклу этот дом всегда напоминал склеп — мрачный, пустой, давящий, сложенный из тесаного камня стольких видов, что другим домам в округе Вашингтон впору было удавиться от зависти.

Такси остановилось у массивных колонн, украшенных фигурами лежащих львов. Майкл вдохнул, медленно выпустил воздух

и только потом нажал на кнопку. Из интеркома раздался голос брата. Майкл назвалcя, и ворота открылись.

Брат ждал его у открытой двери на верхней площадке каменного крыльца.

— Мама сказала, что до вечера тебя можно не ждать, — произнес он.

— Я вылетел первым же рейсом.

Оба не знали, стоит ли обмениваться рукопожатиями, обнятьcя или как прежде держаться на расстоянии и игнорировать друг друга. Ричард был на два года старше и представлял собой все то, чем Майкл не являлся. Он был высоким, сильным, звездой спорта, президентом веселого студенческого братства и много лет являлся правой рукой отца в бизнесе. Компания называлась «Маунтджой и сыновья: камень и строительные материалы», но Майкл лишь изредка подрабатывал там летом, и даже тогда это не доставляло ему радости. Камни были тяжелыми и твердыми, Майклу постоянно не везло. Ободранные голени, невыполненные указания, та ошибка, когда он начал защищать подрядчика — отец постоянно напоминал ему об этом.

— Мама спит, — сказал Ричард. — Я дал ей валиум.

В приемной было все так же мрачно, холодно и неудобно, новыми были лишь цветы и венки.

— Она была немного не в себе, когда я позвонил, — сказал Майкл. — По ее словам, у него был инфаркт?

— Обширный, — ответил Ричард. — Сердце раскололось, словно перерубленное топором.

Жуткой неожиданностью это не стало — в прошлом году у отца уже было два коронарных приступа, и Майкл знал, что третий может случиться в любое время.

— Ты был с ним?

— Я работал с клиентом. А когда доехал до больницы, они уже сделали все, что могли.

«Ну что ж, — подумал Майкл, — по крайней мере он ушел так, как сам того хотел. Черт, ну и клише. На этой неделе они меня просто преследуют». И он решил вести заметки — если за несколько дней здесь ему удастся придумать что-

то оригинальное, можно будет использовать это как материал для сценария.

— Сисси уже тут?

— Она приедет из Милуоки после работы.

Сисси — или Синди, как она требовала, чтобы ее называли, — была младше Майкла и работала стоматологом-гигиенистом у женатого мужчины, с которым (все это знали) спала уже много лет. Ее любовник был похож на отца — такой же большой и шумный сукин сын, и Майклу сложно было поверить в случайность этого сходства.

— Можешь занять свою старую комнату, — сказал Ричард, и Майкл кивнул, волоча к винтовой лестнице свой рюкзак.

— Насчет организации похорон я просвещу тебя позже! — крикнул ему в спину Ричард. — Сейчас мне нужно возвращаться в офис.

— О'кей, увидимся. Спасибо, что занимаешься этим.

Ричард всегда все брал на себя, даже когда Майклу этого не хотелось.

— Без проблем, приятель. Кто же еще с этим справится?

Майкл не мог не заметить — первая строчка его будущего сценария, — что брат инстинктивно использовал любимое словечко отца «приятель». Как давно он подцепил эту привычку?

Поднявшись, Майкл шагнул к двери своей старой комнаты, окна которой выходили на зеленый боковой двор. Это было его убежище, и мама сохранила комнату как святыню: все вещи были именно там, где он их оставил. Плакаты Оберлинского колледжа все так же оккупировали стены, кубки и награды за театральную деятельность сияли под стеклом на полках, а в шкафу все еще висела старая одежда. Майкл отодвинул вешалки, освобождая место для костюма, сунул остальные вещи на верхнюю полку и присел на край кровати у широкого окна. За окном царил обычный для Чикаго мрачный холодный день, голые ветви деревьев впивались в серое небо. Майкл чувствовал себя так, словно ему снова тринадцать.

Он задремал и очнулся от тихого стука в дверь и голоса матери. Она вошла, и Майкл заметил, что с прошлого лета мама,

казалось, постарела лет на десять. Бледное лицо осунулось, голубые глаза потускнели, а волосы — обычно подстриженные и уложенные в изысканную прическу — были в беспорядке. Даже шелковая пижама была странно мятой.

— Нужно было сказать мне, что ты приехал.

Мама опустила на край кровати и коснулась его щеки сухой холодной ладонью. Это напомнило Майклу о тех днях, когда она проверяла его температуру в детстве и иногда позволяла остаться дома даже тогда, когда он притворялся больным и просто не хотел идти в школу. Он знал: мама видит его притворство, но это была их тайна — двух чувствительных душ, запертых в холодной каменной коробке и тянущихся друг к другу с теплотой и пониманием.

Майкл сел и обнял ее — поразившись тому, какими хрупкими кажутся ее кости, — и несколько минут они говорили о его работе в Голливуде. Майкл рассказал, что его агента просто завалили интересными предложениями. И только потом они вернулись к более насущной и мрачной теме.

— Всеми приготовлениями занимается Ричард. Не знаю, что бы я без него делала. Служба состоится завтра в полдень, в похоронном бюро Ковингтона.

Дорогое местечко, подумал Майкл, туда обращались все богатые семьи.

— Погребение в Лэйквью-парк, в семейном склепе.

А вот это новость.

— В семейном склепе?

Мама вытащила из кармана скомканную тряпочку и высморкала.

— Да. Твой отец строил его последние полгода и только недавно закончил. Конечно, никто не знал, что склеп понадобится нам так рано. Ричард не говорил тебе об этом?

— Ни слова.

— Что ж, завтра увидишь сам. Склеп построен на самой высокой точке кладбища и окружен деревьями. Оттуда открывается вид на озеро.

Семейный склеп? Майкл с трудом сдержал дрожь. Похоже, он влип в один из рассказов Эдгара Аллана По. (Еще одна строч-

ка в копилку будущего сценария, Майкл постарался ее запомнить.) Впрочем, неудивительно, ведь для надгробий и склепов отец поставил больше камней, чем кто-либо другой на Среднем Западе.

На ужин они заказали еду в итальянском ресторане, который любил отец. Никому не хотелось готовить, а Ричарду не хотелось и есть. Сисси, верная себе, «следила за фигурой». Она унаследовала от матери тонкие черты лица, но массивным сложением и склонностью к полноте пошла в отца. За эти годы она сменила множество работ, иногда сидела на пособии, дважды официально заявляла о банкротстве. А вот последний любовник, видимо, пришелся ко двору: Сисси остепенилась и изо всех сил старалась не замечать маленьких неувязок в их отношениях.

— Я рассказываю друзьям на работе, что мой брат пишет сценарии к фильмам, и все интересуются, как они называются, — сказала она, кончиком ножа счищая панировку с куриной котлеты. — Что-нибудь уже сняли? Что мне им порекомендовать?

— Снимут следующей зимой, — соврал Майкл. — Съёмки фильма — довольно трудоемкое занятие, знаешь ли.

— А как ты зарабатываешь в промежутках между фильмами?

На ум немедленно пришло слово — «Старбакс»: Майкл работал там в первую смену шесть дней в неделю.

— Дело в том, что в кино часто приходится переписывать сценарий по нескольку раз или править чужие, но при этом твою фамилию не указывают в титрах.

На Ричарда можно было и не смотреть: сидя во главе стола, где раньше восседал отец, тот явно скорчил скептическую гримасу.

— Ты смотрела «Отпуск в аду»?

— Еще нет, но видела рекламу. Так это над ним ты работаешь? — с жадным любопытством спросила Сисси.

Майкл величаво склонил голову; пока он не заявит вслух, что писал сценарий для фильма, его не смогут обвинить во лжи. К тому же он знал настоящего сценариста, этот парень всегда заказывал эспрессо макиато и сдобу с патокой.

После обеда Ричард удалился в кабинет отца — что-то он не спешил домой, в прилизанный кампус на Лэйк-Шор-драйв, —

а Майкл остался с мамой и Сисси в «большой гостиной». Сам Майкл называл эту комнату «большой негостеприимной». Помещение было и вправду большим, но каким-то бездушным, неуютным. Над огромным газовым камином из цельного камня висел семейный фотопортрет. Отец, естественно, занимал почетное центральное место. На нем был темный костюм и яркий красный галстук со знаком масонской ложи, к которой отец принадлежал. «А что, кто-то когда-то видел каменщика, который не был бы масоном? — не раз говорил он. — Да полная ерунда, приятель». Все остальные на фотографии казались его бледной тенью. Майкл был в левом нижнем углу и часто замечал, что только его лицо не выказывало ни подобострастия, ни пренебрежения. В зависимости от настроения, он объяснял это либо самодостаточностью, либо непомерной печалью.

Мать продолжала смотреть на него с горечью и сжимала его руку так, словно пыталась выжать из губки последние капли воды. Сисси болтала о чудесах Милуоки и о том, что она называла «отвязной пятницей»: «Я весь четверг ничего не ем, чтобы позволить себе потом всю оттянуться», — и периодически намекала на то, как сложно жить на одну зарплату. Майкл знал, что отец все эти годы содержал ее, и втайне гордился, что сам не просил о подачках.

Хотя не просил он из страха перед отказом.

Вернувшись в спальню, Майкл принял «Золофт» от депрессии, амбиен от бессонницы и надел наушники — он любил засыпать под пение Люсинды Вильямс или Трэйси Чэпмена, — но сегодня привычные средства не сработали. Слишком многое произошло слишком быстро, да и общее напряжение, которое вызывал у Майкла отчий дом, плохо сочеталось с мыслями о смерти отца. Разве он не должен был горевать? Или хотя бы грустить? Майкл чувствовал лишь оупение, приправленное странным ощущением в животе, словно он съел накануне нечто не совсем свежее.

Вот мама, как и следовало ожидать, провалилась в депрессию. Что же до Ричарда и Сисси, то они притворялись. Ричард, конечно, может выделяться — сидеть в кабинете отца, хвататься личным секретарем, хвататься за руль отцовского любимого «бентли», — но ему теперь придется заниматься и биз-

несом, в котором он совершенно ничего не смыслил. В детстве Ричард был вежлив с Майклом только в одном случае — когда ему требовалась помощь в выполнении домашнего задания. Майкл, хоть и был на два года младше, разбирался в алгебре и геометрии лучше брата и часто решал за него задачи, чтобы купить такой ценой немного спокойствия.

Сисси же искренне горевала только о потере ежемесячных субсидий от папочки. С матерью она ладила, но все же была папиной дочкой. И подлизой. Майкл подумал о том, что сказал бы отец, если бы увидел, как Сисси сегодня поглощала пирожные и трепалась о том, что урезает себе норму калорий, отказываясь от хлеба и пасты, — и это когда тело отца еще не зарыли!

Точнее, не поместили в склеп.

После полуночи Майкл принял еще полтаблетки снотворного и услышал голоса в коридоре. Он прижался ухом к двери.

Мама тихо плакала, а Ричард говорил:

— Либо сработает, либо нет. Вреда от этого не будет.

— Но это так... — Она замолчала.

— Это для общего же блага, — тихо произнес Ричард. — Подумай об общем благе.

О чем это они? О том, что вся отцовская компания достанется Ричарду? Который не в состоянии посчитать десять процентов от суммы чаевых в ресторане?

Открылась дверь маминой спальни, и Ричард добавил:

— Тебе нужно как следует выспаться. Завтра будет тяжелый день.

Дверь закрылась, и Майкл затаил дыхание; он слышал, что брат подошел к двери в его комнату и остановился. Майкл видел тень в полосе света под дверью, слышал, как брат вздыхает, словно перед решительным шагом. Он собирается постучать? Майкл замер, когда дверная ручка едва заметно дернулась. По детской привычке Майкл всегда запирал дверь на ночь и сейчас был очень рад этому. Ручка бесшумно повернулась почти до упора, затем вернулась в нормальное положение. Майкл снова услышал вздох — печали? раздражения? усталости? — и шаги удалились по коридору в сторону комнаты для гостей. Майкл выдохнул и рухнул на кровать.

На следующее утро он проспал — сказало действие амбиена, — и к тому времени, как набросал заметки для сценария и спустился вниз, все уже закрутилось. В гостиной он увидел пустые стаканы и остатки закусок — семейный совет прошел без него. Мать была в кухне. Она уже надела черный жакет и длинную темную юбку и теперь командовала несколькими испанками: что им следует поправить, что должно быть готово к приходу костей с кладбища, что поставить на буфетный стол в столовой. Сисси и Ричард перебирали бумаги в отцовском кабинете. Да что происходит? Сестра тоже решила заняться бизнесом? Майкл недоумевал.

— Все еще живешь по голливудскому времени? — приветствовал его Ричард, когда Майкл появился в дверях. Стопку бумаг он тут же сбросил в ящик стола и закрыл его.

— В кухне остались пирожки, — сказала Сисси. — И кофе.

— Но поторопись. — Ричард посмотрел на дедушкины часы, стоявшие в углу кабинета. — Нам скоро выезжать.

Майкл уже надел свой темный костюм — легкая хлопковая ткань отлично подходила для Калифорнии, но никак не для Чикаго — и позавтракал у себя в комнате, чтобы никому не мешать. На лице матери цвел нездоровый румянец, который она безуспешно пыталась скрыть с помощью макияжа. И столь же безуспешно пыталась не встречаться с ним глазами. Еще одна строчка в сценарий.

Ричард позвал брата из холла. Майкл закрыл блокнот, натянул старую парку, которая так и висела в шкафу, и спустился вниз. Старомодный черный «бентли», гордость отца и самое ценное его приобретение, поблескивал у входа. Мать уже устроилась на переднем сиденье, Майкл забрался назад и сел рядом с Сисси. Ричард с довольным хрюканьем влез за руль, и Майкл уставился ему в затылок. Прекрасно подстриженные темные волосы, бархатный воротник пальто идеально расправлен на широких плечах. Но все равно вид был отвратительный. Майкл не привык видеть за рулем кого-либо, кроме отца. Даже в загородном клубе отец не позволял обслуге парковать «бентли» вместо него, всегда заводил автомобиль на парковку сам, на лично зарезервированное место.

Служба оказалась предсказуемо формальной и многолюдной, учитывая характер и достижения такого человека, как Рэндольф Маунтджой, но людей было все же меньше, чем ожидал Майкл. Сестра отца, тетя Хелен, позвонила и сказала, что не успеет приехать из Сиэтла. Эпитафии были короткие и пафосные и напоминали скорее биографические очерки, чем слова прощания с дорогим человеком. Не раз и не два вспоминали любимую приткзку отца: «Как дела, приятель?», но ни у кого, кроме матери, эта приткзка не вызвала слез.

Процессия отправилась на кладбище Лэйквью по длинной извилистой дороге, которой Майкл не раз шагал, чтобы оценить установку надгробия, заказанного у отца, или поговорить с могильщиком. Майкл не видел склепа, пока не вышел из автомобиля. Но с первого взгляда понял, который из новых склепов строил его отец. Это было грандиозное беломраморное сооружение, выполненное в классическом стиле, с круглыми колоннами у двери и крылатыми ангелами по углам крыши. Майкл не припоминал возвышений на кладбище, значит, отец заплатил кучу денег за искусственную насыпь, с которой откроется чудесный вид на холодные серые воды озера Мичиган.

Лакированный гроб сняли с катафалка, и в сопровождении многочисленных близких друзей семьи Ричард открыл перед ним дверь склепа. Тяжелая, словно отлитая из темного стекла, украшенная ажурной кованой решеткой из темного металла — Майклу показалось, что он узнает на ней орнамент с любимого отцовского галстука. Последовала небольшая заминка — носильщики неуклюже перестраивались в попытке пронести слишком широкий гроб в узкую дверь. Майкл слышал, как Ричард командует ими: «Сюда, под круглое окно, осторожнее», гулкие шаги по каменному полу, звук, с которым тяжелый гроб скользнул на мраморную полку. Затем носильщики вышли, а Майкл, стоя на утрамбованной земле склона рядом с матерью и сестрой, заметил одну странность. Вблизи становилось ясно, что фигуры по углам склепа вовсе не были ангелами: это были совы со сложенными крыльями и загнутыми клювами. Мгновение спустя из склепа вышел брат, закрыл дверь и запер ее кованым ключом — большим и черным, таким, наверное, запирались ворота Бедлама. Еще одна пометка.

Но Майкла задело то, что брат не предложил ни ему, ни кому-либо еще проститься с телом отца в склепе — он почему-то хотел заглянуть внутрь.

— Как интерьер? — спросил Майкл в надежде, что брат исправит свою оплошность.

— Тебе там не на что смотреть, — ответил Ричард. — Но работа сделана на высшем уровне. Отец не позволил бы иного.

Поддерживая маму под локоть, Ричард провел их вниз к автомобилю. Очень скоро должен был начаться прощальный прием.

С большинством приглашенных Майкл был едва знаком. Он редко возвращался домой из колледжа. Пару раз его спросили: «Как дела в Голливуде?», и Майклу пришлось отделываться вежливыми репликами о скромных успехах. Слава богу, они не знали, насколько скромными на самом деле были его успехи. Чуть меньше часа спустя он смог незаметно выскользнуть из комнаты и подняться к себе, чтобы записать вкратце события этого дня.

Но прислонившись спиной к изголовью и черкая в блокноте удачные реплики, Майкл не мог избавиться от неприятных воспоминаний — приглушенный разговор на лестнице, брат, прячущий от него бумаги и загораживающий вход в склеп... За эти годы Майкл отвык от издевок Ричарда и забыл о том, насколько он чужой в своей семье. Даже мать, его единственный союзник, теперь была подавлена потерей мужа и ничем не могла помочь. Только сильная воля отца сохраняла семью, удерживала каждого на нужном месте. Отец был Солнцем, притягивавшим их, как планеты, а теперь Солнце погасло, и все ищут того, кто сможет поддерживать новый порядок.

Майкл сделал еще несколько пометок и спустился вниз перекусить. Он обрадовался уходу гостей и решил лечь пораньше, раз уж вчера выспаться не удалось. Но что-то мешало ему успокоиться. Майкл посмотрел телевизор, принял горячий душ, но вместо того чтобы лечь в кровать, с удивлением понял, что решительно одевается, чтобы спуститься вниз. Он был задет за живое, да что там, он был зол. То, что много лет росло в нем, готово было вырваться наружу. Майкл отказывался безропотно нести на себе клеймо «урода в семье» и не хотел быть аутсайдером, которым привык притворяться. Он злился. Майкл вовсе не

был безответным, просто не решался настаивать на своем. Но теперь он готов это сделать. («Протагонист вашего сценария должен **ДЕЙСТВОВАТЬ**, — вспомнилась ему фраза из какой-то записи, — а не подчиняться действиям».)

Именно это Майкл и собирался делать. Действовать. Ричард наконец вернулся к себе, мать наверняка накачалась валиумом. Сисси не выйдет из своей комнаты — Майкл слышал, что она смотрит шоу «Шеф-повар» по телевизору.

Ящик стола в отцовском кабинете оказался открытым. Майкл вынул бумаги, которые просматривал Ричард, и поначалу не поверил своим глазам. Логотип и заголовки бланков изменились, но лишь при ближайшем рассмотрении стало ясно, что компания теперь называется «Маунтджой: камни и строительные материалы». Никакого «и сыновья». И уж определенно не «и брат».

Так вот о чем они шептались вчера на лестнице? Из-за этого плакала мама — окончательно предав своего младшего сына?

Майкл начал заталкивать бумаги обратно, но опомнился и аккуратно сложил их. Не стоило оставлять доказательств. Именно тогда Майкл заметил черный железный ключ, которым Ричард запирает дверь склепа.

Взвесив ключ на ладони, Майкл ощутил, как растет его решимость. Возможно, пришло время самому о себе позаботиться. Он только что узнал, что за планы были у брата относительно семейного бизнеса, а теперь, черт возьми, выяснит, что такого важного Ричард прятал от него в склепе.

Но даже сейчас Майклу не хватило духу взять отцовский «бентли». И было ясно, что попытка найти ключи от машины матери выдаст его с головой еще раньше, чем скрип открывающихся ворот. Майкл надел парку, сунул в карман фонарик и вывел из гаража свой старый велосипед. Заднее колесо спустило, но выдержит — кладбище было всего в паре миль от дома.

Чего он не ожидал, так это снегопада, который начался через пару кварталов. Поначалу лишь редкие пушистые снежинки падали Майклу на руки и прилипали к стеклам очков. Он натянул капюшон и постарался ехать быстрее, но ему сложно было разогнаться против ветра на скользкой мостовой. Заднее колесо только добавляло проблем.

До кладбища Майкл добрался весь залепленный мокрым снегом. Прислонив велосипед к воротам, он набрал код, который помнил по летним подработкам, и проскользнул внутрь.

Луч фонарика мог привлечь внимание ночного сторожа, так что пришлось медленно пробираться в темноте среди могил и надгробий. Земля была покрыта ровным слоем снега, и Майкл, взглянув на свои следы, вспомнил Клода Рейнса, «Человека-Невидимку». Сравнение стоило того, чтобы записать его в блокноте. Свежий снег хрустел под ногами, когда Майкл выбрался на извилистую тропинку, ведущую к самой высокой точке Лэйквью — холму, на котором построили склеп.

Благодаря снегу белый склеп на холме выглядел словно сахарная фигурка на свадебном торте. Даже черная решетка была запорошена снегом, и Майклу пришлось стряхивать его с замка, чтобы вставить ключ. Попытка повернуть ключ вправо ничего не дала, поворот влево отозвался стоном отошедшего в створону засова. Та же процедура с правой створкой, и Майкл смог открыть тяжелые двери. Только внутри, закрыв их снова (створки сомкнулись с довольным шипением, как воздушный шлюз), Майкл решился включить фонарик.

Белый мрамор, пустота и стерильность, как он и ожидал. Вдоль обеих стен тянулось несколько пустых полок — глубоких и темных ниш, — а высоко на дальней стене виднелось круглое окошко, выходящее на озеро. Ну и кто будет в него смотреть? Майкл внезапно содрогнулся.

Он похлопал себя по бокам, стряхивая снег и пытаясь согреться. Снова вздрогнул. И рассмеялся. Только сейчас Майкл понял, насколько странной и жуткой была его миссия. Если бы не злость и не вызванная ею решимость, он сообразил бы это куда раньше.

И понял, что его пугает вид отцовского гроба, установленного на почетном месте — на отдельной полке прямо под окном. Майкл посветил на него фонариком и вдруг заметил, что гроб накрыт пурпурной тканью с золотой бахромой. В центре серебряной нитью были вышиты какие-то слова. Майкл подошел. Латынь, которая так ему и не далась. «*Velle est posse*». Ага. Бра-

тец, положивший сюда эту тряпку, наверняка знает перевод. Но спрашивать его об этом как минимум глупо.

Майкл посветил фонариком на стены и увидел, что они тоже покрыты письменами на других языках. Похоже, иврит, арабская вязь и даже какие-то иероглифы. Птицы в профиль, корабли под черными парусами. Тайный шифр масонов?

Откуда-то донесся тихий шорох, и Майкл зашарил лучом по полу. В недавно опечатанное и так талантливо построенное здание не могли пробраться ни мышь, ни белка, ни даже жук. Отец при строительстве всегда придерживался строгих правил и неизменно получал в результате то, что хотел. Никто никогда не оспаривал его приказов, по крайней мере, никому это не удавалось. Майкл видел однажды, как по требованию отца снесли и переделали целое фойе, и это только потому, что цокольная балка оказалась на четверть дюйма короче и одна из плит ложилась неидеально.

Шорох раздался снова, и на этот раз Майкл посветил на алую ткань. Может, она шелестела от сквозняка? Маловероятно, склеп казался герметичным и в такую ночь невероятно холодным. Майкл слышал, как ветер с озера завывает у стен склепа, словно стая голодных волков, отчаянно пытающихся пробраться внутрь. Крупные хлопья мокрого снега залепили круглое окошко над гробом и падали на стекло двери.

Макл стоял и думал, какого черта он тут делает. Что он надеялся найти? И почему не мог сразу, войдя сюда, посчитать миссию выполненной и убраться восвояси?

Кисточка на краю покрывала почти незаметно шевельнулась. Наверное, это он вздрогнул и потревожил воздух. Майкл застыл, выдыхая облака пара, и несколько кистей снова дернулись. А затем, он мог бы поклясться, он услышал что-то вроде голоса, пробивающегося сквозь вой ветра. По спине Майкла пробежала ледяная дрожь — еще одно клише, которому никогда не попасть в сценарий, и в то же время чистая правда. Майкл нагнулся над гробом и снова услышал звук. Словно вздох.

Он инстинктивно отпрянул, едва не выпустив фонарик из рук. Неужели... Неужели он правда услышал... нечто подобное? Нет.

Это невозможно. Разве что в рассказе Эдгара По, но это не рассказ, это жизнь, и погребения заживо просто не могло быть, потому что труп забальзамировали.

Майкл коснулся ткани кончиками пальцев — чистый шелк — и дернул покрывало с гроба, словно занавес перед началом пьесы.

На крыше склепа заухала сова. Одна, нет, две или три совы. Настоящий хор.

Полированное красное дерево блестело и отражало свет фонарика. Майкл разрывался от противоречивых желаний — со всех ног помчаться к двери и прижаться ухом к гладкой крышке.

Разум лихорадочно искал объяснение. И нашел: тело разлагалось. Разве он не читал в свое время, какая жуть происходит с трупом после погребения? Тело раздувается от газов, волосы и ногти продолжают расти, жидкости — настоящие и искусственные — сочатся из пор и отверстий. В шоу «Шесть футов под землей» всегда показывали муть вроде этого. И то, что он слышит — если ему не кажется, — наверняка просто звуки разложения.

«Подними».

Слово звенело в мозгу, будто колокол.

Выдох замерз в глотке.

Но это слово не было произнесено вслух, его словно передали прямо в сознание.

Майкл ждал... но звук не повторялся.

И, что самое удивительное, Майкл узнал голос отца, его властный, надменный тон, который тот использовал при жизни.

И Майкл, словно ничего не изменилось, ощутил прежнюю готовность без раздумий выполнить приказ.

Но что поднять? Крышку гроба? Что еще это могло означать?

Но ведь это безумие. Кто стал бы это делать?

Зачем ему это делать?

«Подними».

На этот раз голос был нетерпеливым. Требовательным.

И это определенно был голос отца. Тот же голос, который отчитывал Майкла за желание вступить в школьный театр вместо футбольной команды — «Театр, Господи прости. А почему бы тебе сразу не нарядиться в юбку?» — или за попытку поступить

в художественный колледж Оберлина вместо настоящего колледжа вроде Нотр-Дам.

Майкл сразу терял решимость. И раз уж его отец там, разве ему не следует сделать, что просят? Господи, да как он может отказать отцу? Особенно в таком простом деле. Приподнять крышку гроба.

Что может быть безобиднее?

Совы ухали снова и снова, словно торопя его. Ветер стучался в стеклянные двери.

«Подними!»

И Майкл опять, как и на протяжении всей своей жизни, ощутил неспособность сопротивляться этому голосу. Руки, заледневшие так, что он почти не чувствовал пальцев, потянулись к крышке гроба...

На следующее утро, в 5:30, Ричард доехал от общежития на Лэйк-Шор-драйв до отцовского дома. Никто еще не проснулся, но он быстро дошел до комнаты Майкла, постучал, выждал несколько секунд и толкнул дверь.

Майкла не было, и кровать — к радости Ричарда — выглядела нетронутой.

В кабинете он нашел бумаги с новым логотипом компании именно там, где вчера намеренно их оставил, а ключ от склепа, как он и надеялся, исчез.

Шагая в кухню за кофе, Ричард не удержался и начал насвистывать.

Когда мама и Сисси проснулись, он усадил их в «бентли» и погнал, насколько позволяли пустые утренние улицы, в сторону кладбища Лэйквью. Главные ворота были приоткрыты, извилистая дорожка до склепа семьи Маунтджой была засыпана снегом. День был ясным, но пронзительно холодным, и, кроме служебного грузовика, поблизости не было ни машин, ни людей. Мать сидела рядом с выражением растущей тревоги на лице, сзади Сисси поглощала батончик из овсяных хлопьев, но ее отражение в зеркале заднего вида было неподвижным.

На вершине холма Ричард остановился и поставил «бентли» на ручной тормоз: на земле уже образовалась ледяная корка.

— Хотите подождать в машине? — спросил он.

Мать кивнула, прижимая к носу платок. Сисси ответила:

— Да, посмотри сам. Скажешь, как все прошло.

Ричард в любом случае собирался проверить все сам. Без свидетелей, без помех, без неожиданных реакций. Он вышел и зашагал по хрустящему насту в сторону склепа. Если Майкл и наблюдал здесь ночью, снег все скрыл.

У двери Ричард остановился, перевел дыхание и, сунув руку в карман за дубликатом ключа, крутанул ручку. Она повернулась.

Открывая дверь, Ричард не знал, что предстанет его взору, но уж точно не ожидал увидеть Майкла, лежащего на гробу и укутавшего ноги в алую ткань.

— Сюда явно стоит добавить систему отопления, — сказал Майкл.

Ричард застыл как громом пораженный. Найди он брата скончавшимся от холода, он бы не удивился. Найди Ричард Майкла, забившегося в угол и лепечущего от страха, он счел бы случившееся в порядке вещей. Но это...

Хотя определенный подъем духа Ричард все равно ощутил.

Майкл сбросил ноги с крышки, позволив ткани соскользнуть на пол вышивкой вверх. Когда Ричард спросил отца о том, что значат эти слова, тот ответил: «Это латынь. “Где есть воля, будет и путь”. Это станет новым девизом компании».

Ричард был не против, хотя и не понимал, как эта фраза связана с продажей импортного камня.

— Ты привез остальных? — спросил Майкл, наступая на ткань.

— Они в машине.

— Так чего же мы ждем?

Надежда Ричарда все крепла, хотя на всякий случай он готовился изобразить шок и осуждение. На тот случай, если он ошибся.

— Но что ты тут делал?! — воскликнул он, и ледяной взгляд Майкла был лучшим ответом на его вопрос.

Он не ошибся. Все сработало.

— Нам и вправду нужно это маленькое представление? — Майкл перешагнул порог с уверенностью, которая была ему не свойственна.

Снаружи, на свежем воздухе, Майклу пришлось закрыть глаза на пару секунд, чтобы привыкнуть к яркому солнцу и снегу. И чтобы внутренне собраться. Если уж он решил это продолжать, нужно вспомнить все, что он когда-либо читал о персонаже, игре и интонации. И скрывать свои истинные чувства, скрывать возмущение и злость, приправленные осознанием того, что все предали его... скрывать то, что клокочет внутри.

Чем ближе к машине он подходил — с Ричардом в хвосте в качестве почетного караула, — тем сложнее ему становилось. У Сисси отвисла челюсть. *«То ли еще будет, когда я скажу, что ежемесячный ручеек денег пересох»*, — подумал Майкл. Взгляд матери был внимательным как никогда — она подмечала все, от выражения его лица до ширины шага.

«Что ж, покажем ей то, что она хочет», — подумал Майкл.

Когда Ричард направился к водительскому месту, Майкл сказал: — Куда это ты собрался?

Ричард смущенно застыл на середине шага.

Майкл протянул руку ладонью вверх, ожидая, пока брат додумается вложить в нее ключи.

Ричард послушно устроился сзади, рядом с Сисси, а Майкл сел за руль рядом с матерью. Она робко коснулась его руки, и как бы он ни кипел внутри — *«Общее благо? Вы хотели пожертвовать мной ради общего блага?»* — не отдернул руку.

— Это было... трудно? — спросила она.

— А ты как думаешь? — сказал Майкл пренебрежительным отцовским тоном.

И эта безапелляционность странным образом успокоила мать.

Да, ему ко многому нужно будет привыкнуть... Но раз уж он смог ответить «нет» на последнее требование отца, раз ему хватило сил сидеть на крышке гроба, пока голос в нем окончательно не стихнет, не умрет, то что ему после этого остальные трудности?

ПИТЕР ЭТКИНС

СТЕЙСИ И ЕЕ ИДИОТ

1

Знаете, мне следовало повернуться и уйти сразу же, как только толстяк упомянул о том, что знаком с бандой с 18-й улицы.

Не то чтобы меня колыхало, кого он там знает или не знает. Дело было в дурацкой чистой *гордости*, с которой он выкладывал мне эту незаконную фигню. С таким апломбом о связях с преступностью может трендеть только тот, кто сам всю жизнь провел *без* контакта с преступностью. Толстяк врал. Свистел, мягко выражаясь, и плевать бы мне на это, вот только мне не нравилось, что этот мешок сала, с которым я знакома три минуты, *уже* мне врет.

Как будто мне не все равно, где он берет наркотики. Как будто это мое дело. Все должно быть иначе. Деньги. Наркотики. Спасибо. До свиданья. Хорошего дня и не поймай передоз сырного соуса, толстый козел. Но нет, надо вместо этого грузить меня байками о своем приятеле-гангстере. Ну и в итоге мне стало скучно и мерзко, и я сделала глупость. Я не проверила товар. Даже не открыла пакет. Мне хотелось поскорее свалить оттуда. Глупость. В офигительной степени. Но я могу сказать пару слов в оправдание: во-первых, я уже девяносто дней была в глухой завязке и не хотела размачивать ее даже пробой; во-вторых, телефон жирдяя мне дал Паули Бенсон, а с Паули Бенсоном у меня никогда не было никаких проблем. Так что я оборвала эту сухопутную косатку на середине списка людей, угробленных приятелем-гангстером во времена его блистательной карьеры на 18-й улице, бросила деньги, взяла пакет и свалила.

Чтобы вернуться в Сильверлэйк, понадобилось минут сорок: какой-то мудака попытался вырулить налево с Кахуэнга на Франклин и получил удар в бок от ни в чем не повинного «камаро» 92 года. К тому моменту как я вошла и бросила им пакет, Джимми Фитц и Стейси готовы были заплевать друг друга ядом.

Стейси тут же вооружилась зеркальцем, лезвием и соломинкой — ну а что еще имеет значение в такой ситуации? — а вот Джимми с надеждой уставился на меня.

— А сдача? — спросила эта святая наивность.

И на какой дикой планете Стейси откопала этого идиота? Я из любезности не расхохоталась вслух и протопала в спальню. Несколько часов этим двоим точно будет не до меня.

Стэейси была сестрой моего лучшего друга в Джерси, то есть я как бы обязана была относиться к ней с симпатией или, по крайней мере, пускать к себе жить во время ее набегов на Калифорнию. А вот Джимми Фитц был жопой, которую она случайно подцепила по дороге, и терпеть его я была вовсе не обязана. Так что представьте себе мое счастье, когда его вопли разбудили меня всего полчаса спустя.

— Что за *херня*?! — орал он. — Что за *херня*?!

С каждым повтором слово «херня» становилось все громче, и мне удалось сообразить, что обращались ко мне. Это была ублюдочная версия тихого стука в дверь и вежливого «простите, что разбудил, мисс Доннелли, но нам нужно кое-что обсудить».

Я выползла из постели и даже не потрудилась надеть что-то поверх топики и трусов. Этот прискорбный факт дошел до моего сонного мозга, только когда Джей-Фитц прикипел ко мне этим взглядом. Понимаете, *этим* взглядом. Всю жизнь на меня так пялятся говнюки вроде него. *Жаль, что ты лесби, потому что я бы тебе вдул*. Козлина. Стейси тоже заметила, как он пялится, и ей это точно так же не понравилось, вот только сейчас ее волновала немного другая проблема. Та, которая заставила ее бойфренда завопить.

Я предположила, что кокс оказался подделкой — джанки редко будят вас по утрам, если им вставило и есть запас, — но все было не так просто. Принесенный мною пакет они распотрошили на кофейном столике, порошок разлетелся, что можно было списать на щенячью радость и нетерпение добраться до главного. А еще разорванный пакет позволял хорошо рассмотреть «подарок от белочки».

Отрезанный палец.

Судя по виду, палец был мужской — волосы над суставом и все такое, — а нож, которым его отрезали, мог бы быть поострее и почище. На пальце оставили золотое кольцо, а это значило, что кто бы ни вложил «подарочек» в пакет, он считал кольцо неотъемлемой частью послания. Это была печатка с перламутровой инкрустацией по черному ониксу. В центре — простой символ вроде заглавной «I», вверху которой завитушки шли вправо, а снизу — влево.

— Я уже видела это, — сказала я.

— *Палец?* — ахнула Стейси.

— Не глупи, — вмешался Джимми Фитц. — Она говорит о кольце.

— А что, кольцо не на пальце? — вскинулась Стейси.

— Да, но этот палец рос, блин, на *руке*, которая росла из *человека*, так что это не одно и то же...

— Заткнитесь оба, — сказала я. — Я не о пальце и не о кольце. Я о том, что на кольце.

— Этот знак?

— Да, символ.

— А где ты его видела?

— На стене.

— Нарисованный?

— Вроде того, — ответила я.

Я приняла этот символ за знак какой-то банды. Раньше мне такой не попадался, но в Лос-Анджелесе новые банды плодились с крысиной скоростью. Тот же знак, что и на кольце, хотя и не настолько четкий... Впрочем, не так уж легко добиться четкости, если рисуешь кровью.

Знак нарисовали на стене над головой трупа, лежавшего на голой сетке кровати во второй спальне дома, где ребята Доминика Кинселла снимали порно. Поборники старого доброго американского трудолюбия могли быть спокойны: съемки не сорвались, их просто перенесли в другую комнату, пока труп добросовестно синел. Алофигеем феерии маразма было то, что дверь в комнату с трупом не удосужились закрыть. Я тогда привезла партию «заряженных» конфеток для съемочной группы

и актеров, а в комнату с трупом попала случайно, приняв ее за туалет.

Секунд на пять я просто зависла, уставившись на тело — практически разнесенное пополам выстрелом из дробовика, — а потом меня нашел второй помощник режиссера, вывел и приотворил за собой дверь. Он скорчил виноватую рожу, которая больше подошла бы метрдотелю: дескать, «ваш столик освободится только через десять минут», и прижал палец к губам.

— Это что за херня? — тихо спросила я.

— Он был тут, когда мы приехали. Дверь закрыли, чтобы девок не расстраивались. Мистер Кинселла в курсе.

Ну, блин, если мистер Кинселла в курсе, значит все точно в порядке.

— Вы что, двинутые? — Вопрос был явно риторическим.

— Слушай, — сказал он, — эта херня нас не касается. Ты просто *уйди*, а? Мы тут пытаемся *работать*.

И я ушла.

А что еще мне было делать? Крыс в доме Доннелли не растили.

Но и гребаных идиотов тоже. Я неплохо провела время на темной стороне города, но теперь завязала. Перестала употреблять. Перестала распространять. Не то чтобы я собиралась найти себе *работу*, мало ли других интересных способов себя обеспечить, но с того дня я держалась на мелководье. И мне там было хорошо и безопасно, я три месяца была в завязке, пока не появилась Стейси со своим идиотом и не попросила об услуге, поскольку у самих для дела мозгов не хватало. И вот, пожалуйста. Как мило.

— Что это значит? — спросила Стейси.

— Это руна, — заметил Джеймс Фитцджеральд, доктор гребаной философии.

— Офигеть. Золотая звезда Фродо, — сказала я. — Ты в детстве спер у папы альбом «Led Zeppelin IV» и узнал палочку?

— Пошла ты! — Кажется, блудные мысли насчет меня вернутся к нему не скоро.

— Но что это *значит*? — снова спросила Стейси.

Джимми пожал плечами, покачал головой. Оба уставились на меня.

Я понятия не имела, что означает гребаный *символ*, но, к сожалению, догадалась, что происходит. Толстый козлина был так занят поглаживанием своего самолюбия и рассказами о дружке-бандюгане, что дал мне пакет, предназначенный другому клиенту, тому, для кого значение поддельного кокса и пальца с кольцом будут яснее ясного.

— Ответный удар, — сказала я. — Война банд.

2

Ну вот какими идиотами надо быть, чтобы на следующее утро пойти и потребовать назад свои деньги? Такими, как Фитц и Стейси.

Ага. Вот такими. Нереально конченными идиотами.

На рассвете они завели машину, накачались кофеином и решимостью и сломя голову погнали объяснять моему новому другу Косатке, что с ними шутки плохи.

А я спала и ничего не знала, иначе привязала бы парочку к детским креслицам, отвлекла мультиками и накормила викодинкой. Но я подумала, что они просто отправились покататься. На пляж или в Китайский театр Граумана. Мало ли где белые обдолбыши могут растаптывать свои шлепанцы до размера сапог Джона Уэйна. Пакет, порошок и палец неvezучего ублюдка остались на кофейном столике. Слишком поздно до меня дошло, чего на столике *не было* — а не было там стикера с адресом Роско Арбакла. Это произошло так поздно, что я успела съездить к Паули Бенсону и попытаться разругать проблему, в которую мы дружно вляпались.

Паули переехал на лето в дом кинозвезды. По крайней мере так он описывал его знакомым. Нет, дом был хорош, но «звезда» на нем явно сэкономила. Жилище принадлежало старому клиенту Паули, который сейчас снимал в Торонто несколько картин и клипов одновременно. Уезжал он недель на восемь-девять, и в это время Паули играл Хозяина Поместья, расплачиваясь за проживание несколькими аптечками, расположенными в стратегических местах вокруг дома, чтобы вернувшемуся Невину-Дизелю не было потом грустно.

Было утро, но у Паули веселье не прекращалось. У бассейна бродило множество парней и девчонок. Покупатели и коллеги

пили и фыркали. Мне удалось поговорить с Паули наедине, рассказать о проблеме и порадоваться, что он видит все в том же свете, что и я. Он понял, что я и мои придурки — просто пешеходы, попавшие на линию огня, и никаких проблем от нас не будет, мы сыграем честно, вернем мячик в игру и будем держать рот на замке. Паули настолько меня успокоил, что я расслабилась и осталась выпить. Мне даже захотелось пофлиртовать с парой девчонок, которые вроде как «играли в моей команде». Какая-то испаночка как раз рассказывала мне о своей последней реинкарнации, когда я вспомнила о стикере и вылетела вон.

На обратном пути я уложилась в рекордные восемнадцать минут и сразу же схватилась за телефон. Джамбо поднял трубку после первого гудка.

— Гарольд, — сказал он.

— Это твоё *первое* имя? — спросила я.

Ну, потому что... странно же.

— Да. Кто интересуется?

— Гарольд, мы виделись вчера. Помогли друг другу решить вопрос о розничной продаже.

— Ага. — Очень быстро и очень уклончиво.

— С последним заказом прибыл товар, который не входил в список и превышал мои желания. Я честный человек, Гарольд, поэтому хочу поставить в известность вас и всех заинтересованных: я собираюсь вернуть товар. Я крайне сознательна в вопросах того, что является, а что не является моим делом. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— А-га. — На этот раз чуть более дружелюбно.

— Сейчас у вас есть на это время, Гарольд?

— А-га. — И он повесил трубку.

Он не сказал, что у него утром уже были посетители, и это показалось мне добрым знаком. Насколько я знала, идиоты могли потеряться или отвлечься, так что я могла успеть перехватить их до того, как они все испортят. А еще они могли быть мертвы. Доминик Кинселла, или кто там дергал Гарольда за ниточки, мог заслат на его квартиру своих людей, узнав о вчерашней путанице.

На миг я задумалась, не взять ли с собой пистолет. Но о пистолетах я кое-что знаю. Во-первых, выходное отверстие боль-

ше входного. Во-вторых, если вы решили избавить мир от своего присутствия, дуло лучше совать в рот, а не прислонять к виску. В-третьих, не стоит доставать оружие, если вы не уверены на все сто, что вам хватит духу спустить курок. Потому что если духу не хватит вам, его хватит вашим соперникам, а вы отправитесь в специальный уголок ада, где держат тупых мудаков, которым не стоит играть с оружием.

Вот и все. Умножьте на два, добавьте налог, увидите полную цену картины. Ни один пункт не является бесполезной информацией, и ни один не практичен, потому что фиг его знает, как заряжать, взводить курок, целиться и стрелять. Придется мне полагаться на добрую волю и принцип, который гласит: пока у всех есть головы на плечах, недоразумения можно уладить.

Я сдула с несчастного пальца излишек талька, сунула в пакетик, положила пакетик в карман и направилась к выходу.

Гарольд меня разочаровал. Я была вежлива и открыта, я пришла к нему сама, без оружия и с благой целью. А вот он был не один. С ним был еще один парень. Молодой, мускулистый, с волосами, крашеными под Брэда Питта — светлыми на концах и темными у корней. Ага, будем считать, что я оценила. Его мышцы явно были накачаны в спортзале, а не в уличных боях. Камуфляжная куртка и ботинки с железными носками должны были завершать крутой образ. Ага. Крутой. Аберкромби и Фитч отправляются в Багдад.

— Я думала, у нас приватная беседа, — сказала я Гарольду.

— Заткнись, лесба, — мяукнул парень, с головой выдав наметанный глаз и дурные манеры.

Я ткнула его в кадык двумя пальцами, не сводя глаз с Гарольда. Можете считать меня слишком чувствительной. Девушка имеет право обижаться.

Гарольд держался молодцом. Он даже не взглянул на кашлявшего на полу мистера Стероида. Наверное, все не так плохо, как мне сперва показалось.

— Не вставай, Мэттью, — сказал Гарольд, награждая меня призраком одобряющей улыбки. — Похоже, леди знает свое дело.

Я сунула руку в карман. Гарольд попятился.

— Я просто хочу это вернуть. — Я сжала пальцы на пакете.

— А почему бы тебе его не оставить?

Гарольд двигался быстрее, чем я ожидала от толстяка. Шо-кер оказался в его руке еще до того, как я заметила странный жадный блеск в глазах Гарольда. Жало коснулось моей груди, меня тряхнуло электричеством, и я отключилась.

3

Не знаю, доведется ли вам когда-нибудь болтаться связанными и с кляпом во рту в багажнике «олдсмобила», но искренне не рекомендую так развлекаться.

Поездка с самого начала была неприятной, а двадцать минут спустя испортилась окончательно. Судя по всему, машину вывели на грунтовую дорогу, а там и вовсе на нетронутые цивилизацией буераки. Было больно. Но мне было над чем поразмыслить, чтобы отвлечься. Гарольд. Чертов Гарольд! Нужно отдать ему должное: он был долбаным Королем Разводилова. И не только мелкого — этот уродец мистер Мышцы Малибу отвлек меня от босса, — но и крупного тоже. Вся эта фигня с трупом на 18-й улице наверняка была показушной, маленькой кучкой дерьма, которое не позволило мне прочитать Гарольда правильно и заставило вернуться к нему в лапы. Он передал именно тот пакет, который мне предназначался. Не знаю, *почему* Гарольд это сделал, но совершенно ясно, что он не тот, кем показался мне сначала. Гарольд игрок. Проблема в том, что я не знаю, какую игру он ведет.

Машина остановилась, и я услышала, как хлопают дверцы со стороны пассажира и водителя. К багажнику приблизились шаги. Солнце пустыни после темноты багажника так резануло по глазам, что я не сразу рассмотрела Гарольда и Мэттью. Оба нависали надо мной, глядя сверху вниз. Бывали в моей жизни моменты и получше. В глазах Гарольда по-прежнему светилось нездоровое возбуждение, и мне это очень не понравилось. Мэттью тоже был возбужден, но тут уж постаралась мать-природа. Он расстегнул ширинку, вытащил член и начал его наглаживать прямо перед моим лицом. Не так сильно, чтобы кончить, но достаточно, чтобы «не терять интереса».

— Ну разреши мне вставить! — Он очень старался, чтобы это прозвучало разумной просьбой. И обращался к Гарольду,

а не ко мне. — Засадить ей один раз. Просто чтобы знала. Чтобы помнила, кто тут главный.

Гарольд не ответил, только смерил перекачанного поделеньки взглядом, который рассказал мне о Гарольде больше, чем я хотела бы знать.

Мэттью улыбался мне.

— Мы посреди Мохаве¹, — сказал он. — В сотнях миль отовсюду. Давай, кричи.

Он сдернул клейкую ленту с моего рта. Я не закричала и не сказала ни слова, холодно глядя на него.

— Считаешь себя крутой, а? А как насчет того, чтобы получить вот это за щеку? — Он демонстративно потянул себя за член.

Я широко раскрыла рот и клацнула зубами не хуже акулы, демонстрируя, чего он добьется. Мэттью инстинктивно отпрянул и замахнулся.

— Нет, — спокойно сказал Гарольд. — Мы не метим мясо. — Он зашагал прочь от машины, бросив Мэттью через плечо: — Застегнись. Веди себя прилично. И отнеси ее на место.

4

Единственной постройкой в поле зрения была хижина, в которой, наверное, Гарольд и сменил свою одежду на черную мантию. А главной сценой было назначено место за ней, небольшое углубление в песке, похожее на бассейн. Мэттью отнес меня туда, предварительно ткнув шокером в горло, чтобы не возиться с осложнениями. А затем, что странно, разрезал жутковатым ножом клейкую ленту на моих запястьях и лодыжках и, держа шокер на виду, попятился за край бассейна. Я осталась в центре.

Гарольд тоже держался за периметром, между ним и Мэттью оставалось добрых двадцать футов. Учитывая меня, получался треугольник.

¹ Мохаве — пустыня на юго-западе Соединенных Штатов Америки

— Как видишь, — солнце еще не зашло, и Гарольд в своей черной мантии потел, как свинья, — почва приготовлена.

Ну, попытаюсь описать разнообразные кровавые ошметки Джимми Фитца, которыми были декорированы четыре угла бассейна. Будь это полем для дьявольского бейсбола, голова несчастного идиота Джимми тарасилась бы на меня аккурат с основной базы. В мертвых глазах застыло изумление, челюсть отвисла, а в провале рта виднелись лепестки роз. Нежно-желтого цвета. Лепестки бы мне понравились, но, учитывая обстоятельства, я как-то слабо воспринимала эстетику.

— Где Стейси? — спросила я.

Гарольд взглянул на часы.

— На данный момент, думаю, она уже вернулась к Паули, — с улыбкой сообщил он.

Я ничего не сказала и, надеюсь, не выдала мимикой своих чувств, потому что он наблюдал и ждал, когда информация усвоится.

— Если тебя это утешит, — совершенно спокойно продолжил Гарольд, — тебе не придется долго мучиться из-за того, что тебя оставили в дураках. Солнце скоро опустится под землю, и предательство друзей перестанет тебя волновать.

Я бы рассмеялась над его странной вежливостью, если бы не пыталась разобраться, насколько же глубоко я вляпалась. Я не вполне понимала, что задумал Гарольд, но знала, что это мне ни черта не понравится. Но Стейси и Паули в любом случае попали в мой список мести. Они подали меня безумному ублюдку на блюдечке, как десерт, и я пыталась успокоиться или хотя бы отвлечься, представляя, как медленно буду их убивать, если выберусь отсюда живой.

Задняя дверь лачуги распахнулась, и из нее вышла старуха.

С первого взгляда ее можно было принять за мою древнюю родственницу из родной страны. Черная Карга из ирландской сказки неплохо обустроила за эти годы свой домик. Она медленно шла к нам, всем телом налегая на резную клюку с ручкой из высушенного черепа ястреба. Один глаз у старухи был цвета морской волны. Второй был мертв. Кожа у нее на лице была белой. Не бледной, а именно *белой*. Как страница, с которой вы это читаете. Белой, как крыша мира.

Старуха дошла до границы бассейна и остановилась, сохраняя полуофициальную дистанцию между Гарольдом и Мэттью. Старуха повернулась лицом к Мэттью, и кожистая шея издала такой хруст, словно в ее теле не было ни грамма жидкости.

— Я пришла, как уговорено, — прокаркала она, обращаясь к Гарольду. — Чтобы засвидетельствовать исполнение тобой договора.

Гарольд склонил свою слоновью голову со всей доступной ему элегантностью.

— Жертва принесена, — сказал он. — Нетронутая, без пут и несущая символ.

Господь обдолбанный, да что же это такое? Гребаная масонская ложа? Старая карга повернулась ко мне.

— Приветствую тебя, дитя. Я Планета Трилетиум.

Поверьте, я бы с удовольствием рассмеялась. Но в ее голосе не было ни юмора, ни смущения. Старуха назвала свое истинное имя, и в глубине ее мертвого глаза на секунду возник свет, идущий откуда-то *изнутри*, из темных глубин ее черепа.

И, Богом клянусь, песок под моими ногами шевельнулся в ответ.

И вздохнул.

Я чуть не сломалась тогда, почувствовав себя добычей, на боку которой смыкаются челюсти хищника. Видели, как это бывает? В фильмах о природе? В какой-то миг добыча расслабляется и оседает, просто принимая смерть, позволяя ей случиться. Возможно, в этом даже находят какое-то утешение.

Но, как говаривала моя святая мамочка, *Да Ну На Фиг*.

Из этой троицы только у Мэттью было оружие — шокер и нож. Наверное, со стороны я выглядела как идиотка, бросившись именно на него. Но из всех троих он больше всего напоминал новичка, к тому же что мне было терять? Я рванулась на него, быстро, сосредоточенно, яростно. И он, как по заказу, тут же инстинктивно вжарил шокером, не дожидаясь, пока я подобрюсь поближе. Мне даже уклоняться почти не пришлось. Выражение его лица в момент промаха дорогого стоило, я чуть не притормозила, чтобы полюбоваться. Но я не рискнула терять ускорение и вместо этого пнула его по колену опорной ноги. Мэттью заво-

пил, как девчонка, и начал падать, бешено размахивая ножом, чего я и добивалась. Я поймала его за запястье обеими руками, крутанула, выхватила нож и позволила Мэттью увидеть, что его ждет.

Чисто резануть по глазам не получилось, потому что Гарольд влетел в меня сзади всеми своими килограммами, но вышло все равно неплохо. Нож по рукоять вошел в скулу и, видимо, достаточно отклонился вверх, чтобы задеть что-то важное в мозгу улюбюдка. Мэттью тут же прекратил двигаться.

Гарольд схватил меня раньше, чем я успела восстановить равновесие и выдернуть нож, и сдвинул медвежьей хваткой. Мы начали бороться, но я могла только хлопать руками по его мантии и пиджаку под ней. Найти под складками жира его яйца и двинуть по ним коленом мне так и не удалось. Позволив мне побарахтаться несколько секунд, Гарольд ударил меня в висок и отправил в отключку. Он сбросил меня в центр бассейна, где я попыталась прийти в себя.

Пока я поднималась на ноги, Гарольд успел вернуться на прежнее место. Я видела, как он виновато смотрит на Планету Трилетиум, но ее вся это возня разве что слегка позабавила.

Голова гудела, но адреналин вернулся, и я была готова ко второй попытке сбежать от толстого козла. А может, даже всадить зубы в его глотку и вырвать к чертям трахею... Но у пустыни были другие планы.

Песок пошел рябью.

Медленно. Это не было похоже на землетрясение, скорее уж на океан. Океан, из глубин которого нечто стремилось на поверхность.

Планета Трилетиум нетерпеливо вздохнула, из ее древнего горла донеслось змеиное шипение.

Далеко за моей спиной солнце нырнуло за горизонт.

— Ты пришла в назначенное место, — заговорил Гарольд. — В назначенный час.

Мне сложно было сохранять равновесие, пустыня под ногами вздымалась и опадала все быстрее. Гарольду оставалось произнести одну фразу.

— И ты несешь знак избранного.

Я шире расставила ноги, пытаюсь не упасть, и взглянула ему в глаза, подсвеченные последними лучами солнца.

— Проверь карманы, сука.

А что, вы решили, что я боролась с толстым пердуном из чисто спортивного интереса?

Рука Гарольда метнулась под мантию, в карман пиджака. Я четко опознала момент, когда он нащупал пакетик с отрезанным пальцем. Ярость и недоверие на его лице сменились куда более приятным выражением.

Я побежала от центра бассейна, оступаясь на взбесившейся земле, а Гарольд — вопя, как ребенок, что меня очень радовало, — рванулся, чтобы меня перехватить и снова всучить мне проклятый пакетик. Но солнце зашло. А правила есть правила, не так ли? Назначенный час и все такое.

Планета Трилетиум открыла рот. Очень широко. И синюшный язык длиной с поливочный шланг выстрелил в сторону Гарольда, обхватил его шею и с легкостью поднял массивную тушу в воздух. А затем с размаху впечатал в опустевший центр бассейна.

Я девушка вежливая, но останавливаться и благодарить ее не стала. Бег, знаете ли, отнимает много сил. И я не думаю, что старушка сделала это ради меня. Я, слава яйцам, была уже не нужна ни ей, ни той хрени, что поднималась наверх из глубин пустыни. Я была им не нужна. У них был Гарольд.

Притормозила я только у «олдсмобиля», по другую сторону хижины. Оборачиваться я не стала. Ни за какие деньги. Потому что мне хватило и звуков.

Я готова была зачищать провода зубами — ну, у меня много разных талантов, — но мне не пришлось этого делать, ключи торчали в замке зажигания. В какой стороне находилось шоссе, я не знала, но до тех пор, пока Планета Трилетиум будет за мной, а не перед моим носом, любое направление сгодится.

Ехала я долго. Далеко за полночь, остановившись перекусить у шоссе I-10, я обнаружила в отделении для перчаток мобильный телефон.

И всерьез задумалась о том, не позвонить ли Паули.

Но, знаете ли, зачем портить сюрприз?

ТАНАНАРИВ ДЬЮ

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

— Интересно, как евнухи ходят в туалет? — Николя задала этот вопрос совершенно естественным тоном, словно продолжая разговор о геноциде в Дарфуре.

Поначалу Пола лишь приятно удивил тот факт, что Николя знает слово «евнух» и умеет использовать его в разговоре. А потом у него покраснели уши. Они ели карри в компании Чарльза и Анны, которые не раз осуждали его выбор. И реплика Николя была не к месту, словно кусок сырой курицы, внезапно шлепнувшийся в тарелку. Пол покрылся холодным потом, когда Чарльз покосился на него с явным намеком: *«Что ж, вижу, твои вкусы не изменились»*.

— С трудом, наверное, — ответил Пол. Николя всегда обращалась к нему, словно они были наедине, не обращая внимания на уровень дискомфорта, и надувалась, когда ее игнорировали. — В зависимости от того, что осталось.

Николя пожала плечами, всем своим видом выражая недовольство Чарльзом и Анной, которых она нарекла псевдоинтеллектуалами. Она жаловалась, что в их компании чувствует себя объектом исследования. Ее внезапная показная скука была очередным намеком на вечную угрозу: она могла не пригласить Пола остаться на ночь. Даже после шести месяцев отношений он ни в чем не был уверен, авансы с ее стороны часто перемежались угрозами. Смущение Пола сменилось раздражением.

Он поднял бокал, рассматривая лицо Николя сквозь мутноватое стекло. В ресторане становилось шумно, пьяные студенты, насосавшись пива, постепенно повышали громкость спора.

— Это очередной намек на то, что нам пора уходить? — спросила Анна у Чарльза, делая ударение на слове «очередной».

Она смотрела только на Чарльза, ждала его ответа, не хватаясь демонстративно за сумочку и не делая попыток встать. Их отношения напоминали Полу тщательно отлаженный механизм,

части которого идеально сочетаются и взаимодействуют друг с другом. Он задыхался от зависти к ним. Тот факт, что оба были писателями — а Чарльз к тому же лауреатом премии Буккера, — лишь подстегивало его негодование.

— Да, мне кажется, что разговор окончен. А ты как думаешь, Пол? — повернулся к нему Чарльз.

— Согласен. — Пол встал. — Пойдемте.

Они поднялись и начали надевать пальто. Николя осталась сидеть.

— У меня еще есть пиво.

На дне ее стакана болтался сантиметр жидкости и кусочек лайма.

— Конечно, дорогая. Не спеши.

Пол снова сел, в спешке толкнув стол. Тарелка с остатками карри упала на пол и разбилась.

— С чего ты вообще заговорила о евнухах? — спросил он, когда они с Николя остались одни и сели в машину.

Николя сосредоточенно изучала потеки дождя на стекле. Ее волосы растрепались, темные пряди упали на плечи, кончиками касаясь груди, — Николя, не считаясь с погодой, всегда носила одежду с глубоким декольте. Некоторое время она молчала. Порой такие затяжные паузы означали, что ответа не будет, сколько бы раз ни прозвучал вопрос. Сегодня Пол не был уверен, что решится повторить.

— Ой, ну не знаю, — отмахнулась она наконец. — Помнишь дворцовых евнухов у Шекспира? Я всегда хотела узнать, как они пишут. У них там дырочка и им нужно садиться, как девочкам?

По крайней мере Пол понял: она была зависима от постоянных оскорблений и выпадов точно так же, как он был зависим от нее. А он добровольно отдался в рабство этой второсортной красоте. Ему очень хотелось сказать, что второго такого любовника Николя никогда не найти и что все, в чем он не дотягивает до ее детского идеала мужчины, он с лихвой компенсирует надежностью и выносливостью. Пол стиснул зубы, вспомнив, что в пабе, где они познакомились, Николя разрешила ему сесть рядом с ней лишь после упоминания о том, что он пишет сценарии для фильмов.

Славы сценариста хватило на два месяца, потом Николя начала понимать, что его работа не сулит ей никаких личных выгод.

— И как ты можешь такое писать, ты же никогда не был в Руанде? — возмущалась она «Боевым кличем», его первым и самым популярным фильмом.

— Исследования, — ответил Пол и увидел гримаску отвращения на ее лице.

То было началом краха иллюзий. Подвозя Николя домой, он чувствовал привычное желание развеять ее скуку, но это было так же безнадежно, как попытка слепить снежок из сухого песка.

— Еще рано, — сказал он.

— Я знаю, но у меня голова разболелась от этого места. Высадишь меня возле дома?

— Если тебе так любопытно, могу познакомить тебя с настоящим, — разыграл Пол свой последний козырь.

— Ты о ком?

— О евнухе.

Малколм был типичным американским метисом и любил говорить, что «одна моя половина родом с Ямайки, а вторая — из Калифорнии». Он был помощником телеоператора в съемочной группе Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, ему было чуть за двадцать, и он никогда не унывал. Два метра роста, которые сделали бы честь звезде баскетбола, венчались короной пронзительно-рыжих кудряшек. Пол избегал его с самого начала съемок: слишком уж легко Малколм заводил друзей и добивался уважения, а закулисные дразги его словно не касались. Полу не нравилось в нем абсолютно все, особенно голос, пронзительностью напоминавший голос Майкла Джексона, и ленивые протяжные американизмы: «Ну и сценарий ты забабалал, чувак». Полу казалось, что именно такая непринужденная лесть и делала Малколма опасным.

Все изменилось, когда на одной из вечеринок Пол оказался рядом с Малколмом в очереди к бару.

— В этом мире невозможно победить, Пол, — произнес Малколм. — Я сказал девчонкам, что я гей, чтобы они перестали ко мне приставать. Теперь ко мне пристают парни.

Пол честно ответил, что сочувствовать не собирается. И едва сдержал жгущее язык «отвали!»

Малколм взял его за руку, и теплое дыхание с густым запахом алкоголя защекотало Полу ухо.

— Слушай, я говорю это только затем, чтобы ты не считал меня полным придурком: о сексе я могу забыть навсегда. — Малколм перешел на театральный шепот. — В десять лет у меня воспалились яйца, пошла инфекция, а о врачах я тогда ничего не знал. И запустил болезнь. А потом очнулся в палате и услышал от родителей, что мне «будут делать операцию». В процессе косорукий придурок со скальпелем перерезал нервы... Скажем так, невинности я лишился в очень юном возрасте. И в моей жизни прыжки в постель не входят в список приоритетов.

Пол уставился на него с удивлением и недоверием, но блестящие от выпитого глаза Малколма светились искренностью.

— Избавишь меня от сожалений? — добавил Малколм.

Пол смог кивнуть, только когда понял, что это не заигрывание, а просто приглашение налить. С трудом сдерживая тошноту, он извинился и сбежал. Это признание выбило его из колен, испугало хаосом чужой жизни. Но Полу было стыдно за свой побег. Позже он нашел Малколма у миски с хрустящим печеньем и извинился.

— Да забей, — ответил Малколм, глядя поверх его плеча, словно на съемках сцены с извинением. — Меня первого понесло. Просто я всегда хотел рассказать об этом хоть кому-то. А вышло так, что рассказал тебе. — Он задорно улыбнулся.

Малколм обращался к нему с вежливой почтительностью, Полу это нравилось, и он вернул любезность.

— Ты доверился мне, — Пол похлопал его по загорелой руке, — и я не выдам твой секрет.

После того случая они начали вместе пить чай в перерывах между съемками.

— Знаешь, дома я никогда не пил эту гадость, — говорил Малколм. — А теперь чувствую себя ненормальным, если не выпиваю две чашки в день.

«Но ты же совершенно нормальный», — подумал и чуть не сказал Пол, хотя, конечно, бедняга Малколм нормальным не

был. Со временем жалость выросла в своеобразную дружбу. «Тебе стоит вернуться со мной в Голливуд, Пол. Ты будешь писать, я режиссировать, мы сможем творить реально стоящие фильмы».

Пол мечтал о Голливуде, сидя с Малколмом в барах, и готов был действовать, пока однажды его проклятое ненасытное либидо не притащило его к Николя, после чего пришло понимание: удержать ее можно, только посвящая ей все свободное время до секунды.

Ксавье разбудил его в три часа ночи, и Пол был в ярости. Он никак не мог заснуть, пришлось долго мастурбировать в ванной, чтобы хоть как-то задремать, но все пошло прахом, когда скотина Ксавье прыгнул к нему на грудь и начал пронзительно мяукать. Расширенные зрачки кота светились красным, словно глаза демона. Зверь показал свое истинное лицо.

Пол никогда не любил Ксавье. Чарльз подарил ему сиамского кота уже взрослым — на случай если Полу станет одиноко в пустой квартире, куда он переехал из дома матери. Хозяин, сдававший ему квартиру, предупредил, что держать домашних животных запрещено, поэтому, уходя, Пол запирали Ксавье в спальне, чтобы кота не нашли во время проверки. В итоге комната пропахла кислой кошачьей мочой. Найти источник запаха Полу так и не удалось, что раздражало не меньше самой вони. А еще он выяснил, что его заставили нарушать правила аренды, не получая взамен ничего, кроме запаха кошачьей мочи и равнодушных взглядов голубых глаз Ксавье. У Пола никогда не было кошек, поэтому он не знал, что кот не бежит встречать его у двери, не прыгает вокруг и не ластится. Ксавье вспоминал о хозяине, только когда выпрашивал еду.

В три часа утра на Пола снизошло озарение, которого ему до сих пор не хватало.

— Ну ладно, — сказал он.

Ксавье опять заорал, когда Пол схватил его за шкуру и сдернул с груди. Пол сделал три шага к окну, открыл скрипящую раму и выбросил извивающегося кота с шестого этажа. Ксавье не издал ни звука, а мокрый хруст мог просто почудиться Полу. Все

произошло в мгновение ока, и на секунду Пол замер у окна, вдыхая холодный воздух и думая, не приснилось ли ему все это. Но глубокая царапина на предплечье была доказательством реальности. Взглянув на свои слегка дрожащие руки, Пол вернулся в постель и крепко уснул.

Ксавье упал на парковку, поэтому на следующее утро соседи решили, что кто-то ночью не заметил и переехал бродячего кота. Вид изломанного кошачьего трупa с вытаращенными глазами заставил Пола вернуться в квартиру и долго рыдать в подушку.

Ему нужно было с кем-то поговорить, признаться в случившемся, но кроме Николя у него никого не было. Пришлось набрать ее номер.

— Господи, который час? — спросила она.

Была половина девятого, а Николя редко просыпалась раньше десяти.

— Ты хоть слышала, что я сказал? Я выбросил Ксавье из окна!

— Он сдох?

— Естественно.

Николя зевнула.

— Не думала, что у тебя хватит пороку на такое, Пол.

В ее голосе прорезался сильный йоркширский акцент, который она позволяла себе только с ним. Но говорок уроженки Лидса не скрыл восхищения в ее голосе.

— Не думаю, что этим можно гордиться.

Пол тут же понял, что лжет. В ее голосе слышалось восхищение. Разве это не повод для гордости? Он представил, как она гладит себя телефонной трубкой, как зажимает ее между бедер, и сглотнул.

— Приезжай сегодня, — выдохнул он.

— А когда ты познакомишь меня с тем парнем? С Малколмом?

— Скоро, — пообещал Пол.

Николя вздохнула.

— Буду в половине второго. Приготовь что-нибудь. — В ее голосе вдруг зазвучала сталь. — Ты правда сотворил такое со своим котом?

Он с энтузиазмом подтвердил.

— Расскажи мне, что ты еще делал, Пол. Возможно, я знаю тебя хуже, чем мне казалось.

Мгновенное облегчение померкло, когда Пол понял, что, кроме случая с котом, у него не было ни одного секрета. Его можно было читать, как раскрытую книгу.

Стоя под душем, Пол моргал под слишком горячей водой и ждал Николя. Дрожь, которая с ночи поселилась в его руках, теперь распространилась по всему телу. Даже колени дрожали. Но беспокоил его не Ксавье, Пол думал только о Малколме. Как он мог использовать друга в качестве наживки для Николя? Кто станет предлагать близкого, хорошего человека, словно циркового уродца на шоу? А еще Пола бесила мысль о том, что Николя не полюбит его даже после парада дохлых котов и евнухов.

Нет, решил он, вытирая оплывшее, размякшее после душа тело. Он не станет знакомить Николя с Малколмом. Пол принял решение и успокоился, дрожь прошла.

А затем вошла Николя в обтягивающем мини-платье, подчеркивавшем все богатства ее тела. Она погладила Пола по щеке, так нежно, так восхищенно, словно касалась мраморной скульптуры.

— Пол, когда я познакомлюсь с Малколмом?

Пол задрожал, когда она принялась вылизывать его шею.

— Скоро. — Он убеждал себя, что это вполне невинная ложь.

— Как скоро, Пол? — Николя забросила ногу ему на талию и потерлась о его бедра.

Пол сглотнул слюну.

— Он может быть на вечеринке по случаю окончания съемок. В эту пятницу. Я вас познакомлю.

Полу было неуютно заниматься любовью на кровати, с которой он встал всего несколько часов назад, чтобы выбросить Ксавье. Кошачья шерсть свалилась на покрывале и липла к потному телу. Николя зашипела: она была сухой, когда Пол попытался в нее войти.

— Прости, — выдохнул Пол.

Кость его таза упиралась в ее мягкое бедро. Поерзав, Николя сказала:

— Давай помогу.

Пол двинул бедрами. С этими махинациями их секс походил на физкультуру.

— У меня тоже есть секрет, почти такой же, как у него. — Николя говорила спокойно, словно они завтракали, а не вжимались друг в друга в постели.

— Что?

— Та дырка, в которую ты вошел, не настоящая, — сказала она, и Пол застыл.

По его спине потек холодный пот. Все, подумал он, сейчас Николя скажет, что родилась мужчиной, а потом сделала операцию. И он никогда больше не сможет доверять женщине.

— Нет, я не транс, — заверила Пола Николя, глядя пальцами его лопатки. — Но к пятнадцати годам у меня все еще не было месячных, зато начались жуткие спазмы и боли. Мама отвела меня в больницу. И знаешь, что выяснилось?

— Понятия не имею, — прошипел Пол.

Он чувствовал, как опадает эрекция.

— Что у меня влагалище не там, где положено. Кровь пыталась вытечь наружу, но упиралась в стенку. Поэтому доктор сам прорезал во мне дырочку. Наверное, поэтому я такая узкая.

Пол кончил, что показалось ему маленьким чудом, но слишком быстро и почти без удовольствия. Николя улыбнулась, глядя, как он быстро прикрывается простыней.

— Пол, этот Малколм действительно евнух?

— Прямо как в «Двенадцатой ночи» Шекспира.

— Мы с ним похожи, понимаешь? И ты действительно позволишь мне увидеть его на вечеринке. Договорились?

И Пол услышал свой голос: *«Да, да, Николя. Конечно, Николя. Все, что пожелаешь».*

Поначалу он думал, что небеса сжалились над ним и Малколм не появится вообще. Вечеринка после пробного показа была малолудной, гости разделились по степени влиятельности в разных залах персидского ресторана, арендованного на весь вечер. Николя ерзала рядом с Полом. Она уже давно не получала удовольствия от вида актеров, в особенности после того как они появлялись без

грима, ели, пили и уже не раз показывали скверный характер. Громкая восточная музыка действовала Полу на нервы.

— Ты сказал, что он придет, — сердито прошептала Николя.

— Я сказал, что он *может* прийти.

Николя вздохнула.

— Если он не появится в ближайшие пятнадцать минут, мы уходим. Жаль, ты не предупредил меня, что это случайное собрание.

На ней были кружевные чулки и шелковое коктейльное платье без бретелек. «*Чертovski ей идет*», — подумал Пол.

Он собирался предложить уйти, но тут Николя схватила его за руку и сжала. Ладони у нее были теплыми и влажными.

— Взгляни, Пол. Это ведь он, верно? Как ты и говорил, настоящий красавец. И просто гигант.

Малколм шагал к ним с бокалом в руке все с той же улыбкой, которая в свое время пленила Пола.

— Черт возьми! — воскликнул Малколм. — Вы посмотрите, кто пришел, а ведь клялся, что ноги твоей на таких собраниях больше не будет!

— Эти съемки стоило отметить. — Пол очень старался, чтобы его голос звучал радостно, а не жалко. — Малколм, познакомься с Николя.

У него чуть не подогнулись колени, когда он увидел их стоящими лицом к лицу.

— Присядем? — слабым голосом предложил Пол, указывая на розовые кресла.

Он видел, что Николя не отрывает взгляда от коленей Малколма, когда тот скрещивал длинные ноги, устраиваясь в кресле. Она чуть дыру не прожгла на его свободных льняных брюках, Пол с трудом удержался, чтобы не толкнуть ее. Вместо этого он ее обнял.

— Боюсь, что Николя наконец узнала правду о мире кино. — Пол повысил голос в надежде вернуть ее к реальности.

Малколм улыбнулся.

— А ведь она еще не видела Калифорнии.

Николя наконец посмотрела Малколму в лицо, и Пол смог выдохнуть.

— В нашей компании работает девушка из Нью-Йорка, — сказала она, забыв смягчить свой йоркширский акцент, — но ей неинтересна Калифорния.

— Никто не любит Калифорнию, кроме ее уроженцев.

— А что, в Штатах есть разделение на восток и запад? — продолжила Николя.

Пол понял, что может вздохнуть свободно, и сжал ее ладонь, словно гордый успехами дочурки отец.

— Восток-запад, север и юг, белые и черные, что пожелаешь. Америка — это один большой разделитель.

— А это правда, что ку-клукс-клан все еще действует?

Малколм кивнул.

— Кое-где на Юге.

Николя покачала головой.

— Сложно в это поверить, правда?

— Почему? — спросил Пол, но ему никто не ответил.

Вопрос, который должен был прозвучать философски, повис в воздухе и прервал их беседу.

Николя молча смотрела на ширинку Малколма так пристально, что не замечала, смотрит кто-то на нее саму или нет. Малколм смотрел. И видел не только ее похоть, но и нарастающее раздражение Пола. Их взгляды встретились, Пол открыл рот, но не смог проронить ни звука.

Малколм снова взглянул на Николя.

— Я отлучусь на минутку, вы не против? — Он двинулся прочь быстрым шагом.

Сердце Пола колотилось так, что перед глазами все плыло, а к горлу подкатывала тошнота. Ни разу в жизни он не чувствовал себя так отвратительно.

— Поздравляю. Ты своего добилась, — сказал он Николя.

— Чего?

— Теперь он знает, что ты знаешь.

— Не будь дураком. Он вернется.

Николя оказалась права. Малколм вскоре вернулся с куриным кебабом на тарелке. Он снимал мясо с палочек, бросал в рот и пережевывал так быстро, что это походило на нервный тик. При этом он не встречался глазами с Полом и сел со стороны Николя.

— У тебя невероятная девушка, Пол, — сказал Малколм, обнимая ее за талию.

Пол вздрогнул, почувствовав его руку так близко, и отстранился от Николя. Малколм придвинулся, касаясь ее бедра своим.

Пол поблагодарил за комплимент, с трудом контролируя себя. Николя смотрела на Малколма с восхищением, ради которого Пол *жил*. Она наклонилась вперед, чтобы Малколму удобней было заглядывать в ее декольте. Николя флиртowała с проклятым евнухом!

А Малколм продолжал жевать с непроницаемой миной. Пол даже решил, что недавняя злость ему почудилась. Возможно, Малколм не знает, что его секрет раскрыт. Господи, хоть бы он действительно ошибся!

— Кажется, твоя девушка заскучала, Пол.

— Вовсе нет, — кокетливо захихикала Николя.

— И что ты предлагаешь с этим сделать?

— Подняться в мою квартиру и хорошенько дунуть.

— Это в духе шестидесятых. — Пол знал, что совершает глупость. Он не курил с тех пор, как был подростком.

— О, мне нравится эта идея! — сказала Николя.

И было принято решение подняться.

Малколм жил в мансарде, потолок которой прогибался от тяжести ангелов на крыше дома. Плакаты «Апокалипсис сегодня», «Криминальное чтиво», «Убить Билла», «Таксист» и «Коттон-клуб» в шахматном порядке закрывали скошенный потолок за диваном. Во время их клубных посиделок Малколм постоянно говорил о том, что восхищается Тарантино, Скорсезе и Копполой, и плакаты вызвали у Пола ностальгию по старым добрым временам. Все оставшееся пространство занимали растения — карликовые пальмы в кадках. «Они напоминают мне о доме», — объяснил Малколм.

— Еще не посмотрелись? — спросил Малколм, застывший в дверях.

Пол не знал, как реагировать и считать ли это намеком на бесстыжие взгляды Николя. Малколм внезапно выключил свет.

— На родине у меня были черные лампы, а здесь мы можем посидеть в темноте. Свет фонарей раскрасит комнату оранжевым.

— Это восхитительно, — сказала Николя с таким восторгом, словно Малколм лично изобрел этот свет. — Пол, тебе нравится?

Пол потянулся к ее руке, но не рассчитал расстояния и его пальцы только скользнули по ее платью.

— Да вроде неплохо.

— Давайте сядем. Я принесу траву. Пол, захватить тебе пива из холодильника? У меня есть «Биттер», тебе понравится. — Голос Малколма шелестел, как весенний дождь.

— Американец с настоящей выпивкой? — бросил Пол в темноту.

— Футболисты поделились на прошлых выходных! — крикнул с кухни Малколм.

Николя осталась стоять, а Пол опустился на матрац под плакатами. Они не говорили, словно актеры, ждущие, когда включат камеры. Пол ожил, только когда Малколм вернулся с кальяном в одной руке и банкой пива в другой.

— Довольно крепкое дерьмо, — предупредил он. — Не кашляйтесь.

— Отвали, — буркнул Пол.

Николя захихикала еще до того, как затянулась, а после закашлялась. Все трое захохотали. И при звуке этого смеха Пол решил, что в итоге все закончилось хорошо. Он отлично проводил время в компании Малколма, совсем как в старые добрые времена, а заодно смог сделать Николя счастливой. Ну разве он не молодец? «Как это на меня похоже, — думал Пол, — провести отличный вечер и до последнего не понимать, насколько он отличный». Возможно, когда-нибудь он научится наслаждаться жизнью, как говорила ему мама.

— Люблю смотреть «Клан Сопрано», — сказала Николя. Она пыхтела, быстро-быстро вдыхая и выдыхая дым. — Но этот их акцент! Честное слово, мне приходится включать субтитры. Я не шучу.

— Задержи дыхание, Николя, иначе ничего не почувствуешь, — мягко сказал Малколм, сидящий рядом с ней.

Пол захихикал. Фраза Николя показалась ему невероятно смешной.

— Правда, что ли?

— Я тебе не говорила?

Он почувствовал, как она сжимает его колено.

— Но мне нравится. Тебе тоже стоит посмотреть, Пол.

— Пол считает американское телевидение мусором, — сказал Малколм.

— Ему нравится смотреть документальные фильмы про африканских бушменов, — протянула Николя. — А потом он пишет очередной сценарий об Африке и притворяется, что сам там был.

— Однажды я туда поеду, — парировал Пол.

От марихуаны его вдруг отпустило постоянное напряжение, и он не злился на Николя за ее издевки. В конце концов, ему и правда стоит пожить в Руанде. Он собирался сказать об этом, но вдруг забыл название страны.

Еще пара затяжек и банка пива качественно его отключили. Пол таращился остекленевшим взглядом на тени пальм на стене, на то, как они шевелят длинными пальцами от поднятого вентилятором ветерка. Николя и Малколм болтали, как старые друзья, но Пол разучился воспринимать слова. И гордился тем, что его не волнует то, как Николя откинулась на плечо Малколма.

— Ну почему ни у кого из друзей Пола нет и намека на индивидуальность? — спрашивала у Малколма Николя, сидящая где-то в конце длинного тоннеля.

— Потому что наш Пол всегда умело подбирает декорации. Правда, Пол?

— У меня нет друзей.

Глядя на тени растений, Пол думал об Африке и чувствовал возбуждение и решимость. Что до сих пор его останавливало? Фильм закончен, все исправления внесены, так почему бы не купить два билета до Кении? Он хотел спросить Николя о том, как ей нравится эта идея, но тут услышал ее слова:

— А он говорил тебе, что выбросил своего кота в окно?

Это было так нелогично, что Пол опять рассмеялся.

— Не может быть.

— Это секрет, Николя! — Пол притворился рассерженным.

— Вот видишь? Это правда. С шестого этажа. Бедняжка разбился.

Малколм почти лег на Николя сверху, пытаясь заглянуть Полу в лицо. Он шевелил губами, как рыба, и Пол просто не мог не рассмеяться.

— Она серьезно? Ты больной, старик, — сказал Малколм.

Пол не ответил, только поднес ко рту давно опустевшую банку. Малколм откинулся назад, качая головой.

— Черт. Никогда не заводите детей.

Пол попытался приглушить хихиканье, но пустая банка сработала как рупор.

— Я не шучу, — сказал Малколм.

— Ну разве не отвратительно, когда знакомишься с человеком, — говорила Николя, — и тут же узнаешь все его секреты? — Ее голос затихал, терялся в водовороте.

Пол закрыл глаза, и деревянные доски под ним закачались, словно палуба корабля. Он поджал пальцы, чтобы не свалиться. Так можно проспать целый месяц.

— Я знаю твой секрет, — говорила Малколму Николя.

Тот рассмеялся.

— Тогда, наверное, это больше не секрет, да?

Пол, видимо, ненадолго задремал. И резко проснулся, когда его потянули за руку. Малколм исчез, но подсознание услужливо подсказало, что тот чуть раньше извинился и ушел в туалет.

— Ты не мог бы смешать мне «отвертку», Пол? Пожалуйста, — попросила Николя.

Пол сомневался, что в таком состоянии он мог бы смешать воду со льдом, но сил отказаться не было. Пришлось подниматься на ноги и зигзагами двигаться в сторону кухни.

На смешивание коктейля ушла целая вечность, трудности поджидали на каждом шагу: нужно было найти стакан в незнакомых шкафчиках, отыскать водку, открыть банку сока. Фонарь светил прямо в окно, предметы отбрасывали странные тени, которые Пол вдумчиво рассматривал и изучал. Дольше всего он разглядывал собственный профиль, карикатурно вытянутый на фоне стены.

Матрац был пуст. Пол подумал о том, сколько времени прошло. Затем вздохнул и поставил бокал на столик, расплескав

жидкость широким кольцом. Он плохо ориентировался в пространстве и вдруг осознал, что сейчас один в чужой квартире. Внимание привлек луч света из коридора.

Но не из туалета, как он надеялся. Ему срочно требовалось отлить, но четкий треугольник света падал в коридор из комнаты, которая оказалась спальней Малколма. Квартира была не-большой, и только назначения этой комнаты Пол раньше не знал. В спальне они и оказались.

Пульс зачастил. Стараясь не шуметь, Пол открыл дверь.

Яркий свет заставил его на мгновение ослепнуть, а затем проступили силуэты. Николя и Малколм не видели его или просто не обращали на него внимания. Оба, как он и ожидал, были в кровати. Пол даже не удивился, почти не удивился, увидев Николя раздетой до кружевных черных трусиков. Ее крупные груди налились, алые соски торчали.

Но вот чего он точно не ожидал и что заставило его удивленно застыть, так это вид Малколма без штанов. Он лежал спокойно, ничем не прикрытый ниже пояса. Длинные худые ноги казались незавершенными.

Пол подумал было отвернуться и не смотреть, но взгляд зацепился за пальцы Николя, нежно поглаживающие пах Малколма. Крошечный пенис был почти незаметным, тонким и вялым, как у ребенка. Николя нежно касалась безволосой кожи рубца на том месте, где должна была быть мошонка.

— Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — сказал Малколм.

Он не двигался. Голос звучал приглушенно из-за подушки, которую он держал у лица, словно прятался от нее.

— И ты не жалеешь, что не можешь заняться сексом? — спросила Николя.

— Нельзя жалеть о том, чего никогда не хотел.

Николя улыбнулась и прижалась к нему, заскользила вдоль тела и тут заметила Пола, стоящего в дверях. Ее груди заколыхались над лицом Малколма.

— Тогда избавь меня от сожалений, — сказала она Малколму, глядя на Пола.

И подмигнула.

Пол резко отвернулся и ушел, не осознавая, что делает. Он двигался с уверенностью слепого, знающего квартиру как свои пять пальцев, дошел до матраса и рухнул на него. Взял коктейль, смешанный для Николя, и выпил, припомнив поговорку, которую слышал от американского приятеля в Сассексе: *Вино на пиво — в желудке диво. А пиво на вино — в голове говно.* Повторяя про себя эти слова, Пол прикончил бокал и пожалел, что выпивки так мало. Хотелось залить глаза.

Тени пальмовых листьев махали ему со стены, дразнили. Пол несколько минут таращился на часы, пока не сообразил, что они показывают начало четвертого. А он и не думал, что уже так поздно. Он надеялся, что Малколм и Николя скоро закончат. Потому что он уже спланировал свое утро: он позвонит агенту и уточнит стоимость билетов в оба конца. Закажет два билета до Найроби, сколько бы они ни стоили. Они увидят слонов и воинов кикуйю, живущих в колыбели человечества и неподвластных течению времени. Как только Николя выйдет из спальни Малколма, он расскажет ей о своем плане.

Она будет в шоке, он знал. И радовался.

МАКС БРУКС

ВЕЛИКАЯ СТЕНА: РАССКАЗ О ВОЙНЕ С ЗОМБИ

Это интервью было проведено автором в ходе исполнения должностных обязанностей на службе в Комиссии Объединенных Наций по сбору данных о послевоенном периоде. Выдержки из интервью уже появлялись в отчетах ОН, однако полный текст изъят из личной переписки Брукса и помечен кодом «Мировая война 3». Далее мы приводим рассказ человека, выжившего во время великого кризиса, который сейчас многие называют просто «Войной зомби».

ВЕЛИКАЯ СТЕНА: СЕКЦИЯ 3947-В, ШЭНЬСИ, КИТАЙ

Лю Хуафенг начала свою карьеру продавщицей в универмаге «Такашимая» в Тайюане, а сейчас владеет небольшим магазином неподалеку от места предыдущей работы. В эти выходные она исполняет свой долг офицера запаса. Ее экипировка — рация, ракетница, бинокль и дадао (современная версия древнего китайского меча). Лю Хуафенг патрулирует секцию, которая составляет пять километров Великой Стены, в компании лишь «ветра и воспоминаний».

«Эта секция, секция, которую я помогала строить, тянется от Юлиня до Шемну. Она была построена во времена правления династии Ся и состояла из слоев утрамбованного песка и земли, с обеих сторон укрепленного толстым слоем жженого глиняного кирпича. Эта секция никогда не мелькала на открытках для туристов. И не могла бы соперничать с участками времен империи Мин, каноническими каменными «хребтами дракона». Она была простой и функциональной и к началу реконструкции почти полностью исчезла.

Тысячи лет эрозии, грозы и опустынивание стали ее погребальным звоном. Влияние человеческого «прогресса» тоже внесло

свою лепту. Многие века местное население использовало эту часть стены, «добывая» здесь кирпич для своих строительных нужд. Со временные дороги также сыграли свою роль — целые секции, мешавшие «жизненно важному» наземному транспорту, просто сносили. И вот разрушения, начатые природой и «мирным развитием», за несколько месяцев закончили кризис, заражение и последовавшая за ним гражданская война. В некоторых местах остались только бугорки и спрессованная насыпь. В других не осталось вообще ничего.

Я не знала о планах нового правительства восстановить Великую Стену в качестве объекта национальной безопасности. Поначалу мне даже было неизвестно, что я стала частью этой программы. В те дни тут было слишком много разных людей. Местные диалекты звучали для меня как птичий щебет и были столь же понятны.

Я прибыла сюда ночью и, кроме факелов и света фар разбитых автомобилей, ничего не увидела. Я девять дней добиралась на место, очень устала и была напугана. Поначалу я даже не понимала, где оказалась, и радовалась уже тому, что бродившие вокруг тени оказались людьми. Не знаю, сколько я там простояла, пока меня не заметил кто-то из рабочей команды. Он подбежал ко мне и что-то оживленно зашебетал. Я попыталась объяснить ему, что не понимаю. Он разозлился, указал на то, что выглядело как стройка, тянувшаяся слева направо и уходящая далеко в темноту. Я снова покачала головой, показала на уши и пожалала плечами, как дурочка. Он сердито вздохнул и протянул ко мне руку. Я увидела, что он держит кирпич, и подумала, что он хочет меня ударить. Я попятилась. Но он сунул кирпич мне в руки, жестами показал на стройку и подтолкнул меня в спину.

Я оказалась на расстоянии вытянутой руки от другого рабочего, который тут же вырвал кирпич из моих рук. Этот мужчина был родом из Тайюаня, и я его понимала.

— Какого хрена ты ждешь? — закричал он на меня. — Нам нужно еще! Давай! Давай!

Так меня «наняли» на работу по восстановлению Великой Китайской стены.

[Лю Хуафенг показывает рукой на бетонный бортик.]

Поначалу все выглядело совсем не так. То, что вы видите сейчас, — это более поздние обновления по стандартам послевоенного времени. А тогда у нас не было таких материалов. Большая часть уцелевшей инфраструктуры оказалась по другую сторону стены.

— *По южную сторону?*

Да, раньше там было безопасно, по ту сторону Стены... Все стены, от династии Ся до династии Мин, были построены, чтобы защищать. Стена была границей между богатыми и бедными, между процветанием Юга и варварством Севера. Даже сейчас большая часть пахотных земель, фабрики, дороги, железнодорожные станции, взлетные полосы — почти все, что нам необходимо для выполнения грандиозной задачи, оказалось по ту сторону.

— *Я слышал, что во время эвакуации часть производственного оборудования была переправлена на север.*

Только то, что можно было унести с собой, и только то, что было в непосредственной близости от места стройки. Не дальше, скажем, двадцати километров от линии ведения боев. Мы не приближались к изолированным зонам на зараженной территории.

Самые ценные ресурсы мы добывали в ближайших городах, и это были строительные материалы, из которых города и состояли: дерево, металл, шлакобетон, кирпич. Довольно часто попадались кирпичи, когда-то извлеченные из старой стены и унесенные в город. Пиломатериалами нас снабжала Великая зеленая стена¹, но мы использовали и мебель, и брошенные машины. Даже песок под ногами мы смешивали с гравием для засыпки или плавил для стеклянных блоков.

— *Стеклянных?*

Больших, таких вот... [Она рисует в воздухе квадрат двадцати сантиметров в длину, высоту и ширину.] Идея принадлежала инженеру из Шицзячжуана. До войны он владел стекольной фабрикой и подумал, что если самыми доступными ресурсами являются уголь и песок, то почему бы не воспользоваться ими? Огромную плавильню устроили едва ли не за сутки, и в результате у нас появились тысячи больших кирпичей. Они были толстыми

¹ Великая зеленая стена: довоенный проект по высадке деревьев для защиты от опустынивания. (Примеч. пер.)

и тяжелыми, непробиваемыми для мягких кулаков зомби. «Сильнее плоти», — говорили мы тогда, и, к сожалению, острее плоти — иногда помощники плавильщика забывали стесать песком углы, прежде чем погрузить кирпичи для стройки.

[Лю Хуафенг снимает руку с рукояти меча. Пальцы остаются скрюченными, как когти. Глубокий белый шрам тянется через всю ладонь.]

Я не знала, что нужно оборачивать руки. Ладонь прорезало до кости, повредило нервы. Странно, что я не умерла от инфекции. Многие тогда умирали.

Это было жуткое, иступленное выживание. Мы знали, что с каждым днем южные орды подбираются все ближе и что каждая секунда промедления может обернуться катастрофой. Мы спали прямо там, где работали. Мы ели там же, мы испражнялись, не сходя с места. Дети — Ночные Песчаные Волчата — подбегали к нам с ведрами и ждали, когда мы закончим свое дело, или подбирали экскременты с земли. Мы работали, как звери, и жили, как звери. Во сне я видела тысячи лиц, рядом с которыми трудилась и которых не узнавала. У нас не было времени на знакомства и разговоры. Общались мы разве что с помощью жестов и хрюканья. Во сне я пыталась поговорить с теми, кто стоял рядом, узнать их имена и истории. Я слышала, что сны бывают только черно-белыми. Возможно, так оно и есть, возможно, другие цвета я увидела наяву, но я помню светлые кончики волос когда-то крашеной девушки и грязный розовый купальник на старике в порванной шелковой пижаме. Я вижу их лица каждую ночь — одни только лица погибших.

Погибли многие. Порой тот, кто работал рядом, опускался на землю, чтобы перевести дыхание, и больше уже не вставал. У нас было то, что можно с натяжкой назвать «скорой помощью», санитары и носильщики. Но они мало что могли сделать, разве что отнести пострадавших в медпункт. Да и то далеко не всегда. Я помню их страдания, и вина терзает меня каждый день.

— *Вина?*

Они садились или ложились у ног... а мы знали, что не можем прекратить работу, не можем позволить себе даже сострадания, нескольких теплых слов, чтобы подбодрить их до прибытия медиков. Мы знали, что они хотят лишь одного, того же, что и все мы —

воды. Вода ценилась в этой части провинции на вес золота, и почти весь ее запас мы расходовали на строительные растворы. Людям выдавали полчашки в день. Свою воду я носила в пластиковой бутылке на шее. Всем был отдан четкий приказ не делиться рационом с больными и ранеными. Наша работоспособность была важнее. Я понимала, что это логично, но видеть чье-то изломанное тело между щебенкой и инструментами, знать, что этот кто-то молит небо о единственной милости — глотке воды...

Каждый раз, утоляя жажду, я вспоминаю о них и чувствую вину. Особенно за то, что, когда пришло мое время умирать, я совершенно случайно оказалась неподалеку от медпункта. В тот день я была частью живого конвейера, передававшего стекло. Я работала у стены меньше двух месяцев, была истощена, меня лихорадило, и весила я меньше кирпичей, которые мы передавали из рук в руки. Потянувшись за очередным кирпичом, я споткнулась и упала лицом вперед, выбила передние зубы и почувствовала во рту вкус крови. Тогда я закрыла глаза и подумала: *«Настал мой час»*. Я была готова. Я хотела, чтобы это закончилось. И не случись санитаров поблизости, мое желание могло бы исполниться.

Три дня я не находила себе места от стыда: я отдыхала, мылась, пила, сколько хотела, в то время как другие умирали у стены. Врачи сказали, что я должна остаться в медпункте на несколько дней — это был минимум, за который мое тело могло восстановить свои силы. И я бы подчинилась, если бы не услышала крик санитара у входа в пещеру.

— Красная вспышка! КРАСНАЯ ВСПЫШКА!

Зеленый сигнал означал активное нападение, красный — превосходящую численность. Раньше красные сигналы были редкостью. Я видела только один, и он был далеко, на северной границе с Шемну. Но в последнее время их подавали как минимум раз в неделю. Я выбежала из пещеры, помчалась назад к своей секции и добралась до нее как раз в тот миг, когда первые гнилые руки и головы показались над краем незаконченного участка.

[Мы останавливаемся. Лю Хуафенг смотрит вниз, на камни под нашими ногами.]

Это было здесь, именно здесь. Они поднимались по телам гниющих собратьев. Рабочие защищались всем, что попадало им

под руку, хватали инструменты и кирпичи, порой били даже голыми руками и ногами. Я схватила трамбовку, которой мы спрессовывали грунт. Это был очень большой и неудобный инструмент, метровый прут с горизонтальными ручками на одном конце и большим цилиндрическим камнем на другой. Трамбовкой пользовались только самые сильные и крупные мужчины, остальные не могли с ней справиться. Не знаю, как мне удалось поднимать ее снова и снова, целиться и опускать на головы и лица зомби, ползущих на стену...

Военные должны были защищать нас от набегов, но к тому времени солдат почти не осталось.

[Лю Хуафенг подводит меня к зубчатому краю и показывает на что-то примерно в километре от нас.]

Там.

[Вдалеке я вижу лишь каменный обелиск на земляном холме.]

Под этим холмом остался один из последних рабочих танков нашего гарнизона. У него закончилось топливо, экипаж оказался в ловушке. Поначалу они отстреливались, затем закончились патроны, и экипаж заварил люки изнутри. Они держались еще долго, после того как закончилась еда и запас воды. «Боритесь! — кричали они нам по радию, — заканчивайте стену! Защитите наш народ! Заканчивайте стену!!!» Последний из них, семнадцатилетний водитель, прожил тридцать один день. К тому времени танк был не виден под горой зомби. Все они разбрелись, как только мальчик испустил последний вздох.

А мы уже почти закончили нашу секцию Великой Стены, но одиночные нападения тоже закончились, пошел непрерывный поток набегов неисчислимых орд. Если бы мы с самого начала столкнулись с такими ордами, если бы герои южных городов не выкупили кровью наше время...

Новое правительство знало, что нужно отстраниться от правительства свергнутого. Что уцелевшим необходима законность, и единственный способ добиться порядка — сказать нам правду. Изолированные зоны не превратили в «приманку», как в большинстве других стран. Нас просили остаться позади, чтобы другие могли эвакуироваться. Это был вопрос личного выбора, и каждый гражданин решал сам за себя. А за меня решила моя мать.

Мы прятались тогда на втором этаже пятикомнатного особняка, в одном из самых дорогих когда-то пригородных поселков. Мой младший брат умирал — его укусили, когда отец отправил его на поиски еды. Отец сидел рядом с ним, раскачивался взад-вперед и каждые пять минут кричал нам: «Ему становится лучше! Вот, потрогайте его лоб. Он выздоравливает!» Поезда с беженцами проходили у самого нашего дома. Делегаты Гражданской обороны стучали в каждую дверь и спрашивали, кто уходит, а кто остается. Мама уже собрала небольшой узелок с моими вещами: одежда, еда, пара добротных ботинок и отцовский пистолет с тремя оставшимися пулями. Она заплела мне волосы перед зеркалом, как часто делала в детстве. Велела перестать плакать, сказала, что вскоре они присоединятся ко мне на севере. На ее лице была застывшая, безжизненная улыбка, которую она позволяла увидеть лишь отцу и ближайшим друзьям. А теперь доверилась мне, и я послушно спустилась по разбитой лестнице.

[Лю замолкает, переводит дыхание и кладет искалеченную руку на камень.]

Три месяца — вот срок, который понадобился нам на восстановление всей Великой Стены — от Чжу Циюбя в западных горах до головы Великого Дракона у Шаньхайгуань. Ее ни разу не пробили, ни разу не преодолели. Она дала нам возможность вздохнуть, объединить население, построить экономику военного времени. Мы были последней страной, присоединившейся к плану Редекера. Это произошло на конференции в Гонолулу. Столько времени, столько жизней потрачено впустую! Если бы не рухнула ГЭС «Три ущелья», если бы не обрушились остальные стены, пришлось бы нам восстанавливать эту? Кто знает. Это памятники нашей недалекости, нашей заносчивости, нашего позора.

Говорят, при постройке изначальной стены погибло столько рабочих, что каждая ее миля отмечена человеческой смертью. Не знаю, так ли это было в прошлом...

[Лю Хуафенг гладит камень искалеченной рукой.]

Но сейчас это правда».

ГЭРИ БРЭНДНЕР

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА

Гамильтон Бакстер сидел за столиком со свежими экземплярами «Зла в действии». Это была его последняя книга, в отличной суперобложке и с правильно написанным именем. Десяток молодых людей встали в очередь за автографом. Не толпа почитателей Стивена Кинга, конечно, но все же лучше, чем ничего.

Длинное худое лицо Бакстера складывалось в гримасу, которую он считал искренней улыбкой. Ему протягивали книги, он тщательно выводил подпись, иногда по просьбе читателя добавляя бессмысленное посвящение. Бакстер знал, что большая часть этих детей заканчивает курс лингвистики и надеется однажды увидеть свое имя на обложке. Они терпеливо слушали отрывки, которые он зачитывал. Бакстер ненавидел такие чтения, но понимал, что без них не обойтись. И к концу дня один из этих засранцев может решиться и выложить двадцать четыре бакса за его новый роман.

Когда начинали задавать вопросы, среди блеянья, лести и банальностей Бакстер терпеливо ждал, когда прозвучит неизбежное «Откуда вы берете свои идеи?» Другие писатели, *настоящие* писатели, стонали, когда слышали это, а вот Бакстер наслаждался. Этот вопрос давал ему возможность произносить бессмысленные слоганы, избитые шаблоны, которыми писатели сыпали со времен... ну, наверное, Плутарха. Вся эта чушь о том, что нужно использовать собственный опыт, писать то, к чему тянется душа, отличать слово истинное от простой мысли. Пустые слова, но поклонники их лопали и нахваливали. Однако сегодня, открыв рот для навешивания очередной порции лапши на уши почитателей, Бакстер удивился ничуть не меньше их, выпалив нечто особое.

— Откуда я беру свои идеи? Я их краду.

На миг в зале повисла такая тишина, что можно было слышать, как работает новомодная касса без звонка. Затем пара молодых людей захохотала, решив, что автор-середнячок изволил пошутить. А вскоре к ним присоединился и сам Бакстер, наде-

ясь на то, что его смех не кажется чересчур фальшивым. Потому что он только что сказал аудитории правду. Он был вором.

Учась на первых курсах одного из колледжей Калифорнии, Гамильтон Бакстер обнаружил, что может взять несколько работ разных авторов, изменить некоторые слова, перестроить предложения и параграфы, а результат подать как собственную работу и получить за нее отличную оценку. Со временем это умение совершенствовалось. Бакстер без проблем окончил колледж со степенью по английскому языку, и при этом не написал ни одного оригинального произведения.

На выпускном Бакстер понял, что с его специализацией выбор профессии весьма ограничен. Он делал ставку на свой единственный талант и искал способ зарабатывать им на жизнь. Довольно скоро Бакстер понял, что работать нужно с художественной литературой. В мире миллионы историй и множество давно забытых книг, которые только и ждут, когда он обратит на них внимание. Он был осторожен и никогда не использовал работы тех, кто был хоть немного известен публике. Бакстер охотился за томами на дальних полках букинистических магазинов и ворошил стопки непрочитанных работ в библиотеках. Он избегал искать источники в Интернете, потому что у дотошных сетевых зануд было множество способов поймать его за руку.

Пятнадцать лет Бакстер вел комфортное, если не роскошное, существование, пользуясь чужими словами. Он постоянно держался в середине списка издающихся авторов, ни разу не попал в списки бестселлеров, не получал премий и рекламировал свои книги редко, от случая к случаю, играя роль Автора для небольшой аудитории вроде этой.

Нечаянно вырвавшаяся правда встряхнула его сильнее, чем почитателей его таланта. Бакстер извинился и отбыл якобы на встречу с издателем. Ничего подобного в его планах на день не значилось, но он чувствовал, что должен уйти раньше, чем выболтает очередной отвратительный факт.

Час спустя Бакстер жадно дышал библиотечным воздухом, словно пловец, поднявшийся к поверхности из невозможных глубин. Запах страниц, переплетов и самих слов придавал ему силы.

Здание было новым и светлым, но теплый затхлый запах библиотеки был стар, как сама литература. Библиотекарь, любезная женщина средних лет, приветствовала его улыбкой.

— Сегодня вы позже обычного, мистер Бакстер. Надеюсь, ничего не случилось?

— Никаких проблем, Клэр. Пришлось сделать паузу и продать несколько книг. Проклятье художника.

Она добросовестно рассмеялась, а Бакстер направился к одной из небольших кабинок в конце зала. И с радостью отметил, что его любимое место не занято. Он уложил свой потертый брифкейс на стол между разделителями и зашагал обратно к полкам. Сегодня ему нужно начать новую книгу, поэтому стоит для вдохновения просмотреть старые материалы.

Бакстер взял подшивку давно не издающихся дешевых журналов. Лексика там была рудиментарная, но порой эти писатели по-пенни-за-слово рождали неплохие идеи. Затем том биографий двадцатого века, чтобы списать прошлое персонажей. Пьесы двадцатых и тридцатых годов придадут сочности диалогам. Антология претенциозных выдумок литературных обозревателей придаст работе нужный класс.

С охапкой вполне удобоваримой литературы Бакстер вернулся в свою кабинку и приготовился *красть*. Открыл первую книгу и тут же отпрянул, вскрикнув от боли. Новая бумага резала не хуже ножа. Правый указательный палец, на рабочей руке, черт! Бакстер пососал порез, подул на него, выругался, когда капля крови упала на новую рубашку.

И быстро оглянулся, проверяя, не потревожил ли других посетителей. Не то чтобы его волновало их спокойствие, но положение обязывало не привлекать внимания. К счастью, никто не смотрел в его сторону. Бакстер поднял книгу, чтобы взглянуть на порезавшую его страницу. И удивленно нахмурился. Бумага была старой, мягкой и рыхлой. Совершенно неясно, что стало причиной пореза. Ранка была довольно глубокой и пульсировала в такт биению сердца.

Левой рукой Бакстер открыл другую книгу. Раздался странный хрюкающий звук, и тяжелая обложка закрылась, с невероятной силой ударив его по пальцам.

— Ох, проклятье!

Бакстер попытался вытащить руку, но книга держала крепко. Пришлось зажать ее под мышкой и потянуть изо всех сил. Рука освободилась, а книга громко хлопнула страницами. Бакстер взглянул на разбитые костяшки и оглянулся. Никто из посетителей не обращал внимания на его возню. Либо эти идиоты оглохли, либо с головой ушли в свое дурацкое чтение, либо просто игнорируют его. Бакстер почему-то разозлился на то, что эти люди не обращают на него внимания.

Ну и ладно, и черт с ними.

Бакстер очень осторожно открыл следующую книгу. И облегченно вздохнул, поскольку на этот раз книга не попыталась порезать его мягкой бумагой или схватить за пальцы бульдожьей хваткой обложки. Это была самая обычная, привычная книга. Немного расслабившись, Бакстер взглянул на титульный лист. Буквы расплывались, словно покрытые толстым слоем вазелина. Он автоматически коснулся виска, проверяя, не забыл ли надеть очки. Не забыл. Бакстер снял очки, подышал на линзы, тщательно протер их чистым носовым платком. Затем надел и снова посмотрел на страницу. Буквы стали четкими. Полужирный крупный шрифт гласил:

Ояыщзлшт оыкулл зщлтоотыв

ыц

долрщвыы зтт ышоуьвщо

— Да что же это происходит?

Бакстер понял, что говорит вслух, но ему уже было плевать на все, как и всем остальным в этой библиотеке. Он что, взял книгу с полки иностранных языков? Нет, такой набор букв не имел бы смысла ни на одном языке. Бакстер пролистал еще несколько страниц. Совершенно случайный набор букв, иногда длиной в слово, иногда цельными блоками на всю страницу. Это было бессмысленно. Безумно.

Он отшвырнул от себя книгу, словно неизвестную ядовитую тварь. Открыл следующую. Та же бессмысленная абракадабра. Все принесенные книги содержали только ее. Бакстер откинул-

ся на спинку пластикового стула, чувствуя, как пот катится по спине и пропитывает рубашку под мышками. Он ведь тщательно подбирал книги, сверял даты издания, листал страницы. В них все было как обычно. На бумаге Бакстер видел настоящие слова, которые складывались в осмысленные предложения и абзацы. А теперь получилась чепуха.

Бакстер закрыл глаза и заставил себя несколько раз глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, как часто делал раньше, чтобы расслабиться и отдохнуть от плагиата. Когда он снова взглянул на страницы, там был все тот же бессмысленный шифр.

Он выскочил из кабинки и бросился к полкам. Вытаскивая книгу за книгой, Бакстер пролистывал их и бросал на пол. *«Ни одной нормальной книги. Я схожу с ума? Или стал жертвой чьей-то шутки?»*

Что-то ударило его сзади. Бакстер обернулся и врезался плечом в противоположную полку. Но ведь когда он входил в этот ряд, проход был широким! С железным лязгом и стоном тяжелые полки шкафа начали крениться на него. Бакстер в ужасе представил, как на него падает шкаф, распластывая его тело и выдавливая внутренности между книг.

Бакстер едва успел проскочить между полками, которые сомкнулись за ним. В светлой и просторной библиотеке вдруг стало темнеть, тени надвигались со всех сторон. Пастельные стены превратились в серый камень, потолок терялся в непроглядной тьме. Люди в кабинках и за столиками все так же склонялись над книгами, молчаливые и неподвижные, как статуи. Бакстер двинулся к столику библиотекаря.

При виде седеющей головы Клэр его затопило облегчение. Здесь все было как прежде. В библиотеке явно неладно, но Клэр оставалась надежным якорем реальности. Бакстер прокашлялся, пытаясь прочистить горло.

Клэр подняла голову. Ее лицо осталось прежним, но выражение ничем не напоминало приветливую улыбку, встретившую его несколько минут назад. И что-то было не так с ее глазами. Очень, очень не так. Густые брови сложились перевернутой «Л». Рот растягивался в улыбке. Растягивался. Растягивался... пока не превратился в жуткий полукруг буквально от уха до уха. Поло-

манные коричневые зубы торчали из прогнивших челюстей... Бакстер споткнулся и попятился, разевая рот.

Из пасти библиотекаря раздалось хриплое карканье. Звуки ничем не походили на речь, но интонация была вопросительной, словно она предлагала или спрашивала что-то. Клэр протянула когтистую лапу к его лицу.

Наплевав на попытки собраться, Бакстер отпрыгнул и ринулся к двери. Сквозь стекло он видел, как снаружи светит солнце, зеленеет трава, катятся машины и совершенно нормальные люди шагают по своим делам. Голуби подбирали остатки попкорна из брошенного пакета. Мальчишка счастливо носился по газону, играя с черно-белой собакой. Бакстер пытался сохранять спокойствие. Вот сейчас он выйдет и окажется в знакомой реальности, где все будет хорошо.

Он обеими руками ударил по двери и отскочил назад. Брусок ручки остался на месте, дверь не шелохнулась. Бакстер попытался снова, с тем же результатом. Всхлипнув, он заколотил по стеклу кулаками, разбивая руки в кровь. Бакстер бился в дверь изо всех сил, пинал ее, но от мягких кроссовок толку было мало.

Заплавав, Бакстер бросился на стекло. И отскочил, заливая рубашку кровью из разбитого носа. Собрался для нового рывка... И тут тяжелая рука в синем загородила ему путь. Рука крепилась к мощному плечу, дальше шла затянутаая формой грудь охранника. Это был очень высокий мужчина с широким чистым лицом. В сегодняшнем кошмаре незнакомец показался Бакстеру спасителем.

От паники перехватило горло, и Бакстер попытался жестами изобразить, что он испуган и что ему срочно нужно выйти из кошмарной библиотеки в привычный светлый мир.

Ему казалось, что он нашел союзника. Охранник смотрел на него с явным сочувствием. А затем начал улыбаться. И снова, как у Клэр, улыбка расползалась все шире и шире, пока уголки рта не оттянулись к ушам. Показались зубы, на этот раз длинные и острые, совершенно нечеловеческие. Жуткая пасть распахнулась, и раздалась серия рыков и хрипов.

Бакстер отдернул руку и побежал назад, мимо жуткой Клэр, по-прежнему скалившейся, мимо статуй других посетителей, мимо

убийственных полок с бессмыслицей — к своей кабинке. Там остался брифкейс и четыре книги, с которых начался весь этот ужас.

В брифкейсе был телефон. Бакстер вытащил его, раскрыл, включил. Знакомых звуков загрузки Бакстер почти не слышал. Он уставился на логотип.

womzilj

Это явно не название компании-производителя. И не слово на любом из известных Бакстеру языков. И он не удивился, увидев, что список контактов превратился в такую же тарабарщину. Бакстер попал в мир, где не было слов. Сжав маленький телефончик одной рукой, он порезанным пальцем набрал знакомый номер — 911. И тут же услышал электронные гудки. Щелчок, женский голос ответил...

Что он ответил? Бакстер слышал только щелчки и непонятный набор звуков. Отшвырнув телефон, он обернулся к темной библиотеке. Окаменевшие фигуры начали двигаться. Словно в замедленной съемке они поднимались со своих мест и поворачивались к нему. Бакстер открыл рот, чтобы закричать, чтобы попросить о помощи, найти отклик хоть в одной живой душе. Но тут он увидел их лица. Господи, что за лица!

Звуки, слетавшие с его губ, были похожи на лепет недоразвитого ребенка. Он, Гамильтон Бакстер, так любивший повторять «Слова — мое ремесло», не мог издать ни одного внятного слога. Он рухнул на пластиковый стул и стукнулся головой о столешницу. Сзади приближались шаги и голоса. Бакстер закричал, как ребенок, и мир взорвался.

Двое мужчин в белой униформе несли по библиотечной лестнице накрытые простыней носилки. Тот, кто пониже, шел впереди. Он обратился к напарнику:

— А док сказал, отчего он умер?

— Кто его знает. Иногда люди просто выключаются.

— Похоже, это какой-то писатель. Сидел, обложившись книгами. Наверное, он умер счастливым.

Рэй Гартон

МЕЖДУ ВОСЕМЬЮ И ДЕВЯТЬЮ ЧАСАМИ

В тот вечер, когда его жену должны были убить, Эрик Волкер вошел в английский паб «Лиса и гончая» и улыбнулся народу. Паб, уютное местечко на северной окраине маленького городка Нью-бери, в горах Калифорнии, был украшен к Рождеству и переполнен даже в ночь вторника. «Лиса и гончая» относилась к тому типу заведений, которое обзаводится множеством постоянных клиентов, любителей приходить не только за кружкой пива, но и просто посидеть, поговорить и отдохнуть. Сюда заглядывали после работы, чтобы послушать музыку и потанцевать, сыграть с друзьями или даже с незнакомцами в дартс, пул или воздушный хоккей или поучаствовать в самом веселом и пьяном развлечении — караоке. Сюда приходили, чтобы увидеться с друзьями, отвлечься от дома и телевизора, посмеяться, закусить «взрывным лучком» Мэгги свою вечернюю пинту пива. Сюда приходили потому, что владельцы, Мэгги и Денни Джолли, всегда были рады гостям. Они создали просторное, уютное, хорошо освещенное место, где всегда было полно народу и звучал дружелюбный смех. В общем, это был самый подходящий вариант, чтобы отвлечься от мыслей о том, что твою жену скоро убьют.

«Постарайтесь, чтобы во вторник вечером вас увидело и запомнило как можно больше людей, — так сказал наемник. — Я сделаю свое дело между восемью и девятью часами. Найдите место, где вы будете на виду с шести до десяти. Нужно заполучить как можно больше свидетелей. И хороший запас времени».

Эрик глубоко вздохнул и двинулся к стойке. Он видел знакомые лица и улыбался, кому-то махал рукой, с кем-то останавливался поболтать на пути к бару.

В глубине бара, на небольшой деревянной платформе местный джазовый квартет «Джаз Сокет» играл попури из рождественских песен. В углу поставили огромную елку, украсив ее

гирляндами в черно-красных тонах. Повсюду виднелись венки и мишура, перемигивались огоньки гирлянд под потолком и на стенах бара.

— Эрик, дорогой! — окликнула его Мэгги. — А где же Альма?

— Осталась сегодня дома, и я решил прийти один.

Он подтянул к себе стул и бросил на спинку длинное черное кашемировое пальто, подарок Альмы на... какое-то там Рождество. И склонился вперед, опираясь на стойку руками.

— Все в порядке? — спросила Мэгги, приближаясь к нему, чтобы не перекидывать шум.

Эрик снова глубоко вздохнул, пожал плечами и выдохнул.

— Как обычно. Ну, ты знаешь. Ничего не меняется.

Мэгги было уже за шестьдесят. У нее были короткие кудрявые огненные волосы. Косметикой она не пользовалась. Ее бледное лицо с коричневыми мешками под глазами, словно сделанное из теста, казалось, съехало куда-то вниз. Они с Денни были запойными пьяницами, что не добавляло красоты.

— Я все еще думаю, что дело в общении, — сказала Мэгги, накрывая ладонью его руку. Из рта у нее пахло вином. Денни предпочитал более крепкие напитки, Мэгги же признавала только вино и заявляла, что это особенность ее родины — долины Напа. — Вам двоим нужно *поговорить*. Вот и все.

Эрик медленно покачал головой.

— Мы много раз обсуждали это, рассматривали со всех точек зрения, но факт остается фактом. Альма больше не любит меня. Но не хочет этого признавать, вот в чем беда.

— А как насчет тебя? — спросила Мэгги. — Ты ее любишь?

Несколько долгих секунд Эрик молчал, избегая ее взгляда. Потом пожал плечами.

— Как обычно, пожалуйста.

Она отошла и вскоре вернулась с пинтой «Гиннеса». Кружка звякнула о стойку.

— Я хочу, чтобы вы оба пришли сюда на рождественскую вечеринку, хорошо? — сказала Мэгги. — Ну пожалуйста. Придете?

Эрик выудил несколько купюр из правого кармана, взял пятерку и положил рядом с кружкой — за пиво. Остальное сунул обратно в карман, позвякивая мелочью.

— Когда состоится вечеринка?

— Как обычно, Эрик. В сочельник.

Он нахмурился и сделал еще несколько глотков. А затем грохнул кружкой о стойку и вытер салфеткой пену со рта.

— Но у нас были планы на этот вечер...

— Милый, у всех и всегда в сочельник свои планы. Я просто хочу, чтобы вы заглянули выпить пару стаканчиков. Мы пригласили *крутую* группу из Реддинга. Луиджи Дели поставщик продуктов, так что еда будет просто обалденная. Просто загляните на огонек, о'кей? Вдвоем.

Эрик улыбнулся.

— Такого мы не пропустим.

— Ох, — сказала Мэгги, наклонившись над стойкой и вlepив ему в щеку слюнявый поцелуй. — Это так мило. Ох, еще увидимся.

И она отошла, чтобы принять заказ у другого клиента, затем у третьего. С каждым Мэгги заводила такой же разговор, который выветривался из ее пропитого мозга уже через несколько минут. Позже она подойдет к нему еще раз, задаст те же вопросы, даст те же советы и не будет помнить, о чем они говорили пару часов назад.

Эрик сделал еще несколько глотков и заметил, что пиво почти закончилось.

«Притормози, — сказал он себе. — Тебе еще долго тут торчать».

Он посмотрел на часы. Пятнадцать минут седьмого. Еще слишком рано. Вечер только начался.

«А силы, — подумал Эрик, — уже закончились».

Первая встреча с убийцей состоялась в воскресенье, на Ньюбурри-Аристан-маркет — на блошином рынке под открытым небом, с рядами, усыпанными соломой. По выходным Эрик усаживался в своем киоске и раскладывал под стеклом коллекцию первых изданий Корнелла Вулрича, Дэвида Гуди, Джима Томпсона, Дэна Марлоу и Дороти Б. Хьюдж, а также множества других авторов. Некоторые книги были с автографами. Продажи уцененных покетбуков, пусть и в хорошем состоянии — в ассор-

тименте были Джеймс Паттерсон и Стивен Кинг, Элмор Леонард и Джон Стэнфорд, оба Келлермана, Тони Хиллерман, Карли Хисаан и многие другие — едва покрывали стоимость аренды киоска. Когда-то у Эрика был небольшой магазин в Ньюберри-молл, но он просуществовал недолго. Книги всегда привлекали людей, но цены на редкие коллекционные издания тут же отпугивали потенциальных покупателей. Не было ни вопросов, *почему* эти книги так дороги, ни любопытства по поводу издания, ни интереса к авторам, которых они никогда не читали. Ничего. Эрику это надоело, и через семь недель он закрыл свой магазин, радуясь тому, что избавился от хлопот. Альма тоже радовалась. О, она была так счастлива, что закатила с друзьями вечеринку по этому поводу. Не первая гадость с ее стороны, но одна из самых подлых. Она стыдилась магазина, потому что стыдилась книг, которые он так любил.

— Уже по обложкам видно, что это *мусор!* — не раз заявляла Альма.

Теперь Эрик вел бизнес в Интернете и зарабатывал вполне неплохо, к тому же мог общаться с теми, кто тоже любил книги, разделял его интересы и занимался торговлей.

Такими, как Крутая девчонка. В последнее время его мысли часто возвращались к ней. В конце концов, она и была причиной того, на что он решился.

Эрик не знал, как будет выглядеть Иуда, зато Иуда, как выяснилось, знал его. В то воскресное утро Эрик прогуливался по рынку, останавливаясь у каждого столика, какая бы дрянь там ни валялась, и оглядывался по сторонам. В основном оглядываясь по сторонам. И вот после одной из таких остановок рядом с ним возник мужчина и посмотрел ему в глаза. Он был немного ниже Эрика (в котором было метр девяносто), тощий, но с пивным брюшком, которое ничем нельзя было скрыть. Иуда был одет в шляпу с широкими полями, длинное серое пальто и черные брюки, из-под которых выглядывали блестящие ботинки. А еще на нем были очки в серебристой оправе с затененными линзами, так что невозможно было определить цвет его глаз. Лицо было овальное, нос — прямой, с толстым раздвоенным кончиком. В руках, затянутых в кожаные перчатки, Иуда держал

длинную тонкую сигару, запах которой напомнил Эрику о дорожных работах.

— Привет, Эрик, — сказал он.

Эрик тут же узнал этот голос. Он был глубоким, но странно шипящим, словно наждачная бумага терлась о камень. Что-то когда-то случилось с горлом Иуды — так показалось Эрику, когда они договаривались о встрече по телефону. Он размышлял о том, какая же травма может привести к подобным изменениям голоса — и воображал себе разные варианты, один драматичнее другого.

— П-привет, — сказал Эрик.

— Я Иуда. Давай пройдемся вдоль рядов не торопясь и посмотрим товары.

Так они и сделали. И довольно долго шагали молча, потому что Эрик ждал, когда заговорит Иуда, а Иуда ждал того же от него.

— Как вы меня узнали? — спросил наконец Эрик.

Иуда прочистил горло.

— Когда я вам перезванивал, мне уже было известно, кто вы, где вы живете, как выглядите и чем зарабатываете на жизнь, какую школу окончили и заказывали ли кого-то еще, прежде чем обратились ко мне. Это мой бизнес, знаете ли. Я не веду его с кем попало. Как некоторые. Им все равно. Но мне — нет. Мне не все равно. Я не имею дел с психами и идиотами. Поэтому для начала я проверил, не относитесь ли вы к данному типу и нет ли у вас других изъянов человеческой природы. Если бы я не хотел иметь с вами дела, вы бы ни слова от меня не услышали и никогда бы меня не нашли. Но, как вы смогли заметить, теперь все в порядке, верно? — Иуда улыбнулся.

— Это ваше настоящее имя? Иуда?

Иуда остановился и начал внимательно разглядывать картину, цветную абстракцию. Он даже принялся к холсту, прежде чем ответить.

— Вы ведь не собираетесь писать обо мне книгу, верно?

Эрик захихикал.

— Нет, сэр. Мне просто любопытно. Я ничего не собираюсь выведывать. Можете просто сказать, чтобы я заткнулся.

— Заткнитесь.

— О'кей.

Иуда начал расспрашивать об Альме, о ее привычках, о режиме дня. Эрик отвечал без промедления.

— Ладно, слушайте. Вы это умеете? Просто слушать?

— Да.

— Вот как это произойдет. Я появлюсь где-то между восемью и девятью часами вечера, во вторник. На следующей неделе, то есть послезавтра. Я не называю точного времени, потому что в моей профессии подобная точность невозможна. Никогда нельзя планировать появление с точностью до минуты. Итак, примерно в это время я появлюсь и сделаю свое дело. А теперь скажите мне: есть ли возможность, сколь угодно малая, что в это время в доме окажется кто-то еще?

— Ну, честно говоря, да, — кивнул Эрик.

Они говорили так тихо, что почти не слышали друг друга за звуком своих шагов.

— И кто же это может быть? — спросил Иуда.

— Сестра моей жены, Марианн.

Иуда вздохнул куда громче, чем говорил.

— И вы *только сейчас* говорите об этом!

— Эй, ну в самом деле, это же не проблема. Ну и что, что она придет? Бога ради, можете и ее у...

Иуда громко закашлялся, заглушая его слова. А когда успокоился, подался вперед и прошептал Эрику на ухо:

— Никогда не произносите этого слова вслух. Я знаю, о чем идет речь. Не нужно этого говорить.

Эрик понял, что слегка дрожит, испугавшись громкого приступа кашля.

— Ладно, — сказал он. — Не буду.

Эрик не думал о своей невестке Марианн. Они плохо ладили, но дело было не в этом. А в том, что если избавиться от Марианн, то никто уже не оспорит наследства, которое достанется ему от Альмы.

— Итак, вы хотите сказать, что в здании будут *две* проблемы?

— Именно. Хотя до сих пор я об этом как-то не думал. Но я рад, что вы подняли эту тему.

Иуда раздраженно покачал головой.

— Да, я тоже. Итак, вы хотите сказать, что я должен решить *обе* ваши проблемы. Об этом мы с вами не договаривались.

— Простите, что я не сказал этого раньше, просто до сих пор я действительно не задумывался об этом. Сестра моей жены большую часть времени проводит у нас дома.

— Вы заплатили мне за решение только *одной* проблемы, Эрик.

— Я с удовольствием заплачу и за решение второй. Если она там окажется. Но это пока неизвестно. Я понятия не имею, когда явится Марианн, она как свидетели Иеговы, как чума, ее невозможно предугадать. Но если она придет, они вдвоем сядут у бара и начнут, как всегда, обсуждать меня, унижать, высмеивать. Знаете, было время, к счастью, недолгое, когда я думал сделать предложение *Марианн*. А теперь жалею, что не сбежал подальше от всей этой семейки. Клянусь вам, Иуда, они безумнее сортирных крыс.

— Вы зря считаете, что мне это интересно.

— О да. — Эрик прокашлялся. — Простите.

— Где будете вы?

— Что?

— Постарайтесь, чтобы во вторник вечером вас увидело и запомнило как можно больше людей. — Так сказал наемник. — Я сделаю свое дело между восемью и девятью часами. Найдите место, где вы будете на виду с шести до десяти. Нужно заполучить как можно больше свидетелей. И хороший запас времени. Это понятно?

— Да. Мне понадобятся свидетели, люди, которые меня запомнят.

— Правильно. И где же вы их найдете?

— Есть один паб, в который я регулярно хожу. Иногда моя жена ходит за мной, но это бывает редко. Там меня многие знают. Не будет ничего странного в том, что я приду и просижу в этом пабе несколько часов, сыграю во что-нибудь, ну, знаете, в пул, дартс и...

— Вы хотите отправиться в помещение, где собирается толпа алкоголиков?

— Это не такое место и совсем не такие люди. Большинство из них, знаете ли, женаты, дома их ждут дети. И я не припоминаю,

чтобы там хоть раз кто-то напился до свинского состояния. На самом деле это идеальное место. Я буду по уши в свидетелях.

Они поговорили еще, обсудив каждую деталь, каждую вероятность.

— Учет случайностей, — сказал Иуда. — Кто не учитывает случайностей? Неудачник.

И они на всякий случай составили несколько запасных планов.

За это время они дважды медленно обошли рынок, разговаривая как можно тише.

И так же медленно вышли на парковку. Был холодный серый день. На земле еще белели остатки первого в этом году снегопада, но темные тучи на небе уже грозили дождем. Дыхание вилось облачками пара.

— Что ж, Эрик, пора разделиться.

Иуда остановился и повернулся к Эрику. Сдвинул шляпу на затылок, открывая лицо. Его подбородок зарос клочковатой щетиной. Иуда поднял темные очки на лоб и подмигнул Эрику покрасневшим серым глазом. Под глазами у него были мешки, он явно долгое время не высыпался.

— Я начал называть себя Иудой в четырнадцать лет, когда узнал, какую огромную услугу этот парень оказал Иисусу. Я ненавижу свое настоящее имя, зато мне сразу понравилось, как звучит имя Иуда, которое я услышал в воскресной школе. Мать была в ужасе, она сказала, что этот человек виноват в смерти Иисуса. Но я сам прочитал о нем. И рассудил иначе. Иисус *должен был* умереть. Если бы он не умер, христианство не пошло бы дальше пары окрестных кварталов, понимаете? Что, если бы Иисус продолжал жить, стал старым и толстым, женился бы? Нет, религия, основанная вокруг *такого* парня, никогда не стала бы популярной. Иуда сотворил христианство. Как по мне, он замечательный парень, из тех, кто сам творит историю. Вот так я и начал называть себя Иудой. — Он расплылся в улыбке, усталые глаза на миг засияли. — А еще я люблю это имя за то, что оно злило мою мамашу.

Очки вернулись на место, шляпу он тоже надвинул на глаза.

— Мы больше не увидимся, Эрик. Если возникнет вторая проблема, мы договоримся о дополнительном платеже. Если нет, дело сделано. Приятно было пообщаться. Да, и еще одно. Не со-

ветую вам обнаружить это первым. Там будет много крови. И не только крови.

С этими словами Иуда развернулся и зашагал вправо, вдоль рядов.

Эрик заторопился к машине, ему хотелось согреться. Он сел за руль своей «хонды цивик», завел мотор и включил обогреватель. Автоматика сработала быстро и за несколько минут превратила салон в тропики. Но Эрик все равно чувствовал себя продрогшим до костей. Его трясло, и с каждой минутой все сильнее. Зубы стучали со скоростью пулемета.

Обогреватель работал... но Эрик не согревался.

Он сидел за рулем и чувствовал, как тело содрогается в спазмах. Только начав задыхаться, Эрик сообразил, что у него приступ паники.

Несколько минут назад он договорился об убийстве своей жены, и у него приступ паники.

Неуклюже дотянувшись до отделения для перчаток, Эрик вытащил бутылочку «Ксанакса». Схватил ее, вытряхнул на ладонь две овальные таблетки и сунул их в рот. Между сиденьями еще оставался стакан с диетической колой «Доктор Пеппер». Газировка выдохлась и нагрелась, но Эрику нужно было запить таблетки.

А потом нужно было просто сидеть и ждать, когда это все пройдет.

«Джилл, — подумал Эрик, сидя в «Лисе и гончей». — Почему она до сих пор не пришла?»

Он снова посмотрел на часы. Четыре минуты девятого. Эрик ахнул, вытаращил глаза и понял, что у него отвисла челюсть. Но лишь на секунду. Он быстро взял себя в руки, надеясь, что никто ничего не заметил.

«Между восемью и девятью часами», — сказал Иуда.

Последние два часа Эрик провел, играя в бильярд, — несколько партий со старыми знакомыми, несколько с дружелюбными незнакомцами. А потом вернулся на свой стул у бара, помеченный черным пальто, и заказал второе пиво.

После нескольких глотков он решил позвонить Джилл.

У Эрика не было мобильного телефона. Он ненавидел эти цацки, потому что слышал — в определенный момент у любителей мобильных развивается какой-то особо агрессивный вид рака, естественно, порожденного излучением телефона. Придется вставать и идти к телефону-автомату в подвале, возле туалетов. Но только чуть позже. Эрик хотел сперва подумать. Решить, что ей скажет. Хватит с него постоянных придинок Альмы. Альма всегда на него злилась. Но сказать Джилл и разозлить ее будет совсем уж некстати. Он не станет требовать, чтобы она пришла в «Лису и гончую», подобно агрессивному, властному мужу. Но он хочет ее увидеть, ему недостает ее внимания.

Эрик взял бокал и допил пиво, размышляя о Джилл...

Эрик играл в воздушный хоккей с приветливым пареньком по имени Чак Вагнер, которому явно нужно было с кем-то поговорить о своей жене. Вот он и болтал. Похоже, миссис Вагнер, прелестная блондинка по имени Кларис, не понимала Чака. А он изо всех сил старался понять ее. Он знал, как для нее важно лить свечи, и пытался вдохновить ее, поддержать, восхищался ее талантом. Ее свечи получали награды. Они были произведениями искусства. Он гордился ими. А Кларис превратила свое маленькое хобби, которым она занималась, пока дети спали или когда они были в школе, в довольно прибыльный онлайн-бизнес. Люди покупали ее свечи на Рождество и в качестве подарков на дни рождения. «Кларис кэндлз» — так назывался ее сайт и бизнес. Она была маленьким ураганом, его Кларис.

Чак же, в свою очередь, увлекался совсем другим — поисками металла. По выходным он собирался с единомышленниками и с помощью металлоискателя исследовал парки, игровые площадки и прилегающие территории. Они охотились не за мелочью, их интересовали старые монеты, украшения, осколки истории. Это хобби сделало Чака нумизматом с довольно впечатляющей коллекцией. Но когда дело касалось *его* хобби, того, что нравилось *ему*, Кларис не просто не поддерживала его, она смеялась.

Эрик вспомнил, что раньше говорила ему Мэгги, и посоветовал Чаку наладить общение. Что ему и Кларис поможет только

это. Если Чак не расскажет Кларис, что он чувствует, она может просто не понять, как обижает его.

Естественно, Эрик понятия не имел, как решить проблемы Чака. Он говорил только потому, что Чак замолчал и, кажется, ждал чего-то. Кому известно решение подобных проблем? Если вам кто-то скажет, что знает ответы на все вопросы, не сомневайтесь, перед вами говнюк. Это в частности, *и в особенности*, касалось доктора Фила.

И все же Эрик обнаружил, что с видом эксперта рассуждает о семейных отношениях. Словно в этом деле могли быть эксперты, а ведь он даже не задумывался об этом. Продолжая говорить, Эрик посмотрел на дверь, но Джилл не появилась там, высматривая его в толпе, и Эрик растерял слова, запнулся и нахмурился.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Чак.

Эрик неопределенно кивнул. Потом улыбнулся и сказал:

— Я выйду покурить, Чак. Вернусь через пару минут.

— Конечно. Увидимся позже. И спасибо за совет. Он действительно мудрый.

— Рад помочь.

Эрик вернулся к своему стулу и хотел надеть пальто, но остановился и задумался. Снаружи холодно, но пальто лучше оставить на месте, создав иллюзию того, что он скоро вернется. Хотя вернется он не скоро.

«А это разумно?» — подумал Эрик. — Оставаясь здесь, ты обеспечиваешь себе алиби».

Но если он поторопится, то быстро вернется. Люди заметят его пальто на стуле и будут считать, что он где-то рядом, так ведь? Этого же достаточно?

Он должен был увидеть Джилл, он с ума сходил, он скучал по ней. Никто в пабе не знал о его отношениях с Джилл, так что они не смогут вести себя *слишком* откровенно в «Лисе и гончей». Но видеть ее, быть рядом, ощущать запах ее парфюма, возможно, даже украдкой поцеловать или обнять ее...

Она *нужна* ему.

Эрик вытянул руки перед собой и посмотрел на них. Пальцы тряслись.

Нервы все еще на пределе. Увидеть Джилл, просто побыть с ней рядом, и он успокоится...

Он вышел из бара, сел в машину и вырулил с парковки.

Крутая девчонка, как выяснилось, жила в Хоуп-Вэлли, небольшом городке к западу от Ньюбери. Она так же, как и Эрик, любила беллетристику и комиксы. Они провели немало времени в приватном чате, постепенно узнавая друг друга. Тот факт, что это происходило в Интернете, только ускорил процесс. Люди в сети часто говорят то, чего никогда не осмелились бы сказать в личной беседе. В Интернете им проще открыться, проще быть честными, рассказывая о себе. Эрик и Джилл, так ее звали на самом деле, быстро узнали друг друга и друг другу понравились. Ей было тридцать семь, она никогда не была замужем, и у нее не было детей. Она работала в «Барнс и Нобль». У нее был кот по кличке Твейн и тропические рыбки. А также впечатляющая коллекция фильмов-нуар на DVD и кассетах — она отослала Эрику каталог, и он с завистью прочел некоторые названия, — она пересматривала эти фильмы снова и снова. Эрик поступил бы точно так же, будь у него такая коллекция. Естественно, Альма ее не одобрила бы.

— Поверить не могу! За эти годы ты потратил уйму денег на книги, которые считались мусором с тридцатых годов, с тех пор как были изданы! — сказала она однажды.

Эрик тихо ответил:

— С пятидесятых. Большая часть была издана в пятидесятых.

— Какая разница?

Однажды Эрик пытался зачитать ей отрывок из своего любимого романа, «Грифтеры» Джима Томпсона, но Альма взвилась:

— Я не хочу слушать эту дрянь! Она полна ненависти и сексизма. У нее отвратительная обложка. Ты должен *стыдиться* себя!

Эрик пытался объяснить ей, как скучно ему на работе. Он был бухгалтером в супермаркете «Мэйси». И это было чертовски скучно, он только и ждал момента, когда вернется домой и погрузится в чтение захватывающей книги о жуликах, шпионах, соблазнительных фамм фаталь, продажных копах и жутких психах. Книги были для него бегством от реальности.

Но Альма и это использовала, чтобы насмехаться. Ну конечно, говорила она, он хочет сбежать в мир прошлого, где женщины были всего лишь объектом для секса.

Они были женаты четырнадцать лет. Эрику было тридцать шесть, Альме тридцать четыре. Поначалу у них была великолепная семья. Она любила его, она была страстной. И хотела быть матерью, поскольку знала, что мать из нее получится прекрасная. Первые два года они пытались зачать ребенка. На самом деле пытались. Доктор сказал, что причина в Эрике. Он лечился и снова пытался, но безрезультатно. Пришлось смириться и решиться на усыновление. Ждать пришлось бы целую вечность. Но если бы они согласились взять ребенка постарше, все прошло бы очень быстро.

И они решились. Привезли домой четырехлетнего Эндрю. Это был прекрасный мальчик с ангельской внешностью — золотистые волосики, огромные голубые глаза, которые жадно впитывали все, что видели, и изумительно сложная ухмылка, которая быстро превращалась в широкую улыбку. Эрика он завораживал.

В те времена Альма часто дразнила Эрика тем, что он без нее ни на что не способен. Когда он мыл тарелки вместо нее, он расставлял их не туда, куда нужно. Ей приходилось все переделывать. Тогда она тыкала его пальцем в ребра и говорила: «Ну что бы ты без меня делал, а?» И Эрик смеялся, привлекал ее к себе и целовал. Его это не обижало, потому что Альма шутила с любовью и нежностью. В ее словах не было попытки уязвить или унижить.

Когда Эндрю исполнилось шесть, Альма оставила его с Эриком, а сама отправилась на выходные к своей школьной подружке Пэм. Пэм жила в Эуреке, иногда она приезжала к Альме, иногда Альма ездила к ней. И вот настал черед Альмы. Она, конечно же, вновь шутила, что оставляет Эрика на произвол судьбы. И он смеялся, целуя ее на прощание.

В субботу он решил поджарить гамбургеры и хот-доги. Вскоре, как он и предполагал, собрались соседи. Кто-то принес пиво, кто-то чипсы. И получилась настоящая вечеринка. Дети играли на лужайке. Кто-то притащил магнитофон и включил старые хиты.

Резкий визг тормозов показался таким неуместным посреди болтовни, смеха и хорошей музыки, лепета играющих детей... Визг тормозов казался звуком из иного мира.

Он разрезал атмосферу вечеринки, как скальпель разрезает плоть. Все замолчали, и только музыка продолжала играть.

А потом закричала женщина, сидевшая ближе всех к улице.

Эрик увидел своего приемного сына под передним колесом серебристого «крайслера». И буквально сошел с ума, совершенно обезумел. Он кричал водителю, чтобы тот сдал назад, Господи, сдал назад, а когда тот послушался, Эрик склонился над мальчиком, изломанным и размазанным по брусчатке. Эрик кричал, звал на помощь, умолял вызвать «скорую». Кто-то говорил, что «скорую» уже вызвали, но это было бесполезно, Эрик ничего не слышал. Ничего, кроме шума в ушах и звона в голове, словно он попал в эпицентр взрыва. Взрыва, которого не было снаружи. Взрывы были внутри Эрика. Они начались, когда он увидел Эндрю лежащим под колесом. И до сих пор не прекратились. Что-то взрывалось в его груди, животе, голове.

Эндрю был мертв. Его глаза оставались открытыми, лицо было забрызгано кровью. Эрик поднял его на руки, и голова мальчика безжизненно повисла.

Эрик слышал жуткий звук, который длился и длился, и прошло немало времени, прежде чем он понял, что сам издает этот звук, прерываясь только, чтобы вздохнуть.

Альма, вернувшись, ни разу не заговорила с ним об этом. Эрик не знал почему, и его это злило. Он кричал на нее, но ответа не добился. Она молчала, и по ее лицу он видел, как ей больно. Эрик хотел разделить эту боль, пройти сквозь горе вместе с ней. Но она не позволила.

А затем ее прорвало. Сумерки за окном сменились полной темнотой. Эрик шел за Альмой по коридору до спальни, пытался вызвать ее на разговор, и тут внезапно она обернулась с такой ненавистью на лице, что он попятился, как от удара.

— Ты действительно настолько беспомощен?! — воскликнула она. Ее голос становился все выше и выше, она уже кричала. — Я не могу оставить тебя даже на выходные? Два дня, все-

го два дня! А ты настолько беспомощен, что не смог сохранить нашего сына *живым*? Ты *беспомощен*!

И Альма ушла в свою спальню, захлопнув дверь и заперев ее на замок.

С тех пор все пошло наперекосяк. Альма уже не стала прежней. Она ненавидела Эрика и не пыталась этого скрыть. Он предложил развестись, но она сказала, что никогда на это не пойдет, они будут вместе до гроба, как поклялись друг другу у алтаря. Альма была ревностной католичкой, в ее семье не было разводов — и Эрик никогда еще не видел настолько несчастной группы людей. Ему, конечно, не нужно было ее разрешения, но он решил оставить все как есть. Время шло, он терпел.

Отец Альмы открыл пончиковую, когда она была еще маленькой девочкой. К тому времени как она окончила школу, магазинчик превратился в торговую сеть от Эуреки до Сакраменто. Чрезвычайно популярную, поскольку отец Альмы добавлял к пончикам двойную глазурь, чего не делали другие кондитеры.

Когда Альма окончила колледж, ее отец продал свои магазины конгломерату за фантастическую сумму денег, поровну разделенных, согласно завещанию, между Альмой и Марианн. Но Эрик женился на Альме еще до того, как появились деньги, и все знали, что дело не в них.

Не в них.

Но все меняется.

Он встретил Джилл.

Они договорились встретиться «У Дэнни» в Хоуп-Вэлли. Это было безопасное людное местечко. Эрик не сомневался, что узнает Джилл, — они обменялись фотографиями по сети. Он знал, что она бледнокожая красавица брюнетка. Ее волосы спадали до пояса, и с первого взгляда на них Эрику захотелось к ним прикоснуться.

Они встретились на улице, перед входом в «Дэнни», у автоматов по продаже газет. Он коснулся ее волос. Она встала на цыпочки и тронула его лицо. А миг спустя они уже целовались, гладили друг друга, сплетались языками, как безумные.

Рядом с тем местом был мотель «Бест вестерн», туда они и отправились, даже не заглянув в ресторан.

Прошло немало времени с тех пор, как у Эрика и Альмы был секс. Да и те последние несколько раз были весьма неудачными. Она лежала, напряженная и неподвижная, как труп, прижимала руки к бокам и морщилась, словно изо всех сил не позволяла себе не то что насладиться, а просто смириться с происходящим.

Родители Альмы умерли, сначала отец от эмболии, затем мать от рака груди. Все деньги достались Альме и Марианн. Но их жизнь с тех пор не изменилась. Альма отказывалась тратить эти деньги. Она не хотела касаться их. Вот они и не касались.

Долгое время Эрик думал только об этих деньгах. Они снились ему по ночам, он мечтал о них днем, перебирая бумажки на работе. Все эти деньги, уйма денег, которых ему и за всю жизнь не истратить. Немыслимая гора. Недоступная только потому, что Альма отказывается их трогать. И ничто этого не изменит, кроме, конечно же, смерти самой Альмы.

После первой встречи в «Бест вестерне» Эрик и Джилл лежали, тяжело дыша, сплетаясь руками и ногами. Их тела блестели от пота. Простыня и одеяло сбились в изножье кровати. Они целовались, пытались отдышаться, гладили друг друга по волосам. Эрик уткнулся лицом в ее чудесные груди и засмеялся, как мальчишка. Ее кожа была как шелк, у губ был едва уловимый вкус клубники. Джилл раскрыла в нем глубины, которые никто не раскрывал уже давным-давно. Она заставила его снова почувствовать себя собой, тем, кем он был, когда у него еще оставались друзья и они с Альмой дважды в неделю обязательно заглядывали в паб. Джилл вернула его к жизни. Она оживила его.

Когда они наконец успокоились, то просто легли рядом, опираясь на локти и глядя друг на друга с расстояния в несколько дюймов.

— Ты изменила меня, — выдохнул Эрик. — Я много лет не чувствовал себя так хорошо, Джилл.

Она склонила голову набок, всхлипнула и снова посмотрела на него. Он заметил мокрые дорожки на ее щеках. И ахнул.

— Что не так? Прости, если я сделал что-то...

— Ты ничего не сделал, — прошептала Джилл, качая головой. — То есть... ты не сделал ничего *не так*. Ты сделал все так, что... Не знаю. Это просто нечто.

— Как... Что мы будем теперь делать?

— Еще не знаю. Но, думаю, решать придется тебе. Это ведь ты женат.

— Ну да, похоже на то. — Эрик погладил ее бок кончиками пальцев, коснулся груди, провел по ребрам, по изгибу бедра к колену. — Мне придется учиться лгать своей жене.

— Это тебя беспокоит?

— Ты просто не знаешь, как она ко мне относится. Меня это ни капли не беспокоит.

— Но это не может длиться долго.

Брови Эрика поползли вверх.

— Не может?

— Конечно же нет. Тебе придется сказать ей правду. Довольно скоро. Чтобы мы могли все время проводить вместе.

Он лишь молча погладил ее тело еще раз.

— Послушай, Эрик, я не хочу ввязываться в долговременный обман. Понимаешь? Либо ты во всем признаешься жене, либо у нас ничего не будет. Если ты не скажешь ей, Эрик, скажу я.

«*А вот это будет интересная сценка*», — подумал он.

Ультиматум Джилл его немного обеспокоил. Эрик не был уверен, что сможет признаться в случившемся Альме. К тому же *зачем* ей признаваться? Эта измена станет барьером между ним и ее деньгами. Но Джилл ждала ответа уже сейчас, и Эрик решил сменить тему.

— Не волнуйся, милая, — прошептал он ей на ухо, проводя пальцами по ее волосам. — Не волнуйся.

Эрику удавалось продолжать эти отношения уже семь месяцев. Альма ничего не подозревала, но Джилл становилась все более нетерпеливой и понемногу начинала злиться.

Именно тогда Эрик начал размышлять над решением своей проблемы. Больше никакого выжидания.

Обогреватель *слишком* раскалил воздух, и Эрик выключил его. Начался дождь, пришлось включить «дворники».

В голове вертелись мысли о событиях, которые привели его к текущему моменту. После появления Джилл Эрик начал воспринимать Альму только как проблему, требующую решения. И долго и напряженно думал о том, как ее решить.

В Ньюбери у Эрика был друг-адвокат, Макс Рэндибл, темная лошадка, защитник, который вел уголовные процессы. У него имелось множество сомнительных связей, и он наверняка поддержал бы Эрика — они знали друг друга со школы. Раз в месяц они вместе обедали. И вот на следующей встрече с Максом, в итальянском ресторане «Анджело», Эрик сказал:

— Я решил написать книгу.

— Смеешься, что ли? — сказал Макс, накручивая на вилку спагетти. У него были мягкие темные волосы с вечным косым пробором. Скуластое лицо с длинным носом, нависавшим над тонкими губами, порой напоминало морду дружелюбной собаки. — Книгу? Ты?

— Да. Ты же знаешь, как я люблю беллетристику. Вот и решил попробовать свои силы.

Макс весело рассмеялся.

— Ну, молодец, мужик, рад за тебя. Это просто потрясающе! А что Альма об этом думает?

— Она не знает. Наверняка будет смеяться. Слушай, у меня к тебе один вопрос. В моей книге одному парню нужно найти наемного убийцу. Видишь ли, его жену убили, и он полагает, что знает, кто это сделал, и хочет отомстить. Но понимает, что сам с этим не справится, что ему нужно нанять профессионала. Как обычному парню провернуть такое дело? Мой герой — строитель, работает по найму. Как наемному рабочему выйти на киллера?

По мере того как Эрик описывал ситуацию, улыбка Макса блекла. Он долго серьезно смотрел на Эрика, слегка склонив голову набок и нахмутив лоб.

— Наемного убийцу, — повторил он наконец сухо, без выражения.

Эрик кивнул. Сюжет он придумал только что. И очень старался запомнить все и не запутаться.

— Ну да, этому парню нужно убить того, кто убил его жену.

Макс медленно кивнул. Затем сунул руку в карман, достал мобильный и открыл его. Из кармана рубашки он выудил одну из визиток и ручку. Выбрал номер в списке контактов, наклонился вперед и что-то проговорил в трубку, сильно понизив голос, затем захлопнул телефон и спрятал обратно в карман. А визитку с нацарапанным номером протянул Эрику.

На обороте значилось имя «Иуда» и телефонный номер.

— Я тебе ничего не давал, — предупредил Макс, наклоняясь к Эрику через стол. Затем сунул в рот вилку с намотанными спагетти, прожевал и добавил: — Если ты скажешь, что получил это от меня, я буду все отрицать. И больше никогда не стану с тобой разговаривать. Ты сказал, тебе нужен... — Он понизил голос до шепота: — Наемный убийца? Так вот это он. Остальное зависит от тебя. Я не хочу ничего знать.

Макс пожевал еще немного и сглотнул. Собрал с тарелки остатки соуса чесночным хлебом и откусил кусочек.

— Слушай, Макс, — начал было Эрик, но тот не позволил ему закончить.

— Я ничего не спрашиваю, потому что *не хочу* знать, ясно? Я забуду об этом маленьком обмене, и мы сделаем вид, что ничего не было. Понял?

— Но, Макс...

— Тебе не нужно ничего объяснять, можешь вообще не говорить.

Эрик хотел продолжить свою ложь, но Макс дал понять, что не станет его слушать.

— Я рад, что могу помочь тебе, Эрик, — произнес он. — Тебе это нужно, я смог это достать, какими бы ни были твои мотивы. Но, как я уже сказал, давай забудем об этом. О'кей?

— Ну... ладно. Если ты настаиваешь.

— Я настаиваю.

Эрик в тот же день позвонил по указанному номеру и впервые услышал резкий сухой голос убийцы, который считал Иуду чертовски крутым парнем.

Эрик выбрался на фривэй и выжал скорость до максимально разрешенных семидесяти, притормозил у первого поворота

к Хоуп-Вэлли и повернул. К Сикамор-армс, жилому комплексу, он добрался в 8:13.

Он припарковался на улице, быстро пересек двор и поднялся на второй этаж. Ему нужна была квартира 209, в нее он и постучал костяшками пальцев. Внутри не раздалось ни звука.

Эрик вынул из кармана ключи, выбрал нужный и вставил в замок. Повернул ключ и толкнул дверь.

— Джилл? — позвал он, запирая за собой дверь. — Джилл, это я!

Ничего — ни ответа, ни движения. В квартире было тихо, даже душ не шипел. Телевизор и радио выключены.

И никого.

Эрик прошел по коридору, повернул налево, в гостиную. К экрану телевизора была прилеплена записка. Нахмурившись, он сдернул ее и прочитал.

«Дорогой Эрик.

Когда ты будешь читать эти строки, я уже, наверное, буду сидеть напротив Альмы и рассказывать ей правду о наших отношениях. Это необходимо, и ты понимаешь это не хуже меня, но первого шага не сделал. Я устала ждать и решила взять ситуацию в свои руки. Решить наконец нашу проблему. Нам не придется больше прятаться. Я делаю это ради нас обоих, Эрик.

Я люблю тебя.

Дж.»

Эрик завопил, и это было выражение невыносимой боли. Уронив записку, он начал лихорадочно искать телефон, которого не было в гостиной. Трубка обнаружилась в кухне, рядом с микроволновкой. Эрик начал лихорадочно набирать свой домашний номер, ошибся, сбросил, попытался снова и ошибся на той же цифре. Выругался вслух, и с третьей попытки у него получилось.

— Алло?

— Альма! — закричал он.

— Эрик?

— Альма, послушай меня, пожалуйста!..

Она молчала.

— Ты там?

— Как ты мог? — еле слышно прошептала она в ответ. — Как ты... *Как ты мог?*

Она повесила трубку.

— Твою мать!

Эрик швырнул телефон обратно на столик. Пластиковая крышка отскочила, батарейки выпали на пол. Эрик бросился их подбирать, собрал трубку снова и набрал свой номер. Занято. Еще раз — и снова занято.

«Она сняла трубку с рычага», — подумал он.

Эрик вышел из кухни в коридор, обратно к двери. Выскочил из квартиры, даже не остановившись, чтобы запереть замок, слетел по ступенькам к парковке.

Паника охватила его, как вселившийся демон. Колени слабели, в груди что-то сжималось, мешая дышать.

На улице Эрик распахнул дверцу машины и буквально рухнул на сиденье. Ключи звенели в дрожащих пальцах. Он все же смог завести мотор, но тут остановился и задумался. Нужно было решить, что делать сначала, вспомнить, куда ехать. Определившись, Эрик отъехал от обочины.

Вернувшись на фривэй, он утопил в пол педаль газа.

«Отличное алиби для сегодняшнего убийства — меня остановят за превышение скорости, и выяснится, что я пьян».

Эрик взглянул на спидометр, понял, что стрелка давно перевалила за отметку восемьдесят миль в час, и слегка сбросил скорость.

Несколько минут спустя он проехал мимо знака «Дорожные работы» и второго, «Готовьтесь остановиться».

— Ох, черт.

Еще один знак: «Райт-лейн перекрыта».

И откуда только взялись эти строители? Он не видел их по дороге сюда. Видимо, в последнее время они решили работать исключительно по ночам.

Машин на шоссе было мало, но у заграждения образовалась пробка из пикапов и фургонов.

Три четверти мили по односторонней дороге, и поток остановился. Эрику оставалось только сидеть и ждать. Он включил радио — передавали что-то веселое родом из восьмидесятых.

Сохранять спокойствие и сознательность было сложно, но Эрику пока удавалось сдерживать в себе ревушую волну страха. Он потерял способность испытывать что-либо, кроме паники.

Минуты медленно сменялись на цифровом дисплее панели: 8:26, 8:27, 8:28, 8:29, 8:30, 8:31...

Иуда войдет в дом, если уже не вошел, и увидит Альму в компании другой женщины. Он наверняка примет ее за Марианн, сестру Альмы, и тоже убьет ее, как и сказал ему Эрик. Он ведь настаивал...

Цифры на часах сменились на 8:32.

«Не советую вам обнаружить это первым, — сказал ему Иуда. — Там будет много крови. И не только крови».

— О господи! — простонал Эрик, чувствуя, что замерзает в машине, попав в ловушку пробки.

Он не мог двинуться ни назад ни вперед. Все его тело превратилось в дрожащее желе.

И тут машины начали двигаться. Сначала медленно, затем постепенно набирая скорость, и вот уже оба потока на шоссе текли как обычно. Эрик держался на верхнем пределе скорости до поворота к Ньюбери. Затем срезал по Денанси, повернул направо и с трудом заставил себя не разгоняться.

— Не спеши, Иуда, — шептал он, — пожалуйста, не спеши!

Две мили по Денанси, поворот на Эмберсон-парк-стрит и с нее мимо парка на улочку, где стоял их с Альмой дом в стиле ранчо.

Гравий подъездной дорожки завопил, когда Эрик ударил по тормозам, чуть не влетев в «тойоту» Джилл. Машина Альмы была в гараже, слева от дома.

Эрик распахнул дверцу и попытался выйти, не сразу сообразив, почему ему это не удастся. Лишь через секунду до него дошло, что он не отстегнул ремень безопасности. Сбросив его, Эрик вывалился на дорожку, оцарапав ладони о гравий и не потрудившись захлопнуть за собой дверцу.

К дому он побежал буквально с низкого старта, разбрасывая гравий. Дверь была не заперта.

— Джилл? Альма?

Гостиная находилась прямо за дверью, и в ней было пусто. Две лампы горели, телевизор тихонько бормотал в углу. Елка у окна подмигивала ему маленькими звездами гирлянд. Эрик заглянул в коридор и увидел полосу света, падающую из кухни.

Грохоча ботинками по доскам пола, он рванулся туда. Повернул направо, к проему, с которого они сняли дверь, сделал три быстрых шага и поскользнулся, рухнув спиной на кухонный пол. Позвоночник прострелило болью.

Руки попали во что-то мокрое и липкое. Они скользили, и Эрику не сразу удалось подняться. Пришлось перекатиться и встать на четвереньки. Так он и застыл, глядя на красный пол, не в силах пошевелиться.

Цвет пола был не таким, каким *должен был* быть. Они с Альмой красили доски красно-коричневой краской. А теперь пол был красным, мокро-красным. И у этого красного был запах — приторный, резкий медный запах. Из комнаты пахло иначе — экскрементами, которые не смогли удержать расслабившиеся после смерти мышцы.

Руки Эрика затряслись, и он рухнул лицом вперед, забился, вставая на колени, потом на ноги. Взглянул на ладони, на руки, на рукава пальто, на штаны — все было пропитано и измазано кровью. Эрик согнулся пополам, и его вырвало на пол.

Между кухней и гостиной тянулась стойка, заваленная газетами и журналами, там же валялось несколько книг, стояли недопитый бокал и чашка с кофе. На полу под баром, рядом с перевернутым стулом, лежала Альма.

Зазвонил телефон. Эрик изумился тому, что тот снова работает. После третьего звонка включился автоответчик.

— Алло? Эрик? Альма? Это Бэтти Макомбер, ваша соседка. Вы дома?

«*Крыса назойливая*», — подумал Эрик, стиснув зубы. Бэтти Макомбер была самой надоедливой их соседкой. Она обожала разносить сплетни. Альма была слишком вежлива, чтобы ее игнорировать, а сам Эрик всегда старался ее избегать.

— Ну... — Бэтти явно была взволнована. — Я услышала крики и вызвала полицию, они скоро приедут. Я... только надеюсь, что у вас все в порядке.

Холодный взрыв обжег Эрика изнутри. *Полиция.*

Автоответчик пискнул и затих.

— Все произошло совсем недавно, — пробормотал Эрик.

Его кожа покрылась мурашками при мысли о том, что Иуда все еще может быть в доме. Эрик замер и прислушался. В доме было тихо — он был один. Это было знакомое чувство пустоты, Эрик умел отличать его от ощущения, возникавшего, когда в доме кто-то двигался.

Он был один. Рядом с Альмой. И смотрел на ее труп.

Глаза Альмы были открыты, голова запрокинулась, открывая огромную рану на том месте, где раньше было горло. Уголки рта растягивались в улыбку, похожую на разрез — жуткую ухмылку смерти. На Альме был бледно-голубой спортивный костюм, в котором она обычно занималась по вечерам на тренажере. В нескольких местах костюм был прорезан. И почти потерял изначальный цвет, полностью окрасившись в алый.

— Господи, Альма! — чуть слышно выдохнул Эрик.

Остаток фразы был слишком болезненным, чтобы произнести его вслух, и он подумал: *«Что же я наделал?»*

Звук.

Мокрый булькающий хрип.

Эрик оглянулся, пытаясь определить его источник.

Снова бульканье — хриплое, задышающееся.

Он обошел стойку и резко повернул направо. За ней, на полу между двух стульев, сидела Джилл, опираясь спиной на стойку. Ее голова была запрокинута, открывая жуткую рану на шее. Руки безвольно свисали на пол, ноги были разбросаны, черно-розовая юбка задралась. На Джилл был красный свитер. Эрик зажмурился и потер глаза: он просто не мог выносить такое количество разных оттенков красного: красные розы, красный свитер, блестящие, красные, размазанные и разбрызганные потеки крови.

«Там будет много крови, Эрик. И не только крови.»

Иуда так и планировал — он уже тогда знал, что устроит кровавую баню. Но зачем? Единственным возможным объяснением было то, что ему это просто нравилось, он развлекался таким образом. Эрик понял, что имел дело с психопатом — опасным психопатом, но при этом *умным*, очень умным психом, который

нашел способ получать немалые деньги за то, что ему так нравилось.

Бульк!

Влажный кашель и поток крови вырвались изо рта Джилл, ее голова безвольно упала вперед.

Снова жуткое «бульк!» И снова фонтан крови. Кровь текла из множества ран. Иуда явно не разбирал, куда бить.

— Ох, слава богу, ты жива! — Облегчение было таким сильным, что эти слова Эрик буквально простонал. — Господи! Джилл? Джилл!

Он опустился рядом с ней, попытался оттащить от стойки. Она подалась вперед совершенно безвольно. Джилл казалась очень слабой, видимо, потеряла много крови. К счастью, нож Иуды перерезал ей горло, не задев артерии, иначе она была бы мертва через несколько секунд после ранения.

— Это я, милая, это я, Эрик. Все будет хорошо, слышишь меня? Я отвезу тебя в больницу, и все будет хорошо, слышишь?

Он лихорадочно шептал это, словно боялся, что его услышит кто-то еще, тащил Джилл от стойки и не понимал, почему шепчет, но говорить громче просто не мог.

— Давай же.

Эрик обнял ее правой рукой за плечи. Локоть наткнулся на нечто непонятное. Эрик отдернул руку, опустил ее, и...

...его пальцы сомкнулись на рукоятки ножа, торчащего из спины Джилл, которого Эрик сначала не заметил. Он испугался, он...

...не думая о возможных последствиях, забыв обо всем, он...

...вытащил нож из ее спины.

Джилл закричала, кровь фонтаном забила у нее изо рта, заливая красный свитер.

— Пойдем. — Эрик понес ее через гостиную. — Я отвезу тебя в больницу.

Идти было тяжело, он покачивался, как пьяный пингвин.

Мысленно Эрик составлял список необходимого: ключи в кармане пальто, машина не закрыта, больница Святой Элизабет (она же «Королева горы») будет самым быстрым вариантом. Он дошел до середины гостиной, прикидывая наиболее подходящий маршрут и размышляя, стоит ли попытаться срезать по

переулкам или лучше двигаться по знакомым улицам. Плюнул — сегодня ему было не до размышлений над тем, куда свернуть, — и решил ехать по фривэй.

— Джилл, только, пожалуйста, не умирай, слышишь? Ты *нужна* мне, Джилл! Не смей умирать у меня на руках, слышишь! — Эрик не умолкал ни на секунду, а гостиная, казалось, все тянулась и тянулась, он никак не мог дойти до двери.

Его щеки стали мокрыми, для разнообразия, не от крови. Сквозь пелену слез он увидел, как левой рукой поворачивает ручку двери.

Перед глазами плясал калейдоскоп — синее и красное, вспышки света. Эрику пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем он понял, на что смотрит.

На мигалки полицейских машин.

Его взгляд сфокусировался на темном дуле пистолета.

— Положи женщину! — закричал полицейский.

— Но, офицер, она ранена, я... я п-просто нашел ее вот так, ей нужна срочная медицинская помощь, она потеряла много кро...

— Я сказал, положи женщину! Быстро, урод!

Джилл издала жуткий звук. Хрипящее бульканье глубоко в горле резко оборвалось. Она перестала дышать.

— Джилл? — Эрик уставился на нее. — *Джилл?*

— Слышишь меня? Положи! Ее! На землю! Быстро!

Последний всхлип.

Именно этот момент она выбрала, чтобы умереть. Словно оглянулась и сказала: «О, черт, *копы*? Разбирайся с ними сам, дорогой!» И испустила последний вздох.

Еще один полицейский присоединился к первому. Он тоже наставил на Эрика пистолет, вопя во все горло:

— Положи ее немедленно, или я вышибу тебе мозги!

Эрик очень хотел повторить, что ей нужна помощь. Но промолчал. Помощь Джилл уже не понадобится.

Он держал на руках труп.

— Положи ее немедленно, и...

— Ты оглох? Хочешь, чтобы я выстрелил? Ты...

— Положи ее на землю!

— Глухой ублюдок, положи ее...

— Иначе я буду стрелять!

Эрик осторожно нагнулся, уложил Джилл на пол, чуть в стороне от дверей.

Вопли на миг прекратились. Затем полиция снова начала орать:

— Оружие! У него оружие!

— Брось нож, ублюдок!

— Бросай! На землю, быстро!

— Я сейчас спущу курок, если ты...

— Брось этот проклятый нож!

Поначалу Эрик просто не понимал, чего от него хотят и по какому поводу весь этот шум. Он не осознавал, что до сих пор держит нож в правой руке и что этот нож — с пластиковой ручкой и широким лезвием, Иуда наверняка взял его в кухне, — испачкан кровью Джилл.

Пальцы Эрика застыли на рукояти, но он смог их разжать. Нож упал на пол.

Два копа тут же оказались рядом, снова крича:

— Руки за спину!

— Прекратить сопротивление!

Один из копов врезал ему по почкам прежде, чем Эрик мог сказать, что не сопротивляется. Боль взорвалась в месте удара и волнами разошлась по всему животу. Его вырвало.

Руки Эрика заломили за спину, надели на него наручники и вздернули на ноги. Один из полицейских толкал его, второй тянул вперед за локоть.

Заднее сиденье патрульной машины было отделено сеткой, и на лицо Эрика падала паутина теней. Он подался вперед — он говорил с полицейскими.

— Почему ты это сделал? — спросил коп на пассажирском сиденье.

— Я же *сказал вам*, что я этого *не делал*! — Голос вернулся к нему, и Эрик почти кричал.

— Тогда почему ты весь в крови, а? Качался в ней, что ли?

— Ну... вроде того. Я упал.

— Ты упал. — Коп похлопал напарника по плечу. — Он упал, а?

— А как же, — кивнул второй.

— Альма была уже мертва, а Джилл еще держалась.

У Эрика пересохло в горле, глаза опухли от слез. Его надолго оставили одного на заднем сиденье, пока обыскивали дом, и все это время он плакал.

— А орудие убийства само прыгнуло тебе в руку, — сказал коп, который был за рулем.

— Я... я вытащил нож из ее спины. — На этот раз голос Эрика прозвучал просто жалко.

— Ты *идиот*, — сказал коп с пассажирского сиденья. — Ты что, не знал, что *нельзя* вынимать нож из раны...

— Нет, я *не знал*.

— Парень, тебе лучше найти хорошего адвоката. Потому что он тебе понадобится. Да и то, могу поспорить, на смертельную инъекцию ты уже заработал.

Эрик медленно разогнул спину, откидываясь назад, расслабился. И захихикал, сначала тихо, потом все громче и громче. Он пытался сжать губы и не заржать во весь голос, но не мог. Это была истерика. Эрик хохотал, по его щекам текли слезы.

— Рад, что тебе так весело, — сказал коп с пассажирского сиденья, — потому что, как по мне, ты облажался по всем статьям.

Эрик продолжал хохотать. Он согнулся пополам, схватился за живот и начал раскачиваться.

— Да что тут такого смешного? — спросил коп за рулем.

Эрик, прилагая максимум усилий, чтобы не сорваться, смог все же выдохнуть между двумя приступами смеха:

— Я... я... с тем же успехом... — Он уже стонал. — Я с тем же успехом мог сделать это сам!

До самого полицейского участка он так и не успокоился.

ДЖОН ФАРРИС

ПЕРВЕНЕЦ

— Алло? Мириам?

— Нет, это не Мириам, Грегори. Ты наверняка не ожидал снова услышать мой голос, а? Думаю, ты забыл обо мне. Но сегодня тот самый день, когда я обещал тебе позвонить. На вершине мира время летит незаметно, да? Двадцать лет прошло с тех пор. Целых два десятилетия. Ничего не всплывает в памяти, Грег?

— Слушай, я не знаю, кто ты и что...

— Что я пытаюсь тебе сказать? Ах, ну что ж. Я помолчу немного, чтобы до тебя дошло.

— Это приватный номер! Как?.. Только моя жена и... О, нет. О Боооже! Что-то случи...

— Ты слегка задыхаешься. Наверняка только что закончил свой утренний заплыв в бассейне.

— ...лось с Мириам? Ты поэтому звонишь мне с ее номе...

— Дыши спокойней, Грег. Не нужно паниковать. Мириам жива. Сегодня пятница, она, как обычно, на своих спа-процедурах. Завтра большая вечеринка у Дороти Чэндлер. Поздравляю с Премией мира, кстати. Жаль, я не смог на ней присутствовать, таким, как я, билетов не продают.

— Что-то случилось с детьми? Кто ты такой, мать твою? Лучше назовись, потому что...

— Если ты заработаешь гипервентиляцию, ты потеряешь сознание и разобьешь голову о край бассейна. Или на твоём дорожном лице появится шрам. Так что лучше успокойся и слушай. Ни твоя жена, ни твои дети не пострадали и не пострадают. Твоя обожаемая Ливи сейчас отвечает на звонок из студии нового шоу Брукхаймера, которое, я считаю, заменит «Фокс» в середине сезона и будет транслироваться сразу после футбола. Ну а теперь скажу на ушко: Ливи туда возьмут! Разве не замечательные новости? Мы же оба знаем, что у нее талант.

— Джош...

— Джошуа, по моим данным, только что закончил эксперименты по физике в лаборатории Гарварда. Умный мальчик. Весь в отца. Мне вот что интересно, Грег. Как ты мог не узнать мой голос? Обычно голос не так уж легко забыть. Зато, вспомнив голос, ты тут же восстановишь в памяти и лицо. И, естественно, обстоятельства нашего с тобой знакомства.

— Ладно, приятель. Так чего ты добиваешься? Похоже, тебе многое известно о моей семье. Ты что, шпионишь за нами?

— Ох, горе ты мое! Я же не сумасшедший. И не вымогатель. Ну и что, что Ливи иногда нюхает порошок? Меня это мало заботит. Дело только в ее окружении, и вскоре она перерастет желание экспериментировать. К счастью, ее организм не предрасположен к зависимости. Ну и напоследок я дам тебе подсказку, которая действительно заставит тебя задуматься. Я не занимаюсь похищением людей.

— Все, хватит. Я вешаю трубку.

— Вешаешь? Ты можешь разве что нажать кнопку. Вешать трубку можно было в старые добрые времена. За эти двадцать лет технологии изумительно изменились, правда? Мобильные телефоны... Однако с твоей стороны будет очень глупо прервать этот разговор, Грег. При моей профессии перезванивать не принято.

— Профессии?

— Профессии.

— Какой же?

— Я помогаю людям, которые оказались в отчаянном положении. Ничего не брезжит в памяти? Надеюсь, что зацепило. Несколько глубоких вдохов, Грег. Если ты решишь положить телефон и вытереться, я подожду. Но сегодня милый и теплый денек, ты в любом случае не простудишься. Отличнейший денек, только благодаря таким, наш любезный ЛА-ЛА, весь из себя Анджелес, и можно выносить остаток года. Ты помнишь, какой ливень, совсем не по сезону, был в ту ночь, когда я спас тебе жизнь? Ага, вот оно! У тебя перехватило дыхание. Я слышу все так хорошо, словно стою рядом. *Изумительные технологии. А ты действительно начал вспоминать.* Гроза. Свет моргает в захудалом баре Мо Бэкона, в грязном закутке Робертсона. И кроме

парочки в крайней кабинке, которая уже упиалась в хлам, там были только ты, я и официантка.

— Кимми?

— Молодец, Грег. Надо же, ты помнишь Кимми. Она была в таком же положении, что и ты, вот только у Кимми была подработка. Вам обоим было за тридцать, жизнь и кино порядком вас потрепали. Голливуд, знаешь ли, никогда никого не щадил.

— *Кимми*. О Боже!

— Неужели я слышу нотку сожаления? Она пыталась связаться с тобой вскоре после того, как все заработало. Но у тебя не было на нее времени. Да и она сама никогда для тебя ничего особо не значила, не так ли, Грег? С ней просто можно было спать из сострадания, потому что вы оба знали, что творят разбившиеся мечты с неудачниками и нуждающимися. Ты бы мог ей помочь по пути наверх. Но я звоню не поэтому.

— Это все чепуха, и я...

— Грег, Грег! Ты прожил двадцать самых счастливых и продуктивных лет, на которые и надеяться не смел! Пришло время проявить благодарность и, естественно, расплатиться согласно договоренности. А затем мы сможем обсудить продление твоего контракта.

— Какого контракта? Я никогда ничего с тобой не подписывал. Я работаю с «САА» уже...

— Я не отрицаю, что частично популярности тебе помогло добиться это агентство. Я же знал, что они могут для тебя сделать, когда передал тебя в руки Мика.

— Теперь ты станешь рассказывать, что знаешь Мика Овитца?

— И многих ему подобных, кого не раз вышвыривало на обочину этого хищного города. Что же до актеров... Как там гласит пословица? «Мало хотеть, нужно в этом нуждаться». Портрет Грегори Уэльса, 33 года. Профессия: безработный актер. Местонахождение: бар Мо в Робертсоне. Положение: за гранью отчаяния. Ох, опять начался ченнелинг Рода Серлинга¹. Что ж, сделаем «наезд» камерой на прошлое нашего героя. Грег Уэльс, сидящий в баре. Пропивший все до последнего цента, так что

¹ Серлинг, Род (1924—1975) — американский писатель-фантаст.

ему не на что даже позвонить агенту, который все равно ничем не сможет ему помочь. И нечем оплатить новую рюмку после той, что поставила ему сердобольная Кимми за счет заведения. И не стоит забывать украденную бутылочку секонала в кармане его поношенного пальто. Снотворного вполне хватало для завершения скучной мелодрамы его жизни. Но подождите-ка! Мы приближаемся к поворотной точке сюжета! К моменту, с которого начнется второй акт жизни Грега Уэльса. И этим моментом он обязан... вашему покорному слуге!

— Да ты просто псих. Ченнелинг Рода Серлинга? Секонал? Ладно, ладно, я понял. Надо мной решили подшутить. Кто тебя нанял? Мириам? Хватит уже, это не смешно...

— Вспомни, что я говорил о завершении разговора, Грег! Глубокий вдох. Еще один. Вот, хорошо. Стоит ли мне описывать второй акт, в котором ты столько достиг?

— Нет. Сейчас я предпочел бы одеться, если ты не...

— Но что-то грызет тебя изнутри, верно? Несмотря на власть, которую ты приобрел, и все открывшиеся возможности. Дик Кавет однажды спросил Боба Митчума о главной страсти ЛА-ЛА. Что это, секс, наркотики, деньги? Желание бессмертия? Нет, сказал Митчум. *Страх*. Страх потерять все это. Всю упаковку великой звезды. Славу, свет софитов, красные ковровые дорожки, личный вертолет и интрижки на стороне.

— Никто не отнимет у меня то, чего я добился.

— Ты просто учти, прежде чем подводить итоги, что это именно я спас тебя, когда ты слопал двадцать таблеток секонала в вонючем сортире у Мо, и это я запустил тебя на голливудскую орбиту.

— Да не смейся. Позволь уточнить: я никогда не принимал секонал. И о чем бы мы с тобой тогда ни говорили, разговор явно не имел особого значения, потому что я даже не знаю твоего имени. А ты ведь так и не представился? У меня, знаешь ли, есть несколько человек, которые решают вопросы с такими, как ты. И этот разговор...

— Затягивается? Да, да, ты прав. Что ж, тогда назначаем встречу ровно в одиннадцать в том же баре у Мо. В память о старых добрых временах. Я по-прежнему проворачиваю там нема-

ло сделок, потому что где ж еще встретишь столько потерянных и отчаявшихся душ? День сегодня чудесный, но, кто знает, не пойдет ли к вечеру дождь? Он бы добавил атмосферы старых фильмов-нуар. Кстати, ты ведь уже избавился от той жуткой «барберри», в которой практически жил? Ха, я просто шучу, на-верняка у тебя отличный автопарк.

— Хватит с меня твоих шуточек! Хватит. Я не собираюсь встречаться с тобой ни сегодня, ни когда-либо еще! И если ты снова попытаешься со мной связаться, клянусь...

— Я бы предпочел, чтобы Ливи надела белое. Что-нибудь попроще, не слишком броское. Можно с золотой вставкой. А волосы пусть распустил, чтобы спадали на плечи. Так будет лучше всего. Белый цвет — моя страсть, а поскольку твоя дочь еще девственница...

— *Ливи?*

— Оливия Ракель Уэльс. Шестнадцати лет. Первый ребенок Грега и Мириам Уэльс. Обещанная мне в этот самый день двадцать лет назад в обмен на Грега Уэльса Суперзвезду в полной упаковке, что, признай, дорогого стоит.

— Ты больной, жалкий кусок...

— Не надо, Грег. Нам нужно поговорить...

— Пошел ты, коротышка!

Грег Уэльс захлопнул телефон.

Пару секунд он не мог пошевелиться, потом размахнулся и забросил телефон высоко и далеко, в заросли итальянских кипарисов на склоне. Внизу, за стеной, окружавшей его владения, раскинулся квартал Беверли-Хиллз. Четыре акра земли, принадлежавшей Грегу, окружали самый дорогой особняк на планете. И в определенное время года его дом буквально парил в облаках.

Личный Олимп Грега Уэльса, дважды лауреата премии «Оскар».

Дважды лауреат замер на краю бассейна, его колотило от злости.

Один из стационарных аппаратов заиграл веселую мелодию. Еще один приватный, засекреченный номер. Грег ссутулился, чтобы защититься от внезапного пронизывающего холода.

Номер звонившего не был зашифрован. Но вместо набора цифр определитель выдал текстовое сообщение, которое Грег неохотно прочитал.

«Глаз думает, что тебе стоит понять, как изменится мир, Грег. Вместо начала третьего акта ты просто исчезнешь. Почему бы тебе не попробовать, как это будет? Когда будешь готов все вернуть и решишься быть честным, просто нажми кнопку на трубке. Жду тебя и Ливи сегодня у Мо».

Все еще испытывая ярость, к которой теперь примешивалось что-то вроде страха, Грег уже собирался было забросить трубку и стационарного телефона вслед за мобильным, но его остановил звук детского смеха и плеск воды в мелкой части огромного бассейна, рядом с искусственным водопадом. Эти дети были намного младше детей Грега.

Пару секунд назад он был один. И не слышал ничего, кроме шума маленького самолета над долиной и голосов с теннисного корта Дэнзела Вашингтона. Грег ошеломленно уставился на бассейн.

Трое детей. Старшая, рыжеволосая девочка, выглядела лет на двенадцать, но была развита не по годам. Грег никогда раньше не видел ни ее, ни двух мальчишек.

Один из них, в желтых надувных нарукавниках, шурясь, поплыл в сторону Грега. Солнце било Грегу в спину, освещая под выигрышным углом. Для своих пятидесяти трех он выглядел потрясающе и круглый год следил за загаром. Его лицо было известно во всем мире. Но мальчишка смотрел не на него. На него вообще никто не обращал внимания.

Грег услышал другие, более взрослые голоса. Он резко повернул голову в их направлении, заработав укол боли и услышав громкий хруст пораженной артритом шеи. Наверное, пора заканчивать с боевиками. Хотя они и приносят огромную прибыль.

Компанию ему составляли уже не только дети: полдюжины взрослых собрались рядом с длинноногой красоткой, сидящей в шезлонге. Но они не отдыхали и не загорали — фотосъемка была в самом разгаре. Идеальный, четкий свет без теней. Сосредоточенность и слаженность, как при вскрытии древнего захоронения. Грег знал фотографа: маленького, неуклюжего, по-

хожего на Пустынную крысу. Он недавно снимал самого Грега в Марокко для разворота апрельского номера «Вэнити фэйр».

Грега захлестнула паника. Перед глазами все поплыло, голова закружилась. Он попытался сосредоточиться на женщине, являвшейся объектом всеобщего внимания. Судя по тому, как перед ней стелились, это была звезда первого класса. Грег понятия не имел, кто она, в какой сфере работает и что... Еще одно потрясение, на этот раз отсроченное, но от этого не менее сильное. *Какого черта* она делает в его саду? И во что они превратили его сад? Вместо тропических цветов и растений Грег увидел строгие живые изгороди, фигурно подстриженные кусты в форме животных, словно в его саду побывала команда специалистов по...

Подстрижке кустарника? Он *ненавидел...*

И тут все мысли вылетели у Грега из головы. Исчезли слова, сознание стало пустым, как во время приступа сценической лихорадки: полной и окончательной немоты.

Солнце заливало Грега лучами, словно софит. Он беспомощно заморгал. Что это за сцена? Внимание. Камера. И... мотор! Все они ждали его. Он чувствовал давление их ожидания.

Словно повинувшись настойчивому зову, Грег обошел бассейн и приблизился к саду, вход в который теперь обрамляли статуи. Все вокруг чертовски правдоподобно его игнорировали. Дети играли в бассейне. Ледяное самообладание Грега начало таять. Зато он справился с необъяснимым страхом. Ладно. Грег неприятно, с понимающим видом улыбнулся. Это всего лишь продолжение дурацкого розыгрыша и, видимо, при полной поддержке Мириам.

Мир... ?

А кто это? Что он только что подумал? Пустота вернулась. Исчезли все слова, слова, слова. Грег почувствовал, что растворяется под летним солнцем, становится эфемерным, исчезает. Утихла боль от артрита. Это было здорово... но сопровождалось диким ужасом, потому что, когда Грег посмотрел на себя, он ничего не увидел. Пальцы, руки, ноги... его легендарный «меч»... У него больше не было тела. И все же, и все же — у него явно повысилось давление от смешанных эмоций: страха, горя, злости.

Рыжеволосая женщина готовилась к съемке (Грег отметил явное фамильное сходство с девочкой в бассейне), улыбалась

примерам, которые припудривали заблестевшее местечко на скуле. У нее были отличные скулы. И неплохие актерские способности. Она тоже была при деле, репетировала Правильное Выражение Лица, рассчитывала ракурс. Ее ампула явно были зрелые романтические красотки. Он должен был ее знать. Как же ее зовут? В жизни Грега было множество красивых женщин, он мог работать с ней или спать, или и то и другое, но... но...

Женщина с темными глазами слегка повернулась по просьбе фотографа. Посмотрела поверх головы помощника, который скорчился с экспонометром напротив Грега, застыв между двумя разбитыми мраморными статуями. У женщины был пустой, отрешенный взгляд мраморной богини.

У Грега не было тела, точнее, он его не чувствовал, но оставались глаза, и из них катились слезы.

Слезы, о которых эта женщина не знала. Если бы она его видела, Грег понял бы это по мгновенной реакции. Но он для нее не существовал — не только в саду, с ужасом осознал он. Их не было друг для друга уже двадцать лет. А ведь ему так легко было вернуть ей надежду. Простая дань воспоминаниям, благодарность, ответ на ее звонок.

«Он знает, кто я. Мы раньше...»

Кимми.

Грег прошептал ее имя, но сам себя не услышал. Он больше ничего не слышал. Ни голосов, ни ветра в кронах высоких кипарисов. Ни плеска в бассейне, где играли дети.

Но если это Кимми, значит, она заняла *его* место раскрученной звезды, и значит, именно Кимми тогда заключила сделку с жутковатым карликом. А что же случилось с Грегом Уэльсом?

Чертов секонал!

Фотограф был готов. Кимми вскинула подбородок, улыбнулась, и фотокоманда почтительно покинула газон своего идола.

Грег тоже улыбнулся. И дико пожалел ее.

В тот самый миг все снова изменилось. Фотоснимок сада поблек, словно кадр из плохо сохранившегося фильма тридцатых годов. Медленно вернулось ощущение плоти и крови — вернулось после жуткого пребывания в ничто и нигде, *мертвым*, на холодном грязном полу в сортире бара. Для него это стало вечностью.

— Кимми, ты прекрасно выглядишь. И мне очень жаль.

Грег взял телефонную трубку. Она была цельной, плотной. Мощной. Волшебной.

На маленьком экране возник глаз. И подмигнул Грегу. Не то чтобы насмешливо, но Грега передернуло.

«Желаєте провести еще десяток лет на первом плане, мистер Уэльс? Заплатите мою цену».

— Конечно. Ты получишь то, что я должен. То, что я обещал со своей стороны.

Грег, как и было сказано, нажал кнопку, и тут же Кимми исчезла, возвратив ему жизнь, с потерей которой он смириться не мог.

Лестер сопровождал Ливи на повторные пробы для шоу Брукхаймера и он же привез ее назад. На семью Уэльсов Лестер работал уже почти десять лет. До этого он был боксером, и иногда от титула чемпиона его отделял лишь один удар, но добиться победы ему так и не удалось. Сейчас ему было около пятидесяти, и он слегка покачивался при ходьбе.

— Я сегодня выхожу в город, — сказал ему Грег. — Не хочу, чтобы за мной увязались папарацци. Можешь взять у брата «хаммер»?

— Без проблем, мистер Уэльс.

— Еще я хочу, чтобы ты встретил меня в месте под названием «Мо» в Южном Робертсоне. Приезжай на своей машине. Припаркуйся в квартале оттуда, но не входи. Будь там к одиннадцати.

Лестер кивнул. Он привык к уловкам суперзвезд и знал, что Грегу порой нужно несколько часов полной секретности и одиночества. На этот раз инстинкты подсказывали ему, что это не интрижка, а проблемы, но вопросов Лестер не задавал.

Ливи сидела за компьютером и делала домашнее задание. Грег увидел, что она в наушниках. Ливи вслух повторяла французские слова. Она отстраненно улыбнулась ему и помахала ладонью: *«Дай мне пять минут».*

Пришлось выйти на балкон. Грег стал рассматривать долину в вечерних сумерках. Луна уже взошла, почти полная и ярко-желтая. *Отлично*, подумал он и вдруг вздрогнул, хотя воздух все

еще был довольно теплым. Огни Голливуда расстилались внизу покрывалом живых угольков.

— Что, пап? — спросила Ливи, обнимая его за талию и быстро чмокая в щеку. — Контракт со Скорсезе не сорвался?

— Нет, и я не позволю этому случиться. Работать у Марти — все равно что преломлять хлеб с Иисусом.

— Но ты выглядишь взволнованным.

— Проголодался.

— Я тоже ничего не ела. Перенервничала перед прослушиванием.

— Мамы сегодня не будет, Джош предупредил, что заночует у Колин, так что мы с тобой остались вдвоем. Как насчет того, чтобы сходить в ресторан?

— Отлично! А куда бы ты хотел пойти, к Иви?

— Мне больше по душе китайский ресторан в Студио-сити. Я не был там уже год.

— Китайский. Мммм... да!

— Как прошло прослушивание?

— На этот раз там было только тридцать человек.

— В основном продюсеры и съемочная группа. Главное — не терять лицо и...

— Знаю, игнорировать остальных. Я справилась. Даже, кажется, *отлично* справилась.

— Я могу позвонить Джерри и спросить, как все прошло.

Ливи схватила его за локоть.

— Нет, не смей! Я потому и взяла девичью фамилию матери, *Ливи Леффорд*. Я сделаю карьеру, потому что я ее достойна, как Брюс Говард.. Пап?

— Что?

— У тебя снова этот взгляд. Что-то не так, я же *знаю* тебя.

Грег покачал головой и выдал успокаивающую улыбку.

На личной парковке, куда Лестер поставил «хаммер», который не помешало бы загнать на мойку, Грег предложил ключи Ливи. Она шарахнулась в сторону, словно он протянул ей скальп поверженного врага.

— Папа, мы поедем на *этом*?

— А почему нет? Ты когда-нибудь водила такой автомобиль?

— Нет, и никогда не буду. — Ливи поморщилась. — Глобальное потепление, папа! А это... Это просто экологический Франкенштейн!

Грег рассмеялся, глядя на луну. Нет, не монстр, сделанный студией «Юниверсал», пришел ему на ум при этих словах. Нечто более достоверное. И куда более страшное.

Он подумал о том, как провести следующие несколько часов и при этом не сойти с ума.

Маленький человечек с лицом румяным и круглым, как повисшая за окнами луна, о чем-то разглагольствовал, когда Грег появился у Мо в две минуты двенадцатого. Коротышка развлекал кучку пропитых завсегдатаев, и без того высокий голос его пустил «петуха», когда Грег открыл дверь. Впрочем, других признаков узнавания он не подал, только уголки маленького рта поджались.

Грег выбрал кабинку и помахал коротышке рукой. Долго ждать ему не пришлось, тот тут же нарисовался рядом.

— *Где она? Где Оливия?*

— Мы с ней поужинали в небольшом ресторанчике на бульваре Вентура. А потом... я нанял лимузин и отправил ее домой.

Маленький человечек протиснулся в кабинку, сел напротив Грега и зашипел, как сердитый кот, в свою курчавую бороду. Его глаза заблестели. Грег спокойно, не моргая, следил за небольшим жировиком между синими глазами карлика. Актерский трюк. Грег знал толк в одежде, ему было известно, как сложно найти хорошего портного. Одежда коротышки, несмотря на его необычную фигуру, была подогнана идеально. На двубортном пиджаке были золотые пуговицы, явно сделанные на заказ, вручную, с рельефными драконами, сорочка из тончайшего полотна словно дышала вместе с хозяином, который сжимал и разжимал кулаки на изрезанной старой столешнице.

— Ты так и не назвал. А я бы хотел знать, кто ты.

— Нам больше *не о чем* разговаривать. Я не потерплю подобного отношения! Даже у актеров вроде тебя должны сохраниться остатки порядочности! Что ж, твоей наградой будет полное забвение. Сортир у Мо слишком хорош для тебя.

Карлик поднял левую руку, и древнее кольцо с ярким камнем вдруг засияло розовым. В центре камня открылся злобный темный глаз. Грег с трудом сохранял спокойствие.

— Подожди минутку, коротышка...

Его заливал свет странного глаза, и Грег едва сдерживался, чтобы не прикрыть лицо рукой. Но спустя несколько секунд свет погас, и глаз разочарованно закрылся.

Человечек потряс рукой и взвизгнул, как от укуса ядовитой змеи.

— Я догадывался, что оно кусается, — дружелюбно фыркнул Грег.

Карлик вытаращился сначала на кольцо, затем на Грега.

— Но... Тебя просто не может здесь быть!

— Ну почему же? Я сделал все, как ты меня просил. *Я привел* своего первенца. Она может войти в любую секунду.

— Что?

Карлик уставился на дверь бара, украшенную рождественскими гирляндами. Дверь оставалась закрытой. Коротышка снова злобно сжал пухлые губы в тонкую линию. Его трясло, как в лихорадке.

— Кольцо уже знает, верно? — Грег вынул конверт из кармана плаща и бросил его на стол перед человечком.

— Что это?

— Свидетельство о рождении моего первого ребенка. Дженнифер Эллен Гармон, двадцати пяти лет. Рождена в Раттлене, штат Юта. Фамилия ей досталась от матери, но в свидетельстве я записан как отец.

— Глупости! Ложь! Неуклюжая попытка... — Человечек приподнялся на сиденье и тут же снова затряс рукой с кольцом. — Ай! Ну ладно.

Он недовольно сел обратно, совершенно сбитый с толку. На лбу выступила испарина.

— Но у тебя только *двое* детей! Я бы знал. Я никогда не ошибаюсь. Я знаю все обо всех моих...

— Клиентах? Жертвах? — Грег достал еще один поблекший конверт. — Тест на ДНК. Мой. И Дженни. Медицинское заключение.

Человечек ерзал и пыхтел.

— Все это можно подделать.

— Да. Но для этого нужно время. А эти тесты на определение отцовства сделаны четыре года назад. Дженнифер *моя* дочь. Тебе достаточно ее увидеть, чтобы в этом убедиться. Она мой первый ребенок, коротышка.

— Хватит меня так называть! Я... *Шаламаназар!*

— Ни за что бы не догадался. Ладно, Шал. Я знаю, что ты всерьез положил глаз на Ливи. Но сделка есть сделка, так ведь?

Шаламаназар принялся мрачно промокать лицо огромным платком.

— Дженни нельзя назвать... хм... «жалкой заменой». Думаю, ты согласишься, как только... О, а вот и она.

Дженнифер Гармон вошла в бар и тут же привлекла внимание всех, кто еще не напился до обморока и не свалился под стол.

Фамильное сходство, как и предупреждал Грег, было поразительным. Но стройное изящное тело, темные непокорные волосы, огромные влажные мечтательные глаза были квинтэссенцией женственности.

Она оглянулась в полутьме бара, приветствовала отца ленивым взмахом руки и тут же просияла, заметив пару автоматов для пинбола.

— Я тут заканчиваю с делами, милая! — крикнул ей Грег. — Поиграй пока, если хочешь.

Дженнифер снова взмахнула рукой, «спасибо, папа», и зашагала к мигающим автоматам, присматриваясь и выбирая, какой ей больше по вкусу.

Шаламаназар длинно, с присвистом, выдохнул. Его лицо медленно заливал румянец, а физиономия сложилась в такую гримасу, что Грег едва сдержался, чтобы не ударить его.

— Дженнифер? Она понимает?..

— Что сегодня отправится с тобой? Да.

— Тогда ладно.

Коротышка покосился на него, но ненадолго. Он все никак не мог отвести глаз от неожиданной награды и все сильнее краснел, заметно подергиваясь от нетерпения.

Грег посмотрел на часы.

— Но не торопи ее. Она обожает пинбол. Пусть немного развлечется.

Шаламаназара это предложение не впечатлило. Он мрачно накрыл рукой древнее кольцо, словно заглушая тихий глубинный рокот камня.

— Я думаю, несколько минут не имеют большого значения.

— Вам далеко идти? — как бы между делом спросил Грег.

— На такси будет быстро...

Шал подозрительно уставился на Грега, когда тот встал. Грег положил на столик связку ключей.

— Небольшой подарок. Возле прачечной, на другой стороне улицы, стоит черный «хаммер».

— Правда? Это... неожиданная щедрость с твоей стороны. Должен признать, я поторопился с выводами, оценивая твой характер.

— Значит, я возобновил абонемент на десять лет высококлассного обслуживания? А затем...

— А затем можешь взять длительный отпуск в компании жены, детей, внуков и третьего «Оскара». Или, если захочешь, займись благотворительностью. Успех гарантирован.

— Вау.

— Да будет по слову моему. Доброй ночи.

— Доброй ночи и тебе, Шал. Кстати, не окажешь мне небольшую услугу? Дженни выглядит опытной, но на самом деле она так и осталась... э... стеснительным ребенком.

— Я понял. Можешь не продолжать.

Взгляд Шаламаназара тут же потеплел, прикипев к Дженни, которая азартно раскачивала автомат, доводя количество очков до невероятных цифр. Автомат был довольно тяжелым, видимо, в хрупкой фигурке таилось больше силы и выносливости, чем можно было заподозрить.

Направляясь к выходу, Грег поцеловал Дженни в затылок. Она отстраненно улыбнулась, полностью поглощенная игрой.

Лестер сидел в «шеви колорадо», припаркованном двумя кварталами южнее бара. Грег устроился на пассажирском сиденье.

— С мисс Дженни все хорошо?

— Да.

— И что теперь?

— Довольно скоро увидим.

Прошло пять минут.

— Как-то не радует перспектива на это смотреть, — мрачно выдохнул Лестер, барабана разбитыми пальцами по рулю.

Шаламаназар вышел из «Мо» следом за Дженнифер Гармон, которая была выше его почти на метр. Заметив «хаммер», коротышка стал торопливо подталкивать ее через улицу. Машин больше не было, время приближалось к полуночи.

— Это тот самый парень? — спросил Лестер. — Похож на Санта Клауса.

— Дженнифер всегда хотела встретить Санту.

Лестер прокашлялся и покосился на него.

— Почему вы просто не позволили мне разобраться с ним?

— Потому что имеется некий протокол и ему надо следовать. К тому же у него есть кольцо, с которым я не рискну связываться.

Лестер с сомнением взглянул на Грега, когда Шаламаназар помог Дженнифер взобраться в огромную машину. «Хаммер» выглядел так, словно его создатели люто ненавидели всех остальных участников дорожного движения. Коротышка обошел авто и вскарабкался на водительское сиденье.

— Думаю, он ограничен во времени, — сказал Грег. — Он стартанул. Следи за ним, только не выдавай нас.

— Могли бы и не уточнять.

Шаламаназар жил в Ранчо-парк, к югу от Пико и недалеко от киностудии «Фокс». Улочка была маленькой и ухоженной, с домами в один и два этажа. Шалу принадлежал коричневый коттедж с плоской крышей, обнесенный полутораметровым бетонным забором с фигурной кованой решеткой. Узкий подъезд к дому закрывался автоматическими воротами. «Хаммер» застрял бы в крытом подъезде, как пуля в барабане, поэтому Шал оставил машину на единственном свободном пятачке в метре от дорожки. И провел Дженни в дом. Насколько мог видеть Грег, Дженни шла с карликом по своей воле. Вот только ее голова была опущена. У Грега от волнения заledenели ладони. Он сжал кулаки.

— Босс?

— Полнолуние, судя по календарю, наступит через семь с половиной минут.

— О боже. У меня волосы дыбом.

— Нашел кому рассказывать.

Лестер периодически покашливал, и только этот звук нарушал тишину.

Прошло десять минут.

— Ладно! Подъезжай к «хаммеру». Отправляемся за Дженни.

— Надеюсь, мы не опоздали.

Ворота были закрыты, но перелезть через стену оказалось просто. Несмотря на поздний час, несколько собачников выгуливали чуть дальше своих питомцев, но на Грегa и Лестера никто не смотрел. Грег решил, что любители подглядывать за соседями его не волнуют. Сейчас его беспокоила только дочь.

Крытый переход привел их к двери в кухню с обратной стороны дома. Стекло двери было закрыто занавесками, и Грегу не удалось заглянуть внутрь. Он сделал шаг назад и кивнул Лестеру.

Лестер выбил дверь.

Над раковиной горела лампочка. И больше ничего, ни малейших признаков сигнализации. Грег сомневался, что волшебник, или колдун, или кем там был этот коротышка, стал бы замораживаться такими вещами.

Кухонька была маленькой, с застекленными шкафами, в которых в идеальном порядке было разложено все, от ложек до плошек. А еще там было жарко до удушья. Дом вздрогнул от гулко-го рокота, раздавшегося снизу. Рядом с кладовой Грег заметил слегка приоткрытую дверь в подвал, в проеме мерцали красные отблески.

— Он что, летом не может обойтись без отопления? — Лестер вынул платок, чтобы вытереть пот со лба. Другой рукой он сжимал пистолет, который носил на поясе.

— Врядли это отопление, Лестер. Но спускаться и проверять мы не будем.

— О Боже! — простонал тот. — Мисс Дженни уже нет?

— Не говори так. Пойдем.

Грег вышел из кухни и крикнул:

— Дженни!

Ответа не последовало. Они обыскали дом, на что потребовалось всего несколько минут. Нашли чучела черных кошек, кото-

рые скалились и выгибали спины, и в большой спальне — огромное овальное зеркало, искажающее отражение и светящееся мутным светом. Грег оно напугало до чертиков.

Задыхаясь от жары, они встретились в коридоре и беспомощно переглянулись.

Из кухни донесся звон битого стекла.

Грег добежал туда первым. Дверца холодильника была открыта.

Дженни, хмурясь, смотрела на осколки бутылки с апельсиновым соком. Потом покосилась на Грегa и уставилась на свои окровавленные руки.

— Там, внизу, так жарко, — пожаловалась она. — Мне захотелось пить. Но бутылка выскользнула из пальцев. Нужно было сначала помыть руки.

Она начала методично вытирать их о блузку, которая вся была пропитана кровью. Из глаз девушки катились слезы.

— Не волнуйся, милая, — сказал Грег.

— П-прости, п-папочка.

— Все хорошо. Давай я помогу тебе привести себя в порядок.

— Я опять была плохой девочкой, папа. — Она оглянулась на дверь подвала.

Лестер обошел ее и намочил в раковине несколько полотенец.

— Папа?

— Да, солнышко?

— Это был не настоящий Санта Клаус.

— Наверное, он меня обманул, Джен.

Грег взял мокрые полотенца у Лестера и начал вытирать дочери ладони, предплечья, испачканное лицо. За двадцать пять лет он успел привыкнуть к подобным процедурам.

— Я принес тебе сменную одежду. Ты переоденешься, а потом можно будет выпить шоколадный шейк и что-нибудь съесть в «Бургер кинге». Как тебе такая идея?

— Да! — Дженнифер тут же улыбнулась. И вздрогнула, когда розовые клыки царапнули нижнюю губу. Она неуверенно посмотрела на отца. — А потом мне придется вернуться в То Место, да?

— Но тебе же там нравится, Джен. В Том Месте ты чувствуешь себя в безопасности.

Она пожала плечами.

— Да, наверное. Но...

— Что, милая?

— Автомат с пинболом сломался, и никто не пришел его починить.

— Знаешь, что я сделаю? Прямо утром, как только проснусь?

— Ч-что?

— Я пришлю тебе туда *шесть* автоматов, и ты сможешь играть так долго и так часто, как сама того пожелаешь.

Он стер брызги крови Шаламаназара с ее лба. Линия волос уже поднималась, открывая все больше чистой розовой кожи. Еще минут двадцать, и Дженнифер снова станет собой. Молодой и чертовски привлекательной.

Лестер неторопливо притворил дверь в подвал и прижался к ней спиной, скрестив руки на груди. Дом продолжал дрожать, как при землетрясении. Дженнифер не смотрела ни на Лестера, ни на дверь. Скорее всего, у нее, как обычно, не останется никаких воспоминаний о сегодняшней ночи, разве что головная боль и сломанные ногти напомнят о случившемся. Да и то без подробностей.

Это было благословением, сопровождавшим ее проклятие.

Шерсть уже исчезла, и Джен обняла Грегa за шею, чтобы игриво поцеловать его в щеку.

— Ты самый лучший на свете папа!

— У меня бывают моменты просветления, — сказал Грег. — А теперь переоденься и почишь зубы, чтобы изо рта исчез этот противный привкус.

Он обнял ее за плечи, выводя из кухни, и посмотрел на Лестера. Тот вздохнул и открыл кладовую, привычно ища швабру и тряпку.

ГАРРИ ШЕННОН

ХОЗЯИН ТЕНЕЙ

Каждый человек — хозяин теней, которые похожи на него и с равным правом в любой момент могут потребовать свое место в личности.

Серен Кьеркегор

— Может быть немножко больно.

Если доктор Ньюманн и знал, что эта фраза — типичный штамп, то умело не подавал виду.

Хирург походил на гнома — низенький, квадратный, с неровными желтыми зубами, напоминавшими клавиши разбитого пианино. Пациент на столе был испуган и растерян, он не помнил ничего, кроме своего имени. Ньюманн отвернулся от стола, держа перед собой руки в белых перчатках. Однако беспомощный человек на столе почувствовал приближение зонда с пугающе длинной иглой, и кто-то из персонала выругался.

— Подождите. — Куинн с отвращением отметил, что его голос дрожит. — Не надо пока. Что вы собираетесь со мной делать?

Ньюманн сжал губы в тонкую линию и склонил голову набок.

— Мистер Куинн, мы ведь уже много раз говорили об этом.

— Я не помню.

— Это мы знаем.

— Вам удобно?

Высокая голосистая медсестра, которую Куинн при обычных обстоятельствах считал бы привлекательной и стройной, в данный момент стояла в углу, наполовину скрытая тенью, и больше всего напоминала хищного богомола. У нее был мелодичный, хорошо поставленный голос. Она поинтересовалась, не нужны ли Куинну лекарства. Ему нравился теплый поток успокоительного, это было лучше, чем чувствовать себя бокалом мартини с тру-

бочкой в голове. Куинн знал, что облажается, что еще одна доза повлечет за собой полную отключку. И что тогда будет?

Куинн понял, что слишком медлит с ответом.

— Нет, мне удобно. Я хочу оставаться в сознании.

— Помните, мы можем сделать это и так, и так, — твердо сказал доктор Ньюманн. — Нам нужно разобраться с вашим расстройством раз и навсегда. — Он поправил очки с толстыми стеклами, отложил иглу в сторону на блестящий серебристый поднос. — Если вы будете в сознании, наше исследование будет более результативным, но необходимости в этом нет. Наркоз не повлияет на эффективность процедуры.

— Вы уверены? — *Убеди его, что ты здоров.*

— Что, простите?

— Вы уверены в том, что это необходимо, и в том, что у меня галлюцинации?

Медсестра Элизабет выскользнула, как паук, из темного угла, и погладила пациента по руке над иглой капельницы.

— Не нервничайте, сэр.

Доктор Ньюманн продолжил:

— Благодаря галоперидолу вы стали намного спокойнее, верно? Мистер Куинн, вам прописаны мощные нейролептики. У вас серьезное расстройство психики. И вы должны позволить нам помочь вам, прежде чем станет слишком поздно.

— А что, если я не сумасшедший? — *Ты здоров. Не позволяй им этого делать.*

— Что?

— Что, если вам нужен не я? Вы же могли ошибиться. Вы читали историю моей болезни, не так ли? Боже, вы ведь не станете оперировать не того, кого надо? Я слышал о таком: однажды человеку ампутировали совершенно здоровую ногу.

— Позвольте привести пример. — Добрый доктор наклонился к нему, и Куинн смог увидеть свое отражение в стеклах больших овальных очков. — Вы говорите нам, что видели какой-то вид неизвестных науке паразитов. И уверяете, что эти паразиты провоцируют агрессивное поведение людей.

— Да. Нет. Я не помню.

— Что ж, мой дорогой мистер Куинн, могу вас уверить в одном: сказанное вами не было бредом, такое и правда бывает.

Поток адреналина превратил время в тягучий холодный сироп. Тот, кто считал себя Куинном, прищурил глаз и приподнял бровь. Перед его мысленным взором возникли видения. Во рту пересохло.

— Паразиты, которые провоцируют насилие?

— Астроцитомы, редкая, но крайне опасная опухоль мозга, возникающая в лобных долях, мистер Куинн. Как я уже говорил, она может стать причиной эмоционального возбуждения, головных болей, привести к визуальным и слуховым галлюцинациям. Я считаю, что у вас именно такая опухоль. Тот же рак можно вполне рассматривать как описанного вами паразита. Теперь нам нужно всего лишь удалить вашу астроцитому с минимальным ущербом для мозга.

— Это не превратит меня в растение?

Ответа не последовало. Дышать стало труднее. Куинн сухо, сонно сглотнул.

— Поверить не могу, что дошло до такого. Кто-то совершенно незнакомый собирается проделать дыру в моем черепе и копать в моем же мозгу каким-то дерьмом, похожим на электрическую зубную щетку и камертон. И говорит, что это будет больно. Боже, за что мне это?

— Тише, тише. — Медсестра влажной тряпочкой вытерла испарину с его лба.

Доктор Ньюманн профессионально скупыми движениями запускал многочисленные приборы. Он дважды попытался включить монитор, нажимая кнопку обтянутым перчаткой пальцем, затем ударил кулаком по коробке, и монитор заработал. Размытое изображение доказывало, что, как минимум, один из приборов оснащен миниатюрной камерой. Ньюманн не поворачивался к пациенту, что-то проверяя на столе.

PPPPrrrrPPPP. Куинн услышал мерзкий тенор хирургической электропилы и задергался, всхлиывая.

— Мне кажется... Меня стошнит.

— Тише, тише.

Сестра Элизабет снова вытерла его лоб. *Так ее зовут. Элизабет.* Куинн подумал: *«Эта сука похожа на диснеевского робота».*

Страх внезапно стал осязаемым, сильнее действия лекарств, и Куинну снова захотелось получить отсрочку. Нужно говорить. *Тянуть время.*

— Вы читали мое дело, док? Я имею в виду, историю болезни?

Хирург, все еще не оборачиваясь, ссутулился, и пила завизжала снова — *PPRppppPPR*, — на этот раз более агрессивно.

— Мы все читали.

— Что читали? — Куинн потерял нить беседы.

Хирург и сестра обменялись понимающими взглядами.

— Читали ваше дело.

— Подождите! — Куинна несло. К тому же он действительно вспомнил. — У меня начались головные боли, да? В центре головы, там, где вроде бы находится третий глаз. Ха. Поначалу анализы ничего не показывали. Меня опутывали проводами и кололи иглами, провели все анализы, которые только могли придумать. Это само по себе уже вредно. Я имею в виду, они же лезли мне в голову.

— Тише, тише. — Женские пальцы коснулись его виска.

— Хватит это повторять! — Куинн знал, что его голос стал выше на пару октав, но это был крик души, который невозможно было остановить, как и лихорадочный лепет. — Все началось внезапно. Я говорил с одним из специалистов, с крупным седым мужчиной по имени Эдисон. Он посмотрел в окно, и тут я заметил, как что-то выползает из его правого уха. Это было похоже на земляного червяка, черного и блестящего, только с усиками. Оно секунду потрепыхалось и заползло обратно.

— Вот так, — довольно заключил доктор Ньюманн, укладывая пилу на серебристый поднос. Рядом с пугающе длинной иглой. — Но это, конечно же, нелогично и абсурдно. Верно?

— Возможно, но...

— Вам нельзя волноваться, — мягко сказал хирург. — Постарайтесь сохранять спокойствие. Так ваш мозг легче перенесет вмешательство.

— Док, вам не нужно этого делать. Я могу поправиться и без операции.

И снова в голосе Куинна слышались отчаяние и дрожь. И снова ему стало стыдно. Потому что он ни в чем не был уверен, даже в том, что он не сумасшедший. *«Но если я понимаю, что мог сойти с ума, значит, я не сошел с ума. Я где-то читал об этом».*

— Тише, тише.

Куинн застонал.

— Сестра, пожалуйста, просто дайте мне воды.

— Нельзя, — мягко, как обычно, прошептала она. — Вы можете поперхнуться и захлебнуться собственной рвотой. Потерпите, это ненадолго.

— Подождите. Подождите. — Он *должен был* закончить рассказ. — Я действительно помню. Тогда я никому ничего не сказал, чтобы меня не посчитали сумасшедшим. Но в те же выходные я смотрел трансляцию баскетбольного матча и переключил канал на местные новости в перерыве, и...

Доктор Ньюманн взял шприц с иглой и нажал на поршень. Из иглы вырвалась струйка прозрачной жидкости. Стекла очков теперь отражали кого-то или что-то, стоящее за головой Куинна, в темноте у стены, рядом с операционной сестрой. Миг спустя это нечто исчезло. *Что это было?*

— В общем, в новостях сказали, что на четвертое июля этот доктор Эдисон совершенно слетел с катушек.

Сестра проявила интерес.

— Правда?

Куинн сделал паузу, чтобы отдышаться, стараясь не смотреть на жуткую иглу и мечтая остановить время.

— Он отравил всю свою семью. Подмешал что-то в пунш на вечеринке, что-то с кураре, «обездвиживающее», как сказали в новостях. То, что часто используют во время операций, кажется. А потом он кромсал их скальпелем, парализованных, но не потерявших чувствительности.

— Как мерзко. Но ведь его поймали? — спросил доктор Ньюманн так спокойно, словно уже знал ответ либо не придавал ему значения.

Длинная игла все подбиралась к дрожащему Куинну, к его незащитной вене.

— Нет, он каким-то образом сбежал. — *Нет, не надо!*

— Трагично.

Чей это голос, мужчины или женщины? Куинн не был уверен, что ему не послышалось. Возможно, голос прозвучал в его голове.

— Изумительно.

А это кто сказал? Почему в операционной посторонние?

— Итак, итак. — Ньюманн надел повязку и нагнулся к Куинну со шприцом. — Давайте начнем.

— Подождите! — Куинн понял еще кое-что, и это его испугало. — Разве вы только что не трогали пальцами грязный монитор?

Доктор пожал плечами. Снова осмотрел иглу, проверил, не осталось ли пузырьков И, довольный, нагнулся еще ниже, накрывая Куинна бархатной тенью. Отыскав вену, он наконец ответил:

— Монитор у нас иногда барахлит.

— Но это значит, что ваши перчатки больше не стерильны, так ведь?

— Не волнуйтесь, — прошептал доктор с мягким австралийским акцентом.

Сестра положила руку на голое плечо Куинна. Рядом раздался низкий мужской стон, словно садист зашелся в сексуальном экстазе.

— Слушайте, ну подождите, вы же собрались лезть этими руками ко мне в *мозг*! Стойте. А это что такое? Что это за лекарство вы собрались мне колоть?

Игла вошла в вену, и все тело Куинна словно скользнуло в глубокую теплую трясику. Он забыл, о чем беспокоился всего секунду назад, хотя и помнил, что сильно нервничал. Даже когда включилась пила, Куинн оставался таким же спокойным и отстраненным. Еще несколько уколов, и он перестал чувствовать свой лоб.

PPPPppPPPPpppp Его аккуратно скальпировали. Куинн ощущал только слабое натяжение. А затем с тихим «чпок» крышку его черепа сняли. Куинн хрюкнул, лениво взглянул на монитор и заметил пульсирующие красные и синие ткани. И кончик длинного алюминиевого зонда.

— А сейчас мне нужно, чтобы вы четко описали происходящее, — сказал добрый доктор. — Когда я коснусь вот этого...

...жажда измучила его до полного отчаяния. Жар солнца раскалил камни, и они рассыпались тысячами осколков сияющего зеркала. Под низкорослыми тамариндами еще осталось немного тени. Куинн пополз туда, облизывая сухие губы, надеясь найти источник. Солнце уже второй час стояло в зените. Ему нужно отдохнуть. Было слишком жарко, чтобы двигаться дальше. Куинн добрался до тени. Сапоги из козьей кожи не оставляли следов на плоских камнях. Он заполз под ветви деревьев, прикрылся сухой травой и закрыл глаза. Хотелось отдохнуть, но в ушах до сих пор стояли жалобные обреченные вопли погонщика мулов, которого апачи привязали к колесу телеги и медленно поджаривали. Куинн не понимал, зачем им это. Одно дело убийство, иногда без него не обойтись, но получать удовольствие от человеческих мучений...

В русле сухого ручья зашуршала галька. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Куинн схватился за карабин. Ему едва хватило сил переломить ствол и зарядить его. С другой стороны холма все кричал и кричал парнишка-мексиканец. Дрожащими руками Куинн поднес дуло ко рту. Проглотил сухой ком в горле и решил, что живым в руки дикарей не дастся. Он ждал. Слушал...

— Мистер Куинн? — Доктор Ньюманн казался раздраженным. — Для эффективности этого подхода вы не должны отвлекаться от процесса. Что вы увидели, когда я дотронулся до того места?

— Яркий свет, — простонал Куинн и поперхнулся. — Я был не здесь. — Он очень хотел пить. — Там было жарко, как в пустыне. Я слышал свои шаги по земле и чьи-то крики вдали.

— Ах! — Врач явно был доволен. — Значит, мы получили свет и звук. И точно знаем, кто кричал, так ведь?

Инструмент коснулся другого участка мозга. Изображение на экране вздрогнуло.

— А что происходит сейчас?

...Старик смотрит на свои руки, покрытые морщинами и пигментными пятнами, на потрепанную клюку под

ладонью. Его коричневые тапки шаркают по плетеному ковру в пересечении света и тени. С каждым шагом он тяжело охает. Какая-то смутная, но все еще яростная его часть помнит, каково это — быть молодым. Он ненавидит развалину, в которую превратилось его тело. И хочет дойти до окна, выглянуть из окна, чтобы избавиться от ловушки, которой стала его кровать. От испражнений в постель. От комнаты, где собраны такие же старики, беспомощные, как дети. Он хочет выпить свежей воды. Там, снаружи, свет, и пение птиц, и такие яркие цвета, и свежий ветер...

— Ветер. — Куинн удивился тому, как громко звучит его голос.

И подумал: *«Где я был только что? Неужели во сне?»*

Глаза доктора Ньюманна искрились над белой маской, трепещущей от быстрого неглубокого дыхания. Он был возбужден, но явно озадачен.

— Вы слышали ветер? Странно.

Куинн смотрел на монитор, пытаясь понять, что видит, и уже хотел возразить, когда зонд начал опускаться для новой пробы — боли снова не было, на этот раз лишь водоворот цвета и звука...

...солнечный, но не жаркий день — он смотрит на полосу газонной травы и слышит жужжание и шипение поливалки. Куинн роняет лопату и смаргивает пот. Он с удовольствием наблюдает за тем, как девушка с бронзовой от загара кожей, длинными каштановыми волосами и миндалевидными глазами танцует под прохладным дождем. На ней мужская белая футболка, мокрая ткань липнет к телу, очерчивая напряженные соски и темный треугольник волос внизу. Она широко улыбается ему, подмигивает и машет рукой. Он смотрит вниз, на свои огрубевшие руки: они снова сильны и увиты молодыми мускулами. Девушка пошла к нему, покачивая бедрами, он потянулся к ней, но мир потемнел и пальцы коснулись пустоты, такой горькой пустоты...

— Нет, только не это, только не пустота! — Куинн кричал. Внезапная потеря казалась невыносимой. *«Я действительно был там, это не мое воображение».* — Пожалуйста, нет! — *«Верните меня обратно».*

Он готов был умолять, но только всхлипнул и закашлялся.

— Я очень хочу пить.

Сестра поцокала языком и вытерла его лоб. Наверное, она думала, что это утешит Куинна. То, что произошло, казалось сбоем программы. Время замкнулось в кольцо. Мир трещал, как смятая фольга. Доктор Ньюманн поправил маску. Почесал щеку и покачал головой.

— Что вы ощутили, мистер Куинн?

— Прошу вас, не возвращайте меня, — ахнул Куинн. *«Пожалуйста, не возвращайте меня! Я не хочу в эту комнату. Оставьте меня с ней!»*

— В... пустоту?

— Нет. — Куинн не знал, как им объяснить. Он заплакал. — Пустота.

Ньюманн захихикал.

— Понятно. Что ж, в месте, которое вы называете пустотой, вам наверняка очень, очень плохо. — Он закатил глаза, словно играя роль перед невидимой аудиторией. — Мы подбираемся все ближе, да?

Врач записал что-то в блокнот.

Ближе к чему? Кто еще здесь?

— Кто вы такие? — закричал Куинн. — Что вы со мной делаете?

Внезапно на него накатил ужас, потому что ответ вдруг стал кристально ясен, и Куинн испугался, что его сердце не выдержит. Он начал бороться за свой разум, за свою жизнь. Забился и задержался.

Медики пытались успокоить его, но Куинн все сильнее дергался в потрепанных ремнях. Свежий поток ледяного адреналина помог сохранить сознание. Теперь тот, кого называли Куинном, знал, что он вовсе не болен, что ему здесь не место, а вся эта операция подстроена. Его накачали наркотиками и пытали. Боль прояснила сознание.

Он знал секреты, которые должен был сохранить.

Картина мира изменилась, и Куинн смог воспринять ее целиком. Сначала смесь вони: хлорка и моча, настоящий запах этого помещения. Операционная вовсе не была стерильной; ее обустроили

в пыльном подвале гаража или сарая, все оборудование облупилось и было покрыто ржавчиной. На бетонном полу были потеки того, что могло быть только засохшей кровью. Он сам не раз истекал кровью на этом полу.

— Хватит прелюдий, — сказал Ньюманну кто-то, кого Куинн не мог видеть. — Пусть наш маленький предатель заговорит.

Куинн сжался. Вот еще один фрагмент этого пазла. Ему был знаком этот голос, хотя сразу определить, кому он принадлежит, Куинн не мог. Невероятным усилием воли он сосредоточился и наконец увидел высокого мужчину в форме с погонами тайной полиции. Полковник.

«Боже, мое прикрытие не сработало, я в плену. Но блок в мозгу сработал, и им пришлось ломать меня вот так».

Доктор Ньюманн поспешил к нему. *Это реальность?* Врач, похоже, всерьез боялся скрытых в полумраке офицеров, видимо, представлял, что они сделают с ним в случае неудачи. Возможно, ему приказали пойти в обход внушенных воспоминаний, добраться до места, где человек может хранить секреты, невзирая на любую физическую боль. Если так, то хирург вынужден либо вскрыть человеческий разум на этой каталке и достать из него секреты, либо заменить Куинна в пыточной камере.

Куинн копил слюну и, когда врач нагнулся, плюнул ему в лицо.

— Пошел ты!

Доктор Ньюманн отвернулся и напряг плечи.

— Крепкий орешек. — Он набрал еще анестетика. — Нужно его успокоить.

— Нет. Хватит лекарств. — Снова голос полковника. — Мы хотим, чтобы он мучился.

Кто-то затянул ремень, удерживавший голову Куинна. Боли он не почувствовал, но что-то в черепе хрустнуло, и перед глазами все поплыло. Куинн больше не боялся смерти — его пугал долгий, мучительный путь к ней.

Он услышал чирканье спички, и через несколько секунд до него донесся запах дыма дорогой сигары. Все вокруг стало четким, ясным. Что-то в подходе Ньюманна явно сработало, но не так, как они предполагали. Куинн запаниковал и поднялся со дна глубокого темного колодца на поверхность. Он вспомнил, что на самом

деле его зовут Нил Кэссиди, вспомнил имена и адреса других членов своей группы, в том числе и любимой, Мартины. *Нет!*

Он полностью воспринимал окружающее. Понимал, что находится в пыточной камере, и это его пугало. Еще пара минут, и его защита будет взломана. А без блока в сознании он может выложить им все, что они хотят.

Он попытался проглотить язык, но медсестра раздвинула палькой его челюсти.

— Еще раз. — Нетерпеливый голос полковника, прикосновение электрического зонда...

Повсюду замерзшая вода, Кэссиди стоит на вершине кристально белого холма, окруженного соснами, сгибающимися под весом свежего искрящегося снега. Он еще мальчик, он выдыхает клубы пара и смеется от незамутненной радости, потому что пар так похож на дыхание дракона и так красиво рассеивается в чистом утреннем воздухе. Он смотрит вниз, на свои маленькие руки в синих шерстяных варежках. У него санки. Отталкиваясь ногами, он выезжает на склон, делает глубокий вдох и посылает санки вниз. Санки несутся со свистом пушечного ядра, он кричит от радости. И вдруг пугается того, что санки могут влететь в дерево и он сильно ударится, а то и умрет. Радость сменяется страхом. Уши замерзли и болят, воздух протесняюще визжит, а может, и не воздух, может, это чей-то голос, возможно, даже его голос...

— Дадим джентльмену отдохнуть, — почти вежливо говорит полковник. — Не вижу смысла в излишней грубости.

Но Кэссиди/Куинн не может перестать кричать. Он издает совершенно дикие звуки, словно обменялся душой с тем мексиканским парнишкой, которого сожгли на колесе под жарким солнцем Техаса. Так могла бы кричать душа гордого мужчины, запертая в гниющем теле незнакомца, так мог бы кричать любящий мужчина, навеки потерявший свою жену. Так выл ветер в ушах мальчишки, несущегося навстречу смерти. Вопли отдавались эхом от бетонных стен. Он кричит за все эти жизни, за все двести пятьдесят лет и вот наконец замолкает. Остается лишь сорванное дыхание Кэссиди/Куинна.

— Хватит. — *Кто это сказал?*

Он предаст друзей, в этом можно не сомневаться; будет тараторить и выть, пока не выболтает все, что ему известно, лишь бы избежать Ньюманна и его зонда, игл и наркотиков. Это нужно остановить.

«Я ведь и правда был там, — лихорадочно размышлял пленник. — Меня не было здесь, я был там, на заснеженном склоне». Он сглотнул слюну и выдавил:

— Я буду говорить.

Полковник подался вперед, скрипнув стулом.

— Конечно, будешь, Кэссиди. Почему бы и нет? Твои друзья уже многое нам наболтали.

— Ложь.

— Назови мне их имена.

— Прошу вас. Я не могу.

— Не можешь? — Стул снова завизжал. — Видимо, мотивации было недостаточно. Ньюманн, повторите-ка ему последний сеанс.

Пленник внезапно принял решение.

— Ладно, ладно, — прохрипел он. — Но пожалуйста, только не пустоту. Только не ее. Второй раз я просто не выдержу.

Доктор Ньюманн помедлил секунду, осмысливая услышанное. Сверился с пометками в блокноте, нашел место, обозначенное как «пустота», и вопросительно посмотрел на полковника. Тот кивнул, и Ньюманн сместил зонд к участку мозга, отвечающему за «пустоту».

Прошептав «прости», он опустил зонд...

...девушка с бронзовой от загара кожей, длинными каштановыми волосами и миндалевидными глазами танцует под прохладным дождем поливалки. Это Мартина, на ней мужская белая футболка. Мокрая ткань липнет к телу, очерчивая напряженные соски и темный треугольник волос внизу...

— Что происходит?

— Не знаю, сэр.

...Мартина широко улыбается ему, подмигивает и машет рукой. Кэссиди смотрит вниз, видит мозоли на руках: на сильных молодых руках с рельефными мышцами...

— Отвечайте, черт бы вас побрал, что с ним не так?

...Она приближается, покачивая бедрами, и он шагает ей навстречу. Пространство и время сходятся воедино...

— Вы его потеряли?

— Я не знаю, что случилось.

— Посмотрите на него. Это же овощ, у него слюна капает.

— Какая-то форма кататонии?

...Солнце целует голую кожу, покрытую потом и кремом от загара, тело наслаждается физической работой...

— Идиот! В таком состоянии он бесполезен!

— Доктор, — зовет медсестра, — пациент не дышит.

— *Что?*

— Пульса нет.

— Реанимируйте!

— Мы пытаемся. Разряд. Разряд!

— Доктор?

...солнечный, но не сухой день — Кэссиди видит полосу темной газонной травы, блестящей от брызг поливалки, которая с шипением вращается на заднем дворе. И снова она улыбается ему...

Мартина.

Свободен. Я свободен...

Стоп.

Пациент открыл налитые кровью глаза. Хирург походил на гнома — низенький, квадратный, с неровными желтыми зубами, напоминавшими клавиши разбитого пианино. Куинн был напуган и не помнил ничего, совсем ничего, кроме своего имени.

Хирург ободряюще похлопал его по руке.

— Может быть немножко больно.

Л. А. Бэнкс

ЧЕГО НЕ ОТНИМЕТ ДЬЯВОЛ

Воющий ветер трепал полы их мантий. Голоса сплелись в какофонии акцентов. «Да будет так!» Суровые решительные лица казались мертвенно бледными в свете луны. Двенадцать человек стояли на поляне плечом к плечу. Один из них держал книгу, переданную безутешной семьей жертвы.

Женщина устроила им сцену. Она кричала, когда ее уводили:

— Если не верите, вызовите это! Скажите правду и посрами-те дьявола! Вы знаете, что случилось с моим ребенком!

Из любопытства они выслушали ее страстную мольбу. Злость и негодование заставили выполнить ее просьбу. Кровь ее дочери пропитала землю на месте убийства. Это был факт. Но они были образованными и рассудительными людьми. А в том, что они делали, не было ничего рассудительного. Зато было много странного.

Они вызывали нечто, чего не отнимет дьявол и не приемлют ангелы. Существо не принадлежало ни свету, ни тьме, оно было наследством ранних дней титанов, вестником справедливости, который мог творить как величайшее добро, так и огромные разрушения одновременно, в зависимости от каприза призвавшего. Сама по себе эта сущность была нейтральной. Призванная, она несла с собой смерть. По крайней мере, так говорилось в книге.

Они обсуждали все это за бренди и сигарами, и у каждого была своя теория. Книгу оценили на «Сотбис», и оказалось, что это «настоящая Маккой»... одна только историческая ценность которой тянула на несколько миллионов. Книгу вручили им при свидетелях. Они могли просто продать ее и разделить прибыль; право собственности также было передано им. Но прежде чем обменять книгу на многомиллионные радости, один из хорошо образованных членов их маленького братства решил прочитать текст. А второй хотел убедиться в аутентичности

странных выражений и рискнуть проверить заклинания в действии.

Изначально это была причуда, всего лишь интересный повод для беседы посреди мировой скуки.

Двенадцать раздраженных судей стояли на лесной поляне, очищая сознание, очищаясь от предрассудков, подготавливая путь для абсолютной справедливости. К тому времени они узнали, что законность не всегда этична, а этичность не обязательно законна.

Но каждый из них устал смотреть на то, как виновные уходят от ответственности. Каждый готов был доверить право исполнить приговор древней и странной сущности. Каждый сожалел, что им не удалось вынести приговор серийному убийце, отнимавшему жизнь у молодых женщин одним из самых жутких способов... сожалел, что не смог утешить убитых горем матерей, что не смог отправить мерзавца на электрический стул.

К сожалению, в высших слоях общества свои правила, и тень обоснованного сомнения все же возникла. Рыдающие семьи, сомневающиеся присяжные — у всех были дела, за которые их преследовало чувство вины и будет преследовать до могилы. Растворители малолетних, серийные убийцы, домашнее насилие, завершившееся смертью... Воротилы наркобизнеса, уничтожавшие жен и детей тех, кто осмелился им противостоять. Недобросовестность полицейских при сборе доказательств, запуганные свидетели, продажные адвокаты, отсутствие тестов ДНК. Эти пожилые мужчины устали. Лишились остатка иллюзий. И сегодняшнее действие было просто попыткой разогнать рутину. Ритуал не мог сработать, истинная ценность книги была в ее древности, и никаких магических сил в ней не оказалось. По крайней мере, так они думали.

Призыв остался без ответа, и книга была закрыта с великим разочарованием — никто из них ни за что не признался бы остальным, что втайне надеялся: текст был подлинным. А потом они вернулись к повседневным делам, их ждала работа в зале суда. Все пошло как обычно. Ни правосудия, ни мира. Книгу без лишней помпы продали музею и разделили деньги. Ритуал оказался бессмысленным.

Сан-Франциско...

Ему пришлось проехать через всю страну, чтобы сбежать от враждебно настроенного общества, но теперь суд и обвинения остались в прошлом. Нужно было залечь на дно и выждать, когда обстановка немного успокоится. ФБР будет наблюдать за ним, местные копы тоже добавят проблем. Ну кому какое дело до обдолбанных шлюх? Их всех необходимо очистить, они все нуждаются в метке смерти. Каждая тварь была бесстыдна в своей чувственности.

Подмигнув своему отражению в зеркале за полками бара, он расправил широкие плечи и провел пальцами по каштановым волосам. «Выгляжу, как звезда Голливуда», — хмыкнул он про себя. Его кумиром был Тед Банди, знаменитый серийный убийца. И прежде чем все закончится, он собирался побить рекорд своего кумира. Ему всего тридцать один, времени предостаточно. А шлюхи всегда сами вешались ему на шею, облегчая задачу.

И каждая вынуждала его сжать распутную шейку и душить до упокоения. Но убивал он не раньше, чем они начинали умолять, не раньше, чем выбивал из них признание во всех грехах. Он любил смотреть, как шлюха корчится на полу и перечисляет ему все те животные грязные штучки, которые она вытворяла за деньги. И его тошнило от того, что семьи этих тварей потом осмеливались плакать в зале суда. Он поднял стакан и неторопливо втянул очередную порцию «Джека Дэниэлса». Он наблюдал.

Почему эти нытики не оплакивали того, что их дочери сотворили со своей невинностью? Почему пьяные мамыши, тупые злобные отцы и озабоченные кузены, тетушки и дядюшки и пальцем не пошевелили, чтобы их родственница-проститутка вела достойную жизнь? Почему они считали, что имеют право требовать правосудия в виде пожизненного заключения или смертельной инъекции, ведь это они изначально были виноваты? Он только заканчивал их труд — делал ходячий труп трупом лежащим. Почему же их не судят за то, что они своим поведением разрушили жизнь родственницы-шлюшки?

А вот и еще одна вошла в бар. Блондинка, как и все остальные. Одета, как настоящая шлюха. Груды выпирают из тесного кружевного лифчика, соски просвечивают даже сквозь алую

блузку. Короткая узкая черная кожаная юбка, колготки-сетка и красные туфли на высоченных шпильках. Она нагнулась к уху потенциального клиента, и алый от помады рот сложился в правильную «О». Ему нравилось видеть такую форму, выдавливая из твари последние капли жизни.

Ногти на руках были выкрашены таким же алым цветом. Ему нравилось хранить ногти у себя, особенно акриловые. Брови у шлюхи были слегка изогнутыми и тоже светлыми. Она может оказаться натуральной блондинкой, и тогда соски у нее будут розовые. А не так, как у тех крашенных сучек, о которых он в последний момент выяснял, что на самом деле они брюнетки.

У него встал, когда она нагнулась, чтобы поднять упавшую сумочку. Из-за всех этих судов и переездов, из-за необходимости не попадать в поле зрения полиции у него слишком давно никого не было. Ни одной остывшей узкой задницы. Жернова правосудия двигались медленно, на слушания ушел почти год. Целый год его не выпускали под залог, даже порно негде было достать. В камерах, конечно, многое происходило, но им хватило мозгов не подкатываться со своими проблемами к нему. Его же интересовало другое. Целый год ему пришлось дрочить, вспоминая бледные безжизненные тела. И вот теперь эта шлюшка смотрит ему в глаза.

Он кивнул. Джентльмен, как всегда, — лучший способ внушить им фальшивое ощущение безопасности. Она подошла и села рядом. От этой шлюхи на удивление хорошо пахло.

— Купить тебе выпить? — спросил он, слегка скосив глаза.

— Да, было бы неплохо, — протянула она. — Но я бы лучше покурила. Здешний запрет на курение в барах — просто фигня.

Он махнул бармену, размышляя, с чем имеет дело: с обычной заготовкой для привлечения клиентов или она действительно не-здешняя.

— А я думал, что калифорнийцы поведены на здоровом образе жизни.

Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ, хищно оскалившись.

— Понятия не имею. Я *совершенно* не местная.

— Ах... Я так и подумал. Что тебе заказать?

— «Джонни Уокер», черный. — Шлюха уставилась на него с вызовом.

Он спокойно кивнул бармену, и тот отошел. Сучка откровенно напрашивалась.

— Так откуда ты?

— Из Вегаса, — сказала она, начиная копать в сумочке.

Ему открылся прекрасный вид на ее декольте.

— И сколько ты планируешь здесь оставаться?

— Это зависит от многого, — спокойно сказала она, беря наполненный барменом стакан и поднося его к губам.

Он наблюдал за ее влажным ртом, за тем, как размазывается помада.

— А ты здешний? — Шлюха захлопала длинными накрашенными ресницами, явно завлекая его.

— Это зависит от многого, — с полуулыбкой ответил он.

Сучке нравилось играть. С ней можно будет неплохо поразвлечься. Вытащив из кармана пачку наличных, он отложил на стойку столондаровую купюру, дав понять, что с ним выгодно иметь дело.

— Так ты знаешь, где я смогу покурить? — Она отвела взгляд от стопки купюр и заглянула ему в глаза. — Или еще что-нибудь?

— Это тоже зависит от многого. — Он убрал деньги в карман и сделал вид, что занят выпивкой.

Она наклонилась ближе.

— Я не могу здесь открыто работать, меня просто выбросят, понял? Я новенькая, и у меня пока нет своего места. Работать на улице без «начальника» нельзя, иначе меня найдут в канаве.

— Хочешь покурить после выпивки?

— Конечно. — Она залпом опрокинула стакан и встала.

— Насколько?

Шлюха улыбнулась.

— И это тоже зависит от многого.

Обычно он был спокойнее, терпеливее. Но перерыв был слишком долгим. К тому же она оказалась жадной и в лифте не прекращала его касаться. Обычно он так не делал. Ему нравились придорожные мотели, где можно было подогнать машину прямо к двери. Сейчас он остановился в месте с почасовой оплатой. Его покалывала клаустрофобия, и он не захватил всех своих инструментов. Но, возможно, это было и к лучшему — сменить почерк на новом месте.

К тому же у него стоял так, что перед глазами все плыло. А ее ладонь добавляла жара. Она слегка расстегнула блузку, открытая полукружья розовых сосков. Позволила ему целовать их в лифте, гладить руками. Не возражала, когда его руки заскользили по ее колготкам-сеточкам под юбку. Исследуя пальцами влажные трусики-танга, он размышлял о том, что же ее так возбуждало: он сам, пачка денег, или это была просто смазка, которую проститутки используют, чтобы обмануть клиента, показав, как он их заводит.

В коридоре так воняло мочой, что у него заслезились глаза. Скоро шлюха будет холодной, и он наконец сможет ее трахнуть, очень скоро. Он, наверное, не будет растягивать удовольствие и задушит ее сразу.

Он с улыбкой открыл дверь в номер и пропустил ее вперед.

— Мне нужна доза, папочка, — сказала она, расстегивая блузку.

Лифчик-бра едва сдерживал ее грудь. Она быстро сбросила его.

У этой шлюхи было великолепное тело. Он давно не встречал таких красавиц.

— Я заплачу достаточно, как и обещал... Ты позаботишься обо мне, а я о тебе.

Она подошла к нему, потерлась всем телом, расстегивая на нем брюки. И упала на колени, как только добралась до сути.

Это было сложнее всего: сдерживать свою природу, когда жертва начинает сосать. Было хорошо, но чтобы было *правильно*, она должна быть мертвой.

— Вставай, — приказал он сквозь зубы. — Ложись на кровать.

Шлюхам это нравилось — нравилось, когда он командовал. Этой *очень* понравилось. Она широко улыбнулась и встала. У нее было великолепное тело, он даже представить не мог, что она наркоманка. Ни уколов на руках, ни темных кругов под глазами. Прекрасная, и именно поэтому использование такого тела для проституции было преступлением, заслуживающим наказания. Именно поэтому он будет пытаться сильнее, чем остальных, как только сунет угол подушки ей в рот. И действовать придется быстро — надо кончить поскорее, хотя что-то не получается.

— Ляг на спину и раздвинь ноги.

Она улыбнулась еще шире и сделала, что он просил, наблюдая, как он двигает рукой. Этой сучке, похоже, нравилась его боль. Надо прекратить и просто убить ее.

— Ты труп, — спокойно сказала она.

— Что ты мелешь?! — Он закричал, не в силах остановить руку и отвести глаз от ее груди и светлого треугольника волос в паху.

— Я сказала, что ты труп, — прошептала она, перекатываясь на бок и подпирая щеку ладонью.

Он был зол. Он пытался остановиться, но не мог. Рука двигалась все быстрее, причиняя уже серьезную боль.

— Почему ты убил всех этих женщин? — спросила она с грустной улыбкой. — Они были проститутками и наркоманками, но это были чьи-то дочери. И не тебе было решать, как им жить, Боб. Это не твое дело.

Его пульс ускорился втрое. Он посмотрел вниз и открыл рот, чтобы закричать, но не смог издать ни звука. Он уже стер всю кожу со своего члена, кровь текла на пол, рука сжимала голые вены и плоть. А потом пришла боль, настолько сильная, что он рухнул на колени.

— Помнишь ожоги от сигарет? — проворковала она.

Невидимая сила поволокла его к кровати, лицом к ней. Она вся была покрыта ожогами, и стоило ему это увидеть, как он ощутил, что такие же ожоги появляются на его теле. Он все так же не мог издать ни звука, только всхлипывал от боли. В ее руке ниоткуда возник портсигар, она вынула сигарету. Кончик сигареты начал тлеть от одного ее взгляда.

Лежащая на кровати спокойно поднесла фильтр к губам, и он заметил, что алые ногти на тонких пальцах начали удлиняться. Сделав глубокую затяжку, она сложила губы правильной «О» и выпустила колечко дыма. Все чувствительные места его тела пылали и обугливались, в нос ударил отвратительный запах горелого мяса — но ему по-прежнему не позволено было кричать.

Хватая воздух в агонии, все еще сжимая окровавленный остаток члена, он не мог даже взвизгнуть, когда она села. Чистый ужас не позволял ему отвести глаза. Да, он помнил, что делал с каждой из жертв. Но кто эта сука? Что она такое? Почему обладает такой силой?

— Помнишь порезы? Помнишь, как срезал им соски и ногти, как полосовал их прекрасные лица?

Он закрыл глаза и покачал головой. По щекам покатились слезы. Он хотел умолять, но слов не осталось, когда он ощутил холодное лезвие, срезающее его сосок. Однако, открыв глаза, он увидел, что тварь стоит в противоположной стороне комнаты, а его левый сосок валяется перед ним на полу.

— Боб, — пробормотала она, обнажая в улыбке желтые клыки, и превратилась в самого жуткого зеленого монстра, которого он только мог представить.

Прежде идеальное тело стало неуклюжей тушей с когтями, крыльями и заостренным хвостом. На коже виднелись все раны, которые он когда-либо наносил своим жертвам. Его всхлипы явно радовали эту тварь.

— Ты мучил их несколько часов, заставлял плакать и умолять. Ты заставил рыдать их семьи. Интересно, сколько жертв назвали в суде и как долго умирала каждая из них? Помнишь, ты спросил, сколько я планирую оставаться в этом городе... а я сказала, что это зависит от многого?

Субботний гольф по утрам был традицией двенадцати друзей. Иногда приезжали не все. Шесть из двенадцати собрались сегодня на зеленом поле. Мобильные телефоны были выключены. Полная концентрация и чистая игра. Это было их убежище... не подалеку от того места, где они предприняли мальчишескую попытку на поляне и не преуспели.

Но игру прервало появление карта для гольфа, в котором восседал их добрый друг из бюро. Что-то в позе Джона заставило их оторваться от игры и присмотреться. В его карих глазах застыло странное беспокойство. Едва дождавшись остановки, он спрыгнул и почти подбежал к ним, переводя взгляд с одного на другого. Темный костюм Джона был измят, словно он не снимал его уже сутки. Судьи переглянулись: их коллега обычно сохранял профессиональное спокойствие и всегда выглядел на все сто, сейчас же его седые волосы были растрепаны, под глазами залегли тени.

— Джон, ты в порядке? — спросил Уолтер.

Он был старшим в их компании, и если что-то шло не так, всегда узнавал об этом первым. Сейчас он не сводил глаз с Джона Макдэвитта.

— Джентльмены, — мрачно и серьезно начал Джон, — нам придется столкнуться с настоящим безумием. Кажется, кто-то начал копать во всех наших закрытых делах. Особенно... в сомнительных. — Он попытался пригладить волосы пальцами. — Не знаю, как вам это объяснить, но те, кто был виновен, а затем отпущен из-за недостатка улик или по решению присяжных... Все они оказываются в морге.

— Что? — пробормотал Джим, глядя на Билла.

Брэд нервно зашагал по кругу.

— Господи Иисусе... Ты, должно быть, шутишь.

— Я был бы рад, окажись это розыгрышем. — Джон оглядел друзей. — Но у нас, господа, появилась общая проблема.

— Подожди, я же знаю, что мы здесь ни при чем, — сказал Том, глядя на начальника ФБР. — Но я требую присутствия моего адвоката.

— Я, естественно, не обвиняю вас. — Джон Макдэвитт смутился. — Ты же не считаешь нас дураками, Том? Мы не верим, что двенадцать судей решили вдруг закончить дела, которые не смогли довести до конца. Давайте без шуток. Мы ломаем головы над тем, как защитить двенадцать судей от сумасшедшего, который убивает подсудимых. Я приехал лично предупредить вас, потому что он начал с виновных, но с тем же успехом может переключиться на вас... обвинить за неверный приговор, к примеру. — Он указал подбородком на мнующихся вдалеке агентов. — Мы подключили психологов и профайлеров, они уже исследуют эти дела со всех сторон.

Эд обеспокоенно огляделся.

— Ты сказал, что все они оказываются в морге. «Все» — это сколько?

— За одну ночь у нас набралось пятьдесят дел. В том-то и проблема. — Джон потер лицо ладонями. — Психов, наверное, целая сеть, потому что они работают по вашим федеральным делам и убийствам, соответственно, по всей стране... Виновных калечат теми же способами, которыми по материалам дел были искалечены их жертвы.

— То есть все наши прошлые дела попали в другие руки, — сказал Брэд, и в его глазах промелькнул ужас. — Учитывая, что у них все наши дела, плюс дела Скотта, Джо, Кейта, Арнольда, Пэта и Майкла... Нас двенадцать, соответственно *как минимум* по три дела у каждого, мы это знаем наверняка, были закрыты при явной, но недоказанной вине подсудимого. Законодательная база порой мешает справедливости.

— Потому-то мы и подключились. Мы не можем позволить народным мстителям хвататься за громкие дела и добиваться справедливости варварскими, средневековыми способами, если им вдруг не понравился приговор. Следующими жертвами наверняка станут адвокаты, защищавшие преступников, несмотря на явную их вину, и я не сомневаюсь, что дело опять не обойдется без пыток.

Шестеро судей обменялись понимающими взглядами.

— Пытки? — прошептал побледневший Билл.

— Помните дело о педофиле, который насильствовал маленьких мальчиков? Он умер от внутреннего кровоизлияния и разрыва внутренних органов. И лучше не вспоминать, что с ним проделали. То же с серийным убийцей Робертом Дуганом. Сукина сына нашли в Сан-Франциско, с его члена была сорвана кожа, а на теле обнаружили раны, которые он наносил своим жертвам — вплоть до многочисленных сигаретных ожогов. И теперь мы пытаемся выяснить, как они умудрились погибнуть в разных городах по всей стране в одну ночь, в один и тот же час, без свидетелей, даже без криков. Никто ничего не слышал.

— А другие судьи знают? — Голос Уолтера Кингсдейла дрожал.

— Утром мы последовательно сообщили всем, ваша честь. И будем держать в курсе событий, усилив вашу охрану. О том, как продвигается дело, вы узнаете первыми.

Они смотрели, как их друг и информатор забирается обратно в карт, и с нетерпением ждали, когда он отъедет подальше.

— Нужно вернуть книгу, — сухо сказал Уолтер.

— Мне хватило услышанного. Я верю. Эти совпадения слишком... Не знаю. — Том сглотнул и понизил голос до испуганного шепота: — Там говорилось, что, если сущность вернет себе свою книгу, никто не сможет ее остановить.

Шестеро судей кивнули.

* * *

— То есть как вы продали книгу частному коллекционеру и не можете назвать нам его имя?! — ревел Уолтер Кингсдейл.

Он нависал над столом, и вся его высокая массивная фигура дышала праведным гневом. Судья запустил пальцы в копну седых волос.

Одиннадцать расстроенных судей глядели на него, устроившись в обшитом ореховым деревом кабинете. На полированных столиках стояли бренди, бурбон и скотч. Хрустальные бокалы, так и не донесенные до ртов, зависли в воздухе. Комната трещала, словно от высокого напряжения, когда Кингсдейл с отвращением бухнул трубку на рычаг.

— Уолтер. — Эд говорил тихо и взволнованно. — Нам нужно выяснить, как загнать это существо обратно.

Встревоженные взгляды переметнулись на него.

— А то я сам не догадался. — Уолтер подошел к окну. — Если все, что мы читали в книге, правда, тварь будет двигаться по пищевой цепочке вверх, сожрет всех, кто сумел избежать правосудия, и всех причастных, а затем вернется к тому, кто ее вызвал. И если он не пройдет испытание на чистоту намерений и поступков, тварь сожрет и его.

— Именно поэтому дьявол не стал отнимать у людей эту тварь, — дрожащим голосом сказал Том. — Люцифер ни за что не призовет ее, несмотря на то, что с ее помощью можно сотворить с человечеством... И ангелы не примут ее, хоть она и несет справедливость. Слишком уж жутким способом она это делает. Потому ее и называли ничьей тварью. Ни ад, ни рай ее просто не примут. — Он вытер пот со лба и принял антацид, запив его очередной порцией виски.

— Да это долбаный идиотизм! — завопил Джим, вскакивая на ноги. Его когда-то рыжая, а теперь поседевшая шевелюра сделала бы честь любому сумасшедшему профессору. Пыхтя от усилий, грузный судья зашагал по комнате. — Предположим, что эта мумба-юмба действительно существует. Что тогда? Она убьет всех адвокатов, которые защищали подсудимого, наверняка зная, что он виновен? Вы это хотите сказать? Она

пройдется по всем нашим серьезным делам, а потом явится за нами?

— Я хочу выбраться из этого, — тихо сказал Билл, нервно моргая и поправляя очки с толстыми стеклами. Он раскачивался в кресле, тонкие птичьи черты заострились. — Любой ценой.

— Я читал эту книгу, — произнес Том, дрожащими руками наливая очередную порцию спиртного. — Я прочел ее от корки до корки, еще когда вы в нее не верили. Там сказано, что она затягивает. Всех причастных, будь то адвокаты или не сумевшие поймать преступника полицейские. Отправить сущность назад после того, как она прольет первую кровь, сможет только призвавший, и если он не хочет платить за страдания, которые пожелал преступникам, ему придется заключить сделку с Люцифером, продав свою душу. Это единственный способ. Кто-то один должен продать душу дьяволу, чтобы тварь была отправлена обратно. — Том посмотрел на Уолтера Кингсдейла. — Иначе она будет продолжать свое дело, пока все, кто так или иначе связан с вызвавшими ее ради справедливости, не будут мертвы. Потом она придет к призвавшим. И если мы не пройдем проверку на...

— Все это полнейшая чепуха и бабушкины сказки, Томас. Я верну книгу! — рыкнул Уолтер, нервы которого тоже были на пределе. — Мы прочитаем все, что там написано, и закроем долбаный темный портал, который по пьяни открыли. Я отказываюсь нести ответственность за смерть грабителей и серийных убийц, наркоторговцев и проклятых педофилов. Они получили по заслугам. Пусть горят в аду. Разве не так мы все решили в ту ночь? Разве мы не жалели тогда, что связаны условностями закона и не можем вернуться в старые добрые времена, когда преступник без лишних сантиментов оказывался в петле? Разве мы не говорили, что на Диком Западе закон был более справедливым, чем сейчас, и люди не платили налоги на пожизненное содержание убийц и прочей мрази? Мы чисты!

— Но что насчет того, что мы читали вначале? Уолтер... помнишь слова на древнем языке? — тихо спросил Том. В его глазах была паника. — Что, если это был какой-то договор с сата...

— Даже не думай! — обрубил Уолтер. — Мы все были пьяны. Это нереально. Мы даже не знаем... Что мы тут делаем?

Одиннадцать судей посмотрели на него, а затем отвернулись, опустили глаза. Некоторые из них весь вечер молчали. Никто не знал, что делать, никто не хотел брать на себя ответственность. Все это зашло слишком далеко.

— Что ж, мы пока не знаем, что будет, зато знаем, что ублюдки, из-за которых мы вызвали эту тварь, действительно виновны, — сказал наконец Брэд, проглотив свою выпивку. Он выпятил аристократический подбородок и пригладил ладонью поседевшие волосы. Его бледно-голубые глаза были бесстрастны. — С чего бы так называемой сущности являться за нами? Ты чересчур впечатлителен. Все это лишь предположения, как верно заметил Уолтер. Тварь убивает преступников? Отлично. До тех пор пока мы не замешаны в преступлениях, мне плевать.

— Ты просто не понимаешь! Текст был предельно точен! — Том вскочил на ноги, его трясло. — Я сижу на судейской скамье уже более тридцати лет. Скольким я вынес приговор... даже зная, что они невиновны, но по совокупности доказательств...

Судьи обменялись испуганными взглядами.

— Подумайте об этом. — Том тяжело дышал. В его голубых глазах стояли слезы. — Эта тварь исправляет *любую* несправедливость в жизни призванного. *Любую*. Для нее весь мир делится только на черное и белое. А посылать в тюрьму невиновного *несправедливо*, как ни крути. Вдобавок... а что, если ваши действия довели кого-то до самоубийства? Я ведь могу даже не знать, которые из моих поступков можно принять за несправедливость. Но я знаю, что я не идеален. И лишь надеюсь, что Бог меня простит.

— Нас нельзя осудить за ошибки молодости, совершенные в начале карьеры, — прервал его Эд. Капли пота у него на лбу уже давно превратились в ручей. Остатки волос слиплись в жалкие прядки. — Мы все умрем. — Он оглянулся, встал и подошел к окну. — Был парнишка, совсем еще ребенок, лет восемнадцати или двадцати... Но в тот день на меня столько всего навалилось, а мое положение было шатким... В глубине души я знал, что доказательства против него сфабрикованы местной полицией... но... — Он закрыл глаза и глотнул из своего стакана. — Он повесился в камере, проведя в тюрьме всего неделю.

После группового изнасилования. Его мать была набожной и сказала мне тогда, что Господь все видит.

— Ладно, джентльмены. Давайте прекратим нытье и возьмем себя в руки, — скомандовал Уолтер. — Мы напились, мы играли с этой дурацкой книгой, вызывали гномика, но я категорически отказываюсь верить в то, что мы смогли призвать настоящую потустороннюю сущность. Скорее всего, мы имеем дело с группой мстителей, с террористической ячейкой, и я знаю, что Макдэвитт сумеет с этим разобраться.

— Том, какое заклинание может отправить ее обратно? — Джима трясло так, что стакан он удерживал двумя руками.

Том сглотнул.

— Я не помню его целиком... просто знаю, что нужно вызвать сатану и заключить с ним сделку. Тогда эта сущность вернется в книгу... как безумный джинн в свою бутылку.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ...

Цепочка странных убийств, похоже, приобретает новые особенности. По стране прокатилась волна смертей среди адвокатов. Связь все та же — первые жертвы ранее выступали их клиентами...

Уолтер Кингсдейл выключил телевизор, радуясь тому, что жена решила временно пожить у своего брата, поскольку дом наводнили федеральные агенты. Он снова пытался прояснить ситуацию с музеем, говорил с куратором, и на этот раз его тон был мрачным и подавленным. Он должен был заполучить книгу. Слишком многих подонков он отправил за решетку благодаря незаконно полученным или недостаточным доказательствам, просто желая очистить улицы от недоносков, которые ему не нравились. Они называли его вешателем, а у него за годы практики появились особые способы расправляться с выходцами из определенных слоев общества. Тех, что плодились как крысы, каковыми он их и считал.

До сих пор его совершенно не волновало, что стало с ними впоследствии, с какими ужасами им пришлось столкнуться в тюрьме, — они ведь были незаконнорожденными, ублюдками матерей, живущих на пособие, и наркоманов-отцов, и с его точки

зрения, их нужно было изолировать прежде, чем они совершат какое-нибудь серьезное преступление. Он считал, что, действуя на опережение, оказывает обществу услугу, делает своеобразную прививку от заразы. И теперь сущность заставит его расплатиться за то, о чем он даже не знал.

— Пожалуйста, — пробормотал Уолтер, когда они с куратором закончили формальности. — Эта книга является частью очень щекотливого дела. Нам нужно, чтобы ее новый владелец согласился встретиться со мной и обсудил вопросы, касающиеся текущего дела. Его личность, как и вложенные средства, будет тщательно защищена от огласки, поскольку мы знаем, что напрямую он не замешан.

— Учтите, только в виде исключения, судья Кингсдейл, поскольку новый владелец книги является спонсором нашего отдела древностей... Учитывая обстоятельства, я попрошу его с вами связаться. Но я не могу ничего гарантировать.

Уолтер Кингсдейл закрыл глаза и кивнул.

— Спасибо.

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ, МЕСТНЫЕ НОВОСТИ

Судья Эдгар Дж. Хант найден мертвым в своей летней резиденции в Алабаме. По предварительной версии, судья покончил с собой, став жертвой преступления на сексуальной почве. Мистер Хант, которому недавно исполнилось семьдесят три, был похищен и подвергся групповому изнасилованию, после чего прикрепил простыню к люстре в своей спальне, надел петлю на шею и шагнул вниз. ФБР...

Уолтер Кингсдейл щелкнул пультом, выключая огромный плоский экран на стене своего кабинета, перегнулся через угол стола, и его вырвало на турецкий ковер. Цепляясь за столешницу, он вытер испарину со лба и встал, помогая себе трясушимися руками.

— Правосудие порой бывает жестоким, — раздался из дальнего угла комнаты глубокий баритон. — Чудовищным.

Судья вздрогнул, оборачиваясь к теням у камина, где стояли два высоких стула с кожаными спинками.

— Кто вы и как сюда попали? — Уолтер ахнул и вытер губы крахмальным рукавом рубашки.

Смутная фигура отделилась от стула и спокойно зашагала к столу судьи. В приглушенном свете ламп угольно-черные глаза незнакомца казались хищными и веселыми. Элегантный костюм явно был сшит на заказ и идеально облегал фигуру. Такой костюм мог бы носить один из молодых, но крайне успешных адвокатов округа. Но вот глаза и поведение незнакомца больше подошли бы наемному убийце.

— Я не видел вас раньше в суде. Как вы смогли пробраться ко мне через посты охраны? — Судья, смущенный и раздраженный тем, что его телесные жидкости оказались на ковре, обошел лужу и направился к бару. — Мне не нужен новый адвокат, а все входы и выходы охраняются агентами ФБР.

— Я знаю. Я видел их, — сказал неизвестный. — Я новичок в суде, но отнюдь не в системе правосудия... И вы правы. Мне очень повезло, что я нашел вас.

Уолтер Кингсдейл налил себе скотча.

— Я не в настроении. Если вам что-то нужно, вы можете встретиться со мной...

— Я хотел бы заключить с вами сделку, добрый сэръ.

Уолтер отхлебнул из стакана.

— Я только что потерял одного из лучших друзей. Если вам нужна политическая ус...

— Я новый владелец книги. — Темный незнакомец улынулся и склонил голову набок. — Не желаете ли выпить со мной?

Его глаза медленно изменились, радужная оболочка стала янтарной, зрачки сошлись в вертикальные щели. Уолтер схватился за грудь, онемев от ужаса. Крик кляпом забил его горло. Сердце металось, сжималось, пыталось оборвать ткани, удерживающие его в грудной клетке, легкие обожгло последним вздохом. В ушах звенело от взлетевшего кровяного давления, комната стала расплываться перед глазами. Судья покачнулся, но устоял, схватившись за стойку бара. Существо перед ним улыбнулось.

— Я хочу получить возможность договориться, — хрипло выдохнул Уолтер.

Сущность разгладила лацканы своего дорогого пиджака и кивнула.

— Да будет так.

Поведение судьи изменилось, став странно спокойным. Сущность склонила голову. Это интриговало.

Судья неторопливо отпил из стакана, вытер пот со лба.

— Что предпочитаете?

Чужак улыбнулся.

— Мне нравится ваш стиль. Бурбон без льда.

Уолтер наполнил и подал ему бокал, наблюдая, как странное существо пробует бурбон. Алкоголь обжег горло судьи, в глазах на миг потемнело. Затем снова прояснилось.

— Чего вы хотите?

Незнакомец посмотрел на него.

— Того же, что и вы. Справедливости.

Уолтер молча ждал продолжения.

— Я не могу использовать книгу без посвященного призывающего. — Незнакомец, как ни в чем не бывало, потягивал бурбон. — Я много лет искал того, кто сможет призвать силу и напитать мои потребности.

— Не понимаю, — прохрипел Уолтер. — Почему просто не отдать книгу сатане?

Существо поперхнулось и подалось вперед, злобно глядя на судью.

— У него нет души, — прошептало оно в ответ. — Мне будет нечем питаться. Одного этого уже достаточно. Забудьте о том, что сущность можно отдать сатане. Если дело коснется его, сущность будет обречена вечно питаться остатками его следа и не сможет покарать ни одного греха, совершенного людьми. Слишком тяжелая ноша, слишком плохая карма. Нет, нет, нет, нет. Вот почему книгу, как они говорят, не отнимет дьявол и ангелы не приемлют.

Существо с издевкой улыбнулось и пожало плечами.

— Ангелы боятся книги, потому что, хотя их намеренья и чисты, а в прошлом нет греха, они считают, что правосудие должно оставаться привилегией того, кого я никогда не называю... Они не хотят нести ответственность, особенно за такой великолепный инструмент. — Оно глядело на Уолтера, не моргая. —

А вы, мой друг, использовали этот инструмент очень, очень эффективно. Я получил немало удовольствия. Жаль только, что вы...

Внезапно незнакомец сузил глаза, присматриваясь.

— Чисты? Полностью чисты, без единого значительного греха?

Некоторое время они просто смотрели друг на друга. И снова Уолтер ощутил странную легкость и отстраненность, словно смотрел на себя из отдаленного участка сознания.

— Кто вы? — прокаркал он.

У него подгибались колени, пришлось вцепиться в угол стола так, что побелели костяшки пальцев.

— Как я уже сказал, новый владелец книги. Я отдал за нее немалую сумму вашему музею. Вы беспокоились, хотели со мной связаться. Как же я мог игнорировать такую... отчаянную мольбу? — Из внутреннего кармана пиджака он достал большую книгу, которая никак не могла там поместиться. — Почаще призывайте силу.

— Мы должны отослать сущность обратно, — сказал Уолтер умоляющим тоном.

Книга скользнула к нему по столу, от нее исходила такая сила, что его пальцы задрожали.

— Не вижу причин так поступать. Книга служит правосудию в изначальном его понимании, выпалывает сорняки и безжалостно убирает грязь из нашего общества. — Существо подалось вперед. — Вот еще одна причина, по которой ангелы не хотят принимать эту книгу. Ее сущность была создана задолго до появления самой концепции спасения. Она ближе Ветхому Завету во всей его чистоте. Вот почему она мне так нравится. Но не буду утомлять вас своей философией. Я могу продолжать это *вечно*.

— Сэр, если бы вы назвали мне свое имя, я выписал бы вам чек за беспокойство... А если бы мы могли взять книгу на вечер, мы бы вернули ее вам в целостности и сохранности.

— О, я буду настаивать на ее возвращении, — сказал незнакомец. — Я лишь временный ее хранитель. Я ищу человека, которому она *действительно* понадобится и который использует ее силу во всей полноте. Люди сами решают, готовы ли они смириться с последствиями. Вот что мне особо нравится в этой книге.

Уолтер Кингсдейл, не отводя взгляда, достал из ящика стола чековую книжку, выдернул ручку из держателя на столе.

— Ваше имя, сэр? — быстро спросил он.

Незнакомец улыбнулся.

— Запишите «Сын Пустоты»... Я могу обналичить этот чек со счета сатаны под любым из своих псевдонимов.

Судья попятился, вытаращив глаза, а существо рассмеялось.

— В графе «Средство оплаты» запишите вашу душу, сэр. Разве я забыл об этом упомянуть?

Уолтер быстро расписался и бросил чек незнакомцу, а сам вцепился в книгу. И замер, наблюдая, как гаснет победная улыбка на красивом лице незнакомца. Человеческая кожа оттянулась, обнажая клыки, и сменила цвет на жутковато-зеленый. Змеиные глаза сущности засияли, крылья и хвост разорвали идеально скроенный костюм.

— Ты обманул меня! — проскрипела она, швырнув чек обратно на стол. И ткнула в него когтем, прорывая бумагу на месте подписи и припиливая чек к дереву. — *Люцифер*, верни мне мое, это нечестная сделка!

— Как всегда. — Тело судьи спокойно раскрыло книгу, пролистало, ища нужную страницу. — Уолтер умер от инфаркта прямо у тебя на глазах. Пустая оболочка не несла в себе греха, а я лишь манипулировал ею. Средство оплаты тоже выбрано удачно — я могу покрыть указанную в чеке сумму, и мы оба с тобой знаем, что я не позволю тебе избавить планету от всех несовершенных людей. *Это* с моими целями совершенно не согласуется. Сделка же, по всем сверхъестественным законам, состоялась.

Он наклонился к сущности и усмехнулся.

— Гадкий маленький демон. Тебя так сложно найти и так трудно удержать.

Сатана захихикал и зацокал языком, поманив сущность пальцем. Та задергалась и завизжала, превращаясь в облако серного дыма.

Он смотрел, как вонючее облако втягивается обратно в книгу и захлопывает за собой обложку. Затем с отвращением вытер руки о пиджак Уолтера и вышел из позаимствованного тела, позволив ему рухнуть на пол у стола. Оглянулся и подцепил книгу длинными когтями.

— Дерьмовости у тебя не отнять.

Стив Найлз

У-ОБРАЗНЫЙ РАЗРЕЗ

Хендрикс истекал кровью у перекрестка канализационных тоннелей. Бок у него выкусили, как спелую дыню. Кишки расплескались по бетонному полу, и выглядело это так, словно кто-то сблевал лапшой быстрого приготовления.

Ясно было, что долго он не протянет.

Эта *тварь* добралась до него.

И я остался один, в канализации, против самой придурочной твари за всю мою практику, а в наличии у меня только глок с единственной полной обоймой и дробовик с двумя пулями.

Но я, как всегда, забегаю вперед. Наверное, стоит начать сначала...

Я знал, что Генри Сик дерьмо, но поймать его на горячем не удавалось, и, честно говоря, лично мне он ничего плохого раньше не делал. Я просто чувствовал, что он сволочь. И провонял мертвецами. Нет, он, ясное дело, был владельцем похоронного бюро, но запах немного не тот. От этого парня несло безумием.

Генри был гробовщиком в десятом поколении и продолжал семейное дело. Он был человеком, но мне нравилось думать, что его гены испорчены формальдегидом, потому что он жил своей работой и обожал ее. Настолько, что пугал даже гулей, а нежить, поверьте мне на слово, не так уж легко напугать.

Он был высоким, метра два, если не выше, и тонким, как обглоданная кость. Отличался редкими сальными волосами, которые зализывал назад, бледным лицом и тонкими бесцветными губами. Когда эти губы растягивались в улыбке, что бывало нечасто, открывался чудный вид на мясистые десны и полный набор вставных зубов.

Прошлый год стал для меня одним из самых тяжелых. Я потерял двух близких друзей. Сначала копа. Ее звали Брюгер. Время от времени она помогала мне, а я помогал ей в ответ. Я подпустил

ее слишком близко, и один из моих врагов, доктор Полинайс, выбрал ее в качестве мишени. Он пытал ее и взорвал ее тело при помощи бомбы с дистанционным управлением.

Бомба сработала, когда я вышиб его гнилые мозги.

А затем я потерял свою девушку, Сабрину. Она много для меня значила. Хрен с ним, скажу: я любил ее, но ей хватило здравого смысла бросить меня после того, что случилось с Брюгер. К сожалению, вскоре Сабрина вернулась и стала жертвой вампира-европейца, который всем трендел, что он и есть настоящий Носферату. Я его грохнул, но он успел заразить Сабрину.

В нашу последнюю встречу она улетела от меня, сверкая моржовыми клыками.

Я уже говорил, что Брюгер была копом? Кажется, да. А о том, что она была замужем за членом городского совета? Он, ясное дело, был от меня не в восторге, о чем не поленился доходчиво сообщить.

Муж Брюгер не только чуть не вышиб из меня дух, он использовал все свои связи, чтобы отрезать меня от полиции Лос-Анджелеса и поставить вне закона. Вычудил обвинение в торговле наркотиками и отправил копов с обыском на мою квартиру. Они нашли небольшую аптечку с нелегальными обезболивающими и уйму всяких вещей, которыми я снимал стресс.

Если вы следите за моей мыслью, вам уже ясно, что у меня на счету два погибших друга, один сильный враг и ордер на мой арест. Вдобавок ко всему, я бездомный. Я в бегах уже месяц. К счастью (или к несчастью), гули Лос-Анджелеса нашли мне приют.

Ах да, забыл представиться. Я Кэл Макдональд, частный детектив, в данное время ведущий дела в полуподвале заброшенного аэропорта Барбанка.

Звонок Генри Сика раздался, когда я валялся на диване и жалел себя. Бутылка «Джим Бима», две бутылки «Листерина», немного «Робитуссина», упаковка экседрина РМ. Все стырено в магазине, потому что денег у меня не было даже на средство от кашля, не говоря уже о «колесах».

Чувствовал я себя дерьмово. У меня был матрац, огороженный коробками с тем, что удалось стащить из офиса до прихода копов.

Мой личный маленький дерьмовый оплот соплежуйства.

Я уже неделю торчал там, пил, курил, глотал то, что удавалось прибрать к рукам в городе. Я попросил Молока достать мне чего-нибудь сильнодействующего. Он мне отказал. Засранец. Я знал, что у него есть наличка. И если бы мои руки не вели себя, как расплавленная резина, я бы ему показал!

Хотя кого я обманываю? Этот чертов гуль был единственным, кого я мог бы назвать близким другом и партнером. Мы с ним прошли огонь и воду, и он не раз спасал мою задницу.

Молок и протянул мне телефон.

Я прижал его к морде и издал звук, который мог бы сойти за приветствие.

Это был Генри Сик, гробовых дел мастер.

— Я говорю с Кэлом Макдональдом?

— Мла. — Язык во рту распух, как рыба-иглобрюх.

— Я Генри Сик.

Даже в таком состоянии я слышал, как дрожит его голос.

— В чем проблемы?

Я посмотрел на Молока. Гуль покачал головой и отвернулся. Я знал его достаточно хорошо, чтобы понять: он кое-что замышляет. Стоя спиной ко мне, он вынул что-то из кармана. И это что-то дребезжало так, что старому наркоману вроде меня звук показался музыкой. Это тарактели таблетки в бутылочке.

Я попросил гробовщика подождать, выдав что-то типа «Абажити скундочку».

Молок неохотно разжал ладонь. Пять черных таблеток, спиды. Как раз то, что нужно, чтобы собрать меня обратно из дерьма в конфетку.

Я проглотил таблетки, потом запил водой. Может, у меня разыгралось воображение, но, клянусь, я чувствовал, как амфетамин курсирует в моей крови.

С минуту я просто наслаждался, потом вернулся к телефону.

Генри Сик хотел, чтобы я приехал и проверил его покойницкую. Он пытался позвонить в полицию, но они его послали, что неудивительно. Если дело хоть немного отличается от обыденности, копы беспомощны. Вот почему люди обращаются ко мне.

Я попытался выспросить у Сика детали, но он настаивал на том, чтобы я все проверил лично. К счастью, его конура была

недалеко от Барбанка, на Виктория-бульвар, примерно в трех-четыре-милиях от места, где я обитал в компании нежити.

К тому времени как я повесил трубку, спиды уже начали действовать. Ничего не болело, голова чесалась, а подмышки решились сыграть в протекающий кран.

Короче, я готов был действовать.

Я сказал Сику, что буду в течение часа. Мне нужно было сначала кое-куда заехать.

— Пожалуйста, поторопитесь, мистер Макдональд.

— Приеду, как только смогу.

Молок стоял и таращился на меня. С тех пор как случилось все это дерьмо, мертвяк обращался со мной, как нянька с детьми, а не как деловой партнер, и это успело меня здорово достать.

— Это работа? — спросил он.

Я кивнул.

— Да, Генри Сик жалуется на то, что в его мертвецкой происходит что-то непонятное.

Гуль вздрогнул. Как я уже говорил, нежить боялась Сика.

Но он быстро взял себя в руки.

— И куда ты собираешься заехать сначала?

Вот черт. Я не против того, чтобы обо мне заботились. Черт, мне уже четвертый десяток, и приятно было знать, что кому-то, пусть даже мертвецу, не насрать на мое существование. Но гуль уже начинал испытывать мое терпение.

Я вылез из своего убежища и встал перед ним, не качаясь. Гуль был выше меня почти на голову, но я его не боялся.

К тому же я был уверен, что он ни за что не причинит мне вреда, а поверьте, гулей, которых ничто не сдерживает, злить не рискну даже я. Они способны разобрать человека, как морской пехотинец родную винтовку, только в два раза быстрее.

Чувствовал я себя хорошо. Спиды наконец добрались до глаз и зубов, так что глазки у меня были круглые, а зубки щелкали.

Я ткнул пальцем в серое лицо гуля.

— Мне чертовски надоело, что ты играешь тут со мной в сиделку, Мо. Давай договоримся: у нас по-прежнему партнерские отношения и я могу сам о себе позаботиться.

Гуль посмотрел на мой палец, затем медленно перевел взгляд на мое лицо.

— Мне показалось, ты говорил, что мы не партнеры.

Издевался, зараза.

— Я просто хочу сказать, что предпочитаю общаться с партнером, а не с нянькой. Я сам могу о себе позаботиться. Я уже долго себя загонял. И знаю, что делаю.

— Из чего становится ясно, что ты отправляешься за наркотиками.

— Ага... и поэтому мне нужна наличка.

Гуль повернул голову. С мимикой у него всегда было туго, так что догадаться, о чем он думает, было сложновато.

А потом он снова повернулся ко мне и протянул пачку двадцаток.

— Ничего тяжелого, — сказал он.

Я взял деньги и покачал головой. Я знал, что это значит. Никаких игл. Ничего такого, что превратит меня в зомби. Или убьет. Да мне такое и не нужно. Я прекрасно обойдусь куревом и таблетками.

— Спасибо, Молок.

Гуль только кивнул.

Я попробовал сунуть деньги в карман штанов и промахнулся. Штанов на мне не оказалось. Ниже пояса на мне вообще ничего не было.

— Мать твою!

Я посмотрел на гуля, и ему чертовски повезло, что он не улыбнулся и не рассмеялся. То есть по его лицу все равно ничего не было бы видно, но если бы он надо мной рассмеялся, я бы выпустил ему кишки. К сожалению, мой глок был в кобуре, кобура была на ремне, а ремень — на пропавших брюках.

Я схватил их, натянул, убедился, что оружие готово и заряжено. Сик не сказал ничего конкретного, зато голос у него дрожал, так что я прихватил для страховки еще и дробовик, прикрыв его пиджаком.

И уже на выходе заметил, что Мо за мной не торопится.

— Ты идешь?

— А я тебе там нужен?

Я улыбнулся.

— Генри Сик — страшный зверь, да?

Гуль опустил голову.

— Мне сложно находиться рядом с кем-то, кто пахнет свежей смертью.

— Да тебе-то что с того? — удивился я. — Ты уже мертв.

Гуль почти растворился в тени серого бетонного подвала, и его глаза показались мне двумя черными провалами.

— Я нежить. — Он помолчал и вздохнул. — Мне не нравится находиться рядом с тем, чем я едва не стал, не говоря уже о таких людях, как Генри Сик, которые вскрывают мертвых.

Я не слишком-то понимал, о чем он толкует. Мы с ним были командой и довольно часто имели дело с мертвецами. Наверное, его пугала именно покойницкая и сам гробовщик. Гули, как я уже говорил, боялись Сика. Ну и черт с ними.

Одевшись и нацепив оружие, я почувствовал себя прекрасно, несмотря на то, что душ я принимал не меньше недели назад. Каждый дюйм моего тела звенел.

Наверху, в старом ангаре, я держал свою машину. Старушка «нова 73» в последний раз заводилась примерно тогда же, когда я ходил в душ, но два оборота ключа заставили ее прокашляться и с грохотом ожить.

Для начала я заехал к дилеру, которого знал в Барбанке, запасся таблетками для «хи-хи» и пакетом травы, а потом уже отправился к похоронному бюро Сика — посмотреть, в чем проблема.

Доехал я, как и обещал, примерно через час. У меня был полный карман таблеток, обезболивающих и стимуляторов, и пакет травы. Позже придется поколдовать, определяя оптимальное сочетание. А пока мне вполне хватало спидов.

Я припарковал «нову» у черного хода, стальной двойной двери, через которую Сиг гонял свой катафалк. Судя по всему, недавно ему завезли свежих клиентов, потому что вонь формальдегида не смог развеять даже декабрьский ветер.

Я обошел вокруг здания и приблизился к парадному входу, стилизованному под фасад уютного старого дома. Наверное, чтобы не отпугнуть клиентов.

Я позвонил и подождал. Еще позвонил и еще подождал. А потом увидел табличку, приглашавшую войти и подождать в холле. Да-да, очень неприятный момент. Примерно так я себя чувствовал, стоя без штанов перед заботливым гулем.

Внутри глаза слезились от сочетания формальдегида и лисола, а декор был под стать парадному входу. Так выглядела гостиная моей бабушки, вот только любой, у кого есть глаза, мог увидеть в соседней комнате выставку гробов и других погребальных принадлежностей.

На стене в фойе был еще один звонок, а в углу над ним висела камера наблюдения. Я позвонил раз десять, для надежности. И через несколько секунд услышал шаги внизу, в подвале, где, судя по всему, происходило непосредственное потрошение. Вначале послышался звук открывшейся, а затем захлопнувшейся двери, и тяжелые шаги начали подниматься в мою сторону.

Я удивился, когда целая секция стены отъехала и показались сначала тайная дверь, а потом ползущий из нее Генри Сик. Он был еще тоньше и еще страшнее, чем я помнил. По сравнению с ним Мо был милый, как плюшевый медвежонок.

— Мистер Макдональд! — с удивительным энтузиазмом воскликнул он. — Я так рад, что вы откликнулись на мой звонок!

Через секунду я понял, что перепутал энтузиазм с отчаянием. Сик рад был меня видеть, потому что его что-то до чертиков напугало. И пытался это скрыть, но если и есть эмоция, которую я всегда распознаю, то это страх.

— Чем могу помочь, мистер Сик? — пробормотал я. — По телефону вы сказали, что это важно.

Сик подошел ко мне и протянул руку. Я проверил, нет ли на ней крови или другой органической жидкости, и только потом пожал.

— Это очень важно... — Он запнулся, тщательно подбирая слова. — И чрезвычайно странно. Вы были первым, о ком я подумал, столкнувшись с этим.

— Хе, спасибо.

Мое тело звенело, а голова чесалась. Я хотел побыстрее покончить с делом, о чем и сказал Сику.

— Конечно. Прошу, спускайтесь за мной.

Этого я и боялся.

Сик толкнул стенную панель, и она снова открылась. Мне очень хотелось поговорить о такой двери, вот только Сик был не самым приятным собеседником, а я не хотел его обнадеживать. Меньше всего мне нужно, чтобы он считал себя моим другом. Вот Мо был нормальным. А от этого черта несло жутью.

Я пошел за Сиком вниз. В конце лестницы оказался большой бетонный подвал, очень похожий на тот, где я прятался, вот только здесь стояли два эмалированных стола, несколько шкафов с черт-знает-чем и шестью шкафами, в которых обычно хранятся покойники. Как правило, таких шкафов не бывает в покойницкой, это привилегия городских моргов.

— Это что за сундуки, Сик? — спросил я. — Прячешь там тела в дождливые деньки?

Он рассмеялся, и меня передернуло от вида его мелких поганных зубов.

— Нет, нет. Я занимаюсь также бездомными — неопознанными, — поэтому вынужден иногда ждать тридцать дней, прежде чем их можно будет похоронить или кремировать по закону. Пришлось заказать холодильники для хранения.

— Чего только не найдешь в Икее, — сказал я.

И тут же об этом пожалел. Сик заржал так, что я действительно испугался, что его зубы вылетят изо рта и попадут в меня.

Я оглядел комнату. Один стол был пуст, но помыть бы его не мешало. В стоках засохла кровь. На полу между двумя столами была дренажная труба, уходящая в широкий люк, куда все и смывалось.

В стоке тоже была кровь и что-то вроде ошметков плоти.

Я не любил Сика за множество вещей, и одной из них было то, что он неряха.

На другом столе лежал труп, подготовленный к бальзамированию. Это была старуха лет восьмидесяти. Рядом с обнаженным трупом стоял таз с водой и лежала губка — Сик, наверное, обмывал ее, когда я позвонил.

А еще я заметил кровь возле люка, которая явно появилась не со столов. Ее было немного, этикие розоватые мазки, но они тянулись в сторону люка от шкафов-морозилок.

Меня уже тошнило от этого места. Запах тел и химикатов в сочетании с амфетаминами выдавал адскую реакцию. Если мы отсюда не уберемся, я точно сблую.

— Так зачем ты вызвал меня сюда?

Сик собрался с силами и закивал, как перепуганный голубь.

— Да... ну... — Он помахал костистыми пальцами в сторону шкафов. — Наверное, лучше тебе это увидеть.

Он медленно подошел к стене и развернулся в мою сторону. Нервничал он по типу тех парней, что раз в жизни совершат ошибку, а затем чувствуют свою вину за все на свете. Знал я таких типов. Они способны на любую гадость, дай им только подходящий шанс.

Я шагнул к Сик у и остановился на полпути, когда он потянул один из ящиков.

— У меня пропало несколько тел. Я сообщил о них в полицию, но когда нашел это, решил сразу же позвонить вам.

Ручка повернулась и щелкнула. Сик открыл квадратную дверцу. Внутри я увидел только темноту и две желтые пятки.

Сик вытащил поддон с телом, и я смог разглядеть картину целиком.

— Вот что я нашел сегодня утром. — Он отступил на шаг, приглашая меня приблизиться.

Тело принадлежало чернокожему мужчине. Выглядел он лет на семьдесят. У него были тонкие седые волосы и такая же седая борода. Мужчина был худ, как щепка, но с огромным вздутым животом.

Проблема заключалась в том, что левая сторона этого вздутного живота начисто отсутствовала. От левого соска и ниже, до паха, плоть вырвали жестоко и неаккуратно, словно орудия тупой вилкой. Недоставало примерно двадцати дюймов кожи. Не было также органов, находившихся под этой кожей.

Я видел вены и артерии, и даже верхнюю часть его кишечника. Все это было похоже на разорванные провода. Их не резали и не жевали, их, судя по всему, схватили и тянули, пока плоть не разорвалась.

Я посмотрел на Сика. Он попятился и вжался в стену между двумя застекленными шкафами. Ждал моей реакции.

— Сколько тел пропало, прежде чем началось вот это? — спросил я.

Он слегка замялся.

— Два или три.

Я приподнял бровь.

— То есть ты не в курсе, сколько тел у тебя пропало?

У Сика явно пересохло во рту. Губы шлепали, как сухая бумага.

— Нет, извините... Их было три. Простите. Я просто слегка взволнован...

— Оно и понятно. — Я уставился на него тяжелым взглядом. — Все три не опознаны?

— Да. Все неизвестны.

Я наклонился, рассматривая рану вблизи. Разрывы явно были сделаны не ножом и не хирургическим инструментом. Я раньше сталкивался с любителями человечины, но это было не похоже на следы зубов человека или животного.

В голове застыло изображение вилки. Кожу рвало что-то с зубцами, которые вонзались, а затем оттягивали. Вполне возможно, это когти или даже человеческие ногти, но мой мозг усиленно сопротивлялся этим вариантам.

Сик все так же торчал в своем спасительном закоулке между шкафами. Он внимательно за мной наблюдал. Я шкурой чувствовал, как он сверлит меня глазами.

— Такой труп только один?

Сик медленно покачал головой.

И начал нести околесицу, но я уже разозлился.

— Где остальные?

Я посмотрел на гробовщика, и он уныло ткнул подбородком в сторону других отделений морозильника.

Я повернул ручку соседней дверцы. Она щелкнула и открылась так же, как предыдущая. И снова меня встретили желтые пятки, но на подносе на этот раз оказался белый мужчина. Его тело было взрезанным и пустым.

— Ты обоих нашел сегодня?

Сик кивнул и добавил:

— На верхних полках таких еще двое.

— Боже.

Я открыл верхние полки и убедился, что тела разные, а вот проблема одна: отсутствие внутренних органов и кожи на животе.

Я захлопнул дверцы. Увиденного было достаточно.

— Что сказали копы о пропавших телах?

Генри Сик все так же вжимался в стену.

— Детектив приехал, — проблеял он, — составил рапорт и уехал.

— Он оставил визитку?

Сик начал копать в кошельке и выудил оттуда карточку. Но не подал ее мне, просто зачитал имя:

— Натан Хендрикс.

Я рассмеялся. Хендрикса я знал. Это был классический «плохой полицейский», всегда готовый получить «на лапу», пьяница, и, по слухам, в последнее время он связался еще и с наркотиками. Не будь Хендрикс таким засранцем, он мог бы стать моим лучшим другом.

Но главное то, что Хендрикс меня не выдаст, зная о моих неладах с лос-анджелесской полицией. Я не был уверен, что это дело в моей компетенции, так что вполне мог перекинуть его копу. Несколько растерзанных трупов — это, конечно, странно, но не все странности по моему профилю.

Я связался с полицейским участком и попросил дежурного соединить меня с Хендриксом. Дежурный спросил, как меня представить. Я назвал Аль Капоне, но этот мешок с ушами даже не дернулся, только попросил подождать, пока он переведет звонок.

Сик не двигался с места. За ним на стене висел громадный плакат, из тех, с помощью которых студентам объясняют расположение внутренних органов.

Он заметил, что я смотрю в его сторону, и попытался наладить визуальный контакт, но отвлекся на что-то за моей спиной. Я обернулся и понял, что он смотрит на монитор с камеры наблюдения.

На экране было трое: чернокожая женщина и такие же чернокожие девушка и парень.

Я покосился на Генри. Он занервничал еще сильнее, на лбу под линией волос проступили капли пота.

Не нужно было быть детективом, чтобы догадаться: пришла семья первого из изувеченных трупов. Реакция Генри это подтверждала.

— О Боже! — Он наконец отлип от стенки. — Мне лучше подняться.

Я помахал ему телефоном.

— Я подожду здесь.

Сик медлил. Ему явно не хотелось оставлять меня наедине с его игрушками, но я не двигался с места, семья ждала, так что пришлось ему вздохнуть и оставить меня опираться на стол со старушкой.

А в участке наконец сняли трубку.

— Детектив Хендрикс.

— Хендрикс, — сказал я. — Это Кэл Макдональд.

Долгая пауза. Еще бы секунда, и я бы бросил трубку, но он отозвался, на сей раз шепотом:

— Ты в последнее время жутко популярен. Тебя ищут все копы города.

— Да фигня, — закашлялся я. — Этот советник подделал доказательства. Я с ним позже разберусь. А сейчас у меня дело, в котором всплыло твое имя.

Это привлекло его внимание.

— Да ну? Это какое же?

— Я сейчас в мертвецкой Генри Сика.

Хендрикс разочарованно замычал.

— Это по поводу пропавшего трупа? Я велел этому старому козлу притормозить, пока не составлю рапорт.

— По поводу скольких тел он тебе вопил?

— Тел? Он говорил только об одном. — Хендрикс перестал шептать. — А были еще?

Я взглянул на монитор и увидел, как Сик пытается успокоить семейство в гостиной. Они наверняка требовали показать им тело родственника. Мне почему-то жутко хотелось исполнить их требование.

— Слушай, — сказал я в трубку. — Мне он признался, что пропало два ИЛИ три.

Хендрикс рассмеялся.

— Чего он добивается? Как думаешь, он спит с теми, кого обслуживает?

Я вытаращился на телефон.

— Так, во-первых, ну тебя к черту. Во-вторых, как некрофилия может заставить трупы испариться?

— Ну, не знаю.

Больной на голову урод. Я уже жалел, что позвонил Хендриксу, но по ходу разговора мне все больше казалось, что это дело пусть и странное, но не сверхъестественное.

Стоило мне так подумать, и я зацепился взглядом за сток между столами. Помимо крови в нем скопилась уйма разнообразного мусора, и только один край был чистым. Я ткнул в решетку носком ботинка, и она шевельнулась.

Сток не только не был закрыт, он выглядел так, словно решетку недавно отодвигали.

— Еще что-нибудь, Макдональд?

Я забыл, что до сих пор на связи.

— Да, извини, Хендрикс, — сказал я. — Слушай, давай-ка ты приедешь сюда? Тебе стоит увидеть то, что творится в мертвецкой Сика. Тут, скорее всего, дело все же для тебя, а не для меня.

— Что? Никаких призраков и ведьм?

Я показал телефону международный жест.

— Так ты поможешь или нет?

Хендрикс не медлил ни секунды.

— Что мне с этого будет? — Вот он и показал свою истинную натуру.

У меня осталось несколько сотен от суммы, которую гуль отстегнул на наркотики. И неплохо было бы малость прикормить полицию. Тем более что гуль мог достать из того же источника еще немало бумажек.

— У меня есть сотня.

Коп практически не колебался.

— Договорились. Буду там минут через пятнадцать.

Как только Генри Сик закончил щебетать с семьей покойного и вернулся в подвал, я указал ему на сток в полу.

— Куда ведет слив?

Либо я застал его врасплох, либо он был плохим актером. Сик замялся, забубнил, а потом начал тараторить:

— В канализацию. Но этот слив только для воды, которой я окатываю пол из шланга. Кровь отправляется в септический контейнер, высыхает и утилизируется очень тщательно и совершенно законно.

Я поднял руку.

— Ладно. Боже, я просто хотел узнать, куда оно все льется. Похоже, что решетку недавно открывали.

Вот тут Сик и облажался. Он слишком старался вести себя так, словно все путем, был слишком вежлив и открыт, так что сомнений просто не осталось: говнюк что-то скрывал от меня.

— Хм, — сказал он. — Я сам в последнее время ее не трогал.

Я врезал каблуком по одной стороне решетки, и она приподнялась с другого конца. Штука была тяжелой, но при этом была не закреплена.

Гробовщик прошел мимо меня и снова прижался к анатомическому плакату между шкафами. Поначалу я думал, что он испуган. Но выбор этого странного места и его любовь к потайным дверям как бы намекали...

Я вытащил пистолет и направил дуло на Генри Сика.

— Что ты прячешь?

Сик тут же вспотел, как свинья. Он поднял руки, но не над головой, а так, чтобы я видел его ладони.

— Н-ничего. Прошу вас, мистер Макдональд, я могу все объяснить.

Плевать я хотел на его объяснения. Мне нужны были ответы, а получить их я мог только самостоятельно.

— Отойди от стены.

Я повел дулом. Он послушался и освободил проход между шкафами.

Не сводя с него глаз, я подошел к стене и толкнул плакат свободной рукой. Он поддался, открывая потайную дверь.

Я уставился на Сика.

Он ответил мне своей крысиной улыбкой.

Такое случалось и раньше, и всякий раз меня это бесило. Я ненавижу, когда меня пытаются использовать, заставляя разгребать за другими дерьмо. Где налажал Сик, я пока не понимал, но если дело началось с пропавших и выпотрошенных трупов, приятного будет мало.

Я дал ему еще один шанс выйти сухим из воды.

— Что там? — спросил я, указывая на приоткрытую дверь.

— Т-там... просто мой рабочий кабинет.

Я покачал головой, шагнул вперед и врезал ему пистолетом по морде. Сик взвизгнул, осел на пол, грохоча костями, и начал всхлипывать. Я как раз собирался двинуть ему ботинком в голову, когда услышал за спиной щелчок затвора.

Это был Хендрикс. Триста фунтов живого копа. Волосы у него были сальными и редкими, косо зачесанными на огромную плешь. На лице, густо покрытом оспинами, выделялись две толстые мохнатые брови, которым едва хватало места на низком лбу. Добавьте к облику мятый костюм цвета гнилой горчицы — и получите Хендрикса.

— Убери пушку, Хендрикс, — сказал я. — Тут у меня клиент внезапно превратился в подозреваемого.

Хендрикс продолжал в меня целиться, шагая по комнате.

— Мои деньги все еще у тебя?

— Да.

Он убрал пушку. Милый парень с манерами скорпиона.

Я сказал ему приковать Сика наручниками к пустому столу и не коситься на бабушку, а затем проверить тела в холодильниках.

Хендрикс, то ли потому, что был тертым копом, то ли по природному пофигизму, видом потрошенных трупов не впечатлился. Он вообще не среагировал на них, даже не моргнул.

Зато потом, осмотрев последнее тело, Хендрикс развернулся и пнул Сика по почкам.

Я к тому времени уже открыл потайную дверь и таращился на короткий, не длиннее метра, бетонный коридор. Я шагнул внутрь, Хендрикс наступал мне на пятки.

Коридор заканчивался небольшой комнатой, совершенно темной, так что разглядеть ничего не удалось. Я пошарил по стенам

в поисках выключателя, но ничего не нащупал. А потом по лицу скользнул шнурок. Я схватился и потянул.

— Боже! — охнул Хендрикс, когда под потолком зажглась тусклая лампочка.

Потайная комната действительно оказалась рабочим кабинетом. Вот только работа в этом кабинете не имела ничего общего с обычными похоронными услугами.

В центре стоял операционный стол, изначальный цвет которого давно скрылся под слоями засохшей крови. И не только крови. Там был мусор, ошметки и обрезки присохшей до окаменевшего состояния плоти. Я посмотрел на пол: стока или слива, как в главной комнате, здесь не было.

Рядом стоял столик поменьше, на котором лежал полный набор хирургических инструментов, от маленького скальпеля до пилы. Все они, как и столик, были точно так же заляпаны кровью и остатками тканей.

Но впечатляло не это, впечатляли предметы на полках, заполнивших всю комнату от пола до потолка.

Там была Рука Славы, свечка, сделанная из руки мертвеца. Легендарный атрибут магии и мистицизма, который, предположительно, позволял владельцу проникнуть куда угодно незамеченным и украсть все, что он пожелает.

Рядом с ней расположилась статуя Анубиса, египетского бога мертвых, и небольшая фигурка Бафомета, общий символ сатанистов от Средневековья до Алистера Кроули.

Остаток полок занимали книги, древние тома вперемешку с современными дешевыми брошюрами, все об оккультизме.

А там, где не было книг, располагались банки. В банках лежало и плавало самое разнообразное дерьмо, которое у обычных людей ассоциируется с волшебством, черной магией и оккультизмом. Было несколько банок с человеческими ногтями. Я заметил в одной глазные яблоки, судя по всему, человеческие, а в следующей банке человеческий же скальп. На банке со скальпом пристроилась баночка поменьше, с какой-то дрянью вроде ногтей внутри.

Слева тянулись полки с химикатами и порошками. Аккуратненькие, ну прямо как ряды баночек со специями в кухне. Там

были и обычные в оккультизме соль, корень танниса, кникус благословенный, мандрагора и полынь. И более редкие вещи вроде тетродотоксина, порошка, который превращал живых людей в зомби, и флакона с экстрактом дурмана, который использовался для погружения в транс.

Я уже видел такую фигню раньше. Похоже, Генри Сик не просто обряжал покойников перед похоронами.

За моей спиной Хендрикс выдал более бурную реакцию.

— Господи, какого хрена этот придурок тут вытворял?!

Я посмотрел через его плечо назад. Сик, прикованный к столу, сидел и прислушивался к каждому нашему слову.

— Я думаю, Сик играл с телами. А когда игры закончились плохо, позвонил вам, ребята, чтобы прикрыть свою задницу, а потом мне, чтобы я тут прибрался.

Хендрикс явно ничего не понимал и очень хотел сблевать.

Я наклонился так, чтобы гробовщик меня увидел.

— Здорово прозвучало, а, Сик?

Гробовщик повесил голову и всхлипнул.

Я вышел из комнаты, увидев все, что мне было нужно. Хендрикс опять следовал за мной, но на сей раз он шел гораздо быстрее. Старый тертый коп был порядком напуган, но держался.

— Так какое дерьмо ты должен был прибрать, Макдональд? — рявкнул он. — И где мои деньги?

Я отдал ему половину обещанной суммы. И сказал, что вторую половину он получит, когда мы закончим работу.

— Закончим? — заныл коп. — Я отвезу Дока Больноголового в участок, и все дела. Что тут заканчивать?

Я оттолкнул Сика в сторону и потянулся к решетке слива на полу. Весила она фунтов тридцать. Подняв и отбросив люк, я посмотрел на копа.

— Нужно спуститься и найти то, что он создал. И... разобраться с этим.

Хендрикс покосился на люк, как ребенок, только что уронивший мороженое.

Я знал, что он чувствует. Так бывало не раз и со мной, стоило мне влезть в проклятую канализацию. Я даже подумал о том,

чтобы позвонить гулям, пусть они ищут. Но руки я уже испачкал, так какого хрена?

Я спустился первым. Дыры как раз хватило, чтобы пролезть. А вот толстяку Хендриксу пришлось изрядно повозиться. Чтобы протиснуть в люк его пузо, мне пришлось дергать копа снизу за ноги.

На связке ключей у меня был фонарик. И пока Хендрикс ныл, ругался и жаловался на то, что испортил кровью костюм, я успел осмотреться.

На стенах была кровь, немного, но достаточно, чтобы определить путь. Мы оказались в узком проходе и двигаться могли только поодиночке. Я пошел первым. Хендрикс плелся следом, ругаясь на каждом шагу.

Примерно в сотне ярдов нас ждал перекресток тоннелей. Можно было пойти прямо, направо или налево. Крови или других следов тут уже не было. Я решил, что нам лучше разделиться. Хендриксу идея не понравилась, пришлось отдать ему вторую половину денег, после чего он согласился идти направо, в то время как я пошел вперед.

Как только мы разделились, я проглотил несколько таблеток и закурил. Шагая по колено в дерьме, можно позволить себе маленькие радости.

Было темно, воняло мочой и рвотой, а также гнилым мясом — для разнообразия.

Я подсвечивал себе дорогу фонариком и сигаретой и через сотню ярдов начал сомневаться, что выбрал верный путь.

То, что Сик развлекался с мертвецами, еще не значило, что у него все получилось. Пока что я знал только то, что он возился с порошками для зомби и загадил комнату так, что я чуть не сблевал.

Размышляя, я заметил впереди что-то странное. В темноте оно казалось кучей мусора или еще какой-то дряни, принесенной канализационными стоками. Но чем ближе я подходил, тем яснее было, что это не просто мусор.

Я вытащил пистолет и бросил окуроч в воду, освобождая руку для фонарика. И двинулся дальше.

Куча оказалась двумя голыми мужскими телами, черным и белым. Их бросили друг на друга, лицами вверх, и сомнений в том,

что это пропавшие трупы бездомных, не оставалось. Так и не дождались ребята законного погребения.

Их черепа были проломлены слева чем-то вроде бейсбольной биты.

Или кулака.

Оба тела щеголяли Y-образными разрезами, которые делают во время вскрытия. Разрезы шли от груди к паху. Обычно их потом зашивают толстыми нитками, но кто-то разорвал швы, и внутренностей у ребят не осталось. Все внутренние органы исчезли.

Вокруг тел валялось что-то вроде упаковочного материала, древесной стружки или соломы. Частично набивка была разбросана, но кое-где еще торчала из разорванных тел.

Выглядело это так, словно кто-то полез за органами и очень расстроился, когда их не обнаружил.

Все сходилось. Три пропавших тела. Два из них лежат передо мной, одно исчезло. Плюс увлечение Сика магией вуду. Ясно, что третий труп гуляет где-то поблизости и ищет себе органы, вырезанные заботливым колдуном.

Примерно тогда я и услышал вопль Хендрикса, а затем выстрел, который в тоннелях прозвенел не хуже взрыва.

Я оглох на секунду и не смог определить источник звука, так что просто помчался обратно к перекрестку, у которого мы разделились. И вскоре услышал вой Хендрикса.

Я бежал по тоннелю, на ходу вытаскивая дробовик. Хрен с ним, с фонариком. Мне нужно оружие.

Далеко бежать не пришлось.

Хендрикс истекал кровью у перекрестка канализационных тоннелей. Бок у него выкусили, как спелую дыню. Кишки расплескались по бетонному полу, и выглядело это так, словно кто-то слевал лапшой быстрого приготовления.

Ясно было, что долго он не протянет.

Хендрикс посмотрел на меня, по его двойному подбородку стекала кровь.

— Я нашел его.

Мне удалось даже улыбнуться. Он хотел погибнуть, как герой, и хотя бы в этом я мог ему помочь.

Хендрикс закашлялся, его тело затряслось, и в открытую рану вылезла очередная порция внутреннихостей.

— Хочешь, чтобы я кого-нибудь позвал? — спросил я.

— К...какой, на хрен, в этом смысл? — Он снова закашлялся. — К тому же... я же подхалтуривал. Меня все равно уволят.

Я оглянулся по сторонам и снова посмотрел на Хендрикса. Его глаза закрывались.

— Куда он ушел?

— Жуткий урод... оч... чень... быстрый. Он пошел к Сиксу.

Я хотел рвануть обратно, как только услышал это, но просто не мог оставить Хендрикса умирать в одиночестве. Поэтому я раскурил косяк и сунул ему в зубы. Хендрикс затанулся, сигарета выпала из его губ в лужу, и его глаза закрылись навсегда.

Я оставил его лежать, а сам побежал обратно к люку, через который мы спускались. Тоннели были узкими, я на каждом шагу задевал стены, ободрал плечи и стукнулся головой, но все же добрался до нужной дыры.

А поднявшись, понял, что опоздал. Генри Сик был прикован к столу. Его череп был проломлен так же, как у двух трупов в тоннеле. Я видел осколки костей и кровь, сочащуюся на разбитый мозг. Но выпотрошен он не был, хотя одежду на животе порвали. Наверное, мое появление спугнуло зомби.

Я быстро огляделся, сжимая в каждой руке по стволу. Кроме меня, старой леди на столе и Генри Сика на полу, в мертвецкой никого не было.

Но потайная дверь за анатомическим плакатом была закрыта, а я точно помнил, что мы с Хендриксом оставили ее распахнутой.

Я взял дробовик и пистолет и подошел к двери. И начал поднимать ногу, чтобы запустить отпирающий механизм. Это было очень глупо с моей стороны, потому что дверь открывалась наружу. Распахнувшись, она сбила меня с ног. Я выронил оружие и грохнулся затылком о второй разделочный стол.

И лежал на спине, таращась на третий из пропавших ничейных трупов. У него был такой же Y-образный разрез, грубо сшитый толстыми нитками. Но брюшная полость не была пустой. Брюхо выпирало под давлением засунутых туда чужих органов. Торс зомби был вздувшимся и бесформенным.

Черный шов и кожа были туго натянуты и выглядели так, словно в любую минуту готовы порваться.

В руке мертвец сжимал какой-то инструмент с тремя окровавленными зубцами — что-то вроде садовой мотыги или граблей. Возможно, какая-то хирургическая дрянь, но мне было плевать, как она называется, потому что мертвый хрен пошел с ней в мою сторону и мне резко стало не до терминологии.

Мертвец прыгнул. Я перекатился, заставив его врезаться мордой в каталку с трупом старой леди.

Вскочив на ноги, я быстро столкнул оба стола, посылая их между собой и мертвецом. К сожалению, оружие осталось с его стороны. Пришлось схватить с подноса Сика самый большой скальпель.

В пустых глазах мертвеца не было ничего осмысленного. Они подернулись серой пленкой, с губ текла пена. Что бы ни сделал Генри Сик, чтобы вернуть его к жизни, ничего хорошего не вышло. Передо мной был безмозглый убийца. И помимо страсти к собиранию органов, его вряд ли что-то интересовало.

Двигался я быстро.

Я перескочил в проем между шкафами для трупов. Мертвец шагал ко мне, вскинув над головой свою вилку.

Я резанул его по груди, там, где сходились два шва, перетекая на живот. Острое лезвие вспоролo нитку, как горячий нож вспарывает воск. Что-то лопнуло и треснуло.

Мертвец замер, глядя, как расходится шов на брюхе и органы вываливаются на пол, словно дохлые жабы. Там было несколько сердец, почки, легкие, печенки, селезенки и всякая прочая фигня — все смятое и перепутанное на манер соломенной набивки.

Труп впервые издал хоть какой-то звук. С жалобным всхлипом он опустился на колени и начал заталкивать органы обратно. Швы разошлись, и органы выпадали после каждой попытки.

Честно говоря, было в этом зрелище что-то печальное. Мне стало жаль несчастного уродца. В том, что случилось, виноват был Генри Сик, но злиться на него бесполезно, потому что он уже мертв. Труп, по крайней мере, отомстил. Как по мне, хоть какая-то справедливость.

Мертвец собирал, засовывал и ронял органы, а я рассматривал потайную комнату, пытаюсь понять, чего же добивался Сик.

Хотел побороть смерть и заработал синдром Франкенштейна? Или постоянная работа с трупами толкнула его на попытку обрести бессмертие?

Черт, да может, ему просто стало одиноко и он решил слепить себе друзей.

Я обошел столы и поднял глок, закатившийся под столик со старой леди. Сунул пистолет в кобуру и побрел искать дробовик.

Он валялся совсем рядом с мертвецом, который возился в луже крови со своей коллекцией органов.

Мертвец не среагировал, когда я вытащил из-под него дробовик. И даже когда я прижал дуло к его затылку.

Он просто собирал и заталкивал в себя органы, они выпадали, он снова их собирал и снова заталкивал.

Выстрел прервал зацикленный ритуал, расплескав мозги мертвеца и ошметки его черепа по всей комнате.

Мертвец рухнул на свое собрание внутренностей, пару раз конвульсивно дернулся и затих.

И я остался в тишине, один посреди мертвецкой, в компании трупов, которые были не пойми чем и неизвестно чем еще могли стать.

Я нашел тряпку и тщательно протер все поверхности, которых касался, а затем попятился по лестнице вверх и повторил те же действия в приемной.

Приехав сюда, я умудрился не заметить вывеску: «Мы позаботимся о ваших близких, будьте покойны».

Не знаю почему, но я вытаращился на этот текст и ржал, как безумный, даже дойдя до машины. Возможно, от абсурдности всего происшедшего. А может, потому что я опять завершил одно из многочисленных дел, за которые мне не заплатят. Черт, да я сам потратил на него пару сотен. И в итоге остался внакладе.

А может, меня сместило то, что на хвосте у меня висели копы, и я прекрасно представлял, что с ними будет, когда они увидят сцену в подвале и спустятся потом в канализацию.

Если бы я не знал, что там произошло, у меня бы тоже голова пошла кругом от такого идиотизма.

Так или иначе, во всей этой отвратительной фигне было немало забавного.

Джои О'Брайен

МАЛОВЕРОЯТНОЕ СПАСЕНИЕ ДЖАРЕДА ПИРСА

Джаред не знал, что он рассчитывал увидеть, но уж точно не то, что увидел на самом деле. У существа на заднем сиденье была странная коричневая кожа, похожая на обгоревший кожзамени-тель. В затянутой в перчатку руке оно сжимало пистолет с огром-ным дулом. Джаред понимал, что, если попробует не подчиниться приказу, мистер Хрустящая Корочка выстрелит без промедления. Рассмотреть его в густой тени не удавалось. Джаред взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида и резко выдохнул. Узкий полумесяц лезвия охватывал его шею сразу под адамовым ябло-ком. Лезвие жестко крепилось к подголовнику, и стоило Джаре-ду чихнуть, оно наверняка оставило бы его без головы.

Счастливого, мать его, Рождества.

Собрание анонимных алкоголиков было лучшей частью это-го вечера. Учитывая праздничный соблазн, решение спрятаться там в рождественский вечер было довольно мудрым. К тому же после встречи оставалось время на то, чтобы добраться до дома. Но Джаред дошел только до стоянки. Последним, что он помнил, был укол чего-то горячего в шею, когда он опустил за руль сво-ей «пинто». Голова закружилась, мир перед глазами померк, а когда Джаред пришел в себя, его тыква превратилась в каре-ту. Вишневая отделка салона и такого же цвета капот подсказа-ли, что он уже не в своей машине. Вместо крошечной «пинто» он оказался за рулем «бьюика», стоящего не на парковке, а в каком-то сарае. Голова гудела. Джаред попытался собрать-ся с мыслями. Что с ним произошло?

— Тиопентааал натрррия, — пропело существо с заднего сиденья. Голос был хриплым и свистящим, как шелест гравия и вой ветра в дымоходе. — Небольшая доза, только чтобы

— Ты делал такое и раньше?

— Пресса назссывает меня Ссчастличик...

Щелк. Мистер Счастличик взвел курок.

— Пей.

Джаред помедлил, но взял бутылку.

— Один водитель однажшшды перевернул ее, — сказал мистер Счастличик. — Хотел вылить, но я его застрелил.

Джаред собрал волю в кулак, поднося бутылку ко рту. Он должен был послать к черту долгие годы воздержания. Когда он напился в последний раз, погибло четыре человека. В бутылке плавал червяк — еще одно напоминание о могиле.

Текила обожгла Джареду губы. Что-то внутри его закричало. И тут червяк *дернулся*. Джаред закашлялся, заливая текилой рубашку.

— Червяк, он...

— Я ссам его ссделал. Чуть меньшшше мескаля, и гусеница живет. — На слове «гусеница» он сделал ударение, исправляя Джареда. — Внутри гусеницы — чудная бабочка. А в червях одно говно. Пааапочка любил текилу. И любил жрать гусениц. — Мистер Счастличик прижал дуло к виску Джареда, толкая его голову на лезвие. Джаред напрягся, сопротивляясь.

— У насс одно правило, только одно: не останавливатьсясся. Пересстанешь пить, перестанешь гнать, и я тебя засстрелю.

Джаред вывел «бьюик» на грунтовку, едва не ободрав его бок о стены сарая. Водить «пинто» было гораздо легче. А «бьюик» напоминал ему старый «линкольн», тот, который и стал причиной трагедии. Джаред всю жизнь любил большие машины, но с тех пор предпочитал водить нечто менее опасное.

— Куда едем? — спросил он.

— Ты ведешшшь, — просипел Счастличик, не убирая пистолета.

Джаред лихорадочно размышлял, поворачивая с грунтовки на пустынное загородное шоссе. Больше всего ему хотелось проснуться от этого кошмара. Он выбрал небольшую загородную дорожку, чтобы появилась возможность подумать, собраться

с мыслями, и ехал не торопясь. Поначалу Джаред боялся, что мистер Счастливчик начнет возражать против черепаший скорости, но тот молчал. До тех пор пока Джаред не нарушал правила, беспокоиться можно было только о железном ошейнике.

Но и этого было достаточно.

— Сссначала я заменил ремень безопасности на лезвие. Номер два боялся шипов, которые торчали из водительской двери. Третий знал о гранате в подушке безопасности. — Счастливчик улыбался, словно его щекотали. — Тебе известно, что некоторые считают, будто отрезанные головы ссоображают еще пятнадцать секунд? Это не доказано, хотя многие пытались это выяснить. Но не узсснаешь, не проверишь. Надеюсь, тебе повезет...

Хихиканье с заднего сиденья.

— Каждая секунда — это дар, веесерно? — Хихиканье перешло в смех, потом в кашель.

Джаред искренне пожелал Счастливчику задохнуться, но пока что он сам сидел с проклятой удавкой на шее.

Старый добрый Кинг Коул пел о рождественской елке: «Хе-хе-хе, хо-хо-хо, посмотрите, как я счастлив, как мне сильно повезло». Джареду очень хотелось разбить кассетник.

Но вместо этого он снова глотнул из бутылки. Вкус был адский. Это был вкус того самого ада, в котором он будет видеть четыре детских личика, обвинявших его в своей смерти. Джаред слышал их голоса. Нужно было позволить себя застрелить. Джаред из всех сил игнорировал голоса. Он был *жив*. Осталось только понять, как сохранить это чудное состояние. Если он остановится, то либо пуля сделает ему лоботомию, либо он сыграет в Марию Антуанетту благодаря проклятому ошейнику. Джаред скосил глаза, рассматривая салон. Использовать в качестве оружия можно было разве что бутылку с текилой. Но использовать ее, обернувшись, он не может, а при попытке развернуться он снесет себе голову. На чистую силу рассчитывать не приходилось, а значит, нужно действовать хитростью. Оставалось только надеяться, что он привлечет к себе внимание, а мистер Счастливчик не захочет сразу расстаться с добычей.

БИИП!

Сердитый «жук» плелся в хвосте едва ползущего «бьюика». Водитель мигал фарами и сигналил. А когда пошел на обгон, сердце Джаредата затрепетало. Он закричал, развернувшись к окну, насколько позволял ошейник.

— Помогите! Меня похитили!

— Окна затонированы, — пробормотал Счастливчик. — Они тебя не увидят...

И он был прав. Водитель «жука» показал им средний палец и заорал что-то неразборчивое.

— Нет... Нет!

Джаред потянулся к дверце, чтобы опустить стекло. Ручка не повернулась. Сзади захихикали. Счастливчик явно наслаждался своей предусмотрительностью. Джаред включил дальний свет, но удаляющаяся машина не среагировала. Он увеличил скорость, но «жук» уже исчез в темноте.

Джаред позволил машине сбавить скорость до менее угрожающей.

— Ты не пьешь, — сказал дьявол у него за плечом.

Джаред приложился к бутылке. Без промедления. Подбросил углей в топку своей судьбы. Ненависть не позволит ему сдаться. Джаред принял решение: ни за что на свете мистер Счастливчик не выберется из этой машины живым. Перебрав несколько маловероятных сценариев, один абсурднее другого, он вдруг понял, что нужно делать.

Офицер Харрис.

Харрис парковал свою машину за проржавевшим рекламным щитом «Кэй Панкейкс» у выезда на двухполосную 115 Интерстейт и поджидал там неосторожных гонщиков. В целом штате не нашлось бы более предсказуемого места для засады. Джаред часто проезжал мимо него, направляясь в Такому. Местные вполне резонно подозревали, что полицейский просто любит тишину и покой. Другого объяснения тому, что он уже несколько лет отказывался менять место засады, найти не удавалось. Харрис не был хорошим копом, но пистолет и рация были при нем, а привлечь к себе внимание Джаред сумеет. Это был его шанс, единственный шанс.

Джаред аккуратно развернул машину.

Судья счел попытку суицида доказательством искреннего раскаянья и приговорил Джареда всего лишь к двум годам заключения. Это было его первое нарушение, до этого Джаред был примерным гражданином. Восемь месяцев тюрьмы, по два за каждого ребенка. Родственники погибших были в ярости, но ничего не могли сделать. Со временем все они переехали, надеясь начать новую жизнь подальше от места трагедии.

Досрочного освобождения Джареду не предлагали, да он и не воспользовался бы предложением. Жить в тени того, что он совершил, было нелегко. Стоило ему лишь подумать о выпивке, и одного взгляда в зеркало было достаточно. Шрам, протянувшийся от уха до уха, был постоянным напоминанием о трагедии, случившейся той жуткой ночью.

Каждый вторник он приезжал на Такома-вэлли. Прошло много лет, но участок ограждения, выбитый тогда «крайслером», выделялся новизной на фоне изъеденного погодой остатка. Раз в неделю Джаред привозил своим жертвам новый букет. Но это было мало. Это место преследовало его. Снилось ему каждую ночь. Во сне Джаред стоял на краю обрыва, с которого рухнул «крайслер». Каждую ночь одно и то же.

Сначала начинал чесаться шрам. Все сильнее и сильнее. Джаред скребся, как блохастая собака, и вдруг понимал, что под кожей у него что-то движется. Его шея разбухла, голова запрокидывалась. Шрам раскрывался, и оттуда выглядывало лицо. Из его шрама выбирался другой Джаред, голый и окровавленный новорожденный Джаред, неподвластный земному тяготению. Он выскальзывал из старого тела, как змея, сбрасывающая старую кожу, и парил в небе. Груз прошлого сменялся невероятной легкостью, невесомостью, безграничной свободой.

Он летел. Парил над долиной. Вид, который раньше вызывал только боль, теперь казался чудесным, завораживающим. И тогда Джаред просыпался. Сон исчезал, и оставалась только реальность, потолок спальни, алкотестер, которому приходилось ежедневно отсасывать, если он хотел попасть на работу, и воспоминания о детях, которых он убил.

Шрам уже не казался Джареду мрачным напоминанием из прошлого, он был приглашением, линией, которую проводят

хирурги перед операцией, чтобы «резать здесь». И сейчас Джаред чувствовал, что гильотина была лучшим, что могла придумать его судьба. Возможно, все так, как и должно быть. У мироздания оказалось замечательное представление о справедливости.

А может быть и нет. На горизонте уже маячил рекламный щит «Кэй панкейкс».

Две желтые линии на капоте «бьюика» извивались перед глазами, как гусеница из бутылки. Полупустой бутылки. Заблудившись в воспоминаниях, Джаред не сознавал, сколько пьет. *Это как езда на велосипеде.* Эта мысль обожгла Джареда. Спидометр показывал сорок пять миль в час. Этого мало. Харрис и не почешется, если машину не разогнать как минимум до семидесяти пяти. Джаред моргал, пока дорога из расплывчатых пятен не собралась опять в полосу асфальта. Раньше в таких ситуациях ему помогала пара пощечин, но с гильотиной на шее старая техника отрезвления явно была не при делах.

— Ты прааавда убивал людей, папочка?

Ублюдок выполнил домашнее задание, подумал Джаред, выжимая газ. Сколько он следил за ним? Затылок Джареда вжал в подголовник, «бьюик» набирал скорость.

— Мама сказаааала, они были плохие, — продолжил Счастливчик.

Джаред, пребывая в пьяном ступоре, не сразу сообразил, что тот говорит не о нем, а о своем отце. Солдате. Или, возможно, подумал Джаред, эти образы сливаются у него воедино. У них ведь много общего. Возможно, много общего и с теми несчастными ублюдками, которые оказывались за рулем одного из его раскрашенных под заказ «бьюиков».

Стрелка спидометра перевалила за пятьдесят пять, и каждая неровность на дороге стала весьма ощутимой. Джаред напрягся, потому что каждый рывок угрожал бросить его на смертоносное ожерелье. Поморщившись, он выпрямил спину. Уже виднелся потек нарисованного масла на щите «Панкейкс». Яичница и квадратный пласт сыра, бекон, блестящий от жира. Джаред ощутил, как поздний обед поднимается к горлу.

Шестьдесят две мили, шестьдесят три, шестьдесят четыре...

На этот раз текила ударила в голову, висок пронзило болью. Джаред прикусил язык, и боль помогла ему сосредоточиться. Он снова посмотрел на полицейскую машину. Харрис махал ему жезлом в окно. Хотел бы Джаред иметь такую штуку! Только подлиннее, чтобы мистер Счастливчик передумал насчет одного правила.

— Сейчас мы остановимся, и ты отдашь ему пистолет. — Джаред с трудом перевел дыхание. — Ты же не хочешь пострадать, сынок.

— Я должен был умереть. Я хочу умереть.

— Но не так же, — продолжал увещевать его Джаред. — Ты хочешь умереть во время аварии. Со мной. И делать это снова и снова, пока все не получится так, как надо. Ну так этого не будет. Потому что я сейчас остановлюсь. А если ты выстрелишь, копы превратят эту тачку и нас обоих в швейцарский сыр. И ты умрешь, как обычный преступник.

— Нет, папа, не говориинини таааааак!!!

— Брось пушку, маленький говнюк, и папа о тебе позаботится.

Джаред едва успел газануть, когда заметил маневр Харриса. Тот собирался ударить «бьюик» в заднее крыло. Полицейский почти потерял управление, но выровнялся. Проклятый Харрис, сидя на заднице, не растерял своих умений. Джаред стиснул зубы. Он не подозревал в старике таких амбиций. Тот собирался столкнуть «бьюик» с дороги. Достаточно одного удара, чтобы шею Джареда бросило на лезвие. Голову ему, возможно, и не отрежет, но рана будет смертельной. Харрис дал фору мистеру Счастливчику, и Счастливчик это знал. В зеркале заднего вида его отражение дразнило Джареда, хватаясь за шею. Джаред поймал его взгляд отчаянно, но уверенно. *Да ни за что на свете...*

Он газанул, прикидывая свои шансы. Даже оторвавшись от Харриса и сохранив голову на плечах, он вернется к изначальной ловушке. Харрис вооружен, это единственный шанс против пистолета Счастливчика. Выручила бы остановка, но как это сделать? Даже если Счастливчик не станет стрелять, Харрис врежется в капот, и с Джаредом будет покончено. Нужно застать обоих врасплох. Остановка должна быть внезапной, неожидан-

ной, резкой, но так он сам оставит себя без головы. Джаред подумал, нельзя ли просунуть горлышко бутылки между лезвием и шеей. Но отказался от этой мысли, взглянув на бутылку. Тело было слишком широким, а горлышко недостаточно толстым. Заработает себе полную рожу битого стекла и все равно останется без головы.

Был и более мрачный вариант — просунуть перед железкой руку. Лезвие пройдет сквозь мышцы, как сквозь желе. Но кости — другое дело. Они вполне способны сохранить голову Джареда и станут преградой получше бутылки. Лучше быть одноруким, чем мертвым, подумал Джаред. По словам мистера Счастливого, у него будет пятнадцать секунд, чтобы понять свою ошибку.

Да пошло оно все!

Так, а что же дальше? Счастливого бросит вперед. Он будет дезориентирован. И у Джареда появится несколько миллисекунд, чтобы оглушить его бутылкой текилы. Или вырвать пистолет. Харрису нужно будет остановиться, выйти, вытащить...

— Пааапочка! — Счастливчик показывал пальцем вперед и смеялся.

Дорога раздваивалась.

Дорожные работы. В прошлый вторник их тут еще не было.

Времени на размышления тоже не было, и Джаред вывернул руль. «Бьюик» занесло, но он вписался в полосу. Визжащие шины оставили за собой черный след. Джаред напряг мышцы шеи, вены вздулись от дикого усилия. Одной рукой он держался за ручку кабины, второй упирался в руль. Его тело повело вправо, край лезвия вошел в шею. Затем «бьюик» выровнялся, и Джареда бросило в противоположную сторону, на другое полукружье лезвия. Порезы были несерьезными. Кровь щекотала шею, но открывашка не сработала.

Сзади раздался пронзительный визг, грохот сминаемой стали и звон разбитого стекла. Джаред взглянул в зеркало и увидел, как патрульная машина кувыркается, влетев в разделитель. Он мог лишь с ужасом наблюдать, как груда железа, бывшая машиной, переворачивается в последний раз и замирает. Джаред застыл. Его нога соскользнула с педали газа, и мистер Счастлив-

чик тут же ткнул в него пистолетом. Джаред нахмурился и свернул на извилистую дорогу к Такома-вэлли.

— С ним все будет в порядке. — Счастливчик сиял от удовольствия.

Джареду очень хотелось верить, что ремень безопасности и аварийная подушка сделали свое дело, но он не мог в этом убедиться. Попытки не думать о Харрисе тоже были бесполезными.

— Это здесь случилось, папочка? Ты здесь убил тех людей?

Джаред не ответил. Он не хотел об этом думать. Не хотел думать, точка. Горечь жгла ему внутренности, и Джаред присосался к бутылке. Счастливчик еще что-то тараторил, но Джаред его больше не слушал. Он сосредоточился на шоссе и на бутылке. Прошло столько лет, и вот на этой же дороге, снова пьяный и снова ночью он стал причиной еще одной аварии. Нужно было позволить Харрису сбросить «бьюик» с дороги, думал Джаред. Счастливчик тогда получил бы пулю или сгнил бы в тюрьме.

— Скажи мне только одно, — произнес он. — Почему ты выбираешь таких, как я? Тех, кто хочет завязать? Ты подстерег меня после встречи анонимных алкоголиков, какого же черта ты не подождал у бара кого-нибудь с залитыми зенками и ключами от машины в руках?

— Пааапа тоже считал, что броооосил! — огрызнулся Счастливчик. — И не раз... А все должно быть, как тогдаааа! — грустно закончил он, явно убеждая сам себя.

Джаред не дал ему продолжить.

— Я не твой папа.

Счастливчик вскинулся, но не возразил.

— К тому же, — добавил Джаред, — никто не может вернуться в прошлое.

Это было скорее признание, чем утверждение. Джаред улыбнулся и глотнул текилы. Изнутри поднималось тепло, и он впервые позволил себе насладиться этим ощущением.

И провел «бьюик» чередой крутых поворотов. Счастливчик взвизгнул и нервно засмеялся, пытаясь не показать, что, несмотря на браваду, внезапный рывок Джареда его напугал.

— Ээто вессело.

«Ага, — подумал Джаред. — *То ли еще будет*».

Он наконец понял, что двигало жалким созданием на заднем сиденье «бьюика». Счастливчик любил и ненавидел своего отца. Хотел умереть вместе с ним и в то же время хотел убивать отца снова и снова за то, что тот с ним сделал. Противоречие, которое имело смысл лишь для тех, чьи шрамы не только на коже. Джаред запрокинул бутылку. Дорога расплылась. Извивающаяся гусеница попала ему в рот с последними каплями алкоголя. Бутылка выпала из руки на следующем повороте, машина резко нырнула вниз.

Энтузиазм Счастливчика сменился неуверенностью.

— Что ты деелашь, папочка?

«Бьюик» врезался в ограждение. В ту самую секцию, что была чуть ярче выбеленных погодой соседних перегонов.

Джаред почувствовал, как спина отрывается от сиденья. Тепло прошло ударом молнии, нервные окончания ожили все разом и на миг взвыли от жуткой боли. Что-то теплое потекло по его щекам, и он удивился приятному ощущению. Он словно взлетел над телом, над приборной панелью, прошел пустой прямоугольник на месте бывшего ветрового стекла. Все было так, будто он сидел в кинотеатре, и вдруг его катапультировало прямо в экран.

Он парил в звездном небе стеклянных осколков — ветровое стекло рассыпалось от удара. Частички стекла жалили его подбородок и лоб, но Джаред не чувствовал боли.

А затем стекло исчезло, осталась только ночь.

Долина раскинулась под ним дивной фреской.

Джаред ощутил невесомость.

Свободу.

Он летел.

Летел.

Ощущения были невероятными. Мир начал крениться, обочиваться вокруг своей оси. Ландшафт развернулся на триста шестьдесят градусов, и Джаред увидел...

«Бьюик».

Да-да, Тот Самый «Бьюик», подумал Джаред, упиваясь блаженной эйфорией. Автомобиль застрял в ограждении, секция

обняла его, выгнувшись луком. Разбитый радиатор исходил паром, колеса беспомощно вертелись над краем обрыва. Джаред сузил глаза, заметив себя на водительском месте. Точнее, часть себя. Его руки мертвой хваткой вцепились в руль. На месте головы бил кровавый фонтан, окрашивая салон темно-красным. А за фонтаном виднелся мистер Счастливчик. И было сложно понять, смеется он или плачет.

Возможно, и то и другое.

Губы Джареда сложились в мрачную улыбку. Мистер Счастливчик скрылся из виду на следующем повороте. Земное притяжение вступило в свои права. Джаред больше не летел, он падал. Словно взобрался на самый верх американских горок и теперь пулей летел вниз. Обычно в такие моменты он испытывал тошноту. Но сейчас, когда желудок отсутствовал, проблема решилась сама собой, и Джаред впервые наслаждался свободным падением. Эта мысль заставила его рассмеяться, но при этом он не издал ни звука.

Земля внизу повернулась, сменилась небом и снова «бьюиком». Джаред был благодарен судьбе за этот взгляд, пусть и короткий. Приятно было осознавать, что все прошло, как и было задумано. Задние колеса «бьюика» все же не застряли в ограждении, иначе он бы умер напрасно. «Бьюик» сменился утесом, сменился небом, сменился долиной, которая все приближалась и ждала его. Джаред подумал о том, сколько же времени прошло. Пятнадцать секунд, так, кажется, сказал Счастливчик?

Мир завертелся быстрее.

Десять? Двенадцать?

Три...

Господь повернул выключатель в голове у Джареда, остеклевшие глаза остались открытыми, пока голова не встретилась с землей. Череп раскололся от удара, голова отскочила с пути «бьюика», который, как по заказу, приземлился на то же место в какофонии металлического скрежета.

На этот раз мистеру Счастливчику не суждено было уйти с места аварии.

Ни за что на свете...

Разбитая голова Джареда откатилась и застряла в зарослях кактусов. Он мог бы улыбнуться. Он реабилитировался. Убил плохого парня. Он победил.

Последние звуки «Рождественского альбома» Кинга Коула с хрипом прорвались из разбитых динамиков:

Маленький Иисус преклонил головку,
Звезды смотрят с неба на него,
На маленького Иисуса, заснувшего в яслях...

Из разбитого рта Джареда выбралась гусеница. Единственное существо, пережившее катастрофу, проползло по его подбородку, обогнуло колючки кактуса и двинулось к земле у самых корней.

В этой гусенице росла чудесная бабочка.

ГРЕГ КИН

КОРОЛЕВА ГРУППЫ

— Дорога в рай рок-н-ролла вымощена побелевшими черепами таких, как он, — зачитал я вслух из «Сливленд плэйн дилер».

Это была рецензия на наше выступление в «Агоре», состоявшееся прошлой ночью.

Череп затянулся «Мальборо». Бас-гитаристы всегда задают правильные вопросы, и он не подкачал:

— Таких, как кто?

— Кажется, это обо мне.

— Ну, так они просто обнаглели. По-моему, мы вчера жгли.

— Мы и жгли. Но разные люди смотрят на вещи по-разному.

Может, он любит прогрессивный рок.

— Да что он вообще понимает? Этот засранец даже играть ни на чем не научился.

У Черепа была непробиваемая логика. Он никогда не судил о том, как кто-то справляется со своей работой, если не умел сам выполнить ту же работу, только лучше.

Именно поэтому рок-критики не ладят с музыкантами. Закон рока делает их вечными аутсайдерами. Он запрещает все, что хоть отдаленно, но враждебно принципу «Мы против всех», который все мы поклялись соблюдать. Этот принцип — живая кровь каждой группы. Мы живем по закону. Иногда только это «Мы против всех» и удерживает группу от распада. Пока есть заказы и выступления, закон жив, а значит, жива и группа. И всегда звучит «Мы против мира».

К тому времени, когда состоялся этот разговор, наша группа путешествовала уже несколько месяцев. Это был единственный способ сохранить приток денег. Мы работали с крошечной студией звукозаписи, поэтому ради экономии арендовали в Нэшвилле старые туристические автобусы. Ржавые, скрипучие, с богатой историей и продавленными сиденьями, которые вдобавок еще и воняли.

Вечером мы собрались перед «Свинго селебрити пэлес» и ждали, когда приползет наш новый транспорт, чтобы увезти к очередной точке бесконечного тура. В январские 17:30 уже горели фонари, вокруг них клубился холодный туман.

Череп швырнул сигарету на грязный снег и закурил следующую.

— Надеюсь, новый автобус будет лучше прежнего дерьма. Я себе задницу отморозил, спасибо сломавшейся печке.

Я покосился в начало улицы. И услышал это раньше, чем увидел: жуткий скрежет тормозов и дребезжащий рык сцепления. Что-то крупное рычало на помешавшие ему машины.

А потом из-за угла вынырнул свет фар и появился он — кашляющий мотором Силвер Игл, в облаке дыма и с искрами из выхлопной трубы. Он выплывал из тумана, словно корабль-призрак. Фары казались светящимися глазами, уставшими от суточного перегона. Края переднего бампера обвисали, создавая унылую гримасу. Зашипев тормозами, автобус подкатился к нам.

— Ничего хуже я в жизни не видел, — сказал Череп. — Я не полезу в эту душегубку.

— Еще как полезешь, — сухо сказал наш менеджер Бретт Кребс. — Нам повезло, что мы достали хоть этот. Все остальные в разгоне. Следующее выступление в Миноте, Северная Дакота, а она в тысячах миль отсюда. Это два дня пути. На следующей неделе я подыщу новый автобус. Но пока что мы имеем то, что имеем. Простите, ребята. Вините не меня, вините начальство. Я всего лишь исполнитель.

— Бретт, такие бешеные туры плохо сказываются на группе.

— Эй, не я подписывал ваш чертов график. Мое дело доставить вас на место вовремя.

Дверь автобуса зашипела и распахнулась с металлическим взвизгом, от которого я подпрыгнул. Внутри было темно. Бретт сунул туда голову и что-то сказал. С глухим вздохом замолк мотор, и мы слышали чьи-то шаги.

Это оказался крошечный человечек в огромной ковбойской шляпе. Он был действительно крошечный — полтора метра,

считая шляпу. Этаким злобный доктор Фу Манчу¹ с козлиной бородкой и обрубком сигары в коротких пальцах. Джинсы и рубашка человека были мятыми и вонючими.

А голос шершавым, как наждак.

— Я Джимми. А вы, я так понимаю, группа?

— Она самая, не сомневайтесь. Вот договор, — сказал Бретт.

— О'кей. Ну ладно, вы, ребята, укладывайте багаж, а я пока поговорю с этим джентльменом. Пару минут — и поедем.

Череп соорудил страдальческую гримасу и с отвращением покачал головой.

Джимми бросил мне ключи от багажного отделения, расположенного в нижней части автобуса.

Прямоугольное багажное отделение тянулось по всей длине автобуса и было закрыто двумя откидными дверцами. Днище и нижний край были залепаны грязью и покрыты льдом. Я присел на корточки и взглянул на замок. И тут же поскользнулся, инстинктивно выбросив ладонь вперед, чтобы опереться на крышку и не упасть.

Крышка была холоднее льда. Намного холоднее. Настолько, что мою руку обожгло. Я ее тут же отдернул и начал трясти.

— Какого черта?

— Открывай уже эту заразу, — сказал Череп. — Нужно погрузить вещи и гитары.

Я посмотрел на замок, затем на ключи в моей руке. Выбрал подходящий и очень аккуратно, стараясь не прикасаться к металлу, вставил в замок. Ключ подошел, дверца с грохотом рухнула вниз. Наш единственный попутчик, Клифф, наблюдал за этим с изумлением.

— Осторожно! Эта штука, похоже, кусается.

Я устался в чрево чудовища и вздрогнул. Отделение было темным и просторным, но у меня появилось плохое предчувствие. Из багажного отсека словно сочилось уныние, а тьма

¹ Фу Манчу — литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером; воплощение зла, криминальный гений.

в глубине была плотной и казалась тяжелой. Меня чуть не стошнило, когда в нос ударила сладковатая вонь.

Я отскочил от автобуса, словно ткнувшись носом в бочку с аммиаком.

— Что не так?

— Ты что, не чувствуешь запах?

— Какой запах? Здесь ничем не пахнет. Иди наверх, выбери себе место. А мы с Черепом все погрузим.

Я не хотел больше подходить к отделению для багажа. Ни за что. Поэтому обошел автобус и заглянул в дверь. Я снова погрузился в странную меланхолию. Когда мои глаза привыкли к темноте, я смог увидеть выцветшую коричневую обивку, складной стол и крошечную микроволновку. Салон пропах сигаретами и старым пролитым пивом. Я двинулся к местам для отдыха.

Этот автобус явно знал лучшие времена. Все было ободраным и битым, двери на второй этаж в нескольких местах крепились изолентой. В углу я заметил маленький телевизор, прикрученный к стене. Кухонька была чистой, но тоже потерянной. Крошечный холодильник пощелкивал и попукивал в углу.

Я подошел к купе и посмотрел на полки. Больше всего они походили на двухэтажные гробы. С одной стороны крепилась лампа для чтения, с другой было маленькое окошко, которое можно было закрыть занавеской. Пространства между полками едва хватало, чтобы лечь и приподняться на локте. Я выбрал нижнюю полку и поставил на нее сумку, чтобы застолбить место. Мне крайне не нравилась мысль о том, что спать придется в этом царстве клаустрофобии.

Я отправился исследовать салон дальше. В последнем отсеке обнаружили два небольших дивана и еще один телевизор. С первого взгляда это место казалось наиболее уютным. Я присел и выглянул в окно. Багажный отсек уже закрыли, и группа полным составом поднималась «на борт».

Джимми взобрался на водительское сиденье. У него там были специальные приспособления, чтобы дотягиваться до педалей. Мотор мощно взревел, и автобус дернулся, просыпаясь. Мы отчалили от отеля в голубом облаке дыма.

— У меня от этой колымаги мороз по коже, — сказал я Черепу.

— Это кливлендский пароход.

Я рассмеялся. Эту шутку мы услышали на вчерашнем выступлении: пароходом здесь называли исходящую паром в сугробе собачью какашку.

Череп сел и начал забивать косяк.

— Щас эта штука покажется сносной, — сказал он.

Я отправился в туалет. Места там едва хватало, чтобы закрыть за собой дверь. Зато можно было прислониться к ней спиной и не упасть — автобус ходил ходуном. Застегивая ширинку, я взглянул в зеркало. И увидел, что за мной стоит девушка с ярко-алой помадой на губах. Я развернулся, но она исчезла. Как и отражение. Зато появился знакомый тонкий запах. Он повис в воздухе, и я попытался его определить.

— Тут только что была девушка. Ты ее видел? — спросил я у Черепы.

— Нет. Слушай, чувак, появись тут девчонка, я бы ее не пропустил.

Череп подкурил и глубоко затянулся. А потом сдавленно, чтобы не выдохнуть дым, добавил:

— Может, это призрак.

Колеса монотонно отмеряли милю за милей. Прошло десять часов. Чертов автобус был похож на субмарину. *Das Boot*. Группа шаталась по салону, энергия требовала выхода. Череп сидел с ударником Джои и соло-гитаристом Ридом Уэйном. Они потягивали пиво и смотрели по телевизору «Грязного Гарри».

А я устроился за спиной Джимми. Станный человечек казался мне частью автобуса. Он без устали жал на педали своими удлинителями и хрюкал. В кабине трещало радио, Джимми потягивал кофе. Из салона доносились содержательные беседы каких-то ребят с именами вроде Пес Дороги и Жирный Дизель. В свете приборной панели лицо Джимми казалось нереальным, искаженным. Я видел его отражение в ветровом стекле. Выглядел он как конченный маньяк.

Время все тянулось. Автобус катился сквозь ночь под «Лост хайвэй» Хэнка Вильяма. Когда вы много времени проводите в движении, мир воспринимается иначе. Кен Кизи¹ был прав. Вы либо в автобусе, либо нет.

Я зевнул и попытался не думать о мрачном. Протопал в купе и устроился на полке. Рид и Джои уже спали. Я щелкнул выключателем маленькой лампы и огляделся. Судя по увиденному, можно было не раздеваться. Я натянул жесткое одеяло, задернул за собой занавеску и примял щекой вонючую подушку, пытаясь ни о чем не думать.

Видимо, я все же нанюхался, потому что, когда снова открыл глаза, лампа все еще горела и занавеска была на месте, но вот полка казалась намного короче. И потолок был в нескольких дюймах от моего носа. Пока я таращился на него, ячейка для отдыха начала ощутимо сжиматься. Стены сходились, потолок опускался. Я толкнул его рукой, но пластик продолжал напирать. В приступе паники я замолотил по стенам ногами. Мне удалось перекатиться и упасть на пол.

Я больно ударился головой и посмотрел вверх. Никаких изменений я не заметил.

Зато заметил, что у меня почти болезненная эрекция. Лежа на полу, я размышлял, не приснилось ли мне все это. Когда возбуждение начало отпускать, я поднялся на ноги и протопал к туалету. Я сразу же взглянул в зеркало, но ничего необычного не увидел. Потом присмотрелся к своему лицу. На щеке размазалась красная помада.

Я вытер щеку — помада растаяла прямо на пальцах. Я таращился на нее, как ненормальный. Я схожу с ума?

Выскочив из туалета, я заметил свет в конце салона. Череп сидел там, потягивал «Джек Дэниэлз» прямо из бутылки. Судя по дымовой завесе, он всю ночь курил травку. Череп уставился на меня красными глазами.

— Привет, чувак!

Я сел рядом.

¹ Кизи, Кен Элтон (1935—2001) — американский писатель.

— Здесь происходит странная фигня. Только что я проснулся с жутким стояком, а на щеке обнаружил помаду.

Череп хмыкнул.

— И что? Со мной постоянно такое случается.

— Да я серьезно. На меня опускалась полка.

Он протянул мне бутылку виски.

— Держи, брат. Это поможет.

— Мне кажется, что в автобусе призрак.

Череп посмотрел на меня одним глазом.

— Круто.

После чего откинул голову на спинку дивана и захрапел. Я поставил бутылку и отправился в начало автобуса. Было темно, только огоньки приборной панели озаряли фигурку Джимми каким-то призрачным светом.

Он с кем-то говорил. И вдруг я отчетливо услышал женский смех, а затем почувствовал уже знакомый запах. Только теперь я его узнал: сигареты с гвоздикой. У меня было несколько знакомых, которые их любили, и поверьте, узнать о приближении такого знакомого можно было издалека — по запаху.

Я крался в сторону кабины, словно кошка, пытаюсь ничем себя не выдать. И смог рассмотреть девушку, ту самую, которую раньше видел в зеркале. Она стояла рядом с Джимми и гладила его по ноге. Они что-то шептались друг другу. Она курила тонкую сигарету.

Я услышал его слова:

— Ты моя жемчужинка, Рокси, только я тебя по-настоящему люблю.

Я рассматривал ее лицо. Ярко-красная помада, того же цвета, что и у меня на щеке, слегка размазалась у рта, что придавало девушке странный вид. Но несмотря на испорченный макияж она была прекрасна — с бледной кожей и длинными светлыми волосами, спускавшимися до талии. Она была одета в короткое черное платье для вечеринок и белые ковбойские сапоги.

Автобус подскочил на ухабе, одна из дверей наверх распахнулась, с грохотом врезавшись в стену. Джимми и девушка обернулись и заметили меня, а я застыл, как олень в свете приближающихся фар. Девушка исчезла.

Я протер глаза. Да, вот так, загадочно и мгновенно она исчезла прямо у меня на глазах. Я все видел и просто не мог поверить.

Джимми теперь смотрел только на дорогу и притворялся, что ничего не случилось. Я присел рядом с ним.

— Кто она, Джимми?

Он покосился на меня, помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Ее зовут Рокси.

— Она призрак?

Он кивнул.

— Не хочешь мне рассказать?

Джимми снова закурил сигару и откинулся на спинку кресла.

— Я, наверное, должен это сделать. Вы же платите за прогон и имеете право знать.

Пыхнув сигарой, он выпустил облачко дыма. Джимми не был красавцем, но сейчас его лицо смягчилось, я заметил блеск слезы в уголке его глаза. Он снял ковбойскую шляпу и провел пальцами по тонким сальным волосам. Потом нахлобучил ее поглубже и покосился на меня.

— Когда-то, давным-давно, этот автобус был новым. Он принадлежал Билли Бою Соамсу. А я был его водителем.

— Легендарному певцу кантри?

Джимми кивнул.

— Он был настоящим исчадием ада, и не один крупный демон сжирал его изнутри. Он любил виски и кокаин. И женщин. Ох, господи, женщины! Ему нравилась ярко-красная помада, и он всех девчонок заставлял ею пользоваться. Одевал их как хотел и делал с ними что хотел. Каждую ночь в этом автобусе были вечеринки. Его группы были невыносимы: дикие, сумасшедшие, совершенно бесстыдные, им хотелось только веселиться. А Билли давал им такую возможность, но лишь до тех пор, пока они пользовались алой помадой. У него был такой бзик.

Джимми замолчал и оглянулся — убедиться, что нас никто не подслушивает. Но мы были одни, и он продолжил:

— Рокси начала ходить на его выступления. Билли тут же на нее запал. А кто бы не запал? Она была красавицей. Он возил ее на этом автобусе из города в город, как личную игрушку. А она была дикой крошкой, прямо-таки огненной. Среди остальных

группы Рокси выглядела, как королева. Но ты же знаешь, как это бывает. Билли всегда был бабником, и однажды Рокси застала его голым с другой девчонкой. Там, в конце салона. — Джимми кивнул через плечо. — У Билли повсюду валялось оружие. Рокси схватила пистолет и попыталась его убить. Промахнулась, конечно, но салон попортила порядком. Билли тогда решил, что она слишком для него бешеная, и вышвырнул ее из автобуса. Но девчонка не сдалась. Она автостопом добралась до следующего города, пришла на выступление Билли и подняла бучу. Он ударил ее по лицу, и Рокси сбежала, злая, как сто чертей. Никто из нас не знал, что она решила спрятаться в багажном отделении.

Джимми посмотрел на меня.

— А был январь, такая же ночь, как сегодня. Температура была намного ниже нуля. Нам предстоял длинный перегон до Северной Дакоты. И когда мы приехали в город, я открыл багажное отделение и нашел ее там... Рокси замерзла до смерти. Она вся посинела.

Голос Джимми дрогнул.

— Бедняжка. Я понятия не имел, что она в багажном отделении. Я...

— Это не твоя вина, Джимми. Ты же не мог знать, что она там. Джимми не ответил.

— А теперь она обитает в автобусе, — прошептал я. — Неспokoйный дух, застрявший между мирами.

Джим посмотрел на меня и нахмурился.

— Вот только тебе она показалась. Раньше она никогда так не делала.

— И что это значит?

Лицо Джимми вытянулось.

— Не знаю.

Мы покатались дальше. Все остальные ребята уснули, а я не мог заставить себя вернуться на полку, поэтому решил отдохнуть на диване в конце салона. Череп дополз-таки до своего места и теперь мирно храпел. В моем распоряжении был весь салон. И я читал, пока глаза не начали слипаться.

Но стоило мне задремать, и знакомый запах гвоздики ударил в ноздри. Я сразу узнал этот сигаретный дым. У меня в голове звывала сирена. Глаза распахнулись, и я увидел ее, голую, прямо надо мной.

Ее намерения сомнений не вызывали.

— Иди сюда, — шевельнулись губы в разводах помады. — Ты мне нужен.

— А как же Джимми?

— А что с ним?

— Он любит тебя.

— Знаешь, только он ко мне всегда хорошо относился. Но теперь это можешь быть ты. — Она скользнула ко мне на колени.

Я поднял руки перед собой, защищаясь.

— Слушай, я не могу. Просто не могу.

Автобус резко затормозил. Рокси прижалась ко мне. Я попытался встать, но она пришила меня к дивану с нечеловеческой силой. Я услышал хруст тормозных колодок, автобус вздрогнул и остановился. А вот Рокси останавливаться не собиралась. Миг спустя все мое лицо было испачкано помадой.

Дверь в последний отсек распахнулась, и на пороге возник Джимми со своими лучшими друзьями — Смитом и Вессоном.

— Я знал! Я так и знал!

Он наставил на меня пистолет. Вороненая сталь, 38-й калибр, с явно стреляным дулом. Мое сердце заколотилось, как бешеное. Каждая пора моего тела выдала каплю холодного пота. Секунда — и я уже весь мокрый.

Я чувствовал страх даже на вкус. Никогда в жизни я ничего подобного не испытывал.

Голос Джимми казался мне звуком из иного мира.

— Ты подкатил к моей женщине. И теперь за это умрешь!

— Постой, Джимми! Подожди минуту! Давай поговорим, хорошо?

Я тараторил, как продавец подержанных машин.

— Джимми, кого ты собираешься убить? Ее ты убить не можешь, потому что она *уже мертва*. И меня ты тоже не можешь убить, потому что, если я буду мертв, я окажусь вместе с ней. А ты же не хочешь видеть постоянно наши призраки? Но если

ты меня убьешь, так и будет. Я стану жить в этом автобусе вместе с Рокси. Ты ведь этого не хочешь, верно?

— Что она с тобой делала? — В голосе Джимми прозвучала горечь.

Я вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Она на меня навалилась, честно, но я ее не трогал. Не мог. Я, честное-честное слово, предпочитаю живых женщин. Богом клянусь!

Джимми продолжал в меня целиться.

Я сказал:

— Откуда ты знаешь, что она это не подстроила?

Он сузил глаза.

— А зачем ей это делать?

— Ну, она же хочет быть со мной, а единственный способ этого добиться — сделать меня мертвым. Тогда я окажусь в ее власти. Насколько я понял, Рокси хорошо тебя изучила. Она знала, что ты нас застукаешь, взбесишься от ревности и придешь сюда с пистолетом. То есть, вполне возможно, она специально это подстроила.

Дуло слегка опустилось. Джимми посмотрел на Рокси.

— Это правда?

Вместо ответа Рокси исчезла — подмигнула и оставила Джимми в одиночестве сжимать пистолет и принимать решение. Я увидел, что он плачет.

Джимми помотал головой.

— Моя жизнь ни черта не стоит. Я только и делаю, что гоняю по дорогам этот самоходный сортир. День за днем, год за годом. У меня даже домашнего адреса нет, я двенадцать месяцев в году провожу за баранкой.

Я не ответил. У него был пистолет. И я просто ждал, что делает Джимми.

— Я хочу быть с Рокси, — всхлипнул он. — Я люблю ее.

Часть моего мозга уже знала, что случится. Другая часть хотела только одного: чтобы Джимми убрал этот проклятый пистолет. А все, что произойдет потом, меня не волновало, главное, чтобы в меня не целились. Более оптимистично настроенная часть меня надеялась, что никого не застрелят. Но как только

я об этом подумал, я понял, что так не выйдет. Я знал, какое решение принял Джимми.

Он все так же стоял у двери. Всклипывал, но не шевелился. И наконец кивнул мне.

А я кивнул в ответ.

Джимми приставил дуло к виску и спустил курок.

Я ничего не мог сделать.

Он это понял.

Наша группа больше никогда не пользовалась автобусами. Ребята так и не оправились после того, как проснулись от выстрела и увидели мозги Джимми, разлетевшиеся по всему салону. В ходе полицейского расследования выяснилось, что Джимми был накачан таблетками и находился в глубокой депрессии, с которой, видимо, не смог справиться.

Но я знал, что случилось на самом деле.

Автобус отремонтировали и снова сдают в прокат рок-группам. Теперь в нем обитают два призрака, и он до сих пор где-то катится, перевозя ничего не подозревающих музыкантов от города к городу.

ДЖЕЙМС САЛЛИС

ПРЕМЬЕРА СЕЗОНА

Крысы появились сразу после того, как они повесили Коротышку Бергена. Никто раньше не видел ничего подобного. Они выбрались на берег по руслу сухой реки — около сотни крыс, бегущих стаей. Как саранча из фильмов об Африке, там ведь тоже показывают, как пролетают насекомые, и за ними остается только голая земля и обглоданные стебли. Вот только крыс не интересовали овощи. Джонни Джонс лишился всех своих кур. Ау Джина Брокато крысы сожрали пять овец и телушку.

— Крысы не охотятся стаями, — сказал Берни Барстайл.

Он и его напарник Джо МакГи вышли из служебного грузовичка, чтобы проверить линии электропередач. И отскочили к обочине, когда увидели поток крыс, который разделился надвое, обтекая ферму, а затем снова соединился на поле Джина Брокато. За несколько секунд от скота остались лишь обглоданные кости.

— Никогда ничего подобного не видел, — произнес Джо МакГи.

То же самое можно было бы сказать о Коротышке Бергене. Он выглядел так, словно кто-то склеил его из двух половинок: длинное-длинное тело на корявых кукольных ножках. «Если бы у мальчика ноги были, как тело, он был бы ростом метра в три», — всегда говорила его мать. Но это было не так. Даже надевая любимые ковбойские сапоги с каблуками, Берген был не выше полутора метров. Из его ушей торчали щетки густых блестящих волос. Зато на голове, сколько бы раз он ее ни мыл, два десятка жидких тонких прядок вечно казались засаленными.

И так случилось, что Коротышка влюбился в Бетти Сью Карстейрс, что повлекло за собой две проблемы. Во-первых, Дэн Карстейрс, ее папаша, был единственным в городе человеком, у которого водились настоящие деньги; он обожал свою дочь, позднего ребенка, появлением которого жутко гордился. А во-

вторых, Бетти Сью была тупа как пробка. Когда Коротышка приносил ей конфеты и букеты диких цветов, сорванных в лесу, она начинала лепетать и пускать слюни. Бетти не понимала, что он урод, не видела ничего странного в его подарках и не соображала, к чему они могут привести. Папочка всегда дарил ей конфеты. А теперь так поступал и Коротышка.

Довольно скоро крысы стали главной темой для разговоров в «Блю белл динер», единственном месте Хэнкс-Риджа, где можно было перекусить вне дома.

— По крайней мере в город они пока не суются, — сказал Лукас Ходгкинс.

Яичный желток и примерно треть вставных зубов выскользнули у него изо рта. Он вернул вставную челюсть на место. Желток остался на подбородке.

— Я тебя понял. — Это был Жабис Леверо, сидевший через четыре столика. Люди говорили, что свой проклятый берет, который он никогда не снимал, Жабис заказал по каталогу Сирса. В Хэнкс-Ридже такую дрянь купить просто негде. При взгляде на нос Жабиса почему-то сразу вспоминались солнечные часы. — Но черт их знает. Стоит им попробовать человеческую кровь... Я видел, как такое бывало с охотничьими собаками. И даже один раз с козлом. Они тут же начинали жрать детей, что твой попкорн.

Пчелу, хозяйку заведения, уже тошнило от этой темы.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится, — сказала она.

Впрочем, за сорок шесть лет жизни Пчеле мало что нравилось.

— Откуда они взялись, хотел бы я знать. Никто из нас раньше о них не слышал.

— Помню, когда я был маленьким, во Флориде шел дождь из лягушек.

— То лягушки. А это крысы.

— Как в легенде о крысолове, помните?

— Реки потекут вспять, — сказал Джадд Сили, дьякон местной церкви. — Реки. А затем... Что-то я не припомню. Но, кажется, их было семь. Семь всадников.

— Грызуны, вот они кто. — Бада Гули передернуло. — У них зубы растут всю жизнь.

Скрипнула дверь кухни, и разговор стих.

Джен Стэнтон покачал головой.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы Стью Эллум оставлял на тарелке кусок пирога?

Жабис Леверо вскочил и быстро доел оставленный кусок.

— Что-то его сильно взволновало, — сказала Пчела.

Дэн Карстейрс предупредил Коротышку Бергена о том, что ему стоит держаться подальше от Бетти Сью, и описал, что случится в противоположном случае. Но дело было в том, что по умственным способностям Коротышка ненамного обогнал Бетти Сью. Он просто стоял и улыбался в ответ на слова Карстейрса. Никто потом не признавался, что видел это, но все знали, что однажды субботним вечером Дэн Карстейрс приказал своим бабракам привязать Коротышку к старому колесу и отходил его кнутом из бычьей кожи, а потом облил соленой водой. Коротышка Берген ни слова не сказал, он даже не всхлипнул. А на следующий день, как обычно, явился с цветами и конфетами к мисс Бетти Сью.

Стюарт Эллум жил в трех милях к югу от города, рядом с тем местом, где раньше был цветущий яблоневый сад. Затем деревья поразила неизвестная болезнь и все плоды превратились в сморщенные головешки. Ветви изогнулись и деформировались, стволы раздулись, но деревья выжили.

У Стью Эллума была дочь, Сильви. Они жили вдвоем в хижине, покрытой вьющейся жимолостью. Лишь кое-где из зеленых плетей торчали старые вывески с рекламой прохладительных напитков. Когда-то у Стью была и жена, но о ней никто ничего не знал и мало кто помнил, когда именно она ушла и ушла ли. Ее называли «женщиной народа холмов». Стоило ей появиться, и старухи тщательно отводили глаза, чтобы ненароком на нее не взглянуть.

Сильви никогда не проявляла интереса к прогулкам в город, которые пару раз в неделю обязательно совершал Стюарт. Она

готовила, стирала одежду в ближайшем ручье. В остальное же время либо сидела на шатком стуле, наблюдая за тем, как пчелы, мотыльки и колибри вьются над жимолостью, либо уходила в леса и пропадала там на несколько часов.

Давным-давно в одной из лощин, куда местные жители имеют привычку сбрасывать мусор, Сильви наткнулась на старый телевизор и принесла его домой. Внутри ящик был пуст, но стекло уцелело. Сильви поставила телевизор на старый ящик в углу своей комнаты и начала вырезать маленькие столики, кровати, стулья и дома. Она расставляла их внутри, отходила в другой конец комнаты и смотрела. Однажды Стюарт внезапно вошел к ней и увидел, что в ящике появились насекомые. Кузнечики, зеленые и серые, сидели в телевизоре за крошечным столом и разыгрывали пьесу, или что там для них придумала Сильви.

Через пару недель Коротышка Берген во второй раз отведал кнута, был избит топорищами, что стоило ему трех сломанных ребер, и сброшен в загон для скота к одному из известных своим дурным нравом козлов Дэна Карстейрса. Но каждый раз Коротышка поднимался на ноги, а стоило Карстейрсу отлучиться за едой или проверить пашню, как по возвращении он видел парня восседающим на крылечке рука об руку с Бетти Сью.

Наверное, именно тогда Дэн Карстейрс решил сменить тактику.

Он начал распускать слухи о том, что Коротышка изнасиловал его Бетти Сью. И что он уверен: Бетти была не первой, так что жителям долины стоит лучше присматривать за своими женами и дочерьми.

Возможно, у него ничего бы и не вышло, если бы несколько семей с другой стороны горы не начали говорить, что кто-то пристаёт к их дочерям. Не стоит и упоминать, что тут же стало ясно, кто во всем виноват. Такие слухи, стоит им появиться, распространяются со скоростью лесного пожара. И месяца не прошло, как Коротышка Берген проснулся от луча направленного в глаза фонарика и увидел группу мужчин с суровыми лицами. Его вытащили наружу, набросили на шею петлю, завязанную простым узлом, и перебросили второй конец веревки через

ветку ближайшего дерева. Мстители дружно потащили Коротышку наверх, а когда ветка не выдержала, начали снова. Дело было сделано, хотя усилий потребовалось немало.

Стью знал, что Сильви очень нравился Коротышка. Они когда-то вместе собирали выброшенные вещи, чинили их, а потом продавали за пару долларов. В хижине Стью Эллума Коротышка был лишь пару раз, потому что Стью сказал ему, что у них и так есть все необходимое. И оба раза Сильви не сводила с Коротышки глаз, а потом всегда расспрашивала о нем Стюарта. До этих встреч, когда Сильви рассказывала ему о своих шоу, там фигурировали больницы с врачами и сиделками, богатый и одинокий мужчина, живущий в великой печали, и молодая женщина, неожиданно открывшая в себе неведомый дар, в общем, типичные сюжеты мыльных опер, которые она смотрела, навешая тетку в городе. Но стоило Сильви увидеть Коротышку Бергена, и все ее мысли сошлись на нем. Коротышка был шерифом, но местный богач, владевший здешними землями, готов был на все, чтобы его уничтожить. Врачи что-то сделали с Коротышкой при рождении. Морщинистый старый индеец потряс пучком перьев над телом малыша и сказал, что когда Коротышка умрет, его дух взметнется подобно шторму и опустошит, очистит землю.

— Девочка? Дочка? Что ты сделала? — спросил Стюарт Эллум, входя в ее комнату.

По дороге домой он только и думал о разговорах в забегаловке, о стае крыс, которые опустошали окрестности, пожирали овец и коров, оставляя одни кости.

— Тише, папа, новости, — сказала Сильви.

За стеклом телевизора на стульях сидели две крысы. Они глядели в комнату и говорили по очереди, периодически опуская глаза на стоящий перед ними столик или обмениваясь многозначительными взглядами и кивками.

Вскоре Сильви бесшумно захлопала в ладоши и повернулась к отцу.

— О чем ты хотел спросить, папочка?

Вместе с ней к нему повернулись и крысы, сидящие за маленьким столиком в телевизоре. Они поднялись на задние лапки и поклонились. Их глаза сияли — глаза крыс и его дочери.

ГЛЕН ХИРШБЕРГ

Я БУДУ ЖИТЬ У ТЕБЯ ВО РТУ

Ему выпала невероятная удача, подумал он. Каждый миг его смерти увидят эти прекрасные глаза — и это было все равно что родиться для смерти под нежным благоухающим бризом.

Юкио Мисима

Впервые это произошло во время кормления в 4:00, но Кагоме подумала, что ей снится сон. И в этом не было ничего необычного: она почти не спала в последнее время, и большая часть жизни казалась ей теперь сном. Она уже промыла катетер Джои, осторожно промокнула гной, постоянно сочащийся из опухоли, полностью захватившей его верхнюю губу, и заменила пакет с питательным раствором на стойке капельницы. А теперь просто тихо сидела, держа его за истощенную руку с ледяными пальцами.

Брини, бирманская кошка, свернулась клубком в постоянном своем гнезде у бедер Джои. Пару раз она открывала глаза, моргала и начинала бить обрубок хвоста, словно обводя комнату внутренним радаром, затем засыпала снова. Где-то за настилом, в тени качающихся на зимнем ветру дубов, окружающих Сан-Гэбриэлс, не умолкал красноголовый дятел, которому даже снег не мешал стучать по облюбованной сосне или столбу.

«Я буду», — услышала, то есть почти услышала Кагоме, поглаживая пальцем хрупкие косточки Джои.

Все как в тот год с интерфероном. Вот только смотреть на него тогда было больнее. Джои спал еще больше, иногда по тридцать часов кряду, но никогда не меньше двенадцати. Однако его сон был более беспокойным, его мучили приступы дрожи и странные кошмары о демонах, которые Джои отлично помнил,

но редко о них рассказывал. *«Высокие существа, — бормотал он. — Шептуны».*

В тот год бывали моменты, когда Джои не спал и не дрожал, но это пугало Кагоме еще больше. Его лицо тогда не покрывали шрамы, но... Болезнь превратилась в болото, и эта топь засасывала то, что делало *этот* ястребиный нос, *эти* оттопыренные уши, *эти* черты лицом ее Джои. И смотреть на него тогда было все равно, что смотреть на тень дома, источенного термитами.

Но все же... Тогда еще была абсурдная, но все же надежда. На то, что интерферон поможет. Убьет смертоносные клетки внутри Джои, оставив Джои жить.

Сейчас же, за несколько часов или дней до конца — не неделя, уверяли ее, даже не одну неделю, — Джои вздрагивал лишь изредка. Иногда, когда она наклонялась к нему, его веки дрожали от удовлетворения. Так, по крайней мере, убеждала себя Кагоме. Иногда, когда он действительно просыпался и смотрел на нее, как сейчас, она видела, что жуткий мотор в нем снова работает, что за сетчаткой его глаз скрыто место, где он до сих пор ведет свой бесполезный бой. Однажды Джои сказал ей, что любит ее, что она — единственная причина, по которой он все еще борется. В основном же он смотрел на прозрачный пакет с питательным раствором и говорил: «Пирожок для почек. Прямая доставка». Или, если к ним заходил химиотерапевт или онколог, подмигивал: «Пристрелите меня».

«Я буду жить...»

Она гладила его рукой свое запястье. Ощущение было похоже на прикосновение бумаги, и, задев рукав халата, Кагоме услышала бумажный шелест. Словно во сне, она поднесла его руку к своей щеке. Прижалась к ней. Медленно, осторожно опустила ниже. Еще ниже. И еще, в вырез халата, чтобы его рука коснулась соска. И второго. *Сколько прошло с тех пор? Два года? Три? Восемнадцать месяцев назад их ласки были такими нежными и — хотя оба знали, что их ждет, что возвращается и чем это закончится — неторопливыми. Такими неторопливыми, словно у них в запасе было все время мира.* А теперь его кожа — то, что от нее осталось, — была шершавой и жесткой, как сухая мочалка.

«Я буду жить у тебя во рту».

Кагоме вскинулась и уронила руку Джои на больничную койку, установленную там, где раньше была их постель, обернулась...

«Закричать... Я должна крикнуть».

Она не видела его лица. Он стоял в углу, куда падала тень самого высокого дуба, рассеянная стеклянной ширмой.

Его грязный плащ был слишком длинным, из-под него виднелись лишь мокрые галоши — блестящие и мокрые, хотя стояла осень и снаружи в это время мог быть разве что туман. Голову он держал низко опущенной, и поля фетровой шляпы полностью скрывали его лицо.

— Убирайся из моей... — начала Кагоме, но его голос затопил ее сознание, и вместо крика получился еле слышный шепот, словно шипение кислорода в клинической маске.

«Я буду жить у тебя во рту. Потому что тебе всегда будет нечего сказать».

И вот тогда она закричала:

— Вон! Убирайся отсюда! ВОН!

Фигура в углу даже не подняла головы, но продолжала говорить, точнее, слова отдавались в ней, словно эхо, и были слышны даже сквозь крик. *«Буду жить... всегда будет нечего...»*

— Господи, да что случилось? — гаркнула с лестницы миссис Тиел, и Кагоме обернулась, поперхнувшись тишиной и эхом чужих слов.

По крайней мере, она сбросила маску, подумала Кагоме, глядя, как тонкие, словно лезвия, брови матери Джои сходятся над переносицей клешнями лангуста. Несколько секунд Кагоме смотрела в глаза миссис Тиел, затем опомнилась и вскочила на ноги, оборачиваясь.

У стеклянной ширмы-двери дрожала тень высокого дуба, потревоженного, наверное, вороном. Чистый пол. Коробки со стерильными иглами и запасными комплектами для капельниц стояли у стены. Ничего больше.

«Я буду жить у тебя во рту».

Кагоме снова обернулась и заметила, что мать Джои улыбается. Ее брови вернулись на место, словно нарисованные. Маска была на прежнем месте.

— Жасмин? — радостно прозвенел голос миссис Тиел. — Он поможет встретить новый день с улыбкой.

Она подошла к плите и, демонстративно игнорируя изысканный тэцубиновый чайничек КагOME, стоящий на полке, налила воду в металлический чайник, который привезла с собой, когда переехала к ним несколько недель назад. Чайник отвратительно задребезжал, нагреваясь.

— Как думаешь, газеты принесли? Я дам тебе кроссворд. Или ты предпочитаешь по утрам sudoku?

Вместо ответа КагOME вновь посмотрела на то, что осталось от ее мужа. Ее крик не разбудил его. *Будет ли этот день последним? Неужели он сегодня в последний раз откроет глаза? Боже, или последний раз уже был? Когда? Она не помнила.*

КагOME не отрываясь смотрела на его грудь. Неподвижную.

Неподвижную.

Неподвижную.

И наконец, наконец грудная клетка приподнялась, словно маленький ребенок толкнул ее изнутри. Рот Джои больше не открывался, но оставшаяся часть нижней губы дрожала, когда изо рта выходил воздух. Он булькнул, гной потек на зубы и язык. И грудь снова опала.

КагOME посмотрела в угол. И коротко, незаметно погладив пальцы мужа, обернулась к миссис Тиел, нацепив на лицо вежливую улыбку. Она надеялась, что гримаса ей удалась.

— Судуку, пожалуй.

И, даже не потрудившись набросить теплый плащ поверх халата, вышла на ледяной воздух, чтобы проверить почтовый ящик, хотя и знала наверняка, что газеты не принесут еще как минимум час.

Однако холод не помог. Как и душ, который КагOME приняла позже. И коронное блюдо миссис Тиел, варенные яйца и сальса, тоже не оказали никакого эффекта. Последнее доказательство того, насколько ее выбил из колеи утренний эпизод, явилось, когда миссис Тиел мыла тарелки после завтрака, оглядываясь на

Кагоме, которая постукивала резинкой карандаша по незаполненным клеткам кроссворда вторичной «Таймс».

— Муллинер, — сказала миссис Тиел, и Кагоме посмотрела на вопрос.

«65 по вертикали: старая шляпа, у Энглера». В клетках были зашифрованы имена персонажей Вудхауза. *Когда это миссис Тиел стала разбираться в кроссвордах? На памяти Кагоме она ими даже не интересовалась.*

— Принесите суперклея, — сказала миссис Тиел, и Кагоме схватила ее за руку.

Она чувствовала, как напрягаются плечи миссис Тиел — упаси боже каждую из них проявить любые эмоции, кроме улыбки — восторженной *надежды*, — но и миссис Тиел вцепилась в нее. На секунду, не больше.

Принесите суперклея. Так говорил Джои, посылая шар по дорожке боулинга и тут же отворачиваясь, раньше, чем тот прокатится половину пути. Он говорил так, только когда был уверен в ударе, в том, что наверняка сшибет все кегли. Три, может, четыре раза Кагоме ходила с ним на боулинг, и Джои никогда не ошибался, произнося эту фразу. *«Потому что догадки здесь ни при чем»*, — говорил он. Он нежно касался ее щеки и возвращался на место.

«Я буду жить у тебя во рту...»

Дверной звонок раздался в одиннадцать, когда Кагоме расчесывала свои длинные черные волосы и укладывала их в сложную прическу, которой научилась у матери. Джои обожал эту прическу. Она его завораживала. «Какой-то дикий узел», — сказал он однажды, запуская длинные пальцы в переплетение прядей. А потом, после того как они занялись любовью, он рассказал ей, что имел в виду. Кагоме знала, что он скажет: это узел бесчисленных последовательностей, с бесконечным числом вариаций. «В нашем мире, физическом, такого не существует», — сказал ей Джои.

И вдруг Кагоме очнулась от грез. *Хоспис.* Она не хотела о них помнить. Забыла, что они придут. Заблокировала эту мысль. И вот раздался звук открывшейся двери, похожий на бреление расстроенной гавайской гитары, и впервые за сегодняшний день

на ее бледном, изможденном лице появился намек на искреннюю улыбку. Приколов на место последнюю прядь, КагOME вышла в коридор и мельком заметила *галоши, бесшумно скользящие за угол, в гостевую комнату, которой никто никогда не пользовался. Кто же пришел?*

Она подбежала к комнате, распахнула дверь — *Закрыта? Она была закрыта?* — и увидела эргономичный тренажер, который Джои заказал в попытке сохранить мышцы в форме, пока его кожа разлагалась, легкие разрывались, а органы отказывали один за другим. За окном покачивались деревья, растерявшие листву.

Снова звук гитары внизу, и странный лающий смех Райана, карканье его голоса: «Я иду, рыбка. Погружаюсь быстро». И жуткий кашель, похожий на звук рвущейся мокрой ткани — как ревел, пожирая плоть, — подсказал ей, что Джои проснулся.

КагOME сбежала вниз, игнорируя желание обернуться, хоть раз, чтобы просто убедиться. *Убедиться. Хотя она уже знала.*

— Как давно он не спит? — спросила она у миссис Тиел, которая вытирала полки в кухне, вымыв всю посуду и уничтожив даже намеки на их ранний завтрак.

Она позволила себе лишь мельком взглянуть на кровать, где сын пытался дотянуться до пульта «Плейстейшн». Его пальцы соскальзывали. Наконец миссис Тиел посмотрела на КагOME. И улыбнулась.

КагOME улыбнулась в ответ.

Они стояли и смотрели.

Райан, в футболке со смешным принтом и кедах, то ерошил свои каштановые волосы, то играл с пультом от телевизора. Внезапно экран расцвел буйством красок, громкая музыка наполнила комнату. Райан вернулся на место и покосился на КагOME, помахав ей гавайской гитарой, которую держал за гриф. Он пододвинул стул поближе к Джои. На экране две гоночные машины подрагивали у старта. Музыка повторилась, и возникла надпись: «НАЧАТЬ НОВУЮ ИГРУ?»

Глядя на них сейчас, сложно было вспомнить, что когда-то Райан был другом КагOME. Он походил на типичного выпускаю-

щего редактора еще больше, чем она: очки, нервное подергивание пальцев, постоянный желтоватый оттенок кожи. Компьютерный загар. Он всегда носил дурацкие футболки и кеды, рассказывал анекдоты собственного сочинения без сальных шуточек — в основном о пуделях, — и Кагоме всегда смеялась. А еще Райан занимался кикбоксингом.

Четыре месяца назад, ни с того ни с сего, Райан отвлекся от компьютера и очередной правки и упомянул о том, что мастерски играет в «Буггл». Кагоме ничего не сказала, но на следующий день принесла походный набор Джои и молча поставила его перед Райаном во время ланча. Потребовалось два раунда, чтобы понять, что он не шутил, и семь, чтобы он выиграл. Прежде Кагоме уступала лишь одному человеку. И она не придумала ничего лучше, чем пригласить Райана на обед.

Он появился, напевая «Мелкие пузырьки». Джои потопил его во всех раундах «Буггл», зато вчистую проиграл на приставке компьютерный вариант «Своей игры». Это был последний раз, когда Кагоме смогла пообщаться с Райаном вне работы.

Теперь же, когда Райан бывал в их доме, то есть практически каждый день, все его время было посвящено Джои. Когда болезнь окончательно приковала Джои к постели, Райан стал приходить чаще. Кагоме даже не представляла, что так обрадуется присутствию живого человека.

— Ты наверняка хочешь сказать, что мне повезло, — говорил Райан Джои.

Кагоме видела, что Райан не сводит глаз с язвы на его губах. Брини, лежавшая у Джои на коленях, недовольно покосилась на гостя, спрыгнула и ушла вверх.

— Ееее ооооот, — сказал Джои.

Он не мог поворачивать голову, но Кагоме чувствовала, что муж смотрит в ее сторону.

— Он хочет сказать «и еще повезет», — перевела Кагоме. Даже миссис Тиел больше не понимала сына.

Райан улыбнулся.

— Тогда признай поражение, и можем не начинать. Всегда хотел от тебя это услышать.

Он запустил игру, и на экране одна из машин рванулась вперед и скрылась за поворотом, а вторая немедленно ткнулась в стену и взорвалась.

— Ннак, — сказал Джон.

Райан улыбнулся шире и продолжил игру.

Кагоме первой испытала панику и тут же бесшумно оказалась рядом. За ней последовала миссис Тиел, а Райан так ничего и не заметил, пока они не оказались у кровати, аккуратно выпутывая трубку катетера и помогая Джону встать.

— Что? Ох... — Райан поморщился от запаха и встал. — Все в порядке, чувак.

— Он знает, что все в порядке, но не мог бы ты принести ведро с водой и губки? — прорычала миссис Тиел.

— Под раковиной, — подсказала Кагоме. — Спасибо, Райан.

Каким-то чудом Джон смог продержаться в стоячем положении, пока Кагоме и миссис Тиел убирали грязь с простыней. Кагоме вытирала коричневые потеки, забравшиеся под подушку. Они были настолько прозрачные и жидкие, что мозг не опознавал их как дерьмо. Закончив, Кагоме вытерла лоб и посмотрела на мужа. Такой худой, практически двухмерный, бледный, как бумага, он напоминал копию самого себя, сложенную из оригами. И, вот приятный сюрприз, Джон был полностью в сознании. Он смотрел на нее. И *улыбался?*

— Неее лоооо, — сказал он.

— Мне повезло, — прошептала Кагоме и поцеловала косточки на его руке.

— Как насчет тихуанских тако? — пропела миссис Тиел, вернувшись. — Кагоме, тебе зеленый чили, верно?

— Замолчи, — прошептала она.

Еще несколько секунд щебета, и, к их огромному облегчению, миссис Тиел ушла из дома.

Все силы Джона ушли на попытку самостоятельно стоять, и теперь он дрожал и покачивался сильнее, чем деревья на ветру. Райан и Кагоме уложили его обратно на специальную кровать для домашнего ухода за лежачими больными — Джон решил умереть дома — и обернули покрывалами. Покрывала не помогли, даже во сне Джон продолжал дрожать.

Кагоме смотрела на мужа, стягивая резиновые перчатки. За ее спиной Райан убрал звук в телевизоре, и по шелканью клавиш она поняла, что он заканчивает за Джои прерванную гонку. Через некоторое время раздался тихий звук гитарных струн. Райан медленно перебирал аккорды, и Кагоме не понимала, песня это или просто рассеянный проигрыш, но затем он замурлыкал песню. Странно хриплым и *старческим* голосом.

«Потому что тебе... потому что тебе всегда... будет нечего...»

Она не хотела его ударить, но эти слова лишили ее самообладания, и Кагоме запаниковала. Она инстинктивно развернулась, все еще сжимая испачканное покрывало, так быстро, что Райан получил им по щеке, а колено Кагоме выбило гитару у него из рук. Райан вытаращил глаза. На его щеке красное смешалось с коричневым. Кагоме поднесла руку ко рту.

— Что ты только что... — Ее сознание все еще вопило о сегодняшнем утре, она снова плакала, снова видела худую фигуру в галошах, стоящую в углу. — *Райан?*

Нет, она уже поняла, что ошиблась. Кагоме не видела лица существа в шляпе. Но оно было гораздо выше. И хотя его фигура была полностью скрыта под плащом, она не могла принадлежать Райану. Другое телосложение. *Нет. Это было... Что? Кагоме не могла вспомнить.* Мало того, Райан был внизу, он только пришел, когда она видела, как мужчина в фетровой шляпе нырнул в комнату для гостей. *Потому что он был там. Кагоме была уверена в этом, так же, как утром была уверена, что ей все привиделось.*

— Прости, — прошептала Кагоме, быстро моргая, чтобы прогнать слезы. Она нагнулась, чтобы стереть потеки со щеки Райана, и он ей это позволил. — Прости.

— Все в порядке, — сказал он, хотя и не мог скрыть испуга. — Тебе многое пришлось...

— Эта песня. — Бросив покрывало, Кагоме опустилась на деревянный стул, который всегда занимала миссис Тиел, оставляя ей кресло. Вот за такого рода жесты Кагоме и не любила свою свекровь, хотя скрытых мотивов у той могло и не быть. — Почему ты это пел?

Теперь Райан выглядел оглушенным.

— Что пел?

— Вот то, что сейчас.

— Я не пел. Я даже почти не касался...

Джои на кровати выгнулся и затрясся в судорогах, пытаясь откашляться, но не проснулся. Кагоме нашарила под одеялами трубочку капельницы, проверила крепление. И снова повернулась к Райану. Слезы уже высохли, лицо снова обрело привычную беспристрастность. Не только миссис Тиел носит маску, подумала Кагоме.

— Кагоме, — пробормотал Райан. — Прости. Я просто... бренчал. *Ведь так?*

— Да, — солгала она, чувствуя, как колотится сердце. — Видимо, все-таки да.

Некоторое время они сидели и смотрели, как дышит Джои. Затем свободная рука Кагоме накрыла пальца Райана и на некоторое время застыла в спокойном оцепенении. Это был не покой, вовсе не покой. Просто в этой комнате были люди, которые ее любили.

И кое-кто еще, кто собирается жить... Кагоме зажмурилась и сжала пальцы Райана.

— Она сводит тебя с ума? — спросил он. — Я имею в виду мать Джои? Кстати, почему она всегда такая радостная?

Кагоме долго не отвечала. Не хотела. Несмотря на панику, одиночество, тошноту и страх, она хотела просто оставаться вот так, прирасти к месту, как скворечник, возле которого всегда выются птицы, как бы пусто ни было у него внутри.

— Она вовсе не радостная, — сказала Кагоме наконец. — Просто... она считает, что этого хочет Джои. Ты знаешь, он никогда не любил признаваться, что болен. И она уверена, что именно поэтому он до сих пор с нами. Если не смотреть в глаза чудовища, оно тебя не увидит... Такая вот логика. Наверное, она права. Джои с семи лет говорили, что жить ему осталось не больше года.

— А она тебя любит?

Вопрос вывел Кагоме из транса. Впервые за долгое время она перестала вглядываться в лицо Джои. Но посмотрела не

на Райана, а на склон горы, теряющийся в сумерках ноябрьского дня.

И снова в ее ушах, в ее костях, в ее плоти зазвучал этот голос, шепча и царапая. *«Я буду жить у тебя во рту. Буду жить у тебя во рту. Буду жить у тебя...»*

— Я для нее пустое место, — сказала Кагоме и не заплакала, даже не сжала пальцы Райана. Зато сжала руку Джои, и сильно. — Ей кажется, что он женился на мне ради моего *успокаивающего* присутствия. Что он наконец испугался.

— А она знает, что ты можешь победить его в буггл? Она правда верит, что это его *успокаивает*?

— Скраббл. Не буггл. Нет, не знает.

Кагоме посмотрела на Райана. Его глаза, удивительно большие зеленые глаза за стеклами очков, трепетали в глазницах. И он, к ее огромному облегчению, улыбался. В своей дурацкой футболке, с длинными ногами, которые ему пришлось задвинуть под кровать, с копной падающих на лицо волос, он казался совершенно неподвластным течениям этой комнаты. Он дрейфовал, как бутылка с посланием, о котором она понятия не имела.

Работники хосписа прибыли около пяти, через час после возвращения миссис Тиел. Кагоме поднялась с деревянного стула, на котором провела весь день (к видимому раздражению свекрови; миссис Тиел ни разу не опустилась в кресло). Кагоме наблюдала, как две санитарки и социальный работник проветривают комнату. Они были молчаливыми и ловкими, словно эльфы из сказки о башмачнике, который ступил на лунный луч. Они казались сном наяву. Даже дверной звонок звучал приглушенно в их присутствии. Даже голос миссис Тиел становился тихим, хотя вымученная улыбка все же не покидала ее лица.

Две санитарки протерли Джои губками, сменили постель, одна принялась расчесывать остатки его волос, вторая промывала шприцем язву на опухоли. Социальный работник принесла Кагоме чай в фарфоровой чашке, расписанной лепестками вишни. Она, кажется, что-то говорила и что-то слышала в ответ. Кагоме не была уверена, знала только, что в ушах у нее раздается какое-то бормотание, а кровь стынет в жилах. Голос она тоже

слышала, но едва-едва. Некто был в темноте, он стоял на настиле за дверью-ширмой, и она видела лишь его тень.

«Я знаю тебя», — подумала Кагоме, но завершать мысль не хотела.

— Тебе известно, что делает хоспис? — кричала миссис Тиел, когда она настояла на их визите. — Хоспис убивает. Ты ведь это понимаешь, да? Думаешь, они приедут, чтобы помочь? Они приедут убить Джои. Они ангелы этой проклятой смерти.

И, конечно, она была права. Оглушающие дозы морфия и метадона пожирали мозг, множество других, менее сильных, лекарств были тем, что не могло принять тело. Они требовались лишь для того, чтобы обеспечить Джои комфорт, замаскировать его боль. Слова, которыми они пользовались, их выдавали. Они готовили. Нет, не то чтобы готовили, к смерти нельзя подготовиться, и они сами никогда не дали бы такого грубого определения. Они успокаивали. В некотором роде. Они действительно были ангелами смерти. Но почему американцы всегда так защищены на смерти? Разве их ангелы больше ничего не делают?

Закрытие работников хосписа было так сильно, что Кагоме замечала лишь их положение в пространстве и не сразу сообразила, что Джои просыпается. В горле зарождался стон, она пыталась его сдержать, но звук все-таки вырвался, ошеломив присутствующих и вернув миссис Тиел к реальности. Она тоже поняла, что происходит.

— Отойдите от него, — сказала она, но даже ее голос звучал глухо, словно сквозь кляп. — Отойдите...

Миссис Тиел умолкла, когда ее сын открыл глаза. Джои изумленно заморгал и с удивительной живостью перекатился на бок. Взглянул на ведро с водой, которое оставили работники хосписа. Они все-таки люди, отметила Кагоме. Все трое вздрогнули и попятись от кровати, создавая своими белыми халатами нечто вроде заградительной стены. Отделяя Джои от второй половины комнаты, от жизни, которую ему не суждено прожить. Но они перестали быть ангелами, их черты съезжились до обычных, понятных, *человеческих*. У одной из санитарок под левым ухом был пластырь. У социального работника были рыжие волосы — *еще минуту назад они были серыми, и Кагоме даже подума-*

ла, что этого требует их работа, это нечто вроде форм, — собранные в пучок на затылке.

Именно социальный работник и заговорила, когда новый приступ дрожи сотряс тело Джои. Голос у нее был хорошо поставлен, звóнок, как у джазового диск-жокея, только более мягкий. Одновременно отстраненный и искренний.

— Джои, — сказала она.

Миссис Тиел рядом с Кагоме напряглась и прижала руки к бокам, как мать-орлица в гнезде. Но осталась на месте. Ждала.

— Джои, ты борешься так долго, прикладываешь столько сил. Уже тридцать лет, верно?

К огромному изумлению Кагоме, Джои ответил. И его голос был сильным, четким, радостным и ехидным — такого она не слышала уже два месяца.

— Тридцать три. Я заболел в семь лет.

— Тридцать три года, в то время как любой другой не продержался бы и шести месяцев. Невероятно. Я хочу, чтобы ты знал это, Джои: все мы хотим помочь тебе, помочь наполнить смыслом каждую секунду твоей жизни. И облегчить твое существование. Твое и тех, кто тебя любит. Мы приходим сюда уже месяца. Я никогда не видела такого бойца, как ты.

Неужели Джои улыбается? Боже, или он плачет? Опухоль двигалась по его губам, как размазанный прямоугольник, которым на телевидении закрывают лица жертв.

— Итак, Джои.

На этот раз социальный работник слегка подалась вперед на своем стуле. И другие, как по команде, тоже наклонились к нему. Кагоме едва не закричала, глядя на эту пляску гиен.

— Какова твоя цель, Джои? Ты можешь ее назвать? — С этими словами женщина бросила тщательно отрепетированный печальный взгляд на Кагоме и миссис Тиел. Кагоме прожигала взглядом рыжий пучок волос на ее затылке. — Чего ты хочешь?

Сомнений больше не было. Джои плакал. От улыбки не осталось и следа.

— Выжить, — ответил он из мертвой маски.

Он уронил голову на подушку и тут же снова заснул.

— Ты сука, — пробормотала миссис Тиел, и Кагоме почти кивнула, соглашаясь. Она хотела было поднять руки и издать победный клич... И только потом поняла, что свекровь обращалась к ней. — Я не могу это видеть, — продолжила миссис Тиел. — Я иду в кино. — Ее голос уже возвращался к обычному бесконечному щебету. — Скоро вернусь. Принесу твои любимые шоколадные звездочки, Кагоме, если они там будут. До свиданья, Райан, ты придешь завтра?

Миг спустя она исчезла, а с ней и работники хосписа, оставившие блокнот с телефонами, по которым можно звонить *в любое время*, за поддержкой, советом или просто чтобы поговорить. Они пообещали вернуться завтра. Кагоме подошла к стулу, Райан сел в кресло. Гитара осталась лежать на полу. Молчали они долго. Успела спуститься ночь.

Кагоме не помнила, когда поняла, что Райан спит. Его руки были скрещены на тощей груди, голова свесилась набок под странным углом, словно кто-то хотел свернуть ему шею, но остановился на полпути. Его нога, едва касавшаяся ее юбки, казалась не просто теплой. Она была горячей. Невероятно *живой*. Кагоме потянулась к Райану, нежно поправила свесившуюся голову, уложив ее себе на плечо. А когда подняла глаза, заметила за окном жуткого человека в фетровой шляпе.

Во второй раз за день у нее в груди начал подниматься крик, но теперь Кагоме смогла сдержаться, прикусив язык, сжав зубы. Внутри у нее все тряслось, словно она прикусила не язык, а провод высокого напряжения. *Откуда она знает, что некто в шляпе смотрит на нее? Под шляпой была сплошная тьма, и есть ли там лицо, Кагоме не знала, голова казалась лишь черным кругом на фоне темноты.*

Потому что лица там не было. То, на что она смотрела, было лишь отражением. Он стоял за ней.

Кагоме обернулась, ударившись лбом о лоб Райана. В глазах заплескали звезды. Его голову отбросило назад, а в комнате никого не оказалось. Хотя... *у конторки. Возле кухни*. Нет, это Брини, кошка Джои.

Слезы хлынули, словно кто-то опрокинул сосуд. Кагоме ничего не видела. Она не могла остановиться, ее трясло. А потом

руки Райана обняли, привлекли ее к себе за плечи, спрятали от мира. И Кагоме позволила себя обнять. Растворилась в ощущении защищенности. Она просто прижалась к нему и тряслась. Райан держал крепко.

Позже Кагоме была *уверена* только в одном: она сама это начала. И она смотрела на Джои, когда делала это. На то место, где раньше было его правое ухо, на черный круглый шрам над дырой в челюсти — след предпоследней из двадцати трех операций, через которые она с ним прошла. По лицу Джои были рассыпаны мелкие язвы, которые, казалось, шевелятся, стоит ей только отвернуться, расползаются, как беременные пауки, плетут свою паутину в теле ее мужа.

Одной из причин было то, что Райану неудобно было ее держать. Его ладони упирались в ее ключицы. Джои в свое время обнимал ее точно так же. Он избегал ухаживаний и поначалу не знал, что делать с руками. Ей пришлось всему его учить.

Но частично свою роль сыграло то, что Райан был теплым. Его бледные руки в капельках ее слез, его удивительно твердые бедра бывалого скейтера. Это было так, словно она обнимала Джои, но другого Джои. Джои *здорового*. Способного выразить свою страсть, слишком большую для изящного тела, свою силу, которая, как иногда казалось, может разорвать его изнутри. Кагоме ни о чем таком не думала, сознание словно отключилось, когда ее руки начали гладить Райана, а ее рот нашел его губы.

Поцелуй длился дольше, чем она могла бы надеяться, и уж точно дольше, чем она ожидала. Так долго, что Кагоме начала задумываться о большем и поняла, что Райан приходил сюда не только ради Джои. Его руки спустились наконец с ее плеч, начали гладить спину, и это было *так хорошо*... Его глаза были закрыты, а ее взгляд все метался между юношески нежным и беспомощным лицом и жуткой маской спящего мужа. Она словно касалась их обоих. Их рты сомкнулись, пробуя, лаская. Кагоме расстегнула ремень Райана и тут увидела уставившуюся на них *кошку* и на секунду застыла.

Секунды оказались слишком много.

Райан поперхнулся, отпрянул, снова стукнулся о ее лоб, неуклюже выбираясь из кресла.

— Ох, Кагоме, — пробормотал он, возясь с ремнем, его пальцы дрожали и соскальзывали. Он посмотрел на пряжку, потом на Кагоме, недоверчиво покачал головой. — Мне так жаль. — У него на глазах выступили слезы.

— Райан.

Кагоме начала вставать, но поняла, что слишком устала для этого. Она просто смотрела на него, не пытаясь успокоить. Просто прислонилась головой к спинке кресла, и ее волосы свободной волной упали до самого пола. Она не плакала. Больше всего ей хотелось остаться одной. *Когда ты в последний раз оставалась одна? Месяц назад? Три?*

Райан продолжал плакать и повторять «прости». Пока наконец не добрел до двери и не ушел, не сказав, что вернется. Кагоме не смогла даже поднять руку и помахать ему вслед.

А потом она осталась одна. Закрыла глаза и прислушалась. Был миг, когда на нее накатила паника. Даже ветер снаружи словно застыл, ничто вокруг не дышало, даже она. А затем, очень тихо, зазвучало мурлыканье Брини и хриплое неровное дыхание Джои. И снова тишина. Кагоме не слышала даже собственного дыхания. *Кажется, миссис Тиел была права, она скорее бонсай, чем жена. Декоративное молчаливое растение.*

И ей всегда будет нечего сказать.

Кагоме. Даже имя ее ничего не значит, мать взяла его из какой-то детской песенки.

Открыв глаза, Кагоме выпрямилась в кресле. Она подумала, не позвонить ли родителям в Сендай, но звонить им из этого дома было все равно, что пытаться докричаться с другой стороны пропасти в горах. Здоровье ее матери — и, возможно, уверенность отца в ее предательстве, в потере, когда она решила переехать сюда, — не позволяло им приехать. А здоровье Джои не позволяло уехать ей. Годы катились, как лавина со снежной горы, погребая под собой прошлое. У Кагоме не осталось сил на подобные звонки.

«Я знаю тебя», — промелькнуло у нее в голове. Она продолжала сидеть.

У Кагоме возникла мысль позвонить Райану. Сказать, что ему не за что извиняться, что это была ее вина. Что ей приятны его

визиты, что его присутствие было для Джои так же необходимо, как ее близость. Благодаря им Джои боролся. Но Кагоме решила, что этого можно и не говорить. Райан был умницей, несмотря на свою застенчивость. Таким же, каким был Джои. Был.

К изумлению Кагоме, миссис Тиел пришла домой пьяная до невменяемости. И застыла, раскачиваясь, над постелью сына, бездумно глядя на нее. Кагоме встала, набросила одеяло свекрови на плечи и отвела ее наверх, отдыхать. Руки женщины были холодными, словно она несколько часов держала их в ведерке со льдом. Кагоме включила в спальне свет. Миссис Тиел заморгала и начала бормотать:

— Спасибо, Кагоме. Ты, без сомнения, единственный человек во Вселенной, способный легче всех это переносить.

Кагоме чуть не бросилась на нее с воплем. *«Я чуть не переспала с его другом!»* — хотелось ей закричать. И жаль, что она не смогла этого сделать. *Легче всех?*

Но вместо этого Кагоме закрыла за собой дверь и несколько секунд простояла на балконе затихшего дома, который вскоре опустеет по-настоящему. Тишина утешала. По лестнице Кагоме спускалась, не открывая глаз.

Больничная кровать была пуста.

Вначале Кагоме даже не поняла, что видит, сознание отказывалось это воспринимать, не хотело реагировать. Она сбежала по лестнице, оступилась и чуть не упала с последних пяти ступенек, выбежала в гостиную и оглянулась — кухня, настил, *срань господня, он же не сбросился с настила?* — и не увидела ничего и никого.

— Джои? — позвала она.

Снова осмотрелась, почти ожидая увидеть незнакомца в фетровой шляпе. *Он же сказал, что будет здесь, предупредил, что будет.*

— Джои?

И тут Кагоме услышала звук. Один короткий всхлип из ванной. Поскальзываясь на деревянном полу, Кагоме подбежала и дернула ручку. Ванная оказалась заперта.

Кагоме заколотила ладонью по двери.

— Джои? Это я.

— Я убил Брини.

Кагоме застыла, не донеся ладонь до двери.

— Что?

Всхлип. И жуткий, прерывистый свист дыхания.

— Джои, пожалуйста.

— Это был не я. Я ничего не мог поделать. — Он говорил очень четко, словно в конце концов проглотил опухоль целиком или вырвал ее в отчаянной попытке сопротивления.

— Джои.

Всхлип.

Осторожно, почти брезгливо, каким бы странным это ни казалось после всего, что она видела и делала, когда ухаживала за мужем, Кагоме оглянулась в поисках кошки. Брини принадлежала Джои, это была его кошка, и Кагоме так и не смогла к ней привязаться. Но она любила кошку за то, что та любила Джои.

Господи, неужели кошка там, с ним?

Упав на колени, Кагоме прислонилась лбом к двери и закрыла глаза, изо всех сил желая просочиться сквозь дерево.

— Джои, пожалуйста.

— Я словно потерял контроль над своими руками. Они были как чужие.

Хрип. Бульканье. Долгая тишина. Всхлип.

— Кажется, я полностью оторвал ей голову.

Кагоме сдержала всхлип, чувствуя, как сжимаются пальцы, словно становятся когтями, способными процарапать дверь. Открыв глаза, она увидела кошку. Сонная Брини лежала на больничной койке в том же положении, в котором ее наверняка оставил Джои, выбираясь из кровати, вылизывала лапу и поглядывала на Кагоме из-под полуопущенных век.

— Джои? Джои, Бринни в порядке. Она здесь.

Тишина. Настолько долгая, что Кагоме поймала себя на том, что дует на дверь так, словно воздух мог пробиться сквозь дерево и опухоль и добраться до обессиленных легких Джои, вдохнуть в них жизнь. Она поняла, что произошло. Такое бывало. Одно из новых лекарств — за которыми уже никто не следил, — вступило в реакцию с другим. Или их накопилось так много, что

организм не выдержал и выдал бред. А теперь у ее мужа приступ. И она ничего не может сделать, только говорить с ним.

— Кагоме? — голос Джои снова зазвучал иначе, стал тонким, как у семилетнего мальчика. — Кагоме, я не хочу умирать идиотом. Пожалуйста, я не хочу быть...

— Что? О чем ты?

— Который час?

— А? Около часа ночи, или...

— Число? Какое сегодня число? Как долго я уже такой?

Печальный? Больной? Умирующий? Она слышала, что он умирает. Хрип в горле сменил тональность, стал глуше, как задыхающийся мотор. Кагоме заплакала и оглянулась. Человек в фетровой шляпе стоял на верхней площадке лестницы.

И она четко видела его, видела галоши, край плаща, ноги до колен. *«Нет»*, — подумала Кагоме, вскрикивая и оглядываясь в поисках чего-нибудь тяжелого. Того, что можно бросить.

«Я буду жить у тебя во рту».

— Нет, — раздался из-за двери булькающий голос Джои. — Господи, только не так. Сколько? Я убил... Нет, я не буду. СКОЛЬКО?

Глухой стук, словно Джои колотил себя по груди. Или бился головой о стену.

— Джои... — Кагоме не сдерживала слез.

— Не хочу быть идиотом. Я хочу быть собой.

— Джои, ты был собой с тех пор, как я...

— Сколько? Назови мне дату. Сколько я там провалялся? Я убил...

— Никогда, — прошипела она. — Никогда, ни секунды, муж мой, ты не *валялся*.

Кагоме моргнула, заметив, что человек в шляпе приблизился. Теперь он был в трех ступеньках от балкона, видимый уже по пояс. И он не шевелился. *«Я знаю тебя»*. Как только Кагоме подумала это, он оказался на пять ступенек ниже, не шелохнувшись, прижимая к бокам свои длинные руки. Она словно смотрела плохо смонтированный фильм.

«Потому что тебе всегда будет нечего сказать».

Фетр. Фетрррр...

Кагоме охватила жуткая паника, желание вскочить и убежать, но она не могла пошевелиться. Слово перекатывалось на языке. Снова и снова. *Фетр. Бесплезное слово, бесплезная шляпа, которую никто больше не носит. Никто из ее знакомых. Откуда она знает это слово?*

— Я убил Брини. Кагоме, КОТОРЫЙ ЧАС?

— Константинополь! — внезапно выпалила она и услышала, как ахнул ее муж.

Существо на лестнице мелькнуло и приблизилось. Все так же не шевелясь. Теперь Кагоме видела поля его шляпы и низко опущенную голову. Он прятал лицо.

— Ну же, — пробормотала Кагоме. *Кому из них? Она не знала, и это было не важно.*

— Калькутта, — прошептал Джои, стиснув зубы, чтобы сдержать кашель. и Кагоме запрокинула голову, почти улыбаясь. Почти.

— Мошенничаешь, — сказала она, чувствуя, как текут по щекам слезы. — Название еще не сменили.

— Только то... — Рвущий, выворачивающий кашель. Хрип, длинный и низкий. — Что это еще не признал Запад, не означает...

— Ладно. Ченнаи.

Человек в шляпе сошел с лестницы на деревянный пол. Кагоме смотрела, как он приближается. *«Я не уйду», — заклинала она себя. — Я не двинусь с места».*

Фетр.

— А вот ты мошенничаешь, — сказал Джои.

Кагоме наблюдала сквозь слезы, как приближается человек в шляпе, и хваталась за дверь, чтобы не упасть. Улыбка, в которую сложились ее губы, была ей незнакома.

— Да неужели? — прошептала она, уже зная ответ.

Она ждала, что он ей скажет. Чтобы получить удовольствие. Чтобы *сыграть* еще раз. Чтобы *бороться* чуть дольше.

— Его... название изменили. Оно... теперь другое.

— Мадрас, — сказала она.

— Мадрас, — ответил Джои. — Прости, Кагоме.

Человек в шляпе стоял в метре от нее. Еще немного, и он ее коснется. А ей нечем было в него бросить. И некуда убежать.

Муллинер. Буду жить...

— Простить? — Кагоме смотрела на шляпу, пытаясь различить скрытое полями лицо. «Я ЗНАЮ тебя». — Джои, тебе не за что извиняться...

— Извини меня за то, что я не останусь. Я не могу.

— Джои. Впусти меня.

— Не могу... дотянуться до двери. Прости. Прости. Прости.

Плача от собственного вопиющего непослушания, Кагоме повернулась спиной к человеку в шляпе, припала губами к щели между дверью и стеной и зашептала:

— Я люблю тебя, Джои. Я люблю тебя, Джои. Я люблю тебя, Джои.

И вспомнила.

Где же еще она могла услышать такое бесполезное слово? Только от мужа. «*Высокие существа*, — называл он их в тот год интерфероновых кошмаров. — *Шептуньи. В фетровых шляпах*».

Ангелы смерти? Ходячие опухоли, шепот в крови?

Или... Что говорил доктор?

Сверху, со стороны лестницы, раздался новый звук — всхлипы, почти поскуливание.

В ушах Кагоме опять звучала песня, которую пел Райан. Или не пел. Она все еще чувствовала прикосновение его рук. А во рту опять появился вкус его языка. И пота, который она слизнула с его щеки. Такого знакомого пота.

Муллинер. Никогда раньше, ни разу...

— Кагоме? — заскулила миссис Тиел.

«*Это миф, знаете ли. Неправда, что мы не можем убить рак. Мы можем убить что угодно. Вот только... не избирательно*. — Вот что сказал доктор. — *А теперь, если ваш муж сможет заставить себя отступить, найти способ справиться с этим на месяц или два...*»

Он смог?

Кагоме обернулась. Ее сердце сжималось до боли, кипело от горя, к горлу подкатывали волны тошноты, одиночества, ужаса и... надежды?

Джои?

Миссис Тиел уже спустилась и теперь переводила взгляд с Кагоме на закрытую дверь за ее спиной. Хрипы в ванной прекратились. Уже довольно давно. Кагоме смотрела мимо свекрови, туда, где за окнами раскачивались сосны. На пустом, бесполезном уже ветру.

— Нет, — сказала миссис Тиел, и Кагоме ощутила, что ее губы снова складываются в улыбку. В оскал, которого у нее никогда раньше не было. *Потому что его у тебя и не было. Хотя ты его видела. В те редкие минуты, когда Джои казалось, что ты на него не смотришь, он позволял боли отразиться на лице. Он мог превратить эту боль в ярость, в топливо для борьбы со смертью».*

«Что бы ни случилось, — подумала она, — это уже произошло».

Выражаю особую благодарность Норманну Партриджу за то, что одолжил мне свой кошмар.

Кэйтлин Р. Кирнан

АММОНИТОВАЯ СКРИПКА (БАЛЛАДА УБИЙСТВА № 4)

Если бы он когда-нибудь решился записать эту историю, то не знал бы, с чего начать. Потому что история получилась бы слишком запутанной, перегруженной невероятными событиями, противоречиями и махинациями, и читатели просто отвернутся, не в силах сдержать скептицизм. Но он никогда не станет это писать, потому что он не поэт и не писатель, ему не справиться даже со статьей для «желтой» прессы. Он коллекционер. Или, как он любит себя называть, Собиратель. Называть себя Коллекционером с большой буквы он не решался, поскольку и ему была присуща скромность, а в мире наверняка были те, кто гораздо лучше его. Мужчины и женщины, тени забывчивого и вечно занятого мира, который узнаёт о своих фантомах лишь тогда, когда тот или другой ошибается и появляется во вспышках аппаратуры в тюремной камере. Вот тогда люди таращатся, возможно, даже с ужасом в пустых влажных глазах, но вскоре опять забывают. Они ведь заняты, у них есть жизнь, которую нужно прожить, работа, на которой нужно появляться пять дней в неделю, счета, которые нужно оплатить, личные кошмары; в их мире просто не хватает *времени* для фантомов.

Он жил в маленьком доме, в маленьком городе на берегу моря, потому что только рядом с морем Собирателю удавалось, пусть ненадолго, обрести покой. Даже его коллекции не могли создать полного, завершённого спокойствия, которое охватывало его там, где только волны плескались о гранитные скалы, где солёный туман наполнял его легкие опиумным паром. Будь море женщиной, он бы любил ее. Иногда он даже представлял море в виде дикой и прекрасной женщины в сине-зеленом наряде, с ракушками и песком по подолу. В ее серых глазах таился ураган, в голосе звучал одинокий звон колоколов на буях, крики

чаек и шум декабрьского ветра, разбивающегося о прибрежные скалы. Но, думал он, если бы море было женщиной и его любовницей, он должен был бы *завладеть* ею, потому что коллекционер должен *владеть* всем тем, что любит, чтобы никто другой никогда не мог это заполучить. Сокровища нужно собирать и прятать от слепого мира, который неспособен воспринять свои фантомы. А завладев ею, он ее потеряет и никогда больше не испытает покоя, который способна подарить только она.

У него, как у собирателя, было две страсти. Он знал, что обычно людям достаточно и одной, и никогда не считал, что это делает их хуже. И все же, сколько он себя помнил, два увлечения шли с ним по жизни, дарили одинаковое удовольствие, и он не видел смысла отказываться от одного ради другого. Зачем, если он может наслаждаться двумя коллекциями и уделять им равное количество внимания. Он думал о своих пристрастиях, как о двух любовницах, ни одна из которых не могла полностью пленить его полигамное сердце. Как и море, которое *не было* его любовницей, но постоянно спасало, страсти понимали, кто он, что он такое и *почему* он такой, какой есть. Окажись он перед необходимостью пожертвовать одной страстью ради другой, подобное понимание стало бы невозможным. Первой страстью была обширная коллекция аммонитов, собранных на сколах морских скал и в пустынях половины земного шара. Второй были девушки, которых он убивал. Он их душил, всегда душил, потому что именно так убивает море, а море *действительно* убивает, и он приносил этих девушек в жертву морю, почитая прама-терь мира.

Море было первым Коллекционером.

Ему никогда не приходилось объяснять свою коллекцию асфиксий, убийство девушек не очень часто является предметом коллекционирования, да и коллекция его была тайной. Но он довольно часто сталкивался с необходимостью рассказывать об аммонитах тем, кто считал *себя* коллекционером. Аммониты не были секретом, хотя и встречались нечасто. Рассказывать о них было практически нечего. Достаточно было сказать, что это моллюски, подкласс головоногих, родственники осьминогов, каракатиц и кальмаров, но отличаются от них наружной раковиной

как единственный сохранившийся родственный вид, наутилус помпилиус. Можно было добавить, что аммониты вымерли в конце мелового периода одновременно с динозаврами, и что первая найденная окаменелость относится к девонскому периоду, но тогда пришлось бы объяснять, что такое меловой и девонский периоды. Обычно, когда ему задавали вопрос «Что такое аммонит?», он просто менял тему. Он скрывал свою коллекцию, предпочитая говорить только о геометрии древних греков или о том, как он приехал на Золотую Дугу. Аммониты, насколько он знал, довольно часто встречались в этой местности, наряду с множеством других ископаемых, но этой темы он тоже предпочитал не касаться в разговорах. Иногда он говорил о рогах Амона, египетского бога, или, если ему сильно надоедали вопросами, а он был не в настроении, ограничивался описанием аммонитов из Книги Мормона, о том, как они приняли Бога и познали мир. Он не был мормоном, конечно же, поскольку служил лишь одному божеству — морю, дарующему покой и уединение в те времена, когда он больше не мог выносить человеческого шума в голове или шумного человечества в целом.

В это туманное зимнее утро он вернулся в свой маленький дом после долгой прогулки по любимому пляжу. Ему нужно было очистить сознание. Он сделал себе чашку горячего чая «Зингер ред», добавил несколько капель меда и устроился в комнате, где на дубовых досках и в застекленных шкафах хранились лучшие экземпляры его коллекции аммонитов. Аммониты привлекали взгляд изысканными изгибами спиралей, борозд редких, неправильных форм, тысячами хрупких известняковых укрытий, которые под воздействием времени и геохимии превратились в обычный кремний или пирит или же пережили более сложную трансформацию. Он сидел за столом, пил любимый чай и время от времени заглядывался на особо любимые экземпляры — *этот* из Южной Дакоты, *тот* с берега Волги, а вот *эти* прибыли к нему из Уитби. А затем его взгляд возвращался к столу, на котором лежал открытый скрипичный футляр. Алый шелк покрывал последний и, возможно, самый ценный из всех экземпляров его коллекции, чудо, которое нельзя было найти ни в одной галерее. Это был последний «камешек»

в тот мост, который свяжет его коллекции, не смешивая, но соединяя их.

«Краеугольный камень, — подумал он. — Да, ты станешь краеугольным камнем». Но он знал, что скрипка была чем-то большим и должна была послужить цели, превосходящей простое объединение двух его страстей. Это будет *инструмент*, медиатор и связующее звено пьесы, открывающей самую суть коллекционирования. Скрипка прибыла только сегодня, была доставлена специальным курьером от бельгийского скрипичного мастера, которому коллекционер, скрепя сердце, доверил ее создание.

— Она должна быть исполнена *в точности* по моей инструкции, — сказал он несколько месяцев назад, когда прилетел в Хоттон, чтобы лично доставить особые материалы для создания инструмента. — Ни в коем случае не искажайте моих требований.

— Хорошо, — ответил ему мастер. — Я понимаю. Я отлично вас понимаю.

Человек, которому он доверился, бельгийский скрипичный мастер, не только не задавал лишних вопросов и не пытался выспросить, *зачем* такие сложности с инструментом, но и знал кое-что об аммонитах.

— Никаких заменителей, — твердо сказал коллекционер, повторяя это, на всякий случай, уже десятый раз.

— Никаких заменителей и поддельных материалов, — ответил мастер.

— А днище должно быть...

— Я понял, — снова заверил его мастер. — У меня есть эскизы, я буду тщательно следовать вашим инструкциям.

— Колки...

— Будут в точности такими, как мы с вами договорились.

После этого коллекционер заплатил мастеру половину стоимости инструмента, вторую половину обещав отдать после доставки, и шестичасовым утренним рейсом вылетел обратно в Новую Англию. Ему оставалось только ждать, что скрипичных дел мастер на самом деле справится с заданием. На самом деле — как человек, чьи разум, сердце и многочисленные внутренние де-

моны находились в состоянии постоянной войны — коллекционер тайне даже *желал*, чтобы мастер *сделал* ошибку, проигнорировал самые важные детали инструкций или чтобы скрипка была выполнена идеально, но потерялась при доставке, нарушив его планы. То, что задумал совершить коллекционер, было грандиозно, и он, всегда считавший себя собранным и разумным человеком, прекрасно осознавал последствия своих действий. И знал, что его ждет, если его планы станут известны кому-нибудь из обычных людей, которые понятия не имели об океане и о его потребностях. Обычный человек не видит даже фантомов из плоти и крови, хотя проходит мимо них при свете дня. Что для него древняя дань богине, которая три с лишним миллиона лет назад породила весь этот мир в процессе сложнейших хитросплетений эволюции.

Но мастер не ошибся, и винить его можно было лишь в четком соблюдении правил своего искусства и желаний клиента. Так или иначе, инструмент, который заказывал коллекционер, был готов и поблескивал перед ним в свете выставочных шкафов. Верхняя дека была сделана из ели. В дерево мастер вставил четыре маленьких аммонита — *xiphoceras* из юрского периода, найденных на побережье Дорсета в Лиме, Реджис — два смонтированы сверху, два снизу. Коллекционер сам нашел эти аммониты много лет назад и с тех пор не видел более совершенного и хорошо сохранившегося образца ни на одном аукционе. Нижняя дека по традиции была выполнена из клена, грифовая накладка — из черного дерева. Головкой скрипке служил пятый аммонит, идеальная логарифмическая спираль, куда более совершенная, по мнению коллекционера, чем все, что можно вырезать из дерева. Пять аммонитов на скрипке, по его замыслу, являлись вершинами пентакля. Мастер использовал клен для днища и обечаек, но когда коллекционер перевернул инструмент, на него взглянуло изображение, тщательно скопированное с его же эскиза — большой осьминог, морской дьявол из множества легенд, переплетающий щупальца затейливым узором.

Колки и кобылка, подбородник и мостик были выточены из кости, которую коллекционер привез мастеру. На первый взгляд эта кость ничем не отличалась от слоновьих или моржовых

бивней, или же, к примеру, от зубов кашалота. Помимо кости Собиратель привез высушенные кишки для пяти струн, а когда мастер возразил, что обычные стальные струны будут надежнее, эти же не выдержат испытания временем и игрой, он проговорился, что на инструменте будут играть только один раз, поэтому надежность и долговечность его не заботят. Для смычка он привез пряди волос, якобы из хвоста мерина, чудного серого животного чистейших кровей из Кентукки. Он даже заказал особую канифоль, из сока алеппской сосны, которую передал мастеру из рук в руки.

И вот, четыре долгих месяца спустя, коллекционер вознагражден за все свои усилия; к добру или к худу, но различие между настоящим инструментом и его эскизами было лишь в одном — скрипка была прекраснее, чем он представлял.

Он допил чай, помедлил, чтобы слизнуть с тонких губ оттенки вкуса гибискуса и розовых лепестков, меда и лимонника. Затем закрыл футляр и выписал последний чек бельгийскому мастеру. Коллекционер вложил чек в конверт с адресом магазина на Рю де Центр в Хоттоне. Чек отправится вместе с утренней почтой, оплатой за газ, телефон и электричество, а также письмом, написанным от руки на открытке с запахом сирени. Открытка предназначалась скрипачке из Бруклина. Закончив со счетами, коллекционер устроился за столом в галерее, положив руку на футляр. Он мечтательно улыбался, его глаза сияли при виде замечательных вещей, которые ему удалось собрать в одном месте, и от осознания того, что эти вещи принадлежат ему и никогда не окажутся в чужих руках.

Скрипачка тоже не написала бы этой истории. Слова тяжело ей давались. Иногда ей казалось, что она даже мыслит не словами, а исключительно нотами. Открытку с запахом сирени она перечитала несколько раз, а затем сделала все так, как предлагал текст, потому что иного выхода просто не видела. Она купила билет и на следующий день уже сидела в поезде, который шел через Коннектикут, Род-Айленд и Массачусетс до маленького городка на скалистом берегу моря. Она никогда не любила море, оно казалось ей отвратительной, неразрешимой загадкой, мало

чем отличающейся от смерти. Скрипачка не переносила вкуса рыбы, лобстеров, кальмаров, даже запах океана казался ей отвратительным, напоминал вонь канализации. Ей часто снилось, что она тонет и мелкие подводные твари с глазами черными, как ночь, поднимаются к ней из бездны, чтобы утащить за собой в темные долины покрытого илом дна или к руинам древних затонувших городов. Но это были *только* сны, они не могли причинить настоящего вреда. К тому же она прожила достаточно, чтобы знать: в мире есть вещи и пострашнее моря.

У железнодорожной станции она взяла такси, которое показало мимо города, через извилистую речку, вьющуюся между заброшенных доков и пустых складов, а затем к маленькому дому, окрашенному в канареечный цвет. Адрес дома совпадал с адресом на открытке, которая пахла сиренью, поэтому она расплатилась с водителем и вышла.

Остановившись на дорожке, скрипачка рассматривала желтый дом, который начал ее тревожить. А может, тревогу вызывал желтый цвет, которого вокруг было слишком много. Подступали сумерки, и скрипачка вздрогнула, жалея, что не надела кардиган под пальто, но тут над крыльцом зажегся свет и появился мужчина, машущий ей рукой.

«Это он прислал мне открытку, — подумала она. — Это он хочет, чтобы я для него сыграла». Скрипачке почему-то казалось, что пригласивший ее мужчина будет гораздо моложе и не таким толстым. Этот же выглядел как Капитан Кенгуру. Он махал ей рукой и улыбался. Она пожалела, что отпустила такси и не может вернуться на станцию, пожалела, что ей нужны деньги от этого толстяка из желтого дома, пожалела, что у нее не хватило здравого смысла остаться в родном городе. *«Ты все еще можешь развернуться и уйти, — напомнила она себе. — Ничто не мешает тебе просто развернуться и зашагать прочь, не оборачиваясь, забыв навсегда об этой глупой затее».*

Возможно, это было правдой, а возможно, не было, но скрипачка не могла себе позволить проверить это на практике. Она задолжала за квартиру за несколько месяцев, работа шла не очень хорошо, учеников и возможностей подработать оставалось все меньше. Поэтому скрипачка кивнула и помахала в ответ

тому, кто попросил ее приехать без скрипки, потому что хочет послушать ее игру на определенном инструменте, который он недавно привез с собой из Европы.

— Заходите. Вы, наверное, замерзли, — сказал толстяк, и скрипачка попыталась не думать о море за спиной, о желтом цвете, от которого ей казалось, что она тонет в расплавленном масле, и о том, что ее встретил мужчина, пишущий письма от руки на открытках с запахом сирени.

Коллекционер заварил чайничек «Зингер ред», который скрипачка предпочитала пить без меда, и поставил на стол маффины с маком, принесенные утром из городской кондитерской.

Скрипачка сидела напротив, за столом в кабинете со стендами его коллекции, пила чай, отщипывала кусочки маффина и притворялась, что ей интересны рассказы о важности полового диморфизма как различия между видами аммонитов. Раковины самок были крупнее, палеонтологи называют их макроконхами. У самцов раковины обычно меньше, микроконхи, и не следует принимать размер за доказательство принадлежности к разным видам. Он говорил о *Parapuzosia Bradyi*, самом большом из найденных аммонитов и самом крупном экземпляре своей коллекции. Диаметр раковины был более четырех с половиной футов.

— Они все прекрасны, — сказала скрипачка.

Она не хотела говорить ему о том, что ненавидит море и все, что вышло из моря, и что от мысли о том, что в этих чудесных раковинах когда-то обитали скользкие твари со щупальцами, ее бросает в дрожь. Она просто пила чай, улыбалась и кивала в подходящих местах, а когда мужчина спросил, может ли он называть ее Эллен, сказала, что да, конечно.

— Это не будет слишком фамильярно с моей стороны?

— Ну что вы, — ответила она, очарованная его манерами, которые заставляли задуматься, кто он: гей или просто одинокий пожилой мужчина со странностями, живущий в желтом доме и беседующий только со своей коллекцией старых камней. — Это же мое имя. Меня зовут Эллен.

— Я бы не хотел вас оскорбить, позволив себе излишнюю вольность, на которую не имею права, — сказал коллекционер,

убирая китайский фарфор и оставшиеся крошки. А затем спросил, не желает ли она взглянуть на скрипку.

— Если вы готовы мне ее показать.

— Я не хочу вас торопить. Если желаете, мы можем еще побеседовать.

И тогда скрипачка объяснила ему, что никогда не любила бесед, ей сложно давались слова и речь в целом, поэтому она порой подозревала, что лучше всего у нее получается общаться при помощи музыки.

— Иногда мне кажется, что мелодия говорит со мной, — виновато произнесла она, потому что привыкла извиняться, если ей казалось, что она делает что-то не так.

Но коллекционер улыбнулся, а затем мягко рассмеялся, постучав себя по носу указательным пальцем.

— Я искренне считаю, что речь и язык, какими бы они ни были, едины. Музыкальные фразы, песни птиц, изменение цвета у флюоресцентных кальмаров, какая разница? Я предпочитаю общаться, а не пререкаться. — Он открыл один из ящиков стола маленьким ключом из желтой меди и достал футляр с бельгийской скрипкой.

— Если слова не приходят к вам, когда вы их зовете, то, прошу, поговорите со мной с помощью этого. — Он расстегнул замки и открыл футляр, чтобы скрипачка могла видеть спрятанный внутри инструмент.

— О боже! — ахнула она и забыла о неприятных ощущениях и неловкости, глядя на аммонитовое чудо. — Я никогда ничего подобного не видела. Никогда. Она прекрасна. Нет, она более чем прекрасна.

— Так вы сыграете на ней?

— А можно ее коснуться?

— Как же вы сможете играть, не прикасаясь к ней?

Эллен осторожно вынула скрипку из футляра — так некоторые люди касаются младенцев, держат вазу эпохи Мин или бутылку с нитроглицерином, так коллекционер брал в руки редчайшие и хрупкие аммониты с подставки или подушки.

Эта скрипка оказалась тяжелее всех тех, на которых ей доводилось играть. Скорее всего, из-за камней, которые мастер

вставил в корпус. Эллен подумала о том, как эти пять древних камней могут повлиять на звук, как они исказят голос скрипки.

— На ней никогда не играл никто, кроме ее создателя, хотя его мы можем не считать. Вы, моя дорогая, станете первой.

Она чуть не спросила, за что ей такая честь, ведь за ту плату, что он предложил, можно было пригласить любого исполнителя, и любой талант согласился бы приехать в этот маленький желтый домик. Кто-то более известный, достигший большего, чем она, кто-то, кому не нужно учить студентов, чтобы заплатить за квартиру, мог бы заинтересоваться предложением приехать в маленький город у моря и сыграть для толстяка на дивной скрипке. Но Эллен подумала, что подобный вопрос может прозвучать слишком грубо, и чуть не извинилась за слова, которых не произнесла.

А затем, словно прочитав ее мысли, так что извинение могло бы быть уместным, коллекционер пожал плечами, промокнул носовым платком уголки рта и сказал:

— Наше мироздание — невероятно сложный механизм. Иногда нужно смотреть очень внимательно, чтобы хотя бы частично осознать, как та или иная вещь может быть связана с остальными. К примеру, ваша сестра...

— *Моя сестра?*

Эллен настолько изумилась, что смогла отвести взгляд от аммонитовой скрипки и взглянуть в лучащиеся дружелюбием глаза коллекционера. В животе скрипачки завязался холодный узел, руки начало покалывать, по шее побежали мурашки. Весь набор штампов, которые используют в книгах для описания страха, она испытала одновременно. Скрипка в руках вдруг показалась грязной и опасной. Эллен хотелось поскорее вернуть ее в футляр.

— Что вы знаете о моей сестре?

Коллекционер покраснел и опустил глаза, скрестив руки перед собой и опираясь ими на стол. Он начал запинаться, и, похоже, со словами он управлялся не лучше, чем она сама.

— Что *вы* знаете о моей сестре? — снова спросила Эллен. — Как вы о ней узнали?

Коллекционер нахмурился и нервно облизал губы.

— Простите, — сказал он. — С моей стороны это было вопиющей бестактностью. Я не должен был касаться этой темы.

— Как вы узнали о моей сестре?

— Но ведь это же не тайна? — Он позволил своему взгляду скользнуть по рукам, по столешнице и наконец посмотрел ей в лицо. — Я читаю газеты. Телевизор я, правда, не смотрю, но в новостях о ней наверняка передавали. Она была убита...

— Этого никто не знает. Никто ничего не знает наверняка. Она *исчезла*. — Последнее слово скрипачка буквально прошипела сквозь зубы.

— Она исчезла уже давно, — ответил коллекционер чуть смелее, начиная понимать, что не слишком переигрывает.

— Но они не знали, что ее убили. А вы это *знаете*. Ее тела так и не нашли.

Эллен решила, что слишком много говорит, и уставилась на скрипку толстяка. Несколько минут назад она считала эту скрипку прекрасной, сейчас же чувствовала, что держит гротескную *пародию* на скрипку. Похоже на горгулью, подумалось ей, на дешевый фарс, на чью-то злую, болезненную шутку. Ей захотелось вымыть руки.

— Простите меня, — сказал коллекционер, и в его голосе прозвучало искреннее раскаяние. Обитатель желтого домика на морском берегу никогда еще не был так убедителен. — Я живу один. Я забываюсь и произношу вслух то, что не стоило произносить. Прошу, Эллен, сыграйте мне. Вы проделали долгий путь, и мне бы очень хотелось услышать вашу игру. Будет ужасно жаль, если несколько неосторожных слов лишат меня этого удовольствия. Я восхищаюсь вашим искусством...

— Никто не *восхищается* моим искусством, — ответила она, размышляя, сколько времени понадобится такси, чтобы вернуть ее на другую сторону грязной реки, за пустые ряды складов и доков, и сколько ей придется ждать обратного поезда до Нью-Йорка. — Я до сих пор не понимаю, как вы меня нашли?

Коллекционер ждал этой возможности и тут же просветлел, наклонившись к ней через стол.

— Я расскажу вам, и вы сразу успокоитесь. Я видел, как вы играли на открытии галереи в Манхэттене, вы и ваша сестра.

Это было около года назад. В галерее на Мерсер-стрит. Она называлась... как же она называлась, вертится на кончике языка...

— Айкон, — почти шепотом ответила Эллен. — Галерея называлась Айкон.

— Да, да, именно. Благодарю вас. Я еще подумал, какое смешное название, мне никогда не нравилась игра слов. В тот раз галерея выставляла работы французского художника, Альберта Перро, и, должен признаться, работы эти показались мне просто ужасными. Но меня очаровала ваша игра. Я позвонил в галерею, и они были так добры, что сказали мне, как с вами связаться.

— Мне тоже не понравились те картины. В тот день мы с сестрой последний раз играли вместе, — сказала Эллен, прижимая палец к аммониту, заменявшему скрипке головку.

— Я этого не знал. Простите, Эллен. Я не хотел всколыхнуть плохие воспоминания.

— Это не *плохое* воспоминание, — сказала она, желая, чтобы все было так просто, и потянувшись за смычком, который остался в футляре на шелковой подкладке цвета гранатового дерева.

— Простите, — повторил коллекционер, убеждаясь, что исправил ошибку и не спугнул ее. Теперь все пройдет так, как и было запланировано. — Я лишь хотел снова услышать, как вы играете.

— Скрипку нужно настроить, — произнесла Эллен, которая действительно проделала долгий путь, нуждалась в деньгах и больше не видела ничего странного в словах толстяка.

— Конечно. Я пойду в кухню. И заварю еще чайничек чаю, а вы позовете меня, когда будете готовы.

— Мне нужен камертон. — Эллен не заметила в этом доме пианино. — Если у вас есть метроном с тюнером...

Коллекционер быстро вынул камертон из ящика стола и послал его по столешнице в сторону скрипачки. Она поблагодарила и осталась одна в комнате с высокими стеклянными шкафами, полными окаменелых ракушек.

«Я сыграю для него, — думает скрипачка. — Я буду играть на его скрипке, пить его чай и улыбаться, а потом он за-

платит мне за потраченное время и неудобства. Я вернусь в город и завтра или послезавтра буду рада, что не сбежала. Завтра или послезавтра мне покажется смешным этот страх перед грустным стариком, который живет в уродливом желтом доме и собирает камни».

— Я буду, — произнесла она вслух. — Именно так все и произойдет.

Позже он приносит ей шаткий старый пюпитр, который, похоже, пережил не один век школьных выступлений, и садится за стол, попивая свежий чай. А она сидит в пересечении света, любуясь из шкафов с его коллекцией. Он просит сыграть Паганини, Концерт для скрипки с оркестром № 3, ми мажор. Она бы предпочла что-то более современное — Гореки или Филиппа Гласса, то, что могла бы воспроизвести по памяти, — но у него есть ноты, это его скрипка, и именно он подписывает чек.

— Сейчас? — спрашивает она, и он кивает.

— Да, пожалуйста. — Он салютует ей чашкой чая.

И Эллен берет скрипку, устраивает ее на левом плече, прижимает подбородком и некоторое время читает ноты, прежде чем начать. *Introduzione, allegro marziale*. Интересно, думает она, он хочет услышать все три части или устанет раньше и остановит ее? Скрипачка делает глубокий вдох и начинает играть.

Со своего места за столом коллекционер, закрыв глаза, внимает голосу скрипки. Он жмурится и вспоминает такую же зимнюю ночь, случившуюся почти год назад, но для него все было, словно вчера, настолько живыми были воспоминания. Его коллекция асфиксий была разнообразна, но пополнялась реже, чем другая. Он не мог бы назвать дат и времени приобретения аммонитов, но мозг коллекционера хранил даты асфиксий с точностью до минуты. Их было шестнадцать, шестнадцать за двадцать один год, и с ночи, когда он добавил к коллекции последний экземпляр, прошел почти год. Возможно, подумал он, стоило дожидаться годовщины, но когда из Бельгии прибыла посылка, энтузиазм и нетерпение сыграли решающую роль. Подписывая открытку для скрипачки, он

написал «при первой же возможности» и дважды подчеркнул слово «первой».

И вот она перед ним, и аммонитовая скрипка поет ему Паганини так же четко и чисто, как пели динамики в машине в ту ночь, почти год назад, и его сердце бьется так же быстро, так же сильно, повинаясь ярким воспоминаниям, от которых захватывает дух.

«Пусть это не заканчивается!» — молит он море, которое всегда слышало его молитвы и всегда отвечало на них. — *Позволь этому длиться вечно».*

Он сжимает кулаки, и короткие ногти впиваются в кожу. Он прикусывает губу и чувствует на языке кровь, несколько капель жизни, почти неотличимые по составу от морской воды.

«По крайней мере я сделал идеальную вещь, — говорит он себе, себе и морю, и аммонитам, и душам тех, кого он задушил. — Столько лет, столько усилий и денег, но я наконец добился совершенства». И тогда он снова открывает глаза и выдвигает средний ящик стола, чтобы достать оттуда пистолет, когда-то принадлежавший его отцу, рыбаку из Глочестера, который никогда ничего не коллекционировал.

Ее пальцы танцуют по струнам на грифе, и Эллен на несколько минут теряется в переплетении гармоник, прижимает две струны одновременно, чувствует вибрации скрипки. И тогда к ней приходит магия — *истинная магия* — ее искусства. Только сейчас Эллен может ощутить ее в полной мере. Она позволяет себе отвлечься от пюпитра и нот, потому что ей больше не нужны подсказки, музыка идет изнутри, жжет кончики пальцев. Она могла бы сама написать эти ноты, с такой легкостью и уверенностью музыка течет через нее в скрипку. Это экстаз, это опустошение, это рев и грохот тысячи эмоций одновременно. До этой ночи она никогда не испытывала ничего подобного. Странная скрипка больше не кажется непривычно тяжелой, она почти невесома.

«Возможно, ее и нет, этой скрипки, — думает Эллен. — Возможно, скрипки не было никогда и музыку создают в воздухе только мои руки».

«Речь и язык, какими бы они ни были, едины», — сказал толстяк, и теперь ее словами стали звуки. Нет, не словами, чем-то более точным, чем неуклюжие звуки, порожденные ее языком, зубами, губами и небом. Звуки стали ее *речью*, как и должно было быть. Ее душа говорила с миром, а миру оставалось только *слушать*.

Эллен закрыла глаза. Ей больше не нужно было смотреть, чтобы увидеть переход от ноты к ноте, и поначалу лишь уютная темнота царил за веками.

«Пусть это не заканчивается! — думает, но не молится она, разве что это молитва самой себе, ведь скрипачка никогда не нуждалась в богах. — Пожалуйста, пусть это длится вечно. Пусть никогда не заканчивается, и мне не придется прекращать игру, пусть больше не будет тишины или шума человеческих мыслей и разговоров».

— Это возможно, Эллен, — шепчет ее сестра, но шепчет не в ухо, а откуда-то из концерта Паганини или из самой аммонитовой скрипки. — Я бы хотела подарить тебе вечность. Я подарю тебе ее, если подарок окажется мне по силам.

И тогда Эллен видит, или слышит, или просто *понимает*, что этот язык, ее язык, который одновременно и речь, отнял у сестры толстый человек, сжав руки на ее горле. Ее сестра умерла где-то у моря, и рядом с ней не было никого, кроме убийцы. Эллен едва не перестала играть, когда поняла это.

«Нет», — прошептала ей сестра, и это слово оказалось взрывом созвучий. Эллен не прекратила играть и не открыла глаз, глядя на то, как ее сестра медленно умирает.

Музыка стала тайфуном, несущимся над скалистыми берегами, сметающим гравий и песок, и Эллен позволила ей яриться и кружить, глядя, как толстый человечек отрезает ее сестре четыре пальца и часть бедренной кости, как состригает ее пепельные волосы, как вырезает жир из ее груди, как забирает часть ее кишечника — все это и пять окаменелостей с английского пляжа нужны ему, чтобы создать инструмент, на котором она сейчас играет. По щекам Эллен катятся слезы, но она играет на скрипке, которая была ее сестрой, и не открывает глаз.

Единственный выстрел громом прокатывается по комнате. Шкафы дрожат, несколько аммонитов падают с подставок и разбиваются о дерево, стекло или другие спиральные раковины.

И вот тогда Эллен открывает глаза.

Музыка затихает, смычок выскальзывает из ее пальцев и падает на пол у ее ног.

— Нет, — говорит она, — пожалуйста, пусть это не заканчивается.

Но выстрел и концерт все еще звучат у нее в ушах, и она не слышит собственных слов.

— *Вот и все*, — шепчет ее сестра, и ее шепот громче, чем выстрел самоубийцы, мягче, чем зимняя ночь. — *Я показала тебе, и теперь этого больше нет.*

Коллекционер по-прежнему за столом, но теперь он слегка осел на стуле, его голова запрокинулась назад, словно он что-то увидел на потолке. Кровь заполняет его рот и стекает на пол.

Этого больше нет.

И когда Эллен перестала плакать и поняла, что сестра уже не заговорит с ней, храня свои секреты и все, что было показано, она подняла упавший смычок и подошла к столу. Скрипачка вернула аммонитовую скрипку в футляр. Нет, она не отдала ее полиции, которую вызвала, не рассказала о том, что это толстяк дал ей скрипку. Она заберет скрипку с собой в Бруклин, а в другой комнате желтого дома полиция найдет достаточно, им не понадобится скрипка, сделанная из тела ее сестры.

Коллекционер тщательно подписал все три книги, переплетенные в красную кожу, аккуратно внес в них все имена, адреса и места. Скрипачка никогда не напишет эту историю, слова всегда сложно ей давались, поэтому история, как и скрипка, всегда будет принадлежать только ей.

ДЖЕФФ ГЕЛЬ

СКРОМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Какого черта я должен завершать подборку из восемнадцати великолепных рассказов? Да еще и с предисловием от Рэя Хэррихаусена? Как мне выдержать стиль после его чудесной страшилки? Бывают же сложные задания!

А знаете, что действительно страшно? То, сколько авторов еще только ждут возможности расправить крылья. Их рассказы уже написаны, осталось их издать. Войдут ли они когда-нибудь в антологию?

Да, ребята, обязательно войдут. Сейчас издают не так уж много хороших антологий ужаса, и существует не так уж много мест, где автор может попробовать себя в этом жанре. Книг, на страницах которых начинающие писатели будут соседствовать с мастерами. Книг, в которых читатель найдет идеи, о которых киноиндустрия может только мечтать. Фильмы слишком адаптированы для широкой аудитории, они стараются угодить всем. А это почти всегда означает притупление острых моментов и обязательную страховку для героя. Я уверен, вы это не раз замечали.

Забавно, ведь миллионы людей всех возрастов так любят пугаться — но лишь до тех пор, пока действие происходит в фильме, а сами они находятся в безопасности. Даже сейчас они пересматривают «Пилу-4» и «Хостел-3» — и это еще не худший вариант. Готов поспорить, они и не думают о том, какое удовольствие могут получить от чтения книг нашего любимого жанра.

И вот я бросаю перчатку, дамы и господа. Только от нас зависит размер нашей аудитории. Никто не обогатился на сочинении рассказов «Вкуса ужаса». Авторы написали эти рассказы *для вас*. Они любят хоррор и с удовольствием делятся своей любовью к жанру с вами и другими поклонниками.

Так что же вы можете сделать? Для начала купить хоть один экземпляр антологии. А затем пустить его по рукам — дать почитать другу, коллеге, который не умолкая говорит о том, каким

классным оказался серийный убийца/сериальный маньяк. Пусть прочитают книгу в одиночестве, при свете тусклой лампочки.

Я знаю, что сейчас проповедую правоверным. Но все зависит только от нас. Нам нужно вырастить общество новых поклонников хоррора. Только так с книжных прилавков не исчезнет жанр, без которого мы не мыслим жизни.

Мертв ли хоррор в книгоиздании? Еще нет. Умирает ли он? Я бы сказал, что он застрял между комой и реанимацией. Но если мы с вами сможем привить любовь к нему тем, кто находится рядом, у хоррор-книг появится шанс сравниться с фильмами.

Ладно, хватит проповедовать. Пора идти. Меня дожидается стопка непрочитанных работ талантливейших ребят, таких, как те, кто написал для вас эту антологию. Я люблю испытывать страх, а хороший качественный текст дает мне такую возможность. И я хочу испытывать страх — сегодня, завтра, много лет спустя!

А вы?

КНИГА 3

Посвящается тем авторам хоррора, которые усердно работают, но пока не дождались издания. Это крутая карусель, держитесь крепче за поручни. Упорство и талант принесут вам победу... как правило, после смерти.

Дэл Ховисон

Ричарду Мэтьюсону, Роду Стерлингу и Форри Акерману за то, что осветили мой путь длиною в жизнь любовью ко всему ужасному.

Джефф Гелб

Просветления достигают, не представляя свет, а исследуя тьму.

К. Г. Юнг

ДЖЕФФ ГЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

Все мы одержимы.

Нет, не в том смысле, что призраки гоняются за нами по дому. Это было бы слишком легко.

Но все мы одержимы чем-то. Тем, что мы сделали или не сделали. Событием прошлого, изменившим всю жизнь. Упущенной возможностью. Смертью близкого человека. Или нездоровыми желаниями, привычками.

Либо же фобиями. Они есть у всех. Кто-то боится высоты, кто-то пауков, змей, пищи: назовите любой предмет — и получите чью-то фобию.

То, как мы справляемся со своей одержимостью, и делает нас людьми. К добру или к худу. Пытаемся ли мы справиться с этими темными пятнами и продолжать жить? Или просто избегаем их, игнорируем?

Все мы одержимы, так или иначе.

Добро пожаловать в нашу третью коллекцию. Благодарю за то, что вы ее выбрали. На этот раз наша звездная команда авторов сварила для вас в ведьмином котле чудное рагу из историй про одержимость. Да, к тому же мы не забыли о призраках. Но это прерогатива начинающих, как вы вскоре увидите.

СТИВЕН ВЕБЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда меня попросили написать предисловие к этому сборнику рассказов, я почувствовал себя так, словно ко мне на улице подошел незнакомец с пустыми глазами и отчаянием на лице, пробормотал что-то о неведомых угрозах, то и дело вздрагивая, о том, что за ним охотятся враги, — это мне крайне не понравилось бы (да, я типичный трус), — сунул мне в руки предмет в коричневой пергаментной упаковке, сказал, что доверяет мне его хранение, и растворился в темной ночи так же быстро, как появился.

Со мной такого никогда не случалось, но ощущения вы примерно себе представили. Это же просто предисловие, чтоб его. Все самое лучшее будет потом.

Продолжатели этого жанра мне порой напоминают торговцев порнографией (вот такая аналогия) в те времена, когда любая эротика была запрещена, а им хотелось свободы. И назло недавней популярности фильмов в жанре «порно с пытками», их неисчислимых продолжений и вариаций на тему (сюда же можно отнести и все обращения Джорджа Буша к избирателям), корни пристрастия к творчеству хоррор/НФ/фэнтези (раньше я использовал слово «жанр», но не рискну повториться в этом предложении) глубже, просто поклонники не так стремятся кричать на каждом углу о своих пристрастиях. Истинных ценителей можно распознать, заглянув в глаза, посмотрев на мимику — сразу становится ясно, что мы... другие. В нас нет ни намека на печаль или раскаяние в том, что нам нравятся картины и идеи, отвратительные всему остальному миру. Разве что чуть самоиронии и еще большая преданность жанру. Мне кажется, что именно этот тяни-толкай, лежащий в природе хоррора, НФ и фэнтези в кино и литературе, делает жанр таким привлекательным и... запретным. Дело не в том, что на экране появляется нож в руке маньяка, и не в том, как страшны жестокости чужаков в нашем

мире. Дело в том, что все мы скроены по одному образцу, и то, что мы находим в литературе и кино, вполне возможно в жизни. Мы можем представить *любую* жуть — не важно, насколько безумную и отвратительную. Мы можем ее осознать. Понять. *Вот это и пугает.*

Ужас идет рука об руку с красотой, они дополняют друг друга и не могут существовать по отдельности. Мы, живущие в этом мире, знаем это и знаем, что наши противники никогда подобного не признают. Так почему бы их немножко не припугнуть? До полусмерти, не на полную...

САЙМОН КЛАРК

ДЕТИ ВОРОНКИ

Если вы убедите нормального, психически здорового человека в том, что он Авраам Линкольн, Пикассо или Элвис Пресли, и покажете его по ТВ, он станет всемирным посмешищем. Если вы убедите миллион людей в том, что они неуязвимые воины, вы станете всемирным страшилищем...

*Доктор Лиза Липпиш, Восточный Берлин,
1969*

Остров Рюген, Германия. Наши дни

— Что случилось, Лео? Что не так?

Старый солдат смотрел на меловый утес, вздымающийся над идеально белым песком. Его дыхание участилось. Либо воспоминание, либо яркое солнце заставило его зажмуриться. Язык быстро облизывал губы, и старик напоминал ящерицу, которая ищет пути к бегству.

— Лео! Ты впервые вернулся сюда?

— Вы же знаете. — Он вздрогнул и застегнул молнию на коричневой кожаной куртке до самого подбородка, на котором алел порез бритвы.

— Далеко еще, Лео?

— Я хочу домой.

— Ты обещал помочь.

— Я не думал, что спустя столько лет мне будет так трудно. Балтийское море со странным ревом атаковало берег.

— Лео, мы уже близко?

— Да, Доминик. Мы близко. Слишком близко!

Обычно мягкий немецкий акцент старика стал рычащим от гнева. *Старика?* Этот ветеран бывшей ГДР, кукольного госу-

дарства Советов, был едва ли старше пятидесяти лет. И все же седые волосы поредели, обнажив пигментные пятна на коже черепа. Длительный прием антидепрессантов придал его голубым глазам стеклянный блеск и способность долго смотреть не мигая. Доминику становилось не по себе под его взглядом.

Этим стеклянным взглядом Лео Фидлер долго таращился на непроходимые лесные заросли на вершине утеса, а потом отвернулся, вздрогнув.

— Мне холодно. Не на что там смотреть. После падения Стены мы все взорвали.

— Лео...

— Вы что, не видите? Теперь здесь национальный парк. Обычный заповедник. — Акцент усилился. — Что может быть глупее, чем возвращаться в такие старые места? Зачем их откапывать? Забудьте! — Порыв ветра встопорщил остатки его седых волос. Несколько прядей улетели вдоль пляжа. — Верните меня на большую землю, Доминик. Здешний холод меня убьет.

Доминик постарался говорить твердо:

— Я знаю, что это место вам не нравится, но мы прибыли сюда на законных основаниях и обязаны исследовать места, представляющие общественный интерес.

— На кого вы работаете? Армия? Интерпол? ЦРУ?

— Лео, как только мы найдем вход в комплекс, мы тут же уйдем.

— Я уже сказал вам, что подводная база была уничтожена.

— Меня не интересуют укрытия для подлодок. Мне нужен прилегающий к ним корпус.

Лицо Лео стало серым. На миг показалось, что он вот-вот теряет сознание.

Доминик продолжал:

— Нас интересует проект «Воронка».

— Нет... — Лицо старика исказилось, как при инсульте.

— Мы знаем, что ты был там, когда пришел приказ уничтожить «Воронку». Ты участвовал в этом.

— Я был отвратительным солдатом. Ха! Они вооружили меня карандашами, я был у них землемером. Я не имею никакого отношения к «Воронке»! Вы... пожалуйста, заберите меня

домой. — Злость сменилась мольбой. — Я не могу здесь находиться. Меня тошнит от одного запаха. Пожалуйста, Доминик.

Раздался звук мотора, и на пляж вырулил серебристый БМВ 4х4. Автомобиль затормозил рядом с ними, на песок выскочили трое пассажиров. Двое мужчин и женщина, одетые в джинсы и рубашки. Рыжие волосы женщины были по-армейски коротко подстрижены. Троица переглянулась с улыбками, а потом все улыбнулись Доминику, словно готовясь преподнести ему сюрприз на день рождения. В каком-то смысле так оно и было.

— Хорошие новости, Скарлет? — поинтересовался Доминик.

— Мы получили. — Она помахала ему флешкой. — Министерство привезло ее двадцать минут назад. — Скарлет покосилась на старого солдата. — Нервишки шалят, Лео?

— Заберите меня с этого проклятого острова! — Он оглядывал утес так, словно ожидал увидеть там вражеских солдат. — Нам всем нужно уходить!

Доминик пожал плечами.

— Я сказал ему, что нам известно о его связи с «Воронкой».

— Ой, — улыбнулся один из мужчин. — И дедуля разнервничался.

Доминик кивнул в сторону флешки:

— Показывайте, что получили.

Скарлет с ехидной улыбкой ждала, пока один из напарников принесет ей ноутбук, затем открыла его и поставила на капот машины.

— Информация проходит под грифом секретности. Но тебе, Лео, дали доступ. — Взгляд ее зеленых глаз стал ледяным. — Надеюсь, ты любишь фильмы ужасов.

Она копировала данные, а один из мужчин приблизился к Лео. Коренастый, мускулистый, он выдавал себя повадками полицейского, который повидал изнанку мира и теперь ничего не боялся.

— Лео, меня зовут Пауэлл. Это мой коллега, Ларчетт... — Худой бородатый мужчина с бегающими глазами кивнул. — Со Скарлет ты уже знаком. А сейчас мы покажем тебе съемки времен последнего режима. Во время просмотра будем задавать вопросы. Это понятно?

Испуганный Лео кивнул. Ветер снова дохнул, срывая серебристые прядки с пергаментной кожи его головы. Рев прибоя стал громче. Волны яростно бились о берег. Кричали чайки.

— Давайте не затягивать. — Скарлет посмотрела на океан. — Прилив уже начался.

— Нам нужно всего несколько минут, — бросил Пауэлл рано постаревшему мужчине, который дрожал. — Ларчетт будет снимать на видео твои ответы. Понятно?

— Разве я могу вам помешать? Я больной человек.

Ларчетт достал цифровую камеру. Навел ее на лицо Лео и кивнул.

Доминик, вдыхая резкий запах моря, подошел к остальным, чтобы видеть экран ноутбука. Плеер показывал серебристые цифры, отсчитывавшие: 3, 2, 1. Затем появилось черно-белое изображение комнаты без окон. В ней почти ничего не было. У стены стояло пианино, за которым сидел мужчина. Он играл — что-то бессмысленное, неумелое, без мелодии и ритма. Оператор, снимавший видео, тоже не был профессионалом. Камера дернулась влево, поймав в объектив привлекательную женщину лет сорока. На ней был белый медицинский халат, в руках она держала планшет с зажимом. Пианист оставался в кадре. Он ссутулился, играя все быстрее. На его лице возникло выражение экстаза.

Женщина обратилась к зрителям холодным профессиональным тоном:

— Я доктор Липпиш. Главный врач проекта «Воронка». Сейчас вы наблюдаете субъект 72/19-а, возраст двадцать четыре года. Высшие функции мозга полностью стерты. По результатам внушения — музыкант. Субъект не учился музыке. Однако сейчас он уверен, что является гениальным пианистом и знаменитым композитором. Обратите внимание: игра беспорядочна, совершенно немзыкальна, при этом субъект уверен, что написал великолепную сонату. Субъект прошел два этапа процедур C2: электрошоковую терапию, терапию психотропными средствами, аудиальную коррекцию...

Доктор Липпиш продолжала лекцию, а Пауэлл засыпал Лео вопросами.

— Вы узнаете эту женщину?

— Никогда ее раньше не видел.

— Липпиш? Знакомая фамилия?

— Вы промокнете. Прилив слишком быстрый. Здесь даже смывало людей.

— Что вы чувствуете, глядя на этот гротескный эксперимент? Личность этого человека была стерта, затем его мозг перепрограммировали.

— Вы думаете, что я боюсь прилива, потому и заставляете меня здесь стоять. Я не боюсь океана. Я жалею, что мне не хватает смелости утопиться.

— Так вы знаете о «Воронке»?

На экране доктор Липпиш собрала бумаги, в беспорядке разбросанные вокруг, и разорвала их пополам. Пианист взвыл от горя:

— Нет! Моя музыка! — Он зарыдал, глядя, как она подбирает обрывки в воздух.

Глаза Лео были спокойны.

— Я ничего не знаю о научном процессе. Я был там только ближе к концу.

На экране изображение падающих обрывков исчезло. Затем возникла доктор Липпиш, в той же комнате. Вместо пианино у стены были выстроены бочки с кустарниками: попытка создать иллюзию леса. Трое мужчин в пехотной форме сжались возле растений. У каждого в руках был АК-47, направленный в сторону стены.

Первый солдат:

— Вижу противника.

Второй:

— Командуйте «огонь», сержант.

Сержант:

— Короткими очередями. Не дайте им подняться.

Все трое приподнимаются над кустарниками. Целятся, стреляют. Изображают отдачу, хотя оружие не заряжено.

Доктор Липпиш выходит в центр экрана.

— Три субъекта по медицинским показаниям признаны негодными к несению службы. Двадцать два дня С2 позволили до-

биться того, что вы видите сейчас. Все трое считают себя солдатами, оказавшимися на поле боя. Они слышат выстрелы, видят взрывы. А теперь смотрите.

Из-за пределов кадра кто-то протягивает ей пистолет.

Пауэлл продолжал допрос:

— Вы знаете этих троих?

Лео смотрел на поднимающуюся воду:

— Нам нужно уходить. Здесь небезопасно.

— Корпус «Воронки» располагался рядом с базой субмарин.

Почему?

— Вы не можете так меня допрашивать. Не имеете права.

Доминик ощутил резкую жалость. Лео уже довели до того предела, когда на глазах проступали слезы. И все же старик постоянно отводил глаза от экрана, на котором доктор Липпиш взводила курок. Доминик слышал легенды о фильмах, снятых в эпоху коммунизма на подобных экспериментах. Но не мог поверить, что подобное длилось и финансировалось до самого объединения двух Германий. *Это же доказательства преступлений против человечества, Господи.* Даже сейчас, на залитом солнцем пляже, выстрел заставил вздрогнуть.

Доктор Липпиш хладнокровно выстрелила солдату в затылок. Он рухнул вперед, на растения, а двое оставшихся продолжили стрелять — точнее, изображать стрельбу. Доктор прицелилась в солдата № 2. Он замер, что-то почувствовав. Липпиш выстрелила. Пуля снесла верх черепа и вышла через рот, выбив зубы. На стене расцвело кровавое пятно.

Липпиш похлопала оставшегося солдата по плечу:

— Сержант! Где ваши товарищи?

Он оглянулся, но явно не видел двух тел на полу. И хрипло ответил:

— Их перевели на другую позицию.

— Вы их не видите?

— Нет, мисс.

— А если я скажу вам, что вижу их трупы у своих ног, что вы ответите?

— Отвечу, что вы лжете, мисс. Я вижу двух мертвых врагов.

— Присмотритесь. Разве это не ваши товарищи, Груббер и Истрин?

— Я знаю своих друзей, мисс. Это незнакомцы. Груббер и Истрин отправились в атаку на позиции врага. Это...

Липпиш не дала ему закончить. Она повернулась к камере и сказала:

— Представьте себе армию таких солдат. — Она улыбнулась. — Я возьму самых обычных фермеров, преступников, сумасшедших и превращу их в артистов, ученых, воинов. Леди и джентльмены, дайте мне смертную глину, и я слеплю вам супермена.

— Вот что я называю грамотной рекламой, — улыбнулась Скарлет. — Липпиш могла бы продавать презервативы кардиналам.

Сержант на экране внезапно стал путаться.

— Но я же не в поле. Я в комнате. — Он посмотрел на свое оружие. — Почему я держу...

Липпиш выстрелила ему в глаз.

— О боже... — Ларчетт замер, забыв про камеру.

— Я предупреждал, что это плохо, — кивнул Пауэлл на экран. — Это вы еще остальных экспериментов не видели.

— Что у него с головой?

Пауэлл заинтересованно покосился на коллегу.

— А что тебе не ясно?

И только тогда Доминик понял, что Ларчетт смотрит не на запись, а в сторону прибора.

— Боже, помоги нам, — выдохнул Лео, когда тоже увидел это.

Пенная кромка прибора уже подобралась к ним на расстояние десяти шагов. Доминик почувствовал, как словно иголками закололо кожу головы, когда он увидел, *что* перекачивается в волнах. Он не мог отвести глаза от черепа принесенного трупа. Верх головы у погибшего мужчины отсутствовал. *Что у него с головой?* Неудивительно, что Ларчетт спросил. Голова трупа была пустой, как пещера. Мозг, глаза, небо и язык отсутствовали. И когда солнце осветило его лицо, два луча, попавшие в глазницы, показали белый кружок последнего шейного позвонка.

ка. Пустая голова подпрыгивала на волнах, постоянно кивая, словно соглашалась с тем, что зрелище действительно ужасно.

Лео повысил голос:

— Видите! Я говорил вам: не нужно сюда приезжать!

Двадцатый век принадлежал тем, кому принадлежали нефтяные поля. Двадцать первый будет принадлежать тем, кто сможет контролировать человеческое сознание.

Доктор Липпиш, Москва, 1972

Скарлет вырулила с пляжа. На переднем пассажирском сиденье устроился Доминик. Сзади Лео Фидлер, зажатый между Ларчеттом и Пауэллом, пытался отдышаться. По бортам хлестали ветки: дорога за прошедшие годы сильно заросла. Ржавый знак на немецком и русском предупреждал: «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ЗАБОР ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ, МИННОЕ ПОЛЕ». Доминик надеялся, что военные очистили эту зону от мин, когда создавался заповедник. Но, как однажды сухо заметил одноногий инвалид, «достаточно пропустить одну»...

Доминик не прятался от опасности, он предпочитал оставаться невидимым для нее. Он прошел школу, в которой нужен был привыкнуть к ощущению клейкой крови под ногами. И чтобы выжить, нужно было слиться с окружением. Доминик не был ни накачанным, ни тощим, ни высоким, ни низким: он принадлежал к тому типу людей, которых очень сложно заметить и запомнить. Повзрослев, он начал гордиться своей способностью незаметно появляться и улаживать дела заказчика, ничем и никому себя не выдав. И точно так же он общался с женщинами, предпочитая оставаться анонимом. Ему нравился такой стиль жизни.

Лео хрюкнул.

— Вот оно. Дорога налево ведет к комплексу, где находилась «Воронка». Над землей ничего не осталось. Внешние коммуникации уничтожили грузовиком с динамитом. — Он шмыгнул носом. — Почему мы оставили тело погибшего рыбака на пляже?

— Он погиб в результате несчастного случая. Мы сообщим полиции, когда закончим здесь с делами.

— Странный несчастный случай, — пробормотал Лео. — Учитывая состояние его головы. Ее полностью вычистили.

Пауэлл пожал плечами.

— Наверное, он упал за борт и гребной винт срезал часть его черепа.

— С хирургической точностью? — Доминик приподнял бровь. Высокомерие Пауэлла начало его раздражать. Он все отчетливее ощущал, что в данной ситуации он на стороне Лео, против этих троих. Официально они были его коллегами, но только на словах. А доверять им? Что ж... Он просто хотел покончить с этим делом.

— Скарлет, мы можем ехать быстрее?

— А к чему спешить?

Доминик постарался сохранить спокойствие:

— Ты не заметила? Уже темнеет.

— Если мы останемся здесь после заката, пристрелите меня. — Лео не шутил.

То, что комплекс сталинских времен уничтожен, стало ясно почти сразу. Помимо предупреждающих знаков и секций сло-манного забора осталось несколько метров еще не покрытого мхом асфальта — и все. Только лес вокруг. Деревья поглотили это место. Сюда не пускали людей, хотя остров, насколько знал Доминик, был довольно популярен среди туристов. Большинство посетителей обожали белые пляжи и прозрачную воду у побережья. Однако были и те, кто любил путешествовать по более мрачным местам. К примеру, «Сила через радость», сеть санаториев, построенных нацистами для избранных членов партии. После смерти Гитлера они отошли Сталину. Тот потребовал от кукольного режима постройки укрытий для подводных лодок (совместно с другими установками) на Рюгене. Сейчас от советского могущества мало что осталось. Но густой лес скрывал множество грязных секретов. В том числе проект «Воронка».

Команда воспользовалась поездкой, чтобы прокрутить еще несколько записей.

— Лео, вы узнаете человека, который стоит справа на этой фотографии? — спросил Пауэлл. — Того, кто помогает нести на носилках тело погибшего солдата?

— Разве не очевидно? Это я. Вот только волосы тогда были темнее. — Он коснулся лысеющей головы. — Боже, я просто развалина.

— Вы можете опознать труп?

— Отто Ньюман. Мой лучший друг. Господи, ну почему вы не слушаете Доминика? Скоро стемнеет. Вы правда хотите остаться в этом лесу на ночь?

— А что? Что тут такого...

— Хватит игр. — Лео поглядывал в окно так, словно ожидал появления кого-то, кого он *точно* не хочет видеть. — Я расскажу все, что знаю. Ларчетт, тебе лучше не отвлекаться от камеры, потому что повторять я не намерен. А потом можете меня убить. Я не против. — Он посмотрел в объектив. — Я знаю только, что «Воронка» отбирала мужчин и женщин, стирала их разум и заменяла старую личность новой. «Воронка» из обычных людей делала солдат, артистов, музыкантов. Вы видели фильм. Да, я считался военным, но на самом деле я просто сидел за столом и сравнивал документы на право владения землей с картами наших застроек. Когда рухнула Стена, мы поняли, что коммунистическому режиму пришел конец и что мы объединимся с Западом. Партийное руководство и генералы были в панике. Они отчаянно пытались избавиться от всего, что компрометировало. Министерство госбезопасности ГДР — знаете таких? — отправило своих людей сюда, чтобы уничтожить «Воронку». Они были хуже гестапо, и у них было несколько сотен тысяч сотрудников. Профессионалы во всем, что касается репрессий, пыток и шпионажа. Они заставляли детей шпионить за родителями, заставляли жен и мужей доносить друг на друга. — Он вздохнул и продолжил: — Здесь, на острове, стояли их части, которым хватило ума не утруждать себя сокрытием доказательств экспериментов над людьми. Они сменили форму на гражданскую одежду и просто вернулись домой. Я вместе с прочими канцелярскими крысами оказался так глуп, что согласился за утроенную плату подчистить некоторые

улики. Мы понятия не имели, что это за улики. — Лео встревоженно посмотрел на лес. Тени сгустились, закатные сумерки быстро поглощали часть острова, которая больше не принадлежала человеческому миру.

— Продолжай. — Скарлет напряглась от предвкушения. — Ты видел «Воронку»?

Лео пожал плечами:

— На Новый 1990 год мы собрались в корпусе «Воронки». Все кабинеты к тому времени опустели, все бумаги были сожжены во дворе. Сам корпус был брошен. Персонал сбежал. Остались только мы, глупые клерки, которым предстояло покончить с «Воронкой». Слишком мало было людей из министерства, чтобы справиться с этим заданием. Большинство из них тоже разъехались к тому времени. Они знали, что нам не хватит духу на подобное, поэтому предложили каждому по бутылке крепкого пива с небольшими таблетками, которые приказано было проглотить для храбрости. Таблетки были маленькие и черные, слегка похожие на волчьи ягоды. Они оказались кислыми, как аспирин. Через десять минут пульс у меня стал бешеным — перед глазами замерцали серебристые звездочки. Амфетамин, наверное. С какой-то кислотой, чтобы все казалось нам немного нереальным и мы ничего не воспринимали всерьез. Когда таблетки подействовали, нам выдали автоматы и отправили на работу.

— А что потом? — спросил Пауэлл.

— Это я *вас* должен спросить. Вы же такие умные, вот только не видите очевидного... Того, что прямо перед вашим идиотским носом.

— Лео, здесь я задаю вопросы.

— Так думайте над ними.

— Что вы сделали, когда получили оружие?

— Нас разбили на команды по десять человек. Первую десятку отправили на подземные уровни, уничтожить последствия экспериментов.

— И?..

— Вам все нужно говорить вслух? Десятка так и не вернулась.

Доминик вздрогнул. Солнце заливало красным верхушки деревьев. Тени росли, расползались, закрывали все. *Пора уезжать... вот теперь действительно пора...*

Лео внезапно вошел во вкус, словно собирался всех удивить.

— Министерский командующий отправил вниз следующую десятку клерков с автоматами. Они смеялись и размахивали оружием, что-то вопили, словно им предстояла лучшая прогулка в жизни. Все были под кайфом. Сильный, наверное, был наркотик, а? — Он кивнул, словно снова увидел происходившее тогда.

Доминик настаивал:

— Расскажи им все, и мы наконец уедем.

— Только после того, как он покажет нам местонахождение «Воронки», — поправила Скарлет. — Как только пойдем, куда отправлять команду с экскаваторами.

Лео застонал.

— Ну почему я должен озвучивать очевидное? Десятки людей входили в комплекс. И не возвращались. Три офицера отправились вниз — проверить, в чем дело. Один из них вернулся. У него не было лица — только глаза ворочались на кровавой маске. А мы были под кайфом. Мы смеялись, как маньяки, разряжая автоматы ему в живот. Нафаршировали госбезопасного. — Он захихикал. — Все остальные безопасники сбежали на материк на своих больших черных машинах. Я понял тогда, что у них были камеры наблюдения. Они могли с безопасного расстояния наблюдать, как мы уничтожаем «Воронку», — по крайней мере они надеялись это наблюдать. Некоторые из нас спустились на первые подземные этажи. Поверьте, весь комплекс уходит под землю на множество километров. Там были большие серебряные трубы, которые странно шумели. Мы стояли там... думали, какого черта делать дальше, а потом услышали жужжание. И оно свело нас с ума. Мы стреляли в тоннели... Только потом я понял, что это лифт, который поднимается снизу на наш этаж. Двери открылись. Внутри оказался мой друг Ньюман. Мы вынесли его тело на тех носилках. Это есть у вас на видео. — Он улыбнулся. — Но я не знаю, почему вы не видели того, что видел я.

— Чего именно, Лео?

— Просмотрите съемку еще раз, приглядитесь к труп. Особенно к состоянию его головы. А потом припомните тело в прибое. И сложите два и два.

Прекращать проект «Воронка» — просто безумие. Посмотрите мои фильмы. Посетите моих подопытных. Найдите способ продолжить исследования, и я подарю вам безграничную власть над человеческим разумом.

Доктор Липпиш, 1989

Через пять минут, выйдя из машины, Лео показал расположение давно исчезнувшего здания, в котором квартировал проект «Воронка». На этом месте не было ничего, кроме молодых деревьев и ежевики. Болиголов приправлял вечерний воздух сильным ароматом. Скарлет достала баллончик с краской и разметила на торфе расположение стен и входов. Вскоре бо́льшая часть поляны покрылась розовой краской. Пауэлл, все еще сохраняя всезнающее выражение лица, ввел полученные координаты в GPS.

Ларчетт все еще был под впечатлением того, что сказал Лео о трупе на носилках, и того, как выглядел мертвый рыбак.

— У них одинаковые раны, — настаивал он. — Оба словно подверглись одной и той же хирургической процедуре. У них удален мозг. Рыбак, похоже, погиб всего несколько часов назад. Как это может быть, если тут все уничтожено еще в девяностом году? Неужели...

— Ларчетт, — оборвала его Скарлет, — обсудим это позже, за пивом. Тебе оно явно не повредит.

Ларчетт беспокойно озирался.

— Мы не знаем, что случилось с подопытными. Лео сказал нам, что команды зачистки просто исчезли. Кроме того парня в лифте. Он...

Скарлет фыркнула.

— Хватит!

Именно в этот момент раздался мягкий глухой удар, достаточно громкий, чтобы спугнуть с деревьев стайку птиц. Коллеги Доминика обменялись изумленными взглядами.

— Прозвучало так, словно большая дверь закрылась *под землей*, — хихикнул Лео. Ему нравилось беспокойство Ларчетта. — Кто-то вышел из дома. Поспешно. И не в духе.

Доминик покачал головой:

— Это не дверь.

Он побежал назад. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, и тени вытянулись к прищельцам, словно жадные руки.

— Черт!

Он замер. Несколько минут назад большой БМВ ждал на дороге, готовый отвезти их домой. Теперь его не было.

Ларчетт взвыл:

— Я знал, что все кончится плохо! Я знал!

В подступающих сумерках было видно, что машина лежит на крыше, задрав четыре изорванных в клочья колеса в ночное небо.

Пауэлл нахмурился:

— Кто-то играет с нами.

— Играет? — странно улыбнулся Лео. — Это не игра.

Скарлет сжала его плечо.

— Что ты хочешь сказать?

— Вы в опасности. В смертельной опасности. Вы еще не поняли?

Свет заката потихоньку уходил.

Ларчетта трясло.

— Нам нужно убираться отсюда. И быстро.

— Как, идиот? — заревел Пауэлл. — Кто-то перевернул нашу машину!

Лео смеялся.

— Видите? Это место подавляет и сильнейших. Теперь даже герр Пауэлл испуган.

— Я не испуган, — окрысился тот. — Я сам кого хочешь испугаю.

Доминик заметил, как он вытаскивает из-под пиджака темный предмет. Револьвер.

— Бесполезно, — продолжал хихикать Лео. — Детская игрушка.

— Молчать!

Лео продолжал вспоминать, широко раскрыв глаза.

— Мои товарищи отправились в «Воронку» с АК-47 и полным запасом бронебойных пуль. Самым смертоносным на то время оружием. А вернулся только один. И то без мозга. Думаете, вас спасет маленький пистолетик? Как?

Пауэлл ударил его по лицу.

Лео с мрачным удовлетворением вытер кровь, проступившую в уголках рта.

— Я прав, герр Пауэлл. Вы боитесь.

Пауэлл занес кулак.

— Ах ты старый...

— Хватит! — рявкнул Доминик. — Лео не дурак. Вам стоило его послушать. Потому что сейчас дураками оказываемся мы. А вы ведете себя так, словно все это игра в шпионов на заднем дворе. Мы совершенно не владеем информацией о том, что тут происходит. Эксперименты! Жуткие преступления! Хуже того, вы не поняли, что все это *продолжается*. Что это не закончилось. Какое-то из агентств все еще работает в этом лесу. Что, подобное в ваших мудрых головах не укладывается? Люди перевернули эту машину. Они уничтожили колеса. Следовательно, они хотят, чтобы мы здесь застряли: *у них свои планы на нас*.

— Он прав. — Скарлет вынула пистолет из потайной кобуры. — Прикрываем друг друга.

— И это связано с рыбаком, тем, который... — Ларчетт схватился за голову, словно проверяя, на месте ли еще череп. — Боже... Мы можем стать следующими.

— Может, перевернуть машину? — предложил Пауэлл.

— Даже если получится, на спущенных шинах мы далеко не уедем.

— Пойдем, — вклинился Ларчетт. — Если выступим сейчас, то хоть доберемся до дороги. А оттуда вызовем полицейских.

Он вытащил мобильный и жалко сморщился.

— Сигнала нет. Черт, черт! Скарлет, попробуй свой.

Через несколько секунд стало ясно, что все телефоны в этом диком углу бесполезны.

— Либо пристрелите меня, — сказал Лео, — либо идите за мной. Иначе никак.

Ларчетт, почувствовав надежду, засветился дружелюбием.

— Сколько идти, Лео?

— Примерно двадцать минут.

— Значит, мы выйдем на дорогу до наступления полной темноты, — заметила Скарлет.

— Ну что? — Лео улыбался. — Доверите мне свои жизни? Какая ирония.

Закат окрасил небо во все оттенки красного, глубокие тени только подчеркивали его красоту. Воздух загустел от сильного запаха земли и грибов. Доминик заметил, что по мере того, как они отходили все дальше от уничтоженного комплекса, лес становился гуще. Там, где под грунтом не было бетона, деревья смогли как следует разрастись. Он представил себе бледные корни, которые тянутся в темноту и влажную землю и проникают в бункеры времен холодной войны. По всему миру. Доминику казалось, что они переступили какой-то порог, вышли в чуждый ландшафт доисторического леса. Здесь мертвые пели свои меланхоличные баллады. Призрак волка готовился проглотить луну, чтобы положить конец роду человеческому.

Они шли, а Ларчетт все никак не мог успокоиться и лихорадочно трещал:

— Уже недолго осталось, да? Правда? Это же старая дорога к хайвею?

Заброшенная дорога поросла мхом. Ежевика понемногу разрушала ее, выбрасывая все новые побеги. Скелетные ветви сосен сплетались над головой, создавая своеобразный тоннель, в который почти не проникал свет. Холодный ветер с Арктики шевелил ветви. Стволы трещали. Тут и там виднелись остатки колючей проволоки, которые от ветра звенели, как струны под пальцами сумасшедшего гитариста, внося металлический диссонанс в проглотившее их древесное царство.

Доминик заметил, что все трое его «коллег» отлично экипированы. Довольно скоро они достали тонкие фонарики, чтобы

осветить путь. Встревоженные чайки кричали где-то над лесом. По краям дороги тянулись изъеденные ржавчиной предупредительные знаки, на которых еще можно было разобрать русские слова, предупреждавшие об опасности. Под ними вился готический шрифт. Доминик смотрел на черепа со скрещенными костями, проглядывающие среди веток. Умирующие знаки и развалины раньше служили огневыми точками, которые защищали комплекс. Двойные прорезы для пулеметов напоминали глазницы, из которых тянуло холодом и ненавистью. Здесь не любили чужаков.

Ларчетт нервничал.

— Тут не может быть далеко... эй! — Он обернулся, словно отслеживая что-то, мелькнувшее между деревьями. — *Вы это видели?*

— Боже, приятель, держи себя в руках.

— Но я что-то видел! Что-то белое... похожее на голую кожу.

— Если ты начнешь гоняться за лешими, мы никогда не выберемся отсюда. — Пауэлл шагал по заросшей колее. — Ты трус, Ларчетт. Я так и напишу в своем рапорте. Ты конченный...

На этот раз Пауэлл замолчал сам. И злость исчезла из его голоса, когда он добавил:

— Надеюсь, у всех крепкие желудки.

— Мы покойники, — мрачно и удовлетворенно протянул Лео. — С тем же успехом мы могли бы лежать в гробу. Кормить червей.

То, что заблокировало заросшую дорогу от внешнего мира, оказалось десятифутовой сетчатой оградой, поверх которой тянулась спираль из колючей проволоки. Эти ворота явно установили в то время, когда базу срочно эвакуировали. Но не сама ограда вызвала у Лео такой мрачный комментарий.

Все стояли, уставившись на то, что свисало с проволочной ограды. На мрачные плоды, созревшие на этом северном ветру. Невозможно было отвести взгляд от десятков трупов, которые болтались на проволоке. От мелких, таких как воробьи, вороны, кролики, до крупного северного оленя. От порывов ветра кровавые останки колыхались, черви сыпались с них на траву.

— Посмотрите на головы, — выдохнула Скарлет. — Посмотрите на их головы.

— Все, как у того рыбака на берегу, да? — Лео явно наслаждался ужасом тех, кто с удовольствием его допрашивал. — Ну что? О чем говорят вам улики? Вы все еще уверены, что вернетесь домой к своим семьям?

Трупов было около сорока, считая птиц и оленя. Все они были изувечены. В лучах фонариков белели аккуратные срезы черепов и было видно, что мозг извлечен, глазницы пусты, а сами черепа тщательно вычищены.

Холод, казалось, пронизывал насквозь и пытался вырвать души из пока еще живых, но смертных тел. Стволы деревьев со стоном раскачивались, трескали ветвями; обреченные бетонные бункеры смотрели на чужаков, словно зная, что с приближением ночи их ждет нечто похуже хищных теней.

Раздался выстрел.

— Вот он! — Ларчетт опустил пистолет с дымящимся дулом. — Вы не могли его не видеть!

Он завопил и рванулся в лес за ускользящей фигурой.

Пауэлл ее видел. Точно видел, судя по выражению его лица. Отвращение и ужас. Пауэлл попятился и вдруг побежал.

Доминик обратился к Скарлет и Лео:

— Возвращаемся на пляж. Мы можем пройти вдоль берега до..

Закончить он не смог. Из кустов выкатился паук.

— О господи... — Скарлет вцепилась в руку Доминика, как перепуганный ребенок.

Потому что паук ни капли не походил на обычных. В свете фонарика Скарлет Доминик увидел паукообразную форму. Но слишком большую, футов десять в диаметре. Бледное, почти безволосое нечто с тестообразным телом. Существо было составлено из обнаженных человеческих тел: восемь человек были повернуты лицами вниз, верхушки их голов соприкасались. Черепа были срезаны так, чтобы обнажить мозг, а затем сцеплены вместе при помощи какой-то странной хирургической техники, причем видно было, что и спинной мозг тел тоже был объединен. Сшитые поверх места крепления скальпы создавали примерно тридцать

сантиметров волосатого пятна в центре спаянной плоти. Люди, соединенные головами, были вынуждены двигаться на четвереньках. Они бежали, упираясь ладонями и ступнями, как обезьяны, выучившие странный танец. В основном жуткое объединенное существо двигалось боком, словно гигантский краб, позвоночники выпирали из кожи, видны были ребра, голые ягодичы смыкались и размыкались по мере движения.

— Они умирают, — прошептал Доминик. — В таком состоянии им не прожить дольше нескольких дней.

Лицо одного из соединенных людей было синюшным. Один глаз был закрыт, второй свисал из глазницы, как красная вишня. Справа в лесу раздался треск, знаменуя появление очередного странного существа. Восемь пардвигающихся конечностей создавали жуткую мешанину, но видно было, что объединенные мозги работают с идеальной синхронностью. Ноги двигались с четкостью и слаженностью настоящей многоножки, движение распространялось волнообразно, а руки, которые теперь оказались словно под «животом» существа, служили опорой для сплавленных голов. Чайки перестали кричать над деревьями, и внезапная тишина позволила расслышать звуки, которые издавало странное существо. Каждый из сцепленных людей хрюкал, стонал, тяжело дышал и всхлипывал от боли.

Доминик оглянулся на трупы, висевшие на ограде. Странные трофеи или материал для новых экспериментов?

Еще пятеро подобных существ вышли из леса на заросшую дорогу. Самое большое двигалось неловко, потому что один из «компонентов» был давно мертв. Конечности безжизненно свисали, и другие тела отчаянно пытались компенсировать их отсутствие. Разложившийся труп оставлял склизкий след на траве. У оставшихся тварей не было никаких проблем с передвижением: они скользили по земле с изяществом и грацией, словно танцевали в темноте. Страдальческие стоны сменились возбужденным хрюканьем, вспотевшие тела выгнулись вверх, чтобы позволить лицам, обычно повернутым вниз, смотреть на чужаков. Из леса с воплем выскочил Ларчетт. В одной руке он сжимал фонарик, в другой — пистолет. Не переставая кричать, он подскочил к одной из «звезд», составленных из челове-

ских тел. И выстрелил в переплетение торсов. Из восьми гло-ток раздался рев, существо поднялось на две пары ног. Конечности забились в воздухе, напоминая щупальца жуткого осьминога. В центре твари отчетливо виднелись восемь лиц. Кожа на линии роста волос была перечеркнута и перетянута стежками, отчего они казались бесформенными, искаженными. Шестнадцать глаз с растянутыми веками с яростью и болью смотрели на Ларчетта. Он послал в центр существа оставшиеся две пули, попав туда, где срастались черепные кости. Существо взвыло, и издалека ему ответили другие. А потом раненая тварь рухнула на землю, бешено заколотила ногами, сбивая ногти в кровь. Миг спустя она застыла.

Ближайшая к Ларчетту тварь прыгнула, сбива его на землю и накрыла собой. Конечности сомкнулись, на миг напомнив пальцы огромной руки. Доминик, к счастью, не видел, что делали с Ларчеттом шестнадцать рук, но вопль ужаса был долгим, очень долгим, потом перешел в отчаянные хлюпающие всхлипы... И наконец настала тишина.

Доминик не помнил, когда побежал. И куда. Он знал только, что бежит в одиночестве по ночному лесу. Бледные стволы деревьев выскакивали из темноты, как призраки. Холодный ветер шумел в ветвях над головой. В мелком кустарнике пряталась проволока. Металлический звон резал уши. Сильные порывы ветра трепали траву, и казалось, что земля передергивается от ярости. Он пробежал мимо заброшенных пулеметных гнезд, мимо бетонных куполов, щели которых следили за ним с холодным равнодушием. Где-то позади топотали многочисленные ноги. Один раз он позвал Скарлет. В ответ раздалась какофония жутких воплей.

Вернувшись на место, где раньше стоял корпус «Воронки», он понял, что бежать было бесполезно. Десяток человеко-крабов ждал его там. Некоторые стояли на двух парах конечностей, расправив остальные, как лепестки цветка. Многочисленные лица смотрели на него, жадно разглядывая каждую черту.

Он не стал бороться, когда твари бросились на него. Не видел смысла в борьбе с таким странным противником. Мощные руки вцепились в него, обездвижили, потом забросили на муску-

листые спины и прижали сильными пальцами. Лицо Доминика кололи жесткие волосы в центре твари. Вонь пота и пережженного адреналина забивала нос. Сознание не справлялось с этой жутью, поэтому Доминик погрузился в какое-то подобие транса. Он думал о том, что это похоже на поездку на собачьей упряжке. Почти у самой земли. Быстро, гладко, без рывков... скольжение...

Ты о чем-то сожалеешь, Доминик? Несмотря на странность этого путешествия по лесу, он понял, что размышляет о жизни. Нет, он не сожалел о выборе профессии. Но чувствовал внезапную острую грусть из-за того, что все его свидания проходили в безликих отелях... Почему он не вложил свое время в более осознанные отношения? Только об этом он сожалел к концу жизни: о том, что так и не смог создать эмоциональную связь с женщиной.

Он ехал на спине соединенных людей, двигавшихся, словно крабы, и представлял себе, как открывает дверь в свою пустую квартиру и вместо одиночества его встречает улыбающееся лицо. «Как прошел день, любимый? Случилось что-то интересное?» Он попытался пошевелиться, и тут же одна из рук твари схватила его за горло. Над головой звезды высыпали на небо, они падали, падали... И парили в его мозгу, который начало жечь от недостатка кислорода.

Зернистое цветное изображение. Внизу наложена дата: 03.03.1991. На кафельном полу лежит мясистое тело одного из людей-крабов. Из него течет жидкость. Доктор Липпиш обращается к камере: «У меня нет никаких средств, способных помешать отторжению тканей. Поэтому мои прекрасные создания погибают в течение нескольких дней. Но посмотрите, чего мне удалось достичь. Я могу сплавить нескольких мыслящих существ в одно разумное создание. Я перепрограммирую их мозг так, чтобы они считали себя таковыми изначально». Она смеется. «Посмотрите на эти торсы, на эти ноги... на радиальную симметрию тел, как у морской звезды. Я назвала их Люди-Звезды. Man Star, игра слов, звучит похоже на «Monster». Звезды, мои звезды... Когда-нибудь эта раса будет безупречной.

Запись, анонимно высланная Университету Лейпцига

Для Доминика ночь тянулась и тянулась. Ночь абсолютной тьмы. А затем пришли сны... О крови, о криках, о цепях... Они связали его душу...

И вот наконец СВЕТ. Свет бесконечным потоком лился в его глазницы. Он попытался прийти в себя и понял, что рядом стоит женщина в белом халате. Ее волосы выбелила сильная седина. В руках она держала планшет с зажимом и обращалась к камере, установленной на штативе в центре комнаты:

— Я доктор Липпиш, главный врач проекта «Воронка». Вы наблюдаете за моим последним субъектом. Это здоровый мужчина в возрасте тридцати трех лет. Лекарство, которое я составила, не позволит его иммунной системе отторгнуть мои хирургические дополнения. Композитный мозг здоров, ткань розового цвета, артериальное давление удовлетворительное. Студенты, смотрите внимательно. Стенка брюшины уже вскрыта, полость подготовлена для внедрения очень важного гостя.

Доминик повернул голову набок и увидел ряд столов, на которых лежали Скарлет, Лео, Пауэлл и Ларчетт. Крышки их черепов были сняты, мозг удален.

Доктор Липпиш быстро подошла к камере и развернула ее объектив к операционному столу, на котором лежал Доминик. Затем включила телевизор, свисавший на кронштейне со стены. На экране появилось четкое изображение лежащего Доминика. Он был обнажен. Залит кровью. Живот был вскрыт от солнечного сплетения до паха. Кожу с разреза оттягивали и удерживали большие красные зажимы. Сам живот казался большой красной пещерой. Отвратительно пустой. Остались в основном артерии, тщательно пережатые инструментами.

В этот момент Доминик многое понял. Эпидуральная анестезия лишила его чувствительности ко всему, что находилось ниже ключиц. (Липпиш: «Взгляните на регулярное движение диафрагмы. Все в порядке».) Более того, он понял, что эта женщина — совершенно безумная — осталась в бункере со времен падения коммунизма. Здесь она тайно продолжала работу над проектом «Воронка». Составляла своих Людей-Звезд.

(«Смотрите, я помещаю трансплантат на место удаленной правой почки. Теперь соединяю кровеносные сосуды, которые ранее питали почку, с сонной артерией и яремной веной, подключая соединенный мозг».) Хуже того, он понял, что теперь в его животе будут жить мозги Лео, Скарлет, Пауэлла и Ларчетта. И он будет питать их розовые мозги своей собственной кровью. («Зрители, следите за обновлениями на моем сайте. Я ожидаю успешной адаптации нервной системы субъекта с имплантированными в его брюшную полость мозгами. Вскоре они установят коммуникацию. Интегрированные мозги будут общаться с ним посредством нервных импульсов, идущих по спинному мозгу... Только представьте себе чудо подобного разговора!»)

Липпиш была безумна. Совершенно и полностью. Эту догадку вскоре подтвердило и то, что она случайно задела трубку капельницы, по которой к позвоночнику Доминика подавался анестезирующий раствор: трубка небрежной петлей лежала на полу, и Липпиш на нее просто наступила. Стальная игла выскользнула, здоровая печень быстро перестала рассылать наркотик по его крови. И пришла боль. Поначалу сильная, затем сумасшедшая, а несколько секунд спустя в разрезанном животе бушевал жертвенный костер. Обморок, как нарочно, не наступал, поэтому Доминик чувствовал каждое движение скальпеля по своим мускулам. Липпиш поместила в его живот холодную ткань мозга кого-то из коллег и начала соединять сосуды, счастливо напевая какую-то баварскую песенку. Доминик чувствовал, как в нем изнутри поднимается крик. Вырвавшись, звук ударил по барабанным перепонкам и заставил жутких монстров замедлиться на миг, прежде чем нырять обратно в темноту леса.

Успех пьянит. А подобный успех даже у меня вызывает желание преобразиться.

Доктор Липпиш

— Что случилось, Доминик? Мы уже близко?

— Да... Слишком близко.

— Вы испуганы?

— Я в ужасе. И вы тоже были бы в ужасе, если бы поверили мне.

— Покажите нам расположение корпуса «Воронки», и мы сможем уехать.

Как похоже выражались сменщики Пауэлла, Скарлет и Ларчетта! И выглядели они так же похоже. Наверное, начальство выдало им прежний сценарий. Женщина была поведенной на карьере валькирией. Один из мужчин побледнел и явно чувствовал себя неуютно после увиденного на пляже. Третий был высокомерным циником.

— Вы не спросили меня о шраме, — начал Доминик. — Я могу доказать...

— Это мы уже проходили, — сказала женщина. — Старый послеоперационный шрам ничего не доказывает.

— Покажите нам местоположение «Воронки», — проблеял трясущийся мужчина с цифровой видеокамерой. — Вам будут задавать вопросы, все ваши ответы я буду записывать на камеру. Это понятно?

Доминик поморщился.

— Следуйте за мной.

Он провел их по пляжу, через наносы раковин, белые, как свежий снег, затем к пролому между утесами, которыми славился Рюген. И в лес. Там их охватила тишина и полутьма.

Циник засыпал его вопросами:

— Вы со Скарлет, Пауэллом и Ларчеттом шли этой дорогой?

— Да. — Пять с половиной килограммов мозга в животе Доминика начали пульсировать. Его внутренние компаньоны были полны нетерпения.

— Вы нашли место, где базировался проект «Воронка»?

— Вскоре вы сами все увидите.

Ветви деревьев сплетались над ними, почти полностью блокируя свет.

— Вы знакомы с природой экспериментов Липпиш?

— О да, конечно.

Доминик вел их. И периодически потирал свой большой, плотно набитый живот. За ним и его ничего не подозревающей группой в отдалении следовала фигура в белом халате и с планшетом

в руках. Она подняла руку, и Люди-Звезды выскользнули из-под земли. Трио пока не заметило, что за ними наблюдают и их преследуют обнаженные тела, сращенные головами, что длинные голые ноги слаженно переступают в темноте. Но вскоре они это заметят, хотя к тому времени будет поздно что-то предпринимать.

— Когда монстры сделают свой ход, я позволю вам посмотреть.

— Что вы только что сказали? — спросил позеленевший от страха мужчина с видеокамерой.

— Ох! — Доминик повернулся. — Просто общаюсь со своим внутренним голосом, так сказать.

Когда Люди-Звезды бросились на людей, он снова увидел проигрышную схватку. И понял, что вспоминает одинокие часы, проведенные в доме, закрытом для женщин, которых он сразу же забывал.

— Не вздумайте повредить женщину, — сказал он монстрам. — Доктор Липпиш обещала мне невесту. — Он широко улыбнулся. — Невесту с мозгами.

Доминик рассмеялся. Он смеялся все громче, смеялся от всей души, спугнув птиц с верхушек деревьев. Он знал, что видит начало прекрасного нового мира.

ХИЗЕР ГРЭХЭМ

ТУМАН НАД РЕКОЙ

Мох свисал с деревьев, как прозрачная паутина, и жутковато блестел в призрачном свете полной луны, на которую то и дело наползали лохматые тучи. Вода казалась черной, призрачная мгла поднималась над ней: ночью температура упала, создавая туман.

Понтонная лодка скользила по Перл-ривер, и даже я, при том что с детства знал эту местность как собственные пять пальцев, подумал, что обстановка идеально подходит для «Одержимого вечера», круглогодичного аттракциона ужасов, к которому мы направлялись. Мы как раз двигались к плантации Лабелль, где он располагался. Аттракцион открылся в прошлом году и закрылся сразу после Хеллоуина. В городе тогда происходили странные события — бесследно исчезали люди, в основном туристы, и, хотя они могли просто уехать, все радовались, когда Хеллоуин закончился. Но это было в прошлом году, а в этом людям снова нужно было зарабатывать на жизнь. Те, кто к нам приехал, распустили слухи о фантастическом доме с привидениями, стоящем на старой плантации над рекой, и все, кто был на борту, решили заняться туристическим бизнесом.

Сейчас, в ретроспективе, я понимаю, что никто не знал, как хорошо это будет и какие толпы прибегут смотреть на дом.

Но реклама и газетные статьи сделали свое дело: люди приезжали сотнями, и было ясно, что аттракцион придется делать круглогодичным. Вот почему я оказался на борту первой «полуночной лодки». К дому можно было добраться по дороге и по реке. Бен Пери, владелец лодок и их проката, был одним из моих лучших друзей. Обычно он занимался простыми турами по реке, но страх был для людей интереснее, чем экология. С тех пор как я стал известен благодаря моему городскому туру «Мифы и легенды», старый друг решил, что я ему просто необходим в качестве экскурсовода.

Я только что закончил тур по Французскому кварталу и оказался на борту лодки все в том же викторианском плаще и шляпе.

А ночь была холодной. Нет, я не хочу сказать, что одежда не подходит для прогулок — просто я выгляжу глупо, когда прыгаю в ней по песчаному пляжу перед плантацией. Ну и ладно. Зато викторианские башмаки не промокают.

Итак, впереди нас ждала плантация Лабелль.

Где-то в ветвях завопила сова — долгим, пронзительным криком. И продолжала вопить, словно ей приплачивали за нагнетание обстановки.

Прелестная брюнетка подпрыгнула и ойкнула.

Бен довольно рассмеялся.

— Эй, мы ведь еще не приехали, — сказал он ей.

Большинство обитателей Нового Орлеана и его окрестностей точно знали, что старая плантация проклята и попытки братьев Бодро купить это место и устроить там магазин точно провалятся. Но, несмотря на долгие годы отказов, жуткую репутацию, которая стала легендой покруче других городских страшилок, и крайне заброшенное состояние, дом привлекал. Его починили, отстроили и теперь преподнесли публике в качестве дома с привидениями. Историю появления привидений рассказывали с пугающими подробностями, и она казалась реальным кошмаром в этой туманной дымке. Черт, да если кто-то что-то *подумал* сто лет назад, в наши дни это уже история, так ведь? Так или иначе, братья решили, что лучшим выходом из положения будет именно организация аттракциона «Проклятый дом». После катастрофы пришлось экономить, многим домам города нужен был немалый ремонт, и все хватались за любую возможность заработать. Такая вот логика. И спорить с ней я не стал: мне было тридцать лет, я владел собственной туристической компанией. И у меня осталось только два работника, хотя раньше их было десять.

С Тедом, Фредом и Джедом Бодро я был знаком с детства. Они росли бунтарями — из тех, кто многие годы проводит, стреляя по консервным банкам над рекой, ругается и старается выглядеть круче ребят из фильма «Избавление». Тед был моим ровесником. С ним я был знаком лучше всех — он умел заниматься бизнесом. Фред был старшим — и казался мне опасным психопатом, — а Джедумудрился через восемь лет колледжа и практики вернуться домой с докторской степенью и стать известным семейным врачом.

Мотор мурлыкал, лодка медленно двигалась вперед, а примерно двадцать туристов на борту испуганно оглядывались вокруг. Крокодилы плескались в реке, и каждого показавшегося публике встречала ахами и охами. В основном тут плавала мелочь, фута три или четыре в длину, но глаза крокодилов отсвечивали золотом, когда попадали под свет фонарей, и было что-то первобытное в их движениях. Бен использовал и то и другое. Я видел, с каким выражением лица он показывал туристам зверье. И как пожал плечами в ответ на мой взгляд. *Всем надо зарабатывать. Я не виноват, что эта мелочь в десять раз страшнее людей.*

Сова была на нашей стороне: в ночи снова раздался скрипучий вопль. Где-то в кустарнике на берегу возилось кабанье семейство. Обстановочка была что надо.

Я улыбнулся Бену в ответ. В отличие от него и его братьев я не был знаком с местностью к востоку от Слайделла. Бен получил научную степень в бизнес-школе, несколько лет даже работал на Уолл-стрит, но слишком любил нашу реку, поэтому вернулся. Я родился на окраине Французского квартала и прожил там всю свою жизнь, не считая нескольких лет на севере во время учебы в колледже — я защитил кандидатскую по истории в Колумбии. Но здесь был мой дом. Я знал все его истории, я вырос с ними. Я знал всех сумасшедших Нового Орлеана, от безвредных лунатиков до настоящих психопатов, которых появлялось все больше в последнее время. Я любил это место. Любил Французский квартал и реку, Гарден-Дистрикт, все орлеанские улочки, весь этот округ. Здесь был мой дом, здесь было мое сердце.

— Мы приближаемся к поместью Лабелль, — провозгласил Бен для туристов. — Мой друг Дэн из «Мифов и легенд» расскажет вам историю старой плантации. Это, друзья мои, куда страшнее всего, что вам предстоит сегодня увидеть и услышать.

Я подмигнул и улыбнулся девушке, которая сидела рядом с ним на скамье. Она была милой блондинкой с голубыми глазами и казалась мне очень хрупкой. Чуть раньше мы с ней немного поговорили, и я знал, что она остановилась в одном из старых мотелей у Рампант-стрит.

Она меня очаровала. Большинство людей в подобных турах путешествуют либо в большой компании, либо парами или тройками.

Им нравится держаться вместе во время путешествия по жуткому дому с привидениями, парни любят хватать и пугать своих девушек.

А эта девочка улыбалась мне в ответ. И вот что было странно: при всей ее миловидности и хрупкости в ней чувствовались решимость и твердость. Словно если она могла что-то сделать, то она это *делала*. Это мне очень нравилось. Я хотел подбодрить ее. Черт, да я хотел обнять ее и до конца дней своих защищать от любой возможной опасности.

Но мы отправлялись всего лишь в дом с привидениями, и с ней не было никого, кому она могла бы что-то доказывать. Она приехала одна. А для нежных созданий подобные походы в одиночку были не лучшим решением. Братья Бодро отлично постарались, превращая дом в реально жуткое место. Они создали логово всего жуткого и злобного, почерпнув идеи как в истории, так и в собственном воображении, по дому бегали актеры в одеяниях, которые и днем могли напугать до полусмерти

— Правду и ничего кроме правды! — крикнул кто-то с противоположного конца лодки.

Отлично. Еще один напился. Такое постоянно случалось при наборе групп на улице Бурбон. Все люди стремились как-то держаться себя в тонусе. Многие пили.

— Правда, — сказал я.

У меня был хорошо поставленный голос, чем я гордился, поскольку любил свою компанию и любил рассказывать истории о моем родном городе. Глубокий богатый баритон — отличный голос для рассказывания страшных историй. Но то, что я собирался рассказать, вовсе не было паранормальным. Определенно злым, но не паранормальным.

— Плантация была основана в тысяча пятьсот девятом году французским купцом, — начал я. — Он приехал сюда со своей женой и множеством слуг. Жена происходила из боковой ветви известного во Французском квартале рода. В ней была восьмушка негритянской крови, и ее называли королевой вуду, которая не принимала величия христианской религии. Она приворожила богатого француза, что обеспечило богатство ей и всем ее наследникам, таким как мадам Лабелль. Самые разные посетители отправлялись к плантаторам из Нового Орлеана, но возвращались

не все. В те времена еще не изобрели телефонов и е-мейлов, поэтому исчезновения не связывали с действиями семьи Лабелль. Многие их современники считали, что семейство Лабелль связано с подпольной железной дорогой, — столько хижин их рабов то и дело оказывались пустыми поутру. Мадам Лабелль любила устраивать приемы и славилась своей красотой, была вхожа в здешний высший свет, однако многие ее побаивались. А затем началась гражданская война. Солдат отправили на плантацию за фуражом и едой, и они тоже не вернулись. И вот наконец несколько отрядов солдат выступили туда одновременно. Семейство Лабелль знало об их приближении. И сбежало. Когда американский капитан, командовавший кампанией, проверил амбары, то нашел десятки человеческих тел, свисавших с крюков для разделки мяса. Все глотки были перерезаны, кровь собиралась в тазы. И эта жуткая находка была не единственной. Тела и части тел были найдены захороненными под полом дома. Наверху, в будуаре мадам, стояла огромная деревянная ванна, запятнанная кровью. Кости использовались для устройства алтаря, ламп и всяческих украшений. Занавески и даже жуткая юбка были сшиты из кожи жертв мадам и ее мужа. Она практиковала не столько вуду, сколько черную магию; кровавые жертвы были ей необходимы, судя по древнему гантянскому тексту, который затем нашли в доме.

Я сделал паузу. Даже пьяный затих.

— И даже командир американской армии не рискнул оставаться в доме или что-то из него брать. Дом стоял пустым. Война продолжалась. Люди говорили, что в доме живут призраки, никто не хотел к нему приближаться. Они слышали крики ужаса — эти крики оказались реальными. Около двадцати человек остались умирать, прикованные к стенам погреба под хибарами рабов. До наших дней хибары не сохранились, там все обрушилось. Погреб завалило. Остался только дом.

С берега в воду скользнул крокодил, раздался шипящий звук. Пьяный подпрыгнул.

Какие-то девушки рассмеялись.

— Эй! Это просто крокодил. А что, дом до сих пор не купили? — Выпивоха пытался вернуть себе самообладание и подобие мужского бесстрашия.

— О да, — сказал я. — Человек по имени Салливан купил дом в восьмидесятых годах. Он погиб, упав с крыши. В тысяча девятьсот двадцатом году дом снова купили. В нем поселилась семья. Через год она съехала, сказав, что по ночам призраки нападают на детей. Согласно документам полиции, тело их дочери было покрыто синяками и ушибами.

— Ага, это я вам могу объяснить, — вмешался кто-то из более или менее трезвых приятелей пьяного. — В наши дни это называется семейным насилием и совращением.

— Возможно, — согласился я. — Но семья переехала в Мобиле, и там инциденты не повторялись. Я рассказываю вам только то, что произошло на самом деле, или то, что было задокументировано. Дом купил американский нефтяной магнат, но не жил в нем, и дом продали за долги во время Депрессии. В сороковых годах появился новый владелец, но он тоже не жил здесь, его убили во время Второй мировой, и дом снова отправился на аукцион. В начале семидесятых дом приобрел сектант, который вместе со своим гаремом утонул в Миссисипи — он верил, что на землю спустится НЛО и заберет его и женщин на другую планету. С тех пор дом пустовал. — Я улыбнулся. Блондинка смотрела на меня. И я вспомнил, что, когда Бен брал у нее билет, она назвала ему свое имя — Келли. Она не казалась испуганной — раньше ей было страшнее, — но я не видел, чтобы она с кем-то общалась, пытаясь расслабиться на пути к старой плантации.

— Ну, это уже фигня! — крикнул пьяный.

Я видел, как Бен на корме качает головой. Наверное, размышляет, как бы потерять этого пьяного по дороге. Может, у маленьких крокодилов неподалеку спрятана большая мама, которая с удовольствием подзакусит...

А нам достанется долгое и нудное судебное разбирательство.

Я пожал плечами. Люди часто приезжают в Новый Орлеан, чтобы оторваться. Мы, местные, тоже не святые, но обычно знаем свою меру или хотя бы знаем, когда можно пить. Я сказал:

— Можете проверить рапорты о домовладельцах, ребята. Я не вру.

И снова улыбнулся блондинке. *Келли.*

Она закатила глаза и шепнула: «Придурок!» — кивая на пьяного на противоположном конце лодки. И вздрогнула.

— Слушай, у них есть закусовая в маленькой гостиной. Нужно пойти налево, когда зайдем в дом.

Она мрачно на меня посмотрела и поморщилась.

— То зло, о котором вы рассказали, не было делом рук призраков. Мадам Лабелль была монстром. А сектант — просто психом, и, к сожалению, его женщины оказались идиотками.

— Так кто теперь владеет домом? — спросил мужчина лет тридцати.

Судя по внешности и телосложению, в колледже он был лайнбекером¹. А сюда приехал с женой, приятной рыжеволосой женщиной, явно из команды черлидерш, и еще одной молодой семьей.

Я рассмеялся и снова посмотрел на Келли. Она мне нравилась, очень нравилась, я ничего не мог с собой поделать.

— Хотите верьте, хотите нет, но сейчас дом принадлежит Теду, Фреду и Джеду, известным в округе как братья Бодро. Они родились и выросли здесь, у реки. Увидели шанс выгодно вложить денежки и купили.

Рыжеволосая жена бывшего лайнбекера вздрогнула.

— Вы все это подстроили! Открывать аттракцион в таком отвратительном месте просто мерзко.

— Мадам, — заверил я ее, — я ничего не подстраивал. Задумайтесь о том, сколько подобных мест существует в мире. Если вы останавливаетесь в отеле, например в Фолл-Ривер в Масачусетсе, вы вполне можете заночевать там, где Лизи Борден нанесла своей мачехе сорок ударов топором.

— Жуть какая, — чирикнула еще одна симпатичная брюнетка. У нее был сильный акцент, но не луизианский. Техас, скорее всего, — я довольно неплохо разбираюсь в акцентах. С ней были две подружки, и все они, похоже, флиртовали с несколькими дельцами с Уолл-стрит, которым явно нравилось такое внимание. — Но это верно, в том доме можно остановиться на ночь. Я слышала.

¹ Лайнбекеры (*англ.* linebackers) — основные игроки защиты в американском футболе

Остальные туристы согласно забормотали: все знали, что я сказал правду, — смотрели телеканал о путешествиях.

— Ага, — буркнул лайнбекер. — А я видел шоу о том, что плантация Лабелль является самым жутким из всех домов с привидениями в нашей стране!

— Именно! — воскликнул Бен. — А потому соблюдайте осторожность, сходя на берег. Это вам не Диснейуорлд. Мы плывем на настоящей понтонной лодке и сойдем на настоящий песок Перл-ривер. Кустарник вдоль дороги к дому подрезан, освещение проведено, но все равно внимательно смотрите под ноги.

Понтон врезался в песок, покачнувшись на неровности; пьяный начал подниматься, но свалился на лайнбекера. Да, в доме могли сэкономить на искусственной крови, ведь эти двое намеревались перейти к рукоприкладству еще в лодке.

Я подошел, схватил пьяного за руку и потянул его прочь от лайнбекера.

— Понял, да понял я, — бормотал он.

Лайнбекер прожег его взглядом, потом посмотрел на меня и тоже немного успокоился.

Я прыгнул с понтона, приземлился на мягкий песок и тихо выругался, ощутив воду под ногами. Ерунда, позже почищу туфли. Я не хотел, чтобы первый вечер Бена на реке и тур по дому превратились в пьяное топтание.

— Здесь неровный берег, будьте осторожны, — предупредил я, подавая руку первому туристу.

Вместе с Беном мы сняли их с понтона.

— А по дороге назад вы расскажете о сунсовой обезьяне? — спросила одна из женщин.

— О да, мадам, конечно, мадам, — заверил ее Бен и добавил: — Вы можете отправляться вперед по дорожке. Зомби или ведьма встретят вас у входа, а Ден будет ждать на выходе, в закускойной и магазине подарков. Гости реки шагнули за грань!

Я наблюдал, как группа медленно движется к дому. Люди могли приезжать и на машинах, но река оставалась лучшим способом все рассмотреть; плантации в основном устраивали у воды. Давным-давно река была основной дорогой этого места, фасад и главный вход в дом были развернуты именно к ней.

Странный туман все еще парил над водой и, казалось, потихоньку выползал на землю. Невысокая такая пелена тумана; в свете «призрачных» фонарей это было отчетливо видно, не смотря на синюшный оттенок их света.

На миг дом оказался окутан туманом и синеватым светом фонарей. Выглядело это великолепно: особняк в колониальном стиле с портиками и колоннами главного входа. Дверь была открыта, и мне даже показалось, что туман заползает внутрь. Он свивался плетями и кольцами у самой двери.

В доме было полно народу. Братья Бодро вложили в него немало денег — Тед был хорошим бизнесменом. Он пригласил профессиональных дизайнеров, а затем неплохо сэкономил, наняв студентов местных колледжей на роли убийц, жертв, зомби, вуду, киношных монстров и прочей жуткой братии.

Я вдруг понял, что смотрю на дом и думаю, насколько жутким и злобным он кажется в этом тумане. И что Бен занят тем же. Наша группа уже давно ушла по туманной дорожке и исчезла в доме, словно подчиняясь призрачной силе, как и туман.

— Ну, — немного нервно сказал Бен, — все будет хорошо, правда? Эти ребята не пожалеют о потраченных деньгах. Вернутся из поездки с ворохом впечатлений, спасибо хорошим байкам, реальной истории и милым аллигаторам!

Я не сразу ему ответил. Дом беспокоил меня. Да и сам я все еще был «одержим» милой Келли. Я не понимал, зачем ей эта поездка, если она так боится. И вспоминал слова той женщины, которая осуждала аттракцион в месте, где было столько реального ужаса. Бен тоже об этом волновался. Но почему бы и нет? Времена были сложные.

— Наверняка все будет хорошо, — сказал я ему. — Слушай, я пойду за ними. Я много слышал и рассказывал, но еще ни разу не был в доме. К тому же я волнуюсь за блондинку.

— Какую блондинку?

— Ту, что сидела на носу лодки.

Бен пожал плечами.

— Честно говоря, я заметил только трех брюнеток с футболистами. Они из Техаса. — Он широко улыбнулся. — У одной из них и грудь размером с Техас.

— Она выглядела испуганной... Келли, блондинка. И я хочу ее догнать. Ни ей, ни нам не нужен приступ паники или что-то вроде того.

Бен опять пожал плечами.

— Ладно, беги. Мне нравятся сиськи, тебе блондинки. Я останусь здесь. Хотя постой...

— Что?

— Спасибо, что пришел сегодня. Я знаю, что у тебя свое дело. Но мне было важно, чтобы сегодня все прошло идеально.

— Ага. Да без проблем, — сказал я.

— Нет. То есть... *спасибо*. Правда. Просто сегодня здесь обязательно должен был быть *ты*.

— Как я уже сказал, без проблем, Бен.

И я заторопился по дорожке к особняку. Дом с привидениями на сегодняшний день был лучшей приманкой для туристов. Бен обеспечил клиентам отличное развлечение за те двадцать дополнительных баксов, которые ушли на прогулку по реке.

У двери их встретил зомби. На самом деле это была Дарла Бодро, кузина Теда, Фреда и Джеда. Я поздоровался, она осторожно чмокнула меня в щеку, чтобы не испортить свой густой грим.

— Привет. Решил догнать туристов? Твоя группа уже в египетской галерее, вопят как резаные. Наши мумии выпрыгивают на них из саркофагов.

— Спасибо, я их там перехвачу.

Освещение было устроено просто отлично. Снаружи фонари светили синим, чтобы подчеркнуть туман, а внутренние коридоры подсвечивались алым. Сам дом никогда не погружался в полную темноту — всегда было видно, куда ставить ноги, — но все же тут было достаточно темно, чтобы начать задумываться: что же притаилось за следующим углом — а порой даже кто или что идет с тобой рядом.

Передо мной была толпа туристов, но не моя; они пытались не торопиться, чтобы костюмированные монстры могли выпрыгнуть и напугать их. Я извинился и протолкался дальше. Это было легко: я был в костюме другой эпохи, и меня приняли за здешнего работника.

Египетская галерея была первой. Мумия выскочила испугать туристов, но, увидев меня, остановилась.

— Привет, Ден!

— Привет. Роджер?

Роджер Томпсон работал у меня на полставки. В последнее время дела шли не настолько хорошо, чтобы оплатить ему полную занятость. Роджеру было двадцать четыре, и в нем еще оставалось достаточно ребячества, чтобы игра в мумию доставляла истинное удовольствие.

— Ага, ага, это я. Классное местечко, правда?

— Правда, но ты полезай обратно. Следующая группа уже на подходе.

Роджер улегся в саркофаг и задвинул крышку.

А место было действительно классным. Все стены были фальшивками, покрытыми иероглифами, и комната казалась настоящей гробницей. Глаза Клеопатры, очень похожей на живую, следили за моими движениями — я чуть было не принял ее за человека, настолько хорошо ее сделали, но все же это была кукла. Частично мумифицированный кот выползал из бинтов, словно был похоронен заживо, а саундтреком служила странная египетская музыка.

За египетской комнатой следовала кельтская-друидская-языческая арена, главной темой которой было тело, найденное в болотах Англии: несчастный земледелец был задушен, став жертвой ради богатого урожая. Ручные болотные звери бегали по комнате и пугали людей, по углам прятались несколько друидов.

Я двинулся дальше. Инквизиция снова орудовала в Луизиане, причем инквизиторов подобрали действительно страшных. На сцене, изображавшей Французскую революцию, актер терял голову снова и снова. Плескала фальшивая кровь, пол вокруг гильотины был уставлен плетеными ведрами, где лежали головы, и залит кровью. Несколько девушек вопили и прижимались друг к другу, пытаясь побыстрее пройти комнату. Братья Бодро хорошо потрудились, устанавливая звуковую систему: каждая эпоха смертей, отчаяния и пыток сопровождалась новым и очень жутким звуком.

Не знаю почему, но сквозь очередную толпу я проталкивался с ощущением растущего беспокойства. Что-то с этим местом было... не так. Я обозвал себя дураком. Грехи прошлого не могли

вернуться и оживить стены древнего дома, превратив их в кроважадное чудовище или что-то вроде того. Просто люди любили такие аттракционы. Любили пугаться. И все было устроено именно для этого.

За Французской революцией следовали известные убийцы. Я оказался на улице, по которой бродил Джек-потрошитель; графиня Батори, прелестная молодая девушка в огромном парике, гуляла, кроважадно выискивая красоток среди туристов. Мадам Ла Лори из Нового Орлеана бродила среди туристов, в то время как ее муж на сцене занимался вивисекцией. Актриса, игравшая его жертву, извивалась и кричала. Зрелище было ужасное.

А мне наконец удалось догнать свою группу, я заметил пьяного и его приятелей. Похоже, они немного протрезвели. Затем мне на глаза попались дельцы с Уолл-стрит и брюнетки, флиртующие с ними. Мы приближались к новой выставке: здесь воссоздали обиталище настоящих владельцев плантации. Мадам Лабелль сидела в старомодной деревянной ванной, кровь выплескивалась через края. Она подняла покрытую кровью руку, указала на одну из девушек и начала похотливо слизывать с пальцев кровь:

— О, приходи к нам на обед, милая.

— Пойдем, пойдем отсюда! — всхлипнула рыжая жена лайнбекера, прячась у мужа за спиной.

— Милая, она же просто актриса, — пробормотал тот.

Но даже лайнбекер заметно нервничал.

Я обогнул их, нечаянно задев плечом жену лайнбекера. Она взвизгнула, но потом узнала меня и нервно улыбнулась. Я с улыбкой извинился и пошел дальше.

На следующей сцене месье Лабелль пытал жертву, молодую симпатичную девушку. Он был в костюме XIX века, очень похожем на мой. Белая хлопковая рубашка пропиталась кровью. Жертва лежала на мраморном столе, мучитель нависал над ней, выбирая, откуда пустить кровь: из шеи или запястий.

Перед бархатной веревкой, ограждавшей сцену, был только один зритель. Келли. И в ее глазах плавал настоящий ужас.

Я собирался подбодрить ее, потому что узнал актера, игравшего месье Лабелля. Это был не кто иной, как сам Фред Бодро. Девушку на мраморном столе я не знал.

— Это просто постановка, — положил я руки на плечи Келли. Она, похоже, меня не заметила.

— Нет! Нет, остановите его, остановите, это все по-настоящему!

Девушка на столе испустила жуткий вопль, когда нож коснулся ее плеча. Лайнбекер, остановившийся за моей спиной, нервно хихикнул.

Девушка снова закричала: она была обнаженной, закутанной в простыню, поверх которой ее связали веревками. Она не могла двигаться, только дергалась и кричала:

— Помогите мне, помогите! Ради бога, помогите мне.

Я ощутил запах крови, этот запах я ни с чем не мог перепутать. Я чувал его всем своим существом.

— Это все настоящее, мать вашу, да помогите же ей кто-нибудь, остановите его бога ради! — кричала Келли.

Я перепрыгнул веревки, ограждавшие гостей от актеров. Фред Бодро изумленно на меня посмотрел. Затем улыбнулся.

Я всегда знал, что у этого сосунка не все дома.

— Хочешь поучаствовать в представлении, Ден? — тихо спросил он.

И махнул ножом в мою сторону. Нож был в стиле эпохи, антикварная вещь с острым лезвием. И он разрезал мою кожу над ключицами раньше, чем я успел уклониться.

Кровь брызнула, но не так сильно, как могла бы. Фред целился в мой кадык.

Я бросился на него, сбивая на пол. Оружия у меня не было, пришлось орудовать руками и зубами. Все вокруг кричали и визжали, некоторые звали на помощь. Большинство туристов, похоже, приняли все это за продолжение шоу.

Но были и те, кто понял, что все всерьез.

Я повалил Фреда и прижал его к полу. Он не смог убить меня с первого удара и явно не был готов к силе моей атаки. А должен был бы понять, глядя на меня; должен был успеть сообразить, с кем имеет дело. Я вырвал ему половину глотки зубами, пока он продолжал неудачные попытки выпотрошить меня ножом. Что меня действительно ошеломило, так это степень его безумия, то, что на самом деле он использовал старый дом,

чтобы выпустить на волю свою болезнь и убивать на глазах у зрителей.

Где же еще можно совершить убийство на глазах у всех и уйти без расплаты? Он наслаждался криками жертв, наслаждался их отчаянием и беспомощностью, а туристы, проходившие мимо, так же вздрагивали и кричали.

Лайнбекер сорвал бархатную веревку. Молодец. Обалденно помог. Я прижимал к полу Фреда, у которого почти ничего не осталось от горла, кровь хлестала из него потоками. Я не знал, стоит ли его убивать, а вот он, без сомнения, собирался меня прикончить.

Хаос набирал обороты. Лайнбекер схватил Фреда, чтобы помочь мне, и тоже измазался кровью. Кто-то стал помогать девушке, лежащей на столе. Люди бежали прочь из дома, спотыкаясь и толкаясь. Бен вызвал полицию. Копы приехали быстро, дом залил обычный белый свет, туристов резко поубавилось. Девушка оказалась не актрисой, и с ней случилась истерика. Она была первой, кто в одиночку зашел в комнату, и Фред схватил ее. Девушка вкратце описала происшедшее полиции, и ее увезли на «скорой». В доме остались только я, лайнбекер, полицейские и Тед с Джемом Бодро. Они были в ужасе и говорили, что Фред всегда был немного психованным, но им и в самом страшном кошмаре не могло присниться, что дойдет до такого. С Джемом я вместе учился в школе. И я ему верил. Он рассказал копам, что брат считал этот дом истинным злом, что верил, будто это зло может просочиться в людей, но... Ну, все знали, что экономика в минусе... И им нужно было как-то выживать.

В три часа ночи мне позволили уйти. Бен ждал меня и тут же попытался выяснить, что случилось, а потом просто мерил пляж нервными шагами, слушая мой рассказ. Я не мог его успокоить. Никто из туристов не решился вернуться по реке. Полицейские развезли их по отелям и мотелям на своих машинах.

— Господи, — все повторял Бен, сидя на корме. — Господи.

Никто из нас не замечал аллигаторов, которые с тем же плеском ныряли в воду от берегов.

Сова тоже кричала, но мы пропускали ее крики мимо ушей.

— Господи, — снова сказал Бен, когда мы причалили.

И посмотрел на меня, качая головой.

— Ты спас девчонку, а он ранил тебя. Ты весь в крови.

— Я в порядке, Бен. Иди спать. И выпей чего-нибудь перед сном. Сейчас ты ничего не можешь сделать.

— Полиция...

— Утром мне придется появиться с новым заявлением, — ответил я. — У них есть лайнбекер. Они думают, что в основном он боролся с Фредом и именно он был вынужден его убить.

— Господи, — сказал Бен. И моргнул. Похоже, шок понемногу отступал. Бен помотал головой. — Думаю, так и будет. Старина Фред так и не узнал, что ты вампир, да? Слушай... а нет шанса, что он восстанет?

— Я за этим прослежу, — заверил я.

Таких, как я, в Новом Орлеане было несколько. Ну а где еще можно так хорошо спрятаться? Я не был убийцей и никогда не убивал тех, кто этого не заслуживал. А сегодня повсюду открылись банки крови. Мы все друг друга знали, избегали и приглядывали за теми, кто мог очутиться в нашем городе и испортить нашу спокойную жизнь.

Я мог спокойно жить, питаюсь в банках крови. А когда там заканчивались запасы, на долю вампиров оставались тюрьмы, полные убийц, насильников и педофилов. Если кто-то из этой мрази решал покончить с собой, никто не заморачивался с расследованием.

— Ты всегда велел мне никому не рассказывать, — напомнил Бен. — Черт, когда мы были в школе... погоди, а сколько раз ты ходил в школу?

Я пожал плечами.

— Несколько.

— Я думал, что ничего не может быть круче, чем знать, что твой лучший друг — вампир. А ты все равно запрещал мне об этом рассказывать. И правильно делал, да? Черт, будь на твоём месте обычный парень, Фред его убил бы, понимаешь?

— Ага, спасибо, Бен. Это благодаря тебе у нас сегодня обошлось без лишних жертв.

Он смущенно улыбнулся.

— Да я-то тут при чем? Но все равно спасибо.

— Бен, иди выпей чего-то расслабляющего и ложись спать, — повторил я.

У меня еще оставались дела.

Проблема была в том, что возле моргов обычно ошивается немало народу. Пробраться туда незамеченным будет довольно сложно.

Я попался на глаза одному из копов и сказал ему, что кто-то из его коллег, опрашивавших меня ранее, имя вот только забыл, попросил меня держаться поблизости. И только когда коронер начал обсуждать с полицейскими в приемной события этого вечера, я смог проскользнуть мимо и отправиться к холодильникам.

Фред лежал на столе, у него не хватало половины глотки. Но стоило мне на него посмотреть, как он распахнул глаза. Я успел вовремя.

— Ты, урод! Я всегда знал, что ты урод! — сказал он и расхохотался. — Так что теперь... теперь я бессмертный, верно? Черт, Денни, старина, ты дал мне именно то, о чем я всегда мечтал. Я могу убивать, убивать, убивать... и жрать, жрать, жрать их, до самой смерти, которой у меня *не будет!*

Он начал вставать со стола.

— Вот уж черта с два, — сказала я.

Что мне нравилось в моргах, так это скальпели, которые всегда под рукой. А я, как вы наверняка уже представляете, чертовски силен.

Большинству людей довольно сложно отрезать другому человеку голову. И даже сильному убийце приходится потрудиться, чтобы обезглавить жертву.

Но не мне. Прежде чем он смог встать, я прижал его к столу и резанул скальпелем.

И оставил его голову лежать отдельно. Потом вернулся в приемную, где никто так и не заметил моего отсутствия. Джефф Мейер, криминальный детектив, только взглянул на меня и положил руку мне на плечо.

— Пойдем, Ден, я отвезу тебя домой.

Наутро у меня осталось лишь одно незаконченное дело. Я хотел найти Келли.

Поэтому отправился в мотель, где она, по ее словам, остановилась. Я был знаком со старой миссис Левеллин, владелицей;

старушка приветствовала меня объятиями и поцелуем в щеку. События предыдущей ночи стали главной темой дня. Новости передавали по всем станциям. Ну и AOL, Yahoo! и прочие сети тоже постарались.

Я был рад, что лайнбекер с удовольствием присвоил все лавры себе. Но миссис Левеллин слишком хорошо знала, кто первым оказался за бархатной веревкой.

Когда она закончила тискать меня, я сказал, что ищу Келли.

И она простионала:

— О нет, теперь еще и ты! Что, опять начинается тягомотина с этой беглянкой?

— О чем вы говорите? — спросил я.

— В прошлом году здесь было не продохнуть от копов. Ты разве не помнишь? Тогда пропало несколько девушек. Я сдавала номер молодой леди по имени Келли Девенпорт. Но она написалась, погрузила вещи в машину и уехала.

— Что?!

— Ден, в этом году ее не было в городе.

— Но я видел ее вчера ночью. Она была в лодке. Именно она первой начала кричать, она обратила внимание на то, что перед нами не актерская игра, что Фред Бодро действительно пытается убить девушку у нас на глазах.

Миссис Левеллин покачала головой и заправила за уши прядки седых волос.

— Ден, если Келли Девенпорт и твоя Келли действительно одно и то же лицо, тогда она вернулась в город, а не пропала без вести, и остановилась в другом месте. Ден! Я бы не стала тебе лгать, ты это знаешь!

Нет, не стала бы.

Я отправился проведать Бена. Он принял мой совет насчет выпивки слишком близко к сердцу. Настало утро, а он все еще пил. Но с ним все будет в порядке, ему просто нужно время, чтобы собраться.

От него мне нужен был только список нашей группы.

Бен отдал его мне, и я нашел в списке Келли Девенпорт. В качестве местного адреса она указала отель миссис Левеллин.

— Она тебе что-нибудь говорила? — спросил я у Бена.

— Друг, я ее даже не видел. И я тебе уже говорил, что помню только брюнеток и красотку с большими сиськами.

Я сам виноват: не нужно было говорить ему о выпивке. Добиться от него другого ответа стало невозможно.

Поэтому я позвонил Джеффу Мейеру в полицейский участок. Я не стал говорить ему, что видел Келли. Просто спросил о тех людях, что пропали в нашей местности год назад. И предположил, что им стоит проверить окрестности дома в поисках этих пропавших.

А потом ждал.

Они нашли Келли — ее и трех других пропавших девушек — в руинах над старым овощным погребом недалеко от дома. Тела были разрублены и основательно разложились.

Услышав новости, я тоже решил напиться. Вампиры могут пить не только кровь, а мне чертовски нравилась мысль о двойном скотче.

Так что я взял лодку Бена и отправился на «пляж», песчаную излучину Перл-ривер, где мы были прошлой ночью. В место, где ночью плескались и скользили аллигаторы, нагоняя страх. Где кричали совы и трескали ветви, а над водой, когда температура воздуха становилась ниже, поднимался туман.

Днем я слышал шум машин, проезжавших по дороге за высоким берегом и полосой деревьев.

Под укрытием нависающих с берега кустов я и устроился, потягивая скотч.

Она нашла меня.

И села рядом, ничего не сказав. Только прислонилась ко мне, положила руку мне на колено и поцеловала в щеку.

— Спасибо, — сказала она.

Я поднял взгляд и хрипло спросил:

— Ты можешь остаться?

Сердце оборвалось, и я попытался пошутить:

— Знаешь, я очень даже верю в смешанные браки.

Она рассмеялась.

— Было бы очень мило.

И встала. А я остался сидеть. Келли улыбнулась мне, шагая прочь. К свету. О да, к дневному свету.

И исчезла завитком тумана, которому не место при свете дня.

ЭРИК РЕД

В МИКСЕ

«Август в восточном Сент-Луисе будто топит тебя в соплях», — думал Терпила. Удушающе жаркий влажный воздух окутывал голову и плечи тяжелым мокрым покрывалом. Костлявый чернокожий подросток зашагал по гравию, и под его краденными кроссовками захрустели пластиковые шприцы. Джинсы Терпины провисали на заднице, бейсболка, надетая козырьком назад, пропиталась потом. Голоса пульсировали в голове, начитывая слова его нового рэпа. С каждым шагом по улице он смотрел на слова, написанные черным Волшебным Маркером на запястьях, ладонях, предплечьях.

Я всех идиотов вокруг завалю,
Баблю получу и отсюда свалю.

Шестнадцатилетний парнишка посмотрел вверх.

Тот, кто был ему нужен, был выше всех.

Микшер правил всем, что видел вокруг.

На рекламном плакате был гигантский портрет местного музыкального продюсера. Изображение нависало над Миссури-авеню, глядя на загруженный перекресток 55 и 66 фривей. Желтый смог и влажные волны жара дымкой поднимались над асфальтом, искажая фото на плакате. Микшер был высоким, худым, одетым с иголки и с полной пастью золотых зубов. Культовая фигура у местных. Лысый. С черными тенями. Черный кожаный костюм. Две красотки, одна чернокожая, другая латиноамериканка, свисали с обеих рук продюсера, отключивая круглые задницы и сверкая трусами. У одной был такой вид, словно она вот-вот начнет отсасывать. *Че-е-ерт*, подумал Терпила. *Мужик сорвал банк. И поимел сучек. Он точно выше всего этого говна, в котором мы живем.* Паренек вздохнул.

Билборд хвастался тем, что высшую строчку хит-парадов занял трек легендарного продюсера Микшера, независимая

студия которого выпустила уже 666 песен. Треки местной «шишки» обладали темной волнующей силой. Что-то было в них помимо мощного баса, ритм-барабанов и наглых текстов со множеством выкриков. Существовало даже поверье, что популярные треки Микшера заставляют кровь вскипать и иногда приводят слушателей на дорожку насилия и жестокости. Было что-то из первобытных джунглей в тяжелом ритме его работ. Но не только в нем. Было что-то в миксе, под музыкой. Что-то вроде звука ломающихся костей и вырванных кишок. Слушатель получал тот же кайф, что и в драке, разбивая кому-то глотку, проламывая челюсть и выбивая зубы. Или ударяя кирпичом по башке какой-нибудь сволочи так, чтоб мозги выплеснулись на мостовую. Черт, иногда казалось даже, что в фоне песни звучат крики.

Терпила всем нутром чуял, что Микшер — гений, что именно гениальность сделала его крутым продюсером рэпа. Шестьсот шестьдесят шесть треков говорили сами за себя. Гангста-рэпер должен быть крутым, иначе ни черта не добьется. Любой тупой ниггер из гетто может читать рэп, а кто не может читать, тот может писать. Но никто не мог повторить то, что Микшер творил в своей студии. Его миксов. Все дело было в миксах.

И его музыка была повсюду.

Пульсировала в бумбоксах на плечах местных бандюг.

Лилась из открытых окон местных общаг.

Гремела из мощных задних колонок тюнингovaných тачек.

И наполняла депрессивные улицы жестоким и живым биением крови, пульсом психопата, накачавшегося амфетамином.

Эти треки Терпила слушал на своем айпаде, когда добыл пистолет и решил ограбить местный водочный магазин. Его тогда так вставило, что только на полдороги он понял, что вломился на самом деле в прачечную самообслуживания. Кучка тупых старух и местных уродов спокойно пялились на то, как он пытается достать пистолет. Дерьмо-о-о. Он был готов пристрелить старую тварь, которая начала отчитывать его, типа как мамочка, но мамочки у него не было, поэтому Терпила вырвал у старухи сумку и наподдал ей под костлявый зад. И отправился искать на-

стоящий магазин. В свои шестнадцать он выкурил столько травы, что с трудом мог вспомнить свое настоящее имя — Руфус. Но на тяжелую наркоту не садился. Просто пробовал время от времени. Ему нужно было держать себя в форме, чтобы не стать похожим на других идиотов с района.

В конце концов, он же не собирался всю жизнь грабить старух и магазины.

Такой фигней приходится заниматься, пока он не станет звездой рэпа, а он ею станет.

Терпила мечтал о том, что его продюсером будет Микшер.

Надо только купить на краденые деньги нормальный такой огромный сабвуфер к радио.

Терпила посмотрел на билборд, прямо в глаза Сатаны в тенях и бархате.

Пришло время платить, ублюдок.

Он написал еще пару строчек своим Волшебным Маркером.

У меня есть чек, который я забрал у старухи.

У меня есть бухло, я добыл его без мокрухи.

Мне плевать на то, что я живу вне закона.

Я хочу бабла, и у меня его будет много.

Будет.

Много.

Студия звукозаписи находилась в подвале разбитого и разворованного бывшего наркопритона в Огайо, неподалеку от железной дороги. Студией звукозаписи это место называл только Терпила. Жил он тоже тут. Все оборудование сводилось к старому бумбоксу и СВ-резаку. Там он разгуливал, боксировал с воздухом и орал во все горло придуманные строчки под аккомпанемент старого электронного барабана. Иногда хватал молоток и бил по трубам. Дерьмо внутри прилагалось.

Вытерев махровым полотенцем вспотевший лоб, Терпила сел и нажал «плей» на резаке.

Его подростковая команда, Бесславный МДК и ХайФай Джем Бой, сидели в темноте, развалившись на помоечном диване, и блестили множеством украшений. На столе лежала вороненая

«Беретта» калибра 9 мм. Рядом на зеркальце белели остатки полос кокаина. Вся комната была завалена коробками из Макдональдса и остатками еды. Подростки передавали косяк по кругу и слушали примитивный рэп, записанный их другом на старый бумбокс. Густой сладковатый дым клубился в воздухе. Где-то снаружи слышались выстрелы, лай собак и полицейская сирена. Терпила затаился. *Отстойная трава*, подумал он и попытался не закашляться, задерживая в легких дым. Однажды он позволит себе нормальный кайф. И это будет отпадный день.

Бесславный МДК покачал головой.

— Нигга, эти твои песни полный отстой.

— Конкретный, — кивнул ХайФай Джем Бой.

— Вы что несете, уроды? — вскинулся Терпила.

— Что ты читаешь, как выбил мозги своей шлюхе, а потом трахнул ее труп, потому что сука не отдала тебе бабки, заработанные на измене. Черт, парень. Это лажа.

— Но гангста-рэп и должен был *мощным*, — сказал Терпила своей команде.

— Конкретно, — кивнул ХайФай Джем Бой.

Они слушали запись, и Терпила сам понимал, насколько фигово звучит его песня в сравнении с жестоким мощным дыханием записей Микшера. Он встал и зашагал по подвалу, размахивая руками.

— Мужики, вы послушайте *микс* Микшера, ясно. Там все дело в *миксе*. Если мою вещь наложить на звук Микшера, я стану звездой. Нужно заставить его выпустить мой трек.

— И как ты это сделаешь, чувак? — хихикнул Бесславный МДК. — Микшер большая шишка, и он не станет тратить время на твою костлявую задницу.

— Микшер только услышит мои тексты и сразу поймет, что я *его* парень. — Терпила фыркнул и сжал ширинку одной рукой, второй показывая два пальца. — Он будет умолять меня отдать ему песню для записи.

— Микшер сделает тебя своей *сучкой*, если ты к нему сунешься. Он отсидел за убийство, и, говорят, еще троих рэперов на восточном берегу так и не нашли в прошлом году.

Терпила нахально улыбнулся.

- Я уже говорил, гангста-рэпер должен быть *мощным*.
- Конкретно, — кивнул ХайФай Джем Бой.

Терпила и его приятели терлись на углу напротив студии «666», разглядывая окрестности. Звукозаписывающая компания была расположена на местном складе между Стейт-стрит и Грей-бульваром. Ее окружала сетчатая ограда с колючей проволокой сверху. Доберманы скалились, почти вешаясь на своих ошейниках, и пытались броситься на забор. Раньше здесь располагалась скотобойня, ржавые крюки до сих пор свисали на заброшенных лебедках. Парни знали этот район. Здесь после закрытия клубов всегда болтались гуляки, которых гоняла полиция; наркота и девочки были всегда доступны по разумным ценам. Рэперы взяли с собой гетто-бластер, проигрыватель с диском Терпила. И ждали уже несколько часов, но никого не было.

Вскоре огромный ослепительный лимузин вырулил и припарковался у студии.

Из него вышел Микшер. В реальной жизни он казался меньше и старше, чем представлял себе Терпила. Музыкальный продюсер был высоким, но очень сутулым человеком в черном кожаном пальто и с множеством колец и цепочек на шее. За обе его руки цеплялись хищные шлюшки в норковых шубах. Когда Микшер вытаскивал из машины вторую, ее шуба распахнулась, открывая взгляду белую обнаженную кожу бедер. Трое парней обалдело переглянулись. Девушка, страстно облизав губы, тряхнула гривой волос и зашагала к дому, одетая только в мех и туфли на высоченных каблуках.

— Щас я его выцеплю, — сказал Терпила, шагая в сторону студии. — Эй, Микшер, надо поговорить пару минут.

Музыкальный продюсер оглянулся, источая высокомерие и ядреную харизму.

— Чего ты хочешь?

— Хочу поставить тебе мою запись. Я Терпила, рэпер с района, и, когда ты услышишь мой рэп, ты захочешь взять меня на студию.

— Отправь мне диск.

— Нет, я хочу, чтобы ты прослушал запись сейчас. Я принес проигрыватель.

Микшер улыбнулся такому напору и подмигнул своим девушкам.

— Ладно, парень, давай посмотрим, что там у тебя.

— Зацените. — Терпила нажал кнопку, и бумбокс завопил его словами на всю улицу.

Но недолго.

Микшер скривился, словно от боли.

— Выключи. Большой дряни я в жизни не слышал. Парень, найди себе нормальную работу. — Рыженькая девушка, висевшая на руке продюсера, расхохоталась гангста-рэперу в лицо.

Терпила сжался от унижения, глядя, как Микшер и его пассия поворачиваются к нему спиной и шагают к студии «666». Когда он смог заставить себя обернуться, то увидел, что Бесславный МДК и ХайФай Джем Бой согнулись пополам от смеха.

— Ну что, схватился Микшер за твоё предложение? — выдавили они, шагая по улице к дому.

— Да пошли вы все, *еще увидите*, — рывкнул им вдогонку Терпила. Его глаза горели. — Гангста-рэпер должен быть *крутым*.

Ночь.

Терпила стоял на улице напротив тихого склада. И старался не открывать рта, чтобы не выдать себя блеском золотой коронки.

За пояс штанов он заткнул «Беретту».

Он знал, что Микшер один. Чуть раньше продюсер выходил на улицу с черного хода, кормил доберманов каким-то мясом. Собаки бешено набросились на еду, разбрызгивая повсюду кровь, но и ее потом слизали.

Терпила был рад, что у него пистолет.

Он дождался, когда открылась передняя дверь и Микшер появился на улице в одиночку.

Гангста-рэпер догнал его на тротуаре, нацепив маску нагло-го бесстрашия.

— Чего тебе еще, сосунок? — выдохнул продюсер.

Терпила поднял пистолет, повел дулом в сторону студии.

— Ты выпустишь мою запись, Микшер. Иначе я сейчас обойдусь с тобой очень круто.

— Спокойнее. — В эту минуту Микшер выглядел как очень старый человек.

Подталкивая его дулом пистолета в грудь, парень заставил сгорбившегося продюсера вернуться в дом.

— Что ты задумал, приятель? — спросил Микшер. — Ограбление? Мы не держим здесь денег.

— Это не ограбление, я тебе уже сказал. Ты меня не слушал? Мы сейчас пойдем в твою студию, ты настроишь мне микрофон, и я буду читать рэп, а ты будешь его писать и потом делать микс, твой фирменный микс, понял? А потом ты отдашь мне записи и разойдемся.

— Таков твой план?

— Я заберу с собой пленки, их выпустят, и наша запись станет платиновой.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Боже. Видел я далеких от бизнеса людей, которые лезут в гору, но твоя попытка даст им фору.

Терпила шел за Микшером по коридору, подгоняя продюсера револьвером, но говорил почтительно:

— Знаете, просто хотелось сказать, что я вас уважаю.

— Чего?

— Я вас уважаю.

— Ты собираешься меня прикончить, а сам говоришь, что *уважаешь* меня? — Старик покачал головой.

— Я не хотел, чтоб так вышло. Но увидите. Вы прослушаете мою запись. Сделаете на ней миллион долларов. А я разрешу вам вести мои дела.

— Я рад, что ты *ведешь свое дело*, и надеюсь, что *не доведешь* пулю до моей головы. Осторожнее со своим пистолетом. Студия здесь.

Обшитые деревом стены были залеплены плакатами с изображением звезд R&B и соула 60—70-х годов. Висели граммофонные пластинки того времени. Несколько фотографий в рамках изображали Микшера во времена его молодости, с огромной

прической афро, бакенбардами и усами. Он стоял и улыбался зрителю рядом со Смоки Робертсоном, Слаем Стоуном и другими. Пустой взгляд Терпила говорил, что он понятия не имеет, на кого смотрит. Продюсер печально покачал головой.

— Парень, ты не знаешь, кто все эти люди. Ты, наверное, даже не знаешь, зачем эти пластинки.

— Дерьмо. Все, что меня интересует, так это какого черта они *так* одевались.

Микшер казался странно спокойным, он просто кивнул и провел парня в звуконепроницаемую кабинку для звукозаписи, гордость и святыню студии «666».

— Ну так что, Микшер, в чем секрет твоего звука?

— Все дело в миксе.

— Я так и знал! — завопил Терпила. — Я всем уродам это говорил! Секрет музыки Микшера *в миксе*! Я же всем об этом говорил! Черт. Мы с тобой, приятель, будем корешами.

— В мое время говорили «братьями».

Они зашли в темную комнату, заполненную катушками с пленкой, проигрывателями и пультами. Терпила движениями пистолета приказал Микшеру взять пленки и поставить их на катушечный магнитофон.

— Слушай, а цифрой ты не пользуешься? Это дерьмо выглядит прям как будто на дворе семидесятые.

— Нет, — улыбнулся Микшер. — Я, как вы говорите, человек олдскульный.

Он указал Терпиле на кабинку для звукозаписи.

Парень заметил, что пол кабинки застелен листами черного полиэтилена.

— Эй, у вас там пластик на полу.

— Готовимся к ремонту, — ответил Микшер.

Он проверил уровни на микшерском пульте. И нажал «Запись»...

— Сядь у микрофона. Все готово.

Терпила сел на стул рядом с микрофоном. Его глаза сияли от возбуждения.

— Зашибись! — воскликнул он.

И, сунув пистолет за пояс, уставился на продюсера через стекло кабинки.

— Не делай глупостей, пес. У меня пистоль за поясом, и вытащу я его мигом.

Микшер нажал еще одну кнопку.

Четыре стальные скобы зафиксировали запястья и лодыжки Терпила. Намертво.

— Че? — ахнул он.

Микшер включил свет.

Стены были увешаны разнообразными ножами, скальпелями, трепанами, дрелями, клещами и прочими орудиями смерти. Некоторые из них до сих пор были заляпаны кровью.

Студия звукозаписи оказалась камерой пыток. Терпила всхлипнул, но не смог пошевелиться. А потом он внезапно понял, за чем в этой комнате пластик на полу.

Микшер натянул резиновые хирургические перчатки.

— *Помоги-и-и-и-те-е-е-е!* — завопил Терпила.

— Студия звуконепроницаема, дурак, — сказал Микшер, разворачивая микрофоны и настраивая пишущее оборудование.

— *Простите, простите!*

— Пожалуйста, кричи чуть громче, — сказал Микшер, поворачивая ручку. — Мне нужно настроить уровень звука.

Терпила смотрел на него, передергиваясь от беспомощного ужаса. Микшер оценил раскладку инструментов и выбрал дрель.

И подошел с ней к стулу.

Пленка крутилась, записывая.

— Может, я ошибся насчет тебя, — сказал Микшер. — Возможно, в тебе есть то, что нужно для хорошей записи.

Терпила истерически заверещал, когда продюсер включил дрель и сверло угрожающе взвыло.

— Нееееееееееееееееееееееееееет!

— Это сойдет.

Включился микшерский пульт.

Дрель вошла в тело.

Микрофон забрызгало кровью.

— Потому что все дело в миксе, крошка, все дело в миксе.

— Господииииииииииииииииииииииииииииии!

Дрель ненадолго остановилась, вышла, покрытая кусками наварченной плоти, и вырвала хрящ из коленной чашечки Терпилы.

— Пожалуйста, хватит, чувак, ну за что ты так со мной, ну почему, почему?

Микшер положил дрель на заляпанный кровью пластик, предусмотрительно прикрепленный к полу скотчем. Из колена парнишки на пол выплескивалась пульсирующая струйка крови. Продюсер вышел из кабинки и направился к микшерскому пульту, проверить его настройки.

— Хочешь знать, почему я это делаю?

— Пожалуйста, хватит меня мучить, чувак! Ну почему?

Микшер выпрямился и снял очки. Вытаращился на Терпилу через стекло.

— Потому что я *ненавижу рэп*!

Несмотря на дикую боль, парень изумленно заморгал.

— Но... ты же Микшер, чувак. Это то, что ты делаешь, брат, это то, что ты делаешь!

— Я тебе *объясню*, мальчик. Рэп уничтожил *музыку*. Когда я только начинал, мы знали, как нужно играть. Ритм-энд-блюз. Соул. Даже фанк. Мотаун. Смоки. Арета. Даже Тедди Пендерграсс. Даже Слай. Тебе знакомы эти имена? Я записывал с ними сессии. Я был рядом с ними на студиях, где они писали свои песни. Но все началось не с них. Ни фи́га не с них. Ты знаешь, кто такой Роберт Джонсон, мальчик? Санни Бой Вильямсон? Хоулин Вулф? Они были гигантами. Их мы слушали, когда все начиналось. А потом вы, тупые макаки, *«не-знаю-но-траву-курю-пою-про-маму-про-маму-мою»*, пришли со своим гребаным текстом и своими шлюхами. Вы уничтожили музыку. Вышвырнули меня из бизнеса. — Старик буквально истекал ядом и язвительностью, но вдруг от сожалений и разочарования в жизни перешел к сумасшедшей ярости. — Никто не вышвырнет меня из бизнеса!

— Я не знаю, о чем ты говоришь, хрен ты сумасшедший! *Я не знаю, о чем ты говоришь!* — Терпила задергался на стуле, пытаясь вырваться из пут.

Микшер продолжал рассказ, с шизофренической скоростью переключаясь то на праведный гнев, то на безумную ярость.

— Вы, рэперы недоделанные, считали, что достаточно курить травку, щупать своих шлюх, обвешиваться цацками и вести себя как гангстеры. Мы, в мое время, были музыкантами, парень. Мы учились *играть на гитаре*. И на *пианино*. Мы могли играть. И мы играли с *рифмами*. Мы гастролировали с *нашими крутяками*. Мы тяжело работали. Тяжело. Работали. А теперь все закончилось. *Музыка* прекратилась. *По. Причине. Рэпа*. Вы, дерьмо, решили, что все просто. Что хватит цепей, обезьяньих ужимок, бумбокса и дешевых рифм, чтобы *все было по-вашему*. А я получаю свое. Люди хотят слушать рэперские вопли, я даю людям то, чего они хотят. *Я всегда всем мудакам даю то, чего они хотят*.

Продюсер вернулся в кабинку. Открыл шкаф, вытащил стойку, к которой на трубке крепился слюноотсос.

— Э-это что? — мяукнул Терпила.

Микшер подсоединил капельницу и воткнул иглу в предплечье Терпилы.

— А что, ты не узнал слюноотсос? Ты не вздумай отключиться посреди представления. Тебе предстоит много кричать, а для этого ты должен быть в сознании. — Он поморщился от отвращения, когда Терпила начал глотать сопли. — Разве ты не хочешь стать звездой, парень? Разве не хочешь, чтобы люди слушали тебя по радио?

— Я... я просто хочу домой. Пожалуйста, отпустите меня! — Парень визжал, как сучка.

— Ну что же ты... Это, как вы его называете... не стиль *гангста-рэпера*. Что же скажут «Фифти Центс»? Они скажут: «Йо, ты не будешь сам собой, бро». Я хочу слышать, что ты умеешь! — Костлявые пальцы Микшера сомкнулись на пожарном топорике.

Терпила понял, что все плывет перед глазами, когда увидел, как старик берет топор со столика, поднимает его над головой и с силой опускает вниз.

Шииии-бум! Парень услышал влажный хруст и увидел, как носок его кроссовка скачет по полу, как крыса. Пальцы и часть стопы так и остались в кроссовке.

Последняя мысль, проскочившая в его мозгу, была: «Где же украсть новую пару найков?..»

После этого он больше не думал. Только кричал. И кто-то кричал громче его.

— И меня зовут *не* Микшер, *пацан!* Ты меня *слышишь?* — ревел старик с окровавленным топором, который опускался и поднимался снова и снова. — *Меня, мать твою, зовут Леон!*

Микшер рубил, пока не закончилась лента.

А следующим утром теплый летний дождь омыл стены склада, где находилась студия «666». Район был бесцветным и безлюдным. Откуда-то из дома доносился ритм-энд-блюз, голос Смоки Робинсона плыл на волнах влажного воздуха. За ржавой сетчатой оградой злобные доберманы прятались от дождя. Тяжелая стальная дверь черного входа со скрипом отворилась, и вышел Микшер в своей обычной одежде. Вместе с ним наружу вырвались звуки лирического фальцета Смоки, исполняющего старую классику, записанную в Мотаун, а теперь проигрывавшуюся на новом стерео. Сторожевые псы рванулись к нему и, порывивая от голода, натянули цепи. Микшер поправил очки, сдвинул сигарету в уголок рта и понес к собакам ведро с едой, которую они так ждали, — мелко нарубленным мясом. И быстро отошел от животных, высыпав мясо в кормушки. Псы жадно поглощали пищу. Микшер напевал «Ты только посмотри на меня», шагая обратно к двери. Псы рылись в кровавом подношении, давились сочными кусками, запускали зубы в свежие комки плоти. Пара минут — и от мяса почти ничего не осталось.

Внезапно один из доберманов взвизгнул, замотал головой и выплюнул на асфальт то, что причинило ему боль, застряв между зубами.

Золотую коронку.

Снег падал на билборд с рекламой студии «666», танцую над зимней Миссури-авеню. Машины шелестели колесами по свежему льду улиц.

Местный музыкальный магазин был открыт.

Повсюду висели постеры с рекламой нового диска «Терпила».

Из всех колонок магазина звучала песня, в миксе которой слышались почти неразличимые вопли, визг дрели и удары топора — звуковая дорожка, сопроводившая Терпилу в последний путь.

Местные мальчишки и девчонки ждали снаружи, трясясь от холода, в надежде что им достанется одна из первых копий.

Микшер наблюдал за ними из своего лимузина и затягивался сигарой. На нем был черный костюм и белоснежная рубашка.

— Извините...

Микшер повернулся к маячившему в противоположном окне нетерпеливому лицу.

— Вы Микшер, правда? — Еще один наглый молодой гангста-рэпер протягивал ему самодельный CD. — Послушаете мои треки?

Продюсер посмотрел на паренька и криво улыбнулся.

А потом открыл дверь лимузина...

Ричард Кристиан Мэтьюсон

КАК РЕДАКТИРОВАТЬ

Проблема

Ну что ж. Начнем.

Меня зовут Билл Вайли, я профессиональный писатель. Возможно, и вы тоже. Или хотите таковым стать. Это благородное призвание. Наряду с оперой и донорством. Однако и у него есть темная сторона, которой вы не сможете избежать.

Соблазн совершенства.

Я сужу по собственному опыту. Несмотря на все попытки выражаться кратко, я не могу облечь это в слова. Если точка является КОНЦОМ предложения, я стремлюсь к многоточиям. Я постоянно углубляю и расширяю, я снимаю сливки с незащищенных читателей.

Писатели не могут этому сопротивляться. Мы объясняем. Мы повторяем. И снова повторяем... На случай если забыли что-то существенное или основное. Кстати, «существенное» и «основное» практически синонимы, и я мог бы использовать одно слово вместо двух. Чаще всего поначалу эта тенденция неотразима, позже становится непреодолимой.

Проблема: мы истекаем словами, как кровью. Решение?

Читайте дальше.

Насколько серьезна проблема?

Она душит наш мир.

Не слишком драматизируя, можно сказать, что для писателей данная тема ядовита и повсеместна. Мы даже используем слова, которые раздражают наших читателей, как повсеместно встречающиеся ядовитые насекомые. Да, я знаю, что писатели утверждают, будто повторение ведет к большей ясности повествования. Улучшает стиль. Я не раз все это слышал. И не раз

говорил сам. Я извергал слова, фонтанировал ими, бравировал живостью описания.

Но давайте снимем длинные перчатки (метафора, которую я вычеркнул бы, попадись она мне в вашем рассказе, и надеюсь, что вы вычеркнете ее в моем) и будем честными.

Вот что происходит на самом деле: 1) оправдание нарциссизма; 2) излишек самолюбования.

Что, честно говоря, описывает разными словами одно и то же явление — ухудшенная вариация на тему уже упомянутого выше синдрома «важного/основного».

На пути к умению писать по-настоящему хороший текст всегда помните: на конце карандашей есть резинки, чтобы мы могли стереть ошибки. А также стереть эго, чепуху и длинноты.

Полезный инструмент

В качестве иллюстрации я включу в это повествование примеры скверных приемов, чтобы вы могли рассмотреть их поближе. Неприятные распухшие образцы. Забудьте их недостаток четкости, плохое исполнение, общую расхлябанность. Если присмотреться ближе, можно многому научиться, глядя на плохие примеры.

Помните: хороший писатель аккуратен. Придерживается четкости. Избегает лишних слов. Отнеситесь к этому серьезно. Хватит фальшивых обещаний. Хватит болтовни.

Еще одно предложение, которое нужно укоротить, поскольку оно полно излишних уточнений.

Насколько серьезна проблема?

Вы что, шутите?

Она повсюду. В брошюрах. Меню. На этикетках дезодорантов. В гороскопах. Писатели пьянеют от возможности самовыражения. Дрейфуют над глубинами слов. Питают пристрастие к прилагательным. Словотворят и повторяют.

Видите, я снова это начал. Это хуже героина.

Что такое хороший текст?

Ваши глаза вальсируют по строкам. В тексте есть музыка, баланс, глубина. Он заставляет вас думать и чувствовать. Он не вгоняет в уныние и ступор.

Он рисует картины, нанизывая их на сюжет, как подвески на браслет из Гонолулу. Он не перегружен запятыми, подчеркиваниями, курсивом, сравнениями, украшательством, пафосом или же грубостью, ругательствами: все это приемы новичков, прозрачные и совершенно непривлекательные.

Да, я искренне думаю, что это предложение нужно разделить на два или три, но давайте двигаться дальше.

Хороший текст избегает банальностей в концепте и исполнении. Все остается тонким, хотя и ясным. Разнообразие знаков препинания позволит вам избегать обилия восклицательных знаков, которые воспринимаются как пьяные крики в лицо читателю; старайтесь свести к минимуму употребление слов «потому что», потому что это костыли повествования.

Ничто не оживит по-настоящему бездарный текст. Следовательно, хорошего качества сложно достичь. Почему? Частично потому, что, когда вы пишете, вам нужно пересмотреть себя и переписать написанное. Собранность. Скульптура... Если вы любите метафоры.

И вот я снова повторяюсь. И снова слова идут лавиной. Этого нужно тщательно избегать.

Вот почему:

Отказ от авторских прав

Никто больше не печатает моих работ.

Раньше меня издавали. Я продал множество книг. Одиннадцать романов, тридцать шесть рассказов, восемь статей о технике писательского мастерства. Критики моих работ сходились на том, что в моих работах есть острота. Актуальность. Я получал письма от поклонников. Меня преследовала грудастая массажистка из Портленда, которая считала, что я — Чивер наших дней. Джон Чивер. Не Сьюзен. Известный редактор из Нью-

Йорка написал мне письмо о новом саспенс-романе. Сказал, что мой голос был «гипнотическим скальпелем». Нравилось ли мне это? Я считал, что достиг вершин мастерства. Жизнь научила меня, что подобная уверенность — первый камешек лавины.

Два романа спустя моя преследовательница отправилась домой.

Мои работы стали называть рыхлыми. Убаюкивающими. «Бессмысленно размытая экспозиция», как написал один критик в «Паблишерз Вики». Как это произошло? Мой бывший агент говорил, что я влюбился в звук собственного голоса, слишком увлекся самовыражением и самолюбованием. Мои слова забывали сознание мусором. Над этим предложением, кстати, тоже стоит поработать.

Правда в том, что это почти уничтожило меня.

Не повторяйте моей ошибки.

Как справиться с проблемой?

Для начала ее нужно признать. Не пытайтесь от нее сбежать. Она все равно быстрее.

А затем закатать рукава. И перестать ныть. Разве вы не ненавидите нытиков? Я ненавижу.

Наше кредо? Ампутировать лингвистическую опухоль. Быть четкими. Не растекаться, не расплываться. Кстати, любое из этих слов способно объяснить суть. И повторяю: признайте проблему и постарайтесь не позволить ей принять гротескную форму.

Это предложение, кстати, несмотря на самолюбование, не лишено некоторого стиля.

Что нас удерживает?

Мы сами.

Если вы вините других, вы просто слишком наивны. И все же вам попадется немало бесполезных типов, которые будут мешать. У меня свои. У вас свои. Вы их знаете. Составьте список. И постарайтесь что-то с этим сделать.

Никто не говорил, что зарабатывать на жизнь писательской деятельностью будет легко.

Самодисциплина для писателей

Позвольте мне проникнуться духом аэродинамики и составить список личных плохих привычек, с которыми я собираюсь бороться.

Для начала — мой список необходимого.

1) Я меньше сплю в эти дни. Три часа за ночь. Когда я игнорирую постоянную боль. Но это не ваша проблема. Когда я просыпаюсь, сажусь за редактирование.

2) Я перестал видеться с людьми, которые мне дороги. И без того короткий список теперь пуст.

3) Я бросил пить и курить. Обе привычки отвлекали меня, став самоценным ритуалом. Они же требовали времени, которое можно было потратить на попытки писать и переписывать. Кроме того, именно они привели меня к диагнозу. Помните, что такое рак? Клетки, которые продолжают бесконтрольно множиться и делиться, как проклятый потоп в Огайо.

Где был редактор, когда Бог придумал рак?

Простота — ваш друг

Когда справитесь с искусством редактуры, сокращайте. Уничтожайте. Очищайте. И не используйте для этого три слова, как я только что.

Убирайте все, кроме жизненно важного.

Вы знаете, что Майкл Криттон во время редактирования каждый день ел одни и те же блюда, чтобы избавить себя от принятия ненужных решений и позволить себе думать только о том, что пишет? Он не считал еду ни удовольствием, ни другом. Просто топливо.

Тактическая изоляция. Вот ваш друг.

Поверьте, это ваш единственный друг.

Инсайдерские штучки

Теперь я ем один раз в день. Я перестал звонить своей матери. Это легко, учитывая все, что она творила со мной в детстве.

Я знаю, как подвести черту. Старые привычки сопротивляются до последнего. Но я считаю, что все, что хочет жить, сопротивляется до последнего.

Переходите к действиям

Что приводит меня к Линде.

Она никогда не была творческой личностью, даже во времена нашего брака. Хуже того, ей было совершенно плевать на роман, над которым я работал. Как же я мог вернуться к стилю?

Ее слепота мешала мне. И я начал действовать.

Надеюсь, вы поступите так же.

Еще пара слов о том, что нужно использовать меньше слов

Никогда не недооценивайте эффект сокращения ненужного. Частично это касается вашего рабочего окружения. Я искренне рекомендую убрать лишние раздражители. Телевизор. Музыку. Лающих псов.

Даже людей. Спросите себя, кто реально останется с вами, когда ставки упадут?

Друг? Или вы?

Прекрасным примером выступают зануды из кафе, где я был в четверг. Я сидел в своей кабинке, вернувшись с лучевой терапии. Мне было плохо. Но я был на середине важной главы. Я был в огне, мой внутренний Чивер вернулся.

Я наслаждался, представляя, как мой бывший агент увидит этот новый роман, снова влюбится в мой стиль и сообщит об этом всем. Я наслаждался мыслью о том, что моя преследовательница вернется. И критики будут пускать слюну над моим невероятным возрождением. Я буквально видел их глаза, сузившиеся от зависти, от которой кровили их язвы.

Но всего этого не произошло, потому что, пока я сидел в той кабинке, пытаясь писать, маленькие девчонки не умолкали. Прыгали. Хихикали. Притворялись, будто чихают друг на друга. Их мамочка была занята телефоном в зале для курящих, трепалась с какой-то шлюхой.

Так вот ответьте мне, что важнее? Романы или эти противные неумные мелкие девчонки?

Ага. Кроме шуток.

Можно ли перестараться с редактированием?

Нет. Это слух, распространяемый лентяями.

Всегда остается что редактировать. Всегда есть слова, мешающие потоку. Клейкие диалоги. Перегруженные фразы, мешающие течению мысли. Будьте безжалостны. Не стоит излишне восхищаться своими мыслями, не решаясь их сократить.

Возможности есть всегда.

Еще один пример из жизни? Этим утром я собирался писать, но посмотрел в зеркало и кое-что понял. Два глаза? Мне ведь хватит и одного. Зачем тратить лишнюю энергию на то, чтобы моргать? Только потому, что я таким рожден?

Нужно расширить границы разума. Прежде чем эти границы сомкнутся в углах гроба.

Ваше авторское будущее

Взращивая свою карьеру писателя, учитесь никогда не использовать два слова там, где можно обойтись одним. Или несколько идей, чтобы закамouflировать отсутствие главной мысли.

Помните: только любители пишут много. Профессионалы редактируют. Идеальный пример тому — мой новый роман. Первый вариант занял у меня девятьсот страниц. После тщательного, вдумчивого, безжалостного редактирования роман стал намного лучше. Я даже отправил его моему бывшему агенту, чтобы подразнить.

В каждой жизни свои повороты.

Завершение

Редактура — это философия всей жизни.

К примеру, прошлой ночью я понял, что — теоретически — ноги мне не нужны. Писатели сидят, а не бродят. Да и две руки для такого, как я, пишущего ручкой, — слишком много.

Но это мои озарения. А вы ищите свои. Все мы архитекторы своей собственной судьбы. Чем сильнее будет ваше стремление к краткости, тем больше шансов у вас найти свой уникальный путь. Не копируйте меня или кого-либо еще.

Ключ в том, чтобы найти свой собственный метод. Следите за тем, что вас тормозит, что мешает вам писать. И уничтожайте. Никаких вторжений и помех. Впрочем, я уже говорил об этом раньше, вычеркиваю.

Как однажды сказал известный шутник, редактируя наши работы, «мы должны хотеть убивать наших детей».

Ну, вот и начало.

Когда все сказано и сделано, остается лишь одно золотое правило: без потерь не приобретешь. Если что-то не нужно, отрежьте.

До живого.

Счастливой вам работы.

Лос-Анджелес Таймс НАЙДЕНО ТЕЛО ПИСАТЕЛЯ

Романист уничтожен проблемами

В четверг утром бывший автор бестселлеров в жанре саспенс, Билл Вайли, найден мертвым в своем доме в Северном Голливуде. Его тело было жутко искалечено; по словам полицейских, соседи, обнаружившие Билла, были в шоке. У него не хватало глаза, руки и ног. Следователь сообщил, что Вайли использовал клещи и пилу, чтобы калечить себя, а затем истек кровью. Последней его статьей был текст о редактировании, найденный в окровавленном кабинете.

Последние два года были для Вайли чередой загадочных событий. Плохие продажи, отрицательные отзывы, терминальная стадия рака навалились на него одновременно, а в июне его жена Линда, с которой писатель прожил в браке тридцать лет, повесилась в их доме. Вайли не был подозреваемым в деле о ее смерти, но оставался под надзором полиции в деле

о двух девочках, пропавших из кофейни, где он часто писал.

Долговременный агент сказал, что Вайли закончил новое произведение, «Краткость», авангардную работу, в которой каждая глава состоит из одного предложения, и этот текст после смерти автора был куплен бывшим издателем.

В новелле всего семь страниц.

АКСЕЛЬ КЭРОЛИН

ВОСКРЕШЕНИЕ

— Мертвые не едят. Мертвые не говорят. Мертвые не ходят, и, что бы ни говорил ваш проповедник, они не встанут из своих могил, когда придет Судный день. Мертвые тела состоят лишь из ядовитых отходов жизнедеятельности, костей и разлагающейся плоти. Когда Господь наш Иисус Христос вернется на землю в последние наши часы, он будет судить бессмертные души. Тела же останутся в моей юрисдикции.

Студенты рассмеялись. В основном нервно, но с искренним энтузиазмом. Алистер С. Купер, ведущий хирург Великобритании и лучший преподаватель анатомии, знал, как пошутить с аудиторией. Он знал, что ученикам нужно расслабиться при встрече с первым мертвым телом, разрезанным и вскрытым, обнаженным и лежащим на хирургическом столе.

Он также знал, что говорить нужно громко и четко, чтобы донести свою точку зрения. Слишком долго примитивные суеверия мешали прогрессу медицины. Сама идея физического воскрешения была абсурдна, и он никак не мог понять, почему в середине XIX века добрые лондонцы продолжают настаивать на том, чтобы хоронить мертвых. Для него эта практика была не только архаичной, но и вредной. Почему не позволить исследовать тела, а затем кремировать их? Его студентам нужно понять, что традициям и религии пора перестать душить науку. Купер был современным человеком, либеральным и рациональным. Постоянная борьба за каждый труп по причине того, что лондонцы хотели сохранить свои смертные оболочки в неприкосновенности ради воскрешения после Апокалипсиса, казалась ему нелогичной и нудной.

— Общество твердит нам, что мы должны быть похоронены в целости, — сказал он, — и все же закон не защищает мертвых. Украдите саван — и последуют суд и приговор. Украдите труп, и вам ничего не будет. Тело ничего не стоит, оно никому не принадлежит. Даже разворовывание могил, самое осуждаемое

обществом действие, не преследуется законом. Правосудие не признает за телами никакой ценности, почему бы науке не поступить так же?

В качестве иллюстрации он поднял хирургические щипцы и воткнул в раскрытую грудную клетку трупа, известного при жизни как убийца по кличке Мясник из Доксайда. Студенты, сидящие на рядах стульев вокруг стола, вздрогнули, когда грудная клетка хрустнула.

— Спасать живых куда важнее, чем хранить мертвых, — добавил хирург.

Вынул сердце из грудной клетки, оценил размеры и продолжил урок.

Купер был блестящим анатомом и посвятил свою жизнь научным исследованиям, никогда не позволяя суеверию становиться на пути науки. Поэтому занимался аутопсией как преступников — единственных из всех трупов, которые автоматически попадали к нему после смерти, прямо с эшафота, — так и множества невинных, трупы которых крали для него из могил профессиональные гробокопатели. Связываться с последними было неприятно, поэтому хирург ограничил свои исследования теми, кто умер от долгой неизлечимой болезни или порока развития. Для современной науки таковые представляли наибольший интерес.

Но сегодня вечером Купера, сидящего за пинтой пива в местном кабаке, интересовало немного другое. Обычно твердые руки хирурга дрожали от нетерпения. Умер Бен Воган, двухметровый гигант с пороками развития, и это стало местной трагедией. Циркача обожала публика, он даже создал себе неплохое имя благодаря необычному росту и костной структуре, что, впрочем, делало его идеальным объектом для исследований Купера. Хирург сразу же связался со своими партнерами-гробокопателями, чтобы получить необычный скелет. Но со дня смерти Вогана прошло уже шесть недель, а все банды отказывались от заказа одна за другой, по одной и той же причине. Все заявляли, что могила слишком опасна. Гигант при жизни приходил в ужас от одной только мысли о том, что его вечный покой может быть потревожен скальпелем хирурга, и принял определенные меры для защиты своего последнего пристанища. Природа этих мер была

неизвестна, но наличие различных ловушек и свинцового гроба не вызывало сомнений. И все же научные открытия, которые можно было совершить при вскрытии такого объекта, были слишком важны, чтобы Купер так легко отказался от них.

— Труссы, жалкие трусы, — бормотал он, поднося стакан к губам.

Он вышел на улицу, когда уже стемнело. В неверном свете фонарей тени становились длиннее, перерезая путь хирургу, который шел по мостовой, стараясь не попасться на глаза никому из знакомых. Ночь была безлунной и идеально подходила для выбранного дела. Купер высоко поднял воротник серого плаща и зашагал к церковному кладбищу.

Церковная земля была почти неразличима в темноте. Церковь стояла в одном из самых бедных районов Лондона, куда не доходили фонарщики. Оно и понятно, гигант решил потратить свои накопления на защитные устройства, пожертвовав престижем. Возможно, это было ошибкой: место по ночам пустело, и полицейские почти не появлялись в этом районе. Запущенные хижины, отделенные от кладбища широкой разбитой дорогой, совсем обветшали. По ночам здесь ютились нищие и преступники, каждую ночь засыпавшие в страхе, что изношенные стены рухнут и похоронят под собой их переполненное убежище. Купер не особо оглядывался по сторонам, его интересовали только кирка, лопата и мешок, которые он оставил в кустах неподалеку от ворот кладбища. Ворота отворились со скрипом, и Купер осторожно обернулся через плечо — убедиться, что за ним не следят. И шагнул на церковную землю. Ворота закрылись с металлическим стуком.

На маленьком кладбище было так темно, что хирург с трудом различал очертания готической церкви. Отойдя от ограды, он положил инструменты и принялся рыться в мешке в поисках маленького медного фонаря. Дрожащими пальцами он поспешно зажег его и в тусклом свете начал рассматривать могилы. Царила тишина, но в этом месте не было ощущения покоя. Кладбища бедняков были так же переполнены, как и их дома при жизни. Лондон захлебывался трупами, гробы хоронили один поверх другого, тела для ускорения разложения заливали известью...

Купер поднял фонарь над головой и огляделся. По обе стороны узкой дорожки тянулись ряды могил, камню нигде было упасть, и даже там, где влажная земля не была отмечена надгробием, скрывались могилы. Было в этом маленьком кладбище что-то неувлочно странное, и хирургу на миг даже захотелось повернуть назад. Потом он вспомнил, что миссия, которой он служит, выше неловкости и страха. Собравшись с духом, он зашагал к резному надгробию в десятке ярдов справа. К надгробию великана.

Купер начал с лопаты. Земля была влажной и мягкой, так что кирка не понадобилась. Учитывая размер трупа и то, что гроб может оказаться не из дерева, доктор решил не пользоваться привычным методом гробокопателей. Они выкопали бы часть гроба в районе головы, разбили крышку киркой и вытащили тело через дыру. Хирург же собирался вырыть яму по всей длине могилы. Покрываясь холодным потом и то и дело оглядываясь, в основном на странные звуки, он вырыл траншею примерно по пояс, пока лопата не чиркнула обо что-то более твердое, чем земля. Купер опустил на колени. Слыша только бешеный гул крови в ушах, он начал счищать грязь с деревянной крышки руками в кожаных перчатках. Потом дважды постучал по крышке указательным пальцем. Раздался глухой гулкий звук: осталось совсем немного работы. Неужели все страхи гробокопателей были необоснованны? Успокоенный своим открытием, он вернулся к работе, очищая остатки мокрой земли с гроба. Сильный дождь заставлял хирурга горбиться, сгибаясь в могиле чуть ли не пополам.

Купер выбросил наверх остатки земли и выпрямился, переводя дыхание. Мысли вертелись в голове. Что, если гроб заминирован? Будет ли у него время выпрыгнуть из могилы? Придется рискнуть. Шагнув к противоположной от петель стороне гроба, он поднял лопату, сунул ее в щель под крышкой и налег всем телом на рукоять. Дерево затрещало и подалось — сначала на несколько дюймов, затем дешевые замки сломались. Вонь разложения ударила в ноздри, и Купер закашлялся, жмурясь. Выбросив лопату на поверхность, он вытер лоб правым рукавом. И глубоко вздохнул, прежде чем возобновить свой мрачный труд.

Стоило ему нагнуться, как в кустах справа что-то двинулось, он успел заметить это лишь краем глаза. Хирург обернулся. Ничего. Осмотрел кладбище. Все было совершенно спокойно.

— Наверное, просто лиса, — сказал он себе. Голос показался ему непривычно громким, но Купер заставил себя повторить: — Просто лиса.

В последний раз оглядевшись, он опустился на колени в могилу.

Подцепил крышку гроба и осторожно открыл ее. От вони скрутило желудок. Он привык к виду и запаху недавно умерших, но еще ни разу не имел дела с трупом на такой стадии разложения, поэтому давился, снимая с Бена Вогана покрывало. Лицо гиганта уже сгнило до неузнаваемости, в глазницах копошились мириады насекомых. Волосы шевелились от личинок, черви извивались в остатках ушей и грудной клетки. Но скелет был цельным, его все еще держала ссохшаяся кожа, блестящая белым в свете фонаря. На пальцах практически не осталось плоти; дешевой костюм, в котором его похоронили, превратился в лохмотья. Верхняя часть торса изогнулась, плечи сгорбились, сжались, и, несмотря на ужас окружения, Купер не мог не любоваться уникальным экземпляром своей коллекции. Пытаясь успокоить натянутые нервы, он готовился приподнять голову трупа, чтобы пропустить веревку под его спину и руки, но тут услышал шелест. Купер пригнулся в могиле, осторожно выглянул и ничего не заметил. Прислушался. Поначалу он слышал только звук своего дыхания. Но прошло несколько секунд, дыхание успокоилось, и хирург различил шелест веток в кустах слева. Он вздрогнул. Снова шелест, на этот раз справа. Он обернулся со скоростью молнии, пытаясь увидеть источник звука, и от резкого движения левая рука соскользнула с крышки гроба прямо на лицо трупа.

Холодное влажное ощущение под ладонью заставило его замереть, потом дернуться... Рука скользнула на почерневшие губы трупа, и мертвая голова вдруг щелкнула челюстями, вцепившись хирургу в пальцы. Купер завопил от боли и удивления. И попытался вытащить пальцы, но мертвые челюсти держали крепко. Все силы ушли на то, чтобы не поддаться внезапной панике. Купер опустился на колени и пригнулся к лицу Вогана. Он тянул

пальцы и вздрагивал при каждой неудачной попытке, а через минуту заметил блеск металла в уголке мертвого рта. Капкан! Как он раньше его не заметил? Как он мог быть настолько наивным, чтобы решить, что гроб будет лишь потенциальной угрозой? На шорохи вокруг Купер, поглощенный борьбой, почти не обращал внимания. Он дернул руку еще раз, оперевшись на плечо трупа другой рукой. Полуразложившиеся пальцы сомкнулись на его предплечье поистине мертвой хваткой. Купер взвизгнул от ужаса и рванулся прочь, но тиски только сжались сильнее. Слезы отчаяния выступили у него на глазах. Он глубоко вздохнул и замер на миг, чтобы успокоиться. Только теперь он расслышал шаги, приближающиеся к могиле. Медленно подняв голову, он увидел процессию факелов. Его обнаружили.

— Кто там? — закричал Купер в бессмысленной надежде на то, что новоприбывшие освободят его из нелепого и мрачного плена.

Ответа не было. Шаги остановились, свет был прямо над ним.

— Кто вы? — Хирург выгнул шею, пытаясь заглянуть за край.

Чужаки молча шагнули ближе. Кошмарное видение заставило Купера закричать и отчаянно задергаться в хватке мертвых пальцев и челюстей. Возле могилы их было около десятка. Два карлика, один бородатый и коренастый, другой длинноволосый и худой, а между ними сиамские близнецы: две головы на одном теле. Женщина ростом с ребенка, с лицом, поросшим густыми коричневыми волосами, стояла рядом с мужчиной, лицо которого было изрыто оспинами, а из лба торчали два черных рога. Невероятно жирная женщина держала на руках ребенка, из его нижней челюсти росли кабаньи клыки. Единственным, кто не принес факела, был торс с головой и одной рукой, которой он подтягивался по траве.

Чудеса физиологии. Цирковые собратья Вогана.

Купер перестал кричать и дергаться, когда рогатый человек подхватил доску и изо всех сил ударил ею хирурга по виску.

Мир был серым. Купер оглянулся, но поначалу не видел ничего, кроме густого тумана перед глазами. Он моргнул и помотал головой. Когда сознание вернулось в полной мере, он попытался

пошевелить руками. И понял, что не может. Повернув голову, Купер увидел, что лежит на столе, привязанный за запястья и лодыжки. Толстая веревка врезалась в кожу.

В комнате было темно, но он сразу понял, где находится. Его привязали к столу в той самой аудитории, где он бесчисленное множество раз выступал перед студентами с лекциями. Он учуял запах химикалий, которые использовались для дезинфекции, и услышал звяканье инструментов — ножниц, скальпелей, щипцов, игл, зажимов, зондов — в лотках, а потом гул аудитории. Шоу уродов заняло все места амфитеатра до самого потолка. Три фигуры в медицинских халатах о чем-то спорили в нескольких шагах от стола. Купер застонал. Монстры замолчали и повернулись к нему.

Приблизились.

— Ну, мис-с-стер Купер, вы очнулись-с-сь, — сказал самый высокий и худой из уродов, высовывая раздвоенный язык.

Вытянул перед собой руки, покрытые чешуей. Его напарники, карлик и создание с усами, широкими плечами и огромным бюстом, передали ему скальпель и пару щипцов.

— Вы не верите в жизнь после смерти, мистер Купер, сэр? — спросил карлик.

Купер помотал головой и застонал. Ему отчаянно хотелось поспорить, но ужас прогнал все связные мысли.

— Бен Воган верил, — низким голосом сказал гермафродит. — Он верил.

— На с-с-самом деле он так верил, что зас-с-ставил нас-с-с пообещать, что мы уберем его ос-с-станки от вам подобных, — объяснил Ящер, с отвращением сплюнув.

— Мы знали, что вы придете, — сказал карлик.

— У нас были инструкции, — добавил мужчина-женщина.

Ящер прижал кончик скальпеля к животу хирурга. Капля крови набухла между лезвием и кожей.

— Бога ради, оставьте меня в покое! — взмолился доктор, как только смог опять вздохнуть. Он чувствовал, как по лбу и вискам стекают струйки пота.

— Бога ради? — повторил Ящер. — Именно ради него мы это делаем. Во имя Господа и ради него.

Быстрым четким движением он провел скальпелем по животу пленника от основания ребер до пупка. Пленник завопил, другие звуки были ему уже недоступны. Аудитория одобрительно закивала и зааплодировала.

— Видите ли, мис-с-стер Купер, мы дадим вам попробовать вос-с-скрешение, — прошипел урод, готовясь ввести в рану щипцы.

Алистер С. Купер бился в путах, но веревки были затянуты слишком туго и он ничего не мог сделать. Прежде всего он был и оставался практиком и знал, что его тело почти достигло своего предела. Когда холодный металл в руках палача коснулся его груди, Купер понял, что смертная оболочка скоро перестанет служить ему, опустеет и станет просто раковиной, обреченной на разложение. Вымотанный, опустошенный, он закрыл глаза и взмолился о быстрой смерти и спасении своей души.

Джон Коннолли

Одержимость

Мир становился все более странным.

Даже отель казался другим, словно мебель в его отсутствие понемногу двигали, стойка в приемной вдруг оказалась на фут дальше, свет был либо слишком тусклым, либо болезненно ярким. Все изменилось.

Да и как могло быть иначе теперь, когда ее не стало? Он никогда раньше не останавливался здесь один. Она всегда была рядом, стояла по левую руку, пока он договаривался о номере, и с молчаливым одобрением смотрела, как он подписывается в журнале, а ее пальцы инстинктивно сжимались на его руке, когда он писал «мистер и миссис» — все как в ту первую ночь, когда они остановились здесь в свой медовый месяц. Она повторяла этот маленький и невероятно интимный жест каждый раз, это был ее молчаливый способ сказать, что она не считает их брак чем-то обычным, ее до сих пор впечатляет то, что две разных личности сошлись под одной фамилией. Он принадлежал ей, а она ему, и она никогда не жалела об этом и никогда не уставала.

А теперь больше не было «миссис», только «мистер». Он посмотрел на молодую женщину за конторкой. Раньше ее здесь не было — новенькая, наверное. Тут часто бывали новые сотрудники, но в прошлом оставалось достаточно старых, чтобы родилось чувство привычности и уюта, когда они здесь останавливались. Теперь же, когда электронный ключ был готов и его кредитка принята, он разглядывал лица персонала и понимал, что никого не узнает. Даже консьерж был другим. Все изменилось после ее ухода. Ее смерть сместила его мир по оси, сдвинула все, от мебели и ламп до людей. Они ушли вместе с ней и незаметно, без спора, уступили место другим.

Но никто не заменил его и никогда не заменит.

Он нагнулся за чемоданом и снова ощутил укол боли, настолько острый и обжигающий, что задохнулся и вынужден был

схватиться за конторку. Молодая женщина спросила, все ли с ним нормально, и, отдышавшись, он солгал, что все хорошо. Коридорный подошел и предложил отнести вещи в комнату, оставив его с кислым привкусом стыда за то, что он не может справиться даже с таким простым заданием: отнести небольшой кожаный чемоданчик к лифту, а от лифта — к номеру. Он знал, что никто не смотрит, что всем все равно, что коридорный не хотел его унижить, но тот факт, что выбор больше не принадлежал ему, беспокоил. Его тело болело, и каждое движение выдавало слабость и распад. Иногда он казался себе пчелиными сотами, и промежутки между ячейками-клетками всё проседали, ссыхались, чтобы вскоре хрупкая конструкция упала под собственным весом. Он знал, что жизнь приближается к концу и что его тело вышло на финишную прямую.

Спускаясь в лифте, он погладил карту-ключ, простой кусок картона с небольшой цифрой на нем. Он много раз останавливался в одном и том же номере, но, опять же, всегда с ней, и эта мысль снова напомнила, как ему одиноко без нее. Он не хотел проводить этот день, первую годовщину их брака после ее смерти, в их общем доме. Он хотел сделать все так, как они всегда делали вместе, почтить ее память таким образом, поэтому позвонил и забронировал номер. И, словно нарочно, ему дали номер на двоих, в котором они уже останавливались.

После недолгой войны с электронным ключом — чем, интересно, им не угодили металлические ключи, размышлял он, для чего было менять их на пластик? — он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Все было чистым и аккуратным, совершенно анонимным, но не чужим. Ему всегда нравились номера в отелях, нравилось расставлять предметы личной гигиены, класть на тумбочку у кровати свою книгу, оставлять на коврик свои тапочки.

В углу у окна стояло мягкое кресло. Он опустился в него и закрыл глаза. Кровать манила, но он боялся, что если ляжет, то больше не сможет подняться. Путешествие измотало его. Впервые после ее смерти он путешествовал на самолете и успел забыть, как это утомляет. Он был слишком стар, чтобы с ностальгией вспоминать времена, когда все было иначе, когда путешествие

давалось легче и несло в себе элемент восхищения полетом. В полете еду разносили в картонных коробках, и все, что он ел и пил, приобретало вкус бумаги и пластика. Он жил в мире, состоящем из заменимых вещей: стаканов, тарелок, браков, людей.

Ему показалось, что он ненадолго заснул, потому что, когда открыл глаза, свет изменился, а во рту было кисло. Он посмотрел на часы и удивился тому, что прошел целый час. В комнате он заметил сумку, возможно принесенную коридорным, пока он спал. Сумка была чужой.

Он шепотом выругал коридорного. Неужели так сложно разобраться с багажом? Когда он вселялся, в лобби было не так уж много людей. Он поднялся на ноги и подошел к сумке. Красный саквояж стоял возле шкафа. Вполне возможно, что он просто не заметил чужой вещи, когда вошел в комнату. Он слишком устал от перелета. Он рассмотрел саквояж. Замочек был закрыт, вокруг ручки повязан зеленый шарф: наверное, чтобы отличить его от других похожих саквояжей в аэропорту. Бирки с именем не было, зато болтался обрывок, на котором раньше висел ярлык из аэропорта. Он посмотрел в корзину для мусора, но та была пуста, а узнать владельца без бирки было невозможно.

Телефон в ванной был ближе, чем тот, что у кровати, и он решил позвонить администратору оттуда. Но замер и снова посмотрел на саквояж. И ощутил внезапный укол страха: это был большой отель в большом американском городе, и вещи могли оставить намеренно. Он мог внезапно оказаться в эпицентре взрыва, устроенного террористом, и вдруг увидел себя не взрывающимся, а рассыпающимся на части, как упавшая на каменный пол китайская статуэтка. Осколки разметало бы по комнате: кусочек щеки, глаз, все еще моргающий из своего куска. Горе сделало его хрупким, все его существо пошло трещинами.

А бомбы до сих пор делают с часовыми механизмами? Он не знал. Наверное, старомодные террористы могли бы сделать такую. Как и он, доверяющий старому механическому будильнику разбудить себя перед полетом (он очень боялся удара током от новомодных часов), терпеливо заводящий его маленьким ключом в надежде, что престарелый механизм не подведет.

Он осторожно подошел к сумке, прижался к ней ухом и прислушался, задержав дыхание, чтобы не заглушить звуков своими хрипами. Ничего не услышал и почувствовал себя дураком. Просто забытая сумка, ничего более. Он позвонит администратору, и ее заберут.

Он шагнул в ванную, щелкнул выключателем и остановился, не донеся руку до телефона. Над раковиной были аккуратно представлены туалетные принадлежности, лежала расческа, гребень и небольшая косметичка. Увлажняющие кремы и помада, бутылочка шампуня с ароматом зеленого яблока и бальзам с жожоба. На расческе остались длинные светлые волосы. Он отлично видел их с того места, где стоял.

Его поселили в занятый номер, в номер, где временно жила женщина. Он разозлился, частично на себя, частично на нее. Как бы она отреагировала, застав старика, уснувшего в кресле у ее кровати? Закричала бы? Он подумал о том, что шок от внезапного женского крика вполне мог довести его до инфаркта, и мимолетно порадовался тому, что этого не произошло.

Мысленно составляя тираду для клерка, он услышал, как открывается дверь, впуская в номер женщину. Она была одета в красную шляпу и коричневого цвета пальто, которые небрежно сбросила на кровать рядом с двумя пакетами из магазинов, названия которых были ему неизвестны. Она стояла к нему спиной, и он видел светлые волосы, завязанные на затылке в свободный хвост с кожаной заколкой. Под пальто оказались лимонный свитер и белая юбка. На длинных загорелых ногах были коричневые сандалии.

А потом женщина повернулась и посмотрела прямо на него. Он не двинулся. Попытался шевельнуть губами, назвал ее по имени, но она его не услышала.

Нет, — подумал он, — это невозможно. Этого не может быть.

Это была она и в то же время не она.

Он видел лицо женщины, и это не было лицо той, что умерла почти год назад, оплывшее и покрытое морщинами, истощенное возрастом и болезнью, которая ее забрала, — и тело той было маленьким, почти детским, она словно усохла в последние меся-

цы. Он смотрел на лицо, каким оно было давным-давно. В лицо своей жены, каким оно было в молодости, еще до рождения детей. Это была его жена и молодая женщина — тридцати лет, не более, — одновременно. Он наблюдал за ней, восхищаясь ее красотой. Он всегда любил ее и всегда считал красавицей, даже в самом конце, но фотографии и воспоминания не могли передать всего очарования девушки, однажды и навсегда пленившей его сердце.

Она шагнула к нему. Он снова назвал ее по имени, но ответа не услышал. Она вошла в ванную, и он отступил с дороги, в странном танце пробираясь мимо нее в комнату, оставляя ее внутри. А потом дверь закрылась, и он услышал шелест снимаемой одежды. И отошел, чтобы дать ей возможность уединиться, что-то напевая про себя, чтобы отвлечься от изумления. Возможно, когда он заснул, мир снова изменился, и на этот раз он совершенно не знал, что теперь делать.

Прошла пара минут, зашумела вода в унитазе, и женщина снова вышла, мурлыча себе под нос ту же мелодию, старую песню шестидесятых, которую они оба любили. *Она не видит меня*, — подумал он. — *Она не может меня видеть, но, похоже, слышит.* Она не ответила, когда он назвал ее по имени, но пела ту же песню, что и он. Это могло быть простым совпадением. В конце концов, у всех есть любимые ритмы, и неудивительно, что она напевала свой, оставшись одна. Он никогда не видел, как она ведет себя в одиночестве. Несколько раз ему удавалось некоторое время оставаться незамеченным, и тогда он наблюдал, как она двигается и что-то мурлычет, но такие моменты всегда были краткими, а заканчивались, как правило, тем, что она его замечала, и тут же оба понимали, что им есть о чем поговорить. Но насколько важны были эти их разговоры? После ее смерти он отдал бы десятки, сотни, тысячи таких разговоров за еще одну минуту с ней. Это было прозрением. Но оно пришло слишком поздно.

Он покачал головой. Все это не важно. Сейчас имело значение только то, что он смотрит на свою жену, какой она была до их знакомства. Мысленно он перебирал варианты: это мог быть сон, или лунатизм, или галлюцинация от усталости и перелета.

Но он чувствовал ее запах, когда она прошла мимо, он слышал, как она пела, и видел отпечатки ее ног на ковре, которые исчезали, когда густой ворс поднимался.

Я хочу коснуться тебя. Я снова хочу ощутить прикосновение твоей кожи.

Она раскрыла свой саквояж и начала раскладывать одежду, вешать блузки на плечики в шкаф, перекладывать нижнее белье в ящики, совсем как дома. Он был так близко, что ясно слышал ее дыхание. И снова назвал ее по имени, выдохнув ей в шею. На миг ему даже показалось, что она запнулась, забыла мелодию. Он снова зашептал, и на этот раз она замерла. Обернулась через плечо и неуверенно посмотрела в его направлении.

Он протянул руку и осторожно погладил ее по лицу. Ее кожа была теплой на ощупь. Она была живой, теплой и дышащей. И вздрогнула, прикасаясь к своей щеке, словно ощутила сквозняк.

Его мысли понеслись вскачь.

Первой мыслью было: *Я больше не буду говорить. И касаться ее. Я не хочу видеть такое выражение на ее лице. Я хочу видеть ее такой, какой редко видел при жизни. Я хочу хоть раз быть частью ее жизни и в то же время вне ее жизни. Я не понимаю, что происходит, но не хочу, чтобы это заканчивалось.*

Вторая мысль была: *Если она настолько реальна, то что же тогда со мной? Я стал невидимым? Впервые ее увидев, я подумал, что она призрак, но теперь мне кажется, что это я стал привидением, хотя мое сердце все еще бьется, я слышу, как глотаю слюну, и чувствую боль.*

Третьей мыслью было: *Почему она одна?*

В этот отель они всегда приезжали вместе, чтобы отпраздновать очередную годовщину свадьбы. Это было их место, они всегда просили один и тот же номер, в котором остановились в первую ночь. И не важно, как с годами менялась обстановка, не важно, что точно такими же были другие номера. Нет, важен был номер на двери и воспоминания, которые он пробуждал. Было здорово возвращаться, как они это называли, «на место преступления». Она всегда смеялась при этих словах своим низким смехом, от звука которого ему хотелось сразу же утащить ее в по-

стель. Когда номер был занят, они испытывали разочарование, которое чуть-чуть горчило на языке, мешая полному счастью.

А теперь он видел ее в этой комнате, но без него. Разве он не должен тоже быть здесь? Разве он не должен видеть себя, обнимающего ее, смотреть, как один из них одевается, в то время как второй принимает душ, как кто-то (как правило, именно он) нетерпеливо притопывает ногой, пока кто-то в последнюю минуту старается поправить одежду и волосы? Он ощутил головокружение, словно его личность разлеталась, как кирпичная кладка под ударами кувалды. Вероятность того, что всю свою жизнь он проспал, что все его существование было всего лишь сном, поразила его. И он проснется в доме родителей на узкой детской койке, и придется идти в школу, а потом на урок танцев, делать домашние задания дотемна...

Нет. Она реальна, и я реален. Я старик, я умираю и не позволю просто так отнять у меня мои воспоминания.

Одна. Она приехала сюда одна. И пока еще в одиночестве. Придет ли сюда незнакомец? Любовник, о котором он не знал? Увидит ли он измену в этом номере, *их* номере? Он отбросил эту возможность, которой никогда не существовало в реальности. Он отступил, чувствуя, как внутри нарастает боль. Ему хотелось схватить ее, потребовать объяснений. *Не сейчас*, — подумал он, — *только не в самом конце, не тогда, когда я обрадовался возможности снова побыть с ней рядом, — не хочу лишаться успокоения, мира без боли, которую постоянно ощущал после того, как ее не стало, и предвкушать только смерть.*

Он грузно опустился в кресло. Поднял руку ко лбу и попытался вспомнить, что все по-настоящему. Зазвонил телефон, но он не понял где — в его мире или ее. Миры накладывались друг на друга, как слои пленки в старом фильме, когда актер показывался на экране рядом с самим собой. Тогда для этого кадры налагались один на другой. Его жена, сбросив туфли, прошагала к телефону и сняла трубку.

— Алло? Привет, дорогой. Я хорошо добралась, нам дали наш номер. — Она послушала. — Ой, нет, это плохо. А когда будет следующий рейс? Ну что ж, так ты хотя бы не пропустишь *все*

выходные. — Снова тишина. Он слышал искаженный трубкой голос, свой собственный. — Тогда, наверное, тебе лучше остановиться в мотеле у аэропорта. На всякий случай. Хотя лучше бы ты был здесь.

Она рассмеялась чувственным гортанным смехом, и он знал, какой шутке, потому что сам ее когда-то произнес и теперь вспомнил почти дословно. Каждая минута тех выходных всплывала в памяти, телефонный разговор пробудил забытый эпизод. Он ощутил облегчение, смешанное со стыдом. Он сомневался в ней. После всех лет, проведенных вместе, он подумал о ней плохо, хуже, чем заслуживал сам и чем заслуживала она. Ему очень хотелось извиниться, но он не мог придумать как.

— Прости, — прошептал он, и признание своей вины вслух принесло облегчение.

И он погрузился в воспоминания о тех выходных. Был сильный снегопад, и все рейсы в аэропорту отложили. А у него был загруженный день, множество дел и встреч с нужными людьми. Он собирался вылететь последним рейсом, но видел на табло только «отложен», «отложен», а затем просто «отменен». Весь вечер он провел в мотеле аэропорта, чтобы успеть перехватить первый утренний рейс, если погода улучшится. Погода улучшилась, и следующую ночь они провели вместе. Это был единственный случай, когда годовщину они отмечали по отдельности — она в своем номере, он в своем. Оба ели заказанную пиццу и смотрели хоккей по телевизору. Теперь он помнил, что ночь была совсем неплохой, хотя, конечно, лучше было провести это время с ней. За сорок восемь лет их брака не было ни одной ночи, которую он не хотел бы провести с ней.

И было еще что-то, связанное с этой ночью, но он не мог вспомнить что. И это засело в мозгу как заноза, мешало и пришлось наружу. Что же? Он раздраженно обругал свою предательскую память, хотя сильнее всего было другое чувство.

Он чувствовал нечто вроде ревности к более молодому себе. Он был тогда таким нахальным, так кичился собственной важностью. Иногда даже посматривал на других женщин (хотя дальше взглядов так ни разу и не зашел), а иногда вспоминал свою бывшую девушку Карен, которая могла бы стать его женой, ту,

что решила учиться в колледже на Среднем Западе, ожидая, что он последует за ней. Он же выбрал другой университет, остался поближе к дому. Они пытались поддерживать отношения, но не вышло, и в начале брака он подумывал о том, как это было бы с Карен, как могли бы выглядеть их дети, как бы он себя чувствовал, засыпая с ней рядом каждую ночь, целуя ее, чувствуя, как она отвечает, как переплетаются их ноги, как она обнимает его. Со временем эти мысли поблекли, и он радовался тому, что имел, благодарил Небеса за свой выбор и был благодарен ей за все, что она принесла в его жизнь. Тот, молодой мужчина, беззаботный и бесшабашный, придет утром и отправится со своей чудесной женой в постель — и опять не поймет, как ему повезло в жизни.

Она повесила трубку и некоторое время сидела на кровати, поглаживая камешек на обручальном кольце и золотой ободок над ним. Затем встала, закончила распаковывать вещи, а потом, когда он сидел в кресле, любуясь снежинками за окном, задернула занавески, включила лампы у кровати, которые тут же залили комнату теплым уютным светом, и начала раздеваться.

Ночь с ней, пусть и не близко, зато рядом, стала для него неожиданным подарком. Он сидел на полу в ванной, пока она мылась, и прижимался щекой к теплому боку ванны. Она подложила полотенце под голову и, закрыв глаза, слушала песню Стена Гетца, лившуюся из радиоприемника в комнате. Он был рядом с ней, когда она сидела на кровати, завернувшись в махровый банный халат и укутав волосы полотенцем, делала педикюр и смеялась над каким-то жутким комедийным шоу, которого он никогда раньше не смотрел с ней, а вот теперь смеялся за компанию. А потом он читал вместе с ней книгу, которую сам выбирал для поездки, решив, что она ей понравится. Сюжет давно забылся, и они оба заново открывали для себя эту историю.

Наконец она сняла полотенце с волос, затем халат и надела ночную рубашку. Забралась в постель, выключила свет, поудобнее устроила голову на подушке. Он был с ней наедине, ее лицо почти светилось в темноте, бледное и едва различимое. Он чувствовал, как подступает сон, но боялся закрыть глаза, потому что его сердце знало, что, когда откроет глаза, ее уже не будет

рядом. А ему не хотелось, чтобы эта ночь заканчивалась. Он больше не хотел с ней расставаться.

И все же заноза так и сидела в мозгу; ощущение того, что он забыл нечто важное, не отпускало. Что-то о разговоре, который произошел, когда он добрался до номера в отеле и они занялись любовью. Воспоминание возвращалось медленно, постепенно, но он находил осколки тех выходных на пыльном чердаке своей памяти. Да, они занялись любовью, а потом она была непривычно тиха. Он взглянул на нее и увидел, что она беззвучно плачет.

— *Что случилось?* — спросил он.

— Ничего.

— Не может быть. Ты же плачешь.

— Ты решишь, что я дуручка.

— Скажи мне.

— Ты мне снился, — ответила она.

И воспоминания снова оборвались. Он старался вспомнить этот сон. Почему-то это было важно. Все в той ночи было важно. Рядом с ним мягко дышала во сне молодая жена. Он раздраженно прикусил губу. Что же это было? Что он забыл?

Левая рука начала неметь. Наверное, из-за неудобного положения. Он попытался пошевелить ею, и онемение сменилось болью. Боль быстро растекалась по телу, как кислота, попавшая в кровь. Он раскрыл рот и резко выдохнул. Полетели капельки слюны. Он застонал. Грудь давило, словно что-то тяжелое навалилось на него сверху и медленно сжималось, не давая дышать, выдавливая из сердца кровь и препятствуя его сокращению.

— Мне снилось, что ты лежишь рядом со мной, но я не могла тебя коснуться, не могла дотянуться до тебя. Я пыталась снова и снова, но у меня не получалось.

Ее голос доносился издалека, и теперь он вспоминал слова и то, как гладил ее, сжимая в объятиях. Сила ее чувств тронула его, но в глубине души он действительно подумал, что она дуручка, если так близко к сердцу принимает обычный сон.

Она шевельнулась во сне, и теперь уже он плакал. Боль выжимала слезы из уголков его глаз.

— Мне снилось, что ты умираешь, а я ничего не могу сделать. Не могу спасти тебя.

Я умираю, — подумал он. — Смерть наконец пришла.
— Тише, — сказал он своей жене.

Посмотрел на нее, и, хотя ее глаза были закрыты, она прошептала в ответ:

— Тише, тише... Ты здесь, и я здесь.

Она перевернулась, потянулась к нему руками, и он уткнулся лицом в ее волосы, вдыхая знакомый запах и прикасаясь к теплой коже. Агония становилась невыносимой, сердце в его груди разрывалось на части, становилось бессмысленным сплетением крови и вен, артерий и мускулов. Она притянула его к себе, и последнее, что он услышал, прежде чем погрузиться во тьму, тишину и неподвижность, были ее слова.

— Тише, — сказала она, когда он умер. — Я здесь...

А теперь и ты здесь.

Тише. *Тише.*

И он открыл глаза.

КЕВИН ДЖ. АНДЕРСОН

ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ

Как только его громкая молитва и внутренняя мольба достигли крещендо, Джером Такер открыл глаза и увидел, как демон покидает юношу.

Внутри натянутого холщового тента богохульная тварь вышла из глотки и ноздрей паренька, словно ядовитый дым, смешанный с пчелиным роем, и вся эта субстанция жужжала, трещала и вращалась. Шепот демона перешел в крик. Струйка крови потекла изо рта, когда тварь вышла целиком.

У демона не было иного выбора, кроме как подчиниться. Джером приказывал ему силой самого Господа.

Он потерял счет неделям, но за время долгого путешествия на медленной телеге по фермам Иллинойса, грязным и разбитым дорогам и диким землям новых поселенцев Висконсина он вызвал и загнал в ловушку около сотни демонов. В этой новой, едва освоенной земле таилось множество секретов, было похоронено немало тайн прошлого. В библейские времена было изгнано немало демонов, и этому злу нужно было куда-то уйти. А где же найдешь лучшее убежище, как не у язычников Нового Мира? Все логично.

Под большим тентом толпились фермеры с женами и детьми. Были тут и лавочники из Бартонвилля (в здешних местах его можно было назвать даже городом). Он поднял руки. Его густая рыжая борода колыхалась на подбородке, как язык пламени.

— Приказываю тебе оставить этого мальчика!

Даже после того, как демон полностью вышел, паренек продолжал биться и стонать, сцепив зубы и оскалившись. Толпа ахнула, несколько женщин потеряли сознание, другие бормотали разные молитвы. Два долговязых фермера выругались так грязно, что слушавший всех Господь наверняка был недоволен.

— Как Иисус Христос заключил легион демонов в стадо свиней, так я заключаю тебя там, где ты больше не сможешь чинить вред!

Величественным жестом Джером выбросил вперед руку и коснулся глиняной вазы, изукрашенной рунами и рисунками. Символы покрылись коричневой коркой от крови.

Демон бился и вопил, дергаясь из стороны в сторону, как торнадо из мух, но черный жужжащий торнадо неотвратно затягивало в сосуд — священную реликвию из Древнего Египта, или Вавилона, или Ассирии (Джером точно не знал откуда). Как дым затягивает в дымоход, так и существо с воем исчезло в глиняном сосуде, и страшные звуки прекратились, словно отрезанные закрытой дверью.

— Славься, Отец наш Всевышний! — крикнула жена Джерома, Молли.

Она добросовестно стояла с ним у кафедры, открывая потрепанную Библию в тех местах, которые нужны были Джерому для следующего шага.

Рыдающая мать паренька бросилась вперед, перевернув одну из легких деревянных скамей, и обхватила его обмякшее тело.

— Ах, он спасен, спасен!

Парень застонал, из уголка его рта потекла кровь, но через миг он открыл глаза. И начал удивленно оглядываться, словно проспал несколько месяцев. Толпа разразилась аплодисментами и хоровым:

— Аминь!

Молли читала вслух тридцать третий псалом, не потому, что он был нужен для окончания акта экзорцизма, а просто потому, что это был ее любимый отрывок. Ее высокий музыкальный голос с каждой строчкой становился все громче.

Джером был сильной личностью и страстно любил свое призвание, но без помощи Молли и ее веры он не справился бы. Ради него она покинула дом и оставила все, чтобы путешествовать по непокоренным просторам, доверив Джерому свое будущее.

Джером Такер всегда хотел стать проповедником, но ему нужна была паства. А тем многим фермерам-поселенцам, что двигались на запад в поисках новых земель, *тем* людям нужно было услышать Евангелие. И Джером собрал все свои сбережения, занял недостающую сумму у родителей и приобрел повозку, лошадей, большой тент и Библию — то есть все необходимое.

Он отправился к картографу, чтобы изучить карты Иллинойса и Висконсина до самой Миссиссипи. Похожий на сову клерк показал ему все планы уже занятых земель, которые расчищались под пахоту трудолюбивыми пионерами. Джером не хотел обзаводиться участком, ему всего лишь нужна была группа людей, которым требовались церковные службы.

Он знал, что такое место найдется. И так жадно вцепился в стопку книг, что порезал палец острым деревянным краем столешницы. Зализывая царапину, он листал страницы, исследуя географию южной части центрального Висконсина. В неверном свете, проникавшем сквозь засиженные мухами стекла окон, он изучал фермы, дороги, соседние города.

Капля крови упала с пальца на одну из областей, расплывшись по карте алым пятном. Джером воспринял это как знак свыше, как место, избранное его собственной кровью. Именно туда ему и следовало отправиться.

Вместе с Молли он отправился на запад, проповедуя толпам, и проделал неплохую работу по очищению земель, изгнав и поместив в ловушку множество демонов. На путешествие через всю страну ушло несколько месяцев, его сопровождали и разбитые дороги, и снегопады, и ливни, и жуткая влажность воздуха с полчищами москитов. Он чувствовал себя так, словно ему и его жене дан путь сквозь семь казней египетских, в награду же он обретет обещанный рай.

И вот наконец они прибыли на низкий холм, окруженный кукурузными полями, еще не расчищенным лесом, отмечавшим границы, и недавно построенными фермами. Джером и Молли поставили на холме свой тент, понимая, что делают это в последний раз. Джером проводил ночные службы. И когда люди начали понимать, что он действительно может изгонять демонов, отпускать грехи и очищать разум от скверны, паства Джерома начала расти.

Глядя на подростка, который поднялся на дрожащих ногах и упал в объятия матери, на то, как они оба плачут, Джером почувствовал, что по его щекам тоже катятся слезы. В окрестностях этого холма он спас уже как минимум тридцать человек,

и все они были в долгу перед ним. Здесь он создаст новое общество, новый город, новое место.

Улыбаясь, он поднял руки и снова воззвал к пастве. Холщовый тент был старым и потрепанным еще в момент покупки его из вторых рук, теперь же ткань стала грязной и залатанной — совершенно неподходящее место для Дома Господнего. Но зато Джером всей душой чувствовал, что попал куда следует и все люди, собравшиеся в этом потрепанном шатре, будут восторженно внимать каждому его слову, потому-то он и решился выдвинуть требование:

— Я должен попросить вас об услуге, друзья мои. Эта земля достаточно пропиталась нашими молитвами. И теперь мне нужна ваша помощь, ваше дерево, ваш труд и ваша любовь. Мы построим здесь церковь, а затем вокруг нее возведем город.

Во время их путешествия на север и восток через Висконсин к берегам Миссисипи Джером нашел древнюю вазу, покрытую символами. И эта находка изменила его жизнь.

Однажды ночью они с Молли остановились в небольшом городке, в который по реке спускали грузы на плотах и из которого вверх по течению отправляли продовольствие. Там они встретили человека со свалывшимися бурыми волосами. На его левой руке не доставало трех пальцев. Его лицо, слишком темное для обычного загара под солнцем Среднего Запада, избороздили глубокие морщины, взгляд был рассеянным, словно глаза его видели много больше чудес и кошмаров, чем положено видеть глазам на своем веку.

Он заговорил с Джеромом, но не представился. Объяснил, что приехал из Старого Мира в поисках странностей и сокровищ.

— Фараон держал израильтян в рабстве в Египте, — сказал Джером. — В древние времена.

— Египет — древнее место, полное мертвых вещей. Я слышал о том, что в пустынях было столько могил с сокровищами, что, куда ни пойдешь, все равно под ногами будут золото и драгоценности. Там полно могил, да. Вся страна — как один большой гроб.

Джером знал о богатых европейцах, джентльменах-археологах, которые исследовали Египет и возвращались с мумиями и артефактами, рассказывая жуткие истории о проклятиях и мести древних богов. И знал, что эти истории не могут быть правдой. Он же читал Библию, внимательно и несколько раз.

Тот мужчина протянул ему руку, показывая три культипки на месте пальцев.

— Это работа шакала. Откусил их, когда я пытался достать банку демонов из могилы.

— Что это за банка демонов? — спросила Молли.

Мужчина уставился на нее, явно удивившись тому, что женщина осмелилась заговорить.

Джером не собирался тратить время на тех, кто не уважает его жену.

— Что такое банка демонов? — повторил он.

Их собеседник открыл большой сундук, в котором хранил свой скарб, сдвинул свернутый ковер и какие-то тряпки и вытащил вазу цвета слоновой кости, сделанную из древней глины. Сосуд выглядел так, словно его отлили из жидкой кости. Вся поверхность была покрыта странными значками и рисунками, в одном из символов Джером опознал звезду Давида, другой знак, в центре, был ничем иным, как крестом.

— Моисей был не единственным пророком Бога в Египте, — мрачно сказал его собеседник. — Эту банку создал один из таких святых, чтобы держать в ней демонов, которые наводнили те земли. — Он поднял крышку с вазы и заглянул внутрь. — Сейчас она пуста: либо демоны с годами сбежали, либо ею так и не воспользовались. Но по символам сразу ясно, что это святая реликвия.

Молли отнеслась к этому с недоверием.

— Если ее создали в Древнем Египте или Шумере, то это случилось задолго до того, как Христос умер за наши грехи. Как на ней мог оказаться крест?

Эти слова вызвали очередной недовольный взгляд.

— А что, мадам, по-вашему, делают *пророки*? Случаем не *пророчества*? Он знал будущее. Разве Господь не возвещал о рождении своего единственного сына? — Он повернулся

к Джерому. — Если вы священник и если вас действительно ведет Дух Святой, вы должны знать, как изгоняют демонов.

Джером не знал, хотя не раз об этом задумывался.

— Но любой священник может только *изгнать* демонов, — продолжал владелец вазы. — А потом что? Они покидают захваченное тело и отправляются странствовать по миру, продолжают нести хаос и разрушение. Однако с помощью этой штуки, — он погладил грубую глиняную поверхность, — вы не просто вытащите демона из одержимого, вы посадите демона в клетку, запечатаете в этой банке, и он уже не сможет никому причинить вред.

В его голосе звучали усталость и разочарование.

— По правде сказать, мне эта святыня не пригодилась. Я не праведник. — Он с улыбкой протянул вазу Джерому. — Возьмите ее в подарок. Вы делаете богоугодное дело, так пусть она вам послужит.

Затем, словно смутившись, добавил:

— Но если бы вы могли немного за нее заплатить, было бы неплохо. Мне нужны деньги на билет до дома. Воры в Константинополе отняли у меня последние деньги, мне пришлось просить милостыню и отрабатывать проезд на корабле, а потом на лодках до Огайо, через всю страну, затем сюда. У моей матери чахотка, и я пытаюсь добраться домой прежде, чем она покинет этот мир.

Джерома подкупила искренность его голоса, к тому же он уже представлял, какую хорошую службу может сослужить ему эта банка.

— Вы просто представьте, сколько такая вещь могла бы стоить... — Мысль незнакомца повисла в воздухе.

Молли бросила на мужа огненный взгляд, но Джером уже с энтузиазмом развязал сумку с их деньгами и достал сумму куда большую, чем они могли себе позволить. Впрочем, Джером был уверен, что стоит ему начать изгнание демонов, как благодарные прихожане быстро наполнят корзину для пожертвований.

— Как ею пользоваться? — спросил Джером.

Собеседник ответил искренне:
— Вы поймете. Бог вам покажет.

Поздно ночью, под масляно-желтой луной, Молли нашла Джерома на лесах у почти достроенной церкви. Стеклопанные витражи еще не были установлены на места, но стены закончили, а крышу уже наполовину покрыли. Запах опилок смешивался с запахом пота во влажном ночном воздухе: ароматы сосны и тяжелого труда. Люди приходили сюда в свободное от основной работы время и уже почти завершили свой немалый труд.

В большом оконном проеме, который вскоре заполнится изумительными витражами, проделавшими трудный путь из Чикаго, Молли могла видеть склон холма, залитые лунным светом поля и несколько новых домов, зародыш того города, который будет обязан своим появлением ее мужу.

Первым делом закончили алтарь, покрыли его вышитой тканью с бахромой по краям: это был подарок от трех жен фермеров, которые стерли пальцы в кровь, заканчивая отделку. В центре лежала огромная старая Библия, а рядом с ней стояла банка демонов. Как только строители закончили с алтарем, Джером начал ежедневно проводить службы, а старый тент убрал подальше. В самом скором времени брат Джерома, Клэнси, должен был привезти сюда его родителей.

Однако пока Джером стоял на коленях у алтаря, в темноте. Свечи на свежеструганных подставках остались незажженными. Молли глядела на его спину. Под ее ногами мягко скрипели доски пола, но Джером не обратил на это внимания, продолжая бормотать молитвы. Прикрыв глаза, он вытащил свой нож, прижал острое к подушечке большого пальца, резанул. Кровь, похожая в темноте на черную патоку, быстро потекла из пореза.

Молли остановилась рядом с ним, склонила голову, не решаясь прервать священнодействие. Джером прижал пораненный палец к знаку креста, четко выделявшемуся на фоне других рисунков на вазе. Древняя банка, казалось, впитывает кровь, поглощает ее быстро и жадно.

— Господь защитит нас от демонов, — пробормотал Джером. — Господь запечатает их внутри.

Это не было точной цитатой из Священного Писания, но демоны его слышали. Они, заточенные в глиняный сосуд, боялись имени Божьего.

В Библии упоминалась древняя история кровавых жертвоприношений: так Авраам готов был принести в жертву своего сына, так Моисей метил ворота иудеев кровью агнцев, чтобы Ангел Смерти прошел мимо, так и сам Господь требовал крови собственного сына Иисуса для спасения всего человечества. И Джером охотно жертвовал своей кровью для того, чтобы укрепить глиняную вазу, запечатать демонов внутри.

Он медленно поднялся на ноги и повернулся к жене:

— Каждый демон, которого я изгнал и поместил сюда, — это еще один воин, которого недосчитается Сатана в Последней Битве. Я не только делаю новый город чистым и святым местом, я помогаю всему миру.

Молли, однако, была обеспокоена:

— Все святые, которые, по Библии, изгоняли демонов, никогда не пытались *собирать* их. Никогда и никто не хранил их в бочонке, как монеты на черный день. И что случится, когда сосуд заполнится? Ты знаешь, сколько зла он может удержать? Я даже не представляю, что на самом деле творит эта банка.

— Она служит тюрьмой для демонов, Молли. — Джером подошел к ней ближе в сумерках недостроенной церкви. — А когда мы освятим это место, когда все жители со многих миль окрест придут сюда, они объединятся и принесут ту же жертву. Мы очистим местность от грехов и злобных мыслей. Эта земля, этот город Такерс-Грув станет новым Эдемом. — Его глаза сияли в лунном свете. — Я уверен, Молли. Я уверен в нашем будущем, в этом месте, в своей миссии. Без тени сомнений.

— Это все, что я хотела узнать, — улыбнулась ему Молли. — Потому что у меня для нас есть новость, радостная новость. — Она взяла его за руку и почувствовала теплую влагу крови.

— Я беременна, Джером. Твой первенец станет первым ребенком твоего нового города.

Когда церковь закончили — все стены покрасили в белый, уложили черную черепицу, повесили на колокольне колокол, звон

которого триумфально взлетал к небесам, — пришло время большого праздника. Те трое мужчин, что привезли витражи для церкви из самого Чикаго, остались на празднование. Джером надеялся, что они останутся навсегда: городу нужны были стеклышки.

Вся жизнь Джерома являлась лишь подготовкой к этому дню. Сегодня его одежда была свежей, волосы уложены, борода подстрижена. Молли сама сшила себе красивое платье из отреза розовой ткани, которую купила в Бартонвилле. Собирать платье на талии она не стала, и ее растущий животик был особенно заметен. Джером считал, что она выглядит великолепно.

Мелодичный звон колокола растекался от горизонта до горизонта, двое фермерских мальчишек по очереди дергали веревку. Люди все прибывали: мужчины, женщины, семьи, живущие поблизости. Они шли в церковь, которую помогали строить. И хотя Джером еще не поставил пианино, чтобы петь гимны под музыку, все пели слаженно и без него. Именно так, как и должно быть в настоящей церкви.

Джером начал речь, когда все протиснулись меж скамей и заняли свои места.

— Этот дом Божий возведен на святой земле, которую я очистил. Все ваши поля будут благословенны, все ваши дети будут защищены от зла. Это сделаю я. Это сделаем *мы*. Мы станем обществом, бастионом против тьмы.

Он повернулся к алтарю и коснулся банки демонов.

— Все вы видели, как я изгоняю демонов. Самые опасные и сильные из падших ангелов находятся здесь, в этой вазе. — Он погладил глиняный бок сосуда. — Их удерживает внутри сила Господа, святые символы... и сила нашей крови.

Джером протянул в сторону собравшихся большой палец.

— Сегодня мы вместе воззовем к Господу, чтобы раз и навсегда изгнать зло и болезни, пропитавшие эту землю, пустившие корни в наши сердца. Мы извлечем всю боль и тьму, чтобы Такерс-Грув смог стать прекрасным местом, идеальным городом для идеальных людей.

Прихожане закричали «Аминь». Некоторые вскочили со своих мест.

— Капля крови, — сказал Джером. — Всего капля от меня, от вас, от всех вас — и этот город навсегда запечатает злых духов в темнице.

Взмахнув ножом, он снова рассек себе палец, но в этот раз излишняя драматичность его подвела и порез получился глубже, чем ожидал Джером. Он прижал кровавый разрез к знаку креста на древней таинственной вазе, которая пила человеческую кровь. И поднял нож.

— Кто первым присоединится ко мне?

Люди с первых рядов, едва не падая, рванулись к алтарю. Каждый брал нож, пускал себе кровь и касался взрезанной подушечкой пальца желтоватых изгибов древнего сосуда.

Второй ряд людей тоже вышел вперед, толкаясь и локтями прокладывая себе путь. Это ничуть не походило на традиционную церемонию или причастие, скорей уж на армию, которая рванулась в бой со злыми силами, так долго отравлявшими людям жизнь.

По команде Джерома ураган теней, темных мыслей, злых намерений, пугающих воспоминаний — любого и каждого проявления грехов — взвились с холмов и ледяным зимним потоком хлынули в церковь. Люди чувствовали, сколько зла поглощает банка демонов, и при этом видели, как печать их крови навсегда запирает все плохое.

Джером чувствовал, как сердце его переполняет любовь к этим людям, его людям. Молли выглядела задумчивой и, похоже, слегка о чем-то беспокоилась. Сияющий Джером обнял ее за талию.

— Почему ты так молчалива, любимая? Это один из лучших, один из самых идеальных моментов нашей жизни.

Молли прикусила губу и покачала головой, боясь проронить хоть слово. Наконец сказала:

— Вся эта кровь... что, если вместо того, чтобы запечатывать демонов, она их *питает*?

С радостным вскриком последний прихожанин отступил от вазы. Невероятно древний сосуд — египетский, или ассирийский, или шумерский — начал светиться слабым оранжевым светом, как мог бы сиять огонь сквозь яичную скорлупу. Расписные

стенки начали пульсировать в ритме сердца, словно пленные демоны бились изнутри, пытаясь вырваться на свободу.

Джером судорожно втянул воздух, но так и не придумал, что сказать. По дороге в Висконсин он собрал в банку множество демонов, к нему со всей округи везли одержимых все долгие месяцы их путешествия. Жертвы зла тянулись к нему отовсюду, часто они и сами проделывали немалый путь, чтобы Джером вынул из них демонов и посадил в свою банку. И все это зло он привез с собой в новый город.

А теперь это зло было в ярости.

По желтоватой поверхности глиняной вазы потянулись трещины, из которых начал вырываться огонь. Темница демонов с грохотом взорвалась, осколки исчезли в водовороте черноты, кричащих голосов, жужжащих роев мух. Завывая от ярости и сочась жадной мести, демоны рванулись на волю со скоростью торнадо.

Прихожане прятались, ныряли между скамей, распластывались на полу. Освободившиеся демоны заполнили церковь, вились под потолком, некоторые сразу рванулись к открытой входной двери. Черный дымчатый заряд бросился наружу через витражное стекло, рассыпав вокруг драгоценные окрашенные осколки.

Злобная тьма свистела вокруг Джерома и Молли. Он схватил жену, привлек к себе, пытаясь защитить, вот только не знал — как. Полупрозрачная, вонючая рожа, состоящая практически из одних клыков, зависла у его лица и завопила. И этот вопль больше всего походил на смех.

Молли покачнулась. Тени облепили ее, окутали так, что со стороны она казалась полностью покрытой грязью. Плача от ужаса, Молли упала на пол.

Джером сжал кулаки и закричал:

— Изыдите, приказываю вам! *Прочь!*

И демоны полетели прочь из церкви, искать себе новых жертв в окрестностях Такерс-Грув.

Злобный шторм утих так же внезапно, как начался. Все внутри новой церкви было разбито, остались лишь осколки, пыль и страх. Ошеломленные люди стонали, касались небольших по-

резов, осматривали разорванную одежду. Джером бежал от одного к другому, пытаясь помочь, и некоторые со стыдом отворачивались, чтобы не дать ему увидеть пустоту в своих глазах, новую тьму, которая застилала взгляд.

Джером чувствовал, как леденеет все внутри от осознания того, что мечта всей его жизни только что обратилась в прах. Он собирался основать идеальный город, новый Эдем без грехов, зла и ненависти. А вместо этого принес с собой тьму, пропитавшую все окрестности и поглотившую это место.

У него остались лишь острые осколки собственной веры. Он не сдастся. И не отступит. Он отказывался покидать этот город. Слишком много здесь было еще работы.

Молли свернулась в клубок на полу, сжимая руками живот. Ее тошнило. Джером опустился рядом на колени, помог ей подняться на ноги, и жена тяжело привалилась к нему.

— Ты ранена? С тобой все в порядке?

Молли глубоко вздохнула.

— Все будет хорошо. Просто я почувствовала, как толкается внутри ребенок.

Он не спросил, почему тогда она так дрожит.

А она не сказала ему, что, судя по ощущениям, ребенок толкался изнутри маленьким копытом.

ДЖОЗЕФ В. ХАРТЛАУБ

СТАРЛЕТКИ И СПЕЙСБОИ

Небо словно покрылось разноцветными брызгами, на светлом голубом фоне парили воздухоплавательные шары всех форм, цветов и их сочетаний. Была суббота, и до полудня оставалось еще несколько часов, но вся немалая территория Парка развлечений была забита до предела, и все новые и новые шары поднимались в воздух под ахи и охи толпы внизу. Блестка, в свои недавно исполнившиеся восемнадцать, слишком уважала себя для того, чтобы по-детски вопить от удовольствия, как делала в пять или шесть лет (да и в двенадцать-тринадцать тоже), и все же воздушный спектакль в небе и на земле волновал ее до глубины души. Обычно она не умела думать с иронией, даже когда это было заданием на занятиях по английскому, но сейчас настал тот миг, когда пришла едкая мысль, что она одна-одинешенька в этой многотысячной толпе.

День начинался совсем иначе. Она приехала на Сан-Тран с подружкой Мари, ранним утром обе отправились на Праздник воздушных шаров, чтобы провести там целый день и как следует оторваться. И несколько часов все шло так, как и планировалось: они бродили по парку, разглядывали воздушные шары, сделанные в виде людей, и людей, одетых, как воздушные шары, и все это на фоне величественных гор Сандия, которые поднимались над пустыней к северо-востоку от Альбукерке.

А потом они разделились. Внезапно и ненамеренно, просто Мари увидела Майкла, своего недавно ставшего бывшим бойфренда. Майкл брел в толпе всего в нескольких метрах от них. Мари быстро переговорила с Блесткой (которая заверила подругу, что все отлично и ей совсем неплохо будет одной) и пошла к нему. Майкл улыбнулся, что-то сказал, взял ее за руку, и больше Блестка их не видела, они затерялись в толпе.

Блестка начинала уставать от впечатлений. На нее давило ощущение толпы вокруг, да и голод подавал первые признаки.

Утром она в спешке вышла из квартиры, успев только ополоснуться, быстро нанести макияж и припудрить тело блестками, за которые и получила свое прозвище. Сейчас, в толпе, она высматривала киоск с едой, к которому не тянулась бы очередь в несколько миль. И тут ее схватили за плечо.

Она обернулась и увидела Рода, вырядившегося в серые слаксы и форменную футболку с овальным ярлычком слева. На ярлычке было вышито его имя.

— Привет, блестящая, — сказал он, оскалив в улыбке желтые зубы, которые друзья называли «летними» (между «летом» и «летом» вполне поместились бы еще «осень», «зима» и «весна»), дохнул сигаретным дымом. — Что ты тут делаешь?

— Привет, Род. Ты почему тут, рука устала?

— Шутишь, да? — Он затаился сигаретой, вытащил из кармана мятую пачку «Честерфилда», протянул ей. Блестка помотала головой, и Род спрятал пачку. — Твоя маманя тоже тут?

— Ты же знаешь, что нет. Она дома, ждет тебя.

— Ага, ну да. Но я освободился раньше и решил малость развеяться перед тем, как к ней идти. — Он снова затаился и выдохнул дым ей в лицо, улыбаясь. — Здорово, что я тебя встретил. Мне так и так надо было с тобой поговорить. Познакомиться, так сказать, поближе.

Блестка снова помотала головой. Этот идиот ее уже утомил.

— Не стоит ко мне подкатывать, Родни, — сказала она, специально называя его именем, которое он ненавидел.

В июле, три месяца назад, ей исполнилось восемнадцать, и она не раз ловила на себе его взгляды, обычно когда мать отворачивалась, а Род думал, что она его не видит. Сама Блестка скорей отдалась бы бродяге под Уолмартом, чем этой волосатой обезьяне.

— Мне нужно идти.

Она отвернулась и шагнула прочь, но Род схватил ее за руку и развернул к себе, не слишком грубо, но и далеко не ласково.

— Задержишься на минутку, — сказал он. — Я просто хочу поговорить. — Он улыбался, но в глазах зажегся неприятный огонек. — Нечего так злобствовать, юная леди.

Она оглянулась, но никто не смотрел в их сторону. Люди шли по своим делам в разных направлениях. Она была одинока в этой

огромной толпе. Где-то кричали счастливые голоса, какая-то девушка пищала: «Помогите!» — ей смеялись в ответ. Блестка попыталась вырваться, но пальцы Рода только сжались сильнее, как китайские наручники. Он так и не перестал улыбаться, вот только теперь улыбка была злой, а не довольной. Блестка вспомнила синяки на предплечьях матери, темные пятна, похожие на отпечатки пальцев. Она знала, что это не были метки страсти. По крайней мере не всегда.

— Не дергайся, смысла нет. И не надо ничего говорить матери. Все это касается только тебя и меня...

Внезапно Род замолчал. Он открывал и закрывал рот, но не мог выговорить ни слова. Его голова медленно повернулась влево, он уставился на пальцы, сжавшие его плечо. За пальцами оказалась рука, а за рукой и ее обладатель — один из самых красивых парней, которых Блестка видела в своей жизни. Он был на пару дюймов ниже двухметрового Рода, но, казалось, нависал над ним. Парень весь словно состоял из острых углов и казался вырезанным из цельного камня. Глубоко посаженные синие глаза тяжело смотрели на Рода. Род отпустил руку Блестки, не столько разжав пальцы, сколько отдернув, словно какие-то нити в его руке бритоголовый незнакомец просто перерезал.

— Уйди, — сказал незнакомец, склоняясь к самому лицу Рода. — Быстро.

Род споткнулся, словно потеряв контроль над собственными ногами, парень помог ему выровняться и развернул, почти без усилий, в противоположную от Блестки сторону. А потом толкнул. Род засеменил прочь и растворился в толпе, как побитый пес в знакомой и безопасной стае.

А парень снова развернулся и впервые посмотрел прямо на Блестку. Его глаза были похожи на бездонные озера, жесткость, с которой он смотрел на Рода, исчезла. Когда он посмотрел на нее, взгляд его стал... теплым. Ей хотелось нырнуть в этот взгляд и потеряться в нем навсегда. Он улыбнулся ей, не нахально и не пошло, но так, чтобы все сказать без лишних слов.

— Ты в порядке?

— Да, в порядке. Он просто мудака.

— Ты его знаешь?

— Он друг моей матери.

— М-да. — Улыбка парня потеплела еще на сотню ватт. — Надеюсь, у тебя вкус получше.

Они оба рассмеялись.

— Я Ник, — представился он. — Рад познакомиться.

— Я Блестка.

— Тебе *невероятно* идет это имя, — кивнул он на ее пудру с блестками, и они снова рассмеялись.

Рука Ника оказалась теплой и сильной и в то же время нежной.

— Я действительно рад знакомству, — сказал он и указал на воздушные шары, костюмированных зевак и окружавшую их толпу. — Это все потрясающе здорово. Я тут впервые. А ты?

— А я живу в Альбукерке. И приезжаю сюда каждый год.

— Ну... — Он помедлил и снова просил своей невероятной улыбкой. — Слушай, я умираю с голоду и хотел бы побольше узнать об этом местечке... и о тебе.

Он оглянулся, заметил киоски с едой и оценил бесконечные очереди перед ними.

— Ты не против пообедать со мной и поговорить?

Ник хотел отправиться в место, где нет лишнего шума. Он остановился в Старом городе, в отеле со своим рестораном, и был не прочь попробовать, как там готовят. Поэтому они сели в разогретый солнцем автобус, а потом прогулялись до «Черч Стрит Кафе». Держаться с ним за руки было так легко, будто они ходили вот так каждый день. И за столиком на веранде, под висящей корзиной с цветами, вместе уминая чипсы и горячий пирог с мясом, они пили лимонный чай «Сан-Фелипе» из запотевших стаканов и болтали, как старые друзья.

Ник рассказал ей, что организует выступления рок-группы «Старлетки и Спейсбой». Блестка никогда не слышала о такой. Он рассказал, что группа решила попробовать новую маркетинговую модель: ребята садятся в автобус, приезжают куда-нибудь на открытую местность, где много людей, и объявляют о концерте. Никаких билетов, только добровольные пожертвования. В этом городе он уже неделю, занимается объявлениями и ждет, когда группа его догонит. В следующую среду они устраивают ночное шоу у гор Сандия.

— Возможно, — сказал Ник, глядя ей в глаза, — и ты захочешь приехать.

Она ответила, что пойдет с удовольствием, и оба без слов поняли, что разговор идет не только о рок-концерте.

Ник ни разу не спросил, сколько ей лет, ходит ли она в школу или что-то вроде того. Не спросил ни о Празднике воздушных шаров, ни о жизни, ни о чем другом. А Блестка не спросила его об акценте — похоже, британском, а может, и австралийском — и о том, как он смог появиться в ее жизни так вовремя. Они просто вместе пообедали, а потом она потянулась к его руке, но он опередил ее и обнял. Блестка растаяла и прижималась к нему всю дорогу до его номера в отеле Альбукерке.

Она любила номера отелей. Правда, бывала в них всего несколько раз, во время так называемого отпуска ее матери: однажды на окраине северного Феникса, где бассейн почему-то был устроен на стоянке, а во второй раз в Оклахоме, в дневном хостеле. Блестке нравились простыни, и маленькое мыло, и пластиковые стаканчики в целлофановой обертке, а особенно нравилось, что горничные за ней убирали.

Но в этот раз все было иначе. Комната Ника оказалась на последнем этаже, простыни на кровати хрустели от свежести, кондиционер держал идеальную температуру, а сам номер был просторным и очень светлым. Да и Ник был другим. Она знала, как обычно ведут себя обитатели таких номеров. А Ник даже не коснулся ее бокала, он просто слушал внимательно и отвечал на вопросы, смотрел ей в глаза, а не на грудь, хотя было ясно, что грудь ему тоже нравится.

Она не была девственницей, но до сих пор только украдкой встречалась для быстрого перепиха с парнями своего возраста и за привычные уже тридцать секунд не успевала даже возбудиться. Ник и в этом отличался от всего, что было ей знакомо. Он не спешил, медленно, но уверенно изучая ее, и эта его уверенность сама по себе действовала как афродизиак. Он нежно целовал ее, расстегивая на ней блузку, потом его язык опустился к ее соскам, когда Ник занялся застёжкой на джинсах, и еще ниже, когда джинсы были стянуты. Когда он вошел в нее, Блестку обожгло как огнем, она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Часть ее сознания вопила, что так не может быть, все слишком идеально: она в постели с парнем, который так похож на ее ожившую мечту, она чувствовала себя невероятно желанной — и в безопасности. Это напоминало американские горки перед самым большим спуском. Ник поднял ее выше, чем она могла представить, и уронил в такую пропасть, что Блестка потеряла сознание.

А когда очнулась, в комнате было уже не так светло. Ник лежал рядом с ней, обняв одной рукой, и смотрел телевизор. И улыбнулся, стоило ей пошевелиться.

— Какой год на дворе? — спросила она.

Он опять улыбнулся.

— Все тот же.

И Блестка со смехом ударила его по руке.

— Уже двадцать минут шестого, — уточнил он.

— Господи, что ты со мной сделал? Никогда больше не смогу трахаться.

— Только не говори, что я тебя испортил, — с притворным ужасом хмыкнул он.

— Боюсь, что так.

Блестка покосилась на экран. Ник смотрел какой-то научный канал. Шла реклама фильма о чудесах природы, медведи ловили розовыми лапами рыбу, выскакивавшую из воды. Блестка и Ник смотрели, как огромная рыбина врезается в камень, который тоже оказывается рыбой. Открылась огромная пасть, проглотила первую рыбу целиком, и хищник снова притворился камнем.

— Вот это, — сказал Ник, — я и собираюсь с тобой проделать.

Блестка рассмеялась.

— Нет. Похоже, ты уже это проделал.

— Нет. Еще нет. Еще не совсем.

Они смеялись и целовались, а потом Ник помог ей встать. И отвел в душ, где под бесконечным потоком теплой воды они намыливали и гладили друг друга, пока Блестке не показалось, что она тает, а кости размягчаются, как резина. Ник на руках

отнес ее обратно в постель и укутал полотенцем. Потом позвонил и заказал в номер ужин на двоих. Сервис был на высоте, ужин привезли, как только они закончили одеваться. Ужин был плотным: стейк и картошка на пару, овощи и вода в бутылках. Они сидели на кровати и кормили друг друга, глядя на закат.

Блестка как раз добралась до половины десерта — огромного бананового пирога с кремом, — когда наконец решила вернуться к Нику:

— Не знаю, как это правильно сказать, но мне придется рано или поздно вернуться домой.

— Я знаю, — ответил он, — а мне точно так же рано или поздно придется отрабатывать зарплату.

Он подошел к своему чемодану, открыл его и вытащил пластовый пакет. Внутри виднелись семь капсул.

— Группа работает над одним проектом, над новым типом музыкальных систем, если тебе так больше нравится.

Если тебе так больше нравится. Ей нравилось все: его акцент, его глаза, его тело, то, как он себя с ней вел... Она почти различала невидимые струны, паутину, протянувшуюся от него к ней.

Он протянул Блестке пакет.

— Это не наркотик, клянусь. Но если ты будешь принимать по капсуле каждый день, то каждый день сможешь слышать новую песню «Старлеток и Спейсбоев», которая будет играть прямо в твоей голове. Эффекта хватит на два-три дня, но это будет непохоже на все, что ты чувствовала раньше.

Ник взял ее за руку и вложил пакет с капсулами в ее ладонь. И нежно сжал ее пальцы, целуя.

— Все начинается и... заканчивается.

— Я увижу тебя снова? — Эти слова вырвались прежде, чем она сообразила, что говорит вслух.

Ник ответил прямым взглядом.

— Да. И еще до концерта. Я подхвачу тебя еще до среды. Но сейчас, — он встал и предложил ей руку, чтобы помочь подняться с кровати, — нам обоим пора идти.

Они сели на автобус, идущий обратно, к Парку развлечений, где долго обнимались и целовали друг друга под небом, полным воздушных шаров и звезд.

— Увидимся там, — сказал Ник, указывая на горы Сандия.

Сжал ее руку на прощание, заглянул в глаза, отвернулся и растворился в толпе. Блестка чувствовала себя так, словно только что умерла.

К понедельнику она не могла избавиться от музыки в голове.

Поначалу это не было навязчиво. Первую капсулу она проглотила поздним утром в воскресенье. Позже, тем же вечером, Блестка вернулась домой и увидела мать, которая отключилась на диване в гостиной, оставив рядом пустую бутылку водки. Родстер так и не появлялся: видимо, ему не хватило смелости вернуться после попытки подкатить к дочери любовницы. Блестка не знала, нужно ли говорить матери об этом, и решила просто подождать и посмотреть, стоит ли вообще поднимать эту тему до ближайшей ссоры. Будить мать ради разговора не было смысла. Мать храпела громче ударной установки, она всегда так храпела после дозы крепкого спиртного — и при этом любила темный ром «Кэптэн Морган». Сегодня, подумала Блестка, мать неплохо развлеклась с капитаном. И слава Богу. Сама Блестка, счастливая, довольная и оттраханная, могла спокойно подняться к себе и выспаться.

Утром, когда она проснулась, солнце уже стояло высоко в небе, воздух прогрелся. На мобильный пришло сообщение, но не от Ника, как она втайне надеялась. От Мари, которая спрашивала, не хочет ли Блестка и сегодня отправиться на Праздник воздушных шаров. Хрена с два, учитывая вчерашнее, хотя жаловаться на окончание вечера ей не приходилось. Здорово вышло, рассмеялась она про себя. И отправилась на кухню в поисках чего-нибудь на завтрак. Хлопьев или печенья «Поп-тартс» не нашлось, был только одинокий тост, внешним видом вызывающий ассоциации с раскопками доисторических городов. Вспомнив о капсулах, которые лежали в кармане, Блестка набрала стакан воды из-под крана и собралась было проглотить все сразу, но тут вспомнила, что говорил ей Ник. *Боже*, — подумала она, обхватывая себя руками. — *Трахался он просто нереально. Потом встряхнулась и проглотила капсулу. И сам он классный.*

Она верила Нику, но все равно удивилась, когда в ее голове зазвучала музыка. Все началось даже не с мелодии, а с нескольких

разрозненных нот, доносящихся словно издалека, как из радио в машине, стоящей за несколько кварталов: почти незаметные звуки, которые не стихают, но и не приближаются. Звуки совершенно не мешали думать, просто вертелись в сознании, как ненавязчивый саундтрек. Днем в воскресенье она вышла в «Старбакс», потом вернулась к себе в спальню и решила позависать в Интернете. И все под странный ритм, ненавязчиво пульсирующий ударными где-то глубоко в голове.

Ник ничего не сказал ей о видео, и Блестка ничего подобного не видела, пока не закрыла глаза. Тут-то оно и появилось, в такт едва слышной мелодии. Группа мужиков, больше всего похожих на викингов — с длинными бородами, в рогатых шлемах, с топорами и мечами, — сражались с существами, похожими на женщин, вот только... Это были точно не женщины, хотя Блестка не могла понять, что же с ними не так. Викинги получали по заднице, причем круто: их буквально пожирали целиком, а почти-женщины смеялись и кричали, откусывали им головы и улыбались окровавленными ртами. Все было очень живым и настоящим, но повторялось целыми кусками: викингу откусывали голову, его тело несколько секунд дергалось, кровь хлестала из шеи, а потом тело падало.

Музыка стала громче при появлении видео, и Блестка внезапно узнала ее. Это была перепевка старой песни, которую когда-то играла ей мать и рассказывала, что та же песня звучала в родильном зале, когда Блестка появлялась на свет. Это был какой-то «Thursday» «Морфина». Ник тоже был на видео, он стоял сбоку, смеялся и кричал, подбадривая тварей, похожих на женщин.

Блестка села на постели, совершенно не сонная. Викинги, битва, жуткие твари в виде женщин... Все пропало. Только музыка до сих пор звенела в ушах, и на миг ей показалось, что она видит Ника, улыбающегося ей из угла. А потом он исчез, мелодия же зазвучала в полную силу.

Утром она долго лежала в постели, пока не сообразила, что настал понедельник и ей нужно собираться в школу. Поглядев на часы, она скатилась с кровати. Быстро разделась, нанесла на кожу лосьон с блестками, порвалась в куче одежды на дне шка-

фа, выбирая что-то относительно чистое и не мятое. Потом заглянула в кухню, но продуктов для завтрака там так и не появилось. Пришлось задержаться, налить стакан воды и запить им вторую капсулу.

К середине дня, на уроке химии, музыка перекрыла все другие звуки. Мари подсела к ней в кафетерии, чтобы о чем-то поговорить, но все ее слова казались неясной радиопередачей на незнакомом языке: они совершенно не имели смысла. Блестка хотела только одного — слушать музыку. В ее голове словно появился плеер, поставленный на повтор, и он уже играл не тихую жутковатую песню «Морфина». Гремел трек, которого она никогда раньше не слышала, неуловимо похожий на «The Four of Us Are Dying» «Nine Inch Nails», но более мрачный. Ей нравилась каждая нота, она даже пританцовывала в такт. Ее напарник по лабораторной, индеец по имени Кристос, даже покосился на нее и приподнял брови, словно спрашивая, все ли в порядке. Она только кивнула головой. Ей никогда раньше не было так хорошо. И она с нетерпением ждала утра вторника, чтобы принять следующую капсулу.

Блестка не видела снов в ночь с понедельника на вторник, но следующая капсула, похоже, открыла ту часть ее сознания, о которой девушка раньше и не подозревала. Она словно раскололась на три части. Песня в ее голове вполне могла быть еще не выпущенным треком «Puscifer», но отличалась — и не было слов, чтобы описать это различие, — сцены же битв 300-летней давности мелькали силуэтами на ее фоне. А перед глазами оставался этот мир.

И, конечно же, Ник. Ник все время присутствовал рядом и словно нашептывал ей что-то. Она ни на миг не задумывалась о том, какой ее видят одноклассники со стороны — Мари несколько раз пыталась заговорить с ней, но Блестка отпугнула ее, даже не осознавая этого. И отгоняла всех, пока Кристос не заступил ей дорогу в коридоре после химии и не заставил посмотреть ему в лицо. Блестка почти не слышала его слов за музыкой, просто чувствовала, что он говорит, не понимая слов.

— Эй, Блестка, как жизнь?

— Привет, Кристос.

Она попыталась его обойти, но он не пропустил. Индейцы всегда держались в школе обособленно, если не играли за спортивную команду или что-то вроде того. За все три года в старшей школе Блестка ни словом с ними не перебросилась и не понимала, с чего вдруг такая перемена отношения. Ей не нравилось, что Кристос мешает пройти, ей не нравилось, что со стороны она кажется дурой, которая не может справиться с ситуацией. Но он не пропускаял.

— Слушай... Ты глотаешь музыку, так ведь?

— Это не твое собачье дело!

Она попыталась протиснуться мимо, но он быстро загнал ее в угол и заговорил, быстро и твердо. Даже музыка внезапно поблекла, хотя и не стихла совсем. Кристос как-то помешал восприятию.

— Слушай, это реально дерьмовое дело. — Он оглянулся по сторонам, словно опасаясь незваных слушателей. — У меня есть кузен, Мигель, он работает в ресторане «Танцующий Орел» в Касабланке, знаешь?

Блестка ничего не сказала, даже не кивнула, и он продолжил:

— Мигель не устает говорить своему боссу о женщине, которая заказывала музыку. Эта женщина, англичанка, похоже, выглядела как его ожившая мечта. Работала с какой-то рок-группой, вроде искала им место для концерта. Она дала ему таблетки, которые позволили ему слушать музыку группы у себя в голове. Об этой группе никто ничего не слышал, какие-то «Стардасты и Спейсдримы»...

— Хватит...

— А через пару дней он начал прыгать и танцевать, в упор не видя и не замечая ничего, кроме музыки, которую слышал только он. И начал искать в пустыне эту сучку, эту Никки...

Блестка схватила его за воротник:

— А ну стоп. Никки?

— Никки. Мигель постоянно говорил о женщине по имени Никки. А потом ушел совсем, искать эту группу, и о нем уже две недели ничего не слышно, а теперь ты ведешь себя точно так...

— Заткнись!

Блестка оттолкнула его и, плача, побежала по коридору. Опомнилась она только на полпути к дому.

Музыка вернулась, набрала полную громкость, как только Блестка вышла из дверей школы, и теперь осталась лишь мелодия, дорога перед глазами и изображение на внутренней стороне век. Блестка немного потренировалась и поняла, что может регулировать уровень звука, стоит ей только подумать об этом. В ее голову словно вмонтировали сенсорный пульт управления музыкальным центром, который они с Мари видели в супермаркете несколько недель назад. Ей стало интересно, есть ли у громкости верхний предел, и она продолжала накручивать звук, даже когда из левого уха потекла кровь. К тому времени как под ногами захрустел гравий дорожки к дому, футболка с надписью «Твоя мать сука» пропиталась кровью. И стала выглядеть еще круче. Блестка заткнула ухо обрывком туалетной бумаги, чтобы не пачкать подушку, и рухнула в постель.

Очнулась она много часов спустя, снаружи было темно, но на востоке небо уже понемногу светлело. Блестка отправилась в ванную, набрала стакан воды и разом проглотила оставшиеся капсулы. Музыка внезапно прекратилась, и на секунду ей показалось, что она сейчас выберется из собственной кожи, как бабочка из кокона. Но поначалу не поняла, что с этим нужно делать.

А потом подошла к окну и посмотрела на горизонт, туда, где заканчивался город и в небо над пустыней поднимались горы Сандия. Она знала, что это невозможно, и все равно видела Ника, стоящего у подножия горной гряды. Он скрестил руки на груди и улыбался, словно ждал, когда она подойдет. На западе гроыхала гроза, которая часа через два могла добраться до Альбукерке. Возможно, подумала Блестка, в пустыню удастся проскочить до дождя.

Она поспешно влезла в грязные джинсы, натянула футболку с «Coke Dares». В таком прикиде она самой себе казалась маленькой и беспомощной, но в том-то было и дело: такую неприглядную мелочь никто в мире не станет запоминать, останавливать или приставать. Да и кто посмеет причинить ей вред, когда ее защищает Ник?

Тихонько приоткрыв дверь спальни, она на цыпочках спустилась по лестнице в холл. Впрочем, мать храпела так громко, что с тем же успехом Блестка могла бы топать, как слон. На всякий случай она заглянула в комнату матери — ни намека на присутствие Родстера — и только потом вышла через гостиную.

Ее всегда удивляло, насколько тихо становилось вокруг за несколько часов до рассвета. Сейчас, когда музыка перестала звучать, тишина казалась особенной. Хотя, может, действительно только казалась. Блестка чувствовала в ушах какую-то вибрацию — помимо звука собственной крови. Так, наверное, змеи ощущают вибрации дороги, на которую собираются выползти.

Ну, хоть из уха больше не течет, — подумала она, подходя к двери. И тут почувствовала что-то влажное между ног. *Черт, вот только месячных мне сейчас не хватало, толку-то с ними выходить.* Добежав до туалета, она быстро подмылась, вставила тампон и поменяла трусики, а затем снова бросилась к двери.

Небо было черным, звезды рассыпались по нему, как цветные цукаты, конфетти или что-то такое. Мама Мари обычно украшала такими шоколадные торты на их дни рождения. Блестка на секунду вспомнила о Мари, но воспоминание было туманным, вроде старой мечты о подруге, с которой можно поделиться сокровенным. А потом луна скрылась за облаком, первым из надвигающегося грозового фронта. За дорогой все еще сияла в лунном свете пустыня, похожая на черное полотно с блестящими серебром кляксами пыли.

Несколько минут — и Блестка оказалась там, в темноте и одиночестве, далеко от дороги. Обходя холмики, которые могли оказаться гнездами пауков или муравьев, она зашагала к горам.

А что случится, — думала она, — *если я уйду и никогда не вернусь?* Она представила себе, как умрет в этих горах. И что? Неплохой способ со всем покончить. В прошлом году девчонка из десятого класса наглоталась успокоительного, которое пила ее мать, и заработала передоз. Блестка вспомнила выпускника, который несколько лет назад повесился в раздевалке в шкафу. Ходили, правда, слухи, что это было не самоубийство: просто не рассчитал, заигравшись. Несколько ребят из футбол-

ной команды говорили, что рядом с телом нашли гей-порно, но какая уже была разница? Смерть есть смерть. Хотя лучше, конечно, умереть под звездным небом, заснуть и не проснуться, почувствовав напоследок тепло первых солнечных лучей.

Она все шагала к горам на севере. В отдалении виднелась Индиан-Скул-роад, полоса асфальта извивалась и исчезала в горах, закрывших горизонт. На шоссе 40 вдали мелькнула двойная полоска фар. Кто-то уезжал из штата. *Зачарованная земля, мать ее*, — подумала она. В школу ей сегодня явно ни к чему.

Возможно, я останусь тут часов до десяти, а потом просто пойду домой. Мать к тому времени наверняка будет на работе. И все получится просто здорово. Мать уходила обычно в восемь утра и возвращалась в половине девятого, вечером, поэтому она наверняка решит, что Блестка отбыла свое в школе. Из школы не станут звонить насчет прогула раньше 9:15 утра, так что она сможет стереть сообщение с автоответчика, а потом написать записку, вроде как от матери. Или что-то типа того. Позже она что-нибудь придумает, как и бывало обычно. *Если оно будет, это «позже».*

Внезапно музыка снова заиграла в ее голове, и в тот же миг она увидела Ника, который стоял почти рядом, на груди камней, и улыбался так, словно ждал ее тут все это время. Ей очень хотелось побежать к нему, но это было бы не круто. Пришлось просто улыбнуться в ответ.

— Я по тебе скучала, — сказала она.

Не круто, зато честно. И обняла.

Он прижался к ней, обмяк и спросил, словно издалека:

— Ты приняла все капсулы сразу?

Он, похоже, совсем не злился, и голос у него был мягкий и тихий; Блестка чувствовала, как этот голос рождается в глубине его груди. Ник был одет в свободные брюки и футболку с надписью «Старлетки и Спейсбои — Тур Тысячелетия». Надпись была нарисована на боку автобуса, решетку радиатора художник превратил в зубастый рот.

Блестка кивнула, прижимаясь к его груди, и он рассмеялся:

— Не беспокойся, все так делают.

Часть ее сознания, какой-то дальний уголок, который еще сохранил способность мыслить, сумел даже разозлиться на такой ответ (*он что, со всеми так же поступает?*), но злость быстро пропала от вопля сотни разных голосов. Она только крепче сцепила руки.

— Пойдем, — все так же весело сказал Ник. — Пора знакомиться с группой!

Он осторожно высвободился из ее рук и развернул Блестку лицом к горам. А потом взял под руку и повел.

Автобус у подножия скал словно материализовался из воздуха: раз — и на месте, где ничего не было, уже едет навстречу он, темный и гладкий. Слева небо прошла молния, раскат грома заглушил рев автобусного мотора. Сам автобус двигался к ним из темноты, его фары слепили, как глаза древнего чудовища, а решетка радиатора выглядела точно так, как у Ника на футболке.

Это был один из тех больших пассажирских автобусов, которыми пользуются «Грейхаунд», вот только ветровое стекло и окна были не затонированы, как обычно, а полностью покрашены черным. Музыка редела из невидимых динамиков, настолько громкая, что сложно было разобрать мелодию, но ритм совпадал с тем, что играло в голове Блестки. Мысль о том, что с автобусом что-то очень не так, была далекой и смутной, словно поднималась из колодца в тысячу миль, и у Блестки не было времени думать. Автобус вырулил прямо к ней, пришлось отпрыгнуть с дороги, и перед ее носом с шипением открылась боковая дверь.

Блестку тут же окутало облако странного запаха: чуть-чуть похожего на травку, причем неплохую — не то мексиканское дерьмо, которое местная шпана продавала в школе по четвертаку за косяк. Пахло настоящей травой с Ямайки, которую Блестке удалось попробовать пару раз с ребятами из колледжа и от которой она поймала все глюки, что довели Боба Марли до рака мозга. Она глубоко втянула воздух, наслаждаясь тяжелым запахом и тем, как трава щекочет мозг.

Ник первым вошел в автобус, картинно поклонился и протянул ей руку — как джентльмен, но при этом с ехидной улыбкой.

Блестка впервые заметила, как выглядят его зубы — острые и тонкие, — и удивилась, что не почувствовала этого, когда Ник ласкал ее соски и клитор. При виде этих зубов ей на миг захотелось сломя голову бежать прочь, но она подавила это желание и замерла, не вполне понимая, что с ней происходит.

А потом вдруг вспомнила сон, который снился ей несколько месяцев назад: сон о волшебном автобусе в пустыне, который заберет ее от всего — от матери, школы, парней, которые вечно пялятся на ее грудь и никогда не смотрят в глаза. И вот этот автобус возник перед ней наяву. Внутри ждала травка — классная, заводящая одним своим запахом, — внутри был Ник, который выглядел как ее ожившая мечта, и он протягивал ей руку, другой держась за перила. Он приглашал ее в мир, где больше не будет никаких проблем.

Блестка зашла за ним в автобус. Дверь закрылась, и Ник внезапно растворился в темноте салона. Она почти не видела водителя, который улыбался ей поверх белой полоски воротника над курткой, приветствуя стандартным жестом «добро пожаловать на борт». Автобус дернулся и двинулся.

Вонь травы была настолько густой и ядреной, что Блестка спотыкалась, пытаясь двигаться по проходу. Ник куда-то исчез, не только из виду — его вообще не было, она стояла в этом проходе одна. Виднелись только нечеткие размытые очертания сидений, и появился новый запах, на который она изо всех сил пыталась не обращать внимания.

И вдруг Ник снова оказался перед ней, аккуратно, но твердо взял за руку (*почти как Род*, — подумала она) и медленно повел дальше по проходу. Автобус казался длиной мили в две, наверное, густой наркотический дым давал о себе знать. Блестка подумала о том, что же тут на самом деле курят и как оно будет чувствоваться напрямую, а не в виде дыма. Ник, казалось, прочитал ее мысли, потому что подмигнул, прижал палец к губам и улыбнулся, поигрывая бровями. Очень похоже на старого комика, который всегда выступал с усами, густыми бровями и сигарой в старых черно-белых фильмах.

Музыка стала еще громче, тяжелая и мрачная, немного похожая на треки «Баухауса» или Мэрилина Мэнсона. Басы

грохотали так, что пол уходил из-под ног, вот только шли они не из вмонтированных под потолком динамиков, а словно из самой Блестки. Ей, однако, было не до музыки.

Тот, другой запах, который она так старалась игнорировать и который почти терялся за вонью марихуаны, был мерзким и жутким, он пробирал до самого нутра, и желудок сжимался Блестку тошнило. Он, похоже, шел от кресел, точнее, от силуэтов в этих креслах. Поначалу ей казалось, что люди просто заснули, но картина начала прорисовываться. Сиденья были чем-то испачканы, и люди на них странно оплывали, словно не сидели, а были... приклеены.

Ей удалось сфокусировать взгляд на сиденьях, и вдруг она поняла, *что* видит на самом деле: кресла были зубами, а между ними застряли тела на разных стадиях разложения. Глаза приспособились к темноте, дымовая завеса рассеялась, и силуэты приобрели знакомые очертания. Один из них выглядел как Род, а напротив него сидели Крестос и другой индеец. И сидели они не прямо, их словно... искорежило, не оставив ни одной целой кости. Желудок подскочил к горлу, Блестка почувствовала, как изнутри поднимается крик, но не смогла издать ни звука, потому что Ник положил руку ей на плечо и медленно развернул к себе.

Свет в его глазах очаровал ее, заставил замереть, и она услышала тихий голос, который почему-то перекрывал рев музыки.

— Ты моя старлетка, а я твой спейсбой.

Что-то мягко сломалось у нее внутри, и не осталось ничего, кроме Ника и музыки, прекрасной, громкой, ревущей музыки.

Блестка улыбнулась ему и закрыла глаза. Она любила его всем сердцем. Но не хотела видеть, как челюсти Ника сомкнутся на ее черепе.

АРДАТ МАЙХАР

ХУДШИЙ СПОСОБ УМЕРЕТЬ

Быть констеблем в таком прыще на дороге, как городок Хакберри в штате Техас, — *скучно*. Пьяные, любители поколотить жен, детишки, которые воруют арбузы, — вот и весь цвет местного криминального общества. Грабителям нечего ловить посреди лесов восточного Техаса в те времена, когда Депрессия сожрала единственного местного миллионера. Старый Базз Гарли все равно был дерьмом, в долг не давал, а у остальных денег хватало разве что на банку с табаком. От его банкротства никто ничего не потерял.

А вот Пиндары — чем они зарабатывали и как выживали, не знал никто. В городе с населением в двести человек все друг друга знают, и только семейка Пиндар оставалась загадкой с тех пор, как дед их старика перебрался сюда несколько поколений назад. Никто не знал, откуда у них взялись деньги на покупку фермы, но денег хватило даже на то, чтобы вдова железной рукой управляла сыновьями и невестками лет примерно пятьдесят. Гоняла она их, как мулов, и ни разу не слышала «нет». Старухе хватило пороку даже на то, чтобы управлять внуками.

Деньги Пиндаров, были они у них или нет, сводили с ума старых сплетников возле парикмахерской. Их сыновья продолжали трепаться о деньгах, когда я был маленьким, но ни одна догадка или слух не подтвердились, так что и правнукам тех старых ослов хватит тем для трепа — если город к тому времени не вымрет от голода. На ферме остались четверо Пиндаров, но двое переехали на север сразу после смерти бабули и возвращаться не собирались. Нам же достались Деннис Пиндар и его женушка Глэдис, и уж она, поверьте мне, была той еще гримзой.

Каждую среду, после проповеди в нашей баптистской церкви, то есть после единственного выхода в «свет» со своей фермы, она выбивала из бедняги Денниса все дерьмо. Что ее так доставало в проповеди, я не знаю. Да и никто не знает, потому что

Пиндары появлялись только по средам и не разговаривали даже со священником, который, глядя им в глаза, открыто говорил, что неплохо бы пожертвовать десятину на церковные нужды. Ну и, естественно, ни цента от них не дожидался.

В мире мало вещей, я думаю, способных разозлить людей больше, чем то, чего они не могут иметь, и то, чего они не могут понять. То немногое, что Пиндары покупали в Хакберри, они оплачивали старыми, мятыми и затхлыми долларовыми бумажками. Никто из них не был замечен ни на какой работе, кроме как на самой их ферме, причем урожай они никогда не продавали, так что происхождение мятых бумажек оставалось тайной для горожан. Ходил слухок о сундуке с деньгами, спрятанном на той ферме, но никто и никогда не пробирался дальше крыльца, а чаще всего и дальше калитки, так что о том, где спрятан сундук, оставалось, опять же, только гадать. Если этот сундук вообще существовал, в чем я сомневаюсь.

Когда я был ребенком, сплетни у парикмахерской и на крыльце по вечерам меня мало интересовали. Зато стоило мне дожить до двадцати шести, и меня тут же назначили констеблем, так что сбор слухов начал входить в мои непосредственные обязанности. Дело в том, что, когда округу понадобилось посадить в Хакберри констебля, одного на двадцать миль окружающих ферм и лесов, три старика во главе нашего города решили, что чужак на такой должности им не нужен, а чужаками были все, кого они не знали лично.

Мне же хватало лет, силы, роста и веса, но не хватило мозгов вовремя понять, насколько скучной окажется работенка. В то время я занимался колкой дров в обмен на кукурузу и другие продукты, которыми мне могли заплатить. Другой работы в округе просто не было. Я даже думал податься в город побольше, вроде Тайлера или даже Далласа, поэтому с радостью ухватился за возможность зарабатывать пятнадцать долларов в месяц. Да и начало службы вышло нескучным благодаря Глэдис Пиндар.

Вы не забывайте, на дворе был 1933 год. В глубинке не было нынешнего освещения, телефонов и прочих чудес техники. Так что, когда поздней ночью в среду маленький Анида Ралстон заколотил кулаками в мамину дверь, вытаращив глаза и заходясь

криком, что миз Пиндар вот-вот убьет своего мужа, если никто не помешает, я только обрадовался возможности принести пользу. Прихватив старика «Кольта» 45 калибра, я помчался за парнишкой через лес, ручей и поле прямо к ферме Пиндаров. Бежать было недалеко, но раньше я никогда там не бывал, потому что мама терпеть не могла Глэдис.

А это значило, что я впервые увидел знаменитую ветряную мельницу, которая накачивала воду в бак на высоких опорах, откуда она попадала в дом Пиндаров. По слухам, туалет у них тоже был в доме! Пареньку, который вырос в доме со старым добрым уличным сортиром, такое казалось невероятным. Папа объяснял мне, как действует выгребная яма, но мне это казалось жуткой антисанитарией.

У меня не было времени разглядывать мельницу, потому что из главного дома доносился неслабый шум. Крики ярости и боли мешались со стуком и звоном битого стекла. Если они развлекались так каждую неделю, в доме наверняка не осталось ничего будущего. И все равно я покосился на мельницу и только потом вынул «Кольт», проверил патроны и двинулся на поле боя. Мальчишка держался позади, на безопасном расстоянии.

Стоило мне взойти на крыльцо, и банка с фруктовым джемом вылетела через дверь, чтобы разбиться об одну из опор крыльца. Стало ясно, что пора прекращать это дело, и я завопил:

— Мистер и миз Пиндар, это Кэл Хэмптон, новый констебль. Пожалуйста, успокойтесь, чтобы я мог с вами поговорить. Криком ничего не решишь. Выходите ко мне, или я зайду к вам, если вы не против.

Ответа не последовало, но шум прекратился, что я принял как приглашение пройти внутрь. В комнате царил разгром. Все, что там было стеклянного, разбилось, мебель была разбросана и перевернута. К счастью, керосиновая лампа уцелела высоко на полке, и эта компания не сожгла дом вместе со всем содержимым. Я прищурился в сумраке комнаты, пытаясь разглядеть людей, и тут меня ткнули в грудь. Только тогда я догадался опустить голову и заметил крошечную женщину, все еще не старую. Весу в ней было килограмм тридцать шесть, и укомплектована эта хрупкость была глазами, которым в самый раз было сверлить железо.

— Что тебе, мальчик? — провизжала она.

За ее спиной возникло движение, тощий молодой человек выбрался из-под перевернутого дивана и застонал.

— Как насчет спасения моей жизни? Кажись, именно этим должен заниматься страж порядка.

Я раньше никогда не слышал, как люди скрипят зубами. Она заскрипела, и звук получился просто жуткий. А потом занесла руку для удара, и мне очень не понравился вид ее кулака. Я видел отметины на лице и теле ее мужа и не хотел занять себе нечто подобное на уровне ее роста, так что поднял ее на руки и усадил на диван рядом с Деннисом. До сих пор удивляюсь, что обошлось без царапин и укусов, потому что вела она себя как пойманная дикая кошка.

То была моя первая встреча с этой парочкой, и я смог успокоить их, не доводя дело до кровопролития. Но я догадывался, что такой мир ненадолго, и не ошибся. Деннис не мог бросить ферму своей семьи, а она не перестала вытирать им все полы по вечерам в среду, так что я оказался прав и перестал с ними возиться. Даже если они в итоге убьют друг дружку, как ни крути, это никого не огорчит.

И все шло нормально, когда я прекратил попытки усмирить Пиндаров. Программа общественных работ начала давать рабочие места, мужчины строили дороги и мосты, даже разбивали при дорогах вполне симпатичные парки со столиками и скамейками. Мало-помалу рацион местных жителей перестал состоять из выловленных в реке сомов и того, что удалось отбить на огороде у поссумов. Я женился и переехал в собственный дом, родились ребятишки, а на работе я все так же приглядывал за лунатиками и ворами арбузов.

Конечно, в городе не обходилось без семей вроде Педди или Вендерсов, которые не упускали шанса нажить себе проблемы, но я умел с ними управляться. Достаточно было поймать ближайшего Педди или Вендерса, выписать ему чертей, и остальные тут же успокаивались на месяц или два. Жаль только, порой думал я, что такой метод не сработал с Глэдис Пиндар, потому что в меня с самого рождения вдалбливали мысль о том, что женщин бить нельзя ни при каких обстоятельствах. И переступить через себя

я не мог, сколько бы ни видел мужей, регулярно избивающих жен, даже когда в этом не было смысла.

К началу Второй мировой я дожил до пенсионного возраста, но у меня была семья, и работу мне оставили. Не было других желающих на это место, а зарабатывал я всего тридцать баксов, прожить на которые удавалось только благодаря продуктам с собственного огорода. К тому же я лучше всех справлялся с работой, которую к тому времени разнообразили подростки на родительских машинах, слишком быстро едzące по грунтовым дорогам и то и дело заканчивающие свой путь в канавах. Со мной в качестве стража порядка округа была тихой.

А потом правительство решило оборудовать лагерь для военнопленных посреди леса в шести милях от Хакберри. В какой-то степени это было разумно. Им нужны были работники для прокладки дорог и узкоколеек, служащих для вывоза лесоматериала, который те же пленные должны были поставлять. У нас же по поводу лагеря были смешанные чувства. Старики у парикмахерской, которым все равно нечем было заняться, только об этом и говорили. Им совершенно не нравилась идея о том, что группа молодых, сильных немцев появится неподалеку от местных девушек, никогда не знавших никого, кроме соседей и родственников. Большинство браков в городке и так были в определенной степени смешанными, просто потому, что выбора не оставалось, бензин был дорог и мало кто путешествовал. Война забрала многих молодых парней, и даже я понимал, что лагерь, полный молодых, сильных и совершенно чужих здесь мужчин может стать причиной проблем, о которых правительство даже не догадывается.

Но я представить себе не мог, какие проблемы возникнут на самом деле. Пришлось потратить немало времени на поиск девушек, которые отправлялись за ягодами (несмотря на то что для ягод был не сезон) и попадали в болото или терялись в чаще леса. И немало времени на поиск военнопленных, которые без труда пробирались за ограду лагеря — не особо укрепленного, потому что бежать было некуда. Стоило им выбраться в лес, и они тут же обнаруживали, что понятия не имеют, как выживать в дикой природе Восточного Техаса. Даже те парни, что дома привыкли к лесам, были буквально счастливы, когда я находил их и возвращал

в лагерь. Вполне возможно, что они выбирались к девушкам, но вместо этого находили клещей, ядовитых змей и рысей.

В итоге я не мог посещать парикмахерскую и церковь так часто, как привык, и больше года просто не успевал задуматься о Пиндарах. Вот почему меня так удивило, когда Мэтти, моя жена (и троюродная кузина), однажды за ужином сказала:

— Знаешь, Кэл, Пиндары уже месяц не показываются на службах. Миз Кери даже предлагала отправить к ним кого-то, чтобы проверить, все ли там в порядке, но добровольцев не нашлось. Глэдис такая стерва, что никто не знает, с чем придется столкнуться.

Для меня это стало шоком. То, что Пиндары появляются каждую неделю, слушают молитвы, а потом устраивают драку, давно превратилось в неотъемлемую часть нашего мира, вроде комаров при жаре.

— И ты хочешь, чтобы я поехал к ним и проверил? — спросил я. — Неплохо для разнообразия. Честно говоря, я уже очень устал от погони по лесам за беглыми немцами и нашими девицами. И очень удивлюсь, если на следующий год у нас в городке не будет наплыва крепеньких белобрыхых младенцев, потому что мне одному никак не справиться с происходящим.

Она склонилась ко мне и сжала мою ладонь.

— Я буду очень благодарна, Кэл. Когда что-то привычное, словно восход солнца, вдруг резко прекращается... это странно. Может, кто-то из них заболел или она наконец добила муженька... — Мэтти осеклась, словно сама испугалась своих слов.

На следующее утро я отправился к Пиндарам. Но так как жил я уже в Хакберри, а не на ферме отца, пришлось брать «Плимут» 1930 года и катить по избитым колесами лесовозов дорогам через лес. Примерно в 8:30 я добрался до их ворот и послышал. Невежливо, знаю, но деревенские ребята, знаете ли, держат собак, способных откусить вам ноги раньше, чем вы представитесь. Однако собака не показалась и не залаяла, никто не вышел на крыльцо, так что пришлось самому идти во двор.

— Миз Пиндар? Это Кэл Хэмптон! — закричал я, потому что у нее в доме вполне могло оказаться оружие, о котором я не знал. — Мистер Пиндар? С вами все в порядке?

Ответом была долгая тишина. А потом топот ног — и дверь дома распахнулась.

— Мы в порядке! Уезжайте! — провизжал голос, который невозможно забыть.

— В городе волнуются, потому что вы перестали приходить в церковь. — Я старался говорить как можно спокойнее.

— Передайте им, что мы в порядке. Нам ничего не нужно и не будет нужно. Убирайтесь отсюда!

И я убрался, ведь в мизинце этой миниатюрной мегеры было больше властности, чем во всем генерале Роммеле. И забыл о ней на несколько месяцев, потому что на меня внезапно свалилась еще и помощь городу Прецинкт-Три, констебль которого отправился на фронт.

Анида Ралстон к тому времени вырос в призывника, и его забрали на подготовку. Я привык, что он помогает время от времени, когда мне самому не хватает рук, поэтому приехал проводить его во время последней его побывки перед фронтом. Но отправиться в гости я не успел, парень сам пришел ко мне домой в свой последний день.

Выглядел он аккуратным и подтянутым, что было хорошо, но при этом до жути печальным.

— Заходи, садись, Анида, — сказал я, указывая ему на скамью. — Тебя что-то тревожит?

— Миста Кэл, я, кажется, видел призрака.

У него дрожал голос, и я достаточно хорошо знал этого парня, чтобы понять: он не лжет, но при этом боится, что я ему не поверю.

Я положил руку ему на плечо и почувствовал, как его трясет.

— А подробнее? — спросил я.

Он выпрямился и снял фуражку.

— Вы ж знаете, моя мама живет ближе всех к ферме мистера Денниса Пиндара. С нашего загона для коров видно их задний двор. Я вышел в последний раз подоить старую Дэйзи, это было как раз на закате. И тут я понял, что вижу что-то высокое, тощее и почти прозрачное. А потом это что-то начало стонать, словно ему больно. Жуткий звук.

Анида заглянул мне в глаза и осторожно продолжил:

— Мама говорит, что не видела мистера Пиндара несколько месяцев, а обычно здоровалась с ним, когда он работал в саду или чинил забор. Мама думает... — Похоже, ему трудно было собраться с духом, и все же он закончил: — Мама думает, что миз Пиндар убила его и бросила в ту выгребную яму, которой так гордится.

Я, наверное, вздрогнул, потому что он кивнул.

— Она так думает, миста Кэл, а вы знаете, что моя мама не из тех, кто станет выдумывать такое. Вы не могли бы проверить, как там что? Ма очень расстроена. Говорит, что хватит с нее того, что я отправляюсь в Европу, где война. Ей ни к чему еще об этом волноваться.

А потом он попросился, я даже позвал детей, чтобы пожали ему руку, и все размышлял над задачкой, которую он мне подбросил. Я был констеблем уже восемь лет, но ни разу не имел дела с убийством. То есть были, конечно, бытовые убийства, из-за границ участков, угнанного скота или если кто застал вдруг жену с любовником. Но от спланированного осознанного убийства меня пробирала дрожь.

Я помахал Аниде на прощание, когда тот сел в машину дяди Нэда, который должен был отвезти его в Темплтон. Пиндары всё не шли у меня из головы. Каким чертом мне узнать, что кроме дерьма плавает в той яме?

Ну а потом у меня наступили жаркие деньки. Старик Эллисон отправился охотиться на оленей, чтобы запасти семье мяса на зиму, и нашел в лесу труп. Такое бывало, но проблемы начались, когда выяснилось, что тело принадлежит федеральному агенту, который работал над каким-то важным правительственным делом — нам даже не намекнули каким, зато прислали шерифа, техасских рейнджеров (ладно, пусть только одного) и даже ребят из самого Вашингтона, и все это на мою старую голову. Все, кроме рейнджера, который оказался коротышкой ростом мне по плечо, понятия не имели, как вести себя в лесу, чтобы не нарваться на змеинный укус и не запутаться в терновнике.

Хуже того, труп пролежал в лесу несколько месяцев, и шансов найти в буреломе следы убийцы практически не было. Будь тот парень местным, все было бы иначе, но беднягу занесло к нам из самого Висконсина, так что о нем никто ничего не знал и не

слышал. Ну, ясное дело. Да с какой стати кто-то из наших ребят стал бы стрелять в чужака из Висконсина? Скорей всего, его убили из-за расследования, которое он вел. До этого приезжие спецы додумались только к концу зимы, устав скакать по лесу.

И к концу этого дела я успел забыть о матери Аниды и том призраке. Но парень меня до чертиков удивил. Он написал мне письмо! А в те времена цветной парнишка, умеющий писать, был чертовской редкостью, потому что школ для черных почти что и не было. Анида с задачей справился, и когда я продрался сквозь ошибки и почерк, то понял, что паренек сильно волнуется за мать, которая пишет ему чуть ли не каждую неделю.

И я решил начать собственное тихое расследование, раз уж никто в этой части округа не горит желанием разозлить Глэдис Пиндар. Я поговорил с Мэтти, расспросил даже маму о том, что они по этому поводу думают. Мама была разумной леди, поэтому не стала юлить.

— Я знаю Минти Ралстон с детства и помню, что она никогда не врала. Если она говорит, что там что-то есть, она наверняка это видела. Но будь осторожен, Кэл. Я знаю, ты сможешь найти место, откуда можно будет наблюдать, не попадаясь на глаза Глэдис. Твой заместитель из Темплтона, видимо, не поможет?

Я покачал головой. Солдат этот парнишка или нет, он черный, и его мать тоже, так что писем будет явно недостаточно, чтобы официально запросить помощь и на законном основании несколько недель прочесывать лес. Я знал, что придется действовать в одиночку, рассчитывая разве что на помощь Минти Ралстон.

Забавно, как разнятся ощущения в зависимости от того, кого на рассвете ждешь в засаде: оленя, стаю уток или же призрака на крыше сортира. К тому времени я уже знал о выгребных ямах... даже моя семья в новом доме пользовалась такой же, и дети только радовались и удивлялись, как это удобно — не высказывать на двор в ледяную зимнюю ночь. Я знал старика, который копал яму для Пиндаров, так что нашел его и выспросил о точном расположении той штуки и о том, какой крышкой ее закрывают. Он пообещал никому не рассказывать о нашем разговоре, и я ему верил.

Так что пришлось скорчиться под кустом и пытаться что-то рассмотреть в рассветных сумерках. Вскоре послышались шаги

Минти, отправившейся доить старую корову, и я затаил дыхание, насторожившись. Пришло время проверить, явится ли сегодня привидение.

Не явилось. И на следующий день тоже. Только на четвертое утро я услышал печальный вопль из дома Пиндаров, почти неразличимый за звоном подойника. Я поднялся, раздвигая ветки кустарника, и увидел тонкий силуэт, паривший над тем местом, где, по словам старика, находилась крышка той проклятой ямы.

Прячась в тени, а потом за коровой, я прошипел Минти:

— Нэд сможет выйти, а потом выступить свидетелем? Призрак там, но мне нужен кто-то, кто потом это подтвердит под присягой.

— Он у меня не слишком быстрый, но он пойдет с вами. Я его приведу.

Она понесла ведро с молоком к дому, и вскоре старый Нэд, опираясь на палку, уже ковылял ко мне в ожидании приказов.

Я подхватил мешок, в котором принес лопату и кирку, и мы тихо прошли к задней калитке, ведущей во двор Пиндаров. Силуэт так и парил над выгребной ямой, испуская тихие стоны. Его ничуть не беспокоило наше присутствие, так что я прочистил горло и спросил:

— Деннис Пиндар? Ты там? — И кивнул на засыпанную землей крышку цистерны.

Он ответил странным бульканьем, и я понял, что не ошибся.

— Присядь, Нэд, мне придется немного покопать. Я знаю, что физической работы твое сердце не выдержит, мне нужно только, чтоб ты потом подтвердил в суде, где я это нашел... Если я что-нибудь найду, конечно.

Добраться до крышки было совсем легко. Ее зарыли здесь около тридцати лет назад, и за эти годы лист гофрированного железа проржавел почти что насквозь. Как только лопата пробила этот лист сверху, вонь поднялась невероятная, потому что все собравшиеся газы разом рванули наружу. Но даже все скопившееся дерьмо не могло сравниться с запахом гниющей плоти. Запахом, который нельзя не узнать или с чем-то перепутать.

Я отправил Нэда домой, предупредить Минти, а сам взялся за землечерпалку и запустил ее в яму. С бульканьем и шипением на поверхность поднялось тело. И, клянусь, ничего более жут-

кого я в жизни не видел. По сравнению с ним даже тот найденный в лесу бедолага выглядел просто красавчиком. И запах от него шел такой, какого я даже представить себе раньше не мог.

Примерно в это время распахнулась задняя дверь дома и Глэдис вылетела оттуда, злая, как целый рой шершней.

— Какого черта вы делаете у меня во дворе и почему роетесь в моей... — Она резко замолчала, заметив, чем именно я занят.

— Миз Пиндар, вы арестованы. Один из сыновей Минти Ралстон уже на пути в город, чтобы вызвать по телефону шерифа из Темплтона. Я только что обнаружил тело вашего мужа в выгребной яме, и никто ни за что не убедит меня, что он сам туда спрыгнул, а потом закрыл за собой крышку.

Она ничего не сказала, даже когда приехал шериф, весь в холодном поту от ужаса, что потревожил самих Пиндаров. Ее губы были сжаты, как пасть капкана. Но отрицать очевидное — тело в яме и то, что никто в целом мире не имел ничего против Денниса Пиндара, — было невозможно. Я смог написать Аниде Ралстон о том, что проблема его мамы решена и суд присяжных не нашел никаких оправданий Глэдис Пиндар.

А теперь я давно уже на пенсии, и война давно закончилась, и Анида вернулся домой к маме и дяде Нэду, чтоб позаботиться о стариках. Я каждый раз хожу по средам на церковную службу и больше не вижу, как бедняга Деннис получает тумаки от своей тощей злобной жены. Да, это рассказ именно о ней, о женщине, которая дважды, а точнее, трижды появлялась в моей жизни. Я порой думаю о том, каково ей в тюрьме. И понимаю, что мне плевать на ее возможные страдания.

Чего я никогда не забуду, так это вони, которая рванулась из той дыры, и прозрачной фигуры бедняги Денниса, парящей над его телом. Разобравшись с делом, мы устроили ему достойные похороны, и теперь он лежит на кладбище рядом с отцом. И я приложу все усилия, чтобы Глэдис закопали на тюремном кладбище Хантсвилля среди таких же никому не нужных убийц. Жаль только, что я не могу засунуть эту тварь в ее же выгребную яму!

МАЙКЛ БОТМАН

ДРОЖЬ

Санни Трубадур ждал, когда выдадут деньги по предъявленному чеку, и тут у тротуара притормозил «Кадиллак-Эскалада» Скарпа Рифкина. С тремя сотнями фунтов дерьма человеческого на борту.

Санни понял, что остаток дня только что с плеском ушел в унитаз.

Этого мне только не хватало, — подумал он.

Он сунул чек в карман и хрустнул пальцами. Вечно унылые банковские работники, согласно традиции Города Ветров, тут же плюхнулись на пол при виде Норманна Морриса, известного как Номо, и Л'Дондрелла Уизерспуна, больше известного как О-газм.

— Правильно, — хмыкнул Номо. — Всем уродам лизать линолеум. Жопы сжать, чтобы я никого сегодня случайно не пристрелил.

Санни остался стоять. Номо это заметил.

— А у тебя что, колени не гнутся, уродец?

Санни пожал плечами:

— Колени в порядке. Но падать я сегодня не буду.

Номо приподнял бровь.

— Что-что ты не будешь?

— Чего он сказал? — поинтересовался О-газм.

— Тут нам большой парень заявляет, что не собирается *жрать* линолеум.

О-газм ахнул.

— Следи за толстухой, — сказал Номо, указывая на огромную крашеную блондинку за пуленепробиваемым стеклом кассы. — Пристрели кого-нибудь, если шевельнется.

Сам Номо направил девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр» прямо в лоб Санни.

— И кто же тут у нас такой крутой?

Санни уставился на черное дуло.

Все равно жизнь дерьмо, — подумал он.

— Не так уж круто он выглядит, — бросил через плечо О-газм.

Номо сверкнул золотыми зубами, своей гордостью в гетто, и у Санни заболел глаз. Бандит гордился тем, что потратил на свою улыбку столько чужих денег, что любой расист из южно-африканских экспортеров при виде его пасти запел бы «Боже, храни Америку».

— Ну и кто ты у нас такой? — спросил он. — Черный Супермен?

— Нет, — сказал Санни. — Но если ты не пристрелишь меня в ближайшие десять секунд, я отниму у тебя эту пушку и засуну ее тебе в задницу.

— Господи, помоги! — взывала толстуха за кассой.

Номо покачал головой, словно не веря собственным ушам. Потом моргнул и уставился через плечо Санни на фургон, который затарахтел у обочины.

— Пять секунд, — сказал Санни.

— Да я... — Номо запнулся. Кончик языка вынырнул из золотой пещеры, облизал губы и спрятался обратно. — Да я сейчас... И Санни бросился на него.

Номо выстрелил, пуля прошла над левым плечом Санни и пробила дыру в витрине банка, запустив сигнализацию. А потом Санни вышиб ствол из его руки.

— Эй! Да ты что, чувак!

Это было *последнее*, что Номо сказал, потому что в следующий момент подавился кулаком Санни.

— Йо! Йо! Йо! — заклонило О-газма.

Санни схватил Номо за воротник и с разворота повел по кругу. Ствол в руке О-газма беспомощно задергался из стороны в сторону.

— Да стой ты спокойно, урод! — завопил он.

Санни запустил Номо через холл, как олимпиец-дискобол. Номо врезался в О-газма, и оба покатались по полу.

Санни нагнулся за выпавшим пистолетом Номо.

Почувствовав приближение вполне реального шанса огрести еще больше, несостоявшиеся бандиты приняли вызов и поднялись,

чтобы продемонстрировать свои таланты. Номо принял классическую киношную стойку кун-фу, О-газм обмочился. Пятнадцать секунд спустя боевая экспозиция напоминала что-то из набросков Пикассо.

Санни выволок их наружу и придал каждому ускорение, оставив на память по отпечатку ботинка сорокового размера на каждой заднице. Номо и О-газм дружно впечатались в «кадиллак» и осели на дорогу кучками дерьма. Миг спустя распахнулась дверца и наружу выбрался Скарп.

— Боже, — фыркнул Санни. — Дерьмово выглядишь.

Скарп выглядел... выжатым, как грейпфрут после встречи с соковыжималкой. Из него, казалось, выдрали все внутренности, оставив пустую оболочку.

Я смотрю на пустую кожуру, — подумал Санни. — *Его выдавили досуха.*

При виде Скарпа у Санни заныло сердце.

Скарп прищурился на солнце, как крот, только что выбравшийся на поверхность. Потом вытащил темные очки из кармана пафосной полосатой куртки, сделанной под тигровую шкуру.

— Офигеть, — сказал он. — Ты, бро, похоже, неплохо справляешься. Не хочешь поработать?

Санни оскалился. Но потом вспомнил, как ежедневно гнет спину в своей почтовой конуре, окруженный щебечущими *сестричками*, которые то возятся с ним, как с плюшевым мишкой, то пытаются откусить ему голову, и все это под бессонным надзором супервайзера, *Бобби-через-и*.

Бобби-через-и был учителем балета, подрабатывавшим на почте до смерти Барышникова. За день до того он пригласил Санни к себе домой на «коктейльную вечеринку с обсуждением перспектив для мальчиков». Санни что-то сильно сомневался в карьере через Бобби и через его «и».

А потом он вспомнил груду счетов, которые отправил в мусорную корзину. И свою машину, коричневый «Форд-Фиеста» с суицидальными наклонностями, вторую неделю скучавшую на штрафной стоянке Рэндольф-стрит.

— Ага, — ответил он. — А что тебе надо?

К пятнадцати годам Томми «Скарп» Рифкин уже сколотил не-
большое состояние на черном рынке, приторговывая взрывчат-
кой. К двадцати одному году подгрел местный рынок крэка-экс-
тази-метамфетамина, умудрившись не перейти дорожку ни одной
шишке.

Талантливый развратник — к тому же настолько одержимый
всем, что связано с гонками NASCAR, что слово «аутоэротиче-
ский» приобретало новый смысл — с честью занял место на
Стене Дерьмовой Славы Южного Чикаго.

А гнусавый голос Скарпа идеально подходил для описания его
логова, состоящего наполовину из трейлерного хлама, наполо-
вину из шика и блеска гетто. Черный кожаный диван стоял меж-
ду плакатом Малкольма Х в рамке и картонной фигурой Дэйла
Эрнхардта-младшего.

— Мне нужно, чтобы ты нашел мою девушку и вернул ее, —
сказал Рифкин. — За все про все получишь пять кусков налич-
ными.

И начал промокать вспотевший лоб бумажным полотенцем,
пока Санни пытался подобрать челюсть со стола.

Пять кусков, — подумал он, пытаясь не пустить слюну.

— Йо, — вспомнил Рифкин. — Ты ж почти стал чемпионом,
правда?

Санни напрягся: люди до сих пор узнавали его по три-четыре
раза на дню, и это его чертовски достало.

— Ага, — продолжил Рифкин. — Я узнал твой стиль в том
банке. Ты был претендентом на титул, бро. Дон Кинг называл
твой кросс правой «космическим нокаутом самого Дьявола».

— Это было очень давно, — сказал Санни.

— Бро, я отлично помню, как Чемп жевал твое ухо. Вегас
ноль шесть, да? Отвратное было зрелище.

— Пять лет назад, — сказал Санни. — Прошлое — это про-
шлое.

Санни тогда оставался один бой до звания чемпиона, и надо же
было отбойному молотку по имени Барон Флейк уложить его ле-
вым апперкотом, после которого у Санни отслоилась роговица,
а сам Санни отправился в отключку. И пришел в себя, только

чтобы сообразить, что Флейк грызет его левое ухо, глаз заплыл кровью, в голове роятся феи с фонариками, а в поврежденной глазнице полыхает так, словно в ней обосновались адские папарацци.

Больница была дерьмом во всех смыслах.

Потом Санни пытался вернуться на ринг, но проблема была в том, что он каждый раз блевал за канаты, едва услышав звук гонга. Его тренер, непревзойденный Шарки Вашингтон, отвел его тогда в сторону.

— Да у моего трехлапого пекинеса больше шансов на титул, сынок, — прорычал Шарки. — Все кончено.

А потом тот же Шарки, буквально заменивший Санни отца, нагнулся вытереть маты от возвращенного воспитанником завтрака — и рухнул, подкошенный инфарктом.

— Эй, — прокашлялся Рифкин. — Йо, Трауб, ты вообще здесь?

Санни затолкал воспоминания подальше, сосредоточившись на более насущных проблемах. Рифкин явно нервничал и казался таким же фальшивым, как его тигровый костюм. Взгляд Главнообманывающего метался по комнате, как летучая мышь, обожравшаяся стероидов.

Какого черта он не смотрит мне в глаза?

Рифкин заметил, что Санни заметил — и *вздрагнул*. Номо и О-газм хрюкнули. После того как Санни вернул пистолет, эти два придурка чувствовали себя победителями.

Давай ближе к делу, сынок, — посоветовал из прошлого Шарки. Пока никто не оторвал этому идиоту его пустую голову.

Но Санни было любопытно.

— А почему ты сам не можешь ее вернуть? — спросил он.

— Ну ты *козе-е-ел*, — прошипел Номо.

О-газм сплюнул на пол.

Рифкин *вздрагнул*.

— Йо, Черный Супермен, ты задаешь слишком много тупых вопросов, — сказал Номо.

— Сядь и заткнись, Мо, — рявкнул Рифкин.

Номо попятился. Скарп взял еще одно бумажное полотенце и начал вытираться. Санни моргнул.

Звук, как от наждачной бумаги по сухому дереву.

— Ты не поймешь, — сказал Рифкин.

Санни согласился и решил, что вот теперь он официально готов свалить от этих идиотов.

— Где ты в последний раз ее видел? — спросил он.

Рифкин покачал головой.

— Она у меня кое-что украла. Две недели назад. Мне нужно это вернуть.

— Она наверняка танцует где-то в топлесс-баре у Петли.

— Как ее зовут?

— Ее зовут Хармони, — прошептал Рифкин.

— Хармони Тремонтан.

Двадцать семь часов спустя Санни стоял в главном зале «Шейк-дауна», элитного клуба на Раш-стрит, ждал, когда очередная красотка закончит раздеваться, и отчаянно пытался не сблевать.

После такого удара с нутром уже никогда не будет нормально, думал Санни. Желудок согласно заурчал. В последнее время вечеринка с пинтой «Джим Бима» всегда заканчивалась одинаково: утро он встречал, одной рукой вцепившись в унитаз, другой сжимая бутылочку маалокса.

Похоже, сынок, кроме «Джим Бима» и маалокса, ты вообще ничем не питаешься.

Санни помотал головой, прогоняя голос Шарки, зацепился взглядом за бар и почувствовал, как рот заполняется слюной.

Сосредоточься, — напомнил он себе.

Танцовщица на сцене собрала рассыпавшиеся доллары и убежала под бурные аплодисменты.

— Следующая наша леди только что вернулась из ураганного турне по... *О! Калькутте!* — завопил ведущий.

Да не смеши, — подумал Санни.

— Джентльмены, дружно приветствуем — Хармони Тремонтан!

Санни тут же сосредоточился на сцене.

Заиграла музыка. Красные занавеси поползли в разные стороны. И Санни забыл, как дышать.

Она была не просто красива.

Чуть раньше Номо говорил ему, что женщина Скарпа была стройной, гибкой и с такими большими сиськами, что они казались вообще не к месту на хрупком теле. Но на самом деле Хармони Тремонтан была высокой, с гладкими длинными ногами, тугими бедрами, на которых играли мускулы и которые при этом были чертовски округлыми. Выкрашенное в рыже-золотой афро обрамляло ее лицо солнечным взрывом.

— Чтоб я сдох... — прошептал Санни.

Если кто-то и мог обокрасть говнюка вроде Скарпа и при этом выжить, то только такая девчонка.

— И-и-и вот она, — вызвался комментировать один из вышибал. — Хармони Тре-емо-он-та-ан!

На вышибале была черная футболка с принтом «Плохо уживается в коллективе».

— Я слышал, она снималась в порно в Ла-Ла-Лэнде, а потом ее вышибло в Чи. Очень талантливая девчонка. Ты понимаешь, о чем я, а?

Вышибала протянул ему руку стандартным жестом «дай пять», но Санни был не в настроении знакомиться. К тому же он предпочел бы кастрировать любого, кто дожил до тридцати лет и не желает тратить время, чтобы назвать Чикаго полностью.

— Но сегодня к ней и на милую никто не подберется, — продолжал вышибала. — Она с Блоком Токоматсу.

Дружелюбный вышибала ткнул толстым, как сарделька, пальцем в направлении столика у самой сцены. Столик занимали пятеро самых больших человеческих туш из всех, кого Санни доводилось видеть.

Блок Токоматсу был наполовину японцем, наполовину самонцем из Милуоки. Он отбыл в коррекционном центре Марион Стэйт срок за убийство второй степени и не раз то тут то там упоминался как приверженец самого разного антиобщественного поведения.

Блок Токоматсу регулярно вышибал меланин из *сотен* местных братков — просто ради развлечения. Он раздавал тумачи, как Папа Римский раздает благословения на Рождество, и был самым настоящим Понтификом Праведного Гнева.

— Эй, Черный Супермен!

Санни обернулся к Номо, который соткался из воздуха, как нечаянный пердеж.

— Вот наша ручная сучка.

Ручная? Кого ты имеешь в виду?

— Подожди, — предупредил Санни.

Однако Номо уже вытащил мобилу и нажал кнопку.

— Йо, она здесь, в Шейкдауне. — Он дважды кивнул и отключился, глядя на Санни, как противник перед звонком. — Скарп говорит, что тебе лучше не облажаться, иначе я продырявлю твою задницу так, как *должен был* в том гребаном банке.

Давай, попробуй, — подначивал внутренний голос. — *Сунься ко мне, и я тебе голову скручу, как цыпленку.*

Санни нарисовал себе мысленную картинку, наслаждался ею и с сожалением заключил, что дело того не стоит. Ему нужно было закончить с этим и получить свои пять штук, но дело осложнилось пятью же быками за столиком у сцены.

— Я ее достану, — буркнул он, предчувствуя, что вечер добром не кончится. — И не пытайся выглядеть крутым, идиот.

Пока Номо пытался сообразить, как ответить на оскорбление, Санни решил подобраться поближе к черной кожаной громаде спины Блока Токоматсу.

За работу.

Джеймс Браун изощрялся в рифмах по поводу того, что он черный и гордится этим, изливаясь из обалденно дорогой системы стереоколонок. Диджей работал за пультом, микшируя треки и заполняя «Шейкдаун» грохотом хип-хопа. Санни чувствовал, как в такт двум разным ритмам вибрируют его внутренности: у столика Блока Токоматсу музыка была громче.

Ну и как мне протащить ее мимо этих самоанских громил?

У столика Блока вилась стайка самых привлекательных танцовщиц. Они слишком громко хохотали над шутками подручных Блока, висли на них и все равно строили лисьи глазки главарю.

А Токоматсу было плевать на холодную войну почитательниц, он зачарованно следил за каждым движением Хармони, отслеживая ее выход, как нервная шлюха — перспективного клиента.

И во что я впутался? — подумал Санни.

Хармони закончила выступление поперечным шпагатом, уцепившись руками за шест в паре метров над полом. Потом соскользнула на сцену, собрала ворох наличных и исчезла за кулисами. В зале зажегся свет, и мужская часть аудитории взорвалась аплодисментами.

Серебристый блеск за поясом одного из подручных Блока заставил Санни загрузить. А быстрый осмотр остальной самоанской компании только усилил нехорошее предчувствие.

Все со стволами, — заключил он.

Грубой силой здесь ничего не добиться.

Думай головой, мальчик, — сказал бы Шарки. — *Не всякую драку выиграешь кулаками.*

Санни стиснул зубы и закрыл глаза.

А через минуту свистнул ручку у проходящего мимо разини, нацарапал записку на салфетке и передал жутко некрасивой официантке, добавив двадцатку за труды.

Два трека спустя официантка вернулась, и Санни понял, что эта ночь будет еще хуже, чем ему поначалу казалось:

Дорогой мой придурок.

Сделай миру одолжение, вышиби себе свои дерьмовые мозги.

Х.

Придется по-плохому, — подумал Санни.

Ничего тебе не «придется», — отозвался Шарки в его голове.

Санни подождал, когда жуткая официантка вернется.

— «Джим Бим», чистый, — заказал он. — Двойной.

Еще несколько минут, и Санни уставился на высокий бокал чистого лекарства, наблюдая, как колышутся в такт басам из колонок кубики льда.

— С Рождеством, — сказал он, хотя на дворе был июль.

Залпом выпив, он поманил симпатичную кореянку из танцовщиц.

— Угостишь меня? — спросила девушка.

— Приватный танец, — буркнул он.

Поднялся на ноги, и лицо девушки просветлело.

— Ой, а ты *большой*, — сказала она.

А потом улыбнулась, поправила его воротник и повела в задние комнаты.

Коридоры оказались заполнены голыми женщинами и красным светом.

В углу, справа от Санни, две стриптизерши танцевали для клиента и его рыжеволосой подруги с тонкими, почти отсутствующими губами.

— Люблю рыжих, — сказал Санни. Хотя внутри у него ярился и бросался на прутья клетки зверь подсознания.

Жаль, что Флейка тут нет, — подумал он, вспоминая, как этот чертов пробойник свалил его апперкотом: рыжий шторм, задувший последнюю свечку на торте Санни Трубадура.

Будь он здесь, я скормил бы ему его собственное ухо.

Санни сел на красный бархатный стул, стриптизерша начала извиваться.

— Меня зовут Даглас, — сказала она. — Двадцать долларов за танец?

— О'кей.

Он вытащил купюру из бумажника и протянул ей

Именно в этот момент мимо кабинки прошла Хармони.

Санни быстро вложил купюру в ладонь Даглас и встал.

— Эй, Геркулес, только без рук! — прочитывала она.

— Прости, Даг, — бросил Санни через плечо.

И в четыре шага пересек комнату, чтобы успеть перехватить Хармони у двери туалета. Она чуть не ткнулась в его грудь по инерции и подняла глаза.

— Чего?

Санни схватил ее за талию, забросил на левое плечо, обернулся и застыл: примерно два десятка фальшивых развратников загородили ему путь.

— С дороги! — рявкнул Санни.

Стриптизеры и клиенты прыснули во все стороны, как тараканы.

Одна девчонка закричала, вопль подхватили другие. Вышибала, раньше предлагавший брататься, блокировал выход.

— Стоять, ублюдок!

Санни ответил правым кроссом, который смел вышибалу с ног и вырубил раньше, чем туша коснулась ковра на полу. Трауб взялся за дело.

Двигайся, — приказал он себе. — *Пошел-пошел-пошел*.

Санни пинком вышиб дверь черного хода и выскочил на улицу. Женщина, висящая на его плече, по-прежнему не издавала ни звука. Она не дергалась, не боролась, не кричала.

Слишком испугана, — подумал Санни.

Когда Номо увидел, *кто кого несет* в его сторону, он уронил сигарету и одним прыжком оказался на водительском сиденье. Санни открыл заднюю дверцу, швырнул Хармони внутрь и нырнул за ней следом.

— Мать твою, Черный ты Супермен! Ты реально круто работаешь!

Веер пуль прошил правый бок «кадиллака». Санни обернулся: Блок и его подручные бежали к машине, стреляя на ходу.

— Быстрее! — заорал он.

Номо выжал газ, и «кадиллак» рванулся по Раш-стрит в сторону Стейт, оставляя черный хвост паленой резины и не считаясь со светофорами.

— Ты не туда едешь! Рифкин ждет нас на Вест-Сайд!

— Рифкину на фиг не нужен Токоматсу на его территории! — крикнул Номо в ответ. — Я отвезу ее в другое место!

Санни зажмурился, когда свет фар черного «мерседеса» Блока резанул по глазам. Адреналин выжег алкогольную дымку, окутывавшую мозг. Та боевая сосредоточенность, которая десятки раз помогала Траубу вышибать противникам мозги, прочистила Санни сознание в атавистической попытке спасти его задницу.

— Ты лучше гони так, словно у тебя яйца горят, — посоветовал он Номо.

— За меня не волнуйся, — крикнул Номо в ответ. — Лучше приглядывай за этой сучкой!

Но Хармони всего лишь смотрела на проносившиеся мимо дома. Номо, под матерный хор клаксонов, пробивал «кадиллаку» путь к скоростному шоссе. Паникующие водители били по тормо-

зам, слышался грохот аварий, но «кадиллак» с визгом вписался на нужную полосу. Хармони начала разглядывать свои ногти.

Номо ударил по красной кнопке на руле, включая незаконный форсаж. Девяносто секунд такого впрыска вжали пассажиров в спинки кожаных кресел. Черный «мерседес» остался далеко позади, среди рычания моторов и грохота металла. Разбитые машины и испуганные горожане вскоре исчезли из виду.

— Он ошибается, — сказала Хармони.

— Что? — удивился Санни.

Она хмыкнула.

— Что мое, то мое.

Санни моргнул. И покачал головой, чувствуя, как горит огнем правая глазница.

— Ты его женщина? — спросил он, чтобы отвлечься.

Хармони прошипела сквозь зубы:

— Я ничья женщина, идиот.

— Ты его ограбила.

— Я не воровка, — сверкнула она глазами.

Санни пожал плечами. Одно он знал наверняка: если Скарп получит ее обратно, он уже не отпустит Хармони живой.

Она поерзала, придвинулась ближе — Санни стало неуютно от жара ее тела, — и *что-то* вроде ртути заблестело в ее глазах.

— Что... — ахнул он. — Что у тебя с глазами?

— Хочешь попробовать, боец? — прошептала Хармони.

Она завела руки за голову и взялась за завязки своего топа.

— Эй, — обалдел Санни. — Слушай, ты что...

Хармони отпустила завязки.

— Ты такой же, как Рифкин.

Миг назад она казалась просто красивой, но сейчас перед ним сидела женщина, которая могла бы танцевать для королей, а не для группы свиней и идиотов.

— Твои глаза, — напомнил он. — Что ты ими делаешь?

Его внезапно оглушило невероятное желание. Ничего не видя и не соображая, он потянулся к стриптизерше.

— Вы какого хрена там делаете? — взвыл Номо.

Рука Санни замерла в миллиметре от ее бедра. А потом что-то внутри у него перевернулось, и его вырвало прямо на пол добогущего «кадиллака».

— Да ну-у-у! — завизжал Номо. — Ну и урод же ты-ы-ы!

— Что... — Санни пытался перевести дух. — Что случилось?

Воздух в салоне внезапно стал настолько сухим, что невозможно было дышать. У Санни перед глазами все двоилось, троллось, Хармони раскололась на три копии.

Номо продолжал нудеть:

— Рифкин мне голову оторвет за машину, урод ты стремный!

— Тихо, — огрызнулась Хармони.

И что-то *произошло*. Номо заткнулся и отвернулся. Ударилсь головой о руль.

— Эй! — У Санни все жгло внутри. — Какого черта происходит?

Хармони покосилась на него так, словно он сам только что со-ткался из воздуха. Ее одежда была в полном порядке.

— Я... я... — Он не знал, что сказать.

А потом выглянул в окно.

Машина стояла на парковке у заброшенного продуктового магазина, притом что Санни не помнил ничего, кроме поездки по шоссе.

— Леди, мать вашу, вы кто такая?

Улыбка Хармони обожгла глаза, как порой бывает после яркой вспышки молнии в ночном небе.

— Все просто, Эндрю, — сказала она, хотя он никогда не называл ей своего настоящего имени. — Я — твоя мечта.

В этот момент Санни заметил у нее на шее два небольших прозрачных флакона на кожаном шнурке. Хармони теребила их пальцами.

— Почему бы нам не отправиться туда, где потише? — спросила она. — Туда, где я могу показать тебе все, о чем ты мог только мечтать?

Санни сглотнул и прочистил горло.

— Скунс. Паразит.

— Что?

— Ты шлюха Рифкина, — зарычал он. — Или Токоматсу. Мне все равно чья, я не собираюсь наживать из-за тебя проблемы.

Хармони рассмеялась. Флаконы у нее на шее зазвенели, и Санни этот звон почему-то показался криками.

— Мы с тобой не такие уж разные, — сказала она.

Санни помотал головой, пытаясь сфокусировать взгляд. Но-мо обвис на переднем сиденье, как марионетка с перерезанными ниточками. Черные стены салона сжимались, сжимались, давили на Санни кожей и хромом.

— Ты ничего... обо мне не знаешь! — прошипел он.

— Я знаю, что ты пахнешь водочным заводом, а не мужчиной, — ответила Хармони. — Но только запах крови делает тебя тем, кто ты есть.

— Заткнись.

— Я знаю, что иногда ты жалеешь, что тот парень из Нью-Йорка не убил тебя вместо того, чтобы ты превращался в ту развалину, что я вижу перед собой.

Пальцы Хармони извлекали хрустальные ноты из флаконов, и каждый звук только добавлял боли в его желудке.

— Ты пьешь, чтобы убить *отчаяние*, но не выходит, — продолжала она. — Ты был когда-то выше других. В твоих руках были сила и власть, которые ставили тебя выше всех остальных. А потом мир перевернулся и ты остался на ринге истекать кровью. Полуслепой, слишком старый и слишком глупый, чтобы подняться.

— Прекрати.

Хармони наклонилась к нему и ткнула пальцем в его колено.

— Я могу все это изменить. Я могу забрать тебя в место, где мертвые танцуют на полях кровавых фиалок. Туда, где воздух чист от силы, а земля засеяна пеплом.

Санни покачал головой. Не помогло: он снова стоял на ринге и видел, как течет его кровь.

— Я... я не хочу видеть, — прошептал он.

— Но *придется*, — ответила Хармони. — Ты знаешь это не хуже меня.

В ее глазах Санни увидел свое отражение: крылатый призрак, темный Икар, парил над призраком мира. А затем его крылья

вспыхнули, и он рухнул, сгорая в атмосфере, все ниже и ниже, поддаваясь притяжению... ее глаз.

— Пойдем.

Ему больше нечего было терять.

Не прикасайся ко мне.

Они лежали на диване в гостиной маленькой квартирки Санни. Стриптизерша перекинула ногу через его грудь и оседлала его.

Какой-то глубинный инстинкт в последний момент завопил, и Санни попытался сесть, но она положила ладонь ему на горло, и он понял, что эта женщина может запросто удушить его, просто сжав пальцы.

— *Я знаю*, чего ты хочешь, — сказала она. — От запаха твоих снов меня тянет блевать.

Хармони подалась назад и растегнула его ремень, выдернула из петель. Санни задержался, пытаясь сбросить ее, но добился только того, что ее ногти проткнули кожу на шее.

— *Мы правда* похожи, — выдохнула она. — Я тоже всегда выживаю.

Зрачок ее правого глаза выгнулся наружу, затопив собой радужку и склеру. На месте глаза засиял влажный черный шар. Потом раздался звук рвущейся плоти, и с ее головы сорвался рыжий скальп.

Хармони запечатала ему рот ладонью, вгоняя ногти в кожу. Санни подавился криком.

— Не шевелись, — простонала она.

От вкуса крови Санни снесло крышу. Он вырвал из захвата одну руку и ударил Хармони в подбородок. Удар пришелся по касательной, Хармони перехватила его руку. Ее лицо оплывало, как расплавленный воск.

— Хочешь быть со мной, боец? — прошептало это существо. — Я та-а-а-ак давно одна.

Белый язык размером с руку взрослого мужчины выскользнул из ее рта и нырнул между губ Санни, наполняя его рот вкусом пепла. Он подавился, а затем сжал зубы, пытаясь откусить чужеродный отросток.

И тут что-то взорвалось в коридоре.

Высокий, тонкий, булькающий крик развеял алую пелену в его сознании. Боль прочистила ему мозги. Хармони вытащила язык и развернулась на шум, с которым входную дверь сорвало с петель.

Номо, хватаясь за кровавую дыру в груди, зашатался в проходе и рухнул куда-то за диван, а в комнату вошел Скарп.

— Сучка! — зарычал Рифкин. — Я тебя урою.

В руках он сжимал дробовик — «Моллберг-Буллпап» на двенадцать зарядов, с двадцатидюймовым дулом и пистолетной рукояткой, — и было совершенно ясно, что сынок Мама Рифкин серьезно подошел к делу.

Вот только игры с бронебойными мини-ракетами не числились в планах Хармони на этот вечер. Она уставилась на Рифкина взглядом, способным растопить вечную мерзлоту по всей Сибири.

— Опusti пушку, Томас, — сказала она.

Рифкин моргнул и попятился, издав что-то вроде:

— Не-е-е.

Санни заметил остатки белого порошка, перхотью налипшие на грустные усики Рифкина. Судя по глазам, Скарп вынюхал дозу, от которой Кондолиза Райс спела бы еврейскую песенку на всемирном собрании исламистов.

— Заткнись! — взвыл Рифкин и поднял ствол. — Мы с Коко Шанель сегодня устраиваем фейерверк, ясно?

Какой бы магией ни обладала Хармони, потустороннее влияние было беспомощно против крестьянской ярости и третьесортного перуанского порошка.

— Крошка, я убью тебя, потом его, а потом себя, если ты сейчас же с него не слезешь, — сказал Рифкин.

Хармони встала, отчего Санни почувствовал крайнее неудобство, потому что теперь немецкая пушка была направлена прямо ему в пах.

Он тоже поднялся.

— Не дергайся, урод, — каркнул Рифкин. — Все равно от *этого* нокаута не сбежишь. Усек?

Санни кивнул.

— Усек.

Рифкин ухмыльнулся.

— Вот и правильно, чертов ты...

Санни подобрался.

Но в тот же миг Хармони схватила дробовик за дуло. Коко Шанель рывкнула и выбила в потолке дыру размером с баскетбольный мяч, наверняка перепугав до чертиков миссис Гапта-Санг-Джефферсон, домовладелицу, которая жила как раз этажом выше.

А потом Хармони отрастила третью руку.

Санни чуть с ума не сошел, глядя, как стриптизерша правой рукой хватает дробовик, левой — горло бандита, а третьей рукой, выросшей едва ли не из задницы, сжимает *яйца* Рифкина.

Головная боль Санни двинулась вниз, шипами прошла от затылка к шее: поврежденный глаз передавал ему зрелище, которое любого заставило бы завязать с выпивкой: нечто среднее между Бейонс и Кали, индийской богиней разрушения, устраивало Рифкину кошмар наяву.

А вот левый, здоровый глаз Санни до сих пор видел Хармони такой, какой она была в «Шейкдауне». И почему-то аппетитная красotka и языкастый ночной кошмар были едины и неразрывны.

— Пожалуйста... отдай, — прошептал Рифкин.

Хармони запустила ногти в его горло. Миг спустя они оба были покрыты брызнувшей кровью.

Ее язык выстрелил, как у жабы, и дважды обвил Рифкину шею. Тот побагровел, Коко Шанель со стуком упала. Хармони подняла его над головой и с размаху ударила об пол, с такой силой, что покрытие из фальшивого дерева, гордость Санни, треснуло и разлетелось. И продолжала трепать, да так, что перхоть с остатков его волос устроила в комнате снежный шторм над Миннеаполисом.

Позвоночник Рифкина издал жуткое *хрун!* — и забившиеся в агонии ноги пнули дробовик. Коко Шанель пролетела через всю комнату и застыла возле Санни.

Он нагнулся за оружием, Хармони бросила Рифкина и, раньше, чем Санни *сам* понял, что уже все решил, прыгнула, снова расплавив свое лицо в полете.

Коко Шанель кашлянула, разворотив Хармони глотку. Стриптизершу отнесло к противоположной стене. У Санни было пять минут на то, чтобы понять, что его не убили, а затем Хармони поползла по стене вверх и исчезла в тени под самым потолком.

И вырубился свет.

— *Дерьмо!* — прошипел Санни.

Он вертелся на месте, пытаясь отличить силуэт женщины от теней над головой. Раздался *звук*, и он вдруг почувствовал, как миллионы огненных муравьев впиваются в его плоть, добираясь до самых костей. Что-то в его голове лопнуло, кровь залила поврежденный глаз. Он завопил и выронил дробовик.

Чудовище выпало из теней и приземлилось ему на спину. Санни заметался, врезаясь в стены и мебель, пытаясь сбросить ее.

— Все бесполезно, боец, — прошипела тварь.

Его позвоночник обожгло, когда язык существа пробил кожу у основания его черепа и начал ввинчиваться дальше, разрывая мышцы.

Ты должен остановить ее, парень! — закричал в его голове Шарки. Санни чувствовал, как дрожит этот язык, с шорохом наждачной бумаги вылизывая его позвоночник.

— *Остановить ее, па-а-арень,* — пропела Хармони.

Санни упал на колени.

Дробовик лежал всего в каком-то футе от них, но Санни рухнул лицом вниз, когда попытался его достать. Тварь на его спине запустила свой зонд еще глубже.

Спи, — подумал Трауб. — *Будь хорошим мальчиком, просто лежи.*

Не дури, — возразил ему Шарки. — *Если ты ляжешь в нокаут, то, что встанет, уже не будет Санни Трубадуром.*

Он знал, что Шарки прав, поэтому правой рукой, под хруст суставов, потянулся к дробовику. Что-то в плече щелкнуло и поддалось, Санни потянулся дальше, коснулся холодного дерева... вздернул его.

Дальше остались лишь ощущения: он ткнул Коко Шанель вверх и назад, через левое плечо, почувствовал, как дуло входит в нечто мягкое, и спустил курок. Выстрел оглушил его, зато Хармони снова отнесло на несколько метров.

Санни вскочил на ноги, жадно втягивая пересохший воздух, больным глазом вглядываясь в темноту. Хармони лежала у двери, ее лицо превратилось в ошметки. Острые шпильки туфель оставляли глубокие царапины в полу: она пыталась встать и сучила ногами. И у нее почти получилось. Наполовину поднявшись, Хармони хрюкнула, и тут ее затылок взорвался, выплескивая содержимое на противоположную стену.

Миг спустя снова зажегся свет.

Санни потрогал свой раненый затылок и вздрогнул. А потом отправился проверять Рифкина.

Он и раньше видел мертвых, но по сравнению со Скарпом даже латынь до сих пор жива. Скарп выглядел как человек, который поскользнулся на томатной пасте, заработал инфаркт, но успел застрелиться от стыда за такую глупую смерть.

Санни наблюдал, как его последняя надежда на пять тысяч баксов истекает кровью на развороченном полу квартиры, которая ему больше не по карману.

А потом Скарп сел. И завопил:

— Больно же, сука!

Санни присоединился к воплю, и вышел дуэт Билли Грэхема и Чарлтона Хестона на вечеринке в честь тюремного изнасилования.

— Чувак, блин, ты меня напугал! — сказал Рифкин.

Санни клацнул зубами.

— Флаконы, — сказал Рифкин.

— Что?

— Хрустальные флаконы. Ты ж, надеюсь, их не прострелил?

Хармони сползала по стене, сдуваясь, как резиновая кукла. Уцелевший флакон поблескивал на ее быстро опадающей груди под тем, что раньше было головой.

Санни снова услышал тоненький визг, на этот раз более четкий. Визг, который доносился из флакона.

— Ну? — хрюкнул Скарп.

— Один разбился, — сказал Санни. — А второй...

— Черт! Дерьмо! Дерьмо!

Рифкин заколотил кулаком по полу, с каждым движением хрустя сломанной спиной. Позвоночник не выдержал, и его тело

с громким мерзким звуком просело дюйма на два: Рифкин рухнул лицом вниз, как религиозный фанатик черной Оклахомы.

И во второй раз за ночь Санни ощутил, как его внутренности исполняют сальто-мортале.

Где-то снаружи громко хлопнула дверь машины. Полиция не стала бы сюда ехать до самой программы по облагораживанию района, так что беспокоиться о копах не стоило. Как и *надеяться*, что копы чем-то помогут.

Рифкин оттолкнулся от пола руками, поднимаясь над лужей собственной крови, и уставился на Санни.

— Тащи сюда это дерьмо, и быстро, — хрипло скомандовал он.

Правая рука соскользнула, и он снова рухнул лицом в лужу. Санни услышал отчетливый хруст, но не поверил своим ушам.

— Чееееедт, — заорал Рифкин. — Мой дос!

Санни вытер подбородок и застегнул штаны.

— Ты просто жалок.

— Эй! — Скарп уже не поднимался, вопя в пол. — Я тебе пдачу не за оскорблedia, идиод!

— Оставь себе свои деньги. Отскребись от пола и вали отсюда.

Рифкин фыркнул.

— Сдушай, гедий. Я бы с удоводсвтием, но ода сдомада мне спину, и я не багу встать!

— Не мои проблемы.

Рифкин взвыл. Лампочка над головой Санни замигала.

— Дадно, сдушай. У бедя в багажнике подмиддиоа доддаров. Даличдыми. Дай мде фдакон, и оди твои.

Санни нахмурился.

— Да что в этом флаконе?

Рифкин перекатился на спину и уставился в потолок.

— Хармони жрет истинную сущность мужчин, ту, что делает тебя тобой. И держит эту сущность в тех стекляшках.

Тестостероновый вампир, — хрюкнул Шарки. — *Как моя первая жена.*

— Она сказала мне, что без моей сущности я буду вечно бродить по земле, — продолжил Рифкин. — Как живой мертвец, Вечный Жид и всякое такое дерьмо.

Он дает тебе второй шанс, сынок, — заметил Шарки

Санни проклял тот день, когда позволил Шарки вытащить себя из трушоб. И перебросил флакон Рифкину, который тут же вытащил пробку и присосался к содержимому, как Марион Бэри к трубке с новой дурью.

— М-м-м, — пробормотал Скарп. — Одно не хуже другого Правда, Трауб?

Однако уже через секунду Рифкин вскинулся на ноги, схватился за голову и разразился японскими ругательствами, которых мир наверняка не слышал с тех пор, как император Хирохито проснулся судьбоносным утром 1945-го и прочитал в «Токио Сан», что его ежегодная поездка в Хиросиму откладывается.

А потом с кошачьим воплем осел на пол, оставляя миссис Рифкин счастливой вдовой с наследством в наркоторговле.

Что-то затрепетало на самом краю зрения. Санни обернулся, нацеливая туда Коко Шанель.

Но тела Хармони больше не было. шлюха с Планеты Икс вернулась в свое Прекрасное Далекое.

На улице Санни уже поджидала половина самоанской команды сумоистов. С таким количеством пушек, что хватило бы не Санни Афро, а целому французскому военно-морскому флоту.

Токоматсу вышел вперед, поднял руку в предупреждающем жесте.

— Она мертва?

— Не знаю, — ответил Санни.

— М-м-м-пф. А Рифкин сдох?

— Ага.

Самоанцы молча переглянулись. Потом Токоматсу пожал плечами и харкнул на тротуар.

— Ну, хоть что-то, — сказал он.

Санни заметил, что самоанец старается не встречаться с ним взглядом. И решил проверить свою теорию, шагнув вперед. Токоматсу вздрогнул и попятился.

Группа его поддержки заворчала, и Санни вспомнил, что Рифкин перед смертью вдохнул суть Токоматсу.

— Ты *видел*, — прошептал тот. — Ты видел, чем она была.

Санни покачал головой.

— Я не знаю, что я видел.

Токоматсу уставился на свои ботинки. И пожал плечами.

— Ага, бро. И никто не знает.

Санни вдруг понял, что изменилось в голосе Токоматсу. Он вспомнил, как слышал это в голосе Рифкина: *дрожь*.

Токоматсу оглянулся через плечо.

— Я ведь могу убить тебя, — сказал он. — Усек?

Санни кивнул.

— Усек.

И Токоматсу кивнул.

— В моей команде найдется место для такого отважного парня. Хочешь поработать?

Санни глубоко вздохнул.

— Спасибо, но у меня свои планы.

Токоматсу пожал плечами.

— Ну ладно.

Они обменялись рукопожатиями. Санни даже смог улыбнуться.

Но так и не отвел взгляда от «кадиллака» Рифкина, стоящего у обочины.

МИК ГАРРИС

ТРЕТИЙ АКТ ТАЙЛЕРА

Оно тянулось за мной с тех пор, как индустрия развлечений перешла в Интернет, но, думаю, начало моего конца все же датируется 2007 годом, когда Гильдия писателей Америки нанесла свой удар. Я не то чтобы был луддитом и совсем не признавал развития машин: все свои тексты я набирал на iMac; каждое утро, попивая зеленый чай, я проверял е-мейлы, смотрел забавные видео, которые мне присылали другие писатели. Вот только если видео шло дольше нескольких минут, я уже не мог сосредоточиться на крошечном окошке на мониторе. Фильмы в миниатюрных прямоугольниках не доставляли мне никакого удовольствия.

На кой черт я потратил больше десяти тысяч на новейший плазменный экран, навороченную систему звука и все необходимое для Blu-ray качества? Чтобы смотреть на YouTube рассыпавшееся квадратами в крошечном окошке домашнее видео какого-то прыщавого переростка, который считает, что крут, как джедай?

Нет, я люблю фильмы, даже если их показывают по телевизору; в фильмах есть объемность, глубина, эмоциональный вклад в сюжет и персонажей. Да, да, я знаю, что такое «конвергенция», но ее пока не произошло. И не собираюсь смотреть «Лоуренса Аравийского» на айфоне, спасибо. Фильмы создаются для большого экрана, и если недоступен шестифутовый в кинозале, можно обойтись шестьюдесятью дюймами домашней плазмы. А вот три с половиной дюйма для меня вообще не диагональ.

Ладно, я не собираюсь вдаваться в технические подробности. И обещаю не устраивать лекций о поколениях, которые не могут воспринимать фильм, не раскрашенный кислотными цветами. Если вы способны получать удовольствие от записей, сделанных камерой мобильного телефона, и не способны оценить искусства лучших голливудских техников, то мне вас жаль, но мир от этого не рухнет. Если бы пещерный человек изобрел видеокамеры раньше наскальной живописи, не было бы потреб-

ности в краске и развитии изобразительного искусства. Все просто пересылали бы друг другу съемки последних охот.

Язвлю? Это я еще не язвлю.

Но после того, что случилось в 2008-м, мой мир, если не сам жанр кинематографической драмы, изменился к лучшему, и это было плохо. Огромные, немые, необразованные, бессмертные массы народа открыли для себя реалити-шоу в масштабах, которые разрастались со скоростью лавины. И с энтузиазмом леммингов посыпались с края надежной скалы, которой для меня являлось написание сценариев для телевизионных драм. Все погрузились в свои компьютеры и игровые приставки, спрятались в кинозалах и домашних кинотеатрах, все трепетали ресницами и обменивались SMS, наслаждались Интернетом, заглатывая информацию в попытке заполнить внутреннюю пустоту. Все, что требовало работы мозга, уступило место маленькому экрану, который повсюду можно было таскать с собой. Чипсы для ума.

Но, как я уже говорил, мир без меня не остановился, он все так же вращался, задыхаясь в собственной пыли. Прах к праху и все такое.

Когда мы закончили эпическую битву с продюсерами и студиями, когда мы стоптали кроссовки, обивая пороги студий, уважаемая публика уже потеряла интерес к моей работе. Жизнь до кризиса была вполне прибыльной, пусть и скучной, впереди маячило написание сценариев ко второму сезону «Кровопускания», медицинской программе на NBC, где раскрывались детали криминальных расследований с милашками в роли медсестричек. Ладно, в мире рекламы сложно создать произведение искусства, но все же... это лучше, чем ролик колоноскопии на YouTube, правда?

Какая разница? Жизнь, какой я ее знал, когда собирался приступить к первому сезону в качестве продюсера, разлетелась на куски. Сериал, как и многие другие, свернули и заменили на «Свиданку с папочкой», очередное реалити-шоу, в котором молодые девушки, ничего не подозревая, встречались со своими отцами, которые бросили их в детстве. Им устраивали свидание вслепую, натыкав повсюду скрытые камеры, и наблюдали, как неуклонно надвигается инцест. Пресса заходилась лаем от подобной мерзости, однако шоу собрало рекордное количество

зрителей. Аудитория стучала ложками, изголодавшись по деньгам и обнаженке, которую стыдливо замазывали на цифровом изображении. DVD без цензуры и пиратские подражания собирали немислимые кассы.

«Кровопусканию» устроили эвтаназию, рейтинг Нильсена умер своей смертью без надежды на воскрешение. Телекомпании, паникуя, искали новый способ учета рейтинга и самый низкий общий знаменатель, но в общей картине современного мира и перспективе они разбирались примерно так же, как движущийся к отставке идиот-президент из Техаса. И точно так же слишком поздно сообразили, что их мир рушится.

Сериалы-драмы все еще снимали, но результат транслировался в пустоту или ложился на полки, чтобы когда-нибудь многоглазые пришельцы смогли удовлетворить свое любопытство по поводу жизни под нашим солнцем. Даже успешные создатели сериалов и их шоумейкеры постоянно попадали «в молоко», новые серии их работ накрылись вместе со всей индустрией, и все это было увертюрой к 2008 году, когда индустрия схлопнулась вместе с финансовым рынком.

Основные каналы сохранили успех своих сценариев, вот только аудитория и плата за работу были микроскопическими по сравнению с прошлым. И замечали их только самопровозглашенные лауреаты премии «Эмми».

Когда работа была доступна, что случалось теперь крайне редко, ее объем был тоже минимален. Никто не вкладывал в сериалы тех денег, которые крутились в них еще пару лет назад. Даже боевики оказались под угрозой: пиратские сайты буквально откусили рекордные суммы, которые еще пару лет назад приносила торговля по почте. Единственным способом получить зеленый свет было приглашение звезды... Да и это не было гарантией. Малобюджетное кино резко проснулось после выхода «Маленькой мисс Счастье» и «Джуно», после чего другие, средней руки, но более дорогие истории Золушек провалились в нарколептический сон.

Вот на этом этапе я и сидел, просматривая длинный список e-мейлов с отказами в работе, и количество спама «купите нашу “Виагру”» росло прямо пропорционально моей депрессии.

Дом, который я купил, чтобы отпраздновать свой новоприобретенный статус продюсера «Кровопускания», уже стоил меньше, чем я за него заплатил. Так что я продал его, потеряв около трехсот тысяч, и переехал в квартиру на тенистой улочке с видом на Лос-Анджелес-ривер и Шерман Окс. Знаю, звучит уютно, но, если вы не местный, вам стоит знать, что Лос-Анджелес-ривер — не то, что можно назвать рекой: это забетонированная канава, которая тянется по долине Сан-Фернандо, наполняется водой те шесть дней в году, когда в Южной Калифорнии идет дождь, а в остальное время жарит ил на цементе неподалеку от милых домиков и дерьмовых маленьких квартир. Как моя.

Я ходил на поклон даже к тем, кому раньше побрезговал бы подать руку. Работа по графику казалась мне величайшим благом. Я написал несколько пилотов, пару боевиков и даже половину романа, а мои финансы все так же сидели на анорексичной диете... Причем без малейшего просвета. Я обращался во все компании, на все каналы, даже на платные кабельные и крошечные цифровые. Я стучался ко всем, кто так или иначе входил в ваши дома через спутниковую тарелку. И ни черта, отказом ответил даже местный канал о здоровом образе жизни.

Многие мои усталые коллеги уже решили податься в Интернет и там создавать шоу буквально на коленке. Возможно, когда-нибудь это развлечение и принесет им пару баксов на хлеб, но у меня не было времени ждать — тот день, как пели «Руби и Романтикс», еще не наступил. Я просто не видел, куда еще можно сунуться с драмой, пока не начнется конвергенция и все, от главных каналов до YouTube, не начнут вливаться в ваш дом в хорошем разрешении на плазменном экране. А до такого было еще чертовски далеко.

В те дни у меня было полно амбиций по поводу адаптаций для фильмов, после чего можно было бы подняться до фильма по моему собственному сценарию, отражению моего личного уникального восприятия. Нет, я не мечтал о том, чтобы снять блокбастер, я был бы рад своим артхаусным проектам, как Сайлес-Дель Торо-Кроненберг-Ален-Аронофски, с небольшой, но очень преданной группой поклонников. Это дало бы мне возможность заняться Главным Делом. Я ведь о многом не просил, но оказался

на коленях задолго до того, как растущая Пизанская башня отказов сбросила на меня агента с временным контрактом на сценарий отдельного эпизода «Зачарованных».

Мой послужной список был пустышкой: безымянная безличная карьера с прыжками от одного сериала к другому, сценарии для шоу, которые *кто-то* смотрел и о которых даже не слышали мои знакомые. Главы моего существования были краткими и лишенными драматизма: два романа, которые так и не пошли в печать, растущий животик и усыхающее воображение, подпитка тромбов холодной пиццей. Мой банковский счет рос, и жизнь была относительно комфортной. У меня было множество коллег и ни одного настоящего друга, я мог писать со скоростью пятьдесят слов в минуту, сидеть перед домашним кинотеатром и наслаждаться коллекцией фильмов Джона Форда в Blu-Ray качестве.

Это было раньше. Теперь жизнь выдернула ковер из-под моих ослабевших ног и я остался в одиночестве, в поганой двухкомнатной квартире на Шерман Окс, вторую спальню в которой занимала коллекция фильмов. Я чувствовал себя мимом, изображающим надвигающиеся стены.

И мне было страшно: авторские гонорары за повторный прокат поступали все реже и реже. Бóльшая часть шоу, над которыми я работал, редко шли дольше года; следовательно, их не повторяли и не продолжали. Если мне везло, их покупали страны третьего мира в попытке угнаться за цивилизацией и научить свое дерьмовое телевидение привлекать зрителей. Их отчисления мне хватало лишь на кофе. Я знал только фильмы и телевидение, кредиты выдавали со скрипом, и становилось ясно, что пора искать работу. Мой агент был бесполезен: у него было полно более важных клиентов. Мои умения были ограничены и на текущий момент не представляли особой коммерческой ценности. Фильмы и телевидение подставляли плечо, которое было таким холодным, что обжигало пальцы.

И вот я сидел перед своим «Маком» с диагональю двадцать четыре дюйма, заносил пальцы над клавиатурой, словно готовясь сыграть полонез без музыки. Страх и творческая импотенция заморозили меня перед монитором, я купался в его холодном синем свете, клавиатура покорно ждала прикосновений,

которых все не было, подстрекая меня выдать гениальное творение, что вернет мне и телевидению былой успех. Вернет в список востребованных специалистов, отдав на откуп Интернету облучение излучения мониторов, и даст мне ощутить аромат истинного успеха.

Я не был готов к такому. Психика сжалась, как член на морозе, втянулась и объявила лежащую забастовку. Меня прошиб пот от ощущения полного провала. Я не мог отвести взгляд от монитора, загипнотизированный единственным источником света в темной комнате. Плазменный экран на стене в гостиной был выключен, мой мобильный и «блекберри» молчали уже несколько дней, кинотеатр ниже по улице не предлагал ничего, кроме попкорна и банальщины. Нет, вот этому сияющему одноглазому монстру принадлежало мое будущее. Я больше не был сыном кино и не был сыном телевидения. В ту ночь, после двух актов довольно скучного существования, должен был начаться третий акт моей жизни.

Я никогда не любил этот виртуальный мир и виртуальные развлечения, но мне пришлось их принять. Если я буду кормить циклопа кровью своей души, он будет кормить меня. План первого шага уже созрел.

Пришло время создать собственный сайт. В прошлом мне незачем было таким заниматься, мне вполне хватало страниц на Фейсбуке и Майспейсе, и даже будь у меня сайт, кому он был бы интересен? Кроме моей матери, которая не выходила из дома и не узнала бы меня, даже стой я у нее перед глазами. К тому же она никогда в жизни не пользовалась компьютером. Разве что те, кто захочет меня подразнить, пройдутся по поводу гнилого дизайна... Если вообще захотят утруждаться. У Тайлера Спэрроу не было фанатов, жаждущих новостей о его работе.

Я кликнул на GoDaddy на моей домашней странице в Yahoo! и зарегистрировал TylersThirdAct.com, пока меня не опередили. Потом накачал инструкций по созданию сайтов и собрал из шаблонов нечто вполне приятное. Залил фотографии важных этапов моей жизни, скриншоты сериалов, над которыми я работал, а также нескольких третьесортных актрис, с которыми я когда-то встречался, и создал план.

Давным-давно я понял, что большую часть интернет-пользователей привлекает темная сторона жизни, вкус запретного плода, все, что в нормальном цивилизованном обществе не принимали или подвергали цензуре, будь то фотографии секса знаменитой, но бездарной актрисы с ее бойфрендом из знаменитой рок-группы или расстрел заложников на Среднем Востоке. Мир жаждал крови, исходил слюной от крайне неаппетитных вещей, и коллективный желудок начинал недовольно бурчать, если ему не скормили очередной скандал или чернуху. В мире, где жизнь ценится дешево, а святость и благопристойность давно забыты, я собирался назначить себя на должность директора человеческого зоопарка... Настало время кормления.

Пролистав местные «Желтые страницы», я вышел из пустоты и темноты своей скромной обители на Сан-Фернандо-вэлли под испепеляющее яркое солнце, которое с непривычки полностью ослепило меня. Потребовалось несколько минут, чтобы мозг справился с потоком света и снова начал воспринимать окружающее. Когда мир опять приобрел цвета, я забрался в свой «бимер» и двинулся за покупками.

Одно из преимуществ отсутствия работы: на дороге почти не было машин, когда я добирался по Колдуотер-Каньон от Вэлли до Басин. Бульвар Пико был набит желающими перекусить в обеденный перерыв, толпы ютились у многочисленных забегаловок, прореженных станциями техобслуживания, букинистическими магазинами, поблекшими вывесками о продаже текстиля и магазинами медицинского оборудования. Я припарковался, заплатив за стоянку оставшейся в карманах мелочью, осмотрелся и понял, что среди медицинского оборудования я нужной мне вещи не найду, мне нужны хирургические *инструменты*. Впрочем, с тем же успехом подошли бы садовые, но как человек кино (ладно, ладно, телевидения), я очень большое значение придавал визуальной составляющей. Обычно подобные магазины работали исключительно с профессионалами, но после нескольких часов поисков и нескольких тройных соевых латте-эспрессо я добрал по бульвару до темного, пыльного и заросшего паутиной маленького логова, которое предлагало все, что я хотел, и даже больше.

По сравнению с окружающими Серебряными Элитными Хирургическими, магазинчик был, мягко говоря, мрачным и занюханным, зато выставка скальпелей, блестящих голодным блеском, пил и других приспособлений для нарезания плоти была безукоризненна. От их вида замирало сердце, настолько великолепный вызов они бросали взгляду, эти жуткие творения братьев Мэнтл из «Связанных насмерть». Я стоял в одиночестве посреди сумеречного, пустого на первый взгляд магазина и чувствовал, как театральную неподвижность тревожит внезапный шорох подошв по темному полу.

— Я могу вам помочь? — прошелестел голос, практически неотличимый от дыхания.

Я поднял глаза, затем снова опустил и увидел владельца магазина, сморщенного коротышку, сгорбившегося под весом своей неопределимой древности. Его глаза под практически незаметными бровями поражали ледяной голубизной с молочными наплывами катаракты. Под глазами наливались впечатляющие темные мешки, оттягивая нижние веки. Кожа головы, испещренная пигментными пятнами от старости, сохранила несколько прядок пуха, который когда-то был волосами, и эти прядки были напوماжены и зализаны на впечатляющую лысину. Он был сгорблен, как хрупкая копия Квазимодо, как вопросительный знак. На удивление заботливая улыбка была беззубой.

— Мне нужно несколько хирургических инструментов, — сказал я ему.

— Логично, раз уж вы пришли в магазин хирургических инструментов. — Саркастичная реплика сопровождалась такой заискивающей улыбкой, что я ничуть не обиделся. — Вы представитель профессии?

— Надеюсь скоро стать.

— Ах! Студент.

— Именно. Студент. — Я остановился у выставочного шкафа, глядя на инструменты, хищно поблескивающие в профессионально поставленном свете. — Вот эти чудесны.

— Благодарю. Я делаю их с момента нашего открытия в 1948 году.

— Подождите-ка... Вы сами делаете все эти инструменты?

Он снова улыбнулся, и если бы в его кровеносной системе осталось что-то со времен палеолита, то покраснел бы.

— Лучшие в мире, если вы простите мне грех гордыни. — Он внимательно смотрел на меня, но я сомневался, что он меня узнает, если увидит в следующий раз. — Что же вам нужно?

— Мне нужно несколько скальпелей и кусачки.

— Для ребер или поменьше?

— Э-э... пальцевые... для рук и ног.

— Похоже, у вас весьма специфичная специализация, — сказал он, растягивая гласные.

Я не ответил, старичок подошел к шкафу и достал два великолепных блестящих скальпеля и кусачки, которые идеально ложились в руку. Настоящее произведение искусства, так я ему и сказал.

— Вы вскружите мне голову, — ответил он. — Так эти подойдут?

— Идеально. Сколько я за них должен?

— Давайте посмотрим, за эти, э-э-э, две тысячи восемьсот пятьдесят долларов.

— Ничего себе! Я не знал, что они так дорого стоят!

Он посмотрел на меня с тенью любопытства.

— Это не хирургическая сталь, молодой человек. Они отлиты из чистого серебра. Самый чистый срез в нашей индустрии. У качества своя цена. Я на этом не наживаюсь, знаете ли. — Я не знал, что сказать, поэтому просто молчал. Он уставился на меня, прищурившись, и морщины на его лице собрались в узел. — Что ж, вы же студент. Могу сбросить до двух с половиной тысяч, и все будут счастливы.

Да, кроме меня.

— Конечно, я могу отправить вас в магазин с доставкой по почте, где те же инструменты вы получите из третьих рук и после многократного использования. Ваше удостоверение студента и медицинские карточки позволят получить скидку, так ведь?

Что ж, деньги для меня вскоре не будут так уж критичны, подумал я. Да и остатки моих сбережений не принесут пользы, болтаясь на дне постепенно пустеющего банковского счета, ведь

так? «Виза» могла покрыть мои текущие расходы, а дьявол со временем своего не упустит.

— Вы принимаете карточки?

Он вздохнул:

— Мы живем в пластиковом мире, это разбивает мне сердце.

Взяв мою карточку, он провел ею по ручному сканеру, нацарапал сумму и протянул мне чек для подписи. Я расписался, глядя, как он заворачивает свое творчество в элегантный черный бархат. Становилось ясно, что деньги потрачены не зря. Завершив транзакцию, я взял завернутые в бархат инструменты и пожал его удивительно мягкую руку, протянутую мне на прощание.

Вернувшись в свою скромную обитель на Шерман Окс, я сел перед «Маком» и начал искать сайты, которые дали бы мне самый быстрый доступ к любителям кровавых развлечений. И разместил там свое объявление о «продаже невинности» с подписью под фотографией: «Хотите кусок свежего мяса? В 22:00 по тихоокеанскому летнему времени, в этот четверг, я начну отрезать части своего тела перед веб-камерой. Первый просмотр на TylersThirdAct.com бесплатно!»

Я перенастроил PayPal так, чтобы деньги шли на обеспечение дома, принадлежащего моей маразматичной матери, в надежде слегка очистить совесть осознанием того, что остаток своей невиняемой жизни она проведет в достатке и комфорте. Я оплатил несколько рекламных баннеров на Фангории, Блади-Дисгастинг, Шок до Упаду, Noggor.com, Дрэд Централ, Argow Through the Head — всех хоррор-сайтах, — не исключая и безвкусный TMZ. Как выяснилось, это было прозорливым и оправданным шагом. Как только реклама пошла в сеть, буквально через считанные часы Yahoo! и Google подхватили историю и связали ее с моим сайтом, новости пошли в массы. Когда за них ухватилась CNN, хаос было уже не остановить. Все, естественно, считали сообщение фальшивкой, с чего бы им думать иначе? Но это никому не мешало щелкать по ссылке. Я сделал все возможное, чтобы сохранить свое конституционное право на неприкосновенность частной жизни, поэтому выследить меня до того, как

я буду готов, никто не мог. Счетчик посещений сайта показывал сотни, потом тысячи... а ведь была еще только суббота!

Через пять дней я был полностью готов начать саморазрушение, сделать свой личный вклад в мировую культуру, плеснуть кровью ягненка в мониторы львов. Кровь, пот и самопожертвование являлись основой успеха в Голливуде, если верить многочисленным книгам по актерскому мастерству. Но я готов поспорить, что Сиду Филду не хватило бы смелости, внутренней решимости раскрыть себя на экране так, как это собирался сделать я.

Меня не беспокоила законность моей деятельности. Наверное, существуют законы против самоубийств... Фишка в том, что стоит преступнику преуспеть, и наказать его становится весьма проблематично. Я же собирался всего лишь довести современный примитивизм и художественное шрамирование до нового, лично выбранного уровня. Это было художественное самовыражение, мать его!

Если вы заходили на сайт до того судьбоносного четверга, вас встречал небольшой хоровод фотографий из моей жизни вплоть до указанной даты, а затем полноэкранное изображение моего лица и рук в виде стрелок на циферблате, отсчитывающих часы, минуты и секунды до первого отсечения. Под моим улыбающимся лицом календарь отсчитывал дни. Кроме этого, не было ничего лишнего, только та же надпись, что и на рекламе. В правом верхнем углу находилась кнопка, которую следовало нажать, чтобы присоединиться к просмотру, стоимостью 100 долларов и с оплатой исключительно по PayPal; внести эту сумму можно было только до момента первой трансляции. Первая ампутация, как и говорилось в рекламе, была бесплатной, но если кто-то хотел увидеть больше, то ему следовало развязать кошелек. За все нужно платить, особенно за мои серебряные инструменты. Виртуальная трансляция предполагалась исключительно в режиме прямого эфира, никаких записей, никаких повторов. Я знал, конечно, что некоторые хакеры способны записать и переслать мое выступление на другие ресурсы, но все же предполагал, что в мире достаточно изголодавшейся по мертвечине публики, которую моя приманка заставит платить. Сайт был односторонний, чистый и элегантный, ни блога, ни обновлений и комментариев

к моей галерее. Меня не интересовало их мнение. Это моя жизнь, и я сделаю с ней, что хочу.

Четверг казался мне бесконечным, как ожидание поезда. В животе все бурлило от предвкушения, поэтому есть я не мог. Я пытался сходить в кино, просто чтобы выбраться из крошечной квартиры и скоротать время до подъема занавеса. Но ни на чем не мог сосредоточиться. Кинотеатр гудел от дневных посетителей — в основном стариков и безработных из Голливуда, — и, когда я проходил мимо, затылок мне жгли взгляды узнавших меня. Меня провожали глазами от самой парковки... если только это не натянутые нервы и не паранойя дышали мне сзади в шею, что тоже вполне возможно. В реальном мире я был, как всегда, бесполезен, поэтому пришлось вернуться в «бимер» и быстро, слишком быстро оказаться у своей квартиры на Вэллейхарт-Драйв.

Квартира, пыльная и тесная, душила меня одним своим видом. К тому же кондиционер был сломан — снова, — поэтому пришлось открыть окно, и в комнату рванул дым вперемешку с жарой, вонью и пылью. В общем, все, что заменяло в долине Сан-Фернандо обычный воздух.

Я повесил пурпурную бархатную занавеску за спинкой своего «Aeron Chair», стоявшего перед компьютером, поправил художественную подсветку. Одну из ламп я разместил прямо над креслом, чтобы оказаться в конусе света. Для большего креативного эффекта я добавил подсветку и сбоку. Мне не хотелось, чтобы публика упустила самые выразительные детали. Хрустальная ваза, которая к моменту начала шоу заполнится льдом, стояла на столе возле шприца для подкожных инъекций и ряда бутылок с алкоголем, анестетиком и антисептиком. В конце ряда инструментов разогревался гриль для сэндвичей от Джорджа Формана. А рядом с ним, чтобы придать мне решимости и силы, стояла высокая бутылка пока не открытого «Джека Дениэлса», а также чистый высокий стакан.

Осталось только ждать назначенных десяти часов и моей первой главной роли.

Я пропылесосил квартиру, вымыл посуду, вынес мусор, помыл окна, выставил купленные за последние несколько недель

DVD в алфавитном порядке, сделал смузи, который так и не смог выпить, принял душ, побрился, поменял постельное белье и застилал кровать, включил CNN, протер плазму, проверил сообщения (ноль), вымыл блендер, попытался глотнуть смузи и посмотрел на часы.

Стрелки еще не подползли к пяти.

И я отправился бродить по Интернету, вышел на YouTube, заработал тошноту от любительских подделок, посредственной музыки, кричаще демократичных и почти бездарных культурных выкидышей немых и безработных, и мой желудок взвыл, протестуя. Я перешел к более мрачным сайтам, тем, что предлагали видео, на которых террористы расстреливали или пытали заложников, но не смог заставить себя смотреть. Мой желудок не перенес бы подобных зрелищ. Дайте мне тело из латексной пены и кровь из клюквенного сиропа, и я посмеюсь, но покажите мне реальность, и я вполне могу рухнуть в обморок. Так что сегодня меня ждал настоящий вызов.

Я проверил счетчики: более полумиллиона посетителей побывало на моем сайте! К тому же у меня появилось пятнадцать сотен платных подписчиков — 150 000 баксов! — и после сегодняшнего показа эта цифра должна была еще вырасти! Я мог бы сейчас бросить все и оставить их с носом, но дело было не в деньгах для моей невменяемой матушки и даже не для меня. Смысл моей жизни зависел от этого выступления.

До начала представления оставалось полчаса. Я переоделся: в хороший костюм и вручную раскрашенный аргентинский галстук, который приобрел в Буэнос-Айресе во время последней поездки туда. На пальцах не было украшений — важная деталь для сегодняшнего выхода. В последний раз проведя пальцами по своим редющим волосам, я поправил галстук и сел перед экраном, отсчитывая секунды до включения камеры.

И вот наконец второй акт жизни Тайлера Спэрроу постепенно погрузился во тьму, и в последний раз я напечатал «из затемнения». Мой третий акт начался.

К тому времени как веб-камера включилась, онлайн уже ожидали примерно девяносто тысяч жаждущих подписчиков. Я ненавидел их за их похоть, отсутствие вкуса, примитивные инстинкты,

безмозглую, бессмысленную, бессюжетную жизнь и вампирскую жажду моей крови. Но мне и не нужно было их любить или даже уважать. Я мог презирать их, плевать им в лицо и все же следовать по пути моей судьбы.

Я не говорил. Не играл. Мое лицо (надеюсь, бесстрастное, незаинтересованное, лишенное выражения) смотрело на меня с экрана, когда я взял шприц и наполнил его лидокаином, а потом вколол иглу у основания мизинца левой руки и нажал на поршень. Продолжая уколы обезболивающего через равные промежутки на дрожащем пальце, я использовал все лекарство и погрузил мизинец в вазу со льдом. А потом ждал, когда анестезия подействует, и не моргая смотрел в объектив камеры. Прямо в глаза моей голодной аудитории. Протерев кусачки спиртом и мягкой тканью, я показал их публике: мрачную серебряную усмешку. Вся левая кисть к этому времени отнялась, я не чувствовал ее, как не чувствовал своего сердца, что означало: момент уже близок.

Ни слов, ни музыки. Немая драма в чистейшей из форм.

Я поднял потерявшую чувствительность руку, и она задрожала от нервного предвкушения. Во рту пересохло, я постоянно сглатывал, пытаюсь избавиться от забившей глотку невидимой ваты. Растопырив пальцы перед камерой, я поднял ждущие кусачки правой рукой, которая тоже предала меня и мелко дрожала. Я сглотнул, подвел серебряный инструмент ближе, распахнул его жадные челюсти. Испарина давно уже стала потом и теперь стекала с бровей мне в глаза, отчего их дико жгло. Игнорируя это, я подвел кусачки еще ближе. Сейчас или никогда — жар гриля уже опалял мою правую щеку.

Я глубоко вдохнул и...

Щелк!

С первой попытки челюсти кусачек прошли через плоть и кость, и мой недооцененный мизинец упал на маленькую подушечку из белого шелка, которую я положил перед собой на столе. И застыл в алой короне моей крови, которая продолжала хлестать из новообразовавшегося обрубка на самом краешке моей левой руки.

Шок окутал меня своим покрывалом, боли не было, только все ускоряющаяся пульсация разогнавшегося сердца. Я поднял

руку, чтобы доказать жаждущей публике, что все реально, и ткнул обрубок в маленький гриль, после чего поток крови сменился шипением. Рефлекторно завопив, я подавился от запаха собственного горелого мяса, проглотил двойную дозу «Джека Дениэлса», сунул руку в вазу со льдом и выключил камеру.

Я выключил свет и сидел в темноте, не в силах справиться с дрожью, которая охватила все мое тело. Руки дрожали сильнее всего, а сердце явно стремилось улететь на Луну. Миссия выполнена... Первая глава, по крайней мере. Я глубоко, судорожно дышал, пытаюсь успокоить свой пульс. Пот окутал все тело, холодный и скользкий, и мне пришлось прилечь на диван. Но боли все еще не было, хоть я и знал, что она обязательно придет. Влияние алкоголя и обезболивающего оглушили меня, и все же обрубок пульсировал в такт сердцу и, казалось, увеличивался в размерах. Я протер его антисептиком и осторожно обернул сначала бинтом, а затем пластырем.

И лежал, глядя в дырявый потолок, глубоко дыша и ничуть не сожалея о своем утраченном пальце. Я просто пытался справиться с паникой, охватившей мое тело. Успокойся, приятель, все закончилось, все будет хорошо, ты справился, просто дыши, медленнее, еще медленнее...

Это сработало, зрение начало фокусироваться, мозг справился с вонью моего горелого мяса, сердце постепенно замедлилось до ритма обычного бега. Еще глоток прямо из горлышка старинны Джека, и я почти мог нормально функционировать. А когда сумел снова подняться на ноги, вернулся к манящему глазу «Мака» и вывел его из спячки.

Больше миллиона шестисот тысяч посетителей присоединились ко мне после этой маленькой анатомической демонстрации... и больше двух тысяч заплатили за привилегированный статус! Что привело меня к осознанию: за то, что я только что отрезал себе палец, мне заплатили больше, чем я получал за сценарии. Я поразмыслил немного, пытаюсь как-то осознать перспективу. Но все же я и так доказал невозможное.

Стены квартиры снова начали на меня давить, угрожая буквально уничтожить, и мне пришлось выбраться на улицу. Доко-

выляв до парковки, я забрался в «бимер», неуклюже вывел его на улицу и направил по Колдуотер-Каньон. Ночь была необычно холодной, а уличное движение необычно редким. На пересечении Колдуотер и Малхолланд-Драйв я резко свернул на парковку Tree People и вышел в последний оазис природы, оставшийся в центре Лос-Анджелеса. Парк был уже закрыт, но я пробрался по дубовой аллее мимо куч собачьего дерьма до чистой полянки. Передо мной раскинулась долина Сан-Фернандо, старая ведьма, давящаяся последними попытками вздохнуть. Башня NBC/Universal царил над ландшафтом, черный обелиск мужества; огоньки подмигивали мне, бульвар Кахуенга, ведущий к Голливуду, задышался от машин, как всегда. Город лежал передо мной, мертвый и распластаный, как вскрытый труп на железном столе, выставленный на всеобщее обозрение. Я видел, как разлагается этот город, и знал, что разложение заразно. Часть меня отрезана, мой будущий путь и следующий шаг ясны. Я чувствовал себя просветленным, радостным и уставшим, как на выходе из спортзала. Сетевые пираньи год за годом отхватывали от меня бескровные куски, теперь моя судьба снова в моих разнопалых руках. Небо Южной Калифорнии обняло и убаюкало меня.

— Роджер, нет!

Проснулся я внезапно, и разбудил меня поток горячей жидкости. Мохнатым будильником оказался джек-рассел-терьер, облегчившийся мне на голову под вопль перепуганной хозяйки — сто с лишним килограмм трясущегося жира в упаковке самого дорогого костюма для йоги.

— Нет! Роджер, плохой пес! А ну иди сюда!

Я встал, покачиваясь от похмелья, с моего лица потекла моча Роджера, а память неохотно сообщила, где я и как здесь оказался.

— Господи, мне так жаль!

Она с топотом гонялась по земляной дорожке за мелким терьером, который водил ее кругами, с легкостью уворачиваясь от рук и хохоча во все горло на свой собачий манер. Я стоял, покачиваясь, и тарасил налитые кровью глаза на женщину, протягивающую мне полотенце, висевшее у нее на шее. «Роджер!» И убегает вслед за своим мохнатым мешком с мочой, чтобы так

и не вернуться. Я вытер с лица собачью метку, чувствуя себя невероятно униженным, и меня вырвало на землю.

А потом я забрался в «бимер» и присоединился к другим машинам, с плотностью сардин в банке набившимся на единственную дорогу в долину. В час пик на Колдуотер обычно было не протолкнуться, но у меня же не было причин спешить домой? Как оказалось, были.

Когда я приехал, дома на Вэллей-Виста были заблокированы фургонами прессы. Команды новостей жужжали от кофе и аромата скандала. Я припарковался, и меня тут же поглотил водоворот жадных камер и гладких, бесполох, как Барби и Кены, новостных мартышек. Каждый совал мне в лицо свой фаллический микрофон, пытаюсь изнасиловать раньше других. Они кричали на меня, размахивали диктофонами и требовали содействия. Я был совершенно не в духе для такой спонтанной пресс-конференции, поэтому грубо протолкался сквозь толпу и запер за собой фанерную дверь своей квартиры. Кто же знал, что меня так легко обнаружат?

Ничего подобного я не ожидал.

У меня мелькала мысль о карьере артиста, но я слишком привык к относительному комфорту анонимности и не собирался превращаться в безмозглого хомячка в колесе развлечений. Теперь, когда на меня были направлены прожектора, я искал тени. Так вот что нужно было, чтобы привлечь их внимание? Всего лишь моя кровь? Господи, ребята, ну и просты же вы.

Тонкая дверь и окно без двойного стеклопакета почти не заглушали рева одержимых служителей таблоидов, но я задернул занавески и набросил цепочку, чтобы спрятаться в утешительном сиянии «Мака».

Он проснулся по щелчку и выдал мне список десятков неожиданных e-мейлов, в основном с неизвестных адресов, и в этом потоке почти не было спама от «Виагры». Наверное, выследить меня было не так уж сложно, мой адрес был *tylersparrow@ymail.com*. Автоответчик мигал кнопкой «полон». Одинокая машинка захлебнулась от неожиданного потока популярности. Меня выбрали Королем Выпускного Бала! Ценой одного относительно бесполезного пальца (не считая нажатия клавиш «Ф», «Я» или «Й», он все равно болтался без дела).

Телефон продолжал звонить, в дверь продолжали стучать, но я отгородился от всего. Выдернул шнур телефона, выключил мобильный и игнорировал стук и вопли, пока последнему из пришельцев не надоело.

Я сидел за компьютером и пролистывал сообщения, забыв о грязной голове и чувствуя, как остатки алкоголя проступают на коже с потом. Большая часть писем пришла от восхищенных придурков, несколько христианских фундаменталистов изрыгали пламя и серу, репортеры газет и интернет-изданий жаждали процитировать «Сумасшедшего резчика», несколько друзей и бывших коллег с разных мест работы приглашали выпить кофе и поговорить. У меня не было родных, кроме матери, поэтому поддержки и сочувствия я не дождался ни от кого. Все снова чего-то от меня хотели. Именно поэтому я и занялся тем, что сделал.

Я открыл свой сайт и взглянул на счетчик. Пять тысяч человек перечислили деньги за то, чтобы продлить доступ! Сегодняшнее представление должно было стать важным вторым шагом. Пришло время наращивать аудиторию, заставить их раскрыть глаза и кошельки, поддерживать ажиотаж, подать второе блюдо их виртуального пира.

Дзинь!

Компьютер предупредил меня о приходе нового сообщения, и я вернулся к почте, чтобы увидеть новую строку поверх просмотренных. Новое письмо было с прикрепленным файлом. Меня привлек адрес: piecemeal82@gmail.com — часть меня на обед... Определенно родственная душа.

Я щелкнул по письму. Прикрепленным оказалось фото молодой женщины, довольно привлекательной, но ничуть не похожей на штампованных голливудских девиц: ни высветленных волос, ни силиконовых грудей, со слегка кривыми, несовершенными зубами. У нее были темные коротко стриженные волосы, очки, почти безупречная кожа, а лицо и тело таили скрытое обещание, которое с первого взгляда сложно было понять. И пусть это было всего лишь неподвижное фото, оно выглядело так, словно его сняли лично, тайно, не ретушировали, и поэтому оно рождало чувство какой-то личной, очень близкой симпатии. Ее золотые

глаза смотрели прямо в камеру, словно не позволяя мне не восхититься ею.

Сообщение было простым: «Я восхищаюсь тем, что ты делаешь. Хочешь устроить видеочат? Салли».

Я смотрел на ее фото, оно смотрело на меня в ответ. Было в ней что-то от Моны Лизы. Намек на улыбку, тайная ниточка, тянущаяся от нее ко мне, или же это просто насмешка? Я не был готов сейчас шутить, слишком уязвимым я себя чувствовал. Чем конкретно она восхищалась?

Я рассматривал ее непроницаемое лицо.

Какого черта? Сколько привлекательных девушек сами искали со мной встречи? Моя жизнь превратилась в колоду карт на ветру, не было ни порядка, ни времени, ни планов (если не считать сегодняшних 10:00) — *ничего*. Так что я кликнул на «Ответить» и набрал:

«Конечно, давай поговорим. Где ты живешь? В ЛА? И когда будешь у веб-камеры?»

Ответ пришел тут же.

«Ты меня просто ошеломил прошлой ночью. Я в Охай, но кажется, что намного ближе. А ты сейчас возле камеры?»

Мое сердце загрохотало. Я вонял, от меня разило собачьей мочой и алкогольной рвотой.

«Дай мне полчаса», — напечатал я.

Наплевав на растущую гору е-мейлов вкуче с красным подмигиванием автоответчика, я юркнул в ванную и вскоре уже поставил от удовольствия подупругими струями горячего душа. Оживленный, если не обновленный, я высушился и постарался придать себе более или менее презентабельный вид, прежде чем сесть за компьютер. Я глубоко и медленно подышал, пытаюсь успокоить сердцебиение, а затем вбил адрес ее чата и активировал свой.

Ее лицо возникло на экране, она смотрела прямо мне в глаза. И она действительно была милой.

— Тайлер. Поверить не могу, что это ты!

Голос у нее оказался хриплым, густым, соблазнительным. И, Господи... Она не могла поверить, что это я!

— Да, это я, — сказал я в ответ. — И тоже не могу поверить, что это ты.

Она улыбнулась, я ответил. Мое сердце принадлежало ей с первого движения ее губ.

— Ты прекрасен, — сказала она.

— Ты, видимо, давно не смотрела в зеркало, — ответил я. — Ты видела вчерашнюю трансляцию, Салли?

— Да. Ты очень храбрый. И зрелище вышло сильное. — Она прикусила нижнюю губу и продолжила: — Оно... возбудило меня.

Это было очевидно, она дышала чаще и глубже, а ее лицо порозовело от внезапной страсти. Что ее возбудило — отрезание пальца? Во что я ввязался?

— Не знаю, что на это ответить.

Она смотрела прямо в камеру... Прямо в мои глаза.

— А тебя оно возбудило? — спросила она.

Хм-м-м. Честно говоря, я даже не задумывался об эротических возможностях моих ампутаций. Меня не заводила боль, мясо никогда не являлось атрибутом сексуальной стимуляции, даже в мечтах. Мои предпочтения в этой области оказались вполне католическими. Внезапно я почувствовал смущение и стыд, но ни за что не признался бы в этом своей странной собеседнице.

— Ну, — осторожно начал я, — не в тот момент.

Она казалась разочарованной, что разочаровало *меня*. Я не хотел ее упускать.

— Ох, — кратко отозвалась она.

В дверь снова заколотили, но для них меня не было дома.

— Ты один? — спросила она.

— Да.

— И ты живешь один?

— Да. А что насчет тебя?

— Совершенно одна. — Снова долгая пауза, затем: — А ты одинок?

Вопрос застал меня врасплох. Тяжелый мрачный мяч одиночества начал разбухать в груди, и я понял, что не выдержу его веса. Мои губы зашевелились, но я не мог издать ни звука. Я лишь почувствовал, как отражается в глазах моя ни разу не выраженная печаль. Одинок? Был ли я одинок? Я не замечал одиночества... до сих пор. Ее лицо, совершенно спокойное, смотрело на меня без осуждения, и я дернулся от унижения под ее

взглядом. Она терпеливо ждала ответа, и я понял, что именно ей могу сказать правду.

— Да, кажется, я одинок.

Она кивнула:

— Я тоже.

Не может такая красивая и милая молодая женщина быть одинокой, подумал я и тут же сказал об этом вслух.

— Мир переполнен, — ответила она, — но мне в нем нет места.

Я знал, что она чувствует, и мне не нужно было об этом говорить.

— Покажи мне свою руку, — сказала она.

Я протянул ее к камере.

— Можешь снять повязку?

— Ты правда этого хочешь?

— Да, хочу.

От ее жадного взгляда я заерзал, пряча эрекцию под столешницей, и медленно снял бинты, открывая свежую красную рану. Она ахнула.

— Болит?

— Не очень.

— Покажи поближе.

Ее дыхание стало глубже, мое тоже. Я чувствовал, как кровь горячим потоком струится по телу, как пульс разгоняет ее все быстрее. Салли подалась ближе.

— Хотела бы я ее поцеловать.

Меня душили эмоции, пришлось сглотнуть, прежде чем отвечать.

— Мне тоже.

И я это сделал.

В дверь снова забилась моя благодарная публика.

— Ты сегодня снова это сделаешь? — спросила она.

Я кивнул.

— В этом все дело. Ты не поверишь, сколько народу готово платить мне за это.

— Еще как поверю.

— И ты в их числе?

Она кивнула и улыбнулась, показав слегка искривленный клык, который делал ее еще сексуальнее... Несмотря на кровожадность.

— Я не думала, что все будет реально. Но игра стоила свеч.

Дверной звонок продолжал надрываться, крики снаружи пронизывали тонкие стены моего убежища на Шерман Окс. Е-мейлы и прочие сообщения ползли непрерывным потоком на фоне моего монитора. Даже мой молчаливый мобильный жужжал и танцевал буги на столе. Меня взяли в осаду.

— Что там за шум?

Я вздохнул.

— Кажется, прошлой ночью я стал невозможно популярен.

— Там собралась толпа?

— А ты просто включи телевизор. Я, кажется, теперь на всех каналах. — Я заметил, что в щель между занавесками сунулась камера, и торопливо рванулся закрыть их плотнее.

— У меня нет телевизора, — сказала она, отчего понравилась мне еще больше.

Она совершенно не знала об одиночных плодах моих трудов. Не знала, что я собирался откусить больше, чем мог прожевать.

— Что ж, видимо, пришло время для личного распятия. Толпа явно жаждет именно этого.

Она начала говорить и тут же оборвала себя.

— Что?

Она снова помедлила, потом продолжила:

— Если ты правда хочешь от них сбежать, можешь приехать ко мне.

Вопли с улицы требовали моей крови, и я всерьез задумался над ее щедрым предложением.

— Серьезно?

— Серьезно.

Я смотрел на ее спокойное, доброжелательное лицо и понимал, что никогда раньше не встречал никого с золотыми глазами.

Мне нужно было спрятаться.

На то, чтобы оторваться от журналистов-гончих, потребовалось не так уж много времени, и через полчаса я уже выскользнул

из их хватки и направил «бимер» на север по Фентура-фривей. Над долиной Сан-Фернандо собирались перистые облака, но, когда я проехал Мурпарк, они уже растворились в небесной сини. Огибая последнюю гору со знаком цитрусовых ферм Охай и наслаждаясь прекрасным видом, я мог лишь изумляться, насколько девяносто минут поездки могут изменить человеческую жизнь.

GPS машины довел меня до маленького фермерского городка в духе старой Калифорнии, теперь известной благодаря своим спа-салонам и местечкам для отдыха на выходные. Никто не обращал внимания на бесконечные ряды апельсиновых деревьев. Я проехал два квартала от центра, мимо очень сухого, но спокойного и мирного старого кладбища, а потом мимо «Бартс Букс», самой большой распродажи книг под открытым небом, и свернул на грунтовую дорогу к маленькому бунгало, стоящему на отшибе от соседей.

Сердце мое отбивало военный сигнал вечерней зари, когда я прочищал горло по дороге к дому, не зная, чего именно мне ожидать. Я собрал остатки самообладания, вылез из машины, подхватил ноутбук и зашагал к двери. Она встретила меня там, и мы целую вечность смотрели друг на друга через ржавые жалюзи. На ее милом лице совершенно не отражался прожитый опыт, оно, казалось, принадлежало десятилетней девочке и было почти прозрачным, словно ее кожи никогда не касалось солнце. Коротко стриженные рыжие волосы и поразительные золотые глаза мерцали в солнечном свете. В глазах светился восторг и предвкушение. Она оказалась маленькой, куда меньше, чем я ожидал: едва ли полтора метра ростом. На ней были джинсы и просторная хлопковая блуза, а на плечах нечто вроде шали, простой и совершенно не истертой, как и ее лицо. Но тело ее было чувственным, а на губах расцвела хищная улыбка, когда она закуталась в шаль, словно от холода.

— Ты быстро добрался, — сказала она, со скрипом отворяя дверь.

Я шагнул в прохладные объятия ее дома. Мебель внутри оказалась в основном от Стикли — или же это были очень хорошие копии. Старый потертый дуб подходил стилю дома так же, как

и его обитательнице. Очарование древности и остановившегося времени нарушал лишь вполне современный компьютер в углу.

— Куда мне это поставить? — спросил я, приподнимая ноутбук.

Слегка прихрамывая, она провела меня к обеденному столу, и я сел. Внутри не было ламп, только солнце, проникающее в окна, освещало это место.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— А что у тебя есть?

Я проводил ее глазами до холодильника на кухне.

— Вода, пиво, чай со льдом... диетическая «кола».

Мне захотелось пива, и она кивнула в сторону гостиной, наливая нам «Michelobs». По пути я заметил спальню, идеально прибранную и очень уютную. Кровать была застелена, на стенах висели картины куда более мрачные и кричащие, чем можно было предположить, глядя на милое личико их хозяйки. Я сел на диван и начал буквально впитывать окружающее. В этом доме царило постоянство и история, то, чего мне так не хватало. Сам я всю жизнь мотался, как незакрепленный канат в полосе прибоя.

Она вошла в комнату, неся поднос с пивом в одной руке, и я встал, чтобы ей помочь, а потом поставил поднос между нами на диване. Я пытался ее понять, и мне чертовски нравились ее намеки на спальню.

— Спасибо, что пригласила меня сюда, — сказал я ей.

— Спасибо, что приехал.

— Почему ты со мной связалась? — При всей моей симпатии я до сих пор не мог этого понять.

— Потому что ты сделал нечто простое и храброе. И потому что мне показалось, что мы похожи, а мне мало встречалось похожих людей. Я ошибалась?

— Надеюсь, что нет.

С этими словами я потянулся к ее руке, и она мне это позволила. Но я был жаден, мне нужны были обе. Поэтому я потянулся и к правой ее руке, а у нее перехватило дыхание. Она внимательно посмотрела мне в глаза, а потом молча выпутала руку из шали. Рука заканчивалась на середине между локтем и запястьем. Осознание этого только начало проникать в мой мозг, а желание уже затопило меня. Я осторожно потянулся, зная, что

она этого хочет, и дотронулся до ее культи, нежно сжал ее в ладони. Я хотел ее поцеловать.

— Несчастный случай? — спросил я ломающимся голосом.

— Не совсем, — ответила она.

— Как это произошло?

Она снова оценивающе на меня посмотрела и только потом решилась сказать.

— Я работала в печатном цехе. Резала и переплетала, постоянно наблюдая, как гильотина рассекает стопки бумаги. Она меня зачаровывала. Гипнотизировала. Я резала и резала, скармливала ей все новые и новые стопки, и она просто тянула меня к себе. Все ближе и ближе. — Она посмотрела на меня, словно решая, безопасно ли будет продолжить. Видимо, решение оказалось в мою пользу, потому что она сжала мои пальцы. — Я не знаю. Я просто не могла ее не кормить. И не сразу поняла, что делаю, когда толкнула под лезвие руку, а потом отдернула ее остаток, заливая кровью бумагу. Моя жизнь растекалась по книге.

Она ждала моей реакции, а я смотрел на нее в замешательстве.

— Было больно?

— Возможно. Но я испытала оргазм.

Когда она это сказала, я чуть не «испытал» то же самое. Мне было чертовски тесно в джинсах. Она уронила свою уцелевшую руку на мои колени, отлично понимая, что происходит. Я нагнулся поцеловать ее, и она жадно ответила, присасываясь к моему языку.

Я отнес ее в спальню; она почти ничего не весила. Она была невероятно хрупкой, но ее сексуальные аппетиты не уступали странностям характера. Мы целовались, ее глаза закатились, и, запрокинув голову, она издала животный, совершенно дикий и ничем не сдерживаемый вопль. Когда я положил ее на постель, она не позволила мне встать и посмотреть на нее, притянула к себе, яростно сражаясь с пуговицами моей рубашки и заставляя меня делать то же с ней. Я был рад повиноваться.

Кожа ее была алебастровой — едва ли не светящейся изнутри, без единой морщинки. Когда я снял ее блузу, то понял, что белизной ее кожа не уступает ткани. Она ухватила меня за руки,

поднесла их ко рту, по очереди засасывая пальцы, пока не добралась до свежей раны. Влажный жар ее рта заводил и в то же время успокаивал.

Я растянул ее джинсы, и она с готовностью вскинула бедра, чтобы мне помочь. Джинсы застряли на середине, я задержал ткань и услышал, как жарко учащается ее дыхание. Джинсы зацепились за завязки ее протеза. Ниже колена ее нога состояла из резины и стали.

Когда она сказала «сними», я понял, о чем речь, и отсоединил искусственную конечность. Меня тянуло к ней, как мотылька на пламя. И надолго меня не хватило.

Очнулся я в темноте, когда древние часы пробили восемь. День прошел в довольной дремоте после невероятного секса. Место на кровати рядом со мной оказалось пустым, но все еще теплым. Лунный свет проникал в окно и трогал меня холодными пальцами. Я вдруг ощутил себя крайне уязвимым, когда из одежды на мне были только мурашки. Я выглянул в коридор: Салли нашлась в гостиной, ее освещал холодный свет монитора. Пока я спал, она включила мой ноутбук. Я соскочил с кровати и натянул джинсы.

— Не хотелось тебя будить, — сказала она, и я был ей за это благодарен. — Надеюсь, ты не против, что я его включила, уже довольно поздно.

Я сел рядом с ней, чтобы ввести необходимые для сегодняшнего представления пароли. Салли честно смотрела в сторону, пока я стучал по клавишам. Как только все было готово, она повернулась, облизывая губы и зубы, чем тут же прогнала остатки дневного сна, готовя меня к ночи.

Ночь Вторая на TylersThirdAct.com стоила денег. Отныне сайт стал эксклюзивным клубом для тех, кто готов оплатить свои визиты. На данный момент — для трех тысяч. Я мог бы сказать, что Салли эта цифра впечатлила, но она молчала, пока я открывал свою сумку и доставал все необходимое: вазу, шприц, анестетик, серебряные инструменты и гриль, белую шелковую подушку. У меня снова задрожали руки и сжался анус. Я обернулся к Салли через плечо.

— Красиво, — выдохнула она.

— Ты не против, если я приму душ? — спросил я, и она кивнула.

Я дрожал и дергался под теплыми струями. Меня стошнило жидкой желчью моих грехов: больше во мне ничего не было. А теперь и желчь покинула мое тело, как демон после изгнания.

Завершив *туалет*, я вернулся к ноутбуку, Салли и своему будущему. Время приближалось к девяти, остался час до следующей главы.

— Ты отлично выглядишь, — совершенно искренне сказала Салли.

Нет. Это она отлично выглядела, я не мог на нее не глазеть, не наслаждаться ее красотой. Если она считала меня красивым, оставалось лишь радоваться. А вот передо мной сидела невинная, уязвимая прелесть, хрупкая и незащищенная, и мое сердце рвалось к ней. Я обнял ее лицо ладонями и поцеловал ее, с любовью и страстью, а потом нежно прижался своей шершавой щекой к ее нежной коже.

— Что ты сегодня отрежешь? — спросила она.

— Я... я думал о втором пальце, — запнулся я.

— А разве ты не... — Она замолчала.

— Продолжай. Что я «не»?

— Просто... разве ты не боишься повториться? Если уж ты решил удалить палец, то почему не выбрать палец на ноге?

— Я... ну... ну да. А что в этом плохого?

— Мне кажется, аудитория хочет какого-то, ну, *развития*. Ты же не хочешь потерять их интерес?

Развития. На миг мне показалось, что я слышу сетевого критика. Но тут же понял, что она права.

— К примеру, ухо?

Она взяла меня за руку.

— К примеру, кисть. — И она поцеловала мою ладонь, а потом заглянула мне в глаза.

— Кисть. — Я сглотнул.

Но пути назад уже не было. Я задал себе направление, я подготовил финальный акт и теперь должен выполнить задуманное. Я заключил сам с собой контракт.

Четверть десятого вечера. Часы на стене отсчитывали секунды размеренно и неизбежно, но я готов поклясться, что стрелка все ускорялась. Хотя, возможно, ускорялся мой пульс.

— А после кисти?

— Подумаем об этом позже, — сказала она. — После кисти.

— Ты права.

Она улынулась, и ее золотые глаза засияли. Ее поцелуй был глубоким и долгим.

— Не знаю только, есть ли у меня нужный инструмент.

Все еще сияя, она ответила:

— У меня есть.

Я в ней не сомневался. Она вышла из комнаты и вернулась с большим резакон для бумаги. Аккуратно поставила его перед ноутбуком и раскрыла его тяжелые стальные челюсти. Они хищно блестели. Я протянул руку, захлопнул гильотину и услышал стальной звон, который зачаровал меня, как колыбельная.

Я посмотрел на экран, где все обновлялся список писем и подтягивались в последнюю минуту новые подписавшиеся. Потом взглянул на часы — 21:35.

— Так что ты думаешь? — спросила она.

Моя душа подала на развод с телом. Я искал себе другой глобус, пытался вырваться с планеты, где был просто игровой картой, затерянной среди миллионов таких же. И я смотрел в жаждающие глаза такой же парии, крошечной, невероятно хрупкой. Я получил истинное вознаграждение, только когда решил отказаться от себя и отказался от всего. На данный момент моя аудитория заплатила почти полмиллиона долларов за то, чтобы наблюдать мое саморазрушение, чтобы видеть, как прекращается жизнь по велению измученной души. Я нашел компанию, романтику, утешение, все то, чего мне так не хватало в жизни, и все это в обмен на часть своего тела. И готовность отдать вторую.

— Я думаю — да.

Я видел, как на ее глаза наворачиваются слезы радости, и сам ощутил радость, когда она крепко меня обняла. Я снова начал дрожать, полностью отдаваясь на ее милость. Салли отстранилась и посмотрела на меня. В ее глазах был вопрос.

— Что такое? — спросил я.

— Хочешь, я опущу резак?

Я знал, что именно этого она хочет, и, наверное, тоже этого хотел. Когда я кивнул, мое тело отпустил прежний спазм, я успокоился. Я действительно был в ее руках.

— Тогда нам лучше подготовиться, — сказала она под согласное тиканье часов.

И, как умелая санитарка, Салли вколола лидокаин в мое запястье. Я ощутил покалывание, когда анестезия начала действовать. Салли отложила шприц и массировала мою руку, а я наслаждался ее теплом.

— У тебя есть «Джек Дениэлс»?

У нее оказался «Мэйкерс Марк», что тоже подошло. Жар покатился по моим венам, и я еще больше успокоился. Секунды неслись одна за другой, мой пульс замедлялся. Несколько минут до эфира. Она усадила меня на стул перед камерой, а сама устроилась так, чтобы оказаться за кадром. За секунду до десяти она натянула черную хэллоуинскую маску.

— Ты готов?

Я был готов.

Я включил веб-камеру и развернулся к ней. Еще три сотни посетителей оплатили шоу в последний миг, количество зрителей онлайн увеличивалось до десяти вечера.

Я вытянул руки перед камерой, как фокусник в начале трюка. Салли протерла мое запястье спиртом. Я уложил скользкую руку на резак, Салли поправила ее, определив нужное положение. Сияющее лезвие ждало своего хода. Я повернул камеру, добиваясь идеального ракурса. И раньше, чем я смог возразить, Салли налегла на ручку резака, опуская ее вниз. Моя кисть упала на подушечку, как морская звезда на песок.

Я сунул обрубок в раскаленный гриль и отключился.

Знаю, это избитый авторский штамп — заставлять главного героя терять сознание, чтобы оправдать внезапный поворот сюжета по прошествии некоторого времени. Дешевый, но действенный трюк, я много раз им пользовался до недавнего времени. И продолжил теперь, пусть и не по своей воле. Я не знал, что произошло в промежутке между обмороком и моим возвращением в созна-

ние. Знаю только, что пробуждение сопровождалось потрясающим ароматом. Густым, вкусным запахом жареного мяса.

Мое тело застыло в неудобном и странном положении на покрывале, которым застелили что-то металлическое. Я открыл глаза и ждал, пока зрение сфокусируется, забыв, где я могу очутиться. Было ясно, что я точно не в своей квартире на Шерман Окс. Я был в доме Салли, конечно же, но в странной клетке из ржавого металла. Клетке с толстыми прутьями, едва ли в метр шириной. Голова болела и плохо соображала, зрение плыло, а телу было крайне неудобно. Потом я ощутил, что во рту все пересохло и онемело, на месте языка шевелился только обрубок.

Я поднял голову, чтобы посмотреть в направлении кухни, где на плите пытела кастрюля, источавшая дивные ароматы. Услышал голоса. У Салли появилась компания. Шестеро посетителей сидели за обеденным столом, и перед каждым стоял изысканный прибор. Люди были разного телосложения: крепко сбитые, худощавые, высокие, низкие, разной степени упитанности, объединяло их лишь одно: у каждого не хватало какой-то части тела. У каждого хоть чего-то недоставало для полного комплекта.

Когда Салли вошла, удерживая одной рукой поднос с дымящимся мясом на блюде, она явно удивилась и обрадовалась, увидев меня в сознании.

— Доброе утро, — сказала она, и все обернулись ко мне, заставив забиться в дальний угол клетки.

В этот момент я их узнал: Дэниела Пауэра, вице-президента драм на NBC, Кэролин Пфенстер из Тернера, какого-то менеджера среднего звена с Universal, я давно забыл его имя после провальной попытки договориться в прошлом году. Другие были мне незнакомы.

А потом я заметил, что не просто сижу перед ними голый. У меня недоставало не только руки. Пока я спал, мне ампутировали ногу, отчего мои болтающиеся гениталии казались странной недоразвитой конечностью.

В животе заурчало.

— Кто хочет есть? — спросила у меня Салли.

Все за столом согласно зашумели, не понимая, что ее вопрос адресован не им.

Я покачал головой, отрицая охвативший меня голод. Я не мог даже позвать на помощь.

Сервировка стола перед сидящими была закончена. Возможно, там были и овощи, но я их не видел. Я видел только свое филе, выставленное в аппетитном виде, и группу людей, которые в нем копались, выбирая кусок повкуснее. Это шоу принадлежало уже не мне, сообразил я: сериал, который я создал, отрезая от себя части тела, перехватили. А меня заменили новыми ведущими. Третий Акт Тайлера теперь транслировала другая сеть, с новыми владельцами, которые запустили его на другой веб-сайт.

Салли поднялась из-за стола с тарелкой и опустилась передо мной на колени, в нескольких дюймах от решетки. Сквозь окошко в нижней части клетки она просунула маленькую тарелку. На ней, как розовый тарантул, лежала моя отрезанная кисть, нежное мясо едва держалось на костях.

— Давай же, — подбодрила меня Салли. — Это действительно вкусно.

Пожалуй, даже слишком вкусно. Я не мог это есть.

Это было две недели назад. Не стоит и говорить, что у меня появился вкус к человечине, иначе я бы не дожился до этого дня. Точнее, то, что от меня осталось. У меня не было рук и ног, не было многого другого. От меня больше нельзя было ничего отрезать, не убив меня. Я выглядел, как диванная подушка.

Часто говорят, что не важно, как ты умер, важно, как ты жил. Я могу поспорить. Как тот, кто прожил жизнь в заурядной анонимности, могу смело заявить, что уникальна в моей жизни только смерть. Сегодня у Салли последний званый ужин. Боль живет лишь в моем сердце, не в теле. Значение существования порой сильно преувеличивают. Я не буду по нему скучать. Если вы один из подписчиков и заплатили за зрелище, присоединяйтесь к моему последнему шоу. Салли тщательно вымыла и причесала меня для финала моего третьего акта, веб-камеру вот-вот включают. Надеюсь, вы присоединитесь ко мне в этом последнем эпизоде, за минуту до того, как я поблекну, уступая место рекламе.

МАРИЯ АЛЕКСАНДЕР

«И ПУСТЬ БЛЕДНЫ УСТА...»

Юность твоя свежа, время ее хранит,
И пусть бледны уста и слезы на глазах,
Прощай, ты должна позабыть.

*«Прощай», неизвестный автор,
Франция, XV век*

Яркий свет, холодный воздух обжигает мои сухие губы. Голова устало клонится вперед, колокола обедни тонко поют со стороны аббатства. Мужчины с поясами из пластин слоновой кости и в дорожных плащах *шурх-шурх-шурх* с лошадей в замок, сквайры прыскают от них во все стороны, как пауки, при виде грязных золотых шпор. Сжимая молитвенник в муфте, я размышляю, к седлу которой из лошадей приторочено мое приданое. Мои тысячи, наше спасение. Жизнь моя не там, где я, она привязана к седлу зверя в драгоценном сундуке, которого я никогда не видела...

Три дня назад моя невинность была лишь тенью, застилавшей одну из монастырских стен. И как же быстро это изменилось, удача улыбнулась мне. Я буду помолвлена, но считала, что на всю жизнь останусь старой девой. Сестры мои вышли замуж, мне же сказали, что для меня ничего не осталось. Возможно, я неверно поняла. Я вспоминала все оговорки последних месяцев, однако память отражала лишь бесконечные процессии монахинь, священников, землевладельцев, которые приезжали к отцу жаловаться на плохие всходы и восстания, поскольку отец оставался верен Парижу. Я не помню, чтобы хоть раз слышала о брачном контракте или о гостях, которые могли бы дать за меня выкуп. Три ночи назад Матушка заявила о моей помолвке, придя ко мне в спальни, как Ангел, возгласивший Деве о рождении

Христа. Я должна была обвенчаться с сыном герцога из Нормандии.

На мое тринадцатое Рождество.

Мы с Матушкой гуляли в слабом свете утра, мои компаньонки жалобно плакали у ворот замка. Одна прятала в шелковом платке маленький флакон с розой, кардамоном и тмином, подарок мне на прощание. Мы восторженно шептались о свадьбе. *Буду ли я управлять большим домом? Будет ли у меня много детей? И красив ли мой жених?* Подруги уверяли меня, что мои льняные волосы и голубые глаза делают меня очаровательной, меня могут и полюбить. И я поверила им. Пусть всего лишь на миг.

Матушка видела, что я печальна, оставляя компаньенок, и погладила меня по щеке, с бледным намеком на ласку.

— Не волнуйся, — сказала она. — В твоём приданом много полос итальянского дамаска, синего, как яйца малиновки; полотно, белого, как свежие сливки; бархата, темного, как крылья убийц; и теплой шерсти, которая согреет тебя в холоде Нормандии.

Я не помнила, чтобы такие ткани грузили в повозки, и не знала, что в них есть оружие. Лишь аккуратно завернутые тяжелые мешки с соленой рыбой и свиной, ржаным хлебом, бочками сидра, сушеными сырными головами и другой провизией. Груза было куда больше, чем требовалось на четыре дня пути. Наверное, я просто недооценивала аппетит мужчин.

Морщинистые красные лица выглядывали из кухни. Ветер шелестел над головой в буковых листьях, когда меня поднимали в разрисованную карету и усаживали меж пушистых мехов, в которые я тут же укуталась. В мехах я спрятала туалетные принадлежности и несколько узелков с лакомствами. Было до странности тихо. Ни акробатов, ни певцов, ни глашатаев не пригласили отпраздновать мою удачу и пожелать мне счастья.

— А где же люди моего нареченного? — спросила я у матушки. — Почему они не приехали за мной, как за моими сестрами?

— Нам нужно спешить, — ответила она и отняла руку.

Я смолкла.

Листья хрустели под их ногами, когда мужчины в поясах из пластин слоновой кости вскинули мечи, принося клятвы ангелам

и восхваляя неувядающую красоту моей матери. От этих слов сердце мое затрепетало, как паутинка на ветру. Я сидела не двигаясь и восторженно слушала, как они превозносят душевное и физическое совершенство моей матери. А затем они криком подогнали лошадей, и всадники умчались вперед. Цок-цок-цок копыта, и моя повозка тоже двинулась от замка.

Я отбросила свое изумление. Слишком сильно мне хотелось дожидаться того дня, когда мне будут служить такие сильные воины и мне возносить хвалу; до того дня, когда я буду вдохновлять рыцарей на благие дела и помыслы и рыцарь будет сражаться во имя меня и Матери Божьей. Скоро наступит день, когда меня будут чтить и защищать. (Хотя свадьба может состояться и через несколько лет после помолвки. Это еще неясно.) А в ожидании этого дня я смогу писать письма матери и сестрам, и у меня будут мои любимые книги. Наверняка и книг у меня скоро будет много больше.

Мы уезжали все дальше, и я набралась смелости подобрать юбки и подползти к занавескам. Сдвинув их влево, я увидела пестрый гобелен Бретани, остающийся позади. Черные полосы дубов отмечали границы между зелеными полями трав, перемежающимися кустарником и пушистыми головками вереска в блестках росы. Я облизнула губы, словно пробуя на вкус нектар буйной зелени. А затем кислый запах лошадей вклинился в праздник природы — один из всадников галопом приблизился к моей карете. Сквайры бежали наравне с каретой. Человек на лошади был одет в кольчугу и ярко-красную хлопковую тунику, перехваченную на талии белым поясом. Меня испугала ширина его мощного подбородка, жестокий прищур глаз и множество поблекших шрамов на переносице. Намек на доброжелательность разгладил его мрачные черты, и он заговорил со мной:

— Хейл, малышка... Все хорошо?

Я кивнула.

— Тебя не укачало там?

Я помотала головой.

Он отвернулся и крикнул остальным:

— Да ее саму запрягать можно! Выносливая, как бык.

От унижения у меня подвело живот, а они расхохотались. Я позволила занавеске закрыться, снова укутывая меня темнотой.

Воины поддразнивали меня, звали показаться снова, но я лишь забралась поглубже в мех и спала до тех пор, пока от голода не стало кисло во рту. Глаза привыкли к темноте. Занавеска на окошке дергалась в такт движению, и тогда мелькали полосы света. Я нашла небольшой узелок с едой и набросилась на свой соленый праздничный завтрак, словно голодный барсук. Тяжелый и болезненный ответ желудка напомнил, что несколько дней мне придется питаться плохой едой.

Карета остановилась на краткий отдых, и в серых ветвях с остатками желтых листьев застрекотали сороки. Недобрый знак, но еще и предупреждение о близости вооруженных людей. Кого предупреждает птица о нашем присутствии? Опустошив ночную вазу в отверстие в полу, я осторожно выскользнула из кареты и огляделась. Колеса были разбиты так, словно карета все время ехала по бездорожью. Сопровождающие переключались, подбадривая друг друга, и вели приглушенные разговоры. В неверном свете их лица казались пепельными, губы мокрыми от спора. Они боятся? Но они же не могут бояться, они поклялись матушке. Они убивали язычников, англичан, а может, даже наших собратьев. И у них были друзья. Они никогда не были одиноки, как я.

— Движемся дальше, маленькая! — крикнул мне тот, кто меня испугал, и подмигнул, когда сквайр помог ему взобраться в седло.

Красивый рыцарь посадил меня обратно в карету (хоп!), и я спряталась, как мышка, в складках меха. Я никогда раньше не покидала замок дольше, чем на несколько часов. И теперь меня трясло нервной дрожью, словно злые духи проскальзывали через мою кожу насквозь и обвивали мои пальцы.

Мы остановились на ночевку, и звуки ночи вылили добрый ковш страха на мою холодную кожу. Мужчины ели соленую рыбу, пили слабое пиво, внимательно и трезво рассматривая темноту за кострами. Я не понимала, к чему такие ограничения. Сегодня не пост, не Адвент, можно же было и не поститься. Позже, свернувшись клубочком в своей постели из меха, я дрожала от волчьего воя. Волки охотились на овец в дальних полях. От шороха камней под ногами воинов я чувствовала себя уязвимой,

а вовсе не защищенной. Живот болел, рыдания жгли изнутри. Тяжелый запах звериных шкур душил меня, и я старалась не вдыхать глубоко. Я прижала к груди молитвенник и повторяла про себя молитвы Святой Деве, пока сон не сморил меня незадолго до рассвета.

Карета, видимо, двигалась уже давно, но разбудил меня звук собственного быстрого и ровного дыхания. Что-то изменилось в воздухе, который проникал сквозь занавески. От ледяного ветра у меня защипало в носу. Все тело болело от холода, шею и плечи свело, как только я попыталась подняться с постели. Я подобрала юбки, чтобы пробраться в другой конец кареты, карета дернулась, и я упала на колени.

В этот раз за занавесками оказались мрачные искореженные пальцы деревьев, тянущиеся к нам со всех сторон. Солдаты напрыгали в седлах, на их лицах проступил пот. Все неотрывно вглядывались в зияющие между деревьев провалы. Никто не заметил, что я высунулась в окно посмотреть на переплетение древних ветвей над нашими головами. Стволы мне не нравились, они были голыми, и ветви на них погибали, сражаясь за возможность подняться к свету. Мертвый скрип стволов резко контрастировал с живой зеленью сосен. Сырая земля была усеяна гниющими листьями, которые цеплялись на подковы лошадей и приглушали звуки шагов. Сквайры то и дело проваливались по щиколотку в эти листья, а потом лихорадочно выдергивали ноги, словно боялись, что лес их откусит.

Я начала представлять себе ужасы, которые скрыты за этими деревьями. Грязные голые твари с черными глазами, вздутыми животами и загнутыми когтями. Это место казалось проклятым тишиной и тенями.

— Где мы? — осмелилась прошептать я.

Страшный солдат посмотрел на меня так, словно своим шепотом я нарушила клятву. А потом лес ответил бормотанием, которое становилось все громче, и порыв ветра ударил в нас, словно поднятый крылом дьявола.

Тогда я поняла, где мы оказались.

Мы были в сердце Пьемонта, в лесах отчаянья, где возлюбленные превращались в камень от проклятия ведьм, где незадач-

ливые путники попадали в лабиринты и становились пищей чудовищ.

Воздух задрожал, когда мы снова въехали под плотный полог леса и очутились в полосе тьмы. Дорога сужалась, ухабов было все больше, и под колеса начали попадать корни деревьев, вырывающиеся из земли. Я упала на бок и ударилась плечом, когда карета дернулась и едва не перевернулась. Ужас колотился в груди, я не могла понять, зачем мы отправились так далеко на запад. В жуткий Пьемонт. Я так долго спала, что не могла заметить, как карета движется за солнцем. *Господи Иисусе*, молча взмолилась я. *Прошу, пожалей меня. Не отдай меня Преисподней, спаси невинную душу.*

Внезапно карета замедлила ход и остановилась. Я услышала шум лагеря, который начали готовить на ночь, и более тихие шорохи в кустах. Среди солдат разгорелся спор, кому идти за хворостом для костра. Они ругались так, словно приказ отправляться в лес значил бы верную смерть. Пугающий голос велел всем держаться рядом и не отходить далеко от лагеря. Приглядывать друг за другом. Потому что одну из лошадей нагрузили хворостом еще в предыдущем лагере.

Я завернулась в плащ и сжала молитвенник, решившись побороться к дверце и выглянуть наружу. Ледяной воздух обжег щеки. Я не слышала ни птиц, ни жужжания насекомых. Только движения людей нарушали жуткий покой этого места. Ветки ломались под ногами солдат, как кости скелетов.

— Есть хочешь?

Тот, кто пугал меня, предложил свинину и кусок хлеба, но я покачала головой. Другие уже устроились у костров и снова ели соленую рыбу. Я хотела спросить, почему они постятся, не смотря на то что сейчас не пост. Не стоило так себя ограничивать. Но я могла ошибаться. Дни пролетали мимо меня, как осенние листья по ветру. Поэтому я решила почитать молитвенник в свете костра, не обращая внимания на жадные взгляды солдат, потягивающих разбавленное пиво.

Сумерки сменились ночью. Я заметила, что в ближайший про свет между деревьями видна поляна с густой травой, окруженная дубовой порослью. Даже самые густые тени бежали из нашего ла-

гerea, испугавшись света костра. Я смотрела, как танцуют тени, как изменяется рисунок света. И вдруг с изумлением поняла, что солдаты собрались за моей спиной. В руках они несли факелы, глазированной вазу с водой, покрывала из беленого льна...

Я вздрогнула, увидев одержимость на их лицах.

— Что это?

— Твой отец в смертельной опасности, — сказал испугавший меня солдат. — Ты должна сделать для него одну вещь. Только так ты сможешь его спасти.

Насколько я знала, отец не был болен, но опасность грозила ему со всех сторон, от войны и дразг между благородными.

— Представить не могу, что от меня потребуется, — сказала я. — Я же просто девушка. Как я могу помочь отцу, если не браком с хорошим человеком и не рождением наследника?

Его большие мозолистые руки ухватили меня за плечи и развернули к поляне. Удерживая на месте, он зашептал мне в ухо:

— Все просто. Тебе нужно сесть там, на поляне, и просидеть до рассвета.

— Нет! — закричала я, упираясь каблуками в сырую землю, пытаюсь найти надежный корень и зацепиться за него. — Умоляю вас! Только не в лес!

Он толкал меня вперед, а я откидывалась назад, мотала головой, отчаянно повторяя:

— *Нет! Не надо, умоляю, нет!*

Я разрыдалась, когда он подхватил меня на руки и понес на поляну. Я для него всего лишь тряпичная кукла. Я пыталась пинать его по лодыжкам, но попадала только по доспеху.

Мы вышли на поляну, и остальные солдаты затаили молитву, раскладывая белые покрывала на траве. В свете факелов они выложили три круга покрывал, с одной стороны поставили вазу с водой, с другой воткнули факел. Я вцепилась в руки своего учителя, пытаюсь сопротивляться.

— Мы будем следить за тобой, маленькая. Ничего с тобой не случится.

Слезы текли по щекам, и я запрокинула лицо к небу. Меня заставили сидеть в проклятом лесу. Одной. Что сказала бы моя семья?

— Но почему я должна здесь остаться?

— Это, — сказал он, разворачивая меня к вазе, — святая вода. А это, — он повернул меня к факелу, — сделано из дерева, которое привезли из Иерусалима. Большого я тебе сказать не могу.

Он усадил меня на покрывала, и я съежилась от ужаса, слушая, как отдаляются его шаги. Факел разбудил призрачные тени, и они начали свой жуткий танец на облетевших деревьях. Жуткие ветви окутывал дым. Я зарылась лицом в муфту, пытаюсь скрыть в ней слезы и страх. Вытерла нос о ее теплый мех и достала молитвенник, открывая его дрожащими руками на моей любимой молитве. Я начала читать ее вслух.

Сидеть пришлось несколько часов, читая молитвы снова и снова. Слезы мои высохли, пока я молилась. Мне ничего здесь не угрожало. Я вздохнула и положила раскрытый молитвенник на полотно. Ткань была невероятно мягкая, очень тонкого плетения и из чистых нитей. Я задумалась над тем, не вытащили ли они эту ткань из моего приданого, — и тут что-то зашелестело в подлеске за танцующими тенями. Я подняла взгляд. Возможно, мое странное бдение окончено, и за мной идут...

Что-то зашипело, и кустарник на краю поляны зашевелился.

Покатая морда бледного чудовища покачивалась между стволов. Существо злобно оскалило зубы и начало рыть траву белым копытом, словно бросая вызов. А потом склонило мохнатую голову набок и выжидающе уставилось на меня. Я забыла, как дышать, а оно поплыло ко мне, как явление апостола с Божьим посланием. Слезы восхищения и невозможности поверить потекли по моим щекам при виде витого рога на лбу этого зверя. Зверь поднял голову на миг, понюхал воздух, и его губы задрожали. Глаза существа блестели недоверием и болью.

Весь мир исчез для меня, осталось только это дикое чудо. Я протянула ему ладонь, словно предлагала лошади лакомство. Зверь настороженно обнюхал вазу, полакал воду и зашагал по белому полотну, поглядывая на факел. Я восхитилась изгибом его шеи, когда он повернул ко мне морду и лизнул мою ладонь. Язык оказался шершавым, как у кошки, и широким, словно у льва. Я вздрогнула от прикосновения. Задние ноги подогнулись, и с чуд-

ным изяществом он положил морду мне на колени. Я нежно погладила белую гриву. И ничуть не испугалась, когда увидела, что завитки его рога покрыты кровью. Зверь поводил ушами и дышал тяжело, как усталая лошадь, шкура его пульсировала под шерстью. Кровь у меня в ладонях откликнулась на этот ритм.

Наше объединение нарушил резкий свист стрел. Я закричала, закрывая руками голову. Мужчины, прятавшиеся в деревьях, стреляли сетями, а зверь внезапно взревел, принимая новый вызов. Спутанный, но непокоренный, он бился в сетях, полосуюя их рогом, который резал, как лезвие. Новые люди высыпали из леса и побежали к нему, обнажив мечи, но зверь отпугнул их ревом и угрожающей позой. Он выл, как проклятая душа, и скалил зубастую пасть. От рева более слабые падали на колени, их пояса из пластин слоновой кости звенели на влажной земле.

Но тому, кто меня так пугал, и его компаньонам крик был не страшен. Они бросились к зверю, размахивая мечами, заставили его пятиться. Новый залп стрел прищипил к земле сеть, в которой запуталось дрожащее создание. Его глаза начали гаснуть, как у кошки, которая вышла к очагу. Передние ноги неловко подломились, розовая пена покрыла губы. Вазу сбили на землю, и разлившаяся вода впитывалась в лесную подстилку. Я с яростью поняла, что «святая вода» была отравлена какими-то травами и должна была одурманить зверя.

С нарастающим отвращением я смотрела, как чудный зверь становится жертвой ловушки. Моя чудесная связь с ним уничтожена злобными людьми. Мои мечты, мои желания... Все то невинное и простое, что заполняло мои девичьи мысли, исчезло, когда зверь сдался, его мощная челюсть упала на грудь. Сонное зелье сделало свое дело, и он застыл, беспомощно выгнув шею. Тяжелые завитки рога утянули его голову вниз.

Некоторое время солдаты рассматривали чудесного зверя, любовались им, как цветами в саду. Каждый выражал восхищение храбростью и боевым духом этого существа, не говоря уж о его странной анатомии.

— Но станет ли герцог его убивать? — спросил один.

— Этот зверь — настоящее чудо. Его нужно показать людям, — сказал другой, у которого колени подогнулись от звериного рева.

— Возможно, — ответил им тот, кто меня пугал. — Один только рог стоит невероятное количество денег. Так мне сказали. Достаточное, чтобы спасти герцогство Бретань. А уж целый зверь, живой... — Он помедлил, размышляя. — Если мы сохраним ему жизнь, мы станем легендарными, как наши праотцы. Как Артур и Гавейн. А герцог получит славу убийцы чудовищ и отрежет от этой твари все, что захочет.

— Легендарными! — воскликнул красивый рыцарь. — Нужно отпраздновать!

Они волоком подтащили спящего зверя к окраине нашего лагеря. Вскоре на вертелах зашипело мясо и в кубки полилось немислимое количество вина. Мне ничего не предложили, а я не собиралась с ними разговаривать. Они хвалились охотой, вопили здравицы, и никто не вспомнил ни обо мне, ни о том, что с моей помощью было предано волшебство. Они сняли оружие и сапоги. А я не могла отвести глаз от несчастного зверя, который лежал в путах, пока они ели и напивались до помрачения.

Легендарными? Ублюдки и фанфароны, все до единого.

Я прокралась к своему убежищу в карете и завернулась в меха. Плакать не получалось. Нужно было придумать, как мне освободить зверя, пока они не увезли меня в Нормандию. И потом я услышала их:

— Что будем делать с девчонкой? — заплетающимся языком спросил один пьяный солдат.

— Бросим... в бл-л-лижайшем... ма-а-анастыре, — ответил другой. — Как приказал ее отец.

И они начали обсуждать свой умный план, говорить, что я не должна была знать цели поездки, иначе ничего не получилось бы. Меня нужно было обмануть. Так было проще всего.

— Ну что ж, — заговорил тот, кто пугал меня, и лесная подстилка затрещала под его сапогами, когда он подошел к костру. — Раз уж она все равно достанется монашкам...

Я не поняла, что значили последовавшие свист и смех, но слышала, как тяжелые шаги приближаются к моей карете. Он раздвинул занавески, и его жуткое лицо, подсвеченное сзади костром, возникло в окне. Карета накренилась под его весом, когда он забрался внутрь. От его запаха мне было нечем дышать.

Мускус и пот. Укус. Поначалу я остолбенела от неожиданности, а потом изнутри поднялась волна ужаса, и я сорвала горло криком. Но с той же легкостью, с которой он раньше нес меня на поляну, он пригвоздил меня к меховому покрывалу, задрал мои юбки и раздвинул толстыми коленями ноги. Моя невинность оказалась во власти его желания. Чувственная. Нежная. Та часть меня, за которую я отдала бы что угодно. Извиваясь в его железных пальцах, я разозлила его, и он ударил меня по виску. Перед глазами вспыхнули звезды. Я обмякла. А он раздвинул складки моей невинности своим вонючим членом.

— Миленькая и маленькая, — хрюкнул он. — Все, как я люблю.

И толкнулся внутрь, разрывая нежную кожу. Меня обожгло как огнем, вначале только между ног, а затем и внутри, словно кто-то выжег во мне клеймо. Моя плоть сопротивлялась его проникновению — он был слишком большим и слишком сильным, каждый его настойчивый толчок казался мне ударом кулака. Он оставил меня, и к боли добавилась тошнота. Я почувствовала, как из меня выливается что-то, его вонючее семя смешалось с кровью моей утраченной невинности и полилось по внутренней стороне моих бедер.

Огонь бесстыдно осветил мой позор. Мои бедра и живот были покрыты синяками, как и все, к чему он прикасался...

А потом он вылез наружу, и на его месте оказался второй.

И третий.

Я часто теряла сознание во время этого. Их было слишком много.

Рыцарь пытался загнать ко мне своего сквайра, но тот только взглянул на меня, покачал головой и задернул занавеску.

К тому времени как все они заснули у огня, мех в карете пропитался самыми разными жидкостями. Моей кровью и соками их жестокости. Мои волосы были частично вырваны, и пряди валялись повсюду, как растрепанная кудель. Живот болел так сильно, что я не могла сесть и даже пошевелиться, чтобы не ощутить, как меня изнутри режут ножами. Грудь болела. Они были искусаны, покрыты синяками и кровавыми следами зубов. Левое запястье сломалось и безжизненно висело, обрамленное

браслетом боли. Я не могла пошевелиться, болела ушибленная голова. Боль кричала мне в ухо, что изранена я смертельно.

И все же физическая пытка была ничем по сравнению с бездонным отвращением, которое меня поглотило. Я пыталась избавиться от этого чувства, беспомощно представляя себя дома, с моими компаньонками, рядом с моей матерью или даже в монастыре. Однако предательство семьи очернило мою память, и в моей душе не осталось ни одной доброй мысли. Я начала молиться, но поняла, что страшнее всех предательств стало предательство Бога. Он ведь должен был защищать маленьких девочек от насилия. У нас ведь не было ничего, мы так нуждались в Его заботе...

Я одна. И я хочу умереть.

Нарастающий шторм ненависти зарождался там, где раньше жили мои самые теплые воспоминания, задувая трепещущие углы моей воли к жизни, превращая их в ураганный пожар ярости. И пришли слова, порожденные ненавистью.

Ты хочешь убить свою мать?

Да, я хочу убить свою мать.

Ты хочешь убить своего отца?

Да, я хочу убить своего отца.

Ты хочешь убить мужчин, которые это сделали?

Да, я хочу убить мужчин, которые это сделали. Всех до единого.

Но хотя по жилам моим текла чистая ненависть, я не могла убить тех, кто был за нее в ответе. Я слишком слаба. Я слишком маленькая. Мой отец. Моя мать. Даже те, кто спит сейчас у костра, не могут сильно пострадать от моей руки. Но есть та, кого я могу убить, и это причинит им очень, очень сильную боль...

Мои руки и ноги безудержно дрожали, когда я пыталась сесть. Я представляла, как темнеют мои глаза, как поджигается мой живот, как ломаются ногти, пока я дюйм за дюймом ползу к дверце. Вырванные волосы щекотали мне ладони, когда я перебиралась по деревянной подножке вниз. Я дрожала, но не от ночного холода, жалившего голую кожу. Я дрожала от нетерпения и решимости.

Перекатившись через подножку, я рухнула в мокрую траву. И некоторое время лежала оглушенная, пытаюсь рассмотреть

движение в лагере. Но я ничего не услышала, кроме тяжелого сопения спящих злодеев. Бедрa дрожали от боли, когда я подтянула ноги. Повернув голову, я рассмотрела костер. В остатках праздничного ужина, среди огрызков и жира, поблескивал нож. Я с трудом поднялась на ноги. Камни и корни впивались в босые ступни, когда я пробиралась мимо хвастунов, лжецов и насильников. Дьяволов, которые приносили клятву ангелам. Я сжала пальцы здоровой руки на деревянной ручке ножа.

А они еще боялись тварей из леса.

Сжимая нож, я побрела к объекту моей мести. Создание, которое связали, надев странную упряжь, сонно заморгало. Она — поскольку я поняла, что это именно она, — потянулась ко мне мордой, вытягивая шею, насколько могла, приветствуя мое неуклюжее появление. Я занесла нож над головой, чтобы опустить его на подставленную шею, но рука безвольно упала. Меня затопила жалость к этому созданию. Как я могу убить нечто настолько невинное и уязвимое? Я сама еще недавно была такой же. Как я могу отнять жизнь, которая так похожа на мою? Не могу, поняла я, и нож выпал из моих ослабевших пальцев.

И тогда зверь поклонился мне, открыто подставляя свою изящную шею. Тот же странный смертоносный ритм, который раньше пульсировал под его шерстью... Она предлагала мне свой пульс с таким невероятным достоинством, что я начала плакать. Говорят, что слезы отпугивают дьявола, но я положила руку на теплый мех и смотрела, как дрожат ее бледные губы. Она знала, что умрет, так или иначе. Кровь в моей здоровой руке — и во всем теле — отчаянно пульсировала, отвечая ритму ее сердца. *Никто не служит из любви. Никто...*

Я безжалостно вогнала нож в шею зверя, вложив в этот удар всю свою ненависть. Все отчаяние. Все бесполезные радости маленькой девочки, которая жила в кошмарном мире. Все, всю силу, какую я только могла представить, я вложила в судьбоносный удар, а зверь лежал совершенно неподвижно, принося себя в жертву.

Из раны вырвалась тугая струя густой, почти черной крови. Зверь задрожал в агонии, и смерть избавила его от жестокости и пут. Я вытащила нож и смотрела, как капли крови превра-

щаются в чернильный поток. Меня заворожил ритм капель, я подставила руку под стекающую кровь и растерла ее между пальцами. Как метеор посреди чистого зимнего неба, кровь засияла загадочной и явно не святой силой. Я прижала ладони к ране, пытаюсь скрыть этот свет. Густая липкая жидкость окутывала мои руки второй кожей, наполняла их силой. Я жадно коснулась языком кончика пальца, чтобы ощутить вкус своего триумфа. Живой пульс крови остался на зубах, даже когда я убрала палец.

Мое дыхание участилось.

Я подставила ладони под кровь, собирая ее, как в чашу. И осторожно раздвинула дрожащие бедра и промыла раны горстью нечистой крови.

Звездный свет и ночь. Белые полосы и черные ветви. Колокольный звон поплыл над верхушками проклятого леса, когда я упала, чувствуя, как выворачиваются и складываются в новом порядке мои кости. Руки мои удлинились, пальцы сжались в тяжелые копыта. Кожа поросла белоснежным мехом. Я попыталась закричать, но услышала высокий тонкий звук, похожий на лошадиное ржание. Голубые слезы потекли по щекам — так меняли цвет мои глаза. Я прижала уши от странных звуков, и что-то с ослепительной силой рванулось вперед и вверх из моего лба...

У костра просыпались люди. Слышны были крики ярости и удивления.

Я подалась назад, прищурила звериные глаза и завывала, поводя устрашающей челюстью. Прежде чем кто-то из них успел ухватить меч, я быстрым галопом скрылась среди ветвей, нырнув в объятия черной волшебной ночи.

Потому что там вы — да-да, *вы* — никогда больше не сможете меня поймать.

Джон Р. Литтл

МЕДЛЕННАЯ ОХОТА

— Ты не убивал меня, Тимми.

— Не называй меня Тимми. Ты знаешь, что я этого не люблю.
Я Тим... и я *правда* тебя убил.

— Это был несчастный случай.

— Почему ты здесь?

— Ты знаешь.

— Я тебя не вижу. Включи свет.

— Не могу. Я ни к чему не могу прикоснуться. Пальцы просто проходят насквозь. Жуткое ощущение.

— Тебе больно?

— Нет.

— А почему ты не в раю?

— Ты знаешь.

— Знаешь, я сам включу свет.

Тим выбрался из постели и подошел к выключателю у двери. Заморгал от яркого света. Он не знал, где окажется Дэннис. Его голос, казалось, шел отовсюду.

— Я здесь, — сказал Дэннис. — Где и всегда.

Тим посмотрел на верх двухъярусной кровати, и, конечно же, Дэнни был там. Он выглядел так же, как всегда, и так же сидел посередине, скрестив ноги и опираясь на руки.

Как он может опираться на руки, если сказал, что они проходят все насквозь?

Смотреть на Дэнниса было все равно что смотреть в зеркало: те же русые волосы, то же круглое лицо и голубые глаза, та же маленькая родинка на правой щеке.

Дэннис улыбнулся:

— Ты вроде не удивлен, что я здесь.

— Я так и не почувствовал, что тебя не стало.

Дэннис спланировал на ковер и встал лицом к лицу со своим близнецом.

— Мы были вместе с самого рождения. И так будет всегда. Тим шагнул вперед, чтобы обнять его, но руки почувствовали только воздух, и он отпрыгнул от изумления.

— Ты выглядишь совсем настоящим.

— А я и есть настоящий. Для тебя. Просто теперь все иначе.

— Надолго ты сможешь остаться?

— Я буду рядом, пока буду тебе нужен, Тимми.

— Я Тим.

Три месяца назад мама Тимми сидела рядом с ним на его постели.

— Тимми? Пора вставать.

Она убрала челку с глаз мальчика и погладила его по щеке.

— Нам всем его не хватает, но нужно жить дальше. Сегодня у тебя большой праздник. Тебе исполняется целых десять лет. Хорошее время для...

— Ему тоже исполнилось бы десять.

— Да, и мы всегда будем вспоминать его в твой день рождения. И на Рождество, и на летние каникулы, когда вы играли в бейсбол, и в первый день занятий в школе, и в любой другой день...

— Это я виноват.

— Не говори так, Тимми. Мы же знаем, что это был несчастный случай. Тебе было интересно потрогать пистолет. А мы не должны были оставлять оружие дома.

На глазах мальчика выступили слезы, и она продолжила говорить, чтобы снова не расплакаться самой:

— Если кто и виноват, то только я. Мне нужно было сказать отцу, чтобы забрал пистолет с собой.

Тишина накрыла комнату снежным покрывалом. Она слышала тиканье часов в виде Человека-паука, шум машин на улице за домом.

— Тимми?

— Я думаю, меня теперь лучше называть Тим.

— Хорошо.

— Мы в прошлом году перестали называть его Дэнни. И я хочу так же. Тимми — это имя для малявки.

Она увидела его вымученную улыбку и встала, чтобы он тоже смог подняться. Рама кровати скрипнула. Она всегда скрипела, но раньше звуки терялись за постоянными разговорами двух мальчишек, а теперь любой скрип казался не к месту.

В то лето и на следующий год Тим не играл в бейсбол. Одиннадцать лет... двенадцать... тринадцать... Все было иначе. Раньше близнецы всегда играли вместе, родители подарили им первый набор для бейсбола, когда им исполнилось пять. В семь лет они закончили учиться игре и с тех пор каждое лето почти все дневное время проводили на поле.

А теперь Дэннис не мог ловить мяч, а Тим не мог его приносить, когда мяч улетал в парковые кусты.

Их пятнадцатый день рождения, 15 марта.

— Бойся мартовских ид, Тимми, — прошептал на рассвете Дэннис.

— Ты каждый год это говоришь.

Дэннис некоторое время не отвечал. Тим зевнул и потер глаза, решив поваляться, пока не рассветет.

— Давай в этом году сыграем в бейсбол?

— Ты же не можешь играть.

— Еще как могу. И мне это понравится не меньше, чем тебе.

Дэннис выросл вместе с ним. Он по-прежнему оставался зеркальным отражением брата.

И вот майским утром в субботу Тим снова взял перчатку, отправился на поле и присоединился к общей игре. Он играл на второй базе, а за ним, как и всегда, стоял Дэннис. Дэннис надел собственную перчатку и точно так же ударил в нее кулаком, словно оба брата готовились перехватывать подачу бэттера.

Тим никогда не обращался к Дэннису вслух, если вокруг были люди, но продолжал говорить с ним мысленно. Может, и Дэннис так же говорил с ним. Тим так и не понял, как это действует, потому что слышать и видеть Дэнниса мог только он.

В третьем иннинге бэттер послал мяч на землю — и Тим с Дэннисом вместе рванулись его ловить. Мяч прокатился через перчатку Дэнниса прямо в руку Тима, но он от неожиданности уронил мяч обратно.

— Черт!

— Да не волнуйся, — сказал Дэннис. — Ты уронил на поле, аутфилда не будет.

В конце игры Тим спросил брата, не двигая губами:

— Откуда ты взял перчатку?

Близнец пожал плечами.

— Если мне что-то нужно, я это получаю. Вот так оно и работает.

Бок о бок они зашагали по улице к дому. Заглянули в «Севен Элевен», Тим купил себе «кока-колу». И не удивился тому, что такая же банка оказалась в руках Дэнниса, когда он обернулся.

Солнце припекало, но Тиму не хотелось домой. Барбанк всегда отличался жарким климатом, и спальня братьев летом превращалась в духовку. А мама все обещала найти квартиру побольше, с кондиционером, но так и не нашла. После того как их бросил отец, денег вечно не хватало, хотя работа у мамы была неплохая, в местном книжном магазине.

В городском парке братья нашли скамейку под старым тенистым деревом. На ней было приятно пить «колу» и наблюдать за прохожими.

— Ты когда-нибудь хотел, чтобы все случилось иначе?

Дэннис обычно отвечал ему сразу, но на этот раз Тим услышал в ответ только шум в голове.

— Дэннис?

— Ну да, конечно. Блин, я хотел бы снова быть живым, а кто не хотел бы?

— Это был несчастный случай.

Дэннис снова не ответил. Просто допил «колу» и подбросил опустевшую банку в воздух. Она исчезла.

— Ты же знаешь, да?

— Да, Тимми. Я знаю, что случилось.

— Я Тим.

— Тебе надо бы пригласить Лизу.

— Что?

— Она ждет не дождется, чтоб ты подошел. Я слышал, как она говорила об этом с подружкой. Той, толстой. Лиза сказала ей, что ты классный.

— Что?

— Просто поверь мне. Лиза классная девчонка. Пригласи ее в кино и все такое.

Тим не знал, что сказать. *Лиза?* Дэннис правда слышал, что она о нем говорит?

А в принципе, почему бы и нет. Другие парни уже нашли себе подружек. Он поднял перчатку и хлопнул ею по колену.

— Нам пора домой. Мама готовит макаронную запеканку.

— Опять.

— Опять.

На следующий день Тим увидел Лизу у питьевого фонтанчика возле школы. На ней была голубая юбка, почти не скрывавшая длинных ног. Чтобы не пялиться на эти ноги, Тим попытался представить, какими будут на ощупь ее темные кудрявые волосы.

— Давай же.

Тим шагнул ближе, но снова застыл, потому что Лиза напислась и теперь смотрела на него. От ее улыбки скрутило живот.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

— Ты хочешь пить?

— Господи, Тимми, да просто спроси ее.

— Заткнись.

Он кивнул Лизе.

— Жарко сегодня.

Он включил воду и опустил глаза.

— Ты не хотела бы пойти в кино? Или что-то типа того?

Миллион лет тишины... Вода бежала и вертелась у слива, а он все смотрел на этот поток и чувствовал, как пересохло в горле.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Звучит забавно.

А через шесть недель она его поцеловала. Они возвращались домой с последних уроков в школе. И Лиза вдруг ни с того ни с сего остановилась и поцеловала его.

— Вау, это было круто, — сказал Тим, когда поцелуй закончился.

А Дэннис впервые промолчал.

В ту ночь Тим проснулся около полуночи. Ему опять снилась Лиза, и проснулся он от сильнейшей эрекции. Так было уже не раз, сны о Лизе всегда заканчивались тем, что он мастурбировал, думая о том дне, когда они будут вместе. Тим знал, что рано или поздно этот день настанет, и Лиза хотела его так же сильно, но он слишком боялся все испортить, сделав первый шаг.

Он представлял себе, какими будут на ощупь ее груди, как он коснется ее между ног и как она будет трогать его так же, как он сейчас трогает себя.

— Тебе надо бы с ней поторопиться.

Тим подпрыгнул и отдернул руку. Натянул сброшенное было одеяло.

— Господи, ты какого черта за мной шпионишь?

— Ты знаешь, что она тебя хочет.

— Заткнись.

— У нее по глазам все видно.

— Да откуда ты знаешь? Ты умер пять лет назад. И у тебя никогда не было девушки. Ты понятия не имеешь, на что это похоже.

В комнате повисла тишина, и Тим почувствовал себя жутко. Он не хотел говорить брату о смерти. Эрекция сошла на нет.

— Дэннис? Прости. Мне не стоило так говорить.

Тишина. Тим выбрался из постели и включил свет. Верхняя койка была пуста.

Все эти годы после смерти Дэнниса они жили вместе и хранили в секрете свою дружбу. Связь между братьями становилась только сильнее, Дэннис понимал его так, как никогда не смогли бы понять друзья, и Тим знал, что ни за что на свете не хочет потерять эту дружбу.

— Дэннис! Вернись. Пожалуйста.

Он отставил стул от стола, сел и устроился на кровать. Миг спустя услышал тиканье часов и посмотрел на циферблат. 4:42 утра.

Пистолет должен был быть закрыт в шкафу возле ванной, но вся квартира была перевернута вверх дном. Отец уходил, и ни Тим, ни Дэннис не знали почему. Мама все время плакала у себя в спальне. Она выходила только на работу, а когда возвращалась,

приносила близнецам еду из фастфуда. Две недели они питались только пиццей, тако и куриными крылышками.

А потом мама пришла в себя. Она ни разу не сказала, почему папа ушел и почему больше не навещает их. С тех пор Тим видел отца только раз, на похоронах Дэнниса. Но даже тогда они не смогли поздороваться. Отец сидел в церкви на заднем ряду рядом с женщиной, которую Тимми не знал.

Шкаф не был заперт.

Наверное, из-за спешки, с которой собирался отец. Он хватал вещи как попало, бросал их в два старых чемодана, прожигал мальчишек взглядом, кричал на маму, а та кричала на него в ответ.

Близнецы сидели на диване, держались за руки и надеялись, что рано или поздно весь этот шум закончится.

Папа снова закричал на маму, а потом выбежал из дома, хлопнув дверью. Мама проплакала больше часа, затем умылась и тоже ушла. Тим знал, что она отправится в бар на соседней улице. И тогда еще надеялся, что папа там ее встретит.

— Ну и разгром.

— Ага.

Повсюду валялась разбросанная одежда: мамина, папина и даже их — все вперемешку. Мальчики собрали свои вещи и отнесли к себе в комнату. В кухне весь пол был усеян осколками стекла. По гостиной разлетелись бумаги.

— Это, наверное, счета, — сказал Дэннис.

— Эй, смотри.

Дверца шкафа была приоткрыта. И через стеклянную вставку в ней мальчишки увидели пистолет.

— Вау! Я достану, — сказал Дэннис, открыл дверцу и схватил оружие.

— Дай поддержать! Это я первый его увидел!

— Нет. Я его...

— Черт, Дэннис, ты всегда все получаешь первым, и...

Тим заставил себя отвлечься от воспоминаний о том жутком дне и снова посмотрел на верхнюю койку.

Впервые в жизни он чувствовал себя одиноким. Невидимая эластичная нить, всегда соединявшая их с Дэннисом, порвалась,

как спасательный трос, и теперь шлюпка Тима дрейфовала по жизни сама.

Он открыл верхний ящик стола и вытащил свой альбом. Там были фотографии его и мамы, его и Дэнниса, за несколько лет до смерти. Он коснулся фотографии Дэнниса и попытался улыбнуться, но тяжесть на сердце не отпускала.

Слезы потекли по щекам. Он высморкался, вытер лицо и шелкнул выключателем, а потом забрался обратно под одеяло. Мысли о Лизе не шли в голову. Он вспоминал только себя и Дэнниса, их дружбу. Полчаса спустя ему удалось заснуть.

— Привет, соня. Пора вставать.

— Дэннис?

— А кто ж еще?

— Ты вернулся!

— Я не смог уйти. И соскучился.

Тим встал у кровати и уставился на него.

— Сегодня суббота. Хочешь вечером в кино?

— Ага.

Тим оделся, и они спустились к завтраку. Дэннис, как всегда, бродил по кухне и гостиной, дожидаясь, когда Тим доест свои хлопья. Мама читала газету и пила черный кофе.

— Знаешь, тебе тоже пора попробовать. Мы достаточно взрослые, чтобы пить кофе, — сказал Дэннис.

Тим пожал плечами и беззвучно ответил:

— Мне не нравится запах.

— Зато Лизе понравится, что ты его пьешь. Будешь казаться старше.

Тим доел «Рисовые Криппи» и поставил тарелку в раковину.

— Она хочет, чтобы ты повзрослел. Чтобы ты ее трахнул.

— Что?

— Тим? — Мама обернулась к нему. — Я ничего не говорила.

— Да нет, ничего. Извини, мам. Я просто...

— Снова разговариваешь с Дэннисом? Я думала, это давно прекратилось.

Дэннис расхохотался.

— Ты хоть иногда чувствуешь, что он все еще здесь? — спросил Тим.

Мама отложила газету. Дэннис рассматривал то ее, то брата.

— Я каждый день чувствую его присутствие. Он всегда со мной.

— Фигня, — фыркнул Дэннис. — Ничего она не чувствует.

— Это да, — сказал Тим. — Но я имею в виду, что он действительно рядом.

Он покосился на брата, который уже надел его зеленую весеннюю куртку.

— Решил пошутить, да?

— Мы никогда его не забудем, — сказала мама, снова уткнувшись в статью.

Тим прихватил мяч для лакросса и бейсбольную перчатку и зашагал на школьный двор. Задняя стена была сплошной, без окон и дверей, там можно было швырять мяч в стену. Мяч отскочил назад с той же силой и ударил в перчатку.

Минут тридцать Тим бросал мяч снова и снова, а Дэннис скакал перед ним, пытаясь загородить поле зрения. Они часто так играли.

— Я не шутил, — сказал Дэннис. — Она хочет с тобой трахнуться.

— Не говори так. Она хорошая девушка. И даже не думает такими словами.

— Это ты так считаешь. Да все равно. Сделай первый шаг, она только этого и ждет.

На следующий день Тим встретил Лизу после обеда и предложил прогуляться в глубине парке. Почти никто никогда этого не делал, люди предпочитали ухоженные дорожки, которых не было в глубине. Там начинался почти настоящий лес.

Они дошли до зарослей, и Тим, стиснув зубы, взял Лизу за руку. Но девушка не страшнула его ладонь, только улыбнулась.

— Мило...

— Ну, — сказал Дэннис. — Что я говорил?

Они нашли полянку посреди чащобы, сели и начали говорить о школе. Смеялись и шутили, а Дэннис молча наблюдал, и вскоре разговор пошел по кругу. *Соберись и вперед.*

Тим, почти успокоившись во время разговора, наклонился к Лизе и поцеловал ее. Она ответила, и поцелуй получился долгим, Тим никогда не чувствовал себя так здорово. Лиза обняла его за шею, он постарался скопировать ее движения.

Собраться и вперед.

Она сводила его с ума, и Тим осмелел. Сунул руку под ее футболку, провел ладонью по коже, поднимаясь к груди под чашечкой бюстгалтера, сам не веря, что ему хватило характера такое проверить.

— Эй! — Лиза ударила его по руке. — Ты что делаешь?

— Я... Я думал...

— Я не такая! Да нам всего по пятнадцать, господи! Я думала, что я тебе нравлюсь.

— Нравишься. Очень.

Она встала и скрестила руки на груди.

— Я иду домой.

— Извини.

— Можешь идти со мной или остаться, но я все равно уйду. Он проводил ее через парк до самой улицы.

— Лиза, мне правда очень жаль. Ну извини, я сделал глупость. Она замедлила шаг и посмотрела на него.

— Слушай, давай попробуем дома?

Дэннис смеялся всю дорогу от парка до квартиры.

Позже Тим спросил его:

— Зачем ты мне соврал?

— Просто пытался помочь. Мне казалось, она этого хочет.

— Ты сказал, что *знаешь*.

— Ну да. Ну, ошибся. По крайней мере тему сисек вы с ней раскрыли.

Лизе и Тиму исполнилось восемнадцать, когда они впервые занялись любовью. Это произошло на заднем сиденье десятилетнего черного «тауруса», который Тим купил из вторых рук. И на этот раз инициатива принадлежала Лизе.

Дэннис сидел на переднем сиденье и не издавал ни звука.

Когда им исполнилось двадцать один, они поженились. Дэннис был неофициальным свидетелем со стороны жениха и стоял

вместе со всеми во время венчания. Нарядившись в подходящий смокинг.

Родители Лизы с радостью устроили огромную вечеринку.

— За второй праздник мы платить не будем, — шепнул Лизе на ухо ее отец. — Так что постарайтесь, чтобы эта свадьба осталась единственной.

Отца Тима не пригласили.

Отец Лизы подвел ее к алтарю. Она была самой прекрасной невестой на свете, и Тим никак не мог поверить, что ему так невероятно повезло с женой.

Каждый мой день принадлежит тебе, любимая. Он не говорил об этом Дэннису, но впервые в жизни брат перестал быть самым близким ему человеком.

У Тима дрожал голос, когда он говорил «согласен». И дрожала рука, когда он надевал кольцо на палец Лизы, не задумываясь о том, что кредит на кольцо с бриллиантом ему придется выплачивать три года. Лиза стояла всего самого лучшего.

А за столом они обсуждали, каким будет их общее будущее. Карьера, дети, дом, даже то, что ждет их после пенсии, каким бы невероятно далеким ни казалось то время из их счастливого сегодняшнего дня. Она хотела *убедиться*, что выбрала правильного мужчину.

Вся жизнь была расписана ею на годы вперед, и за это Тим ее обожал.

Дэннис помогал отвечать на все ее вопросы, что тоже нравилось Тиму. В конце концов, они были единым целым, и Дэннис очень много значил для брата. Да и соображал он порой быстрее.

Новобрачные хотели завести троих детей в течение ближайших восьми лет. Не погодков, но достаточно близких по возрасту. А первый ребенок должен был родиться примерно через год после свадьбы.

Прошло шестнадцать месяцев.

— Тим! Смотри!

Она протягивала ему маленькую пластиковую палочку.

— Позитивный!

— Ура!

Он подхватил ее на руки и закружил по комнате. А отпустив, усталился на полоски теста.

— Ты уверена?

— Ну, стопроцентной гарантии тест не дает, но да, я уверена.

— Предложи бокал вина, чтобы отпраздновать, — буркнул Дэннис. — Подпой ее.

Тим не обратил на него внимания.

— Нам нужно к доктору, чтобы проверить.

Они поцеловались. И чем крепче становилась связь Тима с семьей, тем больше слабела его связь с братом.

Семь месяцев спустя Лиза родила чудесных двойняшек — девочек. Их назвали Патрисия и Дениза.

Патрисией звали мать Лизы. Тим объяснил, что хочет назвать дочь в честь давно погибшего брата. Лиза считала, что это странно, но ей понравилось звучание имени.

— Дениза — отличное имя, — сказал Дэннис. — Очень красивое.

Тим рассмеялся.

— Зато из нас двоих красивей я.

Дэннис печально добавил:

— Знаешь, я чувствую, что это и мои дети тоже.

Тим кивнул и улыбнулся, подумав: *черта с два*.

Присутствие призрака умершего брата стало для него второй натурой, и Тим давно научился одновременно вести два отдельных разговора — с ним и с Лизой. О некоторых вещах лучше было не говорить.

Лиза даже не подозревала, что он разговаривает с покойником.

Тим и представить себе не мог, как изменится его жизнь после рождения дочек. О них была первая его мысль на рассвете, и о них он думал, когда засыпал. Он держал их на руках каждый вечер, укачивая. А когда они научились улыбаться, он понял, что окончательно пропал. Что вся его жизнь будет принадлежать этим девочкам.

Лизе было все равно. Она не чувствовала себя ни обделенной вниманием, ни брошенной и очень ценила, что Тим возится с малышками, освобождая ей время. Она могла отдохнуть от шумных детей, с которыми сидела, пока Тим был на работе.

Даже Дэннис был не против. Малышки нравились ему так же, как Тиму.

— Жаль, что я не могу их обнять, — сказал он однажды.

Лиза в тот раз вышла за продуктами, поэтому Тим ответил вслух:

— Нам чертовски повезло. Все так говорят.

Дэннис протянул руку к Денизе и сделал вид, что гладит ее по голове. Тим подумал, что брат действительно любит его семью, раз уж ведет себя так.

— Главное, не оставляй оружие без присмотра, — шепнул Дэннис.

Тим не ответил. Он был шокирован уже тем, что брат мог такое предположить.

Они услышали, как хлопнула дверца машины Лизы, и призрак отдернул руку, словно боялся, что его застанут за тем, что он делать не должен.

Тим автоматически переключился на мысленное общение:

— Жаль, что она не знала тебя, когда ты был жив.

— Ну, мы с тобой одинаковые вплоть до клеток, так что представление обо мне она имеет.

— Мы только выглядим одинаково. А думаем совсем по-разному.

Дэннис пожал плечами и проплыл в другой конец комнаты, чтобы не мешать Лизе, которая любила вбегать в дом и плюхаться на то место, где он сидел.

— Да, по-разному, — сказал он через пару секунд.

К тому времени как девочкам исполнилось девять, составленный Лизой план их жизни полетел к чертям. Они с Тимом не обсуждали рождение еще одного ребенка и не были уверены, что вообще к этому готовы. Никто не хотел обращаться к врачу и уточнять, в ком проблема последовавшего бесплодия. Они были счастливы с Денизой и Патрисией.

И большого дома, на который Лиза надеялась, они тоже не купили. Жизнь в Барбанке была недешевой, их зарплат хватало только на аренду квартиры в полуподвале. Хотя оба работали на полную ставку — она в «Старбаксе», а он в магазине по продаже

запчастей к автомобилям. Богачами они определенно не стали, и иногда Тим думал, что случится к концу составленного Лизой плана, к их пенсии. Ему исполнился тридцать один год, а на за-тылке Дэнниса он отчетливо видел седые пряди. И отказывался вглядываться в свое отражение, точно зная, что он там увидит.

— Трудно поверить, что у них снова день рождения, — ска-зал Дэннис.

Он отсутствовал около получаса, и Тиму это не нравилось.

— Где ты был?

— Ходил проветриться.

— То есть?

— Иногда мне становится грустно. — Он подошел к окну и выглянул. — Ты вспоминаешь тот день?

Тим подошел и встал рядом. Девочки были у себя, дремали, а Лиза отправилась за покупками к вечеринке. До прихода го-стей оставалось еще несколько часов.

— Конечно. Я все время его вспоминаю.

— Нам было девять лет. Как сейчас Денизе.

— И Патрисии. Почему ты все время ее игнорируешь?

— Тебе не стоило хвататься за пистолет.

Тим глубоко вздохнул, глядя на проезжающий мимо автомо-биль.

— Это был несчастный случай.

— Жарко сегодня, — пожаловался Дэннис. — Я открою окно. И открыл.

Тим отшатнулся. *Какого хрена?*

Поначалу он даже подумал, что спит — или что ему просто показалось. Но нет. Дэннис действительно наклонился и повер-нул ржавую защелку на окне, а потом толкнул раму, открывая нижнюю половину окна.

— Ты же не можешь такого делать.

— По всей видимости, могу.

— Какого черта происходит, Дэннис? И давно ты научился двигать вещи?

Дэннис уставился на него.

— С того дня, как ты меня убил, урод. — Он шагнул ближе, и Тим шарахнулся, чтобы прийти в себя на кресле.

— Ты можешь двигать предметы. Но почему ты не сказал мне?

— Я лучше покажу. — Дэннис нагнулся и ухватил Тима за руку.

— Господи, да что ты делаешь?

У Дэнниса оказались очень острые ногти. И он с силой провел ими по руке Тима, оставляя глубокие царапины.

Тим потерял дар речи.

— Ты *убил* меня.

— Это был несчастный случай, и ты, мать нашу, прекрасно это знаешь!

— Я помню боль. Я ведь не сразу умер. Ты выстрелил мне в живот.

Дэннис поднял футболку и потерял ладонью живот и ребра.

— Ты побил мне левое легкое, и осколки пули разнесло по телу. Сердце было повреждено, я не мог вдохнуть. Мама, наверное, так и не рассказала тебе мрачных подробностей.

Тим не мог выдать ни слова.

— Ты не помнишь? Я думаю, не помнишь, как я тонул в собственной крови, как я блевал этой кровью и взглядом просил о помощи. И наверняка не помнишь, как ты там замер, пальцем не шевельнув, чтобы помочь, вызвать «скорую», да хоть что-то, мать твою, сделать.

— Я был тогда маленьким ребенком.

— Маленьким убийцей, так точнее.

— Ты всегда говорил мне, что не можешь касаться предметов.

— Я лгал.

— А теперь что? Почему ты все это делаешь?

— Потому что сегодня девятый день рождения Денизы. Она прожила столько же, сколько я, и этого достаточно.

Тим вскочил на ноги.

— Если ты ее хоть пальцем тронешь, я...

Дэннис рассмеялся.

— Что? Убьешь меня?

— Думаю, тебе пора уходить.

— Знаешь, вот с этим я соглашусь. Я ждал только сегодняшнего дня. Очень долго ждал. Кстати, я уже убил ее. Вот куда я ходил проветриться.

— Ты дерьмо. И я тебе не верю.

Тим рванулся мимо Дэнниса в сторону детской, но брат перехватил его. Дэннис оказался невероятно сильным, и с этой нечеловеческой силой он швырнул Тима обратно в кресло.

— Я уже позвонил в полицию и признался. Они будут здесь с минуты на минуту.

— Они не могли тебя слышать...

— Еще как слышали. Может, даже записали. А мой голос идентичен с твоим.

— Пусти меня к ней.

Он снова встал, и снова Дэннис отбросил его обратно, на этот раз с яростью.

Вдалеке завывала сирена, и Тим в глубине души уже понял, что Дэннис сказал правду.

— Как?..

— Я ее задушил. Она спала, а я приложил все силы, чтобы выжать из нее жизнь. Девочка пыталась бороться, но мало что могла. Она даже не поняла, почему ее папа такое с ней делает.

Тим заплакал.

— Они найдут мою ДНК на коже под ее ногтями. Ранения, нанесенные при самозащите. На всякий случай я еще плюнул ей на лицо.

Тим зажмурился и закрыл лицо ладонями.

— ДНК, которую они найдут, будет твоей. Мы с тобой одной-цовой близнецы, Тимми. И царапины у тебя на руках все докажут.

Дэннис закатал рукав и показал свою руку, на которой тянулись такие же красные метки.

Две патрульные машины, завывая сиренами, остановились у дома.

— Откройте!

— Рано, братишка. — Дэннис не выпускал Тима из кресла.

Там его и нашли сотрудники полиции, выбив дверь. Тим сидел в гостиной, виновато рассматривая свои руки.

САЙМОН Р. ГРИН

ПИЩА БОГОВ

Мы то, что мы едим. Нет, минутку. Не совсем так.

Я просыпаюсь и не знаю, где я. Красная комната, повсюду тени, одна-единственная красная лампочка под потолком. Это она окрашивает все вокруг в кровавые тона. Я сижу на полу, прижавшись спиной к стене, и совершенно не помню, как здесь очутился. Передо мной, как подношение или подарок, на белой тарелке из китайского фарфора стоит отрезанная человеческая голова.

Ее лицо мне знакомо, но, как я ни стараюсь, не могу вспомнить имя.

В голове все плывет. Что-то не так. Что-то случилось, что-то очень важное, и я не могу это вспомнить. Отрезанная голова смотрит на меня с таким укором, словно я сам во всем виноват. Я не могу отвести от нее взгляд, хотя рассматривать здесь и нечего. Голые стены, голый деревянный пол, единственная закрытая дверь слева от меня. И кровавая лампа медленно покачивается на шнуре под потолком. Я не хочу здесь быть. Мне не нравится это место. Как же я здесь очутился?

Меня зовут Джеймс Эддоу. Репортер. Мой конек — журналистские расследования для одной из ежедневных газет. Я подогреваю аппетит публики, сообщая ей то, чего знать не следует. Я отправился на поиски темы для статьи и нашел ее. Да, я помню. Ходили слухи о человеке, который ел только самые изысканные блюда, приготовленные лучшими мастерами. Человеке, который никогда не опустился бы до того, чтобы есть пищу обычных людей. Эпикур. Он держался в тени, избегал любой огласки, но все, кто о нем всё же слышал, сходились в одном: если вам повезло его найти и убедить, что вы чего-то стоите, он угостит вас лучшим ужином в вашей жизни. Едой, ради которой можно и жизнь отдать.

Мне давно не везло на действительно стоящие темы. И мой редактор уже начал терять терпение. Нужно было нечто новое, нечто свежее и чертовски привлекательное. Так что я отправился на поиски Эпикура.

Отправился на прогулку по ночному городу, тут и там покупая выпивку знакомым в барах, клубах и закрытых заведениях для своих, болтал с приятелями, рассказывал о своем интересе, раздавал десятки и наконец нашел себе проводника. Мистер Фетч. Без таких, как он, не обходится ни один город. Без сводников, с радостью объединяющих людей по интересам за вполне вменяемую цену. Он мог наложить лапу на что угодно — или же знал, как выйти на того, кто может. И, конечно же, он знал Эпикура, хоть и странно на меня посмотрел, когда я сказал, что хочу с ним встретиться. Ему даже хватило наглости задрать нос и посоветовать мне бежать домой, к маме. Он говорил, что я не знаю, во что лезу. Но деньги умеют говорить громко и убедительно, так что мистер Фетч забыл угрызения совести — как говорится, только ради меня.

Почему я не могу пошевелиться? Я не чувствую себя ни пьяным, ни парализованным. Но я сижу, рассматриваю свои руки, лежащие на коленях, а отрезанная голова грустно наблюдает за мной с пола. Мне знакомо это лицо. Очень знакомо. Почему я не испытываю ни шока, ни ужаса? Почему не могу отвести взгляд? Мне знакомо это лицо. Имя вертится на кончике языка.

Мистер Фетч отвел меня в маленький ресторан для снобов. Никто не смотрел на нас, когда мы шагали по залу. Официанты тарасились в пустоту, а клиенты были слишком сосредоточены на своих тарелках. Дверь в конце зала привела нас в маленькую и совершенно обычную кухню, где за единственным пустым столом сидел Эпикур. Ничем особенным он не отличался. Среднее телосложение, совершенно невыразительное лицо. Лихорадочно блестящие глаза. Вот только казалось, что его присутствие заполняет всю кухню. Он улыбнулся мне и жестом пригласил сесть напротив. Мистер Фетч с трудом дождался своих денег и пулей вылетел наружу, даже не взглянув на Эпикура.

Великий человек смерил меня взглядом и моментально опознал во мне журналиста. Я только кивнул. Он был не из тех, кому можно лгать. Эпикур коротко рассмеялся и начал говорить еще до того, как я смог включить диктофон. Словно ждал того, кому можно поведать свою историю. Кого-то, кто сможет оценить ее по достоинству.

— *Я чувствую в вас голод*, — сказал он тихим глубоким голосом.

— Расскажите мне, — сказал я. — Расскажите мне все.

— Я ем только самую лучшую пищу и только самые лучшие продукты. Пищу богов. И сейчас меня ждет уже готовая трапеза. Не желаете ли ко мне присоединиться?

— Конечно же. Почту за честь.

Еда была действительно прекрасной. Вкусной до такой степени, что это невозможно было выразить словами. Я спросил, из чего приготовлено главное блюдо. И он ответил мне медленной довольной улыбкой.

— Из того журналиста, который приходил ко мне до вас.

Я был слишком зол и разочарован, чтобы испытать шок. И рассмеялся ему в лицо.

— И все? В этом ваш великий секрет? Хотите сказать, что вы каннибал?

— О нет, — ответил он. — Все куда интереснее.

Все еще сижу в красной комнате. Все еще смотрю на аккуратно отрезанную голову. Однако теперь в комнате чувствуется угроза, нечто злобное и невероятно опасное. Нужно выбираться отсюда, пока оно до меня не добралось. Но я до сих пор не могу пошевелиться или, скорее, просто не хочу шевелиться. Что-то плохое, очень плохое, уже случилось. Я... я сделал что-то плохое?

Воспоминания заполняли меня, рвались наружу яркими вспышками хорошего и плохого — калейдоскопом моего прошлого.

Я вспомнил юность, детство, бесконечные холмы, зеленую траву и деревья, которые казались мне в то время огромными. Солнце было таким ярким, воздух таким теплым, ветер касался моих рук и ног, когда мама держала меня, малыша, на руках.

Я вспомнил, как шел по песчаному пляжу с Эмили, которая властно держала меня за руку, и как мы оба улыбались и смеялись, как говорили друг другу то, чего никому не говорили раньше. Мы были молоды и влюблены, счастье нарастало, нарастало, пока не взорвалось внутри солнечным фейерверком истинной радости. А потом...

Потом я вспомнил, как Эмили уходила от меня, как сутулились ее плечи от холодного ночного ветра, как я умолял ее остаться. Я пытался с ней поговорить, но она не слушала меня, все ее аргументы были лишь оправданиями решения, которое она уже приняла. Я вспомнил, как стоял над могилой родителей после той аварии и холодная немая пустота внутри была хуже слез.

И самое плохое мое воспоминание: задолго до моего редактора я понял, что так и не стал тем репортером, каким мечтал.

Воспоминания, воспоминания — хорошие и плохие, нейтральные и пустые, а также те, о которых я годами не позволял себе думать, — сейчас неслись сквозь меня все быстрее, резкие, четкие, живые и при этом удивительно отстраненные. Словно и не мои.

Эпикур продолжал есть, просвещая меня насчет традиционных верований каннибалов. Существовали древние племена, в которых верили, что съеденное сердце храброго врага наполнит воина храбростью, а съеденные мышцы сильного мужчины придадут силы. Недавно медицина доказала и расширила эти верования. Возьмите плоского червя и обучите проходить лабиринт. Затем нарежьте его и скормите другому червя. Второй червь повторит тот же путь по лабиринту, в котором никогда не бывал. У мяса есть память. Достаточно съесть мозг человека, и ты можешь получить доступ ко всем его воспоминаниям. На некоторое время.

Он рассмеялся, когда наркотик, добавленный в пищу, подействовал и я потерял сознание.

И вот я узнаю лицо отрезанной головы. Не зря оно казалось мне знакомым. Это мое лицо. А вот я не тот, кем себя считал. Я кто-то другой, вспоминаящий меня. Эпикур не интересовался мя-

сом, он ел мозги, чтобы насладиться вкусом воспоминаний. Все лучшие моменты моей жизни, все взлеты и падения, всё то, что делало меня — мной... Всё превратилось в закуску для другого человека. От осознания того, что я потерял, *что* он отнял у меня, хотелось плакать, но глаза были чужими. А воспоминания уже блекли, мысли тоже, и сам Эпикур поднимался во мне, как огромная акула из кровавого моря. Он доедал то, что от меня осталось, чтобы снова стать собой.

Я почувствовал, как губы растягиваются в широкую, довольную, счастливую улыбку.

Ты тот, кого ты съел. Но ненадолго.

Дэл Джеймс

ПАХНУТ ЛИ ПОДСОЛНУХИ?

Когда раздался звонок в дверь, пульс Хлоэ взлетел за сотню. Грохот сердца почти оглушал. Она почувствовала, что покрывается потом.

И сжалась, ссутулила плечи. Она понимала, что реагирует слишком бурно, но после всего пережитого просто не могла иначе. Она автоматически принимала защитные стойки. И Хлоэ не хотела быть такой. Она хотела жить совершенно иначе, но для того, чтобы самой контролировать свою жизнь, необходимо смириться с некоторыми изменениями. И для начала перестать нервно подпрыгивать при каждом стуке в дверь.

Бз-з-з. Бз-з-з.

Дитер уже не раз являлся без приглашения. Не важно, сколько раз она просила его не «заскакивать» просто так: все просьбы он пропускал мимо ушей. Хлоэ сменила замки, но ни слова, ни поступки не изменили главного. Она угрожала через суд добиться запрета приближаться к ней, но Дитера это только смешило. *Он смеялся над ней.* Довольным искренним смехом, как над удачной шуткой, что было хуже любых слов и эпитетов, которыми он мог бы ее наградить.

Что же ей нужно сделать, чтобы он перестал вытворять с ней все, что ему захочется?

Разве она не понимает, что он ее любит?

Он ее любит.

У Дитера был пункт: чтобы Хлоэ не забывала об этом. Он все еще ее любит. И повторяет это снова и снова. Столько раз, что голосовая почта ее телефона не выдерживает нагрузки. А стоит удалить сообщения, он тут же присылает новые, еще длиннее.

Если Дитеру хотелось вызвать в ней чувство вины за то, что она больше его не хочет, он говорил мягко. А иногда бывал игрив, искрился юмором и бесконечными, вполне понятными намеками. Если Дитер злился, его голос становился хриплым, а потом он пе-

резванивал и извинялся за то, что вышел из себя. Хлоэ знала все оттенки его голоса. Они преследовали ее даже во сне.

Голос из прошлого.

Дитер искал объяснение всему, что с ними случилось. Искал выход из бесконечной череды их проблем. Пытался снова, снова и снова с помощью слов собрать детали их эмоционального пазла, который разлетелся вдребезги. Он делал что угодно, лишь бы не признавать очевидного факта: Хлоэ больше не желала слышать от него о будущем. И это решение от новых попыток связаться с ней только крепло и разрасталось, как раковая опухоль на душе.

Кто-то стоял у двери.

Это мог быть кто угодно. Еще не слишком поздно, солнце село совсем недавно. *Возможно, это кто-то из друзей решил заглянуть? Кто-то, кого она не против видеть?* Хлоэ легко заводила друзей и постоянно получала приглашения выйти и развлекаться. А что, если звонящий в дверь может отвлечь ее от мыслей о Дитере? Было бы неплохо провести хоть один приятный вечер.

Макияжа Хлоэ не делала. Да он и не был ей нужен. Другие женщины могли лишь мечтать о таких точеных чертах лица и безупречной коже. Хлоэ запустила пальцы в свои длинные черные волосы. Длинные ногти работали ничуть не хуже дорогой расчески.

Она осторожно приблизилась к двери: каждый шаг был очередной маленькой победой. Нет, она не боялась. Точнее, боялась, но страх не парализовал ее. Просто тревога. Просто внутри дрожало предчувствие, которое не стоило игнорировать. Все ее мышцы напряглись. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Кто там?

— Доставка... цветов.

От мужчины, который никогда не примет ее «нет».

— Оставьте их под дверью.

— Вам нужно расписаться.

Хлоэ успокоила дыхание и медленно открыла дверь. Еще один поступок, который Дитер вынудил ее сделать. Она не хотела открывать. Не хотела ничего подписывать. Не нужны ей эти проклятые цветы в ее квартире, не нужно было вторжение в ее личное пространство.

Если ли запах у подсолнухов? Люди спорили об этом много лет, но так и не решили. Конечно, подсолнухи пахнут, как и любое растение, но можно ли считать этот запах ароматом цветов? А если аромата у них нет, то разве не забавно, что самые яркие и заметные цветы могут быть настолько неполноценными?

Зазвонил телефон.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Ответа не требовалось. Она знала, кто звонит.

— Привет, это Хлоэ, и я сейчас не могу ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Би-и-ип.

— Привет-привет, это Дитер. Я только что думал о тебе. О нас. Слушай, я звонил тебе на мобильный, но ты не ответила... Э... Надеюсь, цветы тебе понравятся... Ты же помнишь, какой сегодня день? Годовщина той ночи, когда мы пили вместе в горах, там не растут подсолнухи, я знаю, но ты же любишь их. Позвони мне, как только сможешь. Я очень хочу услышать твой голос.

Автоответчик смолк, но присутствие Дитера все еще чувствовалось в комнате, давило, как хищный взгляд из окна. Не важно, как вежливо она просила, не важно, как сильно она настаивала, и не важно, какое расстояние их разделяло, Дитер не прекращал своего неустанного преследования. Куда бы Хлоэ ни поехала, с кем бы рядом ни оказалась, ей всегда хотелось обернуться через плечо. И не важно, сколько времени прошло после их расставания, Дитер просто не мог осознать, что больше не интересуется ее.

Если не считать високосные годы, он звонил ей 365 дней в году, минимум восемь раз за ночь, что в среднем давало больше 2900 звонков. И наверняка он писал столько же SMS. Стоило об этом задуматься — а когда она могла об этом не думать? — и цифры оглушали. Более слабую женщину подобная одержимость и давящее внимание давно привели бы к покорности.

Никакое количество импортной водки и обезболивающих не помогало расслабиться. Иногда она чувствовала себя почти сво-

бодной, но такие периоды длились недолго. Хлоэ знала, что стоит ей покинуть свое очередное убежище, и Дитер тут же появится, чтобы все испортить. Так или иначе, но он всегда появлялся.

Вот как сегодня.

Она с сомнением рассматривала букет на столе. Если бы цветы прислал кто-то другой, их можно было бы расценивать как простой милый жест, но Хлоэ понимала, чего добивался Дитер. Он хотел заставить ее расслабиться, опустить щит. Любое проявление благодарности или вежливости он всегда оборачивал против нее.

Хлоэ разглядывала желтые головки цветов и спиральный диск сердцевины, которому не суждено было превратиться в семена, и заметила, что сам по себе центр подсолнуха состоит из множества мелких цветов. И каждый из этих цветочков совершенно самостоятелен, с отдельной репродуктивной системой. Те, кто выращивал эти растения, знали, что каждый мешок семян этого большеголового цветка превращается в тысячи новых цветов с тысячами новых семян.

Кто бы мог представить, что такую чудесную вещь, как цветы, кто-то будет использовать в качестве оружия? Безобидные и безвредные подсолнухи. Но в намерениях Дитера никогда не было ничего безобидного. Все, что он говорил или делал, служило его главной цели.

Пойманная мысль о его главном мотиве заставила ее медленно осознать, что она видит на самом деле. В центре желтого букета на пластиковом держателе виднелась небольшая карточка. Она что, правда думала, что он отправит цветы без записки?

Мог бы не утруждаться. Это стало ее основным подходом ко всему, что касалось Дитера. Ответом на звонки, на e-мейлы и постоянные SMS. Она могла только избегать, избегать, избегать этого — неделями и месяцами, — но рано или поздно она устанет и ей придется ответить. Снова попросить его уйти. Сказать, что не хочет слышать его звонков, не хочет, чтобы он «случайно» появлялся в каждом ресторане, куда она заходит. Ей не нужна помощь, и — нет, она по нему не соскучилась.

Хлоэ открыла маленький конверт.

*Никто и никогда не будет любить тебя так, как я.
Дзинь.*

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Автоответчик повторил запись и пискнул сигналом.

— Привет, малышка, это снова я. Только что позвонил флористу, и мне сказали, что цветы тебе доставлены. Надеюсь, они тебе понравились. И, хм, а чем ты сегодня занята? Ты не голодна? Как ты смотришь на то, чтобы пойти со мной в твой любимый ресторан? Или любой другой ресторан с хорошей кухней? Я мог бы выпить бокал вина и поговорить с тобой. Или, если ты сейчас не хочешь есть, как насчет завтра? Я знаю, что ты любишь яйца Бенедикт, и знаю неплохое круглосуточное местечко, где их готовят просто идеально. Ты же у меня лучшая и достойна всего самого лучшего... Надеюсь, тебе понравились цветы. Позвони мне, о'кей?

Она перевела взгляд с автоответчика на букет.

Подсолнухи словно издевались над ней, дразнили мельчайшими деталями. Хлоэ подошла к ним, выдернула цветок из вазы. Здоровое, сильное, недавно срезанное растение с твердой сердцевиной. Погладив пальцами желтые лепестки, Хлоэ оторвала подсолнуху головку.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

— Привет, это Хлоэ, и я сейчас не могу ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Би-и-ип.

— Ладно, слушай, Хлоэ, я сегодня больше не буду звонить, я просто хочу сказать, что сделаю все, что в моих силах, чтобы снова стать твоим возлюбленным и вернуть наши отношения. Отношения, которые у тебя могут быть только со мной, а у меня — только с тобой. Поверь, в свете всего случившегося я нервничаю из-за нашей встречи больше, чем ты, но мне так не хватает твоих прикосновений, звука твоего дыхания, возможности засыпать с тобой рядом. Я хочу ощутить губами твои губы. Я прикусил бы их и по-

чувствовал, как из твоего прекрасного тела уходит эта страсть к сопротивлению. Я так хотел бы тебя увидеть — не только сегодня, в любое время и в любой день, выбирай сама. Только тебя я хочу с такой силой, только тебе я готов посвятить себя полностью. Чего ты хочешь, крови? Позволь мне доказать тебе, что я готов на что угодно, лишь бы ты была счастлива и снова меня любила.

— Дитер, прошу, заткнись.

Он не заткнулся. На автоответчике еще было место для записи сообщений.

— Не знаю, что я сделал, чем вызвал в тебе такое отчуждение. Возможно, ты отвернулась от меня, потому что я сказал, что ты единственная, ты моя истинная любовь и я хочу быть только с тобой...

Автоответчик прервал его. Но это не имело значения. Ее номер Дитер держал на клавишах быстрого набора.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

— Привет, это Хлоэ, и я сейчас не могу ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Би-и-ип.

— Привет, это снова я. Твоя машинка меня прервала, но не волнуйся, сегодня это мой последний звонок. Я привык думать, что в будущем мы с тобой будем вместе, но любить тебя и пытаться быть с тобой — это упражнение в тщетности. Я больше не стану тебе сегодня надоедать. Наслаждайся вином и цветами в день нашей годовщины. Я думал, что у нас всегда и все будет, как в тот день, и мне действительно больно думать, что этого может не случиться... Что плохого я тебе сделал? Я всего лишь сказал, что хочу быть с тобой всегда, что ты делаешь меня счастливым. Что я люблю тебя... Моя жизнь действительно не имеет смысла, если все, чего я хочу, — это быть с тобой. Наслаждайся своей жизнью, своими друзьями и свиданиями. Наверное, так прекрасно быть неполной без меня, без наших отношений, которые я считал счастьем. Я думал, что мы действительно счастливы вместе...

Ну почему ты не хочешь встретиться со мной и поговорить, чтобы мне стало легче? Я не понимаю тебя! Я просто поговорил бы с тобой, глядя тебе в глаза, и не оставлял бы столько дурацких сообщений. Но думаю, ты чувствуешь свою вину. Тебе плохо потому, что ты от меня отвернулась, а наказываешь ты за это меня. Ты не можешь даже поднять трубку, чтобы поблагодарить меня за цветы!

— *Да будь ты проклят со своими цветами!* — закричала она, хватая вазу со стола и изо всех сил бросая ее в стену.

Цветы разлетелись ярким всплеском цвета и шума. Влажное белое пятно на стене выглядело как свежая рана, осколки стекла и обрывки лепестков рассыпались по полу.

На ее бледном лице расцветала улыбка.

Разрушение всегда влекло за собой чувство освобождения. После того как Хлоэ разрезала все картины, в ее зеленых глазах засияла радость. Разрывание дорогой одежды оказалось на редкость приятным делом. Он пытался задушить ее своим бесконечным преследованием, а она мстила бездушкам, которыми он ее задалил.

Хлоэ устала на мусор на полу, мусор, который ей предстояло убрать, и думала совсем о другом. *Как он смеет говорить, что обожает ее?* Любовь не вызовет подобных чувств! У любви нет ничего общего с тем, что он заставлял ее ощущать. В страсти не было той постоянной тревоги. И смертоносного порабощения. То, что он считал любовью, на самом деле называлось совсем иначе.

Ей не хотелось даже думать, что двигало им на самом деле. Давно, очень давно между ними действительно было особое чувство. Она бы читала те ночи и бережно хранила воспоминания, если бы только он позволил — ей и себе. Прошное должно было оставаться в прошлом. В будущем ему не было места.

Хлоэ взяла себя в руки и молча признала, что вся эта ситуация не имеет ничего общего с любовью. Когда-то, возможно, так было. И пусть изначально в его сердце жила именно любовь, со временем она переросла в манию. Он не любил ее, иначе не стремился бы так подавить. *Это не любовь.* Злость помогла ей найти правильное слово. Это его эго. Его гордыня и неспособность при-

нять поражение. Дитер не был отчаявшимся романтиком, который пытается достучаться до любимой. Он был эгоистичным мажором, который отказывался слышать слово «нет». И неустанным манипулятором, кровососом, который будет преследовать ее до конца времен.

Хлоэ уже не помнила, когда все это началось. Преследование казалось ей вечностью. Куда бы она ни уехала, как бы ни старалась запутать следы, Дитер появлялся рядом и пытался запустить когти ей в сердце. Это началось задолго до того, как Интернет сменил телевидение, а электронная почта пришла на смену обычной. Еще до того, как мобильные телефоны заменили дисковые.

До изобретения телефонов.

Их проклятые судьбой жизни были переплетены, сколько она себя помнила. Не десятки лет — десятилетия были каплями в этом море. Традиции и новинки сменяли друг друга. В пятидесятых ей больше всего нравились американские машины, а шестидесятые звенели музыкой революции. Новые течения были забавными и увлекательными, но оценить перспективу можно было, только прожив несколько веков.

Изменения — неотъемлемая часть эволюции. Механизация, неоклассицизм, паровой двигатель, хлопкоочистительная машина, голод, сельское хозяйство, фотография, развитие медицины, импрессионизм, газовое освещение, парфюмерия, Великая депрессия, нитка для чистки зубов, сухой закон, мировые войны, расщепление атома, антибиотики, сюрреализм, правозащитники. Космические полеты, Кубинский кризис, освобождение женщин, электрогитары, нефть, биологическое оружие, микроволны, обувь на шпильках, падение коммунизма, СПИД, Чернобыль, телевизоры с широким экраном, площадь Тяньаньмэнь, «Виктория Сикрет», ноутбуки, Всемирный торговый центр, айфоны — все это формировало курс истории. Изменяло саму структуру мира. Хлоэ, когда не пыталась избавиться от Дитера, собственными глазами видела бесчисленные чудеса.

Она видела Испанскую, Китайскую, Османскую империи в период их падения, Священную Римскую империю и империю Великих Моголов, по сравнению с которыми Ричард Никсон и оба Буша на посту президента казались кратковременными

грозами алчности и коррупции. Мусором в бесконечных песках времени. Сегодня люди уже не способны понять, что такое дискриминация женщин и цветных, и это давало надежду на то, что вскоре те же шоры спадут с глаз общества в отношении гомосексуалистов. Природа греха и пуританское сознание когда-то правили на этих берегах, а теперь никого не удивляли чернокожий президент и свободная продажа презервативов в автоматах и общественных уборных.

К сожалению, Дитер не изменится никогда, если только Хлоэ не решится на радикальные меры. Она пыталась достучаться до него, пыталась снова и снова. Пыталась идти собственным путем, дать Дитеру свободу, но он повсюду следовал за ней, как тень. Она уезжала в Берлин, Хельсинки, Париж, Калькутту, Лондон, Лос-Анджелес, но Дитер всегда ее находил.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

Дзинь.

— Привет, это Хлоэ, и я сейчас не могу ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Би-и-ип.

— Слушай, после всего, что я для тебя сделал, ты могла бы проявить хоть каплю уважения и взять трубку, когда я звоню. Ты не умрешь, если хоть раз подумаешь о ком-то, кроме себя. Я лишь пытаюсь быть вежливым. Я тянусь к тебе. Через весь мир я протягиваю тебе руку в надежде, что ты ее примешь. Пожалуйста, пойми, я никогда не хотел никого, кроме тебя. И никогда никто не будет мне нужен, но ты по-прежнему говоришь «нет» всему, что бы я ни пытался сделать. Я так скучаю по девочке, которой ты была раньше. По вкусу... По выражению твоих глаз. По божественным звукам твоего голоса. Милая, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, поговори со мной. Я прошу тебя поговорить со мной. Если не сегодня, то вскоре. Я могу подождать. Я буду ждать вечно, если понадобится. Хлоэ, поговори со мной... Я люблю тебя.

Хлоэ вздохнула, но не от раздражения. Она приняла неизбежное. А потом была тишина. И только звук шагов.

Она отправилась на кухню. Сколько бы она ни жила в тени цивилизации, где бы ни снимала дом или квартиру, один ящик в кухне всегда служил хранилищем ее инструментов. Мерная лента, тиски, винты, отвертка со сменными жалами.

Она отложила в сторону молоток и шуруповерт в поисках нужного инструмента.

Забивание кола в грудь было делом слишком личным. Даже романтичным. Проникновение, единение, все такое. Всплеск алой крови означал смерть вампира. И последний взгляд глаза в глаза. Ни за что на свете она не собиралась позволить Дитеру в последний миг ощутить хоть какое-то подобие близости. После всего пережитого кол казался слишком щадящим выбором.

Столько веков прошло с тех пор, как Дитер сделал свою незадачливую жертву бессмертной, и ни разу за все это время он не задумался о том, что она может чувствовать. Она в голос кричала о том, что ему нельзя входить, она отстаивала свое право остаться одной, но он никогда ее не слушал.

Преследователь хотел лишь вымотать свою жертву, загнать, заполучить как приз в им же самим придуманной игре. Хлоэ помнила, как пыталась объяснить ему свои чувства, но наглый ублюдок плевать хотел на личные границы и все возможные аргументы. И теперь, благодаря букету цветов, которые не были ей нужны, Хлоэ наконец поняла, как может получить желаемое.

Поглаживая пальцами длинное лезвие, она думала о том, насколько сильным будет сопротивление плоти. Раз уж осиновый кол мог показаться традиционным и романтичным, то, возможно, медленно отпиливая его голову зазубренным лезвием, она наконец донесет до него простую мысль о том, что она его не любит. И даже если Дитер до самой смерти будет сопротивляться пониманию, он хотя бы не сможет больше ей звонить.

Хлоэ достала из ящика пилу.

Отлично сбалансированное смертоносное оружие с чертовски удобной ручкой. Хлоэ чувствовала, как спокойная сила металла поднимается по пальцам и заполняет все ее тело. Какая разница, было ли ощущение реальным или воображаемым? Она улыбнулась и начала готовиться к следующему шагу.

Нужно же поблагодарить Дитера за цветы.

ВИКТОР САЛВА

БРОДЯЧИЕ НЕЧЕСТИВЦЫ

Стейнекер смотрел через окно «седана» на падающий снег и вспоминал, как давным-давно, еще в детстве, мама говорила ему, что это ангельская пыль. С тех пор каждый снегопад воскрешал в памяти эту фразу. Цепочка машин подпрыгивала в узком ущелье на выбоинах того, что заменяло здесь дороги. Стейнекер закрыл глаза и мысленно вернулся в маленький дом, где вырос. Снежинки кружились за окном теплой кухни, где мама всегда пекла для него свежий хлеб...

«Седан» налетел на острый обломок скалы, и рывок вернул Стейнекера в реальность.

— Простите, герр фельдмаршал. — Водитель глядел на него в зеркальце заднего вида. — Кажется, эта дорога рассчитана на другой транспорт.

Стейнекер смотрел на паренька и вспоминал те годы, когда и он выглядел, как Ганс: молодой, красивый, голубоглазый и полный жизни. Идеальный солдат фюрера.

«Седан» остановился, и Стейнекер поглядел вперед, на большой крытый грузовик со взводом его солдат. Майор Грюнвальд выпрыгнул из кабины и зашагал к нему по снегу. Стейнекер опустил стекло, когда Грюнвальд склонил к нему свою странную квадратную голову. С каждым словом изо рта майора вырывалось облачко пара.

— Кажется, мы приближаемся, герр фельдмаршал.

— Нужно искать крест, — сказал Стейнекер. — Большой крест. Отправьте двоих на разведку, пусть убедятся, что дорога чиста.

Грюнвальд помахал двумя пальцами, и из грузовика выпрыгнули сержант Киммель с двумя солдатами.

— Разведать дорогу, — приказал Грюнвальд. — И помните, что на белом снегу вы отличные мишени.

Киммель со своими людьми прошли два поворота дороги, обрамленной скованными снегом и льдом старыми деревьями. Один из солдат, стуча зубами, прошептал:

— А что нам здесь нужно, сержант?

— Солдаты, которые держат глаза открытыми, а рот на замке, — отрезал Киммель. — Сохранять тишину!

Звук раздался слева.

Все трое упали на землю, наводя дула винтовок на сугроб в нескольких шагах от дороги. Звук раздался снова, и на этот раз было видно, как странно шевелится снег, словно что-то пытается выбраться из-под корки наста. Что-то большое стремилось к поверхности.

Они едва не открыли огонь, когда из снежной корки показалась рука. Пальцы хватали воздух, словно пытаясь зачерпнуть кислород, а Киммель и его люди поползли вперед, к ней. За рукой показалась голова, заледеневшая и покрытая инеем, как деревья и камни вокруг.

Киммель непроизвольно открыл рот. Глаза солдата, выбравшегося из снега, были закрыты и залеплены инеем. Следующий рывок стянул лед с плеча, стали видны знакомые полосы.

— Это немецкий офицер! — Киммель вскочил на ноги и бросился к нему. И резко остановился, когда замерзшая голова солдата запрокинулась и открыла глаза. Остановил его звук, с которым двинулись веки, ледяной хруст. И вид мертвых, до дна промерзших глаз был совершенно жутким.

У Киммеля перехватило горло, он с трудом смог выдохнуть:

— Что, во имя фюрера...

И тут снег под замерзшей головой взорвался от выстрелов

Заледеневший офицер стрелял! Застрав по пояс в снегу, он одной автоматной очередью срезал солдат. Сержант успел упасть на землю и открыть ответный огонь. Солдаты высыпали из грузовика, когда винтовка Киммеля рывкнула, снеся заледеневшему офицеру голову. Однако теперь снег шевелился во многих местах по обе стороны дороги.

Слева от Киммеля взорвался еще один сугроб, два разлетелись с другой стороны, из снега показались такие же заиндевевшие руки. За вторым и третьим из сугроба выскочил еще один солдат, беспорядочно паля во все стороны.

Используя грузовик как прикрытие, пехота нацистов открыла огонь по противнику. Киммель обернулся и бросился в снег, используя маскировку, которая так пригодилась чужим солдатам, устроившим ледяную засаду.

Долина звенела от множества выстрелов, солдаты разделились на две группы и двинулись на врага. Элемент внезапности был потерян, и ледяные убийцы стали отличными мишенями. Огрызаясь и отстреливаясь, они падали один за другим.

Киммель поднялся на ноги. В наступившей тишине стало ясно, что ни он, ни солдаты просто не могут понять, что случилось.

— Откуда они взялись? — спросил совсем молодой парень у Киммеля.

За спиной мальчишки зашевелился снег, и он захлебнулся с жутким звуком, широко распахнув глаза. Заледенелый штык пробил его сзади насквозь. Мальчишка выдохнул последнее облачко пара и упал вперед, соскальзывая с лезвия, которое сжимал ледяной убийца.

Сержант Киммель выхватил пистолет и прикончил врага одним выстрелом в голову. Раздался звон металла — пуля пробила шлем, — и ледяной солдат рухнул на снег.

Фельдмаршал Стейнекер уже шагал к ним от «седана». На его лице не отражалось ничего, хотя глаза внимательно рассматривали нейтрализованную угрозу.

— Они выглядят как слепые, — выплюнул майор Грюнвальд. — Как они могли стрелять в нас?

— Они не слепые. Их глаза вымерзли. — Слова давались Киммелю с трудом.

— У этого железный крест! Он был представлен к награде. — Грюнвальд ткнул пальцем в один из замерзших трупов. — Все они солдаты Германии, какого же дьявола они начали в нас стрелять?

Киммель подозревал его к трупу, все еще сжимавшему штык.

— Я снял его с одного выстрела в голову, — сказал он, указывая на отверстие между ледяными глазами.

— Ни капли крови, — прошептал Грюнвальд. — Они промерзли до костей...

— Не только, майор, взгляните! В него уже стреляли! — Киммель чувствовал, что нервы вот-вот его предадут, указывая на заиндеветшую рану на шее солдата. — И не раз!

Он начал сметать снег с твердой от холода униформы.

— И что вы хотите сказать? — спокойно осведомился Стейнекер.

Киммель увидел нечто такое, отчего его нервы зазвенели натянутой струной. Он подошел к офицеру, который первым выбрался из льда. Тот все еще был по пояс скрыт в сугробе, и Киммель нагнулся и дернул его за руку вверх.

Офицер был половиной человека. Тело заканчивалось ровно на уровне талии.

— Эти люди не просто прятались в снегу. — Киммель уронил труп обратно на лед. — Они были уже мертвы, когда напали на нас.

Ветер свистел, снег падал, а группа людей настороженно осматривала окрестности.

Только Стейнекер не показывал страха.

— Продолжаем движение, внимательно глядя по сторонам, господа, — бесстрастно сказал он. — Мы прибыли куда нужно.

Аббатство Грейстон казалось огромным каменным ящиком, выточенным в склоне скалистых гор. Огромный гранитный крест стоял в центре парапетной стены с бойницами над огромными воротами, собирал снег, пока караван подтягивался ближе, а майор Грюнвальд и сержант Киммель шагали по жалящему морозу.

— Это монастырь? Больше похоже на крепость, — сказал Киммель, разглядывая уродливый каменный крест.

Он потянулся к большому колоколу, свисавшему с одного из множества ржавых крюков на высокой стене аббатства.

— Не звоните в этот колокол, сержант. — Стейнекер повысил голос, чтобы перекричать ветер. Он стоял перед седаном, рядом переминался молодой Ганс. — Не делайте ничего такого, чего они от нас ждут.

Киммель поднял большой мегафон, который захватил с собой, глубоко вздохнул и поднес ко рту, но не успел сказать ни слова. Из-под земли донесся тяжелый гул, настолько глубокий, что звук ощущался даже через подошвы.

Огромные ворота аббатства открывались. Между створками можно было увидеть просторный двор, засыпанный снегом. Грюнвальд приказал пехоте выгружаться, солдаты пробежали мимо фельдмаршала и выстроились так, чтобы в зоне обстрела оказалось каменное строение здешнего монастыря.

Снег скрывал нижнюю часть здания, в том числе и гранитную лестницу, которая поднималась к высокой внутренней балюстраде, где уже собралась странная процессия черных накидок и шалей, на фоне которых выделялись беспрестанно щелкающие розарии¹ и белые овальные воротники.

На головах монахинь были высокие черные шапочки, на которых собирались снежинки. Лица под шапочками были бесстрастными и серыми, как гранит, на котором стояли монашки. Самая старшая, крошечная и невероятно морщинистая женщина неопределимого возраста, шагнула вперед, и ее голос далеко разнесся над пустой брусчаткой двора:

— Чем мы можем помочь вам?

Майор Грюнвальд выпятил квадратную челюсть и заорал в ответ:

— Вопросы будем задавать мы, сестра! Это, судя по всему, аббатство Грейстон?

Старушка всплеснула руками от грубости и нервно затеребила четки, кивая головой.

— Я майор Герман Грюнвальд, а это сержант Киммель. — Он кивнул в сторону каравана. — Нас двадцать человек, и нам нужно место для сна и много горячей воды для купания. Помимо этого нам нужны напитки и еда.

Голос старой монахини задрожал, и ей пришлось откашляться.

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить вам комфорт, герр майор, но, как вы можете заметить, мы лишены

¹ Розарий — традиционные католические четки.

многих мирских преимуществ, — неожиданно раздался чей-то голос.

И сестры, и нацисты дружно уставились на высокую женщину, появившуюся из-за спин стоящих. Перед ней почтительно расступались, пропуская ее в центр. Лет ей было около семидесяти, но, несмотря на возраст, ее сила и властность были очевидны.

— Простите сестру Мэри Рут, — сказала женщина, склоняя голову. — Она еще молода и незнакома со всеми правилами нашего ордена.

Киммель и Грюнвальд уставились на сестру Мэри Рут. *Молода?* Она выглядела так, словно одной ногой уже в могиле...

— И что же у вас за орден, сестра? — прозвенел голос Стейнекера.

Грюнвальд шагнул в сторону и сказал:

— Позвольте представить вам фельдмаршала Стейнекера. Высокая женщина снова поклонилась:

— Мы сестры святого Игначиуса, герр Стейнекер. Наш орден существует уже более двух веков.

— И все это время вы унижаете своих господ, глядя на них сверху вниз? — Стейнекер сузил глаза.

— Мы не желали оскорбить...

— Немедленно спускайтесь! — Его слова были резкими и четкими.

Монахини, следуя за своей предводительницей, медленно зашагали вниз по каменным ступеням.

— Мы оставались на балюстраде ради нашей же безопасности, герр Стейнекер...

— Фельдмаршал Стейнекер, — отрубил он.

Монашка спустилась во двор и снова склонила голову.

— Я сестра О'Сайрус. Мать-настоятельница этого монастыря.

— Нет, — резко ответил он. — Ваш сан не признан фюрером. Следовательно, вы здесь никто. И от лица Рейха я заявляю, что у вас нет права никем командовать.

Он не скрывал удовольствия от своих уколов.

Матушка О'Сайрус ничем не выдала оскорбления. Но было что-то в ее глазах, сиявших на совершенно спокойном лице, и это была не злость. Стейнекеру это «что-то» не нравилось.

Ему не нравилось, что его присутствие никак не беспокоило старуху. Резко развернувшись к монахиням, он прошипел:

— Хайль Гитлер!

Подождал секунду и вскинул руку в приветствии.

— Я сказал — Хайль Гитлер!

Монахини склонили головы, а Стейнекер развернулся к настоятельнице:

— Я скажу это снова, и это будет в последний раз. Хайль Гитлер, сестра...

Она ответила долгим взглядом и тоже подняла руку. Голос настоятельницы был тихим, как шорох снега:

— Хайль Гитлер, фельдмаршал Стейнекер.

— А теперь все!

Стейнекер схватил сестру Мэри Рут за дрожащую руку и дернул вперед, как непослушного ребенка.

Монахини дружно подняли руки в приветствии, безжизненными и мрачными голосами славя фюрера. Сестра Мэри Рут дрожала и всхлипывала. Стейнекер шагнул обратно к матушке О'Сайрус, наклонился так близко, что почувствовал затхлый запах ее шерстяной шали.

— Вы сказали, что остаетесь на балюстраде ради собственной безопасности, сестра. Кого вы боитесь?

— Вы вошли в очень темную и странную страну, герр фельдмаршал.

— Да неужели?

— Хуже самых темных ваших кошмаров, — тихо ответила она.

Он наклонился ближе, с угрозой во взгляде. Слова словно растекались дымкой в морозном воздухе.

— Вы представить не можете, какая тьма в моих снах, сестра. — Он покосился на огромные ворота и горы за ними. — Если здесь настолько страшно, то почему вы открыли ворота?

Матушка О'Сайрус медленно подняла взгляд, словно собираясь ответить. Но промолчала.

В большой обеденный зал вели две массивные арки, каждую из которых теперь охраняли солдаты Стейнекера, держа оружие

наготове и подозрительно поглядывая на сестер, которые убрали с длинного стола грязную посуду после ужина пехоты. Мужской разговор на повышенных тонах доносился от второго стола, рядом с камином, где потрескивали толстые бревна, согревая фельдмаршала, Киммеля и Грюнвальда.

Высоко над ними висело длинное синее полотнище с вышитой цитатой на латыни: *Abyssus abyssum invocat*.

— Что там написано, сестра?

Майор Грюнвальд кивнул хрупкой невысокой монахине, которая собирала тарелки. Крошечная женщина подняла глаза и уставилась на ткань, словно впервые ее увидела.

— «Бездна призывает Бездну», — ответила вместо нее сестра Мэри Рут. — Это дословный перевод, майор.

— Латинская поговорка, согласно которой один неверный шаг ведет к следующему, — добавил Киммель.

Он почувствовал, как вдруг завибрировал стол, увидел, как дрожит кубок с вином, стоящий возле вилки, и отвел глаза.

Затем внезапно повернулся обратно, услышав резкий звук.

Другие офицеры тоже смотрели на стол.

— Мое вино, — сказал Киммель, — вы видели? Кубок двинулся. Он сдвинулся на дюйм...

Он посмотрел на Стейнекера, который спокойно ковырялся в зубах.

— В чем дело, герр Киммель? Решили поддаться шуткам воображения?

Сержант посмотрел в потолок.

— Хотел бы я знать, что за черная магия нас сюда привела. Я не забыл мертвецов, которые напали на нас из снега.

Стейнекер уставился на него, забыв о зубочистке. Никто из них не упоминал событий сегодняшнего утра, но все, как оказалось, ни на миг о них не забывали.

— Вы знаете, о чем мы говорим? — прищурился Стейнекер в сторону сестры Мэри Рут. Старушка дрожащей рукой забрала его пустую тарелку. Фельдмаршал схватил ее узловатые пальцы и сильно сжал. Тарелка со звоном упала. — Я задал вопрос.

Она молча смотрела на него белесыми водянистыми глазами, и Стейнекер сжал пальцы.

— Те твари в снегу когда-то были людьми? Вы знаете, кто они?

— Бродячие нечестивцы, — раздался голос матушки О'Сайрус со стороны дальней арки. Нацисты развернулись в ее сторону. — Так мы их называем.

— Вы удивительно спокойны в присутствии таких соседей. — Стейнекер отпустил сестру Мэри Рут и подтолкнул к ней тарелку.

— Мы десятки лет живем в этих горах. — Матушка О'Сайрус приблизилась к ним. — Мы видели много такого, что обеспокоило бы менее привычных людей.

— А разве вашей вере не противоречит наличие таких вот «нечестивцев»?

— Вы удивитесь, герр фельдмаршал, узнав, какие твари бродят по лесам в наши дни.

В наставшей тишине Стейнекер улыбнулся ее иронии. Встал, искренне улыбаясь присутствующим, а потом тыльной стороной ладони наотмашь ударил настоятельницу по лицу.

Даже офицеры вздрогнули от неожиданности. Старая женщина едва не упала на пол. Стейнекер прошептал голосом, полным угрозы:

— Следите за языком, сестра, если не хотите с ним познакомиться.

Матушка О'Сайрус не поднимала глаз. Лишь поднесла руку ко рту, все так же склонив голову, и тихо произнесла:

— Вы неверно истолковали мои слова.

— Я прекрасно все понял. И уверен, что вы отлично знаете: фюрер не испытывает к христианству ничего, кроме презрения. — Тут она набралась решимости посмотреть на солдат — Величайший обман в истории человечества, так он выразился. И самый сильный удар по сути людей.

— Мы знаем, что фюрер придерживается другой веры, господа, — сказала матушка О'Сайрус, прямо глядя на Стейнекера.

— Тогда вы можете догадаться, в чем состоит наша миссия.

— Я буду благодарна, если вы ее озвучите.

— У вас здесь присутствует некромант, сестра, — громко произнес Стейнекер. — Теперь мы в этом уверены.

Мать-настоятельница сузила глаза.

— Я не уверена даже в том, что понимаю значение этого слова...

Стейнекер схватил ее за горло, большой белый воротник сомкнулся в его пальцах, когда он рванул монахиню на себя.

— Я могу свернуть тебе шею голыми руками, женщина. Не смей мне лгать. Или ты думаешь, что нас остановят замерзшие трупы, которые эта тварь может на нас натравить? — Он смотрел в ее глаза, пытаясь найти признаки страха, но страха не было. — У вас здесь некромант. Либо здесь, в этих стенах, либо вы знаете, где эта тварь живет.

Он отпустил монахиню, и та поднесла руку к горлу.

— Если некромантом вы называете того, кто может поднимать мертвых, герр фельдмаршал, то моя вера говорит, что лишь один человек был способен на это...

Стейнекер выхватил пистолет из кобуры и направил на нее.

— Если тебе хоть на секунду показалось, что я уйду из этого места, не забрав с собой то, что мне приказали получить, ты фатально меня недооцениваешь. — Он шагнул ближе и вжал дуло «Люгера» в морщины на ее лбу. — Так ты признаешь, что знаешь это существо?

Матушка О'Сайрус кивнула, не глядя ему в глаза, и Стейнекер довольно кивнул в ответ.

— Ты отведешь меня к нему.

— К ней, герр фельдмаршал.

Волна паники затопила его, когда он наконец встретился с ней глазами. Грюнвальд и Киммель вскочили со своих мест, вытаскивая пистолеты.

— Нет, — тихо сказала матушка О'Сайрус, — это не я.

Стейнекер опустил оружие, Киммель и Грюнвальд с трудом скрыли облегчение.

— Это сестра, которая основала наш орден. Наша мать-основательница.

— Ты сказала, что этот орден существует уже двести лет

Матушка О'Сайрус кивнула, и Стейнекер снова поднял пистолет.

— И ты хочешь, чтобы мы поверили, будто эта женщина до сих пор живет здесь?

— Господь наделил ее многими силами. Один из его даров — долголетие вне пределов человеческого понимания.

— И она ваш некромант? — Стейнекер повысил голос, и в зале воцарилась внезапная тишина. Только поленья в камине продолжали трещать. — Отвечай! Она ваш некромант?

Матушка О'Сайрус смотрела на них с молчаливой уверенностью.

— Отведи нас к ней, — тихо и настойчиво сказал он. — Сейчас же.

Длинный каменный коридор поначалу был обрамлен жутковатыми железными подсвечниками, совершенно пустыми. Канделябры, которые несли сестры, освещали только Стейнекера, его офицеров и шестерых вооруженных солдат.

Майор Грюнвальд, замыкавший процессию, смотрел на свою приметную тень со странной формой головы. Тень скользила по стене, и на лбу ее отчетливо просматривались два небольших рога, чуть выше уровня ушей. Он посмотрел на солдат, шагавших впереди, но дула их ружей не могли отбрасывать тени, создававшие странный эффект.

— В этой части аббатства нет освещения? — спросил Киммель.

— Только не для матери-основательницы, — ответила матушка О'Сайрус и заметила подозрительный взгляд Стейнекера. — Она не выносит света.

— Почему вы держите ее взаперти?

— Она, при всем нашем уважении, пугает других сестер, герцог-фельдмаршал. — Станные слова заставили офицеров переглянуться. Монахиня это заметила. — Не поймите неправильно, она истинный дар Божий. Сестры святого Игначиуса живут лишь для того, чтобы присматривать за ней. Наш орден много лет несет свое бремя.

Стейнекеру было не по себе. Они удалялись от обеденного зала, шагали все глубже в подвалы аббатства.

— Предупреждаю, старуха: если ты думаешь, что можешь завести нас в ловушку, любой неверный шаг твоих гусынь приведет к жестокому сопротивлению.

— Примите мои искренние извинения, герр фельдмаршал, но это я должна предупредить вас. — Она дошла до конца коридора и вставила свой канделябр в железный крюк, торчавший из стены у массивной двойной двери. — Было время, когда мать-основательница говорила с почившими святыми, чтобы ответить на вопросы папского значения...

Стейнекер прервал ее:

— И почему наша разведка доложила, что его святейшество, ваш Папа Римский, использует вашу тварь в самых разных делах?

— Но с годами она росла, — предупредила монахиня. — И ее силы росли вместе с ней, силы, которые больше не ограничивались простым общением с мертвыми. — Она смолкла, когда Стейнекер прижал ее к двери. — Вы спросили, почему мы открыли перед вами ворота? Чтобы открыть их, требуется двенадцать человек, открыть створки можно только вручную. — Она смотрела уже не на Стейнекера, а на всех солдат. — Мы не открывали ворота, господа. Мать-основательница впустила вас.

Стейнекера это не впечатлило.

— Так почему мы не видели ее там?

— Потому... — начала она и запнулась. Внезапная тишина сделала следующую фразу еще более зловещей. — Ей не требуется выходить, чтобы ворота открылись.

— Хватит разглагольствовать, сестра. Откройте дверь, — приказал Стейнекер.

— Вас атаковали люди из снега? Мы не посылали их, чтобы вас остановить! — Она повернулась к нему, но Стейнекер уже дергал за железную ручку двери. Дверь была закрыта. Монахиня продолжила шепотом: — Мы даже не знали о вашем приближении.

— Откройте дверь, сестра.

— Она знала. Мать-основательница. Она подняла их из снега, в котором они упокоились, и отправила их остановить вас!

И тут Стейнекер впервые заметил в ее глазах страх. Но боялась она не его.

Она боялась того, что за дверью.

Это ему не нравилось, и, чтобы не выдать волнения, Стейнекер шагнул назад, к солдатам и молодому Гансу, прошептав последнему на ухо:

— Возвращайся в обеденный зал. Найди Герхарда, пусть сообщит наши координаты по радио. Скажи, что нам может понадобиться подкрепление.

Стейнекер схватил канделябр у сестры Мэри Рут и передал адъютанту. Ганс и кольцо света растворились в темноте коридора, а Стейнекер вернулся к матушке О'Сайрус.

— Открывай.

— Существует протокол общения с ней, — сказала она.

Стейнекер обернулся к оставшимся пятерым солдатам.

— Если кто-то появится в коридоре, пристрелите его. — Потом кивнул шестому. — Доставай пистолет, будешь прикрывать нас.

— Если вы позволите мне вести разговор с ней, вы окажете себе немалую услугу. — Матушка О'Сайрус вставила ключ в замочную скважину. Он оттолкнул ее и сам повернул ключ. Древний механизм щелкнул, Стейнекер ухватился за массивные железные ручки и потянул дверь на себя. Ржавые петли завизжали, как свинья под ножом, и дверь раскрылась. За ней было огромное темное помещение.

Лунный свет из высоких прямоугольных окон заливал огромную фигуру в нескольких метрах от входа. Стейнекер взял канделябр настоятельницы и шагнул вперед, к силуэту. Только тогда он смог оценить истинные размеры существа, сидевшего в центре комнаты.

Мать-основательница была не только невероятно старой, она была огромной.

Примерно в три раза больше любого нормального человека, невероятно оплывшая женщина неподвижно сидела на деревянном кресле такого размера, что у Стейнекера перехватило дух. Солдаты уставились на нее с изумлением. Огромная голова основательницы склонилась вперед, как во сне, толстые седые пряди волос были спутанными и грязными, как швабра. От громкого храпа массивные плечи поднимались и опадали, и видно было, что к полу мать-основательницу приковывают толстые ржавые цепи.

В первый миг Стейнекер просто не мог найти слов.

— Почему она прикована?

— Она иногда нападает... на некоторых сестер, — прошептала матушка О'Сайрус.

— Но она же не может двигаться.

— Она кусает их, герр Стейнекер, когда они подходят кормить или купать ее.

— Она безумна?

Матушка О'Сайрус сказала что-то на латыни, затем перевела:

— Она блаженная.

Изумленные офицеры подошли ближе, словно пытаясь убедиться в существовании такой странной человеческой мутации.

— Разбудите ее, — велел Стейнекер.

— Она никогда не спит.

— Докажите, что эта старуха и есть ваш некромант, — прошипел он, — и что вы не пытаетесь выставить нас дураками!

— Вы видели ее силы, — сказала матушка О'Сайрус.

— Я сказал, докажите мне, что это именно та тварь, что нам нужна! Скажите, что мы желаем с ней поговорить!

— Она слышит каждое наше слово, герр фельдмаршал, поверьте. Но она делает лишь то, что желает. Она не станет давать представления, как мартышка на цепи.

— Она и так на цепи, сестра! И если она делает только то, что захочет, пусть либо захочет со мной говорить, либо увидит, как я убиваю ее орден. Сержант Киммель, пристрелите старуху.

Киммель посмотрел на него.

— Приказываю! — рявкнул Стейнекер.

Сержант поднял «Люгер» и направила на сестру Мэри Рут. Заметил, как лихорадочно дрожат ее руки, и перевел пистолет на другую.

— Которую из старух, герр фельдмаршал?

— Да любую же, идиот!

— Не стоит этого делать, герр Стейнекер, — предупредила матушка О'Сайрус. — Мать-основательница любит поучать. Особенно по поводу заповедей.

— Стреляй в любую! — крикнул Стейнекер, и Киммель снова навел пистолет на сестру Мэри Рут, выстрелил, не целясь, — и его собственная грудь расцвела раной.

Сержант зажал рану и широко распахнутыми глазами уставился на дымящийся пистолет, который превратился в кусок искореженного металла. *Пуля вылетела с другой стороны ствола!*

Падая на пол, Киммель услышал слова матушки О'Сайрус: — Относись к людям так, герр фельдмаршал...

Майор Грюнвальд шагнул вперед, прицелился в лоб сестры Мэри Рут и нажал на курок. Пуля пробила его собственную голову, Грюнвальда отбросило назад, спиной в стену.

— ...как хочешь, чтобы они относились к тебе. — Мать-настоятельница склонила голову.

Стейнекер обернулся, выхватывая «Люгер», навел на нее ствол. Монахиня, не поднимая головы, тихо сказала:

— Я не советовала бы вам это делать.

Фельдмаршал медленно опустил оружие, когда в комнате раздался странный звук: сильный густой гул, словно включился какой-то древний механизм.

Мать-основательница смеялась.

Звук был низким, горловым, и при этом походил на урчание в животе огромной древней твари. Ее плечи затряслись, цепи зазвенели, большая голова поднялась, лицо попало в полосу света. И это лицо было куда кошмарнее, чем он мог бы себе представить. Время и обжорство исказили черты до полной неузнаваемости, она была похожа на старую народную куклу с головой из сушеного яблока. Складки и борозды морщинистой плоти были такими глубокими и тяжелыми, что закрывали даже глаза, старуха казалась слепой.

— Как же ужасно... — Стейнекер подумал, что матушка О'Сайрус говорит о жутком создании, прикованном к креслу, — как ужасно понять, что вся твоя власть заключена в оружии, а оружие используют против тебя.

— Хватит лицемерия, сестра! — выплюнул он. — Не убий! Никогда не слышали такой заповеди? Вы нарушаете свои же собственные правила.

Мать-основательница захохотала так, что кресло угрожающе закрипело. Стейнекер чувствовал, как дрожит пол под ногами.

— Вы ищете веры, герр фельдмаршал?

Комната внезапно содрогнулась, как от удара. Дверь захлопнулась, и Стейнекер бросился к ней, чтобы снова открыть.

В темном коридоре парили тела солдат.

Фельдмаршал выставил перед собой канделябр и в оранжевом свете увидел винтовки, бесполезно лежащие на полу под ногами солдат, поднявшихся в воздух.

Но они не парили — *их проткнули насквозь*.

Все солдаты были надеты спинами на металлические крючья для канделябров, словно их — всех одновременно — приподняла и швырнула на острые колья неведомая сила, и эта сила оставила их висеть в коридоре, как мрачный барельеф.

Стейнекер подбежал к ближайшему солдату, из открытого рта которого стекала кровь. Фельдмаршалу хватило одного взгляда на блестящую кровавую массу, соскользнувшую с конца железного штыря в стене. Это была печень солдата. Сила удара выбила ее из тела прямо под ноги Стейнекеру.

Тихий шепот зашелестел в коридоре:

— Мы не получаем от этого ни малейшего удовольствия, герр Стейнекер, ни малейшего. — Это матушка О'Сайрус шагнула из тьмы комнаты в коридор. — Как только она открыла вам ворота, мы уже знали, что никто из вас не уйдет отсюда живым.

Фельдмаршал смотрел на нее, бледнее все больше.

— Это мы еще увидим!

Он по привычке вскинул пистолет. Но вспомнил, что стрелять не может, и в отчаянье подумал о последнем своем помощнике, шестом пехотинце — солдате, который тоже побелел как смерть.

Стейнекер и солдат побежали по коридору, оставив мать-основательницу трястись на своем деревянном троне, вопить и пытаться вырваться из плена теней и цепей. Одна из толстых цепей лопнула, звенья шrapнелью засвистели по комнате и вылетели в коридор.

Жуткий звук заставил Стейнекера оглянуться. Он увидел, как солдат резко содрогается и останавливается, будто от удара в спину. Он открыл рот, но сказать ничего не успел. Толстая цепь свисала из его живота, как ржавая пуповина, — но стоило солдату взяться за нее руками, как цепь дернулась и унесла его назад по коридору, как рыбку на леске.

Он с воплем пролетел мимо монахинь и скрылся в темной пещере матери-основательницы. Сестры не оглядывались, лишь склонили головы и перекрестились.

Фельдмаршал больше не пытался скрывать ужас. Он рванул с места так, что погасли свечи, не выдержав напора воздуха, и бежал в темноте коридора, отчаянно надеясь, что ноги вынесут его к свету и огню обеденного зала. Он запыхался и едва не упал, когда добрался наконец до арки, у которой его ждал юный Ганс.

— Мы все передали, герр фельдмаршал! Они выслали подкрепление!

Стейнекер схватил его за плечи и развернул.

— Беги! — Он толкнул Ганса к двери и развернулся к остальным. — Все бегите!

Комната, полная солдат, ответила лишь молчаливым удивлением.

— Мы немедленно отступаем!

— Мать-основательница этого не позволит, — сказала матушка О'Сайрус, выходя из коридора. Монахини собирались за ее спиной.

— Она дьявол! — Стейнекер ткнул пальцем в ее сторону. — Она демон, а вы ей служите!

Огромный зал протестующе зарокотал в ответ на его слова, пол подпрыгнул от невидимого удара снизу, нескольких солдат сбilo с ног. Один с воплем пронесся по длинному обеденному столу, с которого его швырнуло в камин с такой силой, что бревна и угли разлетелись фейерверком.

Другим тоже не повезло: сила приподняла их и бросила на стены, с которых сползли уже безжизненные трупы.

Стейнекер смог лишь хрипло прошептать:

— Бегите, спасайтесь...

И побежал к выходу из зала, который содрогался до самых стропил.

— Как вы можете притворяться, будто она святая? — кричал он на бегу. — Она чистое зло, сестра, и вы это знаете! Она не имеет никакого отношения к вашему Богу!

Подземная дрожь добралась до синего полотна с латинской вышивкой. Металлический шест, на котором висел лозунг, вы-

скочил из стены и упал, утаскивая за собой толстую веревку. Стейнекер видел, куда направляется странный снаряд, и дернулся в сторону, уверенный, что целят в него. Ужас придал ему силы, фельдмаршал вырвался вперед, расталкивая солдат. Длинный металлический шест по красивой дуге опустился на уровень их роста. Он был похож на иголку, за которой тянулась веревка-нить. Игла прошила троих солдат и пригвоздила Стейнекера к стене.

Фельдмаршал завопил, Ганс бросился ему на помощь. Паренек попытался вытащить шест: сначала использовал плечо как рычаг, потом просто тащил изо всех сил и наконец столкнул с шеста тех, кто оказался нанизан на него первыми.

Солдаты упали на пол, веревка так и тянулась от одного к другому, пронизывая их, как четки.

Стейнекер, из которого вытащили шест, дико выл от боли. Ганс поволок его к выходу, и фельдмаршал пришел в себя настолько, чтобы прокричать матушке О'Сайрус:

— Безумная старая сука! Ты что, не видишь? Она же мерзость! Вы служите чудовищу!

Ганс вытащил его из зала, и только тогда мать О'Сайрус тихо ответила:

— Хайль Гитлер, герр фельдмаршал.

Стейнекер едва не свалился с длинной каменной лестницы аббатства. Его солдаты бежали вместе с ним — те, кого неведомая сила матери-основательницы не сбрасывала через перила. Старая ведьма так и осталась в своей подземной келье, но ей не нужно было выходить.

Он слышал, как его люди бегут на лестнице, как пролетают мимо него, как их швыряет на булыжник двора, раскалывая череп. Он спрыгнул, как только до земли осталось приемлемое расстояние, и поднялся на ноги. Пробитое плечо обжигала боль, правая рука безжизненно болталась. Он побежал к седану вслед за юным Гансом. И остановился вместе с остатками выживших.

Огромные ворота были закрыты.

Плотно, как склеп, — это было отчетливо видно в подсвеченном лунной снегу. Стейнекер схватил одного из солдат и толкнул вперед.

— К воротам! Все!

Они, спотыкаясь, бросились к цели, чтобы вместе вырваться из этого ада, и тут земля под сапогами задрожала и массивные створки с рокотом поползли в стороны без посторонней помощи.

Стейнекер затаил дыхание, глядя, как растет полоса лунного света меж этими створками. Но ворота открылись шире, и за ними его ждал еще лучший вид. Раздался общий вздох облегчения, юный Ганс радостно вскрикнул.

На снегу за воротами стоял целый взвод немецкой пехоты

Увидев Стейнекера и его людей, солдаты вскинули руки в идеальном салюте.

— Они пришли! Они успели, герр фельдмаршал! — воскликнул Ганс и побежал к ним, взрывая сапогами снег.

Фельдмаршал только указывал себе за спину, голос внезапно пропал. Он не мог связно объяснить, с каким ужасом они встретились в Грейстонском аббатстве. Он только шагал вперед и смеялся. Или плакал? Звуки, которые он издавал, были похожи на лепет безумца на ветру.

Чем бы они тут ни были, взвод пехоты разберется с ними за считанные минуты.

Вспышка ослепительного света и злой грохот ошеломили Стейнекера, и в следующий миг он ощутил, как рвется его тело. Жуткая боль вспыхнула в животе, ноги перестали слушаться. Он упал на колени.

И увидел, как лицо красавчика Ганса разлетается в клочья от пуля. Из рта, разбитого носа, опустевшей глазницы хлестала кровь. Парень рухнул на снег, а вслед за ним так же быстро упали и остальные.

Стейнекер попытался встать и увидел, что их убийцами стал взвод солдат. Замерзших нацистов с белыми ледяными глазами, заиндеветыми шлемами, болезненно серой кожей. Никто из них больше не дышал.

Фельдмаршал закрыл глаза последним. Он прожил достаточно, чтобы взглянуть на парাপет и кружащиеся над ним снежинки. «Ангельская пыль» — раздался откуда-то голос его матери. Но те, кого он видел, были одеты в черное. Матушка О'Сайрус и ее орден стояли на парапете.

И выглядели они как армия тьмы, а вовсе не ангелами Господними. Стейнекер в последний раз взглянул на мрачное сборище и безжизненно рухнул на ледяную брусчатку.

В наступившей тишине монахини перекрестились и вернулись внутрь. Только сестра Мэри Рут замедлила шаг, услышав движение на снегу под перилами. Она не стала оборачиваться, лишь сжала четки дрожащими пальцами.

Сестре Мэри Рут хватало кошмаров и без того, чтобы смотреть, как только что погибший фельдмаршал и его люди поднимаются из луж собственной крови и шагают к воротам аббатства.

Гранитный крест отбрасывал черную тень на снег, по которому они шагали — шагали, чтобы присоединиться к мертвой армии матери-основательницы. Массивные ворота аббатства Грейстон захлопнулись за их спинами.

ГЭРИ А. БРАУНБЕК

ЧЕЛОВЕК С МЕШКОМ

Когда я был мальчишкой, на одной улице с нами — а точнее, через четыре дома от нашего — жил человек, который убил свою пятилетнюю дочь. Я не могу сказать «убил случайно», потому что все годы знакомства моей семьи с Эрлом и Патрисией Спенсер Эрл говорил о смерти Кэти так (если вообще говорил), словно с его стороны это был рассчитанный и преднамеренный поступок, кульминация какого-то злобного плана, тщательно подготовленного и безупречно исполненного. Он говорил о деталях своего преступления с такой глубокой убежденностью, что любой слушатель почти верил, будто Эрл *намеренно* лишил ее жизни. Самому Эрлу очень хотелось, чтобы мы верили в его вину, и мы притворялись, что верим, но молча и дружно прощаем его. Так было проще жить, хотя никто из нас не говорил об этом вслух. Эрлу было проще винить в смерти Кэти себя, чем принять возможность того, что мы живем в дурацкой Вселенной, где все всегда было, есть и будет досадной случайностью. Начиная с формирования молекул асимметричных протеинов, которое закончилось двойной спиралью, а затем — вуаля! — на нашей планете появилось человечество.

Мне было девять лет в то утро, когда погибла Кэти Спенсер. Американские войска все еще были во Вьетнаме. Ричард Никсон был президентом. Было двадцать девятое октября, и у всех домов на Десятой Северной улице появилось две общих черты: фонарики в виде хэллоуинских тыкв и груды осенних листьев, которые сгребали к обочине, оставляя или неподалеку от дорожки, или у самых деревьев. Воздух был наполнен запахом осенних костров и листьев, сгоревших в них прошлой ночью (в те времена еще разрешалось жечь листья, и, Господи, как же мне не хватает порой того неотъемлемого запаха осени). Каждый ребенок так и слышал, как тикает таймер до начала Ночи Попрошаек.

Все, кому не исполнилось двенадцати, слышали только тиканье и думали только о том, что будет вечером.

Я сгребал листья во дворе перед домом. Мне нравилось это занятие, я любил делать из листьев большую кучу, потому что в нее можно было прыгать потом с разбега, смотреть, как разлетаются осенние цвета, слышать тот особенный сухой хруст, на который способны только осенние листья, когда ветер гонит их по холодным дорожкам. Иногда я прятался в куче и потом выскакивал с «чудовишным» криком, когда рядом оказывался кто-то из друзей. Одно из любимых развлечений детства: слышать, как визжит от ужаса приятель, которого ты только что успешно напугал до мокрых штанов.

— Эй, *Томми!* — крикнула мне Кэти Спенсер.

Она подпрыгивала и махала руками, словно сигналила летящему самолету. На Кэти был костюм Вильгельмины В. Витчипу, любимой ведьмочки из детского телешоу Эйч. Р. Рафстафа. Я сам любил Орсона Вультура, но это знали только Кэти и мои родители.

Я помахал ей в ответ.

— Ты забыла надеть нос.

Она засмеялась и закатила глаза.

— Глупый.

— Но ты же его *не надела*. Слушай, а выглядит действительно здорово.

Кэти улыбнулась мне и показала на растущую кучу моих листьев, а потом на другую, в футах от подъездной дорожки к ее дому.

— Много листьев, а?

— Ага.

— А мне еще можно пойти с тобой за конфетами?

Она так испуганно на меня смотрела, словно я мог сказать «нет». А ведь мы уже три года вместе ходили пугать соседей и получали за это конфеты на Хэллоуин. С Кэти это было весело.

— Не знаю, — сказал я. — И ты *забыла* надеть свой нос.

Она показала мне язык и рассмеялась.

— У нас с тобой будут лучшие костюмы.

— Ага. Спасибо, Томми.

— Да пожалуйста.

— Там много листьев. — Она зачерпнула горсть из кучи и уткнулась в них лицом, глубоко вдыхая. — Красивые.

Кэти бросила листья, снова улыбнулась, помахала мне и зашагала к своей калитке. А я вернулся к своему занятию, удвоив скорость. И не мог перестать улыбаться. Кэти на всех так действовала. Она была милой, вежливой, иногда хитрой и всегда со всеми дружила. С ней невозможно было не подружиться. А еще Кэти была умственно отсталой. Тогда никто еще не говорил о синдроме Дауна, не называл ее девочкой с «пороками развития» или с «особыми нуждами». Таких слов, в современном их значении, тогда просто не существовало. Таких, как Кэти, называли дебилами — и точка. Это не было оскорблением — нет, чтобы оскорбить, нужно было вспомнить слово «монголоид», а этого слова в нашем районе не говорили и никому не позволили бы сказать. Ей тогда было пять — почти шесть, уточняла она при первой же возможности, — но Кэти было суждено навсегда остаться трехлетней. И, как все трехлетки, Кэти могла быть, как говорила моя мама, «мелкой поганкой».

Когда я оглянулся, Эрл Спенсер торопливо шагал по дорожке от двери. В одной руке он нес коробку с обедом, в другой — ключи от автобуса. На самом деле «автобус» Эрла был просто большим пассажирским фургоном, в который помещалось человек двенадцать. Каждый день Эрл ездил по маршруту из одного конца Седар-Хилл в другой, потом на окраину, где разворачивался и возвращался той же дорогой. Городской совет заключил контракты с Эрлом и тремя другими водителями (у каждого был свой «автобус»), чтоб охватить маршрутами весь город. Большую часть года особой потребности в автомобилях не было, зато последние два с половиной месяца каждого года становились часом пик. Множество людей стремились пораньше купить все необходимое ко Дню благодарения, к Рождеству или в последний миг успеть с украшениями и конфетами на Хэллоуин.

Эрл быстро помахал мне на ходу, забрался в кабину своего автобуса и завел мотор. Я посмотрел на свои «заслуженные» часы с Суперменом и понял, что Эрл опаздывает на пятнадцать минут. Он посигналил, помахал на прощание Патрисии и задним

ходом двинул на улицу. А куча листьев в фуге от этой дорожки шевельнулась.

Много листьев.

Я до сих пор не знаю, как понял тогда, что это Кэти, а не просто осенний ветер.

«...мелкая поганка».

Я просто *знал*. Точка.

Я бросил грабли и побежал к автобусу. Я несся во весь дух и кричал мистеру Спенсеру: «Стоп, стоп, СТОП!» Но он либо не слышал меня, либо не понимал, что происходит, пока не взглянул в зеркальце заднего вида и не увидел, как я стою посреди улицы, а с моих штанов капает кровь — кровь Кэти, потому что я поскользнулся на следах его колес и упал.

Я помню громкий хлопок в тот миг, когда автобус выехал через кучу листьев на улицу (он переехал ее голову, но это я узнал только позже). Я помню, как из листьев плеснул широкий веер ярко-красного, как это красное попало на задние дверцы автобуса, который показался вдруг очень-очень белым (а то, что она умерла сразу, было ведь своего рода благословением, верно?). Я помню, как посмотрел вниз и увидел, как дрожит в листе рука Кэти (непроизвольное сокращение мышц, но тогда я подумал, что она еще жива). Помню, как поднял глаза и увидел, что вторая ее рука волочится за задним бампером (и это доказывало, что она все еще была жива, потому что наверняка схватилась бы за бампер: Вильгельмина В. Витчипу, которой Кэти оделась, умела останавливать машины простым движением). Я поскользнулся на крови, вскочил на ноги и снова закричал мистеру Спенсеру:

— Она не очень пострадала! Она не очень пострадала!

А потом развернулся, упал на колени и начал вытаскивать Кэти из мокрой и раздавленной кучи листьев. Позже мне сказали, что я пытался сложить ее голову из осколков и кусочков мозга, которые остались в куче, а потом, когда больше не находил обрывков, начал добавлять сломанные веточки и обрывки листьев. Позже мне сказали, что Эрл Спенсер стоял у капота своей машины и выл, как раненый зверь. Все это рассказали мне родители, и я так никогда и не переспросил, так ли все было на самом деле.

Я один видел все, что случилось, поэтому полиция допрашивала меня первым. Я помню, что мама все это время стояла рядом со мной на коленях и держала меня за руку. Я рассказал обо всем, что видел, вплоть до момента, когда начал выкапывать Кэти из листьев. После этого я ничего не помнил.

— У него шок, — сказал один из полицейских. — Его лучше отвезти в больницу.

Я показал им на середину улицы.

— Что он делает? — Мама и полицейский посмотрели туда, но ничего не увидели.

— Но он же *там*, — сказал я. — Видите? Человек с мешком?

Мама покачала головой и обняла меня за плечи.

— Милый, нигде на улице не видно человека с мешком.

— Так, — сказал полицейский. — У него галлюцинации. Мы немедленно забираем его в больницу.

Я обернулся, у меня закружилась голова, и меня повело на ка-
талку с черным пластиковым мешком, в который сложили то, что
осталось от тела Кэти. В этот мешок я ткнулся локтем, и что-то
внутри громко и влажно хлюпнуло, зашевелилось, как куча ли-
стьев. Я представил себе руки Кэти в этом мешке и попытался
найти застежку, открыть мешок, пока Кэти не захлебнулась в сво-
ей крови и кусочках. А потом смотрел, как ее останки грузят в фур-
гон coronera — который мы, дети, всегда называли «труповозкой». Меня вдруг затошнило от этого названия, и почему-то
я тогда помахал ей вслед, прошептав:

— Пока, Витчипу.

Я ждал, что ее рука высунется из мешка помахать мне в ответ.

А мне еще можно пойти с тобой за конфетами?

Но в ней уже совсем не осталось жизни.

В больнице мне сделали укол, от которого так захотелось спать, что дороги домой я не помнил даже не заметил, как папа несет меня на руках в мою спальню. Проснулся я часа в четыре утра и не сразу сообразил, где нахожусь, а потом увидел свою полку с фигурками монстров «Авроры» и перевел дыхание, которое не-
заметно для себя задержал.

Я встал, оделся, обул ботинки. Заметил, что мама оставила стакан воды на столике у кровати, и это было здорово, потому что мне хотелось пить. Мама всегда заботится о таких вещах.

Я выпил воду и подошел к окну. Моя комната была в передней части дома, и окно выходило на улицу. Я хотел увидеть то место, где погибла Кэти, и был готов тихо выбраться наружу, если придется. На улице было светлее, чем обычно бывает ночью. Я отдернул занавеску и увидел человека с мешком. Он шел по центру улицы. И у каждого дома он останавливался и начинал ворошить кучи листьев, словно в поисках... Не знаю чего.

Добравшись до дома Кэти, он положил свой мешок на землю — мешок засветился ярким серебряным светом изнутри — и начал ворошить листья кучи, в которой погибла Кэти. Я удивился, что никто из соседей еще не убрал эту кучу. Никто не сомневался, что после этого утра ни Эрл, ни Патрисия не захотят больше видеть эти листья.

А потом я понял, что на самом деле кучу *убрали*, что человек с мешком перебирает что-то вроде... ну... призраков листьев и эти призраки светятся ярким серебром. Когда он добрался до середины, в которой находилось тело Кэти, появился мягкий синий свет, вроде как очерчивающий человеческое тело... раздавленное, изломанное и мертвое тело.

Мама спит очень чутко и просыпается от *любого* звука, так что мне чудом удалось не разбудить ее, когда я крался вниз к двору. Я двигался так тихо, что не разбудил ни ее, ни папу.

Чем ближе я подходил к человеку с мешком, тем лучше видел, что даже кровь Кэти оставила после себя призрак: там, где раньше был черный гладкий асфальт, тянулись полосы того же голубого цвета. Человек с мешком подбирал что-то в призрачной крови, и в листьях, и дальше по улице. Я присмотрелся и понял, что это маленькие синие кусочки — и не очень маленькие, — разбросанные по улице даже дальше, чем заехал сегодня автобус мистера Спенсера.

— Они слишком быстро открывают такие места, — сказал человек с мешком, продолжая что-то собирать. — Забывают, что другие машины могут подхватить колесами мельчайшие частицы и унести их на шинах очень далеко. . А, вот он!

Он поднял что-то вроде осколка синего стекла, но я подошел ближе и увидел, что это осколок черепа. Только синий.

— Да, — ответил он на вопрос, который я еще не задал. — Даже твои кровь и кости тоже оставляют призраков.

— Так этим вы и занимаетесь? Ищете недостающие куски?

Он остановился, улыбнулся мне (улыбка у него была грустная и жуткая) и сказал:

— Ты быстро схватываешь. Я понял, что с тобой будут проблемы, как только ты увидел меня этим утром.

Я попятился.

— Я... никому не скажу. Клянусь. *Клянусь!* Пожалуйста, не убивайте меня!

— *Не убивать?* — удивился он. — С какой стати мне убивать первого человека, который разглядел меня за долгое время, не говоря уж о том, что он пришел со мной поговорить?

Он нашел еще один кусочек, но я не хотел присматриваться.

— Просто чтобы ты знал, — сказал он, продолжая свою работу. — Кэти почти не чувствовала боли. Я не стану лгать тебе, Томми, один миг боли и давления все-таки был. Вроде того, когда у тебя сильно забит нос, а ты хочешь чихнуть. Пару секунд тебе больно, и ты чувствуешь только, как нарастает давление. Было с тобой такое?

Я кивнул.

— В прошлом году, когда я болел гриппом. Было больно.

— Очень больно?

Я задумался.

— Нет, вроде не очень. Все так, как вы сказали.

— Вот такую боль Кэти и почувствовала — только ее и больше ничего. Все стало ярким, и она выскочила из тела раньше, чем случилось самое худшее. — Он остановился и посмотрел на меня. — Я хочу сказать, что она не страдала. Ты понимаешь?

Я чувствовал, как в горле все сжимается, в носу становится мокро, а глаза начинает жечь. Я не хотел, не хотел плакать.

— Да, сэр, — ответил я. — Это хорошо. Потому что она была очень хорошая. Собиралась идти со мной за конфетами. Она собиралась быть...

А больше я ничего не сказал, потому что слезы взяли свое и меня начало трясти. Я чувствовал себя таким одиноким, таким грустным, таким беспомощным и... *виноватым*. Я почти всегда следил, чтобы с Кэти ничего не случилось, а в это утро так увлекся сгребанием листьев... Если бы не это, я увидел бы, как она забирается в ту кучу. Если бы я...

— *Пожалуйста*, не делай так, Томми, — сказал человек с мешком. — Я не о слезах; ты оплакиваешь смерть друга, так оно и должно быть, это нормально, и я бы удивился, если бы ты не плакал... Но *не смей* винить себя в том, что произошло.

— Н-н-но если бы я... Если бы я не...

— Если бы ты что? Увидел, как она забирается в ту кучу и смог предупредить миссис Спенсер, то ничего бы не случилось? А что, если бы ты за минуту до этого ушел в туалет? Винил бы себя за то, что тебе захотелось пописать, а не присматривать за Кэти? А если бы мама позвала тебя в дом? Ты собираешься испортить себе детство постоянными «если бы»? Да, я могу читать твои мысли, но не все, только самые громкие. А сейчас ты думаешь *очень* громко.

Я посмотрел на него и перевел дыхание.

— Я уже так по ней соскучился...

— Неудивительно. Она была чудесной девочкой. И нет ничего плохого в том, чтобы скучать по тем, кого любишь.

Я начал было протестовать, но понял, что он прав. Я любил ее, как любил бы родную сестру.

— И она это знала, Томми. Она это знала.

Я вытер нос рукавом, потом утер глаза ладонями.

— А я могу чем-то вам помочь?

— Да, — сказал он, возвращаясь, чтобы развязать свой мешок. Внутри серебристый свет был таким ярким, что я опять удивился, почему он до сих пор никого не разбудил.

— Только те, кто видит меня, могут увидеть призрачный свет, — сказал он. — Перестань ты так волноваться.

Я посмотрел на открытый мешок.

— Вы хотите, чтобы я помог вам собрать кусочки? Или что-то оттуда достал?

Он покачал головой.

— Нет. Но, может, ты хочешь что-то туда положить?

Я усталился на него.

— Но у меня ничего нет.

— Есть, еще как есть. И если ты не положишь это туда, я не смогу собрать призрак Кэти, а если я не смогу его собрать... То никто и не вспомнит, что она вообще жила на свете. Нет, конечно, ты и твои родители, и ее родители, и ваши соседи некоторое время будете ее помнить. Но с годами ты станешь старше, воспоминания о ней начнут бледнеть, станут неточными, неважными, ненужными, а однажды наступит день, когда все, кто жил на этой улице, умрут, ничего не рассказав о Кэти тем, кто останется. Тем, у кого не было шанса увидеть ее улыбку, услышать то ее жуткое хихиканье или узнать, как она вредничает на своем дне рождения, вспоминая Рождество. Сейчас это кажется тебе невероятно далеким будущим, Томми, но, поверь, все произойдет в мгновение ока. Часть моей работы — это собирание частичек разбитых призраков, но мне нужно еще и... Мне нужно найти *клей*, которым можно сделать их снова цельными.

— Как модели моих монстров?

Он задумался над моими словами.

— Неплохое сравнение, весьма неплохое. Да, как фигурки твоих монстров.

— Я могу сбегать домой, принести вам клей и положить его в мешок. Это очень хороший клей, вы смотрите, чтобы он не попал на пальцы, потому что он быстро сохнет, воняет и клеится, и... и вы же не про *обычный* клей говорили, правда?

Он снова улыбнулся.

— Ты не перестаешь меня удивлять, этого у тебя не отнимешь.

Мне было плохо, хотелось пить, я устал и понимал, что могу снова расплакаться. И я не понимал, о чем он говорит, я знал только, что ему *не нужно*. Я подошел к куче призрачных листьев и посмотрел на синеватую, как дым, форму, которая осталась на месте тела Кэти. Мне даже хотелось опуститься на колени и прикоснуться к ней, но что, если моя рука пройдет насквозь? Что, если я не удержусь и упаду? Что тогда со мной будет?

— Хочешь знать, почему мой мешок такой большой и почему он так ярко сияет?

— Да, сэр.

Он опустился рядом со мной на колени, и мы вместе усталились на синеватый силуэт в призрачной листве.

— Моя работа самая тяжелая из всех... скажем так, похоронных. Я должен собирать недостающие кусочки разбитых призраков детей, которые умерли слишком рано. Рак, голод, насилие, равнодушие и жуткие, жуткие несчастные случаи; как вот этот. Все они остаются без каких-то своих частей. Иногда, как в случае с Кэти, кусочков больше, чем обычно, но чего-то не хватает *у всех*. И мне нужно искать эти части, а потом пытаться собрать этих детей заново, чтобы они не были забыты. Вот что такое на самом деле призраки, Томми, — наши забытые воспоминания, получившие вечную жизнь за пределами нашей памяти и наших сердец. Ты понимаешь?

— Кажется, да.

Он подтянул мешок ближе.

— Мой мешок так набит и так сильно сияет, Томми, потому что он полон разбитых призраков детей, которых я собрать не могу. Там есть даже призраки тех, кто умер сотни, а то и тысячи лет назад. И я никогда не смогу их собрать, потому что их забыли все, кроме меня. Хочешь знать, почему я не могу их починить?

Я почувствовал, что на глаза опять наворачиваются слезы, но я был готов и мне почти удалось не заплакать.

— Потому что люди, у которых вы просили... «клей», сказали вам «нет»?

— Именно так. А проснувшись на следующее утро, они забывали меня раньше, чем поднимались с кровати, я становился для них только сном. И все маленькие разбитые души детей в моем мешке оставались внутри навсегда. Они не могут даже понять, что они не одни. Все они заперты в своем одиночестве, в своей печали. Каждый помнит миг своей смерти до мелочей, до каждой жуткой секунды. Время от времени мне удастся немного скрасить их одиночество. Я могу открыть мешок, вынуть кого-то и немного с ним поговорить, но этого мало. То, что они пережили в свои последние мгновения, остается с ними навечно после

смерти. А это *плохо*, Томми. Это чертовски погано. И ты хочешь такого же для Кэти?

— Боже, *нет*. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя одинокой и забытой. Я не хочу, чтобы она думала, что ее никто не любил.

— Тогда дай мне то, что мне нужно, — точнее, дай мне то, что нужно сюда положить.

— Я не понимаю. Простите, но я правда *не понимаю*.

Он смотрел мне в глаза и не моргал.

— Если бы ты мог, ты бы умер, чтобы вернуть ее? Любишь ли ты ее настолько, чтоб это сделать? Готов ли ты отдать свою жизнь, чтобы вернуть ее обратно в этот мир?

— Я не хочу *умирать*! Пожалуйста!

— Большинство людей не хочет умирать, Томми. Я и не прошу тебя умереть. Я спрашиваю о другом. Если бы ты мог вернуть ее, отдав свою жизнь, ты это сделал бы?

— Я...

Он поднял палец, чтобы я замолчал.

— Прежде чем ты ответишь, ты должен кое-что узнать. Если ты скажешь «да», если ты отдашь мне это желание предложить свою жизнь в обмен на то, что Кэти вернется в мир, ты больше никогда не сможешь заключить такую сделку. Хочешь — верь, хочешь — нет, Томми, но шанс заключить такую сделку дается только один раз, и только раз это можно сделать, не убив себя. Если ты согласишься и отдашь мне то, что нужно, чтобы собрать Кэти, ты больше никогда не сможешь такого проделать. Через десять, двадцать, тридцать лет у тебя может появиться жена и свои собственные дети, они могут заболеть, могут оказаться на пороге смерти, а ты не сможешь использовать свою волшебную карту. Я прошу тебя не о мелочи.

— Так вот почему столько людей вам отказывали и оставляли в вашем мешке разбитых детей?

Он кивнул.

Я посмотрел на синеватый силуэт тела Кэти.

— А могу я задать вопрос, прежде чем вам отвечу?

— Конечно.

— Почему такое вообще происходит? То есть почему дети, как вы сказали, умирают от рака, или от жестокости, или от го-

лода? Почему кому-то должно быть так больно, плохо и одиноко?

— Посмотри на меня, Томас Франклин Айрленд.

Я посмотрел.

— Я скажу тебе то, чего за многие тысячи лет моей работы слышали не больше четырех человек. Слушай внимательно. Для всего этого *есть* причина. Все мы движемся к чему-то настолько... невероятному, прекрасному, чудесному, что, когда оно наконец произойдет, все смогут оглянуться на дикость, голод, болезни, страдания, одиночество, страх и бедность и сказать: оно того стоило. Чтобы прийти к *этому*, получить эту чудесную штуку... все страдания и боль всех живых существ с начала времен того *стоили*. Я не могу сказать тебе, что это будет, Томми, потому что я не знаю. Мне не сообщали подробностей, я просто уборщик.

Я вытер глаза и втянул сопли.

— Она правда была чудесной девчонкой.

— Да, да, она была.

Я поднялся.

— Да.

На миг мне показалось, что он не понял.

— Ты хочешь сказать...

— Да. Я отдал бы жизнь за то, чтобы ее вернуть.

Он протянул мне мешок.

— Тогда, пожалуйста, брось это внутрь.

Я посмотрел вниз и увидел, что у меня в руках лежит что-то вроде сине-серебряного листа. Я осторожно вытянул руки над мешком и развел ладони. Лист полетел вниз, и его словно подхватил невидимый ветер, его мотало вперед-назад, вперед-назад, и я почувствовал — хотя в то время у меня не хватило бы словарного запаса, чтобы это определить, — как печаль уходит из моих глаз.

— Я буду ее помнить, — сказал я. — И постараюсь, чтобы ее помнили и другие.

— Я знаю, — сказал человек, потянув мешок за завязки. — Кэти уже не будет забыта внутри с остальными. Ты сделал это. Ты сделал отличную вещь, Томми. Плохо, что ты никому не сможешь об этом рассказать.

— Почему?

Он улыбнулся в последний раз.

— А как ты думаешь, тебе *поверят*?

Я пожал плечами.

— Наверное, нет.

— Ты еще такой ребенок, Томми. Возможно, мы когда-нибудь снова встретимся.

— Было бы неплохо.

Он кивнул в сторону моего дома.

— Примерно через пять минут твой папа встанет в туалет, а потом заглянет в твою комнату. Тебе лучше к тому времени оказаться в постели.

Я посмотрел на дом, а потом повернулся обратно:

— Я буду очень тихо идти. И уходил я тоже тихо. Мама легко просыпается...

Но его уже не было.

Моя мать умерла от эмфиземы. И я никак не мог ее спасти.

Отец умер от рака. И я никак не мог его спасти.

Они оба страдали, ужасно и долго.

Я женился. У нас родилась маленькая дочь. Ей было шесть дней, когда она покинула наш мир, не дождавшись даже собственного имени. Я никак не мог ее спасти, мне нечего было предложить в обмен на ее жизнь.

Через пять месяцев после этого моя жена покончила с собой. Я чувствовал, что к этому идет, но ничего не мог предложить в обмен на ее жизнь.

Я часто вижу человека с мешком: в новостях, в съемках с мест аварий, на фотографиях деревень в голодающих странах, на фото с мест преступлений, где ребенка или нескольких детей убивали или мучили, били или забывали. Он всегда маячил на фоне, ждал, когда все уйдут, чтобы начать собирать разбитые призраки детей. Я никогда не спрашивал, видят ли его другие, потому что знал: они не могут его видеть. Только раз во время экстренного репортажа о человеке, который до смерти затряс своего четырехмесячного сына, я увидел, как он машет в камеру и произносит одними губами: «Кэти передает привет».

Моя мать. Мой отец. Моя дочь. Моя жена. Я мог бы спасти любого из них, если бы не...

Но неужели я готов разрушить остаток своей жизни вечными «если бы я» и «если бы я не»?

Когда становится особенно тяжело, когда я ненавижу себя за то, что был импульсивным ребенком, — или думаю, что он всегда *знал*, что меня ждет, и просто манипулировал мною, потому что *ему* была невыносима мысль о том, что в его мешке будет страдать от одиночества очередной разбитый призрак, — когда я мечтаю о том, как найду его снова, как ухвачу за горло и буду *сжимать*... Тогда я вспоминаю его слова. *Все мы движемся к чему-то настолько... невероятному, прекрасному, чудесному, что, когда оно наконец произойдет, все смогут оглянуться на дикость, голод, болезни, страдания, одиночество, страх и бедность и сказать: оно того стоило. Чтобы прийти к этому, получить эту чудесную штуку... Все страдания и боль всех живых существ с начала времен того стоили.*

Я помню. И думаю о том, доживу ли я до тех дней. Я знаю, что нет, что я умру и обо мне позабудут, но в ночи, когда меня тошнит от ненависти, я вспоминаю эти слова, вспоминаю улыбку Кэти и прощаю себя ненадолго. Хотя бы до утра. И я могу надеяться.

Иногда это помогает. Несильно, но все же.

И я засыпаю под эхо тысяч голосов детей, зовущих из глубины дерюжного мешка.

ЧАК ПАЛАНИК

ПРИНЕСИ!

Хэнк выставляет одну ногу вперед, переносит вес тела на другую. Отводит тело назад, на опорную ногу, сгибает колено, поворачивая торс, плечи и голову как можно дальше от носка выставленной ноги. На выдохе нога Хэнка распрямляется, бедро посылает тело вперед. Торс разворачивается, выбрасывая вперед плечо. Плечо ведет за собой локоть. За локтем приходит в движение запястье. И вся рука от плеча до кисти хлещет воздух со скоростью бычьей плети. Каждый мускул его тела работает на скорость движения руки, и в миг, когда Хэнку пора падать лицом вниз, его кисть отпускает мяч. Ярко-желтый теннисный мяч отправляется в ясное небо и теряется там, оставляя за собой размытую желтую дугу.

Во время броска Хэнк работает всем телом, как и положено мужчине. Пес Дженни, лабрадор-ретривер, вертит хвостом и размазывается в пространстве черной молнией. В погоне за мячом он зигзагами обходит надгробия. Приносит мяч и роняет на землю у моих босых ног.

Когда я бросаю мяч, я использую только пальцы. И немного запястье...

А запястья у меня тощие. Никто никогда не учил меня правильным броскам, поэтому мяч отскакивает от первого ряда могильных памятников, рикошетит от склепа, катится в траву и исчезает за границей чьей-то могилы, в то время как Хэнк качает головой, улыбается и говорит: «Отличная подача, лузер». Хэнк втягивает в себя воздух, хрипит горлом и выхаркивает здоровенный ком мокроты в траву между моих босых ног.

Пес Дженни, наполовину черный лабр, стоит на месте и тащится на хозяйку. Дженни смотрит на Хэнка. Хэнк смотрит на меня и говорит:

— Чего ждешь, парень, давай неси.

Хэнк мотает головой в сторону, куда улетел и где затерялся между надгробий теннисный мяч. Тем же тоном и словами Дженни общается со своей собакой.

Дженни крутит между пальцами прядку своих длинных волос и смотрит в сторону пустой парковки, где Хэнк оставил свою машину. Солнце просвечивает ее юбку без подкладки, очерчивает ноги до самых трусиков, и она говорит:

— Давай. Мы подождем, честно.

На ближайших надгробиях даты не переваливают за тридцатые годы. Судя по всему, мой бросок ушел в 1880-е. Хэнк запулил мяч на полную, до самых тупых пилигримов на дурацком «Мэйфлауэр».

После первого же шага я ощущаю влагу под ногой, скользкую, липкую и еще теплую. Плевок Хэнка размазывается по ступне, просачивается между пальцами, и я волоку ногу по траве, чтобы стереть его. За моей спиной смеется Дженни, а я все волоку ногу, ковыляя к первому ряду могил. Из земли торчат букеты пластиковых роз. Трепещут на ветру маленькие американские флаги. Черный лабрадор бежит впереди, обнюхивает коричневые пятна в траве, метит поверх. Теннисного мяча не оказывается за рядом 1870-х могил. За 1860-ми опять ничего. Имена мертвых тянутся от меня во все стороны света. Любимые мужья. Возлюбленные жены. Обожаемые матери и отцы. Имена тянутся, покуда хватает глаз, на них сыт пес Дженни; и вся эта армия мертвых ребят лежит не так уж и глубоко.

Я делаю еще шаг, и тут земля взрывается, из травы поднимаются гейзеры и выдают залп ледяной воды, поливая мои джинсы и рубашку. Водяной заряд ледяного холода. Подземная система полива расстреливает все вокруг, заливая мне глаза, прополаскивая волосы. Холодные струи бьют со всех сторон. Позади раздается смех, Хэнк и Дженни хохочут так, что вцепляются друг в друга, чтобы сохранить равновесие, оба мокрые, одежда прилипает к телу, становятся видны соски Дженни и тень волос на лобке. Они падают на траву, не размыкая рук, и смех прекращается только, когда их губы встречаются.

Теперь мертвые ссут на нас в ответ. Ледяной водой, совсем как смерть, которая может застать врасплох посреди теплого солнечного дня.

Глупый лабрадор Дженни лает на струи воды и шелкает пастью, пытается кусать ближайшую ко мне насадку. С той же стремительностью головки автоматических спринклеров скрываются под землей. С футболки капает. Вода с насквозь мокрых волос стекает по лицу. Джинсы облепляют ноги и становятся тяжелыми, как бетон.

Теннисный мяч обнаруживается за надгробием в двух могилах от меня. Я тычу в него пальцем и говорю собаке «принеси». Пес подбегает, нюхает мячик, рычит на него и возвращается ни с чем. Я подхожу и поднимаю желтый лохматый кругляш, мокрый от полива. Тупая собака.

Когда я оборачиваюсь, чтобы бросить мяч обратно к Дженни, поросший травой склон оказывается пуст. А за ним раскидывается пустая же парковка. Ни Хэнка с Дженни. Ни машины. Только лужа черного масла, которая натекла из двигателя, и две цепочки влажных следов, которые обрываются у того места, где стояла машина.

Одним броском, напрягая все мышцы руки, я посылаю мяч вниз по склону, туда, где Хэнк сплевывал на траву. И говорю псу «принеси», но он только смотрит на меня. Все еще волооча по траве ногу, я шагаю вниз, и мои пальцы опять попадают в нечто теплое. На этот раз в собачью мочу. Там, где я стоял, трава была сухой. Мертвой. Я поднимаю взгляд и вдруг вижу рядом теннисный мяч, который словно прикатился обратно вверх. Насколько я могу видеть, кладбище пусто, если не считать тысяч имен на могильных камнях.

Я снова бросаю мяч, по пологой дуге, и снова говорю собаке «принеси». Пес только смотрит на меня, а вот мяч катится издалека все ближе и ближе. Возвращается ко мне. Катясь вверх по холму. Против гравитации. Катится вверх.

Одна нога горит, царапины и мозоли жжет собачья моча. Пальцы другой ноги покрыты серой пеной от слюны Хэнка. Мои туфли на заднем сиденье его машины. А я застрял здесь, должен нянчить ее дурацкую собаку, в то время как Дженни от меня смоталась.

Я возвращаюсь и подволакиваю одну ногу, чтобы вытереть ее начисто мокрой травой. Делаю следующий шаг и тяну вторую ногу. И так, раз за разом, я оставляю за собой лыжню на лужайке до самой парковки.

Что касается мяча — теперь собака к нему не приближается. На парковке я останавливаюсь возле масляной лужи и бросаю мяч снова, вкладывая в бросок все силы. Мяч катится назад и начинает нарезать круги, заставляя меня поворачиваться вслед за ним. Желтый мяч катится по спирали, пока у меня не начинает кружиться голова. А когда он останавливается возле моей ноги, я бросаю его снова. На этот раз по пути назад мяч движется в обход, снова нарушая закон земного притяжения. По пути мяч ныряет в лужу отработанного масла, пачкаясь в черной грязи. И снова оказывается на расстоянии пинка, рядом с моей босой ногой. Петляя, подпрыгивая, кувыркаясь, мяч оставляет черный след на сером асфальте; потом останавливается. Черный теннисный мяч, круглая точка в конце предложения. Точка под восклицательным знаком.

Глупый черный лабрадор отряхивается слишком близко ко мне, забрызгивая меня водой. Вода с ароматом псины и комья грязи оказываются на моих джинсах и футболке.

Черный маслянистый след мяча складывается в буквы, буквы складываются в слова, на асфальтовой парковке красуется предложение: «Пожалуйста, помоги мне!»

Мяч возвращается в лужу машинного масла, снова мочит ворс черным и катится, выводя размашистым почерком с завитушками: «Мы должны ее спасти».

Я протягиваю к нему руку, всего лишь нагибаюсь, чтобы поднять, но мяч тут же отскакивает на пару шагов. Я подхожу ближе, и он снова отскакивает, на этот раз к краю парковки. Пока я шагаю, он прыгает, замирая на дороге, как приклеенный, и ведет меня к выходу с кладбища. Я иду следом, черный асфальт под ногами оказывается раскаленным, приходится прыгать с ноги на ногу. Мяч показывает дорогу, оставляя за собой след из черных точек, похожий на мокрые отпечатки ног Хэнка и Дженни, ведущие в никуда. Черный лабрадор бежит следом. Мимо, не замедляя хода, проезжает патрульная машина шерифа. У знака «Стоп!» в том месте, где дорога с кладбища выходит на главную, мяч останавливается подождать меня.

С каждым прыжком на нем остается все меньше масла. Что же до меня, мне хреново, меня просто тянет к тому, чего не может быть. Мяч прекращает подскакивать и замирает на одной

точке. Нас догоняет машина и катится за мной на той же черепашной скорости. Вопит сигнал, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Хэнка за рулем, а рядом с ним Дженни на пассажирском сиденье. Дженни крутит ручку, опуская стекло, и высовывает голову в окно, рассыпая длинные волосы по дверце машины.

— Ты с ума сошел? Или под кайфом?

Одной рукой Дженни тянется на заднее сиденье, потом высовывает ее в окно, протягивая мне мои туфли.

— Нет, ну ты только посмотри на свои ноги...

С каждым шагом мои босые ноги оставляли на дороге немного алого — крови, и кровавые следы отмечали мой путь от асфальта до самой парковки кладбища. Стоя на одном месте, я оказываюсь в собственном соку и все равно не чувствую острого гравия и разбитого стекла на обочине.

В шаге от меня ждет теннисный мяч.

Хэнк выворачивает плечо, двумя пальцами выдергивая кнопку, закрывавшую задние двери. Потом опускает руку, дотягивается и дергает ручку двери, распахивает ее и говорит:

— В машину. *Быстро* в машину, я сказал.

Дженни взмахивает рукой, бросая мои теннисные туфли так, чтобы они упали на полпути ко мне. Туфли шлепаются на гравий. Язычки и шнурки вытащены и запутаны.

А я переминаюсь с ноги на ногу; от грязи, пыли и крови мои босые ноги чернеют, как копыта или храмовые ботинки, и я могу только показывать на грязный теннисный мяч... Толстые черные мухи вьются вокруг меня... Вот только мяч лежит и не двигается, не шевелится, никуда меня не ведет. Он ждет на краю дороги, там, где растет иван-чай.

Хэнк ударяет по рулю, меня передергивает от оглушительного сигнала. Второй сигнал получается таким громким, что где-то за горизонтом отвечает эхо. Поля сахарной свеклы и кукурузы, окружавшие меня и их машину, начинают дрожать от громкого сигнала. Под капотом ревет двигатель, ходят поршни и стучат кулачки, Дженни высовывается из своего окна и говорит:

— Не зли его. Забирайся в машину.

Вспышка черного проносится мимо моих ног, глупый лабрадор прыгает в дверь, которую Хэнк держит открытой. Хэнк все так же,

заведя руку за спину, захлопывает дверь и резко выворачивает руль. Его обшарпанное корыто делает широкий разворот и стартует. Рука Дженни так и продолжает свисать из открытого окна. Хэнк оставляет мне лишь двойной черный след паленых шин. И вонь.

Глядя им вслед, я наклоняюсь за туфлями. И тогда — тук! — что-то ударяет меня по затылку. Потирая голову, я оборачиваюсь посмотреть, что меня стукнуло, а этот дурацкий мяч уже скачет по дороге в сторону, противоположную той, куда умотал Хэнк.

Я наклоняюсь завязать шнурки и кричу:

— Подожди!

Но мячик не останавливается.

Я бегу за ним, крича «Да стой ты!», мяч продолжает прыгать, длинными скачками продвигаясь вдоль дороги. У знака поворота на Фишер-роад мяч на середине прыжка, в самой высокой точке, резко поворачивает направо. Срезает в воздухе угол и скачет по Фишер, а я так и болтаюсь сзади. По Фишер-роад, мимо свалки, где она соединяется с Миллерс-роад, потом поворачивает налево на Тернер-роад и начинает прыгать вверх, параллельно берегу Скиннерс-Крик. Держась подальше от деревьев, испачканный в масле и покрытый пылью теннисный мяч просто летит вперед, с каждым скачком выбивая из дороги облако пыли.

Там, где две старых колеи уходят от дороги в лес, мяч сворачивает направо, и теперь он катится. Катится по сухой земляной колее, обходя самые глубокие лужи и ямы. Мои шнурки болтаются и щелкают по лодыжкам. Я тяжело дышу и плетусь за мячом, который скрывается из виду в густой траве. Я вижу мяч, только когда он подскакивает, а он прыгает на месте, пока я его не замечу. Я иду за ним, и надо мной кружатся мухи. А потом мяч оставляет колею и ведет меня в заросли хлопковых деревьев на берегу ручья.

Никто не становится в очередь, чтобы объяснить мне школьную программу. Особенно после трех жирных двоек, которые мистер Локхард вклеил мне по алгебре, геометрии и физике. Но я почти уверен, что мяч не может катиться вверх — особенно долго. И ни один теннисный мяч не может спокойно лежать на месте, а потом сам по себе запрыгать. И невозможно, чтобы каждый раз, стоит мне отвернуться, мяч прилетал из ниоткуда прямо мне в лоб, чтобы привлечь внимание.

В тени деревьев мне приходится остановиться и дать глазам привыкнуть к полутьме. Пара секунд, и — бзднь! — грязный теннисный мяч влетает мне в лицо. Мой лоб к тому времени перепачкан грязью и воняет машинным маслом. Обе руки рефлекторно вскидываются вверх. Так молотят по воздуху, отбиваясь от шершня, слишком быстрого для того, чтоб его рассмотреть. Ни по чему, кроме воздуха, я и не попадаю, теннисный мяч уже прыгает передо мной, и глухой стук его скачков разносится по всем зарослям.

Мяч прыгает до самого берега ручья, потом останавливается. В грязи между двумя расходящимися корнями хлопкового дерева катится по земле и замирает. Я добираюсь до дерева, и мяч слегка подпрыгивает — не слишком высоко, примерно до колена. Второй прыжок получается высотой мне по пояс. Потом на высоту плеч, головы, и каждый раз при этом он падает обратно в одну и ту же точку, с каждым приземлением вдавливаясь все глубже в грязь. Подпрыгивая выше, чем я могу достать, куда-то до самых листьев дерева, мяч пробивает себе маленькую дыру между корнями.

Сороки прекращают стрекотать. Тишина. Даже комары и слепни не жужжат. Ничто не издает звуков, кроме этого мяча и моего сердца. И оба стучат все быстрее и быстрее.

Еще прыжок — и мяч кидает по железу. Звук не резкий, а скорее глухой, как хоум-ран по водостоку старого дома мистера Ллойда или как смахивание камня с крыши машины на парковке Ловерс-Лейн. Мяч ударяет в землю, сильно, словно притянутый магнитом, останавливается и откатывается в сторону. Глубоко в той дыре, которую он пробил, блестит небольшая полоска. Металл, что-то закопанное. Завинчивающаяся крышка обычной стеклянной банки — в таких ваша мама закрывает помидоры на зиму.

Большого мне не нужно. Я начинаю копать, руки выбрасывают комья земли и скользят по бокам стеклянной банки, а теннисный мяч ждет. Стоя на коленях, я вытаскиваю из мокрой речной грязи банку размером с призовую свеклу. Стекло так залеплено илом, что я не вижу, чем эта тяжеленная банка набита.

Я плюю, потом еще раз плюю и протираю ее футболкой, все еще мокрой от кладбищенских поливалок. Крышка проржавела и присохла намертво. Я плюю и вытираю, пока из-под стекла не проглядывает золотая полоска: золотые монеты с головами мертвых пре-

зидентов и парящими орлами. Говорят, такие можно найти, если следовать за лепреконом к началу радуги. Если вы верите в этот бред. Квартовая банка набита золотыми монетами так плотно, что они не звенят. Им некуда двинуться. Они только сияют, как колпаки на колесах красотики, которую я куплю, чтобы столкнуть дерьмовоз Хэнка с дороги. Сияют, как кольцо с бриллиантом, которое я куплю Дженни на Кроссрод-Молл. Здесь, в моих руках... И — блям!

Блеск золота сменяется искрами из глаз. И запахом моторного масла.

А потом запахом крови, когда мой нос складывается под ударом. Сломанный.

Теннисный мяч взвизгивает злобным шершнем и лупит меня по лицу. Расстреливает, пока я пытаюсь обороняться тяжелой банкой, прикрываю глаза, а мышцы руки горят от веса золота. Кровь стекает из разбитого носа и глушит мой крик. Я разворачиваюсь на пятке, ввинчивая ее в скользкую грязь, и бегу к берегу ручья. Бойскаутов-волчат учат нырять в воду, чтобы спастись от атаки шершня. Так я и делаю, ныряя в ручей с головой.

Из-под воды видно, как на поверхности, между мной и небом, дрейфует теннисный мяч. Ждет. Тяжелая банка с золотом удерживает меня у каменистого дна, но пока у меня достаточно воздуха, и я тащу ее вверх по течению. Течение уносит теннисный мяч за собой, золото держит меня у дна, отрезая от солнца и воздуха. Я постепенно приближаюсь к отмели, и, когда у меня заканчивается воздух, мяча в поле зрения не наблюдается. Я поднимаю голову над водой. Глубокий вдох, и я снова внизу. Мяч плывет, подскакивая на волнах, наверное, в полумиле вниз по течению, сложно сказать — и сложно рассмотреть маслянистое черное пятно на фоне темной воды. Мой разбитый нос оставляет кровавый след, который тянется вниз и уносится по течению.

Когда заканчивается новая порция воздуха, я поднимаюсь, по пояс высовываясь из воды, и бреду к берегу, волоча банку с золотом и стараясь производить как можно меньше шума. Шмыгаю носом, втягивая кровь. А когда оглядываюсь через плечо, понимаю, что мяч уже ждет меня, медленно, как толстая утка, подплывающая против течения.

Что невозможно, по словам сэра Исаака Ньютона

Обеими руками прижимая к себе банку с золотом, я выбираюсь на берег и бегу в заросли, хлюпая размокшими туфлями.

С каждым шагом я оскальзываюсь на грязи. Вес банки клонит меня то в одну, то в другую сторону, почти сбивая с ног, а при попытке удержать равновесие меня разворачивает. В груди жжет, легких я не чувствую. И, чуть не падая на каждом шагу, я так цепляюсь за банку, что, стоит мне не удержаться, стеклянные осколки проткнут мне глаза и сердце. И я истеку кровью, лежа в грязной луже в ореоле битого стекла и золотых монет. Позади, среди густой листвы, несется теннисный мяч — со свистом, которым обычно сопровождаются выстрелы в фильмах про войну во Вьетнаме в момент, когда пуля летит кому-то в голову.

Я пригибаюсь, когда мячу остается до меня один скачок. Передо мной сгнивший ствол поваленного хлопкового дерева, и я сую тяжелую банку глубоко между корнями и землей, туда, где в грязи образуется пещера на месте вывороченных корней. Золото, мое золото, спрятано. Мяч, наверное, этого не заметил, потому что продолжает меня преследовать, а я бегу быстрее, прыгаю и прорываюсь сквозь заросли ежевики и молодые деревца. Под ногами хлюпает, пока я не выбираюсь на гравий Тернер-Рoad. С каждым прыжком с моей одежды летят брызги, гравий чертовски хорошо чувствуется под мокрыми туфлями. Кладбищенская вода сменилась собачьей мочой, сменилась Скиннерс-Крик, вода реки сменилась моим потом, джинсы натирают ноги, заостенев от пыли. Я дышу так, словно готов выbleвать легкие, вывернуться наизнанку, выдав розовые пузырящиеся внутренности на обочину.

На середине прыжка, в тот миг, когда обе мои ноги в воздухе, одна передо мной, другая сзади, что-то бьет меня в спину. Я спотыкаюсь, ловлю равновесие, но что-то бьет меня снова в позвоночник между лопатками. И так же сильно, заставляя прогибаться, нечто бьет меня в третий раз. Влетает в затылок, сильно, как фал-бол или блок в софтболе. Быстро, как горизонтально летящий мяч на «Луисвилл Слаггер». Оставляет вонь машинного масла. Метеоры и кометы сыплются из глаз, я сгибаюсь пополам, но удерживаюсь на ногах и продолжаю бежать.

Мне не хватает воздуха, пот ест глаза, ноги заплетаются, нечто лупит меня снова, на этот раз в затылок, и я падаю. Голые

локти врезаются в гравий. Колени и лицо зарываются в пыль. Зубы клацают, хватая кусок грязи, глаза рефлекторно жмурятся. Таинственное нечто бьет меня по ребрам и почкам, а я извиваюсь под его ударами. Нечто скачет и пытается сломать мне руки. Оно лупит, колотит, жалит меня в живот, бьет меня по ушам, когда я сжимаюсь клубком, защищая яйца.

Миг, когда я еще могу вернуться и показать мячу, где спрятано золото, проходит, мяч забил меня до грани нокаута. И продолжает бить. Пока громкий автомобильный гудок не приводит меня в сознание. Второй гудок спасает меня, он настолько громкий, что где-то за горизонтом отвечает эхо. Все хлопковые деревья и высокие травы вокруг откликаются на громкость его сигнала. Покрышки с белыми полосами по бокам перестают крутиться.

Голос Дженни говорит:

— Не зли его. Забирайся в машину.

Я открываю глаза, склеенные кровью и пылью, и вижу мяч, мирно сидящий рядом со мной на дороге. Хэнк оставляет мотор работать вхолостую. Под капотом ходят поршни и стучат кулачки.

Я поднимаю взгляд на Дженни и сплевываю кровь. Нитка розовой слюны остается на подбородке, языком я щупаю сколотый зуб. Один глаз у меня заплывает, я говорю:

— Дженни?

Я говорю:

— Ты выйдешь за меня замуж?

Грязный теннисный мяч ждет. Пес Дженни часто дышит на заднем сиденье. Банка с золотом спрятана там, где только я могу ее найти.

Мои уши горят и наливаются кровью. Губы разбиты и кровоточат, но я говорю:

— Если я смогу выиграть у Хэнка Ричардсона в теннис, ты выйдешь за меня?

Сплевывая кровь, я говорю:

— Если я проиграю, я куплю тебе машину. Клянусь. Совершенно новую, с электрическими стеклоподъемниками, с гидроусилителем руля, с...

Теннисный мяч сидит в гнезде из гравия и слушает. Хэнк сидит за рулем и качает головой.

— Договорились, — говорит Хэнк. — Да, мать твою, она за тебя выйдет.

Дженни сидит очень прямо, ее лицо забрано в раму окна, и говорит:

— Это твои похороны.

Говорит:

— Забирайся.

Я поднимаюсь на ноги, шагаю вперед и хватаю теннисный мяч. Сейчас это просто резина с воздухом внутри. Неживая, и моя рука ощущает только влажный от речной воды мяч, покрытый тонким слоем гравийной пыли. Мы едем на теннисные корты за школой, где никто не играет и даже белые линии поблекли. Сетка забора проржавела от старости. Трава растет из трещин в бетоне, теннисная сетка висит в середине корта.

Дженни подбрасывает четвертак, и первую подачу получает Хэнк.

Его ракетка ударяет по мячу быстрее, чем я способен уследить, мяч летит в угол, куда мне никогда не достать, и Хэнк зарабатывает первое очко. То же со вторым. И со всем первым сетом.

Когда подача переходит ко мне, я подношу мяч к губам и шепчу ему свои условия. Мою сделку. Если мяч поможет мне в этом матче — поможет выиграть Дженни, — я помогу ему с золотом. Но если я проиграю Хэнку, пусть хоть забьет меня до смерти, я никогда не скажу ему, где спрятал банку.

— Подавай уже! — кричит Хэнк. — Хорошо целоваться с этим проклятым мячом...

Моя первая подача лупит Хэнка по яйцам. Вторая гасит его левый глаз. Хэнк отбивает третью, быстро и низко, но теннисный мяч замедляется и подпрыгивает прямо передо мной. С каждой моей подачей мяч летит все быстрее, я никогда не смог бы его так отбить, и выбивает зубы из глупой пасти Хэнка. Возвращаясь, мяч поворачивает ко мне, замедляется и сам прыгает так, чтобы я мог его отбить.

Неудивительно, что я выиграл.

Как бы дерьмово ни выглядел я, Хэнку сейчас еще хуже, его глаза заплыли почти полностью. Пальцы раздуло и растопырило. От множества попаданий в пах Хэнк хромает. Дженни помо-

гает ему лечь на заднее сиденье машины, чтобы она смогла отвезти его домой.

Я говорю ей:

— Даже если я победил, ты не обязана со мной идти.

И она говорит:

— Хорошо.

Я спрашиваю, не передумала бы она, узнав, что я богат. Реально супербогат.

И Дженни говорит:

— А ты богат?

Мяч, одиноко лежащий на растрескавшемся теннисном корте, кажется красным от крови Хэнка. Он катится, выписывая кровавые буквы размашистым почерком: «Забудь ее».

Я жду и жду, потом качаю головой.

— Нет, я не богат.

Когда они уезжают, я поднимаю мяч и шагаю обратно к Скиннерс-Крик. Достая из-под корней поваленного дерева стеклянную банку, полную золотых монет. Беру ее и роняю мяч. Он катится, я иду следом. Он катится вверх, нарушая все законы физики, и катится так целый день. По траве и песку мяч катится до самых сумерек. По Тернер-Рoad, по Миллерс-Рoad, на север по старому шоссе, которое сменяется грунтовыми дорогами без названия.

На горизонте появляется точка, за которой садится солнце. Точка вырастает в прыщ, когда мы подходим ближе. Хибара. Еще ближе она оказывается домом в гнезде облупившейся краски, сорванной ветром с его деревянных стен и опавшей у кирпичного фундамента. Так отмирает кожа после солнечного ожога. Голое дерево искривилось и разошлось. На крыше топорщится старый и порванный рубероид. К входной двери приколот лист желтой бумаги со штампом «Арестовано».

Желтая бумага в закатном свете кажется еще желтее.

Теннисный мяч катится по дороге, потом по тропинке к дому. Скачет по кирпичным ступеням и громко стучит по двери. Отпрыгивает на крыльцо и снова стучит в дверь. Изнутри до нас доносится звук шагов, дерево скрипит и стонет под босыми ногами. Из-за закрытой двери с листком «Арестовано» голос спрашивает:

— Кто там?

Голос ведьмы, дребезжащий, надтреснутый, как старые доски обшивки. Невыразительный и блеклый, как ошметки краски на земле.

Я стучу и говорю:

— Кажется, у меня для вас посылка...

Банка золота, которая вытягивает мои мышцы в струну, едва не ломая кости своим весом.

Теннисный мяч снова прыгает на дверь, стучит в нее, как в барабан.

Голос ведьмы отвечает:

— Уходите, пожалуйста.

Теннисный мяч стучит по деревянной двери, на этот раз звук металлический. Щелчок по металлу. Щелчок. В нижней части двери тянется щель, обитая золотистой медью, над ней надпись «Для писем».

Я сажусь на корточки, потом становлюсь на колени, отвинчиваю крышку стеклянной банки. И подношу горлышко к щели для писем, а потом наклоняю банку, высыпая золото в отверстия двери. Монеты звенят и гремят, падают внутрь и раскатываются по деревянному полу. Джекпот уходит туда, где я не могу его видеть. Когда банка пустеет, я оставляю ее на крыльце и шагаю вниз по ступенькам. За моей спиной щелкает дверная ручка, звенит цепочка и отодвигается засов. Скрипят петли, и с одной стороны двери возникает темная щель.

Оттуда доносится голос ведьмы:

— Коллекция моего мужа...

Теннисный мяч, мокрый от крови Хэнка, покрытый грязью, катится у моей ноги, послушно следуя за мной, как лабрадор бежал за Дженни. Как я сам долгое время за ней бегал.

Голос говорит:

— Как вы их нашли?

Голос с крыльца говорит:

— Вы знали моего мужа?

Голос кричит:

— Кто вы?

А я продолжаю шагать.

Дэвид Моррелл

СНЕЖНАЯ АРХИТЕКТУРА

В первый понедельник октября семидесятидвухлетний Сэмюэл Карвер, внезапно потерявший работу, шагнул навстречу скоростному автобусу. Карвер был редактором в «Эдвин Марш и сыновья», до недавнего времени — одним из последних частных издательских домов в Нью-Йорке.

— Описать Карвера простым словом «редактор» будет неверно, — говорил я в надгробной речи. «Марш и Сыновья», косвенно послужившие причиной его смерти, теперь являлись подразделением «Глэдстон Интернешнл» и отправили меня представлять компанию на его похоронах. — Он был легендой. Чтобы найти кого-то с подобной репутацией, придется отправиться в двадцатые годы, к Максвеллу Перкинсу и его отношениям с Эрнестом Хемингуэем, Ф. Скоттом Фицджеральдом и Томасом Вульфом. Это Перкинс подогревал эго Хемингуэя, помогал Фицджеральду справиться с похмельем и сообразил, что рукопись Томаса Вулфа в два фута толщиной можно разделить на несколько новелл.

Стоя у гроба Карвера перед пресвитерианской церковью на окраине Манхэттена, я насчитал десять горюющих.

— Карвер следовал его примеру, — продолжал я. — За последние пятьдесят лет он открыл нам невероятное количество талантливых авторов. Он помогал им справиться с творческим кризисом и разгромными отзывами. Он помогал им деньгами. И без усталости продвигал их работы. Он заставлял их осознать область применения их творческих сил. Р. Дж. Вентворт с его классическим «Замком из песка» о детстве и украденной невинности. Сборник Кэрол Фабин со стихами «Могильный холм». Роджер Киркпатрик с военной прозой о Вьетнаме «Лишенные наследства». Недавние лауреаты Пулитцеровской премии, которые так и остались бы в груде неизданных рукописей, если бы Карвер не просматривал их с такой любовью.

Десять присутствующих. Множество авторов из тех, кого Карвер вывел к успеху, уже мертвы. Другие перешли в более крупные издательства к другим редакторам и забыли о нем. Несколько редакторов на пенсии прислали соболезнования. «Паблишерз Викли» отправили кого-то делать заметки.

Жена Карвера умерла семь лет назад. Детей у них не было. Церковь ответила холодно. Вот и цена жизни легенды.

Официально было заявлено, что Карвер споткнулся перед автобусом, но я уверен, что он покончил с собой. Несмотря на мои похвалы относительно пяти десятков лет работы, после смерти жены Карвер угас. Возраст, плохое здоровье и горе утраты подкосили его. В то же время книжный бизнес перешел на новые рельсы, на которых чутье Карвера было лишним. Он любил долгоиграющих авторов, терпеливо давал талантам шанс развиться. Но в климате современного книгоиздания, одержимом быстрой прибылью, рукописи нужно было пережить знакомство с фокус-группой департамента маркетинга. Если книга не касалась ультрамодной темы и требовала продуманной рекламы, ее отклоняли. За последние семь лет Джордж Марш, внук основателя компании, стойчески не отправлял Карвера на пенсию, выплачивая ему символические суммы за то, что он появлялся в офисе дважды в неделю. У престарелого джентльмена был свой стол в углу, там он изучал неизданные рукописи и читал газеты. А также служил живой памятью компании, хотя никто и не понимал, чем истории о старых добрых деньках издательского дела могут помочь в мире современного временного бизнеса. Не то чтобы я хвастался, но я был одним из немногих, кто задавал ему вопросы.

Со временем «Марш и Сыновья» стали добычей конгломерата. «Глэдстон Интернэшнл» надеялась усилить свой отдел по работе с кинокомпаниями и телевидением, и он нуждался в человеке, который сосредоточился бы на романах, подходящих под требования сериалов и кино. Торговой маркой для всего этого стало слово «синергия». И, как обычно бывает, когда конгломерат проглатывает бизнес, первым делом новый владелец решил сократить штат. Карвер был самой очевидной мишенью. Возможно, он искренне верил, что былые достижения делают его непри-

косновенным. Только так можно объяснить его ошеломленный взгляд, когда в понедельник утром Карвер пришел в офис и услышал плохие новости.

— Но что же я буду делать? — услышал я бормотание старика. Его руки в пигментных пятнах дрожали, складывая в бумажную коробку фотографии в рамках. — Как я справлюсь? Чем мне заполнить время?

Тогда он, по всей видимости, и решил, что не станет ничем его заполнять. С коробкой в одной руке и зонтом в другой он вышел на улицу и позволил автобусу решить все его проблемы.

Нас с Карвером, похоже, считали друзьями, поэтому новый исполнительный директор назначил меня главным над всеми проектами, которыми занимался старик. В основном мои обязанности свелись к рассылке писем с вежливыми отказами. А еще я убрал вещи, которые Карвер забыл в ящике стола: таблетки от кашля, жевательную резинку и упаковку салфеток.

— Мистер Нил?

— М-м-м? — Я поднял глаза от одного из сотен e-мейлов, которые получал каждый день.

Мой помощник застыл в дверях кабинета. Черная водолазка и спортивный пиджак придавали ему вид значимой персоны. Молодой, высокий, стройный, полный амбиций, он держал в руках почтовую посылку.

— Это прислали мистеру Карверу. Без обратного адреса. Мне разобраться с этим?

Теоретически — безобидное предложение. Но в новом корпоративном духе такая вещь, как безобидность, не было предусмотрено. Когда мой помощник предлагал взять на себя часть моих обязанностей, я сразу думал, не первый ли это шаг к тому, чтобы забрать их *все*. После увольнения Карвера еще шесть редакторов, которым исполнилось больше пятидесяти, получили извещения об окончании контракта. Мне сорок шесть. Мистер Карвер, мистер Нил. Я часто просил моего помощника называть меня Томом. Он не соглашался. Слово «мистер» было не просто данью вежливости, это был путь к обезличиванию соревнования.

— Благодарю, но я сам.

Уверенно обозначая границы своей территории, я отнес посылку домой. Но забыл о ней до самого воскресенья, потому что работал над содержимым нескольких коробок со срочными предложениями: двумя романами о серийных убийцах и романтической сагой о виноделах в Калифорнии. Долгосрочная тирания этих рукописей была одной из причин, по которым моя жена бросила меня несколько лет назад. Она сказала, что раз уж живет со мной как без мужа, то с тем же успехом может жить и без меня. Большую часть времени я ее даже не виню.

По телевизору передавали игру янки. Я открыл пиво, заметил на углу стола посылку и решил пролистать текст во время рекламы. Разорвав пакет, я увидел рукопись. Она была напечатана. Через два интервала, профессиональный формат. С рукописями, которые нам обычно присылали, на подобное рассчитывать не приходилось. От страниц не несло сигаретным дымом или застарелым запахом пищи, что тоже внушало надежду. И все же мне не понравилось, что в посылке не было ни письма от автора, ни обратного адреса.

Сама рукопись не отличалась точностью и аккуратностью принтерной печати. Некоторые буквы были светлее остальных, некоторые темнее. Порой слова были выбиты немного неровно. Я с изумлением понял, что автор печатал текст на машинке. Роман назывался «Снежная архитектура». Выразительное название, подумал я, хотя департамент маркетинга наверняка скажет, что в книжных магазинах книгу с таким названием могут по ошибке отправить в секцию литературы по строительству. Имя автора: Питер Томас. Слабо. Департамент маркетинга предпочитал звучные, легко запоминающиеся фамилии, такие как Кинг, Бонд или Стил.

Я начал читать, не ожидая ничего особенного. И не заметил, как закончился бейсбольный матч. Мой стакан опустел, но я не помнил, как выпил пиво. И удивился, когда заметил, что за окнами стемнело. Я посмотрел на часы. Десять вечера? Непрочитанными остались еще пятьдесят страниц. Я торопливо сделал сэндвич, открыл еще одно пиво, выключил телевизор и сел дочитывать лучший роман из всех, что попадались мне за последние годы.

О чем-то подобном можно только мечтать. Идеальная рукопись. Ничего не нужно править и корректировать. Чудесное сочетание завораживающего голоса, мощных эмоций, яркости и объема, прекрасно составленных предложений и персонажей, которых не хочется отпускать. Книга рассказывала о десятилетнем мальчике, который остался с отцом после развода и живет на ферме в Вермонте. В середине января в ту область приходит сильнейший снежный буран. Повреждены линии электропередач и телефонные провода. Разрушены вышки мобильной связи. Все дороги завалены снегом, и мальчик с отцом отрезаны от мира.

— У отца начинается рвота, — сказал я на маркетингово-редакционном собрании. — У него высокая температура. Жуткая боль в нижней правой части живота. В доме есть медицинский справочник, поэтому они быстро понимают, что у отца приступ аппендицита. Но они не могут вызвать помощь по телефону, а отец слишком болен, чтобы вести машину. Даже если бы он смог сесть за руль, грузовик не пробился бы сквозь снежные завалы. Поскольку электричества нет, отопление в доме не работает. Температура опускается до нуля. Когда мальчик не пытается чем-то помочь отцу, он поддерживает огонь в гостиной, где они спрятались. К тому же на ферме есть животные, которых нужно кормить, и среди них — коровы, которых нужно доить. Каждый день мальчику приходится пробираться сквозь буран к сараям, чтобы позаботиться о животных. Замерзли трубы, и он не может набрать воду из колодца. Ему приходится топить снег в кастрюлях у огня. Он разогревает консервированный суп для отца, но отец слишком болен, и дальше так продолжаться не может. И вот мальчик слышит шум снегоочистителя на ближайшей дороге. Он быстро надевает свои самые теплые вещи. И бежит по сугробам в надежде успеть к дороге и спасти отца.

— Грубо говоря, книга для молодежи, — без энтузиазма прервал меня начальник отдела маркетинга.

Это был торговый жаргонизм для детских книг.

— Дети могут читать этот роман как что-то приключенческое, но взрослый увидит в книге гораздо больше, — объяснил я — Эмоции придают ей особую глубину

— Так мальчик спас отца? — спросил новый исполнительный директор.

Он перешел к нам из отдела по работе с кинокомпаниями.

— И чуть не погиб в процессе.

— Ну, хотя бы не чернуха. — Начальник отдела маркетинга покачал головой. — Несколько дней на ферме во время шторма. Что-то мало. Сети магазинов хотят глобальных угроз и международных заговоров.

— Я гарантирую, в тексте эти несколько дней покажутся вечностью. Десятилетний мальчик вынужден стать родителем своему больному беспомощному отцу. Поначалу мальчик растерян. Но потом он прилагает сверхчеловеческие усилия.

— Ребенок в сложной ситуации. Книга не понравится женщинам. А что означает название?

— В эпиграфе указано, что это отсылка к поэме Эмерсона о том, что все в мире взаимосвязано, как снежинки в метели.

— Об авторе кто-нибудь слышал? — с сомнением поинтересовался директор.

— Нет.

— Первая книга. Узкая тема. Сложно будет убедить наших распространителей поддержать ее. Потенциала для экранизации я не вижу. Отправьте обычный отказ.

— Не могу, — сказал я, рискуя должностью. — Автор не указал обратного адреса.

— Типичный непрофессионал.

— Я так не думаю. — Я помолчал, собираясь пойти на величайший риск за всю свою карьеру. Но если моя догадка правдива, мне больше не придется волноваться о должности. — Книга написана очень ярко и очень сильно. У нее особый, узнаваемый гипнотический ритм. И пунктуация тоже весьма характерная: необычное использование пунктира и курсива. Отец и сын. Прощание с детством. Стиль книги и ее тема синонимичны... — Я все же рискнул. — Они напомнили мне Р. Дж. Вентворта.

Исполнительный директор немного подумал.

— «Замок из песка»?

— Мы продали восемь миллионов экземпляров, сотни тысяч тиража в бумажных обложках только в этом году ушло в колледжи.

— Вы считаете, что кто-то имитировал его стиль?

— Вовсе нет.

— Тогда...

— Я не думаю, что это подделка. Я считаю, что Питер Томас и есть Р. Дж. Вентворт.

В комнате стало так тихо, что я услышал шум машин за окном.

— Но разве Вентворт не *умер*? — спросил маркетолог. — Он же погиб в шестидесятом в автокатастрофе.

— Не совсем.

В 1961 году, 15 октября, одновременно произошли три катастрофы. Премьера фильма, основанного на одном из рассказов Вентворта. Рассказ назывался «Предсказатель», но студия сменила название на «Валентин для двоих». И добавила несколько песен. Эти изменения только укрепили подозрительное отношение Вентворта к Голливуду. Права на экранизацию рассказа он продал по одной причине: все продюсеры умоляли его отдать им право на «Замок из песка», и он решил использовать «Предсказателя» в качестве пробы. В то время Вентворт жил в Коннектикуте с женой и двумя сыновьями. Семья просила его приехать посмотреть премьеру на Манхэттен, проверить, так ли уж плох фильм, и вместе над этим посмеяться. За время пути дождь превратился в гололед. Машина вылетела с дороги. Жена и оба сына Вентворта погибли.

А фильм оказался хуже, чем кто-либо мог представить. История, изначально вписанная в пейзаж Новой Англии, происходила на борту круизного корабля. Молодежный секс-символ играл главного персонажа: по книге — профессора колледжа, а в фильме — учителя танцев. Рецензии были разгромными. Почти все винили Вентворта за то, что он позволил Голливуду испортить их любимое произведение. Большинство критиков писали рецензии, имитируя стиль Вентворта, с его особым использованием много-точий и курсивов.

И в тот же день была издана его новая книга, «Притяжение противоположностей», состоявшая из двух новелл. «Марш и сыновья» хотели воспользоваться шумихой вокруг фильма в качестве рекламы. Конечно, когда выбирали дату выхода книги, никто

не знал, насколько мерзким окажется фильм. Но слухи о книге уже разошлись и было поздно менять график. Рецензенты получили свои экземпляры. Книга была чудесной. Увлекательной. Полной глубокого смысла. Но она уступала «Замку из песка», и ожидания сменились разочарованием, что привело к озлоблению. Многие начали заявлять в своих рецензиях, что Вентворт вовсе не гений, репутацию которого ему создали. После чего критики вцепились в «Замок из песка» и начали искать недостатки уже в нем.

— Все в один и тот же день, — сказал я собранию, — 15 октября 1961 года. Вентворт во всем винил себя. Его творчество во многом напоминало трансцендентальных авторов вроде Генри Дэвида Торо, и неудивительно, что он последовал примеру Торо, уехал в сельскую местность — в его случае Вермонт — и купил там дом с двумя акрами земли недалеко от городка под названием Типтон. Он обнес свою собственность высоким забором, и на этом закончилась его публичная жизнь. Мифы начались с того, что его фото поместили на обложку «Тайм» и рассказали о нем все, что было возможно без интервью. Студенты колледжей начали романтизировать его отъезд в сельскую местность: раздавленный горем, бегущий от вины автор, отец и муж живет затворником. Книга «Притяжение противоположностей» вышла в бумажной обложке и два года держалась в списке бестселлеров. Более того, ее внезапно восприняли как маленький шедевр. Не такой, как «Замок из песка», конечно. Но куда более глубокий, чем ранее утверждали критики. С каждым годом затворничества его престиж возрастал.

— Откуда вы так много о нем узнали? — спросил начальник отдела маркетинга.

— Я написал о нем несколько эссе, когда учился в Пенн-Стейт.

— И вы уверены, что эта рукопись принадлежит Вентворту?

— Один из самых распространенных слухов о нем заключается в том, что с 1961 года он не издал ни одной книги, но продолжает писать каждый день. Он признался в этом студентке колледжа, которая постучала в ворота и смогла поговорить с любимым автором.

— И что, ваши эссе делают вас экспертом? Вы уверены в том, что это действительно его рукопись, а не подделка? — спросил директор.

— Книга отправлена из Вермонта, куда уехал Вентворт. Мальчик в книге ломает правую ногу, правую же ногу Вентворт повредил в той катастрофе. Но у меня есть и другая причина считать, что мы получили подлинник. Издателем Вентворта, тем, кто открыл его талант, был Сэмюэл Карвер.

— *Карвер?* — Директор удивленно подался вперед. — И после сорока лет молчания Вентворт наконец отправляет своему издателю рукопись? Но зачем псевдоним?

— Не могу ответить. Но отсутствие письма и обратного адреса говорит о том, что автор считал, что Карвер поймет, как с ним связаться. Я могу назвать только одного автора, который был бы в этом уверен.

— Господи, — сказал директор, — если мы докажем, что это работа Вентворта...

— Все ток-шоу захотят его пригласить, — добавил начальник отдела маркетинга. — Легендарный отшельник возвращается из добровольной ссылки. Одинокий гений готов поведать свою историю. Лари Книг будет прыгать от радости. И шоу «Сегодня». И «Шестьдесят минут с Опррой». Господи, Опра! Он с легкостью окажется на обложке «Тайм». А то и «Ньюсуик». Или даже на обеих. Мы получим гарантированный бестселлер номер один.

— Подождите-ка, — вмешался маркетолог. — Сколько ему лет?

— Семьдесят восемь, — ответил я.

— Возможно, он уже едва говорит. У Опры он будет бесполезен

— Это один из пунктов, которые вам следует выяснить, — сказал мне директор. — Найдите его. Выясните, он ли написал эту книгу. Наша основная компания хочет добиться увеличения прибыли на двадцать процентов. Мы не выйдем на нужные суммы, связавшись с автором, у которого продается пятьдесят или сто тысяч тиража. Нам нужен миллионник. В понедельник я встречаюсь с руководством Глэдстон. Они хотят узнать, как продвигаются

наши дела. Было бы замечательно, если бы я смог рассказать им о Вентворте.

Я попытался дозвониться агенту Вентворта и взять у нее контактную информацию. Но выяснилось, что она умерла двенадцать лет назад и никому не передала дел по представлению авторов, которые не собирались больше издаваться. Я позвонил в телефонную справочную Вермонта и узнал, что Вентворт не числится в списках абонентов. Ассоциация писателей тоже ничем не смогла мне помочь.

Мой директор вошел в кабинет.

— Что он вам сказал? Он признал авторство?

— Мне пока не удалось это выяснить. Я пытаюсь узнать, как с ним связаться.

— Дело слишком важное. Проявите инициативу. Отправляйтесь туда. Постучите в его дверь. И стучите, пока не откроет.

Я достал карту и нашел Топтон в южной части Вермонта. Неподалеку от города жило не так уж много людей. Туда невозможно было добраться на поезде или самолетом, так что на следующий день я арендовал машину и шесть часов ехал на север через Коннектикут и Массачусетс.

В середине октября заросшие кленами холмы Вермонта расцветали великолепием всех оттенков осени, но я был слишком занят дорогой, чтобы наслаждаться видом. С трудом — поскольку разметки на перекрестках практически не было — я добрался до Типтона (население 5073 человека), когда уже стемнело, и снял номер в одном из немногочисленных мотелей, так и не взглянув на сам город.

В восемь часов утра я вышел из номера и глубоко вдохнул чистый прохладный воздух. На главной улице стояли дома из тесаного камня, в основном за белыми штaketниками и с высокими черепичными крышами. Над площадью возвышался церковный шпиль. Спокойно. Чисто. Тихо. Упорядоченно. Контраст с Манхэттеном был поразителен.

Чуть дальше по улице я увидел вывеску «Буфет у Мэг». Проходя мимо антикварного магазина, я почти кожей ощутил присутствие прошлого. И представил, что, если не обращать вни-

мания на спутниковые тарелки и фургоны, Типтон выглядел так же, как сто, а то и двести лет назад. Этот город был временной капсулой. А потом я заметил табличку: «Джеремая Типтон построил этот дом в 1792».

Я открыл дверь буфета, и запахи кофе, панкейков, яиц, бекона и жареного с картофелем мяса ошеломили меня. Десяток местных загорелых патриархов подняли на меня взгляды от своих завтраков. Моя бледность, не говоря уж о брюках и спортивной куртке, сразу выдала во мне чужака. Местные носили в основном джинсы и шерстяные клетчатые рубашки. Не то чтобы я ощутил их враждебность. Город существовал за счет туристов и спокойно относился к приезжим.

Я сел возле стойки, а в буфете возобновились тихие разговоры. Седовласая женщина в очках подошла ко мне, протянула меню и вынула блокнот из кармана передника.

— Какое сегодня блюдо дня? — спросил я.

— Говяжья солонина с яичницей.

Напряжение испортило мне аппетит, но я знал, что не смогу приступить к расспросам, если официантку не устроит сумма моего счета.

— Отлично.

— Кофе?

— Замечательно. Обычный. И стакан апельсинового сока.

Когда она вернулась с заказом, я сказал:

— У вас тут очень тихо.

— Бывает шумно по выходным. Особенно сейчас, когда листья сменили цвет.

Когда она принесла чек, я сказал:

— Мне говорили, что тут неподалеку живет писатель. Р. Дж. Вентворт.

Все уставились на меня.

— Вентворт? Я о таком не слышала, — ответила официантка. — Вы извините, я не люблю читать.

— Его книги вам понравились бы.

Обычно в ответ на эту фразу я слышал: «Правда? А о чем они?» Но она просто замкнулась в себе.

— Сдачи не нужно, — добавил я.

Уловки не сработали, и я отправился на улицу, поискать уже проснувшихся. Некоторая активность уже наблюдалась. Но не вся вдохновляла. Деревенского вида парень в поношенной одежде вышел из парка. У него был отсутствующий вид наркомана.

Краем глаза я заметил другое движение. Худощавый мужчина в шляпе и ветровке дошел до книжного магазина на другой стороне улицы, открыл замок на двери и зашел внутрь. Приблизившись, я увидел, что на витрине в основном представлены цветные обложки с фотографиями мостов, осенних кленов или заснеженных склонов, а названия так или иначе относятся к истории Вермонта и его красотам. Но один томик, простой и довольно маленький, был об истории Типтона. Я подергал дверь, однако она оказалась заперта.

Сквозь витрину я видел, как худощавый мужчина снимает ветровку. Шляпу он уже снял. Повернулся к дверной ручке, которую я дергал, покачал головой и вежливым жестом попросил меня уйти. Я состроил недоуменную гримасу, и он подошел открыть дверь.

— Мы еще не работаем. Вы сможете прийти через час?

— Конечно. Я просто хотел купить ту книгу с витрины — историю Типтона.

Это его заинтересовало.

— У вас отличный вкус. Входите.

Дверь открылась шире, и над головой зазвенел колокольчик. В магазине довольно приятно пахло старыми книгами. Хозяин вытащил ручку из кармана рубашки.

— Я вам ее подпишу.

— Вы автор?

— Грешен.

Я посмотрел на обложку. «Рассказы об истории Типтона», автор Джонатан Вэйд.

— Я из Нью-Йорка. Редактор в издательстве «Марш и сыновья». Всегда приятно познакомиться с писателем.

— Вы приехали посмотреть на осенние цвета?

— Это маленькое дополнительное удовольствие. Я здесь по делу. — Я протянул ему пятнадцать долларов за книгу.

— По делу?

— Здесь живет один автор.

— О?

— Р. Дж. Вентворт.

— О?

— Мне нужно с ним поговорить.

— А разве нельзя просто написать письмо?

— У меня нет его адреса.

— Понятно. — Вэйд кивнул на книгу в моих руках. — И вы надеетесь найти его адрес *здесь*?

— Эта мысль приходила мне в голову.

— Вы его не найдете. Все еще хотите купить книгу?

— Конечно. Я люблю историю, а когда знакомлюсь с автором, мне всегда интересно взглянуть, как он пишет.

— Не так хорошо, как Р. Дж. Вентворт, к сожалению. Раньше люди все время о нем спрашивали. Тридцать лет назад мой отец заработал немало денег, продавая книги Вентворта тем, кто о нем спрашивал. Не будь Вентворта, нам не хватало бы и на хлеб. Как и многим другим в этом городе, если быть честным Типтон опустел бы, не будь туристов, которых приманивал сюда Вентворт.

— Но теперь нет?

— Его поклонники постарели, а в наши дни, мне кажется, люди почти не читают.

— Так же мне ответила официантка в кафе через дорогу.

— Этот город многим ему обязан, хоть он и не собирался оказывать нам услугу. В этих местах, если вы здесь не родились, вы навсегда останетесь чужаком. Но после сорока лет жизни здесь он определенно стал нашим. Никто вам не скажет, где он живет. Да и я не смогу смотреть ему в глаза, если выдам его секрет.

— В глаза? — изумленно спросил я. — То есть вы с ним говорили?

— Несмотря на репутацию отшельника, Боб вовсе не асоциальный тип.

— Боб? — еще больше удивился я. Такая фамильярность казалась почти оскорблением.

— Его первое имя Роберт. Но он настаивает на том, чтоб его звали Боб. Приходит иногда в город. Покупает книги. Ест

в «Буфете». Стрижется. Смотрит бейсбольные матчи в таверне чуть дальше по улице.

Я продолжал изумляться.

— Нечасто и уж точно не на выходные в пик туристического сезона, — сказал Уэйд. — Он выбирает такое время, чтобы его точно не побеспокоили.

— Даже в его возрасте?

— Вы удивитесь...

— Какой он?

— Вежливый. Собранный. Совершенно не высокомерный. Но в основном я замечаю, насколько чистые у него глаза. Вы читали его книги?

— Много раз.

— Тогда вы знаете, что на него сильно повлиял трансцендентализм. Он как Торо. Спокойный. Выдержанный. Задумчивый. Рядом с ним так же успокаиваешься.

— Но вы не поможете мне с ним встретиться?

— Определенно нет.

— А вы не могли бы хотя бы позвонить ему и назначить встречу?

— Не могу.

— Я понимаю.

— Не уверен, что понимаете. Я в буквальном смысле не могу этого сделать. У Боба нет телефона. И я не собираюсь стучаться в его дверь. Почему вы хотите с ним встретиться?

Я рассказал Уэйду о рукописи.

— Мне кажется, что это его работа, но на рукописи нет его имени, — добавил я в надежде, что это заставит Уэйда помочь. — Адресатом был его издатель. Но он, к сожалению, недавно умер. Они дружили, и я не знаю, сообщили ли об этом Вентворту.

— Я только с ваших слов знаю, что вы издатель.

— Вот моя визитка.

— Двадцать лет назад один человек показал мне визитку, заявил, что работает в Белом доме. Сказал, что президент хочет вручить Бобу премию, но в итоге оказалось, что он помощник голливудского продюсера, который пытался получить права на экранизацию «Замка из песка».

— Но если вы опустите в его почтовый ящик записку, ничего плохого не случится.

— Я никогда не вторгался в его частную жизнь. И не собираюсь делать это сейчас.

Снаружи прогрехотал пикап. Еще один деревенский парень из местных вышел на тротуар. За полквартила от меня, у офиса с вывеской «Недвижимость Типтона» припарковался джип. Я подошел туда и сделал вид, что разглядываю объявления о продаже: фермы, коттеджи, старинные дома.

Я зашел в офис, и под моими ногами заскрипел деревянный пол. Запах полироля для мебели напомнил мне о доме моей бабушки.

За антикварным столом сидела красивая рыжеволосая женщина. Она подняла взгляд от экрана компьютера:

— Чем я могу вам помочь? — У нее был приятный голос.

— Я хотел узнать, нет ли у вас атласа местных дорог. Моя карта Вермонта не слишком точна в деталях.

— Ищете себе дом?

— Пока не знаю. Вы наверняка заметили, что я не местный. Но здесь так красиво, что я решил прокатиться и посмотреть, не приглянется ли мне что-то.

— Домик на уик-энд?

— Нечто вроде того.

— Вы ведь из Нью-Йорка, верно?

— Это так заметно?

— Я видела многих туристов и хорошо разбираюсь в акцентах. Нью-Йорк довольно далеко отсюда, чтобы искать тут местечко для выходных.

— Я не уверен, что речь идет только о выходных. Я работаю в издательстве. Долгое время редактировал, но теперь подумываю о написании романа.

Это ее заинтересовало.

— Я слышал, здешние места вдохновили многих писателей, — продолжил я. — Ведь Джон Ирвинг жил в Вермонте?

— И Дэвид Мамет, и Грейс Пэли.

— И Р. Дж. Вентворт. Он ведь живет поблизости?

Ее взгляд тут же стал пустым.

— Отличный писатель, — сказал я.

— Карты на столе, — отрывисто сказала она.

Шагая к машине, я думал, что ЦРУ и мафия могли бы отправлять сюда своих агентов на учебу. Местные жители умели хранить секреты. Я поехал на север по дороге, обрамленной невероятно красивыми деревьями. Хрупкость осенних листьев очаровывала, и я вспомнил свое детство на Лонг-Айленде и как помогал отцу сгребать листья во дворе. Мы жгли их на огороде за домом. Отец всегда разрешал мне поднести спичку. Он умер от инфаркта, когда мне было двенадцать лет.

Я повернул на грунтовку, проехал мимо коттеджа до полосы деревьев, потом обратно к главной дороге. Чуть дальше я повернул на другую грунтовую дорогу, проехал мимо *двух* коттеджей, затем моя грунтовка уперлась в ручей, и я снова вернулся.

Мои поиски вовсе не были упражнением в тщетности, как могло показаться со стороны. В конце концов, я знал, что ищу: высокий забор, обрамляющий несколько акров земли. Студентка, которой несколько лет назад удалось взять у Вентворта интервью, хорошо описала его собственность. Высокие ворота почти невозможно отличить от забора, писала она. Почтовый ящик встроен в ограду, и у него крышка с обратной стороны, чтобы Вентворту не приходилось выходить на улицу за почтой. Знак у забора предупреждал: «Агентам вход воспрещен»

В северной части города ничего не подходило под это описание. Конечно, то интервью состоялось двадцать лет назад. Вентворт мог многое изменить, и тогда я действительно впустую трачу время. Но как далеко от города он хотел бы жить? Я решил, что радиус в пятнадцать миль — это слишком много, и стал исследовать боковые дороги на западе. Снова фермы и коттеджи, снова осенние листья и запах древесного дыма. Закончив с западным сектором, я отправился на юг, к тому времени уже начало темнеть.

Зазвонил мой мобильный.

— Вы нашли его? — требовательно осведомился босс.

Связь была такой слабой, что я почти его не слышал. Я начал объяснять проблему, но он перебил меня:

— Просто сделайте свое дело. Если эту книгу написал Вентворт, напомните, что по условиям последнего договора «Марш и сыновья» имеют право на первое издание. Я не позволю никому другому ее печатать. Договор у вас с собой?

— В моей куртке.

— Пусть обязательно поставит свою подпись.

— Он захочет поговорить с агентом.

— Вы сказали мне, что его агент мертв. Да и зачем ему агент? Мы дадим ему все. Чего он попросит. В разумных пределах. — В трубке затрещало. — Вам придется постараться, чтобы доказать свое право на место в нашей команде. — Треск усилился. — Не разочаруйте... звоните... как только...

Вдохновленный подобной мотивацией, я отправился обыскивать южный сектор и не сдавался до наступления темноты. В городе я заправил бензобак, чтобы сразу же с утра продолжить поиск. И зашагал по главной улице, видя на многих домах знаки «Продается». Финансовые проблемы натолкнули меня на мысль.

Окна «Недвижимости Типтона» еще светились. Я постучал.

— Входите, — сказал женский голос.

Я вошел и не мог не заметить свое потрепанное отражение в зеркале на двери.

И снова заскрипел пол.

— Трудный день? — спросила женщина за столом.

Ей было около тридцати пяти. Пышные рыжие волосы ниже плеч. И зеленые глаза, от которых было сложно отвести взгляд.

— Я видел много чудесных домов.

— Вы нашли его?

— Нашел?

— Боба Вентворта. Все в городе знают, что вы его ищете.

Я опустил взгляд.

— Кажется, шпиона из меня не выйдет. Нет, я его не нашел.

Я протянул ей ладонь.

— Том Нил.

Она ответила на рукопожатие.

— Бекки Шейфер.

— Никак не привыкну к тому, что здесь его называют Боб. Вы тоже, наверное, с ним знакомы.

— Не так хорошо, как другие жители Типтона. Я здесь новенькая.

— О?

— Да, я приехала всего двенадцать лет назад.

Я засмеялся.

— С моим парнем-актером. Мы любили тишину и природу. Решили здесь остаться. Парня давно уже нет, а я до сих пор здесь новенькая.

— Жаль, что так вышло с парнем. — Я заметил, что она не носит обручального кольца.

— Не стоит жалеть. Он оказался свиньей.

— Это бывает. — Я подумал о своем начальнике.

Она посмотрела на меня так, словно то же самое относилось и ко мне.

— У меня действительно важная причина искать встречи с ним.

После того как я рассказал ей о рукописи, она ненадолго задумалась.

— Но зачем использовать псевдоним?

— Об этом я тоже хотел бы его спросить. — Вспомнив количество выставленных на продажу домов, я решил предложить ей свою идею: — По словам старожилов, было время, когда многие фанаты хотели с ним поговорить. Представьте себе эффект от новой книги. Начнется обсуждение в прессе. Скрытые требования. В этот город снова потекут туристы и поклонники. Все будет как тридцать лет назад.

Я замолчал, позволив ей оценить перспективу.

Бекки несколько минут размышляла. Потом вскинула на меня острый взгляд.

— Итак, мне достаточно просто сказать вам, где живет Боб, и на следующий год у меня будет большее количество дел, чем то, с которым я смогу справиться?

— В принципе, да.

— Боже, а я и не понимала, что уже так поздно. — Она топорливо выудила из сумочки ключи от машины. — Простите, мне нужно домой.

Потрепанная временем «Типтон Таверн» была, если верить словам Вэйда, тем местом, где Вентворт иногда смотрел бейсбольные матчи. Сегодня как раз передавали бейсбол, но главным зрелищем был я — местные патроны сидели с пивом и не сводили с меня глаз. Насколько я помнил Вентворта по фотографиям, его в этой комнате не было.

Я отправился обратно в мотель, но скоро услышал, что за мной кто-то идет. Вздвогнув от холодного ветра, я обернулся на темную улицу. Шаги стихли. Я снова зашагал и услышал тихие шаги преследователя. Манхэттенские инстинкты взяли свое. Быстро, но не бегом я прошел мимо своей машины в мотель. И чуть не выронил ключ от номера из заледеневших дрожащих рук.

В ту ночь под окном моей комнаты раздался звук бьющегося стекла. Я позвонил на рецепцию, но никто не ответил. Утром, так и не выспавшись, я спустился вниз и увидел, что в моей машине кто-то разбил окно со стороны водителя. Камень лежал на сиденье. Магнитола отсутствовала.

Удивленная служащая за стойкой сказала мне:

— Городской констебль у нас владеет парикмахерской.

Парикмахерская была еще закрыта. Не открылась она и к тому времени, как я выпил чашку кофе в буфете Мег. Я не хотел попусту терять время, потому смел с сиденья осколки стекла и отправился к холмам на востоке от города. После долгих упорных поисков я не нашел ничего похожего на особняк Вентворта.

Вернулся я к полудню. И парикмахерская оказалась открыта. Оттуда сильно пахло лосьоном после бритья.

— Да, недавно у нас началось подобное. — Крепко сбитый парикмахер подстригал тонкие волосы пожилого мужчины. — Велосипеды крали. Даже в коттедж залезли.

Я присмотрелся к его клиенту и решил, что это не Вентворт.

— Город меняется. Появляются разные чужаки, — продолжал парикмахер.

Я вспомнил двух наркоманов, которых видел вчера на улице.

— И что вы собираетесь с этим делать?

— Свяжусь с полицией штата. Надеюсь, проблемы у нас закончатся, как только похолодает.

— Пожалуйста, не забудьте упомянуть в рапорте о моей магнитоле. Агентство проката машин свяжется с вами. — В надежде застать его врасплох я добавил: — Где живет Боб Вентворт?

Парикмахер чуть было не ответил, но в последний миг спохватился.

— Не могу вам сказать.

Но, как плохой игрок в покер, он не удержался и скосил глаза на правую сторону улицы.

— Все равно спасибо.

Я пошел налево, чтобы избежать подозрений. Обошел квартал и вышел на главную улицу так, чтобы меня не заметили из парикмахерской. Как только я оказался у главной дороги, у меня снова появилось ощущение, что за мной следят, но, обернувшись, я никого не увидел.

Все больше людей появлялось на улице, и все больше людей были одеты как туристы: приближался уик-энд, и городок оживал для привычного бизнеса. Но местные обращали внимание только на меня. Пытаясь выглядеть как можно безобиднее, я отправился в магазин стеганых одеял, потом пошел дальше. Вентворт жил вовсе не за окраиной, понял я с нарастающим волнением. Он жил в городе. Все боковые улочки я уже проверил. Я ведь ездил по ним, когда отправлялся исследовать север, запад, юг и восток. Где же он прячется?

А потом я увидел. Слева от меня ворота закрывали улицу между пустым магазином и кондитерской. Эти ворота были того же белого цвета, что и прилегающие дома. Они настолько сливались со стенами, что я не замечал их, хотя не раз проходил рядом. Перекрытая улица тянулась за домами к самому краю города.

Я дошел до конца улицы. В кленовом парке под ногами зашуршали невероятно красивые листья, и я шагал вдоль ручья, пока не оказался у высокого забора.

Зазвонил мой мобильный.

— Надеюсь, вы его нашли, — сказал недовольный голос.

— Я делаю успехи.

— Мне мало просто успехов. Руководство Глэдстона звонит мне напомнить, что после моего доклада в понедельник они ждут лучших показателей прибыли. Я намекнул, что у меня важные новости. Не подведите. Достаньте мне Вентворта или не возвращайтесь.

Еще одни ворота загородили улицу. Они были высотой мне по плечи, но я смог перебраться, оторвав только пуговицу от спортивной куртки.

Солнце просвечивало сквозь ветви деревьев. Слева от меня были задние дворы домов. А вот справа тянулся забор. Закаркал ворон. Шурша листьями, я подошел к калитке, которая сливалась с забором. Знак предупреждал: «Агентам вход воспрещен» И почтовый ящик был вмонтирован в забор.

Когда я постучал, ворон прекратил каркать. Дверь задрожала. Я постучал еще раз, уже громче. Стук эхом разнесся по улице. Я постучал в третий раз.

— Мистер Вентворт?

Падали листья.

— Мистер Вентворт! Меня зовут Том Нил. Из издательства «Марш и сыновья». Мне нужно поговорить с вами о рукописи, которую вы прислали

Холодный ветер дунул мне в лицо.

Я постучал еще раз, сбивая костяшки пальцев.

— Мистер Вентворт?

Потом я вытащил блокнот и ручку. Вначале я хотел написать о смерти Карвера, но такой способ сообщить об этом Вентворту показался мне слишком грубым. Я просто написал название мотеля и свой телефонный номер. И тут вспомнил, что у самого Вентворта телефона нет. Иногда он выходит из дома и тогда может воспользоваться телефоном в городе, решил я Или просто прийти в мотель.

— Я оставлю записку под калиткой!

Вернувшись в парк, я сел на скамью и попытался насладиться видом, но ветер стал холоднее. Час спустя я снова перебрался через забор и вернулся к калитке Вентворта. Уголок моей записки так и торчал под ней.

— Мистер Вентворт, *пожалуйста*, мне нужно с вами поговорить! Это важно!

Возможно, он отправился в лес погулять, решил я. Или его вообще нет в городе. Черт, да он просто может лежать в больнице.

— Вы нашли его?

В таверне я поднял глаза от бокала с пивом.

— Нет. — По большому счету это не было ложью.

Бекки Шейфер остановилась рядом со мной у бара. Ее зеленые глаза завораживали меня так же, как прошлым вечером.

— Я видела, как вы сюда зашли, — сказала она.

— Как и все остальные в городе.

— Я думала о нашем вчерашнем разговоре. И пришла извиниться за грубость.

— Эй, я же из Нью-Йорка, помните? Со мной невозможно быть грубым. И я не могу винить вас за то, что вы пытаетесь защитить того, кто здесь живет.

— Можно мне сесть?

— Я буду рад компании. Можно купить вам пива?

— Виски и диетическую колу.

— Виски? — Я притворно вздрогнул. — Обожаю честных выпивох.

Она рассмеялась, когда бармен принял мой заказ.

— Может, городу *действительно* будет лучше, если Боб опубликует новую работу. Кто знает? Я просто не люблю, когда мной пытаются манипулировать.

— Я так привык, что все манипулируют всеми, что просто не замечаю.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Когда я начал работать в издательстве, меня волновало одно: как помочь автору написать хорошую книгу. А теперь конгломерат проглотил всех одиночных издателей. Они считают книгу товаром широкого потребления, таким же, как стиральный порошок. Если автор не продается тиражом в четверть миллиона копий, главный офис плевать хотел на такого автора. И редактор, который не находит им очередные блокбастеры, считается просто мусором. Каждое утро я иду в «Марш и сыновья» и думаю, есть ли у меня

еще должность. Как там писал Джозеф Хеллер? «У меня поджилки трясутся при виде закрытой двери». Чертовски верно.

— Я знаю, о чем вы. — Бекки отпила из бокала. — Я же адвокат.

Она кивнула в ответ на мой удивленный взгляд.

— Да. Гарвардская юридическая школа.

— Я впечатлен.

— Меня наняла адвокатская контора в Бостоне. Но я не вынесла того, как начальство натравливало нас друг на друга, чтобы посмотреть, кто принесет больше денег. Вот почему я живу здесь. Я мало зарабатываю, зато каждое утро просыпаюсь с радостью.

— Мало кто может сказать подобное.

— Оставайтесь здесь подольше. Возможно, и вы когда-нибудь сможете так сказать.

Возвращаясь в мотель пешком, я снова слышал шаги. Как и прошлой ночью, шаги затихали, когда я поворачивался к тени. И возобновлялись, когда я начинал шагать. Вспомнив разбитое окно машины, я пошел быстрее. Зазвонил мобильный, но мне некогда было отвечать. Только в номере, закрыв за собой дверь, я прослушал сообщение, в надежде, что оно от Вентворта.

Но голос принадлежал моему начальнику. «Слишком долго возитесь».

— Мистер Вентворт? — В девять часов следующего утра, под пронизывающим ветром, я снова стучал в его калитку. — Мне действительно очень нужно поговорить с вами о вашей рукописи! И о Сэме Карвере! Мне нужно поговорить с вами о *нем*!

Я уставился себе под ноги. Уголок записки по-прежнему виднелся под калиткой. Я вспомнил вчерашнюю мысль. Возможно, его нет дома. Или... эта мысль была ярче... возможно, он *дома*. И болен. Слишком болен, чтобы подойти к калитке.

— Мистер Вентворт? — Я начал колотить изо всех сил. — Вы в порядке? — Я нажал на ручку, но она не повернулась. — Мистер Вентворт, вы меня слышите? Что-то случилось? *Вам нужна помощь?*

Возможно, был и другой путь к дому. Ежась от сильного ветра, я вернулся той же дорогой и снова выбрался в парк. Прошел вдоль ограды до угла, потом дальше, спотыкаясь в густом переплетении деревьев и подлеска.

Да, другой путь действительно был. Спрятанная за кустарником калитка задрожала, когда я начал стучать по ней.

— Мистер Вентворт?

Я оттолкнул ветви и взялся за ручку, но и она не поддавалась. Я налег на калитку плечом, однако она держалась крепко. Рядом с забором росло дерево. Я схватился за нижнюю ветку и подтянулся. Следующие ветки послужили мне ступенями. Преодолевая ветер, я оседлал забор, перегнулся и упал по другую его сторону в кипу мягких листьев.

И сразу же ощутил разницу. Ветер прекратился. Звуки тоже стихли. Сам воздух казался спокойным, словно закрытым со всех сторон на этой территории. Буфером от ветра. Наверняка такой эффект на самом деле создавала ограда. Или мне показалось, потому что я пробрался на запретную территорию. Насколько я знал, сюда мало кому удавалось проникнуть. И теперь я был одним из избранных. Хотя дыхание у меня участилось, я чувствовал спокойствие этого места.

Яблоки свисали с веток и лежали на земле среди листьев. Несколько ягод малины еще виднелись в кустарнике. На огороде я заметил пожелтевшие стебли помидоров. Тыквы, обычные и желудевые, гнездились среди пожухлых лоз. Все так же окутанный здешним спокойствием, я зашагал по тропинке между кустами роз. Впереди виднелась беседка, коттедж и небольшой дом из белого плитняка.

— Мистер Вентворт?

Когда я обошел беседку и направился в сторону коттеджа, я услышал щелчок замка, и дверь со скрипом отворилась. Вышел мужчина. Одет он был в джинсы и свитер, на ногах кроссовки. Он был худощавым, подтянутым, с легкой сединой в волосах. И у него были пронзительные темные глаза.

Но заметил я только пистолет у него в руке.

— Подождите!

Я вскинул руки вверх, размышляя. Господи, он так давно жил один, что сошел с ума. Он же меня пристрелит.

— Идите к передней калитке.

— Это не то, что вы думаете. — Меня трясло. — Я думал, вы заболели. И пришел посмотреть, не нужна ли вам помощь.

— Идите вперед.

— Меня зовут Том Нил. Я стучал в калитку.

— *Быстрее.*

— Я оставил записку. Я редактор в «Марш и сыновья». Прочту вас, — выпалил я, — мне нужно поговорить с вами о рукописи, которую вы нам послали. Она была адресована Сэму Карверу. Он мертв. Мне передали его обязанности. Вот почему...

— Стойте, — сказал он.

Даже воздух, казалось, застыл по его команде. Воронье карканье, беличий стрекот, шелест листьев — все прекратилось.

— Сэм умер? — Мужчина нахмурился, словно я сказал что-то невероятное.

— Неделью назад, в понедельник.

Он медленно опустил пистолет. У него были чувственные черты лица Вентворта и такие же пронизательные глаза. Но Вентворту было уже за семьдесят, а этот человек выглядел на двадцать лет моложе, и щеки у него не запали.

— Кто вы? — спросил я.

Он изумленно потер лоб.

— Что? Кто... Да никто. Сын Боба. Его нет в городе. Я приглаываю пока за его домом.

Сын Боба? Но это было невозможно. Ребенок должен был родиться, когда Вентворту было около двадцати, до того, как он женился, до того, как издали «Замок из песка». А после выхода книги всплеск интереса к Вентворту был настолько велик, что скрыть от журналистов внебрачного сына было бы просто нереально.

Он продолжал потрясенно смотреть на меня.

— Что случилось с Сэмом?

Я рассказал о новом руководстве фирмы и о том, как Карвер узнал об увольнении.

— То, как вы говорите об автобусе... Вы предполагаете?..

— Не думаю, что Сэму было ради чего жить. То, с каким выражением лица он вышел из офиса...

Мой собеседник словно рассматривал что-то далекое.

— Слишком поздно.

— Что?

Он печально покачал головой.

— Калитка захлопнется сама. Уходите.

И, развернувшись, он захромал в сторону коттеджа.

— Вы не сын Вентворта.

Он остановился.

— Вы хромаете после аварии. Вы Р. Дж. Вентворт. Вы выглядите на двадцать лет моложе. Не знаю, как такое возможно, но это именно вы.

Я никогда не встречал такого пронизательного взгляда.

— Сэм был вашим другом?

— Я восхищался им.

Его темные глаза смотрели прямо мне в душу.

— Ждите здесь.

Когда он, хромая, вышел из дома, в его руках был поднос с чайником и двумя чашками. И выглядел он так неуклюже, что я не мог не помочь.

Мы сели в беседке. Воздух стал еще более тихим и чистым. Мое восприятие реальности плыло рядом с Р. Дж. Вентвортом. Неужели я действительно говорю с ним?

— Как вам удастся выглядеть на двадцать лет моложе?

Он смотрел на пар, который поднимался над чашкой.

— С Сэмом Карвером я познакомился в пятьдесят восьмом, после того как он нашел «Замок из песка» в гуще невошедших рукописей. В то время я был учителем старшей школы в Коннектикуте. И моя жена преподавала там же. Я ничего не знал об агентах и о том, как работает издательство. Я знал только то, что касалось детей, и как печально смотреть, как они вырастают. К тому времени двадцать издательств отказались публиковать «Замок из песка». Если бы Сэм не нашел рукопись, я так и остался бы учителем, и в долгосрочной перспективе это могло быть благом и для меня, и уж точно для моей семьи. Сэм

это понимал. После аварии он сожалел, что «Замок из песка» получил такую известность.

Он поднял чашку.

— За Сэма.

— За Сэма. — Я глотнул чаю и ощутил вкус корицы и гвоздики.

— Сэм и его жена навещали меня каждое лето. Он был настоящим другом. Единственным моим другом. Однако после смерти жены он ни разу ко мне не приехал.

— Вы послали ему «Снежную архитектуру»?

Вентворт кивнул.

— Сэм написал мне письмо, в котором объяснил, что происходит с «Маршем и сыновьями». Вы описывали его ошеломленное выражение лица. Возможно, и так, но он точно не был удивлен. Он знал, что все к тому идет. И я отправил ему рукопись, чтобы он мог притвориться, словно нашел нового автора, и это дало бы ему еще несколько лет в компании.

— Но почему вы не подписались настоящим именем?

— Потому что я хотел, чтобы рукопись воспринимали как самостоятельное произведение. Я не хотел, чтобы ее печатали по причине загадочности, которую нагнали после моего исчезновения. Смерть моей жены и двоих сыновей стала причиной этой загадочности. Я бы не вынес, если бы это использовали в качестве рекламы.

— Рукопись великолепна.

Он помедлил.

— Спасибо.

Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил так робко.

— И все эти годы вы писали?

— Все эти годы.

Он сделал глоток чая. Задумчиво помолчал, а потом поднялся и жестом пригласил меня за собой. Мы вышли из беседки. Вентворт, хромая, провел меня к небольшому домику у коттеджа. Открыл замок и пригласил меня внутрь.

В свой рабочий кабинет. На миг у меня зачастил пульс. А потом спокойствие этой комнаты обернуло меня своим покрывалом. Здесь было спокойно, как в храме. Я заметил камин, стол, стул и старую печатную машинку.

— У меня еще пять таких моделей, на случай если понадобятся детали, — сказал Вентворт.

Я представил себе, как звякает каретка, когда Вентворт доходит до конца очередной строки. Стопка бумаги лежала рядом с машинкой, возле упаковки копировальной бумаги. Над столом было расположено окно, сквозь которое падал свет.

А перед столом? Я подошел к полкам, на которых были разложены рукописи. Я сосчитал их. *Двадцать одна*. От такого количества мурашки шли по коже.

— Все эти годы, — повторил я.

— Писательство может быть формой медитации.

— И вы никогда не хотели ничего из этого издать?

— Чтобы удовлетворить свое эго, которое я так давно стремлюсь уничтожить? Нет.

— Но разве непрочитанная книга не эквивалент хлопка одной ладонью?

Он пожал плечами.

— Это означало бы возвращение к миру.

— Но вы послали рукопись Сэму.

— Как Питер Томас. В качестве услуги другу. Но я сомневался, что это помогло бы. В последнем своем письме Сэм говорил, что изменения в издательском деле слишком мрачны, чтобы их описывать.

— Это правда. Раньше издатель читал рукопись и покупал, если она ему нравилась. А теперь рукопись отправляется в отдел маркетинга. Отдел маркетинга показывает книгу распространителям и спрашивает: «Если мы это издадим, сколько штук вы сможете у нас заказать?» Если цифра их не устраивает, у книги нет ни единого шанса.

Вентворт был в шоке.

— И как же тогда издать книгу с оригинальной точкой зрения? Ведь через некоторое время все станет одинаковым. Напряжение на вашем лице... Теперь я понимаю. Вы ненавидите этот бизнес.

— То, каким он стал.

— Так почему вы не уйдете?

— Потому что я еще помню, как радовался, когда узнавал, что очередная отличная книга нашла своих читателей. И я наде-

юсь, что корпорации рано или поздно поймут, что книги — это не картофельные чипсы.

Внимательные глаза Вентворта были поразительно ясными. Я вдруг устыдился, словно он заглянул мне в душу и увидел мое отчаяние.

— Сегодня приятный день, — сказал он. — Почему бы нам не вернуться в беседку? У меня есть несколько дел на сегодня. Но вы, возможно, могли бы скоротать время с одной из этих рукописей. Я хотел бы узнать ваше мнение.

Я так удивился, что даже не сразу ответил.

— Вы серьезно?

— Мне бы хотелось, чтоб вы оценили ее с точки зрения редактора.

— В этом вам меньше всего нужна моя помощь. — Я не мог поверить в свою удачу. — Но я с удовольствием прочитаю ваше произведение.

Дела, которые ждали Вентворта, оказались сгребанием опавших листьев в компостную кучу и подготовкой сада к зиме. Я сидел в беседке, окруженный спокойно звенящим осенним воздухом, и вспоминал своего отца, наблюдая за писателем. Под приглушенные звуки ворон, белок и листьев я допил чай, налил себе еще одну чашку и начал читать рукопись под названием «Множество свидетелей».

В трущобах Бостона пятилетний мальчик по имени Эдди живет со своей матерью, которая редко бывает дома. Сложность в том, что она уходила в бары, где продавала себя за алкоголь. Эдди запрядалось покидать замусоренную квартиру (хуже того, порой в коридоре крутились драг-дилеры и извращенцы), и друзей у мальчика не было. Телевизор был сломан. Он починил радио методом проб и ошибок и нашел станцию, которая днем отвечала на звонки слушателей. Эта передача называлась «Лучший ответ от Джейка», и вел ее комедийный актер Джейк Бартон. Джейк в основном говорил о ежедневных новостях, и, хотя Эдди большей частью не понимал, к чему относятся шутки, ему просто нравился голос ведущего. Джейк смешил Эдди.

Я переворачивал страницы, и звуки птиц, белок и листьев казались все тише. Грабли Вентворта скребли по земле где-то

очень, очень далеко. Поле зрения сузилось, и вскоре я не воспринимал ничего, кроме текста на странице перед собой. Эдди каждый день ждал передачи Джейка и каждый раз смеялся над его шутками, Эдди жалел, что Джейк не его отец...

Рука, опустившаяся мне на плечо, была почти неосятима.

— Том, — прошептал голос.

— А?

— Том, проснитесь.

Я заморгал. Вентворт стоял передо мной. Мне сложно было его рассмотреть, потому что вокруг было темно. Я лежал на спине на скамейке. И рывком поднялся.

— Господи, я заснул.

— Определенно, — весело сказал Вентворт.

Я оглянулся. Было темно.

— Весь день?! Я проспал весь день? Простите.

— За что?

— Ну, я вломился к вам, а вы были так любезны, что позволили мне прочитать рукопись, а потом я заснул, и...

— Вам требовался отдых. Иначе вы не задремали бы.

— Задремал? Я уже много лет не спал так крепко. Но это не имеет никакого отношения... Ваша книга прекрасна. Она берет за душу, ее больно читать, и все же в ней есть юмор, и... Я дочитал до того, как Джейк заявил, что увольняется с радиостанции, и Эдди не может смириться с потерей единственной радости в жизни.

— У вас еще много времени. Дочитаете после еды.

— Еды?

— Я приготовил суп и салат.

— Но я не хочу навязываться.

— Я настаиваю.

Не считая плиты и холодильника, кухня выглядела так, словно ничуть не изменилась за последние двести лет. Пол, шкафы, стены — все было из дерева с золотистым оттенком, отчего я сразу подумал о кленах. Стол и стулья были темными, возможно из дуба, потертые от длительного использования. В камине потрескивали поленья.

Я почувствовал запах свежего хлеба и впервые за долгое время ощутил голод. Суп был овощным, и я дважды просил добавки, а потом налег на салат, и это не считая половины ковриги хлеба.

— Картофель, томаты, лук и морковь, все в этом супе было выращено на моем огороде, — сказал Вентворт. — Здесь очень короткий посевной период. Приходится быть запасливым. К примеру, латук я выращиваю в теплице, чтобы собирать урожай даже зимой.

Свежий вкус был сильным и согревал изнутри. Как оказалось, во мне еще оставалось место для двух кусков яблочного пирога, тоже домашнего, с яблоками из сада Вентворта, и чая. Двух чашек чая.

Помогая ему мыть посуду, я зевнул. И тут же смутился, прикрыв рот.

— Простите.

— Не за что. Вполне естественная сонливость после еды. Так происходит со всеми млекопитающими. Они едят, а потом спят.

— Но я проспал весь день.

— Это признак того, как сильно вы нуждаетесь в отдыхе. Ложитесь на диван в гостиной. И читайте дальше.

— Но мне нужно вернуться в свой номер в мотеле.

— Глупости. — Хромая, Вентворт проводил меня в гостиную. Мебель напомнила мне ту, что давным-давно я видел в доме у бабушки. Диван был накрыт одеялом.

— А я вас не стесню?

— Мне хочется услышать ваш отзыв о рукописи. Я не отпускаю вас с ней в мотель, так что, если хотите дочитать, придется остаться здесь.

Я подавил зевок и почувствовал себя таким уставшим, что мог бы уснуть и в мотеле. До сих пор мне мешала тревога из-за тех, кто меня преследовал.

— Благодарю вас.

— Я рад вашему обществу.

Вентворт принес мне остаток рукописи, и снова я удивился тому, что нахожусь в его компании.

Камин меня согрел. На диване я подложил подушку под спину и снова погрузился в историю. Джейка уволили с радиостанции.

Он заявил, что проведет еще две программы, а затем уедет из Бостона вести ток-шоу в Цинцинатти. Грядущая потеря шокировала Эдди. Мать не появлялась дома уже два дня. Из еды у него были только арахисовое масло и крекеры. Эдди сложил их в наволочку. Добавил туда перемену одежды, потом подошел к двери и прислушался. Он услышал шаги. Кто-то выругался. А потом звуки стали удаляться, и Эдди сделал запретное — отпер замок и открыл дверь. Лампочки были разбиты почти везде, и коридор тонул в тени. Мусор скопился в углах. От вони мочи и кабачков Эдди затошнило. Тени сгущались, но звуки стали почти неразличимы вдали, совсем как здесь, в реальности, стихал далекий треск камина и — еще дальше — стрекот печатной машинки.

Рука, опустившаяся мне на плечо, снова была почти неощутима. Я распахнул глаза, и снова передо мной оказался Вентворт, на этот раз вполне различимый в ярком свете.

— Доброе утро, — улыбнулся он.

— Утро?

— На часах одиннадцать.

— Я проспал тринадцать часов? — Я был в шоке.

— Вы устали больше, чем я представлял. Хотите завтракать?

В животе у меня заурчало. А ведь я уже забыл, когда в последний раз мог с утра испытывать голод.

— Еще как! Только мне нужно пару минут на...

— В ванной комнате есть запасная бритва и зубная щетка.

Я умылся и с удивлением уставился на свое отражение в зеркале. Щеки больше не были ввалившимися. Морщины на лбу и вокруг глаз стали менее четкими. И сами глаза стали ярче, а кожа приобрела здоровый оттенок.

За кухонным столом я позавтракал салатом, который готовил Вентворт, — апельсин, банан, груша и яблоко (последние два ингредиента из собственного сада — напомнил он мне). Я съел три порции. А потом, как всегда, был чай.

— Он с лекарством? Это из-за чая я столько сплю?

Вентворт едва заметно улыбнулся.

— Мы оба пьем из одного чайника. Разве я не был бы тоже сонным?

Я присматривался к нему так же внимательно, как он ко мне. Несмотря на возраст, щеки у него были румяными. Глаза — яркими. И волосы едва тронуты сединой.

— Вам семьдесят восемь, верно?

— Верно.

— Но выглядите вы на двадцать лет младше. Я не понимаю.

— Мне кажется, понимаете.

Я оглянулся на старую кухню. Посмотрел на деревья и кустарники за окном. Солнце сияло на листьях.

— Дело в месте?

— Такой же огороженный участок в любой другой области произвел бы тот же эффект. Но — да, дело в месте. Я много лет стремился к природному ритму. Теперь я живу с землей. Я слился с циклами солнца, луны, времен года. Отдался природе и через некоторое время стал замечать изменения в своей внешности. Точнее, *отсутствие* изменений. Я не старел так быстро, как считал положенным. И начал наслаждаться тем, что каждое утро просыпаюсь и меня ждет маленькая личная вселенная со своими чудесами.

— Как-то это не вяжется с вашим пистолетом.

— Пистолет я привез еще в самом начале, когда переехал сюда. Потеря семьи... Каждое утро начиналось борьбой с желанием застрелиться.

Я смущенно отвел взгляд.

— Но дни сменялись днями. Я смог пересилить это желание. Снова и снова перечитывал Торо, пытаясь избавиться от оглушительного отчаяния. И работал на своих двух акрах. Торо и эта земля спасли меня. Я начал чувствовать мою семью через цветы, деревья, и... Ничто и никто не умирает. Просто трансформируется. Я знаю, о чем вы думаете: что я нашел сентиментальный способ компенсировать потерю. Возможно, и так. Но сравните свою жизнь с моей. Когда вы приехали сюда и проникли на мою территорию, у вас был такой отчаянный вид, что я испугался впервые за много лет. Ваши грязные ботинки. Оторванная пуговица на куртке. Грязь на штанах. Я знал, что у нас начали вламываться в дома. Я достал пистолет из ящика. И надеялся, что он не понадобится мне для самозащиты.

От стыда у меня заалели щеки.

— Мне, наверное, лучше уйти.

— Но потом я понял, что вы действительно в отчаянии, но не от алчности, а потому, что совершенно несчастливы. И я пригласил вас остаться — в надежде, что это место спасет *вас*.

Как обычно с Вентвортом, я просто не знал, что сказать. Потом наконец выдавил:

— Спасибо.

И вспомнил, как он смутился, когда я похвалил его «Снежную архитектуру».

— У меня есть комбинезон, который может оказаться вам впроку. Не хотите ли помочь мне в саду?

Это был один из самых лучших дней моей жизни. Мы сгребали листья, подрезали погибшие от заморозков цветы, складывали их в корзину для компоста. Собирали урожай кабачков и яблок. Сравнить с этим днем я могу только тот последний день, проведенный с отцом: такой же теплый осенний полдень, когда мы убрали листву. Но тогда мой отец схватился за сердце и умер.

Я вздрогнул от внезапного звука: мой мобильный. Я посмотрел на определитель номера. Наконец звонки прекратились.

Вентворт вопросительно взглянул на меня.

— Мой начальник, — сказал я.

— Вы не хотите с ним говорить?

— В понедельник у него встреча с директорами компании. Он получил приказ выжать максимум прибыли. И он хочет добавить в наш план вашу «Снежную архитектуру».

Вентворт посмотрел на падающие листья.

— А это вам чем-то поможет?

— Мне велели не возвращаться без подписанного вами контракта.

Вентворт прищурился, словно я только что удачно пошутил.

— Это объясняет решимость, с которой вы прыгали через забор.

— Я действительно о вас беспокоился.

— Конечно. — Он снова смотрел на листья. — В понедельник?

— Да.

— И вы опять потеряете сон.

— Кто-то должен с ними бороться.

— Иногда нужно спасать сначала себя, а потом уже думать о других. Вы не хотите помочь мне с дровами?

На ужин были остатки супа, хлеб и яблочный пирог. Такие же свежие и вкусные, как вчера. И снова мне захотелось спать, но на этот раз от непривычной физической усталости. Кожа свети-лась от солнца и ветра.

Я допил свой чай и зевнул.

— Мне лучше вернуться в мотель.

— Нет. Ложитесь на диване. И дочитайте мою книгу.

Трещали поленья в камине. Я взялся за рукопись, и мне сно-ва почудился дальний стрекот печатной машинки.

Эдди храбро прошел сквозь кишасший крысами и опасностями многоквартирный дом. Ему понадобилась вся его сообразитель-ность, чтобы не попасться наркоманам и извращенцам. Снару-жи, на темной улице под дождем, его ждали еще большие опас-ности. Каждая тень таила угрозу. И в то же время читатель узнавал о Джейке, который вне эфира был крайне неприятным человеком. Владелец радиостанции был рад избавиться от Джей-ка, который во время программы оскорбил одного из спонсоров. Повествование переходило от проблем Джейка (неудачный брак и страсть к азартным играм) к попыткам Эдди найти его.

На этот раз Вентворт ко мне не прикасался. Я ощутил его при-сутствие и сам открыл глаза навстречу прекрасному утру.

— Вам хорошо спалось?

— Очень. Вот только, боюсь, я не закончил...

— В следующий раз, — сказал Вентворт.

— В следующий раз?

— Когда вернетесь, сможете дочитать.

— А вы бы хотели, чтобы я вернулся?

Вместо ответа Вентворт сказал:

— Я много думал над вашей проблемой. И прежде чем дать ответ, я хочу, чтобы *вы* сказали *мне*, что думаете о той части мо-ей рукописи, которую прочитали.

— Она мне понравилась.

— И? Если бы я был вашим автором, что бы вы сказали мне — как издатель? Что бы вы изменили?

— Предложения составлены идеально. Учитывая ваш стиль, сложно что-то менять без того, чтобы зацепить все дальнейшее повествование.

— Вы подразумеваете, что некоторые места *выиграли* бы от изменений?

— От нескольких сокращений.

— Нескольких? Ну что за скромность? Или вас ошеломил талант великого писателя? Знаете, как мы работали с Сэмом в качестве автора и редактора? Мы бились над каждой страницей. Он не успокаивался, пока я не обосновывал каждое слово в каждом предложении. Некоторые авторы не стали бы с подобным мириться. Но мне нравился этот опыт. Он бросал мне вызов. Заставлял стараться и расти, копать глубже. Если бы *вы* были моим редактором, что бы вы мне сказали?

— Вы правда хотите услышать ответ? — Я вздохнул. — Я ответил вам честно. Это отличная книга. Она глубокая, драматичная, в нужных местах забавная, и... она мне очень нравится.

— Но...

— Мальчик из «Снежной архитектуры» пробивается через буран, чтобы спасти отца. Эдди в *этой* книге выбирается из тупика, чтобы найти отца. Вы играете с вариантами одной и той же темы. Важной темы, не спору. Но той же, что была в «Замке из песка».

— Продолжайте.

— Возможно, именно это использовали против вас критики последней книги. Потому что она *тоже* была вариацией на тему «Замка из песка».

— Бывают писатели одной темы.

— Возможно, это правда. Но будь я вашим редактором, я посоветовал бы вам понять, в чем дело.

Вентворт смотрел на меня все теми же ясными, пронизательными глазами.

— Мой отец растлил меня, когда мне было восемь лет.

Я дернулся, как от удара.

— Мать узнала и развелась с ним. Мы переехали в другой город. Я больше никогда не видел отца. Она больше не вышла замуж. Отцы и сыновья. Мощная потребность в отце, пока мальчик растет. Вот почему я стал учителем в школе: чтобы стать суррогатным отцом тем мальчишкам, которым он был нужен. И вот почему я стал писателем: чтобы понять эту пустоту в себе. Я солгал вам. Я сказал, что услышал ваше приближение, увидел ваше отчаянное лицо и вынул пистолет из ящика, чтобы защитить себя. На самом деле пистолет был у меня в руке. Пятница. День, когда вы перебрались через ограду. Вы знаете, какое было число?

— Нет.

— Пятнадцатое октября.

— Пятнадцатое октября? — Дата звучала знакомо. А потом я понял. — О... день, когда в аварии погибла ваша семья.

Вентворт впервые начал выглядеть на свои годы, щеки покрылись морщинами, глаза поблекли.

— Я обманывал себя и во всем винил свою работу. Я заставлял себя думать, что, если бы я не продал «Предсказателя» Голливуду, нам не пришлось бы ехать в Нью-Йорк смотреть этот проклятый фильм. Но не фильм убил мою семью. Не фильм был за рулем машины, которая перевернулась.

— Тогда изменилась погода. Это был несчастный случай.

— Так я себе и говорил. Но каждый раз, когда я пишу книгу об отце и сыне, я думаю о двух мальчишках в искореженной груде металла. Каждый год мне становится немного легче... Но только не на годовщину. Даже спустя столько лет...

— Пистолет был у вас в руке?

— А дуло во рту. Я спас *вас*, потому что вы спасли *меня*. Я подпишу ваш договор на «Снежную архитектуру».

Долгий путь до Манхэттена я проделал, заново привыкая к постоянной давящей гонке. К себе домой я добрался до полуночи, но, как и предсказывал Вентворт, спал плохо.

— Отлично! — Босс похлопал меня по плечу, когда утром в понедельник я сообщил ему новости. — Потрясающе! Я этого не забуду!

После магии дома в осеннем саду офис вгонял в депрессию.

— Но у Вентворта три условия, — сказал я.

— Хорошо, хорошо. Дайте мне договор, который вы подписали.

— Он не подписал.

— *Что?* Но вы же только что...

— Договор составлен на имя Р. Дж. Вентворта. А он хочет *авторский* договор на имя Питера Томаса.

— Псевдоним?

— Это его первое условие. Второе: книга должна быть издана с именем Питера Томаса на обложке.

Начальник отдела маркетинга ахнул.

— Третье условие в том, что Вентворт не будет давать интервью.

Вот теперь начальник маркетинга покраснел, словно чем-то подавившись.

— Мы потеряем Опру, «Сегодня», журнальные обложки и...

— Никаких интервью? Тогда он бесполезен, — сказал директор. — Кто станет покупать книгу о ребенке в снежном буране, если автор ее — никто?

— Таковы его условия.

— А вы не могли его переубедить?

— Он хочет, чтобы книга говорила сама за себя. Он говорит, что частично его слава основана на гибели его семьи. И что он не будет наживаться на этом и не передумает.

— Бесполезно, — простонал начальник. — Как я скажу руководству Глэдстона? Что у нас не будет миллионных продаж? Я потеряю работу. *Вы* свою уже потеряли.

— Есть способ обойти условия Вентворта, — раздался голос.

Все посмотрели в направлении его источника, на человека, сидящего рядом со мной: моего помощника, одетого в привычную черную водолазку и черный пиджак спортивного кроя.

— Подпишите контракт с Питером Томасом, — продолжил он. — Гарантируйте ему, что книга будет издана под именем Питера Томаса и что не будет никаких интервью.

— Вы не слышали? Неизвестный автор. Без интервью. И ни всемирного заговора, ни серийных убийц в сюжете. Нам повезет, если мы продадим десяток экземпляров.

— Миллион. Вы получите миллион, — пообещал мой помощник.

— *Пожалуйста*, переходите к сути.

— Интернет обо всем позаботится. Как только книга будет готова к изданию, я запущу слухи в сотни чатов. На сайты его поклонников. Я предположу, что автором является Вентворт. Я проведу параллели между его ранними работами и этой. Буду говорить о таинственном появлении рукописи вскоре после смерти редактора. Упомяну редактора «Марша и сыновей», Роберта Нила, который провел уик-энд в доме писателя в октябре, что-то такое, чтобы можно было проверить мотель, где он останавливался. И сделаю все это таким сочным, что все купятся на слухи. Поверьте, Интернет растет на слухах. И они чертовски быстро выходят из-под контроля. То, что сегодня объявляют новостями, на самом деле строится на обрывках слухов, которые журналисты и комментаторы собирают в Интернете. Неделию спустя все будут знать, что Питер Томас — это Р. Дж. Вентворт. Люди захотят первыми купить эту книгу, чтобы посмотреть, во круг чего такой шум. Поверьте, вы продадите свой миллион.

Я был слишком ошеломлен, чтобы что-то сказать.

Другие тоже.

И вот наконец мой начальник заговорил:

— Мне нравится, как соображает этот парень.

На меня он покосился с презрением.

— Отвезите Вентворту новый контракт. Скажите, что все будет так, как он хочет.

И вот во вторник я отправился обратно в Типтон. Дорога была уже знакома, поэтому прибыл я в четыре часа дня, задолго до сумерек. Пару раз я даже превысил скорость, мне нужно было увидеть Вентворта и предупредить о том, как «Марш и сыновья» собирались предать его.

Дым я увидел еще на подъезде к городу. Главная улица оказалась пустой. Жуткое предчувствие вцепилось в меня у парка. Дым поднимался от дома Вентворта. Ограда была повалена. Рядом с домом стояла пожарная машина. Я побежал по сухой листве, увидел толпу испуганных горожан. Официантку из «Буфета у Мег», официанта из «Типтон Таверн», Джонатана Вэйда из

книжного магазина, парикмахера, который был городским констеблем, и Бекки. Я подбежал к ней.

— Что случилось?

Констебль повернулся от трех полицейских ко мне.

— Два чужака, которые тут бродили по городу... Они вломились к Бобу. Полицейские нашли свежие окурки с тыльной стороны забора. Рядом с закрытой калиткой росло дерево, довольно близко к забору, и ветки у него были почти как лестница.

У меня подогнулись колени, когда я понял, что он говорит о дереве, по которому я забирался на забор. Это я показал им путь. Меня затошнило. Это я научил их забираться в его дом.

— Кому-то из соседей показалось, что они услышали выстрел, — продолжал констебль. — Но сейчас сезон охоты, выстрелы не редкость, разве что не так близко к городу. А потом сосед заметил дым. Похоже, чужаки украли все, что могли, а потом подожгли дом, чтобы смерть Боба выглядела как несчастный случай.

— Смерть? — У меня буквально пропал голос.

— Пожарные из округа нашли его тело в угольях.

Мои ноги так задрожали, что я всерьез испугался падения. Потонул в поисках опоры. Плечо Бекки. Она меня поддержала.

— Полиция поймала тех двоих, которые это сделали, — сказал констебль.

Я хотел добраться до них и...

— Боб пришел ко мне после вашего отъезда в Нью-Йорк, — сказала Бекки. — Потому что, как вы знаете, ему требовался юрист.

— О чем вы говорите?

Бекки непонимающе на меня посмотрела.

— Разве вы не знали, что он изменил свое завещание?

— Его завещание?

— Он сказал, что вы как раз тот, кем, он надеялся, со временем станут его сыновья. Он сделал вас своим наследником, своим литературным управляющим, передал вам права на все. Его дом и участок теперь принадлежат вам.

Слезы покатались у меня по щекам. Я так же рыдал, когда час спустя пожарный отвел меня и Бекки туда, где нашли тело Вент-

ворта в сгоревшей кухне. Тело уже увезли, но очертания в угольях еще виднелись. Я смотрел на почерневшие остатки беседки. Потом отправился в его рабочий кабинет. Пожарный не подпустил меня близко к дому. Но даже с десяти метров я видел кусок искоженного металла, который когда-то был печатной машинкой. И хлопья пепла на месте того, что было его рукописями.

* * *

Теперь вы знаете предысторию. Я провожу немало времени, пытаюсь восстановить его дом, хотя не думаю, что в это место когда-нибудь вернется волшебство. Бекки часто приходит мне помочь. Я не справился бы без нее.

Но основная моя забота — «Снежная архитектура». «Марша и сыновей» я отправил к черту, написав особо теплые пожелания моему помощнику, начальнику и главе отдела маркетинга. И заказал тираж в частной типографии под именем Питера Томаса. Художник из Типтона сделал обложку, на которой за падающим снегом угадываются очертания фермы, и весь рисунок выглядит так, словно мир на нем соткан из снежинок. Авторской биографии нет. Именно так собирался издать книгу Вентворт.

Ящики с книгами я вожу в своем автомобиле. И езжу от одного магазина к другому по всей Новой Англии, но мало кто рискует взять на реализацию книгу неизвестного автора. Я говорю им, что это совершенно чудесный текст, но они смотрят на меня с непониманием, словно «чудесный» — это не то, что нужно сегодняшнему покупателю. А есть ли в сюжете серийный убийца или мировой заговор?

Вэйд держит десятки книг в своем магазине. Он усталил ими всю витрину. Пытается убедить посетителей купить их, но туристам нужны книги с фотографиями горнолыжных курортов и крытых мостов. Он не продал ни одного экземпляра. Жители города? Официантка из «Буфета у Мег» сказала правду. Она не любит читать. И остальные не слишком любят. Я перепробовал все и больше не знаю, что делать. Я так отчаялся, что наконец предал доверие Вентворта и рассказал вам, кто автор книги. Поверьте мне на слово — это чудесная книга. Купите ее, ладно? Пожалуйста. Купите эту книгу.

КЛАЙВ БАРКЕР

И С КРИКОМ...

И с криком зародился мир,
и ангелы отдали кожу свою,
прикрыть наготу человечества.
Что вверху, то и внизу. Что впереди, то и позади.
Вы не знали? Да, мы одеты
в то, что перворожденные любящие души
отдали нам. Под их священной
кожей бежит наша кровь.
Что удивляться, что мы так различны?
Когда Господь решил, что люди
будут жить с оголенными нервами,
лишь ангелы вступились за нас.
Прикрыли нас.
За что, естественно, отправились в Ад.

Дэл Ховисон

И НАПОСЛЕДОК

У слова «одержимость» несколько значений. Кто-то может постоянно преследовать вас или стремиться к чему-то, и мы назовем его одержимым. Призраки, селящиеся в домах, одержимы своим прошлым, а я одержим украшениями для моего любимого салуна. Мы все можем быть *одержимы* воспоминаниями о жутком событии или видениями из прошлого, которые время от времени возвращаются, чтобы нас помучить.

Чаще всего слово «одержимость» употребляется в рассказах о духах и демонах, обитающих в человеке или каком-либо месте. Английское *haunt* означает также логово или место кормления животных, возможно, потому, что они снова и снова возвращаются в одну и ту же точку. А еще этим словом часто обозначают присутствие.

Определение «одержимости» в прямом и переносном смысле означает также нечто, часто проникающее в мысли. Как правило, это нечто сложно забыть. Такой может оказаться мелодия, а может один из рассказов вроде тех, которые вы только что закончили читать. Будут и новые, мы с Джеффом снова одержимы идеей создать антологию рассказов от признанных мастеров ужаса. А до тех пор, надеюсь, вам хватит одержимости прочитанным, и призраки наших историй будут являться вам снова и снова.

ОБ АВТОРАХ

Клайв Баркер — автор более двадцати бестселлеров, в том числе бестселлера по версии «Нью-Йорк таймс» «Абарат». Он написал также бестселлеры «The Books of Blood», «Weaveworld», «Imajica», «The Great and Secret Show», «The Thief of Always», «Everville», «Sacrament», «Galilee», «Coldheart Canyon». Баркер родился в Ливерпуле, в Англии, где и начал свою карьеру автора, режиссера и театрального актера. В качестве сценариста, режиссера и кинопродюсера он в ответе за «Восставшего из Ада» и «Кенди-мэна», а также за «Nightbreed», «Lord of Illusions», «Gods and Monsters», «The Midnight Meat Train». Мистер Баркер живет в Калифорнии со своим партнером, фотографом Дэвидом Армстронгом, и дочерью Николь. В их доме обитают пять собак, шестьдесят рыбок, девять крыс, бесчисленное количество диких гекконов, пять попугаев корелла, африканский серый попугай по имени Смоки и большой амазонский желтоголовый попугай Малинго.

Рэй Брэдбери написал более тридцати книг и является одним из самых ярких авторов своей эпохи. Среди лучших его произведений можно назвать «451 градус по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Человек в картинках», «Надвигается беда», «Вино из одуванчиков». Он писал пьесы для театров и сценарии для фильмов, по его сценарию Джон Хьюстон снял свою адаптацию «Моби Дика», завоевавшую премию Американской киноакадемии. Для телевизионного шоу «Театр Рэя Брэдбери» он переписал шестьдесят пять своих рассказов и получил премию «Эмми» за телефильм «Канун всех святых». В 2000 году Национальная книжная ассоциация присудила ему специальную медаль «За вклад в американскую литературу». В числе последних его книг можно назвать «Давайте все убьем Констанцию», «Из праха восставшие», избранные лучшими книгами года по версии «Лос-Анджелес таймс». Издательство «Харпер Коллинз» вновь опубликовало рассказы Брэдбери, собрав более 100 наименований под одной обложкой в 2003 году. В 2004 году вышел второй сборник рассказов, «Кошкина пижама». Жил в Лос-Анджелесе.

Рэмси Кэмпбелл. «The Oxford Companion to English Literature» описывает Рэмси Кэмпбелла как «самого уважаемого писателя хоррора из ныне живущих». В своем жанре он получил больше премий, чем кто-либо другой, и среди его наград стоит отметить *Grand Master Award* от Всемирной

конвенции хоррора и Lifetime Achievement Awards от Ассоциации авторов хоррора. Среди его работ — «The Face That Must Die», «Incarnate», «Midnight Sun», «The Count of Eleven», «Silent Children», «The Darkest Part of the Woods», «The Overnight». Затем готовились к изданию «Secret Stories» и «Spanked by Nuns». Его произведения выходили в сборниках «Waking Nightmares», «Alone With the Horrors», «Chosts and Grisly Things, Told by the Dead», а документалистика вышла в сборнике «Probably». Его новеллы «Безымянный» и «Пакт отцов» экранизированы в Испании. Рэмси Кэмпбелл живет в Мерсисайде с женой Дженни. Пишет рецензии на фильмы для еженедельника «BBC Radio Merseyside». Любит классическую музыку, хорошую еду, вино и трубочный табак.

Джон Фаррис в 2002 году получил *Lifetime Achievement Awards* от Ассоциации авторов хоррора, написал множество бестселлеров, в том числе «The Fury», «Shatter», «Son of Endless Night». Его часто называют лучшим автором хоррора из пишущих на сегодняшний день. Тридцать восемь романов разошлись двадцатью двумя миллионами экземпляров по всему миру и переведены на двадцать пять языков. Недавно вышли его романы «Phantom Nights» и «You Don't Scare Me» и «Avenging Fury» — четвертый и пятый тома серии «Fury Quartet». Фаррис является автором сценария и режиссером культового фильма «Дорогая мертвая Делайла», ставшего классикой, и написал сценарии для многих других. Его карьера драматурга началась, когда Джону исполнилось двадцать, однако была недолгой. Состоялась лишь одна постановка его пьесы «The Death of the Well-Loved Boy», и Фаррис до сих пор с гордостью говорит, что «она получила худшие отзывы со времен Атииллы». Живет в Мариэтте, штат Джорджия, пять дней в неделю пишет, а остальное время смотрит в пространство и размышляет о жизни.

Джефф Гелб совместно с Майклом Гарретом готовил всемирно известную серию «Hot Blood», а с Максом Аланом Коллинзом издавал антологию «Flesh and Blood». Он же составил несколько сборников «Shock Rock» и «Fear Itself». Новелла Гелба «Призраки» стала единственным его крупным произведением. Вышли также комиксы по его рассказам «Бетти Пейдж комикс» авторства Дейва Стивенса. Гелб живет в Южной Калифорнии с женой Терри Гледстон и сыном Леви, который недавно закончил обучение на раввина.

Нэнси Холдер — автор бестселлеров по версии «Лос-Анджелес таймс», издано 68 ее книг, более 200 рассказов, эссе и статей. Получила три премии Брэма Стокера за малые литературные формы, премию Стокера за лучший

роман «Dead in the Water». Была учредителем и членом совета Ассоциации авторов хоррора. Написала и была соавтором десятка сценариев для сериалов «Баффи, истребительница вампиров» и «Ангел», написала книги «Buffy the Vampire Slayer Watchers Guide» и «Angel: Casefiles, Volume One». Которые относительно недавним работам относятся «Outsiders: an Anthology of Misfits», выпущенная совместно с Нэнси Килпатрик книга для подростков «Pretty Little Devils», а также «Buffy the Vampire Slayer: Queen of the Slayers». Нэнси учит «писать хоррор» в серии программ на телевидении Сан-Диего.

Дэл Ховисон вместе с женой Сью открыл единственный в Америке магазин, полностью посвященный хоррору, — «Темные деликатесы», магазин книг и сувениров, созданный поклонниками для поклонников, много лет восхищающихся жанром. Они и их магазин не раз появлялись в документальных фильмах о жанре хоррора и природе зла. Бывший фотокорреспондент, Дэл не раз писал статьи для множества журналов, в том числе «Rue Morgue» и «Gauntlet», а также составлял предисловие для издания «Varney the Vampire» издательства «Wildsite Press». Его рассказы появлялись в самых разных антологиях. Данная книга — его первая попытка составления антологии. На данный момент Ховисон выступает соиздателем в двух проектах: «Horror Book of Lists» с Эми Уоллес и Скоттом Брэдли и «Dark Screen: Horror Writers on Horror Cinema» с Лизой Мортон. Он неоднократно получал премии как редактор и автор. Его книги были номинантами и призерами премии Брэма Стокера, «The Black Quill Award», «Shirley Jackson Award» и «Rondo Award».

Роберта Лэннес. Писательство стало ее первой любовью. В 1985 году она прошла курс писательского мастерства в Калифорнийском университете, где познакомилась с автором хоррора Дэннисом Этчинсоном. В 1986 году он опубликовал ее первый рассказ «Goodbye, Dark Love» в антологии «Cutting Edge». С тех пор более шестидесяти ее рассказов трех разных жанров были опубликованы и переведены на десятки языков, по ее работе Иан Керкхоф снял фильм «Ten Monologues from the Lives of the Serial Killers». Ее первый сборник рассказов The Mirror of the Night вышел в 1997 году. Более поздние произведения можно прочитать в сборниках «Taverns of the Dead» и «Don't Turn Out the Lights». Роберта Лэннес живет в Южной Калифорнии и преподает в колледже прикладное искусство и цифровой дизайн. Живет с мужем — поэтом, писателем и издателем Марком Сили.

Ричард Лэймон — автор тридцати выдающихся романов ужасов и более 60 рассказов. Безвременно погиб в 2001 году. До сих пор сохраняет популяр-

ность в Америке и за ее пределами. Самыми известными его работами стали «The Cellar», «After Midnight», «Bite», «The Woods Are Dark». Стивен Кинг писал о нем: «Если вы не читали Лэймона, вы не читали хоррор».

Брайан Ламли последним томом «Harry Keogh: Necroscope & Others» завершил свою эпическую сагу, состоящую из восемнадцати томов. Список его публикаций насчитывает уже более 50 книг. Крайне плодовитый и неутомимый писатель с 23-летним стажем и 22-летним стажем военной службы.

Вышел в отставку в декабре 1980 года и выпустил первую книгу — сборник рассказов. Затем несколько сборников, которые ранее были изданы Огюстом Дерлетом в «Arkham House», в штате Висконсин. Долгое время Ламли был известен как автор мифов о Ктулху, поджанра, порожденного работами Лавкрафта, но в 1986 году он впервые опубликовал роман в стиле хоррор «Некроскоп», главным героем которого был Гарри Кифе, человек, который умеет общаться с мертвыми. «Некроскоп» не сразу получил признание, но оригинальные серии «Whamphuy!», «The Source», «Dead-speak» и «Deadspawn» завоевали любовь публики. Успех Ламли закрепился и расцвел с выходом трилогии о мире вампиров: «Blood Brothers», «The Last Aerie», «Bloodwars», и вышедший вначале с бумажной обложкой «Некроскоп» вернулся в новом издании. С тех пор все книги этой серии издавались только в твердой обложке. Тринадцать стран (и это не предел) уже опубликовали или находятся в процессе приобретения прав на издание переводов его книг, и только в США продано более 2 000 000 экземпляров. Вдобавок вышли комиксы «Некроскоп», ролевые игры, фигурки по мотивам произведения. В библиографии Ламли можно также найти «The House of Doors» с продолжением «Maze of Worlds», «Demogorgon», шесть романов в серии «Titus Crow», четыре в серии «Dreams», трилогию «Психомех», несколько одиночных романов и более ста рассказов — один из которых в 1989 году получил премию *British Fantasy Award*. Недавно увидела свет книга «Brian Lumley Companion». Один из рассказов был адаптирован для сериала Ридли Скотта «Голод» на *Showtime Television Network*, другие неоднократно получали призы в составе антологий, признанных «Лучшими книгами года в жанре хоррор». На *World Horror Convention* в Фениксе, штат Аризона, в 1998 году Ламли получил всемирное признание и премию *Grand Master Award*. Брайан много путешествует, в остальное же время живет в Девоне, в Англии, с женой, американкой Барбарой Энн.

Ричард Мэтьюсон — прославленный автор книг «Где-то во времени», «К чему приводят мечты», «Невероятно уменьшающийся человек», «Я ле-

генда», «Легенда об адском доме» и других классических произведений в жанре хоррор и фэнтези. Мэтьюсон написал более ста рассказов, многие из которых стали основой для выпусков известного сериала «Сумеречная зона», сценарий к которым писал сам Мэтьюсон. В качестве сценариста он участвовал в создании таких шедевров, как ранняя картина Спилберга «Дуэль», «Проклятие дома Эшеров», «Ворон», «Колодец и маятник» и многих других. Мэтьюсон получил множество престижных премий, в том числе стал лауреатом Всемирной премии фэнтези, премии Брэма Стокера, премии «Хьюго», премии «Золотая шпора» и Премии гильдии писателей.

Лиза Мортон. Ее рассказы изданы в составе многих антологий и журналов, в том числе «The Mammoth Book of Frankenstein», «White of the Moon», «After Shocks», «Shelf Life: Fantastic Stories Celebrating Bookstores», «Midnight Premiere», а также антологий, получивших премии: «The Museum of Horrors», «Dark Terrors 6» и «Horrors! 365 Scary Stories». Писала сценарии для «Meet the Hollowheads», «Tornado Warning», «Thralls», «Blue Demon» и «The Glass Trap», издала две документальные книги, «The Cinema of Tsui Hark» и «The Halloween Encyclopedia».

Стив Найлз. Его имя широко известно среди поклонников хоррор-комиксов. Он один из тех писателей, кто смог возродить популярность комиксов в жанре хоррор. Стив является автором комикса «30 Days of Night», который экранизировала продюсерская компания Сэма Рейми. Некоторые проекты Найлза были экранизированы Голливудом, в том числе детективные романы в стиле хоррор о Кэле Мак-Дональде и мини-серия юмористических комиксов. Журнал «Fangoria» назвал Стива «одним из тринадцати новых талантов, которые гарантируют нам качественные ужасы на протяжении следующих двадцати пяти лет». Найлз сотрудничает с четырьмя ведущими издательствами комиксов в США: «Марвел», «DC», «Image» и «Dark House». В июне 2005 года Найлз и актер Томас Джейн («The Punisher») основали кинокомпанию «Raw Entertainment», первой работой которой стали «The Lurkers». Найлз и его коллега по созданию «Бигфута», рокер Роб Зомби, продали права на фильм «Rogue Pictures». Найлз и Зомби будут вносить поправки в сценарий. На очереди экранизации «Wake the Dead», «Hyde», «Aleister Arcane» и «Criminal Macabre». Найлз живет в Лос-Анджелесе.

Уильям Ф. Нолан написал более 80 книг. Его работы входят в состав 300 антологий и пособий во всем мире. Среди прочих наград дважды удостоился премии Эдгара Аллана По, получил благодарность от Американ-

ской библиотечной ассоциации и премию «Живая легенда темного фэнтези» от Международной гильдии ужасов. Являясь автором более ста коротких рассказов, Нолан также пишет сценарии к фильмам и для телевидения. Широко известен благодаря серии рассказов о Логане («Logan's Run», «Logan's World», «Logan Search», «Logan's Return»), первый из которых был экранизирован в виде телесериала студиями MGM и CBS. На данный момент кинокомпания «Уорнер бразерс» планирует снять новую мегабюджетную экранизацию «Logan's Run», режиссером которой будет Брайан Сингер (прославился благодаря фильмам «Люди Икс»).

Рик Пикман — графический дизайнер, занимающийся разработкой театральных афиш и программ, веб-сайтов и флэш-анимации (включая пасхальное яйцо для DVD-диска «The Haunted World» Эдварда Д. Вуда-младшего). Также является фотографом, чьи работы появлялись на страницах таких газет, как «Лос-Анджелес таймс», «Дэйли ньюс», а также в журнале «Фангория». Рисовал иллюстрации для «Conjuring Dark Delicacies», «The Altruistic Alphabet» и рассказа Лизы Мортон «The Free Way». Дебютным произведением Пикмана является «Темные деликатесы мертвых». Свободное от создания рассказов и иллюстраций время он уделяет внимание множеству хобби, среди которых — коллекционирование старинных трещоток для Хэллоуина и изучение правил написания китайских иероглифов. А еще он *очень* любит фильмы про зомби.

Роберт Стивен Райн. Повести Райна опубликованы более чем в ста журналах и вошли в состав множества антологий. Его первую книгу «My Brain Escapes Me» вебсайт «Паблишерз уикли» описал как «великолепное сочетание юмора и хоррора». В 1997 году за свою повесть Райн получил престижную премию Германа М. Свэффорда. А по его юмористическим хоррор-комиксам «Selected Reading from Satan's Powder Room», «Chicken Soup for Satan» и «Satan gone wild» была написана графическая новелла «Satan's 3 Ring Circus of Hell». Райн писал сценарий, режиссировал и занимался подбором актеров для пилотного фильма «Vinnie & Angela's Beauty Salon and Funeral Parlor», получившего главный приз на австралийском международном кинофестивале и на кинофестивале «Worldfest Houston». Фильм был продан «Universal's Hypnotic Films», и его премьера состоялась на канале НВО в Канаде. Райн также подбирал актеров, писал сценарий и выступал режиссером эпического/культового/юмористического фильма «Road Lawyers and Other Brief», победителя кинофестивалей в Чикаго, Нью-Йорке, Хьюстоне и Австралии. Райн

сделал анимационный пилот «Sickcom», который участвовал в «Spike & Mike's Sick and Twisted Festival of Animation». В 2005 году Роберт получил премию на всемирном конвенте авторов хоррора.

Дэвид Дж. Шоу — автор рассказов, романист, сценарист (пишет для радио и телевидения), обозреватель, эссеист, редактор, фотограф, лауреат премий *World Fantasy* и *International Horror Guild Awards* (в номинациях «Рассказ» и «Публицистика»). Пишет всегда, пишет везде, пишет на чем угодно — от CD-дисков до рекламных каталогов книжных магазинов и жутких игрушек. Упомянут во множестве документальных фильмов и программ о жанре, путешествовал от Новой Зеландии до Шанхая, затем в Мехико. Недавно занялся производством, записью и разработкой новых форм записи на DVD. Живет в доме на холме в Лос-Анджелесе. В 2005 году получил премию *World Horror Convention*.

Д. Линн Смит последние пятнадцать лет занимается написанием сценариев и режиссирует телесериалы «The Trials of Rosie O'Neil»; «Она написала убийство», «Доктор Куинн: женщина-врач», «Promised Land», «Прикосновение ангела». Помимо работы на телевидении Дебби публикует документальные статьи в альманахах «Dark Shadows» и «Фангория». Ее рассказ вышел на страницах «PanGaia». На данный момент работает над романом в стиле научной фантастики «Гены шамана».

Уитли Стрибер — автор многих художественных бестселлеров и публицистических произведений, вышли и фильмы, основанные на его романах. В числе самых известных романов — «The Wolfen», по которому снят фильм с Альбертом Финни и Грегори Хайнсом, и «Голод», в котором снимались Дэвид Боуи, Сьюзен Сарандон и Катрин Денев. Его хроники встреч с непознанным — «Communion» — стали основой фильма с Кристофером Уокеном. Относительно недавняя его работа, «The Coming Global Superstorm», которую он написал с радиоведущим Артом Беллом, легла в основу фильма «Послезавтра» 2004 года. Он является также автором детской книги «Wolf of Shadows», получившей премию «Кальдекотт», и двух книг в соавторстве с Джеймсом Кунетка — «Warday» и «Nature's End». Стрибер известен своими работами о контактах с непознанным, в частности с инопланетными формами жизни. Об этом речь идет в его книгах «Communion», «Transformation», «Breakthrough», «The Secret School» и «Confirmation». В 2001 году Стрибер вернулся к художественной литературе и написал книги «Последний вампир» и «Сон Лилит». Они легли в основу мини-сериала канала «Science Fiction». Его сайт стал одним из самых

популярных сайтов об альтернативной науке, в месяц миллион посетителей накручивают на счетчике до пятидесяти с лишним миллионов посещений.

Ф. Пол Уилсон написал более 30 книг. Среди его романов в жанре научной фантастики — «Healer», «Wheels Within Wheels» и «An Enemy of the State». Романы в жанре хоррор — «Застава» (позднее лег в основу одноименного фильма Майкла Манна), «The Tomb», «Reborn» и «Sibs». Написал три триллера: «The Select», «Implant» и «Deep as the Marrow». Был соавтором и вдохновителем многих романов. Написал семь книг о приключениях Наладчика Джека, в том числе «Gateways» и «Crisscross\$», последняя вышедшая книга — «Midnight Mass». В 2005 году Пол получил *Grand Master Award* на «World Horror Convention».

Гэхэн Уилсон — всемирно известный плеейбой и художник, издал десятки своих комиксов. Популярен и как автор хоррора и мистики. В числе его работ — «Eddie Deco's Last Capers», «Everybody's Favorite Duck» и «Cravedigger's Party».

Челси Куинн Ярбро — профессиональный писатель, на протяжении тридцати пяти с лишним лет пишет книги. Она продала более семидесяти книг и восьмидесяти рассказов и эссе. Живет в родном городе — Беркли, штат Калифорния — с тремя наглыми котами. В 2003 году получила *Grand Master Award* от Всемирной ассоциации авторов хоррора.

Макс Брукс с 2001-го по 2003 год писал сценарии для шоу «Saturday Night Live», и в этот период времени шоу получило премию «Эмми». Его первая книга «The Zombie Survival Guide», по нашим данным, переиздавалась уже шестнадцать раз. Экранизацией последнего романа «World War Z» заинтересовалась компания Брэда Питта, в настоящее время идет работа над графической адаптацией текста. Обе книги стали бестселлерами «Нью-Йорк таймс». В свободное время Макс продолжает работу и является соавтором комедийного интернет-сериала «The Watch List», который транслируется на «Comedy Central Motherload».

Гэри Брэнднер родился на Среднем Западе. В молодые годы много путешествовал. На данный момент в его послужном списке более тридцати изданных романов, более ста рассказов и множество сценариев. Брэнднер пережил обучение в Университете Вашингтона, после чего ему была не страшна никакая работа. Гэри был боксером-любителем, барменом, топографом, оценщиком в кредитном обществе, рекламистом-копирайтером и публицистом, после чего сосредоточился на художественной литературе. После оглушительного успеха романа «The Howling» Гэри слег-

ка остепенился и теперь проживает в долине Сан-Фернандо с женой и кошками. На текущий момент он занят подготовкой фильма как сценарист и продюсер.

Л. А. Бэнкс (Лэсли Асдейл Бэнкс) родилась в Филадельфии. Выпускница Уортонской школы при Университете Пенсильвании, получила степень магистра искусств в университете Тэмпл по программе «кино и медианискусство». После десятилетней карьеры в качестве специалиста по корпоративному маркетингу в крупнейших компаниях США в 1991 году Бэнкс поменяла поле деятельности, вплотную занявшись написанием книг и сценариев. На данный момент на счету автора более двадцати семи романов, ее рассказы вошли в десяток антологий различных жанров и получили множество премий. Бэнкс полностью погрузилась в творчество. Она по-прежнему живет в Филадельфии.

Рэй Гартон написал более пятидесяти книг. В 2006 году получил премию Гранд Мастер Небьюла (Эвод). В настоящее время работает над новым романом «Ravenous», историей об оборотнях. Книга будет издана «Leisure Books». Живет в Северной Калифорнии с женой Давн и стаей кошек.

Тананарив Дью — американская писательница, лауреат премии American Book и автор семи романов, в том числе «Joplin's Ghost», «The Good House», «The Living Blood», «My Soul to Keep», «The Between». Номинировалась на премию Брэма Стокера и премию Международной гильдии ужаса. «Паблшерз викли» писала, что «The Living Blood» стала «эталоном мистического триллера нового тысячелетия». Две работы Дью на данный момент экранизирует «Фокс серчлайт пикчерс». Рассказ «Patient Zero» вошел в два сборника лучшей научной фантастики года. Рассказы Дью в жанре хоррор публиковались в антологиях «Dark Dreams», «Dark Matter» и «Mojo: Conjure Stories». Дью и ее муж, писатель Стивен Барнес, иногда работают в соавторстве. В июне 2007 года опубликован их первый мистический роман «Cassanegra», написанный в соавторстве с актером Блэром Андервудом. Дью выросла в Майами, в семье активистов движения по защите гражданских прав. Вместе с матерью она написала документальную книгу «Свобода в семье: воспоминания матери и дочери о битве за свои права». Дью живет в Южной Калифорнии с Барнесом, сыном Джейсоном и приемной дочерью Ники.

Грег Кин — рок-звезда 80-х годов XX века. Несколько его синглов завоевали популярность во всем мире (в том числе «Jeopardy» и «The Break-up Song»). В середине 90-х годов оставил бурную жизнь и начал параллельно работать на радио и писать. На сегодняшний день издано четыре

его романа и огромное количество рассказов. Радио-шоу «Big Rock Beat» стало для него знаковым. Грег живет в Северной Калифорнии, ведет радиопередачи на «KFOX» в Сан-Хосе и до сих пор играет в группе.

Кэйтлин Р. Кирнан — автор семи романов, в том числе «Silk», «Threshold», «Low Red Moon», «Murder of Angels» и недавно изданного «Daughter of Hounds». Четырежды номинант Международной Гильдии Ужаса. Ее произведения изданы в четырех томах: «Tales of Pain and Wonder», «From Weird and Distant Shores», «Alabaster» и «To Charles Fort, With Love». Ее рассказы регулярно включают в антологии («The Year's Best Fantasy and Horror», «The Mammoth Book of Best New Horror», «The Year's Best Science Fiction»). Кирнан родилась в Дублине, в Ирландии, училась по специальности «палеонтолог позвоночных», сейчас живет в Атланте с подругой, фотографом и кукольным мастером Кэтрин Поллак.

Джо Р. Лэнсдейл — автор более двадцати книг и двухсот рассказов. Его «Bubba Hotep» и «Incident On and Off a Mountain Road» стали основой для фильмов. Экранизация других произведений пока обсуждается.

Роберт Маселло — обладатель многочисленных премий как журналист, телесценарист и автор прикладных книг. Его статьи, эссе и рецензии появлялись в самых разных изданиях, таких как «Los Angeles Times», «New York Magazine», «New York Newsday», «The Washington Post», «Redbook», «Travel and Leisure», «Harper's Bazaar», «Glamour», «Elle», «TV Guide», «Cosmopolitan», «Parade», «Town and Country», «Wilson Quarterly». Он же писал сценарии для таких ТВ-шоу как «Early Edition», «Charmed», «Sliders», «Poltergeist: The Legacy». В числе его книг есть два исследования оккультизма — «The Fallen Angels and Spirits of the Dark» и «Raising Hell: A Concise of the Dark Arts and Those Who Dared to Practice Them» — и множество новелл: «The Spirit Wood», «Black Horizon», «Private Demons», «Vigil», а также новинка — «Bestiary». Его книги не покидают список бестселлеров «Los Angeles Times» и «USA Today», переведены на восемь языков, в том числе на шведский и корейский. Последние шесть лет Маселло преподает литературу в качестве приглашенного лектора в колледже МакКенна в Клермонте.

Джон О'Брайен — бывший кинокритик, ставший сценаристом. Работал, в частности, с «Austin Chronicle» и «Film Threat». Сотрудничал с такими известными фигурами, как Роджер Корман и Саммо Хунг, затем в Гонконге включился в работу над фильмом «Fulltime Killer» режиссера Джонни То. Фильм получил награду Golden Bauhinia от Ассоциации кинокритиков Гонконга, транслировался по всему миру и был награжден премией «Оскар»

за лучший иностранный фильм. С тех пор у О'Брайена нет недостатка в заказах, он сотрудничает с разными компаниями, пишет длинные и короткие сценарии для местных и зарубежных кинокомпаний. «Маловероятное спасение Джареда Пирса» — первый его опубликованный рассказ.

Джеймс Саллис — автор цикла о Лью Гриффине, биографии Честера Химса, переводчик романа Ремона Кено «День святого Жди-не-жди», шести других романов, сборников рассказов, стихов и эссе. Недавно вышли его книги «Драйв» («Нью-Йорк таймс» назвала ее «идеальным нуар-романом») и «Соленая Река» (третий и последний том серии о Тернере). Издан сборник рассказов «Картофельное дерево». Долгое время Саллис писал для «Boston Globe», его рецензии регулярно выходят в «Washington Post» и «L.A. Times», а также в ежеквартальном обзоре книг «F&SF».

Джон Харрисон начал карьеру, снимая рок-клипы и работая помощником известного режиссера хоррора Джорджа Ромеро («Ночь живых мертвецов»). Харрисон написал сценарий и поставил несколько эпизодов классического телесериала Ромеро, «Сказки темной стороны», затем работал над одноименным фильмом и получил за него премию Международного фестиваля фантастических фильмов в Авориязе. Харрисон является сценаристом и режиссером некоторых эпизодов для сериалов «Байки из склепа», «Земля-2» и «Профайлер» и участвовал в работе над постановкой мировых премьер для «USA Network» и «Starz/Encore». Шестичасовой мини-сериал Харриса, адаптация мирового бестселлера «Дюна» Франка Герберта, получил премию Эмми. Харрисон написал сценарий для второго мини-сериала, «Дети Дюны», по двум следующим книгам Франка Герберта, и получил вторую премию Эмми за трансляцию на канале «SciFi». Харрисон участвовал в написании сценария для мультфильма «Динозавр» и недавно закончил адаптацию фэнтези «Абарат» для Диснея. Он же адаптировал для экранизации рассказ Баркера «Книга крови», которую будет режиссировать. Харрисон пишет сценарии для Роберта Земекиса, Ричарда Доннера и многих других, его работы удостоены премий от Гильдии писателей США, Хьюстонского международного кинофестиваля и Гран При в Авориязе.

Глен Хиршберг. Последняя коллекция его рассказов, «Американские идиоты», выпущена издательством «Earthling Press». Первый сборник под названием «Два Сэма» в 2003 году получил премию Международной гильдии ужаса. «Локус» и «Пабблишерз викли» назвали сборник лучшей книгой 2003 года. Хиршберг писал и романы, «Дети снеговика» и «Сестры Байкала». Совместно с Дэннисом Этчисоном и Питером Эткинсом он основал

«Rolling Darkness Revue», труппу, которая каждый октябрь путешествует по западному побережью США и исполняет постановки разных ужасиков. Его рассказы издавались во многих журналах и антологиях, например в «The Mammoth Book of Best New Horror», «The Year's Best Fantasy and Horror», «Dark Terrors 6», «The Dark Inferno», «Tampoline» и «Cemetery Dance». Живет в пригороде Лос-Анджелеса с женой и детьми.

Барбара Хэмбли. Ее дебют в жанре фэнтези состоялся в 1982 году. С тех пор Хэмбли работала практически со всеми основными жанрами фэнтези: писала мистические исторические детективы, научную фантастику, «современный оккультный романс» для Арлекина, сценарии субботних утренних мультфильмов. Она продолжает работать в жанре фэнтези и исторического романа. Последней ее работой в жанре хоррора на данный момент является «Рэнфилд, раб Дракулы». Она росла на фэнтези и научной фантастике Южной Калифорнии. Барбара Хэмбли окончила Калифорнийский университет со степенью по истории Средних веков и черным поясом по карате. В 1971 — 1972 гг. она посещала университет Бордо и путешествовала по Европе. Затем в 1998 году вышла замуж за автора научной фантастики Джорджа Алека Эффингера и несколько лет жила в Новом Орлеане. Среди интересов Хэмбли — исторические исследования, танцы, пеший туризм и плотничное дело. Она овдовела и сейчас живет в Лос-Анджелесе в одном доме с мелкими хищниками.

Рэй Хэррихаусен — легендарный создатель спецэффектов. Всемирно признанный король кукольной анимации, волшебство которого принесло славу бесчисленному множеству кинорежиссеров и вдохновение целой армии создателей спецэффектов. Перечислить все работы Хэррихаусена мы просто не сможем, но напомним о начале его карьеры: «Могучий Джо Янг» 1949 года. Недавно Хэррихаусен добавил к списку своих достижений еще и писательскую деятельность: «Рэй Хэррихаусен: Анимированная жизнь» и «Искусство Рэя Хэррихаусена». Далее: он лично следил за раскрашиванием многих своих ранних работ для переноса их на DVD и разработал несколько серий комиксов на основании своих фильмов.

Гарри Шеннон — актер, певец, автор песен и номинант премии «Эмми», европейский актер, издатель нот, руководитель студии звукозаписи. Работал по контракту как режиссер звукозаписи на съемках таких фильмов, как «Основной инстинкт» и «Универсальный солдат». Шеннон — автор сценариев для фильмов «Трилогия ночи», «День памяти» и «Глаз го-

рящего» Мика Каллахана, хоррора/триллера «Давление тьмы». Недавно режиссер Йосси Сассон снял по его сценарию фильм «Мертвый и ушедший».

Питер Эткинс — автор романов «Morningstar» и «Big Thunder», нескольких новелл «Wishmaster and the Others». Он написал сценарии для фильмов «Восставший из ада-2», «Восставший из ада-3», «Восставший из ада: Кровное родство» и «Исполнитель желаний». Писал для журналов «Странные истории», «Фэнтези и научная фантастика», «Кладбищенская пляска», «Эпилоги», а также для антологий, которые получили несколько премий.

Мария Александер. Ее рассказы вошли в «Chiaroscuro» и «Paradox Magazine», а также во множество антологий, таких как «Lost on the Darkness» и «Blood Surrender». Антология, в которую ее работы вошли наряду с рассказами еще трех писательниц хоррора, «Sins of Sirens», вызвала бурные похвалы критиков. Ее работы вы можете найти в жуткой антологии «Unspeakable Horrors: From Shadows of the Closet». Она живет в Лос-Анджелесе.

Кевин Дж. Андерсон написал около сотни новелл. Наибольшую известность ему принесли работы в жанре НФ, международный бестселлер «Дюна» в соавторстве с Брайаном Гербертом и его собственная космическая опера «Сага Семи Солнц», а также многочисленные новеллы по мотивам «Звездных Войн». Кевин не новичок и на ниве хоррора. Его первый роман «Resurrection. Inc» стал номинантом премии Брэма Стокера, а его новеллы «X-files» завоевали читателей всего мира. Он написал много хоррор-рассказов, был составителем «Blood Lite». В общем было издано более двадцати миллионов его книг на двадцати девяти языках. Самыми недавними его работами можно назвать «Jessica of Dune» (в соавторстве с Брайаном Гербертом), «Enemies and Allies» и первую книгу эпической морской фэнтези-саги «The Edge of the World».

Клайв Баркер родился в Ливерпуле, в Англии, где и начал свою карьеру автора, режиссера и театрального актера. С тех пор он написал такие бестселлеры, как «The Books of Blood», «Weaveworld», «Imajica», «The Great and Secret Show», «The Thief of Always», «Everville», «Sacrament», «Galilee», «Coldheart Canyon» и прославленную серию «Abarath». В качестве сценариста, режиссера и кинопродюсера он в ответе за «Восставшего из Ада» и «Кендимэна», а также за «Nightbreed», «Lord of Illusions», «Gods and Monsters», «The Midnight Meat Train». Баркер живет в Лос-Анджелесе.

Майкл Ботман на сегодняшний день работает на телевидении, переодеваясь и притворяясь другими людьми. Он, вероятно, лучше всего известен как «голубой негр из Спин Сити» или, возможно, «черный комик из Арлисса». Давние любители телешоу могут помнить его как «одержимого черного парня» из «Чайна Бич». Он был «черным парнем» в таких фильмах, как «Hamburger Hill», «The Glass Shield», «The Peacemaker», «Woman Thou Art Loosed» и совсем недавнем «Killing Wendy». Он очернял такие шоу, как «Law and Order SVU», «Criminal Minds», «Grey's Anatomy», «The Game», и появлялся в бродвейском «Master Harold... and the Boys». Большая часть его литературных работ балансирует на грани хоррора и юмора. Он автор романа об охотнике на монстров «The Revenant Road». Его рассказы выходили в журналах «Weird Tales», «Horror Garage», «Red Scream», а также в антологиях «Sages and Swords», «Daikaju! 2: Revenge of the Giant Monsters», «Badass Horror», «Voices from the Other Side», «Whispers in the Night». Некоторые его рассказы собраны в антологию «God Laughs When You Die: Mean Little Stories from the Wrong Side of the Tracks». Живет в Нью-Йорке с женой и четырьмя детьми, работает в Лос-Анджелесе, пишет в самолетах, чем жутко злит стюардесс.

Гэри А. Браунбек — автор одиннадцати романов и одиннадцати сборников рассказов. В числе самых популярных его книг можно назвать серию «Cedar Hill», куда вошли «In Silent Graves», «Keepers», «Mr. Hands», «Coffin County», «Prodigal Blues», и недавнюю работу «Far Dark Fields». Третье собрание рассказов «Cedar Hill», «The Carnival Within», выходит в 2009 году, одновременно с романами «In Seeing» и «Clipper Girls». Его работы собрали пять премий Брэма Стокера, премию Международной Гильдии писателей хоррора, три премии «Шокер», премию «Black Quill» от «Dark Scribe Magazine» и множество номинаций на премию World fantasy Award. Живет в Коламбусе, Огайо, с женой, тоже писательницей, Люси Снайдер («Spellbent», «Installing Linux on a Dead Bager», «Sparks and Shadows»).

Аксель Кэролин всю жизнь была поклонницей хоррора. Несколько лет на строгой диете из книг Стивена Кинга и фильмов ужасов сделали ее постоянным автором «Фангории», «L'Ecran Fantastique» и «SFX», она путешествовала по всему миру, описывая съемки и фестивали. Сегодня она все так же ведет ежемесячную колонку с обзорами фильмов ужасов для сайта IGN, но большую часть времени уделяет кинокарьере и писательству. Ее первая книга, «It Live Again! Horror Movies in the New

Millenium», обзор хоррора с 2000 года, вышла в конце 2008-го. Она живет в Лондоне с мужем, писателем и продюсером Нилом Маршаллом.

Саймон Кларк живет со своей семьей в Донкастере, в Англии. Первый его роман, «Nailed by the Heart», стартовал в 1994-м и сорвал банк, позволив Кларку рискнуть и все поставить на мечту — посвятить себя писательскому делу. Множество снов и кошмаров спустя он написал культовую зомби-классику «Blood Crazy», «Darkness Demands», «This Rage of Echoes» и «Night of the Triffids», продолжение классического «Дня Триффидов». Плоды кошмарных амбулаторных полей принесли Клайву премию British Fantasy Society за лучший роман. Последняя книга Саймона, «Midnight Man», история убийства, безумия и призраков, описывает Винсента Ван Гога в самый быстротечный год его жизни. За ней должны последовать «Ghost Monster» и «Whitby Vampirys». Саймон экспериментировал в жанре короткометражных фильмов и снял «Winter Chills» для BBC.

Джон Коннолли родился в Ирландии, в Дублине, в 1968 году. Он автор одиннадцати книг, в том числе и сборников рассказов о сверхъестественном, «Ноктюрны», и недавней новеллы «Возлюбленные».

Мик Гаррис — признанный режиссер и сценарист, начал писать рассказы в возрасте двенадцати лет. Семь лет он был фронт-вокалистом прогрессивной арт-рок группы «Horsefeathers». Его первой работой в кино была должность секретаря в Корпорации Звездных войн Джорджа Лукаса. Стивен Спилберг привлек его в качестве редактора сценариев «Amazing Stories» на канале NBC, Гаррис написал и был соавтором сценариев для десяти из сорока четырех серий. С тех пор он писал и выступал соавтором нескольких футуристических фильмов («Batteries is not included», «The Fly II», «Hocus Pocus», «Critters 2», «Ridding the Bullet») и телесериалов («Amazing Stories», «Quicksilver Highway», «Virtual Obsession», «The Others», «Desperation», «Nightmares & Dreamscapes», «Master of Horror»).

В качестве режиссера он работал как над уже упомянутыми фильмами, так и над «Psycho IV: The Beginning» и «Sleepwalkers», а также над сетевым мини-сериалом «The Stand, The Shining», и «Steve Martini's The Judge».

В качестве автора он создал «A Life in the Cinema» и «Development Hell». Гаррис живет в Южной Калифорнии со своей женой Синтией, по совместительству актрисой, музыкантом, композитором и музой.

Хизер Грэхэм — автор бестселлеров «New York Times» и «USA Today», написала больше сотни романов и новелл в жанрах саспенса, историческо-

го романа, вампирской саги, путешествий во времени, оккультизма и рождественской сказки. Лауреат премий от Walden Books, B. Dalton, Georgia Romance Writers, Affaire de Coeur, Romantic Times и многих других. Обладатель почетной премии «Серебряная пуля» от организации писателей в жанре триллера. Ее книги отбирались для «Doubleday Book Club» и Литературной Гильдии, ее цитаты, интервью с ней или статьи о ней публиковались в «The Nation», «Redbook», «Mystery Book Club», «People», и «USA Today». Хизер появлялась и в новостях («Today», «Entertainment Tonight»), и на местном телевидении. Полная трилогия о братьях Флинн издана в следующем порядке: «Deadly Gift», «Deadly Harvest», «Deadly Night». В этом году читатели могут ждать «Nightwalker», «Dust to Dust», «Unhallowed Ground» и «Home in Time for Christmas». Ее первая иллюстрированная книга «There Be Dragons» выйдет на Рождество. Каждый год она устраивает «Бал Вампиров» и «Театр за столом» на Romantic Times Convention, собирая деньги для общества помощи детям, больным СПИДом. В 2006-м устроила Ярмарку авторов в помощь пострадавшему от наводнения Новому Орлеану.

Саймон Р. Грин — автор двадцати семи книг, каждая из которых ничем не похожа на остальные. У него две ученые степени (еще одна — и его можно будет назвать человеком-оркестром) и опыт работы продавцом-консультантом, ремонтником велосипедов, журналистом, актером, свахой по почте. Живет в небольшом городке Брэдфорд-на-Эйвоне на юго-западе Англии. И никогда не работал на английскую разведку, не верьте настойчивым слухам.

Джозеф В. Хартлауб работает адвокатом в индустрии развлечений, специализируясь на делах защиты авторских прав в сфере литературы и музыки. Он также известен как постоянный автор и рецензент на сайтах bookreporter.com и music-reviewer.com. Живет в Вестервилле, Огайо, с женой и четырьмя детьми. Энтузиаст движения самообороны, поборник права свободного владения огнестрельным и холодным оружием, Джо характеризует себя как «очень скучного парня, которому досталась очень интересная жизнь».

Дэл Джеймс — мясоед, курильщик, борец за право женщин делать аборт, а также сознательный атеист. Когда он не шастает по миру в амплуа грабительского менеджера дорожных туров Guns N'Roses, его можно найти в густых тенях самых затрапезных баров и рок-клубов. В зависимости от настроения Дэл пишет хоррор, сценарии или музыку. До переиздания

в 2008 году сборник его рассказов, «The Language of Fear», держался в топ-10 дольше всех вышедших в тираж книг жанра хоррор и научной фантастики. Он живет в Южной Калифорнии.

Джон Р. Литтл. Первым романом Джона Р. Литтла был «The Memory Tree», опубликованный в 2007 году и ставший номинантом на премию Брэма Стокера. Последовавшие за этим четыре книги «Placeholders», «Mirapanda», «The Gray Zone», и «Dreams in Black and White», опубликованы совсем недавно. Джон пишет хоррор и темное фэнтези с начала 1980-х.

Ричард Кристиан Мэтьюсон уже довольно известен как автор романов, рассказов, сценариев, а также как продюсер. Он участвовал в написании сценариев фильмов и телепроектов для Ричарда Доннера, Ивана Рейтмана, Стивена Спилберга, Брайана Сингера и многих других. Кроме того, он писал пилотные серии для сериалов на каналах Showtime, FOX, ABC, TNT, HBO, FOX, Spike и CBS. Работы Мэтьюсона публиковались в антологиях, которые получили немало наград, печатались в составе сборников «Лучший хоррор года» и «Лучшее фэнтези года», а также в журналах «Пентхауз» и «Омни». Рассказы Мэтьюсона были отобраны для «Scars and Other Distinguishing Marks» и «Dystopia». Его роман «Created by» был номинирован на премию Брэма Стокера как лучший дебют.

Ардат Майхар родилась в 1930 году и начала литературную карьеру в двенадцать лет — как поэтесса. Писать научную фантастику она стала в 1979-м, после того как вернулась с семьей из Орегона в Техас. Была номинирована на премию «Небьюла» и получила «Balrog Award» за поэму в жанре хоррор «Masques I». А также была номинантом практически всех премий для всех жанров и получила немало наград за стихи. В 2008 году ассоциация американских писателей научной фантастики присудила ей звание своего почетного автора. Майхар написала более 60 книг, варьируя жанры от хоррора до научной фантастики, от детских книг до исторического романа и вестернов, работала под псевдонимами Френк Кэннон, Франсес Харст, Джон Киллдир. Джо Р. Лэнсдейл выразился кратко: «Ардат Майхар пишет чертовски хорошие книги!»

Дэвид Моррелл написал «Первую кровь», роман, с которого началась сага о Рэмбо. Он получил докторскую степень по американской литературе в университете Пенсильвании, преподавал английский язык в университете Айовы, а затем полностью отдался творчеству. Длинный перечень его бестселлеров включает «The Brotherhood of the Rose» (ставший основой для хитового мини-сериала NBC после Super Bowl), «The Fraternity of the Stone»

и «Creepers». Соучредитель Международной организации триллеров, три раза получал премию Брэма Стокера за лучший хоррор. Его рассказы часто появлялись в главных ежегодных антологиях фэнтези и хоррора, таких как «Whispers», «Shadows», «Night Visions» и «Master of Darkness series», а также «The Twilight Zone Magazine», «The Dodd», «Mead Gallery of Horror», «Psycho Paths», «Prime Evil», «Dark at Heart», «Metahorror», «Revelations», «999» и «Redshift». В «Successful Novelist» он описывает, чему научился за четыре десятилетия успешного писательства.

Чак Паланик — автор девяти романов и двух публицистических книг. Его последний роман «Пигмей» вышел в 2009 году. Больше информации о нем вы получите по адресу chukpalahniuk.net.

Эрик Ред родился в Питтсбурге, рос в Нью-Йорке и Филадельфии. Начал карьеру в сфере киноиндустрии в возрасте 19 лет, его дебютом стала короткометражка в стиле современного вестерна, «Gunmen's Blues», за которой вскоре последовал призовой фильм «Telephone». После окончания American Film Institute Ред стартовал в Голливуде с двумя классическими хоррор-триллерами, «The Hitcher» и «New Dark». Первой литературной работой стал криминальный триллер «Cohen and Tate». За последние двадцать лет Ред написал и/или срежиссировал множество известных фильмов в жанрах хоррора, триллера и вестерна. В числе его сценариев можно назвать «Blue Steel» и «The Last Outlaw». Он написал и снял «Body Parts», «Undertow» и «Bad Moon». Второй римейк его ранней работы «New Dark» скоро выпустит кинокомпания «Юниверсал». Следующий сценарий триллера с множеством автомобильных погонь, «Stopping Power», готовится к выходу. Ред также потрудились на ниве комиксов и графических новелл, недавно вышел его вполне успешный комикс в жанре научной фантастики — «Containment» от IDW Publishing. Самой свежей работой Реда как сценариста/продюсера стал фильм «100 Feet». На данный момент он работает над вампирским фильмом «Nightlife» и экранизацией «Off Season». Ред живет в Лос-Анджелесе с женой Мередит.

Виктор Салва написал более двадцати рассказов и срежиссировал несколько полнометражных фильмов еще до того, как закончил старшую школу в родном городе Мартинез в Северной Калифорнии. В конце 80-х его любительский короткометражный хоррор «Something in the Basement» победил на кинофестивале Чикаго, получил премию ACE Cable и привлек внимание Фрэнсиса Форда Копполы, который сделал первую постановку «Clownhouse», малобюджетного триллера о клоунах-убийцах, что и стало началом звездной карьеры Салвы. Он получил премии за множество фильмов

различных жанров; самым известным стал «Powder» — научно-фантастическая драма. В 2001 году Салва написал и поставил «Джиперс Криперс», выражая ностальгию по старым добрым ужастикам, которые он так любил в детстве. Затем Салва снял «Джиперс Криперс 2». В 2005 году он сделал широкоэкранную адаптацию бестселлера «Way of the Peaceful Warrior», в 2007-м написал сценарий для сериала «Fear Itself» канала NBC. В 2008-м написал современную историю о призраках Алькатраса «The Wind at the Door», а затем начал работу над третьей частью «Джиперс Криперс».

Стивен Вебер. Его имя знакомо по многим фильмам, телешоу, театральным спектаклям. Стивен Вебер заявил о себе как о разностороннем и уважаемом таланте в сфере развлечений. В 2007 году Вебер довольно неплохо сыграл Джека Рудольфа в сериале канала NBC «Studio 60 on the Sunset Strip». Он также снимался в нескольких популярных сериалах, таких как «Wings», «Once and Again» и «D.A.», в недавних сериях «Brothers and Sisters» и «Without a Trace». Дебютировал на сцене театра Джеральдин Пейдж в «Потерянном рае». На Бродвее выступал в «The Real Thing» Тома Стоппарда. В 2002-м заменил Мэттью Бродерика в «The Producers», а позже снимался в Лондоне, после Кевина Спейси в «National Anthems». Писательским дебютом Вебера был сценарий отмеченного критиками «Club Land», где он сыграл с Аланом Алдой сложные отношения театральных агентов, отца и сына. За эту роль Алда номинировался на премии Эмми и SAG. В мини-сериале ABC «Сияние» Вебер работал, отдавая дань своей любви к хоррору и фэнтези, а затем написал и поставил две серии «The Outer Limits». Недавно он адаптировал известную графическую «Дженифер» Берни Райтсона для сериала «Мастера Ужаса». Среди его работ в этом жанре также «Reefer Madness» и «Dracula: Dead and Loving It».

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1

<i>Ричард Мэтьюсон. Предисловие, ретроспектива и предупреждение.</i>	7
<i>Джефф Гелб. Введение</i>	9
<i>Рэй Брэдбери. Реинкарнация</i>	12
<i>Лиза Мортон. Бухта Блэк Милл</i>	24
<i>Уитли Стрибер. Кадиш</i>	36
<i>Роберт Стивен Райн. Пророк</i>	61
<i>Д. Линн Смит. Падение</i>	76
<i>Ф. Пол Уилсон. Часть игры</i>	88
<i>Роберта Лэннес. Захватчик разума</i>	106
<i>Брайан Ламли. Мой Пятница</i>	127
<i>Нэнси Холдер. Вне Двенадцати шагов, или Лето с «Анонимными алкоголиками»</i>	153
<i>Джон Фаррис. Утро «Кровавой Мэри»</i>	172
<i>Челси Куинн Ярбро. Джентльмен старой школы</i>	185
<i>Рэмси Кэмпбелл. Объявление</i>	200
<i>Гэхэн Уилсон. Чертовы кулички</i>	213
<i>Рик Пикман. Темные деликатесы мертвых</i>	222

<i>Уильям Ф. Нолан. Де Помпа</i>	238
<i>Дэвид Дж. Шоу. «Пир» и другие</i>	256
<i>Стив Найлз. И вся эта кровавая дрянь</i>	269
<i>Ричард Лэймон. Нырлящица</i>	285
<i>Клайв Баркер. История Хэкея</i>	303
<i>Дэл Ховисон. И напоследок...</i>	321

Книга 2

<i>Дэл Ховисон. Нелегкое введение ко второй книге</i>	325
<i>Рэй Хэррихаусен. Предисловие: акт творения</i>	327
<i>Барбара Хэмбли. Рассвет над бегущей водой</i>	329
<i>Джо Р. Лэнсдэйл. Пес</i>	353
<i>Джон Харрисон. Аккомпаниатор</i>	369
<i>Роберт Маселло. Где есть воля...</i>	386
<i>Питер Эткинс. Стейси и ее идиот</i>	404
<i>Тананарив Дью. Развлечение</i>	417
<i>Макс Брукс. Великая стена: рассказ о войне с зомби</i>	433
<i>Гэри Брэнднер. Слова, слова, слова</i>	440
<i>Рэй Гартон. Между восемью и девятью часами</i>	447
<i>Джон Фаррис. Первенец</i>	475

<i>Гарри Шеннон. Хозяин теней</i>	493
<i>Л. А. Бэнкс. Чего не отнимет дьявол</i>	506
<i>Стив Найлз. Y-образный разрез</i>	525
<i>Джои О'Брайен. Маловероятное спасение Джареда Пирса</i>	547
<i>Грег Кин. Королева группы</i>	562
<i>Джеймс Саллис. Премьера сезона</i>	574
<i>Глен Хиришберг. Я буду жить у тебя во рту</i>	579
<i>Кэйтлин Р. Кирнан. Аммонитовая скрипка (баллада убийства № 4)</i> ..	601
<i>Джефф Гелб. Скромное предложение</i>	617

Книга 3

<i>Джефф Гелб. Введение</i>	621
<i>Стивен Вебер. Предисловие</i>	622
<i>Саймон Кларк. Дети воронки</i>	624
<i>Хизер Грэхэм. Туман над рекой</i>	649
<i>Эрик Ред. В миксе</i>	667
<i>Ричард Кристиан Мэтьюсон. Как редактировать</i>	680
<i>Аксель Кэролин. Воскрешение</i>	689
<i>Джон Коннолли. Одержимость</i>	697
<i>Кевин Дж. Андерсон. Церковные службы</i>	708

<i>Джозеф В. Хартлауб. Старлетки и Спейсбой</i>	720
<i>Ардат Майхар. Худший способ умереть</i>	737
<i>Майкл Ботман. Дрожь</i>	748
<i>Мик Гаррис. Третий акт Тайлера</i>	770
<i>Мария Александер. «И пусть бледны уста...»</i>	801
<i>Джон Р. Литтл. Медленная охота</i>	815
<i>Саймон Р. Грин. Пища богов</i>	831
<i>Дэл Джеймс. Пахнут ли подсолнухи?</i>	836
<i>Виктор Салва. Бродячие нечестивцы</i>	846
<i>Гэри А. Браунбек. Человек с мешком</i>	866
<i>Чак Паланик. Принеси!</i>	880
<i>Дэвид Моррелл. Снежная архитектура</i>	893
<i>Клайв Баркер. И с криком</i>	934
<i>Дэл Ховисон. И напоследок</i>	935
<i>Об авторах</i>	936

Літературно-художнє видання

Смак жаху. Колекція страху

(російською мовою)

За загальн. ред. *Д. Ховисона та Д. Гелба*

Головний редактор *С. С. Скляр*

Відповідальний за випуск *Г. В. Сологуб*

Редактори *А. О. Колюбакина, О. В. Пунько, К. В. Шаповалова*

Художній редактор *О. О. Глоба*

Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*

Коректори *О. К. Волиніна, В. В. Ігнатова*

Підписано до друку 19.07.2012. Формат 84×108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 50,4. Дод. наклад 3000 пр. Зам. № 3-0448.

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»

61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Вкус ужаса. Коллекция страха

Под общ. ред. *Д. Ховисона и Д. Гелба*

Главный редактор *С. С. Скляр*

Ответственный за выпуск *Г. В. Сологуб*

Редакторы *А. А. Колюбакина, Е. В. Пунько, Е. В. Шаповалова*

Художественный редактор *О. О. Глоба*

Технический редактор *А. Г. Веревкин*

Корректоры *О. К. Волинина, В. В. Игнатова*

Подписано в печать 19.07.2012. Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 50,4. Доп. тираж 3000 экз. Зак. № 3-0448.

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»

308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»

61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москва АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail vega_center@i.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92,
+38 (062) 348-37-86
e-mail fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Древній вампір опиняється в пастці на «Титаніку», що ось-ось потоне, але рано чи пізно він знову побачить місячне світло... Кращий друг людини перетворюється на його найстрашніший кошмар... Виконуючи останню волю померлого батька, син проводить ніч у склепі й потрапляє у вир диявольського ритуалу... З того світу не вертаються, але, якщо тебе позбавили життя на втіху публіці, ти повернешся, щоб помститися...

Вкус ужаса. Коллекция страха / под общ. ред. Д. Ховисона и В56 Д. Гелба ; пер. с англ. Т. Ивановой : худож. А. Печенежский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 960 с. : ил.

ISBN 978-966-14-3861-2 (Украина) (доп. тираж).
ISBN 978-5-9910-2063-3 (Россия) (доп. тираж).

Древний вампир оказывается в ловушке на тонущем «Титанике», но рано или поздно он вновь увидит лунный свет... Лучший друг человека превращается в его самый страшный кошмар... Исполняя последнюю волю умершего отца, сын проводит ночь в склепе и попадает в водоворот дьявольского ритуала... С того света не возвращаются, но, если тебя лишили жизни на потеху публике, ты вернешься, чтобы отомстить...

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

ВКУС УЖАСА

Более 50 авторов — от всемирно известного писателя
Рэя Бредбери до сценаристки Нэнси Холдер, чье имя
мы привыкли видеть в титрах культового сериала
«Баффи — истребительница вампиров»

Более 50 произведений — от научной фантастики
до готического романа

Более 50 ваших самых страшных кошмаров о кровожад-
ных вампирах и мстительных призраках, о похитителях
душ и поедателях тел, о падшем ангеле, обратившемся
в монстра, и о демоне в собачьей шкуре...

— *Это не его ребенок.*

*Она отняла младенца от груди и развернула ко мне.
И я увидел... Это было идеальное сочетание жизни
и смерти. Лицо младенца было розовым, ручки и ножки —
пухлыми от материнского молока. Но глазницы его
зияли провалами, рот был широким, зубастым...
растянутым в отвратительном оскале.
Мертвецы, похоже, дарили ей не только удовольствие.*

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2063-3

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-3861-2

